

А. А. Зализняк

ТРУДЫ ПО АКЦЕНТОЛОГИИ

Том I

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР

Андрей Анатольевич Зализняк (род. в 1935 г.) — лингвист, специалист в области современной и исторической грамматики русского языка, сравнительного и общего языкознания. Ряд работ посвятил исследованию новгородских берестяных грамот. Действительный член РАН, профессор. Работает в Институте славяноведения РАН и преподает на филологическом факультете МГУ. Преподавал также в университетах Экс-ан-Прованса, Парижа и Женевы; выступал с лекциями в ряде университетов

Италии, Франции, Швейцарии, Германии, Австрии, Швеции, Англии и Испании.

С 1982 г. постоянно участвует в работе Новгородской археологической экспедиции.

Основные книги: Русское именное словоизменение (издания:

1967, 2002), Грамматический словарь русского языка (1977, 1980, 1987, 2003), Грамматический очерк санскрита (в составе «Санскритско-русского словаря» В. А. Кочергиной; 1978, 1987, 2005), От праславянской акцентуации к русской (1985), «Мерило Праведное» XIV века как акцентологический источник (1990), Древненовгородский диалект (1995, 2004), Новгородские грамоты на бересте (совместно с В. Л. Яниным) — тома VIII (1986), IX (1993), X (2000), XI (2004), «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста (2004, 2007, 2008), Древнерусские энклитики (2008), Из заметок о любительской лингвистике (2010).

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

А. А. Зализняк

ТРУДЫ ПО АКЦЕНТОЛОГИИ

Том I

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2010

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус-67-1
3 55

*Издание подготовлено в рамках Программы ОИФН РАН
«Генезис и взаимодействие социальных,
культурных и языковых общностей»*

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 09-04-16065

Зализняк А. А.

3 55 Труды по акцентологии. Т. 1. — М.: Языки славянских культур, 2010. — 848 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 978-5-9551-0420-1

В настоящем издании собраны работы по современной русской и древнерусской акцентологии, написанные на протяжении нескольких десятилетий, — как уже публиковавшиеся ранее, так и новые.

Первый том содержит исследования в области современной и исторической акцентологии русского языка. Важнейшую его часть составляет обобщающая работа «От праславянской акцентуации к русской», содержащая изложение основ акцентологии современного русского языка и основ истории русского ударения.

За ней следуют работы, посвященные отдельным более узким проблемам современного русского ударения и истории его формирования. Особое место среди них занимает подробное акцентологическое описание двух важных для истории русского ударения памятников — «Мерила Праведного» XIV века и «Космографии» Мартина Бельского XVI века.

Второй том содержит древнерусский и старовеликорусский акцентологический словарь-указатель, включающий около 6500 слов. Он состоит из двух частей — общей и специальной (посвященной именам собственным). Словарь-указатель отражает, во-первых, весь древнерусский и старовеликорусский материал, обсуждаемый в первом томе, во-вторых, дополнительный акцентологический материал, извлеченный непосредственно из более чем 70 памятников XI–XVII веков.

Словарь-указатель совмещает функцию обычного указателя с функцией акцентологического словаря. В этом последнем качестве он представляет собой пособие, которое в рамках достаточно представительного корпуса слов позволит читателю непосредственно получить ответ на вопрос, каково было прежнее ударение того или иного современного слова и что случилось с его ударением за последние 500–700 лет. Специальным знаком (♦) выделены слова, у которых современное ударение отличается от древнерусского. Это даст читателю удобную возможность непосредственно обозреть те группы слов, где происходило изменение ударения в ходе истории.

Издание предназначено как для специалистов (лингвистов, литературоведов, историков), так и для всех интересующихся историей русских слов и их ударения.

ББК 81.2

ISBN 978-5-9551-0420-1

© А. А. Зализняк, 2010
© Языки славянских культур, 2010

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Том первый

<i>Предисловие</i>	VII
Раздел 1. От праславянской акцентуации к русской	
Глава 1. Акцентная система современного русского литературного языка.....	8
Глава 2. Праславянская и раннедревнерусская акцентные системы	113
Глава 3. Акцентные системы XIV–XVII веков	166
Глава 4. Основные направления акцентной эволюции	371
<i>Указатели</i>	394
Раздел 2. Другие работы по акцентологии современного русского языка	
Ударение в современном русском склонении	431
«Условное ударение» в русском словоизменении.....	448
Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода.....	464
О некоторых связях между значением и ударением у русских прилагательных	513
Раздел 3. Другие работы по истории русского ударения	
« <i>Мерило Праведное</i> » XIV века как акцентологический источник	531
Глава 1. Новые данные о русских памятниках XIV–XVII веков с различением двух фонем «типа <i>o</i> »	536
Глава 2. Противопоставление букв <i>o</i> и <i>ω</i> в «Мериле Праведном»	560
Глава 3. Акцентная система «Мерила Праведного».....	589
Глава 4. Дополнительные замечания об омеге в «Мериле Праведном».....	671
<i>Указатель слов</i>	685
<i>Акцентная система южновеликорусской рукописи XVI века «Космография» Мартина Бельского</i>	709
Глава 1. Глагольная акцентуация в «Космографии» Мартина Бельского	709
Глава 2. Акцентуация существительных в «Космографии» Мартина Бельского	797
<i>Отдельные статьи</i>	804
Перенос ударения на проклитики в старовеликорусском.....	804
Ударение просодических комплексов в истории русского языка.....	817
<i>Литература, источники, сокращения</i>	827
<i>Библиографическая справка</i>	837

Том второй

**Древнерусский и старовеликорусский акцентологический словарь-указатель
(XIV–XVII вв.)**

Структура словаря-указателя

Общий акцентологический словарь-указатель

Акцентологический словарь-указатель имен собственных

Источники

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга представляет собой собрание работ по современной русской и древнерусской акцентологии, написанных в разные годы, — как уже публиковавшихся ранее, так и новых.

Первый том состоит из трех разделов.

Раздел 1 образует обобщающая монография «От праславянской акцентуации к русской», содержащая изложение основ акцентологии современного русского языка и основ истории русского ударения.

Раздел 2 составляют работы, посвященные частным вопросам современного русского ударения. Сюда входят статьи:

Ударение в современном русском склонении.

«Условное ударение» в русском словоизменении.

Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода.

О некоторых связях между значением и ударением у русских прилагательных.

Раздел 3 составляют работы, посвященные частным вопросам русской исторической акцентологии.

Сюда входят, во-первых, описания акцентных систем двух важных памятников:

Монография ««Мерило Праведное» XIV века как акцентологический источник».

Работа «Акцентная система южновеликорусской рукописи XVI века “Космография” Мартина Бельского». Эта работа представляет собой объединение статьи «Глагольная акцентуация в “Космографии” Мартина Бельского» (прежнее название: «Глагольная акцентуация в южновеликорусской рукописи XVI в.») и новой статьи «Акцентуация существительных в “Космографии” Мартина Бельского».

Во-вторых, в этот раздел входят две отдельные статьи:

Перенос ударения на проклитики в старовеликорусском.

Ударение просодических комплексов в истории русского языка.

Второй том (новая работа) — это акцентологический словарь-указатель, отражающий, во-первых, весь древнерусский и старовеликорусский материал, который представлен в статьях настоящей книги, во-вторых, дополнительный акцентологический материал нескольких десятков рукописей, вводимый в научный оборот впервые. Словарь-указатель делится на две части: общую и специальную — посвященную именам собственным.

Словарь-указатель представляет собой нетрадиционную форму лексикографической работы. Он совмещает функцию обычного указателя, позволяющего читателю найти упоминания интересующего его слова в тексте настоящей книги, с функцией акцентологического словаря, который непосредственно указывает акцентологические характеристики каждого слова, в частности, основные сведения о его акцентной эволюции на временной дистанции от древнерусского языка к современному русскому. Поскольку материал рукописей учтен здесь гораздо более полно, чем в монографии «От праславянской акцентуации к русской» и в публикуемых статьях, словарь-указатель намного более представительен с лексикографической точки зрения, чем эти сочинения.

Читатели смогут использовать словарь-указатель, в частности, для ответа на вопрос, на который существующие словари пока еще не отвечают, — каково было прежнее ударение того или иного современного слова. Специальным знаком (◆) выделены слова, у которых современное ударение отличается от древнерусского. Это даст читателю удобную возможность непосредственно обозреть те зоны, где происходило изменение ударения в ходе истории.

Чтобы избежать чрезвычайно трудоемкой операции по повторной выверке текста и в особенности всех специальных знаков, опубликованные прежде работы почти во всех случаях воспроизведены механически с прежнего набора (с исправлением замеченных опечаток). Соответственно, в книге не проводилась унификация оформления, и в разных работах может быть использован не только разный шрифт, но и несколько различные сокращения или способы оформления отсылок и т. п. (например, в разных статьях юс малый может передаваться как *а* или как *я*, оборот листа может обозначаться буквой *б* или пометой *об.* и т. д.).

В книге имеется единая сводная библиография, но при многих работах сохранена также и библиография, относящаяся именно к данной работе.

Названия ранее опубликованных статей в некоторых случаях несколько сокращены, поскольку в рамках настоящего сводного издания часть уточнений становится излишней.

А.А.ЗАЛИЗНЯК

От
пра­слав­ян­ской
ак­цен­ту­а­ции
к рус­ской

Книга представляет собой первое целостное описание исторической эволюции акцентной системы русского языка от праславянской к современной. Монография входит в цикл работ (коллектива авторов) по диахроническому обследованию славянских акцентных систем, подготавливающих создание «Сравнительного акцентологического словаря славянских языков».

Ответственный редактор

В. Н. ТОПОРОВ

Рецензенты

В. А. ДЫБОВ, Б. А. УСПЕНСКИЙ

ВВЕДЕНИЕ

§ 0.1. Задача настоящей книги — обрисовать контуры истории русского ударения.

Исследование строится методом синхронических срезов. При этом, однако, порядок изложения не соответствует хронологии. В главе 1 дается описание акцентной системы современного литературного русского языка. Этот синхронический срез поставлен первым, поскольку здесь мы можем опереться на самый широкий и в то же время максимально надежный с фактографической точки зрения материал. Этот материал позволяет построить описание с полнотой и точностью, недостижимой для других синхронических срезов; выработанная здесь техника описания в наибольшей степени доступна для непосредственной проверки.

В главе 2 описывается противоположный конец хронологической дистанции, рассматриваемой в настоящей книге, — поздняя праславянская и раннедревнерусская акцентные системы. Эти системы разбираются вместе, поскольку различия между ними незначительны: вторая в сущности является лишь диалектной разновидностью первой. В основу изложения положена раннедревнерусская система; в особом разделе рассмотрены ее отличия от праславянской. Данные главы 2 представляют собой результат реконструкции (сравнительно-исторической и внутренней). Следует отметить, что в этой реконструкции автору принадлежит лишь общая аранжировка и разработка ряда частных моментов; во всем существенном она непосредственно опирается на работы Х. Станга, В. М. Иллич-Свитыча и в особенности В. А. Дыбо.

Глава 3 посвящена позднедревнерусскому (XIV в.) и старовеликорусскому (XV—XVII вв.) периодам. В отличие от главы 2, она опирается непосредственно на письменные источники: материалом для исследования служат около 70 рукописей и старопечатных книг XIV—XVII вв. Используются только такие памятники, где указано место их создания или где удалось по диалектологически значимым признакам хотя бы приблизительно локализовать говор писца. По материалам памятников анализируется ударение в значительном числе звеньев морфологической системы (преимущественно в сфере словоизменения). При этом особое внимание уделено диалектным различиям в области акцентуации; важнейшие различия такого рода отражены в серии специальных историко-диалектологических карт.

В главе 4 сравниваются описанные синхронические срезы и дается обзор основных тенденций акцентной эволюции русского языка.

Если современное литературное русское ударение изучено в настоящее время сравнительно глубоко (особенно в части, касающейся словоизменения), то история русского ударения представляет собой недостаточно разработанную область. Несколько полнее обследовано ударение XVII—XIX вв.; см. прежде всего монографии: Нахтигал, Станг 1952, Кипарский 1962, Шелюто, Хазагеров 1973а, Воронцова. Но ударение более раннего времени, если не считать статей по частным вопросам, исследуется только в книгах: Васильев (о двух фонемах «типа о») и Колесов 1972 (по именам).

Настоящая книга не претендует на всесторонний разбор истории русского ударения. Рассмотрены лишь некоторые узловые проблемы и узловые хронологические точки. В итоге достаточно ясно видны контуры развития, но, разумеется, многие частные звенья выпущены. Так, например, мы не рассматриваем интервал, отделяющий старовеликорусский срез от современного, т. е. XVIII—XIX вв. (см. указанные выше работы). Далее, в книге лишь в очень ограниченной степени затрагивается проблематика ударения в современных русских говорах. Причина здесь прежде всего в недостатке систематической (а не разрозненной и случайной) информации об ударении в говорах. В самом деле, вопросы по ударению, входящие в диалектологические программы, затрагивают лишь малую часть тех слов или словоформ, сведения о которых необходимы для полной характеристики акцентной системы говора. С другой стороны, достаточно полных акцентных описаний отдельного говора в диалектологической литературе чрезвычайно мало; они никоим образом не составляют сетки, покрывающей великорусскую территорию.

Ввиду необходимости вместить в ограниченный объем большое количество конкретной информации (включая цитирование исходного материала), изложение во многих случаях ведется весьма сжато. Как один из способов сокращения нередко используется дифференциация однотипных разделов по степени подробности анализа: например, один из таких разделов дается с развернутой аргументацией и с приведением обширного материала, другие же — гораздо более бегло. Сокращены до минимума разделы, достаточно хорошо разработанные в существующей лингвистической литературе, например, раздел об ударении в современном русском словоизменении. Изложение ряда частных вопросов, разобранных нами в других работах (РИС, Грамм., Однослож., Акц. Мер., Глаг. акц. и др.), пришлось полностью или почти полностью заменить соответствующими отсылками. Почти к нулю сведены обзор мнений по разбираемым вопросам и полемика.

§ 0.2. В книге используется техника так наз. акцентных маркировок, которая уже нашла применение (в нескольких разновидностях) в ряде акцентологических работ (см., в частности, Дыбо 1973, 1981, Гард 1976, 1978, Кипарский — Халле 1977).

В идеальном случае эта техника выглядит так. Имеется некоторый выбранный исследователем инвентарь возможных акцентных мар-

кировок для морфем (маркировками служат те или иные условные символы). Каждой морфеме языка в качестве ее постоянной характеристики приписывается одна из этих маркировок (понятно, что это равносильно разбиению множества всех морфем на непересекающиеся акцентные классы). Далее, задается единое общее правило, позволяющее указать акцентуацию произвольной словоформы (или более крупного просодического единства) на основании акцентных маркировок всех морфем, входящих в рассматриваемую единицу. Идеал достигнут, если полученная по этому правилу акцентуация всегда совпадает с действительной.

В неидеальном случае такое совпадение достигается не всегда, т. е. остается некоторое количество словоформ (или иных единиц), которые должны квалифицироваться как исключения. Другой вид нарушения идеальной схемы состоит в том, что некоторые морфемы получают в одном окружении одну маркировку, а в другом другую. Заметим, что различие между этими двумя видами нарушений непринципиально: одно может быть сведено к другому путем некоторых перемен в расстановке маркировок.

Там, где акцентную систему можно описать с помощью очень малого инвентаря маркировок и достаточно простого общего правила, преимущества такой системы описания очевидны. Если акцентная система требует более обширного инвентаря маркировок и более сложного общего правила, эти преимущества уменьшаются. При дальнейшем увеличении сложности уже может оказаться, что рассматриваемая техника больше вообще не дает выигрыша в простоте по сравнению с более прямолинейными приемами описания (понятно, впрочем, что едва ли возможно точно указать, когда именно наступает этот критический момент).

В процессе описания акцентных систем разных периодов истории русского языка было выявлено, что техника акцентных маркировок дает максимальный выигрыш в простоте для ранних этапов (праславянского и раннедревнерусского). Для современного этапа этот выигрыш меньше; он все еще достаточно велик при описании словообразования, но малоощутим при описании словоизменения (в особенности у производных слов). В связи с этим в настоящей книге техника маркировок используется при описании разных хронологических этапов несколько по-разному: для ранних этапов эта техника носит всеобъемлющий характер, для современного этапа она ограничена лишь описанием акцентной структуры производных основ (ср. § 1.21).

§ 0.3. В лингвистических работах обычно нечетко разграничиваются термины «ударение», «акцентуация», «акцентовка» (в некоторых работах в этом ряду стоит еще термин «акцент», который в настоящей книге не используется). Ниже мы придерживаемся следующего частичного (и не вполне строгого) разграничения этих терминов.

Термин «ударение» означает в первую очередь выделение одного из слогов в единичной словоформе (например: «в словоформе *корба*

ударение падает на 2-й слог») и способ расстановки таких выделений в некоторой группе словоформ или слов (например: «существительные с суффиксом *-изм* имеют неподвижное ударение на суффиксе»). Во втором значении как синоним «ударения» может выступать слово «акцентовка» (например: «такой-то класс словоформ [или слов] имеет накоренное ударение» или, что то же, «накоренную акцентовку»).

Термин «акцентуация» используется главным образом там, где соответствующее явление обладает известной степенью сложности. Эта сложность может определяться тем, что в языке имеется два или более противопоставленных типа просодического выделения (например, с различием интонаций), или просто обширностью рассматриваемого класса словоформ или слов и сложностью правил расстановки в нем ударений. Соответственно, термин «акцентуация» может употребляться, в частности, применительно к языку в целом (например, «праславянская акцентуация», «современная русская акцентуация»). В этом случае возможен также термин «ударение», но он уместен лишь там, где существует только один тип просодического выделения (например, «современное русское ударение», но не «праславянское ударение»; отсюда формулировка названия настоящей книги).

Кроме того, термины «акцентовка» и «акцентуация» могут использоваться применительно к графическому уровню — в значении «расстановка знаков ударения».

Общее прилагательное от терминов «ударение», «акцентуация», «акцентовка» — *акцентный* (с вариантом *акцентуационный*, не отличающимся от него по значению).

Для нашего анализа фактически существен лишь фонемный состав разбираемых словоформ, их графический облик самостоятельного значения не имеет. Из практических соображений, однако, мы везде, где это не затрудняет нашего разбора, пользуемся обычной орфографической записью. Для древнерусского и старовеликорусского используется нормализованная запись, кроме случаев прямого цитирования из памятников (где сохраняется подлинная орфография, если не считать некоторых частностей).

В тех случаях, где орфографическая запись (современная или древняя) создает неудобства, например, затрудняет вычленение или идентификацию морфем, применяются (в нужной точке словоформы) элементы фонемной записи, а именно, *j* и *'*. В результате возникает комбинированная запись, например, *земл'а*, *свин'ју* в современном языке, *земл'а*, *јѣла*, *своѣ* в древнерусском.

Для каждого синхронического среза в принципе используется та морфологическая номенклатура, которая наиболее обычна для соответствующих описаний; например, мы говорим о членных и нечленных формах прилагательных в древнерусском и о полных и кратких в современном русском. Однако там, где это упрощает диахронические формулировки, допускаются также обозначения, основанные на принципе исторического тождества.

Основные морфологические классы древнерусских и старовеликорусских имен обозначаются как *a*-склонение, *o*-склонение, *i*-склонение и т. д., более узкие классы — как *o*-masculina, *o*-neutra, *i*-feminina и т. д.

Для глаголов используется следующая номенклатура (она показана здесь для древнерусского уровня, но имеет силу для всех периодов). Как корневые обозначаются глаголы, у которых показатель инфинитива присоединяется непосредственно к корню (например, *дати*, *бити*, *пѣти*, *нести*, *беречи*), а также глаголы на *-ерети*, *-ороти*, *-олоти* (например, *мерети*, *колоти*). Корневые глаголы подразделяются на *V*-корневые (инфинитив оканчивается на гласную + *ти*) и *S*-корневые (инфинитив оканчивается на согласную + *ти* или на *-чи*). Подразделения некорневых глаголов: *aj*-глаголы — инфинитив на *-ати*, презенс (3 ед.) на *-аеть*; *ěj*-глаголы — соответственно *-ѣти*, *-ѣеть*; *ova*-глаголы — соответственно *-овати* (где *-ова-* — суффикс), *-уеть*; *a*-глаголы — прочие на *-ати*, *-еть* (например, *писати*, *пишеть*, *брати*, *береть*, *совати*, *суеть*); *i*-глаголы — *-ити*, *-ить*; *ě*-глаголы — *-ѣти* (*-ати* после шипящих и *j*), *-ить*; *no*-глаголы — *-нути*, *-неть* (не входят в перечисленные классы лишь несколько изолированных глаголов). В структуре некорневых глаголов выделяются так наз. тематические элементы, а именно: в основе инфинитива — морфемы *-a-*, *-ѣ-*, *-ова-*, *-a-*, *-и-*, *-ѣ-*, *-ну-* (соответственно классу некорневых глаголов); в основе презенса — *-aj-*, *-ěj-*, *-uj-*, *-н-* (соответственно у *aj-*, *ěj-*, *ova-*, *no*-глаголов (в прочих классах в презенсе тематический элемент не выделяется).

При работе над книгой автор постоянно пользовался дружеской поддержкой В. А. Дыбо, беседы с которым способствовали прояснению многих положений этой книги. Неоценимую помощь в разыскании, источниковедческой оценке и датировании обследованных в книге рукописей автору оказали О. А. Князевская, Н. Б. Тихомиров и А. А. Турилов. Постоянное содействие работе автора над рукописями ГИМ'а оказывал И. В. Лёвочкин. В работе над диалектологическими материалами сектора истории и диалектологии Института русского языка АН СССР автор пользовался помощью и советами С. В. Бромлей и Е. Г. Буровой. Большую помощь в техническом оформлении работы оказали С. М. Евграфова и Е. А. Гришина. Указатели к книге составлены Е. А. Гришиной. Всем названным лицам автор приносит глубокую благодарность.

Глава первая

АКЦЕНТНАЯ СИСТЕМА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

§ 1.1. Ударение в современном русском языке представляет собой некоторый способ выделения одного из слогов словоформы (или цепочки последовательных словоформ). Физической природы этого выделения мы в настоящей работе не касаемся; для нас достаточно исходить из того, что носитель русского языка без всякого труда улавливает (при нормальных условиях коммуникации) место ударения в услышанной им словоформе (даже если он не обучен самому понятию «ударения») и может повторить эту словоформу с тем же ударением. Русское ударение при всех возможных вариациях своего физического выражения с функциональной точки зрения едино, т. е. не существует двух (или более) разных типов ударения, противопоставление которых служило бы для различения словоформ.

Примечание. В некоторых словах (преимущественно сложных), помимо основного, или главного, ударения, имеется еще так наз. второстепенное (обычно несколько более слабое, чем основное; оно обозначается `), например: *нефтепереработка*, *контрразведчик*; возможно даже более одного второстепенного ударения: *автоматолуб*. При этом, однако, главное и второстепенное ударение все же не могут рассматриваться как функционально противопоставленные друг другу, поскольку это различие никогда не выступает в качестве единственного средства различения двух словоформ.

Ударение отдельной словоформы в нормальном случае постоянно, т. е. оно одинаково во всех вхождениях этой словоформы в речевую цепь. Отклонения от этой нормы составляют: 1) сравнительно немногочисленные случаи, когда полнозначная словоформа в сочетании с определенными служебными словами выступает без ударения, а служебное слово (в других случаях безударное) несет ударение, например, *на голову*, *по морю*; 2) словоформы с колеблющимся ударением, т. е. неодинаковым у разных носителей языка¹ или даже в разных точках речи одного и того же носителя языка; число таких словоформ довольно значительно, ср., например, *проб-дал* и *прод-ал*, *слесарей* и *слесар-ей*, *сильны* и *сильн-ы* и т. п.; 3) аномальные случаи (очень редкие), например, Р. ед. *утра* (*све-жесть утра* и т. п.), но *до утра*, *до самого утра*.

¹ Имеются в виду носители литературного языка; если включить в рассмотрение также местные говоры и другие формы нелитературной речи, сфера колебаний окажется гораздо шире.

Русское ударение свободно (т. е. не существует никаких общих ограничений на место ударения внутри словоформы по счету от конца или от начала) и подвижно (т. е. разные словоформы одной лексемы, а также разные производные от одного корня, могут иметь ударение на разных слогах [по счету как от конца, так и от начала]).

Русское ударение существенным образом связано с морфологическим членением; в частности, оно может быть закреплено за определенной морфемой (или отсчитываться от нее влево или вправо). Соответственно, можно говорить о корневом, префиксальном, суффиксальном, флексийном ударении. Выделим, кроме того: на основное ударение — на основе; предфлексийное — на последнем слоге основы.

Из неморфологических характеристик ударения выделим понятие колонности: колонным ударением в группе словоформ (например, в парадигме) называется ударение на одном и том же слоге по счету от начала.

ИСХОДНЫЕ ДАННЫЕ

§ 1.2. Основная задача, которую должно решать описание русской акцентной системы, состоит, очевидно, в том, чтобы тем или иным способом указать для каждой русской словоформы ее акцентуацию. Наиболее прямолинейное решение здесь — списочное. Заметим, что как одно из возможных решений данной задачи (для массива в 100 000 слов) можно рассматривать Грамм.: ударение в исходных словоформах слов указывается здесь списочным способом, ударение в прочих словоформах «вычисляется» далее по соответствующим индексам и таблицам. Понятно, однако, что списочные решения, с одной стороны, чрезвычайно громоздки, с другой стороны, не обладают достаточной «объяснительной силой», в частности, не позволяют предсказывать акцентные свойства слов, не вошедших в список. Отсюда необходимость в построении менее прямолинейного и, быть может, логически менее простого, зато более компактного и более обобщенного описания акцентуации.

В современном русском языке круг факторов, от которых хотя бы в некоторых случаях может зависеть акцентуация слова, весьма значителен. Помимо фактора традиции (т. е. прямого наследования установившегося в прошлом ударения), сюда прежде всего относятся: морфемный состав слова, его словообразовательная история, его значение, длина (число слогов) его основы, характер конечной фонемы его основы, а также степень его освоенности (для данного говорящего).

Как можно видеть из этого перечня, многие из тех свойств слова, от которых зависит его ударение, определяются нестрого; в их оценке в части случаев возможны сомнения и разногласия. Это значит, что неизбежно окажутся нестрогими и все те правила об акцентуации, которые основаны на учете таких свойств. Очевидно также, что в рамках акцентологического исследования было бы совершенно нереально и неуместно пытаться предварительно довести до формаль-

ной строгости все относящиеся к делу морфологические, семантические и иные разграничения.

Соответственно, если бы требовалось обязательно достичь полной формальной строгости, пришлось бы вообще отказаться от правил, опирающихся, например, на значение слова, и заменить все такие правила списками (как это сделано, например, в РИС). В настоящей работе мы ставим перед собою, однако, несколько иную цель: по возможности выявить и отобразить факторы, реально влияющие на современную акцентуацию (в том числе действующие не абсолютно, а лишь «статистически»), и показать иерархию этих факторов и их взаимодействие. В этой ситуации мы вынуждены мириться с частичной потерей строгости. Ряд уточнений, даваемых ниже по ходу изложения, помогает несколько уменьшить этого рода потери.

В дальнейшем предполагается, что о любой словоформе мы знаем, помимо ее фонемного (и буквенного) состава, принадлежности к определенной лексеме, лексического и грамматического значения, также ее морфологический состав (т. е. членение на морфы) и отношения морфологической и семантической производности, в которых она участвует (а в части случаев еще и некоторые другие неформальные характеристики, см., в частности, § 1.4, 1.5).

Остановимся несколько подробнее на некоторых необходимых для дальнейшего неформальных характеристиках.

Непроизводные и производные слова

§ 1.3. Большое значение имеет противопоставление непроизводных и производных слов; к сожалению, граница между этими двумя классами, как известно, недостаточно строга.

Для акцентологического анализа целесообразно провести это разграничение таким образом, чтобы в категорию непроизводных были включены, во-первых, слова, не являющиеся семантически производными ни от какого реально существующего слова языка (например, *водá, бага́ж, ма́стер, живóй, блéдный, крéпкий, сурбóвый, бра́ть, копа́ть, ходи́ть, брэзговать*), во-вторых, все вообще слова с одноморфной² основой, даже если с семантической точки зрения такое слово производно (как в случае *бег, лай*). В число непроизводных попадают также все опростившиеся слова.

Из числа непроизводных выделяется подгруппа «членимых непроизводных», т. е. таких, у которых конечный элемент основы может быть отождествлен с некоторым суффиксом (например, *блéдный, крéпкий, сурбóвый, бага́ж, саботи́ровать* и т. п.).

В категорию производных включаются слова с неодноморфной основой, семантически производные от некоторого другого слова (или слов), например: *колокблѣчик, крѣпость, прохóд, тупоголóвый*.

² Нулевые словообразовательные морфемы (если таковые признаются) не в счет (однако морфема -'-, выражаемая смягчением [§ 1.43], учитывается как отдельная).

Плотное и неплотное присоединение морфем

§ 1.4. Для акцентологического описания необходимо отличать от обычного («плотного») способа присоединения морфем друг к другу в составе словоформы особые случаи, когда морфема присоединена к остальной части словоформы более свободно («неплотно») — примерно так, как обычно соединяются две самостоятельные словоформы. Основная часть словоформы в этих случаях почти всегда совпадает с некоторой самостоятельно существующей словоформой. Важнейшее акцентологическое свойство неплотно присоединенной морфемы (или основы в составе сложного слова) состоит в том, что она никак не меняет акцентуации основной части словоформы; ср., например, *непроходной* и *проходной*, *двухвинтовой* и *винтовой*, *нефтепереработка* и *переработка* и т. п. В составе сложного слова неплотно присоединенная основа в большинстве случаев несет второстепенное ударение.

Различие между плотным и неплотным присоединением можно проиллюстрировать с помощью скобок.

Плотное присоединение	Неплотное присоединение
(неотвяз)-ный	не-(проходной)
(межзуб)-ный	меж-(племенной)
(двуруч)-ный	двух-(винтовой)
(водослив)-ный	нефте-(наливной)

Как легко видеть, одни и те же морфемы могут в одних случаях присоединяться плотно, в других неплотно. Возможно даже прямое варьирование, например, (*первоочеред*)-ный и *перво-(очередной)*. Существенно то, что выбор плотного или неплотного присоединения далеко не всегда соответствует семантической деривационной истории слова. Например, *двухвинтовой* с семантической точки зрения есть относительное прилагательное к «два винта» (как *двуручный* — к «две ручки»), т. е. «семантические скобки» стоят здесь иначе, чем морфонологические. Ср. также отсутствие смысловых различий между вариантами *первоочередный* и *первоочередной*.

Таким образом, вопрос о выборе плотного или неплотного присоединения составляет для современного языка особую морфонологическую проблему. В настоящей работе мы не ставим себе целью ее решить; формально мы будем исходить далее из того, что способ присоединения (плотный или неплотный) заранее задан; практически нас почти везде будет интересовать только плотное присоединение (поскольку случай с неплотным присоединением с акцентологической точки зрения тривиален). Отметим здесь лишь некоторые наиболее важные факты. Как правило, присоединяются неплотно, в частности:

- 1) приставка *не-*, например, *неживой*, *непроходной*, *неспециалист*;
- 2) элемент *полу-*, например, *полуживой*, *полуподвал*, *полусидеть*;
- 3) приставка *пре-* со значением «в высшей степени» (у прилагательных

и наречий), например, *препротівный, пренеприятно*; 4) элементы *вне-, внутри-, до-, меж-, после-, пред-, против-* в прилагательных и существительных, производных, с семантической точки зрения, от сочетаний «предлог + существительное», например, *внѣземной, внутрѣчерепной, дородовой, межплеменной, послеродовой, предпосевной, противоболовой*.

Помимо неплотного присоединения слева, примеры которого рассмотрены выше, возможно также неплотное присоединение справа. Так присоединяются частицы, пишущиеся через дефис (*-то, -либо, -нибудь, -ка, -таки*), и глагольные постфиксы *-ся (-сь)* (кроме некоторых особых случаев, см. § 1.12) и *-те* (в императиве).

Освоенные и неосвоенные слова

§ 1.5. В акцентологическом описании оказывается необходимым учитывать также то обстоятельство, что для конкретного носителя языка некоторое слово может быть освоенным («своим», привычным) или неосвоенным (чуждым, непривычным, ранее не слышанным или слышанным редко). Таким образом, речь здесь идет о некотором внеязыковом, прагматическом различии. Соответственно, мы будем ниже называть влияние этого различия на акцентуацию (или на иные характеристики слова) прагматическим фактором.

Для взрослого носителя языка освоенными являются слова повседневной обиходной лексики, названия предметов, связанных с его профессиональной деятельностью, слова, специфические для его микроколлектива или ограниченной среды. Неосвоенными являются, в частности, названия предметов из жизни других стран или прошлых эпох, термины незнакомых данному человеку профессий, слова чужих микроколлективов, для большинства носителей языка — также все слова возвышенно-книжного и архаизирующего стиля. Неосвоенным для данного человека является также всякое слово, которое он только что узнал; однако через некоторое время, иногда довольно короткое, он может вполне освоить это слово.

Таким образом, разделение слов на освоенные и неосвоенные индивидуально для каждого носителя языка и, кроме того, меняется в ходе его жизни.

Между полной освоенностью и полной неосвоенностью слова возможны, конечно, и промежуточные случаи. К сожалению, мы не имеем средств для объективной оценки этой градации, и поэтому в основном ограничиваемся выявлением тех акцентных эффектов, которые рассматриваемое противопоставление дает в несомненных, ярко выраженных случаях. Подробнее об этом противопоставлении см. Однослож., § 5, 21.

СТРУКТУРА ОПИСАНИЯ

§ 1.6. Описание русской акцентной системы строится ниже так.

За основную единицу рассмотрения принимается слово (лексема), а не отдельная словоформа. Соответственно, чтобы узнать место ударения в некоторой словоформе, необходимо вначале установить (по определенным правилам) акцентные характеристики соответствующего слова, а затем по этим характеристикам установить ударение интересующей нас словоформы.

Акцентных характеристик слова две: 1) так наз. схема ударения; 2) место ударения внутри основы. Для аномальных слов в качестве особой дополнительной характеристики выступают сведения о наличии и характере акцентной аномалии. Указанные акцентные характеристики однозначно определяют место ударения во всех словоформах слова. Заметим, что акцентная характеристика 2 реально необходима лишь при одном из возможных значений характеристики 1 (а именно, при схеме ударения *a*, см. ниже). В прочих случаях ударение во всех словоформах слова однозначно устанавливается по одной лишь схеме ударения.

Соответственно, с формальной точки зрения, все дальнейшие правила предназначены для того, чтобы в конечном счете позволить указать для произвольного слова его схему ударения и место ударения внутри основы. Вначале вводятся необходимые рабочие понятия и указываются наиболее общие закономерности русской акцентной системы (§ 1.7—13). Далее рассматривается вопрос о распределении непроемных слов по схемам ударения; однако списки слов здесь, как правило, не приводятся, поскольку они могут быть найдены в ряде других работ. Наконец, разбирается акцентуация производных слов; этот разбор проведен подробно, поскольку существующие изложения данного вопроса недостаточно полны.

§ 1.7. Набор словоформ одного слова, рассматриваемый в акцентологии, не всегда в точности совпадает с морфологической парадигмой слова. Отличия здесь таковы.

У существительных форма В. мн. (которая у одушевленных совпадает с Р. мн., у неодушевленных с И. мн.) в акцентном описании самостоятельно не рассматривается и в схему ударения не включается. Кроме того, некоторые парадигмы с разными основами ед. и мн. чисел с акцентологической точки зрения целесообразно трактовать не как единые парадигмы, а как пары неполных (а именно, одночисловых) парадигм. Сюда относятся: 1) случаи супплетивизма — *человек, ребёнок* (мн. *люди, дети*); сюда же примыкает *дитя* (мн. *дети*); 2) слова на *-ин*, утрачивающие это *-ин* во мн. числе (*армянин, господин* и т.д.); 3) слова на *-ёнок, -бнок* (мн. *-ята, -ата*); слова с дополнительным морфом *-j- (-ej-)* во мн. числе (*дерево—дерёвья, клок—клобья* и т.п.). Во всех случаях образование мн. числа рассматривается с акцентологической точки зрения как словообразовательная, а не словоизменительная операция.

У прилагательных не считаются частью парадигмы сравнительная и превосходная степени; они трактуются как производные слова (заметим, что такое решение возможно и для собственно морфологического описания, ср. РИС, § 2.23). Как и у существительных, выведены из сферы словоизменения супплетивно образуемые словоформы (*велик* и т. д. при *большой*, *мал* при *маленький*).

Не рассматриваются как единые словоформы составные числительные, у которых склоняются обе части (*пятьдесят*, *пятьсот* и т. д.); каждая из этих частей учитывается по отдельности.

У глаголов в акцентологическом описании не включаются в парадигму (а рассматриваются вместе с производными) причастия и деепричастия.

Далее, с акцентологической точки зрения целесообразно разделять многие морфологические парадигмы на части, которые можно обозначить как *субпарадигмы*.

Так, у прилагательных парадигма делится на *атрибутивную* субпарадигму (включающие полные [атрибутивные] формы) и *неатрибутивную* субпарадигму (включающую краткие [неатрибутивные] формы). Одна из двух субпарадигм может в частном случае отсутствовать. У притяжательных прилагательных с суффиксами *-ин*, *-ов*, *-(у)й* и у местоимений-прилагательных (*тот*, *весь*, *мой*, *ваш*, *сам* и т. д.) все имеющиеся формы считаются относящимися к атрибутивной субпарадигме.

У глаголов парадигма делится на *презентную* субпарадигму (презенс и императив) и *претеритную* субпарадигму (прошедшее время и инфинитив).

У существительных отдельно от остальной части парадигмы рассматривается так наз. 2-й предложный падеж (II₂) единственного числа. Ради единообразия последующих формулировок эти две неравные части субстантивной парадигмы формально тоже признаются субпарадигмами.

З а м е ч а н и е. В принципе допустимо также делить парадигму существительного на субпарадигмы ед. и мн. числа (как это делается в ряде описаний русского ударения); но для решения задач настоящей работы прямой необходимости в этом не оказалось.

СХЕМЫ УДАРЕНИЯ

§ 1.8. Важнейшим понятием для описания словоизменительного ударения является схема ударения (или, что то же, акцентная кривая³). Формальное определение данного понятия см. в РИС, § 6.15 — 16. Несколько менее строгое определение таково: схема ударения некоторой парадигмы — это запись, показывающая, на каком компоненте (основе или окончании) находится ударение в каждой из словоформ данной парадигмы; при этом, однако, для словоформ, у кото-

³ Практически мы используем в настоящей работе термин «схема ударения» в применении к современному языку, а термин «акцентная кривая» — в применении к древнерусскому и старевеликорусскому.

рых один из двух основных компонентов (основа или окончание) неслоговой, учитывается не фактическое ударение данной словоформы (которое вынужденным образом стоит на слоговом компоненте), а ударение некоторой другой, так наз. «контрольной», словоформы той же парадигмы⁴. Понятие схемы ударения можно использовать применительно как к целым парадигмам, так и к субпарадигмам.

Необходимо отметить, что разделение на основу и окончание, представляющее собой для именных словоформ достаточно простую и естественную операцию, для глагольных словоформ иногда сопряжено с трудностями. Основная из них состоит в том, что в роли «окончаний» здесь оказываются морфемы или морфемные последовательности более сложной природы, чем в случае с именами, и нередко квалифицируемые в морфологии не как окончания, а как иные категории морфем. Так обстоит дело, в частности, с показателями инфинитива *-ть*, *-ти*, *-чи* и с исходами *-л*, *-ла*, *-ло*, *-ли* в прош. времени. Глагольные постфиксы *-ся* (*-сь*), *-те* обычно присоединяются к основной части словоформы неплотно (§ 1.4) и, соответственно, оказываются вне сферы действия акцентных правил; об одном исключении, когда *-ся* (*-сь*) функционирует как полноценная часть окончания, см. § 1.12.

§ 1.9. Ниже перечисляются схемы ударения, встречающиеся в разных типах субпарадигм. Общими для всех типов субпарадигм являются две главные схемы ударения:

- a* — ударение всегда на основе;
- b* — ударение всегда на окончании⁵.

Прочие схемы ударения, хотя и обозначаются символами из одного и того же набора, определяются по-разному для разных субпарадигм.

У существительных (в их основной субпарадигме):

- c* — ударение на основе в ед. числе, на окончании во мн. числе;
- d* — на окончании в ед. числе, на основе во мн. числе;
- e* — на основе в ед. числе и в II. мн., на окончании в косвенных падежах мн. числа;

- f* — на окончаниях везде, кроме II. мн.;
- b'* — как в схеме *b*, но в Т. ед. ударение на основе;
- d'* — как в схеме *d*, но в В. ед. ударение на основе;
- f'* — как в схеме *f*, но в В. ед. ударение на основе;
- f''* — как в схеме *f*, но в Т. ед. ударение на основе.

См. образцы в Грамм., с. 31—32.

Ударение в Π_2 ед. оценивается особым образом, а именно, различаются два случая: 1) Π_2 ед. совпадает с II. ед.; 2) эти две словоформы

⁴ «Контрольной» словоформой является: у существительных и в атрибутивной субпарадигме прилагательных — дательный падеж того же числа (и рода), что у рассматриваемой словоформы; в неатрибутивной субпарадигме прилагательных и в претеритной субпарадигме глаголов — словоформа ед. сред. (если в этой словоформе ударение колеблется, учитывается только вариант с наосновным ударением); в презентной субпарадигме глаголов — словоформа I ед.

⁵ Здесь и далее в формулировке «ударение на окончании» подразумевается: кроме случая, когда окончание неслоговое (подробнее см. РИС, § 6.15, 6.18).

не совпадают (в этом случае ударение в Π_2 ед. всегда флекссионное). Первый случай рассматривается как стандартный и никак специально не отмечается; во втором случае к символу схемы ударения (рассматриваемого слова) добавляется «+ Π_2 ». Например, схема ударения слова *бе́рег* обозначается как $s + \Pi_2$.

В адъективных атрибутивных субпарадигмах, кроме схем a и b , представлена (только у слова *сам*) схема f : ударение на основе в И. мн., в прочих формах на окончании.

В адъективных неатрибутивных субпарадигмах:

s — ударение на окончании в ед. жен., на основе в ед. сред. и во мн. числе.

Кроме того, здесь в качестве особых схем оказывается целесообразным выделить ряд схем с колебаниями (поскольку колебания представляют собой в этой части акцентной системы не исключения, а массовое явление). Эти схемы ударения таковы:

a' — колеблющееся ударение в ед. жен., ударение на основе в ед. сред. и во мн. числе (= колебание между схемами a и s);

b' — колеблющееся ударение во мн. числе, ударение на окончании в ед. числе;

s' — колеблющееся ударение во мн. числе, ударение на окончании в ед. жен., на основе в ед. сред.;

s'' — колеблющееся ударение во мн. числе и ед. сред., ударение на окончании в ед. жен.

См. образцы в Грамм., с. 33.

В презентных субпарадигмах глаголов:

s — ударение на окончании в 1 ед. презенса и в императиве, на основе в прочих формах презенса:

s' (только глагол *хотеть*) — ударение на основе в *хóчешь, хóчет*, в прочих случаях на окончании.

См. образцы в Грамм., с. 80.

В претеритных субпарадигмах глаголов:

s — ударение на окончании в ед. жен. прош. времени, на основе в прочих формах;

s' (схема с колебаниями; только у глаголов *дать, взять*) — колеблющееся ударение в ед. сред. прош. времени, ударение на окончании в ед. жен., на основе в прочих формах;

s'' (схема с колебаниями; возможна только для возвратных глаголов) — колеблющееся ударение во мн. числе, в ед. сред., а также в ед. муж. (см. § 1.12), ударение на окончании в ед. жен.

См. образцы (для прош. времени) в Грамм., с. 81. В инфинитиве слоговое *-ти* возможно (если не считать глаголов с *вы-*) только при схеме ударения b (например, *нести́*, ср. *несла́*, *-б*, *-и*); инфинитивы на *-ть*, *-чь* имеют вынужденное наосновное ударение.

Схема ударения слова в целом складывается из схем составляющих его субпарадигм. Обозначения при этом таковы. У существительных к символу схемы ударения основной субпарадигмы в определенном

случае добавляется «+ Π_2 », см. выше. У прилагательных и глаголов символы схем ударения двух субпарадигм пишутся через косую черту (первыми отражаются соответственно атрибутивная и презентная субпарадигмы), например: a/a , a/c , b/c ".

Для сокращения записи у прилагательных разрешается заменять a/a на a , a/a' на a' , b/b на b ; у глаголов разрешается опускать a , стоящее во второй части (т. е. заменять, например, a/a на a , b/a на b).

АКЦЕНТНЫЕ ТИПЫ

§ 1.10. Наряду с классификацией субпарадигм по схемам ударения, для акцентного описания оказывается полезной также несколько иная (хотя и тесно связанная с нею) классификация — по так наз. акцентным типам. Эта классификация возникает в результате следующих трех последовательных дихотомий.

1. Различаются субпарадигмы с тривиальным и с нетривиальным ударением. К первым относятся субпарадигмы с ударением во всех словоформах на основе, причем на одном и том же (по счету от начала) ее слоге; ко вторым — все остальные.

Примечание. В рамках тривиального ударения особо стоят существительные группы *singularia tantum*, например, *лай*, *греблот*. Поскольку их мн. число существует лишь потенциально, а реально почти никогда не употребляется, его ударение в сущности неизвестно. Между тем некоторые из таких *singularia tantum* проявляют себя при словообразовании как слова с нетривиальным ударением. Таким образом, мы иногда сталкиваемся со своего рода «латентным» нетривиальным ударением. Учитывая такую возможность, мы будем называть тривиальное ударение у *singularia tantum* **непоказательным** (в отличие от показательного тривиального ударения у прочих слов).

2. Нетривиальное ударение распадается на флексионное и подвижное. Флексионное ударение означает ударение на окончании во всех словоформах субпарадигмы, имеющих слоговое окончание; в прочих случаях нетривиальное ударение является подвижным.

3. В подвижном ударении выделяются два основных типа: смежно-подвижный и маргинально-подвижный. Для субпарадигм, где хотя бы одна словоформа со слоговым окончанием имеет неодносложную основу, эти типы определяются так. Если в субпарадигме в словоформах со слоговым окончанием ударение бывает: 1) только на окончании или на последнем слоге основы (например, *величина́*, *величи́ны*; *собра́ла*, *собра́ли*) — это смежно-подвижный тип; 2) только на окончании или на начальном слоге основы (например, *кб́локол*, *колоко́лам*; *голо́ва*, *гб́лову*; *моло́да*, *мб́лоды*) — это маргинально-подвижный тип.

В принципе возможно подвижное ударение, не соответствующее ни одному из двух типов. Оказывается, однако, что таких случаев ничтожно мало, а именно, таковы: *б́зеро*, *зна́мя* (мн. *озёра*, *знамёна*); существительные схемы с на *-тор*, *-ссор* со срединным ударением (*ди́рэктор*, *профэ́ссор* и т. п.), а также *учи́тель*. Кроме того, формально в эту категорию попадают слова, полученные путем неплотного при-

соединения (§ 1.4) различных морфем к существительным с маргинально-подвижным ударением (например, *полуостров, сведпробуск* и т. п.). Слова этих групп именуются ниже «примыкающими к маргинально-подвижному типу» (и обычно рассматриваются при этом типе).

Для субпарадигм с односложной основой разграничение смежно-подвижного и маргинально-подвижного ударения проводится по иному принципу (поскольку изложенный выше принцип здесь неприменим), см. § 1.11.

Основные акцентные типы, существенные для дальнейшего, — это конечные звенья приведенных дихотомий: 1) тривиальный (наосновный) акцентный тип; 2) флекссионный; 3) смежно-подвижный; 4) маргинально-подвижный (ср. выделение этих же типов, при несколько иной терминологии, в работе: Курилович 1946). При необходимости могут быть использованы также «суммарные» типы: нетривиальный, подвижный.

Из акцентных типов субпарадигм выводится акцентный тип слова в целом. Для существительных правило таково: существительные со схемой ударения « $a + \Pi_2$ » относятся к маргинально-подвижному типу; в прочих случаях акцентный тип определяется просто по основной субпарадигме (т. е. наличие или отсутствие символа Π_2 несущественно). Для прилагательных и глаголов нам в дальнейшем потребуются различать всего два акцентных типа слов: тривиальный и нетривиальный. К тривиальному акцентному типу относятся прилагательные и глаголы, у которых обе субпарадигмы имеют тривиальное ударение, к нетривиальному — те, у которых это не так.

§ 1.11. Между схемами ударения и акцентными типами имеются некоторые регулярные соотношения (в одних случаях просто вытекающие из соответствующих определений, в других — не вытекающие).

Исключим временно из рассмотрения субпарадигмы подвижного акцентного типа с односложной (во всех словоформах со слоговым окончанием) основой. Для оставшейся совокупности субпарадигм верно (если отвлечься от нескольких исключений) следующее: любые две субпарадигмы, относящиеся к одной части речи и к одной схеме ударения, принадлежат к одному и тому же акцентному типу. Иначе говоря, зная часть речи и схему ударения, мы можем однозначно предсказать акцентный тип. Приводим эти соответствия (на уровне субпарадигм): 1) схема ударения a — тривиальный акцентный тип; 2) схема b — флекссионный тип; 3) схемы d , a' , b' , c'' (в именах), c , c'' (в глаголах) — смежно-подвижный тип; 4) схемы c , e , f , c' , f' (в именах) — маргинально-подвижный тип.

Исключения: 1) *бэро, знямя* (мн. *озэра, знамэна*) — схема ударения a , однако они входят в число примыкающих к маргинально-подвижному типу (см. выше); 2) *ступень* (в переносном значении), *деревня, четыре, поста́в, ко́киль* — схема ударения e (*ступень, деревня, четыре*) и c (*поста́в, ко́киль*), но смежно-подвижный тип; 3) *удалбй* (/у́далый) — в неатрибутивной субпарадигме схема ударения c , но смежно-подвижный тип; 4) глаголы, полученные добавлением одиночной односложной приставки к *быть, дать, -чать, -нять, жить, лить, пить, класть, мереть*, а также глаголы *передать, перенять, пережить, пере-*

мереть, запереть, отпереть, пробить (о часах), *создать* — в претеритной субпарадигме схема ударения *c*, но маргинально-подвижный тип (правда, почти во всех случаях [конкретно см. по Грамм.] лишь наряду со смежно-подвижным).

Что касается субпарадигм с односложной основой, то у них различить смежную и маргинальную подвижность в прямом смысле этих терминов, разумеется, нельзя. Однако для акцентного описания оказывается все же целесообразным не отказываться в этом случае от данного разделения, но провести его здесь по другому, косвенному признаку, экстраполировав на случай с односложной основой установленное выше соответствие между схемами ударения и типами подвижности. Иначе говоря, в данном классе субпарадигм принадлежность к смежно-подвижному или к маргинально-подвижному типу определяется через схему ударения. Такое решение упрощает акцентные правила, касающиеся словообразования (в один и тот же акцентный тип попадают слова, дающие один и тот же акцентный эффект при словообразовании).

В особом положении остались лишь те субпарадигмы (весьма немногочисленные), которые принадлежат к схемам ударения, вообще не представленным у слов с односложной основой. Так обстоит дело, например, со схемой ударения *d'* у существительных. Для достижения полной общности в разделении подвижного типа на смежный и маргинальный, условимся и такие субпарадигмы отнести к одному из этих двух типов (основанием для выбора здесь служит акцентный эффект, проявляющийся в словообразовании).

В результате получаем уточненное правило соответствия между схемами ударения и акцентными типами (на уровне субпарадигм), которое приводится ниже в виде таблицы. Символы в клетках таблицы означают схемы ударения; квадратными скобками отмечены схемы, представленные лишь 1 — 3 словами.

Таблица 1

Соотношение между схемами ударения и акцентными типами

Типы субпарадигм	Акцентные типы			
	Тривиальный	Нетривиальный		
		Флексивный	Смежно-подвижный	Маргинально-подвижный
Субстантивная (основная)	a	b	d, [b']	c, e, d' f*, f', [f'']
Адъективная атрибутивная	a	b	—	[f]
Адъективная неатрибутивная	a	b	a', c'', [b']	c, c'
Глагольная презентная	a	b	c, [c']	—
Глагольная претеритная	a	b	c, c'', [c']	—

* Однако существительные мужского рода схемы *f* (а именно, *конь, гвоздь, груздь, червь*) относятся к смежно-подвижному типу.

ПРАВИЛА ПОСТАНОВКИ УДАРЕНИЯ В СЛОВОФОРМАХ ПО СХЕМЕ УДАРЕНИЯ СЛОВА

§ 1.12. Опираясь на введенные выше понятия и соотношения, мы можем теперь сформулировать правила, позволяющие указать место ударения в любой словоформе слова, если известна схема ударения этого слова (а для слов схемы *a* — также место ударения внутри основы). В некоторых случаях в этих правилах используется также дополнительная информация — морфологическая (тип склонения) или морфонологическая (наличие беглой гласной).

Предварительные операции: 1) установить по табл. 1 (с учетом исключений, указанных в § 1.11) акцентный тип той субпарадигмы, в которую входит рассматриваемая словоформа; 2) установить из § 1.9, куда (на основу или на окончание) должно падать, в соответствии со схемой ударения данного слова, ударение в рассматриваемой словоформе.

Далее, если в составе словоформы имеется неплотно присоединенная часть (§ 1.4), на время работы акцентных правил ее следует просто отбросить. При этом необходимо учитывать, что глагольный постфикс *-ся (-сь)*, обычно присоединяемый неплотно, в качестве исключения присоединяется плотно в прош. времени при претеритной схеме ударения *с"* (а также в словоформах *начал-ся, -ась, -ось, -ись, занял-ся, -ась, -ось, -ись*); здесь он трактуется как часть окончания.

После этого правила таковы.

I. Если в рассматриваемой словоформе ударение по схеме должно падать на окончание, то оно фактически падает:

- 1) при слоговом окончании — на первый слог окончания (кроме окончаний *-ого, -ому* [а также *-ое* в *её, самоё*] в местоименном склонении, где ударение падает на последний слог);
- 2) при неслоговом окончании — на последний слог основы.

Примеры: *колоколáми* (от *кболокол*, схема *c*), *молодá, молодбе, молодюю* (от *молодбй*, схема *b/c*), *всегб, всемú*, (от *весь*, схема *b*, местоименное склонение), *берегú, бережёте, бережётся, берегí, берегите, берегíи* (от *беречь*, схема *b/b*); *голбв* (от *головá*, схема *f'*), *берёг, берёгся* (от *беречь*).

Исключения: *угол, уголь* (вариант со схемой *b* или *f*), *узорь, узел; всёсемь, девять, десять, двадцать, тридцать, сборк; денег, масел, кружов, сажен, судий* (от *судия*); *бблен, лёгок, тёпел, равен, тёмн, чёрен, светел, вблен* (вариант со схемой *a/b*), *дблжен*. Во всех этих случаях ударение падает на предпоследний слог основы вместо последнего.

II. Если в рассматриваемой словоформе ударение по схеме должно падать на основу, то фактическое положение ударения таково:

- 1) при тривиальном акцентном типе (соответствующей субпарадигмы) оно определяется признаком «место ударения внутри основы»;
- 2) при смежно-подвижном акцентном типе ударение падает: если окончание неслоговое, а основа содержит беглую гласную — на пред-

последний слог основы; в прочих случаях на последний слог основы;

3) при маргинально-подвижном акцентном типе — на начальный слог основы⁶.

Примеры: *пароходьы* (от *пароходъ*, схема *a*), *полотен* (от *полотноб*, схема *d*; *e* — беглая гласная), *величѣны* II. мн., *величѣн*, *величѣнами* (от *величинá*, схема *d*), *гблову*, *гбловы* II. мн. (от *головá*, схема *f'*), *вѣсело*, *вѣселы* (от *весѣльѣй*, схема *a/c'*).

Исключения: II. ед. *заём*, *наём*; Р. мн. *гумѣн*, *земѣль*, *колѣцу*, *овѣцу*, *свинѣй*, *семѣй*, *сестѣр*, *судѣй*, *хлопот*, *айц*; ед. муж. *хитѣр*, *остѣр*, *шустѣр*, *силѣн*, *дурѣн*. Во всех этих случаях ударение падает на последний слог основы вместо предпоследнего; в части случаев (см. Грамм.) такое ударение неправильно только при одной из двух допускаемых схем ударения.

ПЕРЕНОС УДАРЕНИЯ НА ПРЕДЛОГ ИЛИ ЧАСТИЦУ

§ 1.13. Особое акцентное явление, представленное в современном русском языке у ограниченной группы существительных и числительных, — перенос ударения на предлог с именной словоформы, например: *за́ год*, *на́ голову*, *по́ два*. Этот эффект проявляется, за очень немногими исключениями, лишь у слов маргинально-подвижного акцентного типа (но далеко не у всех из них). Словоформы, дающие этот эффект, в самостоятельном виде имеют (или хотя бы допускают) начальное ударение (исключения: *по́ двору*, *по́ столу*). Следует различать два основных типа сочетаний с ударением на предлоге.

К первому типу (наиболее важному с точки зрения синхронического функционирования акцентной системы) принадлежат нелексикализованные или слабо лексикализованные сочетания. Ударение на предлоге выступает здесь (в меньшинстве случаев обязательно, в большинстве — факультативно) при многих возможных значениях данного сочетания — обычно при всех часто встречающихся; ср., например, *надел шляпу на́ голову*, *штукатурка свалилась ему на́ голову*, *ребенок упал на́ голову*, *на́ голову выше* и т. д. Лишь при редко встречающихся значениях (обычно абстрактных, а не пространственных или временных, ср. *обратите внимание на́ голову*, *надеюсь на́ голову* и т. п.) или в составе синтаксических конструкций, ослабляющих связь имени с предлогом (ср. *несмотря на́ голову*, *на́ голову и плечи*), обязательно выступает ударение на имени. Подробнее о первом типе сочетаний с ударением на предлоге см. Грамм., с. 72 — 73.

Ко второму типу (менее существенному для характеристики системы) относятся сочетания с высокой степенью лексикализации, например: *б́ бок* (в *б́ок б́ бок*), *дб́ смерти* 'очень сильно'. С ударением на предлоге они выступают только в составе определенного более

⁶ Но у существительных, лишь примыкающих к маргинально-подвижному типу (§ 1.10), ударение иное: мн. от *бзеро*, *зна́мя* имеет основы *озѣр-*, *знамѣн-*; у прочих слов ударение как в исходной форме.

крупного сочетания (иногда целого предложения) или в строго определенном значении. Как правило, они в той или иной мере адвербиализованы; в предельном случае это чистые наречия (*набок, зámуж* и т. п.).

Списки сочетаний с ударением на предлоге можно найти, в частности, в работах: Редькин, Федянина, АГ-70 (с. 433—444), АГ-80 (§ 1269). Сведения о степени лексикализации каждого из этих сочетаний содержатся в АО и Грамм.

Перенос ударения на частицы (не превратившиеся в приставки) представляет собой в современном языке исключительное явление: он сохранился только в сочетаниях *не́ был, ни́ был, не́ дал, не́ жил* (то же при соответствующих словоформах ед. сред. и мн. — *не́ было, не́ были* и т. д.)

УДАРЕНИЕ НЕПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ

§ 1.14. Данные выше правила сводят задачу дальнейшего описания к вопросу о том, как установить для произвольного слова его схему ударения и (в случае схемы *a*) место ударения внутри основы. Непроизводные и производные слова оказываются в этом отношении в разном положении.

Для производных слов указанная задача решается в общем случае лишь списочным способом. Иначе говоря, схема ударения и место ударения внутри основы в принципе являются здесь особыми словарными характеристиками отдельного слова, невыводимыми, с формальной точки зрения, из каких-либо иных его характеристик.

В отличие от производных слов, для производных нет каких-либо общих ограничений на набор возможных схем ударения. Все те многочисленные схемы ударения, которые входят в подвижный тип, обслуживают в русском языке, за немногими исключениями (§ 1.18), именно производные слова.

В качестве источника, где схема ударения дана (для обширного массива слов) в явной форме, можно указать Грамм.; разумеется, из этого источника извлекается также и информация о месте ударения внутри основы.

В настоящей работе мы не считаем необходимым приводить списки слов каждой схемы ударения, поскольку эти списки (или эквивалентную им информацию) можно найти в ряде других работ, в частности: РИС (по именам), Редькин, Федянина, АГ-70, АГ-80.

Следует учитывать, однако, что тезис о списочном характере акцентного распределения производных слов верен именно в общем случае. В ряде частных случаев обнаруживается некоторая связь этого распределения со структурой основы, со значением слова или с прагматическим фактором (§ 1.5). Обычно эта связь носит не вполне строгий характер: влияние указанных факторов создает лишь некоторые сдвиги в традиционном акцентном распределении, но не перестраивает

его до конца. Соответственно, на уровне непосредственного наблюдения картина оказывается непоследовательной.

Акцентный эффект, создаваемый морфонологическим (число слогов основы, характер ее исхода) или семантическим фактором, всегда носит локальный характер, т. е. ограничен определенным морфонологическим классом слов. За рамками данного класса тот же самый фактор в одних случаях вообще не влияет на акцентуацию, в других дает какой-то иной акцентный эффект.

Более универсальный характер носит влияние прагматического фактора. У производных слов везде, где он вообще действует, его акцентный эффект таков: неосвоенное слово обнаруживает (в речи соответствующего носителя языка) тенденцию к тривиальному акцентному типу, освоенное — к нетривиальному.

З а м е ч а н и е. Данный акцентный эффект фактически наблюдается не только у производных, но и в ряде классов производных слов. Однако у производных картина оказывается сложнее: 1) воздействие прагматического фактора здесь возможно лишь в тех узких пределах, которые оставляют ему акцентные свойства аффикса (если аффикс однозначно определяет акцентуацию производного, прагматический фактор не имеет силы); 2) у производных различие освоенного и неосвоенного в определенных случаях отражается в виде оппозиции «ударение на суффиксе — ударение на корне», например *мускулистый* — *мүскулистый* (а не в виде оппозиции нетривиального и тривиального акцентных типов), ср., в частности, § 1.50.

Ниже рассматриваются некоторые важные группы производных слов, где ударение частично подчиняется правилам нечислительного характера.

§ 1.15. Одной из таких групп являются производные существительные мужского рода с односложной исходной словоформой. Их акцентуация подробно рассмотрена нами в работе: Однослож. Поэтому здесь мы ограничимся лишь констатацией основных закономерностей, действующих в этой сфере. Не учитываются существительные с неслоговой основой (*лёд*, *льда* и т. п.), поскольку их ударение носит вынужденный характер.

В данной группе ярко проявляется действие прагматического фактора: неосвоенные слова обнаруживают тенденцию к тривиальному ударению (т. е. к схеме ударения *a*), освоенные — к нетривиальному. Нетривиальный акцентный тип может реализоваться в виде различных схем ударения, но продуктивны среди них только две — *b* и *c*. Общим для схем ударения *b* и *c* является флексивное ударение во мн. числе. Соответственно, главным внешним различием между освоенными и неосвоенными существительными данной группы оказывается противопоставление флексивного и наосновного ударения во мн. числе. Ср., например, *быки́*, *сто́лы*, *блины́*, *супы́*, *меха́*, *долги́* и т. п. (освоенные) и *дбжи́*, *смёрды́*, *скўнсы́*, *яки́*, *бры́ги*, *гнейсы́*, *лўтчи́*, *жанры́*, *пёнсы́*, *гёмны́* и т. п. (для большинства носителей языка являющиеся неосвоенными). У большого числа слов ударение колеблется, причем в профессиональной или просто в разговорной речи выступает нетривиальное ударение (например, *банты́*, *зонды́*,

краны́, тросá, шарфы́, лифты́, шлюзы́, штормá и т. п.), тогда как литературная норма требует тривиального ударения (*ба́нты, зба́нды* и т. д.).

Далее, для слов рассматриваемой группы, имеющих во мн. числе флексийное (или подвижное) ударение, а также для *singularia tantum*, действует семантический принцип, который может быть огрубленно сформулирован так: названия предметов, не поддающихся счету («неисчисляемых»), получают в ед. числе насосновное ударение, названия предметов, поддающихся счету («исчисляемых»), — флексийное. Таким образом, для освоенных неисчисляемых нормой является схема ударения *с* (например, *суп, супá, супы́*), для освоенных исчисляемых — схема *в* (например, *бык, быкá, быкы́*).

Большей точностью обладает более расчлененная формулировка данного принципа:

1. «Сильно склонны к схеме *с*» (т. е. обнаруживают ярко выраженную тенденцию к такой акцентовке) названия нерасчлененных однородных масс (а также деревьев), абстрактных понятий (т. е. действий, событий, состояний, свойств, оснований классификации, единиц измерения и т. п.), пространств, поверхностей, направлений; примеры: *суп, шёлк, дым, долг, цвет, час, пуд, луг, мир, край, верх, низ*.

2. «Умеренно склонны к схеме *с*» названия коллективов, оград, четко ограниченных территорий, помещений, больших вместилищ; примеры: *хор, тын, порт, дом, цех, шкаф*. Кроме того, без прямой связи с основным принципом в эту категорию попадают также термины родства, например: *муж, сын*.

3. «Сильно склонны к схеме *в*» названия исчисляемых материальных предметов (кроме входящих в группу 2) и животных, а также названия лиц по занятию и оценочные; примеры: *болт, нож, крок, бык, кит, поп, шут, хлыщ*.

4. «Умеренно склонны к схеме *в*» названия гор, груд, отверстий, фигур, начертательных знаков, монет; примеры: *холм, крест, штрих, грош*.

5. Вне сферы действия данного принципа остаются несколько маленьких групп, устойчиво сохраняющих традиционную акцентовку (таковы названия частей тела, названия лиц, не входящие в группы 2 и 3, и несколько других слов).

Списки исключений, а также слов, у которых данный принцип реализован только в профессиональной или разговорной речи, но не в литературной норме, см. в Однослож.

Дополнительное воздействие на акцентуацию рассматриваемой группы оказывает, в частности, морфонологический фактор: исход основы на согласную (не взрывную) + *т* способствует переходу слова к схеме *в*. Правда, при конфликте этого фактора с семантическим последний обычно побеждает, ср., например, Р. ед. *спёрта, дуста, гвалта*; но в просторечии возможен и противоположный результат, например, Р. ед. *финта́, лифта́, порта́*.

Описанные закономерности реализуются (с небольшими отклоне-

ниями) также у слов с односложной основой, содержащей беглую гласную, например: *пéпел, пéпла* — *орёл, орла* (см. Однослож. § 43).

§ 1.16. Другой фрагмент акцентной системы, где действуют особые правила, составляет акцентуация неатрибутивных субпарадигм (т. е. кратких форм) непроеизводных прилагательных (а также производных с суффиксами *-н-, -к-, -л-*, имеющих в полных формах наосновное ударение). Эта акцентуация лишь в очень малой степени зависит от акцентуации соответствующих полных форм. Прежде всего здесь действует следующее морфонологическое правило: при односложной основе (беглая гласная не в счет) в кратких формах возможно как тривиальное, так и нетривиальное ударение, при неодносложной — только тривиальное. Отклоняются только: а) *хорóший, здорóвый* 'большой, сильный' (простореч.), *велíкий* 'большой'; их краткие формы акцентуированы по схеме *b*; б) *дешёвый, дорогóй, молодóй, холостóй, велíкий* 'выдающийся' — краткие формы по схеме *c*; в) *весёлый, зелёный, голо́дный, холо́дный, корóткий, уда́лый* — краткие формы по схеме *c'* (сюда можно добавить еще *солёный, солон, солонá, солонó, солонý*).

При односложной основе распределение, с формальной точки зрения, задается списками (см. РИС, с. 169—170). На неформальном уровне здесь можно, однако, отметить некоторые общие закономерности.

Прежде всего, действует прагматический фактор, а именно, неосвоенность (непривычность, редкость) соответствующих кратких форм влечет за собой тривиальное ударение. В данном классе словоформ противопоставление, лежащее в основе прагматического фактора, в сущности сводится к различию по степени употребительности соответствующих кратких форм в живой речи и к наличию или отсутствию у них книжной (возвышенной, архаичной) окраски. Примеры тривиального ударения, обусловленного данным фактором: *áла, -ы, áра, -ы, тлénна, -ы, прáздна, -ы, скóрбна, -ы, кóсна, -ы, крáтна, -ы, клáсна, -ы, дрéвня, -и, ёмка, -и* и т. п. Сюда же относятся и «потенциальные» словоформы, которые реализуются лишь как окказиональные образования, например: *мédны, крóвны* и т. п.

Нетривиальное ударение возможно лишь для освоенных (относительно более частых, привычных) неатрибутивных субпарадигм. Каждая из трех кратких форм с ненулевым окончанием (ед. жен., ед. сред. и мн.) имеет свои акцентные особенности.

Форма ед. жен. у освоенных слов всегда имеет флексивное ударение: *честнá, крепкá, чистá* и т. д. Колебания типа *властнá* // *властна* отражают переходное состояние с точки зрения освоенности слова.

В форме мн. числа в настоящее время наблюдается интенсивное распространение флексивного ударения вместо более раннего наосновного, например: *честнý, вернý, сильнý, страшнý, крепкý, чистý, милý, пьянý* и т. п. Такие ударения свойственны прежде всего разговорной речи, но они все шире проникают также и в литературный язык.

Более сложный вопрос составляет акцентуация форм на *-о* (*-е*). Здесь необходимо различать синтаксические функции: 1) именной части сказуемого, согласованной в роде и числе с подлежащим (например, *мое слово крепко*); 2) так наз. предикатива, или «предикативного наречия» (*легко сказать, мне тепло*); 3) обычного наречия (*крепко держать, легко одет*). Следует подчеркнуть, что формы на *-о* только в 1-й функции входят в один парадигматический ряд с краткими формами других родов и чисел (например, *крепко, крепка, крепки*). Между тем именно в этой функции они встречаются в живой речи реже всего (а некоторые из них практически вообще не встречаются, ср. нереальность фраз типа *это молоко тепло*).

Акцентные свойства форм на *-о* в этих трех функциях близки, но не тождественны.

Для обычных наречий нормой является наосновное ударение (например, *ведет себя больно, больно ударился, больно описан, мало тренируется, слабо знаком*). В немногочисленных случаях типа *легко одет, хитро придумано, нестро раскрашено*, как правило, мы имеем дело просто с сохранением старого ударения (в большинстве таких случаев уже возможен также и новый вариант, например: *хитро придумано, нестро раскрашено*).

Для предикативов нет единой нормы; выделяется, однако, значительная группа с устойчивым ударением на *-о*: *тепло, свежо, светло, темно, легко, полно* (чего-либо, кого-либо), *грешно, вольно* (кому-либо что-либо делать); ср. еще просторечн. *слабо*. Сюда же попадают цветообозначения (ср. ниже) в контекстах типа *кругом черно* (также в усилительной модели *черным-черно, белым-бело* и т. п.).

В собственно адъективной функции формы на *-о* в литературном языке преимущественно выступают с наосновным ударением. Имеется, однако, ряд случаев, где во всех кратких формах, включая ед. сред., представлено флексийное ударение.

Таковы, во-первых, краткие формы, в значение которых входит семантический элемент «слишком», отсутствующий у соответствующих полных форм. Примеры: *это платье вам мало (узко, длинно)*⁷, ср. также *эти брюки вам малы (узкий, длинный)*; *это уже старо*. Круг прилагательных, систематически обнаруживающих этот эффект, невелик (он практически исчерпан в наших примерах); но окказионально эта модель может выступать и в других случаях.

Далее, таковы цветообозначения: *бело, черно, красно, желто, нестро* (наряду с *бело, черно, красно, желто, нестро*); ср. ненормативные *серо, синё*. Близки по значению также *светло, темно*.

Помимо этого, краткие формы на *-о* выступают у нескольких прилагательных на *-ной* (*больно, грешно, смешно, чудно*), а также в отдельных случаях, где просто сохраняется традиционное ударение:

⁷ Аналогичный эффект при неодносложной основе: *это платье вам велико (широко)*; ударение *велико, широко*, в других случаях допустимое, здесь невозможно.

мертвó, острó, равнó, свежó, умнó, хитрó (наряду с *мёртво, бстро, хитро*); малоупотребительны в данной функции *легкó, теплó*. Однако в разговорной речи и тем более в просторечии флексийное ударение может встретиться и у других прилагательных, ср. нелитер. *мое слово крепкó, это дело не так уж страшнó* и т. п.

Таким образом, если неосвоенности отвечает схема ударения кратких форм *a*, то освоенность выражается в первую очередь схемами *c'* (*вернá, вёрно, вернý || вёрны*) и *b* (*умнá, -ó, ý*). Схемы *a'* (*властнá || властна, властнó, -ы*) и *c* (*славнá, славнó, -ы*) — это лишь этапы перехода от неосвоенности к освоенности.

Хотя нормативные словари (например, АО, Грамм.), в соответствии со своей основной установкой, указывают для одной части рассматриваемых неатрибутивных субпарадигм схему ударения *a'*, для другой — *c*, для третьей — *c'*, необходимо признать, что в живой речи носителей русского литературного языка (не говоря уже о нелитературной речи) четких границ здесь нет. Неслучайно в этом вопросе имеется множество частных расхождений между разными словарями.

Картину акцентной неустойчивости, наблюдаемую в настоящее время в кратких формах с односложной основой, по-видимому, следует истолковывать как этап движения к последовательной акцентной оппозиции полных и кратких форм (по модели *ýмный — умнá, -ó, -ý*, поскольку подавляющее большинство качественных прилагательных, в особенности производных, имеет наосновное ударение в полных формах, ср. § 1.56). В кратких формах мн. числа акцентная перестройка совершается на наших глазах. «Отставание» кратких форм ед. сред., вероятно, связано с их относительной редкостью (ср. выше) и с влиянием омонимичных им наречий на *-о* (у которых наосновное ударение вполне устойчиво).

§ 1.17. Еще один особый фрагмент акцентной системы составляет акцентуация презенса *i-* и *é-* глаголов с ударением на тематическом элементе в инфинитиве. Непроизводные и производные в данном случае целесообразно рассматривать вместе (хотя это различие и играет определенную роль для акцентуации, см. ниже).

В презенсе здесь конкурируют флексийное (*говорó, говорít, лежó, лежít*) и смежно-подвижное ударение (*варó, варít, держó, держít*). С формальной точки зрения их распределение задается просто списками (см., в частности, Редькин, с. 127—130, Федянина, с. 225—230, АГ-80, I, § 1611). На неформальном уровне, однако, можно указать ряд факторов, оказывающих влияние (хотя и не всегда решающее) на их акцентуацию.

Прежде всего на акцентуацию влияет стилистическая характеристика глагола: глаголы с книжной или возвышенно-архаической окраской почти всегда имеют в презенсе флексийное ударение, например: *обличít, умертвít, упразднít, осквернít, осенít, утолít, хулít, предварít, согрешít, водрузít, сокрушít, воскресít, уничижít, сотворít*. Имеются также некоторые внешние признаки, которые

почти безошибочно указывают на то, что глагол принадлежит именно к данной группе: неполногласие в корне (ср. *о́мрачѣит*, *насла́дится*, *устрани́т*, *возврати́т*, *сохрани́т* и т. п.), наличие чередования *т/ц* или *д/жд* (а не *т/ч*, *д/ж*) в парадигме (*посети́т*, *воплоти́т*, *убеди́т* и т. п., ср. *посеци́у*, *воплоци́у*, *убеждённѣй*). Показательно различие ударения в таких парах, как, например, *возбуди́т* — *разбу́дит*, *погрузи́т* (в жидкость) — *погру́зит* (на транспорт), *одари́т* — *подари́т*, *вкуси́т* — *укуси́т*, *насади́т* (учение) — *наса́дит* (картошки), *учини́т* — *почини́т*, *влачи́т* — *волочи́т*, *храни́т* — *хоро́нит*, *загради́т* — *загоро́дит*, *преврати́т* — *переворо́тит* и т. п. (ср. Грот, с. 328, Воронцова, с. 228).

Имеется также следующее морфонологическое ограничение на смежно-подвижное ударение в презенсе: такое ударение невозможно, если слог перед *-ить* не является первым слогом корня (этого ограничения нет лишь для корней с *оро*, *оло*). Пример: *тормоши́т*, *потроши́т*, *кипячи́т*, *говори́т*, *лебези́т*, *нагромозди́т*, *окровени́т*, *освободи́т*; с другой стороны, *польсти́т*, *отомсти́т*, *почти́т* и т. п. Исключениями являются только *шеве́лит(ся)*, *станбо́вит(ся)*, *облоко́тит(ся)*.

Далее действует правило, согласно которому глаголы на *-ить*, имеющие, с синхронической точки зрения, прозрачный отыменный характер, получают в презенсе флексийное ударение. Это правило реализуется тем последовательнее, чем стандартнее семантическое соотношение между исходным именем и глаголом. Укажем наиболее типичные модели для переходных глаголов: отадективная модель 'делать таким-то' (ср., например, *грязни́т*, *оздорови́т*, *укороти́т*, *смягчи́т*, *молоди́т*, *освежи́т*, *черни́т*); отсубстантивные модели — 'обрабатывать с помощью X', 'покрывать X-ом' (*бомби́т*, *когти́т*, *обдери́т*, *серебри́т*, *осмоли́т*, *застекли́т*, *зачехли́т*), 'делать X-ом' (*удочери́т*, *осироти́т*, *копни́т*, *изрешети́т*), 'вызывать X' (*гневи́т*, *смести́т*, *страши́т*). Кроме того, имеется ряд моделей для непереходных глаголов, например, 'вести себя таким-то образом', 'выступать в качестве X' (*груби́т*, *ловчи́т*, *хитри́т*; *гости́т*, *шофери́т*, *хами́т*, *ханжи́т*) и другие. При менее стандартных семантических отношениях между именем и глаголом становится возможным также и смежно-подвижное ударение, например: *бе́лит* (исходное значение 'делать белым' сузилось, ср. семантически стандартные *желти́т*, *сини́т*, *зачерни́т*); *да́рит*, *све́тит*, *ле́нится* (семантические отношения с именами *дар*, *свет*, *лень* нестандартны, нечетко выявляется даже само направление словопроизводства); такие глаголы, как *се́рдится*, *пору́чит*, уже по существу утратили синхроническую связь с *се́рдце*, *рука́* (ср. также § 1.18).

Наконец, там, где указанные выше факторы еще не определили акцентуацию презенса, для *i*- и *ѣ*-глаголов действует следующее семантическое правило: переходные глаголы (и глаголы движения кратного подвида, хотя бы и непереходные) получают в презенсе смежно-подвижное ударение, непереходные глаголы (и глаголы речи, хотя бы

и переходные) — флексивное ударение. Примеры: 1) *бúдит, вáрит, горбúдит, дéлит, лóвит, полбúжит, полúчит, лéчит, замéнит, пóбит, пúстит, посáдит, застрéлит, úчит, почи́нит; брóдит, хбдит; вéрит, дéржит, тéрпит; 2) бурáйт, угóдит, грустáйт, норóвит, следáйт, спешáйт, шалáйт; бранáйт, вопáйт, корáйт; бежáйт, дрожат, лежáйт, сидáйт, стоáйт, кричáйт, молчáйт, хранáйт. Показательны такие противопоставления, как *вáлит* 'опрокидывает' — *валáйт* (дым, народ), *кóсит* (траву) — *косáйт* (глазами). В исключительных случаях данное различие проявляется даже между простым глаголом и соответствующим возвратным: (по)сáдит, но садáится, полбúжит, но ложáится, ср. еще *полúчит* и *случáится*; однако нормой здесь все же является единое ударение внутри пары, например: *дéлится, лéчится, úчится* как *дéлит, лéчит, úчит*.*

Отклонения от совокупности приведенных правил немногочисленны. Это главным образом сохраняющиеся по традиции старые ударения, в частности: а) *жéнится, слúжит, мóлит, прóсит* (по-видимому, сюда же *тéлится, очúтится, шúтит*); б) *простáйт, растáйт, родáйт*. В ряде случаев литературное ударение еще отклоняется от этих правил (например, *включáйт, сорáйт, долбáйт, накалáйт* и др.), но в разговорной речи уже представлено новое ударение. С другой стороны, преобладающая тенденция к смежно-подвижному ударению иногда преодолевает барьеры, создаваемые приведенными правилами, например: *предъяáвит, яáвится* (книжные слова), *сóлит* (отыменный глагол), *лэ́нится, дрúжит*, разговорное *звóнит* (непереходные глаголы).

Разобранными в § 1.15—17 группами слов не ограничиваются случаи, когда акцентуация непроечных слов фактически управляется неспичными правилами. Так, например, среди существительных на -а, -я схем ударения *f'* и *d'* (т. е. с В. ед. типа *ру́ку*) значительную часть составляют названия частей тела: *голова́, борода́, нога́, рука́, щекá, спинá, косá*, сюда же *душа́*. Показательно, что при выводе слова из указанной семантической группы оно переводится в более простую схему ударения — с колонным ударением в ед. числе, например: *городского́ голову́, сорви́голову́*. Однако подобные группы сравнительно малочисленны, и, соответственно, выигрыш от неспичного описания здесь не столь ощутим.

УДАРЕНИЕ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

§ 1.18. У производных слов, в отличие от непроечных, схема ударения и место ударения внутри основы в принципе выводятся по определенным правилам из морфологического состава слова (в части случаев также из его значения и некоторых других характеристик). Лишь в меньшинстве случаев фактические акцентные характеристики

производного слова не соответствуют этим правилам и должны быть указаны в списочном порядке.

Важнейшая черта, отличающая в русском языке акцентуацию производных слов (кроме приставочных глаголов⁸) от акцентуации непродных, — почти полное отсутствие у них подвижного акцентного типа (ср. Курилович 1946, с. 438). Для производных слов нормальными являются (на уровне субпарадигм) лишь две схемы ударения: *a* и *b*; все прочие носят характер исключений. Если для производного слова (кроме приставочных глаголов) установлено, что оно относится к нетривиальному акцентному типу, это в принципе означает, что оно относится к схеме ударения *b* (т. е. у существительных *b*, у прилагательных *b/b*, у глаголов *b/a*, см. § 1.9).

Исключения составляют следующие группы производных слов (списки даны в рамках литературной нормы)⁹.

Существительные:

1) *бтруб*, *прйстыв*, *бкруз*, *пбезд*, *лрбвод*, *пбдрез*, *прбпущ* (документ), *бтпущ*, *прббел* (в иконописи), *прбмысел*, *бткуп*, *дбговор*, *вбзраст*, также *постав* — схема *c* (см. также в § 1.28 [А II, замеч. 1] список опростившихся слов, однотипных с приведенными здесь);

2) *дирёктор*, *испёктор*, *инстрёктор*, *кондёктор*, *коррёктор*, *прожёктор*, *профёссор*, *редáктор*, *учйтель*, также *пёкарь*, *тбкарь*, *пйсарь* — схема *c*;

3) *глазбк*, *зуббк*, *рожбк*, *сапозбк* (уменьшительные) — схема *d*;

4) *мыло*, *дёрвце*, *бблачко* — схема *c*;

5) *меньшинствб*, *ушкб*, *скреблб*, *теслб*, *бельмб*, *письмб*, *озерцб*, *жнивьё* — схема *d*;

6) существительные с суффиксами *-от-á*, *-ин-á*, *-изн-á* (например, *высотá*, *старшинá*), а также *судьбá*, *резьбá*, *стрельбá* — схема *d*;

7) *прйстань*, *пбдать*, *чётверть*, *прбпасть*, *пбвесть*, *нбвость*, *плбскость*, *пблость*, *ведомость*, *дблжность*, *крёпость*, *скбрость*, *мёлочь*, *свблочь* — схема *e*;

8) *бтруби*, *пбмочи*, *пбхороны* — схема *e*.

Прилагательные:

1) прилагательные с односложной основой, содержащей суффикс *-н-*, *-к-* или *-л-*, получившие в кратких формах нетривиальное ударение в силу § 1.16 (например, *вёрный*, *звбный*, *смёлый*);

2) *жестбкий* — схема *a/a'*, *великий* 'большой', *горячий*, *тяжёлый*, *мудрёный* — *a/b*, *великий* 'выдающийся', *удáлый* — *a/c*, *корбткий*, *золбдный*, *холбдный*, *солёный* — *a/c'*, *далёкий*, *глуббкий*, *ширбкий*, *высбкий* — *a/c''*.

3) причастия на *-ённый* (и отпричастные прилагательные типа *влюблённый*, см. РИС, с. 239), также *дáнный*, *сдáнный*, *пересдáнный* — схема *a/b*; причастия (но не с приставкой *вб-*) на *житый*, *литый*, *нятый*, *чатый*, также *звáнный*, *вйтый*, *пйтый*, *зпёртый*, *бтпёртый*, *взáтый*, *прбклятый* — схема *a/c*; причастия (но не с *вб-*) на *даный*, *витый*, *питый* (кроме указанных выше) — схема *a/a'*.

Глаголы: отыменные *белйть*, *бесйть*, *винтйть*, *глушйть*, *дружйть*, *жёнйть*, *косйть* (траву), *крестйть*, *крошйть*, *кружйть*, *облокотйться*, *лудйть*, *пилйть*, *служйть*, *солйть*, *сторонйться*, *строчйть*, *сушйть*, *телйться*, *тулйть*, *удйть*, *ценйть*, *чертйть* и соответствующие приставочные (правда, не все, см. Грамм.) — схема *c/a* (у части глаголов наряду с *b/a*). Заметим, что у многих

⁸ Точнее говоря, кроме глаголов, производность которых состоит только в наличии у них приставки.

⁹ Производный характер некоторых из приводимых слов неочевиден (т. е. они могут, вообще говоря, расцениваться и как опростившиеся). У некоторых слов нетривиальное ударение представлено лишь как акцентный вариант или лишь при определенном значении; эти детали см. в Грамм. и РИС.

слов этого списка словообразовательные связи уже в той или иной мере затемнены (ср. заведомо опростившиеся *поручить, селить, сердиться, застрелить*). Имеется, кроме того, ряд глаголов схемы *с/а*, для которых направление словообразовательной связи между именем и глаголом устанавливается, с синхронической точки зрения, недостаточно определенно: *грузить, дарить, кормить, лениться, мутить, платить, светить, судить, трудиться, тужить, хвалить*.

Помимо всех перечисленных групп, подвижное ударение имеют также слова, полученные из приведенных здесь неплотным присоединением каких-либо морфем, например, *электрообзд*.

Что касается присоединения приставок к глаголам, то этот тип словообразования не создает ограничений на подвижность ударения. В нормальном случае приставочный глагол просто сохраняет акцентные свойства бесприставочного (если не считать страдательного причастия прош. времени, где иногда только приставка дает возможность ударению отступить влево, ср. *гну́тый — согну́тый*). Особые случаи, когда это не так, должны рассматриваться в списочном порядке вместе с вопросом об ударении непроеводных слов. Соответственно, в настоящем разделе приставочное словообразование глаголов не рассматривается.

Приведенные списки позволяют нам свести дальнейший разбор акцентуации производных слов к вопросу о выборе между тривиальным и нетривиальным акцентными типами и о месте ударения внутри основы при тривиальном типе. Для производных слов эти два признака целесообразно объединить в понятие акцентуации основы: для слов тривиального акцентного типа речь идет о месте ударения внутри основы (у таких слов оно постоянно); у производных слов нетривиального акцентного типа ударение нормально находится на окончаниях, т. е. основа безударна, если только за ней не следует неслоговое окончание (отклонения от этого принципа имеются только у слов, входящих в приведенные выше списки).

§ 1.19. Для дальнейшего разбора необходимо условиться о терминах, связанных со словообразованием. Простейший случай суффиксального словообразования выглядит так. Имеется слово *A* (скажем, *доро́га*) с основой *a* (*доро́г-*). От основы *a* с помощью суффикса *s* (скажем, *-н-*) получена основа *b* (*доро́жн-*) слова *B* (*доро́жный*). При соединении *a* и *s* возможны какие-то морфонологические эффекты (в частности, чередования, как *г/ж* во взятом примере), несколько изменяющие фонемный состав *a* и/или *s*; таким образом, *b* не всегда в точности равно *as*.

Мы будем говорить в этом случае, что *A* — исходное, или производящее, слово, *B* — производное слово, *a* — производящая основа, *b* — производная основа. Кроме того, нам потребуется термин «базовый компонент» для обозначения той части (*a'*) производной основы *b*, которая остается после вычета суффикса *s* (в данном случае *доро́жн-*) (ср. Устинова 1974, с. 245, Поливанова 1976, с. 10). Понятно, что базовый компонент в большинстве случаев просто совпадает с производящей основой. Однако иметь здесь особый термин все же целесообразно — не только потому, что сочетание «производящая

основа данной производной основы» слишком тяжеловесно и что *a'* не всегда равно *a*, но главным образом потому, что понятие базового компонента полезно и в тех случаях, когда самостоятельного слова *A* вообще не существует (такой базовый компонент называется ниже остаточным, или связанным; ср., например, *сморóд-ин-а*, *мал-и́н-а*, *бессердеч-н-ый*, *быстрóход-н-ый*).

Помимо понятия основы словоформы, необходимо также понятие основы слова и основы субпарадигмы (некоторого слова). Если во всех словоформах слова (или субпарадигмы) основа одинакова, она же и является основой слова (субпарадигмы). Если различие сводится только к наличию или отсутствию беглой гласной (например, *оста́ток—оста́тка*, *сестра́—сестёр*, *ве́рный—ве́рен*), то основой слова (субпарадигмы) считается вариант без беглой гласной (например, *оста́тк-*, *сестр-*, *верн-*). В прочих случаях признается наличие у слова (субпарадигмы) более чем одной основы. Внутри субпарадигмы после принятия согласнений, указанных в § 1.7, таких случаев практически не бывает. Внутри парадигмы в целом такая ситуация характерна только для глаголов, а именно, у глаголов систематически различаются основа инфинитива (которая у всех глаголов, кроме *C*-корневых, оканчивается на гласную) и основа презенса (которая всегда оканчивается на согласную).

В состав глагольной основы в большинстве случаев входит так наз. тематический (или основообразующий) элемент, см. § 0.3. С морфологической точки зрения, тематический элемент отличается от обычного (полноценного) суффикса тем, что не имеет отчетливого и постоянного самостоятельного значения (если не считать таковым общее значение глагольности [«процессуальности»], которое тем самым оказывается одинаковым у всех тематических элементов). Важная для нашего разбора проблема состоит в том, что один и тот же внешне аффикс, например, *-a(j)-*, может в одних глаголах (например, *копа́ть*, *штóпать*) играть роль основообразующего элемента, а в других (например, *разрубáть*, *реша́ть*) — роль полноценного суффикса. Этим двум функциям могут соответствовать разные акцентные свойства; так, тематический элемент *-a(j)-* может быть как ударным, так и безударным (ср. примеры выше), тогда как суффикс вторичных имперфективов *-a(j)-* обязательно несет ударение. Поскольку, однако, описание во многих отношениях усложнится, если считать, в частности, что одни глаголы на *-ать*, *-аю* (*копа́ть*, *штóпать*) имеют тематический элемент, а другие (*разрубáть*, *реша́ть*) нет, мы будем в дальнейшем исходить из того, что в глаголах типа *разрубáть* аффикс *-a(j)-* выполняет одновременно две функции: полноценного суффикса и тематического элемента; разумеется, то же верно для *-e(j)-*, *-и-*, *-ну-/н-* и т. д. (подробнее см. Лопатин, с. 63—74).

При отглагольном словообразовании тематический элемент в одних случаях сохраняется (*ре́за-ние*, *ре́за-тельный*, *ре́за-лка*), в других отбрасывается (*рез-ной*, *резь-ба́*, *рез-ка*, *отрез-ок*). Соответственно, можно говорить о полной и усеченной глагольной основе.

Из сферы морфонологии нам потребуется разделение морфем на: 1) полновокальные, т. е. содержащие хотя бы одну небеглую гласную; 2) неполновокальные, т. е. не содержащие гласных вообще («безгласные») или содержащие только беглую гласную¹⁰. Морфемы с беглой гласной имеют не менее двух разных морффов: один с гласной (например, *гон-ец*, *яр-ок*) и один «безгласный» (*гон-ц-а*, *яр-к-ий*).

Как известно из русской морфонологии, глагольные корни (или основы), оканчивающиеся на гласные, могут при словообразовании получать дополнительный элемент *в*, *ј*, *л*, *т* или *н*¹¹, функция которого состоит лишь в том, что он дает корню возможность участвовать в сочетаниях, где требуется морф, оканчивающийся на согласную. Ср. *про-ход* и *про-ли-в*, *при-твор-ств-о* и *у-би-й-ств-о*, *греб-ец* и *жи-л-ец*, *о-грыз-ок* и *о-ста-т-ок*, *объ-ед-к-и* и *о-ста-н-к-и*. Мы будем называть такое *в*, *ј*, *л*, *т* или *н* консонизатором корня (основы); уточнение «корня (основы)» может быть опущено. С акцентологической точки зрения основная особенность консонизаторов состоит в том, что в отличие от суффиксов они не имеют самостоятельной акцентной характеристики, т. е. морф с консонизатором (например, *лив-*, *бий-*, *жил-*, *стат-*, *стан-*) обладает ровно теми же акцентными свойствами, что и без консонизатора (*ли-*, *би-*, *жи-*, *ста-*).

§ 1.20. Существующие описания акцентуации производных в русском языке, как правило, построены в виде акцентологических сведений о каждом из выделяемых в морфологическом описании суффиксов (аналогично и для несуффиксальных способов словообразования). В частности, в Академических грамматиках (АГ-52, АГ-70, АГ-80) такие сведения даются по отдельности при каждом алломорфе каждого суффикса в каждом из обслуживаемых им словообразовательных значений. Такое описание полезно для получения справки об отдельном суффиксе, но общие закономерности словообразовательной акцентуации из него не видны или видны очень неполно.

Оказывается, что для выявления этих закономерностей необходимо прежде всего отказаться от постулата (на который в неявной форме опираются существующие описания) о том, что все акцентные правила должны применяться именно к тому членению словоформ и к тому представлению деривационной истории слов, которые оптимальны для морфологического описания. В действительности же в этих вопросах потребности акцентологического и морфологического описания могут в некоторых частностях расходиться.

¹⁰ Беглой считается гласная, которая чередуется с нулем при вхождении данной морфемы в разные окружения. Отметим специально, что частным случаем беглой гласной является *е* в суффиксальных морфах *-еск-*, *-еств-о* (например, *княжеский*, *княжество*), ср. отсутствие этого *е*, например, в *зверский*, *зверство*, где суффикс стоит в ином окружении (не после шипящей).

¹¹ Не смешивать с морфемами *-в-*, *-ј-*, *-л-*, *-т-*, *-н-*, выступающими в образовании глагольных времен и причастий.

Прежде всего, в акцентологическом описании обычно оказывается ненужной та степень «раздробления» внешне единого суффикса по словообразовательным значениям, которая естественна для морфологического описания. Подавляющее большинство суффиксов (в том числе такие многозначные, как, например, *-ок*, *-иц-а*) обладает постоянными акцентными свойствами, не зависящими от того, в каком словообразовательном значении используется суффикс.

Далее, большинство составных (мноморфных) суффиксов с акцентологической точки зрения не являются самостоятельными единицами, а функционируют как свободная последовательность простых суффиксов, в которой каждый член последовательности проявляет свои обычные акцентные свойства. Например, в акцентологическом описании не должны фигурировать суффиксы *-итель*, *-ительн-*, *-ил-а*, *-ил-о*, *-илк-а*, *-ильн-*, *-ильн-я*, *-ильщик*, выделяемые в морфологическом описании. Все они должны рассматриваться здесь как последовательности морфов, начинающиеся с морфа *-и-*, акцентными свойствами которого (см. ниже) и определяется ударение всех производных этой группы. Возможны и другие, более сложные расхождения между морфологическим и акцентологическим анализом производных; см., в частности, § 1.32 о способах представления деривационной истории производных типа *безлошадный*, *обессахарить*, *разноязычный* в акцентологии и в морфологии.

В настоящей главе морфологическое членение словоформ, отождествление морфов и представление деривационной истории производных проводятся с теми коррективами (оговариваемыми по ходу изложения), которых требует собственно акцентологическое описание. Понятно, что согласование полученных при этом результатов с данными обычного морфологического описания потребует некоторой дополнительной процедуры (впрочем, довольно несложной). Но этот небольшой технический проигрыш безусловно перевешивается очевидным выигрышем в понимании акцентологических механизмов как таковых.

В частности, с акцентологической точки зрения целесообразны следующие соглашения. Если в состав отглагольного производного входит оканчивающаяся на гласную инфинитивная основа исходного глагола, то такое производное в нормальном случае считается образованным от данной основы как от единого целого. Если при этом в составе производного за такой основой следует *в*, *й*, *л*, *н* или *т* (кроме *т*, входящего в суффикс *-тель*), то это *в*, *й*, *л*, *н* или *т* трактуется как консонизатор *и*, соответственно, входит в базовый компонент (а не в состав суффикса). Примеры (базовый компонент отделен): *лив-ень*, *убий-ца*, *жил-ьб*, *жил-йще*, *остан-ки*, *знан-ие*, *вить-ьб*, *понят-ливый*, *задат-ок*; *умел-ец*, *саял-ка*, *плакаль-щик*, *оборван-ец*, *послан-ец*, *рвань-ьб*, *владен-ие*, *собиран-ие*, *собира-тель*; слова *прилив*, *помо́й-и* и т. п. попадают в категорию бессуффиксальных производных.

Данный принцип не распространяется, однако: 1) на образование неличных форм исходного глагола, а также отпричастных прилага-

тельных (*чѣсанный, вѣянный* и т. п.)¹²; 2) на случаи, когда основа производного равна основе глагола + *л*, например, *устѣлый, былѣй, пожилѣй, покрывѣло, мерѣло, обираѣла* (*-л-* считается здесь суффиксом, а не консонизатором).

Особенность *i*-глаголов: здесь производное, сохраняющее *-и-* (например, *гладильщик, правитель, верительный*), считается образованным не прямо от основы инфинитива, а с заменой в ней тематического *-и-* на омонимичный ему особый словообразовательный морф *-и-*, имеющий другую акцентную характеристику (а именно, требующий постановки ударения на самом этом морфе, подробнее см. § 1.41). В остальном соблюдаются изложенные выше правила; в частности, *л* в *гладильщик, морзилька* и т. п. трактуется как консонизатор.

АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ МОРФЕМ

Система маркировок

§ 1.21. Как уже указано в § 0.2, в настоящей работе акцентологическая классификация морфем проводится с использованием техники маркировок.

Маркировка отдельной морфемы складывается из нескольких самостоятельных акцентных характеристик. При этом обязательно представлена одним из символов (\downarrow , \leftarrow , \rightarrow) только характеристика «позиция ударения». Все прочие характеристики строятся по принципу: «есть ли у морфемы такая-то особенность?». Если да, то в маркировку включается соответствующий символ (буквенный), если нет, то это никак не отмечается.

Наиболее важными являются две характеристики: «позиция ударения» и «доминантность—недоминантность». Они вместе образуют основную маркировку морфемы. У подавляющего большинства морфем маркировка этим и ограничивается. Лишь у совсем немногих морфем (а именно, у некоторых суффиксов) помимо основной маркировки имеется еще и дополнительная.

Ниже перечислены все символы, используемые в маркировках. Приводимые при этом пояснения носят нестрогий, содержательный характер. Формальный смысл каждого символа состоит в способе его использования в правилах, которые даются в последующих параграфах.

1. Акцентная характеристика «позиция ударения» (более точно: «позиция ударения в случае, если ударение привязано к данной морфеме»; о выражении «привязано» см. § 1.22). Символы:

¹² Такое же членение, как для причастий, необходимо принять и для слов, которые с синхронической (не с исторической) точки зрения произведены от причастий или от отрицательных прилагательных, например, *кѣтанки, чѣсанки, вѣялки* (= **вѣялки*); ср. сохранение такими словами ударения соответствующих причастий. Поскольку отличить такие производные от *оборванец, послаблец* и т. п., не обращаясь заранее к их ударению, затруднительно, с формальной точки зрения для разграничения здесь необходимы списки.

- ↓ («самоударность») — ударение падает на саму данную морфему;
 ← («левоударность») — ударение падает левее данной морфемы;
 → («правоударность») — ударение падает правее данной морфемы.

2. Акцентная характеристика «доминантность—недоминантность» (т. е. наличие или отсутствие регулируемого определенными правилами преимущества в «конкуренции» морфем за ударение). Символ доминантности: D.

3. Символы, используемые в дополнительной части маркировки, таковы (они возможны только у суффиксов):

Init — «начальное ударение»;

Monosyll — «ударение требует поправки при односложности базового компонента»;

Polysyll — «ударение требует поправки при неодносложности базового компонента»;

Marg — «суффикс становится правоударным при маргинальной подвижности в производящем слове»;

Triv — «маргинально-подвижное ударение производящего слова трактуется как тривиальное»;

Deox — «флексионное ударение производящего слова трактуется как тривиальное».

Выписанные здесь ярлыки, разумеется, не раскрывают точного смысла перечисленных символов (этому посвящен § 1.34).

Отметим, что разделение суффиксов на 6 групп по их основной маркировке (←, ↓, →, ←D, ↓D, →D) в целом соответствует разделению на группы I 1, I 2, I 3, II 1, II 2, II 3, принятому в работе: Редькин.

Для упрощения ряда последующих формулировок маркировка считается приписанной к определенной фонеме внутри морфемы (морфа). Маркировка с ↓ приписывается к некоторой небеглой гласной в составе морфемы (а именно, к той, которая фактически несет ударение в словоформах, где оно привязано [§ 1.22] к данной морфеме); например, маркировка приписана к гласной первого слога в морфеме *ягод-*, второго — в *мороз-*. Маркировки с → и ← (а также с ↓ у неполновокальных морфем) приписываются к последней фонеме в составе морфемы.

Допустимо также говорить о маркировке морфа (а не только морфемы в целом). В принципе все морфы одной морфемы имеют единую маркировку; но в некоторых исключительных случаях этот принцип может нарушаться.

В настоящей работе в описании современной русской акцентуации (в отличие от раннедревнерусской) маркировки используется только для морфем, входящих в состав основы (корней, приставок, суффиксов), но не для окончаний. Информация об акцентных свойствах окончаний дана в другой форме — в виде описания схем ударения в парадигмах словоизменения (§ 1.8—9). Иначе говоря, предлагаемая здесь система маркировок предназначена для акцентологического опи-

сания словообразования, а не словоизменения (точнее, этой системой не может быть полностью отражено словоизменение непроеизводных слов). Такое решение обусловлено тем, что в современном языке, в отличие от древнерусского, для словообразования и для словоизменения актуальны разные разбиения корневых морфем на акцентные классы. В самом деле, в современном русском языке при одном и том же наборе окончаний могут противопоставляться до семи разных схем ударения, например: *вѣра* — схема *a*, *черта́* — *b*, *беда́* — *d*, *гу-ба́* — *f*, *спина́* — *d'*, *нога́* — *f'* (ср. еще единичное *дбля́* — схема *e*). Чтобы отобразить эти различия с помощью маркировок, нужно в идеале ввести семь различных маркировок корня. Если допустить некоторое количество индивидуальных исключений, инвентарь маркировок можно сократить; однако попытка обойтись менее чем четырьмя маркировками уже приводит к непомерно длинным спискам исключений или к иным модификациям техники маркировок, которые в сущности компрометируют саму эту технику¹³. Между тем для современного русского словообразования в подавляющем большинстве случаев актуально противопоставление всего двух акцентных классов корней: \downarrow и \rightarrow (соответствующих тривиальному и нетривиальному типам в словоизменении). Лишь в немногих случаях в качестве реликта более ранней системы обнаруживается особый акцентный эффект при словообразовании у корней, соответствующих маргинально-подвижному типу.

Базисное правило

§ 1.22. Если выписать последовательно маркировки всех морфем, входящих в некоторую основу, мы получим цепь маркировок этой основы. Точно так же можно построить цепь маркировок для той или иной части основы, скажем, для ее базового компонента¹⁴.

Имеется следующее, так наз. базисное правило о связи ударения с цепью маркировок произвольной основы.

А. 1. Ударение привязано к самой правой маркировке, содержащей *D*; но если таковой окажется маркировка $\rightarrow D$, стоящая не последней в цепи, то ударение привязывается к следующей маркировке.

2. Если маркировок с *D* нет, ударение привязано к самой левой маркировке, содержащей \downarrow или \leftarrow .

3. Если маркировок с \downarrow или \leftarrow нет, ударение привязано к самой правой маркировке, содержащей \rightarrow .

Б. Формула «ударение привязано к некоторой маркировке» означает:

¹³ Именно в такое положение попадает П. Гард (Гард 1978, с. 369—376), который постулирует для корней всего три маркировки, но, чтобы справиться, например, с различием между *черта́м* и *беда́м*, вынужден приписать окончанию *-ам* (и другим подобным) неустойчивую маркировку (без строгих правил, регламентирующих эту неустойчивость).

¹⁴ Однако для целой словоформы этого сделать нельзя, поскольку, как отмечено выше, в нашем описании окончания не получают маркировок.

если маркировка содержит ↓, то ударение падает на самую соответствующую гласную¹⁵;

если ←, то ударение падает на ближайшую гласную слева¹⁶;

если →, то ударение падает на ближайшую гласную справа; если таковой в пределах основы уже нет, основа безударна (точнее: слово относится к нетривиальному акцентному типу, см. § 1.18).

Примеры действия базисного правила (морфема, к которой привязано ударение, подчеркнута):

банд-ит-изм-	—	бандит <u>и</u> зм-
↓ ↓D ↓D		
черт-ёж-ик-	—	черт <u>ё</u> жик-
→ →D ←		
горош-ин-к-(а)	—	гор <u>о</u> шкин-(а)
↓ ↓ ←		
слеп-ыш-	—	слеп <u>ы</u> ш- (безударная основа, ср. слеп <u>ы</u> шá, -ú и т. д.).
→ →		

Необходимо сразу же подчеркнуть, однако, что фактическое ударение значительного количества основ не соответствует базисному правилу; оно определяется серией более частных правил, представляющих собой различного рода поправки к базисному правилу. В частности, как легко видеть, в базисном правиле вообще не фигурируют элементы дополнительной части маркировок; это значит, что акцентный эффект, который порождают эти элементы, всегда носит характер поправки к базисному правилу. Таким образом, базисное правило отражает закономерности русской словообразовательной акцентуации в сильно идеализированном виде. В ряде случаев оно используется как эталон, сравнение с которым позволяет выявить и точно охарактеризовать некоторое акцентное отклонение.

Перемаркировка

§ 1.23. Когда две или более морфемы соединяются в процессе образования производной основы (или какой-то ее части), с акцентной точки зрения имеется две возможности: акцентуация полученной основы либо соответствует базисному правилу, либо не соответствует. В первом случае мы будем говорить о «простом акцентном суммировании» морфем, во втором — об отклонении от такового.

Часть таких отклонений описывается ниже через прямое указание того, как отличается фактическое ударение от ожидаемого по базисному правилу. Но в некоторых случаях наиболее целесообразной оказывается несколько иная техника — описание через так называемую перемаркировку; иначе говоря, акцентное отклонение представ-

¹⁵ Если же такая маркировка приписана к согласной, ударение падает на ближайшую гласную слева.

¹⁶ Если влево гласных больше нет, ударение падает на начальный слог основы.

ляется как результат замены первоначальной цепи маркировок на некоторую другую (которая уже дает по базисному правилу действительную акцентуацию основы).

Соответственно, необходимо различать первоначальную (или исходную) маркировку некоторой морфемы и ее реальную маркировку в составе определенной словоформы (которая из-за перемаркировок иногда не совпадает с первоначальной).

Заметим, что у корней и приставок вся первоначальная маркировка состоит только из символа ↓ или →; любая более сложная первоначальная маркировка (равно как символ ←) возможна только для суффиксов. Но в результате перемаркировок корень может получить также символ D.

При перемаркировке может происходить также «акцентное склеивание» морфов (т. е. своего рода «акцентное опрощение»), когда два соседних морфа объединяются в единый элемент, имеющий уже не две отдельные маркировки, а одну общую.

МОРФЕМНЫЕ КОМПЛЕКСЫ

§ 1.24. В современном русском языке некоторые последовательности морфем обладают особыми акцентными свойствами, не вытекающими (в общем случае) из свойств составляющих их морфем; мы называем их ниже морфемными комплексами. Как будет видно из дальнейшего, значение морфемных комплексов для русской акцентологии очень велико (в существующих описаниях оно сильно недооценено).

Приставочно-корневые комплексы

Из всех типов морфемных комплексов наибольшее значение для русской акцентологии имеют приставочно-корневые комплексы, т. е. морфемные последовательности вида «приставка (или несколько приставок)+корень» (причем только такие, в которых все морфемы плотно присоединены друг к другу, см. § 1.4). Примеры: *при-ход*, *при-ход-(ить)*, *у-греб-(а)*, *раз-бёр-(чивый)*, *за-на-вёс-(ка)*, *не-от-вёз-(ный)*, *бес-стыд-(ство)*, *без-дёл-(ье)*, *без-ног-(ий)*; однако, скажем, *неживой* не содержит приставочно-корневого комплекса, так как *не* здесь неплотно присоединено к корню; по той же причине в слове *непроходной* представлен лишь комплекс *про-ход*, но не *не-про-ход*.

Корень, имеющий при себе консонизатор (§ 1.19), входит в состав приставочно-корневого комплекса вместе со своим консонизатором; примеры: *про-лив*, *о-стат-(ок)*.

Различаются простые приставочно-корневые комплексы (где приставка одна) и сложные (где приставок две или больше).

Приставочно-корневые комплексы представлены в русском языке в основном в следующих категориях слов: 1) глаголы, например, *приходить*, *победить*, *разбирать*, *украшать*, *пролётать*; 2) бессуф-

фиксальные имена, например, отглагольные *приход*, *победа*, *разбор*, *пролёза*, *покатый*, неотглагольные *подпол*, *безногий*; 3) суффиксальные имена, производные от слов групп 1 и 2, например, *приходский*, *победитель*, *разборчивый*, *подполье*, *пролёзничество*.

Между группами 1 и 2 обнаруживаются существенные различия в акцентуации приставочно-корневых комплексов, а в части случаев также и в выборе корневых морфов. Для группы 1 наиболее характерно ударение правее приставочно-корневого комплекса, ср. примеры выше (реже встречается иное ударение — обычно корневое, ср. *пролётеть*, *пролётеть*, *приходит*, *украсить* и т. п.). Напротив, в группе 2 господствует корневое ударение, ср. примеры выше (и лишь в незначительном меньшинстве случаев находим иное ударение — обычно префиксальное, ср. *выход*, *подпол*, *отпуск*, *провокация* и т. п.).

Различия в выборе корневого морфа между группами 1 и 2 возможны лишь для немногих (но очень употребительных) корней. Единых для всех этих корней правил выбора морфов нет; для наших целей достаточно привести ряд характерных примеров: *зарек-аться* — *зарёк*; *задр-ать*, *задер-уть*, *задир-ать* — *задр*, *задёр-а*; *подня-ть*, *подним-ать* (*подым-ать*) — *подъём*; *привез-ти*, *привоз-ить* — *привёз*; *отбй-ть*, *отобь-уть*, *отбив-ать* — *отбй*, *отбйв*. Как видно из приведенных примеров, даже и у этой группы корней нет полного разграничения между «глагольными» и «именными» алломорфами: так, неоднозначны в этом отношении, например, алломорфы *-дир-*, *-воз-*, *-бив-* (с консонизатором *в*).

Что касается группы 3, т. е. суффиксальных производных, то здесь прежде всего встает вопрос о том, от имени или от глагола произведено соответствующее слово, например, *разборчивый* (ср. *разбор* и *разбира-ть*), *входной* (ср. *вход* и *вход-ить*), *привязной* (ср. *привязь* и *привяз-ать*) и т. п.

В этой проблеме необходимо различать два аспекта: 1) семантический; 2) морфонологический (т. е. связанный с выбором морфов и акцентуацией); ср. Земская, с. 69 и далее.

Семантическая производность выражается в сохранении у производного (с модификацией, привносимой суффиксом) всех или хотя бы некоторых значений производящего. При установлении семантической производности особенно показательным является «наследование» производным словом специфических (не вытекающих с необходимостью из его морфемного состава) значений производящего. Например, слово *походный* явно семантически производно от *поход* «особый вид военного или туристического передвижения», а не от глагола *походить* (не имеющего этого специфического значения); *заливный* семантически производно от *залив* «определенная часть моря», а *заливной* — от *заливать*.

Следует учитывать, однако, что существуют все же случаи, где не удается однозначно установить семантическую производность, поскольку семантические связи производного с глаголом и с от-

глагольным именем примерно одинаковы; примеры: *входной* (*входить* и *вход*), *объездчик* (*объезжать* и *объезд*) и т. п.

Морфонологическая производность выражается в том, что производное либо просто сохраняет основу производящего слова и ее акцентуацию, либо трансформирует их по некоторым стандартным правилам. Например, *разборчивый* морфонологически производно от *разбор* (а не от *разбирать* или *разобрать*); напротив, *разбирательство* морфонологически производно от *разбирать* (а не от *разбор*).

Может оказаться, однако, что некоторое слово по своим морфонологическим свойствам (акцентуация, выбор морфов) должно быть признано, скажем, отыменным производным, а соответствующее исходное имя в языке отсутствует. Например, слово *выбоина*, судя по морфу *-бой-* (ср. *отбой*, *прибой* и т. п.), должно квалифицироваться как морфонологически производное от **выбой* (а не от *выбить*, *выбивать*); между тем слова **выбой* нет. В связи с этим имеет смысл говорить просто о морфонологически глагольных и морфонологически именных приставочно-корневых комплексах в составе производных слов — в соответствии с их акцентуацией и выбором морфов и вне зависимости от того, существует ли соответствующее исходное слово реально.

Нормальным для русского языка является такое положение, при котором слова, семантически производные от глаголов, содержат морфонологически глагольный приставочно-корневой комплекс, а от имен — морфонологически именной. Однако в некоторых случаях это соответствие все же оказывается нарушенным. Так, в парах *догадаться*—*догадливый*, *введаться*—*введливый*, *удушить*—*удушливый*, *запасать*—*запасливый* семантические отношения практически такие же, как, например, в парах *бодать*—*бодливый*, *болтать*—*болтливый*, *хвастать*—*хвастливый*, *говорить*—*говорливый*. Во всех этих случаях прилагательное семантически производно от глагола (заметим, что соответствующих существительных — **догад*, **вед*, **бод* и т. п. — для большинства примеров здесь просто нет). Между тем в группе *догадливый*, *введливый*, *удушливый*, *запасливый* приставочно-корневой комплекс, судя по ударению, — морфонологически именной, а не глагольный. (Объяснить здесь корневое ударение просто тем, что суффикс *-лив-* требует ударения слева от себя, нельзя из-за акцентовки слов *бодливый*, *болтливый* и т. д.). Ср. сходную ситуацию у производных на *-чив-* (*бранчивый*, но *изменчивый*, *уступчивый* и т. п.), *-ист-* (*неказистый*, но *заливистый*, *прерывистый* и т. п.) и ряда других. Таким образом, необходимо признать, что некоторые суффиксы отглагольного (с семантической точки зрения) словообразования требуют замены морфонологически глагольного приставочно-корневого комплекса морфонологически именным.

§ 1.25. Изложенные факты дают основания для следующего общего решения вопроса о приставочно-корневых комплексах.

Всякий приставочно-корневой комплекс, входящий в состав основы определенной словоформы, является либо морфонологически глагольным,

либо морфологически именным. В общем случае это различие проявляется в ударении и/или в выборе морфов, но в частных случаях оно может и никак внешне не проявляться. В дальнейшем для упрощения терминологии мы будем говорить просто о глагольных и именных приставочно-корневых комплексах (считая, что уточнение «морфологически» подразумевается).

По своей способности непосредственно присоединяться к глагольным приставочно-корневым комплексам суффиксы делятся на две группы: так наз. первичные способны к этому, так наз. вторичные — неспособны. Первичные суффиксы фактически всегда универсальны, т. е. могут присоединяться к любому приставочно-корневому комплексу — как глагольному, так и именному. Из вторичных суффиксов большинство способно присоединяться к именному комплексу, но некоторые (например, *-ач*) вообще неспособны присоединяться ни к какому приставочно-корневому комплексу.

Если в процессе словообразования предстоит присоединить вторичный суффикс (например, *-чив-*) к приставочно-корневому комплексу, входящему в основу некоторого глагола (например, *сговори́ться, разбира́ть*), этот комплекс должен быть предварительно превращен в именной. Практически это обычно означает определенные изменения в акцентуации и иногда в выборе морфов; так, в данном случае получаем *сговóрчивый, разбóрчивый* (а не **сговорчи́вый, *разбирчи́вый*).

Для дальнейшего необходимо уметь решать следующую практическую задачу: установить, является ли приставочно-корневой комплекс в составе некоторой словоформы глагольным или именным, не обращая при этом к сведениям об акцентуации данной словоформы¹⁷ (при том что разделение суффиксов на первичные и вторичные, напротив, предполагается уже известным). Правила здесь таковы.

Случай 1: приставочно-корневой комплекс завершает основу (в частности, равен основе) в словоформе любой части речи, кроме глагола. Такой комплекс — именной. Примеры: *прихо́д, не-прихо́д, побéд-а, пéревяз-ь, зáнавес, безно́г-ий, покáт-ый*.

Случай 2: приставочно-корневой комплекс входит в основу глагольной словоформы (личной или неличной) и либо равен этой основе, либо отличается от нее только на тематический элемент¹⁸. Такой комплекс — глагольный (например, *проле́з-ть, приход-и́-ть, улет-á-ющий*), за исключением тех немногочисленных случаев, когда глагол (на *-ить, -овать* или *-ать*) является производным от имени, содержащего приставку (например, *прока́з-и-ть, расхо́д-ова-ть* от *прока́за* 'шалость', *расхо́д*; в этих случаях комплекс именной).

Случай 3: в составе основы за приставочно-корневым комплексом непосредственно следует словообразовательный суффикс.

¹⁷ Указанное ограничение обусловлено тем, что ответ на поставленный вопрос сам должен служить одним из шагов в процедуре установления места ударения в произвольной словоформе.

¹⁸ Аффиксы неличных форм, если они есть, не принимаются во внимание.

Если этот суффикс вторичный — комплекс именной. Примеры: *сговóр-чив-ый, придíр-чив-ый, изворóт-лив-ый, подéл-к-а, вы́дел-к-а*.

Если этот суффикс первичный, то комплекс именной, если слово семантически производно от имени (например, *нарóд-н-ый, поезд-н-ой, прóволоч-н-ый, прокáз-и-ть* — от *нарóд, пбезд, прóволока, прокáза* 'шалость') или от сочетания предлога с именем¹⁹ (например, *безло-шáд-н-ый, безнадзóр-н-ый, подрúч-н-ый, бесчéст-и-ть*), и глагольный, если слово семантически производно от глагола или семантически двусмысленно (т. е. связано одновременно с глаголом и с отглагольным именем), например, *залив-н-ой, выход-н-ой, привяз-н-ой*.

Кроме того, специально для суффикса *-н-*, с которым связано наибольшее число трудностей в решении данной проблемы, имеется ряд вспомогательных правил (см. § 1.60).

Другие типы комплексов

§ 1.26. Помимо приставочно-корневых, для акцентологии существенны также некоторые другие типы морфемных комплексов. Таковы прежде всего двукорневые комплексы, т. е. морфемные последовательности вида «корень + соединительная гласная + корень» (причем такие, где все морфемы соединены между собой плотно), например, *землекóп, машинóпис-ь, светонóс-ный*. Возможны также и другие типы комплексов, получаемые усложнением основных типов за счет замены корней на целые основы или за счет увеличения числа корней. Таковы, в частности, приставочно-основные комплексы, например, *безрáдост-ный*. С акцентологической точки зрения подавляющее большинство комплексов всех этих типов аналогично именным приставочно-корневым комплексам. К глагольному типу относятся только комплексы в *руководíть, путеводител-ь, благословíть, благоволíть, благодарíть, животворíть, благотворíтельный, боготворíть*; они представляют собой арханзмы, ср. более новые образования типа *верховóдить, пúтослóбить* (с обычным именным комплексом).

В дальнейшем под общим названием именных комплексов объединяются именные приставочно-корневые комплексы и все прочие морфемные комплексы, кроме перечисленных выше исключений.

«Опорное» -ов-

§ 1.27. Хотя именные комплексы практически никогда не передают ударения присоединяемым к ним полноценным суффиксам, они в некоторых случаях передают его «пустому» морфу *-ов-*. Примеры: *Поднепрóвье, безотцóвщина, поножóвщина* (ср. *Повóлжье, подéнщина* и т. п.). Мы будем называть такое *-ов-* «опорным». С акцентологической точки зрения опорное *-ов-* ведет себя как составная часть имен-

¹⁹ Комплекс с *без-* — всегда именной, даже если его вторая часть не соответствует никакому реальному имени, например, *беспрóбúд-н-ый, безопáс-н-ый*.

ного комплекса (а не как внешний по отношению к нему морф); именно так оно и рассматривается ниже. С формальной стороны комплексы *по-днепрѳв-*, *без-отцѳв-*, *по-ножѳв-* вполне аналогичны приставочно-основным типа *без-радѳст-*, *пред-вершѳн-*. Разница лишь в том, что замена основ *днепр-*, *отц-*, *нож-* на *днепрѳв-*, *отцѳв-*, *ножѳв-* не связана здесь ни с каким изменением смысла; *днепрѳв-*, *отцѳв-*, *ножѳв-* выступают просто как своего рода «удлиненные» (и более удобные для соединения с суффиксами) варианты основы слов *Днепр*, *отец*, *нож*. Эта замена, в частности, позволяет избежать сложных сочетаний согласных, которые должны были получиться в **Поднѳпрѳе*, **безотѳщица*, **понѳжица*. В ряде случаев (например, *приднепрѳвский*, *беспѳвский*, *безгрѳвный*) равно допустимы интерпретация через опорное *-ѳв-* и через неплотное присоединение морфемы слева. Относительно возможного совмещения функций опорного *-ѳв-* и суффикса *-ѳв-* см. § 1.62.

Теоретически возможно также безударное опорное *-ѳв-* (скажем, *приарѳковский*); практически, однако, подобные примеры (все они довольно искусственны) проще интерпретировать иначе (через суффикс типа *-ѳск-* или через неплотное присоединение).

Перемаркировка морфем в составе комплексов

§ 1.28. Особые акцентные свойства, имеющиеся у части морфемных комплексов, на техническом уровне проще всего отобразить с помощью перемаркировок (§ 1.23), т. е. указать, каким изменениям подвергается первоначальная маркировка морфемы в том случае, когда морфема вступает в морфемный комплекс. Правила здесь таковы.

А. В именном комплексе (но не с приставками *вы-*, *па-*²⁰) второй член взаимен своей первоначальной маркировке, получает новую, а именно ↓ D²¹. Например, в словах *захѳд*, *нлхѳдчивѳй*, *безлѳдный*, *скѳрозѳд*, *лукомѳрье* корни *хѳд-*, *лѳд-*, *мор-* получают маркировку ↓ D; особо отметим *прѳрѳва*, *подѳшива*, *бѳздня* и т. п., где ↓ D появляется при безгласном морфе. Если в качестве второго члена выступает целая основа, а не просто корень, маркировку ↓ D получает та морфема, которая несет ударение в исходной форме слова с такой основой (если же основа в этой форме безударна или если такого слова вообще нет, то последняя морфема основы); при наличии опорного *-ѳв-* (§ 1.27) маркировку ↓ D получает это *-ѳв-*. Примеры: в словах *безрадѳстный*, *предвершѳнный*, *низкочастѳтный*, *безотцѳвица* ↓ D появляется при морфемах *рад-*, *-ин-*, *-ѳт-*, *-ѳв-*.

²⁰ Именные комплексы с приставками *вы-* и *па-* (которые имеют маркировку ↓) перемаркировке не подвергаются. Исключения: *вынѳсливѳй*, *выбѳтие* (где *вы-* ведет себя как обычная приставка); в слове *пѳскѳда* приставка уже выделима. Фактически не подчиняется данному правилу также приставка *пра-*, см. ниже, пункт I.

²¹ Это практически означает, что все остальные маркировки внутри комплекса уже несущественны; ничто не изменится, если считать, что они просто сняты.

При замене маркировок место приписки маркировки внутри морфемы в нормальном случае не меняется. Соответственно, например, в словах *обмолот*, *беззолвьий*, *длиннобородый*, *безлошадный* маркировка ↓ D приписывается к последней фонеме морфем *молот-*, *голов-*, *бород-*, *лошад-* (поскольку эти морфемы ранее имели маркировку →, ср. *моло-тить*, *головá*, *бородá*, *лошадéй*). Имеются, однако, следующие особые случаи. 1. Если второй член комплекса — это неодносложная²² основа существительного маргинально-подвижного типа с наосновным ударением в исходной форме (кроме слов с полногласным сочетанием в корне, слов на -мя и *вечер*, *козырь*, *ноготь*, *локоть*, *лемех*, *лошадь*, *степень*, *зеркало*, *озеро*), то маркировка ↓ D ставится при гласной первого слога такой основы. Отсюда такие ударения, как, например, *белокáменный*, *безоблачный*, *безъякорный*, *беспáрусный*, *двулостный*, *двулопáстный*, *обесцёлочить*. Сверх того, такую акцентовку имеют комплексы с -времен- (кроме *со-*, *по-*, *одно-*, *разно-временный*), например, *своеврéменный*, *безврéменный*. Исключения: *подмастéрь*, *Лосиноострóвская*, *Белоцерковский*; колеблются *великовóзрáстный*, *каменноóгóльный*. 2. Индивидуальные отклонения: комплексы с -образ- (кроме *безóбразный* 'лишенный образа, образности'), например, *безобрáз-ный*, *-ие*, *крестообрáзный*, *дикобрáз*; *беспринципный*, *безвоздúшный* (↓ D при конце комплекса).

З а м е ч а н и е. При окказиональном образовании подобных комплексов (в т. ч. образовании заново реально существующих слов) здесь может наступить эффект неосвоенности, состоящий в том, что любое существительное с начальным ударением в исходной форме трактуется как относящееся к тривиальному акцентному типу (ср. действие пометы Triv, § 1.34). Отсюда возможность таких окказиональных ударений, как *бескóлокольный*, *беззёркальный* и т. п. В слове *безобразный* (см. выше) этот эффект закреплен нормой для отличия от традиционного *безобрáзный*.

Из приведенного общего правила о перемаркировке внутри именного комплекса в пользу ↓ D при втором члене имеется, однако, несколько групп исключений (объем приводимых ниже списков определяется теми же принципами, что в описании суффиксов, см. § 1.39).

1. Приставки *пра-* и *су-* в значительной части случаев удерживают ударение на себе (что является следом древнего состояния, ср. § 2.22); технически это означает, что приставка получает маркировку ↓. Таковы: *пράдед*, *пράвнук*, *пράщур*, *пράотец*, *пράвнучка*; *сúмрак*, *сúпесок*, *сúтолока*, *сúкровица*, *сúпрядки*, *сúмерки* (ср. также опростившиеся *сúдорога*, *сúтки*; в словах *пράзелень*, *сúтьемь*, *сúпесь*, *сúтолочь* начальное ударение можно объяснить эффектом суффикса ⁻³, § 1.43). Чаще, однако, приставка *су-* ведет себя по общему правилу, например, *сустáв*, *суглúнок*, *сумя́тица*, *супорóся*, а приставка *пра-* неплотно присоединяется к имени, например, *п्राзы́к* (с сохранением флексийного ударения), *п्राрóдина*, *п्राдéдушка*.

²² Неодносложная в том виде, в котором она входит в состав комплекса; таким образом, сюда относятся и случаи типа *подлокотник*, *белокáменный*.

II. Наиболее многочисленная группа исключений — существительные мужского рода с основой, равной приставочно-корневому комплексу, обнаруживающие не корневое, а начальное ударение (типа *за́пуск*). Строгих правил распределения слов данной структуры между моделями *заход* (по основному правилу) и *за́пуск* нет. Обнаруживается, однако, некоторая связь этого распределения с фонологическим составом корня (ср. Устинова 1980); соответственно, ниже слова модели *за́пуск* указаны с разделением по данному признаку.

1. Существительные с односложной приставкой и корнем, оканчивающимся на *к* (кроме односложных корней на /ок/, /ек/ — графически *ок*, *ёк*, *ек*). Примеры²³: *при́знак*, *при́зрак*, *о́блик*, *о́тклик*, *о́крик*, *на́волок*, *о́бморок*, *у́молк* (без *у́молку*), *ро́счерк*, *на́сморк*, *про́блеск*, *на́плеск*, *по́иск*, *ро́зыск*, *на́тиск*, *за́пуск*, *про́пуск*, *по́рыск*, *о́тпрыск*, *при́звук*, *при́стук*, *на́вык*, *про́мельк*; также *неу́к*. Отклонения: *прили́к*, *упу́ск*, *нары́ск*, *приты́к* (все эти слова очень редкие); они идут по общему правилу.

2. Существительные с односложной приставкой и корнем, оканчивающимся на сочетание /и/, /у/ + шумная глухая согласная (за которой может также следовать еще одна согласная). Фактически это прежде всего корни *куп*, *ступ*, *сын*, *дых*, *дух*, *слух*, *кус*, *свист*, *кис(ел)*, *мыс(ел)* (для конечного *к* см. пункт 1). Примеры: *по́дкуп*, *о́ткуп*, *до́ступ*, *при́ступ*, *про́сып* (без *про́сыпу*), *о́тдых*, *про́дух*, *на́вис*, *при́кус*, *и́скус*, *по́свист*, *при́свист*, *на́хлыст*, *о́кисел*, *про́мысел*, *у́мысел*; также *не́слух*, *неу́ч*; особо отметим *при́вкус* (с двумя приставками). Отклонения: *усту́п*, *заку́т* (но также и *за́кут*), *уку́с*, *надку́с*, *проку́с*, *отку́с*, *пони́х*; они идут по общему правилу (см. также выше примеры с колебанием).

3. Следующие существительные такой же структуры, как в пункте 2, но со звонкой, а не глухой согласной: *по́гиб*, *по́шиб* (в иконописи), *о́труб* (земельный участок), *при́визг*, *о́бжиг*, *ро́зжиг*, *о́тжиг*, *на́стриг*, *по́стриг*, *о́круг*, *за́стриг*, *на́стриг*, *по́дгрудь* (ср. еще разг. *ра́струб*); также *не́друг* и сокращение *неуд*. Ср. идущие по общему правилу *уши́б*, *разру́б*, *испу́г* и т. п.

4. Прочие: *на́долб*, *при́став* (должностное лицо), *о́тзыв* (мнение, документ), *за́берег* (от *бе́рег*), *о́берег* (от *о́берега́ть*), *по́тяг*, *про́пад* (*пропади́ про́падом*), *по́езд*, *при́вод* (в технике), *до́вод*, *по́вод*₁₋₂, *про́вод*, *при́город*, *у́держ* (*у́держу не́т*), *по́дрез* (у полоза), *про́сек*, *про́бел* (в иконописи), *ра́зум*, *по́дпол*, *за́говор* (тайное соглашение), *до́гово́р*, *сго́вор*, *во́зглас*, *за́навес*, *о́тсве́т*, *за́ворот* (*кишок*), *во́зраст*, *про́мах*, *за́пах*, *при́порох*, *по́длинь* (ср. еще разг. *ро́злив*, *при́говор*); также *не́клен*, *не́чет*.

З а м е ч а н и е 1. Исторически относились сюда же, но к настоящему времени опростились (хотя степень забвения первоначальной структуры у них и различна) слова: *по́греб*, *спóсоб*, *о́стов*, *о́стров*, *по́двиг*, *по́лог*, *у́зле́г*, *за́пад*, *о́вод*, *о́браз*, *за́мок*, *о́жорок*, *о́трок*, *за́крол*, *о́цеп*, *по́вар*, *у́жас*, *по́яс*, *при́чет*, *о́мут*,

²³ В списке отражены почти все реально встретившиеся корни.

бнит, сблблх, пбтрох, пбсох, ббўх, вбздух, ббруч. Возможно, следует считать опростившимися также и *пбишб, бкруг, пбезд, прїзрак, бблик, бчерк, пбчерк, рбзум*, включенные выше в общие списки.

З а м е ч а н и е 2. В некоторой части случаев между словами основной акцентной модели (*проезд*) и акцентной модели *пбезд* обнаруживается следующее семантическое различие: для модели *проезд* более характерно значение собственно действия (или места действия), для модели *пбезд* — значение объекта (возникающего в результате действия, служащего для действия или как-то иначе с ним связанного). Этому часто сопутствует еще одно различие: значение существительного связано со значением глагола в модели *проезд* более прямо и прозрачно, в модели *пбезд* — более отдаленно и нередко даже идиоматично. Приведем характерные примеры: *пробод* (действие) — *прбвод* (электрический), *прїзд* (действие) — *прївод* (элемент технического устройства), *отзье* (посла) — *отзье* (мнение, документ), *отруб* (место, по которому отрублено) — *отруб* (земельный участок), *подрез* (место, по которому подрезано) — *пбдрез* (железная полоска на полозе); ср. также, например, *проезд* — *пбезд*, *испўг* — *їзверг* и др.

С технической точки зрения, у слов *отруб, прїстав, бкруг, пбезд, прбвод, пбдрез, прбпуск* (документ), *отпуск, прбел, откуп, дбговор* (факультативно также у *прбмысел, вбзраст*) основа вместо своей прежней двучленной маркировки получает единую маркировку → при последнем слоге. Соответственно, эти слова имеют нетривиальное ударение (а именно, схему *с*, см. § 1.18). Такую же маркировку из числа опростившихся имеют *пбгрбб, бстров, ббраз* 'икона', *бкорок, збкром, пбвар, пбяс, пбтрох, ббруч* (факультативно также *бвод, бмут*). У всех прочих приведенных выше (включая замеч. 1) слов основа вместо прежней двучленной маркировки получает единую маркировку ↓ при первом слоге. Пример:

до-вод-	заменяется на	довод-
→ →		↓
с-говор-	» »	сговор-
→ →		↓

III. Исключениями из общего правила являются также следующие существительные и прилагательные: 1) *замбк, побл* (лицо) (ср. также опростившееся *утбк* 'поперечные нити ткани'); 2) *блбвест*; 3) *нбдолба, заберега, прбжизга, збдруга, збстрўга, збсека, прбсека, збволока, нбволока, пбдволбкa, прбволока, збсуха* (ср. также опростившееся *прїтолока*); *прбводы, прбиски, пбхороны*²⁴; 4) *пбслушник, збработок, прїработок, збросток, нбигрыш, прбигрыш, рбзыгрыш, бтыгрыш; нбволочка, прїгбршня; збговенье, рбзговенье, збволочье; збморозки, збговены, рбзговены; збгородный, нббережная, нббожный, збработный, нброчный, прїстальный* (ср. также опростившиеся *збпонка, прїторный*). В словах *замбк, побл, пбхороны* приставочно-корневой комплекс получает единую (вместо прежней двучленной) маркировку → при корне; в прочих словах он получает единую маркировку ↓ при начальном слоге.

²⁴ В словах *отруби, пбдмости, пбручи* и т. п. начальное ударение объясняется эффектом суффикса -'.

З а м е ч а н и е 3. Для комплексов с неслоговым корнем действие общего правила (пункт А) в принципе приводит к результату, представленному в словах *заём* (Р. ед. *займа*), *наём* (Р. ед. *найма*). Однако в современном языке такое ударение резко отклоняется от синхронического стандарта, требующего для существительных с беглой гласной колонного ударения (по крайней мере, в рамках одного числа) — либо типа *котёл*, *котла́*, либо типа *дятел*, *дятла*. Отсюда два типа выравниваний: 1) *замо́к*, *посёл*, *уто́к* акцентуируются по модели *котёл*, *котла́*, ср. Р. ед. *замка́*, *поса́*, *утока́*; 2) в *побя́ня*, *притча́*, *причт* (*причет*) обобщилось начальное ударение (уже не переходящее на беглую гласную, ср. *побьен*, *приточник*, *причет*); формально сюда же относятся *сутки*, *суток* (фактически здесь сохраняется древняя ударность *су-*), *замо́к*, *за́мка* (заимствование из польского). Еще шире представлена перестройка, устранившая чередование беглой гласной с нулем: ср., с одной стороны, *прорва́*, *подбива́*, *бездна́*, *притча́*, *у́йма*, *прóйма* и т. п. (Р. мн. *прорва́*, *подбива́*, *бездн*, *притч*, *у́йм*, *прóйм*), также *побилья́*, *пошл*, *сонм*, *сонма́*, *причт*, *притча́*, с другой стороны, *подъём*, *приём*, *учёт*, *расчёт* и т. п. (Р. ед. *подъёма́*, *приёма́*, *учёта́*, *расчёта́*). В значительной части приведенных примеров перестройке способствовало опущение слова (выводившее его за рамки синхронических словообразовательных закономерностей).

В связи с исключениями, указанными выше (пункты I—III), необходимо дополнительно указать следующее. Слова, семантически производные непосредственно от существительных, указанных в этих пунктах (например, *запа́дный*, *при́городный*, *при́зрачный*, *сумра́чный*, *на́сморо́чный*, *прóволо́чка*, *бла́говестить*, *поезднóй*, *о́кружнóй*, *поводóк*), акцентуируются на базе этих существительных (т. е. сохраняют их ударение или трансформируют его по общим правилам словообразования). Исключения: *безобра́зный* и прочие с *-образ-* (см. выше), *разу́мный*, *заговóрный* (от *заговóр* 'заклинание, колдовство'), *похорóнный*; для опростившихся слов можно указать еще *подви́жник*, *ужас́ный*, *возду́шный*. Если же производное семантически связано с глаголом (или одновременно с именем и глаголом), действует общее правило пункта А; примеры: *сговóрчивый*, *отзы́вчивый*, *засу́шливый*, *послу́шный*, *неподку́пный*, *досту́пный*, *поездка́*, *доведка́*, *промáшка*, *проволóчка*. То же и в случаях, когда производное имеет какую-то иную деривационную историю, но произведено не от рассматриваемого существительного, например: *способнóй*, *подбильнóй*, *облицье́*.

IV. Совершенно особую группу слов, образованную с помощью приставок, составляют наречия типа *на́сухо*, *пóсуху*, *слегка́*, *налегке́* (в Обр. их около 180). Их акцентуация не подпадает под действие общего правила пункта А; в то же время она лишь в малой степени зависит и от акцентуации соответствующих прилагательных. У рассматриваемых наречий встречается три типа акцентовки: 1) ударение на приставке (*на́сухо*); 2) конечное ударение (*налегке́*); 3) ударение на базовом компоненте (*помно́гу*); если базовый компонент неодносложен, в этом типе акцентовки сохраняется ударение краткой формы ед. сред. соответствующего прилагательного (*понапрáсну*). При неслоговой приставке противопоставление типов 1 и 3 нейтрализуется (*вскóбре*). Принадлежность наречия к тому или иному типу

акцентовки в значительной мере зависит от морфологической модели.

1. Для моделей *из—а*, *сыз—а*, *на—о*, *за—о* нормой является ударение на приставке, например, *и́зредка*, *и́здавна*, *и́скоса*, *и́счерна*, *и́скрасна*, *и́зелена*, *и́зжелта*; *сы́знава*, *сы́змала* (также *сы́змалу*), *сы́здавна*; *на́криво*, *на́ново*, *на́мертво*, *на́коротко*, *на́бело*, *на́черно*, *на́скоро*, *на́чисто*, *на́глухо*, *на́сухо*, *на́двое* (также *пе́рво-на́перво*, *стре́го-на́строго* и т. п.); *за́дешево*, *за́живо*, *за́мертво*, *за́светло*, *за́темно*, *за́просто*. Отклонения: *издалека́* (и *издале́ка*), *издале́ча* (*издале́че*); *напра́во*, *нале́во*, *надблго*, *намнбго*, *наско́лько*, *насто́лько*, *наве́рно*, *наве́чно*; *задблго* (ср. нелитер. *задолго*), *заеди́но*. Колеблются *на́злб*, *на́голб* (ср. также устаревшие варианты *набелб*, *начернб*).

2. Группа наречий с приставочным ударением представлена в модели *по—у*: *пбровну*, *пбпросто*, *пбпусту*, *пбсуху* (ср. также редкие и устаревшие *пблюбу*, *пброзну*, *пботемну*, *пбчасту*). Однако чаще здесь выступает ударение на базовом компоненте, например, *подблгу*, *помнбгу*, *неподале́ку*, *постб́лку*, *помáлу*, *понапра́сну*, также *потихо́ньку* и т. п.; особо стоит *подобру́-поздорбу*.

Специально отметим, что приставочное ударение представлено в современном языке отнюдь не только у тех наречий, которые образованы от прилагательных маргинально-подвижного типа; ср., в частности, *и́счерна*, *на́мертво*, *на́бело*, *на́черно* и др.

3. В модели *на—е* представлено конечное ударение: *налегке́*, *накоротке́*, *навеселе́*, *наравне́*, *наедине́*; ср. также *насторожé*. Отклонение: *нагото́ве* (ср. нелитер. *наготове́*).

4. Модель *до—а* колеблется между конечным и приставочным ударением: *донага́*, *допоздна́*, *дополна́*, *дотемна́*; *дбчиста*, *дбсыта* (устар. *досы́та*), *дбсуха*; *дббела́*, *дбкрасна́*, *дбчерна́*, *дбпьяна́*.

5. Значительные группы наречий с конечным ударением представлены в моделях *в—е* и *с—а*: *вдалекé*, *вдвойне́*, *втройне́*, *вполне́*, *вчерне́* (также *вообще́*, *вотце́*); *сперва́*, *слегка́*, *сполна́*, *сглуна́*, *неспроста́*, *сгоряча́*. Однако чаще здесь выступает начальное ударение, например, *внбве*, *втáйне*, *вскбре*, *вкратце́*, *спра́ва*, *сле́ва*, *спья́на*; только такое ударение в модели *с—у*, например, *смблodu*, *спья́ну*, также *сбслепу*. Особый случай: *вбвсе*.

6. В прочих случаях (их сравнительно немного) выступает ударение на базовом компоненте, например, *пода́вно*, *воеди́но*, *впра́во*, *вче́тверо*, *впя́теро*, *издрéвле*. Особо отметим *неда́вно*, с плотно присоединенным *не* (ср. *давнб*).

Б. Если в составе основы имеется глагольный приставочно-корневой комплекс с *вы-*, то везде, кроме словоформ с грамматическим значением совершенного вида²⁵, у приставки *вы-* маркировка ↓ меняется на → (практически это значит, что *вы-* здесь будет безудар-

²⁵ Грамматическим значением вида обладают только личные формы, причастия, дееспричастия и инфинитивы.

ным). Например, в *выбира́ть*, *выезжа́ет*, *вынесёние*, *выпрямитель*, *выразительный* *вы-* получает →. Исключение: в глаголе *вы́глядеть* 'иметь вид' *вы-* сохраняет ↓, несмотря на несовершенный вид.

З а м е ч а н и е 4. В силу индивидуальных особенностей приставки *вы-* противопоставление именных и глагольных приставочно-корневых комплексов выступает здесь в составе имен (но не глаголов) особенно наглядно: первые имеют ударение на *вы-* (кроме слов *выблслывый*, *выбытие*), вторые — не на *вы-*. Примеры: 1) *вы́ход*, *вы́пуск*, *вы́жига*, *вы́дирка*, *вы́шивка*, *вы́боина*, *вы́водок*, *вы́севки*, *вы́гонщик*, *вы́кидыви*; 2) *вы́гребной*, *вы́шивной*, *вы́пиво́ха*, *выне́сение*, *выпрямитель*, *вы́резыватель*, *выразительный*, *вычислительный*. Это свойство приставки *вы-* особенно ценно при анализе суффиксов с маркировкой ← (например, *-к-а*): регулярное ударение на *вы-* (*вы́дирка*, *вы́кладка*, *вы́ставка* и т. д.) сразу показывает, что суффикс требует именного комплекса, т. е. относится к числу вторичных, тогда как по примерам типа *обды́рка*, *раскля́дка*, *подста́вка* этого еще непосредственно не видно (поскольку корневое ударение могло бы объясняться здесь и маркировкой суффикса).

АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ОСНОВ

§ 1.29. Базисное правило (§ 1.22) предназначено для непосредственного перехода от цепи маркировок произвольной основы к ее акцентуации. Если бы это правило сразу давало правильный результат для любой основы, оно было бы, конечно, самым простым средством определения акцентуации производных слов. Однако, как уже было отмечено, на самом деле действие базисного правила отягощено большим числом разнообразных поправок, из-за которых во многих случаях вычисление акцентуации по базисному правилу превращается в слишком громоздкую операцию.

Кроме того, в ряде случаев требуется определить акцентный результат присоединения некоторого аффикса к целой основе (в частности, многоморфемной). В принципе базисное правило может дать ответ и на этот вопрос, но довольно сложным путем — через обращение ко всей цепи маркировок данной основы. При этом существенно следующее: если некоторое производное слово является исключением из акцентных правил, т. е. имеет аномальное ударение, дальнейшие производные «наследуют» (т. е. сохраняют или закономерно преобразуют) именно это аномальное ударение; его аномальность несколько не мешает тому, чтобы в последующем словопроизводстве к нему применялись стандартные общие правила. Например, ударение *беспринци́пный* аномально (ср. *принци́п*); но оно без всяких затруднений «наследуется» словом *беспринци́пность*. В подобных случаях обращение к базисному правилу означает, что мы вновь должны пройти все формальные трудности, связанные с наличием аномалии в производящей основе, при том что интересующий нас шаг (присоединение суффикса) сам по себе акцентно регулярен.

Таким образом, с практической точки зрения полезно иметь, помимо базисного правила, также поэтажные правила, отражающие акцентный эффект каждого из последовательных шагов деривационной истории слова. Понятно, что для таких правил требуется не-

которая акцентологическая классификация целых основ (а не только отдельных морфем).

Используемая ниже классификация такова. Основы слов (как производных, так и производных) делятся на так наз. сильные, слабые²⁶ и промежуточные. Далее, сильные основы делятся на доминирующие и недоминирующие.

Этой классификации в подавляющем большинстве случаев достаточно для того, чтобы правильно установить акцентуацию производных; лишь в нескольких исключительных случаях (а именно, когда суффикс имеет акцентную особенность Marg, Triv или Deox, см. § 1.21), необходима дополнительная информация — о принадлежности производящего слова к маргинально-подвижному или флекссионному акцентному типу.

§ 1.30. Сила или слабость основы определяются в первую очередь акцентным типом соответствующего слова. Основной принцип состоит в том, что у слова с тривиальным ударением основа сильная, а с нетривиальным — слабая²⁷.

От этого принципа имеются, однако, некоторые отклонения.

А. В определенных случаях основа является, вопреки основному принципу, слабой, а не сильной.

1. Часть существительных с непоказательным тривиальным ударением (§ 1.10, примеч.), т. е. *singularia tantum*, ведет себя при словообразовании как слова маргинально-подвижного акцентного типа. Это как бы латентная (с точки зрения словоизменения) маргинальная подвижность, которая становится явной в словообразовании. Таковы, во-первых, следующие *singularia tantum*²⁸: а) все производные, содержащие (в исходной словоформе) полногласные сочетания *бло*, *бро*, *эле*, *эре* в корне, например, *глод*, *хвост*, *нёрест*, *мёрсь*, *золото*; б) слова (условно обозначенные в дальнейшем как «группа воск») *клад*, *блуд*, *мрак*, *рок*, *риск*, *воск*, *лоск*, *хлам*, *срам*, *шум*, *крен*, *хрен*, *дёрн*, *тёрн*, *сап*, *мир* 'рах', *сор*, *тёс*, *ворс*, *форс*, *гнус*, *блат*, *фарт*, *бут*, *страх*, *смех*; *диво*, *пиво*, *сёно*, *прёсо*, *мясо*, *тёсто*, *брёхо*; *сталь*, *гниль*, *лень*, *дрянь*, *дурь*, *лесть*, *грусть*. Во-вторых, следующие существительные с И. мн. на -ья (которые в силу § 1.7 оказываются в таком же положении, как *singularia tantum*): *пблос*, *кблос*, *дэрево*; *обод*, *пбвод*; *друг*, *муж*, *кум*, *сын*, *князь*, *зять*. Наконец, сюда же примыкают неизменяемые слова *сквозь* и *сплошь*. Все эти слова имеют слабую основу; более того, везде, где это может быть существенно для словообразования, эти слова в дальнейшем

²⁶ В основе наименования лежит образ силы или слабости в «борьбе» за сохранение за собой ударения.

²⁷ Если ударение слова колеблется между тривиальным и нетривиальным типом, основа оценивается (кроме особо оговариваемых случаев) по нетривиальному варианту, т. е. как слабая.

²⁸ Помимо «чистых» *singularia tantum*, в список включены также слова *шум*, *страх*, *сёно*, *мясо*, *брёхо*, *сталь*, у которых мн. число относительно более реально, чем у остальных.

считаются принадлежащими именно к маргинально-подвижному типу.

2. В особом положении находятся глаголы с односложным корнем, имеющие тривиальное ударение, например: *ма́зать, сма́зать, ре́зать, разре́зать, ста́вить, подста́вить*. Их полная основа, включающая тематический элемент, — сильная (в соответствии с основным принципом); отсюда такие ударения у производных, как *ре́зательный, ре́за-лка* и т. п. Но их усеченная основа (§ 1.19), т. е. оканчивающаяся корнем, — слабая; отсюда такие ударения у производных, как *смаз-нбй, рез-нбй, подстав-нбй* и т. п. Таким образом, всякая глагольная основа, оканчивающаяся односложным корнем, — слабая, независимо от акцентуации глагола. Следует учитывать только, что акцентный эффект этого правила может проявиться лишь там, где не возникло именного приставочно-корневого комплекса (в противном случае ударение производного уже определяется правилами о таких комплексах); в частности, он никогда не может проявиться перед вторичным суффиксом.

Б. У слов мужского рода со срединноударной (в И. ед.) трехсложной основой, примыкающих к маргинально-подвижному типу, например, *проже́ктор, профе́ссор, учи́тель* (условное обозначение — «группа прожектор»), основа сильная.

В. Следующие группы слов имеют так наз. промежуточную по силе основу (об акцентных свойствах таких основ см. § 1.33). В приводимых ниже определениях групп везде подразумевается оговорка «кроме слов, указанных в А».

1. «Группа *рак*»: непроизводные существительные мужского и женского рода с нулевым окончанием (графически нуль, -ь) в И. ед., имеющие односложную²⁹ основу и тривиальное ударение. Примеры: *рак, тигр, заяц, хам, трус, гнев, нить, мысль*.

2. «Группа *буйвол*»: существительные мужского и женского рода с нулевым окончанием в И. ед. (не оканчивающиеся на *ий, ик, ук* и не содержащие приставок *вй-, пй-, сй-*), имеющие двусложную основу и тривиальное ударение на начальном слоге. Примеры: *буйвол, дьявол, вброн, мускул, хбхот, мусор, збпах, мебель, рухлядь, пряхоть*.

3. «Группа *якорь*»: существительные мужского рода с нулевым окончанием в И. ед., имеющие двусложную основу (но без полногласного сочетания *оло, оро, еле, ере*), оканчивающуюся на сонант (/л/, /л'/, /м/, /н/, /н'/, /р/, /р'/) или *с*, и маргинально-подвижное ударение, кроме слов *сбоболь, пбвар, вбчер, кбзырь*. Примеры: *якорь, бкунь, ббфер, кбпол, брден, пбрус, абрес*. Сверх того, в «группу *якорь*» входят: *камень, уголь, лапоть* (где основа содержит беглую гласную) и *паспорт*.

Г. Инфинитивная основа (неусеченная) некорневых глаголов (например, *писа-, спа-, сиде-*) в словообразовании всегда выступает как сильная.

²⁹ Беглая гласная здесь и в последующих пунктах в счете слогов не участвует.

З а м е ч а н и е. У небольшого числа слов имеется та индивидуальная особенность, что все закрепленные узусом производные от них как бы образованы от основы с иной, чем в исходном слове, акцентуацией. Таковы, прежде всего: *кблoкoл*, *гoспитaль*, *пoхoрoны*; *жeмчyг*, *рaзум*, *yжac*, *вoздyх*, *бceнь*, *пeчeнь*, *пoскoнь*, *прeлeсть*, *зaвьeсть*, *нeнaвьeсть*, *рeкoшь*; также *прoтив*. Все они ведут себя при словообразовании так, как если бы имели неподвижное ударение на последнем слоге основы, ср. *кoлoкбльный*, *жeмчyжинa*, *вoздyжный*, *пeчeнкa*, *зaвьeтник* и т. д. Близки к этой группе также *лeкapь*, *пeкapь*, *тoкapь*, *слeсapь*. Далее, слова *сoгoл*, *свeтa* (схема *a*) проявляют себя как **coкбa*, **свeклa* (схема *b*); *мьлo* (схема *c*), *дeньгa* (схема *e//a*) — как слова схемы *a*. Производные, опирающиеся на реальное ударение исходного слова, возможны здесь лишь в сфере окказионального словообразования по продуктивным моделям (скажем, *кoлoкoлбк*, *жeмчyжбк*, *свeткoлкa*). Как показывает история, в большинстве указанных здесь случаев аномалия возникла за счет изменения акцентуации исходного слова (тогда как в производных изменения не было).

Доминантной является сильная основа, в которой корень получил свойство доминантности. Практически это возможно только в силу правила о именных комплексах (§ 1.28, А). Таким образом, деление сильных основ на доминантные и недоминантные должно производиться после действия правил об именных комплексах. Примеры доминантных основ: *нарoд-*, *нарoдн-ый*, *нарoдничeств-o*, *oбнapoдoвa-ть*, *бeзpeдн-ый*, *oбeзpeди-ть*, *yнaвoзби-ть*, *нaпpoкaзи-ть*.

Классификация основ непосредственно применима также и к базовым компонентам, образованным этими основами. В целях общности целесообразно распространить предложенную классификацию также на остаточные базовые компоненты. Поскольку в этом случае нет реального слова с интересующей нас основой, при классификации нельзя использовать акцентный тип слова. Вместо этого приходится обращаться к цепи маркировок и базисному правилу. Если по базисному правилу (с необходимыми поправками там, где в маркировках есть дополнительные части) цепь маркировок рассматриваемого базового компонента дает ударение на нем самом — этот компонент считается сильным, если правее него — он считается слабым. Что касается доминантности, то она устанавливается на основе общих правил об именных комплексах (эти правила не зависят от наличия или отсутствия самостоятельного слова с рассматриваемой основой). Пример: в *бeздeл-иц-a* остаточный базовый компонент *бeздeл-* — сильный доминантный (он равен именному приставочно-корневому комплексу).

Разумеется, указанные приемы в принципе можно применить и к реальным основам (а не только к остаточным базовым компонентам). Теоретически при этом должен получиться тот же результат, что и при учете акцентного типа соответствующего слова. [Практически, однако, возможно и расхождение: реальное слово может оказаться исключением из тех или иных акцентных правил. Поскольку, как уже отмечено выше, в словопроизводстве «наследуются» реальное (хотя бы и аномальное) ударение производящей основы, акцентологическая классификация основ строится (везде, где это возможно) на учете реального ударения слова, а не теоретически ожидаемого.

АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИ ОБУСЛОВЛЕННОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ НА СОЧЕТАЕМОСТЬ МОРФЕМ

§ 1.31. В современном русском языке действует следующее важное ограничение на сочетаемость морфем внутри словоформы: доминантный базовый компонент не может сочетаться с доминантным суффиксом, требующим постановки ударения правее базового компонента (т. е. с основной маркировкой $\downarrow D$ или $\rightarrow D$). По этой причине невозможны, например, слова: **народ-ист*, **двоебор-ист*, **беспутн-оват-ый*, **унавож-а-ть* (хотя возможны *службист*, *значкѣист*, *шахматѣист*, *цеголевѣтый*, *унижать* и т. п.); ср. свободную сочетаемость тех же базовых компонентов с недоминантными суффиксами: *нарѣдник*, *двоеборец*, *беспутненький*, *унавоживать* и т. п.

Прямых исключений из данного правила ничтожно мало. Таковы: *подслепѣтый*, *подуздѣтый*, *придурковѣтый*, *продолговѣтый*; *безделѣшка*; *простолюдин*. При этом в *подслепѣтый* явно произошло переосмысление структуры слова: из *подслѣп-ый* (почти забытое ныне слово) + *-оват-ый* оно превратилось в *под- + слепѣтый*, т. е. 'немного слепѣтый' (где *под-* неплотно присоединено к *слепѣтый*); нечто похожее можно предполагать и для других слов на *-оватый*. Слово *безделѣшка* образовано под влиянием семантически сходных *погрѣмѣшка*, *побрякѣшка* (где приставочно-корневой комплекс глагольный, следовательно, недоминантный). Относительно соединения доминантных основ с суффиксом *-анин* (обладающим неустойчивой доминантностью) см. § 1.69.

Принцип несовместимости доминантного базового компонента с доминантным суффиксом имеет большое значение для всей русской словообразовательной системы. Этот принцип делает необходимым существование в языке большого числа недоминантных суффиксов, поскольку именные морфемные комплексы, представленные в русской лексике очень широко, могут сочетаться только с такими суффиксами. Тем самым создается сильный противовес общей тенденции к приобретению суффиксами доминантности, наблюдаемой в истории русского языка (ср. § 4.6). В результате складывается характерная для современного русского языка специфическая ситуация, когда практически для каждого доминантного суффикса имеется по меньшей мере один синонимичный ему недоминантный. Так, например, при доминантном суффиксе вторичных имперфективов *-а-ть* (*унижать* от *унизить*, *повреждать* от *повредить* и т. д.) имеется синонимичный недоминантный суффикс *-ыва-ть*, который дает возможность образовать аналогичные производные (*унавоживать*, *обезвредить*) также от *унавожить*, *обезвредить* и т. п., где основа доминантна. Ср. еще, например: *правдѣист*, но *сменовѣховец*; *велосипедѣист*, но *пулемѣчик*; *расѣист*, но *нарѣдник*; *бандитѣизм*, но *злодѣйство*; *цветѣстый*, но *порѣдистый*; *глухота*, но *беззубость*, *косоглазие*. Разумеется, в приведенных парах выбор суффикса определяется не только акцентными свойствами базового компонента; правила

выбора везде более сложны. Для нас существенно лишь то, что во всех этих случаях язык обеспечивает возможность выражения соответствующего значения как при обычном, так и при доминантном базовом компоненте.

Таким образом, в современном русском языке совершенно избыточная на первый взгляд множественность суффиксов, передающих одно и то же словообразовательное значение, по крайней мере в части случаев оправдывается потребностями акцентной системы.

ПОЭТАПНЫЕ ПРАВИЛА ОПРЕДЕЛЕНИЯ АКЦЕНТУАЦИИ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ

§ 1.32. Поэтапные правила предполагают, что деривационная история любого производного представлена в виде последовательности шагов, на каждом из которых к корню или к основе (т. е. некоторой последовательности морфем, включающей корень) присоединяется один аффикс (в случае словосложения вместо аффикса выступает вторая основа³⁰). Существенно то, что для такого представления необходимо отказаться от используемого в определенных случаях в морфологии понятия одновременного присоединения к корню (основе) двух или более морфем справа и слева (так наз. префиксально-суффиксальный способ, например, *безлошадный*, *обессахарить*, сочетание сложения с суффиксацией, например, *разноязычный*, и другие комбинации; см., в частности, АГ-70, с. 41—42). Все случаи такого рода для акцентологических целей должны быть представлены в виде цепи последовательных бинарных соединений³¹. Практически мы исходим из того, что первым по порядку шагом, как правило, является соединение приставки с именной основой (или соединение двух именных основ), например, *без- + лошад-*, *без- + сахар-*, *разно- + язык-*; лишь на следующем шагу (или шагах) присоединяются прочие аффиксы. Иначе обстоит дело лишь в глаголах со структурой типа *о-слав-и-ть*, *о-чист-и-ть*: здесь на первом шагу образуется основа отыменного глагола (*слави-*, *чисти-*), а приставка присоединяется позже. Таким образом, например, основы слов *обесчестить*, *обессахарить*, имеют, с акцентологической точки зрения, структуру *о-((бес-чест)-и)-*, *о-((бес-сахар)-и)-*.

Между соединяемыми морфемами иногда могут выступать так наз. соединительные (или вставные) элементы; их включение не рассматривается как отдельный шаг деривации. В некоторых случаях конечная часть производящей основы (иногда равная отдельному морфу, иногда морфологически невыделимая) в производном отсутствует (так наз. усечение). С акцентологической точки зрения некоторые регулярные случаи этого типа оказываются целесообразным

³⁰ Главной основой при этом считается правая, а присоединяемой — левая.

³¹ Это, разумеется, не означает, что нужно менять трактовку этих типов производных слов в собственно морфологическом описании.

описывать в терминах замены одного суффикса другим (см. § 1.38). Акцентологическое описание через замену одной морфемы на другую применяется также для большинства неличных форм глагола.

Используемая на отдельном шагу деривации основа обычно является основой некоторого реального слова. Но возможен также случай, когда такого слова не существует; в частности, это нередко бывает с приставочно-корневыми комплексами. Например, основа слова *безлошадный* получена в два шага (ср. выше): 1) *без-* и *лошад-* соединяются в приставочно-корневой комплекс *безлошад-*; с акцентологической точки зрения это сильная доминантная основа с ударением на последнем слоге (см. § 1.28, А), но соответствующего реального слова нет; 2) основа *безлошад-* соединяется с суффиксом *-н-*.

При неплотном присоединении (§ 1.4) аффикса или дополнительной основы никаких изменений в акцентных свойствах главной основы не происходит; присоединенная часть может получать второстепенное ударение (но вопрос о том, когда именно это происходит, в настоящей работе не рассматривается и должен решаться обращением к словарю; см., в частности, АО и Грамм.). В дальнейшем мы рассматриваем уже только плотное присоединение.

Излагаемые ниже поэтапные правила состоят в том, что для каждого из возможных типов единичных шагов деривации указывается, как из акцентных свойств двух соединяющихся компонентов вытекают акцентные свойства полученной на этом шагу деривации основы. Исходными данными являются: для аффиксов — их маркировки; для основ — их разделение на сильные, слабые и промежуточные, для сильных также на доминантные или недоминантные (§ 1.29—30); в особых случаях используются также некоторые дополнительные сведения о производящем слове. Результатом действия правил является указание акцентного типа полученной основы (по той же классификации), для сильных основ — также места ударения внутри основы. О том, как на основании этих данных восстанавливается акцентуация всей парадигмы слова, см. § 1.18.

§ 1.33. При присоединении слева образуется морфемный комплекс; его акцентуация подчиняется правилам § 1.28.

При присоединении справа, т. е. суффиксации, правила таковы. При соединении базового компонента (который, в частности, может быть равным корню) с суффиксом ударение может оказаться привязанным либо к первому, либо ко второму; выбор определяется по табл. 2.

Промежуточные по силе основы (не упомянутые в табл. 2) обладают следующими свойствами. Если суффикс содержит ←, то они ведут себя как сильные недоминантные. Если суффикс содержит ↓ или →, то их поведение определяется прагматическим фактором (§ 1.5), а именно: если производное является освоенным, они ведут себя как слабые, если неосвоенным — как сильные недоминантные (примеры см. в § 1.50).

Таблица 2
Ударение суффиксальных производных

Базовый компонент		Основная маркировка суффикса		
		с D		без D
		↓ D, → D	← D	
сильный	доминант- ный	такое соединение невозможно (§ 1.31)	ударение привязано к суффиксу	ударение привя- зано к базовому компоненту
	недоминант- ный	ударение привязано к суффиксу		
слабый				ударение привя- зано к суффиксу

Если ударение привязано к базовому компоненту, полученная производная основа сильная (ее доминантность или недоминантность такая же, как у базового компонента); место ударения внутри основы — такое же, как в базовом компоненте. Иначе говоря, в этом случае присоединение суффикса не меняет ни места ударения, ни акцентного типа производящей основы.

Если ударение привязано к суффиксу, акцентуация производной основы определяется наличием ↓, ← или → в маркировке суффикса, а именно:

при ↓ ударение падает на сам суффикс ³²; производная основа сильная недоминантная;

при ← ударение падает на ближайшую к суффиксу гласную слева ³³; производная основа сильная недоминантная;

при → производная основа слабая; производное слово имеет нетривиальное ударение (подробнее см. § 1.18).

§ 1.34. Если в маркировке суффикса, кроме основной части, имеется еще и дополнительная, то в полученный по общему правилу результат вносятся определенные поправки. Ниже указано, какую поправку вызывает каждый из дополнительных символов.

Init («начальное ударение»). Символ встречается только при основной маркировке ← D и вызывает ударение на начальном слоге производной основы (вместо ближайшей к суффиксу гласной слева). Пример: суффикс *-ень* ← D Init от комплекса *пере-верт-* дает *пéревертень* (а не **перевёртень*).

Monosyll («ударение требует поправки при односложности базового компонента»): всякий недоминантный односложный базовый

³² Если суффикс двусложный — на место, куда приписана маркировка, если неполновокальный — на ближайшую к точке маркировки гласную слева.

³³ Если таковой нет — на первый слог производной основы.

компонент (не остаточный) трактуется как слабый. Пример: суффикс *-арь* (отыменный) → Monosyll от слова *пушка* дает *пушка́рь*, *-я* (а не **пушкарь*); ср. *апте́карь* от *апте́ка*.

Polysyll («ударение требует поправки при неоднозначности базового компонента»): если ударение привязано к суффиксу, а базовый компонент неоднозначен (кроме случая, когда он двусложен за счет того, что корень или приставка содержит полногласное сочетание *оло*, *оро*, *еле*, *ере*), ударение в производной основе падает на слог левее, чем было бы без данной пометы; в частности, вместо ударения на окончаниях выступает ударение на последнем слоге основы. Пример: суффикс *-ц-о/е* → Polysyll от слова *окно* дает *око́нце* (а не **око́нц*); ср. *вино́ц* от *вино́*.

Marg («суффикс становится правоударным при маргинальной подвижности у производящего слова»): если производящее слово относится, хотя бы факультативно, к маргинально-подвижному акцентному типу, суффикс с маркировкой ↓ или ← ведет себя как при маркировке →. Пример: суффикс *-н-* (в отыменных относительных прилагательных) ← Marg от *лес* дает *лесно́й* (а не **лэ́сный*).

Triv («маргинально-подвижное ударение производящего слова трактуется как тривиальное»): если производящее слово — это существительное маргинально-подвижного акцентного типа, имеющее в исходной словоформе ударение на основе, то это производящее слово трактуется как имеющее тривиальное ударение (при той же исходной словоформе). Одновременно помета Triv требует трактовки всех промежуточных по силе основ как сильных. С практической точки зрения, маркировка ↓ Triv дает в производном ударение, колонное с Р. ед. исходного существительного. Пример: суффикс *-ов* (в притяжательных прилагательных и фамилиях) ↓ Triv от *нос*, *глубь* дает *Носов*, *Глубев*.

Deox («флексионное ударение производящего слова трактуется как тривиальное»): если в производном слове базовый компонент неоднозначен, а производящее слово — это существительное мужского рода флексионного акцентного типа, то это производящее слово трактуется как имеющее тривиальное ударение (при основе, равной исходной словоформе). С практической точки зрения, маркировка ↓ Deox дает в производном ударение, колонное с И. ед. исходного существительного. Пример: суффикс *-и-ть* ↓ Deox от слова *ба́трак*, *-а́* дает *ба́трачить*, от *песко́к*, *песка́* — *песко́чить*.

МАРКИРОВКИ ПРИСТАВОК

§ 1.35. Приставки *вы-* и *на-* (а также *не-* в составе неопределенных и отрицательных местоимений и наречий) имеют маркировку ↓; все прочие (например, *на-*, *по-*, *пред-*, *пере-*, *не-* [обычное], *недо-*, *в-*, *с-*) имеют →.

З а м е ч а н и е. У приставок *пра-* и *су-* отмечаются следы акцентного поведения, соответствующего маркировке ↓; см. § 1.28, пункт А1.

МАРКИРОВКИ СУФФИКСОВ

§ 1.36. В приводимые ниже перечни включены простые (т. е. одноморфные) суффиксы, кроме самых редких³⁴, а также некоторые составные (многоморфные). Большая часть составных суффиксов с акцентологической точки зрения несамостоятельна, т. е. они дают в точности тот же акцентологический эффект, что и последовательность простых суффиксов, с которой они внешне совпадают. Такие составные суффиксы приравниваются в акцентологическом описании к последовательности простых и, соответственно, в списках маркировок, как правило, отсутствуют.

Омонимичные суффиксы с одинаковой маркировкой могут быть даны без разделения. Там, где омонимичные суффиксы разделены, при них даются краткие уточнения (не претендующие на строгость), предназначенные лишь для того, чтобы различить омонимы, например: «отыменное», «названия женщин» и т. п.; особо отметим, что в числе таких ярлыков возможны также пометы «исконное» и «заимствованное» (ср., например, *свин-ин-а* и *синьор-ин-а*). Разделение на суффиксы-омонимы в ряде случаев проведено не совсем так, как принято в морфологических описаниях (но в большем соответствии с акцентными свойствами). Условная формула «все значения» охватывает как разные словообразовательные значения, передаваемые одним суффиксом, так и суффиксы-омонимы.

Суффиксы существительных для недвусмысленности приводятся вместе с окончанием II. ед., например: *-иц-а, -ств-о* (в мужском роде соответствующим сигналом является отсутствие правого дефиса, например: *-ик, -тель*); суффиксы глаголов — с инфинитивным *-ть*, например: *-а-ть*. Суффиксы прилагательных приводятся в чистом виде, например: *-н-, -ов-, -ин-*; при этом суффиксы притяжательных прилагательных отличаются тем, что не имеют правого дефиса: *-(и)ј, -ов, -ин*.

Суффиксы, как правило, даются в обычном орфографическом виде (кроме некоторых трудных случаев); при этом варьирование, связанное с твердостью—мягкостью предшествующей согласной, не отражается, например: *-ун, -ов-* (без упоминания о *-юн, -ев-*). С начальными *и, е, ё, я, ю* записываются только суффиксы, вызывающие смягчение предшествующей твердой согласной, например, *-иц-а, -ёр, -ян-*.

В неодносложном самоударном суффиксе знаком ударения показана та гласная, к которой приписана маркировка суффикса (иначе говоря, гласная, которая несет ударение в случае, когда оно привязано к данному суффиксу).

³⁴ Включать суффиксы, представленные всего в одном или нескольких словах, в общий список нецелесообразно: техника маркировок в этом случае не дает в сущности никакой экономии по сравнению с прямым перечислением производных; между тем список сильно разросся бы.

Сращенные суффиксы

§ 1.37. Особую трудную проблему для акцентологического описания составляет трактовка последовательностей из двух или более суффиксов (или суффиксоподобных морфов). Следует различать морфологический и акцентологический аспекты этой проблемы.

С морфологической точки зрения различаются простой контакт двух суффиксов (например, *-ник* и *-их-а* в *двобрничиха*) и их сращение в особую морфологическую единицу (например, *-овин-а* в *клейковина*). Эта морфологическая единица рассматривается как самостоятельный суффикс, если она обладает своим особым значением, или как алломорф соответствующего простого суффикса, если она не отличается по значению от этого суффикса (ср., например, *волбвина* и *конина*). Главным морфологическим основанием для признания сращений служит невозможность предложить для слова поэтапную деривационную историю из-за отсутствия промежуточного звена (например, прилагательного **клейковбй* или **клейковбый* для слова *клейковина*) или семантическая неестественность поэтапной деривационной истории (так, значение слов *решёние*, *спасёние* и т. д. неестественно вывести из значения страдательных причастий *решён*, *спасён* и т. д.). К сожалению, вопрос о том, следует ли трактовать некоторую цепочку морфов как сращение, не всегда простой даже применительно к отдельному слову, чрезвычайно усложняется, когда рассматривается сразу вся совокупность слов с данной цепочкой морфов. Следует ли из-за наличия бесспорно сращенного *-овин-а* в *клейковина* признавать такое же сращение также и в *белковина*, хотя здесь имеется прилагательное *белковбый*? С практической точки зрения, оба возможных решения имеют свои преимущества и свои недостатки, и неслучайно, что практика описания здесь колеблется.

С акцентологической точки зрения тоже необходимо различать простой контакт двух суффиксов и их сращение; однако разграничение этих двух случаев часто оказывается здесь иным, чем в морфологии. Акцентологическое сращение необходимо признать, в частности, в тех случаях, где противоположная (т. е. поэтапная) трактовка предписывала бы для производных не то ударение, которое они фактически имеют. Например, ударение слов *промысловбйк*, *оптовбйк*, *порттовбйк*, *почтовбйк*, *пуховбйк*, *стендовбйк*, *плановбйк*, *кадровбйк*, *массовбйк* и ряда других не объясняется, если исходить из присоединения суффикса *-ик* (маркировка →) к адъективной основе с *-ов-*: в этом случае ожидалось бы **промыслбвик*, **оптбвик*, **стёндовик*, **плáновик* и т. д. Чтобы объяснить фактическое ударение, мы должны признать здесь «сращенный» суффикс *-овик* с маркировкой → *Моно-суII* и исходить из непосредственного присоединения этого суффикса к субстантивной основе (*промысл-*, *опт-* и т. д.). Заметим, что с морфологической точки зрения, напротив, специальных оснований для выделения сращенного суффикса *-овик* нет (по крайней мере, для рассмотренных здесь случаев).

Сращенные (с акцентологической точки зрения) суффиксы делятся на два типа: так наз. поглощающие и так наз. непоглощающие (имеется в виду «поглощение» или «непоглощение» сращенным суффиксом конечного суффикса исходного слова). Пусть имеется сращенный суффикс вида s_1s_2 , где s_1 и s_2 — подвергшиеся сращению суффиксы (например, *-ов-* и *-ик* в составе *-овик*). Для производных с основой вида as_1s_2 (где a — некоторая морфема или цепочка морфем) различаются два случая: 1) существует слово с основой as_1 ³⁵ (скажем, *пуховый* при *пуховик*); 2) такого слова не существует (как, например, для производного *большевик*).

П о г л о щ а ю щ и м называется такой суффикс вида s_1s_2 , который требует (для правильного предсказания акцентуации производных) разложения основ вида as_1s_2 на $a + s_1s_2$ (а не на $as_1 + s_2$, даже если слово с основой as_1 существует). Как видно из предшествующего разбора, суффикс *-овик* является именно поглощающим: он требует, например, для *пуховик* анализа *пух-* + *-овик*, а не *пухов-* (ый) + *-ик*. Сращенный суффикс, не обладающий указанным свойством, называется н е п о г л о щ а ю щ и м. Практически мы будем исходить для всех непоглощающих суффиксов из того, что если слово с основой as_1 существует, то членение основы as_1s_2 на $as_1 + s_2$ является не просто возможным, а обязательным. У некоторых сращенных суффиксов поглощающий эффект есть, но не везде. Такие суффиксы в описании отнесены к тому типу, к которому они ближе, а отклонения от чистого типа отмечены.

П р и м е ч а н и е. У поглощающих сращенных суффиксов с начальным *-ов-* поглощающий эффект не распространяется на опорное *-ов-* (§ 1.27); например, *Поднепръевъ* с акцентологической точки зрения представляет собой *Поднепр-ов-* + *-ъ-е*, а не *Поднепр-* + *-ов'-ъ-е* (в последнем случае ожидалось бы ударение **Поднепр-овъ-е*).

Заменительные суффиксы

§ 1.38. С акцентологической точки зрения (как, впрочем, и с некоторых других) целесообразно рассматривать некоторые суффиксальные производные не как результат обычного соединения основы исходного слова с суффиксом, а как результат замены одной морфемы на другую (суффикса на суффикс или окончания на суффикс). Словоформу, используемую для такой замены, можно назвать в этом случае «опорной». Примеры: суффикс *-ущ-* в *бегущий* рассматривается как заменитель окончания *-ут* в словоформе *бегут*; *-ик* в *сбчник* — как заменитель окончания *-ый* в *сбчный*; *-ец* в *гбрец* — как заменитель суффикса *-ск-* в *гбрский*.

Указанный способ включения суффикса в основу мы будем называть з а м е н и т е л ь н ы м — в отличие от обычного, или а д-

³⁵ При этом как s_1 , так и a должны быть полноценными (не остаточными); например, *сурбовый*, *дешёвый* (где *сур-*, *деш-* — остаточные морфы) не под-
ходят.

дитивного, способа. Один и тот же суффикс может употребляться в одних производных аддитивно, в других — заменительно. Ниже для краткости мы будем говорить просто об аддитивных и заменительных суффиксах, имея в виду разные способы использования одних и тех же суффиксов.

Смысл описываемой трактовки состоит в том, что она позволяет существенно упростить акцентологическое описание. Так, трактовка причастного суффикса *-ущ-* как заменительного позволяет в сущности свести его акцентологическое описание к простой отсылке (к форме 3 мн. презенса). Между тем, если рассматривать этот суффикс как аддитивный, то для правильного отображения его акцентных свойств пришлось бы усложнить сам аппарат акцентологического описания: введенной выше системы маркировок для этого было бы недостаточно. То же верно и для суффиксов ряда других неличных форм (при этом существенно, что разные суффиксы потребовали бы не одного и того же усложнения исходного аппарата, а разных). Трактовка слова *гбрец* как полученного заменительным способом из *гбрский* позволяет легко объяснить его корневое ударение, тогда как прямое соединение основы слова *горá* и суффикса *-ец* должно было бы дать **горéц* (т. е. ударение *гбрец* пришлось бы считать исключением).

Специально отметим, что для заменительных суффиксов, вообще говоря, не требуется, чтобы на сегментном уровне речь шла о простой подстановке; например, при замене *кручú* на *крутящий* не совпадают алломорфы корня. Существенно лишь, чтобы соблюдалась акцентологическая сторона замены.

Заменительные суффиксы, как и аддитивные, могут иметь различные маркировки, а именно, ↓, ← или → (доминантных заменительных суффиксов нет). Ударение производного с заменительным суффиксом устанавливается так. Часть опорной словоформы³⁶, стоящая слева от заменяемой морфемы (например, *бег-* в *бегúт*, *гбр-* в *гбрский*), играет роль производящей основы — сильной, если ударение падает на эту часть, слабой — если оно падает правее ее. Акцентный результат ее соединения с суффиксом определяется по общему правилу (§ 1.33). Практически это значит, что если в опорном слове (словоформе) ударение стоит левее заменяемой морфемы, то в результирующем производном это ударение сохраняется (точнее: падает на тот же слог по счету от начала); в противном случае ударение определяется маркировкой суффикса.

Таким образом, заменительные суффиксы отличаются от аддитивных в сущности лишь тем, что они присоединяются не к основе исходного слова, взятой в ее обычном виде и с обычной акцентной характеристикой, а к некоторому отрезку, извлеченному из опорной словоформы, который хотя и похож на основу исходного слова (или

³⁶ Если замене подвергается суффикс, опорной считается исходная словоформа соответствующего слова, например, *гбрский*.

даже совпадает с ней), но может обладать иной акцентной характеристикой. В остальном заменительный суффикс имеет обычные свойства, определяемые его маркировкой.

СПИСКИ СУФФИКСОВ С МАРКИРОВКАМИ

§ 1.39. Суффиксы перечисляются ниже по акцентным классам, т. е. в соответствии с основной маркировкой (но самые сложные в акцентологическом отношении суффиксы выделены в особый раздел: § 1.56—69). Внутри класса отдельно даны суффиксы существительных, прилагательных, глаголов. Порядок перечисления суффиксов внутри группы — в большинстве случаев обратный алфавитный (при установлении порядка обозначения мягкости — *ь* или *'* — в расчет не принимаются).

Первичные суффиксы специально отмечены; все неотмеченные суффиксы являются вторичными. Специально отмечены также все сращенные поглощающие суффиксы (поскольку это непосредственно важно для применения акцентных правил); напротив, сращенные непоглощающие суффиксы могут никак специально не отмечаться.

Заменительное употребление суффикса вводится формулой «заменительное, вместо *X*», т. е. как замена морфемы *X*. Если не оговорено иное, то верно, что данный суффикс выступает как заменительный везде, где имеется соответствующее слово с морфемой *X*.

Ради краткости в примерах обычно не указывается производящее слово и его акцентные характеристики; предполагается, что читатель сам восстановит эту информацию. В различных списках бесприставочные глаголы представляют (если не оговорено иное) также соответствующие приставочные. В списках исключений не принимаются в расчет слова, полученные неплотным присоединением каких-либо элементов (например, *не-*, *само-*, *авто-* и т. п.) к другому слову (§ 1.4).

Маркировка суффикса непосредственно обеспечивает установление акцентуации: у существительных — во всей парадигме, у прилагательных — в полных формах, у глаголов — в инфинитиве и в прочих формах претеритной субпарадигмы. Ударение кратких форм прилагательных и презенса глаголов выводится из этих данных по общим правилам об ударении в словоизменении (см. также § 1.16—18).

Списки различного рода составлены в объеме Обр. (иногда с небольшими добавлениями из Грамм.); при этом, однако, могут быть опущены слова, зафиксированные только в БАС и/или у Ушакова, а также любые слова, имеющие во всех словарях, где они содержатся, пометы «устаревшее», «областное» или «просторечное». Сведения о степени нормативности тех или иных вариантов, как правило, даются в соответствии с Грамм.

При распределении суффиксов по акцентным классам особую трудность составляют суффиксы, для которых в зафиксированной

словарями лексике нет материала, позволяющего отличить доминантность от недоминантности. В этом случае для решения вопроса использовались потенциальные слова, т. е. проводился эксперимент по окказиональному словообразованию. Так, например, для суффикса *-оньк-а* словари дают только производные со слабым (*голубонька, травонька*) или с сильным конечноударным (*берёзонька, мамонька*) базовым компонентом; соответственно, маркировка здесь может быть ← или ← D. Однако эксперимент с производящими словами типа *ягода, староста* дает совершенно однозначный результат: носители русского языка либо отказываются произвести нужное слово, либо дают ударение *ягодонька, старостонька* (хотя и называют получившееся слово «искусственным», «вычурным» и т. п.); в то же время все они категорически отрицают возможность ударения **ягбдонька, *старбстонька*. Таким образом, суффикс *-оньк-а* обнаруживает свой недоминантный характер. Рассмотренный пример показывает также, что выяснение «истинной» маркировки суффикса отнюдь не является чисто формальным занятием: очевидно, что одинаковая реакция носителей русского языка отражает здесь одинаковость соответствующего морфонологического механизма, входящего в состав общего владения русским языком.

В тех случаях, когда подобный эксперимент не дает результата (например, в связи с полной непродуктивностью суффикса), двусмысленный суффикс такого рода оценивается ниже как недоминантный. Иначе говоря, мы исходим из того, что маркированным свойством, наличие которого должно быть специально доказано, является доминантность.

Доминантные суффиксы

§ 1.40. С акцентологической точки зрения, доминантные суффиксы — самые простые. Поэтому ниже мы ограничиваемся немногими примерами (даже не для всех суффиксов; слово «например» для краткости опущено); в основном даются примеры с сильным базовым компонентом, чтобы был непосредственно виден доминантный характер суффикса.

Среди доминантных суффиксов значительную часть составляют заимствованные. Они перечисляются ниже отдельно от исконных, поскольку они обладают специфическими морфонологическими свойствами, главные из которых — высокая частота соединения с остаточными базовыми компонентами (ср. *лок-а́ция, аг-е́нт, фен-бл* и т. п.) и особая система чередований. Соответственно, в этой сфере затруднительно провести четкую границу между полноценными суффиксами и суффиксоподобными элементами, не имеющими четкого самостоятельного значения (например, *-ус, -инг*); не вполне ясен также морфологический статус таких единиц, как *-лог, -олог, -метр, -ометр*. С точки зрения основных задач настоящей книги эта проблематика является периферийной; поэтому ниже мы не занимаемся

разбором этих сложных вопросов, а в списки заимствованных суффиксов включаем лишь бесспорные (и притом не слишком редкие) суффиксы.

Основная маркировка ↓ D

§ 1.41. Суффиксы существительных. Исконные: 1) обширная группа первичных³⁷ суффиксов экспрессивного характера, образующих существительные общего или женского рода, с общей структурой «гласная + *к, г, х, ш, л'* или *н'*»: -аг-а, -ыг-а, -яг-а, -ак-а, як-а, -ык-а, -юк-а, -ул-я, -юл-я, -ан-я, -он-я, -ун-я, -ах-а, -ох-а, -ёх-а, -ух-а, -уш-а (хану́га, работя́га, забия́ка, капризу́ля, мама́ня, пройдо́ха, нескладё́ха, потаску́ха); сюда же -ушк-а (замара́шка, рюма́шка); 2) сращенные поглощающие суффиксы -изы́рова-ть (первичный; идеализы́ровать), -ирбвка (первичный; регулы́ровка, перебала́лоты́ровка), -ирбвцик (регулы́ровцик, проекти́ровцик), -овн-я (названия помещений; коже́вня, харче́вня, часо́вня), -урова́л (копиро́ва́льный, копиро́ва́льцик), -бвич (в фамилиях: Абра́мович, Григоро́вич); 3) -ей (богате́й, грамоте́й), -ик-а (в названиях ягод; клу́бника, ежеви́ка), неласкательное -ушк-а (первичный суффикс; погрему́шка, побряку́шка, каду́шка, корму́шка) и ласкательно-пренебрежительное -ушк-а (речу́шка, гору́шка, собачу́шка, комнату́шка, сараю́шка); ср. ласкательно-почтительное -ушк-а с маркировкой ← (§ 1.53; речу́шка, гору́шка, собачу́шка, ма́тушка, лебе́душка); 4) -ан (велика́н, стари́кан, политика́н, горла́н, братáн и т. д. — схема *a*); но отклоняются кожа́н, пуза́н (схема *b*), колеблется брюха́н (брюха́на || брюханá). Далее, маркировку ↓ D имеют морфы -ён- (в составе -ён-ок, -ён-ыш, -ён-к-а, ср. цыганёнок, утёныш, работёнка), -ят- (в -ят-а, -ят-ин-а, -ят-н-я, -ят-ник и др., ср. страуся́та, медвежа́тина, лягуша́тник).

Доминантностью обладает также морф -и- (первичный), выступающий в -и-л-, -и-тель и более длинных составных суффиксах (об отличии этого -и- от тематического -и- см. § 1.20); ср. мази́ла, мери́ло, морозы́лка, пары́лка, пары́льня, плавиль́ник, плавиль́щик, грабитель, изгото́витель, ограничи́тель, вытрезви́тель, скази́тель, попечи́тель, превосходи́тельство. Морф -и- участвует в образовании не только существительных, ср. гладиль́ный, красиль́ный, служиль́ый, расти́тельный, ознакомитель́ный, действи́тельный. Однако в современном языке еще сохраняется некоторое число слов, где данный морф ведет себя как недоминантный (т. е. в соответствии со своим древним статусом): ваби́льщик, слави́льщик, утю́жилы́щик, -ный, па́рыльщик, ба́грильщик, ме́рыльщик, чи́стильщик (по разг. чи́стиль-

³⁷ Примеры, доказывающие первичность (задава́ка, выпиво́ха, втиру́ша и т. п.), реально имеются не для всех суффиксов группы; но эти суффиксы столь однородны, что естественно признать первичность свойством всей группы.

щик), *пáрилка* (технич.), *чйстилка*, *мнбжи-тель*, *-тельный*, *двй-житель*; кроме того, опростившиеся *пáвило* и *пáвильный* (ср. прозрачные по членимости *пáвило* 'линейка', 'колодка', 'хвост у борзой' и *пáвильный* — от *пáвило* и от *пáвить*). Отметим, что во всех этих случаях исходный глагол относится к несовершенному виду; тем самым *-и-* отчасти сближается с *-им-* и *-ение* (§ 1.67).

Далее, к классу ↓ D относится большинство заимствованных суффиксов: 1) первичные³⁸ *-áциј-а*, *-йциј-а*, *-изм*, *-ист*; 2) *-ад*, *-ад-а*, *-оз*, *-áрий*, *-брий*, *-ёнциј-а*, *-ал*, *-ол*, *-ин* (вещество), *-ибн*, *-онёр*, *-ир*, *-áтор*, *-йтор*, *-ур-а*, *-ис-а*, *-есс-а*, *-ат*, *-ат-а*, *-ет*, *-итёт*, *-ит*, *-ант*, *-ент*, а также ряд более редких; ср. *канализáция*, *бандитизм*, *пушкинист*, *лимонáд*, *колоннáда*, *сценáрий*, *персона́л*, *метанóл*, *кофе́йн*, *лампи́он*, *бригади́р*, *реформáтор*, *агенту́ра*, *принце́сса*, *чемпио́нат*, *генералитёт*, *банди́т*, *квартира́нт*, *рецензёнт*. Значительная часть этих суффиксов может выступать также в соединении с различными дополнительными морфемами (*-из-*, *-фик-* и др.), например, *-из-áциј-а*, *-фик-áциј-а*, *-из-áтор* и т. п.

Суффиксы прилагательных. Исконные: *-ав-*, *-ляв-*, *-юсеньк-*, *-ёшеньк-*, *-ёхоньк-*³⁹, *-ин-*, *-енн-* (усилительное), *-ат-*, *-овáт-*, *-ит-*, *-ови́т-*, *-аст-*, *-уч-* (первичный суффикс), *-яч-* (отглагольное; первичный суффикс), *-яч-* (отыменное), *-уц-*, *-юц-* (усилительные), ср. *велича́вый*, *костля́вый*, *малюсенький*, *здоровёхонький*, *соко́льный*, *крыси́ный*, *лягуши́ный*, *толсте́нный*, *морда́тый*, *косма́тый*, *витиева́тый*, *жуликова́тый*, *замыслова́тый* (от *за́мысел*), *трецино́ва́тый*, *знамени́тый*, *глянцева́тый*, *ядова́тый*, *грива́стый*, *горла́стый*, *плакучи́ый*, *царапу́чий*, *вися́чий*, *доезжа́чий*, *лягуша́чий*, *здорову́щий*, *хитрю́щий*; ср. еще *сутулова́тый*, *нарочи́тый* (с опростившимися базовыми компонентами). В случаях типа *клеёнчатый*, *рисунчатый*, *клетчатый*, *весну́шчатый* мы имеем дело не с *-ат-*, а с *-чат-* (маркировка ←), поскольку последнее обладает поглощающим эффектом, см. § 1.54.

Суффикс *-ив-* также имеет маркировку ↓ D (*пáвдливый*, *плаксивый*, *фальши́вый* и т. д.; сюда же *молчали́вый*, *гордели́вый*, *терпели́вый*, ср. § 1.48, о суффиксе *-лив-*); но от нее есть некоторые отступления (где сохраняется прежний недоминантный характер суффикса): *ми́лостивый*, *ю́рбдивый* (ср. нелитер. *юродивый*), *незлбб́ивый*, также устар. *много-*, *сладкоглаго́бивый*. Слова на *-люб́ивый* (*человеколюб́ивый*, *жизнелюб́ивый* и т. п.) с акцентологической точки зре-

³⁸ Заметим, что признаки первичности проявляются здесь лишь в очень слабой форме: *перерегистра́ция*, *передислока́ция* и т. п. (но другие приставки, кроме *пере-*, в словарях не отмечены); *отзов-йзм*, *-йст*, *уклон-йзм*, *-йст*, *наплеви́зм* (ср. *отзову́*, *укло́нюсь*, *наплева́ть*).

³⁹ В *-юсеньк-*, *-ёшеньк-*, *-ёхоньк-* маркировка ↓ D в сущности принадлежит морфам *-юс-*, *-ёх-* (*-ёш-*), а *-еньк-*, *-оньк-* здесь то же самое, что в § 1.54 (для полных форм) и § 1.48 (для кратких форм). Заметим, что с сильными основами эти суффиксы соединяются с трудом (ср. потенциальные *суровёхонек*, *красивёхонек*).

ния имеют неплотно присоединенную начальную часть. См. также выше об *-и-ль-н-*, *-и-тель-н-*.

Из числа заимствованных маркировку ↓ D имеют первые морфы в составных суффиксах *-йч-еск-*, *-ич-н-*, *-ан-ск-*, *-и́а́н-ск-*, *-ив-н-*, *-оз-н-*, *-аль-н-*, *-а́бель-н-*, *-он-н-*, *-ар-н-* и некоторых более редких; ср. *мифй́ческий*, *дифтонга́йческий*, *дипломатй́чный*, *республика́нский*, *мальтузи́анский*, *спортй́вный*, *религио́зный*, *колониа́льный*, *транспорта́бельный*, *революцио́нный*, *дисциплина́рный*. При этом суффиксы *-ич-еск-*, *-ич-н-* обладают поглощающим эффектом по отношению к суффиксам *-ик* (заимствованное), *-ик-а* (заимствованное): *лири́ческий*, *лири́чный* (ср. *лирик*, *ли́рика*), *химй́ческий* (ср. *хи́мик*), *геральди́ческий* (ср. *геральдика*); однако *собственнический*, *пря́ничный*, *у́личный* (где суффиксы исконные).

Маркировку ↓ D имеют также первые морфы в *-ий-ск-*, *-ей-ск-*, *-ий-н-*, *-ей-н-*, причем они поглощают *-иј-*, *-еј-* (любого происхождения) в конце производящей основы (даже если эти *-иј-*, *-еј-* являются не полноценными суффиксами, а субморфами): *инди́йский*, *инде́йский*, *арме́йский*, *калийный*, *лине́йный*, *оруже́йный*, *кофе́йный* (ср. *Индия*, *Армия*, *ка́лий*, *ли́ния*, *ору́жие*, *ко́фе* [или *кофе́й*]). Однако здесь встречаются и некоторые отклонения (только в редких, неосвоенных словах): *гра́вийный*, *ле́звийный*, *мблнийный*, *бпийный*, *кбрпийный*, *ма́нтийный*.

Суффикс глаголов: *-а-ть* во вторичных имперфективах (после корня на гласную *-е-а-ть*; но *е* здесь естественно интерпретировать просто как консонизатор корня); ср. *изготовля́ть*, *осведомля́ть*, *умилостивля́ть*, *выправля́ть*, *ухудша́ть*, *приседа́ть*, *открыва́ть*, *выдува́ть*.

Основная маркировка → D

§ 1.42. Суффиксы существительных (все исконные): *-еж*, *-ёж*, *-ј-о* (собирательное), *-няк*, *-чак*, *-н-я* (собирательное), отглагольные *-н-я*, *-овн-я*, *-отн-я* (имена действия), *-ун* (первичный суффикс), *-от-а* (отадъективное имя качества), *-ач*, *-аиш*; ср. *пада́ж*, *пада́ж*, *карте́ж*, *хулиганё*, *бабё*, *хамё*, *березня́к*, *известня́к*, *стульча́к*, *солдатня́*, *ребятня́*, *мазня́*, *болтовня́*, *пачкотня́*, *потаску́н*, *царапу́н*, *пачку́н*, *правота́*, *мерзлота́* (с более конкретным значением), *цирка́ч*, *рифма́ч*, *морда́ш*. Отклонение: *двбрня* (ср. *нелитер. дворня́*).

Основная маркировка ← D

§ 1.43. Этот класс суффиксов — самый немногочисленный. Маркировку ← D в чистом виде (без пометы Init) имеют только неисконные суффиксы: *-ик* (заимствованное), *-ик-а* (заимствованное), *-тор*, *-сор*; ср. *еванге́лик*, *иши́атик*, *догма́тик*, *ана́литик*, *дистрибу́тик*, *периб-*

дика, символика, топонимика, риторика, синтетика, архитектор, компрессор (ср. также *-атор, -итор*; слово *мотобр* нечленимо).

Маркировку ← D Init имеют первичные суффиксы (исконные): *-ень* (с беглым *e*; мужской род) и суффиксы женского рода *-ь* (условное обозначение нулевого суффикса, вызывающего смягчение последней согласной основы), *-ть, -ль, -нь*. Таким образом, основы всех производных этой группы оканчиваются на мягкую согласную (заметим, что суффиксы *-ть, -ль, -нь* в принципе можно рассматривать как составные, включающие в качестве второго элемента *-ь*). Примеры: *бивень, сквородень, баловень, колышень* 'зыбь', *прележень, оползень, сбитень, оборотень, перевертень*, также *pluralia tantum бредни, россказни, рбзвальни* и т. п.; *мблочь, пбгань, зельень, темень, гбречь, мелочь, етошь, ретушь, прбрувь, заповедь, изгородь, перевязь, оторопь, перекись, свблочь; четверть, пбдать, нежить, прбпасть, зависть, ненависть; падаль, невидаль, отрасль, пбрсль; ругань, клёпань, пристань*. Особый интерес представляют производные с заведомо именным (следовательно, доминантным) комплексом в качестве базового компонента, например: *прихвостень, пбручни, наледь, прбсдь, бтмель, бзимь, бездарь, ископнуть, бестолючь* (также *непогодь, нечисть* и т. п.); *иноходь, коновязь, ружкопись, иконопись, сыромять, вбдорсль*. Здесь видно, что доминантный базовый компонент совместим с доминантным суффиксом класса ← D (в отличие от суффиксов классов ↓ D и → D, см. § 1.31); при этом по общему правилу «побеждает» суффикс.

Имеются, однако, небольшие отклонения: 1) в сторону маркировки → (без D) у *-ень* — *слепень, плетень, переступень, копьтень, поддубень, чересседельень*; 2) в сторону маркировки → (без D) у *-ь, -ть, -ль* — *постель, наиеть, напасть, гололедь, круговёрть, благодать, рукоять* (ср. еще опростившееся *супбнь*); 3) особое отклонение: *машинпись*.

Суффиксы с непостоянной маркировкой

§ 1.44. Некоторые доминантные суффиксы колеблются между разными классами.

У суффиксов *-ак, -як* главной является маркировка → D, ср. *рыбак, большак, туляк, сибиряк* и т. д. — схема *b*. Однако в небольшой группе слов (включающей в основном названия национальностей) мы находим здесь маркировку ↓ D: *австрияк, поляк, словак, коряк*, кроме того, *маньяк* и заимствованные *юнак, краковяк* — схема *a*.

У суффикса *-аж* главной является маркировка → D Polysyll, ср. *типаж, метраж, литраж, монтаж, листаж* и др. — схема *b*, но *подхалимаж, шпионаж, персонаж, демонтаж, репортаж* и др. — схема *a* (в силу эффекта Polysyll). Однако наряду с этим суффикс *-аж* обнаруживает также маркировку ↓ D; она выступает как

правило при неосвоенности слова. Так, в частности, слова *зонда́ж*, *дрена́ж*, *трена́ж*, *барра́ж*, *масса́ж* в профессиональной речи относятся к схеме *b*, а в непрофессиональной речи (и в литературной норме) — к схеме *a*. Литературная норма закрепляет схему *a* также за словами *клива́ж*, *пейза́ж*, *лека́ж*, *блока́ж*, *кула́ж*, *прима́ж*, *грена́ж*, *тонна́ж*, *ура́ж*, *вира́ж* (в фотографии), *фикса́ж*, *корса́ж*, *паса́ж*, *планта́ж*, *капта́ж*, *курта́ж* (во многих из них базовый компонент — остаточный); в слове *мира́ж* допускаются схемы *a* и *b*. Как легко видеть, в этом списке в основном представлены слова либо книжные, либо малоизвестные основной массе носителей языка, т. е. именно такие, для которых литературная норма обычно предписывает ударение, соответствующее неосвоенности.

У суффикса *-ар*, *-яр* при главной маркировке ↓ D (ср. *коммуна́р*, *эмисса́р*, *гонора́р*, *формуля́р*, *овча́р* — схема *a*) в части слов действует маркировка → D: *боча́р*, *маля́р*, *школя́р*, *столя́р* (также опростившееся *гонча́р*) — схема *b*; колеблется *гуся́р*.

Усложненные отношения связывают суффиксы *-ёр* и *-ер* в названиях лиц и устройств (трудность в том, что безударное *-ер* в принципе можно идентифицировать как с *-ёр*, так и с *-ёр*). В тех случаях, где *-ёр* (*-ер*) является полноценным суффиксом (а не просто субморфом), имеется тенденция к следующему распределению: *-ёр* ↓ D (первичное) и *-ер* ↓ D в названиях лиц, *-ер* ← D в названиях устройств. Примеры: *ухажёр*, *боксёр*, *шахтёр*, *билетёр*, *киоскёр*, *парламентёр*; *костюме́р*, *легионе́р*, *миллионе́р*; *контрблёр* (прибор), *абсорбе́р*, *конве́ртер*, *компо́стер*. Имеется, однако, довольно много отклонений: ср. названия устройств *тренаже́р*, *электролизе́р*, *марке́р*, *рафине́р*, *трассе́р*, *стартёр*, *меланже́р*, названия лиц *дбкер*, *фейерве́ркер*, *фе́рмер*, *тре́нер*, *комбайне́р* (// *комбайне́р*), *спри́нтер*. Ситуация осложняется тем, что субморф (не суффикс) *-ер* (без ударения) представлен в названиях лиц весьма широко: *га́ер*, *ю́нкер*, *ма́клер*, *шу́лер*, *сна́йпер*, *ма́стер*, *ша́фер*, *ку́чер* и т. д.

§ 1.45. Сложна акцентуация суффикса *-и́-а* (не в составе *-а́ци-а*, *-и́ци-а*, *-ци́-а*, *-си́-а*). Здесь конкурируют две маркировки: ← D и ↓ D. Их распределение определяется несколькими факторами, главный из которых — семантический. Преобладает маркировка ← D, поэтому проще перечислить случаи, где выступает более редкая маркировка, т. е. ↓ D. Эти случаи таковы (производные с обычным и с остаточным базовым компонентом здесь и далее рассматриваются вместе).

1. Названия а) состояний (в частности, биологических, в т. ч. болезней) и свойств, б) областей практической деятельности (в частности, врачебной) — при их употреблении в профессиональной речи. Примеры: а) *невралги́я*, *аллерги́я*, *ностальги́я*, *абули́я*, *анемия́*, *гипертони́я*, *истериа́*, *эйфори́я*, *атрофи́я*, *дистрофи́я*; *синимиа́*, *ахромиа́*, *изотерми́я*, *эфони́я*, *энтропи́я*, *мимикри́я*, также *содомиа́*, *симони́я*, *тирани́я*, *деспоти́я*; колебание — *афа́зия*, *сим-*

*мётрия*⁴⁰, *акри́бия*; б) *хирургия́*, *тера́пия*, *рентгеноско́пия*, *ветерина́рия*, *санитария́*, *педиатрия́*, *фарма́ция*; *фила́темия*, *телефо́нийя*, *маркшейде́рия*, *телеграфия́*; колебание — *ортопе́дия*, *металлу́ргия*, *кулина́рия*, *инду́стрия*, *полигра́фия*. Среди редких слов имеются также некоторые отклонения, но не исключено, что лексикографам просто осталось неизвестным соответствующее профессиональное ударение.

В непрофессиональной речи в этих же семантических группах представлено ударение по классу ← D; ср. такие общеупотребительные слова, как *меланхо́лия*, *ма́ния*, *апа́тия*, *эне́ргия*, *фанта́зия*, *гармо́ния*, *иро́ния*, *мизантро́пия*, *филянтро́пия*, *антипа́тия*, *симпа́тия*, *демокра́тия*, *ана́рхия*, *ине́рция*, *гастроно́мия*, *фотогра́фия* (как род занятия). Такое же ударение закреплено литературной нормой и за рядом более специальных, но все же широко известных вне профессиональной сферы слов: *аго́ния*, *эпиле́сия*, *иди́ллия*, *гегемо́ния* (ср. возможность таких ударений, как *аго́ния*, *эпиле́сия* в профессиональной речи). В то же время, например, слова *маля́рия*, *гипертония́*, *хиру́ргия*, *тирани́я*, *деспотия́* закреплены нормой в их профессиональном виде (несмотря на достаточную распространенность).

2. Слова церковной сферы (сохраняющие церковнославянское ударение) *панаги́я*, *литу́ргия*, *хирото́ния*, *мессы́я*, *патриа́рхия*; сюда же примыкает *вита́я*; поздние заимствования (сохраняющие иноязычное ударение) *остерия́*, *траттория́*, *сеньория́*, *сильория́*, *жакерия́*. Особо стоят церковнославянизмы *лито́я*, *паремия́* (с флексийным ударением).

В прочих случаях *-ия* ведет себя (за несколькими исключениями) по классу ← D. Приводим примеры по семантическим группам. Живые существа: *бе́стия*, *фу́рия*, *инфузоб́рия*, *ну́трия*. Исчисляемые материальные предметы: *санда́лия*, *ма́нтия*, *каме́лия*. Территории, помещения, учреждения: *импе́рия*, *губе́рния*, *Ита́лия*, *сту́дия*, *акаде́мия*, *гимна́зия*, *канцеля́рия* (исключение: *перифе́рия*). Литературные, музыкальные, графические произведения: *коме́дия*, *би́блия*, *биогра́фия*, *а́рия*, *симфо́ния*, *фотогра́фия* (предмет). События, единичные акты: *ава́рия*, *церемо́ния*, *амни́стия*, *эпиде́мия* (исключения: *перипетия́*, *панде́мия*, *энде́мия*). Различные исчисляемые абстрактные объекты: *ли́ния*, *ста́дия*, *категор́ия*, *фами́лия*, *кало́рия* (исключения: *стихи́я*, *дибиптри́я*). Вещества: *магне́зия*, *мате́рия*. Коллективы, собирательные понятия: *а́рмия*, *бра́тия*, *жандарме́рия*, *аристокра́тия*, *бижуте́рия*, *топонимия́* (исключение: *буржуа́зия*). Науки, учения, теории, формы словесности: *хи́мия*, *истор́ия*, *геоло́гия*, *астроно́мия*, *геоме́трия*, *геогра́фия*, *анато́мия*, *филосо́фия*, *космо́гия*, *орфо́гия*; *рели́гия*, *теоб́рия*, *страте́гия*, *поэ́зия*, *мифоло́гия*, *демаго́гия*, также *ма́гия* (исключения: *драматургия́*, *теургия́*).

⁴⁰ Бытующее у математиков ударение *симме́трия* следует объяснять как результат сознательного отталкивания от распространенного в других профессиях (и в непрофессиональной сфере) ударения *симметриа́*.

Заметим, что последняя семантическая группа уже сравнительно близка к названиям областей практической деятельности (которые входят в другой акцентный класс, см. выше), поэтому здесь возможны переходные и семантически нечеткие случаи (где соответственно снижается и действенность правила). Существенно, однако, что в семантически ясных случаях акцентные различия здесь достаточно четки; ср., например, *геомéтрия*, *географ́ия*, *анатом́ия* (науки) и *спиромéтрия*, *телеграф́ия*, *телефон́ия* (области практической деятельности).

Недоминантные суффиксы

§ 1.46. Недоминантные суффиксы с акцентологической точки зрения сложнее доминантных; поэтому они разбираются ниже с большей подробностью. При разборе отдельного суффикса вначале даются примеры со слабым базовым компонентом, а после тире — с сильным (если имеется соответствующий материал); доминантные базовые компоненты отличны от прочих тем, что входящий в их состав именной морфемный комплекс (получивший доминантность в силу § 1.28) выделен квадратными скобками. После формулы типа «эффект Деох» даются примеры, иллюстрирующие акцентное действие соответствующей дополнительной пометы. Слова «например», «примеры» для краткости обычно опускаются.

В списки отклонений не включаются те производные, где акцентная неправильность состоит только в нестандартном месте ударения внутри приставочно-корневого комплекса, например, *зáработок*, *рбзыгрыш*, *набережная*; см. общий список таких слов в § 1.28, А III. Никак специально не отмечаются также производные, относящиеся к иным схемам ударения, чем *a* и *b* (например, *стрельбá*, *высотá* — схема *d*, *новост́ь* — схема *e*); см. соответствующие указания в § 1.18.

Примечание. Среди отклонений от ожидаемого ударения особое место занимают случаи, когда неправильность состоит в ударении *би*, *ái*, *éи* вместо *ой*, *ай*, *ей*, например, *трбица*, *гнбище*, *наигрыш*, *прбигрыш*, *клéить*, *удвбить*, *утрбить*. По крайней мере часть таких отклонений с исторической точки зрения обусловлена чисто фонетическим процессом (см. § 3.2, замеч.).

Основная маркировка ↓

§ 1.47. Ниже даются примеры со слабыми и сильными базовыми компонентами; о промежуточных базовых компонентах при суффиксах класса ↓ см. § 1.50.

Суффиксы существительных.

-ай (первичный суффикс): *расстегáй*, *урожáй*, *нагонáй*, *негодáй*, *молочáй*; ср. после морфа *-ат-* ↓ в составе сращенного *-áтай* — *соглядáтай*, *ходáтай*. Отклонения: 1) в сторону вторичности — *слúчай*, *обýчай*, *свýчай*; 2) *полицáй*.

-ов'ј-е (поглощающий сращенный суффикс): *гнездобье, низбье, зимбье, станбье, кочевье* (относительно *Поднепробье, средневековье* и т. п. см. § 1.37, примеч.).

-овк-а (кроме случаев с заменительным *-к-а*, § 1.53; первичный суффикс): *голодбвка, распиловка, сверловка — забегаловка, обира-ловка, принудиловка*. Ср. доминантное *-ировк-а*, § 1.41.

-бвник ↓ Monosyll (поглощающий сращенный суффикс): *кочевник, чайвник, солодобвник, полковник, храмбвник, герббвник, пихтовник, грушбвник — горбховник*. Отклонения в сторону непоглощающего типа: 1) *дневник, баловник* (с *-ик* →); 2) *саговник, маковник, тюттовник* (с *-ник* ←). Прочие отклонения: *духовник, столовник, чаровник; азбукбвник*.

-яник ↓ Monosyll (поглощающий сращенный суффикс): *конопляник, ольшаник, дощаник, жестяник, нефтяник*. Отклонения в сторону непоглощающего типа: *дровяник, водяник, волосяник, торфяник* (но разг. *торфяник*), *масляник, серебряник* (все с обычным *-ик* →).

-инк-а (кроме случаев с заменительным *-к-а*, § 1.53): *вечеринка, песчинка, тропинка — [завал]инка*.

-ишк-а, -о: *шалунийшка, пиджачишко, мелочишка, городишко, сынийшка, ружьишко — [огород]ишко, [доход]ишко, человечишка, здорбвишко, симишка, платишко*. Отклонение: *кафтанийшко*. Особый случай: *приготовишка* (получено знаменительным способом из *приготовительный*).

-ин (сингулятивное): *господин — татарин, крестьянин, барин*. Отклонение: *простомудин* (с нарушением правила об акцентуации двукорневых комплексов).

-ин-а (исконное; все значения, кроме отагдъективного имени качества), маркировка ↓, но в функции сингулятива (от неисчисляемых) — ↓ Deox. Примеры: *мужичина, осетрина, хворостина, маслина, домина, воцина — [червоточ]ина, [домоткан]ина, [развал]ина, [емят]ина, [поцётч]ина, [окра]ина, вьбоина, царапина, баранина, громадина, горбишина, старейшина, рьбина, бспина, ягодина, всячина, пэжина*. Эффект Deox у сингулятивов: *кирпичина, чесночина, камышина, миндальина*⁴¹, также *песочина, утбочина* 'отдельная нить утка' (с нерегулярным сохранением беглого о); ср. отсутствие эффекта Deox у увеличительных, например, *кирпичина, чесночина, балычина*. Отклонения: 1) *хлебина* 'цветочная пыльца', *жадина, рбдина, старина* 'былина', *лысина, бтчина (вбтчина), трэщина*, разг. *ббщина* (при нормативном *община*); ср. еще *рытвина*; 2) *жемчужина, стерляжина* (последнее получено заменительным способом из *стерляжий*); 3) *старшина, купина* (о *быстрина, седина, целина* см. § 1.51). См. также *-овин-а, -цин-а* ниже.

⁴¹ Эффект Deox здесь не совсем устойчив: в сингулятивном значении изредка встречаются также и *камышина, кирпичина* и т. п.

Слова на -овин-а распадаются на две группы. В первую группу входят: а) названия мяса (шкура) животного, например, *волбвина*, *бобрбвина*, *барсовина* (шкура); б) чистые сингулятивы, например, *маковина*, *луковина*; в) экспрессивные (или даже вульгарные), обычно пренебрежительные, слова со значением 'произвольный единичный предмет', например, *фигбвина*, *хренбвина*, *пустякбвина*, *чепухбвина*. В этой группе почти везде есть соответствующее прилагательное с *-ов-* (*волбвий*, *маковый*, *пустякбвий* и т. д.); от него и образуется слово на *-овин-а* (с помощью обычного *-ин-а*). Особо стоят только *штукбвина* (слово подгруппы «в») и отчасти близкое к нему по значению слово *дикбвина*. Во вторую группу входят слова на *-овин-а* со всеми прочими значениями, например, *мочевина*, *белковина*, *шелковина*, *мешковина*, *сердцевина*, *седловина*, *котловина*, *крестовина*, *пуповина*, *половина*. Во всех этих случаях выступает поглощающий сращенный суффикс *-овин-а* ↓ Monosyll. Примеры эффекта Monosyll: *клетковина*, *клеиковина*. Поглощающий характер виден, например, в словах *белковина*, *шелковина*, *крестовина*.

-цин-а (после *д, т* [но не *нт*] — *-чин-а*). 1. Аддитивное: *годовщина*, *дармовщина*, *штурмовщина*, *групповщина* — *митинговщина*, *небывальщина*, также *поножбщина*, *безотцовщина* (с опорным *-ов-*, § 1.27). 2. Заменительное, вместо *-ск-* и *-н-*: *ямщина* — *земщина*, *гётманщина*, *дьявольщина*, *солдатчина*, *уголбщина*, *кустарщина*, *военщина* (ср. *ямской*, *земский*, *гётманский*, *дьявольский*, *солдатский*, *уголбный*, *кустарный*, *военный*). Особое орфографическое оформление в *немётчина*, *турётчина*. Отметим еще опростившиеся *мужщина*, *женщина*. Отклонения: *чертовщина*, *матерщина* (при *чертовский*, *матерный*).

-ын-я: *рабыня*, *богinya*, *пустыня* — *государыня*, *барыня* (ср. *бары*)
Отклонение: *героиня*.

-от-а (отглагольное; первичный суффикс): *потягота*, *икота*, *зевота*. Отклонения: 1) *маета*, *тошнота*, *хрипота*, *сипота*; 2) *тягота*, *пáхота*.

-их-а (первичный суффикс): *облеиха*, *неразбериха*; *воробьи́ха*, *сторожи́ха*, *купчи́ха*, *портни́ха*, *слони́ха* — [урóд]иха, *медведиха*, *старости́ха*, *дворничиха*, *городничиха*.

-иц-а. 1. Аддитивное: *рукави́ца*, *мастери́ца*, *сестри́ца*, *волчи́ца*, *светли́ца*, *темни́ца*, *больни́ца*, *поясни́ца*, *передови́ца*, *власяни́ца* — [разноголóс]ица, [бездél]ица, [пересóрт]ица, [разлáд]ица, [богóрòд]ица, *медведи́ца*, *кни́жица*, *лече́бница*, *ко́нница*, *лу́ковица*, *се́литряница*, *пу́таница*. Слово *петли́ца* соотносится с акцентным вариантом *петля*. Отклонения: а) *деви́ца* (ср. народно-поэт. *де́вица*), *кобыли́ца*, *ступи́ца* (но профес. *сту́ница*), *каши́ца* 'полужидкая масса' (ср. ласкательное *ка́шица*); *гробни́ца*, *снежни́ца*, *слезни́ца*, *дойни́ца*, *колесни́ца*; *едини́ца*, *рожени́ца*, *сушени́ца*; *шелкови́ца*, *свеклови́ца*, *багряни́ца*; *императри́ца*; б) *игли́ца* (растение), *верете́-*

нийца (ящерица), пъяница, ста́рица 'старое русло', ядрица; рбеница, ўмница, вблница; особо стоят девица, трбца (§ 1.46, примеч.); в) вйселица.

2. Заменительное (в названиях женщин), вместо *-ец* и *-ик* (в т. ч. в составе суффиксов *-ник*, *-чик*, *-щик*): *жилйца*, *проводнйца*, *поставйца* — *красавйца*, *праведнйца*, *заказйца* (ср. *жилец*, *проводник*, *поставщик*, *красавец*, *праведник*, *заказчик*).

-ниц-а (не в названиях женщин, соотнесенных с производными на *-ник*, и при отсутствии соответствующего прилагательного с *-н-*, ср. выше): *скребнйца*, *мазнйца*, *вознйца*, *божнйца*, *бойнйца*, *зарнйца*, *пороховнйца* — *полённица*, *здравница*, *пятница*. Отклонения: *звбнница*, *варница*, *мельница*.

-ович ↓ Triv (в апеллиативах и отчествах): *попович*, *царевич*, *Петрвич* — *Семёнович*, *Сергеевич*; ср. доминантное *-ович* в фамилиях (§ 1.41).

-иц-а: *бородйца*, *ручйца* — *собачйца*, *лапйца*. Отклонение в сторону доминантности: *скучйца*.

-иц-е: *городйце* (два омонима), *кострйце* (два омонима), *волчйце*, *жилйце* — [*убеж*]ице, [*сббр*]ице, [*поббј*]ице, [*пристан*]ице (с консонизатором *н*), [*посмеш*]ице, [*прбзв*]ице, *морбзйце*, *хранйице*. Отклонения: *чудйце*, *тбржйце*, *кбзлыце*, *ржаныце*, *полбтнйце*, *йгрйце*, *детице*, *пблыце* (все в сторону ←); особо стоит *гбнйце*. См. также *-биц-е*, § 1.53.

-овйц-е: *токовйце*, *серповйце*, *косовйце*. Отклонения: *чудбвйце*, *зимбвйце* (ср. еще нелитер. *станбвйце* при нормативном *становйце*).

§ 1.48. Суффиксы прилагательных.

-лив- ↓ Monosyll Deox: *бережливый*, *торопливый*, *говорливый*, *сиротливый*, *пугливый*, *болтливый*, *пытливый*, *сонливый*, *дождливый* — [*прожбр*]ливый, [*приверед*]ливый, [*въед*]ливый, [*понят*]ливый, [*насмеш*]ливый, [*засуш*]ливый, *талантиливый*, *конфузливый*, *собачливый*. Эффект Monosyll: *драчливый*, *счастливый* (ср. ниже), *бурливый* (если связывать это слово с *буря*). Эффект Deox: *чудаливый*. В ряде случаев слово с *-лив-* можно соотносить как с глаголом, так и с существительным. С акцентной точки зрения это безразлично; например, ударение слов *шкодливый*, *сварливый*, *дурачливый* (*дурашливый*), *куражливый* регулярно при соотнесении их как с глаголами (что предпочтительно), так и с существительными (в последнем случае действуют характеристики Monosyll и Deox). Особые случаи: в нескольких словах произошло опрошение базового компонента, приведшее к потере им доминантности: *счастливый* (ср. сохранение старого ударения в кратких формах: *счастлив*, *-а*), *скучливый*, *сметливый* (устар. *сметливый*), *смазливый*, *спотыкливый*; также *особливый*, *справедливый*, *прозорливый* (где вдобавок суффикс *-лив-* ведет себя как доминантный). Прочие особые случаи: *вынбсливый*, *завйстливый*, *боязливый*, *шаловливый*; колебание: *вьюжливый*. Отметим еще *вёжливый* (с остаточным базовым компонентом). В словах *молчаливый*, *тер-*

пелмивый, горделивый правильное усматривать не *-лив-*, а суффикс *-ив-* после консонизатора *л*.

-чив-: *бранчивый* — [сговóр]чивый, [влóб]чивый, [восприím]чивый, [ужйв]чивый.

-ов ↓ Triv (притяжательные прилагательные и фамилии): *отцóв, попов, Петухóв* — *племянников, Семёнов, Солнцев*. Эффект Triv: *чёртов, Гусев, Гóлубев, Раков, Дьяконов*.

Примечание. В фамилиях на *-иков* это *-иков* в большинстве случаев функционирует как поглощающий сращенный суффикс с маркировкой ←, например: *Стáриков, Гóликов, Нбиков, Бéликов, Крúгликов* (однако, например, *Городовикóв*).

-éнек (после *к, г, х -óнек*; вторая гласная беглая), производное имеет только краткие формы (см. Грамм., с. 75, § 11): *тяжелéнек, слабéнек, великóнек, строгóнек* — *тяжелёхонек, радёшенек* (после морфов *-ёх-, -ёш-* ↓ D, см. сноску 39). С сильными основами (без дополнительных *-ёх-, -ёш-*) суффикс не соединяется.

-ок-: только *далёкий, глубóкий, высóкий, ширóкий, одинóкий*.

-овск- ↓ Triv (кроме семантической группы «отрицательных действий типа колдовства, плутовства, хвастовства», см. § 1.52): *толстóвский* — *бúндовский, мáртовский, áвгустовский* (ударение *августóвский* устарело).

-ом- (причастия, прилагательные со значением потенциальности; первичный суффикс): *ведóмый, несóмый* — *колéблемый, чита́емый, несгорáемый*.

-овн- ↓ Monosyll: *плачéвный, санóвный, духóвный* (относительно *безгрéзóвный* и т. п. см. § 1.37, примеч.). Отклонение: *дневнóй*.

-ённ- (причастия; первичный суффикс). Заменительное, вместо *-ит* в 3 ед. презенса (у *i*-глаголов) или вместо *-ла* в ед. жен. прош. времени (у *C*-корневых глаголов)⁴²: *процённый, закалённый* — *зажáренный, избóищенный* (ср. *простít, закалít, зажáрит, избóсит*); *сплетённый, учтённый* — *укра́денный, пострíженный* (ср. *сплелá, учлá, укрáла, пострíгла*). У *i*-глаголов имеется, однако, довольно значительное число отклонений. Причастия с «незаконным» ударением *-ённ-ый* имеют глаголы схемы *с*: *делítь, -менítь, ценítь, кло- нítь, крестítь* и все их приставочные производные; *влюбítь, оса- дítь* (из раствора), *об-, при-, о-судítь, восхвалítь, умолítь, пре- ломítь, под-, по-дразнítь, пере-, вз-бесítь*; факультативно также глаголы на *-манítь, за-, пере-дразнítь, иссушítь*. Такое же при- частие при колебании в презенсе (схемы *с/|b*) имеют *-дружítь, бе- лítь, шевелítь, селítь, -слонítь* и производные, также *осадítь* (город), *вспойть, поглóтить*. Примеры: *разделённый, наклонённый, поселённый* (ср. *раздéлит, наклóнит, посéлит*). Особое отклонение

⁴² У немногочисленных *ё*-глаголов, использующих данный суффикс, ударение корневое, например, *видённый, просíженный, провóрченный*.

составляют причастия *при-, по-нуждѣнный, осведомлѣнный* (//*осведомлѣнный*) от глаголов схемы *a*. Отметим, что существенная часть перечисленных здесь глаголов (например, *умолить, преломить, иссушить*) имеет книжный оттенок, ср. в этом отношении также *-жд-* и *-щ-* в *осаждѣнный, осуждѣнный, поглощѣнный*. Противоположное отклонение (причастие с корневым ударением) имеют глаголы схемы *b*: *трубить, кроить, зубрить* ‘делать зазубрины’, *трусить* ‘сыпать’, *цветить, торочить* и все их производные, также *за-, про-, ис-следить, раз-, с-жидить, под-, раз-зудить, сболтать, за-, пере-, раз-, по-золотить*; факультативно также *-редить, затвердить, раз-, по-громить, раздвойть, строить, пере-, с-, рас-, ис-косить* ‘искривить’, *гатить* (и производные), *изрешетить*. Такое же причастие при колебании в презенсе (схемы *b*//*c*) имеют *городить, скоблить, солить, доить, зубрить* ‘учить’, *винтить, строчить, сучить* и все их производные, *пере-, по-, от-лудить, перетрудить, рядить* ‘нанимать’, *по-, про-кружить, поить* (и производные, кроме *на-, вс-*), *вз-, про-, от-мутить*. Примеры: *скрѣбѣнный, позолѣбѣнный, огорѣбѣнный* (ср. *скроить, позолотить, огорѣдить*). В этой группе господствуют глаголы, вполне обычные в разговорной речи; значительная их часть имеет технический характер.

-ѣн- (отпричастные прилагательные; первичный суффикс). Заменительное, вместо тех же форм, что для *-ѣнн-* (см. выше): *прощѣнный, калѣнный, плетѣнный — жарѣнный, ношеный, краденый, стрижѣнный*. Таким образом, если бы не было отклонений, *-ѣн-* всегда давало бы тот же эффект, что *-ѣнн-*. Однако отклонения от правила для этих двух суффиксов не совпадают; вдобавок, *-ен-* выступает, как правило, при бесприставочных основах, тогда как *-енн-*, напротив, соединяется с ними с большим трудом. Отсюда необходимость отдельного разбора. «Незаконное» ударение *-ѣн-ый* представлено при основах *посаж-, цеж-, груз-, хвал-, бел-, пил-, топ-, чин-, вар-, дар-, моч-, точ-, уч-, круч-, гаш-, душ-, суш-, туш-, крещ-*; также *дож-, пож-, сол-, мор-* (где в презенсе колебание), *клеж-, смышл-* (в презенсе схема *a*); примеры: *посажѣнный, варѣнный, солѣнный*. От *хоблить* возможно *хobleнный* и *холѣнный*. Противоположного отклонения в чистом виде нет; отметим *прядѣнный, сѣчѣнный* (при колебании *прядѣлѣ, сѣклѣлѣ*). Не имеют прямой связи с глаголом *студѣнный, червлѣнный, рифлѣнный, мудрѣнный, ядрѣнный*.

-ист- ↓ Деох (кроме терминов со значением ‘содержащий соответствующее вещество’, см. § 1.54): *волокнистый, голосистый, золотистый, змейстый, лесистый, машистый, неказистый — [уббр]истый, [залѣв]истый, [извѣл]истый, [размѣш]истый, [разлѣп]истый, болѣтистый, мозблистый, жилистый, пѣнистый*. Эффект Деох: *пузыристый, пупыристый, творѣжистый* (от *творѣж, -ѣ*). Отклонения: 1) *фразистый, искристый, шелковистый*, также *спорѣвистый* (но чаще акцентно регулярное *спорѣвистый*); 2) *кряжистый, пѣристый, ячѣистый*.

-ейш-, -айш-. 1. Заменительное, вместо *-ej(e)* в компаративе (только для алломорфа *-ейш-*): *тяжелейший, белейший, древнейший* — [*разнообразнейший, свирепейший, красивейший*]. 2. Аддитивное: *широчайший, крепчайший, чистейший, малейший*. Отклонение: *богатейший*.

-ущ- (причастия и отпричастные прилагательные; первичный суффикс). Заменительное, вместо *-ут* в 3 мн. презенса: *сосущий, бегущий, загребущий* — *пишущий, читающий*. Отклонение: *могущий* (сюда же *всемогущий*); ср. разг. *мбгущий*. Аддитивное употребление в *завидущий, плодущий, имущий*; также *сведущий, всеведущий* (с формально неправильным корневым ударением).

-ящ- (причастия и отпричастные прилагательные; первичный суффикс). Заменительное, вместо *-у* в 1 ед. презенса: *крутящий, носящий, свистящий* — *прявящий, конфузящий*. В современном языке, однако, наблюдается сильная тенденция к тому, чтобы акцентологически трактовать *-ящ-* так же, как *-ущ-*, т. е. и здесь ориентировать ударение (по крайней мере у невозвратных глаголов) на 3 мн. презенса, а не на 1 ед. Различие затрагивает, естественно, только глаголы схемы *с*. Так, по Грамм., у невозвратных глаголов ударение типа *любящий* (ср. *люблю, любят*) постоянно представлено при основах *губ-, руб-, люб-, служ-, пил-, жен-, цен-, чин-, леп-, луп-, черт-, леч-, моч-, уч-, душ-, суш-, туш-, тащ-, терп-, дыш-*, факультативно также при *дав-⁴³, цед-, суд-, друж-, туж-, вал-, хвал-, бел-, дел-, дразн-, коп-, вар-, гас-, бес-*. У возвратных глаголов ударения типа *жёнющийся* представлены гораздо уже (при *руб-, жен-, цен-, леп-, леч-, суш-*, факультативно также *лен-, душ-, тащ-*). Следует учитывать, однако, что приведенный список в значительной мере условен, поскольку в живой речи (в т. ч. литературной) в этом классе причастий колебания наблюдаются очень широко. При колебаниях, как правило, корневое ударение (*гасящий, ворящий* и т. д.) имеет более разговорную окраску, суффиксальное (*гасящий, варящий* и т. д.) — более книжную. В ряде случаев корневое ударение воспринимается как чисто причастное, суффиксальное — как соответствующее адъективированному употреблению (ср. *давящий* и *давящий*).

К настоящей группе примыкают также суффиксы компаратива и деепричастия презенса.

-ej(e): *тяжелее, холоднее, белее, вернее* — [*разнообразнее, свирепее, суровее, красивее, цветистее*]. Отклонения: 1) *здоровее* (в прямом значении), *розовее, лиловее* (ср. также нелитер. *красивее*); 2) *рослее, древнее, сноснее, срочнее, хищнее, дельнее* (данная группа очерчена нестрого, поскольку у этих и ряда других прилагательных с односложной основой ударение в краткой форме жен. рода фактически неустойчиво).

⁴³ Но только суффиксальное ударение в *давящий* 'мрачный, тяжелый'.

-я (первичный суффикс). Заменительное, вместо *-у* в 1 ед. презенса: *неся́, бормоча́, свистя́, любя́ — чита́я, ве́ря*. Отклонения: *ле́жа, стбя́, сидя́, глядя́* (деепричастия и наречия); также чистые наречия *мблча́, не́хотя, за́года, пбходя́*, сложные предлоги *судя́ по, глядя́ по*.

§ 1.49. Суффиксы глаголов.

-а-ть (отыменное; первичный суффикс): *холода́ть, козыря́ть, захомута́ть, велича́ть, листа́ть, серча́ть, ветша́ть — за́втракать, обе́дать, у́жинать, ла́пать*. Отклонения: 1) в сторону доминантности — *сквита́ть, фигу́рять, пуля́ть (пеня́ть семантически оторвалось от пёня; петля́ть соотнесено с ударением петля́)*; 2) *опоя́сать*.

-е-ть (первичный суффикс): *голубе́ть, тяжеле́ть, осатане́ть, трезве́ть, темне́ть, вдове́ть, глаза́ть — о[безлю́д]е́ть, о[безголо́б]е́ть, о[полоу́м]е́ть, о[беспамя́т]е́ть, парши́веть, посере́знеть*. Отклонения: 1) *здорове́ть, свирепе́ть, богате́ть, одревесне́ть, осточерте́ть*, ср. также *запечатле́ть*; отметим разг. *ржаве́ть* при нормативном *ржа́веть*; 2) *обве́треть, проя́снеть* (о погоде), *обу́треть*.

-ове-ть ↓ Monosyll, -ене-ть (-яне-ть) ↓ Monosyll (первичные поглощающие сращенные суффиксы): *розове́ть, багрове́ть, заглянце́веть, столбене́ть, стержене́ть, оцепене́ть, древе́янеть, багряне́ть, пламене́ть — кори́чневеть, береме́неть*. Отклонения: *ялове́ть, плесне́веть, инде́веть* (но разг. *плесне́веть, инде́веть*), *махрбе́веть*. Отметим еще *лилове́ть*, но *сурбе́веть* (слова с остаточными выделяемыми корнями).

-ну-ть (не выпадающее в прош. времени) со значением однократного действия. Заменительное, вместо *-а-ть, -и-ть*. Суффикс выступает как заменительный там, где есть соответствующий бесприставочный глагол на *-а-ть* или *-и-ть*, причем с той же, что и при *-ну-ть*, гласной в корне⁴⁴ (таким образом, в приставочном глаголе на *-ну-ть* приставка должна не приниматься во внимание). Примеры: *пры́гну-ть* (также *подпры́гнуть* и т. д.), *де́рну-ть, кли́кну-ть, трб́ну-ть, тб́пну-ть, хле́бну-ть, пугну́ть, нырну́ть, махну́ть, пальну́ть* (ср. *пры́гать, де́ргать, кли́кать, трб́гать, тб́пать, хлеба́ть, пуга́ть, ныря́ть, маха́ть, пали́ть*). Отклонения: 1) *мазну́ть, резну́ть, всплакну́ть, сыпну́ть* (ср. *маза́ть, ре́зать, пла́кать, сыпа́ть*⁴⁵); 2) *шмыгну́ть, юркну́ть, черпну́ть (при)хвастну́ть, нюхну́ть, струхну́ть* (ср. *шмы́гать, юрка́ть, черпа́ть* [но разг. *черпа́ть*], *хваста́ть, нюха́ть, трю́сить*); 3) *ки́ну-ть* (ср. *кида́ть*).

Примечание. Глаголы на *-ну-ть*, образованные от *ѣ*-глаголов, в отличие от рассмотренных выше, обычно не сохраняют ударения исходного глагола, а именно, при *ѣ*-глаголах на *-е́ть, -а́ть* глагол на *-ну-ть* имеет корневое ударение, например: *сту́кну-ть, буркну́ть, ви́згнунуть, дрб́гну-ть, кри́кну-ть, пискну́ть, скри́пну-ть, хру́стну-ть, сви́стну-ть* (при *сту́чать, бур-*

⁴⁴ Соответственно, пары *суну́ть—сова́ть, кла́ну-ть—клева́ть, плб́ну-ть—плева́ть, разй́ну-ть—разева́ть* сюда не относятся.

⁴⁵ Эта группа отклонений охватывает все производные на *-ну-ть* от *а*-глаголов с ударным корнем, не имеющих параллельных вариантов по *а*₁-типу; ср. еще окказиональные *лайну́ть, влайну́ть* от *ла́ять*.

чатъ, визжатъ, дрожатъ, кричатъ, пицатъ, скрипѣтъ, хрустѣтъ, свистѣтъ). Иначе акцентованы только *блеснутъ, шумнутъ, гуднутъ, всхрапнутъ, дыхнутъ* (при *блестѣтъ, шумѣтъ, гудѣтъ, храпѣтъ, дышатъ*); более отдаленно связаны *вернутъ* и *вертѣтъ*. В части приведенных случаев глагол на *-нуть* соотносен одновременно с *ѣ*-глаголом и *ај*-глаголом, ср. *стукнуть* — *стучатъ* и *стукать*.

§ 1.50. При промежуточном по силе базовом компоненте у слов с суффиксом класса ↓ ударение, как указано в § 1.33, определяется прагматическим фактором⁴⁶.

В освоенных словах промежуточный базовый компонент ведет себя как слабый. Примеры⁴⁷: 1) «группа *рак*» — *перчѣнка; братѣшка, трусѣшка, зайчѣшка, фрачѣшка, мыслѣшка; плешѣна; графѣня* (с нерегулярным смягчением *ф*); *трусѣха, франтѣха, рысѣха, зайчѣха, крольчѣха*⁴⁸; *гранѣца, тигрѣца; вонѣца; тигрѣце, рачѣце; статѣстый; заштилѣтъ, хамѣтъ*; 2) «группы *буйвол, якорь*» — *сахарѣнка; кофейшко, месячѣшко, мебелѣшка; пестряѣдина, лососѣна* (в соответствии с вариантом *лбось*), *парусѣна, образѣна; герцогѣня; щеголѣха, соколѣха; цесарѣвич; пепелѣце, голенѣце; молотовѣце; прихотлѣвый, похотлѣвый; студенѣстый, каменѣстый; пуделѣтъ, щеголѣтъ* (заметим, впрочем, что для части приведенных слов такое ударение является достаточно старым).

Прямыми исключениями (где, несмотря на достаточную освоенность, сохраняется традиционное ударение на базовом компоненте) здесь можно считать: 1) *гѣдина, гѣд-ина, -инка, кѣп-ина, -инка, рѣс-ина, -инка, шкѣлистѣый, ѣлистѣый, ѣнистѣый, гнѣваться*; 2) *бѣсер-ина, -инка, мѣлостѣня, ѣщерица, лѣговице, тѣловице, свѣстливѣый, жѣлостливѣый, пѣмѣтливѣый*. В ряде случаев конкурируют два акцентных варианта, причем ударение, соответствующее освоенности, носит более разговорный (или даже просторечный) характер. Примеры: разговорные *буйволѣца, дьяволѣца, мускулѣстый, сахарѣстый*, нелитературные *месячѣна, инокѣня*, при нормативных *буйволѣца, дьяволѣца, мускулѣстый, сахарѣстый, мѣсячина, ѣнокѣня*, ср. также разг. *плѣснѣвѣтъ, индѣвѣтъ*, отмеченные в § 1.49. Просторечное суффиксальное ударение иногда встречается даже в некоторых словах, отнесенных выше к исключениям (например, просторечн. *пѣмѣтливѣый*).

При неосвоенности промежуточный базовый компонент ведет себя как сильный. Такое ударение достаточно прочно удерживается за устаревшими, книжными и т. п. словами (например, *дѣдина, хѣрамина, дьяконѣца, сбнмище, ѣдолѣще*); оно зафиксировано литературной нормой также за большинством редких и узкоспециальных слов

⁴⁶ Кроме случаев, когда промежуточный базовый компонент подпадает под действие пометы *МоросуП* или *Тгѣв* при суффиксе (а именно, *МоросуП* превращает основы «группы *рак*» в слабые, *Тгѣв* превращает все промежуточные основы в сильные). Такие случаи вошли выше в основную часть разбора.

⁴⁷ В списке примеров здесь и ниже включено большинство реально употребительных слов соответствующих категорий.

⁴⁸ Ввиду однослезности базового компонента *крольч-* это слово акцентно правильно, хотя оно и нерегулярно соотносится с основой *кролик-*.

(например, *па́лтусина*, *члѣнистый*, *шра́мистый*, *ла́истый*). Характерно, что книжное слово *благосты́ня*, для которого нормой является древнее ударение, люди, недостаточно знакомые с этим словом, произносят как *бла́гостыня*.

Основная маркировка →

§ 1.51. Суффиксы существительных.

-ба: *городьба́*, *ворожьба́*, *мольба́*, *режьба́* — [*усады́ба*], *жени́тьба*, *сели́тьба* (два последних с консонизатором основы *т*). Отклонения: 1) в сторону первичности — *похва́льба*; 2) *слу́жба*, *дру́жба*, *тя́жба*, *сва́дьба*, *прѡсьба*.

-е⁴⁹ → Monosyll (не собирательное), в т. ч. в составе имен действия на *-тье*, *-нье* (кроме *-енье*, о котором см. § 1.67); *кошьѣ* 'косо-вище', *битьѣ*, *мытьѣ*, *житьѣ* — [*богомѡ́льѣ*], [*челобѣ́тъѣ*], [*двоебо́ръѣ*], [*отрѡ́дѣ*], [*раздѣ́мѣ*], [*изголо́вьѣ*], [*взбо́ръѣ*], [*перепѣ́тъѣ*], *купáнье*, *здорѡ́вьѣ*. Эффект Monosyll: *жнивѣ́*, *спанѣ́*, *вранѣ́*. Отклонения: 1) в сторону первичности — *забытьѣ́*, устар. *прожитьѣ́*; 2) *суровѣ́* 'суровая ткань', *колотьѣ́* и *кѡлотѣ́* (наряду с *колѡ́тъѣ*); 3) *весѣ́льѣ*, *ѣ́тъѣ* (ср. также опростившиеся *плáтъѣ*, *зѣ́льѣ*). См. также *-ов'ј-е*, § 1.47.

-ик (отадъективное). Заменительное, вместо окончания (*-ый*, *-ий*, *-ой*) в исходной форме соответствующего прилагательного (или причастия): *кореннѣ́ик*, *крепостнѣ́ик*, *штрафнѣ́ик*, *тупнѣ́ик* — [*толстоло́бѣик*], [*подсне́жнѣик*], *волосáтик*, *головáстик*, *ды́мник*, *ѣ́мник*, *сѡ́чник*, *пѣ́льник*, *рѣ́жик*, *чы́стик*, *воспѣ́танник*, *отпѣ́щенник*, *пѣ́танник*, *мѣ́ченик*, *варѣ́ник* (от *варѣ́ный*), *вечѣ́рник*, *зы́мник*. Слова *временнѣ́ик*, *мелочнѣ́ик*, *матерѣ́ик* соотносятся с ударениями *временнѡ́й*, *мелочнѡ́й*, *матерѡ́й*. Особый случай составляют производные от числительных на *-еро*: *четверѣ́ик*, *пятерѣ́ик* и т. д.; здесь опорными являются словоформы косвенных падежей исходных слов (*четверѡ́йх*, *пятерѡ́йх*), поскольку И. ед. на *-ый* нет. Отклонения: 1) *новѣ́ик*, *малѣ́ик*, *целѣ́ик*, *голѣ́ик*, *старѣ́ик*, *частѣ́ик*; *кравáвик* (||*кравáвик*), *ученѣ́ик*; 2) *послáнник*, *изгнáнник*, *избрáнник*. Кроме того, см. список слов с «незаконным» ударением *-нѣ́ик* в разборе суффикса *-нѣ́ик* (§ 1.53). См. также *-овик* ниже, *-нѣ́ик* (§ 1.53), *-овнѣ́ик* (§ 1.47), *-янѣ́ик* (§ 1.47), *-чѣ́ик* (§ 1.53), *-щѣ́ик*, *-овщѣ́ик* (§ 1.68).

-овик → Monosyll (поглощающий сращенный суффикс): *передовѣ́ик*, *промысловѣ́ик*, *фронтѡвѣ́ик*, *портѡвѣ́ик*, *пуховѣ́ик*, *змеѣѡвѣ́ик* — [*подосѣ́нѡвѣ́ик*], *горѡ́ховѣ́ик* (см. об этом суффиксе также § 1.37). Эффект Monosyll: *биржеѡвѣ́ик*, *гирѡвѣ́ик*, *массѡвѣ́ик*, *почтѡвѣ́ик*, *планѡвѣ́ик*, *стендѡвѣ́ик*, *большеѡвѣ́ик*, *меньшеѡвѣ́ик*. Отклонения в сторону непоглощающего типа: *рублѣ́вик*, *целѣ́ковѣ́ик*, *грѣ́чневѣ́ик*, *я́чневѣ́ик*, *на́стовѣ́ик*.

⁴⁹ Не смешивать с алломорфом *-иј-е* (§ 1.53).

-ок (с беглым *о*; все значения): *кулачо́к, узело́к, голубо́к, погребо́к, дымо́к, желто́к, бросо́к, плевко́к, витко́к* — [*первоу́чт*]о́к, [*саморбо́д*]о́к, [*набрбо́с*]о́к, [*сви́т*]о́к, [*зада́т*]о́к, [*напи́т*]о́к, [*сни́м*]о́к, [*недоу́м*]о́к, [*отго́лбо*]о́к, [*переле́с*]о́к, *фа́ртучек, овра́жек, оре́шек, бара́шек*. Если, однако, суффикс *-ок* присоединяется к слову, уже оканчивающемуся на *-ок* (с беглым *о*), происходит эффект Деох: *куско́чек, зво́нбчек, молотбчек* (от *кусо́к, кусо́к* и т. д.). Отклонения в сторону первичности: *поплаво́к, помазо́к, погребко́к, позво́нок, завитко́к, поддаво́к* (ср. также опростившееся *смычко́к*).

Примечание. В уменьшительном значении суффикс *-ок* несоединим с сильным базовым компонентом, кроме случая, когда он оканчивается на шипящую (что практически возможно только при исходном слове на *к, г, х*, а также *н*, см. примеры выше). В других значениях этого ограничения нет.

Уменьшительное *-ок* часто выступает при промежуточном базовом компоненте. В силу особенности, указанной в примечании, у слов не на *к, г, х* такое производное, если оно вообще образуется, имеет ударение *-о́к*: *клено́к, свато́к, брато́к, сахаро́к, юморо́к, шепото́к, запаши́к, адресо́к, якорё́к, флизелё́к* и т. п.; также *рачо́к, слушо́к*, но *вну́чек* или *внучо́к*.

-изн-а → Polysyll (первичный суффикс): *новизна́, белизна́, пря́мизна́*. Эффект Polysyll: *дешевизи́на, дороговизи́на, укори́зна*. Отклонения: 1) *голово́зна, отчи́зна*, 2) *голубизна́*.

-ин-а (отадъективное имя качества): *величи́на, тиши́на, шири́на, желати́на* — *суту́лина*. Акцентологически сюда же относятся *седи́на, быстри́на, цели́на*, имеющие более конкретные значения.

-арь → Monosyll (отыменное): *зото́арь, главо́арь, ди́карь, сухо́арь* — [*виногра́д*]арь, [*библиотэ́карь*], [*апте́карь*]. Эффект Monosyll: *бу́квоарь, во́лгоарь, шту́карь, пу́шкарь, почта́рь*. Отклонения: *мы́тарь, ку́харь* (эти слова примкнули к отглагольным производным с *-арь*, § 1.53); *ры́барь*. Слова *календа́рь, секретáрь* синхронически уже не связаны с *календы́, секрет*.

-ц-а (после сочетания «согласная+л или р» — *-еу-а*): *хрипо́ца, крепо́ца, зелено́ца, пы́льца, трусо́ца, нагле́ца, хитре́ца* (ср. *памя́ца*, при промежуточном базовом компоненте) — [*уби́й*]ца, [*пропо́б*]ца, [*прохля́д*]ца, *ехи́дца, шпо́рца*. Отклонение: *двер́ца* (ср. также опростившееся *мы́шца*).

-ц-о/е → Polysyll: *слово́ц, мясо́ц, дряно́ц, вино́ц, село́ц* — *одея́льце, колен́це, болото́це, са́льце*. Эффект Polysyll: *верете́нце, волоко́нце, око́нце, седе́льце*. Отклонения: 1) *де́льце, те́льце, дбо́нце*; 2) эффект Polysyll неустойчив в *решё́тце* || *решето́ц, долото́це* || *долото́ц*; 3) *зе́ркальце, збо́тоце* (т. е. эффект Triv), также *дере́вце* || *дерево́ц, кру́жевце* || *кружево́ц*; 4) *озеро́ц*.

-еу-о/и-е (алломорф предыдущего суффикса, выступающий после сочетания согласных; различие *еу/иу* — чисто орфографическое):

письмецб, ружьецб, пальтецб, серебрецб — строе́ннице, назва́ннице, пла́тьнице, крѣслице. Отклонение: ма́слице.

-ец⁵⁰ (не уменьшительное). 1. Аддитивное (маркировка → Monosyll): *плавунѣц, холодѣц, образѣц, погребѣц, дворѣц, юнѣц, ловѣц, рѣѣц, жилѣц, певѣц* — [песнопѣв]ѣц, [заимода́в]ѣц, [честолю́б]ѣц, [голодра́н]ѣц, [оборва́н]ѣц, [повста́н]ѣц, [прише́л]ѣц, *лука́вец, скита́лец, корми́лец, румя́нец*. Эффект Monosyll: *рыбе́ц, стерве́ц, шельме́ц, бегле́ц, истѣц*. Отклонения: 1) в сторону первичности — *продаве́ц* (при правильных *книгопроба́вец, христопроба́вец*), *поставѣц, израѣц, сорванѣц, останѣц*, устар. *пришле́ц*; 2) *студене́ц, варене́ц, мечкладене́ц*; 3) *ли́пец* (мед), *ста́рец, ма́лец, шпбра́ец*, народно-поэт. *мблodeц* (слова *па́лец, не́мец, сла́нец, а́гнец* и т. п. синхронически уже не являются производными).

2. Заменительное (маркировка →), вместо *-ск-* и вместо *-иј-* в составе *-ениј-е*; *-ец* используется заменительно везде, где есть хотя бы одно из указанных опорных производных (между собой они акцентно не расходятся), кроме слов *са́женец, варене́ц, отве́рженец*, которые образованы от причастий. Примеры: *донѣц* — *гбрец, дѹмец, толстбѣец, кантиа́нец* (ср. *донско́й, гбрский* и т. д.); *иждивѣнец, выдвигѣнец, ополчѣнец* (ср. *иждивѣние* и т. д.); также *партиѣц* (заменительно от *парти́йный*).

-ич: *костромич, москвич, тверич* (ср. в *Твери́*), *Фомич* — [сорóд]ич, [соботч]ич, *шляхтич, ба́рич* (ср. *ба́ры*), *вяза́мич, Никитич*. Ср. также *пскович, гдович* (промежуточный базовый компонент). Отклонения: *рбдич, княжич*. См. также *-ович*, § 1.47.

-ыш: *короты́ш, малы́ш, голы́ш, глупы́ш, крепы́ш* — [зарбóд]ыш, [вкла́д]ыш, [обб́рв]ыш, *вѣкидыш, вѣигрыш, пога́ныш, несмыслѣныш, дѹтыш*. Отклонения: *ка́тыш, гла́дыш, найдѣ́ныш* (отпричастное).

§ 1.52. Суффиксы прилагательных.

-ин (фамилии; в число прилагательных помещены условно): *Кочергѣин, Бородѣин, Ильѣин, Зимѣин, Ногѣин* — *Корбѣин, Ла́пин, Волбѣин* (ср. *-ин* в притяжательных прилагательных, § 1.54). Имеется, однако, довольно много отклонений в сторону маркировки ←. Помимо *Губѣин, Стру́нин, Сы́тин*, где с исторической точки зрения просто сохраняется старое ударение, таковы, например: *Вдбѣин, Дѹдѣин, Кбзѣин, Смблѣин, Стрѣлѣин, Трѣвѣин, Старѣинѣин* (исчерпывающий список здесь нереален).

-овск- → Monosyll (поглощающий сращенный суффикс). С такой маркировкой *-овск-* выступает только в семантической группе «отрицательных действий (или качеств) типа колдовства, плутовства, хвастовства» (ср. обычное *-овск-*, § 1.48). Перечислим все входящие в эту группу слова с *-овск-* (а также с *-овств-о*, которое связано

⁵⁰ После сочетания согласных *е* устойчивое (*мудре́ц, мудреца́*), в прочих случаях беглое.

с *-овск-* отношениями замены): *колдов-скбй, -ствб, ведьмов-скбй, -ствб, ведов-скбй, -ствб, воров-скбй, -ствб, плутов-скбй, -ствб, шельмов-скбй, -ствб, бунтов-скбй, баловствб* (ср. также акцентно сходное *баловнбй*), *шутов-скбй, -ствб, хвостов-скбй, -ствб, мотов-скбй, -ствб, фатов-скбй, -ствб, франтов-скбй, -ствб*. В современном языке имеет отрицательную окраску и тем самым примыкает к данной группе также *кумов-скбй, -ствб*. Обособленно стоит *сватов-скбй, -ствб* (не имеющее отрицательной окраски), но оно семантически связано с *кумовствб*. Акцентные исключения: *чертбвский, бесбвский*. Характерно, что примерно при половине слов данной группы имеются также глаголы на *-овать*: *колдовать, ведьмовать, воровать, плутовать, бунтовать, баловать*. Других слов на суффиксальные *-овск-бй, -овств-б*, кроме перечисленных выше, в русском языке нет. Таким образом, единая акцентная структура всех слов данной группы отчетливо ассоциируется с указанным кругом значений (ср. в этом отношении окказиональные образования вроде *курвовствб*). Примечательно, что у нескольких слов со сходным значением, имеющих неодносложный базовый компонент, требуемая акцентная структура достигается за счет отсутствия морфа *-ов-*: *волшебствб, озорствб* (ср. *озорнбй*), *удальствб* (ср. *удалбй*), *цеголь-скбй, -ствб*. Сюда же примыкали устаревшие акцентные варианты *ханже-скбй, -ствб*, вытесненные ныне акцентологически стандартными *ханже-ский, -ство*.

Основная маркировка ←

§ 1.53. Для суффиксов класса ← свидетельства их недоминантности часто лежат в сфере потенциальных слов (см. § 1.39); некоторые из таких слов приводятся ниже. При суффиксах данного класса промежуточные базовые компоненты ведут себя как сильные (§ 1.33). Особенность данного класса суффиксов состоит также в том, что при неосвоенности производного эти суффиксы могут вести себя в соответствии с маркировкой ← Тгив. Например, при окказиональном словообразовании могут появиться такие уменьшительные, как *ббровчик, приставчик, стёрлядка* и т. п. Ниже этот факт уже более не отмечается.

Суффиксы существительных.

-ов-о, -ив-о: *хлбво, варево, [пбжн]иво, мбсиво*. Отклонение: *огнйво* (но разг. *бгниво*). В словах *жнйво, чтйво* суффиксальное ударение вынужденное.

-тв-а: *бйтва, жйтва, клйтва, молйтва*. Отклонение: *жратвй* (простореч.).

-ств-о (после шипящих *-еств-о*). 1. Аддитивное: *семйство, ббгство, высбчество, ббщество* — [*убйй*]ство, [*излйш*]ество, *лакбство, имйщество, дбвство*; ср. также *нбвшество, нйричество* (с морфом *-и-*). Отклонения: 1) *вдовствб, родствб, сродствб, свойствб* 'родство' (ср. *свбйство* 'качество'), *мастерствб, божествб, рождествб, есте-*

ствб, веществб, существб; кроме того, *волшебствб, озорствб, удалствб*, о которых см. при *-овск-*, § 1.52; отметим также *старшинствб, большинствб, меньшинствб* (с морфом *-ин-*); 2) *лекарствб, роскошество*; 3) *таинство*.

2. Заменительное, вместо *-ск-* (*-еск-*); используется заменительно везде, где есть прилагательное с *-(е)ск-*, кроме слов *свойствб, мастертствб, божествб, лекарствб* (см. выше). Примеры: *щегольствб, плутовствб — дѣтство, звѣрство, толствбство, йночество* (ср. *щегольскбй, плутовскбй, дѣтскйй, звѣрскйй* и т. д.).

-j-a (названия женщин; множ. число [у неодушевленных] и собирательные *pluralia tantum*): *колдунья* (и прочие на *-унья*), *гбствья; лоскутъя, деревья, колбсъя, коренья, перья, листьа, дрекблъя, лохмбтъя — игуменья, сватьа; клинья, брусья, поленья, [отрѣп]ья, [обѣд]ья*. Особые случаи: *повбдья, каменья*.

Примечание. Для современного языка уже являются устаревшими собирательные на *-ье*, параллельные формам мн. числа на *-ья* (Р. *-ьев* и т. д.), например, *листья, лохмотья* при обычных *лист-ья, -ьев, лохмот-ья, -ьев*. Ударение этих устаревших собирательных — такое же, как во мн. числе на *-ья* (тогда как у живых собирательных с данным суффиксом акцентовка иная, см. § 1.42).

-иj-е (в т. ч. в составе имен действия на *-тие, -ние*, кроме *-ение*, о котором см. § 1.67): *величие, терние, звание, знание — [работлѣн]ие, [полушар]ие, [бессыл]ие, [довѣр]ие, [уньн]ие, [признан]ие, [собран]ие, [снят]ие, [вскрыт]ие, бросание, дѣлание, отбрасывание*. Исключения: *остриѣ, бытиѣ, небытиѣ, житиѣ, питиѣ; знамение*.

-к-а. 1. Аддитивное: *сковорѣдка, кочерѣжка, чудачка, лошадка, перепѣлка, игблка, дырка — [наббй]ка, [загорбд]ка, ягодка, капелька, пуговичка, качалка, прыгалка, морозылка* (морф *-и- ↓ D*). Отклонения: 1) *денежка, цѣркбвка, сбсенка* (//*сосѣнка*); 2) *линейка* (ср. *-ейн-, -ейск-*, § 1.41), *черпалка, невидимка, гребѣнка, щѣбѣнка, кухарка, венгерка*.

2. Заменительное: а) в названиях женщин, вместо *-ец, -ин*; б) в производных, служащих сокращением для сочетания «прилагательное + существительное», вместо *-н-, -н'-, -ск-*. Примеры: *бѣженка, торбвка, самка, афиньянка, татарка, армянка* (ср. *бѣженец, торбввец, самѣц, афинянин, татарин, армянин*); *вечбрка, «Комсомблка», мичманка, разг. слесарка* (ср. *вечѣрняя газета, «Комсомбльская правда», мичманская фуражка, слесарные работы*). См. также *-очк-а* ниже, *-овк-а, -инк-а, -ишк-а* (§ 1.47).

-к-о: *ведѣрко, сердѣчко, колѣчко — яблочко, окбшечко*. Отклонения: 1) *пивкб, мяскб, ушкб* 'отверстие', *ушкб* (уменьшительное), *брюшкб, озеркб* (следы более старой маркировки с *Mag*), также *молочкб*; 2) *зблотко, облачко, дитятко*. Особо стоят названия лошадиных мастей: здесь *-к-о* ведет себя по классу →: *воронкб, гнедкб, серкб, буланкб*. См. также *-очк-о* ниже.

-ик (уменьшительное [отсубстантивное]): *карандашик, комарик, волбсик, козырик, слбник, дбмик — [рассказ]ик, сквѣрик, автббусик*,

ср. также свободно образуемые окказиональные *ми́нусик*, *штбпорик*, *па́русик*, *кбмпасик* и т. п.

-ник. С акцентологической точки зрения, основная сложность здесь в различении случаев типа *наста́в-ник* (где выступает суффикс *-ник* ←, который действует как поглощающий, т. е. несмотря на существование слова *наставно́й*) и типа *отставн-и́к* (где выступает просто *-ик* →, т. е. *-ник* не дает поглощающего эффекта). После приставочно-корневого комплекса *-ник* обычно бывает поглощающим, ср. *наста́вник*, *отхо́дник*, *зака́зник*, *запа́сник*, *отсту́пник*, *уго́дник*, также при отсутствии прилагательного — *вса́дник*, *нае́здник* и т. п.; особо отметим *помбщник*, *подви́жник*. Исключения составляют слова, семантически эквивалентные субстантивированному прилагательному (*отставни́к* = *отставно́й военнослужащи́й*, также *выходни́к*, *отпускни́к*, *выпускни́к*, *приписни́к*, ср. еще *озорни́к*); кроме того, *подрывни́к*, *взрывни́к*, *проводни́к*, *связни́к*, *пропускни́к*. Этому образцу следует также *истопни́к*. Не после приставочно-корневого комплекса *-ник*, как правило, бывает непоглощающим, ср. *коренн-и́к*, *мясн-и́к*, *капу́стн-ик*, *сбчн-ик* и т. п. Единое *-ник* выступает здесь лишь при отсутствии соответствующего прилагательного с *-н-* (*-н'*): *оси́нник*, *рабо́тник*, *лоша́дник*, *слбвеник*. Имеется, однако, значительная группа слов, где выступает «незаконное», с точки зрения современных правил, ударение *-ни́к* (в приводимом списке соединены случаи, где прилагательное с *-н-* есть, но имеет иное ударение, и где его просто нет): *бечевни́к* (||*бечёвник*), *ледни́к* (в горах; ср. *ле́дник* 'погреб'), *холодни́к*, *блудни́к*, *рудни́к*, *межни́к*, *должни́к*, *острожни́к* (от *острога́*), *плужни́к*, *пазни́к*, *слезни́к*, *лозни́к*, *тайни́к*, *гнояни́к*, *ройни́к*, *денни́к*, *голосни́к*, *колосни́к*, *росни́к*, *клеветни́к*, *локотни́к*, *золотни́к*, *потни́к*, *воротни́к*, *похотни́к*, *тростни́к*, *мутни́к*, *шутни́к*, *колошни́к*, *сошни́к*, *душни́к*, *пальни́к*, *тальни́к*. Большая часть этих слов отражает более старую маркировку суффикса *-ник*: ← Marg. В *ви́сельник* (от *ви́селица*) суффикс *-ник* действует как заменительный.

-чик (все значения): *каба́нчик*, *рука́вчик*, *колоко́льчик*, *су́пчик*, *вбзчик*, *нбсчик*, *да́тчик* — *дива́нчик*, *а́нгельчик*, *кла́панчик*, [*нала́д*]-*чик*, [*захва́т*]-*чик*, [*сда́т*]-*чик*. Отклонение: *метчи́к* (инструмент).

-очк-а, **-оньк-а**: *звёздочка*, *ко́сточка*, *голо́вонька*, *но́ченька* — *секу́ндочка*, *да́мочка*, *берёзонька*, *тёте́нька*; ср. также потенциальные *ка́федрочка*, *ягодонька* и т. п. Отклонения: *цепо́чка*, *доще́чка*.

-очк-о, **-ечк-о**: практически только *вре́мечко*, *се́мечко* (и прочие от слов на *-мя*), *у́тречко*, *си́течко*, *не́щечко*, *ча́дочко*; отклонение: *ме́сте́чко*. В прочих внешне сходных словах (*словёчко*, *ведё́рочко*) выступает простое *-к-о*.

-ушк-а (ласкательно-почтительное, в частности, народно-поэтическое) *го́лбвушка*, *лебе́душка*, *же́нушка* — [*сосе́д*]-*ушка*, *све́крбушка*; ср. также потенциальные слова вроде *ста́ростушка*. Относительно *-ушк-а* в других значениях см. § 1.41.

-ушк-о, -ышк-о, -ушек, -ышек: *пóмошко, зёрнышко, пупырышек, ко́лышек — зóрлышко, клíнышек*; ср. также потенциальные слова вроде *ло́конышек*.

-л-а (первичный суффикс): *хныкала, запевáла, заправíла* (морф -и- ↓ D).

-л-о (первичный суффикс): *начáло, бíло, пéкло, стóйло — брызгáло, хрюкало, покрывáло, мерíло* (морф -и- ↓ D). Ударение *черпáло* соотносено с разг. *черпáть*. Отклонения: 1) в сторону класса →: *помелб, греблб, скреблб, седлб, мазлб, треплб, теслб, пуглб* (ср. также опростившиеся *соплб, жерлб* и др.); 2) *пýгало, дýхало*.

-тель (первичный суффикс): *издáтель, жíтель — двíгатель, дéлатель, исслéдователь, правíтель* (морф -и- ↓ D).

-н-я (все значения, кроме отглагольных имен действия и отыменных собирательных, ср. § 1.42): *вечёрня, повáрня, гончáрня, скворéчня, двóйня, бб́йня, пáшня — [каменолбм]ня, [шерстомб́й]ня, [сплёт]ня, штопáльня, красíльня* (морф -и- ↓ D), *голубя́тня, карау́льня, печáтня*. Отклонения: 1) в сторону первичности и класса →: *западн́я, размазн́я, ступн́я, мотн́я* ('часть невода' и др.), *кваши́ня; четверн́я, пятерн́я* и т. д. (от числительных); также *лыжн́я* (с эффектом *Мonosyll* или D), *рб́еня, нерб́вня* (ср. еще *головн́я, пешн́я, клеши́ня*, с остаточными базовыми компонентами); ударению *-н́я* здесь способствует взаимодействие с теми группами слов на *-ня*, где такое ударение регулярно (§ 1.42); 2) *коф́ейня, пека́рня, тока́рня, слесáрня* (в соответствии с прилагательными на *-ный*), *коню́шня, исповедáльня*. См. также *-овн-я* (§ 1.41, 42), *-отн-я* (§ 1.42).

-арь (отглагольное): только *ле́карь, пéкарь, то́карь, п́исарь, пáхарь*, также *знáхарь*. Сюда же примкнуло непроизводное *слéсарь*, а также отыменные производные *мы́тарь, кúхарь*. Отклонение: *сека́рь*; кроме того, *бунта́рь, коса́рь, звона́рь* в акцентном отношении ведут себя как производные от *бунт, коса́, звон*, хотя семантически они теснее связаны с соответствующими глаголами.

-ость: *ж́ивость, св́ятость, весёлость, мудрёность, вёрность — сурб́ость, кáверзность, [порýв]истость*. Вынужденное суффиксальное ударение: *злость*. Отклонения: *мб́лодость, хб́лодность*.

Примечание. Суффикс *-ость* несоединим с неодносложными (а также с производными односложными) основами прилагательных на *-б́й*, кроме *мб́лодость* от *молодб́й*. Слова *рáзвитость, удáлость, очерёдность* соотносятся с акцентными вариантами *рáзвитый, удáлый* и ненормативным *очерёдный*.

-еу ← *Triv* (уменьшительное): *счётеу, хлебеу, сýпеу — морóзеу, билéтеу, [нарб́д]еу, б́ратеу*. Производные с ударным *-еу* (*столб́еу, ларéу* и др.) в современном литературном языке уменьшительное значение, как правило, уже утратили. В разговорной речи и просторечии возможны, однако, экспрессивные образования на *-(е)у́* в Р. ед.: *спиртеу́, овсеу́* и т. п.

-ш-а ← Triv (названия женщин): *опеку́шша, секретáриша, при-
ставша — генерáльшша, фёрмершша, дóкторшша, слéсаршша, хánшша.*

-бищ-е (поглощающий сращенный суффикс): *клáдбище, стóйбище,
стрéльбище, гýльбище.*

§ 1.54. Суффиксы прилагательных.

-(u)j (притяжательные прилагательные): *собблйй, лебляжйй, стер-
ляжйй, казáчйй, кóзйй, бóжйй — крóмчйй, чинóвничйй, стару́шечйй,
олéнийй.*

-к-: *громóздкйй, сторóжкйй, лóмкйй, бóйкйй — [трудоём]кйй,
[дальнóзóр]кйй, обл. сйверкйй.* Отклоняется только обл. *тóропкйй.*

-ск-, -еск-: *январскйй, посóльскйй, жéнскйй, сёвйскйй, звёрскйй,
гóрскйй, дётскйй, отéческйй, насту́шескйй, дру́жескйй, кня́жескйй —
[посáд]скйй, бандй́тскйй, товáрищескйй, áнгельскйй, дóкторскйй,
мáстерскйй, брденскйй, хáмскйй.* Отклонения: *островскóй, слободскóй,
городскóй, людскóй, рядскóй, мужскóй, ямскóй, поварскóй, писарскóй
(/пйсарскйй), кучерскóй, мирскóй, морскóй, хуторскóй, дéнь-дéнь-
скóй,* также *мастерскáя*; в этих случаях отразилась более старая
маркировка данного суффикса (← Marg). О словах *щегольскóй, ханжескóй
(/хánжескйй)* см. при *-овск-*, § 1.52. В словах *заводскóй*
и *складскóй* аномальным образом приставочно-корневые комплексы
трактуются как глагольные (по модели *заводнóй, складнóй*). Особую
группу слов на *-скóй* образуют географические наименования: *псков-
скóй* (но чаще *пскóвскйй*), *серпуховскóй, чудскóй, чухломскóй, костром-
скóй, сумскóй, двинскóй (/двйнскйй), донскóй.* Другой тип откло-
нения: *венгёрскйй.* См. также *-овск-* (§ 1.48, 52), *-йск-, -ейск-* (§ 1.41).

-еньк- (также *-оньк-* после *к, г, х*); производное имеет только пол-
ные формы (см. Грамм., с. 75, § 11): *молóдёнкйй, голубёнкйй, хо-
лóднёнкйй, прбстёнкйй — красйвёнкйй, корйчнёвёнкйй.*

-л- (первичный суффикс): *устáлый, унйлый, спéлый, пáлый, вя-
лый, чáхлый, рóслый, прйшлый — лежалый, очумéлый, заплéснеvéлый.*
Отклонения: *удалóй (/удáлый), жилóй, пожилóй, гнилóй, былóй,
прибылóй, убылóй*; фактически это производные от глаголов с подвиж-
ным ударением в прош. времени (но с синхронической точки зрения
данный тип связи с ударением глагола уже не может быть описан
никаким регулярным способом).

-н'-: *дочёрнйй, осённйй, сторóннйй — [иногорóд]нйй, [многосто-
рóн]нйй, [заму́ж]нйй, братнйй.* Отклонение: *мáтернйй.*

-ин (притяжательные прилагательные) ← Triv: *жéнин, сéстрин,
дóчерин, мáтерин — пáпин, тётин, Волóдин* (ср. *-ин* в фамилиях,
§ 1.52). Отклонение: *Ильй́н* (схема *b*) в сочетании *Ильй́н дéнь.*

Примечание. Продуктивно здесь только соединение с сильными
основами; соединение со слабыми основами в литературном языке исчерпыва-
ется словами *жéнин, сéстрин, дбчерин, мáтерин, Ильй́н.*

-ни- (причастия и отпричастные прилагательные), -н- (отпричаст-
ные прилагательные); первичные суффиксы с маркировкой ← Poly-

syll: *да́нный, за́нный, прѣданный, пере́ванный*⁵¹, *раскѣпанный, разрисѣванный, ткáнный, трѣпанный* — *прѣделанный, помѣлованный, выработанный, штѣпанный*. Отклонения: 1) причастия *венча́нный* (царским венцом), *обуя́нный*; прилагательные *несказа́нный, желáнный, недрема́нный, окая́нный, покая́нный, постоя́нный, назва́нный* (однако в *беспреста́нный, неуста́нный, благоухáнный, бездыха́нный* следует усматривать просто суффикс *-н-* после основы на *н*); 2) *пѣреданный*.

З а м е ч а н и е. Хотя формально помета Polysyll действует здесь совершенно так же, как обычно, в сущности мы имеем здесь дело с особой ситуацией, нормой фактически является ударение типа *разрисѣванный, прѣданный* (на второй гласной слева от суффикса), а ударение типа *да́нный* выступает как вынужденное. Дело в том, что здесь (как и в причастиях с *-т-*, ср. ниже) в действительности представлена техника акцентовки, характерная для словоизменения, а не для словообразования: акцентная оппозиция типа *разрисѣвал*—*разрисѣван* выражает противопоставление залогов внутри претеритной субпарадигмы (ср. § 4.4).

-енн- (отыменное): *торжѣствен́ный, рѣдствен́ный* — *солѣбмен́ный, фѣйрмен́ный, коли́чествен́ный*. Отклонения: *тайнствен́ный, войнствен́ный*.

-ин': *вчера́шний, вне́шний, ны́нешний, се́годняшний*.

-т- (причастия и отричастные прилагательные; первичный суффикс). 1. Заменительное (с маркировкой ←), вместо *-ли* в мн. прош. (у корневых глаголов, кроме глаголов на *-олоть*): *наду́тый, разби́тый, за́пертый, нача́тый, пере́житый* (ср. *наду́ли, разби́ли, за́перли, нача́ли, пере́жи́ли*); при этом, однако, для глаголов на *-нять* с неодносложной основой литературная норма не допускает ударения *-ня́тый*, даже если допустимо *-ня́ли*, ср., например, *обня́тый* при *обня́ли* // *обня́ли*. Отклоняется ряд отричастных прилагательных: 1) *вита́й, завитѣ́й, развитѣ́й* (//*разви́тый*), *обжитѣ́й, литѣ́й, налитѣ́й, разлитѣ́й, пропитѣ́й, спитѣ́й, испитѣ́й, занятѣ́й, снятѣ́й*, также субстантивированное *поя́тѣй*; 2) *прокля́тый* (ср. еще *завзя́тый, предвзя́тый*, для которых нет глаголов). 2. Аддитивное, с маркировкой ← Polysyll (у *по-*глаголов и глаголов на *-олоть*): *гну́тый, изогну́тый, сту́кнутый, ко́лотый, вы́колотый*.

-чат- (поглощающий сращенный суффикс): *желѣбчатый, бахрѣмчатый, бревѣнчатый, игѣльчатый, сѣтчатый* — [*взры́в*]чатый, [*вы́ем*]чатый, *ресни́тчатый*. Поглощающий эффект ясно виден, например, в *прѣбчатый, клеѣнчатый, рису́нчатый, па́льчатый, ко́льчатый* и т. п. (от *прѣбѣка, клеѣнка, рису́нок, па́лец, ко́льцо*): делению типа *крѣбч-ат-ый, ко́льч-ат-ый* соответствовало бы ударение на *-ат-*,

⁵¹ Как видно из этих примеров, обычная приставка образует часть глагольной основы (т. е. плотно присоединена к корню); ср. неплотное присоединение приставки *не*, например, в *неза́ванный, нежда́нный*. Ударение не переходит также на первую основу в сложениях: *домѣтка́нный, перевозѣ́нный* и т. п. (это можно интерпретировать как эффект неплотного присоединения или как эффект именного комплекса).

поскольку *-ат-* относится к классу ↓ D. Поглощающий эффект распространяется только на суффиксальное *-ч-* (*-ц-*, *-к-*), поэтому его нет в *камча́тый*, *вну́чатый*, *до́щатый* (*досча́тый*). Отклонения: сравнительно устойчивые — *тройча́тый*, *крупча́тый*, *брусча́тый*, *крестча́тый*; неустойчивые — *сто́лбча́тый*, *звёздва́тый*, *гла́зча́тый*; ср. также нормативные *зубча́тый*, *хлопча́тый* и разговорные *зубча́тый*, *хлопча́тый*. Отклонения представляют собой акцентные архаизмы, которые в разговорной речи имеют тенденцию устраняться.

-ист- ← Triv (в химических и технических терминах со значением 'содержащий соответствующее вещество'): *сла́дистый*, *угли́стый*, *ста́листый*, *йо́дистый*, *хро́мистый*, профес. *се́рнистый* (при нормативном *серни́стый*) — [*кремнезём*]истый, *фо́сфористый*, *ни́ккелистый*, сюда же примыкает *сли́зистый*. Специально отметим, что близкие по значению прилагательные нетерминологического характера (качественные), например: *золи́стый*, *смоли́стый*, *или́стый*, сюда не относятся; они входят в основную группу слов с *-ист-* (§ 1.48).

-вш-, *-ш-* (причастия), также *-в-*, *-вши-*, *-ши-* (деепричастия): *растёр-ший*, *-ши*, *растерёв*, *сберёг-ший*, *-ши*, *сделав-ший*, *-ши*, *сделав*. Отклонения: *за́перший*, *за́першийсь*, *от́перший*, *от́першийсь*, *за́ме́рший*, *-ши* (аналогично с *об-*, *по-*); *пе́ремёр-ший*, *-ши*, *опе́ршийсь*.

В данную группу входят также показатели компаратива *-е*, *-ше*: *моло́же*, *чи́ще*, *ста́рше*, *до́льше*.

§ 1.55. Суффиксы глаголов.

-(е)ствова-ть (поглощающий сращенный суффикс): *во́двствовать*, *бе́дствовать*, *зве́рствовать*, *купе́чествовать* — *здра́вствовать*, *ора́торствовать*. Отклонения: 1) *благовествова́ть*, *повествова́ть*, *торжествова́ть*, *вспомоществова́ть*, *существова́ть*, *долженствовова́ть*; 2) *войнествовать*.

-ыва-ть (первичный суффикс): *завя́зывать*, *пошеве́ливать*, *ха́живать* — *раску́поривать*, *заса́харивать*, *о[безвре́ж]ивать*.

-ича-ть, *-нича-ть*: *на́гличать*, *по́дличать*, *жа́дничать* — [*рото-зёй*]ничать, *бро́дьяжничать*, *я́бедничать*, *попроша́йничать* (от *попроша́йка*), *су́мерничать* (от *су́мерки*). Отклонение: *домовни́чать*. Слово *озорнича́ть* акцентно правильно при разложении *озорнич-а-ть*. В прочих случаях между разложением типа *я́бед-нича-ть* и типа *я́беднич-а-ть* акцентной разницы нет.

-ну-ть (выпадающее в прош. времени [хотя бы в части форм]; первичный суффикс): *осла́бнуть*, *окре́пнуть*, *прого́ркнуть*, *охри́пнуть*, *сти́хнуть*. Такая акцентовка представлена и в тех случаях (довольно многочисленных), когда глагол не может рассматриваться как производный от какого-либо морфологически более простого слова, например: *за́бнуть*, *насти́гнуть*, *пове́ргнуть*, *ме́ркнуть*, *па́хнуть*, *ва́нуть*, *сти́нуть* и т. п.

СУФФИКСЫ С УСЛОЖНЕННОЙ АКЦЕНТНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКОЙ

Связь акцентуации с противопоставлением качественных и относительных прилагательных

§ 1.56. В современном русском языке у производных прилагательных обнаруживается следующая закономерность: качественные прилагательные за очень немногими исключениями имеют в полных формах наосновное ударение (тогда как у непроизводных этого ограничения нет, ср. *сухой, молодой* и т. п.). Так, суффиксы, с помощью которых образуются именно качественные прилагательные, никогда не имеют → в своей маркировке; ср., в частности, *-к* ← (например, *жаркий*), *-еньк*- ← (*молоденький*), *-лив*- ↓ (*хвастливый*), *-ист*- ↓ (*цветистый*), *-аст*- ↓ D (*цветастый*), *-ав*- ↓ D (*величавый*), *-ив*- ↓ D (*красивый*), *-ит*- ↓ D (*маститый*), *-уц*- ↓ D (*длиннющий*) и др. Что же касается суффиксов, дающих как качественные, так и относительные прилагательные, то здесь может произойти акцентное «расщепление» суффикса; а именно, оно обязательно происходит там, где относительные прилагательные образуются в соответствии с маркировкой →: для качественных прилагательных в этом случае используется другая маркировка (← или ↓). В таком положении находятся прежде всего суффиксы *-н*- и *-ов*-: ср., например, *дверной, подвесной, путевой* и *дружный, протяжный, путевой* (в менее яркой форме эти соотношения выступают при суффиксе *-ян*-, см. § 1.64).

Общеизвестно, однако, что противопоставление качественных и относительных прилагательных нестрогое: во-первых, потому, что нестроги сами понятия качественного и относительного значений, во-вторых, потому, что во многих случаях у одного и того же прилагательного имеются как относительные, так и качественные значения. Тем самым использование в акцентологических правилах понятий качественного и относительного прилагательного неизбежно означает потерю формальной строгости. Однако, сколь бы ни была огорчительной такая потеря, анализ материала все же заставляет признать, что современное русское ударение фактически реагирует именно на это различие. В «чистых» случаях эта зависимость проявляется совершенно отчетливо; более размытая картина, наблюдаемая в различного рода промежуточных и нечетких случаях, не может поставить под сомнение наличие самой зависимости.

Таким образом, при описании акцентуации прилагательных с *-н*- и *-ов*- полная формальная строгость может быть достигнута лишь с помощью списков; как сводный список такого рода можно рассматривать, например, Грамм. С другой стороны, полезные обобщения (позволяющие, в частности, делать предсказания о новом материале) здесь можно достичь лишь на уровне неполной строгости (по крайней мере, при современном уровне точности в описании

значений). Во всяком случае, совершенно иллюзорны встречающиеся иногда попытки повысить в этом пункте строгость акцентологического описания, подменив противопоставление «качественные — относительные» противопоставлением «имеющие краткие формы — не имеющие их» (см., в частности, Редькин, с. 189). В самом деле, наличие или отсутствие кратких форм фактически само определяется, во-первых, качественным или относительным значением прилагательного, во-вторых, ударением полных форм (ср., например, отсутствие кратких форм у *пробивной*, *роковой*). Главное же в том, что в сознании носителей русского языка нет четкого разграничения между прилагательными, имеющими краткие формы и не имеющими их; тем самым опора на этот признак никак не повышает строгости изложения.

Таким образом, практически мы будем исходить из традиционного нестрогого представления о качественных и относительных прилагательных; см., в частности, АГ-80, т. I, с. 541. Отметим здесь лишь некоторые детали, существенные для дальнейшего. Прилагательные со значением цвета, в соответствии с традицией, рассматриваются как качественные (хотя они несколько отличаются от основного массива качественных прилагательных в том, что касается возможных вариаций интенсивности признака). У отглагольных прилагательных относительные значения несут несколько специфический характер. Наиболее типичны здесь значения: 1) 'получаемый в результате соответствующего действия' (например, *нашивной*, *заказной*); 2) 'предназначенный (приспособленный) для того, чтобы быть объектом соответствующего действия' (например, *откидной*, *раздвижной*, *складной*). Заметим, что последнее значение иногда сближается с качественными; в прилагательных *слабый*, *неслабый*, *видный* 'visibilis', семантически близких к этой группе, мы имеем дело уже просто с качественным значением.

Для акцентологического описания суффикса *-ов-* оказывается необходимым также подразделение относительных прилагательных на: 1) прилагательные, которым мы даем рабочее обозначение «полукачественные», и 2) чисто относительные, т. е. остальные. К категории «полукачественных» принадлежат прилагательные со следующими значениями (символ *X* заменяет исходное имя): а) 'мерой в одну единицу *X*' (или 'в несколько единиц *X*' — при сложной основе), например, *пудовый*, *двухметровый* (это значение близко к качественным);

б) 'масти *X*', 'из категории, отмеченной знаком *X*', например, *бубновый*, *гербовый* (это значение близко к цветовому);

в) 'изготовленный из мяса (шкуры, костей и т. д.) животного *X*, из древесины (ветвей, листьев) растения *X*, из ткани (нити, шерсти) *X*, из твердого стройматериала *X*', например, *бобровый*, *дубовый*, *шелковый*, *тесовый*;

г) 'приготовленный из *X* или с *X* в качестве определяющего компонента' (о кушанье), например, *медовый*, *фруктовый*.

Прочие значения являются чисто относительными. Таковы, в частности, значения 'свойственный X', 'касающийся X', 'предназначенный для X', 'происходящий от (из-за) X', 'снабженный X-ом', 'расположенный в (около) X', 'имеющий вид X', 'являющийся частью X', 'являющийся X-ом' и др.

Большая практическая трудность связана с тем, что производные прилагательные, как правило, многозначны и нередко совмещают качественные значения с относительными (или полукачественные с чисто относительными). При таком совмещении может оказаться, что одно значение требует по правилу одной акцентовки, а другое — другой. Фактически, однако, акцентное единство лексемы в таких случаях почти никогда не нарушается, а именно, одно из значений выступает как главное и определяет акцентовку слова в целом (во всех значениях). Например, у слова *дуббвый* акцентуация определяется значением «сделанный из древесины дуба» (ср. *дуббвый стол*), но она выступает и при других значениях (например, в *дуббвый лист*, *дуббвая роца*), которые сами по себе требовали бы иной акцентуации.

Как правило, акцентуация определяется тем значением, в котором слово выступает чаще всего. Трудные случаи совмещения разнотипных значений отмечены ниже индивидуально. Здесь укажем лишь следующий более общий факт: для производных с *-ов-* от названий животных, деревьев (и иных растений) и тканей акцентологически главным является полукачественное значение (см. выше, пункт «в»). Лишь у нескольких слов это не так, поскольку здесь полукачественное значение неактуально или даже вовсе отсутствует: *трутневбй*, *шершневбй*, *зверовбй*, *хмелевбй*, *плющевбй*.

Суффикс *-н-*

§ 1.57. Суффикс *-н-* (первичный) — самый сложный в акцентологическом отношении из всех русских суффиксов. На его акцентное поведение влияют: 1) несколько собственно лингвистических факторов — качественное или относительное значение производного прилагательного, его отыменный или отглагольный характер, акцентный тип производящего слова; 2) прагматический фактор (§ 1.5).

Акцентное действие прагматического фактора здесь таково: неосвоенное (непривычное, редкое) прилагательное с *-н-* стремится получить тривиальное ударение, совпадающее по месту с И. ед. производящего слова (если только ударение здесь не флексийное). Формально это значит, что суффикс *-н-* ведет себя в данном случае в соответствии с маркировкой ← Triv. Так, в индивидуальной речи при неосвоенности соответствующего слова могут встретиться, например, такие ударения, как *тѣремный*, *скбростный*, *плбскостный*, *кўзовный*, *штáбный*, *зѣркальный*, *вѣтошный*. В сущности речь здесь идет о построении этих слов в акте речи заново по простейшим моделям. Существенно, однако, что для части слов тривиальное ударение,

вызванное прагматическим фактором, включено в литературную норму. Сюда относятся, во-первых, слова устаревшие или имеющие возвышенно-книжную окраску, например, *чёрмный, хладный, грбный*, во-вторых, многие редкие слова, которые для подавляющего большинства носителей языка в сущности относятся к категории потенциальных слов (конструируемых заново в случае необходимости), например, *збнный, брбнный, ббручный*. Действие прагматического фактора накладывается на действие собственно лингвистических факторов, создавая в сфере редких слов ряд отклонений от основных правил.

Отвлекаясь от индивидуальных отклонений, акцентные свойства суффикса *-н-* в терминах маркировок можно представить так ⁵².

I. При неосвоенности: ← Triv.

II. При освоенности.

1. В качественном значении: ←.
2. В относительном значении
 - а) у отыменных: ← Marg;
 - б) у отглагольных: →.

Примечание. Имеется несколько особых случаев, когда при соединении производящей основы с суффиксом *-н-* в ней происходит сдвиг ударения на конечный слог (не связанный с акцентными свойствами суффикса *-н-* как такового). Сюда относятся: 1) прилагательные на *-ийный, -ейный*, например, *линейный, гарантийный* (подробнее см. § 1.41), а также *случайный, необычайный*; 2) *бондарный*⁵³, *пекар-, токар-, слесар-*; *служеб-, смоков-, полез-, разум-, поскон-, характер-, пурпур-, ужас-, прелест-, завист-, ненавист-, роскшн-, ветби-, пущби-, воздуш-, свеколь-* (ср. § 1.30, замеч.); также *атолный вес* (отметим еще нелитер. *свадебный, кухонный*)⁵⁴. В дальнейшем разборе эти слова в списках исключений уже не упоминаются.

Рассмотрим действие приведенных правил более конкретно.

Качественные прилагательные

§ 1.58. Маркировка ← реализуется в этом классе прилагательных (насчитывающем несколько тысяч слов) с высокой степенью последовательности. Примеры: *бедный, голбд-, холбд-, друж-, гряз-, страст-, страшн-; гбд-, тбм-, спеш-, нещад-, развяз-, опас-, зауныв-, беспрерыв-, непрерыв-*⁵⁵; также для слов с промежуточной по силе

⁵² Напомним, что маркировки непосредственно предназначены для установления акцентуации полных форм производного прилагательного; акцентуация кратких форм (если они есть) устанавливается затем по общим правилам (см. § 1.16).

⁵³ Общая часть *-ный* для сокращения записи опущена; аналогично и в ряде последующих списков.

⁵⁴ Слова *(не)доступный, неприступный, способный* образованы не от *дбступ, прйступ, спбсов*, а по общей модели отглагольных производных (§ 1.60).

⁵⁵ Приставка *не-* в словах типа *непрерывный, неотвязный* и т. п. присоединена плотно; она практически синонимична здесь приставке *без-* и создает значение 'неспособный (непригодный) к соответствующему действию'.

основой (§ 1.30, В): *гнёв-ный, стáт-, образ-, пла́мен-, трéпет-, збрест-, ярост-, мелоч-*. Отметим, что наосновное ударение имеют и те качественные прилагательные с *-н-*, где исходного слова в современном языке уже нет, например: *блédный, кóсный, тéсный*. Особенно наглядны случаи, где прямо противопоставлены качественное и относительное прилагательное с одинаковой основой, в частности: *степéнный — степенный* (в математике); *врéменный — временной* (например, интервал); *образный — образной* 'иконный'; *мелочный человек — мелочная лавка*; *стра́стная любовь — страстная неделя*; *квасный* 'квашеный, кислый' — *квасной* (чан и т. п.); *плавный переход — плавная сеть*; *связный рассказ — связной офицер*; *складная речь — складной стул*; *неотложное дело — отложной воротник*; *протяжный звук — протяжной механизм*.

Поскольку граница между качественными и относительными прилагательными нестрога, понятие исключения в данном случае тоже оказывается нестрогим. Явными исключениями можно считать: а) *чуд-ной, блаж-, срам-, дрян-, дур-, цвет-, смеш-, шаль-, хмель-* (/хмельный), *боль-*; *корен-, сволоч-*⁵⁶; б) *балов-, пробив-, пролив-, показ-, озор-, разбит-*. Здесь сохранено ударение, свойственное: в группе «а» — относительным прилагательным (§ 1.59; флексийное ударение определяется здесь эффектом Marg), в группе «б» — отглагольным прилагательным (§ 1.60). Кроме того, качественные значения занимают существенное место в семантической структуре прилагательных: *род-ной, зем-, руч-, сплош-, основ-, продув-, потай-* (данный список, вообще говоря, можно несколько расширить). Неправильное место ударения внутри основы: *бéрежный, врéменный*. См. также § 1.57, примеч.

Относительные прилагательные

§ 1.59. У отыменных относительных прилагательных с *-н-* действует, хотя и не совсем последовательно, архаичный принцип акцентовки, отражаемый маркировкой ← Marg. Примеры с сильными производящими основами: *ры́б-ный, лы́ж-, се́р-, жи́т-, глаго́ль-, канáт-, троллéйбус-, настóль-, безлоша́д-, левобере́ж-, подчéзд-* (от *подчéзд* 'часть здания'); со слабыми (но не маргинально-подвижными): *тру́б-ный, звёзд-, бли́н-, ко́н-, ствóль-, колба́с-, ширóт-, бага́ж-, кула́ч-*⁵⁷; с промежуточными (которые в силу основной маркировки ← у суффикса ведут себя как сильные, см. § 1.33): *пля́ж-ный, ю́ж-, штáт-, му́скуль-, ко́мпас-, га́лстуч-, фа́кель-, ме́бель-*. Специально отметим, что в числе прочих промежуточных основ как сильные ведут себя и основы слов «группы *якорь*» (т. е. они не под-

⁵⁶ Отметим еще устаревшие *честный, мирный*, также *мелочной* (о человеке); ср. обычные *честный, мирный, мелочный*.

⁵⁷ Сюда же прилагательные на *-есный*, например, *небесный, словесный*: в современном языке они должны рассматриваться как производные от отдельных лексем *небеса́, словеса́* и т. д. (а не от *небо, слово*).

падают под действие пометы Marg); примеры: *якор-ный*, *буфер-*, *лагер-*, *вексель-*, *адрес-*, *парус-*, *паспорт-*, *камен-*, *уголь-*, *лапот-* и т. п.

Примеры эффекта Marg: *штаб-ной*, *губ-*, *зуб-*, *нож-*, *глаз-*, *двой-*, *зем-*, *стен-*, *спин-*, *стен-*, *двер-*, *лес-*, *спирт-*, *свеч-*, *печ-*, *ноч-*, *руч-*, *уш-*, *пуш-*; *кружев-*, *голов-*, *остров-*, *площад-*, *тормоз-*, *зелен-*, *племен-*, *имен-*, *череп-*, *четвер-*, *номер-*, *четверт-*, *област-*, *должност-*, *крепост-*, *щелоч-*, *овощ-*; *очеред-*, *поезд-*, *окруж-*, *подат-*, *возраст-*. То же для «группы воск»: *сап-ной*, *блат-*, *пив-*, *сен-* (от *сено*), *мяс-*, *брюш-*, *сталь-*; ср. также *сквозной*, *сплошной*. Эффект Marg наступает даже при факультативной маргинальной подвижности у производящего слова, ср., например, *избой*, *речной*, *челюстной*. В нескольких случаях ударение производного соответствует ненормативной акцентровке исходного слова: *штрафной*, *гребенной*, *хоботной*, *прочностной* (ср. простореч. *штрафы*, профес. *гребней*, *хоботы*, *прочностей*).

Отметим еще несколько слов с остаточным базовым компонентом: *порт-ной*, *тряп-*, *треф-*.

Важнейшее отклонение от маркировки ← Marg состоит в отсутствии эффекта Marg. Из слов с односложной основой сюда относятся⁵⁸: *хлеб-ный*, *зб-*, *брв-*, *стад-*, *вд-*, *снеж-*, *чай-*, *сан-*, *гбр-*, *сбр-*, *флюс-*, *мест-*, *кост-*, *шерст-*, *бч-*, *вещ-*, *баль-*, *дбль-*, *тель-*, *мьль-*, *тыль-* (ударение колеблется при базовых компонентах *сет-* [от *сеть*], *шкаф-*, *строч-*). Из этих слов часто встречаются следующие (в скобках указана их частота по Частотн.): *местный* (135), *гбрный* (94), *снежный* (38), *вдный* (31), *хлебный* (22), *чайный* (17). Остальные слова — относительно редкие (у *бальный*, *мьльный* частота 6, *тыльный* 3, *тельный* 1, прочие вообще не попали в Частотн.). По крайней мере для части этих слов (*вещный*, *баль-*, *дбль-*, также узкие термины *зб-ный*, *брв-*, *шерст-*, *флюс-*, *сет-*, *шкаф-*) следует предполагать действие прагматического фактора. В нескольких случаях наосновному ударению, по-видимому, способствует наличие у прилагательного качественных значений (*стад-ный*, *вещ-*, *дбль-*, *тель-*, *мьль-*; то же верно для *снежный*, *хлебный*). В слове *бчный* ударение выровнено по антониму *забчный*.

Из слов с неодносложной основой сюда относятся: а) *отруб-ный* (от *отруби*), *денеж-*, *пристан-*, *знамен-*, *скатерт-*, *лбнаст-*, *облач-*, *бкороч-*, *обруч-* (//устар. *обруч-*); ср. также *матерный*; б) *сковорд-ный*, *госпиталь-*, *колоколь-* (ср. *похорон-*, *договор-*, которые можно отнести также к § 1.60); *церков-*, *жемчуж-*, *сажен-*, *простынь-*, *стремьян-* (//*стременной*), *озер-*, устар. *козыр-* (//*козырной*), *волбс-* (//*волосной*), *полбс-* (по *полосне* *железо*), *лемеш-*, *зеркаль-*, *земель-*. В группе «а» представлено (если не считать архаизмов *денеж-ный*, *знамен-*, *матер-*) ударение по модели ← Triv, определяемое прагматическим фактором (для *облачный* существенно также наличие качественных значений). В группе «б» у трехсложных основ, по-види-

⁵⁸ В списки включены только слова, представленные в МАС и/или у Ожегова.

тому, представлен эффект, отчасти сходный с Polysyll (но не последовательный, ср. *очередной*, разг. *договорной*); прочие случаи носят характер индивидуальных отклонений. См. также § 1.57, примеч.

Обратное отклонение, т. е. «незаконное» флекссионное ударение, представлено существенно реже. Из бесприставочных сюда относятся прежде всего: *гриб-ной*, *чум-*, *сып-*, *лич-* (*лично́е полотенце* и т. п.), *муч-*, *белен-*, *курен-*; из редких слов можно отметить еще *штанный*, *ранний*, устар. *дворной*.

Из приставочных сюда с определенностью следует отнести *установой* (/установный), *составной*, *основной* (от *у́став*, *су́став*, *осно́ва*); по-видимому, сюда же *обувной*, *упряжной*, *прописной* (от *обу́вь*, *у́пряжь*, *прóпись*). Во всех этих случаях выступает акцентовка, свойственная отглагольным производным. Прочие внешне сходные примеры (*посевной*, *запасной*, *выхлопной* и т. п.) обнаруживают семантическую связь не только с именем, но и с глаголом; они относятся к следующему параграфу.

§ 1.60. В отглагольных относительных прилагательных суффикс *-н-* выступает с маркировкой →.

В бесприставочных производных эта маркировка реализуется без каких-либо осложнений. Примеры: *гребной*, *лепной*, *курной*, *строчной* (о воротнике и т. п.)⁵⁹ — *печатный*, *купальный*, *спальный*, *тяжелый* (ср. также качественное *баловный*, построенное по этой же модели). Поскольку базовый компонент, равный односложному глагольному корню, всегда слабый (§ 1.30, A2), флекссионное ударение представлено, например, в *плавной* (о сети, лесе), *ставной* (о сети), *резной*. Отклонения: *дбийный*, *мбийный*, *лётный*.

Гораздо сложнее тот случай, когда базовый компонент содержит приставку: во-первых, здесь возникает проблема разграничения отглагольных и отыменных производных, которая далеко не всегда решается с достаточной определенностью; во-вторых, в современном языке суффикс *-н-* еще не полностью закрепил за собой статус первичного суффикса; в части производных он ведет себя в соответствии со своим более старым статусом вторичного суффикса.

Что касается вопроса о семантической производности прилагательного с *-н-* от существительного или от глагола, то ниже практически достаточно различать: 1) случаи, где прилагательное определенно произведено не от глагола, т. е. оно обнаруживает прямую семантическую связь с существительным при отсутствии столь же прямой связи с глаголом (например, *отпускной* от *отпуск*, *подъездный* от *подъезд* 'часть здания', *помойный* от *помой* и т. п., ср. § 1.24) или подходящего глагола вообще нет (например, *безлошадный*, *распутный*); 2) случай, где прилагательное либо определенно произведено от глагола (например, *раздвижной*), либо обнаруживает семантическую связь одновременно с глаголом и отглагольным су-

⁵⁹ Ср. наосновное ударение в качественных прилагательных, например, *гбдный*, *тайный*, *тблный*, *спешный*, *бережный* (также *слабинный*, *видный*, ср. § 1.56).

ществительным (например, *связнбй, подъезднбй, заказнбй*). В первом случае мы будем говорить об отыменном, во втором — об отглагольном производном.

Напомним, что в соответствии с правилами, изложенными ранее, из приставочных производных с *-н-*: 1) качественные прилагательные имеют наосновное ударение (например, *исправ-ный, протяж-, развяз-, достѳн-, опас-, занят-, неотрыв-, беспросѳн-, необъят-, бездѳр-, безопас-, распѳт-*); 2) отыменные относительные прилагательные имеют ударение, определяемое исходным существительным (т. е. обычно наосновное, например, *пригород-ный, насмороч-, уезд-, расхѳд-, снаряд-, предлѳж-, окѳп-, пожѳр-*, но в определенных случаях флекссионное, например, *погребнбй, поезднбй* от *пѳгреб, пѳезд*).

После вычета этих двух групп остаются отглагольные относительные прилагательные. Поскольку суффикс *-н-* первичный, для них маркировка суффикса → должна означать (в случае освоенности) флекссионное ударение, в частности, при любом односложном корне (§ 1.30, А2), причем даже приставка *вы-* должна быть безударна (§ 1.28, Б). Именно такую картину дают более 300 прилагательных данного класса, например: *сплав-нбй, отправ-, подстав-, посев-, набив-, пришив-, надув-, взрыв-, откид-, проезд-, вход-, разрез-, запас-, вколот-, пропаи-*; *выгреб-, вышив-, выезд-, вытяж-, выхлоп-, вынос-*. В ряде случаев имеется прямое акцентное противопоставление отглагольного и отыменного производных, например: *заливнбй* (от *заливѳть*) — *заливнбй* (от *залив* 'часть моря'), *подъезднбй* (от *подъезжѳть*) — *подъезднбй* (от *подъезд* 'часть здания'), *разводнбй* (ключ; от *разводѳть*) — *разводнбй* (от *развод* 'расторжение брака'), *взводнбй* (от *взводѳть*) — *взводнбй* (от *взвод*) и др.

Однако имеются также значительные группы отглагольных относительных прилагательных, где ударение наосновное. Эти группы таковы.

1. При определенных корнях суффикс *-н-* ведет себя как вторичный, а не первичный (с исторической точки зрения мы имеем здесь дело с частичным сохранением его прежнего статуса). Это значит, что стоящий перед ним приставочно-корневой комплекс трактуется как именной (независимо от характера семантической производности); соответственно, ударение здесь наосновное (а именно, приставочное в случае приставки *вы-*, в прочих случаях корневое). К этой категории относятся корни: 1) оканчивающиеся на сонант (реально /j/, /л'/, /м/, /н/, /р/), кроме корней *жим-, вар-, пар-*; ср., например, *уббѳн-ный, перестбѳ-, отбѳль-, пересѳль-, подѳѳем-, смен-, перегѳн-, оборѳн-, похорѳн-, обдѳр-, разбѳр-, вѳгуль-, вѳбор-*; 2) *ряд-, ѳс-, кос-, прос-, сос-, хват-, лѳт-, мѳт-, ѳѳт-, мѳт-, ворот-, сѳч-, тѳч-, рѳч-, тѳч-*; ср., например, *зарѳд-ный, опрѳс-, захѳт-, взлѳт-, перемѳт-, приворѳт-, натѳч-, прѳтѳч-, вѳворот-*. Отклонения: *потайнбй, наклейнбй*, также разг. *договорнбй* (при литер. *договорнбй*).

2. Даже от корней, допускающих производные на *-нбй*, наряду с таковыми могут быть и производные на *-нбй*. Возможны также пря-

мые колебания, например, *обводнѣй* и *обводный*, аналогично с базовыми компонентами *отвод-*, *обход-*, *привоз-*, *провоз-*, *зажим-*, *нажим-*, *обжим-*, *разжим-*, *прижим-*, *отжим-*, *уступ-*, *запар-*, *провес-*, *унос-*, *сброс-*, *обкат-* и некоторыми другими. В живой речи таких колебаний больше, чем отмечается в словарях. При этом вариант с *-нѣй*, как правило, носит более профессиональный оттенок, чем вариант с *-ный*. Факторы, способствующие здесь наосновному ударению, таковы: 1) фактор традиции (наосновное ударение всегда является в этом классе слов более старым), ср., например, *исхѣднѣй*, *отхѣднѣй*; 2) неосвоенность; 3) наличие у прилагательного побочных качественных значений, ср., например, *нанѣснѣй*, *перекѣтнѣй*; 4) высокая употребительность соответствующего отглагольного существительного (которое может оказывать прямое акцентное влияние на прилагательное), ср., например, *отрѣвнѣй*, *прокѣтнѣй*. Строго очертить круг прилагательных данного класса с нормативным наосновным ударением невозможно, поскольку нестроги границы между относительными и качественными, отглагольными и отыменными прилагательными. Из достаточно употребительных сюда можно отнести: *отрѣвнѣй*, *вѣбд-*, *сѣбд-*, *исхѣд-*, *отхѣд-*, *завѣз-*, *вѣвз-*, *подѣвз-*, *занѣс-*, *нанѣс-*, *разнѣс-*, *принѣс-*, *накѣт-*, *обкѣт-*, *перекѣт-*, *прокѣт-*, *скѣт-*, *уплѣт-* (у части из них имеются нелитературные варианты с *-нѣй*).

Суффикс *-ов-*

§ 1.61. На акцентное поведение суффикса *-ов-*⁶⁰ (не смешивать с притяжательным *-ов*, § 1.48) в современном языке влияют: 1) собственно лингвистические факторы — качественное, «полукачественное» (§ 1.56) или чисто относительное значение производного прилагательного, число слогов базового компонента и наличие в нем определенных суффиксов; 2) прагматический фактор.

Акцентное действие прагматического фактора здесь таково: при неосвоенности суффикс *-ов-* ведет себя в соответствии с маркировкой ↓ Triv (ср. § 1.57 о суффиксе *-н-*); при освоенности ударение определяется прочими факторами. Подробнее о действии данного фактора см. в разборе материала. Здесь специально отметим лишь тот факт, что термины зоологической и ботанической классификации (*вброновые*, *карповые* и т. п.) акцентно всегда оформляются как неосвоенные.

Акцентные свойства суффикса *-ов-* могут быть представлены так.

I. При неосвоенности: ↓ Triv.

II. При освоенности.

1. В качественном или полукачественном значении: ↓.

2. В чисто относительном значении: → Polysyll Monosyll.

⁶⁰ В описании данного суффикса существенным образом использованы работы: Устинова 1974, 1977. Списки составлены в объеме Грамм. (иногда с небольшими добавлениями).

З а м е ч а н и е. Наличие пометы Polysyll в том случае, где *-ов-* имеет основную маркировку → (при основной маркировке ↓ в прочих случаях), в принципе (т. е. если пренебречь исключениями) означает, что при неодносложном базовом компоненте, не содержащем полногласного сочетания, не бывает ударения *-овбй* (т. е. при таком базовом компоненте, вообще говоря, нет необходимости учитывать тип значения прилагательного).

Приведенная схема отражает основное правило акцентовки производных с *-ов-* в современном русском языке. Однако наряду с ним существует и другое, более старое правило, ныне для большей части системы уже неактуальное; оно выражается единой маркировкой ↓ Marg для всех случаев. Там, где старое правило вступает в конфликт с новым, обычно побеждает новое правило. Есть лишь одна небольшая зона, где старое правило пока еще сильнее нового: чисто относительные прилагательные, образованные от существительных с суффиксом *-ок* или *-ец* (с беглыми *о*, *е*). При этом, однако, в данной зоне нет случаев, где могла бы проявиться помета Marg, т. е. архаичная маркировка ↓ Marg здесь фактически сводится к простейшей маркировке ↓. За пределами этой зоны старое правило создает лишь некоторое число исключений из основного синхронического правила.

Ниже разбирается материал; действие прагматического фактора рассматривается по ходу разбора собственно лингвистических факторов.

Качественные и «полукачественные» прилагательные

§ 1.62. Суффикс *-ов-* имеет здесь маркировку ↓.

Примеры производных со слабым базовым компонентом. Качественные: *путёвбый*, *бед-бвбый*, *бред-*, *толк-*, *махр-*, *ерунд-*, *чепух-*; *борд-*, *багр-*; *бас-*, *альт-*⁶¹. Заметим что значительная часть приведенных слов имеет отчетливую разговорную окраску⁶². Особенно характерны такие прилагательные для просторечия, ср. *рискобвбый*, *фартбвбый*, *шелмбвбый*, а также многочисленные прилагательные с общим значением «плохой» (*дерьмбвбый*, *хренбвбый* и т. д.). Качественные прилагательные на *-бвбый* широко представлены также в различных арго (например, студенческом).

«Полукачественные» (примеры даются по группам, указанным в § 1.56): а) *рублбвбый*, *пуд-бвбый*, *грош-*; б) *черв-бвбый*, *бубн-*, *крест-*, *очк-* (змея); в) *лос-бвбый*, *собол-*, *морж-бвбый*, *треск-*, *слон-*, *бобр-*, *кит-*, *оседр-*; *боб-*, *дуб-*, *хрен-*, *терн-*, *сосн-*, *пеньк-*, *пух-*, *свинц-*, *холиц-*, *дерн-*, *тес-*, *окорок-*, *язык-* (колбаса), *чесуч-*, *кремн-бвбый*, *миткал-* (об акцентологически главном значении в этой группе производных см. § 1.56); г) *мед-бвбый*, *солод-*, *плод-*, *вереск-* (мёд), *желу-*

⁶¹ Отметим также прилагательные с остаточным базовым компонентом: *кондбвбый*, *сурбвбый*, *готбвбый*, *лилбвбый*, *пунцбвбый*.

⁶² Ср. также такие областные слова, как *игрбвбый* 'игривый, веселый', *квасбвбый* 'кислый, кислватый', *слезбвбый* 'плачевный', *чудбвбый* 'чудный', *прахбвбый* 'мягкий, легкомысленный' и др.

дѣвѣй (желудбѣвѣй) ⁶³. У некоторых из этих прилагательных (грошбѣвѣй, хренбѣвѣй, медбѣвѣй) имеются и собственно качественные значения.

Отклонения: 1) определяемые действием старого правила (т. е. ↓ Marg, см. § 1.61) — рок-овбѣй, год-, век-, час-, роз-, воск-, мел-, мех- ⁶⁴; также громовбѣй // громбѣвѣй (о голосе; но только громовбѣй в чисто относительных значениях); 2) в сторону Deox — гѣрбѣвѣй (при более редком гербѣвѣй), миндальевѣй, щавѣлевѣй, томпакѣвѣй, голавлевѣй // голавлѣвѣй; ср. также бузѣновѣй; 3) шѣлжѣвѣй (ср. народно-поэт. шелкѣвѣй), брѣсовѣй, кѣзовѣй.

Для редкого слова сѣльдевѣй литературной нормой закреплено ударение, определяемое неосвоенностью. У слов волевбѣй, ходовбѣй, деловбѣй ударение соответствует их относительным, а не качественным значениям (ср. также наличие чисто относительных значений у слова часовбѣй). Ударение броневбѣй, гонтовбѣй соответствует значению 'снабженный, покрытый чем-либо' (а не 'изготовленный из чего-либо'). Только чисто относительные значения имеют (и потому акцентологически правильны): верстовбѣй (практически только столб; в значении 'длиной в версту' было бы *верствѣвѣй), трутн-евбѣй, шершн-, хмел-, плющ-, зверовбѣй (см. § 1.56).

Примеры с сильным базовым компонентом: рѣз-овѣй, лѣск-; крѣлик-, нѣрк-; мѣрл-евѣй, зѣмш-, грѣш-, ѣв-овѣй, слѣв-, брѣнз-, бѣйк-, лѣп-, берѣз-, корѣлл-. Колебания кѣтѣвѣй, фѣльгѣвѣй, кѣрзѣвѣй, лѣфѣвѣй, жмѣхѣвѣй непосредственно соответствуют колебаниям кѣтѣ, фѣльгѣ, кѣрзѣ, лѣфѣ, жмѣхѣ. Отклонения (в сторону доминантности суффикса): вишнѣвѣй, трѣфѣвѣй (// трѣфовѣй); солодж-бѣвѣй, известк-, семестр-, триместр- (относительно километрѣвѣй и т. п. см. ниже); за рамками литературной нормы также пѣк-ѣвѣй (масть), джинс-, груш-, вяз-, гротеск- и некоторые другие.

Акцентный эффект освоенности проявляется у качественных и «полукачественных» прилагательных сравнительно слабо. Так, промежуточный по силе базовый компонент ведет себя как слабый лишь в следующих случаях: тенор-ѣвѣй, дискант-, дюйм-, грамм-, метр-, литр-, фунт-; омул-ѣвѣй, лосос-, тигр-ѣвѣй; клен-, лавр- (лист, венок), ел-, перц-, перл- (крупа), фрукт-, марганц-, пестрядѣвѣй; отметим также простореч. фѣгѣвѣй 'плохой' (ср. выше об этой группе), нелитер. истѣвѣй, бланкѣвѣй (при литер. ѣстовѣй, блѣнкѣвѣй). Колебания в окунѣвѣй // бкуневѣй, тополѣвѣй // тѣполевѣй. В прочих случаях промежуточный базовый компонент ведет себя как сильный, даже в освоенных словах, например: крѣб-овѣй, рѣк-, зѣбр-, бѣрс-, бѣйвол-; бѣз-евѣй, тѣл-, плѣш-, вяз-овѣй, мѣк-, цѣнк-, лѣк-, хрѣм-, дрѣп-, фѣтр-, рѣс-, гѣпс-, ѣхонт-, нѣкелевѣй, не говоря уже о редких словах вроде скѣнсовѣй, тѣнговѣй.

⁶³ Отметим, что из «группы воск» производные на -ѣвѣй имеют толк, риск, хрен, дѣрн, тѣрн, тѣс, фарт.

⁶⁴ Еще в нескольких случаях ударение -ѣвѣй сохраняется лишь в виде устаревшего варианта, например, бредѣвѣй, пудѣвѣй, медѣвѣй, пугѣвѣй.

Особый вопрос составляет ударение *-бый* при сложной основе⁶⁵. Разумеется, примеры типа *двухметрбый*, *трехлитрбый*, *стдграммбый*, *многопудбый* ничто не мешает считать результатом неплотного присоединения второй основы к готовым *метрбый*, *литрбый* и т. д.; ср. *двухчасобый*, *трехгодобый* и т. п. от *часобый*, *годобый*. Однако в некоторых случаях ударение *-бый* появляется вопреки ударению соответствующего простого прилагательного: *средневежбый* (ср. *вежбый*), *многовежбый* (//*многовежобый*), *одноцилиндрбый*, *двухцилиндрбый* (ср. *цилиндробый*), *двухходбый* (ср. *ходобый*), *однояйцбый* (ср. *яйцебый*), также ненормативные *двухмачтбый*, *восьмилучевый*, *коротковолнбый* и др.⁶⁶ Особое акцентное поведение морфа *-ов-* в этих случаях следует связывать с аналогичными свойствами «опорного» *-ов-* (§ 1.27), ср. *Поднепрбье*, *безотцбщина*, *поножбщина* и т. п. В самом деле, на фоне таких примеров, как *одноглазый*, *двухголубый*, прилагательные типа *двухцилиндрбый* выглядят как имеющие «лишнее» *-ов-*. В слове *понибый* переход ударения с именного приставочно-корневого комплекса *по-низ-* на *-ов-* легко объясняется, если допустить, что *-ов-* здесь «опорное», тогда как при любой иной трактовке он должен быть признан редкой аномалией; слово *бестолкбый* можно трактовать либо так же, как *понибый*, либо через неплотное соединение *без* и *толкбый*. По-видимому, допустимо также (по крайней мере, в таких случаях, как *однояйцбый* 'приходящий из одного яйца', где в значении явно есть элемент, свойственный суффиксу *-ов-*) интерпретировать морф *-ов-* как совмещающий в себе «опорный» элемент и суффикс (т. е. как результат «наложения»); ср. двойную функцию *-ов-* в словах типа *розовбый* (*розов-* + *-оват-*). Производные *килограммбый*, *километрбый*, *сантиметрбый*, *миллиметрбый* в акцентном отношении уподобились таким, как *стдграммбый*, *многометрбый* и т. п., т. е. основа трактуется здесь как сложная.

Чисто относительные прилагательные

§ 1.63. Суффикс *-ов-* имеет здесь маркировку → Polysyll Mono-syll. Оставив временно в стороне производные от существительных с суффиксами *-ок*, *-ец*, рассмотрим остальной материал.

Примеры производных со слабым базовым компонентом: *дождевбый*, *пол-*, *рул-*, *огн-*, *корн-*, *гост-*, *пут-*, *лиц-*, *плеч-*, *луч-*, *бель-*, *пить-*, *резьб-овбый*, *угл-*, *числ-*, *зерн-*, *нос-*, *щит-*, *лист-*, *хвост-*; *берег-*, *колос-*, *полос-*, *порох-*, также *перечневбый*; из отглагольных и отадъективных производных — *раневбый* (от *ранить*), *грыз-овбый*, *скак-*, *смотр-*, *пляс-*; *легк-*, *бел-*, *черн-*, *чист-*; отметим также *сороковбый*.

⁶⁵ Этот вопрос рассматривается здесь для прилагательных любых семантических классов.

⁶⁶ Сюда же *право-*, *левофлангбый* (ударение *флангбый*, по-видимому, само заимствовано у этих слов, см. § 1.63).

Отклонение: *ра́зовый* (относительно редких слов *ла́довый*, *па́зовый* и др. см. отдельно ниже).

Примеры эффекта Monosyll в чистом виде (т. е. при сильном базовом компоненте): *бирж-евб́й*, *пул-*, *гир-*, *бур-*, *веч-*, *куч-*, *туч-*, *пищ-*, *сил-овб́й*, *горл-*, *сумм-*, *форм-*, *мен-*, *групп-*, *искр-*, *цифр-*. То же при промежуточном базовом компоненте: *слиз-евб́й*, *цел-*, *кил-*, *стил-*, *штил-*, *бол-*, *гребн-*, *стержн-*, *плесн-*, *кор-*, *вихр-*, *душ-* (от *душ*); *град-овб́й* (*туча*), *груз-*, *шлюз-*, *цирк-*, *пуск-*, *звук-*, *шторм-*, *штурм-*, *шум-*, *горн-*, *тип-*, *мор-*, *центр-*, *бур-*, *курс-*, *свист-*, *текст-*. В словах *спуск-овб́й*, *стык-*, *смысл-*, *вкус-*, *сбыт-* приставочно-корневой комплекс опрощен и потому утратил доминантность. Случаи с наложением морфов: *жерновб́й*, *бечевб́й*, *кочевб́й* (однако *швартб́вый*; в принципе сюда можно отнести также и *торгб́вый*).

Эффект Polysyll: при слабом базовом компоненте — *головнёв́ый*, *очаго́вый*, *промыслб́вый* и др.; при промежуточном — *митинг-б́вый*, *лозунг-*, *обод-*, *очерк-*, *поиск-*, *прииск-*, *дебет-* (также ненормативные *обжигб́вый*, *минусб́вый*); ср. «законное» отсутствие данного эффекта в *береговб́й* и т. п., а также в *волоковб́й*, *молотовб́й*. Эффект Polysyll «незаконно» отсутствует в словах: *отраслевб́й*, *языковб́й* (от *язык средство общения*'), *мастеровб́й*.

Примеры с неоднословным сильным базовым компонентом: *комбайн-овый*, *баланс-*, *балла́ст-*, *кб́сточк-*, *подшипник-*. Отклонения (в сторону доминантности суффикса): *маневр-б́вый*, *оркестр-*, *продукт-*, *мальчик*⁶⁷, *бороздк-*, *местечк-*; также от имен с *-ок* — *поселк-б́вый*, *участк-*, нелитер. *подростк-* (в последней группе приставочно-корневой комплекс опростился и утратил доминантность).

При неосвоенности суффикс безударен, даже если это противоречит помете Monosyll. Примеры: при однословном сильном базовом компоненте — *лю́тневый*, *фю́г-овый*, *хбрд-*, *ба́з-*, *фра́з-*, *ли́нз-фрэ́ск-*, *спбр-*, *ра́с-*, *ка́сс-*, *ка́ст-*; при промежуточном базовом компоненте — *ша́рж-евый*, *ли́вн-*, *ра́нг-овый*, *ре́йд-*, *сте́нд-*, *фб́нд-*, *кб́д-*, *джа́з-*, *зна́к-*, *тре́к-*, *че́к-*, *ба́нк-*, *фи́льм-*, *кла́н-*, *те́мбр-*, *жа́нр-*, *кла́сс-*, *а́кт-*, *ку́льт-*, *ше́льф-*, при слабом базовом компоненте (исходное слово относится к маргинально-подвижному типу) — *ла́д-овый*, *па́з-*, *та́з-*, *ко́н-*, *то́н-*, *при́з-*, *во́рс-* (ср. также предостережения АО против таких ударений, как *ча́новый*, *ша́говый*). Отклонение в сторону Deox: *фе́рзевый* (наряду с акцентно правильным *ферзевб́й*).

Как и в других частях системы, где активно проявляется прагматический фактор, мы сталкиваемся здесь с очень большим количеством колебаний, поскольку степень освоенности одних и тех же слов у разных носителей языка различна. Основной моделью здесь является соотношение типа *ну́льтовб́й* в речи профессионалов — *ну́льтовый* в речи остальных носителей языка. Литературная норма, как и в других подобных ситуациях, отражает здесь в одних слу-

⁶⁷ В разговорной речи акцентно аномальное *мальчикб́вый* часто заменяется теперь на *мальчуб́вый* (акцентно совершенно правильное, ср. *барчу́к*, *барчуб́ка* и т. п.).

чаях непрофессиональное ударение (например, *чёрневый*, *рёмбовый*, *стеньг-*, *диск-*, *бочк-*, *тягл-*, *пресс-*, *старт-*; оценка степени нормативности здесь и ниже дана по Грамм), в других профессиональных (например, *слизевбый*, *гряз-*, *штил-*, *щепн-*, *клубн-*, *трутн-*, *шершн-*, *поршн-*, *приз-овбый*, *шлюз-*, *стык-*, *храм-*, *сумм-*, *мен-*, *искр-*, *текст-*, *шрифт-*), в третьих признает допустимыми оба ударения (например, *селевый* и *селевбый*, аналогично при базовых компонентах *грыж-*, *усть-*, *бомб-*, *трюк-*, *русл-*, *дышл-*, *скип-*, *ворс-*, *плюс-*, *флюс-*, *сит-*, *лифт-*, *шишт-*, *пулт-*).

Иначе выглядит эффект неосвоенности там, где исходное слово относится к флекссионному или смежно-подвижному типу: маркировка ↓ Triv, соответствующая неосвоенности, дает в этом случае ударение *-бый*. Примеры: *плетнёвый*, *тайг-бый*, *тяж-*, *кирк-*, *кайл-*, *сноп-*, *тавр-*, *ядр-*, *пест-*, *хлыст-*, *жгут-*, *кнут-*. Разумеется, эти ударения можно было бы объяснить и действием старого правила (т. е. маркировкой ↓ Marg). Существенно, однако, что все эти слова — очень редкие, а подавляющее большинство более употребительных слов уже подчиняются новому правилу, а не старому (см. примеры выше). Поэтому естественно связывать ударение *-бый* в приведенных словах именно с неосвоенностью, а не просто со старым правилом. Ср. колебания в относительно более частых словах: *ножбый* и *ножевбый*, *стволбый* и *стволовбый*, *котлбый* и *котловбый*. Наряду с прилагательными *ковшбый*, *копрбый*, *кострбый* (от *костёр*), которые фиксируются словарями именно с таким ударением (соответствующим неосвоенности), имеются субстантивированные прилагательные (более употребительные) *ковшевбый*, *копровбый*, *костровбый*.

З а м е ч а н и е. Как отметил Б. О. Унбегаун, в русском языке субстантивированные прилагательные (*рулевбый*, *марсовбый* и т. п.) имеют тенденцию к ударению *-овбый*, независимо от акцентуации исходного слова (см. Кипарский 1962, с. 16). Учитывая разобранный выше материал, можно утверждать, что это не отдельная закономерность, а лишь специфическое частное проявление общего правила об ударении *-овбый* у освоенных чисто относительных прилагательных с односложным базовым компонентом. В самом деле, субстантивируются обычно лишь чисто относительные прилагательные (с общим значением 'связанный с таким-то предметом'), например: *рул-евбый*, *когш-*, *кош-*, *звень-*, *город-овбый*, *корд-*, *люк-*, *стрел-*, *дом-*, *стан-*, *чан-*, *горн-*, *костр-*, *марс-*, *лот-*, *вест-* и др.; ср. также *часовбый* (от [*стоять*] на *часáх*). При этом субстантивация (т. е. по сути дела сокращение полного сочетания типа *рулевой матрос*), как правило, наступает лишь в той среде (обычно профессиональной), где соответствующее понятие привычно; отсюда акцентный эффект освоенности. В оппозиции типа *марсовый* (прилагательное) — *марсовбый* (существительное) акцентологически существенно не различие частей речи, а различие по употребительности: *марсовый* (*марсовбый*) в собственно адъективном качестве встречается гораздо реже, чем в субстантивированном. Поэтому для первого литературная норма фиксирует ударение, соответствующее неосвоенности, для второго — соответствующее освоенности. То же верно и для пар типа *кострбый* — *костровбый* (см. выше); особенность лишь в том, что здесь неосвоенность отражается суффиксальным ударением, а не корневым. Иначе обстоит дело в парах *копрбый* — *копровбый* (в цирке), *домбый* — *домовбый* (демон); здесь различия по степени освоенности нет, но сильно разошлись значения членов пары. Акцентно регулярны в этих парах именно субстантивированные члены (имеющие чисто относительное значение), тогда как прилагательные по индивидуальным причинам получили особое ударение.

Исключениями из основного правила (которые нельзя отнести за счет неосвоенности) являются: а) *стол-бвый, двор-, ковр-, шатр-*; здесь ударение *-бвый* соответствует старому правилу; б) *фланг-бвый, торг-, сад-, лед-, под-, дом-, опт-, порт-, фрахт-, почт-*; здесь ударение не соответствует ни новому, ни старому правилу; сюда же *сбтбвый, верхбвый // верхобй* (о ветре, о городах на реке; ср. *верхобй* от [ездить] *верхом*), *стеблбвый // стеблевбй* (ненормативные варианты с *-овбй* есть еще и для *лед-, под-, порт-, почт-, сот-*; см. также выше о субстантивированных *ковровбй, домовбй*). У части этих слов ударению *-бвый* способствует наличие качественных или «полукачественных» значений; ср., в частности, *коврбвая ткань* (*дорожка, сани, обои*), *ледбвая дорога, оптбвые закупки*. Слово *флангбвый*, по-видимому, восприняло ударение слов *право-, левофлангбвый* (см. сноску 66). Ударения *торгбвый, подбвый, верхбвый* представляют собой просто архаизмы. Ударение *почтбвый*, по предположению А. В. Исаченко, пришло из польского. В прочих случаях пункта «б» источник ударения *-бвый* менее ясен.

Вернемся теперь к тому особому случаю, когда прилагательное образовано от существительного с суффиксом *-ок* или *-ец*. В этом случае действует маркировка ↓ (равносильная здесь маркировке ↓ Marg, см. § 1.61). Примеры: *стрелк-бвый, станк-, звонк-, щипк-, лепестк-, дворц-, писц-, крестц-, солонц-, ср. слйтк-овый, порядж-, рянцевый*. Основному правилу подчинились только: *куск-овбй, кружк-, крючк-; конц-евбй, пальц-, торц- (// торцбвый), вальц- (// вальцбвый)*; ср. также регулярные *ййц-евбй, колыц-, пылыц-*, образованные от существительных среднего и женского рода. Об отклонениях в сторону доминантности (*поселк-бвый, участк-, подростк-*) см. выше.

Суффикс *-ян-*

§ 1.64. Суффикс *-ян-* с акцентологической точки зрения обнаруживает значительное сходство с *-ов-*; но материал здесь существенно меньше и акцентные закономерности выявляются менее отчетливо. Основные акцентные свойства суффикса *-ян-* таковы: 1) в качественном значении ↓; 2) в относительном (в т. ч. «полукачественном») значении → Polysyll Monosyll. Для выявления возможного действия прагматического фактора здесь нет подходящих условий.

Качественных прилагательных с *-ян-* совсем немного: *багрянный, духмянный, медвянный, рдянный; пъянный*; также *охрянный* 'цвета охры', с эффектом Monosyll (//*охрянбй*); ср. еще обл. *водянный* 'водянистый'. Кроме того, с остаточным базовым компонентом: *румянный, прянный, рьянный*.

Относительные прилагательные. Примеры: *щанбй, ржанбй, льнянбй, трав-янбй, лед-, гвозд-, круп-, мездр-, нутр-, прос-, холст-, шерст-, солод-, волос-, хворост- — селитрянный, финифтянный*. Эффект Monosyll: *полб-янбй, луб-, ив-, плат-, жест-, нефт-, верф-*,

торф-. Эффект Polysyll: *конопля́ный*; также *очерета́ный*, *таволжа́ный* (где суффикс отклоняется в сторону доминантности). Ударение *береста́нбй* соотносится с распространенным ненормативным ударением *береста́* (ср. редкое *береста́ный* в соответствии с *береста́*).

Имеется, однако, значительное число отклонений разного типа. Нет эффекта Monosyll: *кожа́ный*, *па́кл-я́ный*, *су́сл-*, *гли́н-*, *ни́т-*. Прочие случаи неправильного корневого ударения: *се́ребра́ный*, *ма́сля́ный*, *ве́тряна́я оспа*. Нарушены правила эффекта Polysyll: *толокн-я́ный*, *полотн-*, *чере́п-* (наряду с правильным *черепа́нбй*); с другой стороны, *отруба́нбй*. Прочие случаи неправильного суффиксального ударения: *песча́ный*, *миа́ный*, *дресва́ный*, *соля́ная кислота* (при обычном *соля́нбй*); колебание *овся́ный* // *овсяно́й*, аналогично при *сурьм-*, *рос-*, *полст-*, ср. еще разг. *жестя́ный* при литер. *жестя́нбй* (см. также выше об *очерета́ный*, *таволжа́ный*). Большинство указанных прилагательных просто сохраняет свое древнее ударение.

Алломорф *-я́нн-* ведет себя в соответствии с маркировкой ↓: *сте́кла́нный*, *олова́нный*, *дерева́нный*.

Суффиксы *-ова-ть* и *-ирова-ть*

§ 1.65. Суффикс *-ова-ть* (первичный) характеризуется двояким акцентным поведением. Более старая (непродуктивная) модель здесь *-ова́-ть* ↓, более новая (продуктивная) — *-ова́-ть* ↓ D. Только старой моделью объясняется ударение следующих слов: [доса́д]-*оватъ*, об[на́рбд]-, [урб́д]-, [прих́бд]-, [расх́бд]-, (об)[ору́д]-, [наси́л]-, [со́болэ́зн]-, [со́ббр]-, [со́вет]-; *же́ртв-*, *ра́д-*, *бесе́д-*, *кома́нд-*, *трапе́з-*, (ис)по́льз-, (из)оби́л-, *пра́здн-*, *па́мят-*, *кору́стоваться*. Отметим, кроме того, не отыменные (по крайней мере, с синхронической точки зрения) глаголы с таким же ударением: *тре́б-оватъ*, *проб́-*, *бре́зг-*, *заве́д-* (*пропове́д-* и т. д.), *сле́д-*, *зави́д-*, *жа́л-*, *ве́р-*, *ра́т-*, *се́т-*, *пе́ст-*, *по́тчевать*; ср. также простореч. *ба́ловать(ся)*. Нерегулярно (даже с точки зрения старой модели) *ми́ловать*; ср. акцентно регулярное *милова́ть* 'ласкать'. Следует отметить, что большая часть слов данной группы носит книжный характер.

Все прочие слова с *-ова-ть* (но не *-ирова-ть*) имеют ударение на суффиксе, например: *страх-ова́ть*, *титул-*, *псих-*, *шифр-*, *воева́ть*. При этом для значительной части из них такое ударение может быть объяснено только моделью ↓ D, например: *известк-ова́ть*, *квартир-*, *интриг-*, *интерес-*, *пасынк-*, *паник-*, *рифм-*, *мышк-*.

Некоторые слова первой группы в нелитературной речи переходят во вторую, ср., например, *памяту́я*, *покоры́туются*, *соболезну́ют*.

Суффикс *-иров-ать*⁶⁸ (первичный) имеет маркировку ↓ D, но с двумя вариантами акцентовки: *-и́рова-ть* и *-ирова́-ть*. Выбор между

⁶⁸ При описании акцентных свойств данного суффикса использована курсовая работа К. К. Богатырева на эту тему; см. также Воронцова, с. 237–248.

этими вариантами подчиняется не вполне строгим правилам; имеется значительное количество колебаний. Вариант *-ировать* выступает в следующих случаях. 1. При односложном базовом компоненте и значениях: а) 'покрывать веществом (рисунком, нарезкой и т. п.) X', 'насыщать, пропитывать X-ом' (*лак-ировать, бронз-, глаз-, брон-, мат-, также плак-, пол-, пан-, блинди́ровать; грим-ировать, марк-, лесс-, грав-, гофр-, плисс-; фарш-, мебл-, ср. газирбанный*); б) 'покрывать, укрывать предметом (одеждой) X' (*маск-ировать, драп-, пломб-*); в) 'организовывать, подразделять в соответствии с X', 'упражнять, улучшать способом X' (*групп-ировать, сорт-, план- [об участках земли], норм-, форм-, трен-, дресс-, юсти́ровать*). 2. В нескольких глаголах с неодносложным базовым компонентом при тех же значениях, что в 1а и 1б: *эмал-ировать, никел-, костюм-, экип-, татуи́ровать*. 3. В изолированных случаях: *мари-ировать, рок-* (непереходные глаголы); *серв-, прем-* (ср. ненормативное *преми́ровать*), *ник-* (о сеянцах), *кол-, крок-, плас-, декати́ровать*. Глаголы *кварти́ровать, обмундировать, броши́ровать (брошуровать)* относятся не сюда: это *кварти́р(-а) + -овать* ↓ D и т. д. Возможность подобного разложения существует также для *команди́ровать, бомбарди́ровать, ранжи́ровать, букси́ровать*; она поддерживает в этих словах конечное ударение.

Из глаголов, отвечающих условиям пункта 1, лишь очень немногие имеют ударение *-ировать*; это глаголы с базовым компонентом на *р* (*хлор-ировать, нитр-, вир-*), а также *газ-ировать* (но *газирбанный*), *хром-* (но обычно *хроми́рбанный*), *арм-, гумм-, сульф-* и некоторые совсем редкие. Напротив, при односложном базовом компоненте *-ировать* является нормой (ср. *бетон-ировать, цемент-, асфальт-* и т. д.).

Во всех прочих случаях представлено только *-ировать* (*поз-ировать, шок-, форс-, транспорт-* и т. п.); оно же всегда выступает в составе *-изировать*.

Суффикс *-ить*

§ 1.66. Суффикс *-ить* (первичный) имеет маркировку ↓ Deох. Его особенностью является то, что промежуточные базовые компоненты здесь почти всегда ведут себя как сильные (даже при освоенности). Кроме того, имеется довольно много индивидуальных отклонений (заметим, что большую часть из них составляют акцентные архаизмы; их синхроническая неправильность обусловлена лишь тем, что в ходе истории изменилась акцентовка производящего слова). Относительно случаев, где трудно выявить направление словопроизводства (от имени к глаголу или наоборот), см. § 1.18; специально отметим, что ниже трактуются как непроизводные, в частности, глаголы *пра́вить, зна́чить, ча́лить, мблвить*.

Примеры правильного ударения: *серебри́ть, борозди́ть, весели́ть, соли́ть, застолби́ть, груби́ть, уточни́ть* — [*прока́з*]ить, у[*наво́*

з]ить, [вздбр]ить, у[достб]ить, о[безврéd]ить, о[бессáхар]ить, морбзить, усйлить, сáлить, мнбжить, вялить, осчастлйвить, náкостить; эффект Деох: маячить, батрáчить, утйжить, раскошéлиться, курáжаться, напузйрить, также песбчить (с нерегулярным сохранением беглого о). Отметим, что перед -и-ть иногда встречаются нехарактерные для русского языка в целом глагольные двукорневые комплексы, например, *руководйть*, *благословйть* (см. § 1.26). Правильное ударение имеют также производные от «группы воск» (§ 1.30, A1), а именно: *охлад-йть*⁶⁹, *омрач-*, *воц-*, *лоц-*, *захлам-*, *срам-*, *крен-*, *обдерн-*, *мир-*, *сор-*, *ворс-*, *форс-*, *гнус-*, *фарт-*, *бут-*, *страш-*, *смеш-*; *див-*; *ленйться*, *дур-йть*, *улет-*, *груст-*; *дружйть*, *покумйться* (ср. также *усыновйть*); *просквозйть*.

Промежуточный базовый компонент ведет себя как слабый только в словах *гнев-йть*, *хам-*, *бубн-*, *расчлен-*, *бур-*, *бес-*, *франт-*; *вразум-*, *щебен-*, *грохот-*, *опустош-* (ср. еще *обрусйть*, от *русский*); колеблется *гáтьить*, ср. также нелитер. *перчйть* (при литер. *пéрчить*). Во всех прочих случаях такой компонент ведет себя как сильный, например: *нрáвиться*, *проштрафйться*, *гáд-ить*, *трáл-*, *цél-*, *зайл-*, *трýс-*, *озвйч-*, *сáхар-*, *мýсор-*, *пáрус-*, *совест-*; как можно видеть, сюда попадают и весьма употребительные (т. е. вполне освоенные) слова.

Производные с неправильным ударением. Неправильное наосновное ударение: 1) отсубстантивные производные — *грóб-ить*, *корбб-*, *гбрб-*, *голуб-*, *зыб-*, *мурáв-*, *лáд-*, *чýдиться* (ср. правильное *чудйть*), *ёжиться*, *пйжиться*, *княж-*, *обýгл-*, *мáсл-*, *чйсл-*, *хóхл-*, *мыл-*, *жáр-*, *пáр-*, *бáгр-*, *похёр-*, *прожйр-*, *провётр-*, *посéстриться*, *квáс-ить*, *крас-*, *вёс-*, *чудёс-*, *пйтиться*, *кóнч-ить*, *жйч-*, *крйч-*, *вьйч-*; особо стоит *клéить* (§ 1.46, примеч.); колебание в *пристрýнить*, *взйхрйть*, *обрешётйть*; 2) отагдъективные производные — *ослáб-*, *глáд-*, *продблж-*, *тýжиться*, *сдйж-*, *приблйз-*, *понйз-*, *сýз-*, *опбдл-*, *осмélиться*, *тéплиться*, *затéпл-ить* (ср. *утеплйть*), *опбшл-*, *напбшл-* (ср. *полнйть* 'делать более толстым на вид'), *прóясн-* (о погоде; ср. *прояснйть*), *одббр-*, *расцёдриться*, *расшйр-*, *ускóбр-*, *втóбр-* (ср. *повторйть*), *хмýр-*, *повыс-*, *чйст-*, *насыт-*, *увелйч*⁷⁰; особо стоят *удвбить*, *утрóить*, *усвбить* (однако *двойть*, *тройть*), ср. *клéить* выше; колебание в *окйслйть*.

Неправильное ударение внутри основы: *образу́жить* (ср. *вразумйть*), *слесáрить*, *кухáрить*, *онемéчить*, *отурéчить*.

Неправильное ударение на суффиксе: *бомб-йть*, *язв-*, *отождеств-*, *обобществ-*, *оздоров-* (ср. *поздорбвиться*), *освобод-*, *обрам-*, *изум-*, *удревн-*, *усредн-*, *упраздн-*, *наводн-*, *соедин-*, *обремен-*, *внедр-*, *яр-*, *торос-*, *обога-*, *поработ-*, *обвеш-*; также *табунйться*, *пузы-*

⁶⁹ Приставочные глаголы здесь и в дальнейших списках представляют также и соответствующие глаголы с другими приставками.

⁷⁰ Но *устрбжить* — это правильное производное от *стрбже* (ср. *улучйшить*, *уменьшйть*).

рѣчься, пѣтушѣться (без эффекта Deox); колебание в *услугѣбить, сгрудѣться, опорѣжнѣть, багрѣнѣть, ѣскрѣчься*, ср. еще устар. *уменьшѣть* при обычном *уменьшѣть*.

Суффиксы *-им-* и *-ениј-е (-ен'ј-е)*

§ 1.67. Первичные суффиксы *-им-* (как в причастном, так и в адъективных значениях) и *-ениј-е (-ен'ј-е)* обладают общей особенностью, состоящей в том, что их акцентные свойства различны при соединении с глаголами разных видов.

При соединении с глаголами совершенного вида *-им-* (дающее в этом случае только прилагательные, не причастия) имеет маркировку ↓ D, *-ѣниј-е, -ен'ј-е* — маркировку ↓. Примеры: а) *неудѣржѣмый, поправѣмый, сопоставѣмый, выполнѣмый, неисповѣдѣмый, неопровержѣмый, неунѣчтожѣмый, неоспорѣмый* (с опростившимся *спор-*); с доминантными базовыми компонентами по общему принципу (§ 1.31) соединение здесь невозможно (например, нет никакого приемлемого ударения для **неупорѣдочѣмый, *необѣсцвѣтѣмый* и т. п., что и делает эти слова невозможными); б) *рождѣние* (*рождѣньѣ*), *явлѣние*, далее, в силу односложности корня в глаголе (§ 1.30, A2), также *умножѣние, заверѣние, украшѣние, прославлѣние, улучшѣние, расширѣние, привѣдѣние*, также *приобрѣтѣние*; с другой стороны, *у[вѣковѣ]чѣние, о[благорѣж]ѣние, о[бѣсцвѣ]чѣние, о[бѣсцѣн]ѣние, у[закѣн]ѣние, у[порѣд]ѣчение, очеловѣчение, одомѣшнение, онѣмѣчение, одурѣчение, возвелѣчение*.

При этом, однако, имеется заметная тенденция (особенно в разговорной речи) трактовать при суффиксе *-ениј-е (-ен'ј-е)* все недоминантные базовые компоненты как слабые. Эта тенденция уже победила в случаях: *приготовлѣние* (*за-, под-, из-* и др.), *уничтожѣние, сопротивлѣние, осведомлѣние, уведомилѣние, ознакомлѣние, ограничѣние* (*раз-*), *увеличѣние, преувеличѣние*; в нескольких случаях опростился и потерял доминантность базовый компонент, раньше бывший доминантным: *уподоблѣние* (*рас-*), *обособлѣние, приспособлѣние, успокоѣние, упокоѣние*. Широко распространились также ударения: *обморозѣние, отморозѣние, обнаружѣние, обеспѣчение* (последнее с опрощением и потерей прежней доминантности у базового компонента). Данная тенденция действует тем сильнее, чем чаще употребляется слово; в самом деле, перечисленные здесь слова высокоупотребительны, тогда как в группу *очеловѣчение, одомѣшнение* и т. д. входят лишь редкие слова (притом книжного характера).

Обратное отклонение (сохранение традиционного ударения) представлено лишь в словах: *воздвѣженѣе, срѣтенѣе* (названия церковных праздников), *свѣдѣние* (ср. квазиомоним *сведѣние* от *свѣсти*), *намѣрение* (ср. простореч. *намерѣние*), *упрѣчение* (нелитер. *упрѣчѣние*), *обрѣшение* (наряду с *обрушѣние*), *благоприобрѣтение* (нелитер. *-ѣние*), также *повѣиѣние, озвѣчение* (слова, отсутствующие в разго-

ворной речи). Аномальное ударение *опрощение* (для лингвистического термина) носит искусственный характер (это результат «отталкивания» от нетерминологического *опрощёние*); это ударение поддерживается как своего рода знак причастности к определенной традиции, но скорее всего не удержится в борьбе с акцентологически правильным *опрощёние*.

При соединении с глаголами несовершенного вида картина иная: суффиксы *-им-* и *-ениј-е* (*-ен'ј-е*) используются заменительно (с маркировкой ↓), вместо окончания *-у* в 1 ед. презенса. Примеры: а) *гонимый, терпимый* — *видимый, слышимый, мыслимый, дейжимый, зависимый* (ср. *гоню, терплю, вижу* и т. д.); характер значения (причастный или адъективный) для акцентуации несуществен; ср. также производное второго ранга *стоимость*; б) *сидение, сиденье, печение, печенье, моление, ведение* — *глаженье, жаренье, видение* (процесс), *травление, вяление, квашение, крашение, утюжение, крахмаленье, фордыбаченье* (ср. *сижу* и т. д., *глажу* и т. д.). Особо стоит *ведение* (от *ведаю*).

От этого правила отклоняются, однако, производные с *-ениј-е*, *-ен'ј-е*, утратившие первоначальное значение процесса и развившие другие значения (например, результата), а именно: *видение* 'призрак, сон', *значение, строение*; здесь суффикс ведет себя как при глаголах совершенного вида. Прочие отклонения: *княжение, правление, мышление* (устар. *мышление*), *мучение* (заметим, что все эти слова имеют не только процессуальное значение); *движение, плавление*, также (*не*)*противление*. Аналогичное отклонение с *-им-*: *недвижимый* 'неподвижный' (ср. *недвижимое имущество*). Изолированно стоит архаизм *ряжение* (обряд), с обратным отклонением.

Слова *ранимый, ранение* (от двувидового глагола *ранить*) акцентно регулярны: они соотносятся с совершенным видом, что подтверждается и их значением (прилагательному *ранимый* 'уязвимый, чувствительный', вообще говоря, можно даже противопоставить потенциальное причастие *ранимый* 'тот, которому наносят рану'; во всяком случае, слово *ранимый* этого значения передавать не может).

Действие изложенных правил создает в русском языке многочисленные акцентные противопоставления типа *рушимый—неразрушимый, гладимый—неизгладимый, рушение—разрушение, крашение—украшение, моржение—обморожение, видение—видение*.

Суффиксы *-щик* и *-овщик*

§ 1.68. Акцентные свойства этих суффиксов различны в отглагольном и в отыменном словообразовании.

В отглагольном словообразовании *-щик* выступает как вторичный суффикс с маркировкой ←, например: *рубщик, мойщик, гонщик, лещик, [свар]щик, [скуп]щик, [достав]щик, [натир]щик, вьдумщик*;

плакальщик, гладильщик (морф -и- ↓ D). Суффикс *-овщик* выступает здесь как первичный (непоглощающий) с маркировкой ↓⁷¹: *сверловщик, распиловщик, потаковщик* (от *сверлить, распиливать, потакать*). Однако *-овщик* как единый суффикс здесь весьма редок: подавляющее большинство отглагольных слов на *-овщик* соотносено с глаголом на *-овать* (т. е. содержит просто суффикс *-щик*), ср. *зимовщик, калибровщик, упаковщик, забастовщик* и т. п. Отклонения: 1) в словах *продавщик, поставщик, покупатель, откупщик* *-щик* ведет себя как первичный суффикс класса →; 2) в ряде слов на *-овщик* (бесприставочных), несмотря на наличие глагола на *-овать*, акцентуация такая, как у отыменных производных (см. ниже), — *пемз-овщик, бронз-, дерн-, пресс-, плюс-, бунт-, грунт-, борт-, межевщик*; во всех этих случаях слово на *-овщик* можно семантически связать и с соответствующим существительным, т. е. мы имеем дело с двусмысленной словообразовательной связью.

В отыменном словообразовании *-щик* и *-овщик* находятся в почти строгом дополнительном распределении: *-овщик* используется при односложных базовых компонентах (кроме сильных, оканчивающихся на одиночную согласную), *-щик* — в прочих случаях, ср. *гробовщик, крановщик, ламповщик* и *жалобщик, веретённый, фонарищик* (но также, например, *банщик*); при наличии беглой гласной в производящей основе используется модель *тюремщик, стекловщик* и т. п., т. е. без *-ов-*. Таким образом, здесь представлен яркий пример выравнивания слоговой структуры производных путем добавления «пустого» *-ов-* там, где недостает слога.

С акцентной точки зрения, отыменное *-щик* используется: 1) заменительно (с маркировкой →), вместо прилагательного с *-н-*, например, *погребщик, кузовщик, обувщик, гребенщик, зеленщик, номерщик, тюремщик, корабельщик, аварийщик, подённый, каменщик, угольщик, табельщик* (ср. *погребной* и т. д., *тюремный* и т. д.); 2) аддитивно (с маркировкой ←) — в тех немногих случаях, когда нет соответствующего прилагательного с *-н-*, например, *жестянный, пайщик*. Отклонения: 1) *ямщик, денщик, стерженщик*; слово *временщик* формально соотносено с *временной*; 2) *кобанный*.

Отыменное *-овщик* выступает как поглощающий сращенный суффикс с маркировкой → Monosyll, например: *гроб-овщик, час-, резьб-, слон-, плот-, гурт-, газ-, рост-, бронз-, пемз-*; ср. также *кладовщик, мостовщик* (от *кладовья, мостовья*). Отклонения: 1) *ламповщик, нерповщик*; 2) *старьевщик, клеймовщик, ковровщик*.

⁷¹ Ср. также *-ировщик* ↓ D (§ 1.41).

Суффиксы *-ян-е (-ан-е), -чан-е*

§ 1.69. Суффиксы названий жителей *-ян-е (-ан-е), -чан-е* выступают в чистом виде во мн. числе производных (*ри́мляне, молдава́не, ростовча́не*), а в ед. числе сопровождаются сингулятивным суффиксом *-ин* ↓ (*ри́млянин, молдава́нин, ростовча́нин*). Акцентные свойства этих суффиксов сложны и отчасти аномальны. Нормальной маркировкой этих суффиксов является ↓ D; ср., например, *во́лжа-нин, па́рижа́нин, киевля́нин, воло́гжа́нин, россия́нин, персия́нин, молдава́нин, магомета́нин, ростовча́нин, харьковча́нин* (не говоря уже о случаях со слабым базовым компонентом вроде *горо́жа́нин, поезжа́нин*). Однако наряду с этим суффикс *-ян-е (-ан-е)* обнаруживает еще два типа акцентного поведения: 1) в названиях жителей древнего мира этот суффикс ведет себя по классу ↓ (без доминантности) — *ри́мл-янин, афи́н-, карфаге́н-, лати́н-, македо́н-, вавило́н-, финики́янин* и др. (см. Грамм.), также *во́льнянин*; в *ассирия́нин* такой же сдвиг ударения, как в *-ийск-, -ийн-*; 2) в замкнутой группе старых слов этот суффикс, сохраняя перед окончаниями (т. е. во мн. числе) обычные свойства класса ↓ (или ↓ D), перед сингулятивным суффиксом *-ин* аномальным образом ведет себя по классу → (т. е. передает этому *-ин* свое ударение): *славя́йн* (мн. *славя́не*), аналогично *селя́ййн, арм-, двор-, мещ-а́ййн, чуж-, христи-, ср. семья́ййн* (мн. *семья́йины*); слова *гражда́ййн, согражда́ййн* дважды аномальны, поскольку во мн. числе здесь выступает *(со)гра́ждане*. В нелитературной речи некоторые слова из этих особых групп могут следовать основной модели (например, возможны ударения *римля́не, афи́яне, вавилоня́не, селя́нин, христиа́нин*); для слова *египтя́не* такое ударение уже закреплено литературной нормой.

Аномальной акцентной особенностью суффиксов *-ян-е, -чан-е* является также то, что они могут перетягивать на себя ударение с доминантного базового компонента, например, *поморя́нин*; в самом деле, при *-ян-* ↓ ожидалось бы **помо́брянин*, а при *-ян-* ↓ D соединение здесь должно быть вообще невозможным (см. § 1.31). Правда, общелитературных слов с таким эффектом совсем мало: *прихо́жа́нин, поселя́нин, соборя́нин, поморя́нин* (в *однополча́нин, односельча́нин* естественнее видеть неплотно присоединенное *одно-*). Прочие слова такого рода имеют узкое (часто сугубо местное) распространение, например ⁷², *пореча́нин, подоля́нин, пятигорча́нин, днепропетровча́нин*; сюда же *посельча́нин*. Часть подобных производных явно опирается на соответствующие более простые, ср. *заво́лжа́нин, поволжа́нин, приво́лжа́нин* и акцентно правильное *во́лжа́нин, староруша́нин* и *руша́нин, великоустю́жа́нин* и *устю́жа́нин* и т. п. (т. е. здесь применяется техника неплотного присоединения). Было бы неосторожно, однако, рассматривать местные названия рассматриваемого типа

⁷² Основной источник примеров: Словарь названий жителей СССР. М., 1975.

в одном ряду с общелитературными словами: морфологические механизмы здесь могут быть несколько особыми, к тому же разными в разных частях русской территории; ср., например, недоминантное *-ян-е* в ряде северных названий (*кíжáнин, верхováжанин, устар. белозéрянин, завблжанин, повблжанин, новгорбдчанин*).

В целом для суффиксов *-ян-е (-ан-е), -чан-е* следует констатировать преобладание маркировки ↓ D при значительных следах других, более старых маркировок, а также тенденцию к нарушению правила о несовместимости доминантного базового компонента и доминантного суффикса; по-видимому, это нарушение связано с особым способом функционирования собственных имен, при котором их морфемная членимость становится несущественной и перестает осознаваться (откуда эффект, характерный для случаев опрощения).

Глава вторая

ПРАСЛАВЯНСКАЯ И РАННЕДРЕВНЕРУССКАЯ АКЦЕНТНЫЕ СИСТЕМЫ

§ 2.1. В настоящей главе рассматриваются две очень близкие акцентные системы: поздняя праславянская и раннедревнерусская. И та и другая представляет собой результат реконструкции, но в первом случае базой для реконструкции служат все славянские языки, а во втором — главным образом восточнославянские. Раннедревнерусская акцентная система (т. е. восточнославянская система эпохи до падения редуцированных) в сущности представляет собой один из диалектных вариантов поздней праславянской системы. Поскольку основной задачей настоящей книги является изучение акцентной эволюции именно в русском языке, а также в связи с тем, что раннедревнерусская система восстанавливается с большей детальностью и однозначностью, чем праславянская, ниже в основу изложения положена именно раннедревнерусская акцентная система, а ее немногочисленные отличия от праславянской рассмотрены особо (§ 2.31—34). В частности, во всех списках корней и аффиксов, приводимых в настоящей главе, указаны именно те акцентные характеристики, которые обнаруживаются у этих морфем в восточнославянских источниках (тогда как в других ветвях славянских языков некоторые из них имели иные акцентные характеристики). Вопрос о том, какая из конкурирующих диалектных акцентовок является в таких случаях древнейшей, выходит за рамки настоящей работы и ниже, как правило, не обсуждается. Более того, мы не ставили своей целью указать все случаи подобных расхождений, поскольку это потребовало бы таких же разысканий по истории ударения других славянских языков, каким эта книга является для русского.

Основная задача настоящей главы — компактно (но в то же время относительно полно) представить акцентную систему, принимаемую в настоящей работе за начальную точку акцентной эволюции русского языка. Соответственно, здесь нет претензии на изложение лишь собственных результатов автора: предлагаемая акцентная реконструкция во всем существенном следует работам Хр. Станга, В. М. Иллич-Свитыча и в особенности В. А. Дыбо (см. в первую очередь: Станг 1957, Иллич-Свитыч, Дыбо 1962, 1968, 1981); отметим еще важную работу этого же направления: Гард, 1976. Большое значение для настоящей работы имеет тезис Р. О. Якобсона о противопоставлении фонологически ударных и фонологически безударных слогов в праславянском и существовании фонологически безударных словоформ («энклиноменов»; Якобсон 1963).

Используемая система маркировок определенным образом сообразована с той, которая применяется в гл. 1 для современного русского языка. Однако мы не стремились достичь максимума совпаде-

ний между древними и современными маркировками, поскольку, как показывает анализ, такая стратегия описания ведет к недопустимо большому числу натяжек и лишь мешает увидеть тот качественный скачок, который совершило русское ударение за последние 8—10 веков.

В соответствии с основной задачей настоящей главы, описание раннедревнерусской акцентной системы дается ниже в большинстве случаев в «декларативном» стиле, т. е. без аргументации в пользу предлагаемых акцентных реконструкций. Аргументацию по принципиальным вопросам реконструкции см. в работах названных выше авторов; некоторые более частные вопросы обсуждаются в § 2.31—32 и в гл. 3.

Особую проблему составляют диалектные различия в рамках раннедревнерусского языка. Какое-то число таких различий, в т. ч. акцентных, несомненно существовало. При этом важно, что некоторые изоглоссы, разделявшие восточнославянские диалекты, выходили за пределы восточнославянской области и продолжались на западнославянской или южнославянской территории; ср. хотя бы хорошо известную проблему диалектного распределения взрывного и фрикативного *г*. Особое значение имеют пока еще недостаточно изученные специфические особенности новгородско-псковского ареала и его связи с западнославянскими языками (в первую очередь с севернолехитскими) и с южнославянскими (в первую очередь со словенским). Таким образом, традиционное представление о монолитном правосточнославянском языке, дальнейшее развитие которого характеризовалось только дивергенцией, является по меньшей мере упрощенным: в действительности здесь значительную роль играли также конвергентные процессы. В частности, в истории великорусского языка сгладился ряд очень старых различий между новгородско-псковскими и восточными (ростово-суздальскими и рязанскими) говорами, например, различие, связанное с тем, что новгородско-псковские говоры вообще не знали второй палатализации.

В настоящей работе учтены некоторые наиболее надежные случаи диалектных акцентных расхождений в рамках раннедревнерусского (заметим, что часть из них образует изоглоссы, выходящие за пределы восточнославянской области; ср., например, § 3.41 о двух акцентовках словоформ типа *И. В. мн. моря*). Но, конечно, на нынешнем этапе исследования выявлены еще не все расхождения такого рода. Предлагаемая раннедревнерусская акцентная реконструкция в принципе отражает данные всех основных частей восточнославянской территории, но в весьма неравном объеме: полнее всего учтены данные великорусской зоны — прежде всего потому, что именно для этой зоны мы располагали обширным материалом непосредственно обследованных нами средневековых памятников; для украинско-белорусской зоны использовались в основном данные описаний. Соответственно, наша реконструкция, го-видимому,

в каких-то деталях неодинаково полно отражает особенности этих двух восточнославянских зон.

§ 2.2. Ниже словоформы рассматриваются в их раннедревнерусском облике; практически это значит, что они даются в нормализованной орфографии эпохи до падения редуцированных (кроме особых случаев, оговариваемых ниже). Для праславянского используется латинская запись; таким образом, раннедревнерусская и праславянская реконструкции легко различаются внешне без дополнительных указаний. При этом, однако, даже и для раннедревнерусского сочетания с *j* могут при необходимости передаваться средствами транскрипции, а не орфографии, например: *ja* (а не *я*), *jъ* или *ju* (а не *и*; см. об этом также § 2.3).

В раннедревнерусском, как и в праславянском, так наз. редуцированные (*ъ* и *ь*) еще во всех позициях являются гласными, т. е. образуют слог. Конкретный редуцированный в составе конкретной словоформы и далее, в составе конкретной тактовой группы (см. § 2.4) может быть сильным или слабым. В раннедревнерусском сила или слабость редуцированного зависит только от фонемного окружения (и, в частности, никак не зависит от акцентуации, см. § 3.2). Здесь действуют следующие правила, применяемые последовательно от конца к началу тактовой группы: 1) конечный редуцированный тактовой группы — слабый; 2) в окружениях *С—лС*, *С—рС* (где *С* — любая согласная) редуцированный сильный; 3) в прочих случаях редуцированный является сильным, если в следующем слоге стоит слабый редуцированный, и слабым, если это не так.

Морфы делятся на **обычные** (содержащие хотя бы одну гласную) и **безгласные** (не содержащие гласной).

Обычные морфы делятся на **этимологически долгие** и **этимологически краткие**¹. Из односложных морфов к первым относятся те, которые содержат *а*, *я*, *ѣ*, *и*, *ы*, *у*, *ю* или сочетание *СълС*, *СърС*, *СьлС*, *СърС*, ко вторым — те, которые содержат *ъ*, *ь* (не перед *р*, *л*) или *е*, *о*². Особый случай составляют морфы, оканчивающиеся на *ъл*, *ър*, *ьл*, *ьр*: они этимологически долги в составе тех словоформ, где за данным морфом следует согласная (например, *тьр-л-а*, *за-ньр-т-ъ*), и этимологически кратки там, где следует гласная (например, *тьр-е-ть*, *за-ньр-е-ть*). Из двусложных морфов к этимологически долгим относятся, во-первых, те, которые содержат полногласное сочетание *оло*, *оро*, *ело*, *ере*, во-вторых, те, у которых последний слог по приведенным выше правилам попадает в число этимологически долгих; прочие этимологически кратки.

¹ Для раннедревнерусского этимологическая долгота или краткость, возможно, еще была и синхронически реальной (хотя бы в некоторых позициях; ср. § 2.33). Но в целях общности с более поздними периодами целесообразно везде говорить именно об этимологической характеристике.

² Однако в церковнославянизмах с неполногласным сочетанием *СлeС* или *СрeС* (например, *млеко*, *брегъ*) корневой морф считается этимологически долгим.

Требуемое для акцентологии членение раннедревнерусских словоформ на морфы в нормальном случае происходит просто на фонетическом уровне, например: *јав-и-л-ъ*, *бож-ьј-а*. Особый случай составляют рефлексы раннепраславянского морфа *-j-* в положении после согласной (**vol-j-a*, **mold-j-e* и т. п.); здесь и для раннедревнерусского в некоторых категориях словоформ целесообразно усматривать особый морф (он обозначается **-j-*), хотя его внешнее выражение на этом историческом этапе уже очень разнообразно и может быть даже нулевым. Тем самым в данном случае мы оперируем с «глубинным», а не «поверхностным» морфом. Случаи, где для акцентологии существенно выделять морф **-j-*, отмечаются в дальнейшем по ходу разбора.

В отношении морфологического членения словоформ отметим, что для раннедревнерусского принимается в целом такое же разделение словоформ на основу и окончание, как в современном языке. Окончания членных форм прилагательных считаются состоящими из двух морфов: а) вокалический соединительный морф; б) собственно окончание. Примеры: *молод-ъ-јь*, *молод-а-ја*, *молод-ы-хъ*, *молод-ы-ми*. Между тем в местоименном склонении такого разделения нет: окончания здесь одноморфны, например: *т-ого*, *мој-ему*, *-еѣ*, *-ими*, *вс-ѣми*. Окончания презенса глаголов (не атематических), кроме 1 ед., также считаются состоящими из двух морфов: а) вокалический соединительный морф (*е*, *у*, *и*, *я*); б) собственно окончание. Примеры: *нес-е-тъ*, *нес-у-тъ*, *люб-и-тъ*, *люб-я-тъ*; однако в 1 ед. просто *нес-у*, *любл-ю* (соединительного морфа здесь нет; морф **-j-*, представленный в словоформе *люблю* в виде *л'*, считается частью основы). Специально отметим, что в императиве соединительный элемент отсутствует: он «поглощен» показателем императива *-и-*, *-ѣ-*; например, в *люб-и-те* морф *-и-* есть показатель императива (а не соединительный элемент). Членение на морфы в аористе видно из примеров: *вед-ох-ъ*, *вед-е-ѹ*, *вед-ос-те*, *вед-ош-я*, *зна-х-ъ*, *зна-ѹ*, *зна-ш-я*.

В спряжении глагола различаются так наз. система инфинитива (инфинитив, аорист, имперфект, перфект и неличные формы прош. времени) и система презенса (личные и неличные формы презенса и императив).

§ 2.3. Особую проблему составляют сочетания *ь*, *ъ*, *и*, *ы* с последующим или предшествующим *ј*. Для акцентологического описания оказывается необходимым различать: 1) этимологические *ъј*, *ьј* и *ыј*, *иј*, например: *къъъ* 'какой', *живъъъ*, *съъъ*, *нищъъъ*, *копъе*, *людъъ* — *къъ* 'кий', *стриъъ*, *шија*, *живыји*, *нищји*, *мыју*, *рыју*, *брију*, *гнију*; 2) этимологические *јь* и *ји*, например: *јьму*, *својь*, *покојьнъ* — *јива*, *јицю*, *своји*, *покојити*, *тројица*.

Этот тезис неочевиден, поскольку уже в раннем древнерусском (если не еще раньше) произошло совпадение (по-видимому, правда, не во всех случаях) *ыј* с *ъј*, *иј* с *ьј* и *ји* с *јь*; ср., в частности, одина-

ковость рефлексов в рус. *мой, рой* (императивы) и *живой, брей* и *людей* или в укр. *мий, рий* и *живий*.

Существенно, однако, что это совпадение не привело к последовательному включению гласных, входящих в состав этимологических *ыј, иј, ји*, в класс редуцированных со свойственным ему различием сильных и слабых аллофонов. Такие гласные, как правило, ведут себя, независимо от позиции, как сильные редуцированные, т. е., во-первых, они не падают в слабой позиции, во-вторых, редуцированный предшествующего им слога всегда слабый; ср., например, рус. *шея, мю, рю, вю, йва, йней, ищю*, также *в шею, смю, ерю, взвю, сбрею, сгнию, взыщю*, укр. *шья, мю, рю, вю, йва, йней, змю, зрю, згнию*. Между тем *ъ, ь* в составе этимологических *ъј, ъј, јь* в вопросе о силе и слабости полностью подчиняются общему правилу.

Имеется, правда, несколько случаев, когда этимологическое *иј* во всех отношениях перешло в *ъј*. Из таких случаев общими для всей восточнославянской области можно считать только презенсы *бију* (*бијеш* и т. д.), *вију, лију, пију*; они всегда ведут себя как *бъју, въју, льју, ньју* (и именно с *ь* мы и будем их далее записывать). Прочие случаи такого рода, по-видимому, были ограничены лишь той или иной частью говоров. Так, презенс *шију* дал рус. *шю*, однако сохранил гласную в укр. *шю*, белор. *шю*; ср. также рус. *сошью* и укр. *зшю*. Аналогично: рус. *чей, чья, чьё* — укр. *чий, чия, чие*, белор. *чый, чья, чье*. В отдельных великорусских говорах отмечаются такие словоформы, как *шья* 'шея', *мю* (*мю*) 'мю' (см. Шахматов 1915, § 37, 39, 363); возможно, такое же фонетическое развитие отражают и некоторые написания в памятниках.

По-видимому, варьировало по говорам также соотношение между этимологическими *ји* и *јь*. В частности, существовали говоры, в которых всякое *ји* подчинялось правилу о сильных и слабых позициях (а именно, после падения редуцированных оно дало в сильной позиции *ји*, в слабой — *јь*). Один из таких говоров отразился в Мерице Праведном XIV в. (§ 3.26), где находим, например: *свои* /свôј/ из *својь* и из *своји*, также *своими* /свôјми/, *своима* /свôјма/, но *своимъ* /свôјим/, *своихъ* /свôјих/, см. Противоп., § 22. Конечное *-ји* в местоименном окончании Д. М. ед. *-оји* дало *-јь* повсеместно.

С другой стороны, в определенных случаях даже этимологическое *јь* могло вести себя как *ји* и не подчиняться правилу о сильных и слабых позициях. В частности, именно так обычно вело себя начальное *јь* в говорах будущей великорусской территории (или, по крайней мере, значительной ее части), ср. рус. *идёт, имеет, игра, икра*. Специальный интерес для дальнейшего представляют презенсы *јьдеть, јьметь*; для них можно предполагать следующие диалектные варианты развития: а) *јь* дало *ји*, функционирующее как гласная полного образования (или как сильный редуцированный), т. е., в частности, способное принимать на себя ударение; отсюда возможность ударений *идеть, иметь*; б) *јь* трактовалось по общему

правилу как слабый редуцированный; отсюда вынужденные ударения *идѣть, имѣть*; в дальнейшем такое *ѣ* давало в одних говорах *ĭ* (укр. *йде*), в других *и* (рус. *идѣт*).

Можно предполагать, таким образом, что переходы $yj > ѣj$, $uj > ѣj$, $ju > ѣj$ происходили уже после того, как сформировалось различие сильных и слабых редуцированных. На сравнительно поздний характер этих переходов указывает также то, что корни с этимологическими *ы, и* при этом не потеряли способность нести на себе неподвижное ударение, тогда как корни со старыми *ѣ, ъ* такого ударения нести не могут (см. § 2.7); иначе говоря, эти переходы относятся к эпохе, когда указанный акцентологический запрет уже не был живым.

Неполная регулярность рассмотренных выше соотношений указывает также на то, что мы имеем здесь дело не только с чисто фонетическим развитием: на фонетический процесс рано наложились различные выравнивания. К счастью, для целей настоящей работы нет необходимости разбирать детали диалектного фонетического развития данной категории словоформ; важно лишь учитывать сам факт существования рассмотренных различий.

Ниже при записи раннедревнерусских словоформ *ыj, uj, ju* или *ѣj, ѣj, ѣj* пишется в соответствии с этимологией (кроме презенсов *бѣју, вѣју, лѣју, нѣју*, см. выше). Этимологическая долгота или краткость морфов определяется при этом по общему правилу (§ 2.2), исходя из указанной записи. Соответственно этой же записи решается вопрос о том, подпадает ли рассматриваемая звуковая единица под действие правил о редуцированных (*ы, и* под эти правила не подпадают). Запись с обычным орфографическим *и* вместо *ju* или *ѣj* означает, что данное различие для рассматриваемого вопроса несущественно (или что неизвестно, какое из этих сочетаний здесь было представлено).

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О РАННЕДРЕВНЕРУССКОЙ ПРОСОДИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

§ 2.4. В раннедревнерусском в потоке речи всякое предложение с просодической точки зрения распадалось на так наз. т а к т о в ы е г р у п п ы. Тактовая группа представляет собой отдельную словоформу или несколько словоформ, объединенных в просодическом отношении (конкретнее о характере этого объединения см. § 2.6).

Все словоформы делятся на а к ц е н т н о с а м о с т о я т е л ь н ы е (способные хотя бы в некоторых случаях сами по себе составить отдельную тактовую группу) и к л и т и к и (не обладающие этим свойством). Клитик всего около 50 (см. § 2.22). Часть клитик (так наз. п р о к л и т и к и) в потоке речи входит в одну тактовую группу с последующей словоформой, другая часть (так наз. э н к л и т и к и) — с предшествующей словоформой. В особом положе-

нии слово *да* (союз и частица³): в позиции после проклитики оно является энклитикой, во всех прочих позициях — проклитикой.

Тактовые группы делятся на однословные (состоящие из одной словоформы, разумеется, акцентно самостоятельной) и неоднословные. Последние делятся на обычные (включающие хотя бы одну акцентно самостоятельную словоформу) и особые, или проклитико-энклитические (состоящие только из одной или нескольких проклитик, за которыми следует одна или несколько энклитик). Обычные однословные тактовые группы делятся на простые (состоящие из одной акцентно самостоятельной словоформы, сопровождаемой клитикой или клитиками) и сложные (включающие более одной акцентно самостоятельной словоформы, с клитиками или без них). Примеры однословных тактовых групп: простые — *слово же, на слово, а не за кѣнзя, и не по закону ли*; сложные — *сего дѣне, пятьдесятъ, не за пятьдесятъ ли*; проклитико-энклитические — *на ся, не за мя, не бо, ни же, и ли, да бы*.

§ 2.5. Основное просодическое противопоставление на уровне слогов таково: ф о н о л о г и ч е с к и у д а р н ы й слог — ф о н о л о г и ч е с к и б е з у д а р н ы й слог. Важнейшая особенность рассматриваемой просодической системы состоит в том, что существуют акцентно самостоятельные словоформы, у которых все слоги фонологически безударны (Якобсон 1963, с. 9). Такие словоформы называются энклиноменами (термин Р. О. Якобсона и В. А. Дыбо). Им противопоставлены акцентно самостоятельные словоформы, содержащие фонологически ударный слог; они называются ортотоническими (термин В. А. Дыбо). Данное противопоставление действительно также для тактовых групп: они могут быть энклиноменами или ортотоническими.

Ниже фонологическое ударение обозначается знаком ¹ над ударной гласной; принадлежность словоформы или тактовой группы к числу энклиноменов обозначается знаком ⁻ перед словоформой (тактовой группой). Примеры: *м¹нѡго, жен¹а*; ⁻*слово, ⁻на слово*.

В каждой ортотонической словоформе фонологическое ударение закреплено за одним из ее слогов; ни при каких фразовых условиях оно никуда не сдвигается и не исчезает. При этом никаких общих ограничений на место фонологического ударения, связанных со счетом слогов от начала или от конца словоформы, в системе нет. Имеется, однако, следующее важное ограничение: фонологическое ударение не может падать на слабый редуцированный (см. § 2.2). Другое ограничение состоит в том, что в полногласных сочетаниях (*оро, ере, оло, ело*) фонологическое ударение может падать только на второй слог.

Фонологическая ударность фонетически реализуется в каком-то виде просодического усиления. Фонологическая безударность реали-

³ Частица, входящая в состав оборота типа *да будеть*; слово *да* (утвердительный ответ) — акцентно самостоятельное.

зуются двумя способами, в зависимости от позиции: 1) в начальном слоге энклиноменной тактовой группы — некоторым просодическим усилением, отличным, однако, от того, которым реализуется фонологическая ударность; 2) во всех прочих позициях — отсутствием какого бы то ни было усиления (если не считать возможности так наз. второстепенного, или ритмического, ударения в заударных слогах, о котором см. § 3.7).

Таким образом, например, словоформы *пѣти* (инфинитив) и *пѣти* (причастие, И. мн. муж.), даже взятые в изолированной позиции, не были фонетически тождественны. Ср. еще *жѣто* (зерно) и *жѣто* (причастие, И. ед. сред.), *дѣти* и *дѣры*, *сытъ* и *сынъ*, *на́ми* и *на́ миръ*, *во́лю* и *во́ду*, *у́чнуть* и *у́мьру* и т. п. Чем именно физически различались начальные слоги в таких парах (при изолированной позиции словоформ), в точности неизвестно. В соответствии с традиционным взглядом, в данной позиции слог с ' имел восходящую интонацию, а начальный слог энклиномена — нисходящую. Но даже если это было так, существенно то, что мы не имеем здесь дела с эквиполлентным противопоставлением двух интонаций (как это считалось в традиционной акцентологии), поскольку нисходящая интонация не является постоянным свойством первого слога словоформ *пѣти*, *жѣто*, *дѣры*, *сынъ* и т. п., а лишь автоматически появляется в определенной фразовой позиции, т. е. функционирует как позиционный вариант безударности. Р. О. Якобсон высказал типологически правдоподобное предположение о том, что фонологическое ударение выражалось увеличением интенсивности и одновременно повышением тона, тогда как начальный слог энклиномена выделялся только увеличением интенсивности, без повышения тона (Якобсон 1963, с. 9).

В дальнейшем фонологическое ударение может быть названо также а в т о н о м н ы м ударением, а позиционное просодическое усиление начального слога энклиноменной тактовой группы — а в т о м а т и ч е с к и м ударением. Такая терминология более удобна для диахронического описания, поскольку она позволяет просто сформулировать основное событие в последующей эволюции ударения: в ходе истории автономное и автоматическое ударения совпали в едином современном ударении (хотя время, к которому относится это событие, пока еще точно не установлено).

Относительно предполагаемого различия двух разных интонаций в рамках автономного ударения см. § 2.31—32.

§ 2.6. Опираясь на введенные понятия, мы можем теперь несколько уточнить вопрос о формировании тактовых групп.

1. В медленной, раздельной речи тактовые группы формируются так: всякая проклитика объединяется в одну тактовую группу с последующей словоформой, всякая энклитика — с предшествующей; никаких иных объединений соседних словоформ не происходит.

2. В обычной (и, тем более, ускоренной) речи могут объединяться в одну тактовую группу две ⁴ соседних тактовых группы медленной речи (кроме случая, когда обе эти группы ортотонические ⁵), если они тесно связаны по смыслу. Особенно характерно такое объединение для синтагм с местоимениями и числительными и для синтагм из прилагательного и определяемого существительного. Примеры: *вы вѣстѣ, сего дѣне, въ тѣ поры, двѣ дѣни, на три дѣни, двѣ сътѣ, пять десятѣ, одинъ на десяте, въ бѣлѣ городѣ, сънаси богъ, сѣ рѣчь.*

Точные правила о том, когда происходило и когда не происходило такое объединение, неизвестны. По-видимому, в широком диапазоне случаев такое объединение было факультативно и зависело непосредственно от темпа речи.

Акцентная маркировка морфем

§ 2.7. Для акцентной маркировки морфем в раннедревнерусском требуется несколько иная (более простая) система символов, чем в современном русском (ср. § 1.21). Прежде всего противопоставляются символы + (плюс) и — (минус). Далее, к символу + могут быть добавлены уточняющие символы ↓ («самоударность») и → («правоударность»), что дает + ↓ и + →. Поскольку, однако, знаки ↓ и → возможны только при +, вместо + ↓ и + → разрешается писать также просто ↓ и → (соответственно). Символ ↓, → или — образует основную маркировку морфемы.

В некоторых случаях к основной маркировке морфемы присоединена дополнительная (это возможно только для послекорневых морфем). Она состоит из пометы Re или Min.

Помета Re (от слова «ретракция») при некоторой морфеме означает, что если предшествующая морфема имеет основную маркировку →, то она заменяется на ↓ (и тем самым ударение оказывается на слог левее, чем ожидается).

Помета Min при некоторой морфеме означает, что если в составе словоформы предшествующая морфема имеет основную маркировку →, то эта маркировка заменяется на минусовую.

В нескольких особых случаях суффикс проявляет себя в акцентном отношении по-разному после этимологически долгих и этимологически кратких морфов. Поскольку эта особенность очень редка, для ее отражения не вводится дополнительных помет; она отмечается непосредственно при описании соответствующих суффиксов.

Как можно видеть, важное отличие раннедревнерусской системы

⁴ Вероятно, иногда также и более двух; но относящийся сюда материал слишком мал.

⁵ Объединение двух ортотонических групп (например, *сѣмьдесятѣ* из *сѣмь десятѣ*), по-видимому, становится возможным лишь в более позднее время; см. Станг 1978, где обследованы в этом отношении памятники XVII в.

от современной состоит в том, что здесь не бывает доминантных морфем; нет также и левоударных морфем (отсутствует маркировка ←).

Поскольку в принципе разные морфы одной морфемы могут иметь разную маркировку (хотя это и нетипичный случай), можно говорить, как и для современного языка, также о маркировке морфов, а не только целых морфем.

Акцентную маркировку получают все обычные (не безгласные) морфы. Маркировка считается приписанной к одной из гласных морфа. Нормально это последняя гласная морфа (в подавляющем большинстве морфов она же и единственная). Лишь в очень немногих неодносложных морфах точкой приписки служит не последняя гласная; таковы некоторые корни (по большей части заимствованные, например, *парус-*), а также несколько окончаний (прежде всего *-ами* и *-ама*). При записи неодносложных морфов с основной маркировкой ↓ точка приписки маркировки отмечается знаком автономного ударения, например: *морóз-*, *па́рус-*, *-áми*.

Безгласные морфы маркировки, как правило, не имеют, т. е. операции, связанные с ударением, проводятся так, как если бы этих морфов в составе словоформы вообще не было. Однако в качестве исключения несколько безгласных морфов имеют маркировку (плюсовую); она приписывается к последней (обычно единственной) фонеме морфа.

З а м е ч а н и е. Для дальнейшего почти ничего не изменилось бы, если бы считать, что безгласные морфы, не получившие маркировки, имеют минусовую маркировку; достаточно было бы внести небольшие коррективы в определения. Принятое выше решение технически проще.

Акцентная маркировка представляет собой в раннедревнерусском независимую характеристику морфемы, которую нельзя вывести по каким-либо общим правилам из фонемного состава или значения морфемы.

При этом, однако, важно учитывать, что в (раннем) праславянском имелось следующее ограничение общего характера: морф с краткой гласной (стоящей не перед *r*, *l* + *C*), начинающий акцентно самостоятельную словоформу, не мог иметь маркировку ↓. В раннедревнерусскую эпоху это ограничение уже не было живым; это видно, в частности, из акцентуации некоторых заимствованных слов: например, корни слов *ведро* 'serenum', *кедръ* имеют здесь маркировку ↓. Тем не менее для подавляющего большинства раннедревнерусских словоформ (в частности, для всей глагольной системы) указанное ограничение фактически сохраняло силу; оно лишь превратилось из автоматического в традиционное. Соответственно, в раннем древнерусском имеется один тип регулярной мены акцентных маркировок, определяемой чередованиями фонем, а именно: если у корневой морфемы имеется этимологически долгий алломорф (см. § 2.2) с маркировкой ↓ и этимологически краткий алломорф, то этот последний получает маркировку →. Например, в *мя-л-ъ*, *тьр-л-ъ* корневые морфы *мя-*, *тьр-* (этимологически долгие)

имеют маркировку ↓; в то же время в *мын-е-ть*, *тыр-е-ть* морффы *мын-*, *тыр-* (этимологически краткие) имеют маркировку →.

В целом раннедревнерусский довольно близок к тому идеальному состоянию, когда каждая морфема имеет постоянную маркировку; но все же имеются и отклонения от этого принципа. Помимо случаев типа *мяль*—*мьнеть*, *тырль*—*тыреть*, отмеченных выше, укажем еще следующие. У небольшой группы глаголов корни имеют в системе презенса и системе инфинитива разную маркировку (без связи с рассмотренным выше ограничением), например: *сѣчи* (в системе презенса —, в системе инфинитива ↓), *яти* (соответственно → и —); списки таких глаголов содержатся в § 2.14—17. Далее, у ряда *aj*-глаголов с итеративным (хотя бы первоначально) значением, в частности, *бѣгати*, *глядати*, *кланятися*, *плавати*, *пълзати*, *ворочати*, *кушати* корень выступает с маркировкой ↓, тогда как у соответствующих неитеративных глаголов корень имеет (по крайней мере, в презенсе) маркировку — или →; ср. *бѣжить*, *глядить*, *клонить*, *пловеть*, *пълзеть* (—), *воротить*, *кусить* (→). Имеется также ряд других, не поддающихся обобщению случаев подобного рода; например, в *квасъ* корень имеет —, а в *квасити* ↓; в *страдати* корень имеет →, а в *страсть* —. Наконец, особый вид отступления от принципа постоянства маркировки морфемы создают определенные морфологические категории словоформ (или последовательности словоформ в тактовой группе), акцентуация которых описывается с помощью понятия перемаркировки (см. § 2.9, 21, 26—29); см. об этом понятии § 1.23.

Базисное правило

§ 2.8. Выписанные друг за другом маркировки всех морффов (имеющих маркировку), которые входят в некоторую тактовую группу, образуют так наз. *цепь маркировок* этой тактовой группы (ср. § 1.22). Ниже приводится правило (так наз. *базисное*), позволяющее установить акцентуацию произвольной раннедревнерусской тактовой группы (в частном случае — изолированной словоформы) по цепи ее маркировок.

Предварительная операция. Если в словоформе имеется морф с пометой Min, а у ближайшего слева морфа, имеющего маркировку, основная маркировка есть →, то это → заменяется на минус.

Далее следует основная часть правила.

1. Если цепь маркировок содержит только минусы — тактовая группа (или словоформа) является энклиноменом.

2. Если имеется хотя бы один плюс — тактовая группа (или словоформа) является ортотонической; ее ударение привязано к самому левому из имеющихся плюсов. Если этот плюс есть ↓, ударение падает на саму точку привязки⁶, если →, то на ближайшую к точке

⁶ Если морф безгласный, ударение падает на ближайшую к нему гласную слева.

привязки гласную справа. Если, однако, ударение привязано к →, а ближайшая маркировка справа содержит помету Re, то ударение остается в точке привязки.

3. Если в силу пункта 2 ударение попало на слабый редуцированный (см. § 2.2), оно сдвигается на слог влево⁷.

Примеры действия базисного правила (маркировки подписаны снизу, результат действия правила показан знаком $\bar{\quad}$ или $\overset{\bar{\quad}}$).

К пункту 1: $\bar{\text{с}}\text{лов-о}, \bar{\text{н}}\text{а слов-о}, \bar{\text{и}} \text{ не на слов-о},$

$\bar{\text{п}}\text{орох-ь}, \bar{\text{г}}\text{олов-у}, \bar{\text{л}}\text{их-ост-ьн-о}, \bar{\text{п}}\text{ри-вед-у},$

$\bar{\text{н}}\text{е про-да-л-ь}, \bar{\text{в}}\text{ь т-ь пор-ы}, \bar{\text{з}}\text{а дьв-а дьн-и}.$

К пункту 2 $\overset{\bar{\quad}}{\text{г}}\text{олов-а}, \overset{\bar{\quad}}{\text{п}}\text{орох-ов-ьн-иц-а}, \overset{\bar{\quad}}{\text{с}}\text{тол-а}, \overset{\bar{\quad}}{\text{г}}\text{олов-ьн-ик-у},$

$\overset{\bar{\quad}}{\text{м}}\text{олод-ы} \text{ -хь}, \overset{\bar{\quad}}{\text{н}}\text{а слов-о} \overset{\bar{\quad}}{\text{л}}\text{и}, \overset{\bar{\quad}}{\text{п}}\text{ри-вед-у} \overset{\bar{\quad}}{\text{ж}}\text{е}, \overset{\bar{\quad}}{\text{п}}\text{ро-да-л-ь} \overset{\bar{\quad}}{\text{с}}\text{я};$

$\overset{\bar{\quad}}{\text{м}}\text{ож-е} \text{ -ть}, \overset{\bar{\quad}}{\text{д}}\text{обр-ы} \text{ -хь}, \overset{\bar{\quad}}{\text{с}}\text{во-е-му}.$
→ -Re ↓ → ↓Re ↓ → ↓Min

К пункту 3 $\overset{\bar{\quad}}{\text{с}}\text{тол-ь}, \overset{\bar{\quad}}{\text{г}}\text{олов-ь}, \overset{\bar{\quad}}{\text{г}}\text{олов-ьн-иц-ьств-о};$

$\overset{\bar{\quad}}{\text{п}}\text{о-сьл-е} \text{ -ть}, \overset{\bar{\quad}}{\text{с}}\text{ьл-е} \text{ -ть}, \overset{\bar{\quad}}{\text{з}}\text{ьл-ы} \text{ -хь}.$
- → -Re ↓ → -Re ↓ → ↓Re ↓

Как можно видеть, в отличие от базисного правила для современного русского языка (§ 1.22), которое обслуживает только основы словоформ, базисное правило для раннедревнерусского является универсальным: оно обслуживает не только целые словоформы, но и целые тактовые группы.

§ 2.9. Неоднословные тактовые группы, в которые входят энклимены, обладают некоторыми особыми свойствами, которые можно

⁷ Если же это невозможно (в тактовой группе влево других слогов уже нет), то ударение сдвигается на слог вправо (такой слог обязательно имеется).

описать в терминах перемаркировок (предшествующих применению базисного правила). Правила здесь таковы.

1. Односложная словоформа с минусовой маркировкой, стоящая в конце тактовой группы после неодносложного энклиномена, меняет свою минусовую маркировку на ↓. Примеры: *слово сѣ, землю тѹ, варю вы* 'предваряю вас', *мирѣ съ* (из *мирѣ сѣ* по п. 3 базисного правила).

2. Если тактовая группа состоит из неодносложного энклиномена, оканчивающегося не на ѣ, ь, и энклитики (или перемаркированного по п. 1 односложного энклиномена), то такой неодносложный энклиномен факультативно меняет свою минусовую маркировку (последнюю, если она не одна) на ↓. Примеры: *стыжѹ ся, варю вы, землю ту, оба та* — наряду с *стыжю ся, варю вы, землю тѹ, оба тѹ*.

Примечание. Данный факультативный вариант рано стал господствующим в сочетаниях *л*-причастий с *ся* (например, *дало ся, родило ся, опустили ся*) и в *никѣто же, ничѣто же*.

3. Такой же перемаркировке, как в п. 2, факультативно подвергается первый член тактовой группы из двух неодносложных энклиноменов (перед первым из которых может также стоять предлог). Примеры: *живѹ воду, въ вѣки вѣкомѣ* (ср. § 3.46), *оба полы* — наряду с *живу воду, въ вѣки вѣкомѣ, оба полы*.

Примечание. Данный факультативный вариант рано стал господствующим в названии Новгорода: *новѣ городѣ* (из *новѣ городѣ* по п. 3 базисного правила), *новѣ города, новѹ городу, новѣ городѣ*. Но не исключено также, что здесь представлен след древнейшей акцентуации прилагательного *новѣ* (в праславянском, в отличие от древнерусского, корень этого слова имел маркировку →).

Возможно, распределение акцентных вариантов, указанных в п. 2 и 3, определялось какими-то синтагматическими условиями (пока еще не выясненными).

Акцентные парадигмы

§ 2.10. С акцентологической точки зрения основы словоформ изменяемых слов делятся на следующие три класса:

1) цепь маркировок, входящих в основу морфов, состоит из одних минусов⁸;

2) эта цепь заканчивается маркировкой →, а левее этой маркировки имеются только минусы (или вообще ничего нет);

3) эта цепь имеет любой иной вид.

⁸ Наличие или отсутствие помет Re и Min для рассматриваемого в настоящем параграфе разделения на классы роли не играет.

Имя, у которого основы всех словоформ относятся к 3-му из перечисленных классов, называется словом а к ц е н т н о й п а р а д и г м ы (сокращенно: а. п.) *a*, ко 2-му — словом акцентной парадигмы *b*, к 1-му — словом акцентной парадигмы *c*.

Примечание. У прилагательных разные степени сравнения рассматриваются как разные слова.

По этому же правилу определяется акцентная парадигма глагола, но здесь учитываются не все словоформы, а только словоформы презенса.

У раннедревнерусского слова в рамках указанных совокупностей словоформ в нормальном случае представлены основы одного и того же класса (как правило, основы здесь просто одинаковы или различаются только чередованием согласных). Возможна, однако, акцентная вариантность (слово допускает сразу две или даже три разных акцентных парадигмы); особый случай составляет глагол *хотѣти* (см. § 2.17). Таким образом, если отвлечься от случаев вариантности, каждое изменяемое слово относится к одной из трех акцентных парадигм.

У глаголов иногда бывает целесообразно рассматривать акцентные парадигмы отдельных частей морфологической парадигмы (чаще всего — системы презенса и системы инфинитива).

Из базисного правила непосредственно вытекают следующие свойства слов разных акцентных парадигм (для глаголов имеется в виду презенс).

Слова а. п. *a* имеют только оротонические словоформы с неподвижным ударением на определенном слоге основы (если не считать возможных сдвигов ударения влево со слабого редуцированного).

У слов а. п. *b*, если отвлечься от немногочисленных словоформ, где окончание несет помету Min, положение таково. Они имеют оротонические словоформы с ударением на первом слоге окончания или (в случае, когда первый послеосновной слог содержит слабый редуцированный или когда первый послеосновной морф несет помету Re) на последнем слоге основы. Таким образом, здесь представлено с м е ж н о - п о д в и ж н о е ударение, т. е. распределенное между смежными слогами (первым слогом окончания и последним слогом основы); ср. § 1.10. Теоретически возможно также, но практически почти не встречается неподвижное ударение на первом слоге окончания.

Описанная картина нарушается, правда, в тех словоформах, где окончание имеет помету Min. В этих словоформах слова а. п. *b* ведут себя как слова а. п. *c* (см. ниже)⁹; отсюда возможность появления, во-первых, энклиноменов (так обстоит дело в звательной форме), во-вторых, словоформ с ударением на втором слоге окончания.

⁹ Дело в том, что помета Min отражает именно проникновение в а. п. *b* акцентов, возникших по аналогии с а. п. *c*.

Слова а. п. с имеют словоформы двух типов: 1) если окончание имеет минусовую маркировку — энклиномены; 2) если окончание имеет плюсовую маркировку — ортотонические словоформы с ударением на окончании. Таким образом ударение здесь маргинально-подвижное (ср. § 1.10), т. е. противопоставлены автоматическое начальное ударение энклиноменов и автономное флексивное ударение. Маргинально-подвижное ударение может быть двух подтипов: 1) строгое — если во всех случаях флексивного ударения оно падает на конечный слог словоформы; 2) нестрогое — если имеется хотя бы один случай неконечного автономного ударения (на первом слоге двусложного окончания или [в силу сдвига ударения с окончания] на последнем слоге основы).

Для глаголов нормальными являются следующие акцентные соотношения между системой презенса и системой инфинитива.

	Система презенса	Система инфинитива	
		у <i>С</i> -корневых глаголов	у прочих глаголов
а. п. <i>a</i>	а. п. <i>a</i>	а. п. <i>a</i>	а. п. <i>a</i>
а. п. <i>b</i>	а. п. <i>b</i>	а. п. <i>b</i>	а. п. <i>a</i>
а. п. <i>c</i>	а. п. <i>c</i>	а. п. <i>b</i>	а. п. <i>c</i>

Любые другие соотношения представляют собой исключения; важнейшее из них — а. п. *a* в системе инфинитива при а. п. *c* в системе презенса у группы корневых глаголов (см. § 2.17).

Акцентная парадигма *a* называется также баритонированной, *b* — окситонированной, *c* — подвижной.

Акцентные кривые

§ 2.11. Запись, показывающая, к какой из трех акцентных категорий (ортотоническая словоформа с ударением на основе, ортотоническая словоформа с ударением на окончании, энклиномен) относится каждая словоформа некоторого изменяемого слова, образует так наз. акцентную кривую (или схему ударения) данного слова. Такая форма данного определения необходима для праславянского и раннедревнерусского. Для систем более поздней эпохи, когда энклиномены перестали отличаться от начальнударных ортотонических словоформ, тройное противопоставление превращается в двойное (ударение на основе — ударение на окончании); ср. § 1.8 о схемах ударения в современном языке.

В праславянском и раннем древнерусском между акцентными кривыми и акцентными парадигмами существовало следующее простое соотношение: в каждом морфологическом классе слов каждая акцентная парадигма представлена не более чем одной акцентной кривой (т. е. ровно одной, кроме случаев, когда данная акцентная парадигма в данном классе вообще отсутствует).

В более позднее время это простое соотношение оказалось нарушенным: появились случаи «расщепления» одной акцентной парадигмы на две или более акцентных кривых в одном и том же морфологическом классе. Впрочем, первые признаки такого развития проявляются довольно рано: они отмечаются уже в памятниках XIV в. (ср. § 2.18 о словах «группы *воля*») и, возможно, их истоки относятся к раннедревнерусской эпохе.

Конкретный вид акцентных кривых в раннедревнерусском непосредственно определяется маркировками окончаний, см. § 2.18—21.

Зависимость между акцентуацией производящих и производных слов

§ 2.12. Из базисного правила вытекают также простые соотношения между акцентуацией производящих и производных слов. При суффиксальном словообразовании эти соотношения таковы.

Любые производные от слов а. п. *a* относятся тоже к а. п. *a* и сохраняют место ударения исходного слова. Например, от слов а. п. *a* *правѣ*, *слабѣ* получаются производные *правити*, *правление*, *правитель*, *правѣда*, *правѣдивыи*, *слабити*, *слабѣти*, *слабѣшии*; также с приставками (не влияющими здесь на акцентуацию) — *направление*, *направляти*, *исправительныи*, *оправѣдати*, *оправѣдательныи*, *ослабление*, *ослабляти*.

Производные от слов а. п. *b* в нормальном случае имеют ударение на первой гласной, не входящей в производящую основу; но если это слабый редуцированный, то ударение падает на слог левее. Например, от слов а. п. *b* *служá*, *чърнѣ* получаются *служити*, *служѣба*, *служѣбьныи*, *служѣка*, *чърнити*, *чърнило*, *чърнѣць* (но *чърнѣца*), *чърнѣчество*. Особый случай составляют немногочисленные суффиксы с пометами Re и Min: здесь ударение отклоняется (сообразно действию пометы) от указанного положения.

Акцентуация производных от слов а. п. *c* зависит от маркировки суффикса. Если суффикс минусовый, производное тоже относится к а. п. *c*, как, например, *мужьскѣ* от *мужь*, *чьстьнѣ* от *чьсть*, *лѣнность* от *лѣнѣ*, *пустота* (В. ед. *пустоту*) от *пустѣ*. Если суффикс плюсовый, ударение привязано к этому суффиксу (а его конкретное место определяется маркировкой ↓ или →), например: *свѣтълица*, *лѣннѣвѣ*, *рогáтъ* (при суффиксе с ↓); *мужьство*, *мужикѣ*, *-á*, *крѣпостьца* (при суффиксе с →).

Что касается словосложения и приставочного словообразования, то здесь возможны особые соотношения между акцентуацией производящих и производных слов, не вытекающие из базисного правила (см. § 2.26—29).

СВЕДЕНИЯ О МАРКИРОВКАХ КОНКРЕТНЫХ МОРФЕМ

КОРНИ

§ 2.13. Между акцентными парадигмами непроизводных слов и маркировкой их корней имеется следующее простое соотношение: при а. п. *a* ↓, при а. п. *b* →, при а. п. *c* —¹⁰ (отклоняется только особая группа слов, рассматриваемая в § 2.15). Соответственно, маркировку корней (кроме «остаточных») можно задать, указав а. п. соответствующих непроизводных слов. Практически это даже удобнее, поскольку при таком способе задания гораздо проще решается проблема различения омонимичных корней и не возникает трудностей, связанных с особыми случаями, когда корень имеет непостоянную маркировку (см. § 2.7 о *бѣгати* — *бѣжити* и т. п.).

Ниже приводятся списки (неполные) раннедревнерусских непроизводных слов каждой из трех акцентных парадигм. Предлагаемая реконструкция раннедревнерусской акцентуации конкретных слов основана в первую очередь на акцентуации этих слов в обследованных нами памятниках XIV—XVII вв. (см. гл. 3). Прочие источники сведений: акцентуация соответствующих производных в памятниках XIV—XVII вв.; показания памятников и современных говоров относительно наличия /э/ или /ô/ в рассматриваемых словах и их производных (см. § 3.3—5); акцентные показания современных восточнославянских языков; акцентные показания южнославянских и западнославянских языков.

Разумеется, при реконструкции использованы результаты, полученные в имеющейся акцентологической литературе; но все они дополнительно проверялись на обследованном нами материале. Объем настоящей работы не позволяет нам разбирать существующие между разными авторами расхождения (к сожалению, весьма многочисленные) относительно первоначальной акцентуации отдельных слов, а также фиксировать и обсуждать все частные отличия настоящей реконструкции от предложенных ранее.

Как уже отмечено в § 2.1, реконструируемые раннедревнерусские акцентные характеристики не всегда совпадают с праславянскими. Следует учитывать, что в существующих работах, как правило, дается праславянская реконструкция, т. е. часть их расхождений с настоящей работой объясняется именно этим.

Специально подчеркнем, что приводимые ниже списки имеют для настоящей работы лишь вспомогательное значение; их разработка и обоснование не входит в число непосредственных исследовательских целей работы. Эти списки необходимы для того, чтобы в после-

¹⁰ У слов а. п. *c* с безгласной основой (например, *т-ъ*) основа просто остается без маркировки, ср. § 2.7, замеч. 3.

дующих разделах можно было опереться на некоторый относительно надежный (но в то же время не слишком узкий) фонд реконструкций. Разумеется, в этих условиях списки не могут быть полными.

В соответствии с этой установкой в списки включались в первую очередь слова, встретившиеся в обследованных памятниках (и притом обнаружившие свои акцентные свойства достаточно ясно). Слова, не встретившиеся в этих памятниках (или засвидетельствованные лишь в недостаточно показательных формах), отмечены в списках звездочкой; из слов этой категории в списки включены лишь немногие. Вопросительный знак указывает на меньшую, чем в среднем, надежность акцентной реконструкции (при том, что отсутствие этого знака, разумеется, еще не означает полной надежности); однако большинство слов, заслуживающих вопросительного знака, в списки просто не включалось.

В списки входят, наряду с исконными словами, также некоторые церковнославянизмы (поскольку в раннедревнерусскую эпоху они, несомненно, уже употреблялись). Существенно, что они далеко не всегда акцентуются одинаково с их русскими эквивалентами (ср., например, *врагъ* и *ворогъ*, *брада* и *борода*).

Оказалось практически целесообразным включить в приводимые ниже списки вместе с неизменяемыми также слова переходного типа (находящиеся на той или иной ступени опрощения) и даже некоторое число явно производных слов (в частности, существительных с суффиксом *-j-, глаголов с суффиксом -ну- и др.), для которых иной способ задания акцентной информации почему-либо затруднен¹¹. Так, в списки включены слова с «остаточным» корнем (при вычленимом суффиксе), типа *сърдьце*, *овьца*; при этом для части таких слов (например, для прилагательных с -ъж-) акцентологическая информация дана в виде непосредственного указания маркировки корня. В списках глаголов (в особенности i-глаголов), помимо неизменяемых, содержатся также некоторые категории исторически или даже синхронически отыменных, в частности, двусмысленные в словообразовательном отношении (например, *судити*, *служити*), семантически обособившиеся (например, *простити*, *пустити*), с «остаточным» корнем (например, *высити*), а также некоторые глаголы, ударение которых не соответствует ударению исходного имени (например, *кръстити*, *поститися*).

В рамках морфологического класса первыми обычно перечисляются слова с односложной (или двусложной в силу полногласия) основой; далее идут слова иной структуры.

Неполная акцентная устойчивость слова отражается следующими пометами:

1) «следы *a* (*b*, *c*)» — наряду с основной для данного слова *a*. п. оно иногда может акцентуироваться по указанной здесь иной *a*. п.,

¹¹ Таким образом, одно и то же слово может оказаться упомянутым и в данном разделе и в разделе о суффиксах.

причем эта второстепенная а. п. является для данного слова исторически более старой;

2) «нов. *a (b, c)*» и «откл(онение) к *a (b, c)*» — то же, но указанная второстепенная а. п. является для данного слова исторически более новой; при этом помета «нов.» указывает на постепенный достаточно широкий (или даже всеобщий) переход к новой а. п., помета «откл.» — на спорадические, относительно неустойчивые отклонения;

3) «изредка *a (b, c)*» — то же, что при пометах «следы» и «откл.», но без указания об относительной древности конкурирующих а. п.;

4) «//*a (//b, //c)*» — слово может акцентуироваться по двум разным а. п., причем неясно, какую следует считать основной; указаний об относительной древности конкурирующих а. п. данная помета не дает; слово с такой пометой заносится в списки как одной, так и другой а. п.

Перечисленные пометы ставятся на основании акцентного поведения соответствующего слова в обследованных памятниках; при этом, однако, не учитываются те отклонения, которые можно объяснить поздними явлениями, происходившими в части говоров (обычно не учитываются также единичные отклонения, поскольку они могут быть случайными). Но, конечно, даже и при этих предосторожностях нельзя исключать того, что акцентное колебание в действительности возникло не в раннедревнерусскую эпоху, а позже; такая возможность наиболее реальна для случаев, отражаемых пометами «откл.», «нов.» и «изредка». Тем самым эти три пометы фактически дают информацию о колебаниях в XIV—XVII вв. (но все же не всех, а таких, которые могут иметь и более раннее происхождение). Помета «следы», напротив, указывает на акцентовку, которая, по нашей оценке, в раннедревнерусском определенно существовала и при этом, возможно, даже была основной.

Акцентная парадигма *a*

§ 2.14. Существительные. *o-* и *u-masculina*¹²: *адъ, братъ, волѡхъ, вѣтръ, гадъ* (нов. *c*), *горѡхъ, градъ* 'grando' (откл. к *b*), *дымъ, дѣдъ, жидъ* (нов. *c*), *жукъ, јилъ**, *клинъ**, *краи* (откл. к *b*), *куръ* 'петух', *кустъ, лукъ* (растение), *макъ, морѡзъ, плачь, плугъ, порѡгъ, порѡмъ**, *пупъ, ракъ, сватъ, скитъ* (откл. к *b*), *стрыи, сыръ, узлъ, хлѣбъ, холѡпъ, хорѡмъ* (следы *b*), *югъ*; также церковнославянизмы *мразъ* (откл. к *c*), *нравъ* (следы *c*), *членъ* (следы *c*); сюда же ряд других специфически книжных слов — *кедръ* (откл. к *b*), *китъ* (откл. к *b*), *тигръ, удъ* (нов. *c*). Из слов более позднего происхождения отметим *стулъ, фунтъ*. Слов с многосложной основой очень много (особенно заимствованных); ограничимся характерными примерами: *апрѣль, боранъ, бубѣнь, вельб(л)удъ, вѣнѣкъ, вѣртѣпъ* (Р. ед. *вѣртѣпа*), *глаголъ* (изредка *b*), *жѣньчюгъ, июнь, кабанъ, ка-*

¹² К *u-masculina* в этом списке, по-видимому, относится только *јилъ*.

нонѣ, ковьчѣгѣ, кумирѣ, кѣрчѣгѣ, мѣнихѣ, орѣхѣ, скоморохѣ, товарѣ, философѣ, чвѣнѣ, чѣртогѣ, языкѣ; ангелѣ, бисѣрѣ, жѣопелѣ, зѣяцѣ, јинѣјѣ*, кашель, колѣдязь, мастерѣ, мѣсяцѣ, пѣрусь, пѣнязь, сѣверѣ, тиунѣ, якорѣ, ястрябѣ; апѣстолѣ, дѣяволѣ, дѣяконѣ. Сюда же опростившиеся конѣць (Р. ед. кѣнѣца), отѣць (Р. ед. ѣтѣца); ср. также § 2.16, примеч. 1.

i-masculina: зятѣ, углѣ; господѣ (||с), гѣртѣнѣ, медвѣдѣ. Консонантные masculina: камѣ (камень), олѣнѣ, печѣтѣ, степѣнѣ.

o-neutra: берѣсто*, блюдо, болѣто, ведро 'serenum', вѣко, гѣрло (изредка *b*), дѣло, жито, зѣрно, лѣто, лыко*, масло, миро, мѣсто, право, рало, сало, сито*, стадо, утро, чадо; желѣзо, колѣно, копѣито, корѣито, полѣно*, сѣлнѣце (следы *b*); зѣркало, яблѣко. Прочие neutra: чудо (нов. с); берѣмя* (и брѣмя), рѣмя (рѣмо); ягнѣя.

a-основы: баба, банѣя, берѣза, бурѣя, вира, волога (и влага), ворѣна, вѣлна 'шерсть' (откл. к *b*), вѣра, глина, грива, груша, грыжа, губа ('labium', 'spongia', 'sinus maris'), дорѣга, дума (откл. к *b*), дыня, дѣва, жаба, жила, јива, јискра, капля (откл. к *b*), каша, колѣда, корѣва, корѣста, кыла, ласка, липа, лихва (откл. к *b*), мука 'supplicium', мѣлва (откл. к *b*), мѣра, мята, нива, нужа, папа (римский), пара ('пар', 'пара'), пасха, пища (ц.-сл.), пуля, пѣна, рака (откл. к *b*), рана, риза, руга, рыба, рѣна, ряса, сажѣ, сила, слава, слива, слина, солѣма*, сорѣка, спина, струна, ступа, сѣра (откл. к *b*), сѣча, тина, туча (откл. к *b*), уда*, уза, харѣя, хула (откл. к *b*), хыжа*, чаша, шија, цюка, язѣа, яма. Для многосложных ограничимся лишь некоторыми примерами: бесѣда, бумѣга, вѣчѣря, икѣна, комѣра, котѣра, кѣнига, могѣла, невѣста, полѣта, субѣта, телѣга; тѣсяча, ягода. Особо отметим слова с ударным редуцированным во втором слоге: обѣжа > ѣбѣжа (но Р. мн. ѣбѣжѣ), олѣха > ѣлѣха (но Р. мн. ѣлѣхѣ).

В особую группу («группа чаща») целесообразно выделить те слова с *-j- (при этимологически долгом корне), которые в других славянских языках обнаруживают рефлексы новоаккутовой интонации (см. § 2.31—32): горѣжа, гуща*, жаж(ѣ)а (изредка *b*), круча*, купля, кѣрмля, сторѣжа, суша, тѣлица (изредка *b*), тѣжа, чаща (изредка *b*); сюда же примыкает клятѣа (изредка *b*), с -тѣ-, а не *-j-. В восточнославянском эти слова относятся к а. п. а при некоторых колебаниях в сторону а. п. *b*. Не исключено, что эти колебания представляют собой следы древнейшей акцентуации данной группы слов; но более вероятно, что они носят здесь такой же характер, как у ряда слов исконной а. п. а (ср. выше), т. е. являются вторичными. Относительно соответствующей группы слов с этимологически кратким корнем («группа воля») см. § 2.16.

i-feminina: вѣтѣвѣ, долѣнѣ* (и длѣнѣ), жизнь, казнѣ, кистѣ, мѣдѣ, мыслѣ, мышѣ, нитѣ, пѣснѣ, рѣтѣ, скѣрбѣ (||с), стѣнѣ (также муж.; следы *b*), сѣнѣ, сѣтѣ, тѣварѣ; кровѣтѣ, лоханѣ, псалѣтирѣ, рѣтѣтѣ,

скатьрть, скрижалъ, pluralia tantum гусли, пьрси, ясли. Консонантные feminina: мѣти (Р. ед. мѣтере); бѣкы (Р. ед. бѣкѣве), аналогично жьрны, пѣгы*, тѣкы, ѹты 'утка', хоругы, цѣркы.

Прилагательные: быстрѣ (откл. к *b*), длѣгѣ, јистѣ, малѣ, милѣ, нищѣ, правѣ, приснѣ (откл. к *c*), пѣлнѣ, пьрвѣ, пѣшѣ, радѣ, русѣ (?), синѣ, слабѣ, старѣ, суи (откл. к *c*), сырѣ (нов. *c*), сытѣ, сѣрѣ (?), тихѣ, хоробрѣ (и храбрѣ), хытрѣ (нов. *b*), чистѣ; мѣногѣ, сверѣпѣ, сѣдорѣвѣ (и сѣдрѣвѣ), готѣвѣ. Сюда же: вѣторѣжѣ, четвѣртѣжѣ; четвѣро.

Маркировку ↓ имеет также корень *глад-* (в *гладѣжѣ*). По-видимому, такую же первоначальную маркировку имели корни *выс-*, *шир-* (см. § 2.25) и *мьрз-*. Для *близ-* и *низ-* вероятно колебание между ↓ и →.

Местоимение: *јинѣ*. Числительное: *четѣре*.

Глаголы (здесь и в § 2.15—17 приводятся в форме 1 ед. презенса, кроме *i-* и *ѣ-*глаголов, для которых дается основа 3 ед. презенса). *С-*корневые: *вьргу* (*верѣчи*), *краду*, *лѣзу*, *сѣ-рячи* (*сѣ-рѣсти*; также церковнославянизмы *сѣ-рячию*, *об-рячию*), *сяду* (*сѣсти*). У *лягу* (*лечи*) система инфинитива относится к а. п. с.

*V-*корневые: *брию*, *выю*, *грѣю*, *дую*, *знаю*, *крыю*, *мыю*, *ныю*, *рыю*, *спѣю*, *об-ую*, *по-чию*, *чию*, *шию*; также *буду* (*быти*), *стану* (*стати*).

*a-*глаголы: 1) с йотовым презенсом — *брызжю**, *движю*, *дышию* (*дыхати*) (?), *зыблю*, *каплю**, *кличю*, *мажю*, *плачю*, *прыщю**, *прячю*, *пышию*, *рѣжю*, *сыплю*, *тычю**, *по-яшию* (также церковнославянизм *альчию*); *баю**, *блюю* (*блѣвати*), *вѣю*, *дѣю* (следы *c*), *каю*, *лаю*, *лѣлю**, *плюю* (*плѣвати*), *рѣю*, *сую* (*совати*), *сѣю*, *таю* 'liquesco', *чаю* (следы *c*); 2) с безйотовым презенсом — *ѣду* (*ѣхати*).

*пѣ-*глаголы: *дуну*, *зину**, *плину* (позднее *плюну*), *рину*, *суну*; *-бѣгну*, *висну*, *выкну*, *вяну*, *гасну*, *гы(б)ну*, *дви(г)ну*, *ка(п)ну**, *кликну*, *кысну*, *мьрзну*, *мьркну*, *мякну**, *никну*, *-прану*, *по-сагну*, *-стигну*, *стыну*, *тихну*, *-тѣргну*.

*ѣ-*глаголы: *вид-*, *вис-*, *движ-*, *мьрз-* (?), *слыш-*.

*i-*глаголы: *-бав-*, *вад-*, *выс-*, *вѣр-*, *вѣс-*, *глад-*, *граб-*, *у-дар-*, *жал-* 'lamento', *квас-*, *лаз-*, *мѣлв-*, *мѣт-*, *-низ-*, *нуд-*, *пар-* 'лететь', *плав-*, *плющ-*, *прав-*, *пѣрт-*, *ран-* 'ferio', *сѣ-рѣт-*, *слаб-*, *став-*, *по-сѣт-* (нов. *c*), *тѣш-*, *хыт-* (откл. к *b*), *цѣст-*, *шир-*, *ѣзд-*.

*ова-*глаголы: *жалую*, *пѣстую*, *сѣтую*.

*aj-*глаголы: *кѣтаю*, *кѣдаю*, *прыгаю**, *прядая**, *хѣстаю*; отметим также производные, отличающиеся от исходных слов маркировкой корня (§ 2.7): *бѣгаю*, *ворочаю*, *вѣдаю*, *глядаяю*, *клѣняю(ся)*, *кѣшаю**, *плѣваю*, *пѣлзаю*, *чѣрпаю*. (Все *ѣj-*глаголы а. п. а с корневым ударением — отыменные.)

Отметим еще некоторые неизменяемые слова с маркировкой ↓: *да* (утвердительный ответ), *ли* 'или' (союз, не частица), *у* 'уже', *ещѣ*.

§ 2.15. Особо стоят непроеизводные слова с постоянным ударением на основообразующем элементе в тех морфологических классах,

где последний не сливается с окончанием, а входит в состав основы. Такие слова принадлежат к акцентной парадигме *a*, но корень здесь имеет маркировку → или — (а не ↓). Ударение таких слов определяется теми же правилами, что для производных: основообразующий элемент ведет себя с акцентологической точки зрения как обычный суффикс; например, у *копѣти*, *копѣю* основа состоит из *коп-* → и *-a(j)-↓*, отсюда постоянное ударение на *-a(j)-*.

Укажем важнейшие слова этой категории. Глаголы: *витаю*, *желлю*, *копѣю*, *питаю*, *у-нѣваю*, *рыдаю*, *сыю*, *шатаю**; *-ботѣю*, *говѣю*, *о-долѣю*, *желѣю*, *зырѣю*, *ймѣю*, *питѣю*, *сѣмѣю* (членение этого слова на морфемы спорно), *тѣлю*, *умѣю* (ср. *роз-умѣю*). Существительные: *желы* (Р. ед. *жельве*; также *жѣлы*, *жѣлѣве*) 'черепаша', *зѣлы* (*зѣлѣве*) 'золовка', *Москы* (*Москѣве*), *мъркы* (*мъркѣве*), *смокы* (*смокѣве*); *племѣ* (*племѣне*). Сюда же можно отнести *мѣлны*, Р. ед. *мѣлныѣ* (позднее И. ед. получает *-ѣји* вместо *-и* и аналогическое ударение: *мѣлныѣји* или *мѣлныѣји*). Во всех этих случаях мы можем приписать корню маркировку → (ср. производные слова с заведомой маркировкой → у корня: *любы*, *любѣве*; *судѣ* [позднее *судѣји* или *судѣји*], Р. ед. *судѣѣ*).

Акцентная парадигма *b*

§ 2.16. Существительные. *o-* и *u-*masculina: *бобрѣ*, *бобѣ*, *бои* (откл. к *c*), *бѣриць*, *быкъ*, *вепрь*, *вожь*, *вои* 'воин', *волѣ*, *врачь*, *вѣлхвѣ*, *вѣпль*, *вѣрхѣ*, *грѣхѣ*, *дворѣ*, *дѣжжѣ* (*дѣждѣ*), *жезлѣ* (/ / *c*), *задѣ* (?), *змѣѣ*, *клопѣ*, *ключѣ*, *колѣ*, *конѣ*, *король*, *котѣ**, *кошь*, *кремль*, *кровѣ* (откл. к *c*), *крѣстѣ* (откл. к *c*), *кутѣ**, *ларѣ*, *лѣбѣ* (?), *лѣвѣ*, *мѣхѣ**, *мѣчѣ* (*мечѣ*), *ножь*, *одрѣ*; *панѣ* (?), *Петрѣ*, *плащѣ**, *плодѣ* (откл. к *c*), *плѣтѣ* 'ratis', *полонѣ* (следы *c*), *попѣ*, *постѣ*, *прудѣ*, *прыщѣ*, *пѣлкѣ* (изредка *a*), *пѣрѣтѣ* (откл. к *a*), *пѣсѣ*, *пѣстѣ**, *раи* (следы *a*), *Римѣ* (нов. *a*, откл. к *c*), *рои*, *рубль*, *рѣтѣ*, *сварѣ*, *скотѣ*, *снопѣ*, *сомѣ**, *стихѣ*, *столѣ*, *студѣ* (*стыдѣ*; следы *c*), *стѣлпѣ* (*стѣлбѣ*), *судѣ* 'iudicium', *сѣнѣ*, *сѣрпѣ*, *трудѣ*, *тѣргѣ*, *умѣ*, *усѣ**, *хвостѣ*, *хлѣвѣ*, *часѣ* (следы *a*), *шипѣ**, *шьстѣ*, *щитѣ*; также церковнославянизмы *вождѣ*, *врагѣ*, *рабѣ*, *стражѣ*. Выборочно из многосложных: *баг(ѣ)рѣ** (краска), *батогѣ*, *воробѣѣ*, *Дѣнѣпрѣ*, *дѣякѣ*, *животѣ*, *кысель*, *козьлѣ*, *комарѣ*, *корабль*, *котѣлѣ*, *овощѣ* (следы *a* [овощѣ]), *овѣнѣ*, *овѣсѣ*, *олѣтарь*, *Ольгѣ*, *орѣлѣ*, *осетрѣ*, *остѣнѣ*, *осѣлѣ*, *оцѣтѣ*, *пирогѣ*, *псалѣмѣ*, *пѣльрѣ* 'перец', *пѣсѣкѣ*, *рожѣнѣ*, *сапогѣ*, *соболѣ* (? : *b* или *a*), *соколѣ*, *топорѣ*, *фонарь*, *хомутѣ*, *хрѣбѣтѣ*, *цѣсарѣ* (позднее *царѣ*), *шѣтѣрѣ*; также *генуарѣ*, *феврарѣ* (*-лѣ*), *сентябрѣ* (*сеп-*), *октябрѣ*, *ноябрѣ*, *декабрѣ* (и ряд более поздних заимствований).

Примечание 1. Для части многосложных с редуцированным в последнем слоге основы (например, *козьлѣ*, *котѣлѣ*, *Ольгѣ*, *орѣлѣ*, *осѣлѣ*) не удается надежно отличить старое флексивное ударение (т. е. а. п. *b*) от старого предфлексивного ударения типа *козьлѣ*- (т. е. а. п. *a*), поскольку в дальнейшем эти два типа акцентовки часто давали одинаковый результат (ср. § 3.8).

i-masculina: *огнь, моль* (?), *путь*.

Neutra: *весло, вино, вѣдро, гнѣздо, долото**, *дѣно, жерело**, *звено**, *крыло, лице, ложе* (откл. к *a*), *лоно* (нов. *a*), *молоко, мыто, нутро, пекло, перо, плече, плоче, пругло, ребро, руно, рухло, село, сило, стегно, стѣкло, тѣло, чело, чересло**, *число, ядро*; также церковнославянизмы *млеко, чресло*; *plurale tantum уста*; *бървьно* (*брвьено*), *веретено, волок(ъ)но**, *говьно, гумьно, копье, окѣно**, *письмо, полотьно* (и *платьно*), *пъшено, решето**, *седьло, сук(ъ)но, сърдьце* (изредка *c*), *сърebro* (*серебро*), *тенето**, *толок(ъ)но, яѣце*. Отметим, кроме того, рано субстантивировавшиеся *добро, зѣло, тепло*.

a-основы: *борозда**, *брѣня* (откл. к *c*), *бѣда, вина* (следы *c*), *глиста, дуга, жена, змья* (*змѣя*), *ѣгра, Илья, краса**, *крупна, лука, Лука* (имя), *луна, луча* 'луч', *лѣжа, мука* 'farina', *мъзда, Ока, оса**, *роба, руда, рѣжа**, *рѣка, свѣча, сестра, слуга, сова**, *сосна* (откл. к *a*), *стопа, страда, сѣрна* (откл. к *a*), *травна, труба, туга, тѣма, узда, уха, Фома, хвала, череда**, *чѣрта* (откл. к *a*); также церковнославянизмы *брада* (следы *c*), *бразда, глава* (следы *c*), *раба, стража* (изредка *a*), *страна* (следы *c*), *стѣзя, чреда*; *вѣдова, господа, госпожа, литѣва, мошьна, мѣрдѣва, овѣца* (/|*c*), *пелена* (изредка *c*), *сатана* (*сотона*), *свинья* (откл. к *c*). Из слов более позднего происхождения отметим *казна, орда, сума, тюрма*.

Примечание 2. У части твердых *a-основ* разграничение а. п. *b* и *c* оказывается для восточнославянской области весьма ненадежным (показания памятников малочисленны и отчасти противоречивы). Помимо случаев, выделенных выше соответствующими пометами, можно указать ряд слов, для которых надежно устанавливается лишь их непринадлежность к а. п. *a* (*a* от выбора между а. п. *b* и *c* осторожнее воздержаться), в частности: *бѣжа, борона, бѣчела, коромола* (и *кромола*), *кѣжа, куна, кѣрма, межа, мѣна, пила, рѣза, рота, снѣжа, щена*.

Особо стоит «группа *воля*» — слова с **-j-* (при этимологически кратком корне), обнаруживающие в других славянских языках рефлексy новоакутовой интонации; сюда относятся прежде всего: *воля, воня, доля, кожа, ловля, ноша, роца, тоня, тѣца*; по-видимому, также *ноздря* (не смешивать со словом а. п. *c* *ноздрь*). Для двух слов из этой группы — *воля* и *воня* — в XIV в. засвидетельствована особая акцентная кривая смежно-подвижного класса (т. е. того, которым характеризуется а. п. *b*), см. § 2.18. Возможно, что эта акцентная кривая была представлена и у других слов данной группы. В более поздних памятниках слова «группы *воля*» обычно выступают с корневым ударением, но встречаются также отдельные примеры флексийного ударения (чаще прочих — у слова *воня*). В словообразовании слова этой группы обычно обнаруживают маркировку → (ср., например, *волѣнь, кожѣхъ*; рус. *кожаный, рѣщица* и т. п. отражают акцентные отношения более поздней эпохи).

Возможно, что к «группе *воля*» примыкали также слова *кора, скора*, колеблющиеся в памятниках между а. п. *b* и *a* (ср. рефлексy нового акута в серб. *кѣра*, чеш. *kůra*, словц. *kôra*, пол. *skóra*). Точно

такая же акцентовка (*b//a*) представлена в части памятников у слова *гора* (в большинстве памятников акцентуированного по а. п. с); пол. *góra*, чеш. диал. *hůra* (при литер. *hora*). По-видимому, в этих словах по какой-то причине конечное *r* основы могло давать тот же акцентный эффект, что и сочетание с *j*; в этой связи интересно отметить словен. *skórja* 'кора' (= *skóra*) и лит. *girià*, где действительно обнаруживается *rj*, а не *r*. По своему акцентному поведению со словами *кора*, *скора*, *гора* отчасти сходно также слово *сосна*.

i-feminina: *двѣрь*, *всь* (*//c*); счетные существительные *семь* (*седмь*), *осмь*. Еще у нескольких слов (например, *сѣмьртъ*) сохранились лишь некоторые следы а. п. *b* (при обычной а. п. *a* или *c*).

Прилагательные: *бѣдрѣ*, *бѣлѣ*, *глупѣ* (откл. к *c*), *голѣ*, *доблѣ*, *добрѣ*, *дряхлѣ*, *жылтѣ*, *зълѣ*, *круглѣ*, *лютѣ* (нов. *c*), *мокрѣ*, *мудрѣ*, *мъртвѣ*, *наглѣ*, *острѣ*, *плоскѣ*, *порожжѣ*, *прочѣ* (обычно *прочьѣ*), *пѣстрѣ*, *рѣзвѣ*, *скупѣ* (откл. к *c*), *теплѣ*, *тѣщѣ*, *тяглѣ*, *хорошѣ*, *хромѣ* (откл. к *c*), *чѣрнѣ*, *щедрѣ* (нов. *a*); *тяжелѣ*, *зеленѣ* (откл. к *c*), *объщѣ* (но здесь не исключено также исходное **объщѣ*, *-a*, *-e*, ср. выше примеч. 1), *утьлѣ*. Сюда же: *сѣ(д)мѣѣ*, *осмѣѣ*; такое же ударение получили членные формы *пѣтѣѣ*, *дѣвѣтѣѣ*, *дѣсѣтѣѣ* (хотя корни здесь минусовые); относительно *трѣтѣѣ*, *-à*, *-é* см. § 2.24.

Укажем также некоторые связанные корни с маркировкой →, выступающие в составе суффиксальных прилагательных. С *-ѣк-*: *льг-*, *уз-*, *корот-*. С *-ѣл-*: *мѣд-* (в *мѣдѣлѣ* 'медленный'). С *-ѣн-*: *дав-*, *клос-*, *порож-*, *ров-*, *роз-* (и церковнославянские *празд-*, *рав-*, *раз-*).

Конечноударные наречия, восходящие к падежным формам: *зѣло*, *тунѣ*; *вѣнѣ*, *кромѣ*, *послѣ*; *вѣдѣлѣ*, *вѣзѣлѣ*; *вѣчерѣ*.

Местоимения: *онѣ*, *овѣ* (*//c*), *всьѣ*, *чиѣ*, *одинѣ* (и *единѣ*).

Глаголы. Атематический: *ѣмамѣ*.

C-корневые: *ѣду*, *могу*.

V-корневые: 1) *бору*, *колю*, *мелю*, *полю**, *порю**; *дѣму** (*дути*), *жѣну* (и *жѣню*), *мѣну**; *жѣрю* (и *жѣру*) 'sacrifico, immolo', *тѣру* (инфинитивы *жѣрти*, *тѣрти*); *бѣю* (в части говоров также *шѣю* из *шию*, см. § 2.3); у всех этих глаголов система инфинитива относится к а. п. *a* (см. § 2.10); 2) *ѣму*, *-чѣну*; у этих глаголов система инфинитива относится к а. п. *c*. К подгруппе 2 в праславянском относился также глагол *жѣму* (Дыбо 1972а, с. 76); в восточнославянском он перешел в подгруппу 1 (но неизвестно, сколь рано это произошло).

a-глаголы. 1. С йотовым презенсом (где **-j-* стоит после согласной): а) все глаголы с этимологически кратким корневым морфем в презенсе, кроме *орати* 'пахать', например: *стелю*, *стеню* (*стоню*), *сѣлю*, *зоблю*, *клеплю*, *лѣжю* (позднее также *лѣгу*), *мечю*, *рѣжю* (*рѣзати*), *тѣшю*, *тѣчю* (позднее также *тѣку*), *чѣшю*, *клевечю*, *лобѣжю*, *скръгѣчю*, *трѣпечю*, *тѣпѣчю*, *шѣпѣчю*; но глаголю и емлю (*ѣмати*) имеют также варианты по а. п. *c*; б) из глаголов с этимологически долгим корневым морфем в презенсе — *вѣжю*, *дрѣмлю*, *жажю* (*жадати*), *зижю* (*зѣдати*), *ѣщю*, *кажю*, *колышю**, *колѣблю*, *куплю* 'ку-

паю' (купати), лижю, -лячю (-лякати), машю, нижю*, паию*, пишю (пѣсати и писати), пищю (пискати), рищю, скачю, стражю, стружю* (стрѣгати), о-сяжю, хаплю, храмлю. 2. С безйотовым презенсом: съсу, серу (см. также выше о поздних вариантах лѣгу, тѣку). Относительно глагола хотѣти см. § 2.17, ѣ-глаголы.

пр-глаголы: а) с этимологически кратким корневым морфом — глѣхну*, гонезну (или гоньзну), гѣну*, дрѣгну, дѣхну, косну(ся), вѣс-крѣсну, метну, мокну, мѣкну, пѣхну, о-сльпну, у-сѣну, сѣхну, тону, тѣкну, ис-чезну; б) с этимологически долгим корневым морфом — вѣрну, вязну*, грязну, дѣрзну, у-жасну, -зябну, крикну*, мѣлкну, сякну, тѣрпну*, тя(г)ну.

і-глаголы: блазн- (откл. к с), блуд-, борон- 'защищать, запрещать', брод-, брѣс-, бѣс-, вод-, воз-, волоч-, ворот- (откл. к с), вѣп-, -глѣт-, гон-, дав-, казн-, крас-, куп- 'купить', сѣ-вѣ-куп-, кус- 'кусать', ис-кус- 'искушать', кѣрм-, лом-, луп-, люб-, мол-, молот-* , сѣ-мотр-, моч-, мѣс-, нос-, пал-, плод- (откл. к с), прос-, ряд-, свѣт- (откл. к с), скоч-, служ-, соч- 'требовать по суду', строж- (нов. а), ступ- (откл. к с), суд-, у-тол-, том-, точ- 'источать', 'заточать', трав-, туж-, хвал-, хват-, ход-, хорон-, цѣп-.

Акцентная парадигма с

§ 2.17. Существительные. о- и и-masculina: берегъ, блудъ (нов. в), богъ, бокъ, боровъ*, боръ, бродъ, бѣгъ, бѣсъ, валъ, вапъ (?), варъ, вередъ, видъ, возъ, волокъ, волосъ, ворогъ*, воронъ, воротъ, ворохъ*, воръ, воскъ, вѣлкъ, вѣкъ, вѣсъ, глазъ, знои, знѣвъ (откл. к в), годъ, голодъ, голецъ, городъ, гробъ, гроздъ, громъ, даръ, долъ, домъ, Донъ, дроздъ, другъ 'amicus', дубъ, духъ, дѣлгъ, жаръ, жезлъ (/b), желобъ*, знакъ, знои (изредка в), зубъ, квасъ, клень, коlobъ*, колось, коробъ, кругъ, кусъ, кѣрмъ, ледъ, ликъ 'сонм', листъ, ловъ, лои, лугъ, лукъ 'arcus', льнъ*, лѣсъ, медъ, миръ 'рах', миръ 'mundus', мозгъ, молотъ*, морокъ*, моръ, мостъ, мужъ, мѣлъ*, мѣхъ, нерестъ*, норовъ, носъ, пиръ, пискъ, платъ, полозъ, полъ 'половина, sexus', полъ 'настил', порозъ*, порохъ, потъ, пругъ, прутъ, пѣртъ, ровъ (изредка в), рогъ, родъ, ростъ, рубъ 'кусочек ткани, рубище', рядъ, садъ (откл. к в), санъ, своробъ, свѣтъ, слонъ (изредка в), слухъ, слѣдъ, смѣхъ (изредка в), снѣгъ, сокъ, солодъ, сорокъ, соромъ, станъ, стогъ, сторожъ, страхъ (откл. к в), стругъ, струпъ, стягъ, судъ 'сосуд, судно', сукъ*, сынъ, теремъ, трупъ, трусъ 'землетрясение', туръ*, ходъ, холодъ, хѣлмъ (откл. к в), цѣтъ, черепъ, чинъ, чьлнъ, чѣртъ, шюмъ*, ядъ*; также церковнославянизмы бракъ, брегъ, власъ (откл. к в), вредъ (нов. в), гладъ, гласъ, градъ 'город', класъ, млатъ, мракъ, плѣнъ, прахъ, срамъ, хладъ, храмъ (изредка а), чрепъ; вечеръ (следы а [вечѣръ]), господъ, жеребѣъ, клопотъ, колоколъ, кѣнязь, мѣхъ (изредка в), островъ, пепелъ (попелъ), Пльсковъ, посохъ, поясъ, трепетъ, трескотъ 'трава', угълъ.

i-masculina: *гвоздь, голубь, господь* (//а [госпѡдь]), *гость, гусь, дѣверь**, *звѣрь, лось, тать, тетеревь, тѣсть, чьрвь*; plurale tantum *людье*; консонантные masculina: *днь, корень, локѣть, ногѣть*; также счетное существительное *десять* (позднее переходит в *feminina*).

Neutra: *брюхо, горе, дерево, диво, золото, имя, коло, море, мясо, небо, око, пиво, поле, просо**, *слово, сѣто, сѣно, тѣло, тѣсто**, *ухо, черево*; также церковнославянизмы *благо, брашно* (откл. к *b*, нов. а), *время, древо, злато, чрево*; pluralia tantum *ворота* (и *врата*), *дрѣва; озеро, олово**.

a-feminina: *бедра* 'бедро', *борода, борона, весна, вода, вѣлна* 'unda' (изредка *b*), *вѣрста, голова, гора* (откл. к *b* и *a*, см. § 2.16, «группа *воля*»), *гроза, гряда**, *душа, дѣска, звѣзда* (изредка *b*), *земля* (изредка *b*), *зима, зола, коза* (следы *b*), *копа, коса* (все омонимы), *лоза, нога, пора, пята* (откл. к *b*), *роса, рука, середка, слъза, смола, соха, сторона, строка, стрѣла* (откл. к *b*), *стѣна, сѣмья, цѣна, цека*; также церковнославянизмы *слана* (откл. к *b*), *среда* (откл. к *b*); *головня* (?), *жѣгла, жѣстѣба, копына, овьца* (//*b*), *свобода, сковорода*; по-видимому, также *коробѣи, лодѣи* (из более ранних *короби, лоди*). См. также § 2.16, примеч. 2.

i-feminina: *боль, волость, вѣшь**, *вѣрвь, вѣсь* (//*b*), *вѣсть, грань, грудь, грязь, дань, дробь, дѣбрь, земь, клѣть, кость, льсть, масть, мочь, мѣсть, ноздрь* (не смешивать с *ноздря*, § 2.16), *ночь, печь, плеть, плѣть, пѣльсть, пыль**, *пядь* (?), *пясть, рѣжь**, *рѣчь, скѣрвь* (//*a*), *сласть, соль, страсть, треть, трѣсть, хлябь* (?), *часть, чепь, чѣсть, шѣрсть*; также церковнославянизмы *брань, вещь, власть, мощь, ноцѣ, пецѣ*; pluralia tantum *дѣти, сани; голѣнь, ересь* (?), *кокошь, лебядь, лошадь, область, осень, площадь, посконь, Тѣхвѣрь, студень* 'стужа'. Кроме того, счетные существительные *пять, шесть, девять*. Консонантные *feminina*: *кры* (*крѣвь*); *дѣчи* (Р. ед. *дѣчере*).

Минусовую маркировку имеют также многие связанные корни, в частности *руд-* (в *орудье*), *руж-* (в *оружье*), *ов-* (в *овьца*), *сърд-* (в *сърдьце*), *јај-* (в *яще*), кроме того, *лон-* (в наречии *лони* 'в прошлом году').

Прилагательные: *блѣдѣ, бологѣ, босѣ, бѣрзѣ, воронѣ, глухѣ, гнилѣ, гнѣдѣ, грубѣ, густѣ, гѣрдѣ, деснѣ, дорогѣ, другѣ, живѣ, золотѣ, кость, кривѣ, крутѣ, лихѣ, лѣвѣ, лѣнѣ, лѣпѣ, любѣ* (следы *b*), *молодѣ, нагѣ, новѣ* (следы *b*), *нѣмѣ, плохѣ**, *половѣ**, *простѣ, прямѣ, прѣснѣ, пустѣ, свинѣ, святѣ, сирѣ, скорѣ* (следы *b*), *слѣпѣ, соловѣ, солонѣ, сухѣ, сѣдѣ, таи, твѣрдѣ, тугѣ, тупѣ, тѣлстѣ, тѣснѣ, унѣ* (юнѣ), *холостѣ**, *худѣ, цѣлѣ, частѣ, чьрствѣ**, *чужѣ, шуи, ярѣ*; также церковнославянизмы *благѣ, драгѣ, златѣ, младѣ, плавѣ, сланѣ, трезвѣ; веселѣ, ветѣхѣ, голубѣ, дебелиѣ, дешевѣ, свободѣ, суровѣ*. Сюда же: *шестѣѣ*.

Укажем также некоторые связанные корни с минусовой маркировкой, выступающие в прилагательных с хорошо выделяемыми суффиксами. С *-ѣк-*: *брид-*, *гор'-*, *жид-* (?), *крот-*, *крѣп-*, *мяк-*, *слад-* (церковнославянизм), *тѣн-*, *тяж-* (*тяг-*); с *-ок-*: *жест-*; с *-ьн-*: *чьрм-*;

с *-ьн'*: *древ-*. В прилагательном *тъмьнъ* корень допускает маркировку → (как в *тъма*) и —.

Местоимения: *къто, чьто, јь, тъ, овъ* (/b), *самъ*, также опростившиеся *какъ, якъ, такъ*. К а. п. с относятся также личные местоимения 1 и 2 лица и возвратное; см. о них § 2.19. Местоимение *јьже* акцентуируется как *јь*, причем *же* ведет себя как минусовая морфема (не как обычное *же*). Местоимение *сь* акцентуируется по а. п. с, но в словообразовании с- имеет маркировку → (тем самым сохраняя следы прежней а. п. b).

Числительные: *дѣва, оба, три*.

Глаголы. Атематические: *ѡмь, дамь, есмь, ѡмь (ямь)*; при этом, однако, у *ѡдѣти* и *ѡсти (ясти)* система инфинитива относится к а. п. а.

С-корневые: *берегу, блюду, боду, бреду, веду, везу, володу**, *волоку, -вѣрзу* (нов. а), *вязу**, *гнету, гребу, гряду, жьгу* (и *жегу*), *мету, мяту, несу, -нѣзу, пеку, плету, -прягу, пѣлзу, реку* (и *рѣку*), *росту, стерегу, сѣпу* 'сыплю' (*сути*), *теку, тепу**, *трясу, тѣлку, цвѣту, чѣрпу, чѣту* (*чисти* и *чѣсти*); также церковнославянизмы *брегу, владу**, *влеку, расту, стрегу*. У нескольких глаголов в системе инфинитива представлена а. п. а; таковы *грызу, кладу, паду* (следы а также в презенсе), *пасу* (нов. с во всей парадигме), *пряду, стригу, сѣку, шибу*; возможно, также *бляду*.

У-корневые: *вью, гнию, лью, пью, пою* (*пѣти*); *живу, жьру* (и *жеру*) (*жерети, жьрти*) 'девого', *кльну, мьру* (*мерети*), *-нѣру* (?), *плову* (*плути*; позднее *плыву, плыти*), *пѣну, -нѣру* (*-перети*) 'запираю' и т. д., *рову* (и *реву*) (*рюти*), *слову* (*слути*; позднее *слыву, слыти*), *-стѣру* (*-стерети*), *тѣну*.

а-глаголы: *даю* (*даяти*), *жюю** (и *жьву*) (*жьвати*), *кляю* (*кльвати*), *кюю* (*ковати*), *лѣю* (*лѣяти*), *смѣюся* (*смѣятися*), *снюю* (*сновати*); *беру, вѣру* 'болтаю, лгу', *деру, жеру* (и *жьру*) 'девого', *зову, орю* (и *ору*) 'пашу', *ору** 'кричу', *перу* 'мою, стираю', *по-перу, рѣву*; *жьду* (и *жиду*), *сѣю**. У глагола *жену* (*гнати*) система инфинитива относится к а. п. а. О колебаниях у глаголов *емлю* (*јьмати*) и *глаголю* см. § 2.16, а-глаголы.

по-глаголы: *по-вину* (также *обинуся*), *-ману**, *мину, помяну-*

ѡ-глаголы: *бој-, бол-, бѣд-, бѣж-, вел-, вѣрч-, вѣрт-, гор-, грѣж-, дрѣж-, дыш-, дѣрж-, звѣн-, зѣр-, крич-, кып-, лет-, мѣлч-, мѣч-, пол-'пылать', пѣр-, свѣт- (свѣтѣтися), скѣрб- (изредка а), смѣрд-, стој-, стыд- (стыдѣтися), сѣд-'сидеть', тѣщ- (тѣщатися), тѣрп-, сѣ-тяж-, хрип-, шюм-, щад-*. Сюда же относится основная часть парадигмы глагола *хотѣти*, т. е. все словоформы, кроме *хочеша* (и *хочи, хочь*), *хочеть, хочемъ, хотите* в презенсе (также в церковнославянском варианте с *щ*), которые идут по типу а-глаголов и относятся к а. п. b; словоформа *хочю* (*хоцю*) может интерпретироваться двояко (и, соответственно, двояко акцентуироваться).

і-глаголы: *буд-, бѣд-, вал-, вар-'варить', вар-'предварять', вѣред-, вѣрш-, гас-, говор-, год-, город-, груз-, губ-, дој-, дроб-, душ-*,

дѣл-, у-жас-, кад-, каз- (?), кат-, клон- (откл. к *b*), ключ-, кор-, кроп-, круш-, крѣст-, крѣс-, лиш-, лов-, лож- (следы *b*), луч- (в *сълучитися*, *получити*), лѣн-, лѣч- (?), мор-, мут-, съ-мѣж-, мѣн- 'менять', норов-, раз-ор-, въ-пер-, пој-, полон-, пост-, прост-, пуст-, рад-, раз-, род-, рост- (изредка *b*), съ-о-руд-, въ-о-руж-, рѣш-, сад-, сел-, скоп-, спѣш-, студ-, тај-, тащ-, твор- (следы *b*), топ- (все омонимы), труд- (изредка *b*), туш- 'гасить', уч-, цѣд-, цѣл-, чин-, яв-; также церковнославянизмы *влад-* (следы *b*), *врат-* (следы *b*), *вред-*, *град-*, *съ-крат-* (следы *b*), *срам-* (следы *b*), *-треб-*, *хран-*.

ОКОНЧАНИЯ И СЛОВОИЗМЕНТЕЛЬНЫЕ СУФФИКСЫ

§ 2.18. У окончаний плюсовая маркировка всегда означает ↓; поэтому ниже пишется просто + (без уточнений). В двусложных плюсовых окончаниях место приписки маркировки отмечено лишь в тех немногих случаях, когда это первая гласная окончания; в прочих случаях маркировка приписана к последней гласной окончания.

Пометы «следы», «нов.» и др. и символ // употребляются ниже в значениях, указанных в § 2.13. Дополнительная помета «диал.» (т. е. «диалектное распределение») означает, что сосуществующие маркировки выступали как диалектные варианты (но сведений о характере географического распределения этих вариантов помета не дает).

Тематические элементы у имен, как правило, сливаются с окончаниями и, следовательно, самостоятельных маркировок не имеют. Те, которые не сливаются с окончаниями (*-я/-ен-*, *-ес-*), имеют минусовую маркировку; для *-ы/-ъв-* маркировка неясна (— или ↓; см. § 2.25, конец).

Маркировки окончаний именного склонения показаны в табл. 3; для *a-* и *o-*основ даны только твердые варианты окончаний (соответствующие мягкие варианты имеют ту же маркировку). Клетки, для которых нет необходимой информации, не заполнены. Зв. мн. в восточнославянском не отличается от И. мн.

В дополнение к табл. 3 укажем следующее. У консонантных основ окончание *-е* в Р. ед., М. ед. и И. мн. имеет минусовую маркировку; нулевое окончание в И. ед. по общему правилу для безгласных морфов (§ 2.7) вообще не имеет маркировки (прочие окончания консонантные основы заимствуют из основных типов склонения). У *ja-*основ с И. ед. на *-и* (например, *простыни*, причастия *несучи*, *несъши*) это *-и* имеет плюсовую маркировку. В словоформах Д. Т. дв. *очима*, *ушима* окончание есть *-има +*.

Относительно распределения акцентных вариантов у окончаний, отмеченных в таблице записью «диал.», см.: М. ед. *-и* — § 3.37, М. ед. *-у* — § 3.38, И. В. мн. *-а* — § 3.40, Д. мн. *-омъ* — § 3.45—46, М. мн. *-ѣхъ* — § 3.47. Можно предполагать также, что у окончания Т. ед. *-ою* рано появился диалектный акцентный вариант, выражаемый маркировкой + Min (что давало ударение типа *женою* для слов

Таблица 3
Акцентная маркировка окончаний у существительных

		о-основы		и-основы	i-основы		
		муж.	сред.		жен.	муж.	
ед.	И.	-а +	-ѣ —	-о —	-ѣ —	-ѣ —	
	В.	-у —	-ѣ —		-ѣ —	-ѣ —	
	Зв.	-о — Min	-е — Min		-у — (?)	-и —	
	Р.	-ы +	-а —	-у — (следы +)	-и — (следы +)		
	Д.	-ѣ — (нов. +)	-у —	-ови —	-и —		
	М.	-ѣ + (следы —)	-ѣ —	-у +// — (диал.)	-и +// — (диал.)		
	Т.	-ою +	-ѣмь —	-ѣмь — (следы +)	-ѣю — (следы +)	-ѣмь — (следы +)	
мн.	И.	-ы —	-и —	-а +// — (диал.)	-ове —	-и —	-ѣје —
	В.		-ы —		-ы —	-и —	
	Р.	-ѣ +	-ѣ +	-овѣ +	-ѣѣ +		
	Д.	-ѣмъ +	-омъ —//+ (диал.)		-ѣмъ —		
	М.	-ѣхъ +	-ѣхъ — Re//+Re (диал.)	-ѣхъ —	-ѣхъ —		
	Т.	-ѣми +	-ы +	-ѣми +	-ѣми +		
дв.	И. В.	-ѣ —	-а —	-ѣ —		-и —	
	Р. М.	-у +	-у +			-ѣју +	
	Д. Т.	-ѣма +	-ома +			-ѣма +	

а. п. *b*, ср. *рукоѣ* и т. п. в а. п. *c*). Говор с такой особенностью отразился в Мериле Праведном XIV в., см. Акц. Мер., § 35.

Акцентная характеристика окончания *-а* в И. В. мн. сред. представлена в табл. 3 упрощенно, а именно, не отмечена возможность появления эффекта Re (дающего ударения типа *числа*, *сѣла* в а. п. *b*). В старовеликорусских памятниках этот эффект в одной диалектной

зоне регулярен, в другой нерегулярен или вообще отсутствует (см. § 3.41). Судя по наличию аналогичной оттяжки ударения влево в ряде южнославянских акцентных систем, истоки данного эффекта уходят в праславянскую эпоху. Но в настоящее время недостаточно ясно, в какой стадии развития находился этот эффект в раннедревнерусском и имелись ли уже тогда диалектные различия в этом пункте.

По данным внешнего сравнения можно предполагать также эффект Re для окончаний Т. мн. *-ы* и Р. М. дв. *-у*; но однозначных свидетельств этого эффекта в памятниках не усматривается.

Не исключено, что в М. мн. и в Д. мн. *о*-основ были какие-то акцентные различия между словами мужского и среднего родов; но надежных свидетельств этого нет (ср. § 3.45—47).

Понятно, что таблицей 3 определяется вид раннедревнерусских акцентных кривых во всех морфологических классах имен; см. § 2.11. В частности, в а. п. *с* акцентные кривые определяются тем, что минусовое окончание дает энклиномен, плюсовое — ударение на окончании.

В памятниках XIV в. (Чудовском Новом Завете и Мериле Праведном) у слова а. п. *б* *воля* (несколько менее надежно также у слова *воня*) обнаруживается особая акцентная кривая, не вытекающая из приведенных выше маркировок, а именно: И. ед. *воля*, В. ед. *волю*, Д. М. ед. *воли*, Т. ед. *волею*, Р. ед. *воля* при окончании *-я*, но *воли* при окончании *-и* (мн. число устанавливается ненадежно); см. Акц. Мер., § 35. Не исключено, что эта акцентная кривая была свойственна всей «группе *воля*» (§ 2.16). Пока еще не выяснено, сколь древней является эта особенность и была ли она повсеместной; вполне возможно, что она сформировалась уже в раннедревнерусскую эпоху.

Счетные существительные а. п. *с* *пять*, *шесть*, *девять* (*i-femīnīna*) имеют ту особенность, что у них все окончания ед. числа, кроме И. В. ед., ведут себя в соответствии с маркировкой +, например: *пяти*, *пятью*. Слово *десять* (консонантная основа) обладает этой особенностью только при склонении по *i*-типу.

§ 2.19. У прилагательных нечленные формы в акцентном отношении не отличаются от существительных. Акцентуация членных форм может быть представлена (несколько идеализированно) так: вокалический соединительный морф (§ 2.2) имеет маркировку ↓ Re (тем самым для собственно окончаний маркировка безразлична; можно условно считать ее плюсовой). Таким образом, в а. п. *б* ударение в членных формах всегда на последнем слоге основы (*хорощь-ьъ*, *-ая* и т. д.), в а. п. *с* — на соединительном морфе (*молодь-ьъ*, *-ая* и т. д.).

Однако акцентная структура членных форм не полностью стабилизировалась в указанном виде. Были возможны небольшие диалектные вариации, следы которых могли сохраняться и позже. Одну из таких вариаций отражают ударения типа *Суховь*, *Благовь*, *Дурновь*. Другая вариация состояла в том, что отдельные прилагательные а. п. *с* получали (может быть, факультативно) наосновное ударение в членных формах (типа *холодьньъ*); по-видимому, однако,

в раннедревнерусском, в отличие от южнославянских языков, такая акцентовка была представлена еще очень слабо.

В местоименном склонении в И. и В. падежах всех чисел выступают те же окончания и с теми же маркировками, что в именном склонении (у *a-* и *o-*основ). Отсюда, например, акцентовки: И. ед. *тѣ, тѣ, то*, В. ед. *ту*, И. мн. *ти, ты, тѣ/та*; И. *дѣва, дѣвѣ, оба, обѣ*. В остальных падежах все окончания имеют маркировку ↓ Min, приписанную, как и положено, к последнему слогу (при этом существенно, что в отличие от членных форм прилагательных здесь все окончания одноморфны, см. § 2.2). Практически это означает, что у слов а. п. с и *b* все эти словоформы конечноударны, например: *того, тою* (Г. ед. и Р. М. дв.), *тѣми, самому, самоѣ, самѣми, дѣвою, дѣвѣма, обою, обѣма, всегѣ, своему, своею, своеѣ*.

У личных местоимений 1 и 2 лица и возвратного: словоформы *язѣ, ты, мы, вѣ* (?), И. *вы* — энклитомены, *мя, тя, ся, ми, ти, си* — плюсовые энклитики, В. Д. *ны, на, вы, ва* — минусовые энклитики. Словоформы *насѣ, намѣ, нами, нама, наю* и *васѣ, вамѣ, вами, вама, ваю* — ортотонические с ударением на первом слоге. Словоформы *мене, тебе (тобе), себе (собе), мѣнѣ, тобѣ (тебѣ), собѣ (себѣ)* — энклитомены, но наряду с этим они допускают уже и конечное ударение (более новое); *мѣною, тобою, собою* имеют конечное ударение. Таким образом, эта группа местоимений акцентуирована по а. п. с, причем маркировки окончаний косвенных падежей — практически те же, что у тождественных именных окончаний.

§ 2.20. В глагольном словоизменении маркировки аффиксов таковы.

Тематические элементы. *aj-* и *ej-*глаголы: *-a(j)-, -ѣ(j)-* ↓; *ova-* глаголы: *-ova-* ↓ Min в инфинитиве, *-uj-* ↓ в презенсе; *ej-*глаголы: *-ѣ-* ↓ в инфинитиве; *a-* и *i-*глаголы: в инфинитиве *-a-* —, *-и-* —. В прочих случаях тематического элемента нет, или он не имеет маркировки ввиду безгласности. У *ng-*глаголов тематический элемент *-н(y)-* обладает особыми акцентными свойствами, см. § 2.25 (конец).

Прочие аффиксы. В личных формах презенса вокалический соединительный морф (*-e-, -y-, -и-, -я-*, § 2.2) имеет маркировку —Re (такую же маркировку имеет морф *-a-* в презенсе глагола *имама*). Собственно окончания: 1 ед. *-y* —, *-мь* ↓; все прочие (*-ши [-шь], -тъ, -мѣ [-мо, -ме, -мы], -те, -тѣ, -вѣ, -та*) имеют ↓. Суффикс императива *-и/-ѣ-* имеет ↓. Проиллюстрируем фактические различия трех акцентных парадигм на нескольких характерных формах.

		а. п. а	а. п. б	а. п. с
Презенс	1 ед.	<i>стѣвлю</i>	<i>хожю</i>	<i>процю</i>
	3 ед.	<i>стѣвить</i>	<i>хѣдить</i>	<i>простить</i>
	2 мн.	<i>стѣвите</i>	<i>хѣдите</i>	<i>простите</i>
Императив	2 ед.	<i>стѣви</i>	<i>ходи</i>	<i>прости</i>

Суффикс инфинитива *-ти (-чи)* имеет маркировку ↓. Особенность: в инфинитиве *a-* и *i-*глаголов, корневых глаголов на *-ити, -йти* (кро-

ме *-ити*) и глагола *дати* минусовая маркировка конечного морфа основы заменяется на ↓; отсюда такие ударения, как *бѣрати*, *прости*, *пѣти*, *жѣти*, *бѣти*, *дати* (на формы, образованные от основы инфинитива, эта особенность, кроме специально оговариваемых случаев, не распространяется).

Примечание. В памятниках XIV—XVII вв. эту особенность обнаруживают также *пр-*глаголы (ср. *помянути*, *минути* и т. п.); возможно, распространение данной особенности на *пр-*глаголы (которые в праславянском ее не имели) относится еще к раннедревнерусской эпохе.

Суффикс сушина *-тъ (-чь)* имеет минусовую маркировку.

В аористе в праславянском положение было таково. Окончания 2—3 ед. *-е* и *-тъ* были минусовыми, все прочие (*-ѣ*, *-омѣ*, *-те*, *-ѣ*, *-овѣ*, *-та*) — плюсовыми; соединительное *-о-* в новом сигматическом аористе, вероятно, было минусовым. При этом у *а-*, *і-* и корневых глаголов, подвергавшихся перемаркировке в инфинитиве (см. выше), такая же перемаркировка происходила и в аористе, кроме 2—3 ед. В древнерусском, однако, акцентуация аориста подверглась значительной перестройке, окончательный результат которой таков. Соединительное *-о-* и окончание 2—3 ед. *-е* имеют плюсовую маркировку. В аористах, где этих морфов нет, у всякой основы с минусовым конечным морфом этот минус заменяется на ↓ (тем самым маркировка окончаний, кроме *-е*, безразлична). Отсюда такие ударения, как *несохоми*, *несѣ*, *бѣрахъ*, *бѣра*, *прости*, *помяну*, *бѣсть*, *дати*, *прокляти*, *начати*. Эта перестройка произошла рано: уже в XIV в. от прежней системы сохраняются лишь ничтожные следы.

Для имперфекта по восточнославянским данным можно предполагать только систему с маркировкой ↓ у морфов *-ах-*, *-аш-* (маркировка окончаний в этом случае безразлична).

Причастные суффиксы, содержащие гласную, а именно, *-уч-*, *-яч-*, *-ѣш-*, *-ѣш-* (в И. ед. муж. и сред. соответственно *-а*, *-я*, *-ѣ*, *-ѣ*), *-ом-*, *-ем-*, *-им-*, *-ен-*, имеют основную маркировку —. Безгласные суффиксы (*-л-*, *-н-*, *-т-*, *-в-*) по общему правилу маркировок не получают. У глаголов с разной маркировкой корня в презенсе и в системе инфинитива причастия презенса опираются в акцентном отношении на презенс, а причастия прош. времени — на систему инфинитива. Исключение составляют причастия с *-ѣш-* от *яти*, *-чати*, *жати* (*жѣму*): они опираются на маркировку презенса (→), ср. *поѣми*, *начѣши*.

§ 2.21. В акцентуации причастий имеется, однако, ряд особенностей.

1. У *С-*корневых глаголов перед суффиксом *-л-* минусовая маркировка корня заменяется на →; отсюда такие ударения, как *несло*, *несли* и т. п.

2. Такой же эффект у *С-*корневых глаголов перед суффиксом *-ѣш-* (*-ѣ*), ср. *принесѣ*, *принесѣши* и т. п.

3. Суффикс *-ен-* в нечленных формах ведет себя в соответствии с маркировкой →, ср. *принесено*, *прошены*. Уже в раннедревнерус-

ском в части говоров маркировка → распространилась и на членные формы, т. е. наряду с *принесенде*, *прощенде* в некоторых говорах уже было *принесёное*, *прощёное*, см. Акц. Мер., § 91; позднее последняя модель победила повсеместно.

4. Суффиксы *-ом-*, *-ем-* допускали в качестве варианта маркировку ↓, отсюда *несомо* наряду с *несомо* и т. п.; впоследствии новая маркировка повсеместно победила. Для суффикса *-им-* маркировка ↓ уже в раннедревнерусском была господствующей.

5. Суффиксы *-уч-*, *-яч-* (но не их алломорфы *-а-*, *-я-*, выступающие в И. ед.) и *-ен-* получали дополнительную маркировку Re, когда они выступали после этимологически долгого корневого морфа; отсюда *пишючи*, *любячи* (хотя *пишѧ*, *любѧ*), *сѹжено*, *ѡ јѣдѹчи*, *могѹчи*, *носѧчи*, *молено*. Однако весьма рано появились диалектные системы с обобщением корневого или суффиксального ударения.

Примечание. Церковнославянские причастные суффиксы *-уч-* и *-яч-* в раннедревнерусскую эпоху, по-видимому, обладали теми же акцентными свойствами, что и их русские эквиваленты *-уч-* и *-яч-*.

6. Такой же, как в предыдущем пункте, особенностью обладал, по предположению В. А. Дыбо (Дыбо 1981, с. 225—226), морф *-а-* (конечная гласная основы инфинитива *а-* глагола), когда он стоял перед причастным суффиксом *-н-*; отсюда *писанѡ*, *наказанѡ*, но *чесанѡ*, *глоданѡ*, *посланѡ*. И в этом случае процессы выравнивания начались весьма рано.

7. Окончания причастий в принципе ведут себя в акцентном отношении как обычные именные окончания. Однако у причастий действительного залога уже в Чудовском Новом Завете XIV в. представлена сильная тенденция трактовать все окончания как плюсовые (И. В. ед. муж. и сред. на *-а-*, *-я-*, *-ѡ-*, *-ѣ-* не в счет); отсюда Д. ед. *давѣшиѡ*, И. мн. *живущѣ* и т. п. (ср. лексикализованный реликт такой акцентровки в современном *горѧч*, *горѧчѧ*, *-ѡ-*, *-ѣ-*). Вероятно, истоки этой тенденции относятся к раннедревнерусской эпохе.

КЛИТИКИ И ПРИСТАВКИ

§ 2.22. Энклитики. Из их числа имеют маркировку ↓: частицы *же*, *ли*¹³, *бо*, *се* (*съ*)¹⁴, также *да* в позиции после проклитики, см. § 2.4; местоименные словоформы *мя*, *тя*, *ся*, *ми*, *ти*, *си*; глагольные словоформы *бѣ*, *бы* (у этих последних имелся также и акцентно самостоятельный вариант, см. Дыбо 1975, с. 68). Основные минусовые энклитики — местоименные словоформы В. падежа *јѣ*, *ју*, *је*, *јѣ*, В. и Д. падежей *ны*, *на*, *вы*, *ва*. Обычно получали свойства (вероятно, минусовых) энклитик также словоформы *есмѣ*, *еси*, *есме* (*есмо*, *есмы*), *есте*, *есѣѣ*, *еста* (2 дв.), когда они выступали в роли связки.

¹³ Не смешивать с союзом *ли* 'или', который представляет собой акцентно самостоятельное слово (тоже с маркировкой ↓).

¹⁴ Частица, возникшая из местоименных словоформ *се*, *съ*, потерявших способность к согласованию, ср. *ночь съ*, *осень съ*, *лѣто съ*.

Маркировку ↓ имеют приставки *вы-, па-, пра-, су-*; кроме того, *нѣ-*, образующее неопределенные местоимения и наречия.

Прочие приставки и все проклитики имеют маркировку —. Сюда относятся: предлоги, они же приставки — *без, въ, въз, до, за, из, къ, на, надъ, о (об), отъ (от), передъ* (также *предъ*), *по, подъ, при, про, съ, у, чересъ* (также *чресъ*); приставки *пере-, роз-* (также *пре-, раз-*); союзы и частицы — *и, а, нъ, не, ни*, также *да* не после проклитики.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СУФФИКСЫ

§ 2.23. В списки включены лишь относительно более важные суффиксы, причем такие, для которых в памятниках имеется удовлетворительное количество материала. Порядок суффиксов в списках — обратный алфавитный. Суффиксы, имеющие твердый и мягкий варианты, представлены только твердым вариантом; не отмечается также вариант с *а*, выступающий после шипящих и *ј* у суффиксов с *ѣ*.

Примеры за немногими исключениями даны из числа слов, реально встретившихся с указанным ударением в памятниках (разумеется, многие из них можно встретить в памятниках также и с более новым ударением). При существительных в случае необходимости дается Р. ед. (у *а*-основ — В. ед.), при прилагательных — И. ед. жен. и И. ед. сред., при глаголах — 1 ед. презенса.

Следует учитывать, что при образовании производных от глаголов с непостоянной маркировкой корня нормой является использование той маркировки, которая выступает в системе инфинитива. Например, от *класти* (а. п. *а* в системе инфинитива, а. п. *с* в презенсе) образуется *покладати* (опирающееся на *клад-* ↓, а не на *клад-* —). В производных от *еп*-причастий суффикс *-ен-* сохраняет минусовую маркировку, ср. *ученикъ* и т. п.

Отметим, что суффиксы, совпадающие с основообразующими элементами (точнее, одновременно играющие роль такого элемента и полноценного суффикса, ср. § 1.19), одинаковы с ними и по маркировке.

Об акцентных свойствах важнейших суффиксов на праславянском уровне см. основополагающую работу: Дыбо 1968.

Суффиксы с основной маркировкой ↓

Суффиксы существительных: *-ил-о*, *-ѣл-ь* (жен.), *-им-ъ*, *-ин-ъ* (сингулятив), *-ин-а* (все значения, кроме отадъективного имени качества), *-ын-и* (следы минусовой маркировки), *-ят-* (в названиях детенышей), *-иц-а*, *-ич-ь*, *-иц-е*; *-еж-ь* (муж.; откл. к →), *-ък-а* (*-ьк-а* после *к, г, х*) (следы маркировки →); прилагательных: *-ив-*, *-ѣј-*¹⁵,

¹⁵ Поскольку *-ѣј-* имеет ↓, маркировка морфа *-ьи-* (в составе *-ѣј-ьи-*, выступающего в косвенных падежах) уже безразлична.

-ик-, -ат-, -ит-, -ист-, -ьн'- (следы —); наречий (производных от местоимений): -амо, -огда, -ѣде, -уда (-уды, -уду); глаголов: -а-ти (в ај-глаголах), -ѣ-ти (в ѣј- и ѣ-глаголах), -ова-ти (маркировка ↓ Min). Относительно суффикса -ы/-ѣв- см. § 2.25 (конец).

Примеры. Производные от слов а. п. а: *правило, вѣтрило, мѣрило; отъчимъ* (от *отъцъ*); *поганинъ; язвина, маслина, мѣсячина, отъчина* (от *отъцъ*); *старѣшина; инокыни, милостыни; И. мн. ягнята, кѹрята, утята, вѣнѹчата; рыбица, колѣдица, кѹрица, утица, баг(ъ)-ряница, плацаница, четвѣрица; дѣдичь, братаничь, отъчичь* (от *отъцъ*); *сѣньмище* (от *сѣньм-*), *сѣборище, сѣдалище; грабежь, правежь; полатъка, нитъка; незлобивъ, правѣдивъ, милостивъ; слабѣе, старѣе* (ср. также *слабѣиши, старѣиши, малѣиши* и т. п.); *дымъчатъ* (от *дымъка*), *јуловатъ, тѣноватъ, кручиноватъ; знаменитъ, нарочитъ; каменистъ; матерньѣ, утрньѣ; јинамо, јиногда, јинѣде, јинуду; оправѣдати, ужинати, величати, остригати, покладати, вѣнадати, сѣдати, сѣнѣдати, избавляти, поставляти, испѣлняти, увѣрjати, утѣшати; ослабѣти, окаменѣти, сѣстарѣтися; печаловати, миловати, знаменовати, најмовати* (от *најѣм-*).

Производные от слов а. п. в: *чѣрнѣло, носѣло, точѣло; купѣль; попинъ; конѣна, пѣстрина* 'пятно, крапина', *скотѣна; рабыни; И. мн. орьята, отрочата; вдовица, орьлица; судище, огнище, дворѣще; женѣка, рѣчка; лѣживъ; добрѣе; колѣкъ, толѣкъ; крилатъ, женатъ; плечистъ; женньѣ; онамо, вѣсѣгда, онѣде, вѣсюду; пожинаѣти, ступаѣти, осужаѣти; бѣлѣти; вѣлховаѣти.*

Производные от слов а. п. с: *кадѣло, солѣло, хранило; печаль; господинъ, граждининъ, мирянинъ; богѣни, кѣнягѣни, святѣни, благостѣни, также гусѣни, гѣрдыни, простѣни, пустѣни* (наряду с вариантом *гусѣни, В. ед. гусѣню, гѣрдыни, гѣрдыню, простѣни, простѣню, пустѣни, пустѣню, ср. § 2.25); И. мн. жеребѣята, поросѣта; троѣца, шюѣца, десница, гробница; кѣняжѣчь, -а, островѣчь, -а, плѣсковѣчь, -а, тѣхвѣричь, -а; гробѣще, горѣще, нѣртѣще; мятѣжь, -а* (но довольно рано появляются также примеры типа *градѣжь, -а*); *вѣдѣка, слобѣдѣка, нѣжька, дѣщѣка* 'досочка, доска' (наряду с архаичным *дѣщѣка* 'дочка'); *лѣнивѣ, льстѣвѣ, страшивѣ; свѣтълѣе, жестѣче; великъ; рѣгатъ; именѣтъ; рѣчѣстъ; середньѣ, мѣжьньѣ, дрѣжьньѣ, зимньѣ, осѣньньѣ, горньѣ* (однако *древньѣ*); *тамо, тогда, когда, кѣде, куда (куды); сѣблюдаѣти, сѣбираѣти, являѣти; цѣловаѣти, именоваѣти.*

Маркировку ↓ можно предполагать также для ряда других суффиксов, более бедно представленных в древнерусском материале. Таковы, в частности, суффиксы, выступающие в словах: *дѣржава, верига, кольчѣга, владыка, братанъ, најмитъ, дѣлѣбитъ* 'должник'. Превратившийся в суффикс элемент *-шьд-ы* (первоначально часть сложного слова), по-видимому, получил маркировку *-шьды* ↓, ср. *дѣвашьды, тришьды, четѣрьешьды.*

В качестве исключения маркировку ↓ имеют некоторые безгласные суффиксы, в частности, *-тв-а*, *-зн-ь*, *-сн-ь* (см. также ниже о **-j-*). Так, например, от минусовых корней (или основ) *кля-*, *лови-*, *жи-*, *пѣ-* образованы *клятва* (см. об этом слове § 2.14, «группа чаща»), *ловѣтва*, *жизнь*, *пѣснь*.

У нескольких суффиксов имеются индивидуальные особенности.

Суффикс притяжательных прилагательных *-ин-* получает маркировку ↓ в том случае, когда он прибавляется к *i*-основе (тогда как в прочих случаях он имеет маркировку → Min, см. § 2.24); ср. *гостинъ*, *-а*, *-о*, *звѣринъ*, *-а*, *-о*, *голубинъ*, *-а*, *-о*, *лошадинъ*, *-а*, *-о* от *i*-основ а. п. с.

Морф **-j-* в сравнительной степени, несмотря на свою безгласность, имеет маркировку и притом нестандартную, а именно: ↓ после этимологически долгого морфа, → после этимологически краткого. Примеры: 1) *моложе*, *суше*, *гуще*, *короче* (Р. ед. *моложьша* и т. д.; о морфе *-иш-* см. сноску 15) от *молод-*, *сух-*, *густ-* (все с —), *корот-* (→); 2) *болѣ*, *мьнѣ*, *горѣ* (но Р. ед. *больша*, *мьньша*, *горьша* и т. д., поскольку *ь* здесь слабый), сюда же *древлѣ*. Указанное распределение маркировок вызвано действием древнего правила о невозможности ↓ при этимологически кратком начальном слоге (§ 2.7; ср. *мя-* ↓ и *мьн-* → и т. п.).

В значительной мере сходными (но менее четкими) свойствами обладал морф **-j-* в составе *ja*-основ (*грыжа*, *чаща*, *воля* и т. д.), а именно, при этимологически долгом корне здесь обычно получалось слово а. п. *a*, при этимологически кратком — почти всегда слово а. п. *b* (в особом варианте, представленном «группой *воля*»). Заметим, что в составе *o*-основ указанные свойства морфа **-j-* проявлялись гораздо слабее, а именно, здесь он достаточно часто выступает как обычный безгласный морф, не имеющий самостоятельной маркировки. Поскольку в раннедревнерусском существительные с суффиксом **-j-* с акцентологической точки зрения уже нерегулярно соотносятся с соответствующими исходными словами, они рассмотрены выше вместе с непроизводными (см. в особенности § 2.14, «группа *чаща*» и § 2.16, «группа *воля*»).

Суффикс вторичных имперфективов, который в более позднее время выглядит в великорусских памятниках как *-ыва-ти*, для раннедревнерусского, по-видимому, должен реконструироваться как *-ъва-ти* (ср. великорусское произношение типа *подска[кѣ]вать*, украинский рефлекс *-ува-ти* и в особенности белорусский рефлекс *-ва-ць*, например: укр. *показувати*, белор. *паказваць*). В составе *-ъв-а-ти* морф *-ъв-* имеет маркировку ↓ (морф *-а-* здесь тот же, что во всех *aj*-глаголах); поскольку *ъ* здесь слабый, ударение фактически всегда падает левее суффикса, например: *оправдѣвати* (от а. п. *a*), *показѣвати* (от *b*), *заварѣвати* (от *c*). При последующих нефонетических заменах *ъ* на другие гласные ударение уже не менялось. Следует учитывать, впрочем, что историческое развитие данного суффикса

известно очень неполно, поскольку в раннюю книжную письменность он проникал довольно редко и, возможно, в части случаев записывался не в соответствии с произношением.

Суффиксы с основной маркировкой →

§ 2.24. Суффиксы существительных: *-ак-ъ*, *-ик-ъ* (маркировка → Re¹⁶), *-ин-а* (отадъективное имя качества), *-ун-ъ*, *-ар-ъ*, *-ач-ъ*; *-ъб-а*, *-ъств-о*, *-ъј-е* (изредка —), *-ъј-а* (изредка —), *-ък-ъ* (*-ък-ъ* после *к*, *г*, *х*), *-ък-о* (*-ък-о* после *к*, *г*, *х*), *-ъц-ъ*, *-ъц-е*, *-ъц-а*; прилагательных: *-ин-* (кроме случая, когда этот суффикс присоединяется к *i*-основам, см. § 2.23), *-ъј-* (изредка —).

Большинство этих суффиксов впоследствии обнаруживает эффект Min. Однако по крайней мере у некоторых из них (в частности, у всех суффиксов с редуцированными) этот эффект, по-видимому, возник лишь в позднерусскую эпоху, см. § 3.8. Бесспорных свидетельств раннего появления эффекта Min нет ни для одного суффикса данной группы; поэтому мы считаем возможным не включать помету Min в их раннедревнерусскую маркировку.

Примеры. Производные от слов а. п. *а*: *брѣтикъ*, *лѣричкъ* (от *лѣриц-*); *мѣликъ*, *стѣрикъ*, *чѣстикъ*, *любѣмикъ*; *пѣвина*, *јѣстина*, *тѣшина*, *велѣчина*, *вѣсячина*, *мѣньшина* (от *мѣньш-*); *пѣстунъ*; *рыбарь*; *свѣтъба*, *алѣчьба*; *мѣножьство*, *богатѣство*, *отѣчьство* (от *отѣц-*); *сѣдорѣвѣ*, *колѣдѣ*, *каменьѣ*, *велѣчьѣ*, *знѣньѣ*, *битѣѣ*; *холѣпѣја*, *брѣтъја*; *четвѣртѣкъ*, *орѣшькъ*; *желѣзѣко*; *стѣриць*, *брѣтъць*, *јѣстьць*; *стѣдѣце*; *мѣшьца*; *бѣбинѣ*, *мѣтеринѣ*; *бѣбѣѣ*, *корѣвѣѣ*. С суффиксами *-ак-ъ*, *-ач-ъ* ударений типа *рыбакѣ*, *силѣчѣ* в памятниках не засвидетельствовано; по-видимому, они устранялись довольно рано.

Производные от слов а. п. *в*: *своѣкъ*, *-а*; *кѣличкъ*, *ноѣжикъ* (уменьшительные; эффект Re); *слѣжба*, *прѣсѣба* (но Р. мн. *слѣжѣбѣ*, *прѣсѣбѣ*, аналогично и далее); *рѣбѣство*, *свѣдѣство*, *головѣничѣство*; *кѣльѣ*, *пѣръѣ*, *ѣстрѣѣ*, *ѣстьѣѣ*, *батѣдѣѣ*, *ѣвѣцѣѣ*; *пѣпѣја* (собирает.); *бѣбѣкъ* (*бѣбѣка*), *сапѣжѣкъ* (*сапѣжѣка*), *пѣсѣчькъ* (*пѣсѣчька*); *ѣѣчьѣко*; *корѣбѣць* (*корѣбѣца*), *чѣрънѣць* (*чѣрънѣца*), *пѣпѣръць* 'перѣц' (*пѣпѣръца*), *ѣвьсѣць* (*ѣвьсѣца*); *дѣвѣръца*; *бѣчьѣѣ* (*бѣчьѣја*, *-е*), *пѣсѣѣѣ* (*пѣсѣја*, *-е*), *ѣвьчѣѣѣ* (*ѣвьчѣја*, *-е*). В памятниках, однако, как уже отмечено выше, у одних суффиксов спорадически, у других постоянно проявляется эффект Min, например: *мѣтѣръ*, *-ѣ*, *писѣръ*, *-ѣ*, *судѣбѣ*, *мѣльбѣ*, *борѣбѣ*, *сѣтѣнинѣ*, *ѣ*, *-ѣ*.

Производные от слов а. п. *с*: *шѣстѣкъ*, *-ѣ*; *мѣжѣкъ*, *-ѣ*, *ѣченѣкъ*, *-ѣ*, *головѣникъ*, *-ѣ*; *гѣстинѣ*, *тѣјѣнѣ*; *бѣгѣунѣ*, *-ѣ*; *вѣтѣръ*, *-ѣ*, *кѣлѣветѣръ*, *-ѣ*; *ковѣчь*, *-ѣ*; *ѣѣльбѣ*, *тѣтѣбѣ*; *божѣство*, *мѣжѣство*, *кѣнѣя-*

¹⁶ Точнее, эффект Re достоверен для *-ик-ъ* уменьшительного; имеется ли он у *-ик-ъ* отадъективного, неясно, поскольку нет соответствующего материала.

жѣство, дѣтство, суровство, дебелство; дубьѣ, орудьѣ, оружьѣ, житьѣ, питьѣ, бытьѣ, даньѣ, веденьѣ; кѣняжьѣ, сыновья; городѣкъ, -а, лѣсѣкъ, -а, начатѣкъ, -а; озерѣко, ушько, брюшько; молодѣць, -а, слѣпѣць, -а; словѣце, кольце; пыльца, крѣпостьца; дѣчериъ, -а, -о; божьѣ, божья, божьѣ (но наряду с этим была возможна также акцентовка *божьѣ, божья, божье*), ср. еще *чиѣ, чиѣ, чия, чия; сюда же третѣ, третья, третѣ*.

Примечание. В отношении притяжательных прилагательных с *-ин-, -ьн-* следует учитывать, что они первоначально не имели членных форм. Появившиеся позднее (и то только в косвенных падежах) членные формы заимствовали ударение у нечленных форм; отсюда такие ударения, как, например, современные *Головиных, Головиными, Бородиных, Бородиными*, старовеликорус. *божьихъ, божьими* и т. д. (но также и *божьихъ, божьими*).

Маркировку → можно предполагать также для суффиксов, представленных, в частности, в словах: *рукавъ, -а, видокъ, -а, веретенѣ, пшениѣ, животъ, -а; студентъ, -а, -о, зеленъ, -а, -о*. В слове *женяхъ, -а* суффикс ведет себя в соответствии с маркировкой → Min, но более ранним, по-видимому, было *женяхъ, -а*.

В качестве исключения маркировку → имеет безгласный суффикс, а именно, *-ло* (не в составе *-ил-о*, о котором см. § 2.23); так, от минусовых корней *тяг-, пек-, жере-* образованы *тягло, пекло, жерело*. В опростившихся *весло, число* такой же акцентный эффект дал суффикс *-сло-о*.

Суффиксы с минусовой основной маркировкой

§ 2.25. Суффиксы существительных: *-ив-о, -мя (-мен-), -ян-* (в именах жителей; откл. к ↓), *-от-а* (откл. к →), *-ост-ь* (от простой минусовой маркировки сохраняются лишь следы; обычно — Re, откл. к — Min¹⁷), *-ош-ь*; прилагательных: *-ав-, -ов-, -ој-* (от числительных), *-ск-* (от местоимений), *-ѣк-, -ѣск-, -ѣл-, -ѣн-, -ян-, -ес-, -ер-* (от числительных); глаголов: *-и-ти*. Минусовую маркировку имеет также соединительный морф *-ов-* (выступающий, например, в *яд-ов-итъ, поп-ов-ѣскъ, поп-ов-ичъ, корол-ев-ѣство, сват-ов-ѣство* и т. п.).

Примеры. Производные от слов а. п. а: *молозиво* (от **молоз-* 'дойти'); *знѣмя, сѣмя*; И. мн. *огнищане*; *правота, вѣсота, чѣстота, нищета; слабость, радость, милость, старость; лѣскавъ, корѣставъ; адовъ, братѣвъ, китѣвъ; јунакъ; глѣдѣкъ, рѣзѣкъ; холѣпѣскъ, братѣскъ; слѣвѣнъ, вѣрѣнъ, силѣнъ; мѣдѣнъ, глѣнѣнъ; бѣбити, гѣбити, порѣбити*.

Производные от слов а. п. в: *огниво; писмя* (Р. ед. *писмене*); И. мн. *дворяне; работа, теплѣта, хромѣта, добрѣта, щѣдрѣта, мокрѣта, пѣстрѣта; бѣлость, мѣдрѣсть, лѣтость* (но встречаются

¹⁷ По данным памятников эффекты Re и Min здесь часто бывает невозможно различить.

также следы ударений типа *мудрѣсть*; с другой стороны, возможны такие примеры, как *бѣдрѣсть*, с эффектом Min); *лукѣвъ*, *рѣжѣвъ*; *львѣвъ*, *королѣвъ*, *конѣвъ*; *одинакъ*, *всѣякъ*; *льгѣкъ* (*льгѣка*, -о), *узѣкъ* (*узѣка*, -о), *коротѣкъ* (*коротѣка*, -о); *женѣскъ* (*женѣска*, -о), *конѣскъ* (*конѣска*, -о), *скотѣскъ* (*скотѣска*, -о), субстантивированное *вѣдѣско* (из *вѣдѣско*); *мѣдѣль* (*мѣдѣла*, -о) 'медленный'; *бѣдѣнь* (*бѣдѣна*, -о), *вольнь* (*вольна*, -о), *огньнь* (*огньна*, -о), *серебрѣнь* (*серебрѣна*, -о), *животѣнь* (*животѣна*, -о) (о слове *красѣнь* см. ниже отдельно); *стѣклѣянь*, *пѣпърѣянь*, *овсѣянь*; *бѣлѣсь*; *трубитѣ* (*трублю*), *служитѣ* (*служю*), *женитѣ* (*женю*), *чѣрнитѣ* (*чѣрню*).

Производные от слов а. п. с: *круживѣ*, *варивѣ*, *сочивѣ*; *поломя* (ср. *полѣти* 'пылать'); И. мн. *граж(д)анѣ* (однако, например, *миряне*); *тяготѣ* (*тяготу*), *лѣпотѣ* (*лѣпоту*), *сиротѣ* (*сироту*), *пустотѣ* (*пустоту*), *сухотѣ* (*сухоту*) (однако рано появляется также акцентовка *тяготѣ*, *лѣпотѣ*, *сиротѣ*, *пустотѣ*, *сухотѣ* и т. п.); *грубѣсть*, *благѣсть*, *лѣнѣсть*, *крѣпѣсть*; *пустѣшь*; *крѣвавѣ* (*крѣвава*, *крѣваво*; аналогично и последующие примеры прилагательных); *дубѣвъ*, *ледѣвъ*, *громѣвъ*, *снѣговѣвъ*; *обоѣ*, *двоѣ*, *троѣ*; *такѣ*, *какѣ*, *якъ*; *крѣпѣкъ*, *тяжѣкъ*; *людѣскъ*, *мужѣскъ*, *земѣскъ*; *свѣтѣль*; *свободѣнь*, *холодѣнь*, *вѣчьнь*, *чѣстьнь*; *ледѣянь*, *рѣжанѣ*, *воцанѣ*; *пепелѣсь*; *пятеро*, *шестеро*, *девятро*, *десятеро*; *живитѣ* (*живлю*), *даритѣ* (*дарю*), *крѣвавитѣ* (*крѣваваю*), *свободитѣ* (*свобожю*), *пустѣшитѣ* (*пустѣшо*).

В сущности равносильны минусовым также безгласные суффиксы, не получающие маркировки, т. е. все, кроме немногих, оговоренных выше в § 2.23 и 24. Так, энклиноменами являются, например, словоформы: *да-н-ь*, *волос-т-ь*, *чѣс-т-ь*, *пи-в-о*, *гни-л-ь* (все корни здесь минусовые). Специально отметим, что не имеет маркировки морф **-j-* (после согласной), образующий притяжательные прилагательные; ср., например, *кѣняжѣ*.

В нарушение базисного правила в отдельных случаях (сравнительно немногочисленных) энклиноменами оказываются также некоторые производные с безгласными суффиксами от плюсовых, а не минусовых корней, например: *мас-т-ь*, *страс-т-ь* (*маз- ↓*, *страд- →*).

Имеются также некоторые особые случаи.

Суффикс *-ок-* (у прилагательных) обнаруживает минусовую маркировку в *жестокѣ*, *жестокѣ*, *жестокѣ*; этому не противоречат также *йнокѣ* и *одинокѣ*, *-а*, *-о*. В то же время в группе *высокѣ*, *широкѣ*, *глубокѣ*, *далекѣ* для раннедревнерусского необходимо реконструировать ударение по модели *высокѣ*, *-ѣ*, *-ѣ*, т. е. а. п. *b* (со следами корневого ударения — по крайней мере для слова *высокѣ*). Ударения *выситѣ*, *высота* и *ширитѣ* указывают на исходную маркировку ↓ у этих двух корней (для *глуб-* и *дал-* положение менее ясно). Можно предполагать, таким образом, что *-ок-* есть исконно минусовый суффикс, но в группе *высокѣ*, *глубокѣ*, *широкѣ*, *далекѣ* произошла акцентная перестройка, нарушившая регулярные акцент-

ные отношения (причем еще в праславянскую эпоху, поскольку окситонеза здесь представлена также и в южнославянском).

Ранняя акцентная перестройка произошла также в слове *красьнѣ*: первоначальная акцентовка *красьнѣ*, *красьна*, -о сменилась здесь (по аналогии с непроизводными типа *чърнѣ*, *чърна*, -Ѡ) на *красьнѣ*, *красьна*, -Ѡ. В более позднюю эпоху такая перестройка охватила значительное число слов (см. § 3.57); однако в слове *красьнѣ* (возможно, также в *розьнѣ*) она происходила раньше, чем в остальных.

Суффикс *-тель* обнаруживает минусовую маркировку в словах *приятель*, *неприятель* (от архаичного а-глагола *прियाти*, *прѣю* 'faveo', позднее преобразованного в *прियाти*, *прियाю*), *властель*, *волостель*. Такой маркировке не противоречат также производные типа *дѣлатель*, *списатель*, *служитель*, *избавитель*, где ударение в любом случае должно принадлежать производящей основе. Однако в производных *податель*, *предатель*, *житель*, *учитель*, *святитель* и т. п. (где все морфы производящей основы минусовые) ударение не соответствует ожидаемому; оно явно заимствовано из соответствующих инфинитивов.

Суффикс *-ну-ти* (презенс *-н-еть*) обладает нестандартными акцентными свойствами. Несколько упрощенно их можно представить так. Данный суффикс ведет себя как двуморфный: *-н- + -у-*; первый морф постоянен, а второй представлен только в инфинитиве, но не в презенсе. Морф *-у-* всегда имеет минусовую маркировку. Морф *-н-* имеет минусовую маркировку после корней, оканчивающихся на гласную (сюда же *мя-/мьн-* 'упоминать'), и маркировку → после корней, оканчивающихся на согласную (даже если перед *-ну-* эта согласная исчезает). Примеры (дается только презенс). Корень с ↓: *дѣну*, *-еть*, *вѣсну*, *-еть*. Корень с →: *мокну*, *мокнеть*. Корень с —: 1) *помяну*, *помянеть* (ср. еще *мину*, *минеть*, *ману*, *манеть*, *повину*, *повинеть*, где корень вычленяется с трудом); 2) *тонѣну*, *тѣнеть*, *успѣну*, *успѣнеть*, *вѣрнѣну*, *вѣрнѣнеть*, *крикнѣну*, *крикнѣнеть* (ср. а. п. с в презенсах *топѣть*, *спѣть*, *вѣртѣть*, *кричѣть*).

Для некоторых редких суффиксов не удается установить маркировку, поскольку в имеющемся материале нет надежных примеров их соединения с минусовым корнем. Например, неясна маркировка (— или ↓) суффикса (и основообразующего элемента) *-ѣ/-ѣв*¹⁸, суффикса *-об-а*. Иногда акцентные показания разных слов с одним и тем же суффиксом не согласуются между собой. Например, для суффикса *-ѣн-о* слова *бръвьнѣ* (*бръвьнѣ*), *говьнѣ*, *полотьнѣ* указывают на маркировку →, а *гузьнѣ*, *судьнѣ* — на минусовую маркировку; для *-ѣн-я* *горѣдья*, *вечерьья* указывают на ↓, а *головья* (И. мн. *головья*) на —. В условиях, когда общее число слов с данным суффиксом мало, выявить природу таких расхождений не удастся.

¹⁸ Слово *свекры* (имевшее, по-видимому, акцентовку *свекры*, *свѣкрѣе*) здесь недостаточно показательно, поскольку неясна маркировка корня: акцентуация слова *свекръ* устанавливается ненадежно.

ОСОБЫЕ АКЦЕНТНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ПРИСТАВОЧНЫХ ИМЕНАХ И СЛОЖНЫХ СЛОВАХ

§ 2.26. У имен с основой, состоящей из минусовой приставки (кроме *не*) и корня, ударение в раннедревнерусском обычно уже не подчинялось базисному правилу. Их фактическое ударение может быть описано в терминах перемаркировок.

В раннедревнерусском для *о-* и *а-*основ указанной структуры¹⁹ (существительных и прилагательных) нормой является следующая модель («модель *потопъ*»): корень выступает с маркировкой ↓, хотя бы его исходная маркировка была иной. Примеры: *потопъ*, *-а* (*топ-* —), *переломъ*, *-а* (*лом-* →), *досада* (*сад-* —), *постѣля* (*стел-* →), *убогъ*, *-а*, *-о* (*бог-* —), *безбородъ*, *-а*, *-о* (*бород-* —). Если корень содержит редуцированный, получают такие ударения, как, например (в перечни включены как собственно русские слова, так и церковнославянизмы): *наѣмъ* (*наѣма*), *сѣнѣмъ* (*сѣнѣма*), аналогично *заѣмъ*, *переѣмъ*, *подѣѣмъ*, *причѣтъ*, *учѣтъ*, *росчѣтъ* и др.; *притѣча* (но Р. мн. *притѣчь*), *подѣшьва* (но Р. мн. *подѣшьвъ*), аналогично *прорѣва*, *перерѣва*, *ошьва*, *прошьва*, *польза*, *прѣйма*, *ѹйма*, *бездѣна*, *пожѣня*, *осѣна*, *засѣна*, *присѣна*, *расѣря*. Специально отметим хорошо засвидетельствованные памятниками ударения *пристаѣвъ*, *облакъ*, *признакъ*, *призракъ*, *насмѣркъ*, *пристѹпъ*, *заговоръ*, *сѣговоръ*, *ужасъ*, *запахъ*, *въздѹхъ*, *провода*, отличающиеся от современных (ср. еще *извръгъ* 'изверг', *отпѹстъ*).

Наряду с этой основной моделью существует три второстепенных.

Модель *отрокъ*: корень выступает с маркировкой →, хотя бы его исходная маркировка была иной. Пример: *отрокъ*, *-а* (*рек-/рок-* —). Для раннедревнерусского эта модель является уже реликтовой: речь идет о следах состояния, предшествующего победе модели *потопъ*. В памятниках акцентовка по этой модели (например, *законѣ*, *народѣ*, *прилогѣ*, *сводѣ*, *позоромъ* Т. ед., *покрова*, *поклонѣвъ*, *ослопѣ*, *обѣдѣ*, *искусѣ*) обычно встречается лишь в виде крайне редкого отклонения от обычной акцентовки тех же слов по модели *потопъ*. Устойчиво следуют модели *отрокъ* только *постѣль*, *-а* и *замѣкъ*, *-а* (слово *утѣкъ* не встретилось). Опростившееся слово *отрокъ* сохраняет эту модель лишь в рукописях западной части великорусской территории; в восточной ее части оно выступает уже в модели *окупъ* (ср. карту 8), на украинской территории — в модели *потопъ*. Слово *побѣда* в ранних рукописях акцентуировано по модели *окупъ* или *отрокъ*, позднее переходит в модель *потопъ*; слово *похвала* акцентуируется по модели *отрокъ* или *потопъ*.

Модель *окупъ*: корень выступает с минусовой маркировкой, хотя бы его исходная маркировка была иной. К этой модели принадлежит прежде всего ряд слов с исконной минусовой маркировкой корня

¹⁹ А также отличающихся от них только наличием суффикса *-j- (*постеля*, *притѣча*, *пожѣня* и т. п.).

(для них в принципе можно предполагать простое сохранение первоначальной акцентовки), в частности: *образъ* (наряду с *о́бразъ*, -а), *поваръ*, *възрастъ*, *обручь*, также опростившиеся *островъ*, *потрохъ*, *посохъ*. Однако достаточно рано акцентовка по данной модели появляется также и при иных корнях, в частности: *поясъ*, *розумъ* (и *разумъ*), *подвигъ* (следы *подвѣгъ*), *окупъ*, *отъкупъ*, *похороны*; сюда же *побѣда* (В. ед. *побѣду*, но также *побѣдѹ* — по модели *отрокъ*). В ряде случаев (например, *замысль*, *помысль*, *промысль*, *западъ*) модель *окупъ* конкурирует со следующей («засуха»), причем по показаниям памятников эти модели далеко не всегда удается разграничить.

Модель *засуха*: приставка меняет свою минусовую маркировку на ↓ (маркировка корня после этого уже безразлична). Пример: *засуха* (*сух-* —); заметим, что при такой перемаркировке уже не соблюдается древнее правило, запрещающее маркировку ↓ для этимологически краткого начального слога (§ 2.7). Акцентовка по данной модели прослеживается (в том или ином объеме) в большинстве славянских языков, что заставляет относить истоки такой перестройки (природа которой еще остается невыясненной) к весьма ранней эпохе. Как показывают данные памятников и современных языков и говоров, в восточнославянской области модель *засуха* активно развивалась на украинско-белорусской территории, а также в западной и дальнесеверо-восточной частях великорусской территории. На остальной части великорусской территории она представлена слабо (тогда как модель *окупъ*, напротив, получила здесь значительное распространение). Можно предполагать, таким образом, что инновационные модели *окупъ* и *засуха* уже в раннедревнерусском конкурировали друг с другом и их распределение в основном носило диалектный характер. В ходе истории модель *засуха* особенно широко развилась в украинском; ср., например, *загорода*, *закрутка*, *перéгляд*, *перéпад*, *недбóгляд*, *недбук* и т. п. (см., в частности, Устинова 1980). В литературном русском языке однозначно восходит к модели *засуха* лишь небольшая группа слов: *засуха*, *прóволока*, *зámорозки*, *зáработок* и др., см. § 1.28, А III, п. 3 (слова на -а) и 4; очевидно, это «вклад» западных и северо-восточных говоров. В группе слов мужского рода типа *зáпуск* (§ 1.28, А II) соединилось историческое развитие древних моделей *засуха* и *окупъ* (первоначальные различия в акцентовке мн. числа здесь в значительной мере стерлись); ср., например, тотемское *pógr'op* (Брок 1907, с. 33), где фонема /ó/ свидетельствует о модели *засуха*, и рязанское *n/ó/греб* (Васильев, с. 40), где фонема /э/ свидетельствует о модели *окупъ* (об /ó/ и /э/ см. § 3.3).

Существование всех указанных моделей (при отсутствии каких-либо фонетических правил их распределения) говорит о том, что переход от одной модели к другой был не фонетическим, а аналогическим процессом, который охватывал не весь соответствующий массив слов одновременно.

§ 2.27. Рассмотрим теперь *i*-основы, состоящие из минусовой приставки (кроме *не*) и корня, а также те, которые сверх того имеют суффиксы *-т-ь*, *-н-ь* или *-л-ь* (*зависть*, *пристань*, *поросль* и т. п.). Здесь можно выделить те же модели акцентировки, что и выше, но их распределение иное.

Прежде всего, для значительной части слов распределение моделей *потопъ* и *окупъ* непосредственно соответствует исходной маркировке корня; иначе говоря, эти слова просто подчиняются базисному правилу (без перемаркировок). Таковы, в частности: 1) *напáсть*, *пропáсть* (ср. *пáсти*, *пáли*), *звѣсть*, *ненавѣсть*; 2) *заповѣдь*, *проповѣдь*, *исповѣдь* (ср. *вѣмы*, *вѣстѣ*), *звѣдь*, *повѣдь*, *изгородь*, *упряжь*, *оторопь*, *прихоть*, *похоть*, *подать*, *область*, *преlestь*, *повѣсть*, *свѣсть*, *почсть*, *поросль*, *отрасль*, *прибыль*.

Как можно видеть, здесь практически преобладает модель *окупъ*. Такое же положение и у тех слов, где фактически происходит перемаркировка. Так, перемаркировку по модели *окупъ* можно констатировать (по крайней мере, в некоторых говорах), в частности, для слов *обувь*, *привязь*, *связь*, *запись*, *опись*, *недопись*, *пропись*, *опашь*, *помочь* (*помощь*); она рано отмечается также для слов *зависть*, *ненависть*, *пропасть*. Напротив, перемаркировка по модели *потопъ* очень редка, ср. опростившиеся *юдль* (*удоль*), *утв́арь* (корневое ударение изредка отмечается также у слов *заповѣдь*, *помощь*). Модели *отрокъ* у *i*-основ, по-видимому, почти не было: одно лишь слово *сѣмьртъ* обнаруживает некоторые следы флексийного ударения (при обычной акцентировке по модели *потопъ*, которая в более поздних памятниках заменяется моделью *окупъ*).

Модель *засуха* здесь довольно трудно выявить по показаниям памятников, но она несомненно существовала, ср. ударение *ненависть* в части более поздних памятников (при *ненависть* в большинстве великорусских памятников). Весьма показательны также современные украинские ударения *ненависть*, *перев'язь*. В отличие от этих примеров, в литературных русских *ненависть*, *перевязь*, *перепись*, *недопись* отразилась характерная для восточновеликорусских говоров модель *окупъ*.

Что касается сложений с плюсовыми приставками (*вы-*, *па-*, *пра-*, *су-*), то они ни в чем не отклоняются от базисного правила, т. е. ударение здесь всегда на приставке. Примеры: *вынось*, *пáволожа*, *пáгуба*, *пáмьятъ*, *пáбаба*, *пáвнукъ*, *пáродитель*, *сугубъ*, *сумракъ*, *супостать*.

Сложения с приставкой *не* также обычно подчиняются базисному правилу, ср. *недругъ* (*друкъ*), *немочь* (*мочь*), *непростъ* (*простъ*), *немногъ* (*многъ*). Лишь в тех редких случаях, когда сложение с *не* синтаксически не равно второму члену, *не* ведет себя как прочие минусовые приставки, а именно, сложение подвергается стандартной перемаркировке, например: *небогъ* 'убогий, несчастный', *неплѣдъ* 'бесплодный', *недугъ*.

§ 2.28. В сложных словах (с бессуффиксным вторым членом) в раннедревнерусском господствует следующая акцентная модель: последний корень меняет свою маркировку на ↓, а все прочие морфы — на минус. Примеры: *богослѡвъ*, *Всеслѡвъ*, *зълѡдѣѣ* (один из акцентных вариантов), *колѡворѡтъ*, *дѣлгорѣкъ*, *рукоятъ*, также *Ростислѡвъ*, *Мѣстислѡвъ* (один из акцентных вариантов). Эта модель соответствует модели *потопъ* у приставочных имен.

В качестве второстепенной была возможна также архаичная модель без перемаркировок; она давала такие ударения, как, например: *лѣтопись* (*лѣт-* ↓), *Стѣродубъ* (*стар-* ↓), *зълѡдѣѣ* (один из акцентных вариантов; *зъл-* →), *Всѣволодъ* (*вс-* →), также *Звѣнигородъ* (с императивом в первой части), *Володимѣръ*, *Мѣстиславъ* (один из акцентных вариантов). Судя по тому, что в более позднее время ударение на соединительной гласной отмечается в украинском (реже в белорусском), но не в великорусском (ср. укр. *добрѣбут*, *добрѣдѣй*, *жѡвѣбрюх*, *злѣдѣй*, *злѣчин*, *чорнѣзем*, *чорнѣклен*, *чорнѣслив*, *тернѣслив*, *конѣв'язь* и др.), можно предполагать, что оно достаточно рано стало приобретать диалектный характер. В современном украинском такое ударение изредка встречается также и в словах, где первый член не имел в древности маркировки →, например, *Житѣмир*, *правѣпис*, *простѣлюд*, *тверѣбѣколос*. Напротив, в русском языке со временем вышла за свои первоначальные рамки модель *лѣтопись* (у *i-feminina*): ср. *кѡновязь*, *рѣкопись* и т. п., где первый член не имел в древности маркировки ↓. Заметим, что различие, например, между укр. *конѣв'язь* и рус. *кѡновязь* сходно с различием между укр. *ненѣвисть* и рус. *нѣнависть* и т. п.

§ 2.29. Участвуя в дальнейшем словопроизводстве, приставочные и сложные имена выступают уже в своем перемаркированном виде (т. е. особенности их ударения соответствующим образом «наследуются» их производными). Таким образом, получают, например, ударения: *допотѡпъньши*, *постѣльникъ*, *убѣжѣство*, *наѣмъникъ*, *наѣмитъ*, *наѣмовати*, *сѣньмище*, *притѣчъникъ*, *пользъныи*, *отрѡжѡвица*, *отрѡчѣ*, *поясѣнница*, *помощъникъ*, *-ѣ*, *богослѡвѣѣ*, *лицемѣрѣѣ*. В ряде случаев, однако, при приставочных именах, подвергшихся перемаркировке по новым моделям *окупъ* или *засуха*, производные отражают более раннюю акцентовку по модели *потопъ*; таковы, в частности: *разѣумънь*, *подвѣжъникъ*, *пропѣстьнь*, *завѣстъ-нь*, *-ъникъ*, *ненавѣстъ-нь*, *-ъникъ*.

Правило о перемаркировке по стандартным моделям (*потопъ*, *богослѡвъ*) в принципе действительно и для тех случаев, когда соответствующего бессуффиксного имени нет, а образуется сразу суффиксальное производное, например: *безвѣдънь*, *самовѣдънь*, *правѡвѣрѣѣ*. Заметим, что сюда же относятся, например, *лѣтописъць*, *рукописънь* и т. п., поскольку они образованы не от *лѣтопись*, *рукопись*, а непосредственно от соответствующих словосочетаний. Интересный пример акцентно правильных производных от словосо-

четания составляют *новъгородѣць*, *новъгородѣскъ* (*новъ городъ* — первоначально не сложное слово, а словосочетание, ср. § 2.9).

Здесь мы сталкиваемся, однако, с важной для акцентологии проблемой неоднозначности деривационной истории довольно большого класса производных. Например, *бесчѣстьнѣжь* может трактоваться как ((*бес-чѣст-ьн*)-ѣжь) и тогда получит ударение *бесчѣстьнѣжь*, но также и как *бес-((чѣст-ьн)-ѣжь)* и тогда получит ударение *бесчѣстьнѣжь*. Аналогичная неоднозначность: ((*бѣло-город*)-ьск)-ѣжь и *бѣло-((город-ьск)-ѣжь)*. В памятниках всех периодов такие производные в подавляющем большинстве случаев трактуются первым из указанных способов, что дает такие ударения, как *бесчѣстныи*, *надгробныи* и т. д. Однако в небольшом количестве встречаются также (в ранних памятниках несколько чаще, чем в более поздних) ударения типа *бесчестнѣе*, *бѣлогородскѣго*, *надгробнѣе*, *подземная*, *всеноцнѣе*, *обноцнѣе*, *многострастная*, *любострастнѣе*, *зѣроловѣцѣи*, *иконоборѣць*. Эта двойственность дожила и до современного языка, где она предстает в виде различия между плотным и неплотным примыканием, например, *неотвѣзныи*, *межзубныи* — *непроходнѣи*, *межплеменнѣи* (см. § 1.4). Имеющийся материал пока еще недостаточен для того, чтобы восстановить историческую динамику конкуренции этих двух трактовок и закономерности их распределения; поэтому ограничимся констатацией того, что обе они существовали уже в раннедревнерусском, равно как и во все последующие периоды.

ИТОГИ РАННЕДРЕВНЕРУССКОЙ АКЦЕНТНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

§ 2.30. В предшествующем изложении фактически содержатся сведения о предполагаемой (в рамках данной реконструкции) раннедревнерусской акцентуации большинства словоформ, встречающихся в памятниках.

С формальной точки зрения, акцентуация произвольной раннедревнерусской словоформы устанавливается по этим сведениям так. По спискам, данным в § 2.14—25, определяется маркировка каждого морфа, входящего в рассматриваемую словоформу. Если хотя бы один из этих морфов в списках отсутствует, конечного результата обычно уже получить нельзя (это не так только в том случае, если окажется, что в данном окружении недостающая маркировка не может повлиять на акцентный итог). Если в списках при каком-либо из морфов даны указания о его индивидуальных особенностях (ср., в частности, § 2.21), они должны быть соответствующим образом учтены. Если словоформа подпадает под действие § 2.26—29, должны быть произведены требуемые перемаркировки. После этого акцентуация словоформы определяется по базисному правилу (§ 2.8).

Аналогичным способом можно установить также акцентуацию тактовой группы; в этом случае должны быть выполнены, сверх про-

Комментарии. Для *на розѣхъ* был возможен также вариант *на розѣхъ* (§ 2.18). В *болъ* перемаркировка по § 2.21, п. 1 (*бод-*). В *на бедръ* представлено слово женского (а не среднего) рода, ср. ниже *на бедры*; был возможен также вариант *на бедръ* (§ 2.18). В словоформе *подъкльда* такое ударение было бы и при иной исходной маркировке морфа *кльд-*, поскольку здесь должна быть перемаркировка по § 2.26. Для сочетания *къ мѣнѣ* более архаичным является акцентный вариант *къ мѣнѣ* (§ 2.19). В *невреженѣ* перемаркировка по § 2.21, п. 3. Для *сѣблюдѣ* более архаичным является акцентный вариант *сѣблюде* (§ 2.20). В *вередѣхъ* перемаркировка по § 2.20. Для *въ уности* был возможен также вариант *въ уности* (§ 2.18). Разделение на тактовые группы могло быть в ряде случаев и иным, чем указано; например, *лутьѣ звѣрь*, и *руцѣ* и *нозѣ* могли быть и разъединены.

Разумеется, при оценке всех полученных таким образом реконструкций нельзя забывать того, что в действительности надежность реконструкции разных элементов текста очень различна. Например, акцентуация слова *конь* восстанавливается вполне надежно, а слов *туръ*, *вепрь* — гораздо менее надежно; то же можно сказать соответственно про окончание *-ами* в *ногами* и *-ома* в *рогома*. Нет уверенности в том, что, скажем, вариантность *на розѣхъ* и *на розѣхъ* относится к той же эпохе, что вариантность *сѣблюде* и *сѣблюдѣ* и т. п. Во многих случаях, выглядящих как простое акцентное колебание, в действительности могло быть какое-то закономерное распределение, пока еще не выявленное.

С другой стороны, однако, существенно то, что раннедревнерусская акцентная реконструкция — сравнительно неглубокая в хронологическом отношении: лишь два столетия отделяют конец раннедревнерусского периода от первых памятников, дающих акцентологическую информацию (середина XIV в.), причем за эти столетия, насколько можно судить, никакой радикальной ломки акцентной системы не происходило. Это дает возможность предполагать, что в рассматриваемой реконструкции, даже если речь идет не о словоформах, а о фрагментах текста, ошибки и лакуны в основном касаются частностей.

В целом раннедревнерусская акцентуация предстает как сравнительно строго организованная система, в основе которой лежит противопоставление ортотонических словоформ и энклиноменов. В этой системе действуют достаточно четкие механизмы, предопределяющие принадлежность словоформы к одному из двух акцентных классов, а также место ударения внутри ортотонической словоформы. Существенно, однако, что эти механизмы в раннедревнерусском имеют уже традиционный, т. е. морфонологический (а не чисто фонетический) характер. Отсюда принципиальная возможность их нарушения под влиянием аналогии и других нефонетических воздействий. В самом раннедревнерусском таких нарушений еще сравнительно мало, но уже имеются предпосылки для их распространения в ходе дальнейшей эволюции.

АКЦЕНТНЫЕ ОТЛИЧИЯ РАННЕДРЕВНЕРУССКОГО ОТ ПРАСЛАВЯНСКОГО

§ 2.31. Акцентные отличия раннедревнерусского от (позднего) праславянского можно разделить на две группы. Во-первых, это некоторые отличия общего характера, касающиеся самой просодической системы, во-вторых — различия в маркировке отдельных морфем. Различия второго рода мы здесь рассматривать не имеем возможности (косвенным указанием на них может служить помета «следы такой-то акцентовки», данная выше при части морфем: обычно речь идет именно о следах праславянской акцентовки).

Главное различие общего характера касается вопроса об интонационных противопоставлениях в рамках автономного ударения. Для позднего праславянского обычно реконструируется противопоставление двух интонаций у этимологически долгих гласных, несущих автономное ударение: акута (или «старого акута») и нового акута. Новый акут стоит там, где автономное ударение сместилось на слог влево (со слабого редуцированного или в силу эффекта Re). Кроме того, по-видимому, та же самая интонация представлена при автономном ударении в послекорневых морфемах с так наз. «несокращающейся долготой» (с генетической точки зрения это морфемы с балтославянским циркумфлексом); см. Дыбо 1968, с. 151, 174. Акут стоит в прочих случаях. Акут (‘’) и новый акут (‘) могут выступать в одинаковой позиции, ср., например, **mōrzъ*, **rāniši* и **kōrljъ*, **pāliši*. Вполне вероятно, впрочем, что с самого момента возникновения нового акута отличие новоакутовых долгих гласных от акутовых было не чисто интонационным, а прежде всего количественным. Даже те славянские языки, которые и сейчас имеют тональные противопоставления, отражают это различие (в позициях, где не было позднейших метатоний) именно как количественное, а не как интонационное: ср. краткость в чакавск. *mrāz*, словен. *mrāz* и долготу в чакавск. и словен. *krālj*.

Что касается этимологически кратких гласных, то здесь наличие чисто интонационного противопоставления между новым акутом (например, в **bōbъ*, **nōsiši*) и старым ударением (например, в **selō*, **gotōvъ*, **dobrōta*) еще менее вероятно. По-видимому, разница здесь могла состоять лишь в том, что краткая гласная под новым акутом удлинялась; однако это удлинение было непоследовательно, а в части диалектов, вероятно, вообще отсутствовало.

Особенность восточнославянской ветви состоит в том, что здесь не обнаруживается никаких достоверных следов различия между старым акутом (или старым ударением на краткой гласной) и новым акутом. Правда, в ряде работ можно найти утверждение, что специфическим следом нового акута на *o* является старовеликорусская и современная диалектная фонема /*ô*/. Однако в действительности весь относящийся к данной проблеме материал с несомненностью показывает, что точно такой же результат (т. е. /*ô*/) давало *o* под старым

ударением (ср. Станг 1957, с. 13, где этот факт специально отмечается). Неизвестно ни одного великорусского памятника или говора, различающего /о/ и /Ѡ/, где /Ѡ/ выступало бы только в соответствии с новым акутом, но не со старым ударением. Заметим, что Л. Л. Васильев в своей классической работе об этом явлении нигде не говорит именно о новом акуте как условии возникновения /Ѡ/; он везде говорит просто о «восходящем ударении» (в котором фактически объединяются новый акут и старое ударение). Таким образом, аргумент о великорусском /Ѡ/ как свидетельстве существования особой интонации нового акута основан просто на неточности формулировки.

В. В. Колесов выдвинул тезис о том, что в древнерусском колебания типа *дѹма—думѧ* происходили «только в исконно баритонированных именах» (Колесов 1972, с. 22), иначе говоря, при акутовой интонации корня, но не при новоакутовой. Однако фактический материал (в т. ч. содержащийся в самой цитируемой книге) никак не согласуется с этим тезисом: колебания типа *дѹма—думѧ* отмечаются не менее широко, чем в исконно баритонированных именах, также в словах *чаща, толща, жаж(ѡ)а, воля, воня, доля, обжа, ольха* и других, где реконструируется новоакутовая интонация корня.

§ 2.32. Единственный пункт, где можно было бы подозревать отражение былого различия акутовой и новоакутовой интонаций на восточнославянской почве, — это противопоставление украинских *орѡ, олѡ, ерѡ* (например, Р. мн. *ворѡн, колѡд, мерѡж*) и *орі, олі, ері* (например, Р. мн. *борід, голів, черід*) в случаях, где в последующем слоге пал редуцированный. Л. А. Булаховский, как известно, выдвинул гипотезу о том, что здесь представлены прямые фонетические рефлекссы соответственно акутовых и новоакутовых полногласных сочетаний (Булаховский 1947, 1961). Однако против гипотезы Л. А. Булаховского говорит то, что рефлекссы *орі, олі, ері* отмечаются (и то непоследовательно) лишь в нескольких морфологических позициях, где могла действовать аналогия с морфемами, обнаруживающими стандартное украинское чередование *о/і*; во всех прочих морфологических позициях выступают только *оро, оло, ере* (см. Гард 1974, с. 113; отметим еще Селищев 1951, с. 170, Якше 1965, с. 30). Целесообразно рассмотреть украинский материал несколько подробнее, чем это сделано у П. Гарда и других критиков гипотезы Л. А. Булаховского. Ниже материал дается в основном по словарю под редакцией Б. Гринченко и по словарю М. И. Погрибного.

Основная группа примеров с *орі, олі, ері*, на которые опирается гипотеза Л. А. Булаховского, — это словоформы Р. мн. и производные на *-к-а*: *бородѧ — борід, борідка; боронѧ — борін, борінка; головѧ — голів, голівка* (однако *голівка* о луке, маке и т. п.); *сковородѧ — сковорід, сковорідка; сторонѧ — сторін, сторінка; чередѧ — черід, черідка; долотѡ — доліт; pluralia tantum ворѡта — воріт, ворітка*. Эти примеры ничем не отличаются от действующего морфологического стандарта, представленного, скажем, в *ногѧ — ніг, ніжка, слободѧ — слобід, слобідка, бджолѧ — бджіл, бджілка, селѡ —*

сіл и т. п. По крайней мере для непроезженных слов некнижного характера модель с чередованием представляет собой норму (в Р. мн. чередование может отсутствовать, если у данного слова мн. число малоупотребительно). Не подлежит сомнению, что эта модель оказывала сильное аналогическое воздействие на слова, первоначально к ней не принадлежавшие. Это видно, в частности, из следующих примеров, где исходным был старый акут: *корбѡа* — *корѣв*, *корѣвка*; *дорбѡга* — *дорѣг*, *дорѣжка* (наряду с *дорбѣжка*); *берѣза* — *берѣз*, *берѣзка* (наряду с *берѣзка*); диалектное *ворбѡна* — *ворѣн* (при литературном *ворбѣн*); *смерѣка* — *смерѣчка* (наряду с *смерѣчка*); *солбѡма* — *солѣмка* (наряду с *солбѣмка*); *волбѡка* — *волѣчка* (наряду с *волбѣчка*); *полбѡа* — *полѣвка* (наряду с *полбѣвка*); *болбѡто* — *болѣт*. Показательны также *блѡхѡ* — *блѣх*, *блѣшка*, *бровѡ* — *брѣв*, *брѣвка*, *слѡзѡ* — *слѣз*, *слѣзка*, где в корне были ъ, ь, т. е. *i* не могло получиться фонетическим путем. Для сравнения приведем словоформы тех же морфологических групп, сохраняющие *орѣ*, *олѣ*, *ерѣ*: 1) с исходным старым акутом — Р. мн. *ворбѣн*, *колбѣд*, *сорбѣк*, *верѣт*, *мерѣж*, производные на *-к-а* *колбѣдка*, *верѣтка*, *мерѣжка*, также *волбѣшка*, *холбѣпка*; 2) с исходным новым акутом — Р. мн. *горбѣж*, *сторбѣж*, *джерѣл*, *дерѣв*, *черѣв* (ср. также *сѣред*, *тѣлок*, от *середѡ*, *толбѣкѡ*), производные *борбѣзка* (от *борознѡ* 'борозда'), *ворбѣжка* 'гадалка', *ворбѣнка*, *голбѣвка* (лука и т. п.), *горбѣчка* 'воробьяха', *дерѣзка*, *дерѣнка*, *корбѣчка*, *молбѣчка* (растение), *сорбѣчка* 'рубахѡ', *сторбѣжка*. Итак, как в группе с исходным новым акутом, так и в группе с исходным старым акутом фактически имеются рефлексы с *орѣ* и т. д. и с *орѣ* и т. д., причем даже количественные соотношения *орѣ* и *орѣ* в этих двух группах различаются довольно мало. Тот факт, что у слов типа *корбѡа*, *колбѡа* чередование *o/i* (*e/i*) распространилось в несколько меньшей степени, чем у слов типа *борѡдѡ*, *голѡвѡ*, следует связывать с тем, что в украинском языке слова с неподвижным ударением вообще менее склонны к чередованиям, чем слова с подвижным ударением: подавляющее большинство слов без чередования (например, *свѡбѡда*—*свѡбѣд*, *опѡбра*—*опѣбр*, *затѡбка*—*затѣк*) — это именно слова с неподвижным ударением.

В условиях постоянного давления со стороны стандартной модели *ногѡ* — *нѣг*, *нѣжка* сохранение *орѣ*, *олѣ*, *ерѣ* естественно считать архаизмом — как в случаях типа *колбѣд*, *колбѣдка*, так и в случаях типа *дерѣв*, *борбѣзка*. В говорах встречаются и другие архаизмы; в частности, важным примером сохранения старого состояния является Р. мн. *хѡлѣбѣц* (равно как *хѡлѣбѣц*) в закарпатском говоре села Убли, ср. и в Р. мн. *пѣх*, *жѣп* (Брок 1900, с. 81).

Далее, *олѣ*, *ерѣ* в соответствии с новым акутом выступает в форме прош. муж.: *волоктѣ*, *волоклѡ* — *волѣк*; *берегѣ*, *береглѡ* — *берѣг*; *стерегѣ*, *стереглѡ* — *стерѣг*. Однако точно такая же картина и в стандартных *могѣ*, *моглѡ* — *мѣг*, *пекѣ*, *пеклѡ* — *пѣк* и т. п.

Прочие случаи *орѣ*, *олѣ*, *ерѣ* в соответствии с новым акутом совершенно единичны (ср., например, диалектное *хорѣш*, наряду с *хорѣш*). В то же время имеется значительное число примеров *орѣ*, *олѣ*, *ерѣ*

при других исходных акцентовках (т. е. явно аналогического происхождения), в частности: *смбрід*, *Тѣтерів*, также *бѣриг*, *вѣрис*, *вбріг*, *вбрін*, *жблїб* (наряду с *бѣрег*, *вѣрес*, *вброг*, *вброн*, *жблѣб*); *порїг*, *Запорїжжя*, *хорїмці*; *болїтцѣ*, *ворїтцѣя*; по-видимому, сюда же *оборїг*, *поворїт* (наряду с *поворѣт*).

Во всех остальных случаях в соответствии с исходным новым акутом находим только *орб*, *олб*, *ерѣ* (в любой позиции, в частности, и там, где в последующем слоге пал редуцированный). Особенно показательны здесь: *корбль* (*короля*), *дерѣн* (*дерену*), *хворбст* (*хворосту*); *корѣткый*, *порѣжній*; *джерѣльній*, *джерѣльце*, *молѣчний*, *хорѣство*; *перѣрва*, *перѣсна*, *перѣйми* (мн.), *перѣйдеш*, *перѣймеш*. По-видимому, сюда же относятся *поворѣзка*, *оголѣска*, *поголѣска*, *поперѣчка*, *оторѣчка*, *похорѣнка*. Кроме того, имеется значительное число слов, где ударение на полногласном сочетании не первоначально, но, вероятно, было перенесено довольно рано и при этом должна была появиться новоакутовая интонация. Таковы, в частности: *волбѣся*, *волѣття*, *голѣддя*, *колѣсся*, *полѣззя*, *черѣп'я*; *голѣдний*, *перѣдній*, *серѣдній*, *солѣдкий*, *сорѣмний*, *сторѣнний*, *холѣдний*; *горѣбчик*, *жерѣбчик*, *молѣдчик*.

Существенно то, что рефлекс типа *орб* в соответствии с новым акутом встречается в самых разных морфологических моделях, при этом нередко в таких словах, которые в силу своей морфологической структуры максимально ограждены от аналогических воздействий; ср., например, *перѣсна*, *порѣжній* (опростившиеся слова), *корѣткый* (корень не встречается без суффиксов), *ворѣнка*, *сорѣчка* (исходные **воронá*, **сорокá* не сохранились, ср. русск. диал. *воронá* [Даль], укр. *сорочїна*, русск. диал. *сорочїца* [Даль]). Между тем рефлекс типа *орї*, как уже отмечено, ограничен лишь тремя морфологическими моделями, для каждой из которых характерны регулярные чередования *o/i*, *e/i*. Такое соотношение отчетливо говорит против признания *орї* собственно фонетическим отражением *оро* под новым акутом.

Таким образом, украинское различие типа *орѣ*—*орї* не может быть признано надежным основанием для реконструкции двух разных интонаций в рамках автономного ударения. Заметим, что в любом случае украинские данные, не находящие никакого аналога в великорусском, еще не могли бы служить достаточным основанием для реконструкции соответствующего явления во всех диалектах восточнославянской ветви.

Вопрос о том, совпали ли в восточнославянском две разные интонации праславянского (акутовая и новоакутовая) или в данной группе праславянских диалектов этого различия вообще не сформировалось, остается открытым. Для настоящей работы существенно прежде всего то, что в истории русского языка указанное различие нигде и ни в чем не проявляется.

§ 2.33. В праславянском до некоторого момента его развития каждая гласная фонема обладала постоянной количественной характеристикой: *o*, *e*, *ъ*, *ь* были краткими, *a*, *ѣ*, *y*, *i*, *u*, *e*, *o* — долгими;

как долгие функционировали также сочетания кратких гласных с *r*, *l* в позиции перед согласной. Эти старые количественные различия не создавали чистых противопоставлений по долготе—краткости, поскольку любые две гласные различались, кроме того, также качественно.

Новые количественные различия возникли в результате процессов сокращения старых долгих и удлинения старых кратких в определенных просодических условиях. До тех пор, пока эти условия сохранялись, различие по долготе—краткости (фонологического значения) не имело; но в случае исчезновения таких условий оно становилось фонологически значимым. Процессы формирования новых количественных различий протекали в разных праславянских диалектах по-разному. Поэтому единого праславянского распределения новых долгот и краткостей не было. Однако сами оппозиции типа *a—ā*, *i—ī* и т. д. в большинстве диалектов сформировались; так, по крайней мере в части диалектов противопоставлялись, например, *mā-zalъ* и *māzānъ*, *rŭbina* и *jlstina*, *stāviti* и *stāviši*.

Как старые, так и новые количественные различия могли быть в определенных случаях существенными для действия акцентных правил.

В восточнославянских языках, однако, рассматриваемые количественные различия (как старые, так и новые, если они успели сформироваться) не сохранились, если не считать отличия слабых *ъ*, *ь* от всех прочих гласных, выразившегося впоследствии в их падении. Когда именно утратились эти различия, остается недостаточно ясным. Древнейшие заимствования из восточнославянского в балтийские и прибалтийско-финские языки еще указывают на различие долгих и кратких гласных (см. Станг 1957, с. 52—55). Но никаких достоверных свидетельств сохранения праславянских количественных различий в эпоху после падения редуцированных нет. В памятниках XIV—XVII вв. имеются, правда, некоторые случаи, когда в определенной группе словоформ место ударения обнаруживает зависимость от этимологической долготы или краткости гласной (рассматриваемой или соседней); например, в памятнике XVI в. Косм. (§ 3.28) обнаруживается акцентное противопоставление типа *могучй*, *носячй* — *пйшуци*, *тўжачи* (см. Глаг. акц., § 21). Однако все такие случаи могут быть истолкованы как наследие праславянской эпохи; ни для одного из них не удается показать, что акцентуация определяется синхронически актуальной долготой или краткостью.

§ 2.34. В прочих случаях, где можно говорить об акцентных различиях общего характера между раннедревнерусским и праславянским, мы имеем дело не с поздней, а с более ранними стадиями развития праславянского, т. е. речь идет уже фактически об акцентной эволюции самого праславянского. Если двигаться в процессе акцентологической реконструкции против течения времени и последовательно «снимать» относительно более поздние явления, вскры-

вается ряд более древних состояний праславянской акцентной системы. Бегло укажем здесь (в терминах маркировок) важнейшие из этих состояний.

«Снятие» определенных аналогических выравниваний выявляет систему, где еще не было эффекта Min.

Далее, «погружаясь» во время, предшествующее отяжке ударения влево со слабых редуцированных (а также, в определенных случаях, с долгих гласных, в прошлом характеризовавшихся балтославянским циркумфлексом), мы вскрываем систему, где маркировка → во всех случаях означала ударение на следующей за данной морфемой гласной (т. е., в частности, не было эффекта Re).

На еще более раннем этапе, предшествующем переносу ударения на слог вправо со слогов с балтославянским циркумфлексом (или краткостью), не было маркировки →: имелась единая плюсовая маркировка (действовавшая как ↓). Акцентная система строилась на противопоставлении всего двух акцентных парадигм: неподвижной (при наличии хотя бы одной плюсовой морфемы в основе слова) и подвижной (при основе из одних лишь минусовых морфем).

Описание и обоснование указанных шагов акцентологической реконструкции содержится в работе: Дыбо 1981.

Глава третья

АКЦЕНТНЫЕ СИСТЕМЫ XIV—XVII ВЕКОВ

§ 3.1. После падения и «прояснения» редуцированных древнерусский язык переходит в новое состояние, с типологической точки зрения уже довольно близкое к современным восточнославянским языкам.

Так наз. позднерусский период охватывает время от падения редуцированных до конца XIV в. В этот период имеются весьма значительные диалектные различия (частью унаследованные от более ранней эпохи, но в основном возникшие в связи с процессом падения и «прояснения» редуцированных). Однако определяемые этими различиями диалектное членение еще далеко не соответствует трем будущим языкам.

Памятники XV—XVII вв. обозначаются уже как старовеликорусские (или старорусские), староукраинские и старобелорусские; последние две группы, впрочем, не всегда легко разграничить. В настоящей работе из памятников этого периода непосредственно изучаются только старовеликорусские.

Как показывает анализ, старовеликорусские памятники с акцентологической точки зрения распадаются на две группы: западную (исторически связанную с Новгородской и Смоленской землями) и восточную (связанную с Ростово-Суздальской, Рязанской и отчасти Черниговской землями). Различия (довольно значительные) между этими двумя группами рассматриваются на протяжении всей настоящей главы (их итоговый обзор дан в § 3.77).

Акцентные системы памятников, даже относящихся к одной диалектной зоне, как правило, в ряде деталей различаются между собой. Поэтому целесообразно говорить о точечных (по месту и времени) акцентных системах (или, иначе, акцентных микросистемах). Отдельную микросистему образует акцентуация практически любого памятника и любого говора¹.

При цитировании памятников ниже используются следующие упрощения записи. Буквы *а* и *ѣ* передаются одинаково как *я*; *ѐ*, *љ*, *њ*, *ћ* — как *у*; *ѣ*, *ћ* — как *ы*; *о* широкое, *о* узкое, *о* очковое — как *о* (об особых случаях см. § 3.19); *з*, *с* — как *з*. Надстрочные буквы передаются и в печати как надстрочные, но при этом ставятся на соответствующее им место в словоформе (знак выноса опускается), например: *крѣти*. О передаче надстрочных

¹ Подобно тому, как слово «система» применяется и к языку в целом и к отдельным его уровням или звеньям, слово «микросистема» ниже тоже может использоваться как применительно ко всей совокупности языковых характеристик памятника или говора, так и к некоторой их части (например, относящейся к склонению, к какой-то группе форм и т. п.).

знаков см. § 3.18. В прочих случаях (т. е. не при цитировании) используется нормализованная запись, отражающая состояние языка после падения редуцированных. Из реальных памятников к такой записи ближе всего стоят памятники XIV в. (до начала второго южнославянского влияния), например, Чудовский Новый Завет или Лаврентьевский список «Повести временных лет». В презенсе глаголов в нормализованной записи используются окончания *-шь* и *-ть*. Ударение в такой записи обозначается над конечной гласной тактовой группы знаком ` , в прочих случаях — знаком ' (т. е. по правилам так наз. «старопечатной» системы надстрочных знаков, см. § 3.16).

Каждому из использованных памятников присвоено условное сокращенное наименование; см. описание памятников в § 3.21—33, а также общий список сокращений в конце книги. При цитировании памятников, написанных в два столбца, ссылки даются на лист и столбец (а, б, в, г), например: 12а, 35г (какие именно памятники разделены на столбцы, указано в их описании). Для прочих памятников ссылки даются на страницы (если в описании памятника не оговорено иное); при этом страница на лицевой стороне листа обозначается просто номером листа, на обороте — тем же номером с буквой «б», например: 12, 12б.

Конкретное употребление некоторой словоформы в определенном месте памятника ниже мы обычно называем просто «примером» (чтобы избежать громоздкого термина «словоупотребление»); соответственно, мы стремились использовать слово «пример» в обычном значении («образец», «образчик») только там, где контекст исключает двусмысленность.

Адрес примера может записываться по модели *в гной Чуд. 35в* или *Чуд. в гной 35в* — в зависимости от удобства для соседних записей. Отметим, что запись «и др.» после серии номеров страниц означает «и на других страницах» (а не «и другие словоформы»). Примеры, переходящие с одной страницы на другую, помечаются номером первой из этих страниц. Запись со знаком † типа *по лѣсбѣмъ 27 (+12б)* показывает, что пример на странице 12б отличается от приведенного какими-то деталями орфографии, несущественными для нашего разбора (например, это может быть *по лѣсѣдмъ*, *по лѣсѣдѣмъ*, *по лѣсѣмъ* и т. п.). Вместо адреса может быть указано общее число встретившихся примеров (несущественное орфографическое варьирование при таких подсчетах не принимается во внимание). Знак × заменяет слово «раз». Если подсчет дан после серии примеров, при которых нет адресов (или подсчетов), то он относится ко всей серии (то же верно для указания «часто»). При перечислении словоформ возможна сокращенная запись, например: *закѣнъ*, *-а* (= *закѣна*); *пѣведи-аго*, *-ому* (= *пѣведному*). При цитировании знаки | (конец строки) и || (конец страницы) даются не систематически, а только при особой необходимости.

ОСНОВНЫЕ АКЦЕНТНЫЕ ЯВЛЕНИЯ ПОЗДНЕДРЕВНЕРУССКОГО ПЕРИОДА

ПАДЕНИЕ РЕДУЦИРОВАННЫХ И УДАРЕНИЕ

§ 3.2. Как указано в § 2.5, уже в раннедревнерусском слабый редуцированный не мог нести автономного (т. е. фонологически значимого) ударения; ср., например: *столъ, посылеть, сълеть, злыихъ* и т. п. вместо **столъ, *послеть, *слеть, *злыихъ*. Процесс падения и «прояснения» редуцированных сам по себе не вызывал никаких сдвигов автономного ударения; например, из приведенных р.-др.-р. словоформ получились п.-др.-р. *столъ, послеть, слеть, злыихъ*. Специально отметим, что сказанное верно и для тех словоформ, где слабые редуцированные по тем или иным причинам сохранились в виде гласных, например: *огньоно, серёбрьно, мъртвѣно, острѣе* дали *огнено, серёбрено, мёртвено, острие*.

Что касается энклиноменов, то процесс падения и «прояснения» редуцированных не изменил их просодического статуса, т. е. соответствующее п.-др.-р. слово тоже было энклиноменом. Например, *князь, сто, чьстьно* дали *князь, сто, чьстьно*. Поскольку энклиномены с фонологической точки зрения вообще не имели ударения, здесь бессмысленно говорить о каких-либо сдвигах ударения — даже в случаях типа *князь, сто*, где в изолированной позиции автоматическое начальное усиление реально приходится уже не на тот слог, что в раннедревнерусском. Это «автоматическое ударение» (§ 2.5) падает на начальный слог тактовой группы совершенно безотносительно к тому, был ли этот слог начальным и раньше или стал таковым лишь в силу падения редуцированного. Показательны в этом отношении случаи, где слабый редуцированный факультативно сохранялся (из-за скопления согласных или по каким-либо иным причинам): как регулярные варианты *дску, дочере, льсти, свѣсть* 'совесть', *с свѣта, в гнѣвѣ* и т. п., так и нерегулярные *доску, дочере, лести, совѣсть, со свѣта, во гнѣвѣ* имели автоматическое ударение на начальном слоге.

Итак, хотя разделение редуцированных на сильные и слабые аллофоны в свое время заметно повлияло на позицию автономного ударения (вызвав сдвиги ударения со слабых редуцированных), сам процесс падения и «прояснения» редуцированных уже никак не менял позиции автономного ударения. С другой стороны, позиция ударения (даже автономного, не говоря уже об автоматическом) не влияла на процесс падения редуцированных (ср. также Кипарский 1963, т. I, с. 96—97).

Поскольку последнее утверждение противоречит тому, что говорится на эту тему в очень многих работах по истории русского языка, в том числе в ряде весьма авторитетных, необходимо рассмотреть этот вопрос несколько подробнее. Согласно А. А. Шахматову (Шахматов 1915, § 28), в общеславянском праязыке ударение переносилось со слабых редуцированных на предшествующий слог,

а если такового не было, то на следующий слог (приводятся примеры *vъšī, tьstī* из *vъšī, tьstī*). «Но иногда, — пишет он, — на ѣ, ѥ начального слога ударение переносилось под влиянием грамматической аналогии; они становились при этом краткими вместо полукратких» (т. е. сильными вместо слабых); приводятся примеры *dъskq, stьkla* (по аналогии с *vodq, sela*). Далее в § 380 сказано: «Удаляемые ѣ, ѥ, ѧ в начале слова (где они получали или сохраняли ударение по аналогии) перешли в о, е, ѧ. Примеры. В памятниках: дочере Добр(илово) ев. 102в. В совр. языке. Великор. *дбску, стькла, сбхнуть, дбхнуть, мбху, ньстрый, сьты, тьстя, тьца, чьсти*. Малор. *мбху*, р. ед. *мьсти*, р. ед. *сьта*, числ. *сьтеро, тьца*. Белор. *дбжджу, мбху*». В ряде более поздних работ этот тезис предстает в следующей более категорической формулировке: ударяемые ѣ, ѥ начального слога находились в сильной позиции (см., например, Якубинский 1953, с. 140 и многие другие работы); шахматовская оговорка о том, что такая ситуация могла возникнуть лишь аналогическим (но не собственно фонетическим) путем, здесь уже отсутствует. Заметим, что разбираемые при этом примеры нигде не выходят за рамки списка, данного А. А. Шахматовым; особенно популярен пример *дбску* (часто используются также примеры *дбхнуть, сбхнуть*, где начальное ударение заведомо неисконно).

При разборе этих утверждений необходимо прежде всего указать, что для праславянского и раннедревнерусского еще никоим образом нельзя объединять автономное и автоматическое ударения: в эту эпоху их свойства совершенно различны. В частности, какие бы то ни было переносы по аналогии можно предполагать только для автономного ударения, поскольку оно в принципе могло падать на разные слоги словоформы; для автоматического ударения такой перенос был невозможен, поскольку его место было полностью предопределено фонетическим составом словоформы (тактовой группы). Тем самым совершенно нереальна гипотеза А. А. Шахматова о том, что, например, в словоформе *dъskq* (энклиномене) ударение сперва было фонетическим путем вытеснено со слабого редуцированного на второй слог, а затем по аналогии с *vodq* снова перешло на первый слог.

Далее, очевидно, что для получения серьезного ответа на поставленный вопрос нельзя ограничиваться разбором крохотного списка иллюстративных примеров, приводимого в курсах истории русского языка, а необходимо обозреть всю совокупность раннедревнерусских словоформ с редуцированным в первом слоге.

Рассмотрим сначала э н к л и н о м е н ы. Совокупность р.-др.-р. словоформ-энклиноменов с редуцированным в первом слоге довольно велика. Отбросим те из них, где редуцированный должен «проясниться» по общим правилам, не имеющим отношения к акцентуации, а именно, словоформы, где: 1) во втором слоге стоит слабый редуцированный (например, *чьсть, чьстью*); 2) редуцированный первого слога находится в окружении *С—рС, С—лС, Ср—С, Сл—С, См—С,*

Сн—С или *Св—С*. В оставшийся список войдут, в частности, следующие словоформы (мы не претендуем здесь на полноту): 1) словоформы-энклиномены (с гласной полного образования во втором слоге) существительных *дѣнь, льнь, пнь, сътъ* 'сот, соты', *тъсть, кѣнязь* (ср. еще *Пльсковъ*), *съто, дѣска, вѣшь, льсть, мѣсть, рѣжь, чѣсть, Тѣхвѣрь, дѣчи*; 2) словоформы *кѣто, чѣто, дѣва, дѣвѣ, дѣвое*; 3) словоформы-энклиномены, имеющиеся у ряда производных от слов группы 1, например: *лѣнянѣ, чѣстънѣ, кѣняжьскѣ*; 4) словоформы 1 ед. презенса *жѣгу, жѣду, съчу, чѣту, рѣву, пѣну, тѣну, вѣру, жѣру* 'пожираю', *мѣру, вѣю, лью, пѣю, бѣжю, зѣрю, мѣчу, мѣню, сѣплю, лѣщю, мѣщю, чѣщю* и соответствующие причастия в II. ед. на *-а, -я* (*жѣга, бѣдя* и т. д.); 5) словоформы-энклиномены *л-* и *в-*причастий, от глаголов *бѣрати, вѣрати, жѣдати, жѣрати, зѣвати, рѣвати, сѣпати, сѣцати, льстити, мѣстити, чѣстити*, например, *бѣралѣ, -о, -и, бѣравѣ, мѣстилѣ, -о, -и, мѣстивѣ*; 6) широкий класс глагольных словоформ, состоящих из приставки *сѣ-* (*сѣн-*), *вѣ-* (*вѣн-*) или *вѣз-* и энклиномена (с гласной полного образования в корне), например, *вѣведу, вѣзлечю, сѣпустя, сѣдалѣ, сѣгнило, вѣзали, сѣданѣ, вѣзато, вѣлты, сѣдавѣ, вѣливѣ*. Заметим, что с акцентологической точки зрения от словоформ группы 6 в сущности ничем не отличаются также сочетания предлогов (*вѣ, кѣ, сѣ*) с именными энклиноменами, например: *вѣ домѣ, вѣ мори, кѣ носу, сѣ берега*.

Рассматривая современные русские словоформы, восходящие к приведенному списку, легко убеждаемся, что редуцированные в первом слоге в подавляющем большинстве случаев пали; ср., например: *днѣ, князь, сто, ржи, кто, два, жгу, сплю, брал, введу, взлечу, в дом, в море*. Случаев, где это не так, совсем немного; из бесприставочных таковы: *сѣты, тѣстя* (-ю и т. д.), *лѣсти, мѣсти, чѣсти* (ср. также *чѣщю*), *дѣску, дѣчь, дѣчери*. Обращение к памятникам XIII—XVII вв. показывает, что у всех этих словоформ существовали также варианты, где редуцированный пал: *сты* 'соты', *тсти* (*цти*, также *тстя, цтя, стя*) 'тестя', *лсти, мсти, чти, дску* (*цку*), *дчи* (*тчи*), *дчере* (*тчере*). Легко видеть, что во всех этих словоформах, кроме *соты*, падение редуцированного приводит к сложному скопленю согласных, а, как хорошо известно, в подобных случаях редуцированный часто восстанавливался (или сохранялся). Этот эффект не зависел от места ударения: он прекрасно засвидетельствован также и в заведомо безударной (в эпоху падения редуцированных) позиции; ср., например, *дождѣ, дождѣть, стеклѣ, тощѣ, пѣстрѣ, доскѣ* и т. п. (наряду с фонетически закономерными вариантами *дѣжѣ, дѣжить, скло, тѣща, пѣстро, цѣка*, встречающимися в памятниках). С другой стороны, в образовании словоформ *сѣты, тѣстя, лѣсти, мѣсти, чѣсти* и т. п., конечно, существенную роль играло также выравнивание основы внутри парадигмы; ср., например, словоформы Р. ед. *лѣсти, мѣсти*, сохраняющие *е* в силу прямой парадигматической связи с II. ед. *лѣсть, мѣсть*, и словоформы презенса *лѣщю, мѣщю*, связанных с *лѣсть, мѣсть* уже гораздо менее тесно.

Из проведенного разбора ясно, что автоматическое ударение энклиномена само по себе никоим образом не предохраняло редуцированный от падения.

Обратимся теперь к ортотоническим словоформам. Согласно § 2.3 (сноска 7), уже в раннедревнерусском действовало правило о том, что ударение, попадавшее в таких словоформах на слабый редуцированный начального слога, смещалось на последующий слог. Таким образом, тезис о «прояснении» ударяемого редуцированного начального слога имеет здесь смысл лишь при отрицании указанного правила или при постулировании (как у А. А. Шахматова) случаев аналогического переноса ударения к началу уже после завершения действия этого правила. Рассмотрим материал. До действия данного правила автономное ударение на редуцированном начального слога должны были иметь следующие группы р.-др.-р. словоформ: 1) словоформы презенса, кроме 1 ед., глаголов а. п. *b* (приводим 3 ед.) — *ѣдеть, ѣметь, дѣметь, жьметь, жьнеть, мьнеть, тьреть, лъжеть, тьчеть, сълеть, съсеть, бьjetь, гьнеть, дьхнеть, льнеть, пьхнеть, съхнеть, тькнеть, чьхнеть* (и некоторых других); 2) членные формы прилагательных а. п. *b* — *зъл-ъjь (-ая и т. д.), лъж-ъjь 'ложный', бѣдр-ъjь, пѣстр-ъjь, дѣхл-ъjь, тьщ-ъjь*, также *мьн-ъjь 'меньший'*; 3) словоформы М. мн. существительных а. п. *b* — *лѣбѣхъ, лѣвѣхъ, мѣсѣхъ (мѣхѣхъ), пѣсѣхъ, рѣтѣхъ, сѣнѣхъ, шѣвѣхъ, дѣнѣхъ, стѣклѣхъ, тѣлѣхъ* (последняя группа словоформ менее показательна, поскольку в ходе истории она подверглась морфологической перестройке). По-видимому, сюда же относились некоторые словоформы слова *тъща* (ср. § 2.16, 18).

При сравнении с современными восточнославянскими языками здесь обнаруживается практически такая же картина, как для энклиноменов: редуцированные почти везде пали; ср., например, *жмѣт, трѣт, лжѣт, бѣт, льнѣт, пхнѣт, ткнѣт, чхнѣт* и т. п., также *злой*. В нескольких случаях в русском (по крайней мере, литературном) гласная сохранена, но в украинском отсутствует: рус. *идѣт, имѣт, дѣхнет* (и *дохнѣт*), *сѣхнет, сосѣт* — укр. *йде, йме, тхне, схне, ссе*. Заметим, что расхождение *идѣт, имѣт* — *йде, йме* отражает хорошо известное диалектное различие в развитии начального *jь* (никак не связанное с ударением), ср. рус. *игрѣть, игблка* — укр. *грѣти, гблка* и т. п. (см. также § 2.3). В памятниках встречаются, в частности, написания *ссетъ, дхнетъ, лжихъ, пстраго, тицью, мши*. Таким образом, не засвидетельствованы в варианте без гласной только *бѣдрый, дѣхлый, тѣща*. Как и в группе энклиноменов, восстановление или сохранение гласной (обычно лишь факкультативное) в рассмотренных ортотонических словоформах практически везде связано с фактором «угрозы скопления согласных». Таким образом, в данной группе, как и у энклиноменов, не находится ни одного достоверного примера «прояснения» редуцированных, обусловленного ударностью и ничем более. Главное же состоит в том, что даже если бы нашлись два-три примера, где было бы

предпочтительно акцентологическое объяснение, мы все равно никоим образом не могли бы приписать этому факту характер общей фонетической закономерности, поскольку имеются десятки надежных примеров, где при таких же исходных просодических условиях редуцированный начального слога пал.

Поскольку все известные случаи «незаконного» сохранения редуцированного в начальном слоге могут быть объяснены факторами, действующими безотносительно к ударению (угроза скопления согласных, выравнивание основы внутри парадигмы), отпадает всякая необходимость в шахматовской гипотезе о раннем аналогическом переносе ударения на первый слог в случаях типа И. мн. *stbkla*.

Сделанный здесь для восточнославянских языков вывод не может, однако, быть автоматически распространен на все вообще славянские языки. Сравнение показывает, что в классе энклиноменов ситуация, по-видимому, одинакова во всех славянских языках: автоматическое ударение никак не влияет на процесс падения редуцированных. Но с ортотоническими словоформами дело обстоит иначе. Так, по крайней мере, в некоторых южнославянских языках автономное ударение на редуцированном начальном слоге (в этом случае оно может быть только новоакутовым) обеспечивает его «прояснение»; ср., в частности, словенские презенсы *jáme, máne, táre, žánje, láže* (см. Дыбо 1972б, с. 71—73; ср. также Станг 1957, с. 120). Таким образом, сдвиг автономного ударения вправо в случаях типа *мьнетъ, тьреть* является восточнославянским, но не праславянским. В настоящей работе он рассматривается как событие, предшествующее падению редуцированных; но не исключено (хотя и менее вероятно), что он происходил одновременно с падением редуцированных. Между прочим, различие между восточнославянским и южнославянским в трактовке редуцированных в **mьnetъ, *tьretъ* и т. п. может служить дополнительным косвенным аргументом в пользу того, что в восточнославянском не сформировалась особая новоакутовая интонация (ср. § 2.32).

З а м е ч а н и е. По своему акцентологическому эффекту с падением редуцированных отчасти сходна эволюция сочетаний «гласная+й, ѳ» (относящаяся частью к древнерусской, частью к более поздней эпохе). В позиции, где *й* (*ѳ*) завершало слог (по позднедревнерусскому слогоделению), в таком сочетании ударение обычно сдвигалось влево. Потерявшая ударение гласная в ряде случаев становится неслоговой, например: *стојѳ > стој > стбѳ; појѳило* (ср. польск. *pojdło*) *> појло > пбѳло; за ѳтра > зѳтра (зѳтра)*. В других случаях слоговой характер *и, у* был сохранен (или восстановлен), например: *трѳица* (ср. укр. *трѳиця*, с утратой слоговости), *вбина* (Р. ед.), *стрбили, удвбили, утрбили, клѳили; рѳута* (Р. ед.), *Рѳутово*; с этой группой частично сходны также *пригрѳиш, нѳигрѳиш* (где *и* из *јѳ*). В словоформах *вбин, рѳут, стрбил* и т. п. ударение выровнено по остальным словоформам парадигмы. К рассматриваемой группе, возможно, относятся также *нѳук, нѳуч*. Словоформы (довольно многочисленные), где описанного акцентного эффекта нет, например, *мой, твој, свој, бой, голѳуй, мойми, дој, пој, дојли, стојте, бойтѳсь*, в большинстве случаев объясняются аналогическим выравниванием (по образцам типа *кљѳчѳ, варѳли, сидѳте* и т. п.); у многих из таких словоформ в говорах или в памятниках отмечено сдвинутое ударение (см., в частности, Противоп., § 22).

ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ФОНЕМ /ɔ/ И /ɔ̂/

§ 3.3. Одним из результатов процесса падения и «прояснения» редуцированных было возникновение на всей (или почти на всей) восточнославянской территории противопоставленных фонем /ɔ/ («о открытое») и /ɔ̂/ («о закрытое») (о способах графической передачи этих фонем см. § 3.19).

Фонемы /ɔ/ и /ɔ̂/ возникли в основном из р.-др.-р. ъ (там, где этот ъ не выпал) и о, в некоторых особых случаях также из ъ и е. При этом следует различать обычные р.-др.-р. о и е и «вставные» о и е, т. е. вторые гласные полногласных сочетаний *оро, оло, ере, ело*: как показал П. Гард (Гард 1974), «вставные» о и е в раннедревнерусском еще не отождествились с фонемами /o/ и /e/.

Общим для восточнославянских диалектных систем с двумя фонемами «типа о» было правило: /O/², восходящее к р.-др.-р. ъ или ъ, есть /ɔ/. Например, в словоформах *ротъ, кусокъ, горбъ, шовъ* было повсеместно представлено /ɔ/.

Диалектные различия касаются распределения /ɔ/ и /ɔ̂/, возникших из р.-др.-р. о и е (обычных или «вставных»). В настоящее время известно четыре основных принципа распределения /ɔ/ и /ɔ̂/ такого происхождения (ниже они описываются очень сжато и без примеров; подробнее см. Противоп., § 3—5).

1. «Великорусский» принцип: а) /O/ из р.-др.-р. о (обычного или «вставного») есть /ɔ̂/ под автономным ударением и /ɔ/ во всех прочих случаях (Якобсон 1963, с. 17—20); б) /O/ из е (обычного или «вставного») есть /ɔ/. Данный принцип отражен во всех великорусских говорах и памятниках, различающих /ɔ/ и /ɔ̂/ (если не считать рукописи Мерило Праведное, см. пункт 4).

2. «Украинский» (точнее, «южноукраинский») принцип: а) /O/ из р.-др.-р. обычного о есть /ɔ̂/ в перестроенном слоге³ и /ɔ/ в неперестроенном; б) /O/ из «вставного» о есть /ɔ̂/; в) /O/ из е (обычного) распределено так же, как /O/ из обычного о. Данный принцип отражен в двух позднедревнерусских галицко-волынских рукописях — евангелии библиотеки МГУ № 1367 (см. Новые данные, § 1) и в тексте конца XIII—нач. XIV в., писанном киноварью на полях так наз. Венского октоиха («кодекса Ханкенштейна», см. Шевелев 1978). Далее, этот принцип отражен (с переходом /ɔ̂/ в *i* и /ɔ/ в *o*) в современном литературном украинском языке и в южноукраинских говорах.

3. «Полесский» принцип: он отличается от украинского только тем, что в безударных слогах (т. е. лишенных того единственного ударения, в котором совпали прежние автономное и автоматическое ударения)

² Символ /O/ используется ниже как обобщающее обозначение для фонем /ɔ/ и /ɔ̂/.

³ Под перестроенным понимается слог, за гласной которого прежде (т. е. в раннедревнерусском) шел слог с редуцированным, впоследствии выпавшим (подробнее см. Противоп., сноска 14).

/О/ любого происхождения есть /о/. Этот принцип представлен в большинстве полесских говоров (северноукраинских и южнобелорусских).

4. «Смешанный» принцип (или «принцип Мерила»), известный в настоящее время только по позднерусской рукописи Мерило Праведное (см. § 3.26). Он отличается от великорусского следующей основной особенностью: в перестроенном начальном слоге словоформы (или фонетического слова) р.-др.-р. *о* (обычное) независимо от акцентуации дает /о/. Иначе говоря, в начальном слоге здесь одновременно действуют великорусский и украинский принципы появления /о/. Еще одна особенность Мерила состоит в том, что во втором заударном слоге ортотонической словоформы р.-др.-р. *о* здесь дает /о/ (эффект второстепенного ударения). О некоторых более частных особенностях см. Противоп., § 4.

Таким образом, при великорусском и смешанном принципах распределение /о/ и /о/ в определенных случаях зависит от наличия или отсутствия автономного ударения (т. е. фонологического ударения древнерусской эпохи), при полесском оно зависит от наличия или отсутствия единого ударения позднейшей эпохи; при украинском принципе оно вообще не зависит от акцентуации. Разумеется, указанные принципы определяют только главнейшие особенности распределения /о/ и /о/; в конкретных говорах и памятниках возможны разнообразные вариации в частностях (см. ниже). Важным позднейшим свойством многих диалектных систем с великорусским или полесским принципом распределения /о/ и /о/ является аканье, в силу которого в безударных слогах находим уже не [о], а [а] или [э].

§ 3.4. Памятники и говоры с великорусским принципом распределения /о/ и /о/ различаются между собой небольшими деталями этого распределения. Такие различия связаны с частными отступлениями от общего принципа, которые обусловлены позднейшими фонетическими процессами или аналогическими перестройками. Эти явления изучены пока еще недостаточно полно; но уже сейчас можно указать ряд различий такого рода, имеющих определенное диалектологическое значение. Речь идет о выборе между /о/ и /о/ в следующих морфемах (или словоформах): 1) ударный элемент *-го* в Р. ед. местоимений и прилагательных (условное обозначение этой группы примеров: *его*); 2) тот же элемент в безударной позиции (точнее, не под главным ударением, поскольку второстепенное ударение здесь, очевидно, было), например, в *нашего*, *сильного* (или *-аго*), *живого* (*-аго*) (обозначение: *нашего*); 3) конечное ударное *-о* (в ортотонических словоформах) не в составе элемента *-го*, например, в *селѡ*, *краснѡ*, *защлѡ* (обозначение: *село*); 4) словоформа *тотъ*; 5) ударное *-омъ* в Д. мн. существительных; 6) *-ою* (с ударением на *о*) в Т. ед. существительных и личных местоимений (обозначение: *женою*, *мною*); 7) то же в Т. ед. прилагательных (обозначение: *злою*); 8) словоформы *плоть*, *плотью*; 9) словоформы слова *воинъ* и его производных.

Исходя из различий по этим признакам, можно предложить сле-

дующую классификацию памятников и говоров с великорусским (а также смешанным) принципом распределения /ɔ/ и /δ/.

Северный тип: а) памятник XIV в. со смешанным принципом распределения — Мерило Праведное (Мер.), см. выше; б) северо-западная группа — Час., Т. пс., Новг., Вас. пс., Вас. сб.; в) северо-восточная группа — Муз., говоры тотемский (Тот.; по работе: Брок 1907) и вятский (Вят.; по изданию: Сборник ОРЯС, т. 95, № 1, с. 67—75); г) ближнесеверная группа — Амф., Чет., Хр.; менее чистый представитель этой группы — Жит. (см. о нем в § 3.26).

Переходная (центральная) группа: Дос., Узк. и лекинский говор к юго-востоку от Москвы (Лек.; по работе: Шахматов 1913).

Южный тип: а) юго-восточная группа — говоры новосёлковский под Рязанью (Нов.; по работе: Васильев) и задонский (Задон.; по работе: Тростянский); б) ближнеюжная группа — Лес., Хл.; в) юго-западная группа — Трав.

В классификацию не включены памятники, содержащие недостаточное количество различительного материала (Сеня., Лих., Ег., Прол., Пат., Егор., Пск.).

Таблица 4

Диалектные различия великорусских источников в распределении /δ/ (+) и /ɔ/ (—)

Признаки	Северный тип				Переходная группа	Южный тип		
	Мер.	сев.-зап.	сев.-вост.	ближне-сев.		юго-вост.	ближне-южн.	юго-зап.
	Час. Т. пс. Новг. Вас. пс. Вас. сб.	Муз. Тот. Вят.	Амф. Чет. Хр.	Дос. Узк. Лек.	Нов. Задон.	Лес. Хл.	Трав.	
<i>его</i>	+	+	+	+	+	—	—	—
<i>нашего</i>	+	+	п. +	+	п. —	нет	—	—
<i>село</i>	+	+	+	+	+	+	—	—
<i>тотъ</i>	+	нет	г. +	Чет., Хр. +	г. +	Задон. —	нет	—
Д. мн. -омъ	—	—	п. —	—	п. —*	нет	Лес. —* Хл. —	+
<i>женою,</i> <i>мною</i> <i>злюю</i>	ударение -ою	+	—	—	+	+	+	—
<i>плоть</i>	+	+	п. +	Амф., Хр. —	п. +	нет	+	+
<i>воинъ</i>	+	+	п. —	—	п. —	Задон. —	Хл. —	—

В табл. 4 показано, в чем конкретно состоят различия перечисленных групп источников (при составлении таблицы существенным образом использованы материалы и наблюдения Е. В. Тугай). Плюс означает /ô/, минус — /ɔ/, ± — колебание. Единичные отклонения не отражены; наличие заметной доли отклонений отмечается звездочкой. Если между источниками внутри группы есть расхождения или если материал имеется только в части источников, знак дается с указанием источника; при этом «п.» означает памятники, «г.» — говоры (данной группы).

Как можно видеть из табл. 4, противопоставление северного и южного типов основано прежде всего на первых четырех признаках.

§ 3.5. Особую проблему составляет выбор между /ɔ/ и /ô/ в ударном слоге ортотонической словоформы, у которой по тем или иным причинам место ударения отличается от раннедревнерусского. Ниже рассматриваются только системы с великорусским или смешанным принципом распределения /ɔ/ и /ô/. Непосредственно наблюдаемая картина здесь довольно сложна, поскольку в данной сфере происходили многочисленные выравнивания по аналогии и междialeктные заимствования. В отвлечении от этих вторичных эффектов основные факты могут быть объяснены с помощью следующей схемы.

1. До некоторого момента сохраняется автоматическая зависимость между ударностью (фонологической) и реализацией р.-др.-р. *o* в виде /ô/. Тем самым в этот период, если автономное ударение в словоформе почему-либо сдвигается, в слог, принявшем на себя ударение, р.-др.-р. *o* дает /ô/. Понятно, что этот принцип соблюден, в частности, для тех древнейших сдвигов, которые произошли еще в праславянском (прежде всего для сдвига ударения влево со слабых редуцированных); отсюда /ô/ в старовеликорусских *пѡнѣ*, *пѡпѣхъ*, *кѡнныи*, *мѡжетъ*, *пѡслетъ*, *прѡзвище* и т. п. Примеры словоформ, отражающих несколько более поздние сдвиги ударения: *стѡби*, *пѡби*, *бѡися* (императивы), *трѡица*; *тѡблико*, *кѡблико* (позднее *тѡлько*, *кѡлько*); *рѡсти*, *мѡчи*, *волѡчи* (инфинитивы); *вѡлю* В. ед. (позднее также *вѡля* II. ед.), *сѡсна*. По-видимому, описанная ситуация сохранялась в одних говорах дольше, в других менее долго, но в среднем примерно до конца древнерусского периода; во всяком случае в говоре Мерила она еще сохранена.

2. В более поздний период, если ударение сдвигается или меняется, в новоударном слог в соответствии с р.-др.-р. *o* в нормальном случае выступает уже /ɔ/. Так, например, в современных говорах, различающих /ô/ и /ɔ/, находим: *сл/ô/ман*, *нам/ô/тан*, *раск/ô/пан*, *дар/ô/ван*, *облюб/ô/ван*, *осн/ô/ван* и т. п.; II. мн. /ô/кна, /ô/сы (при наличии /ô/ было бы *вѡкна, *вѡсы), *г/ô/вна*, *с/ô/вы*; *кр/ô/мѣ*, *п/ô/слѣ*, *пр/ô/тив*. Во всех этих случаях р.-др.-р. ударение было иным; появление нового ударения относится в разных случаях к разным моментам последующей истории.

Специально отметим, что как сдвинутое трактуется также «специфически книжное» ударение (см. § 3.11), с которым может выступать ряд словоформ книжного характера. Соответственно, мы почти всегда находим /ɔ/, а не /ô/, например, в *дббрѣ* (наречие), *дубѣныи*, *лбно*, мн. *скѣти*, *вѣи* 'воины', где ударение «специфически книжное». Очень нагляден материал памятника Хл. («каморная» система, см. § 3.28) по слову *скотъ*: примеры с «народным» ударением — *скѣтъ* И. В. ед. (4×), *скотѣ* 305б; примеры со «специфически книжным» ударением — *скѣти* И. мн. 274, 275, *скѣтомъ* Д. мн. 286б, *съ скѣтомъ* 293. Огласовка /ɔ/ вместо ожидаемого /ô/ могла появляться в словах книжного характера даже и там, где ударение занимает исторически законное место; например, *вождь* (*вожь*), *пѣприще* часто отмечаются в памятниках с /ɔ/, а не с /ô/. Вероятно, по этой же причине мы почти всегда находим в памятниках XVI в. огласовку /ɔ/ в слове *канѣнь* (тогда как в XIV в. в Мериле оно выступает с закономерным /ô/).

Как уже указано, на описанные соотношения накладываются многочисленные выравнивания по аналогии. Например, *кѣсишь*, *лѣвишь* в современных говорах огласованы по аналогии с *нѣсишь*, *хѣдишь* и т. п.; ср. в этом отношении такие недвусмысленные случаи, как *сѣбришь* 'сваришь', *сѣлишь* 'свалишь' или *проглѣтишь* (из **гльт-*). Весьма интенсивными были процессы взаимного выравнивания членных и нечленных форм; например, вместо *нѣвъ*, *нѣвий* находим по говорам *нѣвъ* и *нѣвъ*, *нѣвий* и *нѣвий*. В ряде случаев одна и та же огласовка в принципе может определяться разными факторами и неясно, какие из них реально действовали. Например, /ɔ/ в *пѣтеть* или в Р. ед. *вѣды* может объясняться как поздним характером акцентного сдвига, так и аналогией соответственно с 1 ед. *пѣту* и с В. ед. *вѣду*, И. В. мн. *вѣды*. В слове *рѣзга* огласовка /ɔ/, выступающая постоянно во всех источниках, может быть, определяется эффектом книжности, но не исключено также выравнивание по В. ед. *рѣзгу*, И. В. мн. *рѣзги*, если это слово первоначально принадлежало к а. п. с.

Таким образом, огласовка /ô/ или /ɔ/ может быть важным аргументом в вопросе о времени возникновения того или иного ударения, но ввиду сложности общей картины для каждого конкретного примера необходим индивидуальный анализ. Так, например, тотемское *пѣгреб*, тотемское и новоселковское *сѣсна* указывают на раннее возникновение этих ударений, поскольку здесь не усматривается возможных источников для аналогического выравнивания. Напротив, из *кѣсишь*, *лѣвишь*, приведенных выше, было бы ошибочно делать вывод, что смена ударения в исконных *кѣсишь*, *лѣвишь* относится к древнерусскому периоду: точно так же, например, *кѣни* в тотемском говоре, *б/ô/бы* в Трав., *в/ô/лы* в Дос. еще не свидетельствуют о древности таких ударений, поскольку огласовка здесь могла выравниваться по И. ед. *кѣнь*, *бѣбъ*, *вѣлъ*.

СОВПАДЕНИЕ АВТОНОМНОГО И АВТОМАТИЧЕСКОГО УДАРЕНИЙ

§ 3.6. Утрата физического различия между автономным и автоматическим ударениями представляет собой главное собственно фонетическое событие в истории восточнославянского ударения. Оно привело к образованию единого динамического ударения — такого же, как в современных восточнославянских языках. Прежние энклиномены перестали фонетически отличаться от прежних начальнo-ударных ортотонических словоформ (в традиционных терминах это событие описывается как падение интонационных различий; П. Гард характеризует его как «реакцентуацию», т. е. как приобретение самостоятельного ударения фонологически безударными словоформами, см. Гард 1976, § 358—359). К какому времени относится это событие, в точности неизвестно. Из общих соображений можно предполагать, во-первых, что оно происходило в разных говорах неодновременно, во-вторых, что оно в целом не слишком сильно отстояло во времени от падения редуцированных (а в каких-то говорах, возможно, происходило одновременно с ним). Так, аканье реализуется в слогах, безударных по новому, а не по древнему счету, а именно, слоги с древним автоматическим ударением образуют с точки зрения аканья такую же позицию, как слоги с автономным ударением, и не такую, как безударные. Этот факт дает серьезные основания предполагать (хотя и не доказывает прямо), что совпадение автономного и автоматического ударений произошло раньше, чем возникло аканье. Новое, а не древнее разделение слогов на ударные и безударные отражено также в полесском распределении /ɔ/ и /ɔ̃/ (§ 3.3). Между тем это распределение, по-видимому, сформировалось не позже XIV в.: об этом говорит совпадение некоторых нетривиальных деталей распределения /ɔ/ и /ɔ̃/ в полесских говорах и в Мериле Праведном (сер. XIV в.) — прежде всего /ɔ̃/ в безударных окончаниях М. ед. *-омь* и *-ои* (см. Противоп., § 29). Указанные факты не позволяют отнести совпадение двух типов ударения к слишком позднему времени. С другой стороны, против отнесения этого события (для всех говоров) к очень раннему времени говорит тот факт, что Мерило Праведное содержит косвенное свидетельство сохранения просодических различий (или каких-то их остатков) между энклиноменами и ортотоническими словоформами. В отразившемся здесь говоре автономное ударение создавало после себя (т. е. в заударной части словоформы) правильное чередование безударных и полударных (несущих второстепенное ударение) слогов, тогда как автоматическое ударение этим свойством не обладало: у энклиноменов все слоги вели себя как безударные; см. Противоп., § 12, 19. Во всех более поздних источниках, отражающих второстепенное ударение, оно уже не ограничено классом прежних ортотонических словоформ, а в равной мере проявляется и в прежних энклиноменах.

Если в раннедревнерусском сочетании типа *на золото, на руку* (где *золотэ, руку* — энклиномены) получали начальное ударение

в силу чисто фонетической автоматки, то после совпадения автономного и автоматического ударений стало принципиально возможным также ударение на *зблото*, на *рúку* (как в сочетаниях на *прáвило*, на *рýбу* и т. п.). Ударение на *золото*, на *руку*, хотя оно фактически еще долго господствует, определяется в этой ситуации уже морфонологическим (т. е. традиционным) правилом. Таким образом, на месте энклиноменов в первоначальном (чисто фонетическом) смысле появляется то, что можно назвать «морфонологическими энклиноменами», т. е. начальнударные словоформы, которые обычно (но все же без полной обязательности) переносят ударение на проклитики. В разные периоды и в разных говорах реальное содержание понятия «морфонологического энклиномена» несколько различно; так, со временем сокращается список проклитик, принимающих ударение, перенос становится менее регулярным и т. д. В дальнейшем изложении уточнение «морфонологический» при слове «энклиномен» обычно опускается (это не ведет к двусмысленности, поскольку в старовеликорусском собственно фонетических энклиноменов уже не было).

ВТОРОСТЕПЕННОЕ УДАРЕНИЕ

§ 3.7. Уже в позднервнерусских памятниках (Чуд. и Мер.) обнаруживается эффект второстепенного ударения в заударной части словоформы, т. е. некоторого просодического усиления определенных заударных слогов, в значительной мере сходного с обычным автономным ударением. Первоначально второстепенное ударение выступало только в ортотонических словоформах, но не в энклиноменах; см. выше о положении в Мериле. Таким образом, второстепенное ударение заведомо сформировалось раньше совпадения автономного и автоматического ударений; вполне возможно, что оно существовало уже в раннервнерусском. После указанного совпадения второстепенное ударение постепенно распространяется также на прежние энклиномены.

Выбор слога или слогов, на которые падает второстепенное ударение, определяется несколькими факторами. Основной из них — ритмический: второстепенное ударение падает через слог вправо от главного, затем еще одно через слог от этого второстепенного и т. д. Примеры (слоги с второстепенным ударением выделены светлой линией): *мíлостиво*, *свѣдѣтельствоуемое*. С этим основным фактором в части систем взаимодействуют дополнительные. Таков фактор конечного слога: второстепенное ударение тяготеет к конечному слогу, хотя бы это нарушало ритмический принцип, например: *мíлостиво*, *мíлостивое*. Далее, таков морфологический фактор: второстепенное ударение тяготеет к определенным морфемам или, напротив, никогда не падает на определенные морфемы. В частности, во многих микросистемах на элемент *-го* в Р. ед. прилагательных регулярно падает второсте-

пенное ударение (*нашего*, *праведного* или *праведнаго*, *злого* или *злаго*, ср. также § 3.4, п. 2); с другой стороны, например, в глагольном суффиксе *-ова-* второстепенное ударение, как правило, может падать только на *ва*, но не на *о* (*вбровати*, *пророчествовати*). В микро-системах, где действует сразу несколько факторов, обычно устанавливается некоторая их иерархия, но она может быть и не вполне жесткой, и тогда при конфликте разных факторов возникают колебания, например, *милостиво* и *мѣлостиво* и т. п. Ситуация такого рода представлена в *Мериле* и в *Чуд.*; см. ее разбор в *Противоп.*, § 12—19.

В рукописях XIV—XVII вв. второстепенное ударение передается теми же знаками, что и главное, но только очень редко; систематического обозначения второстепенного ударения нет ни в одной рукописи. В силу факультативности акцентных знаков иногда в словоформе оказывается представленным лишь второстепенное ударение при необозначенном главном. Отдельные примеры второстепенного ударения встречаются во многих старовеликорусских рукописях (в основном западных и северо-восточных); повышенным количеством таких примеров отличаются рукописи *Т. пс.*, *Лет.*, *Хлын.*, *Авв.*, *Цел.* Ограничимся немногими иллюстрациями: *Т. пс.* *праведенъ* 132, *искаменѣ* 1516, *разоршагѣ* 175, *тысоуцами* 36, *иерѣвѣма* 1636; *Ион.* *варваринъ* 'варвар' 2506, *господѣви* 298; *Хрон.* *началникѣмъ* *Д. мн.* 217, *иноплемѣнникѣмъ* *Д. мн.* 2186; *Жит.* *не^остаточнѣ* 303; *Лет.* *тысяцкѣи* *И. ед.* 103, *грамотѣ свои* 208, *королевича* *В. ед.* 1456, *на колоколницѣи* *М. ед.* 341; *Фер.* *рѣ^отелѣма* 496, *всякомѣу* 816; *Хлуд.* *едины|ственѣ* 120, *котѣрогѣ* 128, *по нашѣмѣу* 117; *Смол.* *старѣишииъ* 58, *нашѣмѣу* 44; *Трав.* *величѣствѣмъ* 78, *ящерѣцино* 45, *ѣстровѣи* *И. мн.* 4776, *молока макава* 496, *ѣгненѣи* 436, 275, *надобѣ* 454; *Сол.* *вологдѣи* 222, *аггломѣ* *Д. мн.* 386; *Хлын.* *на^отавничѣ* *Зв. ед.* 2096, *ни единомѣу же* 1306, *вѣ бо хѣцѣтѣ* 135, *приближѣетсѣ* 146, *слѣшавшѣи* *И. ед.* 148; *Авв.* *по правилѣмъ* 2096, *робѣночѣкѣ* 225, *богданѣвичѣ* 238, *на лопѣтищѣхъ* 866, *бояронѣ* 2006, *милостѣивѣ* 214, *сказѣвалѣ* 2296; *Цел.* *ради бѣстрѣстѣи* 1686, *дубѣвагѣ* 1856, *заечѣи мѣзгѣ* 165, *прикладѣвати* 476, *хѣщѣи* 170, 1736. Приведем также несколько примеров, где место второстепенного ударения определяется фактором конечного слога (а не ритмическим): *Лет.* *симанѣвскѣи* *И. ед.* 221; *Хлуд.* *члѣскомѣу* 125; *Клон.* *васѣльевича* *Р. ед.* 55; *Авв.* *бѣз ѣспѣвѣи* 2206, *бѣгающѣи* 209, *задумалисѣ* 204, *совѣтовали* 227; *Цел.* *судорогѣи* *И. мн.* 189, *выгорѣдѣ* 89, *дѣствовати* 172. К этой же категории относится отмечаемое во многих рукописях второстепенное ударение в сросшихся сочетаниях *новѣгородѣ*, *новѣгородѣу*, *в новѣгородѣ*, *с новѣмѣгородѣмъ*, *бѣлѣозерѣдѣ*, *бѣлѣозерѣи*, *на бѣлѣозерѣ*; этот эффект иногда встречается и в других подобных сочетаниях, например, *Лет.* *из ѣрѣграда* 211, *Авв.* *до ирѣгѣнѣ ѣзерѣ* 2166.

АКЦЕНТНЫЕ ПЕРЕСТРОЙКИ АНАЛОГИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

§ 3.8. Уже в древнерусский период начинаются частные акцентные перестройки аналогического характера (полное их развитие приходится на более позднюю эпоху). Почти все такие перестройки представляют собой акцентное выравнивание в рамках некоторой совокупности словоформ. Различаются два основных типа таких выравниваний.

1. Выравнивание происходит в рамках морфологической парадигмы (или одной из субпарадигм) отдельного слова; оно состоит в достижении колонного ударения в данной совокупности словоформ. Важнейший частный случай такого выравнивания, актуальный уже для позднедревнерусских памятников, составляют производные имена, имевшие в праславянском ударение на редуцированном последнем слоге основы (например, *čьrnъcъ*, *pričьtъ*, *služьbъ-a*, *ženъskъ*), откуда разноместное ударение в позднедревнерусском: *чернѣць*, *чѣрнѣца*; *причѣтъ*, *прѣчта*; *слѣжба*, Р. мн. *служѣбъ*; *женѣскъ*, *жѣнѣска*, -о. Направление выравнивания здесь в принципе может быть различным, например: *чернѣць*, *чернѣца*, но *слѣжба*, *слѣжебъ*, *жѣнескъ*, *жѣнѣска*. Возможны колебания, например: *причѣтъ*, *прѣчта* наряду с *причѣтъ*, *прѣчта*.

2. Выравнивание происходит внутри совокупности слов, образованных с помощью одного и того же суффикса. Оно направлено к тому, чтобы у всех этих слов ударение располагалось относительно суффикса одинаково (например, всегда на самом этом суффиксе или всегда непосредственно после суффикса). Как легко понять, достижение этого идеала означало бы не что иное, как доминантность суффикса. В позднедревнерусский период этот идеал, по-видимому, ни для одного суффикса еще не достигается; речь идет лишь о движении в данном направлении. Практически наблюдаются: 1) частичное или даже полное акцентное уподобление производных от слов а. п. *b* производным от слов а. п. *c* (при том, что производные от слов а. п. *a* сохраняют свое ударение); 2) частичное уподобление производных от слов а. п. *a* производным от слов а. п. *b* и *c* (там, где между последними нет различия).

Первый из этих процессов (в случае его полного осуществления) в терминах маркировок означает приобретение суффиксом характеристики Min (см. § 2.7). Как отмечено в § 2.24, такое развитие в особенности характерно для суффиксов с маркировкой →. У части из них оно началось не позже, чем в позднедревнерусский период, поскольку первые примеры подобного выравнивания представлены уже в Чуд. и Мер. Так, например, в Чуд. находим *молбоу* 35в, *молбы* В. мн. 136в (вместо **мольбу*, **мольбы*, ожидаемых в силу маркировки → у корня *мол-*), ср. *татбы* И. мн. 9в, ω^т *татѣбъ* 153а (где ударение правильно соответствует минусовой маркировке корня *тат-*). Неисконное ударение имеют также, например, Чуд.

вдовѣствѣ 108а, своиствѣд 142в, -оу 88б, Мер. единаствѣ 2б (= единаствѣ). Заметим, что у тех немногих морфем, маркировка которых содержит помету Min уже на раннедревнерусском уровне (например, у окончаний местоименного склонения, см. § 2.19), данная особенность сложилась в силу таких же аналогических выравниваний, только относящихся к еще более ранней эпохе.

Второй процесс внешне выглядит как замена корневого ударения суффиксальным (или постсуффиксальным) у части производных от слов а. п. а. Важнейшим частным случаем здесь является так наз. тематизация ударения у глаголов, т. е. перенос ударения с корня (или производящей основы) на тематический элемент (см. § 3.73), например: *опрáвдати*, *впадáти*, *оставля́ти*, *слабѣти*, *умáлити*, *вмѣстíti*, *поработíti* вместо исконных *опрáвдати*, *впадáти*, *оста́влиати*, *слабѣти*, *умáлити*, *вмѣстити*, *поработити*. Некоторое число примеров тематизации содержится уже в Чуд., в частности, *опрáвдáющие* И. мн. 36б, *помышля́еши же ли* 99в, *прѣближа́юще* 35в, *размѣри́лъ* 110г, *ѡста́вити* 93б и ряд других.

Следует учитывать, однако, что, в отличие от собственно фонетических процессов, аналогические перестройки почти никогда не бывают абсолютно последовательными. Отдельные слова из перестраиваемой группы могут сохранять старое ударение дольше прочих или даже вообще не подвергнуться перестройке: ср., например, старое ударение в *слѹжба*, *дѣлатъ*, *увеличить* при новом ударении в *мольба́*, *опрáвдáть*, *обога́тить*.

ДЕФИНАЛИЗАЦИЯ УДАРЕНИЯ

§ 3.9. В старовеликорусских памятниках, в особенности западных, в большом числе случаев мы находим предконечное ударение там, где в раннедревнерусском ударение стояло на гласной, завершающей словоформу. Примеры: *ко́ня*, *ви́но*, *твою́*, *блюди́*, *кро́мѣ* в соответствии с р.-др.-р. *ко́ня*, *ви́но*, *твою́*, *блюди́*, *кро́мѣ*. Такую замену мы будем называть дефинализацией ударения. Первые примеры дефинализации обнаруживаются (хотя и в незначительном количестве) уже в памятниках XIV в. Чуд. и Мер.

Природа данного явления в настоящее время еще не полностью ясна. Считать его обычным собственно фонетическим процессом нельзя из-за того, что в подавляющем большинстве памятников его эффекты ограничены лишь определенными морфологическими группами словоформ. По-видимому, мы имеем здесь дело с несколькими различными явлениями, дававшими сходные результаты, причем эти явления могли быть разновременными и часть из них носила собственно фонетический, а часть морфологический характер. Важнейшим компонентом здесь является фонетическая ретракция ударения с конечного открытого слога, происходившая в основном в западновеликорусской зоне (по-видимому, также по крайней мере на части белорусско-украинской территории). Этот процесс, однако,

не осуществился до конца, и его результаты рано стали подвергаться морфологизации и лексикализации. Если в результате данного процесса ударение попадает на *o, оно отражается в нормальном случае в виде /ɔ/. Соответственно, этот процесс не может быть отнесен к глубокой древности (но все же вероятно, что его начатки относятся к позднедревнерусскому периоду).

Другим компонентом является более ранняя ретракция (при которой *o отражается в виде /δ/); она представлена, в частности, в инфинитивах, ср. *мѡчи*, *бѡсти*, *рѡсти* и т. п. Характер ее диалектного распространения недостаточно ясен; по-видимому, она не ограничивалась одной лишь западной зоной. О ее древности могут свидетельствовать также некоторые данные западнославянских языков, ср. польск. *móc*, *bósć*, *róść* (где *ó* не может объясняться просто закрытостью слога, поскольку конечные согласные глухие), далее в.-лужицк. *móc*, словацк. *môct'*, чешск. *růsti*, ст.-чешск. *bósti* (однако в.-лужицк. *bosć*, *rosć*, чешск. *moci*).

Далее, в некоторых случаях смена ударения может быть результатом морфологической перестройки. Возможно, к этой категории относятся ударения И. В. мн. сред. типа *сѣла*, *чѣсла*. Во всяком случае, диалектное распространение данного явления совершенно иное, чем у типовых случаев дефинализации (см. § 3.41); с другой стороны, на относительно поздний характер явления указывают как данные акцентированных памятников, так и огласовка /ɔ/ в словоформах типа *бѣна*.

Поскольку, однако, разграничить перечисленные компоненты удается далеко не всегда (к тому же в ряде случаев могло действовать несколько факторов одновременно, например, инфинитивы могли подвергаться по говорам не только ранней, но также и поздней ретракции), мы будем ниже рассматривать различные явления, объединяемые именем дефинализации, вместе.

Дополнительную трудность для анализа составляет то, что результаты дефинализации как комплекса восточнославянских процессов нередко оказываются внешне неотличимыми от ударений, заимствованных из южнославянского (ср. § 3.14). И все же, несмотря на эту трудность, в принципе необходимо различать эти два разных источника оттянутых влево ударений.

Тезис о том, что многочисленные примеры типа *кѡня*, *вѣно* и т. п., представленные в некоторых старовеликорусских памятниках, не могут целиком объясняться южнославянским влиянием, а отражают диалектный процесс ретракции ударения с конечного открытого слога, был сформулирован В. В. Колесовым на основе анализа Патриаршего списка Никоновской летописи (Колесов 1965); в то же время он отметил, что этот процесс не реализовался полностью (в связи с резко возросшим с XV в. влиянием говоров основной части Московского государства).

Наблюдаемые в конкретной микросистеме случаи дефинализации можно разделить на две группы: 1) устойчивая дефинализация;

2) неустойчивая (факультативная) дефинализация. Понятно, впрочем, что надежно провести грань между этими двумя группами можно лишь там, где материал достаточно велик. Результаты устойчивой дефинализации с синхронической точки зрения функционируют в микросистеме совершенно так же, как словоформы с исконным предконечным ударением. Напротив, словоформы, подвергающиеся неустойчивой дефинализации, так или иначе сохраняют в микросистеме свою просодическую нетождественность обычным предконечноударным словоформам. Чаще всего различие проявляется в виде оппозиции «устойчивое — неустойчивое ударение» (например, *сла́ва*, *вѣ́рю*, но *же́на* и *женá*, *ска́жу* и *скажу́*) и/или в виде разного ударения при наличии энкли *ик* (например, *сла́ва же*, *вѣ́рю ти*, но *женá же*, *скажу́ ти*). В глагольных словоформах неустойчивая дефинализация обычно порождает характерное соотношение типа *блюди*, *беречи́* (наряду с *блюди́*, *беречи́*) — *блюди́ся*, *беречи́ся*.

Устойчивая дефинализация, как правило, бывает морфологизованной или лексикализованной, т. е. закрепленной за определенной морфологической группой словоформ или за определенными лексемами. Примеры морфологизованной дефинализации: ударение *-íte*, *-éте* в 2 мн. презенса глаголов а. п. с (*прости́те*, *несéте* и т. п.), ударение *-éна*, *-éно*, *-éны* в причастиях глаголов а. п. с (*процéна*, *-о*, *-ы* и т. п.), предфлексивное ударение в морфологической группе *высбóко*, *глубóко*, *ширóко*, *далéко*.

Неустойчивая дефинализация обычно в меньшей степени соотносена с морфологическими группами словоформ. В идеале это эффект чисто фонетического правила, позволяющего всякое конечное ударение (на открытом слоге) факультативно реализовать как предконечное. В конкретных памятниках, однако, обычно обнаруживается некоторая неравномерность этого эффекта: в одних морфологических группах он отмечается чаще, в других реже. Таким образом, и здесь возможна определенная степень морфологизации или лексикализации.

Как показывает изучение памятников, два типа дефинализации имеют неодинаковое географическое распространение. Устойчивая дефинализация в подавляющем большинстве случаев выступает лишь в пределах западной зоны; неустойчивая дефинализация характерна для более широкой территории, охватывающей всю западную зону и дальний северо-восток (подробнее см. § 3.35 и карту 3).

Для слов а. п. *б* дефинализация порождает характерную вторичную подвижность ударения типа *же́на*, *же́ны* и т. д. — *женóю*, *женáмъ*, *женáми*, *женáхъ*, также *ви́но* — *винóмъ*, *свóя* — *свои́хъ* и т. п. В некоторых случаях в таких парадигмах наблюдается, кроме того, эффект выравнивания, который дает ударения типа *же́ною*, *ви́номъ*, *свои́хъ*. Если бы такой эффект носил массовый характер, мы вправе были бы говорить просто об общей ретракции ударения на один слог; в действительности, однако, он встречается в памятниках

с дефинализацией сравнительно редко и обычно закреплен за отдельными словами (например, *трудъ, постъ, вино, мои, твои, свои*).

Дефинализация может проявляться также в сочетаниях, состоящих из проклитики и односложной оротонической словоформы, например: *нѣ лъзя, въ тще, на зло, на все, за все, на дно, въ ртѣ*. Возникшие таким путем акцентовки не следует смешивать с рефлексами прежних энклиноменных групп.

В некоторых случаях дефинализация обнаруживает определенную зависимость от длины словоформы, а именно, проявляется в более длинной словоформе и не проявляется в более короткой. Такой тип развития был характерен для разных говоров в разной степени. Довольно широко его отражает, в частности, современный украинский язык; ср., например: *гоню—відгону; воджу—приводжу; ношу—переносу; чог—до чого, нічого; колі—ніколі*. Для русского языка характерно лишь небольшое число пар такого рода (но некоторые из них отмечаются уже со времени Чуд.): *куда—откуда, докуда, туда—оттуда, дотуда; сюда—отсюда, досюда; давно—недавно, подавно*. В рукописи Колм. при *далекд* и *далеко*, *высокд* и *высоко* и т. п. совершенно последовательно выступает *недалеко* (см. § 3.56).

Следует упомянуть также одно диалектное явление, отчасти сходное с дефинализацией, — перенос ударения с конечного слога многосложного фонетического слова (в частном случае словоформы) на начальный. Начатки этого явления, известного сейчас преимущественно в онежских говорах, по-видимому, отразились в некоторых акцентовках, встречающихся в рукописях северного происхождения. Значительное число таких акцентовок представлено, в частности, в записях Ричарда Джемса (см. § 3.31), например: *bálaخان 34, béllaina* 'белена' 55, *bícheva 62, bóhatír 16, bórona 37, bórota* 'ворота' 46, 58, *dólogi* 'доложи' 56, *dólota 12, zólotnic 14, cároван* 'караван' 51, *córoбай 25, lédenets 42, mógorrets* 'могорец, магарыч' 41, *nádewait* 'надевать' 69, *pópetai* 'попытай' 18, *préxazal* 'приказал' 17, *prínemoi* 'принимай' 71, *sárransha* 'саранча' 39, *sérafan 7, cérebro 8, táraкан 24, tchérnaslíve 13* (при том, что в этих же записях многократно отразилась также и обычная дефинализация, например; *né bri* 'не ври' 21, *zaswéati* 'засвети' 21, *ne osđi 43, podími* 'подыми' 15, *rosbđi 71, sbeásda* 'звезда' 9, *skóba 13, skorlšpa 57, smóla 13, swéatki* 'цветки' 11).

§ 3.10. Чтобы дать более наглядное представление о дефинализации, рассмотрим в качестве примеров два памятника, где это явление выражено очень ярко: западный памятник Пат. и северо-восточный Цел.

В Пат. словоформы с первоначальным ударением на конечной гласной представлены так. Подавляющее их большинство оставлено без знака ударения. Там, где знак ударения есть, он обычно стоит на предконечном слоге, например: *в́рага, -оу, в́рачя* Р. ед., *грѣ́хоу, -и, лóвци, в монастѣ́ри, о́гня, -ю, -и, о́цоу, пѣ́троу, пѣ́ска, по́стоу,*

поўти Р. ед., -ю Д. ед., *соўда*, *стоўда*, *троўда*, -оу, -ы, *часы*; *віно*, -а, *ліце*, *срэбро*, *чысло*, -а, *оўсты*; *віна*, -оу (жен.), *глава*, -ы, *жэна*, -оу, -ы И. В. мн., *страна*, -ы; *роўка*; словоформы Р. ед. *вóды*, *гóры*, *зímы*, *смóлы*; *двэри* И. В. мн.; *б́бла* В. ед., *дóбра* В. ед., *з́бло*, *пéстры*, *чёрны*; *красно*, -оу, -ы; *глоубóко*, *далéче*; *са́ма* И. ед., *на́га* И. ед.; *к нéмоу*, *к сэмоу*; *взэмбóгоу* (и *взэмóгоу*), *íдоу*, *лúблю*, *скáжоу*; *дáси*, *в́си*; *éсмы*, *éсте*; индикативы *мнiте*, *положiте*; *слóужа*, *соўдя*; аористы *влóжи*, *зáбы*, *прэста*, *рэче*; *взýти*, *iти*, *рэци*, *чэсти*; *бýла*; *положéно*, -а, *прочтéно*, -ы, *створéно* и т. п.; *крóмб́*; *iбо*. Конечное ударение относительно последовательно показано в союзе *и́ли*, наречиях на -гда (*егдà*, *когдà*, *тогдà*, *всегдà* и др.) и *почтò*, в Р. ед. на -го (*егò*, *оу негò*, *ω^т негò*, *сегò*, *твоегò*, *своегò* и др.). В этой группе, напротив, почти нет предконечного ударения (встретились лишь *тòгдà* 572а, *всэгдà* 612а, *сé|гò* 628в, *тòгò* 595в и некоторые др.). Прочие примеры конечного ударения (при отсутствии энклитики) единичны: *оустà* 574а, 619г, *на землi* М. ед. 621в (ср. также *на землò* 583б, 586в), *з́лò* (4×), *з́лò* 600а, *з́лò* (3×), *селò* 566в (ср. также *гоустò* 589в), *идi* (4×), *ω^ттолi* 617б, *занелi* 597г и нек. др.

При наличии энклитики первоначальное конечное ударение словоформы в Пат. часто сохраняется. Такое сохранение является нормой по крайней мере в следующих группах: существительные — отмечены *женà же*, *женi бо*, *женоу же*, *женi же* И. мн., *молвà бω*, *водà же*, *теслi же*, *словесà же*; местоимения — *онà же*, *онi же*, *томоу же*, *к семоу же* и др. (особо отметим *имi же* Т. мн. 589б, 594б, 649б); 1 ед. презенса — *люблò ты*, *молò ты*, *молò же*; императив — *блудi же*, *коупi ми*, *молiся*, *ω^тпоустi мя*, *простi мя* и др.; аорист — *показà ми*, *поклонiся*, *послà мя*, *родiся*, *явi ми ся* и др.; инфинитивы — *взэстiся*, *ω^трецися*. Прочие примеры единичны: *насрвди бо поўти* 589б, *добрò же* 643, *третià же* И. ед. 640в. Таким образом, по крайней мере для указанных групп мы имеем дело в данной микросистеме с неустойчивой дефинализацией, ср. такие соотношения, как *жéна* — *женà бо*, *к сэмоу* — *к семоу же*, *лúблю* — *люблò ты*, *iди* (наряду с *идi*) — *блудi же*, *прэста* — *послà мя*, *рэци* — *ω^трецися*. С другой стороны, в Пат. имеются также и группы словоформ с устойчивой дефинализацией, в частности, презенс с -iте, причастия на -éна, -éно, -éны; ср., например, *ище не ωбратiтеся* 606г (впрочем, собственный материал Пат. здесь невелик; данный вывод опирается в значительной мере на показания географически близких к Пат. микросистем).

Отметим еще следующую особенность Пат.: в словоформах с исконным неконечным ударением (*брáта*, *слáва*, *мáло*, *слыши* и т. п.) писец, как правило, выставляет знак ударения; между тем в словоформах типа *соуда*, *жена*, *люблю* и т. п. он выставляет его лишь в незначительном меньшинстве случаев. В этом статистическом различии естественно усматривать свидетельство того, что в говоре

писаца словоформы типа *соуда* не были просодически тождественны словоформам типа *брата*.

Бесспорных южнославянизмов в акцентуации Пат. практически нет; довольно редки также примеры обобщения сдвинутого ударения (типа *поутемъ* Т. ед. 587в, 600а, *доушею* 591а).

Перейдем к памятнику Цел. Для него характерна прежде всего неустойчивая дефинализация (тогда как случаев устойчивой дефинализации здесь совсем мало). Основная сфера неустойчивой дефинализации — существительные а. п. *b*. Здесь мы находим, в частности: *глисты* (5×), *глисты* 23б, *деготку* Р. ед. 114б, *по животу* 3бб, *золотника*, *-и* (5×), *квасцы* (6×), *квасцы* 44б, 98, *ис кола* 247 (от *колъ*), *с коня* 29, *на платки* 124, 124б (от *платокъ*), *пузыри* 5б, *в пути* М. ед. 274б, *о пути* (5×), *о пути* 276б, *скоту* Д. ед. 20б, 52б, *и^о смолнику* 95б, *на судъ* 275, *с ужа* 201б (от *ужь*), *по^очаса* 11; *вино* (10×), *-а* (6×), *-ѣ* (11×), *и^о гнезда* 245, *лице*, *-а*, *-ѣ* (12×), *лице* В. ед. 57б, М. ед. 24, *в утро* 43б, *в тепле* 262б; *змиа*, *-ю* (жен.; 3×), *змиа* И. ед. 25б, *лебѣды* Р. ед. 260 (ѣ вместо *e*), *в муку* 'in farinam' 124б, *свин'я* 81б, *свин'и* Р. ед. 183б, *сулемы* Р. ед. 118б, *трава* 72б, *-ы* Р. ед. (6×), *-у* 84б, 175б, *трави* Р. ед. 48, *уха* 'бульон' 151, 204, *в ухе* 151, *цѣлба* 270б и ряд других (не говоря уже о многочисленных случаях, где наосновное ударение в принципе может быть и архаизмом, например, *в горикѣ*, *на конце*, *бѣлмо*, *молочко* и т. п.). Для тех же самых слов, как правило, отмечается (причем существенно чаще) также и конечное ударение, например: *глисты*, *животъ*, *золотника*, *квасцы*, *кола*, *коню*, *в пути*, *о пути*, *скоты*, *ужю*, *часъ*, *вина*, *-ѣ* 'vinum', *и^о гнезда*, *лице*, *-а*, *-ю*, *-ѣ*, *из нутра*, *в теплѣ*, *змея*, *лебедя*, *мука*, *-а*, *-ѣ*, *-ю*, *трава*, *-ы*, *-ю*, *в ухѣ*, также *в горикѣ*, *бѣлмо*, *молочко* и др. Отсутствие некоторых акцентовок (например, **свинья*) в принципе может отражать более устойчивую дефинализацию, но, конечно, может быть и случайным. Разумеется, в Цел. есть и такие существительные а. п. *b*, для которых отмечено только конечное ударение (например, *быка*, *врача*, *грѣха*, *двора*, *по двору*, *клопы*, *кнути*, *ножа*, *прыщи*, *сапоги*, *сокола*, *угри*, *молоко*, *перд*, *по писму*, *сукно*, *ящю*, *луня*, *свѣчи*, *трубу* и др.); показательно, однако, что почти все они встречаются в Цел. сравнительно редко, поэтому едва ли следует предполагать, что их ударение было более устойчивым, чем у прочих слов а. п. *b*.

Далее, дефинализация широко представлена в Цел. в императивах и в части инфинитивов. Императивы: *соблюди*, *свари*, *завяжи*, *держи*, *издроби*, *разбжеги*, *сбжеги*, *клади*, *лежи*, *вбжи*, *испеки*, *пусти*, *потѣрни*, *истолки*, *истопи*, *твори*, *не ходи*, *процѣди* и др. (также *положь*, *приложь*) — всего около 50 раз; но все же существенно чаще встречается конечное ударение (*сварю*, *приложю*, *не ходю* и т. д.). Инфинитивы на *-чи*: *сжечи*, *ужечи*, *истолчи*, *столчи*, также

по^ожечь, испечь, стеречь, истолчь и др. (всего 25×) при несколько более частых *беречь, жечь, мочь, истолчь* и т. п. (всего 38×; см. § 3.71). В обеих группах при наличии *-ся* сохраняется старое ударение: только *берегѣйся, беречѣйся* и т. п. В инфинитивах типа *нести* дефинализация представлена заметно слабее: *розвѣсти, скрѣсти, блѣсти* (всего 5×) при обычном конечном ударении (19×); ср., с другой стороны, практически устойчивую дефинализацию в инфинитивах типа *взяти* (только *взятѣ* 89, *взятѣ* 35, 51 на фоне господствующих *взяти, поняти, почати* и т. д.). Отметим, что эти три группы инфинитивов (*взяти, беречи, нести*) отчетливо демонстрируют зависимость степени дефинализации от морфологической группы.

Из прочих примеров дефинализации в Цел. укажем: *зима* 186 bis, 31 bis (ср. *зимѧ* 1616, *в зимѣ* 198), *и^о головы* 666, *и^о... головы* 516, *в черѣпу* М. ед. 416, *на лошади* М. ед. 1596, *тѣлѣси* Р. ед. 196, *лѣдми* 166, 2866, *с лѣдми* 2746, *с лѣдми* 2756; *по девѣти* 956, *до сѣдми* 196, *о сѣдми* 5 bis, 11; *жѧрка* 269 bis, *не скѣра* (3×), *скѣра* 285, *тѧжка* 221, *жѣлта* 261, *высока* 239, *дѣбрѣ* 436, *недавно* 2656, *недавно* 221, *горяче* 82, *-ю* В. ед. 16, *красны* 96, *чѣрны* 86, *бѣла же* Р. ед. 52, *хѣтра* Р. ед. 256, *порѣвну* 59, 71; *в ѡднѣ мѣсто* 35, *своѣ* 120, *-я* 2246, *своѣю* 228, *своѣ* В. мн. 2356, *твоѣя* 275, *твоѣя* 2856; *тѣе* Р. ед. (5×), В. ед. 28, *тѣя* Р. ед. 17, *с нѣе* Р. ед. 836, *у нѣе* 2056, *в нѣе* 1196, *на нѣе* 2656, *всѣе* Р. ед. 546, *с тѣго* 22, *ѡднѣо* 1296, *сѣмѣ* 20, *по всѣмѣ* 216; *прѣшла* 1446, *бѣла* 91, 1166, *ожѣла* 243, *дѧна* 46. Сюда же *пѣслѣ* 218, 2886, *пѣсле* 178, *ѡпѣсле* (5×), *сквѣзѣ* (3×), *сквѣзе* 215 (ср. *крѣмѣ* 137, *подлѣ* 1556, *ѡпѣслѣ* 67, *сквѣзѣ* 1716, 217), также *дѣбрѣ* (8×), *дѣбрѣ* 37, 406 (ср. *дѣбрѣ* [11×]), *не ѡднѣо* нареч. 46, *ѡднѣо* нареч. 143.

Отдельно отметим *на дно* 51, *ѡ ртѣ* (5×: 226 и др.), *изѣ рта* (4×: 786 и др.), *на тѣше срѣце* 1816, 187, *на тѣше срѣце* 203 (+2276, 248) (ср. *на днѣ* 'in fundo' 2526, *ѡ ртѣ* 23, *ѡ ртѣ* 2346, *изѣ рта* 78, *ко лѣу* 37, *ѡ снѣ* 24, 2376, *на дѣцѣ срѣце* 2276).

В Цел. иногда встречаются также случаи обобщения сдвинутого ударения: *стѣлповѣ* 5, *с вѣномѣ* 63, 100 (+526), *з жѣноу* 15, *лѣт-вою* 66, *стѣтъя^о* 1076, также *бѣлокѣ* (муж.) 466, *жѣлтокѣ* 1106, *гнѣлецѣ* 2616 и другие; *сѣ-его* 7, *-ѣя* 202, *-ѣи* 11 (+115), *-ѣмѣ* 666, *-имѣ* Т. ед. 150, Д. мн. 206, *-ими* 1636, *тѣѣмѣ* 2876 (при более обычном флексивном ударении во всех этих случаях).

НАРОДНАЯ И КНИЖНАЯ АКЦЕНТОВКА

§ 3.11. Важнейший общий вопрос, возникающий при изучении старовеликорусской акцентуации, состоит в том, каковы были акцентные различия между двумя языковыми системами, существо-

вавшими в средневековой Руси, — собственно русской (народной) и церковнославянской (книжной).

Наблюдения над памятниками позволяют заключить, что в книжном (т. е. литературном) произношении Московской Руси XVI—XVII вв. акцентуация словоформ в большинстве случаев определялась следующим основным принципом: 1) словоформы, существующие (с тем же фонемным составом) также и в живой разговорной речи, имели в книжном произношении то же ударение, что и в разговорном; 2) словоформы, представленные (вообще или, по крайней мере, в варианте с данным фонемным составом) только в книжном языке, имели «специфически книжное» ударение — как правило, предфлекссионное.

Поскольку в живом русском языке имелись диалектные акцентные различия, словоформы первого класса также и в книжном произношении акцентуировались по-разному в разных районах, например: *в дѣму, стойте, прощёно* во Пскове, но *в домѹ, стоимѣ, прощенѣ* в Рязани. Это обстоятельство очень важно для лингвиста: оно позволяет извлекать сведения по диалектологии акцентных явлений даже из памятников со строжайше выдержанным книжным языком, например, из канонических церковных текстов (ср. Станг 1957, с. 180, замеч. 8). Напротив, словоформы второго класса обычно имеют единое ударение на всей русской территории, например: *вѣмы, вѣсте, стойвѣ, стойта, прияль, -а, -и, приятъ, -а, -ы, избранныи, избранны, -а, -ы*; для диалектологии эти словоформы не имеют значения.

Соответственно, для старовеликорусского нехарактерно, чтобы одна и та же словоформа в одном и том же фонемном составе имела в светском памятнике одно ударение, а в церковном памятнике того же места и времени — другое. Это видно, например, из сравнения Улож. и Матф., напечатанных в одном и том же 1649 г. на московском Печатном дворе. Статистические акцентные характеристики этих двух памятников в ряде пунктов различны, но это различие почти целиком возникает за счет мощного пласта книжной лексики (или книжных вариантов словоформ), содержащегося в Матф. и отсутствующего в Улож.

Контраст между народной и «специфически книжной» акцентовой особенно заметен в памятниках восточной зоны (акцентологически более архаичной). Здесь мы нередко в одном и том же памятнике встречаем, например, *приняль* и *прияль*, *принялѣ* и *прияла*, *принятѣ* (инф.) и *пріяти*, *воитѣ* и *внїти*, *говоренѣ* и *речѣно*, през. *молчитѣ* (мн.) и *молчїта* (дв.) и т. п. В западной зоне этот контраст не столь велик (а в предельных случаях почти совсем исчезает), поскольку здесь и живая разговорная речь в большинстве морфологических категорий обнаруживает тенденцию к предфлекссионному ударению (*приняль, -а, говорѣно, молчїте* и т. п.).

§ 3.12. В качестве развернутой иллюстрации действия сформулированного выше основного принципа рассмотрим акцентовку

словоформ *даси*, *ѣси* (*яси*), *ѣѣси* (и соответствующих приставочных) в старовеликорусских памятниках.

У словоформ *даси*, *ѣси* (*яси*) старое ударение на *-си* представлено, если не считать памятника XIV в. Чуд., в двух ареалах.

1. Основной ареал — памятники вологодские, белозерские, онежские, часть новгородских и часть беломорских. Приводим материал (без словоформы *снѣси*, о которой см. ниже отдельно): Час. *подаси* 356; Т. пс. *въздаси* 1366; Сенн. *предаси* 205г (наряду с *даси* 1686, *въздаси* 25а, 26а); Муз. *даси* 204, *воздаси же* 22, *да яси* 1616; Новг. *даси* 976, *даси* 516, *въздаси* 1106, 2316, *-и* 220; Ион. *даси* 38, 2706, 4056, *не даси* 453, *подаси* 216, *-и* 481, *предаси* 514, *продаси* 404 (+4276); Корн. *даси* 187, *подаси* 398, 4416; Лук. *даси* 16г, *въздаси* 96а, *воздаси* 263в, *предаси* 267в, *яси* 74а, 150а, 165а; Карг. *даси* 246, *-и* 5096, *не аси* 523; Клон. *даси* 766 (наряду с *подаси* 12); Печ. *не даси* 166, 506, *воздаси* 137 (+483), *да подаси ми* 3086. *яси* 1146 (наряду с *да ми даси* 246, *яси* 1146), Цел. *яси* 267.

2. Дополнительный ареал, охватывающий часть памятников центра: Биб. *даси* (часто), *вдаси* 456, 1216, *въдаси* 1216, *ѡдаси* 836 и др., *да не предаси* 1226, 4066, *яси* (часто), *изъяси* 1136 и др.; Дос. *даси* 116; еще в нескольких памятниках старое ударение встретилось лишь наряду с корневым (обычно преобладающим); таковы *даси* Тар. 25, Библ. 609 и др., Цв. 1266, *не даси* Ап. 256, *не подаси* Пер. 196.

Во всех остальных памятниках, где эти словоформы вообще отмечены, они имеют корневое ударение. Таковы северо-западные памятники Лих., Ег., Пр., Пат., Егор., Пск., ближнезападные Дан., Лет., Фер., Рж., Сел., центральные и южные Амф., Матф., М. пс., Дом., Ряз., северо-восточные Увар., Яр., Костр., Сол., Хлын.

Словоформа *снѣси*, за исключением Корн. *снѣси* 228, Новг. *снѣси* 2186, выступает всегда в виде *снѣси*.

У словоформы *ѣѣси* (и приставочных) старое ударение на *-си* представлено, помимо Чуд., в Час., Сенн., Лих., Муз., Новг., Ион., Корн., Стар.; единичные примеры (обычно на фоне корневого ударения) отмечены также в Прол., Тар., М. пс., Печ. Во всех прочих памятниках выступает только *ѣѣси*. Таким образом, ударение *ѣѣси* представлено существенно уже, чем *даси*, *яси*; в частности, в Карг., Лук., Биб. мы находим комбинацию *даси*, *яси* — *ѣѣси* (близкая картина также в Печ.), в Клон., Ап., Цв., Пер. комбинацию *даси* // *даси* — *ѣѣси*.

В настоящее время словоформы *даси*, *йеси* 'ешь' отмечаются в межзональной группе северного наречия (онежские, лачские, белозерские говоры) и в западной группе южного наречия (Диал. член., с. 117, 123). В начале XX в. по данным МДК они засвидетельствованы также в ряде точек бывшей Вологодской губернии. Словоформа *ѣѣси* в современных говорах отсутствует. Основной ареал, где в XVI—XVII вв. господствует акцентовка *даси*, *ѣси*, практи-

чески совпадает, таким образом, с ареалом распространения словоформ *дасі́, йесі́* в XX в.

Приведенные факты могут быть интерпретированы следующим образом. В XVI—XVII вв. словоформы *дасі́, ѣсі́* сохранялись в значительной части северных говоров, а также в некоторых говорах центра и юго-запада; но в большинстве великорусских говоров они уже были вытеснены более новыми *дашь, ѣшь*. Книжники тех районов, где сохранялись *дасі́, ѣсі́*, использовали для этих словоформ такое же ударение и в своей книжной речи (и, соответственно, выставляли его на письме). Напротив, для носителей говоров, где победили *дашь, ѣшь*, словоформы *даси, яси* были чисто книжными и потому акцентуировались по-книжному: *да́си, я́си*. Например, в Дом. находим *дашь* 68, *не додашь* 68, *продашь* 786 и т. п. в тексте о домашнем хозяйстве, но *да́си* 122 в моральном наставлении. Возможно, впрочем, что в каких-то говорах с развитой дефинализацией (т. е. западных или дальнесеверо-восточных) могли существовать варианты *да́си, ѣ́си* (в современных говорах отсутствующие); но в основной части восточной зоны таких вариантов явно не было. Соответственно, ударение *да́си* в таких памятниках, как, например, Увар., Ряз., Яр., Костр., Матф., объясняется только книжностью.

Комбинация *дасі́, ясі́* — *ѣ́си* (см. выше) прозрачным образом связана с наличием в соответствующем говоре первых двух словоформ и отсутствием третьей. Точно так же почти повсеместное ударение *си́ѣси* объясняется отсутствием этой словоформы в говорах: ей соответствовало народное *сѣ́ѣси* или *сѣ́ѣшь*.

§ 3.13. Сформулированный выше (в § 3.11) основной принцип не имел, однако, непреложного характера. Частные отступления от него встречаются в первую очередь там, где он вступает в противоречие с тенденцией к колонному ударению в парадигме (или субпарадигме). Например, книжная словоформа *скоти* может иметь как «специфически книжное» ударение *ско́ти*, так и ударение *скоті́*, колонное со словоформами *скотѧ́, -ѹ́, -ѧ́* и т. д. Изредка встречаются и некоторые другие случаи, когда книжная словоформа оказывается втянутой в сферу действия акцентных механизмов живого говора (например, *избранъ, избранѧ́*).

В некоторых особых случаях может возникнуть даже противоположное обычному соотношение книжной и народной акцентовок. Это возможно прежде всего в тех немногочисленных точках системы, где даже в восточной зоне народное ударение — исторически новое (сдвинутое влево). В этих случаях принцип оппозиции народного и книжного ударения, если он вообще реализуется, может выразиться только в том, что книжные словоформы сохраняют конечное (т. е. архаичное) ударение. Описанной схеме соответствует, в частности, соотношение между народными *мочь, беречь* и т. п. и книжными *моу́щй, бреу́щй* (ср. § 3.71), между народными И. В. мн. *яица, полѣтна, бѣкна* и т. п. и книжными *чресла́, лица́* (ср. § 3.41). Далее,

в части микросистем сходная акцентная поляризация наблюдается в некоторых парах типа *голова* — *глава*: при русской огласовке выступает исконная акцентовка по а. п. с (*гблову*, И. В. мн. *гбловы*, *бброду*, -ы, *стброну*, -ы, *скбвороду*, -ы), при церковнославянской — по а. п. *b* (*главѹ*, И. В. мн. *главыѣ*, *брадѹ*, -ѣ, *странѹ*, -ѣ, *сковрадѹ*, -ѣ). В И. В. мн. *ja*-feminina такое же акцентное противопоставление, отмечаемое в ряде микросистем, базируется всего лишь на различии между народным окончанием -и и книжным -я; ср., в частности: Чуд. *бвци* И. мн. 84в — *овца* И. мн. (6×), В. мн. (4×); Дан. *бвци* В. мн. 174 — *овца* В. мн. 174; Пск. *ѡвцы* И. мн. 201 (при *ѡвца* В. мн. 262) — *овца* И. мн. (10×); Лет. *зари* И. мн. 198 — *заря* В. мн. 422, *лбѣи* В. мн. (4×) — *лвѣя* В. мн. 74, *на ѡвца* В. мн. 226 (ср. *за ѡвцу* 3); Пер. *дшя* И. мн. 191 (ср. *дѹшу* 114); Сол. *душя* В. мн. 596 (ср. *дѹшу* 60); сюда же Хр. *в брбнѣ* В. мн. 761 — *брбня* В. мн. 761.

Необходимо учитывать также, что такой внешний признак, как неполногласие, сам по себе еще не обязательно означает книжный характер словоформы: многие словоформы с неполногласием (например, *власть*, *сладкии*, *предати*) уже прочно вошли в живой старорусский язык и, соответственно, обычно не обнаруживают акцентных признаков книжности. Таким образом, граница между тем, что воспринималось и что не воспринималось как специфически книжное, проходила не в точном соответствии с этимологией и, конечно, в небольших деталях варьировала в зависимости от культурного центра и от периода.

Перечислим наиболее важные категории словоформ, где в XVI—XVII вв. всегда или почти всегда выступает «специфически книжное» предфлексивное ударение.

1. У глаголов а. п. с — все отсутствующие в народном языке этой эпохи грамматические формы, где в данной а. п. в раннедревнерусском было конечное ударение. Таково двойственное число презенса (например, *несѣвѣ*, *несѣта*, *молчѣвѣ*, *молчѣта*), причастия и деепричастия с -ущ-, -ящ- (например, *несущѣ*, -и, -а, *молчѣщѣ*, -и, -а и т. д.); предфлексивное ударение выступает здесь, в частности, и в тех микросистемах, где некнижные формы имеют конечное ударение (типа *несетѣ*, *молчитѣ*, *несучѣ*, *говорячѣ* и т. п.). Примеры древних ударений типа *несевѣ*, *несетѣ* в XVI—XVII вв. совершенно единичны. «Специфически книжное» предфлексивное ударение имеют также нечленные формы *n*- и *ep*-причастий (в т. ч. адъективированных) в книжном варианте — с двойным *nn* (например, *предѣнно*, *избрѣнна*, *речѣнно*, *отрѣшенны*); при этом варианты с одним *n*, соответствующие живой речи, в тех же микросистемах могут иметь иное ударение (*предѣно* или *прѣдано*, *рѣшенѣ* и т. п.).

З а м е ч а н и е. Предфлексивное ударение представлено также в аористе (кроме 2—3 ед.) и имперфекте (*несбѣхъ*, *несбѣша*, *несѣше*, *несѣшу* и т. д.), но здесь оно установилось уже в более раннюю эпоху (см. § 2.20). Что касается формы 2—3 ед. аориста, то она обычно имеет ударение, колонное с остальными формами

аориста, т. е. в данном случае конечное (*несё, протй* и т. п., ср. *несбхъ, несбша, протйхъ, протйша*). Лишь в некоторых памятниках выступает (факультативно или последовательно) словоформа *рече*; прочие примеры подобного ударения (*нече, прбсти* и т. п.) встречаются только в западных памятниках и потому скорее должны объясняться как результаты дефинализации (а не как эффекты книжности).

2. Атематические словоформы презенса *вѣмы, вѣсте, дѣмы, дѣсте, ѡмы, ѡсте* (*ѣмы, ѣсте*). При этом словоформы *есмѣ (есмя), естѣ*, сохранявшиеся в живой речи, в тех же микросистемах почти всегда представлены с конечным ударением (такое ударение обычно также для словоформы *есмы*). Относительно словоформ *вѣси, даси, яси* (*ѣси*) см. § 3.12.

3. Словоформы системы инфинитива глаголов на *-яти* 'взять' с [j] после приставки (т. е. *заяти, наяти, пояти, прияти, объяти, изъяти* и т. д.), например: *прияти, приялъ, -а, -о, -и, приятъ, -а, -о, -ы*. При этом в тех же микросистемах могут быть представлены, например, *принятй, прїнялъ, приняла, прїняло, -и, прїнятъ, принята, прїнято, -ы*.

Далее, имеются группы словоформ, где «специфически книжное» предфлексивное ударение реализуется не столь последовательно (главным образом, из-за конфликта с принципом колонности, ср. выше).

4. И. мн. (и аналогический В. мн.) на *-и*⁴ у существительных мужского рода с твердой основой (преимущественно непроизводных). Эти книжные словоформы во многих памятниках факультативно или даже последовательно представлены как *врази, сапзи, вѣлси, скѣти, стѣли, брли* и т. п. (особенно заметен этот эффект в словоформах с книжными *ц, з, с* на месте *к, г, х*). При этом в тех же памятниках словоформы, представленные также и в живой речи, обычно выступают с флексивным ударением; особенно показателен здесь В. мн. (и аналогический И. мн.) на *-ы* (или *-и* после *к, г, х*), например: *врагы (врагѣ), сапогы (сапогѣ), скоты, орлы* и т. д.⁵ Как известно, в XVI—XVII вв. в живом языке прежние словоформы И. мн. на *-и* от твердых основ в большинстве случаев уже просто исчезли, а немногочисленные реликты (*сусѣди, черти, холопи, комари* и др.) были переосмыслены как словоформы с мягкой основой, откуда косвенные падежи мн. числа типа *сусѣдеи, сусѣдемъ (сусѣдямъ)* и т. д. Примеры подобного переосмысления отмечены и в книжном

⁴ Сюда не относится, однако, вторичное *-и*, получившееся из *-ы* после *к, г, х* (эта оговорка действительна также для двух последующих пунктов).

⁵ Было бы неверно, однако, усматривать здесь акцентное выражение противопоставления И. и В. падежей. В действительности здесь существенно только окончание: *-и* или *-ы* (у основ на *к, г, х* — соответственно исход на *-ци, -зи, -си* или на *-ки, -ги, -хи*). В силу смешения старых форм И. мн. и В. мн., которое в XVI—XVII вв. уже широко представлено даже в церковных текстах, словоформы типа *скоты, сапогы, врагы* часто встречаются в функции именительного падежа, а словоформы типа *скѣти, сапзи* вполне могут встретиться в функции винительного (ср. § 3.42).

языке; например, при И. мн. *волсви* встречаются Д. мн. *волсвемъ*, Т. мн. *волсвми* (с характерным обобщением *с* в корне). С акцентологической точки зрения, подобное переосмысление, по-видимому, тоже способствовало наосновному ударению в И. мн., поскольку у непроизводных мягких основ в этой форме господствовало именно такое ударение (чаще всего в рамках подвижного акцентного типа: *люди*—*людѣи*, *дѣти*—*дѣтѣи*, *звѣри*—*звѣрѣи*, *гуси*—*гусѣи* и т. п.); ср. в особенности современное *кони*, *конѣи* на месте старого *конѣи*, *конь* (*конѣи*).

5. Нечленные формы прилагательных и страдательных причастий, носящие исключительно или преимущественно книжный характер. Таковы в XVI—XVII вв. практически все нечленные формы, кроме форм И. падежа ед. числа и И. мн. на *-и*, выступающих в предикативной функции (подробнее см. § 3.51). К числу книжных форм этой группы следует присоединить также наречия на *-ѣ*. В памятниках часто встречаются, например, ударения *мѣртва* Р. ед., *мѣртву* Д. ед., В. ед., *мѣртви* И. мн., аналогично *процѣна*, *-у*, *-и*, *принесѣна*, *-у*, *-и* и т. п., также наречия *добрѣ*, *тѣплѣ*, *высоцѣ* и др., при том, что в живых формах сохраняется флексийное ударение: *мертва* И. ед., *-ѣ*, *процѣна*, *-ѣ*, *принесѣна*, *-ѣ*, *добрѣ*, *-ѣ*, *тѣплѣ*, *-ѣ*, *высока*, *-ѣ*. Следует учитывать, правда, что у прилагательных форма И. мн. на *-и* при твердой основе на части великорусской территории (центр и юго-восток) еще была живой, ср. современные *сыти*, *ради*, *богати* и т. п. в говорах. Однако все отмечаемые диалектные словоформы типа *сыти* имеют наосновное ударение (примеров такого рода для старой а. п. *b* нам неизвестно); возможно, что это акцентное ограничение связано с теми же причинами, что у существительных (см. предыдущий пункт). Таким образом, предфлексийное ударение в словоформах типа *мѣртви*, *чѣрни*, *тѣплѣ*, *процѣни*, *принесѣни*, широко представленное в памятниках, для большинства районов было просто книжным, а там, где еще были живыми словоформы группы *сыти*, такое ударение поддерживалось также и акцентными особенностями живых словоформ этой группы.

6. Членные формы прилагательных с твердой основой, выступающие с книжными окончаниями — прежде всего И. мн. *-ии*, М. ед. *-ѣмъ* (*-ѣмъ*, *-емъ*), Д. М. ед. *-ѣи* (*-еи*), особенно варианты с книжными *ц*, *з*, *с* на месте *к*, *г*, *х*. Так, например, во многих памятниках с регулярным ударением *ветх-аго*, *-ѣму*, *-аю* и т. д., *вѣчн-аго*, *-ѣму*, *-аю* и т. д. факультативно или даже последовательно представлены *вѣтс-ии*, *-ѣмъ*, *-ѣи*, *вѣчнии*, *-ѣмъ*, *-ѣи* (также *вѣтс-ѣхъ*, *-ѣми*, *вѣчн-ѣхъ*, *-ѣми* в микросистемах, где использовались окончания *-ѣхъ*, *-ѣми*).

Помимо перечисленных, имеется и много других случаев «специфически книжного» ударения, но здесь уже речь идет о более узких группах слов (или словоформ) или даже об индивидуальных словах. Таковы, например, ударения *двѣма*, *трѣми* (там, где в живом говоре

уже было *двумà, тремà* или *двумя́, тремя́*), Р. М. дв. *ру́ку, нòгу, бòку* и т. п., Д. Т. дв. *му́жема, гра́дома, ве́цма, нòцма* и т. п. В ряде случаев можно предполагать взаимодействие фактора книжности с другими факторами. В частности, в Р. мн. во многих памятниках выступают словоформы на *-ии* с корневым ударением, например, *лю́дии, дѣ́тии, нòциии, ве́циии, кòстиии*, причем нередко в том же памятнике встречаются словоформы *люде́и, дѣте́и, но́цеи* и т. д. Такое соотношение говорит в пользу того, что ударение типа *лю́дии* — книжное; однако следует считаться также с возможностью акцентного выравнивания по форме И. В. мн. Другой пример составляют членные формы ряда прилагательных а. п. с, имеющие корневое (а не флексивное) ударение, в частности, *чю́ждыи, духòвныи, душевьныи, страньныи, бра́чныи, вѣ́чныи, слезьныи* и др. Есть основания полагать, что в некоторых памятниках такое ударение определяется эффектом книжности. Поскольку, однако, собственно русское развитие тоже приводило к такому ударению у значительной части прилагательных а. п. с (ср. § 3.58—59), вычленив здесь «вклад» фактора книжности оказывается (для большинства слов) довольно трудно.

Примеры ударений, определяемых книжным характером самой лексемы (приводимые ударения представлены не во всех микросистемах, но в очень многих): *древле́, ту́не; равен, равна́, -о, -ы*, (ср. *рове́нъ, ровна́, -ò, -ы*); *празденъ, прàздна́, -о, -ы* (ср. *порожд*); *еди́нъ, -а, -о, -ы* (ср. *оди́нъ, одна́, -ò, -ы*). В XVI—XVII вв. слово *дцерь* практически повсеместно акцентируется по а. п. а: *у дцѣри, отъ дцѣрии, о дцѣрехъ* и т. д.; ср. слово *дчи* (*дочи, дочь*), которое в тех же памятниках относится к а. п. с: *на́ дочь, дочерѣи, дочерми́* и т. д. В некоторых памятниках в сходных отношениях находятся *млѣко* и *молоко́*, *плáтно* и *полотнò*. В XVI—XVII вв. почти везде представлены книжные ударения *вби* (мн.), *вòпля, -ю*; широкое распространение имеют ударения *жítие, пítие, бýтие*. Поскольку старовеликорусский и староукраинский в рассматриваемом отношении в принципе сходны, мы можем позволить себе здесь привести также несколько наглядных примеров из «Лексикона» Берынды: *врата́ : воротà 26; плáтно : полотнò 156; сковра́да : сковородà 220; сре́да : середà 232; чре́да : . . . чередà 305; по́ятіе : по́нятьє 163; предáніе : поданьє 175; прия́тіе : принятьє 193; ср. еще да́мы : дамò 49* (следует учитывать, впрочем, что отраженная здесь староукраинская традиция в ряде конкретных деталей могла и не совпадать со старовеликорусской; ср., например, выше об акцентовке слов *глава, брада, страна, сковрада* в части великорусских микросистем).

§ 3.14. Особую проблему, актуальную прежде всего для памятников XV—первой пол. XVI в., но отчасти также и для более поздних, составляют южнославянские акцентовки. К сожалению, в настоящее время еще недостаточно изучен вопрос о том, в каких случаях акцент-

ные знаки, скопированные с южнославянских оригиналов, реализовались в книжном произношении русских писцов этой эпохи в виде соответствующих ударений и в каких расценивались лишь как элементы необходимого графического оформления текста. Естественно предполагать, однако, что какая-то часть таких акцентовок была фонетически реальной.

На Русь попадали южнославянские рукописи, отражавшие (в графике, морфологии, акцентуации) различные южнославянские диалекты; различна была также (в частности, по акцентуации) речь южнославянских выходцев. Поэтому нельзя говорить о какой-то единой и последовательной южнославянской акцентуации, занесенной на Русь. Речь может идти лишь о нескольких ярких чертах, характерных для большинства южнославянских акцентных систем конца XIV и XV вв. Главной из таких черт является ретракция ударения на один слог влево по сравнению с праславянским (в одних говорах всеобщая, в других ограниченная определенными морфологическими позициями), например, *: сапогъ, работа, животъ, бгня, жéна, жéнами, чýсло, твбрити, разбрити, слúжити*. Внешне сходный эффект представлен также во вторичных имперфективах: *бýвати, начýнати, умýрати* и т. п. Из прочих особенностей можно отметить, в частности, нередкое отсутствие отяжки ударения на предлог (например, *по чýну*), ударение по модели *отпусти, отпустися* в 2—3 ед. аориста.

Как уже отмечено в § 3.9, многие южнославянские акцентовки внешне неотличимы от результатов собственно русской дефинализации (ср. *бгня, жéна, чýсло* и т. п.). Соответственно, надежными примерами южнославянской акцентовки оказываются прежде всего те, где ретракция подверглось ударение неконечного и/или закрытого слога (*сапогъ, твбрити* и т. п.).

Имеется значительное сходство между южнославянской акцентовкой и «специфически книжной» акцентовкой старовеликорусского периода, а именно, в обоих случаях вместо исконного флексийного ударения выступает предфлексийное. Можно предполагать, что это сходство не случайно, т. е. что «специфически книжная» акцентовка на Руси сформировалась хотя бы отчасти под влиянием южнославянской.

Большой интерес представляют в этом отношении показания Чуд. Правда, этот памятник относится ко времени до начала так наз. второго южнославянского влияния на Русь, но он был написан в Константинополе, и потому его составители могли находиться в контакте с южнославянскими книжниками. В Чуд. имеется значительное число примеров, где ударение стоит на слог левее своего исконного места. Их можно разделить на несколько групп (приводимые списки не претендуют на полноту, поскольку ряд спорных случаев опущен).

1. Словоформы (преимущественно не книжного характера), где сдвинутое ударение в дальнейшем распространяется на всю или почти на всю восточнославянскую территорию. Таковы, в частности:

ими, ними, тѣми (также има, нима, тѣма); И. В. мн. лица, села, ребра и т. п.; инфинитивы отплѹти, помянѹти. В этой группе уже в Чуд. новое ударение преобладает над старым.

2. Словоформы (преимущественно не книжного характера), у которых в XVI—XVII вв. сдвинутое ударение встречается на великорусской территории, как правило, только в памятниках, отличающихся заметной дефинализацией (т. е. западных и северо-восточных). Примеры этой группы встречаются в Чуд. лишь в качестве отклонений от господствующего флексийного ударения. Таковы, в частности: *вѣрху* и^х 'поверх них' 11г, *вѣну* В. ед. 'sultram' 120б, *вѣноу* Д. ед. 'vino' 136г, *вѣагы* В. мн. 127г, *грѣху* Д. ед. 45г, *в корабли* В. мн. 44б, *на лице* В. ед. 117б; *зѣло* 95а, *мѣю* В. ед. жен. 11в, *никѣго*^{жс} 51а, *тѣго* 80б, *тѣмоу* 95а, *обѣма* 30в; *вѣзпѣ* аор. (3×), *изгѣню* 7г, *изгѣн*^а 17а, *предана* И. мн. 163б, *приложѣ* аор. 66в, *помѣлися* аор. 73г, *основана* бд И. ед. 5г, ед. *оупѣва* 137б; по-видимому, к этой же группе можно отнести И. мн. *и слѣуги* 51а.

3. Словоформы (обычно с теми или иными чертами книжности), которые в XVI—XVII вв. постоянно или факультативно выступают со сдвинутым ударением на всей старовеликорусской территории, будучи частью лексического пласта со «специфически книжным» ударением. Так, обобщенное новое ударение в Чуд. имеют *вѣмляи* 41в, *превѣмляися* 134г, *прѣмляю* 43г (+ 44а), *прѣмляи* 137г (и другие формы с *емл-*), *сѣйжю* 24б, *сѣзѣйжю* 69а, *прѣзри* 61а (+ 32а), *оущѣдрю* 103г bis. В прочих случаях речь идет о единичных примерах (обычно на фоне преобладающего старого ударения): *ѡ*^х *дѣѣрии* 25г, *мѣдѣи* 74в, *отрѣчи*^ш И. ед. 44а, *о нѣрстѣ* 33б, *нѣтѣи* М. ед. 146а, *побѣдоу* 115в, *пѣлѣма* 'пополам' 13г; *дѣбрѣ* нареч. 123г, *ни едѣно же* 142а; *обратятѣ*^с 48в, *прѣзрѣ*^х 46б, *изѣти* 41г, 70в, 73а, *оумѣртвите же* повел. 131б, *распѣти тѣ* 51б, *пооусти-ти* 52г, *-вѣ* 142б, *ищѣзнѣте* повел. 67г; далее, примеры причастий с *-ѣна*, *-ѣно*, *-ѣни* (*оболѣѣна* В. ед., *принесѣно*, *ищѣлѣни* и др., см. § 3.66) на фоне обычных *-ѣна*, *-ѣно*, *-ѣни*. Возможно, сюда же относятся *прѣздни* 137в, *рѣвна* И. мн. 24б, аористы типа *издѣше*, *оуспе* и др. Необходимо подчеркнуть, однако, что приведенные здесь примеры составляют лишь очень незначительную часть представленного в Чуд. массива словоформ, получивших впоследствии «специфически книжное» ударение; нормой для Чуд. является сохранение у таких словоформ «народного» (т. е. исконого) ударения.

4. Словоформы, которые в XVI—XVII вв. вообще не встречаются на великорусской территории со сдвинутым ударением или отмечаются с таким ударением лишь в памятниках с явными следами южнославянских акцентовок. В Чуд. таковы, в частности: *вѣнець* В. ед. 85г, *живѣ*^м В. ед. 44в, *и живѣ*^м И. ед. 90г; *не брѣжѣши ли* 33а, *бѣваѣ*^м 15в, *ѡ*^м *вѣрѣаѣ*^м 46г, *повѣнитѣся* повел. 84в (от *повину-тѣся*), *повѣноушася* 61г bis, *повѣноуоушася* 84в, 84г, *облѣчете*^с 41б, *ѡбѣтованыи* 116г, *грѣде*^м 43а, *дерѣвати* 71г, *любѣти* 85а, *при-*

миренье 104г, *оумблчаша* 164а, *всадиша* 60в, *ращйненье* 94г, *нэш-вена* И. ед. жен. 51в; сюда же можно отнести *облещися* 118а, *совлещися* 118а.

Представляют особый интерес группы 2—4, где в принципе допустимо усматривать влияние южнославянских акцентовок. Следует учитывать, что во всех этих трех группах некоторые акцентовки (но далеко не все) могут объясняться морфологическими аналогиями. В остальном же для группы 4 можно предполагать только прямое южнославянское влияние. В группе 2 источник сдвига может быть как южнославянским, так и русским (дефинализация), но более вероятно второе. В группе 3, по-видимому, отразился начальный этап формирования «специфически книжного» ударения на Руси. Объяснить примеры группы 3 русской дефинализацией нельзя — как потому, что во многих из них исконное ударение не было конечным, так и по характеру географического распространения таких акцентовок в XVI—XVII вв. Соответственно, здесь естественнее видеть заимствование южнославянских ударений. По-видимому, в основе сформировавшегося в последующий период (в XV в.) «специфически книжного» ударения лежит прежде всего механизм закрепления за чуждыми живой речи словоформами чужого (иноязычного) ударения.

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

§ 3.15. Основным источником сведений о восточнославянской акцентуации XIV—XVII вв. служат акцентуированные рукописные и (со 2-й пол. XVI в.) печатные книги. Старейшей (и при этом очень богатой по материалу) русской акцентуированной рукописью является Чуд. — Чудовский Новый Завет XIV века (по-видимому, 1355 г.). Далее, однако, следует период в 130—140 лет, крайне бедный для историка русского ударения: хотя от этого периода дошло значительное число акцентуированных рукописей, писанных на Руси, подавляющее их большинство отражает не русскую, а южнославянскую (болгарскую или сербскую) акцентуацию или какую-то форму смешения русской акцентуации с южнославянской. Немногочисленные рукописи этого периода (или отдельные их части) с русской акцентуацией бедны материалом: ударение проставлено в основном лишь в «банальных» для акцентолога случаях.

С 80—90-х годов XV в. начинается основной период создания русских акцентуированных рукописей, продолжающийся до начала XVIII в. (а именно, до петровской реформы гражданской азбуки, исключившей акцентные знаки из гражданской печати и письма). На протяжении этого периода процент рукописей, последовательно акцентуированных по-русски, постоянно возрастает; в XVII в. такие рукописи уже составляют большинство (см. Колесов 1973б, с. 229).

Дополнительным источником сведений об акцентуации являются рукописи (в т. ч. неакцентуированные) с графическим различием фонем /ɔ/ и /ô/ (см. § 3.20), а также рукописи, где этимологическое *ѣ* последовательно отражается буквой *ѣ* в ударной позиции и (последовательно или хотя бы факультативно) буквой *е* — в безударной позиции.

Нельзя думать, однако, что знаки ударения или знаки для /ɔ/ и /ô/, представленные в памятниках, соотнесены с фонетической реальностью столь же прямо, как знаки фонетической транскрипции. В действительности интерпретация написаний, находимых в памятниках, представляет собой самостоятельную и далеко не прямолинейную операцию. В последующих параграфах очерчены основные проблемы, которые приходится решать в ходе этой операции. После того, как удалось провести «считывание» ударений с написаний памятника, можно приступать к выявлению акцентной микросистемы этого памятника, ее сходств и различий с другими микросистемами. При этом, в частности, достигается разделение конкретных примеров ударения на типичные для данной микросистемы (или хотя бы вполне допустимые для нее) и на нетипичные, носящие характер исключений.

Следует специально остановиться на проблеме соотношения системного и единичного, с которой исследователь сталкивается на всех этапах интерпретации. Акцентология, в особенности историческая, требует системного подхода с большей императивностью, чем многие другие лингвистические дисциплины. Это объясняется прежде всего тем, что единичное акцентное показание есть результат выбора из очень малого числа возможностей (т. е., говоря математически, несет очень малую информацию). Например, для русской двусложной словоформы разных акцентных возможностей всего две; между тем любая из ее фонем есть уже результат выбора из нескольких десятков возможностей. Соответственно, даже единичное написание вроде *жемля* вместо *земля*, встретившееся в памятнике, может иметь некоторое значение для характеристики памятника, поскольку вероятность чисто случайной замены *з* именно на *ж*, а не на любую другую букву, сравнительно мала, а возможная неслучайная причина здесь в сущности одна — «шепелявость» псковского типа (у самого писца или у писца оригинала). Между тем единичное написание *зѣмля* (с надстрочным знаком в неожиданном месте), взятое в отрыве от остальных характеристик памятника, почти ничего не значит; это может быть, в частности: 1) употребление надстрочного знака для каких-то целей, не связанных с ударением; 2) «акцентная описка» (вероятность которой примерно в 15 раз выше, чем, например, для случайной замены *з* на *ж*); 3) южнославянская акцентовка; 4) результат дефинализации; 5) результат аналогического выравнивания по форме В. ед. или И. мн. На материале единичного написания различить эти возможности нельзя.

Таким образом, для исторической акцентологии единственный способ повысить надежность своих заключений — это оперировать

не с единичными фактами, а с их крупными массивами, обладающими внутренней системной организацией. При изучении памятников акцентные *haxax legomena*, не подтверждаемые другими аналогичными фактами в самом данном памятнике или в близких к нему акцентных микросистемах, должны расцениваться как материал второго сорта, несопоставимый по надежности с фактами, встречающимися систематически. Неслучайно многие из таких раритетов при более тщательном изучении оказываются просто ошибками интерпретации (ср. § 3.17 о примере *zəv`ri* у Аввакума). В настоящей книге мы рассматриваем именно типичные, широко засвидетельствованные свойства старовеликорусских акцентных микросистем.

Особая проблема связана с тем, что писец мог механически списывать некоторые акцентные знаки с оригинала. Наблюдения над рукописями позволяют предполагать, что у опытных писцов-профессионалов доля таких скопированных акцентных знаков, не соответствующих их собственной акцентной системе, как правило, была совершенно незначительна. В расстановке акцентных знаков, точно так же, как в орфографии, квалифицированные писцы руководствовались прежде всего усвоенными ими нормами, а не оригиналом. Главным основанием для такого вывода служит высокая внутренняя последовательность акцентных микросистем большинства изученных нами памятников. Соответственно, подозрение на то, что некоторый акцентный знак механически перенесен из оригинала, уместно лишь там, где соответствующее ударение резко «выламывается» из микросистемы памятника.

АКЦЕНТНЫЕ ЗНАКИ И ИХ СИСТЕМЫ

§ 3.16. Основными средствами передачи ударения в русских рукописях и старопечатных книгах являются три идущих из греческого письма надстрочных знака: ' (оксия), ` (вария), ^ (камора). В дальнейшем они именуется «акцентными знаками», причем не только там, где они действительно передают ударение (или, как мы будем говорить, являются *иктусными*), но и там, где они его не передают (являются *неиктусными*). В тесной связи с акцентными знаками стоит знак ' (спиритус, или псилль), которым снабжаются неприкрытые гласные буквы⁶. Спиритус в принципе совместим с акцентными знаками (при этом он ставится левее акцентного знака). Комбинация из спиритуса и оксии ('') носит название *исо*⁷.

⁶ Прикрытая гласная буква — такая, которая непосредственно следует за согласной буквой (принадлежащей той же словоформе), причем записанной в строке, а не над строкой; в противном случае гласная буква является неприкрытой. Не следует смешивать графическую прикрытость с фонетической (например, в *юноша* начальная буква — неприкрытая).

⁷ В рукописях XVI—XVII вв. имена перечисленных здесь знаков акцентуируются так: *оксия*, *вария*, *камора* (*камюра*), *исо*.

Способы применения акцентных (и прочих надстрочных) знаков в разных рукописях неодинаковы. В качестве образцовой можно рассматривать систему употребления надстрочных знаков, принятую, в частности, в старопечатных московских изданиях XVI—XVII вв.; мы обозначаем ее условно как «старопечатную». В этой системе ударение передается в нормальном случае оксией или варией, а именно, вария ставится над конечной гласной фонетического слова (т. е. акцентно самостоятельной словоформы с примыкающими к ней клитиками), оксия — в прочих случаях. Камора является заменой (обычно лишь факультативной) для вари или оксии в некоторых особых случаях, прежде всего над односложными словоформами местоимений и частью односложных служебных слов, оканчивающихся на гласную⁸. Спиритус в «старопечатной» системе регулярно ставится над начальной гласной словоформы, не вполне регулярно над неприкрытой срединной; над конечной гласной он обычно не ставится. С практической точки зрения, важнейшим свойством «старопечатной» системы является отсутствие в ней неиктусных акцентных знаков. «Старопечатная» система в ее последовательной форме встречается начиная со второй четверти XVI в.; с середины XVI в. она уже становится преобладающей, а с начала XVII в. — господствующей.

З а м е ч а н и е 1. В позиции «конец словоформы, но не конец фонетического слова» выбор оксии или вари фактически колеблется, т. е. возможны как написания типа *водѣ же*, *мнитѣ ли* (по общему правилу), так и типа *водѣ же*, *мнитѣ ли* (под влиянием обычных *водѣ*, *мнитѣ*). Эта особенность не рассматривается как отклонение от «старопечатной» системы.

З а м е ч а н и е 2. Не является также отклонением от «старопечатной» (или иной) системы акцентных знаков факультативное обозначение второстепенного ударения, встречающееся (обычно лишь изредка) во многих памятниках (см. § 3.7); второстепенное ударение обозначается теми же средствами, что и главное.

Отличия других систем, встречающихся в рукописях XIV—XVII вв., от «старопечатной», бывают прежде всего следующих двух родов.

1. Оксия, вария и камора, передающие ударение, находятся между собой не в том позиционном распределении, что в «старопечатной» системе. При этом, однако, полного отказа от принципа «вария над конечной гласной фонетического слова — оксия в прочих случаях» (прозрачным образом связанного с употреблением вари и оксии в греческом) практически не встречается. Обычно речь идет лишь о расширенном употреблении того или иного знака по сравнению со «старопечатной» системой.

2. Один, два или даже все три акцентных знака могут при определенных условиях быть неиктусными, т. е. служить не для пере-

⁸ Круг словоформ, снабжаемых каморой, в разных памятниках со «старопечатной» системой несколько различен; соответственно, можно различать варианты «старопечатной» системы в зависимости от употребления каморы.

дачи ударения, а для каких-то других целей. Понятно, что эти свойства системы особенно существенны для исследователя, поскольку при незнании их он рискует тем, что использованный им акцентный материал окажется фиктивным. Самыми распространенными типами неиктусного использования акцентных знаков являются:

а) неиктусное *исо* над начальной гласной словоформы, например, *бдежда* (или *бдѣжда*), *ѣзыкъ* (или *ѣзыкѣ*); такое *исо* выступает просто как знак начала словоформы;

б) неиктусная *вария* над конечной неприкрытой гласной словоформы, например, *живаяѣ* (или *живаѣя*), *вашею* (или *вашею*); аналогично *свой* И. ед., *своей*, *вашей* и т. п. (где *и* передает неслоговой звук); такая *вария* есть просто знак конца словоформы.

З а м е ч а н и е 3. В некоторых ранних рукописях над конечной гласной может ставиться особый неиктусный знак, похожий на *варию*, — так наз. «долгая» (или «лонга»). Этот знак несколько длиннее *вари* и располагается более полого. Надежно отличить долгую от *вари* удается не всегда; но для акцентологического описания достаточно установить, что мы имеем дело с неиктусным знаком.

Прочие виды неиктусного использования акцентных знаков встречаются существенно реже (см. о них в § 3.18). Относительно использования *каморы* для передачи фонемы /*ô*/ см. § 3.19.

В любом акцентуированном памятнике XIV—XVII вв. встречаются пропуски знака ударения; но их количество в разных памятниках весьма различно. Отношение числа обозначенных ударений к общему числу ударений, приходившихся, по нашим предположениям, на рассматриваемый текст, можно назвать «общим коэффициентом акцентуированности» (или, иначе, «общей плотностью акцентровки») данного текста.

Необходимо учитывать, однако, что знак ударения не ставится почти никогда, если сама подударная гласная в силу сокращения (в частности, под *титлом*) не выписана, и лишь крайне редко, если над подударной гласной стоит выносная буква. Если отбросить все фонетические слова, которые, по нашим предположениям, подпали под действие данного правила, и подсчитать коэффициент в остальной части текста, мы получим «индивидуальную плотность акцентровки», свойственную *писцу* (или *печатнику*) данного памятника. В печатных книгах и в некоторых тщательно исполненных рукописях индивидуальная плотность акцентровки близка к 100% (но все же никогда не достигает этой величины). Для подавляющего большинства использованных нами рукописей данная характеристика превышает 60%.

При раздельном подсчете индивидуальной плотности акцентровки для разных категорий акцентно самостоятельных слов, почти во всех рукописях эта плотность оказывается более низкой для служебных слов, местоимений и глагола *быти*. Очевидно, эти слова в каких-то случаях могли быть неполноударными.

У части *писцов* встречаются также сознательные пропуски акцент-

ных знаков в словоформах, где ударение фактически колебалось: писец предпочитал не брать на себя ответственность за выбор одного из двух или трех возможных ударений и оставлял этот выбор читателю. Такая тактика писца может быть обнаружена с помощью статистики: например, Федор Сеннянский, писец рукописи Сenn., ни разу не выставил акцентного знака в словоформах *предано*, *-оу*, *-а*, *-и*, встретившихся 10 раз, при том, что в Сenn. индивидуальная плотность акцентировки для неслужебных слов составляет 89 %. Несколько реже встречается другая тактика: при колеблющемся ударении выставлять два (или даже три) акцентных знака; так часто поступает, например, писец рукописи Фер.

§ 3.17. Из сказанного выше ясно, что для акцентологического исследования пригоден материал только таких рукописей, в которых полностью выявлена система использования надстрочных знаков. Если рукопись писана не одним писцом, в качестве самостоятельного объекта обследования выступает каждый из почерков⁹. Для выявления системы надстрочных знаков желателен анализ всего материала рукописи (или почерка); при особенно больших объемах можно ограничиться представительной выборкой.

Прежде всего необходимо установить, каков инвентарь используемых в почерке надстрочных знаков и насколько надежно они различаются между собой. Сравнительно безвредны случаи плохого различения самих акцентных знаков, например, вертикальные штрихи, промежуточные по начертанию между оксией и вариет. Гораздо более опасна возможность смешения акцентного знака со спиритусом, паерком (знаком, заменяющим ъ или ъ) или иным неакцентным знаком. В некоторых системах такая опасность снята наличием дополнительного распределения между похожими знаками; например, в Косм. спиритус очень похож на камору, но он может стоять только над неприкрытой гласной, а камора — только над прикрытой. Если же такого распределения не обнаружено, исследователь не имеет права интерпретировать двусмысленные начертания как акцентные знаки; во имя надежности результатов необходимо исключать такие примеры из акцентологического анализа (или по крайней мере особо их оговаривать).

Сходная проблема возникает в тех случаях, когда акцентный знак стоит между двумя гласными — над промежуточной согласной или согласными. Здесь необходимо прежде всего выяснить, нет ли какой-то постоянной для данного почерка манеры смешения акцентного знака. Так, например, Аввакум часто смещает варию (которая в Дружининском списке [см. § 3.31] встречается не только в конце, но и в середине словоформы) вправо, если она относится к букве ѣ (из-за высокой верхней части этой буквы); ср. *велѣль* 2006 bis, *зарѣ жуть* 2016, *крѣпко* 2056, *дѣло* 2096, 2126, *тѣло* 2096, *бѣдныя* 2126,

⁹ Иногда обнаруживается (по характеру чернил и т. п.), что часть акцентных знаков проставлена позже написания рукописи. Понятно, что подобная «редакторская» акцентировка при разборе не должна смешиваться с основной.

зѣрь 212б, *тѣшилъ* 214б и множество других — во всех этих случаях вариация стоит над следующей за *ѣ* буквой. Напротив, смещение конечной вариации влево для Аввакума нехарактерно. Поэтому, например, несомненно ошибочна интерпретация написания *зѣри* И. мн. 212 (с вариацией над *р*) как *зѣри* (приведенная без всяких оговорок в Колесов 1972, с. 174). Важно отметить, что этот пример ударения *зѣри*, если бы он не был фиктивным, был бы практически единственным во всем ныне известном старовеликорусском материале. Если в почерке каких-либо характерных приемов смещения акцентного знака не выявлено, примеры с двусмысленным положением акцентного знака не должны использоваться (по крайней мере, без специальных оговорок) в акцентологическом исследовании.

Максимального внимания требует вопрос о наличии в рукописи (почерке) неиктусных акцентных знаков. Так, например, рассматривая вопрос о неиктусной вариации над неприкрытой конечной гласной, мы можем столкнуться со следующими ситуациями: 1) надежных примеров неиктусной вариации в почерке нет вообще; 2) встретилось лишь очень небольшое количество таких примеров; 3) неиктусные вариации встречаются сравнительно часто или даже систематически. В случае 1 мы вправе расценивать представленные в тексте конечные вариации как иктусные. В случае 3, напротив, даже такие написания, как, например, *своѧ, свою, судиѧ, житиѧ* (где, казалось бы, нет сомнений в конечном ударении), ни в коем случае не могут рассматриваться как акцентно значимые, поскольку в рамках данного памятника они ничем не отличаются от написаний типа *живаѧ, покоѧ, знаю, знаниѧ*; из акцентологического материала памятника они должны быть просто исключены. Наиболее сложен случай 2; здесь можно различить иктусную и неиктусную вариацию лишь на основании статистического критерия: например, окончания *-я, -е, -ю* в словоформах местоимений *мой, твой, свой* выступают с конечной вариацией часто или даже систематически, а окончания *-ая, -ое, -ую* у прилагательных типа *живой* — лишь в качестве редкого исключения. Если же речь идет о редко встречающейся и морфологически нетривиальной словоформе, надежно отличить иктусную вариацию от неиктусной в памятниках этой категории нельзя.

Особую проблему составляют надстрочные знаки, выставленные писцом просто по ошибке. Средневековые писцы лишь в очень редких случаях зачеркивали или выскабливали ошибочный акцентный знак; иногда они ставили правильный знак рядом с ошибочным, а чаще всего просто оставляли такую ошибку без внимания. Особенно велика вероятность ошибочных акцентных знаков там, где писец делал какие-то буквенные исправления. Дело в том, что, подскабливая часть написанного слова (скажем, чтобы заменить *прѣидеши* на *прѣиди*), писец обычно не зачеркивал и не соскабливал ставший ненужным знак ударения (т. е. получалось *прѣиди* или даже *прѣиди*). «Акцентные описки» встречаются в рукописях, по-видимому, не реже, чем буквенные; но выявить их труднее, поскольку случайная за-

мена буквы, как правило, приводит к несуществующей словоформе или дает бессмыслицу, тогда как ошибочное ударение обычно не выглядит как что-то принципиально невозможное. Единственное эффективное средство борьбы с ложной акцентной информацией такого рода — неполное доверие к любым акцентным *haraх legomena*, не подтверждаемым системой (ср. выше, § 3.15).

Следует коснуться, наконец, еще одного аспекта, от которого кардинальным образом зависит достоверность извлекаемой из памятника акцентной информации. Речь идет о правильности прочтения текста, его филологической интерпретации. К сожалению, в акцентологических работах можно встретить фиктивные акцентные данные, основанные на ошибочной интерпретации текста¹⁰. Анализ древнерусского текста нередко бывает очень труден; для многих переводных текстов необходимо обращаться к греческому оригиналу. Дело еще более осложняется тем, что трудные места сам переписчик мог уже понимать неверно, т. е. мы не всегда можем быть уверены, какую форму (например, Т. ед. или Д. мн.) он имел в виду, ставя знак ударения. Едва ли можно требовать от акцентолога, чтобы он в полном объеме решал все подобные филологические задачи, возникающие по ходу чтения; однако он обязан правильно оценить степень надежности своей интерпретации. Акцентная информация, полученная из темных или испорченных мест текста, должна либо просто отбрасываться, либо использоваться лишь с соответствующими оговорками. Заметим, что и здесь наибольшего недoverия заслуживают именно акцентные раритеты, не подтверждаемые остальными данными памятника (ср. в этом отношении примеры из сноски 10: почти все они при указанной там неправильной интерпретации резко «выламываются» из акцентной микросистемы Чуд.).

§ 3.18. Рассмотрим более конкретно систему акцентных знаков, используемые в памятниках, на которые опирается настоящая работа¹¹.

¹⁰ Приводим в этой связи несколько существенных для нашего дальнейшего разбора исправлений, касающихся чтения Чудовского Нового Завета: *могуть* 66а, *преломить* 73а (приводимые как презенсы в Колесов 1974, с. 87) — это в действительности существительное и сушин, ср. *аз же кьи бѣхъ могутъ* (δουατός) *взбранити боу* 66а 'а что был я за титан, чтобы воспрепятствовать богу?' (Деян. XI.17), *собраннымъ оучньмъ преломить хлѣба* 73а 'когда ученики собрались, чтобы преломить хлеб' (Деян. XX.7); *виноу* 136г, *изврагоу* 114г (приводимые как В. ед. от вина 'cupra' и 'из оврага' в Колесов 1972, с. 38, 162) — это Д. ед. от вино (I Тим. III.8: *μὴ οἶνον πολλὸν προσέχουτας*) и Д. ед. от *изврагъ* 'изверг' (I Кор. XV.8); далее, *водѣ* 45б — не И. мн., а Р. ед. (Ио. VII.38: *ὕδατος ζῶντος*), *слѣва* 33а — не В. мн., а Р. ед. (Лук. X.39: *ἤκουε τὸν λόγον*), *слоухи* 144в — не И. мн., а Т. мн. (Евр. V.11: *ταῖς ἀλοαῖς*), *глухѣ* 33б — не мн., а членная форма И. ед. муж. (Лук. XI.14: *ὁ κωφός*), *не воля* 39в — не слово *неволя*, а слово *воля* (Лук. XXII.42: *оба^ч не воля моя но твоя да буде^т*) (ср. Колесов 1972, с. 43, 201, 144, 217, 20).

¹¹ Не рассматриваются памятники Вас. пс., Вас. сб., Нв. и памятники, перечисленные в § 3.32.

«Старопечатную» систему акцентных знаков (в чистом виде или с совсем незначительными огрехами) имеют, во-первых, все печатные книги, кроме Узк., во-вторых, рукописи (здесь и в последующих длинных списках они перечисляются по алфавиту): Биб., Библи., Дом., Ик., Кирил., Колм., Косм., Костр., Лес., Лук., М. пс., Пат., Пер., Рж., Рум., Ряз., Сел., Тамб., Тит., Тих., Увар., Хл., Хлуд., Яр. Самый ранний из этих памятников — Увар. — относится к 1540-м годам. Особенность Биб. состоит в том, что в Т. ед. здесь выступают написания типа *мною, тобою, женою, трубою* (где вария, возможно, является неиктусной).

Отличия прочих памятников от «старопечатной» системы таковы.

В качестве знака ударения над конечной гласной фонетического слова используется оксия (а не вария): почти регулярно — в Лих. и Амф.; в большинстве случаев — в Лет.; нередко — в Чуд., Час., Ион., Новг.; сравнительно редко — в Т. пс., Ег., Муз., Жит., Кир.; единичные примеры встречаются во многих памятниках.

В качестве знака ударения над неконечной гласной словоформы используется вария (а не оксия): сравнительно часто — в Угл., Ион., Егор., Кир., Авв. (Дружининский список), изредка — в Чуд., Новг.; единичные примеры есть и в других памятниках. В Бук. срединная вария используется для отличия причастий от словоформ презенса, например: *оублаждаемъ онъ ѿ насъ — оублажаемъ мы его*. Отметим, что в Угл. и Ион. вария обычно сдвинута (на одну, иногда даже на полторы—две буквы) влево от соответствующей гласной; напротив, в Авв. вария может сдвигаться вправо (ср. § 3.17). В ряде памятников (в частности, Новг.) в качестве знака ударения изредка встречается двойная вария (так наз. кендема).

В некоторых памятниках расширена (по сравнению со «старопечатной» системой) сфера иктусной каморы. Так, в Чуд. и Дос. камора часто стоит над конечной гласной (т. е. вместо вари); в Чуд., кроме того, она встречается (хотя и не очень часто) также над неконечной гласной. Особо стоит передача через *ѡ*, *ѡ̇* ударной фонемы /ѡ/, см. § 3.19.

В Час., Нил., Фер., Трав., Цел. знак ударения, как правило, вытесняет спиритус (а не совмещается с ним). В Авв., напротив, при наличии спиритуса (который здесь имеет вид точки под каморой) знак ударения не ставится.

Далее следуют особенности, связанные с наличием *н е и к т у с н ы х* акцентных знаков.

Неиктусное *исо* в начале словоформы (иногда также внутри словоформы после гласной) встречается в следующих памятниках (звездочка здесь и в последующем списке означает, что явление представлено редко): Дос.*, Ев., Ег., Жит.*, Ион.* (только над буквой *ѡ* и изредка над *оу*), Клон.*, Лет.*, Муз., Пр., Сенин.*, Смол., Сол.*, Стар., Такт.*, Т. пс., Фер.*, Хлын., Хрон.* (только над *ѡ*), Цел. Из этого списка к XVII в. относятся только северо-восточные памятники Сол., Хлын., Цел.

Неиктусная вариация над неприкрытой конечной гласной словоформы встречается в памятниках: Амф., Дан., Дос., Ев., Ег., Егор., Карг.*, Кир., Клон., Корн.*, Лет.*, Муз., Нил.*, Новг.*, Печ.*, Пр., Прол.*, Пск., Сенн., Смол., Стар., Такт., Т. пс., Узк., Хр., Час., Чет. (ср. также выше о Биб.). Самый поздний из этих памятников — Печ. — относится к 1605 г. Сверх этого списка в нескольких памятниках (в частности, Увар., Ап.) изредка встречается специфическое употребление неиктусной вариации над неприкрытым конечным *и* для обозначения его слогового характера, например: *обычай* (Т. мн.) Увар. 541б (см. разбор этого приема в Васильев, с. 156—158).

Неиктусная вариация над любой конечной гласной (т. е. даже и над прикрытой) представлена в Дорог. (ср. это же явление в сборнике 1620-х годов, ГИМ, Барсов 1466). Не исключено, что следами данного графического эффекта являются также некоторые труднообъяснимые вариации в Авв., Карг., Смол., Стар., Трав., Т. пс., Хлын.

Оксия вместо спиритуса (т. е. неиктусная оксия над начальной гласной) изредка встречается в Ев., Ег., Пр., Прол., Смол., Стар., Т. пс., Трав., Фер., Час. Самый поздний из этих памятников — Трав. — относится к началу XVII в.

Неиктусная камера над прикрытой конечной гласной словоформы представлена в Ев., изредка также в Такт. и Нил. (все эти памятники относятся к XV в.).

Встречаются также многочисленные мелкие особенности; отметим здесь лишь некоторые из них. Оксия и вариация над буквой *ω* могут быть неиктусными в Такт. и Стар. (т. е. они как бы составляют здесь часть буквы; ср. неиктусное *исо* именно над *ω* в Ион. и Хрон.). Оксия может быть неиктусной над сочетаниями *рь*, *ль* (в южнославянских орфограммах типа *свъръшити*, *вълна*) в Смол., изредка также в некоторых ранних северо-западных рукописях. Оксия над буквой *і*, стоящей в конце строки, может быть неиктусной в Ион. Вариация над концом словоформы может быть неиктусной в Смол. (возможно, иногда и в других рукописях), если за этой словоформой стоит точка: вариация образует здесь с этой точкой как бы единый знак препинания. Корень *крь-*, *кров-* ‘*tego, tectum*’ часто снабжается камерой (безотносительно к месту ударения) во многих рукописях XV—1 пол. XVI в.; камера своим видом как бы иллюстрирует здесь значение слова. Аналогичным образом в Такт. корень *пад-* обычно сопровождается удлиненной вариацией (безотносительно к месту ударения), которая символизирует здесь «падение».

В некоторых памятниках с обозначением ударения сопряжен выбор графемы в паре *ou* — *ŷ*, *и* — *і* или *о* широкое — *о* узкое. Так, в Улож. под ударением обычно пишется *ou*, без ударения — *ŷ* (хотя полной строгости здесь нет). В Фер., Корн., Карг., Кир. и Яр. соблюдается (с разной степенью последовательности) следующая система: в начале и в конце словоформы пишется *и*; в прочих позициях под ударением пишется *і*, без ударения — *и*. В Ап. и более поздних изданиях московской печати под ударением обычно ставится

о широкое, без ударения (кроме позиции начала словоформы) — о узкое.

Специально отметим некоторые графические особенности Чуд. (ввиду важности этого памятника). Начертание спиритуса здесь неустойчиво, поэтому он ненадежно отличается от акцентных знаков. Соответственно, над неприкрытой гласной надежным обозначением ударения обычно можно считать лишь комбинацию спиритуса с оксией или варией (но над *ou* — также и одиночную оксию или варию, поскольку в Чуд. спиритус над *ou* не ставится). Вария, передающая ударение на конечном слоге, в Чуд. может смещаться как влево (создавая иллюзию предконечного ударения, см. Акц. Мер., § 35, замеч.), так и вправо (создавая иллюзию ударения на конечном *ъ* или *ь*).

В настоящей работе при цитировании оксия, вария и камора в принципе ставятся в соответствии с оригиналом. При этом, однако, опускаются вария (конечная) и исо в памятниках с систематически представленными неиктусной варией и неиктусным исо (соответственно); см. списки таких памятников выше (помеченные звездочкой не в счет). Во всех прочих случаях акцентные знаки, которые мы считаем неиктусными, воспроизводятся, но дается соответствующее пояснение. Об особых случаях применения каморы при цитировании см. § 3.19 (конец). Спиритус не воспроизводится, за исключением комбинаций *'* и *''* в Чуд. (ср. выше). Не воспроизводится также паерок (кроме случая, когда он стоит между согласной и гласной, например: *свин'я*).

СИСТЕМЫ ГРАФИЧЕСКОЙ ПЕРЕДАЧИ ФОНЕМ /ɔ/ И /δ/

§ 3.19. Для передачи фонем /ɔ/ и /δ/ (§ 3.3) в памятниках XIII—XVII вв. служили «графемы¹² класса *O*»: *o* узкое, *o* широкое, *o* единое (т. е. обычное *o*, выступающее в графических системах, где нет различия *o* узкого и *o* широкого) и *ω*. Существовало несколько систем графического различия фонем /ɔ/ и /δ/.

1. Омеговая система: /δ/ передается через *ω*, /ɔ/ — через *o* узкое, *o* широкое, *o* единое.

2. Каморная система: /δ/ передается через графемы класса *O* с каморой, /ɔ/ — через те же графемы без каморы.

3. Узколитерная система: /δ/ передается через *o* узкое, /ɔ/ — через *o* широкое и *ω*.

4. Широколитерная система (обратная предыдущей): /δ/ передается через *o* широкое, /ɔ/ — через *o* узкое (графема *ω* обычно выступает в этой системе как обобщенное обозначение обеих рассматриваемых фонем).

¹² Об этом термине см., в частности: Зализняк А. А. О понятии графемы. — В кн.: *Valcanica. Лингвистические исследования*. М., 1979.

Помимо этих четырех «чистых» систем, встречаются также комбинированные.

Система 2 + 3 («каморно-узколитерная»): /δ/ передается через любую графему класса *O* с каморой, а также через *o* узкое без каморы, в прочих случаях графема класса *O* передает /ɔ/.

Система 1 + 2 + 4 (ее можно назвать «кумулятивной»). Основное значение здесь имеет выбор графемы: *ω* и *o* широкое передают /δ/, *o* узкое — /ɔ/. Дополнительным средством является камора, а именно, *ω* и *o* широкое почти всегда выступают с каморой (кроме начала словоформы), а *o* узкое — обычно без каморы. Комбинация *o* узкого с каморой в односложных словоформах передает /ɔ/; в неодносложных словоформах (где она встречается очень редко) ее значение менее ясно, но, по-видимому, это тоже /ɔ/.

Каморную систему (самую распространенную) впервые обнаружил Л. Л. Васильев, омеговую — независимо друг от друга В. В. Колесов, О. А. Князевская и Дж. Шевелев, узколитерную (а также каморно-узколитерную) — Е. В. Тугай (Стадникова), широколитерную (а также кумулятивную) — автор настоящей работы.

Из памятников с различием /ɔ/ и /δ/, используемых в настоящей работе, омеговую систему имеют: Мерило, Лес., Трав. (также евангелие МГУ № 1367 и Венский октоих, см. § 3.3); каморную — Час., Т. пс., Лих., Новг., Ег., Вас. пс., Сени., Егор., Пск., Дос., Хл., Прол.; широколитерную — Пат., Жит., Узк., Чет., Хр.; каморно-узколитерную — Муз., Вас. сб.; кумулятивную — Амф. (узколитерная система в чистом виде пока известна только в почерке 7—666 рукописи ГИМ, Хлуд. 147Д).

Поскольку в настоящей работе ради упрощения набора различие между *o* узким и *o* широким не передается, при цитировании памятников с системой 4 (или 1+2+4) используется условный прием «перевода» записи в каморную систему, а именно, *o* широкое (не в начале словоформы) передается как *δ*. Точнее говоря, *o* широкое с оксией передается в виде *δ́*, с вариетой — *δ̇*, с каморой *δ*, без акцентного знака — тоже *δ*, но с пометой «б. уд.» после словоформы. Случаи, когда в системе 2+3 использовано *o* узкое без каморы, при цитировании оговариваются.

§ 3.20. Необходимо учитывать, что практически во всех памятниках, различающих /ɔ/ и /δ/, существуют те или иные графические позиции, в которых выбор графемы класса *O* подчинен каким-то механическим правилам, не связанным с передачей /ɔ/ и /δ/. Особенно часто такую позицию образует начало словоформы; например, в ряде памятников с омеговой системой в начале словоформы ставится *ω*, безотносительно к тому, какая из двух фонем там выступает. Подробнее о частных правилах такого рода см. Новые данные, § 23—24.

Важнейшим свойством всех перечисленных систем, без знания которого нельзя эффективно использовать материал памятников, является принцип факкультативности выраже-

н и я фонемы /ô/. Он состоит в том, что «знаки для /ɔ/» (т. е. графемы или их комбинации, передающие в данной системе фонему /ɔ/), могут в принципе употребляться и там, где фактически произносилось /ô/, тогда как обратное неверно. Иначе говоря, «знак для /ɔ/» может использоваться также в качестве общего безразличного обозначения для фонемы «типа о» (т. е. как /ɔ/, так и /ô/). Запись фонемы /ô/ через «знак для /ô/» мы будем называть *п о л н о й*, а через «знак для /ɔ/» — *у п р о щ е н н о й*. С точки зрения писцов, использование упрощенной записи не было ошибкой; это было вполне допускаемое правилами «облегчение» письма, сходное с различными сокращениями, выносом букв над строкой и т. п.

Под *к о э ф ф и ц и е н т о м* *в ы р а ж е н н о с т и* /ô/ (в некотором тексте) понимается отношение числа полных записей фонемы /ô/ к общему числу ее записей (при этом, однако, из подсчета выбрасываются те точки, где в силу каких-либо частных правил, действующих в данной графической системе, выбор графемы класса *О* не связан с противопоставлением /ɔ/ и /ô/). Подробнее о факультативности выражения /ô/ и о коэффициенте выраженности /ô/ см. Новые данные, § 16—22.

В ряде рукописей различение /ɔ/ и /ô/ достаточно последовательно проводится только в тех точках, где писец поставил знак ударения (в качестве такового выступает и камора); в прочих точках различение проводится небрежно или даже вовсе отсутствует. Соответственно, важным показателем здесь оказывается коэффициент выраженности /ô/ не в тексте в целом, а в совокупности акцентуированных словоформ.

В Мериле коэффициент выраженности /ô/ (за вычетом словоформ, находящихся в некоторых особых условиях, см. Новые данные, § 20) составляет около 97%. Высокий коэффициент выраженности /ô/ в совокупности акцентуированных словоформ (выше 95%) имеют: Час., Т. пс., Новг., Вас. пс., Вас. сб., Муз., Амф., Чет., Хр., Жит., Дос., Узк. (в подсчеты не включены спорные примеры и иные особые случаи). Несколько ниже (70—90%) этот коэффициент в Пат., Лес., Хл., Трав. В рукописях Сенн., Лих., Ег., Прол., Егор., Пск. этот коэффициент столь низок, что из них удастся извлечь лишь очень немного сведений о распределении /ɔ/ и /ô/.

Памятники, различающие /ɔ/ и /ô/ (в соответствии с великорусским или смешанным принципом, см. § 3.3), представляют для акцентологии большую ценность. Во-первых, сведение о том, что в памятниках определенной диалектной группы в некоторой словоформе представлено /ɔ/ (или /ô/), в принципе позволяет восстановить, с учетом особенностей данного диалекта, акцентуацию этой словоформы в раннедревнерусском. Особенно существенны показания этого рода для разграничения исконных ортотонических словоформ и энклитоменов (о восстановлении акцентной истории слова по огласовке /ɔ/ или /ô/ см. также § 3.5).

Во-вторых, поскольку фонема /ô/ выступает в памятниках указанного класса в нормальном случае под ударением (а без ударения только в особых, строго определенных случаях), мы часто можем, зная фонемный состав некоторой словоформы из памятника, определить ее ударение, даже если писец не поставил над ней акцентного знака¹³. Это обстоятельство немаловажно для памятников с редкой акцентуацией, но, конечно, наибольшее значение оно приобретает для неакцентуированных памятников.

Самым показательным примером здесь является Мерило. Эта исключительно важная для русской исторической акцентологии рукопись XIV в. не акцентуирована. Все сведения об ударении в соответствующей микросистеме «вычислены» по написаниям, содержащим *o* и/или *ω* (которые отражают соответственно /o/ и /ô/). Так, исходя из § 3.3, п. 4, мы должны, например, заключить, что написания *злѡ*, *добрѡ*, *заклѡнъ*, *процѡнѡ*, *положенѡ* однозначно указывают на конечное автономное ударение, *гнѡнѡтъ*, *готѡнѡви* — на предконечное, *то*, *кто*, *просто*, *городъ*, *свободно*, *таково* — на статус энклиномена. Разумеется, во многих случаях ударение устанавливается таким методом неоднозначно, а при отсутствии в словоформе букв *o*, *ω* оно вообще не может быть установлено. Полные правила установления ударения по написаниям Мерила см. в Акц. Мер., § 2—4.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ПАМЯТНИКИ

§ 3.21. Единичным объектом анализа в настоящей работе является: в рукописи — отдельный почерк, в печатном издании — все издание. Лишь в некоторых особых случаях многопочерковая рукопись рассматривается как единый объект анализа (см. ниже о Чуд. и Мер.). Всякий единичный объект анализа может быть для краткости назван просто памятником. Если в рукописи рассматривается только некоторая ее часть, то соответствующее условное обозначение (например, Мер., Прол.) относится именно к этой части, когда речь идет о любых языковых (в частности, акцентологических) характеристиках; но то же обозначение может быть использовано и применительно к рукописи в целом, когда речь идет о ее неязыковых характеристиках (время и место создания, состав и т. п.).

Особый случай составляет группа из двух или более рукописей (или их частей), написанных одним и тем же писцом (мы будем именовать такую группу «блоком»). Как показывает анализ, с акцентологической точки зрения блоки в большинстве случаев можно рассматривать как единые объекты.

Использованные памятники делятся на основные (образующие

¹³ Заметим, что при каморной системе знак ударения ставится рядом с каморой далеко не всегда (а в некоторых рукописях почти никогда не ставится); таким образом, сам писец здесь фактически рассматривает знак закрытости (камору) одновременно и как знак ударения.

главную базу последующего анализа) и дополнительные. Основные памятники обследованы автором по некоторой относительно единой¹⁴ программе (достаточно обширной), почти все в полном объеме¹⁵. Каждая из соответствующих акцентных микросистем изучена, таким образом, относительно полно. К числу дополнительных отнесены памятники, где по тем или иным причинам акцентная система выявлена не столь полно. Таковы прежде всего памятники, содержащие мало материала или обследованные по неполной программе; по последней причине сюда попадают, в частности, все памятники, материал которых почерпнут нами лишь из публикаций или из чужих росписей.

Часть дополнительных памятников обследовали (по программе, близкой к той, которая принята для основных памятников) аспиранты и студенты, работавшие под руководством автора: Е. А. Аксёнова — Бук., Дан., Ег., Лук., Пр., Сел., Тит., Тих.; Е. В. Тугай (Стадникова) — Лес., Муз., Узк., Пат. (последний памятник был прочитан также автором); К. К. Богатырев — Нил. (и Нил. М, Нил. Т). Кроме того, С. М. Евграфова обследовала прилагательные в Цв., М. А. Кронгауз — глаголы в Ап. (оба этих основных памятника были прочитаны также автором). В настоящей работе использованы как опубликованные (см. библиографию), так (с любезного согласия авторов) и неопубликованные результаты этих обследований.

Филиграни рукописей: Биб., Амф., Ик., Клон., Стар., М. пс., Цел. — определены А. А. Туриловым, Дос. — Б. М. Клоссом, Час. — Л. П. Грязиной (Саенко).

Ниже перечисляются (по географическим районам) использованные памятники. В начале каждого раздела даются основные памятники; дополнительные специально отмечены. Если памятник обследован не в полном объеме, это оговаривается; следует учитывать, однако, что в таких случаях сверх обследованного фрагмента обычно просматривались и другие части памятника и некоторые примеры из них могут быть использованы в работе в дополнение к основной выборке.

1. Новгород

§ 3.22. Час. — основной почерк (187—462) часослова, входящего в состав рукописи: Псалтирь с воследованием (623 л.), ГБЛ, ф. 304 (Троицкое собр.), № 329. Данная часть рукописи относится к по-

¹⁴ Неполное единство связано с тем, что по ходу работы программа расширялась и уточнялась. Соответственно, памятники, обследованные в начальной стадии работы, были позднее прочитаны заново.

¹⁵ Исключение составляют крупнообъемные памятники Фер., Увар., Биб., Библ., которые не было возможности расписать целиком; в каждом из них обследован фрагмент объемом в 35—50 тыс. акцентуированных словоформ (т. е. превосходящий по длине большинство прочих рукописей, взятых в их полном объеме).

следней четв. XV в. (филиграни зафиксированы под 1484, 1485 гг., см. Глаг. акц., § 13).

Т. пс., т. е. Троицкая псалтирь — почерк (не совсем ясно, единственный ли) псалтири (1—1866) в составе той же рукописи. По-видимому, близок по времени к Час. (филиграней в этой части рукописи нет).

Лих. — Пролог, мартовская половина (267 лл. в два столбца). ГПБ, Соф. 1345. Писан с апреля по август 1501 г. повелением игумена св. Спаса валаамского Якима (явно в самом этом монастыре, т. е. на острове Валаам на Ладожском озере); писал дьяк Гридица Лихач¹⁶. Исследовано по микрофильму.

Новг. — Псалтирь лицевая (339 лл.). ГИМ, Увар. 592 (по Леониду 13). Почерк единый. Как гласит запись, книга «свершена» в 1548 г. при новгородском архиепископе Феодосии. Богатейшее, поистине роскошное оформление рукописи указывает на крупный центр, т. е. на Новгород или Псков; однако Псков можно считать практически исключенным из-за отсутствия слова «псковский» в титуле архиепископа.

Дополнительные памятники. Окт. — л. 1 рукописи: Октоих (260 лл. в два столбца, пергамен), ГИМ, Синод. 199. Новгород, 1436 г. Первый лист написан особым почерком, с плотной чисто русской акцентуацией. Основной почерк (2—260) акцентуирован очень слабо, причем со значительными южнославянскими примесями.

Ег. — Евангелие-тетр (212 лл.). ГБЛ, ф. 98 (собр. Егорова), № 20. Рубеж XV и XVI вв. (филиграни зафиксированы под 1489—1504, 1491—1515, 1492, 1498—1502 гг.).

Пр. — Пролог, мартовская половина (350 лл. в два столбца). ГБЛ, ф. 247 (Рогожское собр.), № 461. Новгород, 1518—19 г. Писал Ильинский дьякон Тимофей Никифоров сын Попов.

Муз. — часть 1—226б (без листов 51, 121, 122, 178; один или, может быть, два почерка) в рукописи: Евангелие-тетр (365 лл.), ГБЛ, ф. 178 (Музейное собр.), № 3650. 1-я пол. XVI в. (филиграни зафиксированы под 1510—13, 1523, 1525—38 гг.). Рукопись принадлежала монастырю Св. Духа в Новгороде.

Пат. — почерк 566а—662в (за вычетом ряда вкраплений, см. Тугай 1983) в рукописи: Патерики Печерский, Синайский, Азбучный, Скитский, Египетский (782 л. в два столбца), ГИМ, Синод. 216. Рассматриваемый почерк относится к Скитскому патерику. В после словии к Печерскому патерику указано, что он писан в Новгороде в 1553 г. Следует полагать, что это верно и для остальной части рукописи (филиграни зафиксированы под 1550 и 1553—55 гг.).

Вас. пс. (Васильевская псалтирь) — Псалтирь (227 лл.). ГПБ, F.I.7., XVI в. (по-видимому, 1-я пол.).

¹⁶ Рукопись отмечена в работе Колесов 1973а, с. 126; к сожалению, дата (в записи — 7009) ошибочно расшифрована в этой работе как 1491 г.

Вас. сб. (Васильевский сборник) — Сборник (496 лл.). ГПБ, Соф. 1460, XVI в. Эта и предшествующая рукописи были исследованы Л. Л. Васильевым в его основополагающей работе (Васильев). Ниже они цитируются по этой работе, а также по работам В. В. Колесова (Колесов 1972, 1974, 1978а, б), где эти рукописи обозначены соответственно как Псл. и Сб. 0.

Важной особенностью новгородской группы рукописей (кроме Пр.) является графическое различие фонем /ɔ/ и /ô/. Для этого используются системы (см. § 3.19): в Час., Т. пс., Лих., Новг., Ег., Вас. пс. — каморная, в Муз. и Вас. сб. — каморно-узколитерная, в Пат. — широколитерная. Интересно отметить, что три примера применения каморной системы встретились уже в Октоихе 1436 г. (но не на первом листе, а в начале основного почерка: *грѣхѡвъ* За, *живѡтъ* Зб, *плѡтню* Зб).

Почти во всех рукописях этой группы имеются случаи смешения *ѣ* и *и*, в т. ч. под ударением (обычно, правда, наряду с некоторым числом смешений безударных *ѣ* и *е*); в Час., Лих. и Пр. есть примеры смешения *ц* и *ч*. В большинстве рукописей есть примеры написаний типа *кровъ*, *скорбъ* (вместо *кровь*, *скорбь*). Лингвистически значимых примеров смешения *а* и *о* не отмечено.

Отнесение к данному району тех памятников, где нет записей (Час., Т. пс., Муз., Ег., Вас. пс., Вас. сб.), основано на их сходстве с заведомо новгородскими памятниками по целому ряду признаков — прежде всего по графическому выражению фонем /ɔ/ и /ô/ (и характеру их распределения) и по акцентной системе. На карте 2 новгородские памятники условно помещены в разные части соответствующего района, чтобы таким способом отобразить большее или меньшее сходство их акцентных систем с системами соседних районов; так, например, Муз. и Новг. обнаруживают ряд акцентных сходств с более восточными памятниками, Пат. — с псковскими.

II. Обонежье

§ 3.23. Сенн. — Толкование Феофилакта болгарского на евангелия от Матфея и от Марка (219 лл. в два столбца). ГИМ, Синод. 302 (по Горск. Нев. 87). Писано в 1499—1500 гг., при архиепископе Геннадии повелением игумена св. Спаса валаамского Якима (ср. выше Лих.); писал священноинок Феодор «Сѣнняньской». Таким образом, писец, по-видимому, происходит из Сенной Губы (Сенногубский погост на Большом Климецком острове Онежского озера). Изредка встречается камора над *о* и *ω* (для передачи /ô/), а также над *ѣ* и *у*. Отмечены случаи смешения *ц* и *ч*. Часто смешиваются *ѣ* и *и* (как без ударения, так и под ударением), тогда как случаи смешения *ѣ* и *е* крайне редки; написание *въ телѣжный поу^м* 133г (с *ле*, а не *лѣ*) соответствует диалектному произношению *телѣга*, характерному для современных онежских и лачских говоров. Отме-

тим следующие примеры диалектной морфологии: ω^m *злббѣ* 86б, *всякыа злббѣ* 12г, *с высотѣ* 113г, *до высотѣ* 147б, *ббле шѡнѣ* (Р. ед.) 54г; *тѣи* 'te' 34а, 164а; *кѣ ѡмѣ* 165а.

III. Псков

§ 3.24. Егор. — Евангелие учительное, лицевое (570 лл.). ГБЛ, ф. 98 (собр. Егорова), № 80. Почерк единый. По оценке Н. Б. Тихомирова (устное сообщение), конец 1530-х—начало 1540-х годов.

Пск. — Житие и творения Феодора Студита (361 л.). ГБЛ, ф. 242 (собр. Прянишникова), № 134. Как явствует из записи, книгу написал в 1590 г. священник Фома, «служитель святого великомученика Дмитрия из придела от Покрова пресвятой Богородицы изо Пскова», и отдал ее в Крыпецкий монастырь (дата не полностью надежна, так как именно это место записи надорвано).

В обеих рукописях изредка встречается (в Егор. несколько чаще, чем в Пск.) камора над *о* для передачи /*ô*/; при этом, хотя коэффициент выраженности /*ô*/ крайне низок, ошибочных камор почти нет, т. е. мы имеем дело с еще живой системой различения /*о*/ и /*ô*/ . В обеих рукописях встретились единичные примеры смешения *ц* и *ч*; многочисленны примеры смешения *ѣ* и *е* (обычно без ударения, изредка под ударением) при отсутствии случаев смешения *ѣ* и *и*. Имеются также некоторые примеры смешения *о* и *а* (правда, не совсем показательные). Часты написания *люббевѣ*, *црковѣ*, *удббѣ* и т. п. Отметим особо: Пск. *оу братью* 'в братию' 315б, *испράливаеть* 7б (*л* вместо *вл*), *савы*. . . *сѣрбьскомоу* Д. ед. 356; Егор. *воуже* 'веревка' 470б, *-емѣ* 470б, *возрастѣ* 'взращу' 412б (+ 417, 418б). В Егор. многократно встретилось смешение Р. мн. и М. мн. у существительных, например: *паче всѣхъ твѣрехъ* 346б, *паче прѣчихъ звѣрехъ* 396б, *умрътвѣ свинѣяхъ* 336б, *по всѣхъ градѣхъ и странѣ* 392 и ряд других. Особенно важно то, что в Егор. и Пск. представлена почти одинаковая акцентная система (в то же время несколько отличная даже от географически наиболее близких систем). Это сходство является наиболее веским аргументом для отнесения Егор. к тому же району, что и заведомо псковская рукопись Пск.

Дополнительный памятник. Нв. — Новгородская летопись. БАН, 34.4.32; лл. 384—634. 1-я четв. XVII в. По В. В. Колесову, предположительно Псков (Колесов 1972, с. 240); не исключено, впрочем, и новгородское происхождение памятника. Цитируется по работам Л. Л. Васильева (Васильев) и В. В. Колесова (Колесов 1972, 1974, 1978а, б).

IV. Смоленск

§ 3.25. Смол. — Сборник епитимийных правил и уставов (178 лл.). ГБЛ, ф. 173 III (собр. Моск. духовной академии), № 108. Смоленск, 1580 г. Писал поп церкви Иоанна Богослова Михайла Фомин сын

Попов. Рукопись с множеством проявлений диалектной фонетики, в частности, с многочисленными смещениями *ѣ* и *е* (во всех позициях), безударных *о* и *а*, безударных *е* (также *ѣ*) и *и*; показательно по *мунастыремъ* 123б. Часты написания *крѣвъ* 'кровь', *цѣрковъ* и т. п.; отметим также *в монастырьъ* 122, *пастырьъ* 127б, *рызы* 'ризы' 60. Имеются единичные примеры смещения *ц* и *ч*. Из морфологии отметим: *жены* Д. ед. 160б, *пуценіцую* Т. ед. 42, *о приходящи^х сщеникѣвъ* 128б.

V. Ближний запад

§ 3.26. Мер. (или Мерило) — Мерило Праведное XIV в. ГБЛ, ф. 304 (Троицкое собр.), № 15¹⁷. Ниже рассматривается только часть рукописи — т. наз. зона А (см. Новые данные, § 9), охватывающая не менее трех почерков. Памятник подробно описан нами в работах: Новые данные, Противоп. и Акц. Мер. Рукопись не акцентуирована, но в ней различаются /*э*/ и /*ѣ*/ (омеговая система), что дает возможность извлекать из нее акцентологическую информацию; см. об этом § 3.20 и подробнее — Акц. Мер., § 4. Предположительная локализация говора Мерила — от южной части Тверского княжества до юго-западных границ (будущей) великорусской территории; см. Новые данные, § 14 и Противоп., § 31. К диалектологически значимым особенностям Мерила, указанным в этих работах, можно добавить следующие.

1. Безударные окончания М. ед. *-ум* (в *дѣлгум* и т. п.) и Д. М. ед. *-уй* (в *дѣлгуй* и т. п.), которые естественно сопоставить с *-омь*, *-оми*, выступающими в Мериле (*всякимь*, *всякими*, *котуримь*, *сельскимь* и др., см. Противоп. § 29), представлены, во-первых, во многих полесских говорах (белорусских и украинских)¹⁸, а также в восточно-могилевских, *-ум* еще и в полоцких и некоторых минских (см. ДАБМ, карты 118, 122), во-вторых, в отдельных пунктах Псковской, Калининской, Смоленской и Калужской областей (Атлас сводный, карта 47 — для *-ум*; Мат., вып. 8, с. 112 [г. Торопец]; Чернышев Пушк., с. 384).

2. По частным особенностям распределения /*э*/ и /*ѣ*/, отраженным в табл. 4 (§ 3.4), Мерило попадает в северный тип великорусских источников, различающих /*э*/ и /*ѣ*/ . При этом, правда, нельзя считать показательными те пункты, где в Мериле представлены архаизмы (например, /*ѣ*/ в *его*, *село*), поскольку они могут определяться просто древностью Мерила. Наиболее показательны здесь инновации — прежде всего /*тѣт*/ и Д. мн. /*-эм*/. Огласовка /*ѣ*/ в *тѣтѣ* Мер. 149, 225 объединяет Мерило с ближнезападными памятниками Чет. и Хр. и с северо-восточными говорами (тотемским, вятским, см. Противоп., § 8); ср. еще *тѣтѣ бо* 271 в одном из почерков конеч-

¹⁷ Фототипическое издание: Мерило Праведное по рукописи XIV века. М., 1961.

¹⁸ Южноукраинские говоры в расчет не принимаются, поскольку здесь *у* (*ю*, *і*) в рассматриваемых окончаниях определяется просто закрытостью слога.

ной части рукописи Прол. Напротив, архаичный вариант /тэт/ отражен в южновеликорусском Трав. и в задонском говоре (Тростянский, с. 57, 135, 155, 156), а также в галицко-волинском евангелии МГУ № 1367 и в укр. *тѣт*. Далее, /-эм/ в Д. мн. объединяет Мерило прежде всего с ближнезападными (Чет., Хр., Жит.) и с северо-западными памятниками (Час., Т. пс., Новг., Вас. сб. и др.), тогда как в Трав. (а также в полесских говорах) сохраняется архаичное /-ѣм/.

3. В Мериле (в зоне А) компаративы *менше*, *оунше* и их производные (*меншиця*, *меншиньствѣ*) последовательно пишутся с *ни*, а не *нѣи* (всего 20×), за исключением *мень|ши* 263б. Это можно было бы считать чисто орфографическим явлением, если бы не то обстоятельство, что перед суффиксами *-ск-* и *-ств-о* столь же последовательно пишется *нь* (равно как *ль* и *рь*), а не *н*, *л*, *р*, например: *женьско*, *вѣиньскихъ*, *равеньство*, *мирьскѣ*, *коварьство* (при том, что после других согласных изредка встречаются и написания без *ь*: *иерусалимско²*, *городскихъ* и др.). В настоящее время твердое *н* в компаративах типа *меньше*, *тоньше* представлено в украинском и белорусском языках, а в русском языке в северных говорах, в рассеянном распространении также в западных среднерусских и в юго-западных говорах (Диал. член., карта 4). Примерно такую же зону распространения имеют и случаи сохранения в русских говорах мягких *н'*, *р'* перед *-ск-* (см. Образ., с. 205); в белорусском это явление отмечается во многих говорах (см. там же), для украинского оно представляет собой норму.

4. В Мериле встретилось написание *мнѣгѣ* 226б, которое, по-видимому, отражает колеблющееся ударение. С этим следует связать: Хр. *многѣ* 242, *мнѣгѣ* (5×: 877 и др.), Т. пс. *мнѣгѣ* 1, *мнѣгѣ* 44б; Муз. *мнѣгѣ* 212, также *мнѣго* (3×) и *мнѣго* (7×) с узким *о* после *г*, что в данной рукописи соответствует фонеме /ѣ/; Лет. *мнѣгѣ* 167б; Цел. *многѣ* (часто), *непомногѣ* 93б, *неотмногѣ* 67. Далее, в современных говорах: [тпаѣѣ] под Мосальском (Брок 1916, с. 31, 120, 126), под Мещовском (Мат., вып. 11, с. 56), в северной части Брянской обл. (МДК, вып. 3, с. 158; Мат., вып. 9, с. 203), *мнѣгѣ* в Тороще (Мат., вып. 8, с. 114).

5. В Мериле последовательно проведено необычное для восточнославянских памятников ударение *икѣномѣ* (*икѣномѣ*, *-а*, *-у* и т. д., см. Акц. Мер., § 22), не соответствующее греческому οἰκονόμος. Обнаружены следующие следы такого ударения: Дос. *икѣнома* В. ед. 9б (при более частом *икѣномѣ*), Пат. *икѣно^м* 568а, *къ икѣному* 628а. Кроме того, в словаре Берынды (Бер. 54) дано *домостройте^а*: οἰκονόμος; возможно, перед нами свидетельство существования у книжников западной Руси особого «провинциального» акцентного варианта этого греческого слова.

Отметим также несколько написаний из Мерила, имеющих меньшую доказательную силу, поскольку они вполне могли быть перенесены из оригинала; *охвѣчь* 'охочий' 31 (*хв* в этой основе характерно для украинского и белорусского языков и для новгородских, псковских и архангельских говоров); *ширынѣ* (В. мн.) *мшрьскиѣ*

35б (ср. блр. *шырыня* и прочие на *-ыня*); с другой стороны, *приперетися* 'опереться' З (ср. рус. *-переть*, в отличие от укр. *-пéрти*, блр. *-пéрці*); *рвы* В. мн. 26б (ср. рус. *ров*, *рва*, в отличие от укр. *рiв*, *рбу*, блр. *роў*, *рва*).

В целом приведенные здесь дополнительные факты подкрепляют указанную выше локализацию говора Мерила. Если исходить из сетки позднерусских диалектных зон, предложенной Г. А. Хабургаевым (Хабургаев 1980, § 86 и карта 16), Мерило должно быть отнесено к центральной диалектной зоне, причем, по-видимому, к ее северо-восточному углу. Наиболее вероятен район, очерченный примерно так: Ржев — Торопец — Смоленск — Мосальск.

Дос. — Синайский патерик в редакции Досифея Топоркова (инока Иосифо-Волоколамского монастыря, племянника Иосифа Волоцкого), 296 лл. ГИМ, Увар. 883 (по Леониду 960). Филигрань — Брике, № 13909 (1525 г.). Почерк единый. В пространном послесловии от лица Досифея сообщается, что по благословению и повелению архиепископа Великого Новгорода и Пскова Макария он (Досифей) переработал старые неисправные переводы Синайского патерика и что он начал писать в 1528 г., а кончил в 1529 г. Поскольку почерк писца не совпадает с известными автографами Досифея Топоркова (сообщение Б. М. Клосса), мы имеем здесь дело не с оригиналом, а со списком, в котором воспроизведена запись оригинала. Судя по филигране, рукопись создана вскоре после указанной в ней даты. По-видимому, писец был связан, как и сам Досифей, с Иосифо-Волоколамским монастырем. Это предположение согласуется также с тем, что в рукописи имеются случаи смешения безударных *o* и *a*, *e* и *я*, безударных (изредка также ударных) *ѣ* и *e*. В рукописи различаются /*o*/ и /*ô*/ (каморная система). Камора часто используется в качестве знака ударения также над *ѣ* и *ѣ*. По распределению фонем /*o*/ и /*ô*/ Дос. относится к переходной группе, см. § 3.4, табл. 4. Важнейшее отличие от новгородских рукописей состоит здесь в том, что безударное *-го* (в *нашего*, *сильнаго*, *живаго* и т. п.) не имеет здесь каморы; этим Дос. объединяется с московскими и южными рукописями (Узк., Лес., Хл., Трав.).

Фер. — Кормчая, так наз. Ферапонтовская (1001 л.). ГБЛ, ф. 98 (собр. Егорова), № 248. По-видимому, 1540-ые гг. (см. Правда Русская, I, с. 235—236). Вложена в Ферапонтов монастырь его бывшим игуменом Касьяном (известен как игумен в 1543 г.). Нами обследованы: 468—556б, 748—853, 957—1001. Имеются отдельные случаи смешения безударных *o* и *a*, безударных *e*, *ѣ* и *я*. Отражение аканья не позволяет отнести рукопись к месту ее вложения. По характеру акцентной системы она тоже сильно отличается от белозерских и вологодских памятников и более всего похожа на памятники ближнего запада (в особенности Дос., Дан., отчасти Стар., Рж.).

Лет. — основной почерк (1—432б, строка 3) так наз. Троицкого летописца (439 лл.), ГИМ, Синод. 645. По М. Н. Тихомирову, ру-

копись написана «примерно между 1544 и 1550 гг.» (Тихомиров 1942, с. 274). В рукописи нередко встречается *ô*, но системы различения /*o*/ и /*ô*/ здесь в действительности нет: широко представлены не только написания без каморы типа *мнôго*, *кôнь* и т. п., но и написания с ошибочной каморой типа *гôло*^о, *гôрода*, *вôлохи*, *кô граду*, *пô граду*^о и т. п. По-видимому, в говоре писца противопоставление фонем /*o*/ и /*ô*/ уже было разрушено. Какая-то часть камор могла быть перенесена писцом из оригинала. В Лет. многократно встречается смешение безударных *o* и *a*, а также смешение *ѣ* и *e* во всех позициях. Встречаются написания *цѣръкъвъ*, *кровъ* 'кровь', ср. еще *дôроговъ* 'дороговица' 1506, *дôловъ* 'долой' 308, а также гиперкорректные написания типа *покрôвъ* 'покров' 40, *из угрôвъ* 966; отметим еще *оу явузы* 'у Яузы' 366, *въ ѳзское мѣсто* 295. Из случаев смешения *ц* и *ч* существенно на *лицѣ* 'на лице' М. ед. 886 (менее показательны *не ѱцѣстятся* 37)¹⁹. Примеры *постѣжающе* 116 (*x* вместо *г*), *четвѣ*^р 138 (без *г*), вероятно, обусловлены фрикативным характером *г*; но это не вполне надежно. Из морфологических особенностей наиболее показательны: Р. ед. с *москъѣ* 2436, *из вѣткъ* 2916, *ѱ вѣткъ* 2936, *сестры и*^р *аннѣ* 80, *у ... странѣ* 'у стороны' 3976; М. ед. *на рѣкѣ* 1686, *на... рѣкѣ* 372, *на рѣцѣ* 182, *ѱ рѣкѣ* 113, *в руки* 163 (исправлено на полях на *в руцѣ*), *в орды* 202, *въ мнôзѣ же бѣды* 146, *въ градѣ*^м *москвы* 3476; Т. мн. с *роды своѣмы* 876. Для локализации памятника особую ценность представляют также несколько частных акцентных особенностей, известных в современных говорах. Таковы: *молонѣ* 338, с *молонѣю* 335, с *момнѣю* 365, *маланѣю* 3386, *моланѣми* 173; *туча* И. ед. 247 (при более частом *тѣча*); *дочкѣ* В. ед. 3916; *толстôе* 84 (ср. также фамилию *толстôи* 337); *помôже*^м (2 уд.) 142. Диалектологический анализ (который мы здесь опускаем) приводит к выводу, что совокупность диалектных особенностей, отраженных рассмотренными выше написаниями, указывает на территорию к западу от Москвы. Правда, едва ли возможно указать современный говор, в котором соединились бы сразу все эти особенности²⁰; но можно выделить район, где из них почти все присутствуют, а остальные распространены неподалеку: это примерно треугольник Торопец—Ржев—Вязьма. Если не ограничиваться зоной фрикативного *г* (для Лет. этот пункт не совсем ясен), то другим таким районом оказываются западнопсковские говоры. Характер

¹⁹ Непоказательны смешения *ц* и *ч* в географических названиях: *каменѣч* 46*, *галиць* 47, *сѣслоць* 476, *ворбна*^ч 49 и нек. др. В рукописи (неакцентуированной) ГИМ Увар. 188, которая списана с того же протографа, что Лет. (см. Тихомиров 1942, с. 274), в соответствующих местах во всех этих названиях выбор между *ч* и *ц* сделан совершенно так же. Таким образом, эффекты цоканья здесь следует считать перенесенными из общего протографа.

²⁰ Например, в настоящее время, по-видимому, не соединяются ударение *толстôй* (северновеликорусские и псковские говоры) и ударение *туча* (срединная часть южновеликорусских говоров и Подмосковье).

акцентной системы Лет. заставляет предпочесть первую из этих возможностей: в этой системе восточных черт почти столько же, сколько западных (что характерно для ряда памятников ближнего запада); между тем, например, система Пск. — целиком западная.

Хр. — Хронограф лицевой (1442 л.). ГБЛ, ф. 98 (собр. Егорова), № 202. Филигрань зафиксирована под 1584—92 гг. (Клосс 1980, с. 206). За вычетом листов 413, 414, 597, 604, 613, 620, 694 почерк единый. Судя по роскошному оформлению, рукопись была изготовлена для очень высокопоставленного заказчика, скорее всего для царя. Различаются /о/ и /ѡ/ (широколитерная система). После *ч* всегда пишутся *я*, *ю*, *и*, *ь*, после *ж*, *ш*, *щ* и *ц* — всегда *а*, *у* и часто *ы*, *ь*. Показательны *во оторыи* 1000, *юудивь* 'Юдифь' 1233 (*юуди*^в 1234б и др.; ср. *о юудиве* 1231б, но также *юудиве* Д. ед. 1233, 1234). Вместо безударного *ѣ* обычно пишется *е*; отмечено также несколько примеров *е* вместо *ѣ* под ударением. Изредка смешиваются безударные *я* и *е* (имеющиеся случаи смешения безударных *а* и *о* не вполне показательны); отметим *и* вместо *е* в *празъниствѣ* 905б. Акцентная система носит компромиссный характер; она обнаруживает существенные сходства с рядом микросистем ближнего запада (Дос., Дан., Лет., также Фер., Чет.). По распределению /о/ и /ѡ/ Хр. входит в северный тип, а внутри него наиболее близок к Чет. и Амф. (см. § 3.4, табл. 4). В целом для говора Хр. наиболее вероятна локализация к северо-западу или западу от Москвы, не слишком далеко от нее (при том, что писался памятник, по-видимому, в самой Москве).

Рж. — Псалтирь (283 л.). ГИМ, Муз. 95. Ярославль, 1612 г. Писал Георгий Евсевьев сын Комынин. Он же в 1617 г. переписал (тоже в Ярославле) сочинения Дионисия Ареопагита, ГБЛ, ф. 173, № 26 (далее обозначается: Рж. А²¹); здесь в записи сказано, что книга написана «рукою. . . Георгия Евсевиева сына Комынина ржевитина». В Рж. отмечено несколько случаев смешения безударных *о* и *а*. В настоящей работе используется рукопись Рж., а из Рж. А взято лишь несколько примеров, дополняющих картину акцентуации.

Дополнительные памятники. Хрон. — почерк 215—246б в рукописи: Хронограф, ГБЛ, ф. 113 (Волоколамское собр.), № 650. Рукопись создана в скриптории Иосифо-Волоколамского монастыря в 1520-х гг. (Клосс 1980, с. 158). Имеются случаи смешения безударных *о* и *а*.

Жит. — почерк 267—310б в рукописи: Сборник (жития святых), ГБЛ, ф. 173 (собр. Моск. духовной академии), № 57. Филигрань этой части рукописи — типа Брике, № 1734 (1522—37 гг.). Рукопись была создана в конце 1520-х или в 1530-х гг. в скриптории при ка-

²¹ При ссылке на материал Рж. и Рж. А адрес некоторой словоформы может иметь, например, такой вид: Рж. 71б, А 15 (т. е. символ Рж. не повторяется). При разборе акцентологических вопросов символ Рж. представляет (если не оговорено иное) весь блок (Рж. и Рж. А). Сказанное относится и к прочим блокам.

федре митрополита Даниила; в этом скриптории работало много волоколамских писцов (см. Клосс 1980, с. 76). В рассматриваемом почерке различаются /ɔ/ и /ô/ (широколитерная система). Распределение этих фонем — северного типа. Внутри этого типа Жит. ближе всего стоит к ближнесеверной группе (Амф., Чет., Хр.), но отличается от нее тем, что в Т. ед. местоимений здесь выступает /ô/ (*мнбю, тоббю, соббю*), а в Т. ед. существительных огласовка колеблется (*-бю* или *-бю*); эта особенность несколько сближает Жит. с северо-западной группой. Из элементов диалектной морфологии можно отметить Т. ед. *властею* 306, *сповѣдю*^х (3 мн.) 289б. Акцентная система западного типа. Локализация говора Жит. внутри западной зоны не вполне определена: он может быть волоколамским, но не исключена и более западная локализация (например, восточно-псковская).

Дан. — первый почерк (1—174) рукописи: Сборник грамматических и иных статей, ГБЛ, ф. 113 (Волоколамское собр.), № 490. Рукопись написана в 1543 г. «во Иосифов монастырь». Рассматриваемый почерк принадлежит, по свидетельствам XVI в., митрополиту Даниилу (Клосс 1980, с. 90). Отмечены случаи смешения безударных *о* и *а*, *ѣ* и *е*. Поскольку митрополит Даниил, по свидетельству его современников, имел прозвище «рязанец» (Клосс 1980, с. 103), можно было бы ожидать в его автографе рязанских диалектных особенностей. Фактически, однако, акцентная система Дан. носит отчетливо западный, а не восточный характер; она близка к системам Хрон. и Дос. и далека, например, от Ряз. Учитывая, что Даниил с юношеских лет пребывал в Иосифо-Волоколамском монастыре (причем неизвестно, где прошло его детство) и был связан с ним всю жизнь, следует предполагать, что его книжный язык вполне соответствовал нормам, принятым в этом культурном центре.

Чет. — Минея-четья на апрель, домакарьевского состава (790 лл.). ГИМ, Синод. 91. Большинство филиграней соответствует 1560-ым годам. Почерк единый. Различаются /ɔ/ и /ô/ (широколитерная система). Отмечены случаи смешения *ц* и *ч*. Встретились: *тдѣ оутрѣбы* Д. ед. 42б, *три зѣрны* В. мн. 20б. Акцентная система компромиссного типа, близкая к Стар., Лет. и Хр. Распределение /ɔ/ и /ô/ очень близко к Хр. и Амф. (см. § 3.4, табл. 4). Обследованы: 1—146б.

Рум. — почерк. 315—347б, 671—680б в рукописи: Творения Златоуста и Ефрема Сирина; ГБЛ, ф. 256 (Румянцевское собр.), № 181. Филигрань указанных листов зафиксирована под 1550—1585 гг. Локализация говора определяется тем, что акцентная система здесь практически совпадает с Сел.

Стар. — Книги 16 пророков (273 лл.). ГИМ, Синод. 301 (по Горск. Нев. 81). Конец XVI — нач. XVII в. (филигрань типа Хивуд, № 141; 1598 г.). Как гласит запись, писано в Старице. Обследованы: 1—51, 90—113б. Встречается смешение безударных *о* и *а*. Отметим

раскае ли ся (без *-т*). Особенностью рукописи является то, что в ней изредка встречаются южнославянские акцентовки; отсюда необходимость определенных предосторожностей в использовании ее материала.

Сел. — Канонник (487 лл.). ГБЛ, ф. 304 (Троицкое собр.), № 283. Писан в 1616 г. в Троице-Сергиевой лавре иноком Арсением селижаровцем. Наименование «селижаровец» указывает на Селижаровский посад (ныне поселок Селижарово) и одноименный монастырь, но, возможно, и просто на весь район озера Селигер.

Дорог. — Сборник (205 лл. малого формата). ГИМ, Барсов 1280. Село Извольское Дорогобужского уезда, 1626 г. Писал Евпл, сын местного попа Ивана. Ярко выраженное смешение безударных *a* и *o*, *e* и *я*; отметим в *че^тве^рхъ* 98, частое *-аю* вместо *-ую* в В. ед. жен. К сожалению, акцентной информации мало, поскольку конечная гласная получает здесь варию независимо от ударения.

VI. Москва

§ 3.27. Основные московские памятники — это следующие старопечатные книги.

Ап. — Апостол. Москва, 1564. Печатники Иван Федоров и Петр Мстиславец.

Тар. — Псалтирь. Москва, 1568. Печатники Никифор Тарасиев и Андроник Невежа. Исследован экземпляр ГБЛ с инвентарным номером 2553; часть листов в нем отсутствует, пагинация позднейшая (библиотечная).

Цв. — Триодь Цветная. Москва, 1591. Печатник Андроник Невежа. Три пагинации (ниже при ссылках вторая пагинация отмечается цифрой II, третья — III).

Улож. — Соборное уложение царя Алексея Михайловича. Москва, 1649.

Матф. — Толкование Феофилакта болгарского на евангелие от Матфея; в составе издания, включающего толкование на все четыре евангелия. Москва, 1649.

Помимо собственно московских памятников в данную группу входит следующая рукопись, написанная поблизости от Москвы.

Амф. — Святцы с воследованием (282 л.). ГБЛ, ф. 7 (собр. Амфилохия), № 27 (=Муз. 667). Согласно записи, книга написана в ноябре 1571 г. в Голутвине монастыре на Коломне; правда, лист 256, содержащий запись, не первоначальный: этот лист был заменен (вместе с листом 182), судя по филигране, в середине XVII в. (вероятно, в связи с тем, что рукопись была чем-то залита: пострадали также соседние листы). Филигрань основной части рукописи — типа Лихачев, № 4067 (1588 г.); таким образом, нет оснований предполагать, что запись была переписана с целью фальсификации даты.

Почерк рукописи единый (кроме замененных листов). Письмо отличается исключительной тщательностью и безукоризненной грамотностью (соответственно, о диалектных фонетических или морфологических особенностях не может быть и речи). В рукописи различаются /ɔ/ и /ô/ (кумулятивная система, см. § 3.19). Распределение этих двух фонем — северного типа; в рамках этого типа Амф. стоит ближе всего к Хр. и Чет. (см. § 3.4, табл. 4). Акцентная система восточного типа, очень близкая к Ап. Таким образом, Амф. — это явно рукопись московского круга; от попыток локализовать ее говор более точно осторожнее воздержаться (во всяком случае, судя по распределению /ɔ/ и /ô/, едва ли следует связывать его именно с Коломной).

Дополнительные памятники. Такт. — Тактикон Никона Черногорца (335 л.). ГИБ, F.I.207. Писана в Москве в Симоновом монастыре с сентября 1460 г. по апрель 1461 г. «рабом божьим Василием» (рукопись отмечена в Колесов 1973а, с. 124). Обследованы (по микрофильму): 1—100б, 300—335б. Орфография в значительной мере ориентирована на среднеболгарские нормы; так, обычно соблюдается различие этимологических у и ж (при возможности смешения ж и а), вместо ја часто пишется ѓ и т. п. При этом, однако, письмо тщательное, без ошибок, определяемых диалектной фонетикой. В акцентуации поразительно мало для столь ранней рукописи заведомых южнославянизмов (правда, в конце рукописи их больше, чем в начале). Акцентуация (кроме первых двух листов) редкая; наиболее интересные для акцентолога словоформы чаще всего оставлены без ударения. Акцентная система (насколько ее удастся выявить на основании скудного материала) носит компромиссный характер; она близка к системам некоторых ближнезападных памятников XVI в. Однако это еще не обязательно означает, что писец Василий был, скажем, волоколамцем. Вполне возможно, что именно такая акцентная система была престижной нормой для московских книжников XV в. (см. об этом также ниже).

Узк. — безвыходное евангелие, так наз. узкошрифтное, напечатанное в анонимной типографии, которая работала, как предполагают, в Москве в 1553—64 гг. (подробнее см. Новые данные, § 6). Различаются /ɔ/ и /ô/ (широколитерная система). В акцентной системе наряду с восточными чертами есть и заметное число западных черт (возможно, акцентуация Узк. частично определялась новгородским оригиналом).

Лес. — почерк 1—6б, 126—268 в рукописи: Лествица, ГИМ, Чуд. 227. Москва, Чудов монастырь, 1558 г. Различаются /ɔ/ и /ô/ (омеговая система). Акцентная система близка к Ап.

Кроме того, еще две старопечатные книги. Постн. — Триодь постная. Москва, 1589. Печатник Андроник Невежа.

Ратн. — Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. Москва, 1647. Цитируется по работе: Станг 1952.

Если сравнить (в хронологической последовательности) московские церковные памятники XVI—XVII вв. Узк. (после 1553 г.), Лес. (1558 г.), Ап. (1564 г.), Тар. (1568 г.), Цв. (1591 г.), Матф. (1649 г.), то обнаруживается постепенный переход от акцентных систем с заметным числом западных черт к более последовательной восточной системе. Что же касается светских памятников XVII в. (Улож. и Ратн.), то они отражают (особенно Улож.) практически чистый восточный тип. По-видимому, причина здесь не в диалектном сдвиге, а в эволюции книжной нормы, которая постепенно отказывалась от ориентации на западные (прежде всего новгородские) системы и признавала допустимым для книжного произношения все большее число черт живой московской акцентуации. Смешанный характер акцентной системы Такт. позволяет предполагать, что Такт. представляет собой просто более раннее хронологическое звено в том же ряду. Таким образом, принцип, описанный в § 3.11, в Москве победил не сразу.

VII. Юг

§ 3.28. Чуд. — Чудовский Новый Завет (170 лл. в два столбца)²². XIV в. (предположительно 1355 г.). Несколько почерков, но никаких системных различий в акцентуации между разными писцами усмотреть не удастся; поэтому практикуемый всеми акцентологами подход к Чуд. как к единой системе, по-видимому, можно считать оправданным. Возможно, что единая акцентная система Чуд. — это система самого митрополита Алексия, если он действительно диктовал текст перевода писцам. Эта акцентная система весьма архаична; лишь считанное число инноваций (большой частью мелких) отличает ее от раннедревнерусской. Между тем для диалектологической оценки здесь существенны (помимо тех точек системы, где уже в раннедревнерусском были диалектные варианты) именно инновации. С этой точки зрения Чуд. представляет собой довольно сложную картину.

Прежде всего здесь обнаруживается ряд великорусских инноваций (отсутствующих в староукраинском и старобелорусском); таковы, например, ударения (постоянные или хотя бы факультативные): *инбмоу*, *иньми*, *иногда*, *вторбму*, *седмая*, *осмаго*, *болгий*, *мений*. При этом часть этих инноваций (см. последние четыре примера) представлены преимущественно или даже исключительно в восточновеликорусской зоне. Восточновеликорусским является также выбор акцентного варианта (для слов а. п. с) в формах, представленных образцами *вратà*, *въ домѹ*, *въ кровѹ*, *въ водѣ* (впрочем, такая же акцентовка была известна и в определенной части говоров будущей белорусско-украинской территории).

²² По фототипическому изданию: Новый Завет господа нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия, митрополита Московского и всея Руси (издание Леонтия, митрополита Московского). М., 1892. Все примеры из Чуд., в том числе взятые из лингвистических работ, выверены нами по этому изданию.

С другой стороны, в Чуд. отразились некоторые инновации, общие для западновеликорусской зоны и белорусско-украинской территории, — прежде всего тематизация ударения в глаголах (§ 3.73) и акцентовка типа *проданъ* (§ 3.69). Далее, выделяются явления, известные на белорусско-украинской территории и в соседних с ними частях великорусской территории: Чуд. *никѡго*^{жс} 51а, *пѡ то*^ж 'после' 121в (оксия не совсем надежна); ср. Бер. *нѣчѡго* 120, 146 и др., укр. *нікѡго*, *нічѡго*, блр. *нікѡга*, *нічѡга*, укр. *пѡтім*, блр. *пѡтым*; аналогично и в юго-западновеликорусских говорах (ср. также Новые данные, § 14, п. 5 о *ни ѡт кѡго же* и т. п. в Мер.). Большой интерес представляет акцентуация в Чуд. формы М. ед. у *о-та-сцѡлина* а. п. с с мягкой основой: *в гноѡ* 35в, *о кн^н|зѡ* 17г (+ 6в), *о...кнѡзѡ* 7г, *о моужѡ* 71б (+64б, 77а, 110г); конечное ударение (неискоянное) появилось здесь под влиянием *i*-основ. Такая инновация характерна для белорусского, ср. блр. *у баі*, *у гаі*, *у глѡі*, *у краі*, *на краі*, *у раі*, *у страі*, *у хмяі*, *у плачѡ* — при наосновном ударении в остальных словоформах ед. числа (Лобан 1957, с. 193); на сходство в этом пункте между Чуд. и белорусским указал В. А. Дыбо. Данная инновация известна и в юго-западновеликорусских говорах, где отмечается, в частности, *на краі* (Диал. член., с. 123; Оч. морф., с. 74); ср. также данные близких к этому району памятников: Трав. *в май* 'в мае' (регулярно), Лет. *на бой* 398 (однако также Цв. *въ гноѡ* 76, Увар. *о...гноѡ* 724б, Ряз. *на зноѡ* 85 — в несколько более дальних памятниках).

Наконец, в Чуд. представлены некоторые акцентовки, характерные для староукраинского и старобелорусского, но не для старовеликорусского; *трапѣзы*, *-у*, *-ою* и т. д. (регулярно) (Бер. *трапѣза* 464, *-ы* 345); *храминѡ*, *-ѡ*, *-ѡ*, *-ѡ* (регулярно) (Бер. *храминѡ* 280); *сернѡ* 64г bis (Бер. *сернѡ* 105, 462); *черта* 4г, *-ѡ* Д. ед. 36б (Бер. *чрѣта* 304); *злѡдѣя* В. дв. 40б (Бер. *злѡдѣѡ* 69, 254, укр. *злѡдій*, блр. *злѡдзей*); *дѣвѣствѣници* И. мн. муж. 154г (Бер. *дѣвѣтѣнникъ* 443). В старовеликорусских памятниках XV—XVI вв. эти слова акцентуются (за редчайшими исключениями) как *трапѣза*, *храмина*, *сѣрна*, *черта*, *злѡдѣѡ*, *дѣвѣстве(н)никъ*. В качестве единичных отклонений от иного, более обычного ударения, в Чуд. встретились также: *во имѡ мое* 49а (Бер. *имѡ* регулярно, укр. *ім'я*, блр. *імѡ*); *наро^о* 9в (Бер. *нароѡ* 132); *павлѡва* И. ед. жен. 127г, *-ы* 75г (ср. укр., блр. *Павлѡ*); *ѡ такѡвы^х* 138а (Бер. *такѡв-аа* 182, *-оѡ* 294, *-оѡ* Р. ед. 208); *малѡмъ* Д. мн. 153г (оксия не совсем надежна) (Бер. *мал-аа* 453, 463, *-бе* 451 и др. формы, наряду с *малѡѡ* 40б, 453 и др. формами; укр. *малій*, блр. *малѡ*); *изгѡню* 7г, *изгѡн^н* (прич.) 17а, *понѡсити* 7б (ср. укр. *вигѡнити*, *вигѡню*, *пронѡсити*, блр. *пранѡсіць*); для старовеликорусских памятников приведенные ударения не характерны.

Совокупность приведенных данных указывает на какую-то форму взаимодействия будущего великорусского и будущих украинского

и белорусского языков. С другой стороны, сосуществование восточновеликорусских и западновеликорусских акцентных черт заставляет связывать Чуд. с границей между этими двумя зонами. Соответственно, на наших картах мы условно помещаем Чуд. к юго-западу от Москвы. Условность состоит здесь прежде всего в том, что Чуд. в действительности едва ли является последовательным отражением какого-то одного местного говора; вероятно, он соединяет некоторые черты (в частности, акцентные) книжной речи Москвы и юго-западной Руси. И. Огиенко предполагал (Огиенко 1928, с. 445), что митрополит Алексей, будучи сыном черниговского боярина (Федора Бяконта), мог сохранить некоторые ударения, усвоенные в детстве в семье. А. В. Дыбо, исследовавшая морфологические особенности Чуд., пришла к заключению, что они имеют западнорусский характер²³. Фонетические особенности Чуд. сами по себе не очень выразительны (поскольку отступления от книжных норм здесь чрезвычайно редки); но они не противоречат рассмотренным выше данным. Отметим смешение *оукроу*^x (Р. мн.) 31г, 44а — *оукру*^r 44а, смешения типа *áгарь* 123в — *áгарь* 123в, *кесарю* 38б — *кэсару* 38б; далее *совоузѣ* 63г (при обычных *сооузѣ*, -а), *не истезáи* 29в (колебание *ашють* 122г и др. — *о|шю*^t 4г едва ли показательно)²⁴.

Библ. — второй почерк (474—994б) рукописи: Библия (1013 лл.), ГИМ, Синод. 30 (по Горск. Нев. 3). Вкладная запись по листам 16—26 от имени рязанского епископа (с не совсем понятно записанной датой) подверглась частичному уничтожению. По Горскому и Невоструеву, это запись епископа рязанского и муромского Сергия, относящаяся к 1570—71 г. Филиграния хорошо согласуется с этой датой; основная филигрань рукописи (с цифрой «1551») — Лауцявичюс, №№ 1752 и 3392, в рукописи 1569 г. (в Литве); филигрань последних листов рукописи — Брике, № 1844 (1562—1581 гг.). Нами обследованы: 474—494б, 590—625, 669—693, 799б—810б, 947—994б, а также записи на полях во всем почерке. Отметим случаи смешения *о* и *а* (в частности, *оугодѣ* ‘угадал’ 949, *не ражéши* ‘не родивши’ 947б; менее показательно регулярное *испокастѣти* вместо *испакостити*); ср. также *ѡ*^t *сняты* 951б (вместо *синеты*). В безударной позиции вместо *ѣ* нередко пишется *е*. Не совсем надежны примеры смешения *ц* и *ч* (*памятопѣсчи* 475б, *въ что ѡблецѣтесе* 673). Отметим *в конбѣ* 603 (вместо -бѣ), *гблубы* ‘голуби’ 685б, *кумѣря* В. мн. (часто), наряду с *кумѣры*. Из морфологии существенны: *ѡ вбиску* 630б (+991), *гумны* И. мн. 610, *лаины* В. мн. 616б (ср.

²³ Дыбо А. В. К вопросу о диалектной принадлежности Чудовского Нового Завета. — В кн.: Филология. Исследования по древним и новым языкам. Переводы с древних языков. М., 1981, с. 41.

²⁴ Следует учитывать, что в Чуд. в тексте Апокалипсиса некоторые написания — позднейшие (по подтертому); так, *змеи* И. ед. 153г bis, 154а ter и др. переделано из *змии*, *востръ* 155а ter — из *остръ*, *въ|зиде* 152б — из *въ|зиде*, *в чáшѣ* 155а — из *в чáши*, *печатеи* 151б — из чего-то иного и т.⁴д.

лаино В. ед. 9846). Акцентная система восточного типа, с рядом черт, характерных для южных и части московских (в особенности Цв.) рукописей. В целом наиболее вероятна локализация говора Библ. к югу от Москвы, неподалеку от нее; но не исключено также собственно московское или рязанское происхождение писца.

Косм. (или Космография) — Космографические разделы «Всемирной хроники» Мартина Бельского (191 л.), ГБЛ, ф. 152 (собр. Лукашевича и Маркевича), № 2. Последняя четв. XVI в. Почерк единый. На основании отразившихся в рукописи диалектных фонетических и морфологических особенностей говор писца должен быть отнесен к срединной части южновеликорусской территории (курско-орловские и прилегающие к ним межзональные говоры); подробнее см. Глаг. акц., § 8—11. Поскольку акцентная система Косм. носит ярко выраженный восточный характер, наиболее вероятной представляется локализация говора Косм. у восточных границ указанного ареала.

Дом. — основной почерк (46—124) Домостроя по Коншинскому списку, ГПБ, Q.XVII.149. Конец XVI—начало XVII в. Наиболее вероятная локализация говора — к юго-западу или югу от Москвы, сравнительно недалеко от нее; подробнее см. Глаг. акц., § 12. Цитируется по изданию Орлова²⁵.

Трав. — Травник и лечбник (538 лл.). ГБЛ, ф. 37 (собр. Большакова), № 431. По оценке А. А. Турилова, начало XVII в. (или даже рубеж веков). Почерк единый. Рукопись с различием /о/ и /б/ (омеговая система); см. Новые данные, § 3, 19, 24. На основании отразившихся в рукописи диалектных фонетических и морфологических особенностей говор писца должен быть отнесен примерно к той же территории, что и Косм.; см. Глаг. акц., § 12. Судя по характеру акцентной системы, уместно локализовать Трав. несколько западнее, чем Косм.

М. пс. (Максимова псалтирь) — основной почерк (5 листов предисловия и 1—199) рукописи: Псалтирь в переводе Максима Грека, ГБЛ, ф. 304 (Троицкое собр.), № 62. Начало XVII в.; филигрань «две короны под ветвями» типа Гераклитов, № 1474—1476 (1606 г.), но с подписью Ogradour (другой вариант: Promanei) и с датой 1607 (шестерка зеркальная). В 1665 г. была вложена в Троице-Сергиеву лавру. В тексте имеется правка другими (более бледными, чем у писца) чернилами, причем она в ряде случаев касается акцентуации. Есть примеры смешения безударных *o* и *a*; вместо безударного *ѣ* часто пишется *e*. Обычны написания типа *вѣщъ*, *пѣмоущъ*; отметим *плѣшма* 1006 (*ш* вместо *щ*), *ѡвчы*^x 158; *скѡрбѡ* 20. Акцентная система очень близка к Косм. и Трав., что позволяет предполагать диалектную близость М. пс. к этим рукописям.

²⁵ Домострой по Коншинскому списку и подобным, кн. 1. К изданию подготовил А. Орлов. М., 1908.

Дополнительные памятники. Хл. — почерк 271—384 в рукописи: Сборник, ГИМ, Хлуд. 147 Д. 1560-ые гг.²⁶ В почерке различаются /о/ и /ѡ/ (каморная система); распределение этих фонем — южного типа, близко сходное с Лес. (см. § 3.4, табл. 4). Акцентная система компромиссного типа. Наиболее вероятна локализация говора по близости от Москвы, к юго-западу или западу от нее.

Хлуд. — почерк 112—1596 в той же рукописи. Есть случаи смешения *a* и *o*, *я* и *e*; отметим в *арханьиле* 131, *к литвы* 129. Акцентная система близка к Хл., но содержит несколько меньше западных черт. Наиболее вероятна локализация говора к юго-западу или к югу от Москвы.

Ик. — почерк 31—1326 в рукописи: Иконописный подлинник, ГБЛ, ф. 209 (собр. Овчинникова), № 409. Посл. четв. XVI в.; филигрань: Лихачев, № 2992 (1589 г.). Много случаев смешения *e* и *ѣ* (в т. ч. под ударением) и безударных *a* и *o*. Прочие следы диалектной фонетики и морфологии: *вери*^x 'вериг' 616, *в шатра* 'у шатра' 90, *киновáрь* 1036, *не бленймся* 'не обленимся' 124, *маленке* 'маленько' 55, *с лъвою роукоу* В. ед. 51, *пáвою роўку* 58. Фонетические и акцентные особенности рукописи указывают на какой-то район к юго-западу от центра.

VIII. Юго-восток

§ 3.29. Ряз. — Лествица (335 лл.). ГИМ, Барсов 246. Писана в 1611 г. в монастыре Рождества Богородицы на Солотче повелением Феодорита, архиепископа рязанского и муромского. Имеются некоторые случаи смешения безударных *a* и *o* (впрочем, не вполне показательные), смешения *e* и *ѣ*. Отметим *мѣша* Р. ед. 264, *мѣша же мѣсленаго* 264. Акцентная система восточного типа.

Дополнительный памятник. Тамб. — основной почерк (1—296) рукописи: Синодик Троицкой Новой пустыни на Цне (Тамбовской губ.), 1621 г. ГИМ, Барсов 961.

IX. Ближний северо-восток

§ 3.30. Ион. — Маргарит Иоанна Златоуста (623 л.). ГБЛ, ф. 256 (Румянцевское собр.), № 195. Книгу написал в 1530 г. «чернец Ионишко пореклом Тофа»; он же вложил ее в Ферапонтов монастырь. Этот же писец в 1542 г. написал Соборник (656 лл.), ГБЛ, ф. 178, № 6456 (далее обозначается: Ион. С) и вложил его в Кирилло-Белозерский монастырь. В настоящей работе используется рукопись Ион.: из Ион. С взята лишь несколько дополнительных примеров.

²⁶ См.: Лопарев Х. Описание Хлудовской рукописи № 147. — ЧОИДР, кн. III. М., 1887, отд. II, с. 1—18; Повесть о Петре и Февронии. Подготовка текстов и исследование Р. П. Дмитриевой. Л., 1979, с. 148.

Увар. — Кормчая (843 л.). ГИМ, Увар. 296 (по Леониду 560). Сер. XVI в. (филиграни зафиксированы под 1538, 1540 гг.; см. Правда Русская, I, с. 208). Почерк единый. Обследованы: 49—82, 294—307, 384—4026, 4796—618, 6736—7376, 802—843. Отклонений от орфографических норм почти нет. Акцентная система восточного типа. Совокупность акцентных особенностей делает наиболее вероятной локализацию говора Увар. несколько к северу от Москвы.

Биб. — первый почерк (1—4736) рукописи ГИМ, Синод. 30; об этой рукописи см. выше (§ 3.28) в разделе Библ. Обследованы: 716—89, 109—123, 328—343, 365—4106, 420—4276 и записи на полях во всем почерке. Отклонений от нормативной орфографии чрезвычайно мало. Изредка встречается смешение *ѣ* и *е* (в т. ч. под ударением). Отметим *г्रा́жены* Т. мн. 236, *наляцѣ|на лоукѣ* Р. ед. 429, *михдаль* 425, *посредѣ сѣнма* 437, *пара́ца* ‘парящая, летящая’ 4656, *вѣо дне* М. ед. 388; также *блѣды* В. мн. 88, *крѣпчае* ‘крепче’ 1136, *легчае* ‘легче’ 435, *аще бѣде* 816. Акцентная система восточного типа, но, в отличие от Библ., без особенностей, характерных для южных памятников. Имеется ряд частных акцентных сходств с Увар. и Пер. (есть также черты сходства с Сел. и Стар.). Таким образом, акцентологические характеристики делают наиболее вероятным отнесение говора Биб. к ближнему северо-востоку.

Костр. — почерк (4—2536) первой половины рукописи: Слова Аввы Дорофея и беседы Григория, папы римского; ГБЛ, ф. 138 (Костромское собр.), № 25. Писано в 1628 г. для костромского Ипатьевского монастыря повелением его архимандрита Пафнутия (очевидно, в самом монастыре). Отметим *во фторѣю* 49, *фторбе же* 51, *ѡтнѣдѣ* 61 и др., *нажитѣ* 596, *баграницу* 366, *баграно* 366. Акцентная система сходна с другими рукописями ближнего северо-востока, но есть и некоторые частные акцентные сходства с дальним северо-востоком.

Пер. — Слова Аввы Дорофея (289 л.). ГБЛ, ф. 310 (собр. Ундольского), № 194. Как гласит запись, книгу написал в 1633 г. инок черный поп Илья; в 1644 г. он уже был игуменом переяславского патриаршего Борисоглебского монастыря, куда и вложил эту книгу (о чем имеется отдельная запись 1644 г.). Отметим частые *чь*, *щь*, написания *сам са* ‘сам себя’ 36, *пѣтъ* ‘путь’ 98, *ѡтнѣдѣ* 179, *нѣготѣ* И. ед. 185; есть случаи смешения *ѣ* и *е*, в т. ч. под ударением.

Яр. — основной почерк (33—2836, 287—2896, 292—329) рукописи: Служебник (354 л.), ГИМ, Барсов 1149. Ярославль, 1635 г.

Дополнительные памятники. Угл. — часть 10—146 в рукописи: Псалтирь с воследованием (475 л.), ГИМ, Увар, 569 (по Леониду 671). Книга написана в Угличе в ноябре 1491 г. (или 1492 г., если дата дана по мартовскому году). Несколько почерков. Часть 10—146 соответствует началу самих псалмов и имеет довольно плотную

чисто русскую акцентуацию (восточного типа). Начиная с листа 15, хотя почерк не сменился, количество акцентных знаков резко падает и появляются южнославянские акцентовки. По-видимому, этот перелом отражает упадок усердия писца по мере удаления от начала (явление, известное и по многим другим рукописям): вначале писец прилагал специальные усилия к тому, чтобы последовательно отразить на письме реальное ударение (установка весьма редкая для его эпохи), а затем отказался от этих усилий и стал писать в стандартной для этого времени манере.

Бук. — Буковница старца Герасима Ворбозомского (грамматическое пособие, построенное как словарь форм словоизменения). ГБЛ, ф. 173 (собр. Моск. духовной академии), № 35, листы 130—234. Писана в 1592 г. в доме дьякона Тимофея Яковлева сына важенина (от названия реки Вага) по его заказу; писец — постриженник Благовещенского Ворбозомского монастыря (под Белозерском) Павел.

Кир. — основной почерк (7—162б, писец Вениамин Калганов) рукописи: Сборник (256 лл.); ГБЛ, ф. 209 (собр. Овчинникова), № 327. Кириллов монастырь, 1612 г.

Кирил. — почерк 177—218б в той же рукописи.

Тих. — первый почерк (1—117) рукописи: Сборник грамматический, ГБЛ, ф. 289 (собр. Тихонравова), № 336. Филигрань зафиксирована под 1622 г. Имеется владельческая запись о принадлежности рукописи архимандриту суздальского Спасо-Евфимиева монастыря Питириму (был архимандритом в 1650—54 гг.). Судя по характеру акцентной системы, рукопись скорее всего создана примерно в том же районе, где она находилась в 1650-ые гг.

Х. Дальний северо-восток

§ 3.31. Прол. — второй почерк (3б—127б) рукописи: Пролог, сентябрьская половина (391 л.), ГБЛ, ф. 354 (Вологодское собр.), № 19. Начало XVI в., не позднее 1516 г. Как гласит запись, в июне 1516 г. чернец Прохор вологжанин Трифонов сын послал эту книгу на Вологду из Великого Новгорода от Воскресения Христова из монастыря с Деревяницы. Несколько почерков; из них первый (1—3), более торжественный и более архаичный, чем все остальные, возможно, принадлежит старому мастеру, который лишь «задал тон» остальным писцам. Во всех почерках встречается δ , передающее фонему / δ /, но коэффициент выраженности / δ / очень низок; при этом только второй почерк имеет относительно плотную акцентуацию. В акцентной системе этого почерка восточные черты преобладают над западными. Поэтому наиболее вероятной здесь представляется вологодская локализация (возможно, в частности, что это почерк самого Прохора вологжанина); но все же не исключена и восточно-

новгородская локализация (ср. Муз. и Новг., с которыми Прол. имеет ряд общих особенностей).

Корн. — Василия Великого о постничестве (451 л.). ГИМ, Увар. 255 (по Леониду 180). 1543 г. Писал в Перфирьевой пустыни (при Корнилиевом Комельском монастыре под Грязовцем) инок Артемий, принявший пострижение от Корнилия (основателя монастыря).

Печ. — Минеи-четы на сентябрь и октябрь (562 л.). ГБЛ, ф. 138 (Костромское собр.), № 17. Печенгский монастырь (у «великого понта мурманского моря окіяна»), 1605 г. Писал Яков Иванов сын Горюшкин.

Сол. — основной почерк (1—274) рукописи: Житие Зосимы и Савватия соловецких, ГБЛ, ф. 209 (собр. Овчинникова), № 235. Соловки, 1632 г.

Хлын. — Златоуст (280 л.). ГБЛ, ф. 310 (собр. Ундольского), № 539. 2-я четв. XVII в., не позднее 1644 г. Почерк единый. Имеется запись о том, что в 1644 г. книгу продал володимирцу Федору Михайлову сыну Хорохову вятчанин Хлынова города Ивашко Андрейцев сын Воротцов. Встречается написание *еъ* вместо *въ* на конце слова, смешение *ш* и *щ*. Написания *паняву* 211, *оуставъ ап'талёскъ* 'апостольский устав' 39 не свидетельствуют об аканье (первое может быть инодиалектным заимствованием; у второго иногда встречается вариант с *та*, ср. *ап'сталаы* Тих. 16 в рукописи без всяких следов аканья). По акцентным характеристикам рукопись более всего сходна с вологодскими памятниками и с Авв.; таким образом, вятское происхождение рукописи вполне вероятно.

Колм. — Космография Герарда Меркатора²⁷. Колмогоры, 1670 г. Несколько можно понять из предисловия издателя, почерк единый. Имеется ряд написаний, указывающих на северное происхождение писца: *распѣливаютъ* 'распяливают' 202, *болнѣмъ* Д. мн. 82 (+ 63), *удѣлимъ* 87 (и другие с *ни* вместо *ны*), *дѣготъ* 232, *под'алисе* 212, *беретчѣсь* 26, *мо'чѣй* 'мочь' 63, *ею* 'её' В. ед. 52; также ударения *то'стбе* 220, *тощбе* 149, *тощѣе* 149, *преснѣю* 98, *на спѣне* 229. С этими примерами хорошо согласуются и многие другие (сами по себе не столь однозначные), в частности: *на лошади* 68, *в браку* М. ед. 151, *на гробу егѡ* 129, *с лѣвой сторонѣ* 95, 143. Таким образом, нет причин сомневаться в местном происхождении писца (ср. Хазагеров, с. 166, где этот памятник без всякого обоснования объявлен московским).

Авв. — два автографа протопопа Аввакума: 1) Житие протопопа Аввакума, БАН, собр. Дружинина, 746 (1886—2856); исследовано по фотоконии; 2) то же в пустозерском сборнике И. Н. Заволоко (листы оригинала 1—1156, 1306—163); исследовано по фототипиче-

²⁷ По изданию: Космография 1670. СПб., 1878—1881. — Ссылки даются на листы оригинала (но в издании лицевая сторона листа и оборот не разделены).

скому изданию²⁸. Рукописи написаны Аввакумом в пустозерской темнице, первая предположительно в 1673 г., вторая — в 1675 г. Ниже при ссылках не уточняется, какой из двух рукописей принадлежит пример: это видно просто из номера листа. Как показал В. Н. Сидоров (Сидоров 1969, с. 35—55), с фонетической точки зрения говор Аввакума — северновеликорусский и уже, владимироповолжский (но отнюдь не московский). С акцентологической точки зрения этот говор тоже заметно отличается от московского; ближе всего он стоит к памятникам дальнего северо-востока.

Цел. — основной почерк (1—290) рукописи: Целебник с добавлениями, ГИМ, Музейск. 1226. По оценке А. А. Турилова, посл. четв. XVII—нач. XVIII в. В написаниях отразилось большое количество диалектных особенностей. Из фонетики отметим: постоянное смещение *e* и *ѣ* во всех положениях; случаи замены *я* на *e* между мягкими (*прогорѣчь* 77б, *утѣчьа* Р. ед. 202б, 247б и другие); *синявь* 'синяки' 110б (при обычном *синева*), *во пшаничной мукѣ* 88б, *смърди*^м 177 (с перенесенным ударением, ср. *смердитъ* 177); *ѳ тафту* 'в тафту' 175б bis (но, с другой стороны, *врѣны* 'урины' Р. ед. 237, 239); случаи смещения *ш* и *щ* (но, с другой стороны, *немощнымъ* 100б, *счавей* 239б). Однако самая поразительная фонетическая особенность Цел. — десятки случаев смещения твердых и мягких согласных, причем не только губных и не только на конце слова. Так, здесь встречаются, например, написания *кровъ* 'кровь', *голубъ* 'голубь', *на день, в день, огонь, корень, ревенъ, гортань, кашель, кисель* 'кисель', *прибыль* 'прибыль', *декабрь, нутрь, ѿнюдь, мокрѣть, пускатъ* (инф.), *лечитъ* (инф.), *ломѣтъ, ртѣтъ, нежитъ* (существ.) и другие и, напротив, *сонъ* 'сон', *пепель, овесь* и т. п. Далее, перед гласной: *нѣхати* 'нюхать', *о ревену, киселѣ, колѣтъ* 'колют', *полѣбитъ, всѣплы* (повел.), *брѣхо, горѣчая, студонд, натыра*^м 'натирать', *мизынымъ нестѣмъ, изѣтъ, красать* 'красят' и другие и, напротив, *хренѣвъ корень, прищъ, гризѣтъ, блюда* 'блюда' и т. п.; из этого ряда особо отметим словоформы *дѣржитъ* 'держит', *дѣржатъ* 'держат', хорошо известные в северных говорах. Морфологические особенности: *к нѣче* (часто), *квасцей* Р. мн. 130б и др., *водѣ* Р. ед. 167б, *лунѣ* Р. ед. 1, *о дрѣве вѣрбы* 212б, 235, *перелогѣма* (по-видимому, Т. мн.) 184, *онѣ* 'они' 175, *к емѣ* 245, *тѣю* В. ед. 175б, *скорѣе* 85б, *плошѣе* 114б; в Р. ед. прилагательных представлены написания *-ого, -ово* и *-ова*. Случаев смещения Т. мн. с Д. мн. нет. Отметим также: *лѣг* (повел.) 257, *гвоздѣга* 'гвоздика' 47б, *и³ кукишицѣвъ* 111, *ку^ншинцовой цвѣтъ* 111. Совокупность всех перечисленных особенностей определенно указывает на великорусский север. Вероятная более узкая локализация — район, охватывающий лачские, поморские и северновологодские говоры (сам диа-

²⁸ Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифанія. Л., 1975.

лектологический анализ мы, к сожалению, вынуждены здесь опустить). Некоторую трудность составляет, правда, наличие нескольких случаев смешения *o* и *a*, но почти все они непоказательны; таковы колебания в заимствованных словах (типа *кордамбнѣ*—*кардамбнѣ*), написания *начевать* 1176, *на. . . начлѣзѣ* 2046 (это слово встречается в северных говорах с *на-*) и др. Существенны лишь *кармѣтъ* 203 и *гарнасталеи хвѣстъ* 1746; но первое может быть и опиской, а второе — инодиалектным словом. Акцентная система Цел. — восточного типа, с ярко выраженными чертами, отличающими дальний северо-восток от основной части восточной зоны (из этих черт особенно широко представлена дефинализация ударения, см. § 3.10).

Целеб. — второй почерк (292—3076) той же рукописи; по фонетическим и акцентологическим особенностям очень близок к Цел.

Дополнительные памятники. Нил. — три тома Житий святых, писанные в 1490-х гг. Нилом Сорским²⁹, а именно: ГБЛ, ф. 113 (Волоколамское собр.), № 630 (ниже обозначается просто Нил.); ГБЛ, ф. 304 (Троицкое собр.), № 684, часть 1—2726 (обозначается Нил. Т); Росуд. Литературный музей, № 126 (обозначается Нил. М). Нил Сорский (около 1433—1508) был постриженником Кирилло-Белозерского монастыря; последние десятилетия жизни провел в основанной им Сорской пустыни близ Белого озера. Акцентуация автографов Нила Сорского редкая. В акцентной системе преобладают западные черты, но имеются и некоторые частные сходства с вологодскими и белозерскими памятниками.

Ев. — Евангелие-тетр (286 л.). ГБЛ, ф. 113 (Волоколамское собр.), № 39. По-видимому, конец XV в. Было привезено Нилом Полевым с Белого озера и в 1514 г. вложено в Иосифо-Волоколамский монастырь. Листы 1, 8 и 81 — вставные. Акцентуация редкая; акцентная система в ряде черт сходна с Нил.

Тит. — Пятидесятница (404 л.). ГБЛ, ф. 304 (Троицкое собр.), № 146. 1541 г. Писал в Троице-Сергиевой лавре чернец Тит, постриженник Николаевского Комельского (Озерского) монастыря под Грязовцем. Акцентуация довольно редкая; акцентная система близка к Лук. и Корн.

Карг. — Василия Великого о постничестве (597 л.). ГБЛ, ф. 304 (Троицкое собр.), № 133. 1556 г. Писал (по-видимому, в Троице-Сергиевой лавре) инок Исаяя каргополец. Обследованы: 1—160, 478—5976.

Лук. — Скитский патерик (274 л. в два столбца). ГБЛ, ф. 256 (Румянцевское собр.), № 307. 1570 г. Писал дьякон вологодского

²⁹ См.: Клосс Б. М. Нил Сорский и Нил Полев — «писатели книг». — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1974, с. 150—167; Прохоров Г. М. Автографы Нила Сорского. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия (письменность, искусство, археология). Ежегодник 1974. М., 1975, с. 37—54.

Богоявленского собора Лука «прозвищем Русин» для Якова Аникиева сына Строганова.

Клон. — основной почерк рукописи: Сборник житий (547 лл.), ГБЛ, ф. 209 (собр. Овчинникова), № 271. Вклад 1595 г. в Клоновской монастырь (Шенкурского уезда Архангельской губ.). Филиграни: Брике, № 12802 — 1594 г.; № 12871 — 1595 г. По-видимому, писано в самом Клоновском монастыре. Из рассматриваемого почерка обследованы части 1—1316 и 254—3116.

Джемс — Записи Ричарда Джемса, сделанные в 1618—19 гг. в Колмогорах (по фототипическому изданию³⁰; ссылки даются на страницы оригинала). Около 600 словоформ, записанных со знаком ударения, дают важный материал по диалектной акцентуации. Следует учитывать, однако, что гравис над конечным *e*, по-видимому, не означал у Джемса ударения; скорее всего Джемс просто показывал грависом, что *e* здесь не немое (или использовал *ê* как знак для *i*-образного звука).

§ 3.32. Сверх всех перечисленных источников в отдельных случаях используются также некоторые другие.

Бер. — Памво Берында. Лексикон славеноросский и имен толкование. Киев, 1627. По фототипическому изданию: Лексикон словеноросский Памви Беринди. Київ, 1961. Ссылки даются на столбцы оригинала.

Полик. — Федор Поликарпов. Лексикон трезязычный. Москва, 1704.

Вед. — Ведомости времени Петра Великого, вып. I—II. М., 1903—1906.

Далее, имеется группа рукописей, материал которых (по именам) цитируется по работам В. В. Колесова (Колесов 1972, 1974, 1978а, б); рукописи обозначены (кроме Вер.) так же, как у В. В. Колесова.

Пс. — Псалтирь (по В. В. Колесову, предположительно псковская). ГПБ, Погод. 86. XV в.

Вер. — Сборник. ГПБ, Ф.П.255. XVI в., Верея (у В. В. Колесова обозначено как Сб. 5).

Зап. — Записная книжка монаха. ГПБ, Q.XVII.67. Конец XVI—нач. XVII в., Кубенское озеро.

Пч. — Пчела. ГПБ, Кирил.-Белоз. 114/1191. 1640 г., Вологда.

Св. — Стоглав. ГПБ, Q.П.102. 1645 г., Серпухов.

Леч. — Лечебник. ГПБ, собр. Колобова, № 649. XVII в., Шуя.

Уст. — Житие Прокопия и Иоанна устюжских чудотворцев. БАН, 45, 10.2. Конец XVII в., Великий Устюг.

³⁰ *Ларин Б. А.* Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618—1619 гг.). Л., 1959.

ВОПРОС О ПРИМЕНЕНИИ КАРТ

§ 3.33. В настоящей работе некоторые результаты акцентологического обследования старовеликорусских памятников представлены в виде карт. Поскольку само такое картографирование — занятие нетрадиционное, необходимо вначале обсудить вопрос о том, до какой степени и в каких границах оно является целесообразным. Имеется ряд причин, по которым картографирование в исторической диалектологии не может достигнуть (ни теперь, ни даже в будущем) той степени точности и надежности, которая возможна в современной диалектологии.

1. Лишь в редчайших случаях говор писца удается локализовать (например, по биографическим сведениям о писце) в строго определенной географической точке. Гораздо чаще локализация оказывается приблизительной, нередко в рамках весьма обширного района.

2. Даже если бы удалось обследовать и локализовать в несколько раз большее число рукописей, чем, например, в настоящей работе, плотность «покрытия» картографируемой территории все равно оказалась бы гораздо меньшей (и гораздо менее равномерной), чем в синхронических диалектологических атласах.

3. Невозможно собрать удовлетворительное число памятников всех районов, относящихся к одному и тому же узкому хронологическому интервалу; отсюда необходимость сравнения разновременных памятников. Так, в настоящей работе в основном используются памятники, входящие в 150-летний интервал (1500—1650 гг.); но представлено и несколько памятников более ранних и более поздних. Понятно, что в этих условиях на исторической карте могут оказаться смешанными различия собственно территориальные и различия хронологические.

4. Наконец, следует учитывать возможные искажения диалектологической картины, связанные с тем, что рукописи обычно лишь косвенно и в ограниченной степени отражают диалектные особенности речи писца.

Названные трудности столь значительны, что можно усомниться в правомерности картографирования памятников вообще. Представляется, однако, что было бы все же неправильно из-за отсутствия желаемой точности совсем отказаться от столь наглядного способа отражения диалектологических результатов. Необходимо лишь постоянно помнить, на что могут и на что не могут претендовать предлагаемые историко-акцентологические карты, и не поддаваться иллюзии, будто это документы того же порядка точности, что и современные диалектологические карты (заметим, что во избежание этой иллюзии мы предпочли не наносить на наши карты одновременно древних и нынешних границ распространения рассматриваемых явлений).

Содержащиеся в настоящей книге карты (кроме № 1) фактически соединяют некоторые свойства обычной карты со свойствами схемы.

Так, внешние границы и контуры диалектных районов даны с географической точки зрения точно; но расположение точек, соответствующих памятникам, внутри диалектных районов в значительной мере условно (т. е. отвечает принципу схемы, а не карты). Разумеется, точно локализованные памятники помещены на карте, как правило, достаточно близко к соответствующему географическому пункту; однако претензии на полную точность даже и в этих случаях нет и, чтобы подчеркнуть это, на карты (кроме № 1) вообще не наносятся города (периферийные памятники севера на карте несколько сдвинуты к центру, чтобы сделать карту компактнее; в связи с этим Онежская губа на картах № 2—20 не показана). Памятники, локализованные менее определенно, помещаются внутри своего диалектного района по возможности так, чтобы более сходные (с акцентологической точки зрения) памятники оказывались ближе друг к другу, чем менее сходные. В некоторых случаях схематичность расположения определяется также чисто графическими причинами; так, при мелком масштабе многочисленные московские памятники неизбежно должны занять на карте довольно большое пространство вокруг Москвы (аналогично и с новгородскими памятниками). Существенно, однако, что при всех элементах условности в расположении памятников на карте это расположение на всех наших картах одинаково (эталоном здесь служит карта 2).

Линии на карте, ограничивающие группы памятников с тем или иным акцентным свойством, мы будем именовать *схематическими изоглоссами*. В отличие от настоящих изоглосс, схематические изоглоссы по целому ряду причин (элементы условности в размещении памятников на карте, слишком большие пустые пространства между ними, разновременность памятников) не могут претендовать на географическую точность. Более того, например, схематические изоглоссы, разделяющие московские памятники, не соответствуют вообще никаким границам на местности. Таким образом, схематические изоглоссы, строго говоря, должны рассматриваться прежде всего как средство наглядной классификации памятников по различным акцентологическим признакам; никакая таблица не может сравниться с ними по наглядности. Лишь на следующем шагу анализа допустимо строить на основе схематических изоглосс предположения о виде реальных изоглосс рассматриваемой эпохи.

Понятно, что разрежение сетки пунктов приводит к меньшей потере информации там, где картографируемая территория распадается по рассматриваемому признаку на малое число (в идеале два) крупных связанных массивов с не слишком извилистыми границами. Например, карта современного великорусского аканья и оканья, составленная на основе сетки из 50—70 пунктов, конечно, показала бы общий принцип географического распределения этих явлений (хотя граница получилась бы при этом весьма неточной). Напротив, для явлений со сложным, «чересполосным» распределением разреже-

ние сетки может привести к совершенно искаженной картине. Соответственно, в настоящей работе мы считаем целесообразным прибегать к картографированию лишь в тех случаях, где вырисовываются достаточно крупные цельные массивы памятников с одинаковой акцентной характеристикой.

Отметим некоторые дополнительные условности, соблюдаемые при картографировании. Точкой памятника на карте считается самый левый из условных знаков, относящихся к этому памятнику (обычно это кружок); таким образом, схематическая изоглосса должна правильно обходить только этот левый знак. Схематическая изоглосса, проведенная через сам этот знак, показывает, что в памятнике нет соответствующего материала. Там, где схематическая изоглосса должна быть сильно искривлена, чтобы «захватить» памятник XIV в. (Чуд. или Мер.), и есть основания полагать, что в XIV в. она проходила иначе, чем в XVI—XVII вв., памятник XIV в. заключается в знак незамкнутого круга (так наз. «хронологическая ниша») и схематическая изоглосса только подходит к этому кругу, но не охватывает его (см., например, карты 6, 14, 15). При пересечении значительного пустого пространства схематическая изоглосса проводится по возможности вдоль границ географических районов.

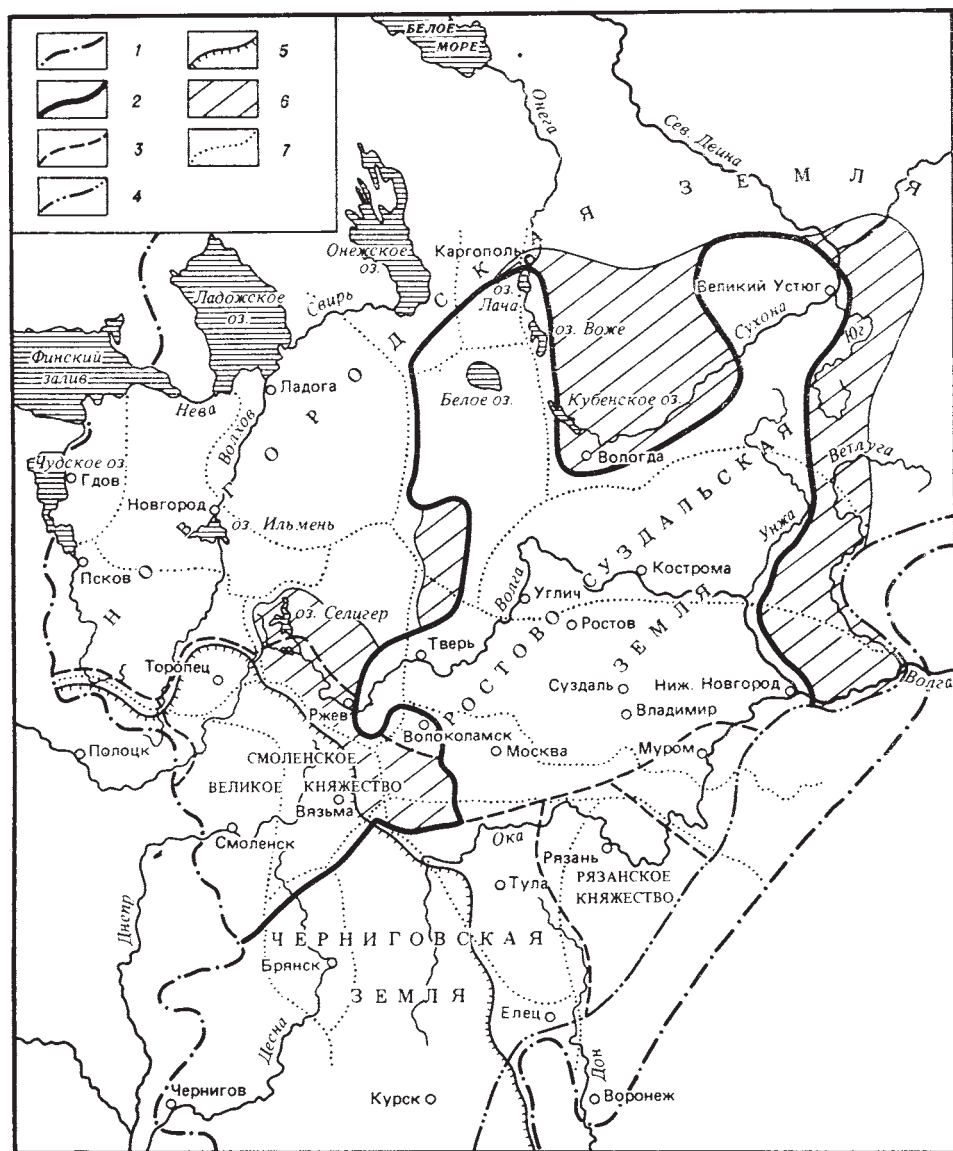
Основные условные знаки, применяемые на картах, — кружки и треугольники. Покажем используемую символику на примере кружков (допустим, они отражают акцентуацию определенного класса словоформ):

- — 1-й тип акцентовки;
- — 2-й тип акцентовки;
- ⊖ — колебание (с равновесием обоих типов или с незначительным преобладанием одного из них);
- ⊙ — господство 1-го типа акцентовки с небольшими отклонениями в сторону 2-го;
- ⦿ — обратное соотношение.

Знаки уменьшенного размера показывают, что материал памятника по данному пункту очень мал (1—2 примера; до трех в случае колебания). Таким образом, при конкретной карте в принципе достаточно указать, что такое 1-й и 2-й типы акцентовки; дополнительные разъяснения даются лишь там, где условным знакам приписаны значения, в чем-либо отклоняющиеся от приведенной общей схемы.

Карты 1 и 2 содержат основные историко-географические и диалектологические сведения, необходимые для понимания остальных карт.

На карте 1 показаны границы основных земель и княжеств (на территории будущего Московского государства) в первой трети XIII в., т. е. перед татаро-монгольским нашествием. Выделена черным граница между Новгородской и Смоленской землями, с одной стороны, и Ростово-Суздальской, Рязанской и Черниговской, с другой (поскольку она сыграла существенную роль в последующем формировании диалектных групп, ср. ниже). Показана также восточ-

Карта 1. Политическое деление древней Руси и современное диалектное членение русского языка:

1 — граница Московского государства к 1550 г. (все прочие границы показаны только внутри этой); 2 — граница между Новгородской и Смоленской землями, с одной стороны, и Ростово-Суздальской, Рязанской и Черниговской землями, с другой, в первой трети XIII в.; 3 — прочие границы между землями и княжествами в первой трети XIII в.; 4 — общая восточная граница русских княжеств в первой трети XIII в.; 5 — восточная граница Литовского великого княжества в 1462 г.; 6 — новгородские и смоленские земли, отошедшие к Московскому великому княжеству до 1462 г.; 7 — границы групп современных русских говоров. См. также дополнительные пояснения в § 3.33.

ная граница Литовского великого княжества в эпоху его максимальной экспансии (XV в.).

С другой стороны, на карту 1 нанесены (пунктиром) границы групп современных русских говоров (см. Рус. диал., карта-вкладка). Фактически показаны следующие группы или подгруппы (на карте они опознаются по городам или озерам, находящимся на их территории): Новгородская, Гдовская, Псковская, Селигеро-Торжковская, Ладого-Тихвинская, Онежская, Лачская, Вологодская, Белозерская, Костромская, Владимиро-Поволжская, восточные среднерусские акающие говоры (Москва), Западная (Смоленск), Верхне-Днепровская (Вязьма), Верхне-Деснинская (Брянск), Тульская, Рязанская и Курско-Орловская (вместе с примыкающими к ней с запада и с востока межзональными говорами). Таким образом, карта 1 дает общее представление о том, в какой степени современные диалектные группы могут быть соотнесены с древнерусскими политическими объединениями.

Карта 2 демонстрирует распределение памятников, использованных в настоящей работе, по географическим районам (не нанесены на карту лишь некоторые сравнительно мало используемые памятники из числа дополнительных). Для каждого памятника показано, на основании какого рода сведений он отнесен нами к соответствующему географическому району; об элементах условности в помещении памятника внутри географического района см. выше. С помощью шрифта различены памятники, относящиеся к разным периодам. Специально отмечены памятники, различающие /э/ и /ѣ/.

Карта 2 показывает также само членение на географические районы, используемое нами везде в дальнейшем (названия районов условны). Как видно из сравнения с картой 1, это членение в основном представляет собой лишь некоторое укрупнение сетки современного диалектного членения. Прочие отличия незначительны: волоколамские и торопецкие говоры включены в ближнезападный район, территория к востоку от Унжи — в район дальнего северо-востока.

Наконец, на карте 2 показаны основные итоги классификации акцентных микросистем, отраженных в памятниках. С этой точки зрения выделяется два основных класса микросистем, которые образуют соответственно восточную и западную зоны; их границы показаны на карте жирными линиями. Между этими границами находится промежуточная полоса, включающая некоторое число микросистем переходного типа (при этом Мер. образует «хронологическую нишу», см. выше). Каждая из двух главных зон делится на основную часть и кромку. Акцентные микросистемы основной части зоны воплощают относительно чистый диалектный тип; микросистемы кромки обнаруживают некоторое число акцентных черт, свойственных противоположной зоне. Как видно из карты, кромки зон довольно узки на юге и в центре, но чрезвычайно расширяются на севере; северная часть

кромки восточной зоны охватывает почти весь дальний северо-восток. Территория, состоящая из двух кромок и промежуточной полосы, может быть названа также *широкой промежуточной полосой*.

Границы зон и их основных частей, нанесенные на карту 2, представляют собой результат некоторого «усреднения» тех разбиений, которые получаются на картах, посвященных частным акцентологическим характеристикам памятников. Широкая промежуточная полоса — это не что иное, как «полоса схематических изоглосс», т. е. территория, покрываемая пучком многочисленных схематических изоглосс, отделяющих восточный тип акцентовки того или иного класса словоформ от западного; см. ниже карты 3—20.

Из сравнения карт 2 и 1 видно, что основная часть восточной зоны в целом соответствует Ростово-Суздальской и Рязанской землям, а основная часть западной зоны — Смоленской и ядру Новгородской земли. Территория севера, где столкнулись новгородский и ростово-суздальский колонизационные потоки, вошла в широкую промежуточную полосу (т. е. акцентные характеристики здесь более размыты).

На всех последующих картах без дополнительных разъяснений даются, во-первых, границы Московского государства к 1550 г. (см. карту 1), во-вторых, границы выделяемых нами географических районов (пунктиром; см. карту 2).

АНАЛИЗ УДАРЕНИЯ В НЕКОТОРЫХ ВАЖНЫХ ЗВЕНЬЯХ СТАРОВЕЛИКОРУССКОЙ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

§ 3.34. В настоящем разделе разбирается акцентуация некоторых морфологических классов словоформ, точнее, их подклассов, соответствующих той или иной акцентной парадигме (например, Т. мн. *i-feminina* а. п. с, *v*-причастия *V*-корневых глаголов а. п. с и т. п.). Дать подобный разбор для всех таких классов не позволяет ни объем настоящей работы, ни характер собранного нами материала (где одни классы отразились с удовлетворительной полнотой, другие же очень неполно). Ниже для анализа выбраны классы словоформ, акцентуация которых оказывается существенной характеристикой конкретной акцентной микросистемы; практически разбор чаще всего касается слов а. п. с. Наибольшее внимание уделено акцентным особенностям, соотнесенным с достаточно четко очерченной территорией, т. е. имеющим непосредственное диалектологическое значение.

В основу анализа положен разбор конкретных микросистем; при этом наиболее подробно изучаются те из них, которые содержат максимум материала по рассматриваемому вопросу. Для каждого анализируемого класса словоформ предварительно выявляются по-

бочные факторы, влияющие на акцентуацию тех или иных словоформ данного класса; отделяются лексемы, обнаруживающие индивидуальные колебания или иные особенности. Тем самым вычленяется некоторое ядро рассматриваемого класса («основной материал»), которое наиболее непосредственно отражает собственную диалектную характеристику конкретной микросистемы. Указанная схема анализа позволяет во многих случаях обнаружить достаточно четкое диалектное распределение акцентов там, где чисто «словарный» подход к материалу (от словоформы ко всем примерам ее фиксации в памятниках) оставляет лишь обескураживающее впечатление безграничного и беспорядочного акцентного варьирования.

При анализе в центре внимания везде находится акцентная эволюция целых классов словоформ (и диалектные различия в этой эволюции), а не индивидуальные особенности отдельных лексем. В самом деле, эти особенности смогут быть правильным образом оценены лишь после того, как будет проделана более «грубая» работа по выявлению соответствующих массовых фактов. Поскольку в данной области пока еще известно очень мало, мы вынуждены в основном заниматься ниже именно подобной «грубой» работой.

При изложении результатов анализа приводится в первую очередь материал наиболее показательных и хорошо документированных микросистем. Материал микросистем, вполне сходных с образцовыми, но документированных слабее, может и не приводиться. В тех случаях, когда дана карта, часть информации (касающаяся относительно менее важных памятников) передается непосредственно картой и в тексте уже не дублируется.

В разборе часто фигурирует противопоставление флексийного и наосновного ударения. Специально отметим, что при этом в понятие наосновного ударения в качестве частного случая включается также энклиноменная акцентовка, предполагающая перенос ударения на проклитику. Для презенса флексийное ударение понимается уже в том же смысле, что для современного языка, т. е. как ударение на *-ешь*, *-ишь*, *-етъ*, *-итъ* и т. д. Там, где существенно различать синхронически наблюдаемую (в рассматриваемой микросистеме) и первоначальную (раннедревнерусскую) а. п. некоторого слова, последняя обозначается как его «историческая а. п.».

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

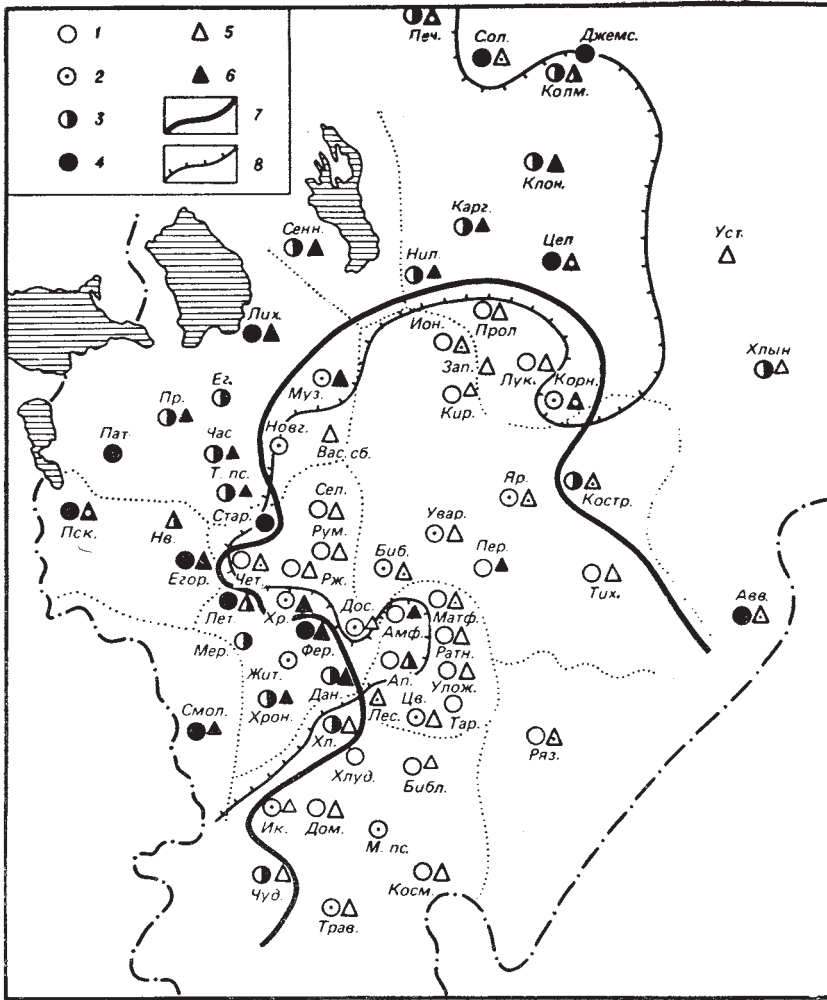
Дефинализация ударения в склонении существительных а. п. в

§ 3.35. Дефинализация ударения в словоформах ед. числа существительных а. п. *в* образует важнейший частный случай неустойчивой дефинализации (см. § 3.9) и может служить мерилем ее распространенности в конкретной микросистеме. Из карты 3 видно, что дефинализация в ед. числе существительных а. п. *в* имеет четкую

географическую границу, а именно, она характерна для западной зоны и дальнего северо-востока. В памятниках основной части восточной зоны (кроме Костр., примыкающего в этом отношении к дальнему северо-востоку) данное явление отсутствует или представлено совершенно единичными примерами.

Положение в памятниках Пат. и Цел., отличающихся особенно яркой дефинализацией, продемонстрировано выше, в § 3.10. В прочих памятниках рассматриваемое явление представлено не столь широко. Так, например, в Лет. находим: *по днѣпру* 70, 73б, *ω днѣпрѣ* 83б, *дѣака* 367, *дѣяка* 262, *на кони* М. ед. (3×), *в корабли* 73, *в торжкѣ* М. ед. 175б; *віна* Р. ед. 32, *на лицѣ* М. ед. 41; *доузѣ* Д. ед. 133, *літва* 149б, *тѣга* 282б, *в... тѣзѣ* 262 (+226); менее показательны словоформы В. ед. (поскольку здесь не исключено влияние со стороны а. п. с) — *вращѣу* 127б, *в літву* 367, *в літвѣ* 267, *в мѣрѣ* 209, *на мѣрѣ* 150. Но во всех этих случаях много чаще выступает флексивное ударение. Лексикализованную дефинализацию можно предполагать в регулярно выступающих в Лет. *пѣста*, *-у*, *ѡка*, *-и*, *-ѣ*, *-у*, *-ю* 'Ока'. Другие образцы. Фер.: *огню* 532б, *по роублю* 755б, *сѣрна* 996б, *гумно* 982б, *сѣстра* 809, *слоугѣ* 992б, возможно, сюда же *о полѡнѣ* 79б, *чѣсы* В. мн. 970, *ѡцу* 'отцу' 519б, *кѡніе* 521, *кѡніа* Р. ед. 523, *рѡта* И. ед. 507, *тѣба* 497б. Пск.: *грѣха* 260, *кѣ вращѣу* 172, *зміа* Р. ед. 62б, 169б, *в корабли* М. ед. 281б, *без соуда* 112, *бес троуда* 104, *оума* 89, *ω оума* 222, *оуму* 7, *во оумѣ* 25б, *ω вінѣ* 'vinum' 133, *срѣбро* 60б, *-а* 60б, *число* 57, *зміа* И. ед. 174б, *-и* Р. ед. 187, *сатѡна* 98, *слоуга* 105б; возможно, сюда же *ѡца* Р. ед. 218, 225б, *кѡніа* Р. ед. 141 и ряд других; лексикализованную дефинализацию можно предполагать в *ѡгна*, *-ю*, *-емь*, *-и* М. ед. (14×; флексивное ударение не встретилось), в непослдовательной форме также у некоторых других слов. Авв.: *дворѡ* 208, *ко дворѣ* 201, *дурѡка* 31, *по живѡту* 278, *у... кольдѣна* 225, *ѡлтѡрѣ* 206б; *по... лицѣ* 157, *мѣсца* Р. ед. 218б; *у двѡвы* 199, *главы* Р. ед. 79б, *главѣ* Д. ед. 218, *к жѣнѣ* 237б, *пелѣны* Р. ед. 265б, *прѡстѡты* Р. ед. 35, *на тѣрмѣ* 37, *в тѣрмѣ* 89б. Как и в Лет., во всех этих памятниках в тех же словах (кроме оговоренных случаев) гораздо чаще выступает флексивное ударение. Сходные примеры (в таких же или несколько меньших количествах) обнаруживаются и в других памятниках, отмеченных соответствующими знаками на карте 3.

Что касается самых ранних памятников, то в Мер. отражением дефинализации можно считать, во-первых, написания *бервьно* (1×), *вино* (3×), *гнѣздо* (1×), *гумно* (2×), *число* (2×), *лѡто* (4×), *мѣрѣ* (1×), *зѣло* (4×), где конечное *-о* вместо ожидаемого *-ω* представлено заметно чаще, чем в среднем по Мер. (18 *-о* на 28 *-ω*, см. Акц. Мер., § 28, 51), во-вторых, *живѡта* Р. ед. 122б (при обычных

Карта 3. Дефинализация ударения в склонении существительных а. п. б, ударение в Т. мн. на -ьми у существительных а. п. с:

1 — в ед. числе непр производных существительных а. п. б примеров предфлексии ударения (*добра, число, жена* и т. п.) нет (слова с колеблющейся а. п. не в счет); 2 — отмечено 1—2 примера такого ударения; 3 — отмечено 3—10 таких примеров; 4 — отмечено более 10 таких примеров; 5 — Т. мн. на -ьми у существительных а. п. с по модели *костьми* (не в счет словоформы: *людьми*; книжные *вещьми, кровьми, лбсьми, страсьми*; многосложные с начальным ударением, например *пбхотьми*); 6 — Т. мн. на -ьми у существительных а. п. с по модели *костьми* (не в счет те же группы словоформ); 7 — граница между зоной, где ударений типа *добра, число, жена* нет или почти нет (1—2 примера), и зоной, где они встречаются; 8 — восточная граница зоны преобладания или значительного распространения модели *кбсьми* в Т. мн. на -ьми.

живота, *-у*, *-ѣ* и т. д.). Относительно возможных отражений дефинализации в Чуд. см. § 3.14 (п. 2).

Рассматривая дефинализацию в склонении существительных а. п. *б* только на материале словоформ ед. числа, мы избегаем трудностей, связанных с тем, что в словоформах мн. числа (например, *чѣсла*, *слѹги*, *жѣны*, *кѣни*) предфлексивное ударение может иметь иной, а именно чисто морфологический источник. Это не значит, конечно, что во мн. числе дефинализации не происходило; просто здесь ее труднее надежно опознать. Так, вполне вероятно, что Лих. *бѣды* В. мн. 32а, Фер. *жѣны* В. мн. 771 и некоторые другие подобные примеры отражают всего лишь неустойчивую дефинализацию (ср. § 3.49).

М. ед. в а. п. с

§ 3.36. Акцентологические характеристики М. ед. на *-у* (у и- и о-masculina) и М. ед. на *-и* (у i-feminina) в значительной мере сходны. Как можно видеть из карты 4, основной принцип диалектного распределения состоит в том, что в западной зоне ударение в этих формах наосновное, а в восточной — преимущественно флексивное. При этом модель *в нѣчи* встречается в восточной зоне заметно чаще, чем модель *в дѣму*; в частности, она распространена почти на всем северо-востоке.

Наосновное ударение в М. ед. — это почти всегда ударение энклиноменного типа, т. е. на начальном слоге фонетического слова (например, *в нѣмоци*, *на части*, *в нѣру*, *о миру*), с факультативной неоттяжкой ударения на предлог (например, *о крѣви*, *на бѣрегу*) в микросистемах, где оттяжка на проклитики уже перестала быть регулярной. Лишь в очень редких случаях встречаются ударения типа *на площáди*, *в черѣпу*, которые явно возникли из конечного ударения путем дефинализации (конечно, в части случаев такой же источник могут иметь и ударения типа *в чѣсти*, *в нѣру*, но этого нельзя выявить).

В XVI—XVII вв. в восточной зоне обнаруживается также зависимость акцентовки М. ед. на *-у* и на *-и* от нескольких дополнительных факторов.

1. При наличии определения между предлогом и существительным вместо акцентовки *домѹ*, *ночѹ* обычно выступает *дѣму*, *нѣчи*, например, *в домѹ*, но *в томѣ дѣму*, *в чѣстѹ*, но *в великои чѣсти* (у существительных мужского рода сочетания типа *в томѣ домѹ* могут устраняться и другим путем — заменой окончания *-у* на *-ѣ*, например, *в томѣ дѣмѣ*).

2. При неодносложной (не за счет полногласия) основе в большинстве памятников вместо флексивного ударения выступает наосновное, например, *в бѣстровѹ*, *в нѣмоци* (а не *в островѹ*, *в немощѹ*).

3. В части памятников уже действует (хотя и не вполне строго) семантический фактор: в локативном значении представлено флекси-

онное ударение, в нелокативном (так наз. «изъяснительном») — наосновное. Например, оказываются противопоставленными *в пеци* и *б пеци* (*о пѣци*), *в честѣ* и *о чѣсти* и т. п. Возможно также противопоставление при одном и том же предлоге, например: *да омочитя нога твоя в кровѣ* (в псалме 67) и *кая польза в крѣви моеи* (в псалме 29); именно такая акцентовка представлена в этих фразеах, например, в Биб. Действие данного фактора заметно прежде всего в М. ед. на -и; но его можно усмотреть (хотя и не в столь отчетливой форме) также и в М. ед. на -у, ср., например, в Лет. *на мирѹ* 'во время мира' (3×), но *ѡ миру* (23×).

4. Некоторые сочетания книжного характера могут выступать с наосновным ударением даже в микросистемах, в целом характеризующихся флексионным ударением. Таковы прежде всего сочетания *в плѣти* (*вб плоти*), *в брани* (*вб брани*), *на брани*, *в страсти* (*вб страсти*), *в вѣщи* 'в сущности', 'по существу'. Заметим, что сама вокализация исконного ъ в предлоге в таких сочетаниях (противоречащая обычным древнерусским нормам эволюции редуцированных) является дополнительным указанием на их книжный характер.

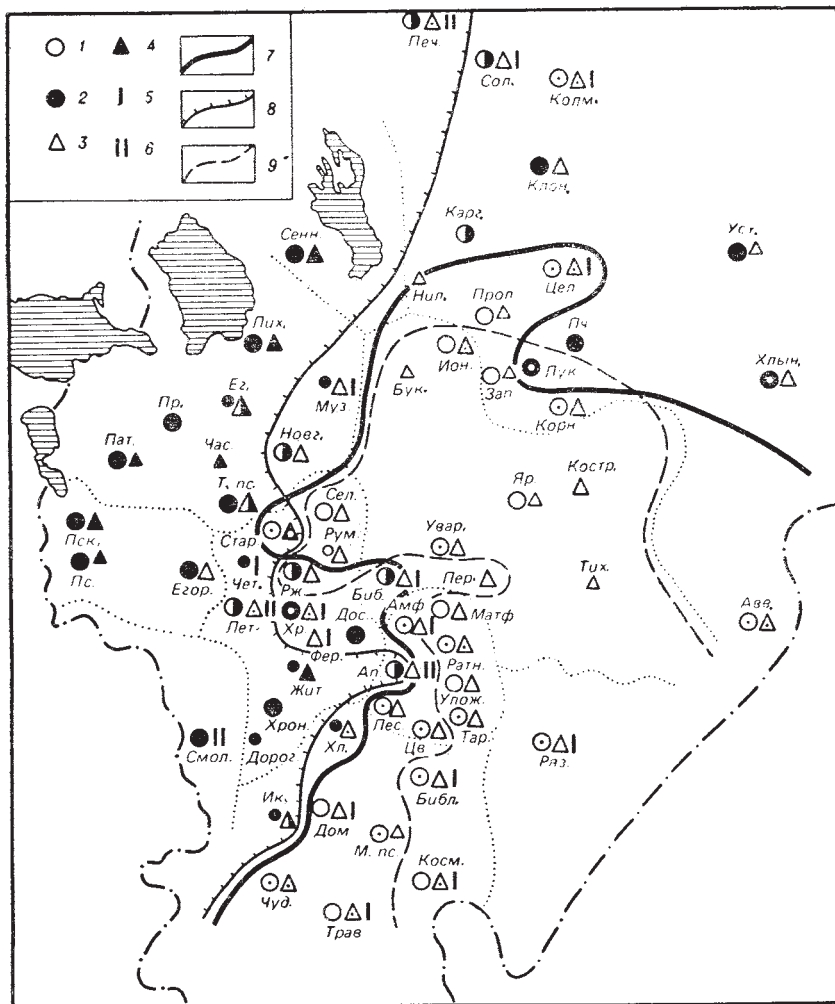
5. Наконец, для сочетаний с предлогом *по* 'после' необходимо учитывать отмечаемые уже с очень раннего времени случаи взаимного влияния акцентовки дательного и местного падежей, т. е. примеры типа *пб страсти* 'после мучения' (вместо *по страстѣ*) под влиянием *пб страсти* 'по мучению', 'в соответствии с мучением' и, наоборот, *по властѣ* 'по области' (вместо *пб власти*).

Таким образом, при анализе конкретных микросистем необходимо различать основной материал по М. ед. (т. е. такой, где не действует ни один из перечисленных выше особых факторов, способствующих наосновному ударению) и дополнительный (где хотя бы один из этих факторов действует). С диалектологической точки зрения основной материал всегда является показательным; напротив, дополнительный материал показателен обычно лишь в случае флексионного ударения.

Ниже рассматривается материал памятников. При этом в первую очередь всегда приводятся слова исконной а. п. с. К ним могут быть добавлены и те, которые перешли в эту а. п. именно в данной микросистеме (при необходимости они могут быть выделены пометой «вторичное»). Иногда сверх того приводятся также (с указаниями «еще», «ср.» и т. п.) слова с неизвестной или неустойчивой а. п. В микросистемах, где отдельно дан основной и дополнительный материал, первый приводится без особой пометы, а второй вводится пометой «дополн.».

М. ед. на -и

§ 3.37. Микросистемы с моделью *в ноци* (основной и дополнительный материал дается вместе, поскольку здесь между ними нет различия). Сенн.: *вѣ веси* 176б, 176в, *вѣ плоти* 45г, 100г, 203в, *вѣ брани* (М. ед.?) 128б, *прикосноуся* (аор.) *рѣза^x х^сважъ сѣ же е^с*

Карта 4. Ударение в М. ед. существительных а. п. с:

1 — в основном материале (§ 3.36) ударение по модели *ночи*, 2 — по модели *ночи*; 3 — в основном материале ударение по модели *дому*, 4 — по модели *дому*; 5 — в дополнительном материале встречается ударение по модели *дому*; 6 — в дополнительном материале господствует ударение по модели *дому* (знаки 5 и 6 не ставятся, если при этом в основном материале модель *дому* преобладает или достаточно распространена); 7 — основная восточная и южная границы зоны преобладания или значительного распространения модели *ночи* в основном материале; 8 — основная восточная граница преобладания или значительного распространения модели *дому* в основном материале (или господства этой модели в дополнительном материале); 9 — граница той части восточной зоны, где отсутствуют примеры наосновного ударения в М. ед. а-склонения.

плѣти его 165а, *о... вѣщи* 85а, 140а, *о... чѣсти* 24г. Лих.:
в но́щи (5×), *в пѣщи* 152г, *въ плѣти* 163г, *в по́мощи* 220а,
въ... вѣщи 76в, 200г, *ѡ... вѣщи* 130б, *въ чѣтѣ съвѣсти* 24г. Т. пс.:
в но́щи 46, 100, 127б, *в нѣщи* 16, *въ крѣви* 52, 75, *в чѣсти* 69,
въ чѣсти 66б, *во брани* 48, *в по́мощи* 104, *въ... совѣсти* 22б (особо

въ плѣти 60б). Егор.: в нѣщи (часто), въ крѣви 379, в чѣсти 354, въ плѣти 98, 159б, 427б, ѡ плѣти 36 ter, ѡ страсти 250, ѡ чѣсти 467, въ... нѣщи 294б, ѡ... вѣщи 301б bis, 461б, ѡ... нѣмоци 218 bis (особо на... плѣти 163б, 164, 560б). Пск.: в нѣщи (4×), в пѣщи 315, въ стрѣсти 141б, во стрѣти 118б, на брани 59б, во плѣти 135 bis, 137б, ѡ вѣщи 20, 176б, в нѣмоци 139б, въ... вѣщи 115, 188, в... стрѣсти 82б, въ... чѣсти 162. Дос.: в нѣщи 52б, 119б, 151 (с неясной каморой), во власти 83б, на брани 171б, ѡ вѣщи 261, ѡ... вѣщи 51. Смол.: въ крѣви 28б, 31б, 44б, во... ѡбласти 103, 103б. Аналогично и в ряде других памятников (но в них материала меньше); см. карту 4.

Весьма близка к чистой модели в нѣщи микросистема Хр.: в нѣщи же 1251б, в дѣбри 547, в крѣви 953б (+317), на плѣти цареве 1000б, в чѣсти 560, 1183, на чѣсти 1012 (+1011б), также по трѣтѣи нѣщи 106б, во... чѣсти 1211б quater и т. п.; отклоняется только в ноцѣ 702б. Аналогично: Лук. в нѣщи (часто), в вѣси 195б — в весѣ 189б; Хлын. в нѣщи (часто), в пѣщи 125, во плѣти 272б, в плѣти 183 (отметим еще на твѣрди 117б) — во льстѣ 151 (+153б).

Микросистемы с моделью в ноцѣ. Прежде всего сюда относится Чуд.: въ благости 118б, в вѣщѣ 133в, о всякой вѣщѣ 10в, о власти 119г, в кровѣ 13а, о кровѣ 39б, о его кровѣ 100г, о моеи кровѣ 113а, в кротостѣ 81б, 139в, о крѣпостѣ 85в, во лстѣ 87б, во всякой лстѣ 135а, о лстѣ 92а, в немощѣ 43в, 108г, 120г, в ноцѣ 133г, в ноцѣ 87г, въ областѣ 136в, в плѣти 90а, 124б, 125в и др. (часто), на плѣти 100б, на площади 153в, в похотѣ 86в, въ чѣстѣ свѣстѣ 136б, в чѣстѣ сеи 119в, в сеи частѣ 117б, ни во чѣстѣ коеи 131б (отметим еще о дщери 31б). Отклоняются только: в пѣщи ражженѣ 149б, в плѣти 128б, о еже по тѣлоу нѣмоци 116б. Как можно видеть, в Чуд. еще почти не ощущается различия между основным и дополнительным материалом.

В XVI—XVII вв. в значительном числе памятников в основном материале всегда или почти всегда выступает флексивное ударение, а в дополнительном наосновное или смешанное. Таково большинство памятников восточной зоны, в частности, все памятники ее основной части (подробнее см. карту 4). Приводим несколько наиболее наглядных микросистем. Ион.: в ноцѣ (часто), в пѣщѣ 155, 230 (+49, 185), в частѣ 51; дополн.: в... власти 528б, о... чѣсти 116б, ереси 487б, въ прѣлести 615, о вѣщи 8б, о чѣсти 124, по стрѣти 363б, по прелести (скорее М., чем Д.) 615; с другой стороны, в болшеи чѣстѣ 119, в немощѣ 153б, въ брани 312. Увар.: в ноцѣ 689, 731б, 839б (но также в нѣщи 737б), въ клетѣ 837б, въ кровѣ 28 (+49б), во ржѣ 601б; дополн.: въ едѣ власти 709, во... чѣсти 70, в... вѣщи 700, о... вѣщи 679б и др., в нѣмоци 689, в крѣви моеи 512 (изъяснительное значение), на брани 244б (сюда же устаревшее к XVI в.

в *вѣрви* 'в общине' 803б), *пó стрѣти* 'после мучения' 560. Косм.: в *ночѣ* 4б, в *честѣ* 177 (отметим еще в *русѣ* 32б, в *рознѣ* 164, в *западѣ* 83б, в *западѣ* 77); дополн.: в... *части* (5×: 20б, 24б и др.), во... *шѣрсти* 135б, в... *рѣчи* 77б (+114), во... *ѡбласти* 11б; с другой стороны, *ѡ данѣ* 97. Дом.: в *ночѣ* 94б, в *грязѣ* 93б, на *печѣ* 102 bis, во *чтѣ* 32б, на *властѣ* 42 (ср. еще в *сушѣ* 81б); дополн.: *ѡ со́ли* 118б, *ѡ пóмощи* 17б. М. пс.: в *нощѣ* 44б, 82, 115б, 132, 139 (но также в *нощѣ* 19б, в *нощи* 13), в *грязѣ* 71, в *дебри* 62, в *кровѣ* 70 (+27б), в *пещѣ* 170, в *честѣ* 52 (+51); дополн.: в *пóмощи* 100б (не говоря уже о таких, как в *крѣпости* 27, в *гóрдости* 29б), *ó пещи* 170, в *крóвѣ* 60б (изъяснительное значение); с другой стороны, в *бранѣ* 22б, 98б, *въ плóти* 39, в *плóти* 39 (ударение над *о* зачеркнуто). Авв.: в *нощѣ* (7×), в *грязѣ* 62 (но также в *грязи* 225б), в *крóвѣ* 153б, на *лошедѣ* 202б, в *немощѣ* 142б, в *пещѣ* 135, в *печѣ* 225, 245б, на *печѣ* 225, на *чепѣ* 62, 206 bis, 247 (отметим еще на *русѣ* 219, 242б, на *ѡбѣ* 237б, во *цркви* 198, в *паметѣ* 204). Только дополнительный материал представлен в Костр. (в частности, *ѡ вещи* 136б, *въ стрѣсти* 139б) и Пер. (в частности, *о вѣщи* 153б, в *вѣщѣ* 'по существу' 152б, *во плоти* 285б).

Несколько отличается от рассмотренной группы Цел. (но и здесь акцентовка восточного типа преобладает): в *нощѣ* (часто), в *ночѣ* 268, в *печѣ* (часто), на *печѣ* 83б, 267, *при печѣ* 59 (+189), на *волотѣ* 96б; с другой стороны, в *ночи* 21б, в *пѣчи* 85, 97, 158, в *чѣсти* 10; особо стоит на *лошадѣ* 159б (вероятно, результат дефинализации); дополн.: в... *пѣчи* 43, *ѡ... крóви* 214, в *немощѣ* 138, *о крóви* 214 (+253), *о рѣчи* 27, *о пóхоти* 27б, 165; с другой стороны, в... *печѣ* (8×: 93, 117б и др.), в *немощѣ* 113, *о кровѣ* 214.

В нескольких памятниках в основном материале оба типа акцентовки встречаются одинаково часто или слегка преобладает наосновное ударение. Таковы Леп., Новг., Карг., Ап., Биб., Рж., Печ., Сол. Приводим образцы микросистем этого типа (дополнительный материал ради краткости дается лишь выборочно). Леп.: во *тверѣ* (7×: 141, 166б и др.), *въ тверѣ* 246б, 28б, в *тверѣ* 184, 18б, на *тверѣ* 170б, 17б, 263б, на *площади* 197б (не вполне надежно), в *болестѣ* 51 (ср. еще в *шертѣ* 40б, на *весѣ* 'на вѣсах' 70б, на *ловотѣ* 'на Ловати' 49, на *пермѣ* 70б, на *стырѣ* 47, в *казнѣ* 49б) — в *нощи* (часто), *въ тверѣ* 6, на *земи* 41, в *крóви* 219б (+155б), в *немощѣ* 3б, во *ѡбласти* 239б, *въ ѡсени* 73 (ср. еще в *русѣ* [часто], на *нѣрли* 112); особо стоит на *лошадѣ* 400 (результат дефинализации). Биб.: в *нощѣ* 334б, 421б, 460, *въ кровѣ* 381б, *въ плóти* 5, 453б, на *плóти* 20 (ср. еще на *плѣши* 75б bis, на *твердѣ* 392) — в *нощи* 423б, 425б, 42б, *въ власти* 343, в *дебри* 121, 468, 473, в *части* 223, в *чѣсти* 376б, 465, в *чѣсти* 377б, также много дополнительного материала (на *брани*, *въ брани*, *ѡ вещи*, *въ кровѣ* [изъясни-

тельное] и т. д.; сюда же *въ бл̄гости* 393). Печ.: *в ноцѣ* 233, 365б, *въ... ноцѣ* 37, 37б, 42 (+16б), *въ тверѣ* 398б, *на бранѣ* 173б bis, также вторичное *во... ратѣ* 537, *по... ратѣ* 'после битвы' 148 — *в ноци* (7×), *в... ноци* (3×), *в вѣси* 158б, 17б, 269, *в пѣщи* 443б, *в чѣсти* 546б, *во ѡбласти* 501, 516б, *о вещи* 354б, *о страсти* 128б, 142, *о части* 291, *о похоти* 428, *во плоти* 112б, *по страсти* 209б.

М. ед. на -у

§ 3.38. Разбор проводится по той же схеме, что для М. ед. на -и (не учитывается *полу*, входящее в состав сложений типа *полудне*, поскольку их ударение подчиняется особым правилам).

Модель *в дѡму*. Сени.: *в мѣру* 115а, *въ чину* 70в. Лих.: *в дѡму* 116а, *в чину* 109а. Час.: *в мѣру* 23б, ѡ... *рѡду* 199б. Пат.: *в дѡмоу* 618г. Пск.: *в мѣроу* 72б, 122б, *в рядоу* 200. Жит.: *в дѡмоу* 279 (+275), *въ... чиноу* 302. Только дополнительный материал представлен в Чет. (*на тѡмъ полу* 18) и Смол. (*в... рѡду* 129б, *въ... сѡну* 83, *в... чину* 58, *о... чину* 81, 85). Та же модель с единичными отклонениями: Т. пс. *въ стѡну* 11б, *в дѡму* 134б, но также *в домѣ* 148; Ег. *в дѡмоу* 33, 197, но *в дѡмоу* 43; Стар. *в дѡму* (очень часто: 7б, 8б, 9б и др.), но *в домѣ* 32. Сравнительно близко к этой группе стоит Ик.: *во гробоу* 67б, 86б, *въ гробоу* 70, 88б, 93б, *въ ѡблакоу* 80б — *во гробоу* 77, *на мостоу* 90б.

Из микросистем с моделью *в домѣ* необходимо прежде всего указать Чуд. За одним исключением (*в дѡмѣ* 6б), здесь представлено последовательное флексивное ударение как в основном, так и в дополнительном материале: *в домѣ*, -оу (16×), *на домоу* 145в, *в томъ же домѣ* 32в, *въ велицѣ же домѣ* 139б, *в мирѣ* 81а, *въ | мироу* 89а/б, *в рядоу* 142б, *в чиноу* 25г, *въ своеѣ чиноу* 115а (отметим еще *низоу* 'внизу' 59г).

Среди памятников XVI—XVII вв. выделяется группа со строго соблюденным флексивным ударением. Таковы: ближний северо-восток — Увар., Бук., Костр., Пер., Тих.; дальний северо-восток — Нил., Прол., Корн., Клон., Хлын.; ближний запад — Рум., Рж., Сел.; Москва — Лес., Тар., Цв., Улож., Матф.; юг — М. пс.; прочие — Новг., Егор. (следует учитывать, правда, что в некоторых из этих памятников мало материала). Приводим образцы микросистем. Увар.: *в домѣ* (часто), *в наймномъ домѣ* 684 (аналогично 300, 723б, 724б, 731 и др.), *в пиру* 429, 804, *в коемъждо родѣ* 598, *въ... чинѣ* 305 (отметим также *въ ездѣ* 618, *в римѣ* 495). Улож.: *на... воскоу* 237 и др., *в домѣ* 57б, 153, 318 и др., *в томъ домѣ* 318б, *в долгоу* 145, 146 и др., ѡ *долгоу* 21б (+313б), *на донѣ* 51б, ѡ *кормѣ* 51, *в лѣсоу* 20, 158 и др., *на... станѡу* 84б (отметим еще *на боѣ*, *в боѣ* [часто], *в дѣлоу* 29, 196б, *въ полонѣ* 44б, *в садоу* 153, а также *во... искоу* [часто], *в сыскоу* 3б, 125б и др., ѡ *сыскоу* 40б [+162], *в обыскѣ* 55, 56 и др., *в откупѡу* 241б).

Чрезвычайно близок к данной группе также Авв.: *на берегу* 38, 496, 211, 216, 2286 (но один раз *на берегу* 235, где *ре* является следом дефинализации), *на бору* 396, *на броду* 102, *в году* 144, *в том году* 2826, *в дому* (часто), *во едино^м дому* 153, *в лесу* 516, 2306, *на носу* 526, 231, *на полу* 286, 68, 936 и др., *в углу* 90, 986. (отметим еще *на льбу* 2746, *на поду* 2456). Аналогичная картина в Ион. и Хл. (наосновное ударение только в Ион. *в дому* 467, Хл. *в миру* 3066); по-видимому, сюда же относится Ратн. (отклоняются только *при валу* 2046, *в страху* 172).

Далее, имеется группа памятников, где в основном материале всегда или почти всегда выступает флексивное ударение, а в дополнительном наосновное или смешанное. Таковы: Лет., Фер., Хр., Ап., Амф., Биб., Библи., Косм., Дом., Трав., Ряз., Печ., Сол., Колм. Приводим образцы микросистем. Лет.: *на броду* 82, 170, *в дому* 34, *на дону* 218, *в леду* 1226, *на леду* 3766, *на миру* 'во время мира' 1876, 1886, 2336, *на пирю* 886, *в плъну* 2796, *в стану* 148 (неясно, где ударение в *на снбгу* 1326; отметим еще *в полону* 272, *на низу* 151, *на бою* [часто], *в полку* 158, *на полку* 123) и только один раз *в пирю* 626 (ср. также *в риму* 2926). Дополн.: сочетания с определением — *ω черно^м бору*, *ω нѣмецко^м миру* 4026, *в вечно^м миру* 406, *на то^м мосту* 3196, *ω аврамли роду* 596, *в то^м сѣну* 383, *ω блуднѣ^м сѣну* 3696, *во мнѣшеско^м чину* 235, 279 (ср. еще *на то^м бою* 150), однако *во мнѣшеско^м чиню* 279 (в примерах на лл. 1346, 161 место ударения неясно), сочетания с изъяснительным значением — *ω миру* 'de race' (23×) *ω миру* 916, *о мору* 2426; сочетание с *по* 'после' — *по миру^м* 'post расет' 1806. Косм.: *на берегу* 21, 189, *в валу* 466, *в лесу* 746, *на лесу* 75, *в миру* 36, 1056, *в роду* 33, *на роду* 176, *в ряду* 1696, *на холодю* 122, *в чину* 175 (ср. еще *на бою* 153), при единичном отклонении *на берегу* 746; дополн.: *в том же году* 28, *на... острову* 296, 1786, 1816, *в... острову* 180; с другой стороны, *во всяко^м году* 416, *в то^м же лесу* 48, *в то^м острову* 1426, *во все^м чину* 576; также *о дону* 436 (ср. еще *о бою* 766). Трав.: *во зною* 1736, *в зною* 5236, *в медю* 4766, *в цветю* 1086 (отметим также *в маку* 491), колебание — *в роду* 128; дополн.: *в том цветю* 2176, *на томъ пирю* 328, *в мужескомъ полу* 477; с другой стороны, *в... цветю* 101, 1386, 3046, *о сухомъ листю* 515. Печ.: *в дому* (часто), *на берегу* 426, *в чину* 2476, 542 (ср. еще *на выгу* [5×]), при единичном *в чину* 4186; дополн.: *въ... дому* 1946, *въ... чину* 3806, *во... чину* 29, *о сну* 405, при единичном *на сѣмъ полу* 170. Укажем примеры наосновного ударения в прочих памятниках данной группы: Биб. *ω домоу* 78 (ср. *ω домоу* 78, 786), Библи. *ω дому* 993 (ср. *ω дому* 5056), *ω чину* 989, *ω чину* 547, Хр. *во сѣноу* 4126, *о сѣну* 985, *по сѣноу своемъ* 8186, Сол. *на острову* 115 (у переправлено в ѣ и, может быть, ударение поставлено уже после этой переправки), Колм. *на гробу* 129, *в браку* 151, Амф. *о... роду* 82,

Муз. на... *пóлу* 132, Фер. в... *рjадоу* 241; сверх этого встретились только в... *чjину*, в... *дóму*.

Несколько особо стоит Цел.: на *бору* 85б, в *вечеру* 145б, 153 и др., на *вороту* 104б, при *воску* 58б, в *дому* (часто), на *жару* 109, в *квасу* 91, на *лугу* 176, в *лбсу* 89, в *меду* 150б и др., в *носу* 253б, в *пару* 261б, на *плату* 96б, в *снбгу* 161б, в *соку* 168б, на *стану* 204б, в *ряду* 100, в *холоду* 118б, на *холоду* 164б и др., на *черену* 206 (отметим также в *калу* 140б, в *паху* 80, на *поду* 84, в *щелоку* 97б, 152); с другой стороны, в *дóму* 272б, в *зною* 189, 239б, в *носу* 253б, в *пару* 98б, 151, в *соку* 85б (отметим также в *гóрну* 117б, на *гóрну* 101б); явный результат дефинализации представляет собой в *черену* 41б. Дополнительный материал обнаруживает здесь почти такое же распределение, как основной: в... *жару* 37б, 129б, в... *квасу* 178б, на... *мбду* 81б, в... *пару* 75б, 158, в... *пепелу* 61, 107, 166б, на... *черену* 206б (ср. еще в... *щелоку* 97б, на... *щелоку* 88б), также о *громму* 1 (ср. еще о *опухлу* 'об опухоли' 75, о *туску* 'о тусклости' 48б); с другой стороны, о... *дужу* 23, 78, в... *жару* 44б (ср. еще о *хмелю* 213, 249).

М. ед. в а-склонении

§ 3.39. У существительных а. п. с некоторое акцентное сходство с М. ед. на *-и* и на *-у* обнаруживает также М. ед. а-склонения. Правда, наосновное ударение представлено здесь значительно уже, а именно, оно выступает в западных системах лишь наряду с флекссионным и лишь в некоторых словах. В восточных системах в данной форме, как правило, известно только флекссионное ударение.

Шире всего распространено наосновное ударение в М. ед. слова *земля*. Ударение в *зёмли*, на *земли* господствует (или по крайней мере выступает не реже, чем в *землй*, на *землй*): 1) во всей основной части западной зоны, кроме Егор. (где оно представлено реже, чем конечное), — конкретно в Сени., Лих., Час., Т. пс., Пр., Пат., Пс., Пск., Жит.; 2) из памятников кромки западной зоны и промежуточной полосы — в Чуд., Дос., Фер., Лет., Чет., Вас.сб., Новг., Клон. Наглядным образцом здесь может служить Чуд.: в *зёмли* 62г, 63а, 67в, на *земли* 104а, 130б, 111б, 127а, 153в, 154б, 157а, и на *земли* 153а; с другой стороны, в *землй* 14а, ни в *землй* 35в, на *землй* 59г, 151а. Интересны также показания нецерковного памятника Лет.: на *земли* 41б, 44, 45б, 46, 234, но в *землй* 32б; при наличии определения почти всегда флекссионное ударение — на... *землй* (3×), в... *землй* (9×), но в *ля^мскои зёмлй* 217б. Как редкие отклонения от обычных для соответствующих памятников ударений на *землй*, в *землй* выступают примеры: в *зёмли* Хр. 603, на *земли* Ап. 245, Сол. 73, 79б, Хлын. (3×), в *зёмлй* М. пс. 83б, на *земли* Амф. 273, на *зёмлй* Стар. 13б, Пер. 243. Во всех остальных памятниках встретились только на *землй* (-лб), в *землй* (-лб); из западной

зоны в эту группу попадают только Муз. и Смол. (но в Смол. весь материал состоит из одного примера: *в землѣ* 60б).

В памятниках северо-запада и ближнего запада неоднократно встречается наосновное ударение в М. ед. слова *гора*. Наиболее показательны здесь *на горѣ* Сenn. 78а/б, Час. 270, 286, 339, Егор. 776, 1206, 545, Пск. 266, Лет. 1416, 1486, 275, *при горѣ* Сenn. 163б (при этом, однако, в Сenn. представлено также *на горѣ* [6×], в Лет. также *на горѣ* 266, 253б, 265 и *на горѣ* 80б). Менее показательны *в горѣ*, *на... горѣ*, *в... горѣ* (встречающиеся в Час., Т.пс., Лих., Муз., Новг., Пат., Вас.сб., Вас.пс., Пс., Егор., Дос., Лет., Биб.), поскольку во многих микросистемах северо-западного ареала слово *гора* вообще имеет тенденцию перейти в а. п. а. Поэтому ограничимся примерами лишь из таких микросистем, где в И. ед. и Р. ед. последовательно сохраняется ударение *горѣ*, *горы*: Новг. *в горѣ* 92, 172, 283б (ср. *на горѣ* 4); Муз. *в горѣ* 212; Егор. *в горѣ* 265б; Биб. *в горѣ* 30б (при обычном *в горѣ*). Открытое /о/, обнаруживаемое в словоформе М. ед. *горѣ* в Час., Муз., Новг., Пат., Дос., говорит об ее энклиноменном характере или по крайней мере о том, что ее вокализм выровнен по энклиноменам *гору*, *горѣ* Д. ед., *горы* И. В. мн. С другой стороны, в Т.пс., наряду с *в горѣ* (5×), представлен также вариант *на горѣ* 1б (с фонемой /ô/), ср. еще Р. ед. *горы* Час. 318; этот же вариант можно предполагать при ударении *на горѣ*, *на гору*, *по горѣ*, *на горы* В.мн., отмеченном в целом ряде памятников (Сenn., Лих., Нил., Лет., Стар.).

Для прочих слов материал таков: *в водѣ* Чуд. 41г, Нил. 15, Лих. 130г, Цв. 186, Авв. 32, 38, Цел. 64, 122, *в водѣ* Печ. 35б, *в головѣ* Трав. 490б, Цел. 22б, *на души* Егор. 69б, 75б, *о души* Егор. 519б, 523б (+195б), Пск. 7, *в лодии* Сол. 257б, *в рѣцѣ* Сол. 186, 204б, Цел. 13б (+226б), *в рѣцѣ* Сол. 184, *в... роуцѣ* Ик. 39 (+Сол. 204б), *на рѣце* Цел. 195.

Можно предполагать, что наблюдаемые примеры наосновного ударения в М. ед. а-склонения имеют несколько разных источников. Часть этих примеров может объясняться просто дефинализацией; это в особенности вероятно для таких памятников, как Цел. и Сол. Для примеров с отяжкой ударения на предлог такое объяснение невозможно. Ввиду показаний Чуд. необходимо признать, что в древнерусском языке XIV в. существовал энклиноменный вариант данной формы. Примеры *на земли*, *на горѣ*, *при горѣ*, *в головѣ*, *на души*, *о души* (а также /г'орѣ/) в памятниках XVI—XVII вв., по-видимому, в основном отражают именно этот старый вариант. Однако следует учитывать, что определенное влияние тут могли оказывать также другие формы той же парадигмы, а именно, энклиномены Д. ед. на -ѣ, В. ед. на -у, И. В. мн. на -ы. Совпадение Р. ед., Д. ед. и М. ед. а-склонения в единой косвенной форме, наблюдаемое в большом числе западных и южных говоров, должно было приводить и к акцентному выравниванию этих форм. Ввиду первоначальной

чального различия их акцентовок такое выравнивание могло идти в двух направлениях; отсюда возможность акцентных колебаний в каждой из этих форм. Так, например, в микросистеме Лет. колебаниям в М. ед. (*на земли, в землѣ, на... землѣ, на горѣ, на гбрѣ, на горѣ*, см. выше) соответствуют такие же колебания в Д. ед. и Р. ед. В Д. ед. здесь находим, в частности: *землѣ* (часто), *по... землѣ* (часто), *к землѣ* 183, *землѣ* 222, *по земли* 70, 93, *к горѣ* 275, *по горѣ* 245б, *по горѣ* 245б, ср. еще *звѣздѣ* 42б. В Р. ед.: *землѣ* (часто), *до землѣ* 138б, *из (ω^м)... землѣ* (4×), *землѣ* 288б, *земли* 269б, *сре^д земли* 162, *из... земли* 361, 364б, 365, *горы* 395б, *горы* (часто), *з горы* 265, *ω^м горы* 115, также *гловы* 357б, 364 (при обычном *голови*), *звѣзды* (5×).

Примеры Р. ед. а. п. с с начальным ударением (например, *земли, до земли, воды, горы, рѣки, гловы* и т. п.) отмечены в том или ином количестве прежде всего в западных (и близких к ним) памятниках Час., Т. пс., Лих., Новг., Пат., Егор., Хрон., Дос., Лет., Хр., Стар.; кроме того, на дальнем северо-востоке — в Нил., Прол., Клон., Авв., Цел.; на юге (и юго-востоке) — в Биб., Ик., Косм., Трав., Ряз.; наконец, в Биб., Увар., Цв. Как можно видеть, зона распространения таких ударений в значительной мере сходна с зонной, где такие же ударения встречаются в М. ед. Таким образом, фактор взаимного акцентного влияния косвенных падежей был несомненно актуальным.

И. В. мн. у neutra а. п. с и б

§ 3.40. Ниже разбирается акцентовка И. В. мн. у neutra а. п. с и б. Хотя, с нашей точки зрения, И. и В. падежи здесь акцентно не различаются (см. также § 3.41, конец), для большей достоверности мы все же обычно отмечаем падеж при цитировании примеров (кроме памятников, где в рассматриваемой точке системы нет никаких акцентных колебаний).

Рассмотрим вначале И. В. мн. у o-neutra а. п. с. Как видно из карты 5, восточная зона характеризуется господством флексивного ударения в этой форме (модель *мясѣ, вратѣ*), в западной зоне представлено наосновное ударение (*мяса, врата*) или компромиссные системы. Часто встречающаяся словоформа *врата* отражена на карте отдельно, поскольку она отличается от основной группы neutra а. п. с своим церковнославянским происхождением (и вдобавок принадлежностью к pluralia tantum); однако, как показывает карта, ее акцентовка в целом хорошо согласуется с основной группой.

Особой трактовки требуют словоформы: 1) *древа, черева, тѣла*; 2) *ворота, озера (езера)*. При флексивном ударении они с диалектологической точки зрения вполне показательны, но при наосновном ударении это не так: ударения *дрѣва, чрѣва, тѣла, ѣзера* могут быть

простым проявлением книжности; относительно ударений *ворота*, *озера* (*езера*) см. отдельно ниже.

Образцы микросистем с моделью *мяса*, *врата*. Ион.: *мяса* (6×), *кола* В. 'повозки' 776, *врата* (7×) (ср. *древа* 550б, *езера* 526). Увар.: *мяса* В. 496, 540, 8176, 8186 (но *мяса* В. 835 [не считая менее надежных примеров]), *слова* 8316, *ворота* 6176, *врата* 612, 724 (ср. *древа* 609, *озера* 600). Косм.: *слова* 54, 187 bis, *поля* 26, 56 (также вторичное *стада* 1476). Дом.: *дрова* 68, 946 bis, *пива* 1056, *ворота* 101 (также вторичное *дѣла* [4×] при *дѣла* [2×]). М. пс.: *мяса* 526, 1636, *поля* (4×), *моря* 171, *врата* (5×), *во врата* 1076 (ср. *древа* 1126, *въ езера* 1206). Рж.: *мяса* 80, 2606, *поля* (3×), *слова* 283, *дрова* И. 1746, Зв. 2496 (но *древа* И. 1636), *врата* (9×), *во врата* 1676 (иначе *кола* 'повозка' А 136, 18, 20; ср. *въ езера* 187). Ратн.: *слова*, *дрова*, *ворота*, вторичные *дѣла*, *стада* (см. Станг 1952, с. 22). Колм.: *мяса* (7×), *пива* (6×), *ворота* 107, 177 (при более частом *ворота* [14×]), *поля* (очень часто), *на поля* 26, 55 (но *поля* И. 31, *поля* И. 25), *моря* И. 179 bis (+86), *дрова* (16×) (но *древа* И. 213, 235, В. 56), *тѣла* 236, *по^д облака* 119, 131 (но *по^д облака* 27) (также вторичное *дѣла* [часто]; ср. *озера* [8×], *езера* [3×], *озера* 61, 231 bis, *в озера* 61; отметим еще *прѣса* И. 168, 188).

Модель *мяса*, *врата*. Егор.: *мяса* И. 499, *дрова* В. 5246, *моря* И. 1686, *злата* В. 3886, *врата* (5×), также *древа* (3×), *чрева* 357. Нил.: *мяса* Т 5, 76, *слова* 176. Хрон.: *мяса* 246, *врата* 225, 2326, также *древа* 241.

Приведем также некоторые микросистемы компромиссного типа. Т. пс.: *поля* И. 79, *врата* И. 163, В. 48 bis, 996 — *поля* И. 108, *врата* И. 1766 bis. Лег.: *мяса* В. 656, 139, *слова* И. 252, *врата* 226 (ср. еще *езера* 3026, *ворота* 1536) — *на кола* 826, *врата* (6×), *во врата* 326 (также вторичное *жита* В. 2426; отметим еще *вѣча* И. 3416, В. 1406). Биб.: *мяса* В. 1166 ter, 117 bis, *слова* И. 4206 (ср. *древа* [3×], *въ езеро* 3946) — *мяса* В. 3776, *дрова* В. 4246, *въ дрова* 120, *поля* И. 381, 3906, 392, *врата* (часто).

Оттяжка на предлог отмечена только в Новг. *въ врата* 172, Вас. пс. *во врата* 1356. Ср. также огласовку [о] в Т. пс. *поля* И. 79, Вас. пс. *моря* И. 219.

У *es-*, и *en-* neutra а. п. с флексиионное ударение в И. В. мн. господствует практически повсеместно: *словеса*, *небеса*, *древеса*, *тѣлеса*, *именя*, *временя* и т. д. Речь может идти лишь о наличии или отсутствии отклонений от этой нормы. Важнейшими отклонениями такого рода являются случаи энклиноменной акцентовки; как видно из карты 5, они характерны в основном для западной зоны. Приводим эти случаи: *словеса* Т. пс. 39, 416, 1146, Ег. 305, Стар. 106, 27, 44, 46, *слѣвеса* Т. пс. 2, 39, *словеса* Нил. Т 216, Стар. 1, 11 (+8, 38), *слѣвеса* Т. пс. 79, *за слѣвеса* Новг. 300, *за слѣвеса*

Т. пс. 41, *щеса* Нил. Т. 33, *ко́леса* Цв. 486 bis, *на́ нѣса* Сenn. 1616, Лих. 56г, 209в, Егор. 1016, 102 и др. (12×), Муз. 106, Пат. 622а, Пск. 151, 260, Рж. 896, *имена* Егор. 4216, *вре́мена* Хл. 2946, Хлуд. 1166, 153, *четы́ри врѣмена* Смол. 79, *на́ времена* Пск. 15, *въ времена она* Егор. 3956, *въ времена́* Рж. 175 (почти все эти словоформы и сочетания в тех же памятниках встречаются также и с флексийным ударением). Часть этих примеров несомненно порождена аналогией; например, частое *на́ нѣса* (при отсутствии **нѣбеса*) явно связано с М. мн. *на́ нѣсехъ* (или *-ѣхъ*), представленным в большинстве памятников. Едва ли можно, однако, объяснить подобным образом весь этот материал.

Другой тип отклонения, известный также у многосложных *o-neutra*, состоит в обобщении акцентовки Р. мн. Сюда относятся: *ворѳта* (в Лет., Колм., см. выше), *озѣра, езе́ра* (в большом числе памятников), *ко́леса* Цв. 61 bis, Авв. 1346, *словѣса* Пск. 3416 (+ Егор. 540), *на словѣса́* Т. пс. 1326, *телѣса* Пск. 21. Данная инновация не ограничивается формой И. В. мн.: она распространяется на все падежи мн. числа, которые получают здесь, таким образом, колонное предфлексийное ударение: *ворѳта, -ѣ, -омѣ (-амѣ), -ы (-ами), -ѣхъ (-ахъ), озѣра, -ѣ, -омѣ (-амѣ), -ы (-ами), -ѣхъ (-ахъ)* и т. д. Примеры таких ударений представлены во многих памятниках; ср. закрепление акцентовок *ворѳта, озѣра, ко́леса* в современном литературном языке.

Элементы такого же выравнивания по Р. мн. иногда отмечаются во мн. числе слова *поле*. Надежным примером здесь является Трав. *по пѳлемѣ* 342, где /ѳ/ явно перенесено из Р. мн.; возможно, тот же источник имеют Егор. *по пѳлемѣ* 2146, Библия *на пѳле*^x 9926, Цв. *на пѳлѣхъ* 183 (+ Ратн. 91).

§ 3.41. Рассмотрим теперь *neutra a. п. b* (непроизводные или опростившиеся). Для И. В. мн. в старовеликорусских памятниках представлены две акцентовки: наосновная (а именно предфлексийная) и флексийная. Как видно из карты 5, преобладание наосновной акцентовки (*сѣла, числа*) характерно для восточной зоны, преобладание флексийной (*селѣ, числѣ*) — для основной части западной зоны.

Несколько слов стоят особо. Во-первых, повсеместно представлено ударение *устѣ, плещѣ*, почти повсеместно — *чреслѣ*; соответственно, ниже в разбор материала первые две словоформы вообще не включаются, а последняя включается только при наосновном или колеблющемся ударении. Особое положение этих слов связано с тем, что *устѣ* и *чреслѣ* — *pluralia tantum*, и, по-видимому, также с тем, что все три слова имеют книжный характер; в данном случае, в отличие от большинства других, в функции книжного оказывается флексийное ударение (архаичное), поскольку оно здесь противопоставляется народному наосновному ударению (ср. § 3.13). Во-вторых, у слова *сердце* наблюдается колебание между а. п. *b* и *c* (например,

ной наосновной акцентовки в И. В. мн. а. п. *b*. Сочетание *не на лица* (в новозаветном выражении [из Яков II. 1] *не на лица зряще*) имеет ударение *лицѧ* повсеместно; оно сохраняет такое ударение и в нынешней церковнославянской норме. Поскольку в этом выражении ударение *лицѧ* несомненно функционирует как книжное, допустимо предполагать, что и в большинстве прочих случаев источником ударения *лицѧ* является книжный характер данного слова (особенно в значении 'persona') или его контекста; существенно, что все примеры ударения *лицѧ* встретились либо в церковных текстах, либо в цитатах из них.

Микросистемы с последовательным наосновным ударением. Косм.: *сѣла* 16, *стѣкла* 188, *гнѣѡа* 34 (вместо *гнѣзда*), *плѣтна* 157б, *полѡтна* 133 bis, *сѹкна* 106, 19 (ср. также *дерѣвца*³¹ 185). Фер.: *сѣла* 245б, 290, *рѣбра* 520б, 523б, *полѡтна* 757, *яица* 493б. Хр.: *сѣла* (4×), *кѡлца* В. 424б bis, *кѡпѣя* В. 1212б (но также *кѡпѣа* б. уд. [3×]), *гоѹмна* 622б, *чѣсла* 89б. Ряз.: в *рѣбра* 187б, *лицѧ* 87б, *яица* 257, *чрѣсла* 55б. Тих.: *рѣбра* 102, *ѡкна* 48, *чѣсла* (часто), *ядра* 102 (ср. также И. В. мн. *естѣства* 63б при ед. *естествѡ*). Ратн.: *сѣла*, *рѣбра*, *плѣча*, *кѡпѣя*, *крѣла*, *чѣсла*, *ядра* (однако *ремесла*) (см. Станг 1952, с. 22). Аналогично в Тар., Трав. и Улож. Памятники этой группы относятся к южной части восточной зоны и к центру.

В ряде микросистем флексивное ударение отмечено только в словоформе *лица* (ср. выше). Увар.: *сѣла* И. 731, В. 600, 603, 677 и др., *рѣбра* И. 395б, 542б, В. 398б, *полѡтна* В. 606, *яица* В. 537 bis — *лицѧ* И. 206б, 712, 719, В. 401, 545б, *не на лицѧ* 633 bis. Ап.: *сѣла* И. 52, *рѣбра* И. 232, в *рѣбра* 23, на *лицѧ* 93, на *лицѧ* *ли* 142б — *не на лицѧ* 57б. Матф.: *сѣла* В. 78б, *чѣсла* И. 72, *лицѧ* В. 89б, *трѣ лицѧ* В. 237 — *не зрѣши бо на лицѧ* 172б. Аналогично Корн., Хл., Рж., Яр., где материала меньше (сюда же Сени., если здесь *лицѧ* 104в есть В. мн., а не Р. ед.).

Микросистемы, где наосновное ударение лишь преобладает. Чуд.: *сѣла* И. 79в, В. 93в, на *сѣла* 35г, *рѣбра* В. мн. 51в, в *рѣбра* 52а, 66в, *гнѣзда* В. 32б, *лицѧ* И. 152г, В. 40в, *чрѣсла* И. 34б — и *сѣла* В. 31г, и *лицѧ* *ихъ* И. 152г (и *лицѧ* *ихъ* яко *лицѧ* | *члѣкмъ*), *не на лицѧ* 164в, *чрѣсла* В. 84а; отметим также на *плѣца* 12г (пример *брашна* В. 27в двусмысленен, поскольку а. п. этого слова в Чуд. колеблется). Лет.: *сѣла* В. 112, 120б и др., *плѣча* И. 219б, *кѡпѣя* В. 282 — в *рѣбра* 182б. Биб.: *сѣла* И. 387, 425, в *сѣла* 157, *рѣбра* И. 377, В. 335, 448б, *крѣла* И. 427, *соѹкна* В. 339 — *лицѧ* В. 121б, 463, также *лицѧ* В. 387. Дом.: *сѣла* В. 40б, *ѡкна* В. 61б, *брѣвна* (И. В. при инф.) 94б, *решѣта* В. 61, *решѡта* И. 92б, *сѣдла* И. 91, *вѣна* И. (?) 90б, *молѡка* И. 71б, *полѡтна* (И. В. при инф.) 106б, *яица* И. 71б, 90 — *рѣбра* В. 24б, *винѧ* (И. В. при инф.) 91, *мыта*

³¹ Здесь и ниже приводятся некоторые из отчетливо членимых производных, если их акцентовка уже подчинилась правилам для непроезженных.

В. (?) 41, также *не на лица* 124. Колм.: *села* И. 208, В. 62, 145 (также *сёлы* И. 7), *лица* В. 209, 239, 256, *вина* (часто), *гнѣзда* В. 80, *полотна* И. 186, В. 124, *сукна* В. 15, 71, 135, 240, *числа* И. 143, *лица* И. 227, В. 90, 193, 212 (ср. еще *клѣйма* И. 105, *дрѣвка* В. 80, 197) — *селѧ* И. 83, *винѧ* В. 47, *платнѧ* В. 52, также *не на лица* 134. Аналогично в Библии, Цв., Хлын., Цел. (отметим, что при этом в Библии и Хлын. последовательно, в Цв. факультативно выступает И. В. мн. *лица*).

В Дос., Дан., Жит., Рум., Сел., Кир., Клон., Сол. представлено только наосновное ударение, но материал очень скуден. С известной осторожностью здесь можно предполагать микросистемы восточного типа.

Микросистемы с флексивным ударением. Егор.: *селѧ* И. 19, В. 19, 270б и др. (5×), *на селѧ* 18, 19, *ребра* В. 115б, 116, *в ребра* 118, 118б (+119), *сребра наша* В. 554б, *гнѣзда* В. 223б, 226, 226б, *гнѣзда же* И. 226б, *лица* В. 39б bis. Т. пс.: *ребра* И. 68, *лица* И. 55б. Смол.: *селѧ* И. 101, 123б, В. 81б, *числа* И. 7. Пск.: *в селѧ* 265, 352б (но также *сѣла* В. 338б), *числа* И. 27б, *лица* В. 223б, 282, *не на лица* 269, 274. Памятники этой группы относятся к южной части западной зоны. К данной группе приближается также Новгород.: *на селѧ* В. 17, *ребра* И. 92, *в ребра* 310б — *сѣла* И. 150, В. 189б.

Примерное равновесие акцентовок (если не считать слова *лице*). Ион.: *ребра* В. 371 bis, 372, *в ребра* 414б, *лица* В. (7×), *на лица* (4×) — *сѣла* В. 530б, *на сѣла* 530б, *ребра* В. 371, 371б, 568, *лица* В. (?) 173б, *лица* В. 206б, *вина* В. 530б. Печ.: *в селѧ* 383, *ребра* В. 548б, 584, *в ребра* (3×), *лица* И. 127, 510б, В. 72б, 102, 482б, *лица же* И. 143 — *сѣла* И. 520, В. 351, *вѣсла* В. 471б, 475б, *копия* И. 548, *на копия* 494. Сюда же можно отнести Муз. (*селѧ* В. 147б, *гнѣзда* В. 220, *лица* В. 24б — *сѣла* В. 133, 215б, *числа* В. 2, 3б), Стар. (*селѧ* И. 38б, В. 38б, *ребра* И. 7б — *сѣла* И. 17б, Зв. 11б, В. 10б, 20, *гнѣзда* И. 76б), по-видимому, также Прол., Кург. и Лук.

В нескольких рукописях отмечены лишь единичные примеры, которые могут быть и непредставительными для соответствующей микросистемы в целом: Час. *в ребра* 398б, *лица* В. 248б, 249; Нил. *сѣла* В. Т 53в; Амф. *сѣла* 101, *ребра* В. 184, *лица* В. 130; Ик. *ребра* И. 81б, *дрѣвца* И. 119; М. пс. *ребра* И. 50, *ребра* В. 197б, *лица* И. 32б, *лица* В. 91б; Пер. *лица* И. 19, 19б; Авв. *вѣсла* И. 198б, *по плѣча* 79б, *на плѣча* 108б, 214.

Карта 5 показывает, что в старовеликорусском имелась определенная корреляция между акцентовкой И. В. мн. у neutra а. п. *b* и neutra а. п. *c*. В восточной зоне эволюция вела к выработке четкой акцентной оппозиции чисел: *море—морѧ, селѧ—сѣла*. В западной зоне, напротив, действовала тенденция к колонному ударению в парадигме: *море—морѧ, селѧ—селѧ*. Для а. п. *c* различие восточно-

великорусской и западновеликорусской моделей, по-видимому, отражает праславянскую диалектную вариантность (ср., в частности, расхождения типа штокавск. *pǒlja, sěna, měsa* — чакавск. *pǒlja, sěna, měsa*). В а. п. *b* восточновеликорусская модель закрепляет эффект Re, истоки которого восходят к праславянскому (§ 2.18); в западновеликорусской зоне этот эффект либо вообще изначально отсутствовал, либо выступал в ограниченной или непоследовательной форме и был устранен при развитии тенденции к колонному ударению.

Размежевание восточной и западной моделей наиболее отчетливо в южной половине великорусской территории; в северной половине многие микросистемы содержат элементы компромисса. Уже в XV—XVI вв. влияние восточной модели на западную заметно сильнее, чем противоположное. В дальнейшем восточная модель окончательно побеждает и становится нормой современного русского языка. В сферу ее действия втягивается также ряд слов а. п. *a*, а именно, акцентная оппозиция чисел достигается здесь путем замены основного ударения флексийным в одном из двух чисел. Таким путем возникают, с одной стороны, оппозиция типа *стадо—стадà, дѣло—дѣлà, мѣсто—мѣстà*, с другой, типа *зерно—зѣрна*. Как показывают, однако, единичные примеры типа Лет. *дѣло* 27, Смол. *мѣсто* 105б, Цел. *зерна* В. мн. 37б (ср. здесь же *по. . . зѣрну* 37б), выбор первого или второго пути развития для названных слов определился лишь после некоторых колебаний.

В работе Колесов 1969 был выявлен ряд важных особенностей акцентной эволюции древнерусских neutra, прежде всего возможность древнего флексийного ударения в И. В. мн. а. п. *b* и древнего начального ударения в И. В. мн. а. п. *c*. При этом, однако, выдвинут тезис об акцентной дифференциации И. и В. падежей у neutra (в обоих числах), представляющийся нам крайне уязвимым. Так, для а. п. *b* в древнерусском реконструируются, в частности (с. 28): И. ед. *винѣ, селѣ*; В. ед. *винѣ, селѣ*; И. мн. *вина, сѣла*; В. мн. *вина, сѣла*. Заметим прежде всего, что в ед. числе колебания типа *винѣ—вино*, вызванные дефинализацией, в действительности свойственны только одной диалектной зоне (западной) и при этом распространяются как на В., так и на И. падеж. С другой стороны, как можно видеть из приведенного выше материала, во мн. числе и в И. и в В. падежах встречаются как *вина, сѣла*, так и *винà, селà*. Правда, среди примеров с ударением типа *винà, селà* действительно гораздо чаще встречается В. падеж (в нашем материале примерно в 80 % случаев). Но этот факт оказывается гораздо менее значимым, если учесть, что у neutra вообще В. падеж встречается в памятниках примерно в 2,5 раза чаще, чем И. (т. е. доля В. падежа в сумме И.+В. составляет в среднем около 70 %). Таким образом, различие между ожидаемыми 70 % и наблюдаемыми 80 % сравнительно невелико; оно связано с существованием устойчивых сочетаний типа *не на лица*, а также, возможно, с какими-то особенностями ритмических позиций, в которые по син-

таксическим причинам чаще попадают словоформы В., а не И. падежа. Вообще гипотеза о том, что в древнерусском оказался нарушенным принцип внешнего тождества словоформ И. и В. падежа у *neutra*, неизбежно сохранявшийся с общеиндоевропейской эпохи и прекрасно соблюдаемый (у неодушевленных) также в современном русском, столь маловероятна, что для ее обоснования нужны чрезвычайно сильные и недвусмысленные аргументы. Ясно, что отмеченное выше небольшое статистическое различие таким аргументом служить не может.

И. мн. и В. мн. у *masculina a. n. c*

§ 3.42. В старовеликорусский период в живом языке у *masculina* уже исчезло древнее противопоставление И. мн. на *-и* и В. мн. на *-ь* (типа *роди—роды, бози—богы* или *боги*). На их месте образовалась (в основном на базе В. мн.) единая форма на *-ы* (после мягких и *к, г, х — -и*), которую можно назвать исходной формой множ. числа: *роды, боги, кони, цари* и т. д. Эта форма у неличных существительных (позднее — только у неодушевленных) выполняет функции И. и В. падежей, у личных (позднее — у всех одушевленных) — только функцию И. падежа (тогда как В. падеж совпадает здесь с Р.). Таким образом, живой язык вообще утратил возможность внешнего различения И. и В. падежей мн. числа у неодушевленных существительных. Старая оппозиция И. и В. падежей, не зависевшая от значения слова, сменилась новой, целиком подчиненной семантическому противопоставлению личных и неличных, позднее одушевленных и неодушевленных существительных.

У нескольких существительных с твердой основой в качестве исходной формы мн. числа закрепилась древняя форма И. мн.: *черти, судьби, холопи, комари* и др. Существенно, однако, что и в этих случаях новый принцип не был нарушен: словоформы данной группы были переинтерпретированы как содержащие мягкую основу (подобно *кони, цари*), и, соответственно, косвенные падежи множ. числа получили вид *чертей, чертемъ (чертямъ)* и т. д.; древняя оппозиция типа И. мн. *черти*—В. мн. *черты* и в этих случаях исчезла.

Между тем книжный язык сохранял древнюю систему противопоставления И. и В. падежей — по крайней мере в идеале (поскольку на практике многочисленные нарушения — прежде всего словоформы на *-ы* в функции И. падежа — встречаются даже в канонических церковных текстах). Сосуществование двух разных морфологических систем — книжной и народной — приводило к тому, что многие пишущие воспринимали такие словоформы, как *бози, снѣзи, рози, скоти, орли*, также *домове (и доли), чинове (и чини), дарове (и дари)*, просто как книжные эквиваленты народных *боги, снѣги, роги (и рога), скоты, орлы, дома, чины, дары*. Подобно последним, первые воспринимались просто как исходные формы мн. числа, только книжные. Отсюда многочисленные ошибки, состоящие в употреблении словоформ на *-и* или *-ове* в функции В. падежа, например: Ап. *и*

скѣти привесть 44, Дос. *зѣби* В. 64б, Лет. в *кболоки* 299б, 302, Печ. *дрѣзи* В. 152б, Косм. *дѣрове* В. 60, 186б.

В описанной ситуации наиболее существенным для акцентологического анализа оказывается противопоставление (у слов с твердой основой) словоформ с *-и*, т. е. книжных, и с *-ы*, т. е. народных. У слов а. п. с первые практически всегда выступают в памятниках с начальным ударением: *бѣзи*, *бѣси*, *вѣлци*, *глѣси*, *грѣби*, *грѣми*, *дрѣзи*, *дѣси*, *крѣзи*, *лѣди*, *лѣви*, *пѣти*, *прѣзи*, *рѣзи*, *рѣди*, *снѣзи*, *трѣси*, *цѣвѣти*, *чѣни* и т. д. (отклонения совершенно единичны).

Что касается словоформ с *-ы* (или *-и* после *к*, *г*, *х*), то здесь исконная энклиноменная акцентовка тоже безусловно преобладает; однако наряду с ней встречается (а в XVII в. уже заметно распространяется) также флексивное ударение. Большинство имеющихся примеров с таким ударением относится к В. падежу; поэтому возникает мысль о развитии акцентного противопоставления форм И. мн. и В. мн. (см. Колесов 1972, с. 147, 188). Однако при более внимательном анализе материала это предположение не получает подтверждения. Дело в том, что из разбора должны быть прежде всего исключены все словоформы И. мн. на *-и* (при твердой основе), поскольку акцентное противопоставление типа *цѣвѣти*—*цѣвѣты* при всей его кажущейся наглядности может не иметь отношения к падежам, а просто отражать различие народного и книжного вариантов (ср. также § 3.13, п. 4 о соотношениях типа *скѣти*—*скоты*). Что же касается примеров с *-ы*, то среди них вообще В. падеж представлен существенно чаще, чем И.; приблизительно такое же соотношение В. и И. падежей обнаруживается и среди примеров с флексивным ударением (типа *цѣвѣты*).

Словоформы И. В. мн. на *-и* у существительных а. п. с с мягкой основой (прежних *i-* и *jo-masculina*), например, *гблуби*, *гбсти*, *гѣси*, *зѣври*, *кнѣзи*, *мѣжи*, *чѣрви*, практически всегда имеют начальное ударение (отклонения чрезвычайно редки).

По акцентовке И. В. мн. на *-ы* у *masculina* а. п. с рассматриваемые в настоящей работе памятники можно разделить на основную и особую группы. Особую группу образуют несколько рукописей XVI в. с преобладанием или значительным распространением флексивного ударения в данной форме; для них можно предполагать несколько особый путь развития. Остальные памятники составляют основную группу; здесь флексивное ударение встречается лишь изредка, но его доля явно возрастает со временем (в некоторых памятниках XVII в. она уже довольно заметна).

Ниже приводятся образцы микросистем основной группы. Ввиду массового характера приводимого материала адреса примеров и их численность в большинстве случаев не указываются. Демонстрируются только существительные с твердой основой и только в И. В. мн. на *-ы* (или *-и* после *к*, *г*, *х*). Отсутствие пометы означает В. падеж; И. и Зв. особо отмечаются. Не учтено сочетание *въ вѣки*

вѣкомъ (см. § 3.46). Из многосложных (без полногласия), как правило, приводятся лишь такие, для которых в рамках данной микросистемы засвидетельствована подвижность ударения. Отдельно от основного материала учитываются примеры, где флексийное ударение может отражать тенденцию слова к переходу в а. п. *b* (например, именно такой тенденцией следует объяснять повышенную частоту ударения *власы*: оно представлено в Авв., Биб., Библи., Егор., Кург., Клон., Колм., Лет., Печ., Фер., Цв., Цел. и др.; ср. также И. мн. *власи* в Сенн., Корн. и Дос.).

Чуд.: *бдгы* (63а; чтение *богы* маловероятно), *бѣсы*, *и бѣсы*, *власы*, *в вѣки*, *грады*, *в грады*, *гробы*, *дары*, *дары же* И., *долги*, *домы*, *други*, *класы*, *в мѣхи*, *пѣры*, *подвигы*, *в полы* 'пополам', *разоумы*, *роды*, *на ряды* (пример *и ликъ* 'крики ликования' Эва, вероятно, отражает акцентировку по а. п. *b*). Ион.: *богы*, *брегы*, *власы*, *грѣмы*, *длѣгы*, *домы*, *пѣры*, *плѣты*, *повары*, *посохы*, *пѣты*, *пругы*, *рѣвы*, *рогы*, *саны*, *струпы*, *тлѣкы*, *хлѣмы*, *цвѣты* (также *врѣды* 481, 588б, *господы* 41б); *на бѣсовы*, *сыновы*; отклонения: *сады* 19б, *номыслы* 17б (ср. еще *санѣвы* 181). Лет.: *богы*, *на бѣсы*, *за валы*, *возы*, *городы*, *грады*, *на грады*, *дары*, *домы*, *дѣбы*, *колоколы*, *по колоколы*, *мѣсты*, *лѣвы*, *в лѣвы*, *в лѣсы*, *мѣды*, *мѣсты*, *носы*, *снѣги* (и *снѣгы* И. 372), *станы*, *в станы*, *за сторожи*, *на сторожи*, *стяги*, *суды* 'naves', 'vasa' В., И., *в суды* (также *деревы* 'древлян' 81); отклонения: *сны* 10, 29, 155б (наряду с *сны* 153), *боры* 285б, *луки* 217 (наряду с *луки* 277); особо стоят *власы* 265б, *мечты* И. 91б. Хр.: *боги*, *на бѣсы*, *власы* В., И., *за власы*, *гробы* В., И., *грозды*, *дары*, *домы*, *клопоты*, *колоколы* И., *нокѣты*, *на ободы*, *на полы* 'пополам', *порты*, *поясы*, *роды*, *слоны*, *станы*, *в стѣги*, *на сторожи*, *сыны* В., И., *за сыны*, *на сыны*, *во храмы*, *цвѣты* (также *бравы* 295, *в крѣвы* 898б, *на отроки* 805б, *смоки* 'драконов' 92б); *сановы*; отклонение: *на четыре оуглы* 1240б (*грады* 1292б похоже на описку).

Приведем также материал нескольких памятников, где И. мн. практически всегда уже нового типа — на *-ы*. Косм.: *боги* И., *волки* И., *волосы* В., И., *во вѣки*, *годы*, *городы* В., И., *гробы* В., И., *дары* В., И., *по дары*, *домы* В., И. (2×), *в домы*, *зубы* В., И., *луки*, *лѣсы* И., *недруги* И., *образы*, *островы* В., И., *слоны* И., *снѣги* И., *сторожи* И., *суды* 'naves' И., *углы*; отклонения: *домы* В. 57б, *мосты* В. 52. Улож.: *береги* И., *боры* И., *годы*, *городы* В., И., *в городы*, *дары*, *долги* (В., И. В. при инф. — часто), *в долги*, *в домы*, *кормы*, *луги* В., И. (7×), *лѣсы* (1×; обычно *лѣса*), *мосты* В., И. (4×), *носы* (И. В. при инф.), *обыски*, *окупы*, *повары* И., *погребы* И., *в полы* 'пополам', *роды*, *суды* 'naves', *чины* (также *гоны*); отклонения: *броды* И. 91, В. 91б, *долги* (И. В. при инф.) 128, *луги* И. 77, *мосты* В., И. (13×), *на станы* 82б, *ряды* (И. В. при инф.) 100б. Колм.: *береги* И., *на бѣги*, *городы* И., *гробы* В., И., *домы* В., И.

в *дóмы*, *жа́ры* И., *ку́сы*, *на́ ловы*, *лу́ги* В., И., *на́ луги*, *но́сы*, *о́стровы* В., И., *про́мыслы*, *ро́ги* И., *снѣ́ги* И., *сúды* 'naves', 'vasa', *те́ремы* И., *у́глы*, *цвѣ́ты* (2×), *чи́ны*; отклонения: *валы́* И. 94, 200, В. 187, *во²кѣ́* И. 229, *о́стровы́* В. 253 (если здесь не второстепенное ударение), *пирѣ́* В. 203, 245, *сады́* И. 75, 249, *цвѣ́ты* И. 89, 191; особо стоят *власы́* И. 100, 102, 215, 220 и др., В. 23, 38, 39, 93 (наряду с *власы́* И. 10, 36, В. 44, 233), *слоны́* И. 101, 224 bis.

В основной группе постепенное распространение акцентовок типа *валы́*, *мосты́*, заметно убыстряющееся в XVII в., по-видимому, следует связывать с действием общей тенденции к акцентному противопоставлению чисел с одновременным выравниванием ударения внутри субпарадигмы множ. числа. Такому выравниванию весьма благоприятствовала замена старых окончаний косвенных падежей новыми (-амѣ, -ами, -ахѣ), ср. § 3.49.

Из микросистем особой группы наиболее яркой является Егор.: *власы́* В. 496, *въ бескѡнѣ́чныя вѣ́кѣ́* 1036, *грады́* 192, 392, 560, *гробы́* 73 (+75), *домы́ бо* 192, *в дома́* 34, 2986, 3136, 404, *зубы́* И. 1476, *въ слоухѣ́* 956, *цвѣ́ты* 313, *чи́ны* 1576, также *нравы́* 4176 — *в вѣ́ки* (11×), *да́ры* (часто) (а. п. устанавливается не совсем надежно в примерах *гла́ды* 4956, *зра́ки* 202, *хра́мы* 176; ср. еще *оу́ды* 3056 при Р. мн. *удѡвѣ́* 293). При этом наосновное ударение представлено при многосложности (*бѣ́совы*, *рѣ́довы*), в В. мн. и И. мн. *i*- и *jo*-основ (*го́луби* И., *кня́зи* И., -я В., *моу́жи* И., -а В., *че́рви* И.) и в И. мн. на -и при твердой основе (*бѡ́зи*, *вѣ́щи*, *гра́ди*, *грѡ́би*, *грѡ́ми*, *дроу́зи*, *са́ди*; отклонения: *градѣ́* 409, *чи́нѣ́* 20, 315). Существенно, что в Егор. флексивное ударение господствует также и в И. В. мн. *a*-feminina а. п. с: *води́* В. 676, 511, *в води́* 246 (+246), *ногѣ́* И. 22, *на ногѣ́* 22 (+216), *руки́* В. 1186, *в руки́* 84, 1276 (+2506, 2646), *слезы́* И. 136, В. 94, 3096, 5306, 5676 — *го́ры* В. 249, *слѣ́зы* И. 104.

Менее продвинутой стадией такого же развития отражает Новг.: *в вѣ́кѣ́* 292, *грѡ́бы* 307, *своѣ дѣ́хѣ́* 178, *сыны́* (14×) — *въ вѣ́кѣ́* 1566 и др., *въ вѣ́ки* 128 и др., *да́ры* (3×), *дроу́ги* 2636, *зоу́бы* И. 1046, В. 1056, *рѣ́ги* 123, 135, *строу́ги* 1656, *на сыны́* 41, 1466 (+996, 198), *облаки́* 178, -ы 223 (ср. также *кря́вы* 223). В И. В. мн. *a*-feminina а. п. с находим: *гѡры́* Зв. 1186, *роуки́* В. 111, *в роуки́* 1116, 2566, *слезы́* В. 323 (менее показательны И. В. мн. *доушѣ́* [3×], ср. § 3.13) — *гѡды́* (часто), *гѡры́* (часто), *в гѡры́* 215, *на гѡры́* 2216, *за́ря* В. 1336, *зѣ́мли* В. 746, *но́гы* В. 262, *рѣ́сы* И. 2596, *слѣ́зы* В. 1036, *стрѣ́лы* (часто), *стѣ́ны* И. 98 (не считая менее надежных).

Возможно, к рассматриваемой особой группе относится также Зап.: *богы́* В., И., *бѣ́сы* В., И., *вапы́*, *вѣ́сы* И., *на вѣ́сы*, *дары́* (наряду с *да́ры*), *домы́*, *зубы́* В., И., *росты́*, *саны́*, *сыны́*, *цвѣ́ты* И. (и даже

мужей И.) — *вѣкы, на годы, дрѹгы, за дрѹгы, листы И., мѣды И., носы И., в полы* (см. Колесов 1972, с. 142—145, 188—189). Сюда же, вероятно, *Клон.*, где находим, в частности, *бѣсы 126, 25, на бѣсы 24, 71, власы (2×), образы 22, струны 106, во оуглы 190, также воды В. мн. 72.*

По-видимому, Егор. и Новг. отражают особый диалектный вариант акцентной эволюции И. В. мн. на -ы (в а. п. с), при котором флексивное ударение в этой форме развивалось как в мужском, так и в женском роде. Отметим в этой связи, что в качестве единичных отклонений от нормы ударения типа И. В. мн. *воды* встречаются во многих памятниках: *воды (И.) Тар. 2146, Биб. 407, Сол. 115, (В.) Трав. 5016, в воды Лет. 308; и ногы ихъ (В.) Чуд. 70а, ногы (В.) Т. пс. 1606 (+ Муз. 1836), под ногы Т. пс. 67 (+ Биб. 335); руки (В.) Т. пс. 1376 (+ Лет. 76, Ик. 506), руки (В.) Т. пс. 65 (+ Вас. пс. [3×], Увар. 5216), в руки Т. пс. 636 (+ Стар. 50); цѣны (В.) Улож. 178; кроме того, И. В. мн. *земли* отмечен в Библ., Смол., Косм., Ратн., Колм., И. В. мн. *горы* — в Сенн., Биб., Косм., Колм., И. В. мн. *стѣны* — в Лет., Биб., Пер.*

Т. мн. на -ы (-и) в а. п. с

§ 3.43. У *o-masculina* ударение словоформ Т. мн. на -ы³² нельзя рассматривать изолированно от словоформ В. мн., со временем превращающихся в «исходную форму мн. числа» (§ 3.42). Дело в том, что в старовеликорусский период часть пишущих уже переосмысляла существительное в сочетаниях типа *съ други, со своими други* как стоящее просто в исходной форме мн. числа. Смешения, свидетельствующие об этом явлении, отмечаются весьма широко. В наших памятниках находим, например: Сенн. *самыми вѣщи 8г, Ап. оузы желѣзными 165, Биб. роуки своими 341, воды ('водами') покрыты быша 330* (о египтянах; ср. *твоя воды И. мн. 407*), Косм. *с великими дарове 102, ме^ж тѣми двѣма земли 86, чахове раз^еляю^мца горы ('горами')* ω^м *нѣме^ч 1406, Дом. многими торговли 1166, иль корчѣмнымъ прикупомъ иль лихвы 41, М. пс. со беспл^тными твоими слугы 177, Кирил. скоти различными 189, Улож. с тѣми хол^пи 2786* (ср. *в хол^пи В. мн. 476* и др.), *зѣрню и карты играють 300, Колм. травы разноцѣтными 188, с трубы 22.* В Ратн. представлены Т. мн. *мѣры, р^оты, телѣги, тѣсяци, тѣсячи, оулицы* (Станг 1952, с. 27). Подобные смешения, конечно, были в значительной мере связаны с тем, что в живой речи уже все шире использовалось новое окончание -ами, т. е. мы имеем здесь дело с переосмыслением уходящего в прошлое окончания.

Естественно ожидать, что столь тесная связь Т. мн. с исходной формой мн. числа может проявиться и в сфере акцентуации. Ниже памятники разделены на группы соответственно представленному

³² Здесь и далее «на -ы» подразумевает: после мягких и к, г, х — на -и.

в них соотношению акцентовок Т. мн. и И. В. мн. на *-ы*. При этом документируется только Т. мн., поскольку И. В. мн. на *-ы* уже рассмотрен выше.

Группа 1: микросистемы с господствующим флексийным ударением в Т. мн. при начальном ударении в И. В. мн. на *-ы*. Чуд.: *власы* 16в (+30в), *-ы* 47б, 48а, *-ы* 30в, *гласы* 40а, *зубы* 21а, *зоубы* 63б, *с мужей* 33в, *съ облакы* 24б, *послоухы* 139а, *-ы* 138а, *разоумы* 107г, *роды* 125г, *слоухы* 144в. Прол.: *бѣсы* 81б, *власы* 30б, *съ зубы* 88б, *князи* 98, *съ князи* 98, *платы* 124б, однако *мужи* 31б. Несколькo менее последовательна микросистема Ион.: *бѣгы* 620б, *с бѣгы* 323б, *власы* 397, *дары* 559, *другы* 335б (+403б, 571б), *съ другы* 104б, *зубы* 258б (+425, 489), *мужей* 412 (+576), *с мужей* 545б, *облакы* 40б, *посохы* 551, *слухы* 150; однако *гласы* 174, 622, *свѣщными свѣты* 606б, *слухы* 31б (ср. еще *врѣды* 287б), также многосложные *образы* 612, 623б, *пѣмыслы* 200б, 478б. Сюда же Чет.: *зубы* 132б, *ногты* 22б, *посохы* 49, *рубы* 3б; однако *дары* 82б, *саны* 23б, также многосложные *облакы* 139б, *образы* 10б. В Муз., Луф. и Тих. встретилось лишь по одному примеру Т. мн.

Группа 2: микросистемы с господствующим флексийным ударением как в Т. мн., так и в И. В. мн. на *-ы*. Егор.: *власы* 495б (ср. В. *власы*), *зоубы* 79, 79б (ср. И. *зубы*), *нравы* 19, 87, 128б, 505б (ср. В. *нравы*), *саны* 524б, *цѣты* 197 (ср. В. *цѣты*); с другой стороны, *дары* 56б, 170б, 273, 361б (ср. В. *дары*). У многосложных ударение наосновное: *бѣсовы* 338 (ср. В. *бѣсовы*), *вѣзросты* 501, *образы* 152б, *пѣдвиги* 78б, *пѣмыслы* (3×), *разоумы* 371. По-видимому, сюда же относится Зап.: *бѣсы* (ср. *бѣсы* В., И.), *зубы* (ср. *зубы* В., И.), *поты*, однако *с вѣсы* (при И. *вѣсы*, В. на *вѣсы*) (см. Колесов 1972, с. 151—152).

Группа 3: микросистемы с господствующим начальным ударением как в Т. мн., так и в И. В. мн. на *-ы*. В ряде памятников этой группы в Т. мн. на *-ы* встретилось только начальное ударение. Образцом может служить Хр.: *боги* 762, *власы* 632б, 816б, *гласы* 707, *дары* 1271, *з дары* 1332б, *з дѣмы* 1158, *зоубы* 49б, 1274, 1329б, *князи* 1042б, *мужы*, *с мужы* (5×), *носы* 1361, *ряды* 425б, *пред сѣны* 647б, сюда же *слоны* 'заслонами' 1303б, также вторичное *сѣ греки* 1394б, 1398б, 1399б. Аналогично (при меньшем объеме материала) Амф., Библия, Дос., Корн., Костр., Пат., Пск., Рж., Сени., Сол., Трав., Уст., Хлыя., Хрон., Час. Лишь по одному примеру встретилось в Кир., Кирил., Тамб., Цел. Если не считать одного не совсем ясного примера (*ходи^а за сторожы* [Т.?] 40б), такую же картину обнаруживает Косм.: *города* (7×: 16б, 82 и др.), *грады* 31б, *грѣбы* 23б, *дары* 112, 176б, *недруги* 67, 148б, *образы* 29б, *островы* (4×: 142б и др.), *роды* 5б, 9 (ср. при новом окончании — *городами* 45, *дарами* 17б, 186б, *зубами* 89, *киями* 50б, *с луками* [4×], *островами* 141б).

В других памятниках этой группы изредка встречается Т. мн. с флексийным ударением, но лишь у слов, которые допускают такое ударение также и в И. В мн. на *-ы*. Лет.: *межи бѣреги* 391, *за возы* 124б, *меже гóроды* 237б, *на^д гробы* 331б (скорее Т., чем В.), *дáры*, с *дáры* (часто), с *кнзи* 147б, 373, *кнзи* 176, 188б, 245 (+164б), *но^д колоколы* 391 (скорее Т., чем В.), *лѣсы* 290б, *мúжи* (Т.?) 204б, *óбразы* 14б, *пóрты* 183, *рóгы* 172, с *рóды* 71б, 87б, *стáны* 113, 153б, *за сторожи* 183б (скорее Т., чем В.), *за стóрожи* 267, с *стóрожи* 148, *сúды* 'navibus' (5×: 312б bis и др.), *трúпы* 418б. Отклонение: *снѣ* 136б (наряду с *ѣны* 229), ср. В. мн. *снѣ* и *ѣны*. Колм.: *вáпы* 104, *грáды* 4, 7, *кóлоколы* 6 (Т. или И.), *лístы* 223, *мúжы* 163 bis, *óстрова* (часто), *прóмыслы* 201, *тѣремы* 219, *цвѣты* 182, с *цвѣты* 71, *чйны* 26, 78. Отклонение: *валы* 72, 81, 111, 130, 209 (наряду с *вáлы* 64), ср. И. мн. *валы*. С новым окончанием находим *богáми* 35, *городáми* (часто), *зубáми* 53, *лѣсáми* 29, 47, 155, 251, *островáми* 8, 210, *рогáми* 48, 53, 96, *снѣгáми* 253, *тетеревáми* 193, *чинáми* 80 (сюда же *рвáми* 129); ср. также *парусáми* 201, с *парусáми* 184 при более старом *пáрусáми* 203 (непоказательны с *лúками* 50 и с *лúки* 42, 29, ввиду Р. мн. *лúкѡвъ* 35). Возможно, сюда же относилась микросистема Ратн., где в Т. мн. реально встретились только *валы*, *ряды*, *станы*, но все они выступают с таким ударением и в И. В. мн. (Станг 1952, с. 17, 20).

В ряде памятников флексийное ударение в Т. мн. представлено только словоформой *зубы* — обычно в сочетании *скрегчеть* (*скрежещеть*) *зубы* *своими* (при том, что в И. В. мн. такого ударения не отмечено). Так, в Биб.: *бóгы* 390б, 400б, *дáры* 258, *сѣ князи* 460, *сѣ князи* 395б, *пóясы* 218, *рúды* 469б, однако *зубы* 373. Аналогично Нил., Ап., М. пс., Стар., Сел., Матф.

В Печ. Т. мн. представлен так: *глáсы* 338, 372, *звúки* 447, *зúбы* 225б, *князи* 524б, *сѣ князи* 199, *мúжи* 538б, *ногты* 140б, *на^д облаки* 544б, с *облаки* 125, *óбразы* 423б, 425б, *цвѣты* 316 (также с *штроки* 165б) — *зубы* 22б, 233 (в отличие от В. *зúбы*), *власы* 482б (ср. В. *власы* регулярно), *сѣ бѣсы* 421б, 429 (для В. отмечено только *бѣсóвы* 343). Ср. также Ряз.: *глáсы* 84, *дрúги* 287б, *пóты* 201б, *óбразы* 170б — *зубы* 77, *сѣ бѣсы* 66 (ср. В. *бѣсы* и *бѣсы*), *образы* 120, 259 (ср. В. *образы* [8×] и *óбразы* [2×]); Т. пс.: *бóгы* 107б, *-и* 138, *сѣ дáры* 66б, с *князи* 122б, *рóги* 65 — *зубы* 185б, *богы* 172.

За рамками трех названных групп находятся микросистемы переходного типа. Например, в Новг. как в Т. мн., так и в В. мн. конкурируют два типа акцентировки, но в Т. мн. флексийное ударение представлено шире, чем в В. мн. Так, в Т. мн. находим: *зоубы* (4×), с *дары* 297б, *рогы* 87, *пре^д сыны* 65б — з *дáры* 89б, *бúги* 168б, 170, *сѣ князи* 196б, с *князи* 196б, с *моúжи* 59, также *облаки* 237б,

пѡмыслы 263б. Ср. В. мн. *сынѣ* (но *на сыны*), также *дѣхѣ*, *грѣбѣ*, но *зоубѣ*, *дѣры*, *рѡги*, *дрѡги*, *строугѣ*, *облаки*. Ряд микросистем занимает промежуточное положение между группами 1 и 3: в Т. мн. ударение колеблется, тогда как в И. В. мн. на *-ы* господствует начальное ударение. Сюда можно отнести Цв., Тар., вероятно, также Авв., Дом., Карг., Лих., Пер., Увар., Улож., Фер., Хл., Яр., материал которых беден.

Приведенный материал ясно показывает, что, как и можно было ожидать, акцентуация Т. мн. во многих случаях оказывается в прямой зависимости от акцентуации И. В. мн. на *-ы*. Особенно выразителен материал Егор., Лет., Колм., Ратн.

Древнейший памятник Чуд. четко противопоставляет флексийную акцентовку Т. мн. энклиноменной акцентовке В. мн. В XVI в. эту систему сохраняют, хотя и небезупречно, только Прол. и Ион., акцентуация которых вообще отличается большой консервативностью (бедные по материалу памятники не в счет). Прочие памятники обнаруживают разные степени акцентного отождествления Т. мн. с И. В. мн. на *-ы*; в силу такого отождествления оказываются возможными даже оттяжки ударения на предлог (см., например, материал Лет.). Показательно, что следы флексийного ударения в Т. мн. встречаются почти во всех частях русской территории; никакой четкой изоглоссы они не дают. Таким образом, совокупность всех имеющих данных недвусмысленно указывает на историческое движение Т. мн. от флексийного ударения к акцентному отождествлению с И. В. мн. на *-ы* (ср. Станг 1957, с. 73).

Т. мн. на *-ьми* в а. п. с

§ 3.44. Как видно из карты 3, для восточной зоны характерно ударение типа *костьми*, для западной зоны (а также части северо-восточных памятников) — типа *кѡстьми*. Ударение типа *кѡстьми* является исторически более новым. Оно представляет собой характерный пример морфологизованной дефинализации (§ 3.9); ср. место ударения в таких примерах, как *лакѡтьми* Печ. 60б, *с отрѣбми* Цел. 3б. Соответственно, здесь практически не бывает оттяжек ударения на предлог (единичные отклонения явно носят аналогический характер).

В особом положении находится словоформа *людьми*: она сохраняет (хотя бы факультативно) старое ударение *людьми*, по-видимому, повсеместно (ударение *людьми* отмечено только в Т. пс., Ап., Сол. и Цел., см. ниже). С другой стороны, у многосложных (без полногласия), например, *похоть*, *немоць*, *заповѣдь*, *повѣсть*, *крѣпость*, в XVI—XVII вв. чаще всего выступает начальное ударение, выровненное по И. ед. и И. мн. Это явление возможно в любом диалектном районе. Соответственно, словоформы типа *похотьми* диалектологически показательны только при флексийном ударении. Далее, некоторые словоформы с книжным оттенком могут иметь наосновное ударение даже в восточной зоне; таковы прежде всего *кровьми*,

лестьми, страстьми, вещьми. Они тоже показательны только при флексиионном ударении.

Слово *скорбь* в одних микросистемах акцентуируется по а. п. с, в других по а. п. а. Именно этот последний вариант представлен, в частности, в Чуд., Увар., Ап., Дом., Сол., Костр., где находим *скѡрбьми*, при том что господствует (или преобладает) модель *кѡстьми*. Таким образом, для нашего разбора может быть показательным только ударение *скорбьми*.

В акцентуации словоформ на *-ьми* не обнаруживается каких-либо существенных различий между *i-feminina* и *i-masculina* (а также допускающими в некоторых системах такое окончание *jo-masculina*), например: *кѡстьми, звѣрьми, князьми* или, напротив, *кѡстьми, звѣрьми, князьми*. При этом, однако, словоформы на *-ми* у *u-masculina* (изредка также *o-masculina*), например, *сынми, дарми, чинми, власми*, стоят несколько особо: в микросистемах с моделью *кѡстьми* они всегда имеют наосновное ударение (*сѣнми, дѣрми* и т. д.), но такое же ударение выступает и в части микросистем с моделью *кѡстьми*; возможно, это связано с книжным оттенком данной группы словоформ.

Ниже приводятся образцы микросистем. Словоформа *людьми* учитывается только при наосновном ударении. Словоформы прочих особых групп, названных выше (например, *похотьми, кровьми, скорбьми, сынми*), обязательно приводятся при флексиионном ударении, а при наосновном могут быть и опущены.

Модель *кѡстьми*. Печ.: *лакѡтьми* 60б, *гвѡздьми* 105б, *звѣрьми* 177, *звѣрми* 170, 173, 174б, 177, с *чѣрвьми* 145, *плѡтъми* 543б, *слѡстьми* 110б, *чѣстьми* 541б (также *вѣщьми* 421, *страстьми* 466б [+70], *пѡвѣстми* 356б; ср. еще *дѣрми* 198б [+373], *власьми* 319б); однако *дѣтьми* 151б, сѣ *дѣтьми* 402 (+402б). В прочих памятниках материала меньше. Сенин.: сѣ *дѣтьми* 68а, *чѣрвьми* 170а. Лих.: з *дѣтьми* 64б (+136в), также *вѣщми* 129г, 266а. Корн.: *рѣчьми* 23, *слѡстми* 389б, *чѣстьми* 114б (+434), также *вѣщми* 165б, *страстьми* (6×), особо стоит сѣ *страстми* и *пѡхотми* 348б, 389б; однако флексиионное ударение в *мужьми* 422б. Муз.: *слѡстми* 210, *дѣнми* 165. Егор.: *слѡстьми* 76, 132, 319 bis, также *вѣщьми* 76б, *страстьми* (7×) (помимо *зѡповѣдьми, пѡвѣстми, пѡхотьми* и т. п.). Фер.: *даньми* 35б, *плѡтьми* 779б, также *вѣщьми* 289б, 962б, *крѡвьми* 469б, *лѣстьми* 550. Дан.: *ночьми* 72, *гвѡздьми* 160, *чѣрвьми* 133б, также *вѣщми* 29 ter. Хр.: со *звѣрми* 1168б (+1176), также *крѡвми* (6×). Пск.: *звѣрми* 174б, *чѣрвьми* 179, также *вѣщьми* 329б, однако *страстми* 126б. Клон.: *звѣрми* 52, 300б, *князьми* 91. Цел.: *лѡдми* 16б, 286б, с *лѡдми* 274б, с *лѡдми* 275б (при этом *лѡдми* не встретилось), *мѡстьми* 9б, 129, с *отрѣбми* 3б (отметим еще *кѡстми* Целеб. 292). Остальные примеры единичны:

Нил. *чѣстьми* 48б, Час. *сластьми* 239, Т. пс. *лѣдми* 109 (наряду с *людми* 174), также *страстьми* 25б, Пр. *властьми* 293в, Хрон. *гвоздьми* 241б, Карг. *мужми* 462б, Амф. *сластми* 113 (также *лѣстми*, *страстьми*), Смол. *рѣчми* 87, Пер. *звѣрьми* 4 (также *вѣцми* 40б). В М. пс. представлено только непоказательное *страстми* 181.

Модель *костьми*. Чуд.: *вервьми* 75б, *немоцми* 144б, *похотми* 124а, 139в, *прелестми* 87б, *днѣми* 24б, *звѣрми* 151в, с *звѣрми* 16г, со *князьми* 68б, и *моужми* 77в, *червьми* 67а (помимо *людми* [3×]). Ион.: *вещми* 124, 189, *рѣчми* 513, с *звѣрми* 55б, *червми* 335б, однако *чѣрвьми* 583б, *дѣнми* 246б (непоказательно *крѣвми* [3×]). Увар.: *дѣтьми* 601 и др., с *дѣтьми* 49б и др., *вещми* 434, 582б, *стрѣтми* 517б; также *дарми* 70б, 706б. Лук.: *дѣтми* 77в, *сластми* 230б, *страстми* 61в, 97а, *страстми* и *похотми* 232а, *червми* 83а (также *скорбми* 156г); кроме того, *дарми* 234б, *гробми* 267г, *рубми* 65б. Биб.: *дѣтми* 29б, *бровми* 215, с *костьми* 232б, *межую полотми* 19, однако *чѣрвьми* 54 (непоказательны *крѣвми* 393б, *страстьми* 420б); также с *сынми* 341б (наряду с *дарми* 407б, *чѣнми* 454). Цв.: *вещми* 9, *костьми* 10 (+ 12), *кровьми* III 228, *ночьми* 212, *сластьми* 58, *страстьми* 22, 38б, *гвоздьми* II 30, 68б и некоторые другие, однако *мастьми* II 39, 52; также со *сынми* III 60, *чѣнми* 54б, II 44б, III 6 (наряду с *чѣнми* 209). Косм.: *деми* 68, *костми* 26б, 176б, *речми* (б. уд., но с е, а не ѣ) 94б и др., *звѣрми* 55. Яр.: *властьми* 161, с *моцми* 253, *сластьми* 159, колебание в *сластьми* 118б, *частьми* 98; также *дарми* 153, *чѣнми* 160б (наряду с *чѣнми* 120). Сол.: з *дѣтми* 147б, *моцми* 137, *страстьми* 37б (+ 23б), *звѣрьми* 8б, с *кѣнязми* 146б, однако колебание в *лѣдми* 11 (непоказательно *пѣхоми* 37б); также с *снѣми* 143. Ратн.: *детми*, *блядьми*, *рѣчми*, *снастьми*, *страстьми*, *лошадьми*, *податьми*, *прибыльми* (Станг 1952, с. 29, 40). Улож.: *дѣтьми* 79, 14б и др., за *властьми* 44, 257, *властми* 22б, з *дочерми* 198б, *лошадьми* 77б, 82б, (+ 5), *рѣчми* 186б, *крѣпостьми* 99, 157, *податьми* 253, 253б, з *записми* (часто; однако з *записми* 142б), *приписми* 298, *татьми* 5б, за *татьми* 311 (также вторичные *матерми* 268, *памятьми* 130 ter и др.). Матф.: *кровьми* 123, *страстьми* 231, со *страстьми* 155, *частьми* 17б, *заповѣдьми* 88, со *звѣрми* 85б, *мужми* 148б, однако *треми дѣньми* 218б, 227. Авв.: *дѣтми*, з *дѣтми* (часто), за *лошеми* 223, *плетми* 252 (+ 67), *рѣчми* 214б, *санми* 208 (но *санми* 27б), *сластми* 218, *звѣрми* 155, со *звѣрми* 33, 212 (также *скобми* 213б). Аналогично и в большинстве прочих памятников восточной зоны (но материала в них меньше), см. карту 3; отметим лишь сравнительно редкие словоформы: Прол. *пястми* 113, Чет. *лакотми* 11б, Лес. с *страстми* и *похотми* 255б. Поздний переход слова *дверь* из а. п. *b* в *c* отразился в примерах: Ик. *дверми* 45, Трав. *дверми* 132б.

Колебание между моделями *костъмй* и *кóстъмй*, (с некоторым перевесом первой). Лет.: *дѣтмй*, з *дѣтмй* (очень часто), *вещмй* 210, со *властьмй* 251, *волостьмй* 331, 399б, *костъмй* 77, *моцъмй* (5×: 317б bis и др.), с *по^астъмй* 259, *рѣчмй* (4×: 267б и др.), *записмй* 415б, *кнзмй* 281, 384, *кнзьмй* 346, также *снмй* 136б; с другой стороны — з *дѣтми* 167, з *дѣтми* 107б, *властьми* 241, с *моцми* 320б, з *гвоздьми* 26б, *чѣрвьми* 13 (также *дѣрми* [3×]). Ап.: *дѣтмй* 39, *вервьмй* 42б, со *страстьмй* 155б — с *людьми* 223 (ср. с *людмй* 108, *пре^о людьмй* 31б [+35, 38]), *чѣстьми* 52, также *крѣвми* 209б, *лѣстьми* 71б, *страстьми* 172, *пóхотми* 155б, 201. Нв.: з *дѣтмй*, *волостьмй*, *костъмй*, *моцъмй*, з *гостъмй*, *звѣрмй* — *властьми*, *клѣтми*, *звѣрми*, также *вещьми*, *крѣвми*, *лѣстьми* (Колесов 1972, с. 87—88, 92, 173—174). Колм.: з *дѣтмй* (часто), *плетмй* 23, *крѣпостмй* 21, *податмй* 5б, *ересмй* 258, *гво^одмй* 220, *звѣрмй* 14 (+14, 102), также вторичные *скатертмй* 203, *соболмй* 191 (ср. еще с *ушмй* 52) — *данми* 3, 7, *мастьми* 211, *рѣчми* 211, *звѣрми* (7×: 12, 14 и др.), также *вещми* 43, 210, *областьми* (5×).

В некоторых сравнительно поздних восточных микросистемах ударение на *-мй* аналогическим путем распространяется на отдельные слова а. п. б, например: Лук. *комарьмй* 65а, Косм. *по^о коро^амй* 14б, Сол. *црьмй* 146б (+Колм. 193₂), *овощмй* Колм. (9×).

Заметим, наконец, что Т. Д. дв. на *-ьма*, *-ьма*, который в Чуд. еще сохраняет исконное конечное ударение (*вещма* Т. дв. 144г), в XVI—XVII вв. ввиду своего книжного характера почти всегда выступает с наосновным ударением, например: Ап. *вещма* Т. дв. 216б, Ряз. *лѣстьма* Т. дв. 62, Печ. *брѣвма* Т. дв. 195б; отметим колебание в Ион. *рогма* Т. дв. 105 и *рогмй* 101б.

Д. мн. на *-омъ (-емъ)* в а. п. с

§ 3.45. Ниже рассматриваются в первую очередь существительные мужского рода. В материале памятников не усматривается сколько-нибудь четкого акцентного различия в Д. мн. между прежними *o-* и *u-masculina*; поэтому ниже эти группы рассматриваются вместе. Менее очевидно акцентное единство прежних *jo-* и *i-masculina* в этой форме, поскольку материала здесь существенно меньше. Ниже при разборе мы учитываем как *jo-*, так и *i-masculina*, кроме словоформы *людемъ*, которая ведет себя в акцентологическом отношении особо (новое ударение *людѣмъ* отмечено только в северо-западных памятниках Сenn., Т. пс., Вас. пс., Новг., Егор., Пск., Лет., Нв. — везде на фоне более обычного *людемъ*).

С другой стороны, твердые и мягкие основы в части микросистем в рассматриваемой форме акцентно различаются. Используя *зуб-* как символ твердых основ, а *муж-* — мягких, можно представить

основные модели акцентовки в Д. мн. так: 1) *зубомъ, мѹжемъ*; 2) *зуббмъ, мужемъ*; 3) *зуббмъ, мѹжемъ*.

Как видно из карты 6, модель *зубомъ, мѹжемъ* характерна для большей части территории западной зоны и для некоторых памятников дальнего северо-востока. Модель *зуббмъ, мужемъ* в ее чистой или почти чистой форме распространена в основной части восточной зоны. Между этими двумя ареалами, а также на большей части дальнего северо-востока выступают компромиссные модели: *зуббмъ, мѹжемъ* или колеблющиеся.

Для отдельной микросистемы наиболее показательными являются существительные с односложной (или неодносложной полногласной) основой. Слова с неодносложной основой (без полногласия) могут сохранять в Д. мн. наосновное ударение (*образомъ, послухомъ* и т. п.) даже в тех микросистемах, где представлено *богбмъ, зуббмъ* и т. д. Соответственно, словоформы типа *образомъ* показательны только тогда, когда они имеют флексийное ударение; при наосновном ударении они практически ничего не дают для характеристики соответствующей микросистемы (и ниже обычно просто не приводятся). Аналогичной особенностью обладают словоформы со «вставным» морфом *-ов-*, перенесенным из И. мн. (типа *бѣсовомъ, дѹховомъ, сыновомъ*): даже в микросистемах с регулярными *богбмъ, зуббмъ* и т. д. они могут сохранять начальное ударение (*бѣсовомъ* и т. д. — под прямым влиянием И. мн. *бѣсове*), а иногда обнаруживают ударение на *-ов-* (*бѣсовомъ* и т. д. — по-видимому, под влиянием Р. мн. *бѣсовъ*). Ниже такие словоформы при наосновном ударении могут быть просто опущены. Не включено в основной материал сочетание *въ вѣки вѣкомъ* (об акцентуации которого см. § 3.46), а также *господеви господемъ* (из псалма 135), в котором вторая часть повсеместно имеет акцентовку *гбсподемъ* (так в Т. пс., Новг., Тар., Рж.).

Приводим материал важнейших микросистем, использующих модель *зубомъ, мѹжемъ*. Чуд.: *власомъ* 84г, *вѣкомъ* 112б, 146б (не считая сочетания *в вѣки вѣкомъ*, ср. выше), *пб градо^н* 140б, *по всѣмъ градомъ* 69б, *дѣромъ* 113б, *дбмомъ* 136г, *зубо^н* 6а, *слѣдомъ* 101а, *ї холмо^н* 40б; *моужемъ* 124в, 131в, 135г, *к моужемъ* 65б (отклонения: *по градбмъ* 73в, *проугбмъ* 152в). Лет.: *бѣсо^н* 81б, *црѹ вѣко^н* 378б, *городо^н* 199, *пб городо^н* 367, 385б, *градо^н* (8×: 20, 184, 263 и др., ср. также *градовомъ* || 67), *пб градо^н* 114, 140, 182, 290, *пб градо^н* 137б, *кѣ гробомъ* 304б, *дрѹго^н* 82, *по тѣ^н листо^н* 321б, *пб лѣсо^н* 417б, *пб лесомъ* 344, *по лѣсо^н* 308б bis, *рбдω^н* 26б, *к сѹдо^н* 'navibus' 75б (отметим также *снѣв^н* 81); *боле^н* 'больным' 240, *госте^н* 368 bis, 399б, *кнзе^н* 96, 131, 208, 219, *кб кнзе^н* (5×: 127, 373б и др.), *мѹжемъ* 93б (+ 64, 71б), *к мѹже^н* 39б (отклонения: *по град^н* 84б, *по углбмъ* 316б). Фер.: *бракω^н* 827, *пѹ чинимъ* 203; *моуже^н* 263, 491, 802б, *тѣтемъ* 995б. Биб.: *ббго^н* 117, *градомъ* 329, *по всѣмъ градомъ* 340б, *кѣ грωбо^н* 436б, *вѣко^н* 430б, *пб домомъ* 89,

по́ домоь 86 bis, по́ домо^м (12×: 86 bis, 86б [5×] и др.), также бѣсово^м 393б, сыновомь 388б (отклонение: бѣ́ богóмь 387); звѣремь 430, звѣремь (4×: 12б, 13 и др.), княземь (4×: 384б и др.), моужемь (6×: 328 и др.), тате^м 469. Смол.: по... гра́домь 80, 84б, 85, 112, 113; моужемь 115б. Отдельно отметим северо-восточные памятники. Карг.: гра́дѡ^м 510, до́мѡ^м 510б, чинѡ^м 5б (+ 564); му́же^м 5б, 16, 18, 500б. Хлын.: бѣсомь (14×: 2, 2б и др.), гла́со^м 118б, дру́го^м 4б, 204, зүбо^м 49б, не к зүбо^м 21, лёдо^м 118, мра́ко^м 118, снѣго^м 118; звѣре^м 122б, му́же^м 22б, 253б, че́рве^м 232б.

Несколько менее последовательно данная модель выдержана в Егор.: бѣсомь (7×: 18б, 83б и др.), вѣкомь 163, да́ромь (4×: 284б и др.), къ дру́гомь 25б, доу́хомь 250б, гóстемь 275, 275б, моужемь 51б, 258, 470б, однако скрѣжетъ зюбо́мь 283б, скреже^м зюбо́мь 510б, моужемъ же 465б, мужемъ i жена^м 50б. Сюда же Чет.: бóгомь 86б (с неясным ѓ), бѣсомь 132б, вѣкѡмь 114б, гра́домь 147, по́ гра́домь 24б, дру́гѡ^м 33, звѣремь 82, княземь 143б, моужемъ же 25, но также богóмь 91б, бѣсо́мь 24б, 88; Клон.: бѣсомь 22, 24б (также бѣсовомь 10б), по гра́домь 92, къ... грóбомъ 99, дру́гомь же 68б, лѣ́домь 105б (+ 71б), че́рвемь 188, но также бѣсо́мь 11б, мужемъ 279. Бедны материалом рукописи Лих., Ег., Пр., Пат., Жит.

Перейдем к модели с флексионным ударением: зүбо́мь, мужемъ. Проп.: бѣс-ѡмь 4, -омь 9, зүбо́мь 69; звѣремь 58. Вас. сб.: богóмь, бѣсо́мь, бѣсовомь, вѣкомь, облако́мь, образо́мь, помыслѡмь; мужемъ (см. Васильев, с. 123, Колесов 1972, с. 155). Дос.: бѣс-ѡмь 280, 282б, -ѡ^м 8б, по гра́ѡмь 2б; звѣремь 64б. Ап.: богóмь 153б, бѣ́ богóмь 232б, бѣсо́мь 32б, 123 bis, 157, власо́мь 124, по гра́домь 203, по всѣмь гра́домь 260, даро́мь 61б, къ дру́гомь 49б, духо́вомь 35б, 193б, къ духо́вомь 165, родо́мь 161, снóмь 136б bis, 224б bis; господемь 173, княземь 8, ко княземь 31, мужемъ (часто: 4, 61б, 62 и др.), к мужемь 61б и др. (отклоняется только книжное црю́ же вѣкомь 192; особо стоят до́мовомь 9б, образо́мь 218б, дхóвомь 224б, ср. о таких словоформах выше). Тар.: бѣсовомь 218, снóвомь (4×: 109б bis и др.); звѣремь 104б, княземь 107, 125б (отклоняется только книжное прү́гомь 112б). Цв.: власо́мь 65, вѣкомь (часто), грóбомь 4, дру́гомь (часто), ду́хомь III 184б, помыслóмь 37б и др., свѣто́мь III 101б, слѣдо́мь 69б, снóвомь (часто), оугло́мь 63б, чинóмь II 18; гвоздемь II 3, 24б, звѣремь III 224б, княземь 70 и некоторые другие (отклонения: дру́гомь 81, родо́мь родбѣъ 179б). Бук.: бѡгѡмь 131, гласѡмь 133 (и гласѡвѡмь 138), грóѡмь 133б, рѡгѡмь 139; гдѣмь 133, червемь 135. Ряз.: бѣсо́мь (часто), бѣсо́вомь 3б и др., волко́мь 310б, даро́мь 174б, ду́хомь 65б, духо́вомь

178 и др., *зубѡмъ* 90, *сноѡмъ* 145; *звѣремъ* 88б, *татѣмъ* 205б, 210, 285 (отклонения: *сокомъ* 139, *звѣремъ* 268б). Костр.: *бѣсомъ* 99 bis, *волкомъ* 225б, *даромъ* 33б, *саномъ* 33б, *сыномъ* 204б; *мужемъ* 8б. Ратн.: *валомъ*, *воромъ*, *рядомъ* (4×), *оугломъ* (4×) (также вторичное *мастеромъ*); *кнземъ*, *сторожемъ*; отклонение: *рядомъ* 67 bis, 112 (см. Станг 1952, с. 19); наряду с этим в Ратн. представлено значительное количество словоформ с новым окончанием *-амъ* (при отклоняющемся *оугламъ* 109, 116). Улож.: *воромъ* 308, 311б, *по годомъ* 242б, 320б, *по городомъ* (часто), *къ городомъ* 254, *по домомъ* 84, 133, 199, *кормомъ* 81, *мостомъ* 91б, *по мостомъ* 6б, 86б, *поваромъ* 110, *по рядомъ* 143б, *чиномъ* 183, *по чиномъ* 245б (также *ѡбыскомъ* [часто], *по ѡбыскомъ* 302б bis); *гостемъ* 64, 107б, 232б, 237, 248, *сторожемъ* 298, 320б, *татѣмъ* 299б, 311б (особо отметим *мужемъ* 278); наряду с этим *лугамъ* 155б, *сторожамъ* 320б, *судамъ* 'navibus' 91. Матф.: *бѣсомъ* (часто), *бѣсовомъ* (часто), *градомъ* 85б, *гробомъ* 183б, *даромъ* 34, *другомъ* 83б, *зубомъ* (часто), *помысломъ* 105б, *родомъ* 227, *сновомъ* 157, *-омъ* 231₂ (также вторичные *жидомъ*, *оудомъ* и др.); *кнземъ* 11, 29, 172б, *мужемъ* 147б, *червемъ* 221б. Аналогичная картина обнаруживается также в Хл., Вер., М. пс., Рж., Сел., Колм. (отклоняются только Вер. *кнземъ* 13б, Колм. *кнземъ* 87). В ряде памятников, сравнительно бедных материалом, встретились только твердые основы (с акцентной по модели *зубомъ*); таковы Хлуд., Рум., Зап., Пер., Яр., Тих., Авв. В Косм. представлено только *по лесомъ* 179, 180 (без ударения, но с е, а не ѣ); по-видимому, здесь было флексивное ударение (менее вероятен двукратный пропуск ударения над *по*). Флексивное ударение заметно преобладает в Нил.: *богомъ* (4×), *бѣсомъ* (8×), *духомъ* Г 212, *къ духомъ* Г 57, *помысломъ* (4×) — *бѣсомъ* Г 93, Т 146б. Сходная картина в Вас. пс. (см. Васильев, с. 123—124), Муз., Лес.

Промежуточную модель *зубомъ*, *мужемъ* обнаруживают следующие микросистемы. Час.: *бѣсомъ* 24б, *-омъ* 324б, 441, *на конецъ вѣкомъ* 420б, *другомъ* 399 — *кнземъ* 189, 200б. Т. пс.: *бгъ богомъ* 98 (+ 69б), *а не бгоу бгомъ* 152, *к пискомъ* 1б, *пругомъ* 93, также *сновомъ* 91 (наряду с *сновомъ* 145, *чиново* 1б) — *кнземъ* 89б, 100. Сенн.: *бѣсомъ* 9в, 55б, 158а, *зубомъ* 61г, *пругомъ* 15б (также вторичное *оудомъ* 13г; отметим еще *цепомъ* 'затмению' 215б bis) — *моужемъ* 17в (+ 26г), *червемъ* 12а (отклонения: *гробомъ* 110в, *даромъ* 218г). Корн.: *къ... вредомъ* 227б, *другомъ*^{жс} 434, *скреже*^м *зубомъ* 125 (ср. *градомъ*^м 108б) — *моужемъ* 110 (+ 110, 351б). Хрон.: *богомъ* 237б, *къ богомъ* 235б, *к рогомъ* 23б — *моужемъ* 226б, 237б (отклонение: *богомъ* 224б). Амф.: *бѣсомъ* (10×: 79б, 142 и др.), *помысломъ*

165б, также *бѣсово^м* 128б, 165б, 197б, *градо^{во}м^м* 145, *дѣхово^м* 167, *сново^м* 27б (колебание: *дрѹго^м* 199б) — *звѣре^м* 19б, *князе^м* 42, 161. Библия: *бесомъ* 489б, *градомъ* 477, 480б, *рѹ^д* *родомъ* 488, *сно^м* 949б и др., *къ сно^м* 610б (отклонение: *градо^м* 658б) — *князе^м* 699, *к мѹже^м* 607.

В прочих памятниках представлены различные варианты колебания между основными моделями. Вариант *зубомъ* // *зубомъ*, *мѹжемъ*. Новг.: *зоубо^м* *ихъ* 216б, *бгъ бого^м* 95, 305, *бѹгу бого^м* 267 (+ 224, 247) (ср. также *вѣки вѣкѹмъ* 260б, *ѹ вѣки вѣкѹмъ* 264), однако *бѣсомъ* 247 (+ 186), *к писку^м* 20б, *проуго^м* 142б (также *плѹдомъ* 142б — по а. п. с; непоказательно *сыновѹмъ* 121 [+ 139б bis, 235б]); при мягкой основе — *звѣремъ* (6×: 6 bis, 119б и др.), *князе^м* 68б, *к мѹжемъ* 8б, но один раз *кнземъ* 13б. Увар.: *богомъ* 633, *бѣсомъ* (5×: 495б и др.), *волкомъ* 616, *по градомъ* 616, *по... градомъ* 488, 489б, 601, *домомъ* 677б, 678, *сновомъ* 396б, 614 (также вторичное *жидомъ* 4, 396б bis и др.) — *вѣко^м* 584, *по... градо^м* 607, *къ гробомъ* 726б, *домо^м* 297, *по чиномъ* 491б; с другой стороны, *звѣремъ* 563 (+ 297б), *звѣре^м* 297б, *князе^м* 733б, *мѹже^м* 303, но один раз *мужемъ* 841б. Хр.: *богомъ* 599б, 1102, *богомъ* 599б, 1050, *бгъ бого^м* 1161, *родомъ* 1056б — *ко бѹго^м* 1301б *градо^м* 1315, *долгомъ* 513б, *дрѹго^м* 1229, *родомъ* 89, *сыно^м* 398б, 422б; при мягкой основе — *звѣре^м* (8×: 520б, 762 и др.), *княземъ* 317б (+ 526б), *ко княземъ* 637, *ко князе^м* 1014, 1014б, 1197б, *ко княземъ* 1014, *мѹже^м* (7×: 951, 1058б и др.); Нв.: *богомъ*, *вѣкомъ*, *градомъ*, *зубомъ*, *сыномъ* — *дрѹгомъ*, *по лѹгомъ*, *родомъ*, *трѹпомъ*; *гостемъ*, *мѹжемъ* (см. Васильев, с. 124, Колесов 1972, с. 154—156, 173). Сходная картина в *Дом.*, но материал здесь очень ограничен: *по судомъ* 'in vasibus' 76б — *к бѣсомъ* 39, *градомъ* 37б; *к гостем* 100, *княземъ* 10б.

Вариант *зубомъ*, *мужемъ* // *мѹжемъ*. Печ.: *богомъ* (часто), *къ брегомъ* 533б, *бѣсомъ* (часто), *вѣко^м* 71, *по градомъ* 360, *даромъ* 370, *дрѹгомъ* 437б, *къ другомъ* 524б, *духомъ* 211б, *облакомъ* 113, *образомъ* 36б, *по родомъ* 301б, *сыномъ* (5×) (вероятно, сюда же *глумомъ* 420б), также вторичные *вѣтромъ* 419б, *гадомъ* 19б, 113б (ср. еще *ѡтрокомъ* 416б, 481); с другой стороны, *кнземъ* бѹ 240б, *мужемъ* 464, *мѹжемъ* 434 (оксия над *у* выскребена), *червемъ* 534б — *звѣремъ* 88б, 204б, *къ звѣремъ* (5×), *мѹжемъ* 91, 112, 365б, *к мѹжемъ* 538б, *червемъ* 6б. Трав.: *бокѹмъ* 325, *власѹмъ* (8×: 93, 234 и др.), *лугѹмъ* 106б, *-омъ* 146б, *ѡстровѹмъ* 371б, 397, *ѡтокумъ* 142, *родѹмъ* 288б, также вторичные *мастерѹмъ* 248б, *недугѹмъ*, *-омъ* (часто), *ѡтрокумъ* (часто), *оудѹмъ*, *-омъ* (часто); с другой стороны, *мужемъ* 128 — *мѹжемъ* 237б.

Общее колебание в Сол.: *бѣсомъ* (5×), *по градѣмъ* 147б, *гробѣмъ* 270, 270б, *ко гробѣмъ* 154б, *по домѣмъ* 155, *по родѣмъ ихъ* 95б — *бѣсомъ* 21б, *лѣдомъ* 165б, 180 (также *лѣдѣвомъ* 114б), *чїномъ* 5б; *гостѣмъ* 193б — *гостемъ* 128. Разные формы колебания (см. карту 6) представлены также в Дан., Ион., Лук., Стар., Пч., Цел., где материала сравнительно мало.

Содержащийся в памятниках материал по Д. мн. на *-омъ*, *-емъ* у существительных среднего рода, к сожалению, весьма невелик. Все же он дает возможность установить, что у основной группы относящихся сюда словоформ: *вратѣмъ*, *мясомъ*, *моремъ*, *полемъ* — в конкретной микросистеме ударение обычно такое же, как в мужском роде. Приводим материал. Начальное ударение: Лих. *вратѣмъ*^м 233в, Лет. *кѣ вратѣмъ*^м 219б, *пѣ || вратѣмъ*^м 218, Егор. *мѣремъ* 220б, Дан. *мѣремъ* 97б, Биб. *пѣ поле*^м 114б, Чет. *мѣсомъ* 15б, *кѣ вратѣмъ* 27б; отметим, кроме того, Авв. *кѣ врата*^м 67б, *кѣ вратѣмъ* 252. Флексивное ударение: Чуд. *ко вратѣмъ* 66г, Прол. *ко вратѣмъ* 55б, 118 (+ Муз. 99, 205, Вас. сб. 210б, Егор. 61, Матф. 219б), Биб. *кѣ вратѣмъ* 334б (+ 284б), Цв. *вратѣмъ* 204 (+ Хр. 424б, Печ. 529б), Трав. *мѣсомъ* 95; ср. также Цв. *временѣмъ* II 6б, Улож. *по имѣномъ* 133б; далее, с новым окончанием — Хр. *по... морѣмъ* 41б, Ратн. *словѣмъ* 92, 182, Колм. *по пољѣмъ* 217б (+ Авв. 217б), Авв. *мѣсамъ* 218, также Колм. *воротѣмъ* 201. Сравнивая эти данные с картой 6, мы видим, что они почти везде согласуются с ударением masculina (прямыми отклонениями являются лишь *кѣ врата*^м в Авв. и *ко [кѣ] вратѣмъ* в Чуд., Егор., Биб.; пример *брашнѣмъ* Чуд. 135г, возможно, сюда не относится, поскольку в Чуд. а. п. слова *брашно* колеблется, а именно, иногда выступает акцентовка по а. п. б).

В особом положении находятся: 1) словоформы с ударением, перенесенным из Р. мн. — *ворѣтомъ*, *озѣромъ* (сюда же *по пѣлемъ*), см. § 3.40; 2) книжные словоформы *словесѣмъ*, *телесѣмъ*, *древесѣмъ* (нередко также с *-ѣмъ*); они постоянно выступают с именно таким ударением; 3) книжные словоформы *ѣзеромъ*, *чрѣвомъ*; сюда же примыкает словоформа *тѣломъ* (в церковных памятниках; конкретно она отмечена в Час., Амф., Яр.). Перечисленные категории словоформ имеют постоянное ударение, не зависящее от общих свойств акцентной микросистемы.

§ 3.46. Совокупность приведенного материала показывает, что в восточнославянской области энклиноменная акцентовка Д. мн. на *-омъ* (*-емъ*) представляет собой весьма старое явление (даже если первоначальной для праславянского здесь была флексивная акцентовка, см. Дыбо 1981, с. 29). На это указывают, во-первых, господство энклиноменной акцентовки в Чуд., во-вторых, многочисленные примеры оттяжки ударения на проклитику: *пѣ градѣмъ*, *ї холмо*^м в Чуд., *пѣ городѣмъ*, *пѣ градѣмъ*, *пѣ лѣсо*^м, *кѣ гробѣмъ*, *кѣ кнѣзе*^м, *кѣ вратѣмъ*, *пѣ вратѣмъ* в Лет., *кѣ грѣбо*^м, *пѣ домѣмъ*, *пѣ поле*^м в Биб.,

но́ чиномъ в Увар. и Фер., *ко́ княземъ* в Хр. и другие (ср. также явно реликтовое *к вóратамъ* в Авв.). Для названных памятников неисконные отяжки нехарактерны; напротив, в частности, в Лет. уже устранена ощутимая часть исконных отяжек. Таким образом, отнести приведенные примеры за счет каких-то поздних преобразований невозможно.

Поскольку едва ли можно считать поздним флексивное ударение Д. мн. (ср. отдельные примеры такого ударения в Чуд., а также положение в памятниках XV в. Час., Т. пс., Нил., Сени.), необходимо признать сосуществование диалектных вариантов *зубомъ* и *зубомъ* уже в древнерусском. По-видимому, картина их распределения в XVI—XVII вв., отраженная картой 6, уже изменена по сравнению с первоначальной в пользу флексивного ударения. Об этом говорит, в частности, тот факт, что микросистемы с моделью *зубомъ* расположены в виде разорванных участков на западной и северной периферии великорусской территории. Значительно более широкое распространение начального ударения при мягкой основе, чем при твердой, очевидным образом связано с влиянием *i*-склонения, в котором форма Д. мн. повсеместно была энклиноменом.

Заметим, что у *i*-femíniна развитие в Д. мн. нового ударения типа *страстѣмъ* наблюдается примерно на той же территории, где представлена модель *мужѣмъ*; но оно протекает менее интенсивно. Примеры ударений *страстѣмъ*, *властѣмъ*, *дочерѣмъ* и т. п. отмечены (всегда лишь на фоне преобладающего начального ударения): в Москве и поблизости — в Ап., Цв., Вер., Ряз., Ратн., Улож., Матф.; на северо-востоке — в Бук., Зап., Костр., Яр., Печ., Сол.; сверх этого, только в Лет., Фер. и Нв.

Для восстановления акцентной истории Д. мн. на *-омъ* представляет особую ценность акцентовка устойчивого сочетания *въ вѣки вѣкомъ*. В большей части памятников оно просто подчиняется общим для данной акцентной микросистемы правилам. Так, в Ап., Тар., Цв., Рум., Сел., Печ., Пер., Костр., Яр., Тих., Авв., где представлена модель *зубомъ*, регулярно выступает акцентовка *во вѣки вѣкомъ* (*во вѣки* вместо *въ вѣки* отражает книжный вариант реализации предлога); сюда же М. пс. *во вѣки вѣкомъ* 92, Хлуд. *в вѣки вѣко*^м 123. Далее, *во вѣки вѣкомъ* находим также в Увар., Лук., Сол., Цел., где конкурируют модели *зубомъ* и *зубомъ*; сюда же Новг. *и в вѣки вѣко*^м 264 (NB ударение на *и*), *в вѣки вѣкомъ* 260б. С другой стороны, в Чуд., Смол., Клон., Хлын., где господствует модель *зубомъ*, мы находим и в данном сочетании ударение *вѣкомъ*: Чуд. *в вѣки вѣкомъ* 153а (также *в вѣки вѣко*^м 153г), Смол. *в вѣки вѣкомъ* 70 (+ Клон. 270б), Хлын. *во вѣки вѣкомъ* (5×: 20б, 37 и др.), *во вѣки вѣкомъ* 41, *во вѣки вѣкомъ* 17б, 29. Сюда же примыкают Пск. *в вѣки вѣкомъ* 56б, ср. *въ вѣки вѣко*^м 124 (других примеров группы *зубомъ* здесь нет), Дан. *въ вѣки вѣко*^м 129б, 171 (в группе *зубомъ* здесь колебание).

в нескольких рукописях выступают различные комбинации с начальным *въ вѣки*: Прол. *в вѣки вѣкѣм* || 109б, Егор. *в вѣки вѣкомъ* (20×: 34б, 59, 93 и др.), *въ бесконечный вѣки вѣкомъ* 98а (один раз также *в вѣки | вѣкомъ* 230б), Лет. *въ | вѣки вѣкѣм* 45б, *въ вѣкы вѣкѣмъ* 31б, Чет. *в вѣкы вѣкѣм* 23б, и *в вѣкы вѣкомъ* 74б (в Прол. представлена модель *зубѣмъ*, в Егор., Лет., Чет. — *зубѣмъ*); заметим, что в Прол. и Егор. (а также в Час. и Новг.) изредка встречается ударение *въ вѣки* в независимом употреблении (при более обычном *в вѣки*).

Аномалии в акцентуации рассматриваемого сочетания лучше всего объясняются исходя из предположения, что в раннедревнерусском это было сочетание двух синтагматически тесно связанных полнозначных энклиноменов: *въ вѣкы вѣкомъ*. Как отмечено в § 2.9, просодическое поведение таких сочетаний было не вполне устойчивым. Наряду с трактовкой всего сочетания как единого энклиномена была возможна трактовка его как ортотонической единицы с ударением на последнем слоге первого члена, ср. *новъ городъ* (> *новъ городъ*), *новъ города*, *нову городу*, также *обѣ полы* и т. п. Акцентовка *въ вѣкы вѣкомъ* в точности соответствует этой модели. В единичном *в вѣкы вѣкѣмъ* Лет. 31б второе ударение имеет ритмическое происхождение; этот случай совершенно параллелен многократно отмеченным в рукописях написаниям *новгородъ*, *новгородъ*, *новградъ* (ср. § 3.7). Акцентовка *въ вѣки (во вѣки) вѣкомъ* отражает неслитный вариант реализации данного сочетания. В качестве архаизма старое ударение *вѣкомъ* (а не *вѣкѣмъ*) сохраняется в данном устойчивом сочетании даже в ряде рукописей (Т. пс., Час., Амф., Ряз.), уже получивших в независимом употреблении акцентовку *зубѣмъ*.

Разумеется, акцентная эволюция, состоявшая в расширении сферы флексивного ударения в Д. мн. на *-омъ* (*-емъ*), была актуальна лишь для эпохи, когда еще было живо (хотя бы в части говоров) само окончание *-омъ* (*-емъ*), т. е. приблизительно до конца XVII в. Пришедшее ему на смену окончание *-амъ* (*-ямъ*) у существительных а. п. с почти всегда ударно (по крайней мере, в восточной зоне): *городамъ*, *волкамъ* и т. д. (ср. § 3.49).

М. мн. на *-ѣхъ* (*-ихъ*) в а. п. с

§ 3.47. Рассмотрим вначале существительные мужского рода. Как видно из карты 7, флексивная акцентовка (модель *лѣсѣхъ*) характерна прежде всего для Москвы и близких к ней районов (акцентовку московского типа имеет в этом пункте также Чуд.), наосновная (модель *лѣсѣхъ*) — для всей периферии.

Каких-либо явных различий в акцентовке М. мн. при твердой и при мягкой основе в нашем материале не усматривается; но следует учитывать, что для мягких основ примеров очень мало. Не удается также провести сколько-нибудь четкое акцентное разграничение

между бывшими *o-* и *u-masculina*. К словоформам с *-ѣхъ* в акцентном отношении примыкают также словоформы М. мн. с *-охъ*; ниже при разборе микросистем они даются отдельно в конце списка. В качестве дополнения к основному материалу отмечаются также *i-masculina*.

Как и для формы Д. мн., словоформы с неодносложной основой (без полногласия), например, *образѣхъ*, *послусѣхъ*, диалектологически показательны только при флексийном ударении (при наосновном ударении они могут быть ниже просто опущены). То же верно для словоформ со вставным морфом *-ов-* (*садовѣхъ* и т. п.). Ряд книжных слов (в частности, *бракъ*, *ликъ* 'сон', *храмъ*) обнаруживает склонность к переходу в а. п. *a*; соответственно, ударения *браѹѣхъ*, *лицѣхъ*, *храмѣхъ* могут быть диалектологически непоказательными.

Приводим наиболее наглядные микросистемы.

Наосновная (а именно энклиноменная) акцентовка. Лет.: *вѣ градѣхъ* 247, *градѣхъ* (5×), *на двѹ грѣбѣхъ* 298, *в дѣмехъ* 34, *дѣмехъ* 316, *в лѣсехъ* 285б, *в рѣзехъ* 335б, *по всѣхъ стѣнѣхъ* 260б, *в сѹдѣхъ* 'in navibus' (14×), *сѹдѣхъ* (idem) 295, также *на сѣроуѣхъ конѣхъ* 247б, *сѣроуѣхъ же* 247б (отклонение: *в лесѣхъ* 70); *в кнѣзехъ* 152б. Егор.: *вѣ градѣхъ* 396б, *вѣ грѣбѣхъ* 332б, *не вѣ грѣбѣхъ* 214, *ω дарѣхъ* 462б, *рѣдѣхъ* 468 (отклонения: *на домѣхъ* 201, *в домѣхъ же* 48б; ср. еще *в жидовѣхъ* 39б при *о жидовѣхъ* 287б); *пѣ mouжехъ* 469. Новг.: *в бѣзѣхъ* 153б, 244, *вѣ грѣбѣхъ* 254б, *вѣ грѣбѣхъ* 117б, *на снѣхъ* 177, ср. также *пѣ домохъ* 18б (в примере *в хѣлмѣхъ* 143б неясна а. п.). Биб.: *в вѣѹѣхъ* 420, *вѣ градѣхъ* (15×), *ω градѣхъ* 138б, *вѣ грѣбѣхъ* (4×), *в дѣмѣхъ* 25, *рѣдѣхъ* 6б, *ω рѣдѣхъ* 6б, *на снѣхъ* 435, *в хѣлмѣхъ* 385б, *на хѣлмѣхъ* 227; *ω князехъ* 200б; ср. также *в дѣмохъ* 464б, *зѣрехъ* 16. Библ.: *вѣ градѣхъ* (3×), *градѣхъ* 967б, *ω градѣхъ* 956б, *ω грѣбѣхъ* 994б bis, *в дѣмехъ* 558б, *при поасѣхъ* 675б, *на рѣзѣхъ* 904, *ω снѣхъ* 994, *в чѣрепѣхъ* 'в черепках' 489б. Рж.: *в бѣзѣхъ* 254, *вѣ грѣбѣхъ* (3×), *в хѣлмѣхъ* 132б; ср. однако, *в сынѣхъ* 149. Колм.: *в гѣрѣдѣхъ* 202, *градѣхъ* 5, *в дѣмѣхъ* (7×), *дѣмѣхъ* 193₂, 209, *ω слѣнехъ* 224, *чѣнѣхъ* (часто), *в чѣнѣхъ* 193₂ (отметим еще *в клѣпотѣхъ* 43, *ѣстровѣхъ* 17); ср. *о богѣхъ* 220, *на ѣстровѣхъ* 211, *на тѣхъ ѣстровѣхъ* 210 bis, но также *ω гѣрѣдѣхъ* 206, *лѣптѣхъ* 37. Приведем также несколько примеров из прочих микросистем этого класса: Муз. *на дусѣхъ* 35б (+ Сел. 236), *на князехъ* 175б, Чет. *в рѣдѣхъ* и *рѣдѣхъ* 46, Ик. *вѣ власѣхъ* 62б, *вѣ крѣзѣхъ* 92, Клон. *вѣ гласехъ* 3, Кирил. *ω бозехъ* 197б (ср. еще Фер. *ω властелехъ* 994, *ω татехъ* 946б).

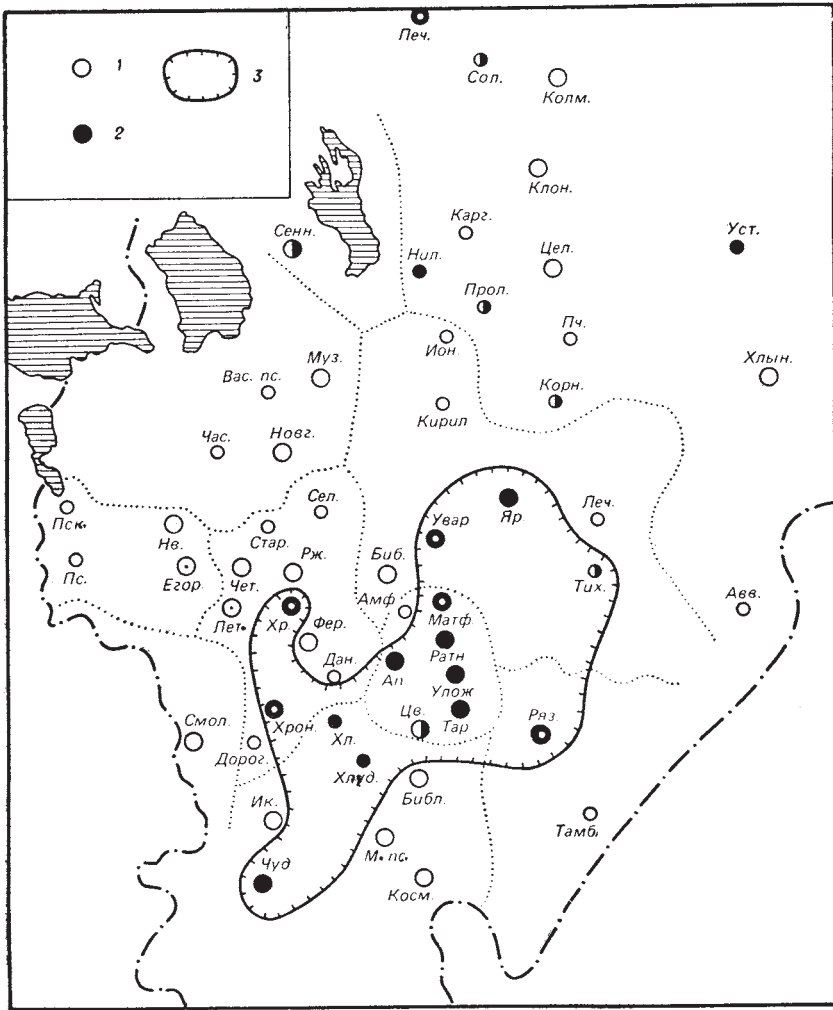
Флексийная акцентовка. Чуд.: *в грѣбѣхъ* 31а, *о... подвизѣхъ* 132б. Увар.: *о власѣхъ же* 545б bis, *в дарѣхъ* 706б, *о дарѣхъ* 673б, 719б (+ 714б), *домѣхъ* 726б, *пирѣхъ* 427, *в поварѣхъ* 804б (отклонения: *вѣ градехъ* [4×], *градехъ* 67, 719; непоказательны *о браѹехъ* 341, *браѹѣхъ* 337б [+ 326б], ввиду Р. мн. *браковѣ* 341б, 343б); ср. также

по рядо́хъ 77, в стано́хъ 737. Ап.: во гра́дѣхъ 1446, гра́дѣхъ 296, 1796, о дарѣ́хъ 222, в домѣ́хъ 116, в сынóхъ 160. Хр.: бозѣ́хъ 368 (+ 1129), во гра́дѣхъ 10496, на домѣ́хъ 3686, родѣ́хъ 966, во сынѣ́хъ 778, на оуглѣ́хъ 400 (отклонение: во гра́дѣхъ 1128 [+ 11036]); ср. также звѣ́ре^x (4×). Печ.: власѣ́хъ 1796 bis, гра́дѣхъ 98, дарѣ́хъ 3166, в домѣ́хъ 438, дусѣ́хъ 424, ѡбразѣ́хъ 419, на пирѣ́хъ 5236, садѣ́хъ 4256, также храмѣ́хъ 4076 (отклонение: во всѣ́хъ родѣ́хъ 576; малопоказательно в лицѣ́хъ 'в сонмах' 383); мужѣ́хъ 2786; ср. также о снóхъ 1736 (и вторичное гадóхъ 291), однако на западохъ 113. Матф.: во гра́дѣхъ 80, во гробѣ́хъ 636, не ѡ друзѣ́хъ 1996, на дусѣ́хъ 71, при поясѣ́хъ 726, также во храмѣ́хъ 1856 (отклонение: во углѣ́хъ 47; непоказательны на облацѣ́хъ [3×], садовѣ́хъ 99); ср. также въ домóхъ 82 (+ 82), не по ѡбразóхъ бо 1336. Улож.: ѡ ворѣ́хъ 536, годѣ́хъ (часто), в городѣ́хъ (часто), долѣ́хъ (часто), в долѣ́хъ 2746, домѣ́хъ 2576, въ домѣ́хъ 186, в послуѣ́хъ (часто), в рядѣ́хъ 9, 101 и др., в станѣ́хъ 56, 312, на станѣ́хъ 4, 836, 301, чинѣ́хъ 2516, 252, также вторичные искѣ́хъ (часто), ѡбыскѣ́хъ (часто), мастерѣ́хъ 746 (но ѡ ма́стере^x 3, 58); на стороже́хъ 3216, ѡ стороже́хъ 576; ср. также ѡ тат-ѣ́хъ, -ѣ́хъ (6×), но въ гóстехъ 3346 ter; кроме того, с новым окончанием в бѣга́хъ, вора́хъ, долга́хъ, луга́хъ, лѣса́хъ, моста́хъ, сторожа́хъ, также в недоросля́хъ 29 (однако в бѣга^x 2866, недоросля́хъ 2926).

Колеблющаяся акцентовка. Сени.: въ гробѣ́^x 163a bis, 1636, дру-зѣ́^x 25г, на^o (вместо на) доусѣ́^x 166г, въ облацѣ́^x 115г (ѡ, вероятно, неиктусное), также вторичное ѡ оудѣ́^x 25г — въ граде^x 45г, не въ граде^x 167a, на облацѣ́^x 203г, на облацѣ́^x (3 уд.!) 2036, при́ поясѣ́^x 41г. Цв.: в бозѣ́хъ 1366, гра́дѣхъ III 247, во гробѣ́хъ (4×: 1536 и др.), в домѣ́хъ 180 — во гробѣ́хъ 2216, на ѡблацѣ́хъ III 165 (ср. на ѡблацѣ́хъ 616), о сынѣ́хъ 184.

Общие сведения о ситуации в остальных памятниках дает карта 7.

Для среднего рода картина такова. У словоформ М. мн. вратѣ́хъ, дровѣ́хъ, мясѣ́хъ, словѣ́хъ, морихъ (-ѣ́хъ), полихъ (-ѣ́хъ) ударение в конкретной микросистеме в большинстве случаев такое же, как в мужском роде. Материал, удовлетворяющий этому принципу: 1) Пс. в мóрихъ 93, в пóлѣхъ 91, 319; Вас. пс. во вратѣ́хъ 116, 1816, в мýрѣхъ 1866, 2246, на морѣ́хъ 29, в пýлѣхъ 1836, Ион. врато^x 280; Новг. во вратѣ́хъ 366, въ вратѣ́хъ 2186, 3056 (наряду с въ вратѣ́хъ 132 [+ 121]), в мýри^x 223, в мýрѣ^x 2656, на мурѣ́хъ 556, в пýлѣхъ 2206; Лет. во вратѣ́^x 73, 103 (наряду с во вратѣ́^x -2186, на вратѣ́^x 2186), ср. еще въ ѡзерѣ́^x 181; Фер. въ дрóвѣ́^x 9876; Биб. в мýри^x 4006, на мурѣ́^x 370; Библ. въ вратѣ́^x 6186, слóве^x 9716 (о на пóле^x 9926 см. § 3.40); Стар. на по-лихъ 92; Рж. в мýри^x 229, на морѣ́^x 356; Нв. на полехъ 6306;

Карта 7. Ударение в М. мн. *o*-masculina а. п. с:

1 — модель *лѣсѣхъ*; 2 — модель *лѣсѣхъ*; 3 — основной ареал преобладания модели *лѣсѣхъ*.

М. пс. *во вратѣхъ* 72; ср. еще Цел. *в мѣсахъ* 265; сюда же примыкают Т. пс. *въ вратѣхъ* 94, *на мори*^x 48, *Вас. сб. в мѣри*^x 283 (в этих памятниках не представлены соответствующие masculina); 2) Чуд. *при вратѣхъ* 65б; Хрон. *на мѣсѣхъ* 230; Увар. *в мѣсѣхъ* 834б; Тар. *на морѣхъ* 29; Хр. *на вратѣхъ* 512, 534; ср. еще Улож. *в поляхъ* 77; 3) Цв. *во вратѣхъ* 5б и *во вратѣхъ* 5б (*о на полѣхъ* 183 см. § 3.40; двусмысленно *в полѣхъ* 50б). Отклонения от указанного принципа таковы: а) в нескольких случаях neutra показывают начальное ударение при флексийном ударении у masculina — Увар. *в дрѣвѣхъ* 811б (также *на дрѣвѣхъ* 723), Тар. *во вратѣхъ* 94, Ряз.

въ... *вратѣхъ* 85б, также *Матф. при моряхъ* 93; б) ударение во *вратѣхъ* отмечено в Егор., Биб., Рж., см. также выше о колебаниях в Новг. и Лет. (ср. выпадающую из микросистемы акцентовку Д. мн. *вратомъ* в Чуд., Егор. и Биб., § 3.45). Оставляем в стороне примеры *древѣхъ*, *чревѣхъ* (где ударение может быть книжным), а также *воротѣхъ*, *озерѣхъ*, *езерѣхъ* (см. § 3.40). У *es-* и *en-*neutra в М. мн. обычна энклиноменная акцентовка: *на небесехъ* (очень широко представленное сочетание), *словесехъ*, *именехъ*, *временехъ* и т. д. (часто также с *-ѣхъ*). Флексийное ударение отмечено (часто наряду с начальным) лишь в меньшинстве памятников (Нил., Сени., Т. пс., Пск., Ап., Печ.).

Поскольку флексийное ударение в М. мн. *o-*склонения представлено у слов а. п. *s* уже в Чуд., оно должно быть признано достаточно древним (тем более, что его древность подкрепляется инославянскими данными). Существенно, однако, что для восточнославянской области несомненно древней является также энклиноменная акцентовка данной формы. Географическое распределение этих двух акцентных вариантов, отраженное картой 7, по-видимому, свидетельствует о постепенной экспансии флексийного ударения, направленной от центра к периферии.

Дополнительные замечания о существительных

§ 3.48. Коснемся вкратце (без разбора материала) также некоторых других вопросов акцентной эволюции существительных.

Система переноса ударения с субстантивных словоформ на проклитики в XVI—XVII вв. предстает в следующем виде. Оттяжки ударения на союзы и частицы (кроме *не*) уже практически отсутствуют, оттяжки на частицу *не* весьма нерегулярны. С другой стороны, оттяжки ударения на предлог в большинстве микросистем осуществляются в эту эпоху с высокой степенью регулярности. Для непроезженных существительных а. п. *s* ударение на предлоге при словоформе-энклиномене является нормой (поздние отыменные предлоги типа *позади*, *среди* не в счет). Иначе говоря, при описании памятников в качестве выдающихся фактов должны отмечаться редкие примеры типа *без мѹжа*, *о мѹрѣ*, *на гробѣ*, *надѣ дѹмомѣ*, тогда как бесчисленные примеры типа *бѣз мужа*, *о мѹрѣ*, *на гробѣ*, *надѣ домомѣ*, *дѹ Пскова*, *кѹ Тѣвѣри*, *на мясо*, *пѣредѣ городомѣ*, хотя они и поражают носителя современного языка, в действительности для рассматриваемой эпохи совершенно стандартны. Отсюда следует, между прочим, что принятая в большинстве акцентологических описаний манера цитировать из средневековых памятников именно примеры типа *бѣз мужа* и не отмечать примеры типа *без мѹжа* не соответствует синхронической ситуации в этих памятниках. Она создает ложное представление, что разница между XVI и XX в. в данном вопросе чисто количественная, тогда как в действительности за это время произо-

шел переверот в соотношении нормального и исключительного: *без мѹжа* и т. п. стало нормой, *на голову* и т. п. — исключением.

Новое ударение типа *без мѹжа* выступает несколько чаще, чем в среднем по памятнику, при наличии хотя бы одного из следующих особых факторов: 1) входящий в сочетание предлог есть *отъ, подъ, надъ, передъ, предъ, чересъ (-зъ), чрезъ (-зъ)*; в некоторых памятниках (Библ., Матф.) к числу таких особых предлогов относится еще *о*; 2) основа именной словоформы неодносложна; 3) именная словоформа начинается с гласной; 4) именная словоформа или все сочетание имеет отчетливую книжную окраску. В последнюю рубрику попадают, например, словоформы от *злато, чрево, вещь, гладъ, срамъ*, словоформы двойственного числа (*нозѣ, ногу* и т. п.), словоформы с *ц, з, с* вместо русских *к, г, х* (М. ед. *брацѣ, брезѣ, усѣ* и т. п.), сочетания *во вѣки, во вѣкъ*.

Если отбросить все перечисленные особые случаи, а также слова с неустойчивой акцентной парадигмой (например, *вредъ, гнѣвъ, ровъ, смѣхъ, холмъ, гора, овца, страна, весь, скорбь*), мы получим для непроизводных существительных «основной материал», т. е. тот массив сочетаний, где оттяжкам ударения на предлог не препятствуют никакие особые факторы.

В зависимости от степени развития нового ударения (типа *без мѹжа*) можно выделить несколько типов микросистем.

1. Архаичный тип: в основном материале нового ударения нет вообще или оно отмечено лишь 1—2 раза. Таковы: а) все памятники основной части восточной зоны, кроме Библ. и Костр.; б) из широкой промежуточной полосы — Нил., Прол., Корн., Карг., Лук., Клон., Печ.; Муз., Новг.; Дос., Дан., Фер., Рж.; Биб., Ап., Дом., Трав.

2. Переходный тип: в основном материале новое ударение составляет уже заметную долю (но не более 20 %, обычно менее 10 %); в особых условиях, указанных выше, оно может даже преобладать. Таковы: а) все памятники основной части западной зоны, а также Чуд., Библ., Амф., Лет., Хр.; б) памятники дальнего северо-востока Сол., Колм., Хлын., Авв., а также Костр. Например, в Лет. (где материал весьма велик) новое ударение составляет в основном материале 9 %, в сочетаниях с предлогами *отъ, подъ, надъ, передъ* — 17 %, при неодносложной основе — 17 %.

3. Новый тип: в основном материале новое ударение встречается не реже, чем старое, или даже преобладает. Таковы только Стар. и Цел.

Таким образом, новое ударение типа *без мѹжа* встречается в данную эпоху преимущественно в западной зоне и на дальнем северо-востоке. В основной части восточной зоны вне особых условий, указанных выше, его еще почти нет.

У производных существительных а. п. с оттяжки ударения на предлог гораздо менее регулярны, чем у непроизводных. Подавляющее большинство примеров такого рода (*на промыслъ, по разуму*,

на окупъ, на заповѣди, на проповѣдь, на похоть, на дѣ пропасть, на немощь, на болести, за грубость, на благости, об скорости, за кротость и т. п.) отмечено в тех памятниках, которые по оттяжкам у производных относятся к архаичному типу.

Особое явление составляют неисконные оттяжки. В части случаев они отражают полный перевод слова в а. п. с (из другой а. п.) в конкретной микросистеме; таково, например, положение слов *сердце, смерть, кровь* во многих микросистемах. В других случаях мы имеем дело лишь с аналогическим расширением сферы оттяжек, необязательно предполагающим смену акцентной парадигмы у существительного, ср. такие примеры, как *на двору, на суду, на плачь, на лѣто*. Подобные примеры изредка встречаются во многих памятниках; в значительном числе они представлены только в периферийных памятниках запада и северо-запада (особенно Сenn., Пск., Печ.). Так, в Печ. отмечены, в частности: *на плачь, на полки, на постъ, на сонъ, на оуды, на югъ, на жизнь, на перси, на рать, на русь, об ложа, ѡ^т ложа, на лонѣ, на чудо*. Возможно, что данное северо-западное явление находится в некоторой связи с тенденцией к переносу ударения на начальный слог, отмеченной в § 3.9.

§ 3.49. В ряде элементов акцентной эволюции существительных может быть усмотрена общая тенденция к установлению колонного ударения в косвенных падежах мн. числа (В. здесь и далее не в счет), а в отдельных морфологических классах — и во всей субпарадигме мн. числа (некоторые проявления этой тенденции уже рассматривались по различным частным поводам выше).

В восточной зоне речь идет о постепенном установлении колонного ударения на первой (или единственной) гласной окончания в косвенных падежах мн. числа всех существительных а. п. с (а у masculina и feminina — также а. п. b).

Для o-masculina в центральной части восточной зоны (прежде всего в районе Москвы) этот идеал был почти достигнут уже в XVI в. В а. п. с здесь представлена акцентовка Р. *зуббѣвъ, мужѣи, Д. зуббѣмъ, мужѣмъ, М. зуббѣхъ, мужѣхъ (мужихъ)*, см. карты 6, 7; Т. мн. на -ы, -и стоит особо ввиду его потенциального переосмысления как частного случая исходной формы мн. числа (§ 3.43). В а. п. b выступают Р. *дворбѣвъ, царѣи, Д. дворбѣмъ, царѣмъ*; в М. мн. конкурируют новое ударение (возможное для всех слов) *дворбѣхъ, царбѣхъ (царихъ)* и старое (сохраняющееся лишь у немногих слов) типа *дворѣхъ*. У neutra а. п. с (но не а. п. b) акцентуация практически такая же, как у masculina. В периферийных частях восточной зоны описанная здесь ситуация еще не вполне достигнута (из-за возможности начального ударения в М. мн. и Д. мн. а. п. с).

Как можно видеть, в центре восточной зоны рассматриваемая тенденция почти полностью реализовалась уже на базе старых окончаний: -омъ, -ѣхъ, -ы. Замена этих окончаний новыми (-амъ, -ахъ, -ами) радикально ускорила данный процесс во всей восточной зоне. Есть много свидетельств того, что новое окончание несло с собой

и новое ударение, если его требовал принцип колонности, ср. *бстроувѣ^x—островѣхъ* в Колм., *в лѣсѣ^x—в леса^x* в Косм. (б. уд., но с разным распределением *ѣ* и *е*) и т. п.; ср. также, например, *дворѣхъ* и *дворѣхъ*, *побѣхъ* и *побѣхъ*, но только *дворѣхъ*, *побѣхъ* и т. п. (в памятниках, где встречаются оба типа окончаний).

У *i-feminina* рассматриваемая тенденция выражается в появлении новых ударений типа Д. *страстѣмъ*, М. *страстѣхъ*. Относительно Д. мн. типа *страстѣмъ* см. § 3.46; М. мн. типа *страстѣхъ* отмечен (всегда лишь на фоне *страстѣхъ*): в Москве и близости — в Ап., Хл., Дом., Рж., Ратн., Улож., Матф.; на северо-востоке — в Прол., Зап., Леч.; сверх этого, в Т. пс., Сенн., Лет., Смол., Нв. (это примерно те же районы, где отмечается модель *страстѣмъ*); в прочих памятниках представлена только модель *страстѣхъ*. Таким образом, в частности, в районе Москвы представлена акцентовка типа Р. *страстѣи*, Д. *страстѣмъ* и *страстѣмъ*, М. *страстѣхъ* и *страстѣхъ*, Т. *страстѣи*, т. е. допускающая как одну из возможностей колонное ударение. Переход к новым окончаниям (*-ямъ*, *-яхъ*, *-ями*) и в этом морфологическом классе означает достижение колонности, ср., например, в Улож. *гранѣмъ* 156б — *гранѣмъ* 157, *по... рѣчемъ* 265 и др. — *по рѣчамъ* 331 (но *рѣчамъ* 311 и др.), также *крѣпост-ямъ*, *-яхъ*, *запис-ямъ*, *-яхъ*, *лошадѣмъ*, *пустошѣхъ*, *на грязѣхъ* и т. п.

В западной зоне тенденции развития выявляются не столь отчетливо, поскольку в XVI—XVII вв. здесь уже заметно сказывается влияние восточных моделей. По-видимому, собственная акцентная эволюция, по крайней мере в части этой зоны, была направлена к колонному предфлексийному ударению во мн. числе всех существительных а. п. с, кроме *a-feminina*, т. е. к акцентовке типа: *зубы*, *зубовъ*, *зубомъ*, *зубѣхъ*, Т. *зубы*; *слова*, *словѣ*, *словомъ*, *словѣхъ*, *слова*; *страсти*, *страстеи*, *страстемъ*, *страстѣхъ*, *страстѣи*. Однако реальные микросистемы лишь в той или иной степени приближаются к этой схеме. К сожалению, наш материал не позволяет дать надежного ответа на вопрос о том, к каким акцентным последствиям приводила в западной зоне замена старых окончаний новыми.

Что касается *a-feminina*, то здесь в косвенных падежах множ. числа колонное ударение на первом слоге окончания было представлено (как в а. п. *b*, так и в а. п. *c*) уже в раннедревнерусском. При этом в И. В. мн. а. п. *b* в рассматриваемый период еще полностью господствует флексийное ударение, например: *бѣды*, *вдовы*, *вины*, *жены*, *змеи*, *игры*, *казны*, *колбасы*, *конопли*, *крупы*, *луны*, *руды*, *свѣчи*, *сестры*, *слуги*, *стопы*, *струи*, *судьбы*, *травы*, *трубы*, *тюрьмы*, *тяжбы*, *узды*³³. У слов с надежно установленной а. п. *b* примеры

³³ Этим старовеликорусский заметно отличается от староукраинского, где ударение типа *женѣи* представлено уже довольно широко. Поскольку ударение типа *женѣи* последовательно проведено в старовеликорусском как в церковных, так и в светских памятниках, объяснять его как результат книжного церковнославянского влияния (как предлагает В. Г. Скляренко) не предста-

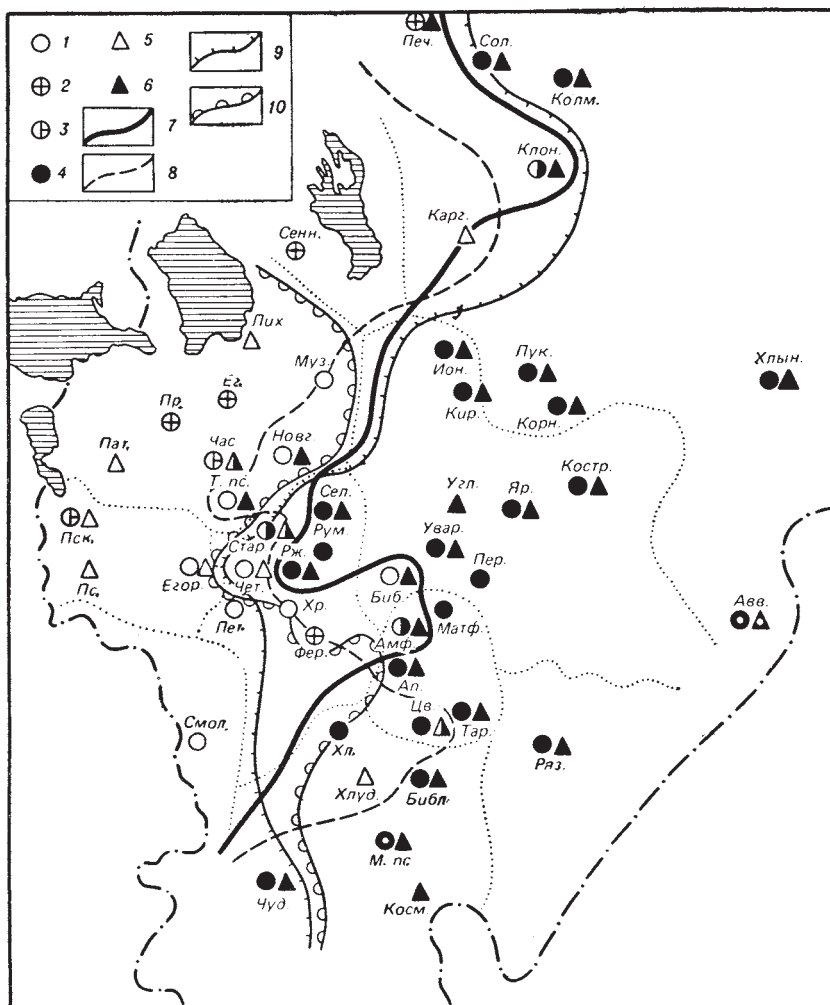
И. В. мн. с наосновным ударением в памятниках, где нет дефинализации, крайне редки: Косм. *змѣи* 2 (ср. еще *на ѡрды* 172), Дом. *слўги* 113, Ратн. *рѣки* 195, 200; в памятниках со слабой дефинализацией — Увар. *игры* 208б, 429, Хр. *троубы* 504б, 704б, Трав. *жѣны* 99б, *глысты* (неоднократно). Примеры из памятников с заметной или сильной дефинализацией (в частности, Чуд. *слубуги* 51а, Т. пс. *стопы* 59б, Лих. *бѣды* 32а, Фер. *жены* 771, Сол. *бѣды* 154, *казы* 147б, Авв. *двѣ вдовы* 32, *за вдовы* 213, *травы* 235б, Цел. *глысты* [5×]) по понятным причинам недостаточно показательны. Лишь ударение *рѣки*, встречающееся заметно шире прочих, можно считать относительно надежным свидетельством акцентного сдвига. Непоказательны для рассматриваемого процесса примеры И. В. мн. с наосновным ударением от слов с колеблющейся или ненадежно установленной а. п., в частности: *броны*, *воины*, *овцы*, *пѣлены*, *свѣны*; *главы*, *страны*; *куны*, *кормы*, *мѣжи*, *плосны*, *пылы*, *пчѣлы*, *розги*, *толны*, *щѣпы*. В косвенных падежах мн. числа а. п. *b* и *c* редчайшие примеры с наосновным ударением (в частности, Т. пс. *ногамъ* 141б, Корн. *в рука^x* 174, Фер. *волнами* 25б, Лет. *на 7 верста^x* 168б, *на 20 верста^x* 234б, Библ. *брѣня^m* 655б) скорее всего объясняются различными индивидуальными причинами; едва ли они могут рассматриваться (кроме, может быть, Хлын. *бѣдами* 132б, Колм. *играмъ* 5, *овца^x* 102) как предвестники будущего сдвига.

§ 3.50. Не имея возможности давать здесь очерки по ударению в словообразовании и лексике, отметим лишь несколько частных явлений, имеющих диалектологическую значимость (наиболее важные из них отражены на карте 8).

Акцентовка слов *глубина* и *высота* по а. п. *b*: *глубина̀*, *высота̀* (В. ед. -ѹ, И. В. мн. -ѣ в обоих случаях) — характерна для восточной зоны. В западной зоне ей противостоит акцентовка по а. п. *a*: в первом случае *глубина* и *глубина*, во втором *высота* (ударение *высота* в памятниках почти не встречается; отмечено только *на высоту* Сол. 32, где можно предполагать неустойчивую дефинализацию). Вот несколько примеров, показывающих, что мы здесь действительно имеем дело с а. п. *a*, а не с той или иной формой подвижности ударения: Лет. *глубина* 335, *и^o глубины* 243б, 258б, Пр. *на глубинѣ* 132а, Фер. *глубиноу* 994, *из глубины* 470б, 471б, Цв. *высота* 193, Егор. *ω^m высоты* 480 bis, Пск. *на высотѣ* 4б (+ Хлуд. 150б). Распределение указанных акцентовок в памятниках демонстрируется картой 8.

Сходное географическое распределение акцентовок обнаруживают также некоторые другие слова с суффиксами *-ота*, *-ина*. Так, старое ударение (не)чѣстота выступает практически во всем ареале, характеризующемся ударением *высота* (реально в Смол., Чет., Хр., Лих.,

вляется возможным. Соответственно, мы не можем согласиться с гипотезой В. Г. Скляренко (Скляренко 1969) о том, что акцентовка типа *жены* в И. В. мн. восходит к праславянской эпохе.

Карта 8. Ударение слов *глубина*, *высота*, *отрокъ*, *жилице*:

1 — *глубина*; 2 — *глубина*; 3 — *глубина* и *глубина*; 4 — *глубина*; 5 — *высота*; 6 — *высота*; 7 — восточная граница зоны распространения ударений *глубина* и *глубина*; 8 — восточная граница зоны распространения ударения *высота*; 9 — восточная граница зоны распространения ударения *отрокъ*, -а (учтена также точка Прол.); восточнее этой границы — только *отрокъ*, -а; 10 — восточная граница зоны распространения ударения *жилице* (учтена также точка Дос.); восточнее этой границы — только *жилице*.

Пат., Карг., с колебанием также в Фер., Цв.), сверх этого, только в белозерско-вологодских рукописях Ион., Корн. и (с колебанием) Лук., а также в Амф. (с колебанием). В прочих памятниках выступает (*неустановлено*) (реально в Ап., Хл., Библ., Трав., Ряз.; Дос., Рум.; Увар., Биб., Кир., Костр., Яр., Пер., Тих.; Прол., Клон., Печ., Сол., Колм., Хлын., Авв.; из западной зоны — в Новг., Егор.);

в Трав., Ряз. сохраняются единичные следы старого ударения. Старое ударение *нищета* сохраняется несколько лучше, чем *(не)чий-стота*: оно выступает в Чуд., Дос., Чет., Новг., Пат., Ион., Корн., а также Тар., Ряз.; колебание в Увар., Лук., Кир.; ударение *нищета* — в Ап., Амф., Цв., М. пс., Матф.; Рум., Рж., Сел.; Биб., Яр.; Клон., Печ., Сол., Хлын.; кроме того, в Егор. Еще лучше сохраняется старое ударение *тишина* (последовательно в Жит., Лет., Хр., Чет., Рж.; Сени., Муз., Новг., Пск.; Ион., Кир, Костр., Пер., Тих.; Ев., Корн., Лук., Карг., Клон., Печ., Сол.); новое ударение *тишина* представлено в XVI в. только в Библ. и (с колебанием) в Цв., в XVII в. — в М. пс., Сел., Ратн., Колм., Авв., с колебанием также в Ряз., Яр., Хлын. Таким образом, очаг распространения новых ударений *чистота*, *нищета*, *тишина* находится в восточной зоне. Скорость их распространения, как обычно бывает при аналогических заменах, для разных слов различна. Выявленная картина позволяет предполагать, что и у слова *высота* первоначальным было ударение *высота*, ср. § 2.25 (со словом *глубина* дело обстоит сложнее, поскольку здесь в западной зоне обнаруживается не только ударение *глубина*, но и *глубина*, тогда как у слова *тишина* варианта **тишина* нет).

Для слова *отрокъ* возможна акцентовка *отро́къ*, -à (по а. п. *b*) и *отрокъ*, -а (по а. п. *c* или *a*, например, Р. мн. *отроко́въ* или *отроковъ*). Первая характерна для западной зоны, вторая для восточной. Акцентовка *отро́къ*, -à представлена, во-первых, в рукописях XIV в. Чуд. и Мер., во-вторых, в Т. пс., Сени., Прол., Муз., Вас. пс., Лет., с единичным отклонением также в Новг. Обе акцентовки отмечены в Дос., Егор., Нил., Карг., Клон., Печ. Акцентовка *отрокъ*, -а представлена в Ап., Тар., Амф., Цв., Матф.; Библ., М. пс.; Дан., Жит., Фер., Чет., Хр., Рум., Рж., Сел.; Ион., Увар., Биб., Яр.; Лук., Колм. Соответственно этому списку на карте 8 показана восточная граница распространения акцентовки *отро́къ*, -à. Как можно видеть, она приблизительно соответствует границе западной зоны.

Слово *жилище* выступает с ударением *жи́лище* в Чуд., Дос., Дан., Жит., Лет., Час., Муз., Пат., с незначительными отклонениями также в Лих., Т. пс., Новг., Вас. пс., Вас. сб., Егор. На карте 8 показана восточная граница этого ареала, который соответствует средней и южной частям западной зоны. Восточнее этой линии представлено только ударение *жилыще*; оно отмечено в Ап., Амф.; Хл., Библ., Трав., Ряз.; Фер., Чет., Рум., Сел.; Ион., Биб., Кир.; Нил., Карг., Клон., Печ. Сол., Колм. (сверх того, еще в западном памятнике Пск.).

У слова *молва* ударение *мо́лва* (а. п. *a*) тяготеет к западной зоне, *мо́лва* (а. п. *b*) — к восточной, но граница здесь не столь четка, как в предыдущем случае. Ударение *мо́лва* выступает: в западной зоне и промежуточной полосе — в Чуд., Хрон., Фер., Хр., Смол.; Пс., Егор., Пск.; Ег., Новг., Вас. пс., Вас. сб. (с колебанием также

в Лих.); Нил., Ев., Печ.; в восточной зоне — в Ион., Корн., Лес., Хлуд. Ударение *молва* выступает: в восточной зоне — в Тар., Библ., Вер., Дом., Ряз., Матф.; Рум., Рж.; Биб., Пер., Костр.; Прол., Лук., Авв. (с колебанием также в Ап., Увар., Сол.); в западной зоне — в Час., Т. пс., Муз., Сенн., Клон.

Исконное ударение *сѣпостатъ* сохраняется (хотя бы факультативно) в памятниках центра — Тар., Цв., М. пс., Фер., Хр., Биб.; кроме того, в двух периферийных северных памятниках — Печ., Сол. Во всех прочих памятниках, где встречается это слово, отмечено только новое ударение *супостатъ*.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

§ 3.51. При анализе акцентуации прилагательных необходимо прежде всего учитывать, что для них актуально (особенно в нечленных формах) противопоставление народной и книжной акцентовок (§ 3.11). Народная акцентовка здесь в разных диалектных зонах различна, а книжная всегда состоит в наосновном ударении (и, конкретнее, почти всегда в предфлексиином).

Условимся различать среди нечленных форм главные и второстепенные. К главным относятся все нечленные формы И. ед. и форма И. мн. на *-ы* (или на *-и* после *к, г, х* и после исконно мягкой основы), а также омонимичные им формы В. падежа; кроме того, мы будем относить сюда же наречие на *-о* (*-е*). К второстепенным относятся все остальные нечленные формы; сюда же мы будем относить наречие на *-ѣ*. Главные нечленные формы свободно употреблялись в живой речи рассматриваемой эпохи (во всех говорах); как легко видеть, это именно те формы, которые дожили до нашего времени. Второстепенные формы употреблялись в живой речи во много раз реже, а некоторые из них не употреблялись вообще. Форма И. мн. на *-и* (от твердых основ не на *к, г, х*) в одних говорах еще имела определенное распространение, в других уже была полностью вытеснена формой на *-ы*.

В XVI—XVII вв. начинает формироваться также акцентная дифференциация нечленных форм в зависимости от их синтаксической функции. Различаются прежде всего предикативная и атрибутивная функции. Кроме того, имеется несколько промежуточных случаев, которые можно объединить под условным названием «полупредикативной» функции. Сюда относятся: а) конструкции с аппозитивно-предикативным членом (например, *пришелъ босъ*), со знаменательным глаголом в связочной роли (*вода становится мутна*) и *nominativus duplex* (*вода видится мутна*); б) конструкции с обособленным определением (например, *естъ иная гора, именуется N., зѣло высока и широка*); в) *accusativus duplex* и *dativus cum infinitivo*, т. е. конструкции, где предикативное значение заключено в словоформе В. или Д. падежа (например, *вижу его скорбна, творю его покорна, быти ему убиту*). Тенденция состоит в том, чтобы словоформы с искон-

ным флексийным ударением при атрибутивной функции меняли его на наосновное (т. е. на ударение книжного типа), например, *бўря страшна, чёрна кручина*. Заметим, что у прилагательных а. п. *b* (а также у тех прилагательных а. п. *c*, которые в эту эпоху уже получили наосновное ударение в членных формах) данная тенденция поддерживалась ударением членных форм, т. е. основных носителей значения атрибутивности; например, в сочетаниях *в дббръ наказании, на высбкъ мвстѣ* и т. п. определение явно ассоциировалось с членными формами (*дббрыи, высбкши*). Полупредикативная функция занимала по своему влиянию на акцентуацию промежуточное положение между атрибутивной и предикативной; во многих микросистемах полупредикативная функция дает почти такой же эффект, как предикативная.

Таким образом, в XVI—XVII вв. основной принцип распределения народной и книжной акцентовок, сформулированный в § 3.11, для нечленных форм прилагательных и причастий практически сводится к тому, что народную акцентовку получают главные нечленные формы, выступающие в предикативной функции (обычно также в полупредикативной), при условии, что соответствующая лексема (вариант лексемы) не является специфически книжной; в прочих случаях выступает книжная акцентовка. В XIV в. (в Чуд.) этот принцип еще не действует; он здесь лишь только намечается. Но и в XVI—XVII вв. он соблюдается нестрого: возможны некоторые отклонения как в ту, так и в другую сторону.

Понятно, что для акцентологической характеристики памятника определяющими оказываются главные нечленные формы в предикативной (и полупредикативной) функции; показания прочих нечленных форм имеют лишь подчиненное значение.

Для сокращения записи условимся опускать при цитировании некоторые часто встречающиеся грамматические пометы при морфологически двусмысленных словоформах прилагательных и причастий. Словоформы на *-а* и *-ая*, не имеющие в нашей записи грамматической пометы, относятся к II. ед. жен., на *-ы* (или *-и* после *к, г, х*) — к II. мн., на *-ыи* (или *-ии* после *к, г, х*) — к II. ед. муж.

Нечленные формы прилагательных а. п. *c* и *a*

§ 3.52. У прилагательных а. п. *c* и *a* акцентуация главных нечленных форм в значительной мере сходна. Если отвлечься от оттяжек ударения на *не* и на предлоги в а. п. *c* (которые в XVI—XVII вв. у прилагательных уже довольно нерегулярны), различие сводится к форме ед. жен., например, *жива* (а. п. *c*) — *чиста* (а. п. *a*). В XVI—XVII вв. обнаруживается заметная тенденция к снятию этого различия, причем в западной зоне выравнивание происходит в сторону а. п. *a*, в восточной — в сторону а. п. *c*. Здесь, как и во многих других случаях, эволюция западного типа ведет к сужению грамматической роли ударения и установлению колонного (чаще всего

предфлексии) ударения, эволюция восточного типа — напротив, к усилению грамматической роли ударения. Характерный для западной зоны процесс замены модели *живѣ* моделью *живѣ* (являющийся одним из проявлений морфологизованной дефинализации) в рассматриваемый период зашел в своем развитии дальше, чем восточный процесс замены модели *чѣста* моделью *чистѣ*.

Карта 9 показывает соотношение этих двух противоположных тенденций эволюции. Как можно видеть, граница ареала, где преобладает или достаточно распространено ударение типа *живѣ*, в основном соответствует границе западной зоны. Восточнее этой линии большинство микросистем (в т. ч. почти все микросистемы XVII в.) обнаруживают те или иные проявления процесса «*чѣста* → *чистѣ*». Для наглядности ареалы с такими проявлениями очерчены на карте особой линией; но следует учитывать, что эта линия до известной степени условна, поскольку в памятниках, бедных материалом, примеры типа *чистѣ* могли не встретиться случайно. В ряде микросистем (в основном расположенных поблизости от линии соприкосновения двух противоположных процессов) отмечаются небольшие колебания как в а. п. а, так и в а. п. с, т. е. несколько распатаны границы между акцентными парадигмами.

Западный процесс «*живѣ* → *живѣ*» охватывает прилагательные как с односложной, так и с многосложной основой. У многосложных новое ударение в II. ед. жен. — колонное с прочими нечленными формами, например, *жѣстока*, *влѣсяна* как *жѣстокъ*, *-о*, *-и*, *влѣсянъ*, *-о*, *-ы*. Заметим, что это обстоятельство не позволяет считать данный процесс проявлением чисто фонетической дефинализации (которая дала бы **жестѣка*, **власяна*).

Восточный процесс «*чѣста* → *чистѣ*», напротив, в основном ограничен прилагательными с односложной основой (производный или непроизводный характер основы при этом роли не играет); например, словоформа *велика* регулярно встречается только с таким ударением (она отмечена почти во всех памятниках). Более того, при многосложной основе возможен противоположный эффект (т. е. такой же, как в западной зоне), например, *нѣмоцна*, *дрѣвяна* вместо *нѣмоцнѣ*, *древянѣ*.

Независимо от указанных диалектных процессов действует тенденция к наосновному ударению при атрибутивной функции (§ 3.51); она может давать ударения типа *живѣ* даже и в восточной зоне. То же верно для словоформ с книжной окраской: например, ударения *юна*, *дѣвна*, *зѣмна*, *страстна*, *чюжда* встречаются как в западной, так и в восточной зоне; для характеристики микросистемы они непоказательны.

Несколько прилагательных а. п. с с неодносложной основой имеют тенденцию к полному переходу в а. п. а с предфлексии ударением в членных и нечленных формах. Таково прежде всего прилагательное *свободныи*. В XIV в. оно еще почти полностью сохраняет исконное ударение: Мер. *свободенъ*, *свободно*, *-а*, *-и*, *-ы*, *свободн-шму*, *-ую*, *-ыхъ*

начальное ударение обобщено: *свободно* 33б, 1211б, *-i* 1354, также *свободн-и* 299б, *-ы** Д. мн. 950б, *-ыми* 1208б. В остальных памятниках выступают *свобод-ньш*, *-енъ*, *-на*, *-но*, *-ны* и т. д. (единичными отклонениями от нормы являются Фер. *свѣбѣднѣ* 80б, *свѣбѣдна* В. ед. 495, Авв. *свободна* 278б, *свободна* 94). Аналогичное развитие прошло *пустошньш*: лишь в Печ. сохранилось *пѣстошна* Р. ед. 431 (в членных формах *пѣстошнѣ** 424б — *пустошньш* 422б); во всех прочих памятниках отмечено только ударение на втором слоге. Прилагательное *временньш* в одних микросистемах выступает с обобщенным ударением *врѣмѣнн-*, в других с обобщенным ударением *врѣмѣнн-* (точно такая же картина наблюдается для прилагательного *трепетньш*, первоначальная акцентовка которого не вполне ясна). Прилагательное *крававьш* лишь незначительно продвинулось в сторону ударения *кравѣв-*: в нечленных формах такое ударение отмечено только в Сenn. *кравѣво* 136а, Прол. *кравѣва бѣ* 64б, Лет. *кравѣво* 115б, *-ы* В. мн. 231, Сол. *кравѣву* В. ед. 189; в прочих случаях нечленные формы сохраняют древнее подвижное ударение: *крѣвавѣ*, *кравѣвѣ*, *крѣваво*, *-ы*. Ниже при разборе материала у прилагательных данной группы примеры с ударением на втором слоге не учитываются.

§ 3.53. Рассмотрим материал нескольких памятников по И. ед. жен. прилагательных а. п. с и а (для а. п. а — только с односложной основой [или неодносложной полногласной]). В число примеров могут входить также *t*-причастия. При разборе материала пометы «а. п. с», «а. п. а» имеют историческое (не синхроническое) значение; этим обеспечивается сопоставимость данных разных микросистем (к тому же синхроническую а. п. в конкретной микросистеме во многих случаях не удастся надежно установить). Слова с неясной исторической а. п. обычно опускаются (*темна*, *мякка*, *ясна* приводятся в составе а. п. с); адреса тривиальных примеров могут не приводиться. Синтаксическая функция, в которой выступает нечленная форма, указывается только при особой необходимости.

Микросистемы восточного типа. Чуд.: а. п. с — *блѣ* 105б, *дивнѣ* 12б, *должнѣ* 112г, *живѣ* 137б, *златѣ* 145г, *мирнѣ* 82б, *моцнѣ* 164в, *немоцнѣ* 111б, в, 161б (+ 14г, 24а), *мякѣ* 23в, *новѣ* 116а, *-ѣ* 118б, *свободнѣ* 102б, *не сланѣ* 21б, *страшнѣ* 136а, *соухѣ* 29б, также *акѣ* 'какова' 13в, *такѣ же* 133а, *самѣ* 18б, 147б, *-ѣ* 156в, *-ѣ* 103б, 156в; а. п. а — *вѣрна* 137в, *невѣрна* 110г, *многа* 4в, 29в, *полна* 82б, *сдрѣва* 7г, 29б (ср. также регулярное *велѣка*); инновации отсутствуют. Косм.: а. п. с — *веселѣ* 27б, *грязнѣ* 5б, *лихѣ* 155, *любѣ* 157, *пустѣ* 1б, 20б, *твердѣ* 133б, *холоднѣ* 5, 51б, *цветнѣ* 185б (вероятно, сюда же *топкѣ* 155); ударение в *дѣвна* 121 книжного происхождения; а. п. а — *карѣ* 4, *чѣста* 12, также *здоровѣ*, *мѣрна*, *рѣбна*, *слѣвна*, но новое ударение в *полнѣ* 119, 121. Матф.: а. п. с — *жестокѣ* 21, *немоцнѣ* 98, 215 bis, *самѣ* 38б, *страшнѣ* 110, *суровѣ* 84б, *тучнѣ* 151, *цѣлѣ* 91б, однако *рѣза же вѣтѣ* 67б (атрибутивн.);

ср. книжное *есть дівна* 168; а. п. *а* — *мáла* 1376, *нечíста* 68, однако *гладкà* 846, *полнà* 183, *чистà* 1086, 1696.

В ряде микросистем сходного характера ударение типа *жiва* представлено несколько шире, а именно, оно изредка встречается и там, где его нельзя объяснить книжностью или атрибутивной функцией. Биб.: а. п. *с* — *горкà бѣ* 536, *жестокà* 461, *живà* 2186, *крѣпкà* 407, *любà* 1216, *нелюбà* 1216, *мягкà* 429, *простà* 410, *поустà* 85, 114, *самà* 3346 и др., *свѣтлà* 369, *темнà водà* 368, *тяжкà* 4356; с наосновным ударением книжное *дiвна* 381, в атрибутивной функции *жiва* 75 (ср. предик. *живà* 2186), *крѣпка* 110 (ср. полупредик. *крѣпкà* 407), *млáда* 230, *мiрна* 408, *моужеска* 1216, но также в предикативной функции *стрáнна* 158, *тáка* 432, *тѣмна* 75 bis; а. п. *а* — *мáла* 427, *сiлна* 3376, *чiста* 334. Лет.: а. п. *с* — *ветхà* 3166, *грознà* 257 (+ 285), *крутà* 275, *крѣпкà* 115, 2156, *некрѣпкà* 107, *немоцнà* 325, *свѣтлà* 406, *снѣжнà* (название реки) 372, *сухà* 3386, *темнà* 285, *тяжкà* 2876, *цѣлà* 32, также *взятà* 2316, 272, *початà* 2356; с наосновным ударением в атрибутивной функции *стрáшнà* 285, *тяжкà* 2576, *дрѣвяна* 2256, 394, в предикативной функции многосложные *дрѣвяна* 2866, *немоцна* 1976, но также *цѣла* 332; а. п. *а* — *мáла* 3656, *немáла* 246, 30, *сiлна* 342; новое ударение в *чюднà* 3316. Трав.: а. п. *с* — *живà* 109, *жидкà* 4776, *лихà* 525, *молодà* 4016, *мягкà* 2476, *самà* (часто), *свѣтлà* 235, 352, *сухà* (часто), *цвѣтнà* 500, также *питà* (часто), однако *сáма же тà трава* 340, *взятà* 259; а. п. *а* — *сiня* 307, *стáра* 363, также *здáво*, *мáла*, *немáла*, *сiлна*; новое ударение в *долгà* 242, 524, *чистà* 480 (ср. еще *мелкà* 155 с неясной а. п.); отметим колебание *сыра* 4626 — *сырà* 5006. Большой материал представлен в Бук. (Аксенова 1982): а. п. *с* — *глухà*, *гнилà*, *драгà*, *златà*, *лѣпà*, *младà*, *(пре)простà*, *(не)святà*, *твердà*, *толстà*, *трезвà*, *тѣснà*, *(не)худà*, *частà*, *яснà*; *гладнà*, *глумнà*, *гнуснà*, *грознà*, *грузнà*, *должнà*, *темнà*, *тучнà*, *цвѣтнà*; *горкà*, *(не)кроткà*, *прекрѣпкà*, *тонкà*; *земскà*, *мирскà*, *кровоавà*, *жестокà*; наосновное ударение показано в *вѣчна*, *глáсна*, *гноина*, *грѣмна*, *зѣмна*, *мiрна*, *мрáчна* (в основном это книжные слова); колебание в *древянi* — *дрѣвяна*; а. п. *а* преимущественно с новым ударением — *долгà*, *чтà*, *силнà*, *чюднà* (возможно, *сюда же ѣдкà*); *злѣбнà*, *тиха* — *тихà*, *храбра* — *храбрà*; *сырà* отражает полный переход в а. п. *с* (ср. *сырби*).

Микросистемы западного типа. Егор.: а. п. *с* — *вѣчна* 76, *дiвна* 86, 121, 263 (при единичном *дивнà* 268), *жестока* 1756, *жiва* 1366, *крѣпка* 2416, *мрáчна* 193, *нѡва* 256 (+ 1136), *прiста* 130, *поуста* 3166, 4096, *сáма* 516, *стрáнна* 2906, *стрáшна* 2496, 2526 bis, *твѣрда* 2416, *тяжкà* 560, *чѣстна* 5536; а. п. *а* — *зрѣла* 4076, *нища* 471, *ноужна* 4296, *пáра* 58, *слáвна* 86, *чiста* 112, 4796, 5026. Сенн.: а. п. *с* — *влáсына* 46г, *дрўга* ω^м *другы* 199а, *мягка* 203в,

немоцна 173в, *соурова* 150а, *така* 190б (ср. еще *небрачна* 39в), колебание в *самà* 23б; старое ударение в *дивна* 196в bis, 196г bis (возможно, сюда же *неприсна же* 176б); а. п. а — *здрава* 165а, *нища* 200а, *славна* 123г, *нечиста* 39б. Пск.: а. п. с — *крѣпка* 294б, *свѣтла* 136, *тяжка* 51б; старое ударение в *самà* 5б, *не страшна ли* 85; а. п. а — *чиста* 5, *чѣдна* 15. В Пат. из а. п. с встретились только *нага* 633б, *сама* 601а, 624в.

В некоторых микросистемах переход «жива → жива» выражен не столь ярко. Печ.: а. п. с — *должна* 94б, 213, *нѣма* 20, 561б, *сама* 21б, *слѣна* 561б, *страшна* 8б, 80, 540б (все эти словоформы выступают в предикативной или полупредикативной функции), также *дѣвна* 8б, 247б, *хладна* 137б, *юна* 56б; с другой стороны, *горка* 11б, *жива* (4×), *златà* 82б, *самà* (6×), *сладкà* 115б, 548, *цѣла* 60; а. п. а — *вѣрна* 92б, *мала* 415, *немала* 318б, *полна* (3×), *тиха* 240б, *чиста* 58б. Аналогичная картина в Колм., только здесь в а. п. а наряду с *чиста*, *здрава*, *прѣна*, *силна*, *славна* находим *чистà* 135, *догà* 22б.

Общее представление о ситуации во всех остальных памятниках дает карта 9. Отметим, что новое ударение *чистà* встретилось, помимо уже указанных случаев, в Библ., Дом., Тих., Хлын., *полна* — в Час., Сел., Сол., Костр., Пер., Ратн., *долгà* — в Хл., Хлын., Цел., *тихà* — в Ряз., *синя*, *нужна* — в Цел. (вероятно, новым является также ударение *зѣлна* Рж. 79б). Из архаизмов представляют интерес: *сыта* Дом. 70, 73б, 95б, *пьяна* Дом. 113, *права* Ряз. 200.

Следует отметить также акцентные свойства нечленной формы И. В. мн. сред. на -а, поскольку в части микросистем она обнаруживает непосредственную акцентную связь с И. ед. жен. У прилагательных а. п. с эта форма в принципе имеет флексийное ударение в восточной зоне и наосновное в западной (как у существительных, ср. § 3.40). Поскольку, однако, эта форма имеет ярко выраженный книжный характер (в светских памятниках, например, Лет., Косм., Колм., Трав., Цел., ее просто нет), она очень часто получает собственно книжное наосновное ударение даже и в восточных памятниках. Помимо Чуд., флексийное ударение преобладает в И. В. мн. сред. на -а (в а. п. с) только в Ион., Новг., Увар., Костр.; заметную роль оно играет также в Тар., Ряз., Рж. В качестве единичных отклонений от нормы (1—2 примера) такое ударение встретилось еще в нескольких памятниках (в т. ч. даже западных — Сенн., Егор., Печ.). По-видимому, некоторые писцы, акцентуируя эту книжную форму, считали нужным приравнять ее по ударению к И. ед. жен. Этим объясняются примеры: *полна* И. мн. Хр. 1324б, Стар. 17, *полна* Костр. 165; новое ударение явно проникло здесь из И. ед. жен. (невозможно предполагать в мертвой форме самостоятельную инновацию такого рода).

§ 3.54. Обратимся к остальным нечленным формам (из числа главных): ед. муж. и сред. и мн. В XVI—XVII вв. у прилагательных

а. п. с во всех этих формах господствует старое ударение, т. е. начальное. Материал чрезвычайно велик; мы вынуждены здесь ограничиться лишь несколькими иллюстрациями (без адресов). Так, например, безусловной нормой являются ударения: *бѣреж-енѣ*, -но, *бѣленѣ*, *бѣльно*, -ы, *вѣселѣ*, -о, -ы, *власяно*, *вѣщаны*, *дѣбелѣ*, -о, *дѣлж-енѣ*, -но, -ны, *дрѣвянѣ*, -о, -ы, *дѣбовѣ*, *зѣмлѣнѣ*, -о, *зѣлотѣ*, *крѣтокѣ*, *крѣтко*, -и, *нѣлюбѣ*, -о, *нѣмочно*, *нѣмош-енѣ*, -но, -ны, *ѣбое*, *нѣпелесо*, *плѣтянѣ*, -о, *сѣмо*, -ы, -и, *сѣтѣлѣ*, *сѣтѣло*, *сѣровѣ*, -о, *тѣменѣ*, *тѣмно*, -ы; преобладают также ударения *жѣстокѣ*, -о, -и, *крѣвавѣ*, -о, -ы. Многократно встречаются *нѣблагѣ*, -о, *нѣкрот-окѣ*, -ко, -кы, *нѣкрѣпко*, *нѣпросто*, -ы, *нѣскоро*, *нѣхудо*, *нѣчасто* (хотя представлены также примеры без отяжек); из более редких отметим *нѣлѣпо* Сени. 217г bis, *нѣлѣпо же* Дос. 279, *нѣнаго* Сени. 1776, *нѣспо*^р Увар. 500б, *нѣспѣшно* Цв. III 193б, *нѣтѣсно* Печ. 388.

У нескольких слов с неодносложной основой обнаруживается тенденция к индивидуальному переходу в другой акцентный тип. О словах *свѣбодныи*, *пустошныи*, *временныи*, *трепетныи*, *кровавыи*, переходящих в а. п. а, см. § 3.52. Иное развитие обнаруживает *жѣстокии*: нечленные формы здесь в части микросистем переходят к флексийному ударению. Отмечены: *жѣстокѣ* Чуд. 44г, *жѣстокѣ* Увар. 402б, Биб. 438, 467б, Дом. 64б, Матф. 84б, Хлын. 132б, Авв. 79б, 268б, *жѣтокѣ* Авв. 219б (в Биб., Матф. также и *жѣстоко*); *жѣстокѣ* В. мн. Хлын. 253 (ненадежно *жѣстокѣ* В. мн. Рж. 23), *жѣстокѣ* В. ед. Биб. 429 (+ Цв. III 185б), -а Р. ед. Увар. 302б, Биб. 431б. Соответственно этому также *жѣстѣ*^к Чуд. 14а, *жѣстѣкѣ* Нил. Г 215б, Сени. 194в, Биб. 420б, Тих. 73б, Матф. 101, 200, 201б bis, Колм. 149, Цел. 224, *жѣстѣк же* Лук. 99в, 103б, Авв. 92 (при этом в Сени., Биб., Колм. встретилось также и *жѣстокѣ*). Суффиксальное ударение при ненулевом окончании практически отсутствует (только Егор. *жѣстѣци* 377, Авв. *жѣстѣко* 250). Во всех прочих случаях (гораздо более многочисленных) представлены, в т. ч. в названных выше рукописях, *жѣстокѣ*, -о, -и и т. д. Флексийное ударение при ненулевом окончании отмечено только в памятниках восточной зоны и Чуд. При этом в Чуд., Увар., Цв., Колм., Цел. в членных формах старое ударение *жѣстокии* уже сменилось на *жѣстѣкии*, т. е. это прилагательное здесь уподобилось или почти уподобилось группе *высѣкии*, *глубѣкии*, *ширѣкии*, *далѣкии* (ср. § 3.56). По-видимому, влияние этой группы и является источником особой акцентной эволюции слова *жѣстокии*.

Еще дальше продвинулись к флексийному ударению нечленных форм местоименные прилагательные *таковыи*, *каковыи*: ударение *такѣвѣ*, *такѣвѣ*, -ѣ, -ы, *какѣвѣ*, *какѣвѣ*, -ѣ, -ы повсеместно господствует. Старое ударение выступает регулярно только в Мер.: *таково* (8×) (энклиномен, см. Акц. Мер., § 62); но и здесь *такѣвѣ* 223 отражает уже новое ударение. В более позднее время от старого ударения сохраняются лишь незначительные следы (прямые в нечленных формах или косвенные в членных): Сени. *таковѣ* (по-види-

мому, И. мн.) 23, Лих. *таковъ* 51г, -ы^н 4в, в *каковыя* 158б, Корн. к *таковым* 244, Дос. *таково* 229, въ *таковыя* 23б, Жит. *таково* 284б, -оу В. ед. 30б, -ы^р 276б, Фер. *таковд* 822, Лет. *таковыи* 34б, Пат. *таковоу* В. ед. 591г, *какова* мн. 594в, Хлуд. *каковы* 127б, Смол. *таковыхъ* 12б, Карг. *каково* 83, Сол. *таковая* 197, Костр. *такъвъ* 93, Пер. *таковий* 81б, *таковыя* В. мн. 222б, Хлын. *таковыи* 52, 141. В членных формах сдвига в сторону *таковыи*, *каковыи* (характерного для староукраинского) в великорусских памятниках почти не отмечается. В некоторых случаях словам *таковыи*, *каковыи* акцентно уподобляются также слова *такьи*, *какьи*, ср. Чуд. *какд* 90б, *кацй* 132в, *такоу* В. ед. 117б (+161б), *та|цй* 115в, Сenn. *тацй* 183а, *такь* В. мн. 133а, Прол. *таку* В. ед. 43.

Помимо рассмотренных особых случаев, встречаются также отступления от исконного начального ударения, затрагивающие не слово в целом, а ту или иную форму.

В форме на -о (И. В. ед. сред. и наречие) таким отступлением является конечное ударение (модель *свѣтлѡ*); аналогичное нарушение изредка встречается и в а. п. а (например, *малѡ* вместо *мáло*). Приводим материал (по а. п. с и а вместе). Ближний запад. Мер.: *цѣлѡ* 97 (при *цѣло* [3×]), *несвободнѡ* 31 (при *свободно* 68, 183б), *мнѡлѡ* 226б (при обычном *мнѡго*); возможно, сюда же *властельскѡ* 57, *нелѣпотнѡ* 222б (Акц. Мер., § 48, 50, 57, 61). Лет.: в *чюжд* 93б, *тѣмнѡ же* (2 уд.) 292 (при *тѣмно* 336б, *тѣмно* 285), *мнѡгѡ* (2 уд.) 167б (при обычном *мнѡго*). Чет.: *надеснѡ* 21, *бѣсовскѡ сѹще* 4б; ср. еще *мѣнуѡ* 18б. Хр.: *нѣ надеснѡ* 514б, *страшнѡ* 1252, 1268 (+193б), *чюднѡ* (13×: 225, 1232, 1244б и др.), *мнѡгѡ* 242, *мнѡгѡ* (5×; наряду с *мнѡго*, *мнѡго*), *ярѡ* 1374 (чтение ненадежно), *тяжкѡ* 216б (б. уд.) (ср. *тяжко* 691); ср. еще *оуталѡ* 1297. Рум.: *немоцнѡ* 673б, *не немоцнѡ* 671б (при *моцно* 328б); ср. *провозвѣстилѡ ти ся* 330. Рж.: *земленѡ чтѡ* А 3б. Ср. еще Сел. *потаилѡ* 555б. Памятники, расположенные неподалеку от ближнезападного района. Т. пс.: *дивнѡ* 180, *твердѡ* 18б, *частѡ* 20, *мерзьскѡ* 27, *мнѡгѡ* 1, *мнѡгѡ* 44б. Муз.: *мнѡгѡ* 212, также *мнѡго*, *мнѡго* (10×) с узким о после г. Егор.: *веселѡ* 78б (при *вѣсело* 35 bis). Пат.: *гоустѡ* 589в. Увар.: *страшнѡ* 81б, *чюднѡ* 484б, 485б, 502 (при *страшно* [6×], *чѹдно* 48б). Смол.: *малѡ* 57б (чтение ненадежно), *извѣстнѡ* 11б. Москва, юг, юго-восток. Чуд.: *темнѡ* 33в. Цв.: *скорѡ* 134б (при *скѡро* [30×]). Дом.: *бережьнѡ* 83б (при *бѣрежно* 98б). Трав.: *веселѡ* 453б. Ряз.: *мякѡ* 98б. Ратн.: *мочнѡ* 15б, 18б, *вестнѡ* 214б. Дальний северо-восток. Хлын.: *мошнѡ* (2 уд.) 50б (при *мошно* 187б bis, *моцно* 145). Колм.: *толстѡ* 194, *во^ахкѡ* 214. Авв.: *крѣпкѡ* 77б, *таинѡ* 222б. Особенно велик материал Цел.: *густѡ* 47, 179, *гѹстѡ* 258, *немочнѡ* 20б, *немоцнѡ* 127, *свѣтлѡ* 169, 172, *свѣтлѡ* 172, *долгѡ* (8×), *дѡлгѡ* 32б, *мнѡгѡ* (часто), *мнѡгѡ* 40, *немногѡ* (3×), *толкѡ* 22, *чистѡ* 172б, также *ладнѡ* 84, *мѣлкѡ* (6×) (практически везде наряду с наосновным ударением); ср. еще *былѡ* 137б, *не далѡ* 92б. Следует учитывать, однако, что некоторые

из приведенных выше акцентовок (а именно, *темнò*, *мяккò*, *скорò*) могут относиться не сюда, а отражать старые акцентные варианты. Особо стоит Сенн. *древяно́ же* 162г, где могла отразиться древняя акцентовка сочетания с *же*.

В форме И. В. мн. аналогичное нарушение встречается гораздо реже: Чуд. *сиры́* В. мн. 49б; Лет. *златы́* 40б, *просты́* В. мн. 44, *самы́ж* 31, *снѣжны́* 282, *литы́* 192б (ср. еще *кнѣжы́ борисовы́* 200б); Фер. *чужы́* В. мн. 946б; Чет. *оуны́* В. мн. 10б; Рум. *златы́* 677, *дебелы́* В. мн. 347; Трав. *обой* 79б, 117б, *трой* 220; Улож. *болны́* 80б; Авв. *жирны́* 235б; Цел. *сѣды́* 14б. Ударение *чермны́* Трав. 384б, 403 (+ Библ. 488б) непоказательно: оно возникло под влиянием синонимичного *красны́* (ср. *чермнà* Р. ед. Биб. 75б, *чермнѣ* В. дв. Хр. 45б).

Как видно из материала, новое ударение по модели *сѣтлò* встречается во многих районах (см. также карту 9), но ярче всего оно представлено на ближнем западе и, с другой стороны, в Цел. Ударение по модели *сѣтлы́* отмечается тоже в основном в ближнезападных памятниках (Лет., Фер., Чет., Рум.).

Эти инновации естественно сопоставить с переходом от подвижности к флексийному ударению, наблюдаемым в нечленных формах нескольких групп причастий от глаголов а. п. с. Самый ранний переход такого рода дал ударение типа *процѣнѣ*, *процѣнà*, -ò, -ы в *еп*-причастиях; ср. далее *данѣ*, *данà*, -ò, -ы, *проданѣ*, *проданà*, -ò, -ы и т. п. в значительной части старовеликорусских микросистем (§ 3.69), ударение типа *далò*, *продалò* в некоторых районах. Такую же эволюцию испытали нечленные формы прилагательных *таковыи*, *каковыи*, отчасти также *жестокии*, см. выше. Механизм инновации, по-видимому, состоит в выравнивании ударения по форме И. ед. жен. Следует предполагать, что такое выравнивание вначале распространяется только на ед. число, что создает акцентную оппозицию чисел. О возможности такого этапа говорит более широкое распространение модели *сѣтлò* по сравнению с моделью *сѣтлы́*, а также существование микросистем с акцентовкой типа *проданà*, -ò — *прòданы* (§ 3.69); особенно отчетливо акцентная оппозиция чисел выступает в некоторых случаях, где мн. число имеет окончание -и: *далà*, -ò — *дàли*; *самà*, *самò* — *сàми*. При мн. числе на -ы описанная ситуация оказывается, однако, по каким-то причинам не вполне устойчивой; одна из возможных перестроек состоит в полном обобщении флексийного ударения.

В современном языке ряд ударений по модели *сѣтлò* вошел в литературную норму: *самò*, *светлò*, *темнò*, *смешнò*, ср. также *чуднò*. Большое число таких ударений (*веселò*, *холоднò*, *грязнò*, *можнò*, *мошнò*, *страшнò*, *тугò*, *целò* и т. д.) выступает в говорах. Насколько можно судить, шире всего такие акцентовки представлены в южно-великорусском наречии (кроме Смоленской группы) и в восточных среднерусских говорах. В частности, к северо-западу и западу от Москвы граница зоны преобладания акцентовки *холоднò* проходит

примерно по линии Дмитров—Волоколамск—Вязьма—Брянск (Атлас Запад, карта 316); к северу от этой зоны преобладает *хоблодно*, к западу — *холбдно*.

Что касается ударений по модели *свѣтлы*, то в современном литературном языке их очень много (по крайней мере, в качестве допустимых вариантов), однако подавляющее их большинство — недавнего происхождения; вопрос о характере их связи с аналогичными акцентовками в XVI—XVII вв. требует дополнительного исследования.

В форме И. В. ед. муж. у прилагательных а. п. с встречается нарушение, состоящее в акцентовке типа *должѣнь* (вместо *дблженъ*); аналогичная замена изредка встречается и у прилагательных а. п. а. Приводим материал (по а. п. с и а вместе). Северо-запад и ближний запад. Сенн.: *дивѣнь* 101в, 200б, *должѣнь* 86в, 153а, *длѣженъ* (5×: 68б, 86в и др.; но 1 раз *длѣженъ* 109б), *странѣнь* 122а, *страшѣнь* 76в, ср. также *словесѣнь* 134б, *бесцѣнѣнь* 134а. Т. пс.: *дивѣнь* 150б, 177, 183, *дѣвѣнь* 82 (но *дѣвѣнь* 106), *на поуѣ мирѣнь* 160б (но *миренъ* 134). Час.: *ясѣнь* 278б (возможно, сюда же *храбѣръ* 305, с аналогическим /б/). Лих.: *дивѣнь* 173б, *страшѣнь* 45г, 219г (но *дѣвѣнь* 110в, *страшѣнь* 5в, 141а). Новг.: *дивѣнь* 120, 165б, 244, 274б, *страшѣнь* (5×: 135б, 157 и др.). Лг.: *свободѣнь* 64, *страшѣнь* 171б (+285, 309) (но *страшѣнь* 240, 247), *чюдѣнь* (2 уд.) 152б. Пск.: *крѣтокъ* 139 (если это инновация, а не старый акцентный вариант; ср. *крѣтокъ* 50б), *подобѣнь* 6. Стар.: *немощѣнь* 3б (ср. *храбѣръ* 17). Дальний северо-восток. Лук.: *страшѣнь* 253г. Хлын.: *горѣкъ* 21 (если это инновация, а не старый акцентный вариант). Авв.: *приалчѣнь* 20б (ср. еще *кѣсенъ* 229 и *кѣсенъ* 50б). Цел.: *ясѣнь* 278б. Прочие — Увар. *земѣнь* 483б, *свободѣнь* 521б, Библ. *до^аженъ* 968б (ср. *дблженъ* [2×]). Во всех этих памятниках господствует или по крайней мере преобладает обычная акцентовка. Например, даже в Сенн., где данное явление представлено ярче всего, мы находим *ббленъ*, *бѣсенъ*, *гѣрекъ*, *крѣтокъ*, *крѣпокъ*, *мощенъ*, *нѣмощенъ*, *мраченъ*, *свѣтель*, *чѣрменъ*, *чѣстенъ*.

Как видно из материала, модель *должѣнь* развивалась в основном на северо-западе, существенно слабее на дальнем северо-востоке; в прочих районах ее почти нет (см. карту 9). Источником инновации скорее всего было влияние нечленных форм прилагательных типа *красныи*, *легкии*. В западной зоне у них преобладала акцентовка *красѣнь*, *красна*, -о, -ы, *легѣкъ*, *легка*, -о, -и (см. § 3.57), тогда как в а. п. с и а здесь выступали *дблженъ*, *дблжна*, -о, -ы, *силѣнь*, *силна*, -о, -ы, т. е. отличие было только в ед. муж. Разумеется, можно было бы ожидать и противоположного выравнивания (*красѣнь*, *красна*, -о, -ы), и оно действительно встречается в части микросистем (Пск., Печ., Ик., Ратн., см. § 3.57). Примечательно, однако, что как раз в этих микросистемах модель *должѣнь* отсутствует.

Новые ударения типа *должѣнь*, *силѣнь* обнаружили впоследствии значительную жизнеспособность: насколько можно судить по имеющимся разрозненным и крайне неполным данным, они известны

в настоящее время у довольно большого числа прилагательных на весьма обширных территориях. Ограничимся лишь одним ярким примером: в кашинском говоре (Смирнов, с. 110—111) представлены *грозён, долён, жырён, силён, смирён, скромён, страшон, чудён, кисёл*; показательно, что в этом говоре такое ударение выступает в *лёгók, коротók, волён, грѣшон* (где оно исконно), а также в *добёр, храбёр, мудёр, мокор, быстёр, востёр* (где гласная эпентетическая).

Что касается второстепенных нечленных форм, то мы ограничимся здесь лишь констатацией того, что в подавляющем большинстве случаев они имеют наосновное ударение (даже и в такой форме, как Р. ед. жен., где первоначально было флексийное ударение). В самом деле, здесь почти всегда в одну и ту же сторону (а именно, в сторону наосновного ударения) направлены фактор традиции и фактор книжности. Относительно формы И. В. мн. сред. см. § 3.53.

Нечленные формы прилагательных а. п. б

§ 3.55. Акцентуация нечленных форм исторической а. п. б в конкретных микросистемах XVI—XVII вв. определяется взаимодействием двух факторов: 1) сохранение исконного флексийного ударения; 2) тенденция к сближению с тем унифицированным типом акцентовки, который вырабатывается в данной микросистеме для прилагательных исторических а. п. с и а. Практически это означает, что в восточной зоне в нечленных формах а. п. б происходит сдвиг в сторону подвижного ударения, в западной — в сторону неподвижного предфлексийного. Понятно, что в западной зоне речь идет фактически о дефинализации. В восточной зоне в целом перевешивает фактор традиции, в западной зоне во многих микросистемах перевешивает тенденция к новому ударению. Во второстепенных формах переход к новому (предфлексийному) ударению повсеместно происходит интенсивнее, чем в главных.

Ниже приводится материал по непроизводным прилагательным а. п. б (с добавлением слов *тяжелыи, студеныи*, которые по акцентуации не отличаются от непроизводных) в Чуд. и в некоторых достаточно показательных памятниках XVI—XVII вв. В последних опущен материал по слову *цедрыи* (которое почти везде было переведено в а. п. а, вероятно, в связи с его книжным характером), а также по некоторым словам с недостаточно ясной или неустойчивой исторической а. п. (*глупыи, скупыи, быстрыи, хитрыи* и др.); словоформы И. В. ед. муж. приводятся лишь выборочно.

Чуд.: *бѣла* 151в, *-оу* В. ед. 25в, *-ó* 16б, *-ы* 43а, *-ы* 150б, 150г, *голб* 115а, *добрó*, *-à* Р. ед., *-оу* Д. ед., В. ед., *-ѣ* М. ед., *-ы*, *-à* В. мн. (часто), *добрѣ* нареч. (часто), *дряхла* И. дв. 40г, *за злò* 85а, *ω^m злà* 85а, *о злѣ* 50г, *и злоу* В. ед. 144в, *лютó бо* 93г, *лутѣ* нареч. 33г, *мертвá* 81г, *-ò* 103а, *-оу* В. ед. 61б, Д. ед. 79в, *-ы* 125б, *-á* И. дв. 56а, *в поль мертвá* В. ед. 32г, *мртвѣ* 16б, *-ы* 102а, 125б,

-ы 131а, *моудрѣ* 99б, -ы 107в, *не мдрѣ* 126г, *обоюдоу острѣ* 149б (+ 157б), *обоюдоу острѣ* Р. ед. 144а, *ни студенѣ* 150в, *ни теплѣ же* 150в bis, *не тощѣ* 132в, *вотщѣ*, *не вотщѣ* (часто), *хромѣ* Д. ед. 21б, *чернѣ* 151в, *и щедрѣ* 83а, *щедрѣ* 29в; новое ударение только в *добрѣ* нареч. 123г.

Образцы микросистем XVI—XVII вв. Микросистемы восточного типа. Хр.: *багрѣ* 'багрово' 37, *белѣ* 383, *белѣ же* 206б, *добрѣ* 50б, 317б, 1259, *добрѣ* (4×), -ѣ 592 (+ 1121), -оу Д. ед. 1227б, *зеленѣ* 1282, *зеленѣ* 1268б, *на зеленѣ* 1272б, *золѣ* (4×), *злѣ* (часто), *мертвѣ* мясо 1175б, *мертвѣ* 1420, -ѣ В. ед. 1403а, *щстрѣ* 1255б, -ѣ (В. мн.!) 33б, *пестрѣ* 208б, *теплоу* В. ед. 1426б, *тощѣ* 514, *тищѣ* В. ед. 655; наосновное ударение в *цвѣта бѣла* Р. ед. 402б, *мертва* В. ед. 577 (полупредик.), 927б (атрибут.), *добрѣ* нареч. 732, 1139, 1338б. Косм.: *бѣлы* 53б (также в составе *белѣ ѡзеро*, *в белѣ городе* и т. п.), *добрѣ*, -ѣ, -ы (5×), *добрѣ* нареч. (часто: 3б, 6, 25 и др., при единичном *добрѣ* 14б), *круглѣ* 135, *мокрѣ* 53, 5б, *теплѣ* 5, *студенѣ* 18б, *тяжелѣ* 133б, -ѣ 35б, 112б, *хорошѣ* 93б, *чернѣ* 24. Трав.: *бѣлѣ*, -ѣ, -ы (16×), *добрѣ* 8б, 500, -ѣ (часто), *недобрѣ же* нареч. 448б, *желтѣ* 435, 442, *зеленѣ* 468б, *зеленѣ* 111, 216б, -ы 107, *круглѣ* 242, *лютѣ* 15, *мокрѣ* (4×), -ѣ (10×), -ы 489, *щстрѣ* 75б, *щстрѣ* 203б, 303б, -ы 81б, *пестрѣ* 82б, *студенѣ* (3×), -ы 497, *теплѣ* (7×), -ѣ (часто), -ы 489, 501, *тяжелѣ* 453, *не тяжелѣ* 450, *тяжелѣ* 452, -ы 500, *на щѣ срѣце* 165б, 538, *хорошѣ* 307, *чернѣ* 265б, 270, *чернѣ* 100б, -ѣ (3×), -ы (3×); наосновное ударение (по образцу а. п. с) — *бѣдро ѡко* 8, *знѣмя добрѣ* 457б, *добрѣ* 534 (предик.), *добрѣ* 497 (предик.), *добрѣ* нареч. 460, *зелены* 319, *круглѣ* 521б, *лютѣ* 8, -а В. мн. 10, -ѣ нареч. 9, *мертво дитя* 322 (+ 215б), *мокро* 490, ср. также *на щѣ срѣце* 114б. Колм.: *бѣлѣ*, -ѣ, -ы, -у В. ед. (8×), *во^ллѣ* 238, 25б, -ѣ 25б, *вѣщѣ* 27, *добрѣ*, -ѣ (часто), *добрѣ* нареч. (14×), *же^тѣ* 52, *зеленѣ* 224, *зеленѣ* 37, 23б, -ѣ 100, -ы 223, *круглѣ* 107, *круглѣ* 70, 102, -ы 99, 240, *мокры* 98, *вопчѣ* 31, 133, 159, 240, *плоскѣ* 197, 202, *рѣзвѣ* 50, *рѣзвѣ* 104 (+ 238), *студенѣ*, *студенѣ*, -ѣ (8×), *теплѣ* 18б, 189, *тощѣ* 80, *тощѣ* 149, *тяжелѣ* (3×), *чернѣ*, -ѣ, -ы, -у В. ед. (13×); наосновное ударение — *добрѣ* 2б (полупредик.), *добрѣ* нареч. (7×), *ѡбще* 117, *тощѣ* 210, -и 103, 249, *тяжелѣ* 254, кроме того, регулярно *лютѣ*, -ы. Цел.: *бѣлѣ* (3×), -ѣ (5×), -ы (2×), *воглѣ* 14, 1б, *наголѣ* 69, *добрѣ*, -ѣ (часто), *добрѣ* нареч. (13×), *зеленѣ* 23б, 258, *зеленѣ* 258, *круглѣ* 178, *мокрѣ* (3×), -ѣ 9б, *пестрѣ* 166б, *травѣ острѣ* *пестрѣ* 104, *студенѣ*, *студенѣ*, -ѣ, -у В. ед. (12×), *теплѣ* 115, 199б, -ѣ (часто), *в теплѣ* 41б, *тяжелѣ* 267б, *тяжелѣ* (3×), *на щѣ утрѣбу* (часто), *на тощѣ утрѣбу* (часто), *на щѣ срѣце* 182б (+ 227б), *чернѣ* 217, 218б, -ѣ 199; наосновное ударение — *бѣла* Р. ед. 52, *добрѣ* 43б (предик.), *добрѣ* нареч. (8×, также *добрѣ* 37, 40б), *зелено* 257б, *зелена орѣха* 249.

жёлта 261 (предик.), *в тёпле* 262б, *на тце срѣце*, *на тше срѣце* (4×), *чёрны* 8б, также *люто* 36б.

Приведенные образцы дают достаточно ясное представление о ситуации в памятниках восточной зоны. Сходная картина обнаруживается также в ряде памятников промежуточной полосы и кромки западной зоны (в частности, в Новг., Лет., Печ.). Между микросистемами имеются некоторые различия (сравнительно небольшие) по степени распространения новых акцентовок типа *мёртво*, *мёртвы*, возникших под влиянием а. п. с. Разные лексемы обнаруживают различную сопротивляемость данной инновации. Быстрее прочих переходят к акцентовке нечленных форм по образцу а. п. с прилагательные *лютыи*, *мудрыи*, *зеленыи* (это отчасти можно видеть и по приведенным образцам). Напротив, например, прилагательное *добрыи* сохраняет старое ударение довольно устойчиво.

Микросистемы западного типа. Егор.: *добры* 493, *-и* 207, *-а* мн. 388б, *-ѣ* нареч. (часто), *люта* (3×), *-о* (3×) (также *-у*, *-и* и др. формы [часто]), *мрѣтву* Д. ед. 72, 311б, *моудра* В. ед. 9, *-и* 180б, 181б, *цстро* 213, *тѣпла* 393б, *-у* В. ед. 249, *-ѣ* нареч. 199, *чёрна* Р. ед. 538; флекссионное ударение — *добрѣ*, *-ѣ* (часто), *-а* Р. ед. 384, И. мн. 477б, *недобрѣ* мн. 36б, *предобрѣ* 263, *теплѣ* 393б. Пск.: *добры* 18, *-ѣ* нареч. (часто), *люта* 24б, *-о* 29б, 34 и др., *-ы* (3×), *-ѣ* нареч. 98б, *мёртва* В. ед. 40, *мудрѣ* нареч. 49б, 101б, *немудроу* Д. ед. 66б, *цбодѣдоу цстро* 74б, *тѣплѣ* нареч. 6б; ср. также *вѣтце* 151б; флекссионное ударение — *добрѣ* 58б bis, 265б. Аналогичная картина в Ег., Карг. (в ряде западных памятников слишком мало материала). Как можно видеть, слово *добрыи* в значительной мере сохраняет старое ударение даже в западных микросистемах.

Нечленные формы «группы высоко»

§ 3.56. Отдельно от основной массы прилагательных исторической а. п. *b* следует рассматривать нечленные формы с основами *высок-*, *глубок-*, *широк-*, *далек-*; мы будем обозначать их как нечленные формы «группы высоко» (как и в прочих подобных случаях, в рассмотрение входят также наречия). Принадлежность «группы высоко» к а. п. *b* не первоначальна, см. § 2.25. У слова *высокии* следы более раннего ударения (корневого) еще в ряде случаев сохраняются (как в членных, так и в нечленных формах): Чуд. *высокою* 67в; Час. *высокою* 231 (ср. *высѣкая* и др. [4×]); Т. пс. *высокъ* 109 (ср. *высѣкъ*, 122б, *высѣкъ* 109), *высѣкою* 139 (ср. *высѣкы^x* и др. [5×]); Сени. *высоко* 182а (ср. *высоко* [6×]); Лих. *высокъ* 261б, *высоко* 237в (ср. *высока*, *высоку* и др.); Ион. *высоцѣ* нареч. 617б (ср. *высокѣ*, *-а* мн.); Корн. *высокое* 196б (ср. *высокое* 387); Стар. *высоку* В. ед. 110б, *высокая* 82, также *высоче* нареч. 93 (ср. *высока*, *высоку*, *высокою* и др.); отметим еще Смол. *высокопярство* 171б.

Если не считать этих реликтов, в данной группе возможны две акцентовки: флекссионная (например, *высо́къ, высокà, -ò, -ì*) и суффиксальная (*высо́къ, -а, -о, -и*); в соответствующих членных формах ударение в обоих случаях суффиксальное.

Второстепенные нечленные формы в данной группе преимущественно сохраняют акцентовку главных. Лишь формы на *-ѣ* (наречие, М. ед. и др.) сравнительно часто обнаруживают суффиксальную акцентовку при флекссионной в главных формах (ср. также § 3.51 о примерах типа *на высо́къ мѣстѣ*). Ниже при оценке микросистем учитываются как главные формы, так и второстепенные, кроме форм на *-ѣ*, имеющих суффиксальное ударение (последние иногда просто опускаются). Не учитываются примеры с приставкой *пре-*, если они имеют суффиксальное ударение (*превысо́ки* и т. п.), поскольку такое ударение может определяться их книжным характером и потому непоказательно.

Как видно из карты 10, ударение типа *высокò* представлено в восточной зоне, типа *высо́ко* — в западной. Показанная на карте основная восточная граница господства или значительного распространения ударения типа *высо́ко* примерно соответствует границе западной зоны.

Образцы микросистем восточного типа. Чуд.: *высоку* В. ед. 10а, 27г, *-оу* 158б, *глубокоу* Д. ед. 40в. Косм.: *высокà* 6б, 7, *-ò* 11, 153, *-ì* 6б, 9б, *-у* В. ед. 22б (ср. *на горѣ высо́ке* 128б), *глубокà* 4б, *-ò* 6б, *неглубокà* 190, *широкà* (5×: 63 и др.), *-ò* 63, 152. Цв.: *глубокò* II 67, *-у* Д. ед. II 27б, 38, III 61, В. ед. 209, II 44, *глубоцѣ* М. ед. III 237б (ср. *высо́цѣ* М. ед. 35), *широкà* 161б, II 9. Бук.: *превысо́къ, превысокà, -ò, -ì* 209, *глубо́къ, глубока̀, -ò* 157, 193, *-ì* 193, *широ́къ* 195, *широкà* 185, 230, *-ò* 185. Авв.: *высоки* 235, *глубокò* 283б, *далекò* 234б bis, *широкò* 54, 235.

Образцы микросистем западного типа. Сенн.: *высо́ка* И. ед. 206г, В. ед. 106г и др., *-о* (6×: 13в и др.), *-оу* Д. ед. 89г, В. ед. (7×: 19б и др.), *глубо́коу* Д. ед. 141б, 145б, 217в, *широ́ка* И. мн. 32в. Час.: *высо́ко* 241, также *глубо́цѣ* М. ед. (3×). Т. пс.: *высо́ка* И. ед. 152б, В. ед. 165б, *глубо́ко* 78б, *широ́ка* (2 уд.) 129б (наряду с *высокà* В. ед. 102). Егор.: *высо́ко* 102, 262, 529б (+ 93).

Рассмотрим также некоторые примеры сосуществования двух акцентовок. В Печ. в главных формах ударение флекссионное: *высокò* В. ед. 241б, нареч. 314, 544, также *превысокà* 304б; во второстепенных формах ударение почти всегда суффиксальное: *глубо́ку* Д. ед. (5×: 236б и др.), В. ед. 129б, 463б, *высо́ка же* В. мн. (?) 314, также *на висо́цѣ мѣстѣ* 144, 403б, *высо́цѣ* нареч. 422б, *въ старости* *глубо́цѣ* 562; иначе *высокà* В. ед. 288.

Более сложная картина представлена в Колм. В предикативной и полупредикативной функциях здесь выступают: *высокà* 138, *-ì*

(10×: 60, 94 и др.), *глубока* 60, -й 9, *широка* 3, 116, 138, -д 80; с другой стороны, *высоки* (13×: 32, 64, 89 и др.), *глубока* 196, *широка* 12 (также 254?), -и 201; в ед. жен. здесь доля флексивного ударения заметно выше, чем во мн. числе, что явно связано с влиянием прилагательных а. п. с. В атрибутивной функции: *высока* 83, 98, 164, 243; с другой стороны, *высока* (10×: 32, 67, 76 и др.), -о 190, -и 64 bis, 89, -у В. ед. 225, *глубоки* 129, *широка* 91, -и 80, 129; таким образом, в атрибутивной функции здесь господствует суффиксальное ударение. В наречной функции: *высоко* 24, 136, 240 (+27), *глубоко* 254, *далеко* 57, 254; с другой стороны, *высоко* 79, 191, *широко* 7, *далеко* (7×: 45, 51 и др.), *недалеко* (20×, ср. § 3.9), также *неподалеку* 61.

Общее представление о показаниях прочих памятников дает карта 10.

В современном языке ударения *высоко* (*високо*), *широко* господствуют на юго-востоке великорусской территории; в остальных зонах преобладают ударения *высоко*, *широко* (они представлены также в белорусском языке, тогда как в украинском господствуют *вісоко*, *широко*, также *глибоко*, *далеко*). Из сравнения этих данных с картой 10 видно, что ударения типа *высоко* получили широкое распространение на северо-востоке лишь после рассматриваемого периода. Микросистема позднего северо-восточного памятника Колм., рассмотренная выше, дает некоторое представление об этом процессе.

Нечленные формы «группы красно»

§ 3.57. Особо стоят нечленные формы прилагательных с суффиксами *-ьн-, *-ьк- (нередко уже сросшимися с корнем), у которых в праславянском ударение падало на гласную суффикса (например, **krasъnъ*, -а, -о). Все они подверглись тем или иным аналогическим перестройкам. Значительная часть из них уже не обнаруживает в старовеликорусском никаких отличий от производных с исконным корневым ударением, например, *скѣтенъ*, *скѣтна*, -о, -ы как *слѣвенъ*, *слѣвна*, -о, -ы. Такие слова мы ниже не рассматриваем. Имеется, однако, группа слов, у которых обнаруживаются (хотя бы иногда) результаты иной перестройки, а именно, флексивное (в И. В. ед. муж. — суффиксальное) ударение. Нечленные формы таких слов мы обозначаем ниже как «группу красно». Сюда входят прежде всего нечленные формы (и наречия) с основами *красн-*, *равн-*, *ровн-*, *разн-*, *вольн-*, *умн-*, *грѣшн-*, *хвальн-*, *давн-*, *легк-*, *узк-*, *коротк-*. В отдельных памятниках имеются примеры такой же акцентуации у некоторых других слов описанного происхождения.

В XIV в. засвидетельствованы две различные системы акцентировки рассматриваемых нечленных форм. В Чуд. при односложной производящей основе последовательно проведено флексивное ударение: *бѣднѣ*, *волнѣ*, *к грѣшной*, *грѣшнѣ*, *краснѣ*, -ѣ, -ы, *в руднѣ одежи*, *хоулнѣ* Р. ед., *кроснѣ* Д. ед., *некроснѣ* Р. ед., *празднѣ*, -оу Д. ед., *равенъ*, *равнѣ*, -ѣ, -ѣ бо, -ѣ В. ед., В. мн. (отклоняются только

праздни 137в, *равна* II. мн. 24б), см. Акц. Мер., § 59; также *легко* 160г. С другой стороны, в Мер. флексийное ударение представлено только в *красно* 200, *разно* 46, 151, тогда как в *волно*, *ключно*, *трудно*, *хулно*, *равно*, *праздно* выступает наосновное ударение; в *ровень* 27б ударение на *e* (см. там же). При неодносложной производящей основе ударение в обеих системах наосновное (*животноу* Д. ед. и т. п.).

В XVI—XVII вв. различаются флексийный и наосновный (а именно предфлексийный) типы акцентировки рассматриваемых нечленных форм. Второстепенные формы в «группе *красно*» получают предфлексийное ударение несколько чаще, чем в «группе *высоко*» (так, помимо форм на *-ѣ*, такое ударение почти всегда имеет II. мн. на *-и*). Ниже при оценке микросистем учитываются как главные формы, так и второстепенные, кроме форм на *-ѣ* и *-и*, имеющих предфлексийное ударение. Слово *прекрасныи* учитывается только в тех немногих микросистемах, где оно не перешло в а. п. а.

Нечленные формы от основ *равн-*, *разн-*, *грѣшн-* в большинстве микросистем имеют предфлексийное ударение книжного происхождения (*равенъ*, *равна*, *-о*, *-ы* и т. д.). Соответственно, они представляют интерес для характеристики памятника только при флексийном ударении.

Рассмотрим вначале нечленные формы с ненулевым окончанием (относительно II. В. ед. муж. см. отдельно в конце параграфа).

Особое место в «группе *красно*» занимает слово *красныи*. По своему акцентному поведению оно более всех прочих приближается к обычным прилагательным а. п. *b*. Акцентировка этого слова отображена на карте 10. Как можно видеть, восточная граница ударения *красна*, *-о*, *-ы* почти совпадает с границей западной зоны. Приведем для иллюстрации материал нескольких памятников.

Образцы памятников с флексийным ударением. Ион.: *красна́* С 155б, *-о* 591б, 613 (+56б), *некрасно́* 508, *красна́* В. ед. 427 (+587б), *-у́* В. ед. 190б. Библ.: *красна́* 975, *-д* 582 (ср. *красни* 687б). Хр.: *красно́* 38б (+1328), *-ы* В. мн. 933, *-ѣ* М. ед. 1285. Косм.: *красно́* (4×: 27б и др.), *-д* 24б, 121, 126б, *-ы* 178б, 185, *-а́* В. ед. 25, *кра́ну* В. ед. 40б. Цв.: *красна́* III 73б, *-д* (8×: 63, 209 и др.), *-ы* 202б, III 14б (однако также *красны* 81, 94б, 200б, под влиянием прилагательных а. п. с), *красна́* В. ед. III 160б. Колм.: *красна́* (6×), *-д* (5×).

Образцы памятников с предфлексийным ударением. Нил.: *красно́* Т 68, *-у* В. ед. Т 13. Т. пс.: *красно́* 137б. Егор.: *красно́* (5×: 269, 322б и др.), *-ы* 22, *-а* В. мн. (3×: 283 и др.). Пат.: *красно́* 577а, 600а, *-а* Р. ед. 647а, В. мн. 585б, *-оу* В. ед. 600а. Клон.: *красно́* 238, *-а* мн. 359. В Час. при *красно́* (4×: 267, 294б и др.) находим также *красно́* 293 — очевидно, под влиянием прилагательных а. п. с. Аналогично в Печ.: *красна́* бѣ 169б, 175б, но также *красна́* 127,

480; прочие формы — *красно* 247б, *-ы* 174б, 193б, 559, *-а* В. ед. 275, *-у* В. ед. 15б, 261.

Сходное, но не тождественное распределение акцентовок обнаруживает прилагательное *легкий*; оно показано на карте 10. Как можно видеть, в ареале с моделью *красно* представлено только *лёгко*, *-и*; в ареале с моделью *красно* безусловно преобладает *легко*, *-и*, однако иногда встречается и *лёгко*, *-и* (в Фер., Увар., Лук., в качестве акцентного варианта также в Пер., Ион., Цел.). Приводим материал: *легко* Библ. 676б, Ряз. 308, Ратн. 121б, Матф. 5б, 88б, Сел. 585б, Биб. 218, 445, Бук. 165, Костр. 208б, Корн. 68, 68б, 442б, Сол. 9 (см. также выше о Чуд.), *легко* Муз. 42, *легко* Хр. 75б, *легко* Бук. 165, 203, Трав. 500, *легко* Бук. 203, *легко* Колм. 8, 161, 192 (+8), *легко же* Матф. 5б — *лёгко* Сenn. 32г, 49г, Лук. 150г, Фер. 48б, Увар. 480б bis, 824, Пск. 70, 92, 349, *лёгко* Сenn. 50а, Карг. 50б (В. мн.), *лёгко* Пр. 265в (В. мн.), Лет. 333. В нескольких микро-системах встретились обе акцентовки: Ион. *легко* предик. 256б — *лёгко* нареч. 560, В. ед. 38, *лёгко* В. мн. 50б; Пер. *лёгко есть* 237б — *легко* 70б; Цел. *легко* 241б (+32) — *лёгко* 181, 232, *лёгко* 265, *лёгко* 231б.

У слова *равный* флексийное ударение нечленных форм отмечено в большинстве памятников восточной зоны и промежуточной полосы — Чуд., Лес., Хл., Цв., Дом., Трав., Ряз., Ратн.; Хр., Сел.; Увар., Бук., Яр., Костр.; Прол., Хлын., Авв., Колм., Цел. (причем в большинстве этих памятников встретились также и примеры наосновного ударения). Приведем несколько иллюстраций. Хр.: *равно* II ед. 1243, II мн. 7б, *равно* (8×: 17, 115 и др.). Цв.: *равно* II 74б, III 45б, *-ы* 199, III 239, *-а* В. ед. III 33б, но также *равно* 111, *-а* В. ед. II 58, III 9б, *-у* В. ед. 58, *-ѣ* М. ед. III 150. Авв.: *равно* 153 при более обычных *равна* 10б, 195, *-о* 153, *-ы* 11б, 74, 111б. Только наосновное ударение встретилось в западной зоне, но также — в качестве книжного — в ряде восточных памятников (ср. также возможность такого ударения во многих памятниках, названных выше).

Для *ровный* флексийное ударение нечленных форм отмечено в Лет., Хлуд., Ратн., Улож., Колм., Цел., например, *ровно* Ратн. (часто) (+Лет. 337б, Улож. 62б), *неровно* Колм. 125, 21б, *ровно* Колм. 63, 92, *-и* Колм. 223, *поровной* Ратн. 42 (+Улож. [3×]), Цел. [10×]). Наосновное ударение отмечено лишь в Косм. *на ровном месте* 152, Колм. *ровны* 243, *неровно* 241, Цел. *поровну* 59, 71.

Для *вольный*: *волно* Лет. 314б, *волно* Увар. 729б, 840, Цв. 18, Косм. 102б, Ратн. 212, 218, Колм. 145, 161 и др., *волно* Улож. (часто), Матф. 211, *неволно* Колм. (5×: 141 и др.), *вольна* Улож. 216б, *вольны* Колм. 24, 6б. С другой стороны: *волно* Колм. 5б, *неволно* 79, 141, *волны** Лет. 301 (см. также выше о Чуд. и Мер.).

У слова *давно* (также *недавно*, *издавна*, *отдавна*, *вдавні*) флексийное ударение представлено в Прол., Увар., Лет., Косм., Трав., Ратн., Колм., Авв.; один раз также в западном памятнике: Егор.

издавнѣ 479. Специально отметим Косм. *недавнѣ* (5×: 32, 426 и др.). Наосновное (или колеблющееся) ударение: Жит. *дѣвно* 286, Пск. *издѣвна* 48, Клон. *издѣвна* 916, Сол. *издѣвнѣ* 1476, Цел. *недѣвно* 2656, *недѣвнѣ* 221 (ср. *и³давнѣ* 250); о соотношении *давнѣ*—*недѣвно* ср. § 3.9.

Прочие примеры флексийного ударения единичны: Бук. *грѣшнѣ* 156, 192, *прегрѣшнѣ* 2096, *оумнѣ* 1776, *-ѣ* 1776, 220, *-ы* 220; Цв. *оумнѣ* III 172; Ряз. *разнѣ* 586; Ратн. *умнѣ* 213, *порожнѣ* 1086, *короткѣ* 586; может быть, сюда же *познѣ* (б. уд.) Хр. 13406; И. ед. *узкѣ* отмечен в Ион., Ик., Бук., Матф. Наосновное ударение в нечленных формах прилагательных *грѣшныи*, *разныи* (также *узкыи*) встречается во многих памятниках. Из прочих отметим Цв. *оумно* 30 (+Матф. 76), Дом. *оумны* 546, Ратн. *порѣжна* 112, *-и* 172, *корѣтко* 57, также Косм. *рѣзно* 86, 29, Трав. *рѣзны* 330, 458, 4966.

Обратимся теперь к нечленной форме И. В. ед. муж. Исконное ударение на втором слоге лучше всего сохраняет словоформа *легокъ*: отмечено *легѣкъ* Сenn. 59г, 182в, 187в, Прол. 31, Лет. 30 (+756, 155), Бук. 203, Трав. 4596, Печ. 333, Ратн. 71, Матф. 1066, Колм. 91, Цел. 216, 195, 268, также *легѣкъ* Час. 228 (с аналогическим /ѣ/); ударение *лѣгокъ* не встретилось вообще. Хорошо сохраняется также старое ударение *красѣнъ*: оно представлено практически во всех памятниках, где господствует модель *краснѣ*, а также в ряде памятников с моделью *красно* (конкретно в Т. пс., Новг., Лет., Дан., Клон.). Новое ударение — *красенъ* Егор. 486, Печ. 18, 5446, Ик. 100 (+63, 806), также Ратн. 12 (при *красѣнъ* 12); Егор., Печ., Ик. — это памятники с господствующей или допускаемой моделью *красно*.

Прочие примеры старого ударения редки: помимо *равѣнъ* Чуд. 666, *ровенъ* Мер. 276, это *равѣнъ* Прол. 107, Хл. 358, Рж. А 346, 576, *равѣнъ* Сел. 61 (при *равенъ* 1046), *ровѣнъ* Ратн. 182, *волѣнъ* Фер. 7576, Увар. 6066, Улож. 69, Колм. 50, 217, *оумѣнъ* Цв. III 1896, Бук. 1776, *грѣшенъ* Муз. 196, Хлуд. 1416, *юзѣкъ* 'узок' Бук. 1876; также *винѣнъ* 'повинен' Сenn. 66г, *хвалѣнъ* (от *хвальныи*) Т. пс. 172, 180, Новг. 92, 1686, *похвалѣнъ* (от *похвальныи*) Пск. 486. Между тем *равѣнъ*, *волѣнъ* (*вѣленъ* в Т. пс., Новг.), *грѣшенъ*, *хвалѣнъ* представлены очень широко; ср. также *оумѣнъ* Сел. 31, *юзѣкъ* Егор. 263 (+5266), Колм. 240, *корѣтокъ* Колм. 36.

Акцентовка *легѣкъ*, *лѣгоко*, прямо засвидетельствованная в Сenn., Лет., Цел. (и, по-видимому, представленная вообще во всех микро-системах с ударением *лѣгоко*, *лѣжки*), вполне соответствует раннедревнерусскому **льгѣкъ*, **льгѣко* (< **льгѣко*). Поскольку такая акцентовка представлена не только в западных памятниках, но и в ряде восточных (где дефинализации не было), ударение *лѣгоко* можно непосредственно возводить (по крайней мере, в восточных микро-системах) к раннедревнерусскому. Переход к акцентовке *легѣкъ*, *легкѣ* (где реализован принцип колонности) носил диалектный характер. Иначе обстоит дело с акцентовкой *красѣнъ*, *красно*, поскольку она реально засвидетельствована только в западной зоне, где и

непроизводные прилагательные а. п. *b* получили акцентовку типа *тѣпла*, *-о*, *-ы*. Поскольку ударение *красно* отразилось (наряду с *разно*) даже в Мер., где другие подобные прилагательные флексийного ударения не имеют (см. выше), можно предполагать, что слово *красныи* получило такое ударение раньше прочих, т. е. уже в раннедревнерусском успело вполне уподобиться обычным прилагательным а. п. *b*. В этом случае ударение *красно* в западной зоне должно быть признано не архаичным, а дважды сменившимся.

Членные формы прилагательных а. п. *c*

§ 3.58. Не имея возможности рассматривать здесь акцентуацию членных форм всех категорий прилагательных, остановимся лишь на одной группе, акцентуация которой подвергалась в рассматриваемый период наиболее интенсивной перестройке (хорошо отразившейся в памятниках). Речь идет о переходе к новому (наосновному) ударению в членных формах прилагательных а. п. *c* — прежде всего производных с суффиксами *-к-* и *-н-* (у непроизводных данный переход происходил менее интенсивно).

Уже в старовеликорусский период в части микросистем обнаруживается некоторая связь этого перехода со значением прилагательного, а именно, начинает складываться принцип (усвоенный впоследствии литературным языком, см. § 1.56), согласно которому наосновное ударение в членных формах получают прилагательные с **к а ч е с т в е н н ы м** значением.

Замена старого ударения членных форм новым происходила, как это обычно бывает при нефонетических изменениях, у разных слов с разной скоростью. У ряда прилагательных исторической а. п. *c* (*лѣвыи*, *новыи*, *свѣтлыи*, *скорыи*, *твердыи*, *трезвыи*, *уныи*, *цѣлыи*, *мирныи*, *мяккыи*, *свободныи*, *темныи*) эта замена к XVI в. уже в основном завершилась³⁴; в XVI—XVII вв. от старого ударения у них сохраняются лишь незначительные следы. С другой стороны, у некоторых качественных прилагательных эта замена в XVI—XVII вв. выступает еще слишком редко; таковы, например, *густыи*, *живыи*, *нагыи*, *нѣмыи*, *простыи*, *слѣпыи*, *больныи*, *родныи*, *цвѣтныи*, *честныи*. Для анализа рассматриваемого процесса в XVI—XVII вв. наиболее показательный материал дает «среднее звено», т. е. прилагательные, которые в этот период находятся в средней фазе перехода.

Из качественных прилагательных этого «среднего звена» удовлетворительно представлены в нашем материале прежде всего следующие (взяты только прилагательные с односложной основой): а) с суффиксом *-н-* — *блудныи*, *вѣчныи*, *гнусныи*, *грозныи*, *грязныи*, *должныи*, *древныи*, *мрачныи*, *странныи*, *страшныи*, *таинныи*, *тучныи*;

³⁴ У некоторых из этих прилагательных (*новыи*, *скорыи*, *мяккыи*, *темныи*, возможно, также *мирныи*) наосновное ударение членных форм может быть в части случаев не инновацией, а следом старых акцентных вариантов.

б) с *-н-*, рано сросшимся с корнем, — *прѣсныи, тѣсныи*; в) непроезженные — *ветхьи, гордыи, грубыи, частыи*. Этот набор мы будем условно обозначать как «основной список». Кроме того, в «среднее звено» входят почти все прилагательные исторической а. п. с с суффиксом *-к-*, а именно, *бридкии, горькии, жаркии, кроткии, крѣпкии, сладкии, тонкии, тяжкии*.

При оценке ударения членных форм необходимо учитывать возможный эффект книжности: в словоформах И. мн. на *-ии*, М. ед. на *-ѣмъ* (*-емъ*), Д. М. ед. на *-ѣи* (*-еи*), мн. на *-ѣхъ, -ѣмъ, -ѣми*, особенно в вариантах с *ц, з, с* вместо *к, г, х*, наосновное ударение может быть специфически книжным (§ 3.13, п. 6) и потому непоказательным для характеристики микросистемы. Ср., например, Биб. *кроткѣя* В. мн. 370 и др., но *крѣтци*^н 372б, Егор. *нагѣмъ* Д. мн. 34б, но *назѣмъ* Д. мн. 323б, Новг. *живѣму, живѣхъ* и т. д., но *жѣви* 198б, Увар. *слѣпѣхъ* 431б, но *слѣпи* 527б и множество других подобных случаев. Ниже примеры типа *крѣтции, назѣмъ, жѣви* обычно просто не принимаются во внимание (напротив, ударения *крѣтции, назѣмъ, жѣви* и т. п. вполне показательны). В некоторых микросистемах (в частности, Увар., Клон.) книжное наосновное ударение может выступать также в И. В. ед. муж. на *-ии* (после *к, г, х*), ср., например, Увар. *ветх-аго, -ѣму, -ѣмъ, -ѣхъ* и т. д. (и реже *ветх-аго* и т. д.), но только *ветхьи* И. В. ед. (регулярно). В ряде случаев наосновное ударение, по-видимому, определяется книжным характером самой лексемы. Сюда можно отнести, в частности, ударения *брѣчныи, влѣстныи, грѣбныи, зѣмныи, нѣщныи, пѣщныи, смрѣбныи*, выступающие в некоторых микросистемах. Возможно, этот фактор в части случаев актуален и для ряда других прилагательных (*гнѣбныи, слезныи, драгии, златыи, млადыи* и др.), однако здесь трудно отграничить его действие от действия других факторов; например, прилагательные *блудныи, вѣчныи*, несмотря на книжную окраску, обнаруживают такое распределение акцентовок, которое успешно объясняется собственно диалектологическим фактором (см. ниже).

На карте 11 для каждого памятника показана степень распространения нового (наосновного) ударения в членных формах прилагательных основного списка и прилагательных с *-к-*. Как можно видеть, в XV—XVII вв. исконное ударение в этих группах преобладает только в восточно-новгородских и вологодско-белозерских памятниках (в несколько меньшей степени также в Сенин.). Напротив, новое ударение полнее всего и раньше всего побеждает в юго-западной четверти великорусской территории.

Рассмотрим несколько образцов. Микросистемы со старым (флексионным) ударением. Прол.: *блуднѣе* 61б, *блудн-аа* мн. 61, *-ѣми* 6б, *вѣчн-ѣе, -аго, -ѣя* Р. ед. (4×), *мрачнѣя* Р. ед. 6б, *странныаго* 64б, *страшн-ѣи, -ѣе, -аго, -ѣми* (5×), *таин-ѣи* М. ед. 81б, *-аа* мн. 88, 112, *ветх-ѣи* 82, *-аа* 22 (но *ветхаго* 17); *горкѣа* 35б, *крѣткѣи*^н 95б, *крѣпкѣи* 60, *слаѣкѣе* 8б, *слаткѣми* 124б, *тонкѣми* 31. Ион.:

блудн-аа 402б, *-ыми* 463б, *-има* 463б, *вѣчн-ѣи*, *-оѣ*, *-ому*, *-ѣи* и т. д. (13×; но *вѣчная* мн. 506б), *гнусн-ая* мн. 487б, *-оѣ* С 496б, *-аго* С 157, *длѣжн-оѣ* 385, *-ому* 397б, *-ую* 205б, *древн-ая* мн., *-ѣ^x*, *-ими* и т. д. (5×), *страшн-ѣи*, *-оѣ*, *-аго*, *-ѣи* и т. д. (14×; ср. *страшнии* 375б), *таинна* 465 (отметим еще *гноиннаго* 288), *ветх-ѣи*, *-оѣ*, *-ыми* и т. д. (часто), *горд-ѣи*, *-аго*, *-ому* (4×), *груб-ѣа* Р. ед. 508б, *-ыми* 514, *чѣст-оѣ* 55, *-ѣя* В. мн. 102б, *чѣст-аго* 247б, *-ыми* С 157б; *горк-ѣи* 615, *-ѣа* Р. ед. 487, *-ую* 568б, *-аа* мн. 210б и даже *горуѣи* 346, *кротк-ѣи* 421б, *-оѣ* 317б (ср. *кротѣи* 250), *крѣпкѣи* 578б, *тяжкѣ* 582; новое ударение в *тѣсными* 280 bis.

Примечательно, что известные нам микросистемы XIV в. не являются в данном отношении максимально архаичными. Чуд.: *должн-оѣ* 10г bis, *-ому* 33а, *вѣчн-оѣ*, *-аго*, *-ому*, *-ая*, *-ѣя* Р. ед., *-ую*, *-ыми* (16×), *прегордая* В. мн. 92в, *грубдаго* 114а, *крѣпк-ѣмь* 144б, *-ѣ^x* 157а (также *темн-ая* И. ед. 39в, В. мн. 106а, *-ѣя* Р. ед. 130б, *мяккая* В. мн. 7б); однако новое ударение в *вѣчн-а²* 148г, *-ую* 43б (+ 50б, 102б), *-ѣи* 44б, *ветх-ѣи* 110а, *-оѣ* 29а, *-аго* 117в, 131б, *ветсѣи* 29а (двусмысленно *ветсѣмь* 127в). Мер.: *блуднѣ*, *вѣчнѣ*, *должнѣму*, *страшнѣму*, *бриткѣ*, *сладкѣ*, *журкѣ*; однако новое ударение в *ветх-оѣ*, *-ому*, *крѣпкою*, *тяжкое* (Акц. Мер., § 53, 56, 63). Таким образом, в юго-западной части великорусской территории рассматриваемый процесс уже в XIV в. зашел дальше, чем в новгородско-вологодской зоне в XVI в.

Пример микросистемы переходного типа — Егор.: *блудн-ѣи*, *-аго*, *-ыми* и т. д. (часто), *страшн-аго* (9×), *-ѣмь* Д. мн. 550, *тѣснѣмь* Т. ед. 181, *чѣстѣя* В. мн. 68б; *сладк-аго* 215, 553, *-ая* мн. 75б, *тяжк-ѣмь* Т. ед. 93б, 200б, *-ѣмь* Д. мн. 540; колебание — *ветх-аго* (10×), *-аа* мн. 417 и *ветх-ѣи* 29, 351, *-оѣ* 189, *-ому* 451б, *-омь* 547, *-аа* мн. 419, *вѣчн-ѣи*, *-аго*, *-ѣмоу*, *-аа* (И. ед., И. мн.), *-оую*, *-ѣя* В. мн., *-ѣхъ*, *-ѣмь* (17×) и *вѣчн-ѣѣ*, *-ѣмь*, *-ѣ^x* (5×), *мрачн-аго* 98б, *-ая* мн. 35 и *мрачнаа* мн. 548б, *таинная* мн. 14, 25б и *таинѣмь* Т. ед. 567, *гордѣмь* Д. мн. 93 и *гордаго* 67б; новое ударение — *длѣжное* 55б, *древн-ѣѣ*, *-яго*, *-ѣмь* и т. д. (более 5×), *странн-ѣи* 476б, *-оую* 477, *горкѣи* 64, *горк-ѣи*, *-аго*, *-оѣ*, *-ѣа* В. мн., *-аа* мн., *-ѣмь* (10×), *кротк-аго*, *-ѣмь*, *-ѣ^x* (4×), *крѣпк-ѣи*, *-ую*, *-ою*, *-аа* мн., *-ѣа* (8×).

Микросистемы с новым (наосновным) ударением. Смол.: *блудн-оѣ* 64б, *-аго* 144б, *вѣчн-ую*, *-ѣхъ* и т. д. (часто), *грѣзньѣ^x* 100б, *длѣжныѣ^x* 146б, *древниѣ^x* 145б, *странн-аго* 169, *-ѣ^m* Д. мн. 82, *страшн-аго*, *-ѣ^m*, *-ыми* и т. д. (6×), *таиннии* 165 (отметим еще *бѣснаго* 130, *крѣвнаго* 22, *рѣдныя* Р. ед. 29, *срамн-ѣи*, *-оѣ*, *-ѣя*, *-ѣ^x* [5×], *чѣстн-ѣа* Р. ед. 119б, *-ѣ^x* 119), *чѣстѣмь* Т. ед. 165; *крѣпкия* В. мн. 10, *тяжк-ѣ^m* Д. мн. 69б, *-ѣми* 41. Дом.: *блудные* 55б, *вѣчн-оѣ*, *-ую*, *-ѣя* (4×), *грязн-оѣ* 62, *-ѣѣ* 62 bis, *должную* 10б, *странныхъ* 109б, *страшнаго* и т. д., *прѣснои* И. ед. 90, *гордымь* Д. мн. 119; з *гор-*

кими 111, *тяжкою* 6 (ср., однако, *житкая* 866). В Полик. из 26 рассматриваемых здесь слов представлены 24 (все, кроме *бридки*, *кротки*); все они даны с наосновным ударением. Пример несколько менее последовательной микросистемы — Хр.: *блѹдное* 93, *вѣчнѹи* и т. д., *дрѣвнѹя* и т. д., *во страннѹх* 1399, *тайный* 1325б, *гѹрд-агѹ* 1047, 1217, *-агѹ* (гѹ б. уд.) 1046б *-ых* 829, *чѹстья* В. мн. 52б; *гѹр-к-ое* 1410б, *-и* Т. ед. 189б, *гѹркая* 655, *крѹтки* 1321, *крѣпк-ое*, *-агѹ*, *-ою* и т. д. (10×), *тяжк-ою* 1085, *-ими* 54, *тяжьки* В. мн. 1283б; старое ударение — *страшн-ый* 1190б, *-ѹе* 1259б, *ветх-ѹе* 14б, *-ѹмъ* 135 (ср. *вѣтхи* И. ед. 1187б).

Общее представление о ситуации в прочих памятниках дает карта 11.

§ 3.59. Приведем также некоторые дополнительные сведения об отдельных прилагательных. Для нескольких слов, представленных наиболее широко (в 20—50 памятниках), можно указать примерные границы распространения нового ударения в рассматриваемый период (ниже территория, обведенная на карте 11 жирной линией, условно обозначается как «зона архаизмов»).

Территория, где в XV—XVII вв. еще встречается ударение *вѣчнѹи*³⁵, на карте 11 специально выделена. Как можно видеть, она лишь незначительно шире «зоны архаизмов» (в Сенн., Ион., Лук., Егор., Пск., Ап. встречается также и *вѣчнѹи*, в позднем памятнике Нв. — только *вѣчнѹи*); единичные примеры ударения *вѣчнѹи* отмечены также в Цв. и Хлуд. В прочих памятниках (реально в 45) отмечено только ударение *вѣчнѹи*. Еще у нескольких прилагательных старое ударение ограничено примерно той же территорией, что для *вѣчнѹи*, т. е. «зоной архаизмов» вместе с соседними псковскими и вологодско-белозерскими памятниками (а также с некоторыми памятниками центра): *древнѹи* — Т. пс., Нил., Сенн., Ион., Муз., Новг., также Дан., Ап. (//)³⁶, Тар. (//), Амф. (//); *мрачнѹи* — Окт., Час., Прол., также Егор. (//), Бук. (//), Биб.; *страннѹи* — Т. пс., Вас. сб., Прол., Ион., Зап., также Дос.; *таинѹи* — Час., Т. пс. (//), Прол., Ион., Новг., Лук., также Егор. (//), Ап. (//); *тучнѹи* — Т. пс., Вас. пс., Новг., также Тар., Цв., Колм. (//); *тѣснѹи* — Сенн., Вас. сб., Лук., также Егор., Пск.

У ряда других прилагательных старое ударение сохраняется более широко. В период XV—нач. XVII в. новое ударение здесь обычно отмечается только: а) в юго-западной четверти великорусской территории (и в тех или иных московских памятниках); б) на северо-западной периферии западной зоны. В более поздний период новое ударение встречается и в других районах. Так, ударение *страшнѹи* в XV—нач. XVII в. выступает: а) в Смол., Фер. (//),

³⁵ Формула «ударение *вѣчнѹи*» (или даже просто «*вѣчнѹи*») используется как сокращение -- вместо «флекссионное ударение в членных формах слова *вѣчнѹи*»; аналогично и при разборе последующих слов.

³⁶ Знак // здесь и ниже означает: наряду с другим ударением (или ударениями).

Чет., Рум., Стар., Ап., Лес. (//), Амф., Цв., Дом., М. пс. (//); б) в Лих., Пат., Клон., Печ.; сверх этого только в Увар. (//) (в XVII в. это ударение уже отмечается также в ряде памятников дальнего и ближнего северо-востока); старое ударение *страшнѣи* сохраняется, помимо «зоны архаизмов» и Мер., в Корн., Карг., Бук., Егор., Пск., Хрон., Дан., Дос., Лет., Тар., Хл., Биб., в XVII в. также в Ряз., Пер., Кир. (//), Сел. (//), Яр. (//), Костр. (//), Сол. (//), Авв. (//). Ударение *блуднѣи* в XV—нач. XVII в.: а) Смол., Лет. (//), Чет., Хр., Цв., Дом., Трав.; б) Печ. (//); *блуднѣи* сохраняется, помимо «зоны архаизмов» и Мер., в Корн., Егор., Дос., Увар., Ап., Лес., в XVII в. в Ряз., Пер. Ударение *гордѣи* в XV—нач. XVII в.: а) Лет., Хр., Рум. (//), Лес. (//), Косм., Дом., М. пс. (//), Ряз. (//); б) Лих. (//), Егор. (//), Печ. (//); кроме того, Т. пс. (//), Новг. (//), Бук. (//); *гордѣи* сохраняется, помимо «зоны архаизмов» и Чуд., в Корн., Карг., Дан., Ап., Тар., Биб., Библ., Цв., в XVII в. в Авв. Ударение *чáстѣи* в XV—нач. XVII в.: а) Смол., Дан., Хр., Сел., Библ., Трав., Ряз.; б) Пат., Печ.; кроме того, Нил., Корн., Увар. (//); *чáстѣи* сохраняется, помимо «зоны архаизмов», в Бук., Клон., Егор., Биб., Хл., Хлуд., Косм., в XVII в. в Матф., Костр., Леч., Хлын. Распределение такого же типа (но несколько более сложное) имеют *вѣтхѣи* и *ветхѣи*, *дблжнѣи* и *должнѣи*.

Прилагательные с *-к-* ведут себя довольно единообразно: старое ударение сохраняется у них в основном в «зоне архаизмов», в ограниченной степени — также в близких к этой зоне памятниках Лет., Егор., Пск., Стар., Бук., Цел., кроме того, в Биб., Авв. (см. карту 11). Лишь одно прилагательное — *кроткѣи* — встречается со старым ударением также южнее указанных районов (в московских памятниках и в М. пс., см. карту).

Что касается относительных прилагательных, то здесь, если не считать ударений книжного происхождения (*брáчнѣи*, *грáднѣи*, *зѣмнѣи*, *нбщнѣи*, *пѣщнѣи* и др.), повсеместно господствует или хотя бы преобладает старое ударение. Новые ударения типа *вбднѣи*, *зубнѣи*, *лѣснѣи*, *мѣснѣи*, *нбжнѣи*, *рѣчнѣи*, *снѣжнѣи* встречаются сравнительно редко, причем в основном в юго-западных и периферийных северо-западных памятниках, т. е. там же, где шире всего распространено новое ударение у качественных прилагательных.

Таким образом, в «зоне архаизмов» членные формы прилагательных исторической а. п. с в основном сохраняли старое ударение (более того, здесь флексивное ударение распространилось даже на некоторые прилагательные а. п. а и б). С другой стороны, на юго-западе и периферийном северо-западе интенсивно развивался переход к новому (наосновному) ударению, причем он захватывал не только качественные, но отчасти также и относительные прилагательные. В центре мы находим микросистемы, где наиболее заметно выступает формирующийся принцип акцентного распределения в за-

висимости от значения прилагательного. По-видимому, этот принцип возник как один из возможных способов перераспределения акцентонок (т. е. упорядочения их по новому основанию) в большом массиве словоформ, у которых ударение было неустойчиво (особенно в условиях характерного для центра междиалектного общения).

Данные современных говоров (известные, к сожалению, весьма неполно) указывают на то, что некоторые существенные черты диалектного распределения акцентонок, обнаруживаемого в старовеликорусских памятниках, сохраняются до сих пор. Так, по данным МДК и Мат., ударения *горькбѣй*, *жаркбѣй*, *тонкбѣй*, *робкбѣй*, *ловкбѣй* и т. п. на *-кбѣй* широко распространены в говорах вологодской, белозерской, поморской, онежской групп, отчасти также в новгородских; лишь изредка такие ударения выступают в псковских, владими́ро-поволжских и некоторых других говорах. Характерны для севера также такие ударения, как *преснбѣй*, *теснбѣй*, *толстбѣй*, *частбѣй*, *страшнбѣй*, *суровбѣй* и др. Вообще в северных говорах принцип связи наосновного ударения членных форм с качественным значением прилагательного практически не развился.

С другой стороны, в современных говорах у некоторых прилагательных исторической а. п. с наосновное ударение ограничено юго-западной (или просто западной) частью великорусской территории. Так, в частности, северо-восточная граница распространения ударения *густѣй* проходит примерно по линии Велиж—Ржев—Можайск—Серпухов—Моршанск—Кирсанов—Балашов (Атлас Запад, карта 311, Атлас Юг, архивная карта 174). Несколько иначе распространено, например, ударение *рѣднѣй*: его основная восточная граница проходит примерно по линии Петрозаводск—Тихвин—Боровичи—Вышний Волочок—Белый—Юхнов—Орел—Моршанск—Кирсанов—Балашов (Атлас Север, карта 314, Атлас Запад, карта 308 и картотечные данные). Заметим, что в исследованных памятниках ударение *густѣй* встретилось только в Трав., *рѣднѣй* — в Мер., Фер., Смол., Св.; все эти памятники локализуются внутри очерченных выше зон.

ГЛАГОЛЫ

2 мн. презенса в а. п. с

§ 3.60. У глаголов а. п. с в XIV—XVII вв. представлены три основных модели акцентовки 2 мн. презенса: 1) старая модель *-итѣ*, *-етѣ* (например, *стоитѣ*, *несетѣ*); 2) новая модель *-ѣте*, *-ѣте*; 3) промежуточная модель *-итѣ*, *-ѣте*.

При анализе материала здесь необходимо учитывать следующие особые обстоятельства. Во-первых, церковнославянские сочетания с *да* типа *да сотворите* книжниками XVI—XVII вв. нередко интерпретировались как содержащие императив, а не презенс. Об этом недвусмысленно свидетельствуют такие примеры, как Хлын. *да*

блодѣтеся 103, Цв. *да не приступѣте* 92, Костр. *да не оубѣтеся* 1806 и т. п. По этой причине в памятниках с господствующим ударением *-итѣ* мы нередко находим примеры типа *да сотворѣте* (с ударением императива), ср. Биб. *да сътворѣте* 79 bis, Увар. *да не мнѣте* 543б, Пер. *да спешѣте* 92б и множество подобных. Понятно, что для характеристики микросистемы такие примеры непоказательны (в отличие от примеров типа *да сотворитѣ*); ниже при разборе материала они просто не учитываются.

Во-вторых, глаголы II спряжения с неслоговым корнем обнаруживают повышенную тенденцию к ударению *-ѣте*. Вот некоторые примеры из памятников, где в остальном господствует *-итѣ*: Ев. *мнѣте ли* 172, 172б (+Ион. 260 bis, Печ. 345, 507), Прол. *не оусумнѣтеся* 92 (+Муз. 74б), Ап. *зрѣте* 57б, 142б, Ряз. *тицѣтеся* 37б, 145б (+Печ. 285); возможно, сюда же Биб. *снабдѣте* 116. Ниже словоформы данной группы при ударении *-ѣте* обычно просто не приводятся.

При анализе учитываются также словоформы *дадите*, *ѣдите* (*ядите*), если они уже выступают в памятнике в индикативной, а не императивной функции. При разборе материала помимо глаголов исконной а. п. с могут быть приведены также глаголы, для которых эта а. п. вторична (т. е. перешедшие в а. п. с именно в данной микросистеме). Вместо записи типа *живетѣ* 111, *да живетѣ* 114 может быть дано: *живетѣ* 111 (*да* 114). Списки примеров обычно даются в алфавитном порядке корней глаголов (все эти технические указания действительны и для последующих разделов).

Образцы микросистем с моделью *-итѣ*, *-етѣ*. Чуд.: *держитѣ*, *раздражитѣ*, *оузритѣ*, *искоренитѣ*, *мнѣте*, *ω^мпуститѣ*, *разрѣшитѣ*, *осоли^{те}*, *стоитѣ*, *творитѣ*, *створитѣ*; *сблюдетѣ*, *даетѣ*, *иженетѣ*, *живетѣ*, *оумретѣ*, *принесетѣ*, *пъетѣ*, *пропнетѣ*, *рчет^б* (см. Дыбо 1969, с. 116); отклонение: *что ди|вѣтеся* 60б. Биб.: *побѣдитѣ* 218, *сваритѣ* 'соquetis' 54, *не ωбратитѣся* 36б, *вредитѣ* 57б, *погоубитѣ* 11б, *належитѣ* 380, *прилежитѣ* 329б, *возложитѣ* 116б, *положитѣ* 79б, *по^оложитѣ* 458, *да не приложитѣ* 111, 119б, *да ωлоучитѣ* 80б (*ω* вместо *ω^п*), *оуничжитѣ* 218, *творитѣ* 24б, 116б, 285, 286б, *сътворитѣ* (9×), также *да не ωживетѣ* 121 (*-ветѣ* ошибочно вместо *-витѣ*); *грядетѣ* 216б, *да... изжѣте* 11б, *съжжѣте* 50б, *живетѣ* 111, 11б (*да* 111, 114, 115), *поживетѣ* 408б (*да* 119), *да ни жнетѣ* 83б, *призоветѣ* 405, *минетѣ* 20, *да помянетѣ* 118б, *ω^мнесетѣ* 84б, *принесетѣ* (9×), *впадѣте* 84б, *испечѣте* 54 (+84б), *рчетѣ* 462, 462б, *нарчетѣ* 82, 121, 157б, *да посѣчетѣ* 113б, *чтетѣ* 50б; отклонения: *живѣте* 111, *изжнѣте* 82 (встретились также некоторые примеры с *-ѣте*, где неясно наклонение). Печ.: *да не... ω^мбѣжитѣ* 438б, *приложитѣ* 344, *оумолчитѣ* 45б, *претитѣ* 285, *препритѣ* 46б, *сѣдитѣ* 286б, *сотворитѣ* 134б, 135 (*да* 239б); *сблюдетѣ* 109 (*не* 198б), *ведѣте* 233б, *пож|ветѣ* 44; отклонения: *егда водворѣтеся* 167б, *блзнитѣся* 419.

Богатейший материал по II спряжению (около 180 примеров с *-итѣ*) представлен в Тих., например, *блажитѣ*, *боитѣся*, *болитѣ* и т. д. В этот материал входят *i-* и *ѣ-* глаголы с корнями (или основами): *блаж-*, *бој-*, *бол-*, *бран-*, *буд-*, *бѣж-*, *вал-*, *вар-* 'соцоо', *вел-*, *вин-*, *воз-врат-*, *глум-*, *глуш-*, *гнѣв-*, *гнѣт-*, *говор-*, *град-*, *гроз-*, *груз-*, *гром-*, *густ-*, *дар-*, *двој-*, *держ-*, *див-*, *о-дожд-*, *драж-*, *друж-*, *дѣл-*, *о-желт-*, *жив-*, *о-жур-*, *о-зар-*, *на-знамен-*, *зр-*, *кад-*, *крест-*, *крој-*, *кроп-*, *крот-*, *круш-*, *крѣп-*, *леж-*, *лиш-*, *лов-*, *лож-*, *по-луч-*, *лѣч-*, *у-мертв-*, *мир-*, *о-мраз-*, *нов-*, *пој-*, *прет-*, *прост-*, *пуст-*, *о-пустош-*, *по-раз-*, *рѣш-*, *род-*, *о-рос-*, *рост-*, *сад-*, *свят-*, *о-сѣт-*, *слад-*, *сол-*, *срам-*, *о-станов-*, *стој-*, *сул-*, *суш-*, *сѣд-*, *о-сѣн-*, *тај-*, *тверд-*, *твор-*, *уч-*, *хран-*, *о-хром-*, *о-худ-*, *цѣт-*, *цѣд-*, *цѣл-*, *цѣн-*, *шум-*, *щад-*, *щап-*, *щеп-*, *щит-*, *яв-*, *яр-*. Сюда же *дадитѣ* (буд.) и его приставочные производные. Из I спряжения представлены только: *читѣ*, *биетѣся* (но также *биетѣся*); не совсем надежно *глетѣ* 1056 (см. Аксенова 1982). Эта же модель отражена и в ряде других восточных памятников, см. карту 12.

Модель *-итѣ*, *-ѣте*. Прол.: *не оумертвитѣ* 1256, *мнитѣ* 91, *скорбитѣ* 51; *да съберѣтѣся* 20. Ион.: *блажитѣ* 2536, *болитѣ* 3856, *да не... погубитѣ* 746, *не зритѣ ли* 2256 (+ 387 bis), *мнитѣ* 816, *да не оубо мнитѣ* 756 (наряду с *мните ли* 260, *мните ли* 260, ср. выше), *стоитѣ* 387, *стыдитѣ*^с 1896, *не творитѣ* 1186, *сътворитѣ* (4×); *облечѣте*^с 369, *привлечѣте* 76, *принесѣте ми* 716; отклонение: *творитѣ* 4476; остаток старого ударения: *зоветѣ* 4116. Корн.: *дрѣжитѣ* 'держите' 49, *мнитѣ* 596 (*не* 2486, 2516), *творитѣ* (8×), *сътворитѣ* 252; *облечѣтѣся* 217 (+ 71), *зоветѣ* 426, *впадѣте* 56, *печѣтѣся* 716, *пѣте* (5×); остаток старого ударения: *зоветѣ* 297. Тит.: *оумолчитѣ* 16, *сътворитѣ* 147; *живѣте* 846, 1496, 2586, *облечѣтѣся* 1796, 2886. Пер.: *творитѣ* 356, 92, 926, 2076; *впадѣте* 1136, *поперѣте* 936, *пресѣчѣте* 936, *читѣте* 251; отклонение: *сотворитѣ* 219. Авв.: *терпитѣ* 36, 2146; *бодѣте* 160, *уйдѣте ли* 1596.

В московских памятниках Цв. и Матф. на систему *-итѣ*, *-ѣте* накладывается следующая характерная особенность: при неслоговом корне в I спряжении обычно сохраняется старое ударение *-етѣ* (*жжетѣ*, *биетѣ* и т. п.). Так, в Цв. при совершенно устойчивом *-итѣ* представлены: *соблюдѣте*, *соумведѣтѣся*, *облечѣтѣся*, *да... принесѣте*, *наречѣтѣся*, также *сожжѣте*, но *жжетѣ*, *биетѣ мя* и др. (см. Глаг. акц., § 32). Материал Матф.: *соблазнитѣся* 2126, *оубѣжитѣ* 184, 1846, *не содержитѣ* 16, *мнитѣ* (часто), *не оусумнитѣся* 1636, *положитѣ* 215, *поститѣся* 50, *разоритѣ* 2326, *разрѣшитѣ* 1436, *стоитѣ* 154, *творитѣ* 46, 1806, *сотворитѣ* 966, 1636, *тичитѣся* 1806, *оучитѣ* 180, *явитѣся* 16; *облечѣтѣся* 516, *не даѣте* 55 (но также *даѣте* 546), *ижденѣте* 1846, *печѣтѣся* 52, *речѣте* (5×); при неслоговом корне *пѣте* 516, *оубиетѣ* 184 (наряду с *оубиѣте* 1846).

Существует также переходный вариант, когда при постоянном *-итѣ* выступают *-етѣ* и *-ѣте*. Увар.: *блазнитѣся* 5106, *привлечитѣ* 5366,

держитè (5×), *-еся* 510, *кривитèся* 530, *мнитè* (6×), *мбнитè* 'думаете' 434б, *ститèся* 528б, *оскверн|тè* 497б, *престоитè* 432б, *творитè* (6×), *-еся* 434б, *наоучитè* 433, *хранитè* 538 (не 815б), *съхранитè* 434; *подаетè* 539, *живетè* 541б, *да не изъмретè* 427, также *лжетè* 503б, *жретè* 'sacrificatis' 534б (наряду с *жрете* 534б) — *да...* *блюдетè* 427, *не блюдетè* 544, *да съблюдетè* 817б, *кладетè* 615, *речетè* 508 bis (*да* 500), также *пие́те* 508б, 537б, *чтете́* 526б. Аналогично Муз. (см. Глаг. акц., § 32) и Сел.

Другой переходный вариант: примерное равновесие двух акцентонок в обоих спряжениях. Библи.: *ωратитèся* 682б, *зритè* 800б, *вбзри|тè* (2 уд.) 800, *не мнитè* 689, *не радитè* 835б, *стоитè* 684б, *творитè* 700, 800б, 835, *сътворитè* 685б, *тернитè* 803б — *съградите* 490, *зрите ли* 800б, *постите ми ся* 621, *поститèся* 621, *не вселите°* 603, *творите* (5×); *ждетè* 836, *живетè* 563б (*да* 603б), *иждиветè* 801б, *пие́те* 621 bis, 835б, *ре"тè* 800б, *чтетè* 803б — *бие́те* -486б, *въ что ωблецетèся* 673, *възопие́те* 490, *прозоветèся* 488, 594, *си несете* 620б, *принесете* 603б, *падете́ся* 489б, *печете́ся* 673 (не учтены примеры с *-ете* после *да*, поскольку в Библи. императив I спряжения часто оканчивается на *-ете* [вместо *-ѣте*]).

Довольно близко к модели *-итè*, *-ете* стоят Ап. (*-итè* 31×, *-ите* 4×, *-етè* 2×, *-ете* 13×) и Хлын. (*-итè* 22×, *-ите* 4×, *-етè* 5×, *-ете* 12×).

Образцы микросистем с моделью *-ите*, *-ете*. Нил.: *бойтèся* 132, *оубойтèся* 114б, *ωпустите мя Т* 66б, *створите* 96б; *потечете* 331, *чтете Т* 65. Егор.: *обратите́ся*, *побежите*, *оудержите*, *кр"тите́ся*, *мните*, *поститèся*, *сбдите*, *ωстойте*, *творите*, *съхраните*, *явитèся*; *поженете*, *изнесете*, *принесете*, *пие́те* (см. Глаг. акц., § 32). Дан.: *молчите* 170б bis, *просвѣтите°* 169, *творите* 153б (также *зрите*, *мните*, *мните°*); *призовете* 53, *речете* 169б, *бие́те°* 6, *лжете* 166 (+ 171б), *пие́те* 101б bis, *чтете́* 152 bis. Карг.: *съблазните°* 94б, *не обратите°* 119, *получите* 21, *разрѣшите* 87б, *стойте* 129, *стыдите°* 96б, *творите* 105, 108б, 243б (+ 563); *облечете°* 560б, *пие́те* (часто), *начнете* 89б, *почтете* 45б. Смол.: *блоудите* 130, *дръжитèся* 4, *не лишитèся* 29, *творите* 4б, 72; *да не... впадете* 174б, *чтете́* 130. Пск.: *совершите* 159б, *сввершитèся* 111б, *веселитèся* 159, *не ωбратите́ся* 145, *соградите* 291, *не ωкратитèся* 216, *искоуситèся* 216, *вложитèся* 153, *ωбленитèся* 132, *не оуподобитèся* 152, *возраститèся* 336б, *свободитèся* 160б, *ωстойте* 229, *ωстрастите* 193б, *оутвердитèся* 272б, 323б, *творите* 205, 209б, *сотворите* 33б, *терните* 262б; *ωблечете́ся* 192б, *не брежете* 92б, *да... ведете́ся* 52, *да оувязете́ся* 201б, *воздаете* 274, *предаете́ся* 304, *живете* 148б (*да* 120), *поживете* 147б, 198б, *зовете* 107, *вознесете* 82, *-ся* 278, *падете́ся* 153 (*да не* 94), *да... не спадете́ся* 94, *спсете́ся* 323б, *наречете́ся* (4×), *течете* 164б, *сопричтете́ся* 198 (не учтены примеры, где не вполне ясно наклонение). Аналогично

(при более ограниченном материале) и в ряде других памятников, см. карту 12.

Незначительные остатки *-итѣ*, *-етѣ* на фоне господствующих *-ѣте*, *-ѣте* представлены в Сенин., Лук., Стар., Рж., Костр.

З а м е ч а н и е. В приведенные списки не включены случаи, когда глагол исторической а. п. *b* или *a* не полностью переходит в а. п. *c*, а лишь изредка встречается с флексивным ударением, например: Биб. *да не присяжетѣ* 117б, Увар. *служитѣ* 529, Т. пс. *судѣте* (наст.) 96б (+Лук. 62б, 115б), Смол. *осудѣтеса* (буд.) 72, *входѣте* (наст.) 130, Пск. *приноситѣ* (наст.) 82, *ходѣте* (наст.) 275б. Существенно, что в подобных случаях ударение может и не соответствовать действующей в данной микросистеме норме для а. п. *c*; ср. Корн. *чтѣ судѣте* 26б, Увар. *судѣтѣ* (наст.; 2 уд.) 633, Муз. *будѣте* 158, Хлын. *яко вбиходѣте* 202б, 207.

Географическое распределение *-итѣ* и *-ѣте*, *-етѣ* и *-ѣте* показано на карте 12. Из нее видно, что наиболее отчетливая граница — это линия, разделяющая зоны преобладания *-итѣ* и *-ѣте*. Она очевидным образом принадлежит к классу схематических изоглосс, отделяющих восточную зону от западной (только Лук. и Костр. образуют островки с преобладающим *-ѣте* внутри восточной зоны). Для I спряжения в западной половине представлено только *-ѣте* (если не считать одного примера *-етѣ* в раннем памятнике Сенин.); в восточной встречаются *-етѣ* и *-ѣте*, но четкого географического разделения здесь не усматривается.

В настоящее время на восточнославянской территории ударение на *-те* сохраняется, во-первых, в белорусском и украинском языках (его граница почти совпадает с границей РСФСР с БССР и УССР), во-вторых, в северо-восточных великорусских говорах; см. Образ., карта 30. По данным МДК, в начале XX в. *-итѣ*, *-етѣ* отмечалось также южнее и западнее современных границ северо-восточного ареала, в частности, во Владимирской губернии (см. Аксенова 1982). Очевидно, таким образом, что в XVII—XX вв. произошла экспансия ударения *-ѣте*, *-ѣте* на восток, особенно эффективная в южной и средней части восточной зоны.

Ситуация, отраженная на карте 12, и динамика последующих изменений ясно указывают на то, что инновация *-ѣте*, *-ѣте* (вместо старых *-итѣ*, *-етѣ*) возникла в западной зоне. Перед нами один из многочисленных примеров морфологизованной дефинализации. Поскольку данная инновация не захватила белорусского и украинского языков, ее очагом следует считать северо-запад, т. е. древнейшую новгородскую территорию. Более быстрое, чем для *-ѣте*, распространение *-ѣте* естественно связывать с тем, что в I спряжении индикатив (например, *несете*) независимо от ударения отличается от императива (*несите*), тогда как во II спряжении инновация тормозилась стремлением сохранить различие между индикативом (*говоритѣ*) и императивом (*говорѣте*). Заметим в связи с этим, что старое ударение *-итѣ*, *-етѣ* сохранилось (хотя бы отчасти) именно на северо-востоке, т. е. там, где наименее интенсивен процесс замен типа *со-*

Отметим, что смешанная система *-итѣ, -ѣте*, характерная в XVI—XVII вв. для многих памятников центра (Ап., Цв., Пер., Матф.), а также для ряда более северных (Прол., Ион., Корн., Тит., Хлын., Авв.), закрепляется в XVII в. в качестве церковнославянской нормы (действующей и поныне). В работе Аксенова 1982 по данным МДК выявлены остатки именно такой системы в 9 пунктах, разбросанных по территории северо-востока (3 из них — в бывшей Владимирской губернии).

1 ед. презенса в а. п. с

§ 3.61. Замена исконной' акцентовки типа *потаю, потаюся* (также *потаю же* и т. п.) флексийным ударением (*потаю́, потаю́ся, потаю́ же*) начинается уже в древнерусский период: в Чуд. наряду с господствующей моделью *пѣтаю* уже представлена также и модель *потаю́*, а в сочетании с энклитиками новая акцентовка даже преобладает (см. Дыбо 1969, с. 116—117, 124). В XV—XVII вв. ударение на энклитике уже почти не встречается, но модель *пѣтаю* в небольшой части памятников еще сохраняется довольно хорошо (в таких памятниках обычно можно встретить и примеры типа *пѣтаюся*).

Приводим образцы микросистем, где без энклитик нормой еще является модель *пѣтаю*, а с энклитиками обычно выступают модели *пѣтаюся, пѣтаю же* и *потаю́ся, потаю́ же*. Сенн. Без *ся* и других энклитик: *нѣ браню* 183г, *вѣлю* 42в, 82в, *сврѣшу* 97в, *нѣ глѣю* 213а, *прѣдаю* (вария над ю — неиктусная) 138г, 215г, *жѣвою* 206а, *зѣву* 177г, 190а, *пѣложу* 106г, 199в, *пѣражу* 128а bis, 208а, *рѣзорю* 211а, *сѣшоу* 194в, *тѣорю* (9×), *ствѣорю* (5×), *сѣтворю* 191а, 213б, *трѣплю* 181б, *цѣлю* 152г, *ицѣлю* 'исцелю' 34г; ср. новое ударение в *рекоу́* 'то есть' 164г. С энклитиками: 1) *варю въ* 128а, 128б, 208а, 208б; 2) *нѣ глѣю ти* 85б, *жѣвою же* 76а, *спѣдоблю въ* 129в (*спѣдоблю* 195в — вероятно, от акцентного варианта *спѣдобити*), *прѣоу ли его* 85б, *ствѣорю въ* 20в, *нѣ оучю же* 24а; 3) *глѣю бо* 16а, 24а, *глѣю бѣ* 83б, *глѣю же* 30г, *глѣю ти* 7г (ср. также *глѣю ва^м* 29в), *дивѣлю же ся* 187а, *принесоуся* 153а, да... *поклонюся* 11б, *рекоу́ же* 118в, *рекоу́ ти* 12г. Дос. Без энклитик: *да дѣведу* 154б, *жѣву* 17, *пѣложу* 39б, *нѣ приложю* 239б, *сѣжу* 60б, *тѣрплю* 104б, *сѣтворю* 60б; ср. новое ударение в *сѣтворю́* 34. С энклитиками: 1) *лѣжю бѣ* 87б, *тѣрплю же* 155б, *и нѣ сотворю ти* 228; 2) *извѣщю ти* 33б, *поклоню ти ся* 141, *соумнюся* 102. Хр. Без энклитик: *наведу* 584, 953б, 1173б, *прѣведу* 1127б, *пѣвелю* 926б, *пѣгоублю* 1404, *нѣ погоублю* 129, *даю* (4×), *прѣдаю* 959б, *даже нѣ зажгоу* 1323б, *жѣвою* 702б, *прѣзовоу* 936б, *прѣклену* 663б, *сѣкроушоу* 1217б, *вѣзложоу* (3×), *пѣложоу* (7×), *пѣнесоу* 1404, *сѣжюу* 1062б, *нѣ потаю* 127б, *тѣорю* 667, *сѣтворю* (7×), *нѣ сотворю* 958, *яко да пѣтерп.л^о* 1001 (ср. еще *вѣзр^о* 489); однако *оумроу́* 140б, *оумроу́* 202 (в Хр. этот глагол сохраняет исконную а. п. с: *оумр-ѣши, -ѣтъ, -ѣмъ, -ѣте*). С энклитиками: 1) *нѣ*

поуцоу тя 225; 2) *кленоуся* 1363б, *не соумнѣся* 1067б, *спасоу тя* 999б, *явлюся* 468, *явлю бѣ ва^м* 1076б. Сходную ситуацию следует предполагать также для Нил., Дан., Хрон., Жит., Фер. (где материала меньше). В М. пс. модель *пѣтаю* представлена 58×, *пѣтаю* — 15×, *пѣтаюся* — 16×, *пѣтаюся* — 19×, *пѣтаю же* (тя, ти и т. п.) — 7×, *пѣтаю же* — 4× (примеры с двумя ударениями сочитаны дважды); см. Дыбо 1969, с. 118—119. Таким образом, в микросистеме М. пс. модель *пѣтаю* встречается заметно чаще, чем в Сенн., Дос., Хр., а из энклитик существенно способствует флексийному ударению только *ся* (но не *же*, *тя* и др.).

В ряде памятников (см. карту 13) при общем преобладании нового ударения старое ударение еще продолжает играть довольно заметную роль. Так, при отсутствии энклитик примеры со старым ударением составляют, в частности, в Цв. 35 % материала (см. Глаг. акц., § 33), в Амф. 35 %, в Новг. 18 %, в Сел. 16 %. Однако в большинстве памятников XVI в. и во всех памятниках XVII в., кроме М. пс. и Сел. (относящихся к началу века), всегда или почти всегда представлено новое ударение; см. карту 13. Самые ранние памятники с последовательным новым ударением: конец XV в. — Угл.; 1 пол. XVI в. — Прол., Ион., Корн., Увар., Муз., Егор.

Особое место занимают памятники, где отмечается факультативное предфлексийное ударение в 1 ед. презенса глаголов а. п. *b* (обычно это просто результат дефинализации). Понятно, что в таких памятниках ударение типа *нѣсу* (у глаголов а. п. *c*), если отсутствуют примеры типа *гѣворю*, *пѣнесу*, не может рассматриваться как свидетельство сохранения древней акцентовки 1 ед. в а. п. *c*. Однозначно указывают на акцентную инновацию примеры типа *говѣрю*. Несколько менее показательны примеры типа *пѣнесу* (поскольку такие ударения встречаются, хотя и редко, также и в микросистемах с энклиноменной акцентовкой 1 ед., например, *исцѣлю*, *воспѣю* под непосредственным влиянием *цѣлю*, *пѣю*).

Так, в Пат. акцентовка 1 ед. в а. п. *b* и *c* явно одинакова, но реально это выглядит так: а. п. *b* *идоу* 613б, 623б, *прѣидоу* 617г, *изѣцоу* 582в, *скажоу* 588а, 610б, *люблю* 635а, *възъмѣгоу* 638в, *възъмѣгоу* 617г — *люблю тя* 595б, *молю тя* 661в (+570б), *молю же* 608б; а. п. *c* *сѣждоу* 655г, *ствѣрю* 640а (возможно, сюда же *оумроу* 618б) — *пѣнесоу тя* 637в bis, *да спѣоуся* 645г, *рекоу ти* 579в, 613в. Сходная ситуация представлена также в Лих. В нескольких рукописях на фоне господствующего в 1 ед. как в а. п. *b*, так и в а. п. *c* флексийного ударения (*молю*, *прошу*, *говѣрю*, *лежу* и т. д.) находим единичные отступления в сторону предфлексийного ударения; в Т. пс.: *прѣидоу* 64, *пѣидоу* 140, 143б, *възѣцу* 50 bis, 184 (а. п. *b*), *полѣцоу* 72б, *сотвѣрю* 153, *исцѣлю* 153, *воспѣю* 181 (с неясным /ѡ/), также *пѣю* 50, *жѣвоу* 153 (а. п. *c*); в Стар.: *ѡтѣму* 2б, *поѣму* 3, *възѣцу* 50б, *слѣмлю* 100 (а. п. *b*), *оуклѣнося* 108, *сотвѣрю ти* 18б,

потрѣблю 33б (а. п. с); в Авв.: *молю* 76б (и даже *молюсь* 227б), *не ѡткѣшу* 79, *прошу* 93 (а. п. *б*), *говѣрю* 73, *погляжу* 36б, *крѣчу* 96б, *крѣчу* 211, *лѣжу* 253, *молю* 254б, *сѣжу* 64б (а. п. с). Вполне вероятно, что некоторые из примеров, относящихся к а. п. с (в частности, Т. пс. *пою*, *жѣвоу*), просто сохраняют здесь старое ударение, но надежно отделить такие случаи от инноваций в этих памятниках нельзя.

Из карты 13 видно, что энклиноменная акцентовка формы 1 ед. презенса сохраняется, во-первых, в двух очень ранних северных памятниках (Сенн. и Нил.), во-вторых, в памятниках ближнего запада, Москвы и юга; при этом главным средоточием данного архаизма оказывается район Волоколамска (ср. аналогичную картину, выявляющуюся из карт 14 и 15).

Процесс утраты старой энклиноменной акцентовки формы 1 ед. не был прямолинейным. Имеются свидетельства того, что в некоторых микросистемах эта акцентовка, напротив, могла переноситься на формы с иным исконным ударением. Таковы, во-первых, прочие формы презенса а. п. с; ср. примеры: Сенн. *попусти^т* (буд.) 163г, Дос. *прѣтерпи^т* 65б, Фер. *пѣжрѣя^т* 522, Библи. *прѣстоя^т* 951, Рум. *сѣтворѣтъ* 343б, Трав. *пѣродитъ* (буд.) 527б, Колм. *говѣритъ* 105, также Дан. *прѣдают^с* 156б (разумеется, такой же эффект в принципе может скрываться и за примерами типа *тѣбритъ*, *рѣстетъ*, но здесь его нельзя отличить от перехода из а. п. с в а. п. *б*). Во-вторых, такова форма 1 ед. презенса а. п. *б*; ср. примеры: Сенн. *пѣслѣжу ва^т* 94г (ср. еще *сѣзѣж^т* 132а, наряду с *сѣзѣж^т* 74а), Дос. *пѣкажу* (от *показати*) 207, -у 212, Дан. *пѣхожу* 107б, Цв. *напишу* 193, Трав. *напишу* 155б (также *напишу* 141), М. пс. *вѣздежу* 64б, *нѣ оутону* 72а, *пѣмолюся* 27б, Нв. *да пѣкажу* 192 (сюда же примеры *бмолю*, *вѣздѣжу*, *прѣношу* из других памятников XVI в., см. Васильев, с. 47—48); такой же эффект в принципе может скрываться за некоторыми из примеров типа *мѣлю*, приведенных выше. В работе Дыбо 1969 высказано предположение, что существовали системы, где акцентовка 1 ед. презенса в а. п. *б* и *с* совпала (в виде двух вариантов — с начальным и с флексийным ударением). В точности такой системы нами не отмечено; в рассмотренных выше памятниках мы скорее имеем дело лишь с некоторой расшатанностью границ между акцентными парадигмами.

Деепричастия на -а, -я в а. п. с

§ 3.62. Современное деепричастие презенса на -я, как известно, развилось из формы II. ед. муж. и сред. действительного причастия презенса. В исследуемых памятниках эта форма изредка еще сохраняет свое первоначальное качество причастия, но гораздо чаще она уже выступает в той же синтаксической роли, что и ныне, т. е. в роли деепричастия. Для упрощения формулировок мы везде будем обозначать эту форму как деепричастие.

Акцентная эволюция деепричастий на *-а*, *-я* в а. п. с в значительной мере сходна с эволюцией 1 ед. презенса, если не считать того, что здесь рано обособилась группа деепричастий, склонных к адвербиализации («группа *стоя*»): *стоя*, *сѣдя* (*сидя*), *лежа*, *молча*, *глядя*, *не хотя*. Они выпали из акцентной эволюции деепричастий как таковых и потому в значительной части говоров сохранили свою первоначальную энклиноменную акцентовку (причем эта акцентовка обычно выступает здесь не только при наречном, но и при собственно деепричастном значении). Очевидно, сюда же относились адвербиализованные *загода*, *чем попада*, *чем ни попада* (в наших текстах они не встретились). Напротив, основная масса деепричастий продвигалась к новому (т. е. конечному) ударению быстрее, чем словоформы 1 ед. презенса.

В Чуд. старая акцентовка еще безусловно преобладает: *бѣ|дя* 'убеждая' 132б, *жива* 87а, *зова* 69г, *крича* 18в, *стоя* 69г, 78а, *творя* 127г, 137г, *терпя* 133а, *оуча* (11×), *хотя* 40а, 66в, 73а, 73б, 77а, 116г, 120г, *щадя* 119в bis; *бояся* 132а, *постыся* 65в; при наличии энклитик возможны также другие варианты: *дивяся* 40г, *влача же* 63в; *вины же* 116а, *хотя же* 74г. Новое ударение (без энклитик): *буде^м лова* 28в, *буде^м молча* 26а, *творя* 43в, *уча* 4в, *бѣ же оуча* 34г, *бѣ... оуча* 24б, *хотя* 145в, *храня* 74б, 75б (особо стоит *долготерпя* 82г, *-я* 37а, где, по-видимому, представлено сложное слово, а не словосочетание). В а. п. *б* в Чуд. представлено регулярное конечное ударение (*гоня*, *ища*, *моля*, *нося*, *прося*, *ходя* и т. п.).

В памятниках XV—XVII вв. мы находим уже сильно трансформированную картину. В а. п. с наблюдается два основных варианта акцентовки деепричастий: 1) последовательное конечное ударение везде; 2) начальное ударение в «группе *стоя*», конечное ударение у прочих деепричастий. За рамками «группы *стоя*» остатки энклиноменной акцентовки встречаются уже очень редко; таковы Такт. *належа* 9г, Косм. *пónорова* 151, и *зговора* 71б, Стар. *глаголя* 3б, 45б, М. пс. *терпя* 41б; по-видимому, также Нил. *дѣржа* 174, Улож. *споустя* 'после, через' 17, 141б (+ Цел. [3×]); прочие подобные примеры менее надежны. С другой стороны, обнаруживается определенное взаимодействие с деепричастиями а. п. *б*, которое может принимать в разных микросистемах несколько различные формы.

Последовательное флексийное ударение у деепричастий а. п. с и *б* представлено, например, в Сол. В а. п. с здесь находим, в частности, *варя*, *вертяся*, *подая*, *дѣржа*, *лова*, *плова*, *ω^тпустя*, *не терпя* и др., а также *молча* 143б, *стоя* (4×), *сѣдя* (4×). Аналогично в Костр.: *лежя* 119б, *молча* 17, *стоя* 89, 152б, *сѣдя* 162б, *не хотя* 180б; в Пер.: *лежя* 140, *молчя* 149б, *млчя* 132б, 221, *стоя* 176б, 179б, *сѣдя* 187б, *не хотя* 208б, 276б. Такая картина представлена весьма широко, см. карту 13.

Система с сохранением старого ударения в «группе *стоя*»

(кроме *не хотя*) представлена, в частности, в Косм., где находим *лѣжа, сѣдя, стѣя* (а также *пѣнорѣя, и зѣворѣя*) при *говорѣ, роспустѣ, нарядѣ, урядѣ, бояся, зѣворѣся* и др. (также *хотѣ, не хотѣ*), см. Глаг. акц., § 21. Аналогично в ряде других памятников, см. карту 13.

Описанная картина может нарушаться в западных и северо-восточных микросистемах эффектом дефинализации (заглаголивающим деепричастия а. п. *b* и *c*). Так, в Пат. находим: *слоўжа* 608в, *соўдя* 612б, *сѣдя* 651г, *хѣтя* 661а (примеров с конечным ударением здесь нет). В других случаях предфлексивное ударение лишь факультативно: Лих. *кѣрмя* 115в, *не исхѣдя* 108а, ср. *держѣ* 56в; соответственно, ударения *дыша* 163в, *мѣлча* 191в, *хѣтя* (часто) могут быть здесь как старыми, так и оттянутыми. Ср. также в Печ.: *йца* 270б, *сѣйца* 123б, *скрежѣца* 463б, *сѣтя* 185б (при норме *моля* и т. п.); на этом фоне *тѣрпѣ* 290 может и не быть архаизмом. Явный пример дефинализации представляет Лег. *стерѣга* 107 (при *стерѣгѣся* 109); ср. также *плѣшѣ* 64; ввиду этого двусмысленно *гѣда* 64 (от *густѣ*). В Авв. норму составляют: для «группы *стоя*» (кроме *не хотя*) — начальное ударение (*глядя, лѣжа, сѣдя, стѣя* [всего 29×], 1 раз *гля|дѣ* 249); для прочих деепричастий а. п. *c* и *b* — конечное ударение, например, *бранѣ, вертѣ, говорѣ, покрѣя, сложѣ, ѿпустѣ, потащѣ* и т. п., *бродѣ, купѣ, просѣ, прискочѣ, ухватѣ* и т. п. (отметим особо *не хотѣ* 232, *спустѣ* 'после' 231, 268). Имеется, однако, несколько примеров с неконечным ударением в а. п. *b*: *хѣдя* 47, 56б, 225, 239, *мѣля*^с 68б (ср. *ходѣ* 154б, 211, *моля* 93, 100, 277б, *помоля*^с 94).

Помимо дефинализации, появлению неконечного ударения в деепричастиях а. п. *b* способствовало смешение с а. п. *c* (ср. такой двусмысленный пример, как современное *пѣходя*) и, с другой стороны, влияние презенса (*хѣдишь, сѣдишь* и т. д.). В силу этого ударения типа *хѣдя* иногда отмечаются и в таких районах, где не было дефинализации; ср., в частности, Ряз. *чѣша* 172б, *зѣбля* 131б, Улож. *смѣтра по. . .* 233, 244; сюда же современное *сѣдя по*.

Подвижное ударение в прош. времени

§ 3.63. В соответствии с позднейшей функцией так наз. *l*-причастий мы как правило будем далее называть их просто формами прош. времени. Эволюция подвижного ударения в прош. времени рассмотрена нами (в основном на материале Чуд., Косм., Цв., Дом., Трав., Час., Егор.) в Глаг. акц., § 22—26, 34—36. Расширение материала не изменило основных выводов, полученных в этой работе, но позволило существенно уточнить диалектологические и хронологические характеристики данной эволюции. Важнейшие итоги этого обследования отражены картой 14.

Из этой карты прежде всего видно, что у *i-* и *пг-* глаголов энклиноменная акцентовка в прош. времени (по модели *пўстиль, пўстило, пўстили*) сохраняется, во-первых, в ранних памятниках района Онежского и Белого озер (Сенн., Нил., Прол.), во-вторых, в обширном ареале, охватывающем ближний запад, Москву и южную половину восточной зоны.

К материалу Чуд., М. пс. (Дыбо 1972а), Косм., Трав., Цв. (Глаг. акц., § 24, 35) можно добавить, в частности, следующие яркие образцы архаичных микросистем. Сенн.: *пўгоубиль* 178б, *-и* 156а, *пўкратиль* 202в, *пўложилъ* 122в, *пўложилъ* 25г, *пўмрачилъ* 30а, *пўустиль* 7г, *ся рўдилъ* 207б, *ся нў рўдилъ* 126в, *ся не рўдилъ* 207б, *рўзрушилъ* 202г, *твўрилъ* 63б, *-и* 204г, *ствўрилъ* 92г, 213а, *-и* 26б, *ствўрилъ бў* 185в, *сўтворилъ* 206г, *цўлилъ* 45г; *мўнуло* 64в, *пўмянулъ бў* 63в; ср. новое ударение в *свўршилъ* 97г, *оугасилъ* 30а. Возвратные: *рўдйлъся* 49б, 126г, *ω^мвратилъся* 207в, *сўкратилъся* 114б. Для ед. жен. находим только *оградилъа* 182а, в остальных случаях писец предпочел не выставлять ударения (*варилъа* 205г, *покорилъа* 26а, *оулучилъа* 70в). В а. п. *b* представлены *сўблзнилъся, накормилъ, молмили, носилъ, приносилъ, просилъа бў, судилъи*.

Лет.: *свўрши^а* (5×), *-ли* 359б *bis*, 361, *ўбговорили* 351, *пўрговори^а* 382б, *пўгуби^а* 114б, *дўрилъ* 268, *ўкроти^а* 343, *зўложи^а* (8×), *пўложи^а* (6×), *пўложи^а* 394б, *слўжили* 30б, *слўжили бў* 303, *смўрилъ* 44, 130б, *ўзмени^а* 268, 360, *-ли* 373б, *перўмени^а* 405 (NB *перў-*), *пўдмени^а* 251б, *нў поустилъ* 353б, *ω^мпусти^а* (47×), *-ли* 288б, 353б, 412б, *нў ω^мпусти^а* 337, *не ω^мпусти^а* 30б, *пўразило* 338, *срўзи^а* 340б, *пўсади^а* 376б, *пўтаилъ* 326б, *ўтаили* 314, *чўнили* 326б, *нў чўни^а* 401, *ўчини^а* 400б, *-лъ* 269, *-ли* 273б, 387 (+ 415б), итого 102 примера; также аористы с ударением *l*-причастий — *сўбромолъи* 354б, *зўложилъи* 385, *ω^мпусти* 227, *нў застрўли* 205б, *мўну* 145. С новым ударением: 1) словоформы с книжными приставками *воз-* и *раз-* — *вўзь |бранилъ* 24б, *вўзвратилъ бў* 311, *вўзложилъ* 38б, *раздўлили* 195б, *разорилъи* 319, *разразило* 365б; 2) книжные слова — *ўбожилъ* 24б, *ω^мвратилъ бў* 283, *блўговолъи^а* 377б, *блўвй^а* (3×: 205б и др.; однако *блўвлъ* 378б); возможно, сюда же *плўнй^а* 257; 3) прочие — *ω^мложилъ* 281б, *слўжилъ* 303, *пўстило* 239б, *пўсадилъ* 27б, *вселилъ* 64б, *слўпй^а* 'ослепил' 93б, *не учинилъ* 129б. Возвратные: *слўжи^асъя* 93б, *помирилъся* 416б, *рўди^асъя* 259б, *слўжилъся* 102б; с другой стороны, *явилъся* 31, 248б, *слўжилъи^а* 136б, *научилъся* 285б, *учинилъся* 323, вероятно, сюда же *исторопилъи^а* 350. Ед. жен. представлено так: *блўвилъа* 287б, с другой стороны, *зложилъа* 235, *учинилъся* 268б (ср. еще *учинилъся* [б. уд.] 407). В а. п. *b* выступает устойчивое предфлексивное ударение: *ўборонилъ, воротилъ-лъ, -лъ^а, -ли^а, гонилъи, пригонилъ, жєнилъся, казнй^а, купилъ, икупилъ^а, совокупилъ^а, сломило, молилъ-лъ, -лъся, носило, -и^а, служилъ, ω^мступилъи, ω^мступилъся, соудилъ^а, не хватилъ, ходилъ, -а, -и и др.* Глагол *творити* колеблется в Лет. между а. п. *c* и *b* (*творятъ* и *твўрятъ* и т. п.); соответственно, при *твў-*

рилъ 326б находим *сътвори́лъ* 27, *створи́лъ* 93б, -и 89б, также *затвори́лся* 275, *затвори́л бо* 13б. При *не нуди́*^а 383б встретилось также *не нуди́*^а 382б (презенс *нудя́*^т 383 и *не нуди́*^т 382б).

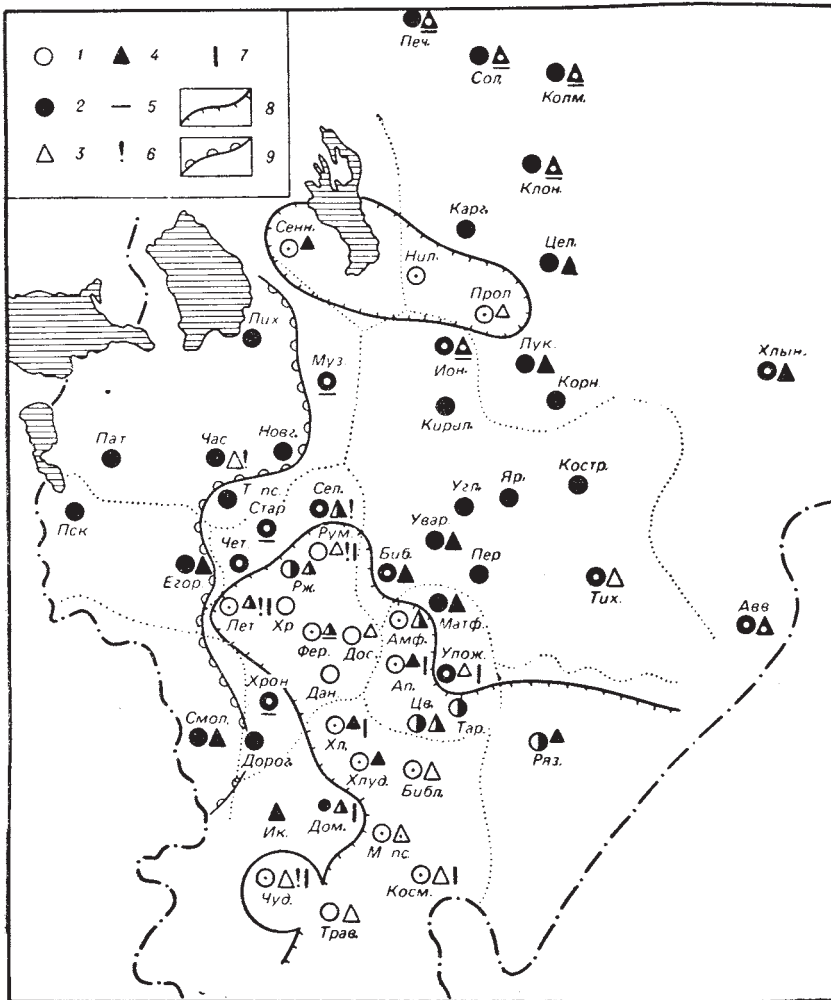
Заметим, что встретившиеся в Лет. контаминированные словоформы прош. времени типа *ѡ^тпусти* (с окончанием аориста, но с ударением *l*-причастия) отмечаются и в других памятниках, например: Ион. *вло́жи* 323б, Фер. *ра́зрѣши* 970, *посади* 99б, Амф. *собра́*^х 204б, Рум. *оу́чи*^х 33б, Печ. *при́звѣ* 199б. Это, конечно, не реликты древнейшего ударения аориста (ср. хотя бы формы 1 ед., где никогда не было энклиноменной акцентовки), а косвенное следствие отсутствия аориста в живой речи: писец знал, что книжная форма прош. времени получается снятием *-лъ* или заменой его на *-хъ*, но, ставя ударения, имел в виду живую форму на *-лъ*.

Из материала Лет. видно, что книжная окраска глагола (даже если она определяется одним лишь наличием книжного варианта приставки) существенно способствовала выбору предфлексии ударения в прош. времени. Эта зависимость прослеживается и по ряду других памятников. Так, ударение на *раз-*, *пред-* встречается исключительно редко; довольно редким является также ударение на *воз-*; ударения *прельсти́лъ*, *предвари́лъ* практически постоянны; ударение *сотвори́лъ* часто встречается даже в таких памятниках, где в презенсе представлено только *твори́шь*. Ниже при оценке соотношения старого и нового ударения в прош. времени в конкретной микросистеме перечисленные категории примеров с книжным предфлексийным ударением в расчет не принимаются.

Акцентовка по модели *пусти́лъ*, *пусти́ло*, *пусти́ли* практически безупречно соблюдена в Дос., Дан., Хр., Рум. (правда, материал здесь сравнительно невелик); она безусловно преобладает также в Нил., Прол., Фер., Ап., Амф., Хл. Хлуд., Библ. Ближе [к равносвию соотношение в Тар. и Ряз. В Цв., Рж. несколько преобладает уже новое ударение. Далее в этой градации следуют многочисленные памятники, где старая акцентовка встретилась лишь в единичных случаях или не встретилась совсем; см. карту 14.

В части памятников старое ударение устойчивее сохраняется в ед. муж., чем в ед. сред. и мн. Наиболее заметно это различие в Амф., Библ., Ион., Хлын.

Что касается формы ед. жен., то здесь представительный материал имеется далеко не во всех памятниках (см. карту 14), поэтому диалектологические заключения менее надежны. Сверх материала, приведенного выше и в Глаг. акц., § 24, 35, с флексийным ударением отмечены (не считая *родилá*, *породилá*): Дос. *ѡ^тпустилá* 81, Амф. *обнови́лá* 178б, *явилá* 118б, *-áся* 155б, 181б, Библ. *заплатилá* 962, *оучилá* 974, Рж. А *раздѣлилá* 11б, Сел. *озарилá* 435, *обложилá* 458б, *оулучилá* 135б, *обнови́лá* 228, *обнови́лá* 453б, Тих. *ѡбнови́лá* 43, *объявилáся* 93б; ср. также с вторичным ударением — Прол. *преступилá* 69, Рум. *возлюбилá* 325. По-видимому, ударение по модели *пусти́лá* сохранялось в основном в тех же самых районах, что и ударение типа

Карта 14. Ударение в прош. времени глаголов а. п. с:

1 — у *i*- и *po*-глаголов модель *nustilь*, *nustilo*, *nustili*, 2 — модель *nustilь*, *nustilo*, *nustili*; 3 — модель *nustilь*, 4 — модель *nustila*; 5 — ударение по модели *nustilь*, *-o*, *-i* или по модели *nustilь* представлено только в глаголах *родити*, *породити*; 6 — есть хотя бы один пример ударения по модели *nustilь*; 7 — есть хотя бы один пример ударения по модели *nustilь*; 8 — основные ареалы, где модель *nustilь*, *-o*, *-i* преобладает или хотя бы достаточно распространена; 9 — восточная граница зоны, где в прош. времени *V*-корневых глаголов господствует или преобладает модель *probdalь*, *probdalo*, *probdali* (восточнее этой линии господствует *probdalь*, *-o*, *-i*).

nustilь, *-o*, *-i*. Правда, в нескольких памятниках (Час., Сел., Дом., Тих.) обнаруживается тенденция к соотношению типа *nustilь*, *nustila* (ср. современное литературное *rodilь*, *rodila*). Основная группа памятников XVI—XVII вв., хорошо сохраняющих модель *nustila*, относится к югу: Библ., Косм., Трав., М. пс.

Возвратные формы в целом обнаруживают большую склонность к новому ударению, чем невозвратные. Это более всего заметно

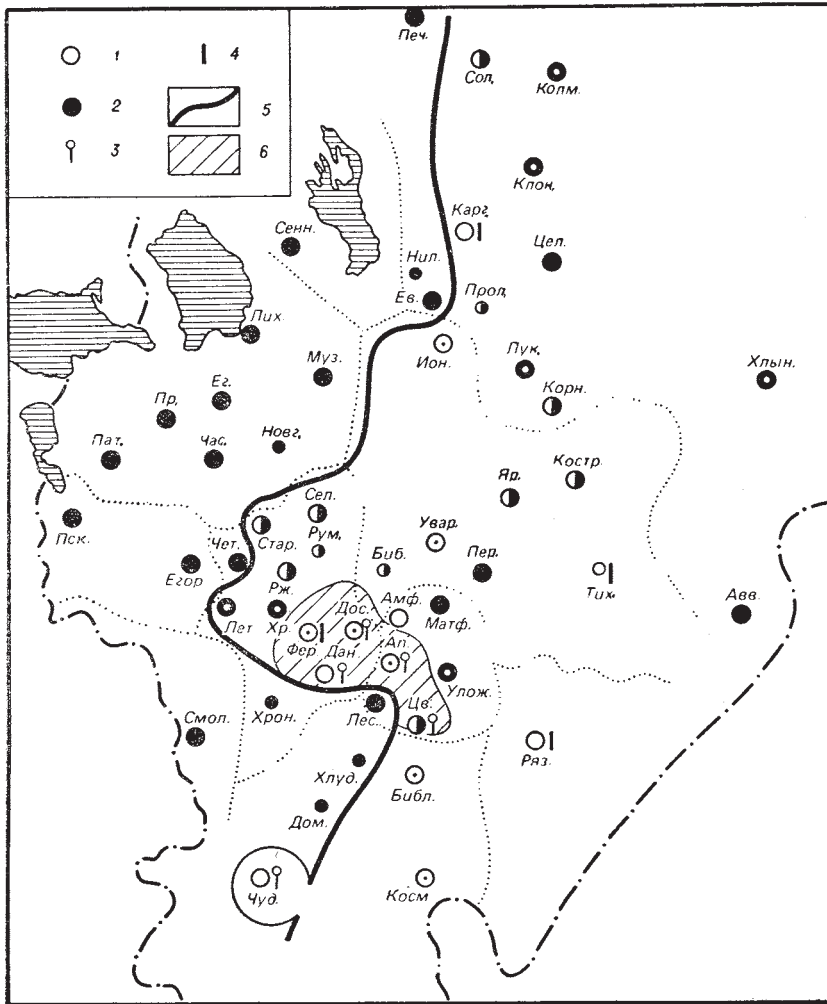
в форме ед. муж.: старое ударение (не считая *родилсь*, отмеченного в Лет., Косм., Сел.) отразилось только в Чуд. *сложилъсь* 40в, Час. *поклонилъсь* 293б, *явилъсь* 280 (также *сподобилъсь* 315б, *цбогатилъсь* 271), Лет. *сложи^тсь* 93б, *помирилъсь* 416б, Рум. *покорилъсь* 345, *поручилъсь* 342б, Сел. *явилъсь* 83, 364, *явилъсь* 443б. Далее, в ряде микросистем с частичным сохранением акцентовки типа *пүстило*, *пүстили*, *пустилъ* наблюдается тяготение к предфлексии ударению (*пуст-йлося*, *-йлися*, *-йлася*) в возвратных формах. В самой резкой форме это различие выступает в М. пс., в менее резкой — в частности, в Лет., Косм., Ряз. В ед. сред. и во мн. старое ударение вообще отмечается редко: Чуд. *сложилъсь* 75г, Лет. *сложилъсь* 102б, Ап. *изложилъсь* 260б, Хл. *родилъсь* 307б, Косм. *прилучилъсь* 94, *побранилъсь* 111б, *договорилъсь* 37б, *укрепилъсь* 155б (+164б), *пустилъсь* 107, *научилъсь* 160, Дом. *не родилъсь* 75б, Ратн. *обворотилъсь* 97б, Улож. *свободилъсь* 259, *не цбъявилъсь* 262, *родилъсь* (4×), *породилъсь* 270б, 279б; ср. также Рум. *провозвѣстилъ тѣ ся* 330.

Вопрос об эволюции подвижного ударения в прош. времени V-корневых и а-глаголов разобран в Глаг. акц., § 25, 34, 36. Здесь добавим лишь, что увеличение числа обследованных памятников позволило провести примерную восточную границу преобладания новой модели *продълъ*, *продало*, *продали* в XVI—XVII вв.; она мало отличается от границы основной части западной зоны, см. карту 14. Только новое ударение встретилось (в ед. муж. и сред. и мн.) в Час., Лих., Пр., Егор., Смол.; в Новг. оно преобладает. Восточнее проведенной на карте линии новое ударение отсутствует или встречается лишь в качестве единичных отклонений от нормы (только в Клон. и Цел. его доля несколько больше).

Деепричастия прош. времени у глаголов с подвижным ударением в прош. времени

§ 3.64. Первоначально словоформы на *-въ* (*-ть*) у V-корневых, а-, *i-* и *пг-*глаголов с подвижным ударением в прош. времени (кроме *жьмъ*, *-чьнъ*, *жьмъ*, § 2.20) были энклиноменами. В старовеликорусских памятниках отразился процесс перехода от этой старой акцентовки к новой (предфлексии), например, *подавъ*, *собравъ*, *пустивъ*, *помянувъ* вместо прежних *пбдавъ*, *сббравъ*, *пүстивъ*, *пбмянувъ*; ср. регулярно выступающие во всех памятниках *познавъ*, *убивъ*, *изгнавъ*, *пославъ*, *солгавъ*, *носивъ*, *дерзнувъ* и т. п. (от глаголов с неподвижным ударением в прош. времени).

Рассмотрим вначале этот процесс у V-корневых и а-глаголов (где он протекал с умеренной интенсивностью). Из карты 15 видно, что западная граница хотя бы частичного сохранения старых акцентовок типа *пбдавъ*, *сббравъ* относится к классу схематических изоглосс, разделяющих восточную и западную зоны. Правда, микросистемы с полной победой моделей *подавъ*, *собравъ* встречаются и в восточной зоне, но все они (Пер., Матф., Авв., Цел.) относятся к XVII в.

Карта 15. Ударение деепричастий прош. времени у глаголов с подвижным ударением в прош. времени:

1 — у V-корневых и а-глаголов модель *пбдавь*, 2 — модель *пбдавьъ*; 3 — у *i-* и *нр-*глаголов преобладает или хотя бы достаточно распространена модель *пбложивъ*; 4 — единичные примеры модели *пбложивъ*; 5 — западная граница распространения модели *пбдавь*; 6 — основной ареал, где хотя бы частично сохраняется модель *пбложивъ*,

Образцы микросистем с господством старого ударения. Чуд.: *прѣсте*^р 17а, *оумеръ* 85б, *пбдавь* 71б, *прѣдавъ* 66в; *сбзавъ* 163в (вероятно, также *сбзавъ* 65б, где надстрочный знак плохо виден); иное ударение в *призвѣвъ* же 75г обусловлено контактом с энклитикой. Дос.: *ѡтдавь* 55, *прбдавъ* 129б, *пбживъ* 112, *ѡсти*^р же 101, *нѣ пивъ* 134, *сббравъ* 150б, *пбждавъ* 229б, *призвѣвъ* же 31б, *скѡвавъ* 239б; новое ударение — *призвѣвъ* 241 (*прѡстѣръ* 128, возможно,

отражает перевод данного глагола в неподвижную а. п.). Дан.: *не бывъ* 122б, *подавъ* 92б, 94, *сздавъ* 85, *поживъ* 169, *избравъ* 89б, 90, *сбравъ* 8, 158б, *позвавъ* 96, *призвавъ* 2, 54, 83, *сззавъ* 158б, *основавъ* 153б (ср. также *сбравше* 158б, *призваше* 10). Библ.: *оумеръ* 618б, *предавъ* 692, 734, *призвавъ* (11×); новое ударение — *пребывъ* 607, *призавъ* 675б. Ряз.: *пребывъ* 92, 112 (+ 148б), *подавъ* 4, *сбравъ* 204б.

Образцом микросистемы с приблизительным равновесием двух акцентовок может служить Цв.: *избывъ*, *пребывъ*, *обвивъ*, *повивъ*, *подавъ* (4×), *предавъ* (2×), *сздавъ* (4×), *сбравъ* (3×) (ср. также *шковавшие* 194б); но примерно столь же часто эти же словоформы встречаются здесь и с предфлексивным ударением (см. Глаг. акц., § 37).

Пример микросистемы, где от старого ударения сохраняются только слабые следы, — Лет.: *поднявъ* (2 уд.) 260б при постоянных *побывъ*, *пребывъ*, *подавъ*, *предавъ*, *раздавъ*, *поживъ*, *испывъ*, *припывъ*, *избравъ*, *сбравъ*, *пождавъ*, *возвавъ*, *позвавъ*, *призавъ*, *шковавъ* (всего более 30×; ср. также *подня*^о 260б).

Отметим также выборочно некоторые примеры начального ударения из разных памятников: *воздавъ* Ап. 260б, *не давъ* Улож. 119, *ожив же* Ап. 66б, *распяв себе* Корн. 395б, *не дождавъ* Фер. 504б, также *сздавъ* Тих. 48б, *начавъ* Стар. 28, *занявъ* Улож. 161.

Микросистемы с полной победой нового ударения. Ввиду однообразия их материала ограничимся здесь лишь самыми ранними из них (конца XV в.). Час.: *обвийъ* 359, *поживъ* (4×: 291б и др.), *испывъ* 260б, 277. Нил.: *предавъ* 198б. Ев.: *призавъ* 97б, *сззавъ же* 156. Сенн.: *пребывъ* 138в, *подавъ* 34б, *предавъ* 133б, 196б, *продавъ* 133в, *вззавъ* 215г bis, *призавъ* (часто).

Общее представление о ситуации во всех остальных памятниках дает карта 15.

У *i-* и *no-*глаголов новое ударение развивалось гораздо стремительнее. Так, уже в Чуд. представлена переходная (а не чисто архаичная) система: *не положи*^о 37г, *створивъ* 79г, *наоучивъ же* 140б, *вспомянуувъ* 140б (вероятно, сюда же *ощетивъ* 31г) — *пригвоздйвъ* 131а, *вложйвъ* 95б, *прошубдйвъ* 127г, *вспомянуувъ* 86б, 140б.

Архаичная система (почти без отклонений) зафиксирована только в двух волоколамских рукописях XVI в. Дос.: *вредивъ* 57, *оугодивъ* 105 (+ 204), *проказивъ* 266б, *прекльнивъ* 268б, *шмключивъ* 120 bis, *кртивъ* 8, *прекртивъ* 5б, *положивъ* 5б, 124б, 274 (+ 42), *приложивъ* 240, *сложивъ* 131, *шбнаживъ* 10б, *шпустивъ* 210, *разоривъ* 277, 278б, *штивъ* 164, *пооучивъ* 82, 185, 287 (ударение *благодаривъ* 130б обусловлено тем, что здесь сложная основа). Дан.: *не превративъ* 141б, *сскративъ* 10б, *сложивъ* 48б, *не преложивъ* 95б, *приложивъ* 111, и *не получивъ* 6б, *не смеживъ* 169б, *створивъ* 82б,

1116, 155 (+ 72, 96) (ср. также *сѣтворивше* 1586, *сѣтворѣше* 151, 1566); новое ударение представлено в *не превратѣвъ* 95, *иꙗвѣвъ* 1206. При этом в обеих рукописях словоформы с *ся* (или же *ся*) последовательно получают предфлексивное ударение: *крѣтѣвѣся*, *оутѣвѣся*, *лишѣвъ же ся*, *чюдѣвъ же ся* и т. п.

Во всех прочих памятниках XVI—XVII вв. картина совершенно иная: старого ударения нет совсем или от него сохранились лишь небольшие остатки. Наиболее заметные остатки такого рода (на фоне господства нового ударения) обнаруживаются в московских памятниках Ап. и Цв.: Ап. *оꙗгодивѣ* 222, *не вмѣнивѣ* 1386, *наоучивѣ* 166; Цв. *оꙗдушивѣ* 96, *положивѣ* 171, также *родивѣвѣся* III 96, 1346, *явивѣвѣся* III 1456, 154 (ср. еще *минуши*^м Д. мн. III 2086). Прочие примеры совершенно единичны: Фер. *поустѣвше* (2 уд.) 497, Жит. *пѣмяноувѣ бо* 2816, Карг. *лиши*^с 494, Ряз. *положивѣ* 8, Тих. *родивѣ* 476 (пример *вмѣнивѣ* Час. 286 сомнителен).

Что касается деепричастий на *-ши*, *-ше*, а также всех возвратных, то в XVI—XVII вв. они во всех рассмотренных группах глаголов как правило имеют предфлексивное ударение: *подѣвши*, *подѣвѣся*, *подѣвшися* и т. д. Изредка они заимствуют ударение у формы на *-въ*; некоторые примеры такого рода (*сѣбравши*, *прѣзвавши*, *ѡковавѣше*) отмечены выше. Старое ударение, еще частично сохраняющееся в Чуд. (*оумершѣ* 108а, *оумершѣ* 102в, *вдавшѣ* 766 и некоторые др.), в более поздних памятниках отмечается очень редко: Жит. *сѣтворивѣся члкъ* 'притворившись человеком' 2716; Лет. *спершѣ*^с 249; Косм. *собравшѣся* 566, 756, 76, 173, *собравѣся* 116, 150, *пустивѣся* 1756; Авв. *запѣши*^с 19, 201.

Страдательные причастия прои. времени

§ 3.65. Для страдательных причастий актуальны все те сведения о различии главных и второстепенных нечленных форм и о противопоставлении народных и книжных акцентовок, которые даны выше (§ 3.51) применительно к прилагательным. Далее, следует учитывать, что в части памятников XVI—XVII вв. книжная акцентовка у причастий факультативно сопровождается написанием с *-нн-* (ср. § 3.13, п. 1). Примеры, где при таком написании показана некнижная акцентовка, чрезвычайно редки.

Правила акцентуации причастий, разбираемые ниже, не распространяются на случаи, где причастие подверглось адъективации. Почти все адъективированные причастия, реально встречающиеся в памятниках, носят книжный характер; соответственно, они получают книжное (т. е. предфлексивное) ударение. Таковы, например, *блаженъ*, *явленъ* 'явный, manifestus', *избранъ* 'лучший, превосходный' и т. п. Не подчиняются акцентным правилам о причастиях также сложные прилагательные, включающие причастие, например, *новорож(д)енъ*, *богоизбранъ*; в большинстве случаев они выступают с неподвижным предфлексивным ударением.

Ниже разбираются наиболее важные с акцентологической точки зрения группы страдательных причастий; относительно грамматических помет при примерах см. § 3.51.

en-причастия

§ 3.66. Рассмотрим прежде всего *en*-причастия от *i*-глаголов а. п. с и С-корневых глаголов с флексийным ударением в прош. времени (для краткости вся эта группа причастий может быть названа далее «*en*-причастиями от глаголов а. п. с»). В XIV—XVII вв. в нечленных формах этих причастий представлено две основных акцентовки: 1) более старая (хотя все же не первоначальная, см. § 2.21) — флексийная (главные формы акцентуированы *-ёнъ*, *-енѧ*, *-енѡ*, *-енѣ*); 2) более новая — суффиксальная (соответственно *-ёнъ*, *-эна*, *-эно*, *-эны*). Как можно видеть из карты 16, суффиксальная акцентовка характерна для западной зоны, флексийная или смешанная — для восточной. При этом, однако, акцентовка западного типа частично проникла и в восточную зону: она встречается в некоторых памятниках северо-востока, Москвы и юга.

Что касается членных форм, то во всех памятниках, кроме Мер., у причастий данного класса они имеют предфлексийное ударение (независимо от акцентовки нечленных форм), например: *процён(н)ыи*, *приведён(н)ыи*. Лишь в Мер. частично сохранилась более древняя акцентовка — флексийная, например: *изложешче*, *наречешче* (см. Акц. Мер., § 88). Далее в настоящем параграфе мы рассматриваем уже только нечленные формы.

В качестве редкого отклонения от нормы иногда встречается также (в членных и нечленных формах) акцентовка третьего типа — корневая, например, *насѧжен-ыи*, *-ъ*, *-а*, *-о*, *-ы*. Такие примеры собраны в § 3.68 (а в основном изложении они не принимаются в расчет).

Рассмотрим некоторые наиболее показательные микросистемы (для упрощения разбора мы ограничиваемся, если не оговорено иное, лишь теми глаголами, где а. п. с исконна).

Микросистемы с флексийным ударением нечленных форм. Прежде всего сюда относятся древнейшие памятники Чуд. и Мер. В Чуд. безусловно господствует флексийное ударение: *оболченѧ*, *-ѧ*, *ражженѡ*, *спасенѧ*, *свершенѡ*, *-ѧ*, *пороженѧ*, *оучиненѧ*, *-ѧ*, *явленѧ*, *-ѡ*, *-ѧ* и т. п. (около 90 примеров). Суффиксальное ударение нечленных форм отмечено в Чуд. в следующих случаях. В непредикативном употреблении: *члвкв...* *оболчена* В. ед. 30б (+76), *в пѣци ражженѧ* 149б, *стрѣлы...* *раждѣны* В. мн. 127б, *сна...* *свершенѧ* (2 уд.) Р. ед. 145в, *рода...* *развращѣна* Р. ед. 128в, *оутверженѧ имѧху нѡзѣ в дрѣвѣ* 56б, *явленѧ* (В. ед.) *тя твори^т* 15б, *предслове...* *пред^ооучинѣно* (атрибутивн.) 95г, *пред^ооучинѣна временѧ* В. мн. 71а. В примерах со словами *свершенѧ*, *развращенѧ*, *явленѧ* усматриваются начатки адъективации; ср. еще *яко новороженѧ младѣнци* 84б (см.

§ 3.65). В предикативном употреблении отмечены: *принесено бы*^о 74б, *ицѣлѣни быша* 56б, 63в, *ѡтпущѣна быста* И. дв. 68в. Отклонения от флексийного ударения, встретившиеся в Чуд., уже отчасти сходны с теми, которые характерны для восточных памятников XVI—XVII вв. (см. ниже), но они представлены здесь гораздо слабее (а форма И. мн. на *-ени* еще практически не отличается от прочих форм И. падежа).

В Мер. находим *сведенѡ*, *погребенѡ*, *свершенѡ*, *проценѡ*, *затворенѡ* и т. п., указывающие на флексийное ударение (всего 64 примера); встретилось также 4 примера с *-ено*, но они могут быть упрощенными написаниями, а не отражением суффиксального ударения (см. Акц. Мер., § 88). Об ударении членных форм в Мер. см. выше.

Среди памятников XVI—XVII вв. для изучения причастий особое значение имеет Бук., поскольку здесь демонстрация причастных словоформ с их ударением была одной из непосредственных задач составителя. В Бук. содержится более 500 примеров *еп*-причастий рассматриваемого акцентного класса; они последовательно акцентированы по модели *-ѣнѡ*, *-енѡ*, *-енѡ*, *-ени*. В материал Бук. входят *еп*-причастия со следующими корнями или основами (в список включены глаголы как с исконной, так и с вторичной а. п. с): от *i*-глаголов — *блаж-*, *о-богащ-*, *о-бож-*, *бран-*, *у-бѣжд-*, *от-вал-*, *с-верш-*, *воз-весел-*, *-влад-*, *-вращ-*, *вредж-*, *-вѣщ-*, *-гаш-*, *-глаш-*, *в-глубл-*, *-гражд-*, *горбл-*, *-грузж-*, *со-грѣш-*, *-губл-*, *дар-*, *-дивл-*, *о-дожд-*, *от-дож-*, *из-долбл-*, *-дробл-*, *во-дружж-*, *у-друч-*, *дѣл-*, *о-жещ-*, *о-зар-*, *злащ-*, *ис-кажж-*, *за-ключ-*, *у-кор-*, *ис-корен-* (*у-*), *со-кращ-*, *крещ-*, *о-крил-*, *кропл-*, *о-кружж-*, *со-крушж-*, *-крѣпл-*, *вос-крѣшж-*, *легж-*, *об-лич-* (*у-*), *лишж-*, *у-ловл-*, *-ложж-*, *от-лучж-*, *льщж-*, *лѣщж-*, *у-мащж-*, *у-мертв-* (*у-мершж-*), *с-мирж-*, *о-мрачж-*, *от-мищж-*, *воз-мущж-*, *в-мѣщж-*, *об-нищж-*, *из-нурж-*, *во-площж-*, *за-пожж-*, *ис-пражжж-*, *от-пущж-*, *за-прещж-*, *из-равнж-*, *от-ражжж-*, *в-разумлж-*, *рождж-*, *-ручж-*, *от-рѣшж-*, *-саждж-*, *про-свѣщж-*, *свящж-*, *в-селж-*, *пре-благословж-*, *ис-стужжж-*, *ис-сушжж-*, *тажж-*, *за-твержжж-*, *творж-*, *ис-треблжж-*, *-тѣснжж-*, *вз-ущжж-*, *-учжж-*, *за-ушжж-*, *хранжж-*, *ис-цѣлжж-*, *чащжж-*, *чинжж-*, *щажжж-*, *щерблжж-*, *щичжж-* (*за-щичжж-*), *явлжж-*, *изѣ-яснжж-*; от *С*-корневых глаголов — *со-блюджж-*, *про-боджж-*, *-веджж-*, *-влечжж-*, *у-вязжж-*, *-гнѣтжж-*, *-гребжж-*, *-жжжж-*, *от-женжж-*, *жр-* 'sacrificatus', *-метжж-*, *-несжж-*, *с-пасжж-*, *об-рѣтжж-*, *речжж-*, *трясжж-*, *чтжж-*, *яджж-* (см. Аксенова 1982). Заметим, что Бук. предписывает флексийное ударение для ряда книжных слов, которые в рукописях того времени обычно имеют суффиксальное ударение (во всех формах), в частности: *преблаж-ѣнѡ*, *-енѡ*, *-ени*, *смирненѡ*, *-ѡ*, *-ѡ*, *сцѣнѣнѡ*, *сцѣненѡ*, *-ѡ*, *-ѡ*, *преблѣнѡ-ѣнѡ*, *-енѡ*. Вероятно, здесь отразились нормализаторские установки составителя, не вполне соответствующие в этом пункте господствовавшей в то время практике.

Далее, выделяется значительная группа памятников XVI—XVII вв. с практически одинаковой системой акцентировки *еп*-причастий рассматриваемого класса, которую можно охарактеризовать

как образцовую восточную систему данной эпохи. Сюда относятся памятники: светские — Косм., Дом., Трав., Улож., Тих., Колм., Авв., Цел.; церковные — Тар., Рум., Биб., Ряз., М. пс., Сел., Сол. Данная система сочетает народное флексивное ударение нечленных форм и книжное суффиксальное. Их распределение подчиняется принципам, описанным в § 3.51, 65. Конкретно это сводится к следующему.

Адъективированные причастия *блаженъ*, *воплощенъ*, *одушевленъ*, *священъ*, *смѣренъ* (позднее *смирень*) 'смиранный', *с(о)вершенъ*, *почтенъ* 'почтенный', *явленъ* 'явный, manifestus' (все они носят книжный характер) почти всегда выступают с книжным предфлексивным ударением; сюда следует добавить *с(о)кровенъ*, *умилень*, *испещренъ* из числа слов, где встречается неисконная а. п. с. Кроме того, с книжным ударением выступают вообще любые нечленные формы, которые писец счел нужным записать с *-ни-* (и тем самым прямо показал их книжность), например, *явленны*, *реченно бысть*.

Вне указанных ограничений правила таковы. Главные нечленные формы, выступающие в предикативной функции (ниже они обозначаются как «основной материал»), нормально имеют флексивное ударение. Исключение составляют причастия от специфически книжных глаголов (в первую очередь, *реци*, *отреци*, *нареци*): они даже и в предикативной функции выступают преимущественно с книжным суффиксальным ударением, например, *речено бысть*. Для главных нечленных форм, выступающих в непредикативной функции, а также для всех второстепенных форм обычным является суффиксальное ударение. Флексивное ударение выступает здесь лишь как факультативный вариант. Его доля в общем числе примеров различна в разных памятниках (например, в Рум., Ряз., Тих. эта доля значительна, в Биб., Сол. весьма мала, в Тар., М. пс., Авв. равна нулю) и для разных грамматических форм (так, для В. ед. на *-ена* и *-ену* и И. В. мн. на *-ена* эта доля несколько выше, для Д. М. ед. на *-енѣ* и И. мн. на *-ени* она минимальна).

В качестве образца рассмотрим микросистему Авв. Из адъективированных причастий здесь находим: *бл̄гословѣна* 9, *ѡд̄шевлѣна* 223б. Через *-ни-* записаны: *реченно бысть* (6×: 107б, 108 и др.), *реченна* 139, *явленни* 248. Основной материал: *привезенѣ* 94б, 279, *возвѣщенѣ* 239б, *говоренѣ* 75, 78б, 227б, 259б, 261б, *не загороженѣ* 20б, *погубленѣ* 264, *не крещенѣ* 233, *положенѣ* 111, 219, 265б, *попущенѣ* 7б, 261, *разоренѣ* 37б, *-ѣ* 18, 200, *растащенѣ* 37б, *не затворенѣ* 142, *ѡтворенѣ* 67б, 252. Во всех остальных случаях, напротив, ударение суффиксальное: *приде... двѣца многими грѣхми ѡременѣна* 14б, *розведѣни бѣдутъ* 142, *изменѣна* В. ед. муж. 5б, *-у* В. ед. жен. 6б, 191б, *в пещи разжеженѣ* 135, *ста^рцы* (В. мн.)... *ѡблечены в бѣлы ризы* 13б. Таким образом, в Авв. сформулированные выше правила соблюдаются вообще без исключений. Отметим особую наглядность отразившейся у Аввакума оппозиции *говоренѣ* — *реченно*

(в одной и той же предикативной функции; и то и другое неоднократно).

В нецерковных памятниках Косм., Дом., Трав., Улож., Колм., Цел. картина упрощается тем, что *еп*-причастия здесь почти всегда представлены только главными формами, причем выступающими в предикативной функции (материал по Косм. см. в Глаг. акц., § 31). Отклонения от сформулированных выше правил здесь совершенно единичны: Косм. *устремлены были* 706, Дом. *просолено* 696, *сочтено* 906. Ударение *речено есть* Трав. 56, 88, *ω*¹*речено бысть* Улож. 187 закономерно (см. выше).

Рассмотрим в качестве еще одного образца церковный памятник — Ряз. В этом памятнике позиции флексийного ударения очень сильны: оно представлено здесь несколько шире, чем по общим правилам. Из адъективированных причастий находим, например: *блжэна* 2016, *-о* 2536, *смирэна* 208, *-о* 1446, 3016, 318, *совершено* 3346, *-а* И. мн. 330, *сокровэна* 96, 1286, *-о* 1526, *явлэна* В. мн. 42, *явленно* 1136; однако встретились также *блаженнѣ* В. мн. 2476, *смирэнѣ* 244, *смирениѣ* В. мн. 836, *совершенѣ* 946, 290 и нек. др.; ср. также *надменѣ ср^лце* 2236, *почтенѣ* 'почтенного' В. ед. 1906. Из написаний с *-нн*-отметим, в частности: *сотверженна* 1156, *оутверж^лэнно* 1726, *неоукрош^лэнно* 3296, *проявл^лэнно* 2556, 2956, 309. Главные нечленные формы в предикативной функции (а также в функции обособленного приложения, которая здесь дает тот же эффект, что предикативная): *лишенѣ* 906, 1356, *оуморенѣ* 124, *премѣненѣ* 148, *-ѣ* 254, *премененѣ* 2006, *воспушенѣ* 866, *не раздрѣшенѣ* 156, *затвержденѣ* 2036, *оутверженѣ* 2, 299, *сотворенѣ* 616, *срастворенѣ* 278, *ω*¹*тяженѣ* 139 (отметим еще *оумершвенѣ* 172, *ω*¹*палениѣ* 876, где а. п. с неисконна). Колебание: *реченѣ* 132, 3146 — *речено* 311. Отклонения: *бѣ же. . . оуморено* 9, *еже проявлено* 264 (ср. выше более частое написание *проявл^лэнно*). В прочих случаях встречается как флексийное, так и суффиксальное ударение. Флексийное ударение явно преобладает: в главных нечленных формах, выступающих в атрибутивной функции (например, *несокрушенѣ* 2776, *прельщенѣ* 2006, *с^ттверженѣ* 118, также *оуединенѣ* 177, *неискверненѣ* 218, при более редких *сокрушено* 301, *притворено* 201); в форме В. мн. на *-ены* (*сокрушенѣ* 836, 204, *ω*¹*мраченѣ* 62, 83, *смущенѣ* 62, *потопленѣ* 225; *-ены* не встретилось). Оно преобладает также в В. ед. муж. на *-ена* (*-енѣ* [3×]: *-эна* [1×]), В. ед. жен. на *-ену* (3 : 1), Д. ед. на *-ену* (5 : 3). Напротив, в И. мн. на *-ени* безусловно преобладает суффиксальное ударение (*-ени* [2×]: *-эни* [10×]); то же в Д. М. ед. на *-енѣ* (0 : 4). В И. мн. на *-ена* представлено *-енѣ* (2×) и *-эна* (4×).

Как можно видеть из материала, в форме И. ед. жен. отклонения в сторону суффиксального ударения встречаются в Ряз. реже, чем в других формах. То же самое замечается и в ряде других восточных памятников (Цв., Бук., Хлын., Ратн., Матф.). В повышенной склонности данной формы к флексийному ударению естественно усматри-

вать влияние подвижной модели ударения прилагательных (*живѣъ, живѣа, живо, живы*), которая в восточной зоне и в других случаях обнаруживает тенденцию к расширению своей первоначальной сферы (ср. § 3.52).

В остальных церковных памятниках рассматриваемой группы картина в общем сходна с Ряз., но за рамками основного материала везде, кроме Рум., флексивное ударение представлено реже, чем в Ряз. Специально отметим ярко выраженную склонность формы И. мн. на *-ени* к суффиксальному ударению; счет *-ени* : *-ѣни* составляет в Ряз. 2 : 10, Биб. 2 : 36, Сел. 0 : 9, Сол. 0 : 4 (ср. еще в Цв. 0 : 20, Хлын. 3 : 17).

Далее, имеется несколько памятников, где доля суффиксального ударения немного выше, чем в рассмотренной группе. Так, например, в Цв. основной материал таков: *совершенѣ же бѣсть сѣя стѣя кнѣга* III 2476, *пѣчь ражженѣ бѣсть зѣло* 195, *лишенѣ* 151, 152, *печенѣ* 826, *плѣненѣ* II 226, 28, *разрѣшенѣ* III 2036, *оутверженѣ* 316, *сотворенѣ* III 1866; *соблюденѣ* 180, *положенѣ* 1446, *сложенѣ* 69, *осушенѣ* 45, *оучиненѣ* III 60, также *реченѣ бѣсть* 1706, *якоже прежде явленѣ* 1446; с другой стороны — *наречѣна бѣсть* III 9, *речѣно бѣсть* (5×: 85 и др.), *бѣ наречѣно* 1926, *наречѣны бѣша* II 52 (здесь книжное ударение закономерно, см. выше); *возвѣщѣно бѣсть* 184, *оучинѣно... бѣсть* 68, II 516, *оучинѣны бѣша* II 516; также *ражженѣ слово твоѣ зѣло* 1646 (где *ражженѣ* выступает в значении 'горячее, обжигающее', ср. выше *ражженѣ* в прямом значении). За рамками предикативной функции в Цв. также иногда встречается флексивное ударение (*варенѣ* В. ед. 180, *разрѣшенѣ* В. мн. 326, *погруженѣ* В. мн. 84, *печенѣ* В. мн. 180, *каменю ѿваленѣ* 13 и некоторые др.), но гораздо чаще здесь выступает суффиксальное ударение. Сходная картина представлена в Печ., Хлын., Ратн. (по-видимому, также в Хр. и Кирил., где материала сравнительно мало).

Последовательное суффиксальное ударение (во всех нечленных формах) представлено: 1) во всей основной части западной зоны; 2) из кромки западной зоны и промежуточной полосы — в Дан., Дос., Жит., Новг., Муз., Клон.; 3) из прочих — в московских памятниках Лес., Ап., Амф., в вологодских Корн., Лук. и географически близких к ним Ион. и Яр. Нет необходимости приводить соответствующий материал. Во всех этих памятниках находим только такие ударения, как, например, *соблюденѣ*, *-а*, *-о*, *-ы*, *приведѣна*, *ражженѣна*, *спасѣна*, *прочтѣно*, *погублѣно*, *чловлѣно*, *положенѣно*, *попущѣно*, *рож(д)ѣны*, *поручѣны*, *учинѣны* и т. д. (не считая случаев, рассматриваемых в § 3.68). В микросистемах этой группы нет противопоставления книжной и народной акцентовки.

В ряде памятников на фоне господствующего суффиксального ударения представлены единичные примеры флексивного ударения. Так, например, в Лет. находим *веденѣ* 3316, *приведѣна* 152, *свершенѣ* 329, *заложенѣ* 289, *ѿбложено* 3386, *загороженѣ* 115, *заплаченѣ* 36,

ω^mпущены́ 374, *не насажены́* 208б и даже *ω^mлучена́* В. ед. 241б — при гораздо более частых *сверши́ена*, *неврежéна*, *пожжéна*, *положéна*, *измощéна*, *принесéна*, *обновлéна*, *плени́ена*, *прощéна*, *поручéна*, *посажéна*, *сотворéна*, *положéно*, *сложéно*, *речéно*, *приведéны*, *вреждéны*, *принесéны*, *плени́ены*, *съхранéны* и др. (не говоря уже об И. мн. на *-эни* и прочих второстепенных формах). Аналогично в нескольких других памятниках ближнего запада, а также северо-востока, см. карту 16.

Примерное равновесие суффиксального и флексийного ударения в основном материале обнаруживается в Ик., Хлуд., Библ., а также в Матф.

§ 3.67. Рассмотрим также вкратце *еп*-причастия от глаголов а. п. *b* и *a*. Для причастий от глаголов а. п. *b* основными являются две акцентовки (общие для членных и нечленных форм): корневая и суффиксальная. Их предполагаемое первоначальное распределение в зависимости от этимологической долготы корневого слога (типа *сужено—молéно*, см. § 2.21, п. 5) в памятниках не сохранилось; произошли обобщения в ту или другую сторону или перераспределения. В XIV в. как в Чуд., так и в Мер. встречаются оба типа акцентовки (при этом в Мер. доля корневой акцентовки выше, чем в Чуд.; см. Акц. Мер., § 87, 91).

В XVI—XVII вв. наблюдается тенденция к установлению следующего синхронического соотношения: если в микросистеме нечленные формы *еп*-причастий имеют в а. п. *c* флексийное ударение, то в а. п. *b* — корневое; если в а. п. *c* суффиксальное, то в а. п. *b* преимущественно тоже суффиксальное.

Соответственно, складываются два основных типа акцентовки *еп*-причастий: восточный и западный. Восточный тип характеризуется оппозицией *прощэнд* (а. п. *c*) — *спрбшено* (а. п. *b*), в членных формах *прощényи* — *спрбшеныи*. Уже в XVI—XVII вв. такая акцентовка в некоторых микросистемах достигает (в не книжной сфере) практически полной последовательности (индивидуальные переходы глаголов из одной а. п. в другую не в счет). Именно она легла в основу современной литературной нормы.

Западный тип (распространившийся также на некоторые памятники восточной зоны, см. карту 16) характеризуется тенденцией к унификации всех трех а. п., а именно, к преобладанию суффиксального ударения во всех группах *еп*-причастий, при наличии некоторой доли причастий с корневым ударением. Так, в а. п. *b* преобладает модель *спрошéно*, но встречается также модель *спрбшено*. В а. п. *a* наблюдается эффект тематизации (§ 3.73), дающий ударения *очищéно*, *-ыи*, *исполнéно*, *-ыи* и т. п.; но наряду с этим, конечно, возможно и старое ударение (*очйщено* и т. п.). Наконец, в а. п. *c*, где господствует модель *прощéно*, здесь тоже обнаруживаются колебания в сторону модели *прбщено* (см. § 3.68). В западном типе нет различий между ударением членных и нечленных форм.

В качестве примера микросистемы восточного типа можно взять Трав. При модели *-éнь*, *-енд*, *-енд*, *-ены*, *-ényи* в а. п. *c* мы нахо-

дим здесь у глаголов а. п. *b*, в частности: *бѣшенъ, кормленое, ѡкормленъ, -и, оукѣшенымъ, измѣмленую, перелѣмлены, -ья, -ымъ, намѣченъ, ѡбмѣченъ, -а, ѡмѣченъ, -а, -о* (и др. формы с *-мѣчен-*), *примѣшена, смѣшенъ, -а, -о* (но один раз *смѣшенѡ* 466б), *перестѣплена, -о, тѣмлен-ая, -ымъ, истрѣвлено*. Аналогично в Косм., Дом., Улож., Колм., с небольшими отступлениями также в Печ., Ряз., Ратн. (не считая памятников, где слишком мало материала). В Рум., Бук., Цел. у причастий а. п. *b* имеется заметное число отклонений от корневого ударения в сторону флексийного (по аналогии с а. п. *c*).

В качестве примера микросистемы западного типа возьмем Сенн. При модели *-ѣнъ, -ѣна, -ѣно, -ѣны, -ѣныи* в а. п. с мы находим здесь у глаголов а. п. *b*, в частности: *не бѣленъ* 154в, *оукрашеное* 185г, *совокупленое* 124в, *искушену* Д. ед. 177а, *возлюблен-ыи, -аго, -ому* (6×), *умоленъ* 49б, *смѣшенъ* 136в, *послуженаго* 191а, *ѡсужены, -ыи* (3×), *расточеная* 137а, *истяжены* 24а, *сѣтрена* мн. 15а. Ср. также в а. п. *a*: *въверженоу* Д. ед. 83б, *исполнены* 154б, *-ое* 210г, *не приобрѣтеное* 29г, *ослабленъ* 151г, *-омоу* 152а, *оставленъ* 108в и др. (наряду с примерами, где сохраняется корневое ударение). Сходная картина (но с несколько более заметной долей корневого ударения в а. п. *b*) представлена в Час., Т. пс., Муз., Карг., Егор., Лет., Пск. (не считая памятников, где слишком мало материала). Кроме того, к этой группе близки восточные памятники Увар. и Ап. В ряде памятников (в частности, Ион., Корн., Фер., Биб., Амф., Библ.) суффиксальное и корневое ударение в а. п. *b* находится в примерно равновесии.

§ 3.68. Как уже отмечено, примеры корневого ударения встречаются также в а. п. *c* (в нечленных и членных формах); они носят здесь характер отклонений от основной (флексийной или суффиксальной) ударения. Приводим материал.

Причастия от *i*-глаголов. Западная зона и промежуточная полоса. Мер. *свобоженъ* 131б, Окт. *волю. . . совершеноу* 1г, Нил. *полуженъ же* 107 (если только вария здесь иктусная), Сенн. *сврѣшенѣ* Д. ед. 136а, *огорчено* 136г, Егор. *пресоуженъ* 327б, Дос. *совершеноу* Д. ед. 101б, Фер. *явленоу* Д. ед. 801, Лет. *възбранено бы^е* (2 уд.) 30 (менее надежно *наѣчени* 299б), Карг. *процена будеши* 37, *рождены* В. мн. 501, *явлено* 75 (если *исо* здесь иктусное), Стар. *лишени* 28б, Клон. *побѣженъ* 272, Печ. *озвѣрен^и* В. ед. 422, *оулученъ* 150б, *затворена* мн. 64б, *-и* 289, *явлены* В. мн. 402, также почти регулярно *-ложен-* (*влуженыя* В. мн. 553б, *обложена* В. ед. 32, 222, 534, *-ое* 60б, *ѡбложени* 114, *преложену* Д. ед. 298, *приложено* 260, *-ая* мн. 351). Восточная зона. Дальний северо-восток: Сол. *ѡтпущенъ* 97, *явлена* мн. 24б, Колм. *закривлены* 9б, *положено* 219, *перемѣнено* 175, *посажень* 107, *пострѣленъ* 165, *затворены* 197 (ср. еще *доморощены^x* 140), Авв. *попущено* 30б. Прочие части восточной зоны. Ион. *ра^кривлены* 590б, *помощены* В. мн. 433, Биб. *оукрѣпленно е^е* 33б, Библ. *оугашено* 479б, *раскривлены* 487, *оукривленъ* 614, Ик.

по^дтёмнено 39, *чѣнена* 79б, 101, 116, -о 66б (заметим, что в этом небольшом памятнике приведенные примеры составляют значительную часть всего материала по причастиям), Цв. *положена* В. ед. 16б, *воплощенна* В. ед. 108, *Косм. насáжено* 56б, *Дом. не нагрязнено* 98б, 101б, 102б, -ы 102, *перекрѣплено* 81б, *перекрѣплены* 80б, *Трав. спущена* 197, *холощенаго* 270 (+ 270) (возможно, сюда же *продобльблены* 177), *Ряз. штёмнено* 89б, *потёмнени* 319₂б, *явлена* 99б, -о 98, *проявлена* 35, *прилѣплены*^а 102, *Сел. явлено* 337, *явленна* 116б, -ая 116, *проявленно* 409, -наго 420б, *Костр. оустрѣлену* Д. ед. 145б, *Матф. разрѣшена* мн. 143б, *не насѣлено* 221б, *процѣненъ* 222, *Улож. домиреныхъ* 26б. Менее показательны ударения *прокаженъ*, *вооруженъ*, встречающиеся во многих памятниках (здесь возможна неустойчивость акцентной парадигмы).

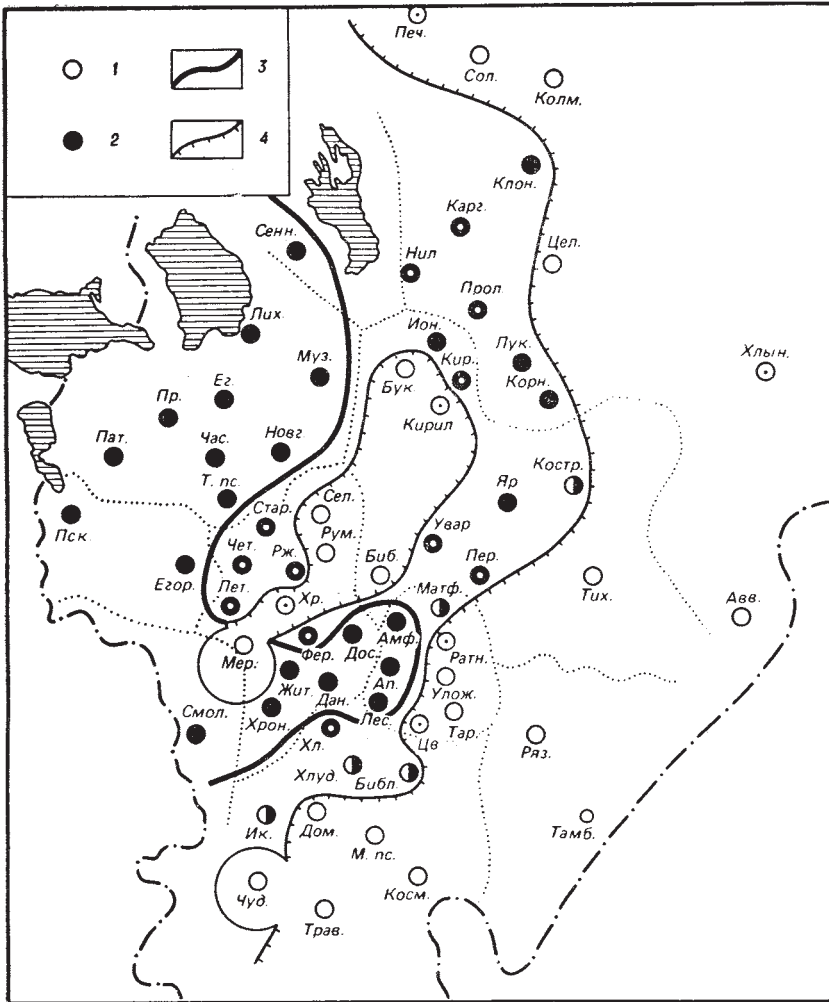
Причастия от С-корневых глаголов отмечаются с корневым ударением существенно реже: *Нил. ввѣдену же* Д. ед. 239б, *Хрон. пре^дрече^нныхъ* 216б, *Фер. рече^нному* 834, *пре^дрече^ннымъ* 252б, *Лет. боденъ бы^с* 69, *привѣдѣнъ* (sic) *бы^с* 23б, *Цв. спряженѣ* дв. сред. 48, *Трав. толченъ* 481, *Костр. помѣтенъ* 170, *Цел. печено* 219, *толчено* 105б, *утолченѣ* 56б.

Приведенный материал указывает на начало процесса, получившего в русском языке значительное развитие в последующую эпоху (а в белорусском и украинском достигшего почти полного осуществления). Как можно видеть, примеры нового ударения встречаются в обеих зонах.

В западной зоне у *i*-глаголов ударения типа *прощено*, *пущено* (при более обычных *процѣно*, *пуцѣно*) могли возникать, в частности, в силу выравнивания акцентовки *еп*-причастий всех трех а. п. (см. § 3.67).

В восточной зоне (вероятно, также и в некоторых частях западной зоны) основным источником инновации, с нашей точки зрения, было формирование акцентной оппозиции залогов в системе прош. времени и инфинитива³⁷ (ср. также § 3.70 и 4.4). Исходным пунктом развития этой оппозиции послужила модель *писати*, *писалъ* — *писанъ*. В классе *i*-глаголов такая оппозиция очень рано сформировалась в а. п. *b*: *просити* — *прошено*. По этому образцу уже в древнерусском соотношении *пустити* — *пуценѣ* могло иногда заменяться на *пустити* — *пущено* (ср. *свобоженъ* в Мер.). В ходе эволюции акцентовка прош. времени *i*-глаголов а. п. *c* неуклонно приближается (хотя и с разной скоростью в разных говорах) к характерной для а. п. *b* модели *просити*, *просилъ*, -а (с колонным ударением). Соответственно, стимулы к замене *пуценѣ* на *пущено* усиливаются. Замены *пущилъ*, *пустила* на *пущилъ*, -а и *пуценѣ* на *пущено* в сущности составляют две стороны единого процесса акцентной поляризации залогов в прош. времени.

³⁷ См. Хазагеров 1973б (с. 106—108) о важной роли этой оппозиции в истории русского ударения.

Карта 16. Ударение в неченных формах *en*-причастий от глаголов а. п. с: 1 — в «основном материале» (§ 3,66) модель *процёнъ, проценѧ, проценѧ, проценѧ*, 2 — модель *процёнъ, процѧна, процѧно, процѧны*; 3 — восточная граница основной зоны с последовательным предфлексивным ударением (*процѧна, -о, -ы*); 4 — границы ареалов с господствующим или преобладающим флексивным ударением (*проценѧ, -ѧ, -ѧ*).

Примечание. Незначительные отклонения от флексивного ударения к предфлексивному не отражены.

В *en*-причастиях С-корневых глаголов а. п. с новое ударение типа *привѧдено* (ср. активные формы *привѧстѧй, привѧлѧй*) развивалось медленнее — по-видимому, в связи с тем, что, в отличие от *i*-глаголов, здесь не было соответствующих акцентных образцов в рамках того же морфологического класса (образцами служили более далекие модели *писѧль—пѧсанъ, просѧль—прѧшенъ*). Тем не менее в конечном счете

Важный вопрос составляет соотношение между инновациями типа *пѹщено* в *еп*-причастии и типа *пѹститъ* в презенсе (§ 3.75). В современном языке у *i*-глаголов существует акцентная корреляция между презенсом и причастием, реализуемая моделями *спрѹсит*—*спрѹшено*, *покорѹит*—*покоренѹ* (хотя есть и отклонения, например, *осѹдит*, но *осужденѹ*, *раскрѹит*, но *раскрѹено*). Эта корреляция восходит к раннедревнерусскому (см. § 2.21, п. 3, 5). Мы не можем, однако, предполагать, что ударение типа *пѹщено* возникло именно в силу данной корреляции, т. е. просто как следствие инноваций типа *пѹститъ* в презенсе: во-первых, в причастиях новое ударение появляется в памятниках в целом даже несколько раньше, чем в презенсе; во-вторых, сдвиг захватывает также причастия типа *приведено*, а в этом классе глаголов ударение презенса не менялось. Акцентные сдвиги в *еп*-причастиях и в презенсе, по-видимому, развились независимо друг от друга. Сдвиг в *еп*-причастиях реализовал тенденцию к акцентной оппозиции залогов. В принципе он был всеобщим; лишь слова книжного характера были относительно устойчивы против этой инновации. Сдвиг в презенсе был связан с перераспределением акцентовок по семантическому и морфологическому основаниям (§ 3.75). Он был ограничен в основном переходными глаголами не книжного характера. Понятно, что в этих условиях инновации типа *пѹщено* и типа *пѹститъ* обнаруживаются обычно у одних и тех же *i*-глаголов.

n-причастия

§ 3.69. Нечленные формы *n*-причастий от глаголов а. п. с (практически речь идет о V-корневым и *a*-глаголах, например, *продати*, *прозвати*) обнаруживают в XIV—XVII вв. несколько моделей акцентовки. У причастий с неодносложной основой модель акцентовки определяется: 1) ударением в И. В. ед. муж. (тип I — старое ударение *прѹданъ*, тип II — новое ударение *прѹданъ*); 2) ударением в прочих формах; здесь возможны подвижный, окситонированный и баритонированный варианты. Реально представлены четыре основные модели акцентовки, показанные (в рамках главных нечленных форм) в табл. 5.

Таблица 5

Акцентовка нечленных форм *n*-причастий а. п. с

Формы	Модели			
	I подв.	I окс.	II окс.	II бар.
И. В. ед. муж.	<i>прѹданъ</i>		<i>прѹданъ</i>	
И. ед. жен. И. В. ед. сред. И. В. мн. на -ы	<i>прѹданѹ</i> <i>прѹдано</i> <i>прѹданы</i>	<i>прѹданѹ</i> <i>прѹданѹ</i> <i>прѹданѹ</i>		<i>прѹдана</i> <i>прѹдано</i> <i>прѹданы</i>

Ударение второстепенных нечленных форм в принципе совпадает с ударением И. ед. сред. (кроме формы И. В. мн. сред., которая в принципе совпадает по ударению с И. ед. жен.). Однако реально вместо ожидаемого по этому правилу ударения в XVI—XVII вв. часто выступает специфически книжное ударение. Обычно оно реализуется как предфлексивное (например, *продáни*). Но в типе I в части случаев в качестве книжного может выступать и начальное ударение (например, *прѣдани*); это не что иное, как просто наосновное ударение с обычным для данной микросистемы положением ударения внутри основы. Таким образом, второстепенные формы показательны для характеристики акцентной микросистемы лишь при флексивном ударении, ограниченно показательны при начальном ударении (указывают на тип I) и почти совсем непоказательны при предфлексивном ударении. В некоторых (сравнительно редких) случаях книжное ударение выступает также у главных форм, например, И. ед. жен. *прѣзвѣна* или *прѣзвана*.

Из карты 17 видно, что разделение микросистем на типы I и II в основном соответствует делению на восточную и западную зоны. Можно видеть также, что архаичная модель I подв. сохраняется лишь на северо-востоке (преимущественно ближнем). Напротив, максимально трансформированная модель II бар. отмечается лишь вблизи западных границ западной зоны.

Ниже рассматриваются несколько показательных микросистем. Помимо причастий с исконной подвижностью ударения, в разбор включается также *созданъ*, которое рано перешло в подвижный тип; другие причастия с неисконной подвижностью (на *-знанъ*, *-сланъ*, *-тканъ*) приводятся лишь для тех памятников, где их подвижность непосредственно засвидетельствована. Книжные *избранъ* 'лучший, превосходный', *попранъ*, а также любые примеры с написанием *-ни-* (*раздранны*, *собранны* и т. п.) при разборе могут быть просто опущены, если они встретились с предфлексивным ударением.

Модели типа I (восточные)

Модель I подв. Увар.: *прѣданъ* 5126, 527, 733, 734, *прѣданъ* 676, 685, *пѣзванъ* (5×: 906, 289 и др.), *прѣзванъ* 82, 145, 480, *сѣзданъ* 5026, 5776; ω^m *данà* 4816, *преданà* 300, 3006, 3066, *прѣдано* 514, 6166, 6576, *сѣздано* 5556; ср. также второстепенные формы — *прѣдани*, *пѣзвани*, *сѣбрани*, *прѣдана* Р. ед., *прѣдану* Д. ед., *прѣзвану* Д. ед., *сѣздану* Д. ед. [13×], при единичном *прозванà* Р. ед. 582; в *раздрánъ* 6946 представлено книжное ударение (из-за книжной приставки *раз-*). Аналогично в Костр., Пер., Тих., Хлыш. (также в Сел., Сол., но здесь слишком мало материала по формам с ненулевым окончанием).

Модель I окс. Бук.: *прѣданъ*, *прѣданъ*, *рãзданъ*, *сѣбранъ*; *прѣданà*, *-ò*, *проданà*, *-ò*, *-ы*, *разданà*, *собранà*, *-ò*, *-ы*, ω^m *бранà*, *-ы*,

раздранà, *ω^тданò*, *-ы*; в *избрáнь*, *издрáнь* (вероятно, также в *ω^т-брáнь*) ударение книжное (Аксенова 1982). Колм.: *прédань* 170, *прíдань* 145, *обрань* 43, 44, *на́звань* 74, *скóвань* 193₃; *на́званà* (часто), *-ò* 185, 207, 212, *-ы* 188, 234, *ω^тданà* 139, *собранà* 189, *приданò* 29, 136, *-ы* 20 bis, *проданò* 102, 245 (отклонение: *на^вáна* 135). Аналогично Косм. (см. Глаг. акц., § 31), Рум.

Возможны также варианты, промежуточные между I подв. и I окс. Вариант *прóдань*, *проданà*, *проданò*, *прóданы*. Авв.: *скóвань* 67, 215 (+ 37), *прíковань* 90, 274; *сосланà* 37, 215 (причастия на *-слань* 'missus' перешли здесь в подвижный тип), *посланò* 77 (+ 260); *прíкованы* 946, 279, *пóсланы* 260, *прíсланы* 77, 260; ср. также *скованà* В. ед. муж. 356, 214, 2496, 252. Неясно, какую акцентовку (подвижную или постоянную начальную) отражает *пóслано* 'постлано' 96, 2806, поскольку других форм на *-с[т]лань* 'stratus' нет.

Вариант *прóдань*, *проданà*, *проданò*, *прóданы* // *проданы*. Улож.: *ω^тдань* 2516, 2876, 288 bis (при единичном *ω^тдань* 51); *ω^тданà* 246, 33, *проданà* (5×: 1656, 2196 и др.), *собранà* 114, 1146; *ω^т-данò* 30, 2006, 2376, *поданò* 986, *розданò* 2376 (при единичном *не роздано* 223); *ω^тданы* (6×: 23, 1726 bis и др.), *прóданы* 2196, *рòданы* 2036, 204, 2516 — *ω^тданы* (9×: 51, 176, 1766 и др.), *прòданы* 36, *розданы* (7×: 306, 346 bis, 198 и др.).

Вариант *прóдань*, *проданà*, *проданò* при отсутствии примеров мн. на *-ы* и при начальном ударении во второстепенных формах. Печ.: *избрáнь* 2206, *пóпра^н* 3646 (также *ω^тгнань* 4436, *изгнань* 2976 — причастия на *-гнань* перешли здесь в подвижный тип); *со^з-данà* 246, 4766 bis, *раз^зранà* 207; *собранò* 5186 (также *ω^тгнанò* 3266); второстепенные формы — *прédаны* 522, *ω^тгнаны* 131, *-ѣ* Д. ед. 237, 460, *сòзданѣ* Д. ед. 534, *в небрану зéмлю* 2856, также *прèданà* мн. 50, 270, *собранà* мн. 243. Аналогично Цв. (см. Глаг. акц., § 39), а также (с небольшими отклонениями в сторону типа II) Библ.

То же с колебанием *прóдано*//*проданò* в ед. сред. Биб.: *прédань* 3666, *прóдань* 393, *създань* 285, 426, 4686, *избрáнь* 4266 bis, *възва^н* 335 (отклонение: *прèдань* 388); *създанà* 2806; *създано* 453, *сѣбрано* 4626, *прòзвано* 286, *ωрано* 121, но также *създанò* 4526, *възданò* 445; ср. *сѣбрани* 283, 286, 331, *вòзвани* 3406, *прèданà* мн. 9, 336 (книжное ударение в *невѣзвана* 339, *привзàни* 3386).

В ряде памятников (в частности, Карг., Тар., Трав., М. пс.) материала достаточно только для того, чтобы установить принадлежность микросистемы к типу I.

Модели типа II (западные)

Модель II бар. Пск.: *ω^тдань* 116, *прèдань* 126, 406, 69, *привзàнь* 344 (также *избрáнь* [4×]), *сковань* 123, *пòковань* 1226; *прèданà* 96, *создàны* 96, 99, *собрàны* 236, 240; ср. также *создàни* 3486,

позв́ани 129б (+ 77б), *призв́ани* 128 (отклонение: *пóзвани* 125). Сюда же, по-видимому, относятся Пат., Хрон., Смол. (материал которых довольно беден).

Модель II окс. Чуд.: *преданъ* 69в, *проданъ* 102в, *избранъ* 64б; *преданà* 28а, *проданó* 23г, *преданì* 68г (+ 38г), *собранì* 66г, -ì 73а, -ì В. мн. 157в, *основанì* 130в (+ 126а), *преданà* мн. 32г (+ 7в), *предану́* Д. ед. 40г, *избранà* В. ед. 84б, -оу́ Д. ед. 84б, *призванóу же* Д. ед. 76б (колебание: *основá|нà* 29г; отклонения: *основá|на* 5в, *предàна* мн. 163б, кроме того, *не прана* Р. ед. 6в). Причастия на -зданъ в Чуд. колеблются: *создàна бы°* 130б (едва заметная оксия), *создàни* 125в, *наздàни* 130г — *созданà* 42б, *назданì* 125г. Модель II окс. представлена также в Прол., Муз., Егор. (см. материал этих рукописей в Глаг. акц., § 39), Амф.

Колебание между II окс. и II бар. Лет.: *подáч* 261, *позв́ач* 180, *создánъ* 319б (+ 316); *созданà* 238б, *разбранà* 332 (также вторичное *штканà* 85б); с другой стороны, *создàна* 67б, *ω^тдàны* 24 (ср. также *зздàны* 230б; ударение в *собрáнно* 57б, *раздрáну* В. ед. 24б может быть книжным). Ион.: *обрáч* 264б, *кованý* В. мн. 87б, *сзбранà* мн. 349б, *преданà* В. ед. 245 — *предáно* 125, -и 182, *шковáни* 556 (ср. книжное ударение в *бѣ создáнна* 369б). Аналогично в Лих., возможно, также в Сенн. (где словоформы *предано*, -а мн., -и, -оу, *продано*, *призвана* регулярно [13×] выступают без знака ударения).

В Корн. обнаруживается особая комбинация, которую можно было бы обозначить как II подв., если бы имелась уверенность в том, что встретившиеся здесь примеры достаточно представительны для микросистемы в целом: *предánъ* 17б, 132б, *продánъ* 58б; *поданè* 228; *сзбраны* В. мн. 430, -и 159б (+ 297), -оу В. ед. 278б.

Для ряда рукописей (в частности, Ег., Пр., Новг., Пат., Дос., Хл.) можно констатировать лишь их принадлежность к типу II.

Наконец, имеется несколько памятников, колеблющихся между типами I и II. Ап.: *преданъ* 52б, 9б, *проданъ* 99, *поданè* 70, *созданà* 174б, *прѣдано* 121б, но *проданò* 10 (ср. также *собрани* 9б, 23б, 37б, *сздани* 160б, *призвану* Д. ед. 44б, *преданà* В. дв. 28). С другой стороны, явно по типу II: *предánъ* 30, 124б, *призв́анъ* 119 bis, 119б (4×), *создánъ* 124, 192б, *оковánъ* 219, *призв́ани* 30б, 119б (менее показательны *продàна* В. ед. 5б, *подánъ* 54, *оковáни* 161б). Прочие микросистемы с подобным колебанием — Дан., Фер., Чет., Хр., Рж. (все они относятся к ближнему западу; ср. карту 17).

Для Мер. можно констатировать лишь модель «окс.» (неизвестно, типа I или II): *изданw*, *ω^тданw*, *поданw*, *преданw*, *избранw* (Акц. Мер., § 89).

В проведенный выше разбор не были включены причастия с односложной основой (*данъ*, *вданъ*, *званъ* и т. п.). Их особенность состоит в том, что здесь модель с флексийным ударением распространена гораздо шире, чем при неодносложной основе. Рассмотрим причастие

данъ, которое встречается существенно чаще всех прочих. Словоформа *И. ед. жен.* повсеместно имеет ударение *данà* (исключение: Цел. *дана* 4б, наряду с *данà* 4б). У словоформ *дано*, *даны* (также *дана* мн.) только начальное ударение представлено: 1) в основной части западной зоны, кроме Егор. (реально в Лих., Ег., Пск., Смол.); 2) в Дан., Хлуд., Карг., Лук. (но в последних трех рукописях отмечено лишь по одному примеру). Кроме того, в качестве единичного отклонения от нормы *дано* встретилось в Егор. и Ап., *даны* в Хлын. В Лет. представлены *данò* 38, *даны* 212, в Муз. *данò* (2 уд.) 209б. Во всех прочих памятниках, где эти словоформы вообще встречаются, представлены только *данò*, *даны*. Реально это памятники восточной зоны, а также Чуд., Мер., Фер., Жит., Хл., Хр., Нил., Печ. Во второстепенных нечленных формах (например, *дани*, *дана* Р. ед., *дану*) начальное ударение может встретиться в памятниках разных районов.

Членные формы рассмотренных выше *n*-причастий акцентуруются так. Древнейшая акцентовка (флекссионная) представлена в Мер.: *данѡе*, *вданѡе*, *поданѡе*, *преданѡму*, *проданѡе*, *-ѡму* (Акц. Мер., § 89). Следы такой акцентовки отмечены также в Бук.: *проданѡхъ* 209, *ѡданѡхъ* 223, *-бе* 223. Более поздняя акцентовка — предфлекссионная: *дан(н)ыи*, *продан(н)ыи*, *собран(н)ыи* и т. д. Она последовательно проведена, в частности, в Чуд. Еще более поздняя инновация — начальная акцентовка: *прѡдан(н)ыи*, *сѡбран(н)ыи* и т. д. В XV—XVII вв. распределение таково: в памятниках с устойчивой моделью *прѡданъ* в ед. муж. (см. карту 17) членные формы имеют только предфлекссионную акцентовку; в памятниках с моделью *прѡданъ* (хотя бы факультативной) конкурируют предфлекссионная и начальная акцентовки (при этом книжное адъективированное *избраннѡи* и субстантивированное *приданѡе* имеют застывшее предфлекссионное ударение). Самые ранние памятники, где встретилась акцентовка типа *прѡдан(н)ыи*, *сѡбран(н)ыи*, — Увар., Фер., Карг., Биб., Библ. Только такая акцентовка отмечена в Рум., Карг., Кир., Кирил., Сол., Пер., Тих., Матф., Авв. (правда, в части этих памятников материал весьма невелик).

§ 3.70. Рассмотрим также коротко (без разбора материала) вопрос об акцентуации *n*-причастий от глаголов с неподвижным ударением в прош. времени. Членные и нечленные формы рассматриваются вместе, поскольку в этой группе их ударение, как правило, одинаково.

Как и у *en*-причастий (§ 3.67), предполагаемое (для *a*-глаголов) первоначальное распределение в зависимости от этимологической долготы корневого слога (типа *писанъ* — *чесанъ*, см. § 2.21 п. 6) в памятниках не сохранилось. В Чуд. наблюдаются колебания ударения при любом типе корневого слога. В XV—XVII вв. картина в общих чертах такова. В причастиях с книжной окраской (*истязанъ*, *взысканъ*, *оклеветанъ* и т. п.) предфлекссионное ударение может встретиться в памятниках любого района. У прочих причастий в восточной

зоне наблюдается четко выраженная тенденция к обобщению сдвинутого влево (т. е. корневого) ударения, например: *пѣсанъ, свѣзанъ, наказанъ, оглѣданъ, тѣсанъ*. Она постепенно охватывает, помимо *a*-глаголов, также и прочие классы глаголов на *-ати*, отсюда *хвѣтанъ, кѣпанъ, слѣманъ, подѣванъ, побѣванъ, воѣванъ, торгѣванъ, удѣржанъ* и т. д. В западной зоне, напротив, наблюдается тенденция, хотя и не столь последовательно реализуемая, к обобщению предфлексивного ударения: *писанъ, свѣзанъ, наказанъ* и т. д.

В акцентном отношении несколько особо стоят причастия с односложной (не считая приставки) основой, т. е. такие, где сдвиг ударения влево фактически должен дать префиксальное ударение: *посланъ, проганъ, познанъ* и т. п. Акцентуация разных причастий этой группы не вполне одинакова.

Для причастий на *-сланъ* картина такова. Последовательное ударение *посланъ, -а, -о, -ы, послан(н)ыи* (аналогично и с другими приставками) представлено в памятниках западной зоны Нил., Ег., Пр., Муз., Пат., Егор., Пск., Хрон.; кроме того, в Амф., Стар. (в Пер. и Хлын. встретились только *посланъ* В. ед. Пер. 216, *по^олан^ныи* Хлын. 104, которые могут быть и непоказательными для микросистемы в целом). В ряде памятников ударение не вполне устойчиво. Так, в Сенн., Лих. преобладает предфлексивное ударение. В Чуд. колеблется ударение нечленных форм (см. Дыбо 1981, табл. 98) при предфлексивном ударении в членных. Примерное равновесие двух акцентонок отражено в Ион., Дос., Дан. В Прол., Лет., Фер., Ап., Лук. преобладает префиксальное ударение.

В большинстве памятников восточной зоны представлено ударение, полностью укладывающееся в формулу *пѣсланъ, -а, -о, -ы, пѣслан(н)ыи*. Таковы: Цв., Улож., Матф.; Хл., Хлуд., Библ., Косм., Дом., Ряз.; Увар., Биб., Сел., Костр., Яр., Тих.; Корн., Сол., Колм.; кроме того, Хр., Карг., Клон., Печ. Правда, лишь в немногих из них встретилась форма И. ед. жен. (*пѣслана* Хлуд. 1246, Печ. 415, *прѣслана* Улож. 1156); но косвенным указанием на неподвижный акцентный тип здесь служит отсутствие ударения *посланд* (при возможности ударения типа *проданд* для большинства этих памятников, см. карту 17); отметим еще /ѣ/ в *пѣслании* Прол. 146 (при /ѣ/ в Вас. сб., Дос., Узк., Хл., Хр.). Переход в подвижный тип засвидетельствован в Авв. (см. выше, § 3.69) и Вед. (*пѣсланъ, -о, -ы, но посланд* 66, см. Дыбо 1981, с. 225).

На карте 17 показана основная западная граница последовательного ударения *пѣсланъ, -а, -о, -ы, пѣслан(н)ыи*. Легко видеть, что она почти совпадает с западной границей преобладания модели *прѣданъ*.

У причастий на *-гнанъ* и *-знанъ* развитие нового (префиксального) ударения шло много медленнее. Даже в XVII в. для подавляющего большинства микросистем, в т. ч. восточных, нормой еще остается *изгнанъ, -а, -о, -ы, изгнан(н)ыи, познанъ, -а, -о, -ы, познан(н)ыи* и т. д. Новое ударение еще составляет редкость; таковы *прѣгнан-, сѣгнан-* в Бук., *изгнан-* в М. пс., Печ., Костр., Тих., *ѡгнан-* в Печ.,

пбзнан- в Хр., М. пс., Печ. (при этом в Печ. и Тих. указанные причастия имели тенденцию перейти в подвижный тип). Ускоренное развитие ударения *пбсланъ* (по сравнению с *прбганъ*, *пбзнанъ*) можно связывать с влиянием презенса *пбслеть* (ср. иную морфологическую структуру у *проженеть*, *познаеть*). Для причастий на *-сланъ*, *-лганъ* материала существенно меньше; отметим лишь встретившиеся новые ударения: *пбстлан-* в Чуд., Сени., Муз., Фер., Лук., Сел., Авв., *настлан-* в Тих., *сблган-* в Прол., Ряз., *обблган-* в Прол., Матф. (не вполне однозначны *солгану*, *оболгану* в Мер.).

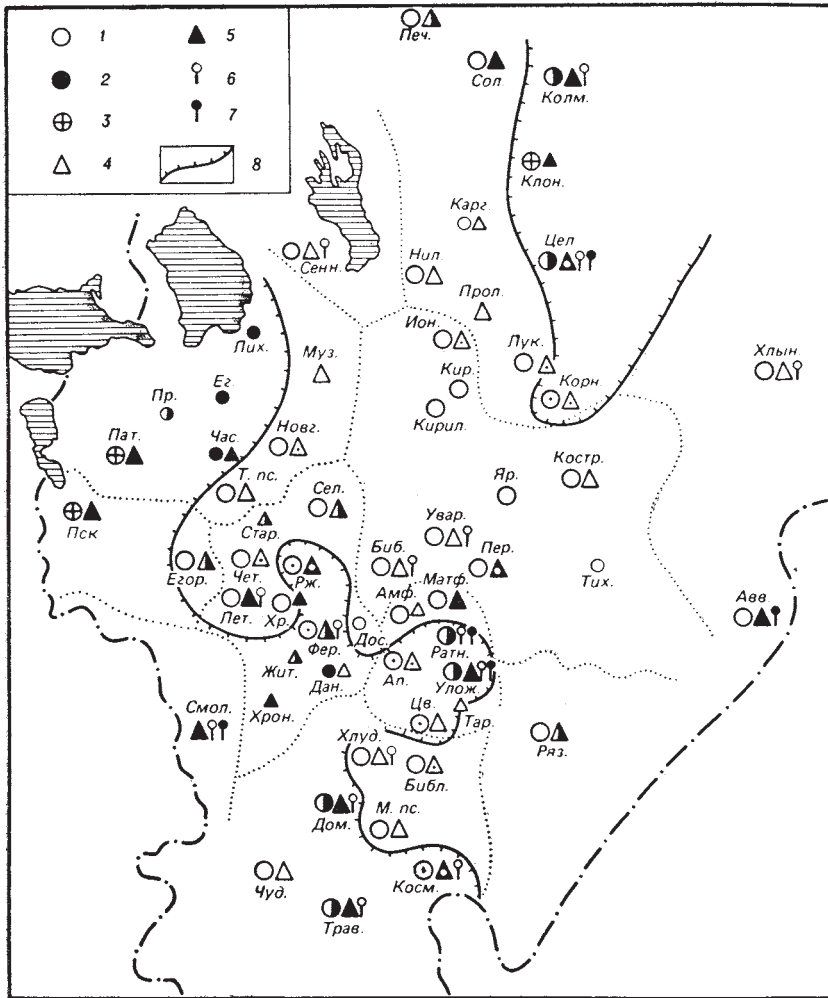
В целом картина акцентного развития *n*-причастий в восточной зоне отчетливо свидетельствует о постепенном расширении акцентной оппозиции залогов в прош. времени (см. § 3.68), ср. *связа-ти*, *-въ*, *-лъ*, *-ла* — *связа-нъ*, *-на*, *-н(н)ыи*; *посла-ти*, *-въ*, *-лъ*, *-ла* — *пбсла-нъ*, *-на*, *-н(н)ыи*. К этой же модели здесь направлена также эволюция глаголов с подвижным ударением; ср. в современном языке: *собра-ть*, *-в*, *-л* (жен. *собрала*, но нелитер. *собрала*) — *собра-н*, *-на*, *-нный*. В XVI—XVII вв. направление эволюции в восточной зоне обнаруживается в переходе от *продан(н)ыи*, *собран(н)ыи* к *прбдан(н)ыи*, *сббран(н)ыи* (§ 3.69) и в редких примерах типа И. ед. *прѣдана* Цв. 42 — на фоне перехода от *прбдавъ*, *сббравъ* к *прбдавъ*, *сббравъ* и появления первых акцентовок типа *собралъ*.

Инфинитивы с исконным ударением на -ти (-чи, -щи)

§ 3.71. Настоящий и последующие разделы описания глагольной акцентуации из-за недостатка места даются в очень сжатой форме.

В XV—XVII вв. у инфинитивов с исконным конечным ударением наблюдается процесс замены этого ударения на предконечное. Здесь актуален также фактор книжности, в силу которого в эту эпоху, независимо от прочих свойств микросистемы: а) почти всегда имеют книжное предконечное ударение в инфинитиве приставочные глаголы на *-яти*, сохраняющие [j] в начале корня (*пряти*, *пояти*, *изъяти* и т. д.), и на *-ити* 'идти', где перед корнем стоит согласная (*внити*, *снити*, *изыти* и т. д.); б) часто имеют такое же ударение *жрети* 'devorare' (и смешавшееся с ним *жрети* 'sacrificare'), *-мрети*, *-стрети*, *запяти*, *распяти*, *пропяти*, *препяти*; в некоторых случаях также *кляти*, беспривставочное *яти* и *начати*. У *пожрети*, *умрети*, *прострети* возможны два варианта книжного ударения — предконечное и начальное (последнее, вероятно, под влиянием презенса).

У V-корневых глаголов постепенное распространение нового (предконечного) ударения хорошо прослеживается по памятникам; см. карту 18. В XV—XVI вв. старое ударение сохраняется в восточных памятниках, а также в некоторых ранних северо-западных (Сени., Нил., Т. пс., Муз., Новг.). Новое ударение в эту эпоху победило лишь в части западной зоны, почти победило также в южном памятнике конца XVI в. Косм. В начале XVII в. мы еще застаем старую систему акцентировки в М. пс., переходную систему в Печ.

Карта 18. Ударение инфинитивов:

1 — у С-корневых глаголов на *-ти* с первоначальным ударением на *-ти* модель *несты́*, 2 — модель *несты́* (*несты́*), 3 — акцентное распределение по модели *несты́*—*несты́ся*; 4 — у V-корневых глаголов с первоначальным ударением на *-ти* (не считая книжных, § 3.71) модель *взяты́*, 5 — модель *взяты́* (*взяты́*); 6 — у С-корневых глаголов на *-чи* с первоначальным ударением на *-чи* встретилась модель *беречы́*, 7 — встретилась модель *берече́чи* (*берече́чи*); 8 — граница зоны, где встретилось ударение по модели *несты́* (*несты́*),

и Ряз. и следы старой системы в Стар., Сел., Рж. Из более поздних памятников старое ударение сохраняет только Хлын., его следы — Пер. и Цел.; во всех прочих памятниках представлено только новое ударение. Таким образом, экспансия данной инновации с запада на восток практически завершилась в XVII в.

Примеры архаичных микросистем. Ион.: *взяты́* (10×), *изыты́* (5×),

вняти 552б, *запяти* 217 bis, *кляти тѣ* 583, *начати* 10б, 420б, *жрети* 'sacrificare' (10×), *прострети* 358, *умрети* 579, 579б (ср. книжное ударение в *оумрети* 15б, *яти* 565б); отклонение — *взяти* 574. Увар.: *взятй* (часто), *изятй* 482б, *понятй* 605, 605б, *клятйся* 832б, *кляти же ся* 595б (но *проклять* 386), *начати* 435б, *пожрети* 'sacrificare' 69б, 614б, 734 (но *жрети* 513б, 534б, 552), *оумрети* (6×); ср. *распятися* 578, 608б. Пример микросистемы (относительно ранней) с новым ударением — Лет.: *взяти* (часто; также *взѣм* 250б), *заняти* 211б, *наняти* 84б, *вмнѣти* 368б, *перенѣти* 313, *поднѣти* 102б, 307б, *понѣти* 74б, 292б, *снѣти* 316, *снѣтися* 104б, *снѣти*^с (3×), также *яти* 118, 127б, *нѣти* 114, *умрети* 23, 79б, *пожрети* 'devorare' 295. Интересно отметить *взять* (а не *взяти*) в новгородской берестяной грамоте № 578, относящейся к 1-й четверти XV в.

У С-корневых глаголов на согласную + *ти* (*нести*, *ползти* и т. д.) тенденция к предконечному ударению в инфинитиве выражена слабее. Полного перехода к ударению типа *нѣсти*, *нѣстися* в наших источниках не отмечено (памятники, слишком бедные материалом, не в счет). Из карты 18 видно, что в XV—XVII вв. примеры такого ударения встречаются в памятниках большей части западной зоны, юга и Москвы, а также в ряде мест дальнего северо-востока. По индивидуальным причинам быстрее других глаголов новое ударение получают *чести* (и производные) и книжное *отверсти*; при составлении карты 18 предконечное ударение в инфинитивах этих глаголов не учитывалось.

Современная северо-восточная граница распространения инфинитивов типа *несть* идет от Онежского озера на Велье, Бежецк, Загорск, далее южнее Владимира и Муром (см. Образ., карта 26). Как проходит эта граница на севере, менее ясно; известно, однако, что инфинитивы типа *несть* встречаются, в частности, под Архангельском (*принестй* и *принѣсть*, Мат. VIII, Сб. ОРЯС, т. 73, с. 389) и даже на востоке Вологодской обл. (*понѣс'*, *подм'ѣс'*, Орлова 1949, с. 69). Таким образом, наличие таких инфинитивов в Колм. и Цел. не противоречит современным диалектным данным. Карта 18 позволяет предположить, что уже в XVI—XVII вв. граница распространения акцентовки *нѣсти* (*несть*) была в значительной мере сходна с современной; за три-четыре столетия она несколько сдвинулась к востоку (в южной части сильнее, чем в северной).

Как отмечено в § 3.9, предконечное ударение в инфинитивах С-корневых глаголов может быть (по крайней мере, для части лексем или в части говоров) более древним, чем в основном массиве примеров, объясняющихся западно-северной дефинализацией. Возможно, именно поэтому мы рано обнаруживаем инфинитивы с оттянутым ударением также и в восточной зоне (а именно, в ее южной части); ср. /ѡ/ в *рѡсти* Трав. 40, лекинск. *рѡс'т'*.

Для глаголов на *-чи* (*беречи*, *мочи* и т. п.) материала существенно меньше, поскольку в большинстве церковных памятников эта группа инфинитивов вообще не представлена (используются только вари-

анты на *-ци*). Насколько можно судить, новое ударение типа *берэчи* развивается в основном там же, где *нэсти*. Но есть и некоторые различия. Так, в Улож., Авв. и Цел. инфинитивы на *-ци* продвинулись к новому ударению сильнее, чем инфинитивы на *-сти*. При этом в Авв. представлена чистая система *нэсти*, *берэчь*, т. е. именно та, которая победила в современном литературном языке. С другой стороны, в южных памятниках Косм., Дом. и Трав. (но также и в Колм.), напротив, более быстрая эволюция происходит в инфинитивах на *-сти*.

Инфинитивы на *-ци* (*бреци*, *моци* и т. п.) в большинстве памятников акцентуируются так же (или почти так же), как инфинитивы на *-сти* и *-чи*. Лишь в некоторых восточных памятниках (в частности, Трав., Ратн., Колм., Авв., Цел.) *-ци* более устойчиво сохраняет конечное ударение, чем *-сти*, *-чи*. Тем самым здесь возникает оппозиция типа *берэчь* — *брещй* (наиболее четко представленная в Авв.), в которой обычное для восточной зоны соотношение народной и книжной акцентовок оказывается как бы инвертированным (поскольку в данном случае народное ударение даже в восточной зоне сдвинуто влево по сравнению с исконным; ср. § 3.13).

Пример архаичной микросистемы — Увар.: *блэстй* 726 и др., *вэстй*, *навэстй*, *вэстй*, *привэстй* (часто), *погрэстй* 829б, *мястйся* 520б, *смястй* 802б, *понэстй* 506б, *принэстй* 69б и др., *пастй* 682, *чэстй* (часто), *ω^мврэстй* 684 и другие на *-стй*; *не бречй* 613б, *сэжечй* 833, *не мочй* 842б (+ 841б), *помочй* 836б, *печй* 841б; *вжешй* 725, *сэжешй* 603б, *лещй* 833б, *не мощй* 582, *стрешй* 297б и многие другие на *-щй*. Пример микросистемы со значительным количеством инноваций — Улож.: *вэстй* 'везти' 246, *ω^мвэстй* 157б bis и др., *привэстй* (часто), *овэстй* 326, *ω^мнэстй* 318б, *принэстй* 118б bis — *перевэсть* 165, *привэсть* 319, *взнэсть* 94б, *ω^мнэсть* 168, 168б; *бречй* 288, 293б, 333, 337б — *берэчь* 169б, 304, *жэчь* 154, *зажэчь* 154б, *зжэчь* 147, 154б, 327б, *стерэчь* 125; инфинитивов на *-ци* нет.

Возможен также особый тип перестройки ударения инфинитивов — строго по принципу дефинализации. Образцом может служить Пск.: *ввэсти* 309б, *внэсти* 142б, *понэсти* 123б, 173, *принэсти* (6×), *исчэсти* 258 (+ 58), *прэити* (4×), *рэци* (4×), *стрэци* 20б (при единичном *тещй* 118б); с другой стороны, *сп^тйся* 176, 184, *трястйся* 243, *ω^мврешйся* 144б, *ωблещйся* 316б, *пещйся* 155б, 273, *попещйся* 210, *нарешйся* 138, 161б, сюда же *ω^мврешй намъ* 166. Этот принцип проведен также в Пат. и Клон., частично (только у инфинитивов на *-ци*, но не на *-сти*) в Егор. Пример более сложной микросистемы с частичной реализацией данного принципа — Цел.: *розвэсти* 105 (+ 51, 86), *скрэсти* 184б, *блэстй* 81 при существенно более частых *довэстй*, *ω^м-*, *пере-*, *по-*, *ро^о-* (15×), *огрэстй* 225, *нэстй* 33, *по^онэстй* 113, *ростй* 240; *жэчи* 51б, *по^ожэчь* 55, *ро^ожэчь* (б. уд.) 252б, *сжэчи* 131 (+ 47б), *ужэчи* 83, 84, *испэчь* 245, *стерэчь* 176б, *истолчи* (11×), *истолчь* 249 bis, *столчи* (3×),

утóбли 105 — *беречй* (4×), *жечй*, *за-*, *з-*, *и³-*, *пере-*, *ра³-*, *со-*, *у-* (26×), *лечй* 158, *прилечй* 40, *мочй* 476, *печй* 556, *толчй* 1016, *истолчй* 446 (+108), *утолчй* 906; *помóщи* 19 при *помощй* 20, *зажещй* 178, *и³жещй* 1886, *сожещй* 96. Между тем у возвратных глаголов ударение влево не сдвигается: *блжстйся* 496, *срстйся* 84, *трянстйся* 122, 1396, *беречйся* (4×), *беречйсь* 176.

Особое явление отражают примеры: *пбмощи* (инф.) Лих. 119г, Егор. (5×: 131, 2376 и др.), Пск. 436, 126, Лет. 27, 2716, Костр. 1026, *не мощи* Лих. 1636, Пат. 6336, *сбблжсти* Пск. 1066, *вберещй* Хр. 14086, 1411. Эти примеры естественно связывать с рядом других случаев, когда характерное для западной зоны устранение конечного ударения реализуется в виде переброса ударения на начальный слог (ср. § 3.9, конец).

Императивы с исконным флексийным ударением

§ 3.72. У императивов с исконным флексийным ударением (т. е. в а. п. *b* и *c*) акцентная эволюция сходна с инфинитивами.

Особо стоят императивы с основой на гласную + *j* (*стои*, *боися*, *пой* [от *пѣти* и от *поити*], *дои*, *гнои*, *смѣйся*, *куи*, *пий* и т. п.): конечное *-и* здесь утратилось уже в древнерусском, передав ударение основе; ср. повсеместное /ô/ в *стби*, *ббися*, *пби*, *дби* (современные литературные *дой*, *пой* и т. п. — аналогического происхождения). Ниже императивы этой группы не рассматриваются. Кроме того, не учитываются случаи перевода всего презенса в а. п. *a* (например, у книжных *внйду*, *изйду*, *приёмлю*, *прэзрю*, откуда императивы *внйди*, *изйди* и т. д.), а также книжные *вбнми*, *внэмми*, *взэмми*, которые могут иметь предфлексийное ударение даже при иной акцентровке презенса.

Императивы со сдвинутым влево ударением шире всего представлены в Пат., Стар., Цел., Целеб. Так, в Пат. находим: *ббжи* 5896, *йди* (6×), *взыщи* 6336, *любй* 5806, *прóсти* 6206, *соудй* 570г, наряду с *идй* (4×), *взмй* 610г, 649а; при наличии энклитик старое ударение сохраняется, например: *не дивйся* 618в, *молийся* 640в, *причастйся* 606г; *блюдй же* 6106, *погребй мя* 650г, *скажй ми* (3×), *коупй ми* 629а, *ω^тнесй мя* 629а bis, *принесй ми* 6106, 639в, *простй мя* (5×), *ω^тпоустй мя* 635а, *сътворй ми* 6286. Сведения об императивах в Цел. см. в § 3.10 (у возвратных старое ударение в Цел., как и в Пат., сохраняется). Отметим еще Целеб., где представлены *поберёги*, *вóди*, *рo³вбди*, *омóчи*, *пйшй*, *смóтри*, *стерёги*, *потёрпй*, но *блюдйся*, *берегйся*. См. также в § 3.9 примеры императивов со сдвинутым ударением из записей Джемса.

По нескольку примеров сдвинутого ударения встретилось в Час., Т. пс., Нил., Лих., Ег., Егор., Пск., Амф., Сол., Хлын., Авв., по одному — в Пр., Хрон., Фер., Смол., Дорог., Биб., Библ., Ик., Косм., Трав., М. пс. В большинстве случаев это словоформы ед. числа

без ся: *вѣзми, ѿди, приѿими, приклѣни* и т. п.; отметим Трав. *положь* 533б, Косм. *ω^мнѣсть* 80б. Примеры с *-ся* или *-те* немногочисленны: Пск. *не ярыся* 110б, Лих. *не мините* 220в, Егор. *взыщите* 411б, Хлын. *блѣдите же ся* 103, *взыщѣте* 220б, *взыщѣте* 78б; ср. также М. пс. *жѣвѣ мя* 134б (оксия над *жи* зачеркнута), Сол. *напѣши ми* 162. Менее надежны примеры, где не исключено смешение наклонений: Час. *испрѣсѣте* 402б, Лих. *просите* 248а, Егор. *взмѣте* 54б, 157, *прѣдѣте* 543 bis (и некоторые др.), Библи. *не входите* 603, Ик. *всходите* 80₂б, Стар. *не любѣте* 46б.

Особые случаи: Амф. *сѣблю^{ди}* 86б, *сѣхра^{ни}* 80, Джемс *dólogi* 56, Цел. *приложѣ* 153б, 158б. Они аналогичны инфинитивам типа *помощи, сѣблостѣ* (§ 3.71, конец).

Во всех прочих обследованных памятниках флексивное ударение императива полностью сохранено (не считая книжных словоформ). Из приведенного перечня памятников видно, что новое ударение императива отмечается: 1) в большинстве памятников западной зоны (а также в Стар.); 2) в большинстве памятников юга; 3) в значительной части памятников дальнего северо-востока. Ареал последовательного сохранения старого ударения — это основная часть восточной зоны без памятников юга. Таким образом, картина здесь довольно близка к той, которую дают инфинитивы С-корневых глаголов; ср. карту 18.

Тематизация ударения

§ 3.73. Важный тип акцентной инновации составляет тематизация ударения (т. е. перенос его на тематический элемент, см. § 3.8) у *ај-, ѣј-, а-, оа-, і-* и *ѣ-* глаголов. Для *ај-* и *ѣј-* глаголов тематизация означает переход к ударению типа *дѣлѣти, дѣлѣть* во всей парадигме. У *а-, оа-, і-* и *ѣ-* глаголов тематизация захватывает в первую очередь систему прош. времени и инфинитива (*мазѣти, вѣроваша, умножилъ, слышали* и т. п.); в презенсе таких глаголов сдвиг ударения вправо встречается несравненно реже (у большинства глаголов он просто отсутствует). Тематизация ударения рассмотрена (на материале 17 памятников) в Глаг. акц., § 41, 44—46, 54—55. Расширение круга обследованных памятников позволило точнее определить диалектные границы тематизации для разных групп глаголов. Шире всего тематизация представлена у вторичных имперфективов с суффиксом *-а(ј)-*. Здесь она не ограничена какой-либо диалектной зоной. Уже в XV—XVI вв. старое ударение типа *обогащати, исполняти, прикладати, впадати* сохраняется лишь в меньшинстве случаев. К примерам подобного ударения, приведенным в Глаг. акц., § 54, добавим (выборочно) еще несколько (в части из них выставлено по два акцентных знака): Сени. *не оставляеми* 117а, *дубѣгати* 114а (об ударении глагола *бѣгати* см. § 2.7, конец), *вѣкладати* 68а, *западае^т* 129в, *обрѣтае^м* (прич.) 15в, *разсѣдавсья* 133г, *разумѣвають* 143в; Лих. *избавляющаго тя* 12б, *рассѣпая* 113в; Ион. *забавляете* 81б, *обавляете* 551б, *приготовляются* 77, *раз-*

гребляющеи 322; Корн. избáвляе^m 171б, не произво́ля 422, пригото́вляю^m 296б, оумѣряемо 360б, испра́вляйте 451, съпротíвляюща́я В. мн. 34б, съста́вляемо 30б, оутѣша́я 24, ѿмбѣгати 24, 230, укрáдати 382б, впа́дати 146б; Хрон. поклáдаеть 226; Жит. прѣдпостáвля 303б, възгáдающе 287, разсы́пающе 298б; Лет. наста́вляющи^x 42б, въсклáдати 181б, не прístáвси 128; Биб. ѿ оубѣгáющи^x 107б, посы́пающии мн. 331; Библ. погíбáше 610, погáдайте (3×). В XVII в. подобные примеры становятся уже большой редкостью; отметим, в частности: М. пс. прослáвляти 199; Ряз. не оукра́даеми 111; Кир. напáдающе Д. ед. 59; Костр. ѿмвѣща́етъ 74, ѿбрѣ́таютъ 169б; Сол. помы́шляше 269, оукра́дает же 192; Хлын. поклáдаеть 226.

Почти столь же интенсивна тематизация у ё-глаголов, образованных от непроизводных имен: окаменѣти, оздравѣти, посиняти (-ѣти), слабѣти, старѣти и т. п. Из реликтов старого ударения к примерам, содержащимся в Глаг. акц., § 54, можно добавить, в частности: Ион. посíнѣяше 523б, Лет. ѿсла́бѣша 282, Библ. ѿмáлѣ 'уменьшился' 599б, Ряз. посíнѣше 73, Кир. тíша^m 'утихать' 120б. Отметим еще Корн. ѿубо́жáетъ 144 (от опростившегося *убогъ*).

За рамками названных групп процесс тематизации ударения протекал по-разному в разных диалектных зонах, а именно, он был интенсивен в западной зоне и на дальнем северо-востоке и весьма ограничен в основной части восточной зоны. При разборе здесь целесообразно оставить в стороне как менее показательные некоторые глаголы с индивидуальными особенностями, слабо документированные слова, а также весь класс *ова*-глаголов (поскольку в ударениях типа *вѣрѡвати*, *радѡватися* нельзя надежно отличить эффект тематизации от записи второстепенного ударения). Остальные глаголы, подверженные тематизации, можно обозначить как «основную группу». Сюда входят (везде, где не оговорено иное, вместе с приставочными производными): 1) *ај*-глаголы *бѣгати* (без произв.), *вѣдати* (и производные совершенного вида), *гнѣватися*, *готовати*, *думати*, *дѣлати*, *кушати* (без произв.), *падати* (без произв.), *плавати*, *работати*, *слушати* (без произв.); 2) *а*-глаголы *брызгати*, *кликати* (без произв.), *мазати*, *плакати*; 3) *ё*-глагол *слышати*; 4) *і*-глаголы *-бавити*, *-величити*, *вѣрити*, *вѣсити*, *гладити*, *готовити*, *грабити*, *ударити*, *множити*, *мучити*, *мыслити*, *мѣрити*, *-подобити*, *-полнити*, *правити*, *противитися*, *ранити*, *славити*, *ставити*, *тѣшити*, *чистити*. При этом, однако, из рассмотрения должны быть выведены причастия (*і*- и *ё*-глаголов) с суффиксами *-ящ-*, *-им-*, *-ен-* (например, *мучащии*, *мучимьи*, *очищенни*): у таких причастий суффиксальное ударение иногда выступает и там, где в остальном тематизация отсутствует. То же верно для отглагольных существительных и прилагательных (от глаголов всех групп), например, *исповѣдание*, *послушание*, *помазание*, *мучение*, *мучитель*, *мучительный*.

Карта 19 демонстрирует степень распространения тематизации в основной группе (без учета производных имен и указанных выше причастий). Очерченный на карте ареал, где у этих глаголов тематизации нет или почти нет, включает всю основную часть восточной зоны и несколько соседних памятников. Сравнение с картой 3 показывает, что он почти совпадает с ареалом, где нет дефинализации.

Почти не отличается от основной группы глагол *висѣти*: в основной части восточной зоны новое ударение встречается почти исключительно в причастии (*висяща, висяи*), при регулярных *виситъ, висѣль, висѣти* и т. д. (так в Лес., Ап., Цв., Ряз., Костр., Ратн., Матф.). У глагола *видѣти* тематизация отмечается на заметно большей территории, чем у глаголов основной группы; см. карту 19.

Особое явление, не сводящееся целиком к тематизации, представляет собой перевод некоторых глаголов книжного характера (в частности, *насытити, осквернити*) из а. п. а в с; оно встречается на всей великорусской территории (ср. сходное акцентное развитие у книжных глаголов а. п. б, § 3.74).

Перестройка ударения в презенсе *i*- и *ѣ*-глаголов

§ 3.74. В XVI—XVII вв. в презенсе *i*- и *ѣ*-глаголов отмечается некоторое количество отклонений от реконструируемой раннедревнерусской акцентовки. Рассмотрим вначале отклонения от акцентовки по а. п. б в сторону а. п. с в презенсе *i*-глаголов (обозначим их как «инновации типа *вкусить*»).

Примечание. Мы не включаем сюда те *i*-глаголы, которые перешли в а. п. с (из праславянской а. п. б) уже в раннедревнерусском; таковы, в частности, *крестити, -ложити, поститися, разорити, селити, творити, -ключити, мутити* (в § 2.17 они указаны уже в составе а. п. с); см. Глаг. акц., § 52 и Дыбо 1970, сноска 12. О возможных следах старого ударения *-лбжитъ, твбритъ* см. § 3.75.

Следует различать несколько групп глаголов, обнаруживающих инновации типа *вкусить*.

1. Основная группа непроеизводных глаголов, не имеющих специфически книжной окраски: *водити, гонити, носити, ходити; давити, кормити, купити, любити, молити, просити*; по своему акцентному поведению к ним тесно примыкает также *служити*. В этой группе глаголов инновации типа *вкусить* встречаются (на фоне господства старого ударения) только в западной зоне и широкой промежуточной полосе (см. карту 19): Чуд. *взлюбйши* 124а; Хрон. *служитъ* 241; Фер. *просиши* 546б; Лет. *поводитъ* 130б, *купитъ* 3б, *искупит ны* 11, *любитъ* 77, *да помолит^m* 239, *да оумоля^m* 20б; Стар. *молится* 100; Смол. *входите* (през.) 130, *оудавится* 68б, *любйши ли мя* 9, *молится* 80б, *оумолитъ* 47б; Егор. *помолйшися* 377б, *еже првсите* 227; Пск. *приносите* (през.) 82; Час. *молийши* 21б, *молйшися* 190; Лих. *гонйши* 179в; Ег. *молится* (през.) 141; Муз. *возлюбйши* 222б (оксия над ю зачеркнута); Пат. *приносйши* 604в, *да не служйши*

631г; Нил. *приводятъ* Г 186, *ω^мходятъ* 104; Карг. *възмобіши* 91, 916, *да умоліши* 296, *попробіши* 296; Сол. *входитъ* 2536; Колм. *ко^ммятъ* 193; Авв. *не служатъ* 1046; Цел. *ω^мгонитъ* 174 (в список не включены примеры повел. на *-имъ* типа Чуд. *не любимъся* 89г, поскольку они могут отражать исконное ударение, см. Глаг. акц., § 47, замеч.). Не вполне надежно Ратн. *ходятъ* 1706. По-видимому, примеры данной группы отражают не тенденцию к переводу этих глаголов в а. п. *с*, а всего лишь диалектную неустойчивость акцентной кривой в а. п. *б*. Новое ударение чаще всего встречается здесь в форме 2 ед. (ср. сходную особенность в западноболгарском памятнике XIV в., см. Дыбо 1982, с. 258—259).

2. Глаголы с отчетливой книжной окраской. В этой группе инновации типа *вкусить* встречаются на всей великорусской территории и явно отражают тенденцию к полному переводу таких глаголов из а. п. *б* в *с*. В рамках этой группы особо стоят глаголы с неполногласием. Они переводились в а. п. *с* раньше и последовательнее прочих. Так, у *хранити* следов праславянской а. п. *б* практически не осталось. У *влачити*, *сократити*, *претити* отмечаются (в памятниках не моложе середины XVI в.) лишь слабые следы а. п. *б*. У *-вратити*, *срамити* последние примеры акцентовок по а. п. *б* отмечены в первой пол. XVII в.

Для глаголов с иной структурой корня отмечены (на фоне более обычной акцентовки по а. п. *б*), в частности, следующие презенсы (условно они представлены формой 3 ед.): *соблазнить* (очень широко), *блудить* (Биб., Смол., Пер., Тих.), *волить* (Час., Сenn., Егор.), *украстить* (Хл., Трав., Рж., Хлын., Цел.), *совокупить* (Пск., Цв.), *вкусить* (Лет., Цел.), *искусить* (Лук., Пск., Костр., Пер.), *покуситься* (Увар., Смол.), *обличить* (широко), *луниться* (Матф.), *умертвить* (широко), *смѣситься(ся)* (Лук., Костр., Пер., Тих.), *поострить* (широко), *просвѣтить* (очень широко), *(о)сочить* (Увар.), *утолить* (широко), *источить* (Рум., Цв.), *расточить* (Библ.), *стужить* (Биб.), *защитить* (Сол., Тих.), *ощутить* (Ион., Ряз.). Для презенсов *водворить*, *(о)дождить*, *возмздиться*, *воцариться* в наших памятниках встретилась уже только акцентовка по а. п. *с*.

3. Отыменные глаголы (хотя бы и некнижные). Ситуация здесь сходна с группой 2. Отмечены, в частности, презенсы: *убѣлить* (Тих.), *гнѣздиться* (Библ., Стар.), *(о)жениться* (Сenn., Библ., Смол., Тих., Улож.), *казнить* (Увар.), *(при)плодить* (Ион., Биб., Печ., Сол., Матф.), *присвоить* (Егор.), *трубить* (Карг.), *очерниться* (Библ.) — при более частых (для совокупности памятников в целом) *бѣлить*, *гнѣздиться*, *жѣниться*, *казнить*, *плодить*, *присвѣбить*, *трѣбить*, *чѣрнить*.

Группы 2 и 3 показывают, что в XVI—XVII вв. уже начали складываться новые принципы распределения акцентовок презенса у *i*-глаголов, которые действуют в современном языке (см. § 1.17).

Прочие случаи носят более индивидуальный характер. Так, на-

пример, *судити* и *хвалити* ведут себя в основном сходно с группой 1; но изредка презенсы *судить*, *хвалить* отмечаются в восточной зоне — по-видимому, ввиду связи этих глаголов также с группой 3. Об ударениях *палить* (вместо *пáлить*), *разлучить* (вместо *разлúчить*) см. Глаг. акц., § 52, замеч.

§ 3.75. В старовеликорусский период в презенсе *i*- и *ě*-глаголов появляются также отклонения противоположного типа — от а. п. с к *b* (обозначим их как «инновации типа *пúститъ*»).

Сферой действия данного процесса являются прежде всего переходные глаголы не книжного характера (кроме отчетливо отыменных), т. е. здесь с самого начала процесса обнаруживаются те же факторы, которые действуют в современном языке (§ 1.17). Таким образом, сферы действия инноваций типа *пúститъ* и типа *вкусить* практически не пересекаются, т. е. эти две противоположные тенденции составляют разные стороны общего процесса перестройки первоначального ударения презенса *i*-глаголов по новым основаниям (семантического, морфологического и стилистического характера).

Наиболее ранними свидетельствами рассматриваемого процесса можно считать следующие примеры из XVI в. (памятники приводятся в хронологическом порядке): Сenn. ω^m *поуст-и^m* 65г, 170в, -я^m 134г; Фер. *дрѣ|жится* (2 уд.) 969б *запоустить* (2 уд.) 984б, *исто-пить* 'утопит' 842; Ап. *тёрп-итъ* 65, -и^m 116б; Хл. *дёржитъ* (2 уд.) 286, *тёрпиши* 275б; Хлуд. *дёрь|жить* (2 уд.) 135; Биб. *поусти^m* 463, *да испоустят^m* 89, *да ω^m поуст-и^m* 77, -иши (5×), *по-поусти^m* 118; Библи. *тёрпи^m* 977б, -и^m 834, *стёрпи^m* 612б, *пре-тёрпи^m* 591, 800; Смол. *не лишитъ* 25, *не полуचितе* 5б, *измѣнитъ* 5бб, *не родитъ* 'не рождает' 27б; Пск. *да раздѣли^m* 160; Цв. *пока-дитъ* 206б; Ик. *дрѣжи^m* 101б. Вероятно, сюда же относится и несколько других ранних примеров, но это менее надежно (не исключены и какие-то побочные причины акцентного сдвига); таковы: Нил. *цѣля^m* 'исцеляют' 57, Сenn. *солитъ* 184в, *осолитъ* 184в, единичные примеры ударения (*по*)*губить* в Сenn., Прол., Смол. (относительно *губити* см. также Глаг. акц., § 50).

В XVII в. инновации типа *пúститъ* встречаются уже заметно чаще. В частности, у глагола *пустити* (и производных) ударение по модели *пúститъ* отмечено (перечисляем в хронологическом порядке) в Дом., Трав., Печ., Кир., Сел., Костр., Сол., Яр., Ратн., Улож., Матф., Цел.; у *держати* — в Дом., Трав., М. пс., Ряз., Ратн., Улож., Цел.; у *терпѣти* — в Трав., М. пс., Ряз., Хлын., Авв., Цел. Прочие примеры: Дом. *перетопиши* 70 (о сале); М. пс. *ловитъ* 8б (оксия подтерта); Сел. *да оумириши* 187а; Яр. *прилучи^mся* 35б; Ратн. *збоудятъ* 205б, *стрѣл-ишь*, -итъ (5×); Улож. *перемѣнитъ* 268, *ицѣнятъ* 82б; Колм. *дѣлятъ* 188, *ловятъ* 99, *плátятъ* 180, *стрѣ-литъ* 104, *сúшатъ* 100, *цѣнятъ* 180; Цел. *и^дрôбитъ* 8б, *улов-ишь*, -итъ (4×), *мѣгчитъ* 239б, 241б, *ся нарôдит* 63б, *посáдишь* 161б, *ускôпя^m* 187, *устрѣлятъ* 223б, *твёрдитъ* 244б, *тôнчитъ* 229б,

ростѡпится 132 (вероятно, сюда же *знѡбитъ* 232б, *крѡшатъ* 65; *засѡрится* 39б).

Следует все же подчеркнуть, что приведенные ударения в подавляющем большинстве случаев выступают в соответствующих памятниках только как исключения — на фоне более частых *пустѣть*, *держѣть*, *терпѣть*, *ловѣть* и т. д. Лишь в немногих случаях материал указывает на победу нового ударения (например, в Улож. у *пустити* и производных соотношение нового и старого ударения — 25 : 1, в Биб. — 8 : 0). Для многих глаголов, получивших в современном языке новое ударение, во всем нашем материале XIV—XVII вв. отмечено только старое ударение (по а. п. с); таковы, в частности, глаголы *валити*, *варити*, *гасити*, *городити*, *дарити*, *доити*, *катити*, *крестити*, *окровавити*, *лѣнитися*, *морити*, *поити*, *становити*, *студити*, *тацити*, *тушити*, *учити*, *чинити*, *явити*.

Ударения *-лѡжитъ* и *(со)твѡбрить*, возможно, в части случаев представляют собой не инновации, а следы праславянского состояния. Ударение *-лѡжитъ* отмечается в XVI—XVII вв. (как правило, на фоне более частого *-ложѣть*) только в некоторых северо-восточных и московских памятниках: Биб., Цв., Клон., Печ., Пер., Ратн., Улож., Колм., Цел.; кроме того, в Стар.; ср. распространение акцентровки *полѡжу*, *-ит*, *-ил*, *-ила* (по а. п. а) в современных северных говорах. Ударение *(со)твѡбрить* отмечается, на фоне более частого *(со)творѣть*, в основном лишь в западной зоне или поблизости от нее (в Час., Сенн., Прол., Дос., Лет., Стар.); несколько шире встречаются ударения *отвѡбрить*, *затвѡбрить* — в глаголах, восходящих в конечном счете к **-voriti*, а не к *tvoriti*.

Особую побочную линию эволюции, не получившую в дальнейшем развития на русской почве, отражают инновации типа *пѣстити* у непереходных *ѣ*-глаголов (часть из них отмечена в очень ранних памятниках). Они выступают в основном у приставочных глаголов: *достѡитъ* (повсеместно), *пристѡитъ* (в Биб., Трав., Цел.), *разстѡитъ* Мер. 35, *настѡитъ* Пск. (4×), *предѣстѡитъ* Матф. 90, *предлѣжитъ* Нил. 28, *премѡлчитъ* (в Егор., Клон., Печ.), *оумѡлчи^м* Пр. 112г, *оубѡится* Биб. 117 (ср. также *избѣжи^м* Корн. 435). Эта группа находит близкие соответствия в староукраинском; ср., в частности, *достѡитъ*, *пристѡитъ*, *разстѡитъ*, *предѣстѡятъ*, *налѣжитъ*, *присѣдитъ* у Берынды. Более редки примеры без приставок: *бѡлимъ* Мер. 47б, *бѡля^м* Сенн. 65в, *бѡлитъ* Лет. 114б, *да бѡлѣтъ* Костр. 198б bis, *стѡитъ* 'stat' Нил. 175б, *сѣдя^м* Ик. 110, *сѣдя^м* Трав. 498б, *сѣдитъ* Авв. 27б.

Презенс с неслоговым корнем (у корневых, а- и пѣ-глаголов)

§ 3.76. Как показал В. А. Дыбо (1972б), в праславянском имелось два акцентных типа презенсов с редуцированным в корне — а. п. *b* и а. п. *c*. После падения редуцированных корень здесь стано-

вятся неслоговым. В нашем материале реально представлены: из исконной а. п. *b* — презенсы с *ид-* (*-jд-*), *им-* (*-jм-*), *-чн-*, *жм-*, *жн-*, *жр-* ‘*sacrifico*’, *тр-*, *сл-* (*шл-*), *лг-* (*лж-*), *тк-* (*тч-*), *сс-* (*сос-*), *сх-*, (*сш-*), *бј-*, а также презенсы *пр-* глаголов, в частности, с *-сн-*, *-бн-*, *гн-*, *схн-* (*сохн-*), *мкн-*, *ткн-*; из исконной а. п. *c* — презенсы с *мр-*, *жр-* ‘*devoга*’, *стр-*, *пр-* (в *запру* и т. д.), *-нр-*, *-нн-*, *вј-*, *лј-*, *пј-*, *жд-*, *чт-*, *рв-*, а также *жг-* (*жж-*), *рк-* (*рч-*) (варианты к *жег-*, *рек-*).

Рассмотрим вначале приставочные презенсы данного типа.

В Чуд. исконное распределение сохраняется еще почти без нарушений (см. Дыбо 1972б, с. 75); инновациями являются только *оўмре*^т 48б, *потреть* 152а (пример *при|доўть* 86а не вполне надежен). В памятниках XVI—XVII вв. предстает гораздо более пестрая и запутанная картина. Ее анализ приводит к следующим основным результатам.

В северной и средней частях восточной зоны (см. карту 20) развивается тенденция к флексийному ударению во всех презенсах с неслововым корнем (т. е. к новому ударению *пойдѣть*, *возьмѣть*, *послѣть*, *начнѣть* и т. д.); именно эта тенденция впоследствии полностью реализовалась в литературном языке. В XVI в. ее проявления еще довольно слабы, но в XVII в. она уже очень заметна. Новое ударение распространялось с неодинаковой скоростью у разных глаголов. Особенно широко отмечается в XVI—XVII вв. ударение *начнѣть*: оно засвидетельствовано даже в ряде памятников, далеко отстоящих от основного очага данной инновации и не имеющих других примеров неисконного флексийного ударения (см. карту 20). Напротив, ударение *пойдѣть* (*придѣть*, *наидѣть* и т. д.) появляется позже прочих (лишь в XVII в.) и отмечено только в самом очаге рассматриваемой инновации.

В западной зоне (а также на юге восточной зоны) наблюдается обратная тенденция — к префиксальному ударению (т. е. к новому ударению *пбждеть*, *пбжжеть*, *пбчтеть*, *пбрветь*, *пбрльеть* и т. д.). Впрочем, в части микросистем здесь отмечаются также и единичные примеры инноваций «восточного» типа (чаще всего *начнѣть*). На карте 20 показана примерная восточная граница территории, на которой преобладает тенденция к обобщению а. п. *b* (не учтены Корн. и Рум., которые образуют островки восточнее этой линии, а также Тар., данные которого не вполне четки). Как можно видеть, эта территория включает почти всю западную зону и весь географический район «юг».

В современном русском языке, в частности, ударение *придѣшь* характерно в основном для юго-запада (для белорусского и украинского языков оно является нормой); в рассеянном распространении оно представлено практически на всей южновеликорусской территории (Атлас Запад, карта 317; Атлас Юг, архивная карта 32). Сравнивая эти данные с картой 20, мы видим, что ударение *придѣшь* сохранилось в зоне, максимально удаленной от очага инноваций типа *пойдѣть*, *возмѣть* вместо *пбидеть*, *вбзметь*.

особенно ярко отражена в Ратн. и Улож.; элементы такой системы усматриваются также в Биб.

Имеется, однако, особая группа презенсов, акцентная эволюция которых по различным индивидуальным причинам выпадает из общей картины: 1) презенсы с *бј-* (исконная а. п. *b*) почти повсеместно акцентно уподобились презенсам с *вј-*, *лј-*, *пј-*; 2) презенсы с *мр-* (исконная а. п. *c*) в большинстве микросистем перешли (по неясной причине) в а. п. *b*; в XVI в. старую акцентовку последовательно сохраняют только Хр. и Чет., частично—Увар., Цв., Постн. (ударения *умрѣтъ*, *изомрѣтъ* в Цел. могут быть и вторичными); 3) склонность к переходу в а. п. *b* (хотя и не столь сильную, как у *мр-*) обнаруживают также презенсы с *пн-*, которые, по-видимому, подвергались влиянию со стороны *пг-* глаголов, и книжное *пнрѣтъ*; 4) презенсы *пожрѣтъ* 'devorabit' (а. п. *c*) и *пожрѣтъ* 'sacrificabit' (а. п. *b*) часто смешиваются, т. е. у обоих омонимов встречаются две акцентовки, но преобладает акцентовка по а. п. *b*. При составлении карты 20 акцентуация презенсов особой группы не учитывалась.

Прочие презенсы рассматриваемого типа обозначаются ниже как «основная группа».

В качестве иллюстраций рассмотрим несколько достаточно ярких микросистем. Общее представление о ситуации в остальных микросистемах дает карта 20.

Из микросистем, где инновации вообще отсутствуют или встречаются только в особой группе, возьмем Новг. Исконная а. п. *b* — *пюиду* 55, 2266 (+ 232), *пбидеши* 67, *пбидоуть* 148, 1576, 2526, *прюиду* 85, 3376, *прбидеть* 177, *прбидоуть* 1156, 1786, 179, *пюлю* 2476, *пбслеть* 2386, *пбслет ти* 506, 194, *пбжноуть* 2176 (NB фонема /ô/; единичные написания без каморы: *пбдоуть* 1506, 159, *пбслеши* 180), также *приду*, *прдоуть*, *прѣдоуть*, *възмю*, *възмоуть*, *измоу*, *изметъ*, *прѣметъ*, *объметъ* и т. д. (многократно); далее, *начнетъ* 186, *сължетъ* 2636, *сължоуть* 115, *исхнетъ* 161 и даже *оубіет мя* 2 (наряду с *избіеши* 228, *разбіетъ* 226). Отметим особо *пбжру* 'sacrificabo' 256 (+ 1006), *пбжроуть* 'sacrificabunt' 188; в последней словоформе место ударения старое, но /ɔ/ (а не /ô/) указывает уже на некоторую перестройку; *пбжру* по месту ударения и огласовке соответствует исконному 'devoro', а не 'sacrifico'. Исконная а. п. *c* — *не разжѣтъ* 142, *разжѣтъся* 145, 160, 2476, *съжжѣтъ* 91, *испюють* 135, *оупюются* 74, 2946, *прблю* 231 (с /ɔ/), *пожрѣтъ* 'devorabit' 1216, 244 (+ 106), *прострѣши* 1516, *-ѣтъ* 227 (+ 102, 244), *пнрѣтъ* 255; с новым ударением выступают *оумрѣтъ* 136, 836, *не запноуться* 77.

З а м е ч а н и е. В Новг. еще почти не нарушается принцип, согласно которому в подударных приставках *по-*, *про-*, *до-* в презенсах исконной а. п. *b* выступает /ô/, исконной а. п. *c* — /ɔ/ (в словоформах как типа *прблю*, где место ударения старое, так и типа *прблють*, с перенесенным ударением). Сходная картина представлена в Вас. пс. (см. Васильев, с. 51); ср. также материал Час.: *пбид-еши* 405, *-емъ* 208 — *пбчтемъ* 276, 289. В других памятниках (Т. пс., Муз.,

Вас. сб., Дос., Амф.) в данной морфологической позиции вместо ожидаемого /б/ часто или даже преимущественно выступает /о/; в Хл., Чет., Хр., Трав. встретилось только /о/.

Не обнаруживают инноваций в основной группе презенсов также Ап., Хл., Дом., Рж., Клон., Колм.; правда, в большинстве из них материала довольно мало, поэтому здесь нет уверенности в действительной архаичности соответствующих микросистем. Это тем более верно для Амф., Чет., Тамб., Матф., где вообще не встретились презенсы основной группы из исконной а. п. с.

Примерами микросистем с тенденцией к переходу (в основной группе презенсов) от а. п. с к *b* могут служить Косм., Трав., Прол., материал которых приведен в Глаг. акц., § 18, 57. В качестве дополнительных образцов рассмотрим еще Сенн., Лет., Библ., М. пс. Исконная а. п. *b* сохраняется здесь вполне устойчиво, если не считать факультативного *начнѣтъ* в Лет. (как и в Трав.). Помимо обычных *пѡидѣтъ*, *изѡидѣтъ* и т. д., *вѡзметъ*, *пѡимѣтъ* и т. д., *пѡслѣтъ* (*пѡшлѣтъ*), также *начнѣтъ*, *пѡчнѣтъ*, *учнѣтъ*, здесь находим: Сенн. *сѡтрѣтъ* 101г, *прѣткнешѣ* 19а, *пѡжрешѣ* 'sacrificabis' 178б; Лет. *рѡзгнѣтъ* 166б; Библ. *не пѡжнешѣ* 611, *сѡтрѣтъ* 686, *вѣмѣкнешѣ* 603б, *пѡжр-етъ* 'sacrificabit' 614, *-утъ* 492, ср. также *оусплѣте* 'уснѣте' 980б (однако *поссѣши* 488, *да ся насъсѣте* 490б); М. пс. *пѡжну^m* 141, *сѡлже^m* 166б, *оуспнѣтъ* 139, *исхне^m* 99б, *исшутъ* 36б. Из презенсов с *bj-* в Лет. представлены *убѣетъ* и *убѣѣтъ*, в Библ. и М. пс. — *разбѣ-тъ*, *-тѣя*. Презенсы исконной а. п. с по большей части получили новое ударение. Помимо постоянных *умрѣтъ*, *пѡмрутъ*, *изѡмрутъ* и т. п., находим: Сенн. *прѡльѣтъся* 38г, 154в, *прѡстрѣтъ* 194г, *зѡпнешѣ* 184а, *не зѡпнѣтъся* 113в, *рѡспн-етѣя* 135в, 213б, *-ете* 111а, *-оуть* (4×: 135б и др.) при *вѣжжѣтъся* 118г; Лет. *зѡжже^m* 36б, *прѡлье^m* 33, *улье^m* 33б при *ра^жжѣтъ* 240б, *упѣѣтъся* 33; Библ. *пѡждетъ* 597, *зѡпнѣте* 624, *прѡпну^m* 692, *рѡспнѣте* 688, *пѡжре^m* 'devorabit' 982б, *прѡстрѣтъ* 598б (+ 617) при *пѡжжѣтъ* 601б (+ 983б), *оупнѣтъся* 474б (+ 483), *сѡвнѣтъся* 474б (+ 623б), *прѡлѣтъся* 696; М. пс. *сѡжже^m* 49, *сѡвѣши* 110, *пѡжре^m* 'devorabit' 60б, 72, *прѡстр-ешѣ* 93, *-у^m* 140б, *не зѡпнутѣя* 38 при *оупнѣтъся* 3б.

Наиболее ярким образцом микросистемы с тенденцией к переходу (в основной группе презенсов) от а. п. *b* к *c* может служить Цел. Презенсы исконной а. п. *b* представлены здесь так. С новым ударением: *войдѣтъ*, *зайдѣтъ*, *найдѣшъ*, *ω^mидѣтъ*, *пойдѣшъ*, *придѣтъ*, *сойдѣтъ* (более 20×; также *сбйдѣтъ* 110б), *во³метъ* 23, 120, 159б, *займѣтъся* 181, *розоймѣтъ* 116, *уим-ѣтъ*, *-ѣтъся* (часто: 35, 40б, 73б и др.), *неимѣтъ* 74б, 203б, *зачнѣтъ* 201б, *начнѣтъ* (часто: 35, 109б и др.), *почнѣтъ* 7 (+149), *учнѣтъ* (часто: 24, 139б и др.), *пошлѣшъ* 284б, *натрѣшъ* 173, *прошкнѣтъся* 81, *изобѣтъся* 258б, *уѣѣтъся* 114; кроме того, *выйдѣтъ* 45б, *выссѣтъ* 'высосет' 143б, 259 (также *высѣѣтъ* 'высосет' 128, в силу смешения на письме корней *сс-* и *сѣ-*), где отразилось характерное для Цел. просодическое равенство приставки

вы- со всеми прочими приставками. Со старым ударением: при двусложной приставке — *изб́йдетъ* 73, 100 (+596), *ѡтб́йдетъ* 160, *изб́йметъ* 1086, 116, 2696, *подб́йметъ* 116; в прочих случаях — *вб́йдетъ* 128, *взб́йдетъ* 7, 76, *на́йдешъ* 247, 273, *пб́йд-ешъ* 15, 2826, -етъ 1586, 2536, *сб́йдетъ* 2856 (+2416), *вб́нмемъ* 93, *зай́метъ* 222, 2476 (+286), *пб́чнешъ* 136, *пб́жмешъ* 81, *прб́шкнетъ* 81; также *вб́детъ* 188, -утъ 1806. Таким образом, новое ударение здесь уже заметно преобладает. Презенсы исконной а. п. с почти всегда выступают в Цел. с флексийным ударением: *изожж́етъ* 29 (также *изожж́етъ* 1956), *прорв́етъ* 186, *сорв́ешъ* 91, *вырв́ешъ* 1756 (ср. выше о вы-), *урч́етъ* 'договорится, обусловит' 1606, *оболв́етъ* 83 и даже *изодр́етъ* 163 и *умр́етъ* (5×: 746, 1386 и др.). Префиксальное ударение представлено в *изб́ьетъ* 2196 (двусложная приставка), *н́е пьетъ* 746, *пб́мретъ* 192.

К Цел. близок Авв. (но материал здесь беднее). Исконная а. п. *в* *содв́етъ* 416, 44, 2186, *удв́ете ли* 1596, *н́евдв́етъ* 2286, *вб́мв́ишъ* 2526, *не лж́етъ* 2286, *убв́ютъ* 231 (при *пб́иде^м* 103, *на́идетъ* 1156, 285). Из исконной а. п. с только *пчт́етъ* 285.

В Улож. представлена «расптанная» система с колебаниями у большинства глаголов, независимо от исконной акцентной парадигмы. Так, при обычных *пб́йдетъ*, *н́йдутъ*, *отб́йдутъ* и т. п. находим и *пб́йдт́етъ* 286, *дб́йдт́етъ* 162 bis; постоянные колебания в *пб́илетъ* и *пб́илт́етъ*, *убв́етъ* и *убв́етт́етъ*, *ѡтб́б́ютъ* и *ѡтб́б́ютт́етъ*, также *зб́претъ* и *зб́прт́етъ*, *ѡбб́жжетъ*, *подб́жжетъ*, *сб́жгутъ* и *зжж́етъ*, *пжж́етъ*. Только старое ударение встретилось в *ѡтб́йметъ*, *взв́метъ*, *пб́йметъ*, *на́йметъ*, *уч́нетъ*, *нач́нетъ*, *зач́нетъ*, *подб́илетъ*, *сб́илютъ*, *сб́лжетъ*, *отб́мкнетъ* и нек. др. Как и в Цел., отмечается некоторая склонность презенсов с двусложной приставкой к префиксальному ударению.

В прочих памятниках со сдвигом в сторону а. п. с новая акцентовка развита не столь сильно; в частности, не встречается ударение *пб́идт́етъ*, *прб́идт́етъ* (здесь и ниже 3 ед. служит представителем всего презенса). В целом преобладает старая акцентовка, а на ее фоне в исконной а. п. *в* встречаются: *нач́нетъ*, *зач́нетъ*, *уч́нетъ* (довольно широко, см. карту 20), *изм́етъ* (Увар., Цв., Костр.), *разѓнетъ* (Ион.), *пжж́нетъ* (Биб., Хр.), *солж́етъ* (Т. пс., Лук., Цв., Костр.), *вомкн́етъ* (Стар.), *ѡ^тсл́етъ* (Ион., Увар.), *поткн́етъ*, *у-* (Биб.), *приткн́етъ* (Яр.), *истр́етъ* (Биб.), *сотр́етъ* (Цв., Сел., Сол.) и нек. др. В то же время в части памятников колебания захватывают также некоторые презенсы исконной а. п. с.

Обратимся теперь к б е с п р и с т а в о ч н ы м презенсам. Для акцентологии здесь представляют интерес в первую очередь презенсы а. п. *в* **жд-етъ* и **жт-етъ*. Обычно эти презенсы предстают с корневым ударением: *жд́етъ*, *жт́етъ*. Оказывается, однако, что в памятниках их акцентовка не обязательно совпадает с акцентовкой соответствующих приставочных производных, а именно, флексийное

ударение представлено здесь значительно шире, чем у производных. Так, ударение *имѣть* 'возьмет', *имѹть* 'возьмут' засвидетельствовано (как единственное или наряду с *иметь*, *имуть*) в Новг., Муз., Корн., Пат., Лет., Фер., Жиг., Увар., Тар., Библ., Ряз., Пер., Авв., Цел. В этих памятниках, кроме Увар., Авв. и Цел., в производных находим только ударение *вбъзметь*, *пбиметь*, *збиметь* и т. д. Ударение *идѣть*, *идѹть* отмечено (наряду с корневым) в Муз., Лет., Костр., Цел. Во всех этих памятниках, кроме Цел., в соответствующих производных представлено только ударение типа *пбидеть*.

Эти факты не позволяют объяснить ударение *идѣть*, *имѣть* аналогией с соответствующими приставочными производными. Более того, это ударение вообще затруднительно связывать с тенденцией к переводу данного класса презенсов из а. п. *b* в *c*, поскольку оно встречается даже и в таких памятниках (Новг., Муз., Корн., Фер., Тар., Библ.), где у приставочных глаголов не обнаруживается вообще никаких проявлений данной тенденции. Остается, таким образом, признать ударение *идѣть*, *имѣть* достаточно старым.

Как уже было отмечено в § 2.3, для начального *jь* в рассматриваемых словоформах можно предполагать два диалектных варианта развития: превращение *jь* в гласную полного образования, способную принимать на себя ударение (отсюда *идеть*, *иметь*), и трактовка *ь* в составе этого *jь* по общему правилу о слабых редуцированных. В последнем случае получались ударения *идѣть*, *имѣть*, вполне аналогичные ударениям типа *слѣть*, *лжѣть*. Вполне вероятно, впрочем, также и аналогическое воздействие производных *пбидеть*, *пбиметь* и т. п., приводившее к замене *идѣть*, *имѣть* на *идеть*, *иметь*; но едва ли можно объяснить акцентную историю рассматриваемых презенсов одним лишь этим фактором.

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЕ ИТОГИ АНАЛИЗА СТАРОВЕЛИКОРУССКИХ АКЦЕНТНЫХ СИСТЕМ

§ 3.77. Из приведенных выше карт и комментариев к ним ясно видно, что в старовеликорусский период акцентные системы делятся в первую очередь на западные и восточные. Схематические изоглоссы, разделяющие западную и восточную зоны, образуют мощный пучок, тогда как другие изоглоссы практически не группируются в пучки. Разброс схематических изоглосс, разделяющих две зоны, существенно увеличивается в северной части территории: акцентуация памятников дальнего северо-востока имеет в ряде отношений компромиссный характер.

Табл. 6 представляет собой сводку важнейших различий между западными и восточными акцентными системами. Для наглядности сами различия показаны просто на словоформах-образцах; все подробности см. в соответствующих параграфах. Звездочкой помечены акцентовки, характерные не для всей зоны, а только для ее основной

части. Менее существенные отклонения схематических изоглосс от границ между зонами не отмечаются; см. указанные в таблице карты.

Таблица 6

Основные акцентные различия между западной и восточной зонами

	Западная зона	Восточная зона
1. Неморфологизованная дефинализация (§ 3.35, карта 3)	встречается (с большей или меньшей частотой)	отсутствует*
2. М. ед. у существительных а. п. с (§ 3.36—39, карта 4)	<i>в но́чи;</i> <i>в до́му в до́мѹ;</i> <i>в зе́млях в зе́млях</i>	<i>в но́чь*;</i> <i>в до́мѹ;</i> <i>в зе́млях*</i>
3. Соотношение И. В. ед. и И. В. мн. у neutra а. п. с и b (§ 3.40—41, карта 5)	<i>мбре—мб́ря;</i> <i>число́—числа́*</i>	<i>мбре—мо́ря;</i> <i>число́—чи́сла</i>
4. Т. мн. на -ьми в а. п. с (§ 3.44, карта 3)	<i>ко́стьми</i>	<i>ко́стьми</i>
5. Д. мн. у masculina а. п. с (§ 3.45—46, карта 6)	<i>бо́гомъ,</i> <i>му́жемъ*</i>	<i>бо́гомъ,</i> <i>му́жемъ*</i>
6. И. ед. жен. у прилагательных а. п. с и a (§ 3.52—53, карта 9)	<i>жи́ва живѣд;</i> <i>чи́ста</i>	<i>живѣд;</i> <i>чи́ста чи́ста</i>
7. «Группа <i>высѣко</i> », «группа <i>красно</i> » (§ 3.56—57, карта 10)	<i>высѣко,</i> <i>красно</i>	<i>высокод,</i> <i>краснод</i>
8. 2 мн. презенса на -ите в а. п. с (§ 3.60, карта 12)	<i>стои́те</i>	<i>стои́те</i>
9. Прощ. время у V-корневых и а-глаголов а. п. с (§ 3.63, карта 14)	<i>проба́ль*, -о*, -и*</i>	<i>проба́ль, -о, -и</i>
10. Деепричастие прош. времени у V-корневых и а-глаголов а. п. с (§ 3.64, карта 15)	<i>проба́вь</i>	<i>проба́вь проба́вь</i>
11. Нечленные формы еп-причастия в а. п. с (§ 3.66, карта 16)	<i>проце́но</i>	<i>проце́нод</i>
12. Нечленная форма И. ед. муж. п-причастия в а. п. с (§ 3.69, карта 17)	<i>проба́нъ</i>	<i>проба́нъ</i>
13. Инфинитив С-корневых глаголов а. п. с (§ 3.71, карта 18)	<i>не́сти не́сти</i>	<i>не́сти*</i>
14. Тематизация ударения в глаголах а. п. a (§ 3.73, карта 19)	встречается (с большей или меньшей частотой)	отсутствует*
15. Презенс с неслоговым корнем (§ 3.76, карта 20)	тенденция к <i>вбзметь, сбжжеть</i>	тенденция к <i>возметь, сожжеть</i>

Как можно видеть из табл. 6, в случаях расхождения между западными и восточными системами западный акцентный вариант — это почти всегда предфлексивное ударение. С исторической точки зрения западный вариант почти везде представляет собой инновацию, а именно, результат дефинализации — морфологизованной (пункты 4, 6, 7, 8, 11, 13) или неморфологизованной (пункт 1), замены энклينو-

менной акцентовки на предфлекссионную (пункты 9, 10, 12) или сдвига ударения к концу основы (пункт 14).

Соответственно, для западной зоны оказываются характерными парадигмы (или субпарадигмы — у части прилагательных и глаголов) с колонным ударением. Иначе говоря, грамматическая роль ударения здесь чрезвычайно сужена. Напротив, в восточной зоне древние акцентные противопоставления внутри парадигм, как правило, сохранены. Более того, они имеют тенденцию распространяться и на слова с первоначально неподвижным ударением, т. е. грамматическая роль ударения здесь с течением времени усиливается. Ср., например, единое ударение в парах *к нѣчи* — *в нѣчи*, *к дѣму* — *в дѣму*, *мѣре* — *мѣря* (мн.), *кѣсти* (мн.) — *кѣстьми*, *жѣва* — *жѣво*, *чѣста* — *чѣсто*, *стойшь* — *стойте*, *продати* — *проданъ* в западной зоне и акцентные оппозиции типа *к нѣчи* — *в нѣчи*, *к дѣму* — *в дѣму*, *мѣре* — *моря*, *кѣсти* — *кѣстьми*, *жива* — *живо*, *чѣста* — *чѣсто*, *стойшь* — *стойте*, *продати* — *прѣданъ* в восточной зоне. В западной модели *числѣ* — *числа* (мн.) принцип колонного ударения берет верх даже над общей тенденцией к дефинализации; ср. грамматикализованное ударение в восточной модели *числѣ* — *числа*. По характеру акцентной эволюции западная зона до некоторой степени приближается к польскому языку (где фиксация предконечного ударения свела различительную функцию ударения к нулю); но развитие зашло здесь не столь далеко. Представляется вероятным предположение, что в западной зоне ударение в целом было более слабым, чем в восточной, т. е. ударный слог не столь сильно выделялся среди безударных; ср. слабое ударение, наблюдаемое в некоторых современных северновеликорусских говорах новгородского происхождения.

Схематические изоглоссы, существенно отличные от рассмотренного пучка, малочисленны и несходны между собой. Можно отметить небольшие различия между северной и южной частями восточной зоны; так, в южной части зоны (и в центре) лучше сохраняются некоторые типы глагольных энклиноменов (модели *пѣстилъ*, *прѣдавъ*) и модель *пустилъ*, см. карты 14, 15. Между тем акцентных изоглосс, которые делили бы всю старовеликорусскую территорию на северную и южную части, не обнаружено вообще.

Глава четвертая

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ АКЦЕНТНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

§ 4.1. Выбранное в настоящей книге построение в виде трех синхронных срезов не дает возможности проследить за всем ходом эволюции каждого фрагмента акцентной системы на протяжении рассматриваемого периода (т. е. последнего тысячелетия). Но мы можем, сравнивая синхронные срезы, выявить (по крайней мере, для некоторых наиболее важных фрагментов системы) общее направление такой эволюции. Ниже рассматривается та линия эволюции, которая ведет к современной литературной акцентуации. Как видно из материала, эта линия проходит через старовеликорусские системы восточного типа (в первую очередь системы ближнего северо-востока). «Вклад» систем западного типа здесь существенно меньше. Определенную роль в формировании современной литературной акцентной системы сыграло также книжное ударение старовеликорусской эпохи.

На рассматриваемой хронологической дистанции произошло лишь одно собственно фонетическое событие — совпадение автономного и автоматического ударения (§ 3.6). Еще одно явление, имевшее, по крайней мере отчасти, фонетическую природу, — дефинализация ударения (§ 3.9—10) — было ограничено в основном лишь западной диалектной зоной и реализовалось не до конца. Все прочие изменения акцентуации обусловлены различного рода аналогическими перестройками. Основные механизмы таких перестроек — это 1) выравнивание ударения в объединяемой каким-то общим признаком группе словоформ (или фонетических слов), 2) поляризация ударения в двух противопоставленных по какому-то признаку группах словоформ.

Для восточного типа акцентной эволюции, который лежит в основе современной литературной акцентуации, характерны прежде всего перестройки, повышающие функциональную нагрузку ударения. В частности, широко представлены: а) грамматикализация ударения внутри парадигмы, т. е. формирование прямого соответствия между грамматическими оппозициями и противопоставлением по той или иной грамматической категории, например, по числу или залогу; б) семантизация ударения, т. е. перераспределение слов по акцентным группам в той или иной зависимости от их значения; в) «прагматизация» ударения, т. е. формирование акцентных различий, отражающих освоенность или неосвоенность слова (§ 1.5).

Происходили также некоторые перестройки другого типа. В частности, в отдельных звеньях морфологической системы обнаруживается акцентное перераспределение, обусловленное числом слогов основы; односложность основы способствует в таких случаях постановке ударения (при словоизменении или словообразовании) правее этой основы, неодносложность — постановке ударения на самой

этой основе (т. е. здесь как бы действует тенденция к равноудаленности ударения от начала словоформы). Далее, важным типом перестройки является унификация ударения у всех слов, содержащих определенный суффикс (см. § 4.6). Аналогичная перестройка может происходить также у слов с одинаковой финалью, т. е. суффиксоподобным исходом, не имеющим самостоятельного значения.

Следует особо упомянуть о возможности акцентного выравнивания в микрогруппах (или просто парах) тесно связанных между собой по значению (часто также и по форме) слов. Примеры. Ударения *лѣвый*, *налѣво* (вместо исторически закономерных *левбѣй*, *налѣво*) выровнены по *правѣй*, *направѣо*; заметим, что в памятниках иногда отражается и противоположное выравнивание, ср. *направо* Карг. 492, Хлын. 746, *направе* Колм. 197. Полностью унифицировалась акцентуация слов *высокий*, *широкий*, *далѣкий*, *глубокий* (§ 3.56); одинакова также акцентуация их антонимов (*низкий*, *узкий*, *близкий*, *мелкий*). Ударение *дружба*, по-видимому, выровнено по *служба* (эти слова ассоциативно тесно связаны, ср. *не в службу, а в дружбу* и т. п.). Ударения *на семь*, *на восемь* возникли под влиянием *на пять*, *на шесть*, *на девять*, *на десять*, ударения *четверо*, *семеро*, *восьмеро* (вместо *четверо*, *семеро*, *восьмеро*) — под влиянием *пятеро*, *шестеро*, *двѣятеро*, *дѣсятеро*.

Акцентная эволюция в словоизменении

§ 4.2. Прежде чем рассматривать словоизменение как таковое, необходимо отметить общую тенденцию к устранению ударения на клиниках, которая возникает как одно из следствий образования единого динамического ударения. Замены типа *воду ли* → *вбду ли*, *за воду* → *за вбду* представляют собой выравнивание ударения в совокупности фонетических слов, содержащих одну и ту же знаменательную словоформу (например, *вбду*, *воду ли*, *воду же*, *за воду*, *не за воду*, *и воду* и т. д.). То, что механизм перестройки здесь именно таков, косвенно подтверждается сохранением старого ударения в тех сочетаниях с клиниками, которые в силу семантического обособления приобрели характер единой наречной словоформы и тем самым оторвались от исходной лексемы (*набок*, *побпросто*, *разбить наголову* и т. п.). Образцом, к которому при данной перестройке приближаются бывшие энклитомы, служат ортогонические словоформы с их неотъемлемым ударением, не зависящим от фразовых контекстов, ср. *рыбу*, *рыбу ли*, *за рыбу*, *не за рыбу* и т. д. В ходе истории ранее всего утрачиваются ударения на энклитиках (кроме *ся* при глаголах) и на союзах. Ударения на предлогах сохраняются гораздо дольше. В XVI в. новое ударение (типа *за вбду*, *на дѣрево*) получило заметное распространение лишь в некоторых микросистемах западного типа (§ 3.48). В восточной зоне и в литературном языке рассматриваемая перестройка в основном совершалась позже — в XVII—XX вв.

У существительных акцентная эволюция (в восточно-великорусской зоне и в литературном языке) направлена, как согласно отмечают все исследователи вопроса, прежде всего к формированию акцентной оппозиции ед. и мн. чисел; ср. в современном языке *ста́до—стада́*, *па́рус—паруса́* и т. п. и, с обратным распределением ударения, *число́—чи́сла*, *высота́—высо́ты* и т. п. Исторический процесс формирования акцентной оппозиции чисел складывается из двух компонентов: а) акцентная поляризация И. ед. и И. мн.; б) выравнивание внутри каждой из двух числовых субпарадигм. И в том и в другом случае мы имеем дело с экстраполяцией соотношений, существовавших в некоторых фрагментах системы уже в раннедревнерусском. Изучению указанного процесса посвящены соответствующие разделы целого ряда работ (см., в частности, Кипарский 1962, Шелюто, Колесов 1972, Хазагеров 1973а, Воронцова). Здесь мы ограничимся лишь указанием основных звеньев этого процесса и соответствующих хронологических вех.

Ранее всего оппозиция чисел сложилась (в восточновеликорусской зоне) в среднем роде. Модель *море́—моря́* была здесь исконной; относительно рано сформировалась также модель *число́—чи́сла*. Позднее акцентная оппозиция чисел развивается также у большинства непроезводных слов исторической а. п. *a* (раньше всего у слова *чу́до*; примерно с начала XVII в. у слов *ме́сто*¹, *де́ло*, *ста́до*; позже у ряда других); см. § 3.40—41 и Воронцова, с. 119—122.

В *a*-склонении формирование акцентной оппозиции чисел, как показано в целом ряде работ, происходит путем конвергенции двух а. п.: *c* и *b*. Эта эволюция складывается из следующих процессов: 1) в И. ед. и И. мн., где для а. п. *c* оппозиция типа *росá—рбсы* исконна, эта модель распространяется также на а. п. *b* (например, *женá—жены́*, вместо *женá—жены́*); 2) в а. п. *c* ударение Д. ед. и В. ед. выравнивается по остальным падежам ед. числа (*росé, росú* вместо *рбсе, рбсу*), ср. исконные *женé, жену́* в а. п. *b*; кроме того, в Т. ед. *росою́* и т. п. сменяется на *росю́* (см. Акц. Мер., § 35); 3) в косвенных падежах мн. числа, где в обеих а. п. первоначальным было флексийное ударение, происходит выравнивание по И. мн. и Р. мн. (*рбс-ам, -ами, -ах, жéн-ам, -ами, -ах* вместо *рос-ám, -áми, -áх, жен-ám, -áми, -áх*).

Первый из этих процессов (*жены́ → жéны*) в основном относится к XVIII—XX вв. (причем в XVIII в. его проявления еще не очень ярки; см. Хазагеров 1973а, с. 51—57, Воронцова, с. 48—50). В старовеликорусских памятниках у слов с надежно установленной а. п. *b* новые ударения типа *жéны* встречаются чрезвычайно редко (§ 3.49). Процесс перехода от подвижного ударения во мн. числе (типа *рбсы*,

¹ В настоящей главе для единообразия как современные, так и старовеликорусские словоформы записываются в современной орфографии и с единым знаком ударения (но *ě* дается только в современных словоформах).

росáм, жéны, женáм) к колонному наосновному у подавляющего большинства слов происходит лишь в XIX—XX вв. (см. Колесов 1972, § 32, Воронцова, с. 42—46, 51—53).

В ед. числе весьма рано происходят замены типа *рбсе* → *росé* в Д. ед. а. п. с. Уже в XVI в. ударение типа *рбсе* является редкостью и ни в одной микросистеме не проведено последовательно. Даже в эту эпоху оно сохраняется (причем далеко не везде) преимущественно в составе определенных сочетаний с предлогом, в частности: *пб воде, пб горе, пб души, пб земли, пбсреде, пб стене; к вéсне, к вбде, к гбре, к зéме, к рúке, к стбрене, к стéне*. В настоящее время лишь в некоторых говорах сохранились отдельные сочетания этого типа.

В В. ед. развитие было иным. Здесь конкурировали две противоположные перестройки: 1) переход к флексионному ударению в а. п. с (*рбсу* → *росú* и т. п.), реализующий общую тенденцию к колонности в субпарадигме ед. числа; 2) расширение акцентной оппозиции И. ед. и В. ед. (отсюда инновации типа *тра́ву* вместо *травú* в а. п. б). Первый тип развития характерен прежде всего для западной зоны, второй — для восточной (при этом в южных частях зон данное различие проявляется отчетливее, чем в северных). Соответственно, в современных юго-западных говорах модель *ногá* — *нобу* сведена к минимуму (нередко вообще отсутствует), тогда как в говорах юго-востока, центра и ближнего северо-востока эта модель относительно продуктивна и охватила значительное число слов, ранее к ней не принадлежавших (см. Сологуб). Однако строгого разграничения двух тенденций по диалектным зонам все же нет; во многих микросистемах наблюдается неустойчивое состояние с колебаниями в обе стороны. В литературном языке перевешивает тенденция к колонности: с течением времени число слов, акцентуируемых по модели *ногá*—*нобу* медленно, но неуклонно сокращается (см. Воронцова, с. 36—41). В старовеликорусском примеры инноваций в В. ед. (как типа *росú*, так и типа *тра́ву*) еще сравнительно редки; основная часть таких инноваций появилась в более поздний период.

В мужском роде акцентная оппозиция чисел развилась главным образом у слов с наосновным ударением в ед. числе. Эволюция здесь состояла в изменении акцентной кривой во мн. числе слов а. п. с. Ее компонентами были: 1) замена И. В. мн. типа *дбмы* на *домь* или *домá*; 2) установление колонного флексионного ударения в косвенных падежах (в микросистемах, где первоначальная акцентовка Д. мн. и/или М. мн. была иной; § 3.45—47). Второй из этих процессов закончился в восточновеликорусской зоне с победой новых окончаний *-ам, -ами, -ах*, т. е. примерно к концу XVII в. (§ 3.49). Замены типа *дбмы* → *домь* изредка отмечаются в XVI в., несколько чаще в XVII в. (§ 3.42). Основная часть таких замен, закрепившихся в литературном языке, относится к XVIII и первой пол. XIX в. (Воронцова, с. 84—86). Гораздо более продуктивный вариант такого преобразования составляет, однако, развитие в И. мн. нового окончания *-а*. Не касаясь здесь сложного комплекса вопросов об истоках

этой инновации, отметим лишь, что ее интенсивное распространение начинается только с XIX в. Продуктивность модели с *-á* (*náрус—парусá, сорт—сортá* и т. д.) с течением времени неуклонно возрастает; как известно, в современном языке она очень велика.

У существительных мужского и женского родов реализация колонного флексийного ударения ограничена в современном литературном языке следующим морфонологическим правилом: при односложной² (в женском роде также и при многосложной) основе на мягкую согласную (но не *j*) или на шипящую и при основном ударении в ед. числе в И. мн. ударение не выравнивается по косвенным падежам мн. числа³ (И. мн. на *-ья* не в счет); ср. *кóготь, кóгтя—кóгти, когтéй; печь, пéчи—пéчи, печéй; мать, мáтери—мáтери, матерéй*. Если не считать книжного *мужéй*, нарушения этого правила (И. мн. *зверéй, когтэ́я, лаптэ́я, кровэ́я, матерэ́я* и т. д.) встречаются только в говорах и в просторечии. Крайне затруднительно указать какие-либо правдоподобные синхронические причины существования данного правила. В то же время весьма вероятно его историческая связь со сходной особенностью старовеликорусского книжного ударения, см. § 3.13, п. 4; показательно то, что рассматриваемое ограничение действует в литературном языке и не действует в просторечии.

Указанное ограничение является основной причиной сравнительно устойчивого сохранения схемы ударения *e* в современном русском склонении, а также того, что у *i-feminina* акцентная поляризация чисел может достигать законченной формы (например, *мать, мáтери—матерэ́я, матерéй*) только в просторечии, но не в литературном языке. В связи с этим в литературном языке у *i-feminina* сама тенденция к поляризации чисел оказывается несколько ослабленной (ср. Воронцова, с. 78—89).

Помимо акцентной оппозиции чисел (и даже до некоторой степени вопреки ей), в русском языке сложилась также более узкая акцентная оппозиция грамматического характера — между 1-м предложным («изъяснительным») и 2-м предложным («местным») падежами ед. числа; ср. *о снéге, заинтересован в снéге—лежит в снегу́; о пéчи—на печéй*. С исторической точки зрения мы имеем здесь дело с дифференциацией значений первоначально единого падежа, закрепленной с помощью разницы акцентовок (в мужском роде — также разницы окончаний). Иначе говоря, акцентовки, первоначально выступавшие просто как варианты, здесь грамматикализуются. Начатки этой дифференциации усматриваются в некоторых микросистемах уже в XVI в. (§ 3.36—38). Сложившись у слов исторической а. п. с, акцентное противопоставление 1-го и 2-го предложных падежей со

² Беглая гласная не в счет.

³ В нескольких случаях в сферу действия данного правила оказались втянутыми также слова с флексийным ударением в ед. числе; отсюда И. мн. *гвозди, гряди, кони, черви* (что дает редкую для masculina схему ударения *f*: *гвоздь, гвоздэ́я—гвоздэ́й*).

временем выходит за эти рамки и в настоящее время возможно у слов любой исторической а. п., а также у поздних заимствований.

Особое место в акцентной эволюции русских существительных занимает прагматический фактор. В ходе истории обнаруживаются постепенные сдвиги в сторону соотношения, характерного для современного языка (§ 1.14): нетривиальное ударение у освоенных слов, тривиальное — у неосвоенных. Можно предполагать, что такое развитие связано, с одной стороны, с тем, что уже в древнерусском среди наиболее употребительных непроизводных существительных подавляющее большинство составляли слова а. п. *с* и *б*, с другой стороны — со сложившимся в старовеликорусский период соотношением между народной и книжной акцентовками (§ 3.11—13). «Прагматизация» ударения особенно заметна у непроизводных существительных мужского рода. Нетривиальное ударение выражается здесь прежде всего в виде флексийного или подвижного ударения во мн. числе (подвижное ударение выступает там, где действует указанное выше ограничение на флексийное ударение в И. мн.). Так, в ходе истории приобрели флексийное (или подвижное) ударение во мн. числе, в частности, следующие слова исторической а. п. *а*: *вѣтер*, *дым*, *жид*, *жук*, *зять*, *камень*, *кит*, *край*, *куст*, *плуг*, *пуп*, *сыр*, *тигр*, *уголь*, *узел*, *хлеб*; *кабан*, *парус*, *язык*, *якорь*, *ястреб* (в список не включены многочисленные менее надежные примеры); в нелице-рагатурной речи новое ударение обнаруживают также *дед*, *клин*, *свят*, *медведь*, *месяц* и др. Кроме того, аналогичное акцентное развитие обнаруживает множество поздних заимствований (см. Однослож., § 21—22). С другой стороны, получили тривиальное ударение в связи со своим книжным характером или малой употребительностью, в частности, следующие слова исторических а. п. *б* и *с*: *брак* 'супружество', *вепрь*, *вопль*, *врог*, *глас*, *град* 'город', *кров*, *лик* 'сонм', *лук* (оружие), *бѣт*, *плат*, *посох*, *сан*, *страж*, *струг*, *стяг*, *тать*, *тур* (животное), *храм*. Вероятно, данный фактор сыграл определенную роль также в переходе к тривиальному ударению слов *бес*, *дух*, *змея*, *знак*, *труп*.

В ходе истории у освоенных существительных мужского рода с односложной основой произошло частичное перераспределение ударения в ед. числе по семантическому принципу, а именно: флексийное ударение у исчисляемых, наосновное — у неисчисляемых (подробнее см. § 1.15). Исходным пунктом здесь послужили количественные соотношения, представленные уже в древнерусском: в а. п. *с* и *а* статистически преобладали неисчисляемые слова, в а. п. *б* — исчисляемые. Дальнейшее развитие состоит в выравнивании ударения внутри каждой из семантических групп по наиболее частой модели и тем самым в акцентной поляризации самих этих групп. Этот процесс является относительно поздним. В XVI в. нет еще никаких его признаков. Более того, в это время еще возможны индивидуальные инновации, прямо противоречащие рассматриваемому принципу. Такова, в частности, акцентовка по а. п. *б* слов *блуд* (почти

повсеместно) и *вред* (в ряде микросистем). Окситонированный вариант встречается в этот период также у слов *гнев, зной, сад, смех, страх* («возраст» такого варианта в этих случаях менее ясен). Лишь в XVII в. появляются отдельные примеры, которые, возможно, отражают начало рассматриваемого процесса. Таким образом, перестройка ударения по семантическому принципу приходится в основном на XVIII—XX вв. За это время в соответствии с данным принципом сменили флексивное ударение ед. числа на наосновное, в частности, слова: *блуд, верх, мох* (при Р. ед. *моха*), *рай, рой, торг, хлев, час*; утратили имевшийся ранее окситонированный вариант: *бой, гнев, зной, край, кров, сад, смех, страх*; с меньшей надежностью к этим спискам можно присоединить еще *гон, дёрн, зад, пай, под, таз, тёрн* (списки в Однослож., с. 83 нуждаются в некоторых поправках). Противоположный сдвиг испытали, в частности: *гвоздь, грозд, жид, жук, кит, лист, прут, сук, чёлн, червь* (вероятно, также *аз, бич, грач, лунь, тюк, цеп, шмель, шут, язь*); утратили подвижный вариант: *плод, слон, холм*. Данный сдвиг еще не полностью завершился у слов *груздь, кий, клок, крюк, мост, пук*; за рамками нормы стоит флексивное ударение в *вор, волк, гусь, лось*. Такой же сдвиг представлен у большой группы поздних заимствований (*бант, винт, грош, штык* и т. д., см. Однослож., с. 83).

§ 4.3. У прилагательных в ходе истории произошли особенно глубокие акцентные перестройки; современная акцентуация прилагательных в большинстве случаев уже никак не связана с их древним делением на три акцентные парадигмы. Кроме того, в значительной мере разрушилась связь между акцентуацией полных и кратких форм одного и того же прилагательного (поскольку акцентные перестройки в этих подсистемах происходили в основном независимо друг от друга).

Одним из важных новшеств было то, что сформировалась зависимость ударения от прагматического фактора: прилагательные с книжной окраской (или просто малопривычные для соответствующего носителя языка), как правило, получают неподвижное наосновное ударение (во всех формах), ср. *тлённый, тлёнен, тлённа, -о, -ы* и т. п. Как и для существительных, истоки этого явления следует связывать с книжным ударением старовеликорусской эпохи (§ 3.51).

Прочие изменения у прилагательных некнижного характера таковы.

В сфере полных форм основное содержание акцентной эволюции составляет движение к следующему семантическому распределению: наосновное ударение у качественных (отчасти также у так наз. «полукачественных», § 1.56) прилагательных, флексивное у чисто относительных (последнее только в тех случаях, где этому не препятствует морфологическая структура основы). Это движение характерно в первую очередь для производных прилагательных. Так, например, в ходе истории новое ударение получили: *грёзный, грязный, свободный, страшный, тайный, честный, светлый, жаркий,*

крѣпкий, медвяный, кровавый, бредовый, дубовый, медовый, толкóвый и десятки других; с другой стороны: *личнóй, мучнóй, речнóй, ветрянóй, травянóй, холстянóй, ветровóй, дождевóй, дымовóй, лицевóй, огневóй, путевóй, числовóй* и десятки других. Из непроемных прилагательных данная перестройка захватила (в литературном языке) около трети: *ѣтхий, гóрдый, гру́бый, нелѣпый, нóвый, прѣсный, скóрый, твѣрдый, тѣсный, тóлстый, трѣзвый, цѣлый, чáстый, чѣрствый, юный, весѣлый, дебѣлый, дешѣвый, сурóвый* (и нек. др.). Указанная акцентная дифференциация, по-видимому, начала формироваться в XVI в. в центре великорусской территории (§ 3.58—59).

В сфере кратких форм происходит процесс (не завершившийся и в настоящее время, ср. § 1.16) акцентного перераспределения в зависимости от числа слогов основы: при односложной основе краткие формы получают подвижное ударение, при неодносложной — неподвижное наосновное. Первые проявления этого процесса отмечаются уже в XVI в. В восточной зоне мы находим, с одной стороны, инновации типа И. ед. жен. *чистá, полнá, долгá* при односложной основе, с другой стороны, примеры выровненного наосновного ударения (И. ед. жен. *дрѣвяна, сýрова, жѣстока* и т. п.) при неодносложной основе (§ 3.52—53).

У прилагательных с односложной основой в восточной зоне перестройка направлена к модели *жив, живá, живо, -ы* (т. е. к акцентовке по а. п. с). Тем самым расширяется круг прилагательных, у которых в сфере кратких форм ударение несет грамматическую нагрузку, а именно, форма ед. жен. противопоставляется форме ед. сред. (что особенно существенно для акающих говоров) и форме мн. числа. Прочие инновации старовеликорусского периода (например, ударения типа *светлó*) получили в дальнейшем лишь ограниченное развитие (§ 3.54).

В XVIII—XIX вв. модель *жив, живá, живо, -ы* распространяется уже практически на все общеупотребительные прилагательные исторической а. п. а и значительную часть из исторической а. п. б (из этой последней старое ударение несколько лучше прочих слов сохраняют цветообозначения). Новейшим преобразованием этой обобщившейся модели является движение в сторону флексивного ударения во мн. числе (в некоторых случаях также в ед. сред.). По-видимому, мы имеем здесь дело с акцентной поляризацией кратких и полных форм (§ 1.16). Таким образом, протекавшая в XVI—XX вв. грамматикализация ударения по схеме, где краткая форма ед. жен. противопоставлена остальным кратким формам, сменяется теперь грамматикализацией по более обобщенной схеме (краткие формы — полные формы).

§ 4.4. У глаголов основные изменения таковы. В презенсе а. п. с ударение формы 1 ед. выравнивалось по прочим формам: *несú, принесú, кричú, закричú* и т. д. вместо *несу, принесу, кричу, закричу*. Этот переход начался не позднее XIV в., а в XVI в. в большинстве

говоров был уже закончен (§ 3.61; о возможных реликтах начального ударения в современных говорах см. Бромлей 1978). Аналогично форме 1 ед. развивалось деепричастие презенса (§ 3.62). Переход к колонному ударению захватил также форму 2 мн.: *несёте, кричите*, вместо *несетё, кричитё*. Эта инновация зародилась в западной зоне: уже в первой пол. XVI в. новое ударение здесь господствует. В дальнейшем новое ударение побеждает также и в восточной зоне (кроме дальнего северо-востока); при этом в I спряжении оно распространяется быстрее, чем во II-м (§ 3.60).

В презенсе а. п. *b* древняя акцентная кривая (*ношú, нбс-ишь, -ит, -им, -ите, -ят*) сохраняется; выравнивание, дающее *нбшу* (или *нбсю*), известно лишь в качестве диалектного варианта развития, представленного в небольшой части говоров.

Таким образом, хотя исконный тройственный характер акцентного противопоставления в презенсе сохранился, один из членов (древняя а. п. *c*) изменил свое конкретное содержание: маргинально-подвижное ударение сменилось флексийным.

В системе прош. времени и инфинитива акцентная эволюция определяется следующими основными тенденциями.

1. Установление колонного ударения во всей совокупности форм активного залога, входящих в эту систему, например: *пустýти, пустýл, -а, -о, -и, пустýв, -ши, -ший*. Практически это означает замену подвижного ударения на предфлексийное у глаголов а. п. *c*, т. е. переход этих глаголов к такой же акцентовке (в данной группе форм), что и в а. п. *b*. Эта тенденция действовала повсеместно; диалектные различия касались лишь степени ее интенсивности (§ 3.63—64). В XVII в. в центре и на северо-востоке было достигнуто состояние, которое можно схематически представить так: *пустýл, -а* (*i*- и *пр*-глаголы), *сббрал* (изредка *сббрáл*), *сббралá* (*a*-глаголы), *прбрал, продалá* (*V*-корневые глаголы). Современная литературная норма лишь ненамного более продвинута: *пустýл, -а, сббрáл, сббралá, прбрал* (но также *прбрáл*), *прдалá*; за рамками литературной нормы стоят характерные для западных говоров *сббрáла, продáла*.

2. Установление колонного ударения во всей совокупности форм страдательного причастия прош. времени. Данная тенденция действовала повсеместно; но при этом для восточной зоны характерно выравнивание типа *сббран, -а, -о, -ы, сббранный*, для западной — типа *сббрáн, -а, -о, -ы, сббрáнный* (§ 3.66—70).

3. Формирование в системе прош. времени и инфинитива акцентной оппозиции активных и пассивных форм, например: *прочитáл, -а, -о, -и — прочítан, -а, -о, -ы; пустýл, -а, -о, -и — пýщен, -а, -о, -ы*. Эта тенденция характерна в основном для восточной зоны; но некоторые ее проявления известны и в западной зоне. Первоначальной базой для ее развития послужили акцентные отношения, представленные в раннедревнерусском в а. п. *b* у *a*-глаголов (*писáл — пýсан*) и *i*-глаголов (*давýл — дáвлен*). В ходе истории в восточной зоне

сфера действия данной тенденции непрерывно расширяется. Сдвиг ударения влево в страдательном причастии постепенно распространяется на *aj*-глаголы (например, *раскóпан*, *побýван*), *ova*-глаголы (*воéван*), *ě*-глаголы на *-ати* (*дёржан*), *V*-корневые глаголы а. п. *a* на *-ати* (*пóзнан*), *i*-глаголы а. п. *c* (*пýщен*), *C*-корневые глаголы а. п. *c* (*привéден*), *пo*-глаголы (*сбóжнут*, *помянут*), *V*-корневые глаголы а. п. *b* на *-олоти* (*раскóлот*); см. § 3.68, 70. Кроме того, у *a*-глаголов а. п. *c* энклиноменные формы причастий (*сбóбран*, *пóрван*, *прýзван* и т. п.) переосмысляются как имеющие сдвиг ударения на слог влево по сравнению с инфинитивом; это приводит к замене *отóбран*, *пóдóбран*, *пéррван* и т. п. на *отбóбран*, *подбóбран*, *перéрван* (и, кроме того, к замене *собранá*, *порванá* и т. д. на *сбрана*, *пóрвана*).

Понятно, что указанные три тенденции вполне согласуются между собой: выработка колонного ударения в каждом из залогов позволяет достичь максимально последовательной акцентной оппозиции этих залогов.

В ходе истории произошли также значительные сдвиги в распределении глаголов по акцентным парадигмам. В наибольшей степени это касается *i*-глаголов: исконное распределение глаголов на *-йти* между а. п. *b* и *c* постепенно (начиная с XVI в.) сменяется здесь новым, основанным на иерархии факторов стилистического, морфологического и семантического характера (§ 1.17, 3.74—75). В этом перераспределении участвуют также *ě*-глаголы. Следует признать, что движущие силы данной перестройки остаются пока еще недостаточно ясными. Т. Г. Хазагеров связывает экспансию модели *пýстит* с усилением акцентной оппозиции чисел в 1-м лице: *пуцý*—*пýстит* (Хазагеров 1973а, с. 127); но это не объясняет экспансии данной модели именно во II спряжении, но не в I-м (не говоря уже о том, что нет никаких признаков развития акцентной оппозиции чисел во 2-м и 3-м лицах). В. Л. Воронцова источник модели *пýстит* видит в том, что 2 мн. презенса типа *пустíte* заменяется на *пýстите* во избежание омонимии с императивом *пустíte* (Воронцова, с. 235). Этому предположению противоречит, однако, тот факт, что в восточно-великорусской зоне инновации типа *пýстит* появляются в целом раньше, чем ударение *-íte* вместо *-итé*; но особенно существенно то, что модель *пýстит* прекрасно развилась (даже сильнее, чем в русском) в белорусском и украинском языках, где вообще не было замены *-итé* на *-íte*. В любом случае необходимо учитывать, что у *i*-глаголов происходила не просто экспансия модели *пýстит*, а перераспределение, включавшее сдвиги в обе стороны (§ 3.74—75). Можно предполагать, что важную роль здесь сыграло постепенное объединение акцентных кривых а. п. *c* и *b* в системе прош. времени (ср. выше). Тем самым у *i*-глаголов различие между а. п. *b* и *c* в презенсе потеряло поддержку в остальной части парадигмы, т. е. сложились благоприятные условия для расшатывания прежнего распределения и выравняваний по новым основаниям.

В I спряжении акцентные перераспределения фиксируются в основ-

ном у *пг*-глаголов и глаголов с неслоговым корнем. У *пг*-глаголов а. п. *b* с согласной перед *-ну-* развилось колонное ударение во всех формах активного залога. При этом произошла семантическая дифференциация: у глаголов состояния обобщилось ударение на корне (например, *воскрэ́снутъ*, *дб́хнутъ*, *сдб́хнутъ*), у глаголов однократного действия — послекорневое (например, *повер-нѹтъ*, *-нѹ*, *-нѣтъ*, *дох-нѹтъ*, *-нѹ*, *-нѣтъ*); см. Глаг. акц., § 58. Смежно-подвижное ударение представлено сейчас только у нескольких глаголов с гласной перед *-ну-*: *тонѹтъ* (историческая а. п. *b*), *обманѹтъ*, *помянѹтъ*, *минѹтъ* (историческая а. п. *c*). Корневые и *a*-глаголы с неслововым корнем в подавляющем большинстве случаев получили в презенсе флексийное ударение (§ 3.76).

§ 4.5. В итоге описанных изменений древнерусская система из трех акцентных парадигм трансформировалась в современном языке в четырехчленную систему акцентных типов (§ 1.10). Диахроническое соотношение между этими двумя системами достаточно сложно. В упрощенной форме оно представлено в табл. 7. Акцентные типы обозначены в таблице так: Т — тривиальный, Ф — флексийный,

Таблица 7

Диахронические соответствия между древнерусскими акцентными парадигмами и современными акцентными типами

			Древнерусские акцентные парадигмы		
			<i>a</i>	<i>b</i>	<i>c</i>
Существительные	masculina		Т*	Ф*	М*
	neutra		М* (производные Т)	С (производные Ф)	М
	<i>a</i> -feminina		Т	С*	М/С (производные С)
	<i>i</i> -feminina		Т*	—	М (производные М/Т)
Глаголы	Презенс	I спряж.	Т	С (<i>пг</i> -глаголы Ф/Т; глаголы с неслововым корнем Ф)	Ф
		II спряж.	Т*	С/Ф	С/Ф
	Прош. время		Т	Ф (бывает только у <i>С</i> -корневых глаголов)	Т (<i>a</i> -глаголы С; <i>V</i> -корневые глаголы М/С)

С — смежно-подвижный, М — маргинально-подвижный. Звездочка показывает, что от указанного в таблице соответствия есть заметное число отклонений. Запись типа М/С означает, что здесь имеется два возможных соответствия, причем оба представлены достаточно часто. У глаголов диахронические соответствия показаны по отдельности для каждой из двух субпарадигм. Прилагательные в таблицу не включены, поскольку, как уже указано, их нынешнее акцентное распределение лишь в малой степени связано с древним.

Акцентная эволюция в словообразовании

§ 4.6. Основное направление акцентной эволюции в русском словообразовании — это, в терминах В. А. Дыбо, «переход от парадигматического акцента к категориальному», т. е. переход от системы, где ударение производного слова зависит от акцентной парадигмы производящего, к системе, где ударение производного определяется только его принадлежностью к некоторой морфологической категории слов (в частном случае — к совокупности слов с определенным аффиксом).

Механизм изменения состоит здесь в акцентном выравнивании в рамках совокупности слов определенной морфологической структуры. За рассматриваемый период разные суффиксы успели продвинуться в такой эволюции в разной степени. Начальный шаг эволюции — эффект Min (§ 2.7), т. е. акцентное уподобление производных от слов а. п. *b* производным от слов а. п. *c*. Этот эффект начал развиваться уже в древнерусском (особенно у правоударных суффиксов), см. § 3.8. Для современного языка тождество ударения у производных от слов исторических а. п. *b* и *c* стало нормой; исконное нетождество сохраняется лишь в особых случаях (при так наз. эффектах Marg и Triv, § 1.34).

Дальнейшее продвижение состоит в том, что по своему акцентному эффекту в словообразовании к словам исторических а. п. *b* и *c* присоединяются некоторые слова а. п. *a*. Таковы прежде всего те из них, которые входят в особые группы, указанные в § 1.30, А 2 и В; отсюда новые ударения *резной*, *хвастливый*, *рачийшка*, *якорёк* и т. п. В современном языке для освоенных производных с самоударными и правоударными суффиксами эта особенность стала нормой (§ 1.33).

Далее, к указанным особым группам могут присоединиться все слова исторической а. п. *a* с односложной основой. Эта особенность обозначается как Monosyll (§ 1.34); она представлена, например, у суффиксов *-лив-*, *-арь* (отыменного), *-ец* (не уменьшительного); ср. исторически новые ударения типа *драчливый*, *пушкарь*, *рыбёц*.

Если, наконец, выравнивание захватывает все вообще производные от а. п. *a*, суффикс становится доминантным. В части случаев в качестве исключений сохраняются еще небольшие группы слов со старым ударением, как, например, *милостивый*, *чистильщик*, *мнбжитель* среди слов с суффиксом *-ив-* или с морфом *-и-* в составе

последовательностей *-и-л-*, *-и-тель*; см. также § 1.65 о суффиксе *-ова-ть*, § 1.69 о суффиксе *-ян-е*. Большое число суффиксов прошло эту эволюцию до конца, т. е. достигло чистой доминантности, например: *-ят-а*, *-ат-*, *-оват-*, *-ит-*, *-аст-*. Заметим, что среди таких суффиксов много заимствованных (§ 1.41—43): они с большой быстротой подчинялись господствующей тенденции.

Движение суффиксов в сторону доминантности столкнулось, однако, со следующим особым обстоятельством. Именные приставочно-корневые комплексы (*проказ-*, *навбз-*, *охбт-*, *бесчест-* и т. п.), получившие ударение на корне (§ 2.26, модель *потоп*), сохраняют это ударение при дальнейшем словопроизводстве с повышенной устойчивостью. Например, в составе отменных *i*-глаголов ряд корней с древней маркировкой ↓ со временем утрачивает ударение (ср. *язвить*, *умалить* и др.), но с именными приставочно-корневыми комплексами этого никогда не происходит (ср. *проказить*, *унавбзить*, *охбтиться*, *бесчестить* и т. п.). По-видимому, эта особенность складывается как средство дифференциации именных и глагольных приставочно-корневых комплексов. В самом деле, глагольные комплексы такого рода чрезвычайно часто бывают безударными (ср. *проказить*, *навозить*, *захотеть* и т. п.); в противоположность этому за именными комплексами закрепляется неподвижное корневое ударение, обладающее повышенной устойчивостью. Понятно, что это явление составило препятствие для всеобщей эволюции суффиксов в сторону доминантности. Например, в старовеликорусском суффикс вторичных имперфективов *-а-ти* интенсивно развивался в сторону доминантности (§ 3.73). Но при образовании вторичного имперфектива, скажем, от глагола *обесчестити* возникала конфликтная ситуация: ударение *обесчестити* не соответствовало бы движению суффикса *-а-ти* к доминантности, ударение *обесчещати* нарушало бы принцип корневого ударения в именных приставочно-корневых комплексах. Конфликты этого рода были разрешены в истории русского языка тем, что производные этой категории стали просто избегаться. Вместо них использовались синонимичные им производные, содержащие такие суффиксы, которые не обнаруживали столь сильного движения к доминантности; например, в данном случае вместо *обесчещати* использовалось *обесчещивати*. Со временем этот принцип превратился в устойчивое синхроническое правило (§ 1.31). Таким образом, для русского языка сохранение какого-то числа недоминантных суффиксов оказалось необходимым.

Акцентное обособление именных приставочно-корневых комплексов сделало актуальным для акцентологии разделение суффиксов на первичные (с исторической точки зрения отглагольные или универсальные) и вторичные (с исторической точки зрения отыменные); см. § 1.25. Вторичные суффиксы, даже если они в ходе истории были переосмыслены и с семантической точки зрения стали отглагольными (как, например, *-чив-* в *забывчивый*, *-к-а* в *выставка* и т. п.), с акцентологической точки зрения ведут себя так, как если бы они

присоединялись к именным приставочно-корневым комплексам (*забыве-*, *выстав-* и т. п.). Только в одном случае это противоречие между семантикой и морфонологией со временем было частично устранено: исторически отыменный суффикс *-н-* постепенно переходит из категории вторичных в категорию первичных. Это выражается в том, что при отглагольном (с семантической точки зрения) словообразовании ударения типа *исходный*, *обводный*, *зажимный* во все большей степени уступают место ударениям типа *входной*, *обводной*, *зажимной* (§ 1.60); первые примеры такого сдвига относятся к XVII в.

В словообразовании, как и в словоизменении, заметную роль в акцентной эволюции сыграл прагматический фактор. Основной принцип состоит здесь в том, что при неосвоенности производного слова оно получает ударение, грубо говоря, совпадающее с ударением исходного слова. Технически этот принцип воплощается в правиле о словах с так наз. промежуточным по силе базовым компонентом (§ 1.33) и в эффекте Triv (§ 1.34), наблюдающемся у неосвоенных слов с определенными суффиксами (прежде всего *-н-* и *-ов-*).

Существенным элементом акцентной эволюции многих суффиксов было «расщепление» совокупности слов с данным суффиксом на группы, различающиеся семантически или по характеру деривации. Дальнейшее развитие характеризовалось акцентным выравниванием внутри каждой из групп и акцентной поляризацией групп между собой. Примеры (из современного языка): *-ушк-а* ← (ласкательно-почтительное) и *-ушк-а* ↓ D (ласкательно-пренебрежительное, а также неласкательное); *-н-я* → D (собирательное и в именах действия) и *-н-я* → (в прочих случаях); *-арь* → (отыменное) и *-арь* ← (отглагольное); *-от-а* → D (отадъективное) и *-от-а* ↓ (отглагольное). При расщеплениях такого рода нередко обнаруживается влияние близких по значению суффиксов друг на друга. Так, большой ряд адъективных суффиксов при качественном значении получил маркировки, обеспечивающие наосновное ударение в полных формах (§ 1.56); напротив, при чисто относительном значении суффиксы *-н-* и *-ов-* получили маркировки, ведущие к флексионному ударению. Другой пример: акцентное единообразие отадъективных имен качества с суффиксами *-ин-а*, *-изн-а*, *-от-а*, *-ев-а*; ср. *глубинá*, *белизнá*, *чернотá*, *синевá*.

Рассмотрим также коротко (отвлекаясь от вопроса о доминантности) соотношение между древними маркировками ↓, → и — и современными ↓, → и ← у суффиксов. У безгласных (по современному счету) суффиксов древние маркировки ↓ и — обычно превращаются в ←; древнее → дает → или ← (без четких правил). У суффиксов, содержащих гласную, древние маркировки ↓ и → обычно сохраняются (но суффиксы *-еж* и *-ич* сменили древнее ↓ на →). Суффиксы с пометой Re (например, уменьшительное *-ик* → Re, *-ость* — Re) получают на современном уровне ←. Наиболее пеструю картину дают бывшие минусовые суффиксы (содержащие гласную):

-иѵ-о ←, -ом- ↓, -ав- ↓ D, -ов ↓ Triv, -от-а ↓ и → D (ср. выше); сложному расщеплению подверглись суффиксы -н- (§ 1.57), -ов- (§ 1.61), -ян- (§ 1.64), -и- (§ 1.41, 66), -ян-е (§ 1.69). Часть бывших минусовых суффиксов до сих пор не полностью вписалась в современную акцентную систему; так, в частности, у -н-, -ов-, а также у -ск- в определенных случаях выступает реликтовый эффект Marg.

Эффекты Polysyll и Deox, развившиеся у нескольких суффиксов, в большинстве случаев отражают тенденцию к частичному выравниванию ударения по счету от начала у слов с одним и тем же суффиксом. Особый вид усложнения первоначальных акцентных правил составляет развитие производных, где с акцентологической точки зрения суффикс не прямо добавляется к базовому компоненту, а замещает другой суффикс в уже готовом производном (§ 1.38).

В приставочном словообразовании и в словосложении акцентные правила в целом мало изменились по сравнению с древнерусским. Приставки *су-* и *пра-* (древнее ↓) в большей части случаев уподобились обычным приставкам, ср. новые ударения типа *супостѣт*, *прабабушка*. Приставка *вы-* прошла эволюцию от постоянной ударности к нынешнему сложному распределению, основанному на различии именных и глагольных приставочно-корневых комплексов и противопоставлении совершенного и несовершенного видов (§ 1.28 Б); о ходе этой эволюции см. Глаг. акц., § 59. О развитии акцентных моделей *засуха* и *окуп* см. § 2.26—27.

Эволюция акцентной системы в целом

§ 4.7. У дальних истоков рассматриваемой эволюции (относящихся к раннему балтославянскому уровню), как можно предполагать, стоит весьма простая система, где все морфемы делились на два просодических класса («плюсовый» и «минусовый») и ударение в фонетическом слове падало на первую плюсовую морфему (при отсутствии таковых — на начальную морфему); см. Дыбо 1973, с. 10, 1981, с. 261.

На последующих этапах происходит ряд просодических изменений собственно фонетического характера, в результате чего как акцентная классификация морфем, так и правило о месте ударения существенно усложняется. На раннедревнерусской стадии этого процесса морфемы делятся уже на классы ↓, → и —. Дополнительным усложнением является существование эффектов Re и Min и операции перемаркировки. Базисное правило о месте ударения еще сравнительно просто (§ 2.8). Словоформы, состоящие из одних лишь минусовых морфем, отличаются от прочих особым статусом фонологической безударности.

Утрата различия между фонологически безударными и начальнo-ударными словоформами приводит к системе, где из просодических оппозиций возможна только разница в месте ударения.

В словоизменении в ходе истории процессы акцентного выравнивания и поляризации, определяемые грамматическим, семантическим и прагматическим факторами, превратили древнерусскую систему из трех акцентных парадигм в новую систему из четырех акцентных типов. При этом разрушился первоначальный принцип, по которому в каждом морфологическом классе слов каждая акцентная парадигма могла быть представлена только одной акцентной кривой (схемой ударения). В подвижных акцентных типах представлено по нескольку схем ударения в рамках одного морфологического класса (табл. 1): эти схемы отражают разные стадии перестройки одной и той же первоначальной акцентной кривой.

В словообразовании процессы выравнивания привели к ломке древней зависимости ударения производных от акцентной парадигмы производящего слова. Значительная часть суффиксов приобрела доминантность. Но даже и при тех суффиксах, которые не стали доминантными, акцентуация производных от слов исторических а. п. *b* и *c* в подавляющем большинстве случаев совпала. Поэтому, с точки зрения современного словообразования, основам слов этих двух а. п. соответствует уже единое понятие слабого базового компонента (в отличие от сильного базового компонента, соответствующего, грубо говоря, основе слова исторической а. п. *a*). Это значит, в частности, что для словообразования в нормальном случае утратилась разница между древними маркировками → и — при корне.

Сильные базовые компоненты расщепились на две группы: 1) именные приставочно-корневые комплексы сохранили постоянное ударение на корне (что привело к их несоединимости с доминантными суффиксами); 2) прочие сильные базовые компоненты при соединении с доминантными суффиксами передают им ударение. Соответственно, базовые компоненты первой группы должны быть квалифицированы как доминантные, второй — как недоминантные.

С появлением доминантных суффиксов число акцентных классов у суффиксов удвоилось. Вдобавок, акцентное разнообразие суффиксов увеличилось за счет того, что у части из них развились особые акцентные эффекты (*Monosyll*, *Polysyll* и др.).

В результате всех указанных изменений свойственное древнерусскому языку единство акцентологических механизмов словоизменения и словообразования в значительной мере разрушилось. Для словоизменения актуально различие четырех акцентных типов (и далее, различие схем ударения внутри подвижных типов), для словообразования — различие трех классов базовых компонентов, из которых два (сильные и сильные доминантные) соответствуют одному и тому же акцентному типу (тривиальному), а третий — трем остальным. Далее, набор акцентных классов у корней — совсем не тот, что у суффиксов. Базисное правило о месте ударения, которое давало бы хороший результат одновременно для словоизменения и словообразования, в современном языке было бы столь сложным,

что, с нашей точки зрения, его конструирование нецелесообразно (правило, предлагаемое в Гард 1978, достаточно просто и в общем сходно с древнерусским, если не считать вопроса о доминантности суффиксов, но оно хорошо обслуживает только относительно консервативные части акцентной системы; мощные пласты инноваций оказываются в роли исключений).

В целом акцентная система современного русского литературного языка сильно усложнилась по сравнению с древнерусской. Она продвинулась (хотя пока еще не слишком далеко) в сторону типологически иной системы, которая в идеале должна обладать следующими свойствами: акцентуация непроеизводных слов определяется их грамматическими, семантическими и прагматическими характеристиками; внутри словоизменительной парадигмы ударение подчинено грамматическим оппозициям; в суффиксальном словообразовании ударение производного определяется только акцентной характеристикой суффикса (которая может быть различной при разных значениях суффикса). Последний пункт, впрочем, для русского языка не может быть реализован полностью (§ 1.31): в нем сложилась такая ситуация, при которой наряду с доминантными суффиксами с необходимостью сохраняется некоторое количество недоминантных.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Авв. — два автографа протопопа Аввакума (см. § 3.31).
 АГ-52 — Грамматика русского языка, т. I. М., 1952.
 АГ-70 — Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
 АГ-80 — Русская грамматика. М., 1980.
 Аксенова 1982 — *Аксенова Е. А.* Акцентная система северо-восточной русской рукописи конца XVI века (диахронический и синхронический анализ). Канд. дис. М., 1982.
 Акц. Мер. — *Зализняк А. А.* Акцентологическая система древнерусской рукописи XIV века «Мерило Праведное». — В кн.: Славянское и балканское языкознание. История литературных языков и письменность. М., 1979.
 Амф. — Святцы с воследованием. Коломна, 1574 г. — ГБЛ, ф. 7, № 27 (см. § 3.27).
 АО — Русское литературное произношение и ударение. Словарь-справочник. Под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. М., 1959.
 Ап. — Апостол. М., 1564.
 Атлас Запад, Атлас Север, Атлас Юг, Атлас сводный — диалектологические атласы, составленные и хранящиеся в Институте русского языка АН СССР (соответственно: «Атлас русских говоров центральных областей к западу [к северу, к югу] от Москвы», «Диалектологический атлас русского языка»);
 БАН — Библиотека Академии наук СССР в Ленинграде.
 БАС — Словарь современного русского литературного языка, т. 1—17. М.—Л., 1950—1965.
 Бер. — Лексикон словенороський Памви Беринди. Київ, 1961.
 Биб. — Библия, XVI в. — ГИМ. Синод. 30 (1-й почерк) (см. § 3.30).
 Библ. — 2-й почерк рукописи Биб. (см. § 3.28).
 Брике — *Briquet C. M.* Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier. Genève, 1907.

- Брок 1900 — *Брок О.* Угрюморское наречие села Убли. — В кн.: Исследования по русскому языку, т. II, вып. 1. СПб., 1900.
- Брок 1907 — *Брок О.* Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. — Сб. ОРЯС, 1907, т. 83.
- Брок 1916 — *Брок О.* Говоры к западу от Мосальска. Пг., 1916.
- Бромлей 1976 — *Бромлей С. В.* Форма 2-го лица множественного числа изъявительного наклонения в русских говорах северо-восточной диалектной зоны. — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас 1974. М., 1976.
- Бромлей 1977 — *Бромлей С. В.* О взаимодействии форм изъявительного и повелительного наклонений в восточнославянских языковых системах. — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас 1975. М., 1977.
- Бромлей 1978 — *Бромлей С. В.* О следах общеславянской *s*-парадигмы в акцентной системе русского глагола (по материалам говоров). — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас 1976. М., 1978.
- Бук. — Буковница, 1592 г. — ГБЛ, ф. 173, № 35 (см. § 3.30).
- Булаховский 1947 — *Булаховський Л. А.* Східнослов'янські мови як джерело відбудування спільнослов'янської акцентологічної системи. — Мовознавство, т. IV—V, 1947.
- Булаховский 1961 — *Булаховский Л. А.* Отражения так называемой новоакцентовой интонации древнейшего славянского языка в восточнославянских. — В кн.: Исследования по лексикологии и грамматике русского языка. М., 1961.
- Васильев — *Васильев Л. Л.* О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII вв. К вопросу о произношении звука *o* в великорусском наречии. Л., 1929.
- Вас. ис. — Псалтирь, XVI в. — ГПБ, Ф.1.7 (см. § 3.22).
- Вас. сб. — Сборник, XVI в. — ГПБ, Соф. 1460 (см. § 3.22).
- Вед. — Ведомости времени Петра Великого, вып. I—II. М., 1903—1906.
- Вер. — Сборник, XVI в., Верея. — ГПБ, Ф.11.255 (см. § 3.32).
- Воронцова — *Ворошиова В. Л.* Русское литературное ударение XVIII—XX вв. Формы словоизменения. М., 1979.
- Гард 1974 — *Гард П.* К истории восточнославянских гласных среднего подъема. — ВЯ, 1974, № 3.
- Гард 1976 — *Garde P.* Histoire de l'accentuation slave, t. 1. Paris, 1976.
- Гард 1978 — *Garde P.* Modèle de description de l'accent russe. — Bulletin de la Société de Linguistique de Paris, t. 73 (1978).
- ГБЛ — Государственная библиотека им. В. И. Ленина в Москве.
- ГИМ — Государственный исторический музей в Москве.
- Глаг. акц. — *Зализняк А. А.* Глагольная акцентуация в южновеликорусской рукописи XVI в. — В кн.: Славянское и балканское языковедение. Проблемы морфонологии. М., 1981.
- Горск. Нев. — *Горский А. В.* и *Невострюев К. И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, отд. 1—3, М., 1855—1917.
- ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.
- Грамм. — *Зализняк А. А.* Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1977.
- Гринченко — *Гринченко Б. Д.* Словарь украинского языка, т. 1—4. Киев, 1907—1909.
- Грот — *Грот Я. К.* О глаголах с подвижным ударением. — В кн.: Труды, т. 2. Филол. разыскания. СПб., 1899.
- ДАБМ — Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963.
- Дан. — Сборник, 1543 г. — ГБЛ, ф. 113, № 490 (см. § 3.26).
- Джемс — Записи Р. Джемса, сделанные в 1618—19 гг. в Колмогорах (см. § 3.31).
- Диал. член. — *Захарова К. Ф., Орлова В. Г.* Диалектное членение русского языка. М., 1970.
- Дом. — Домострой, XVI—XVII вв. — ГПБ, Q.XVII (см. § 3.28).
- Дорог. — Сборник. Дорогобужский уезд, 1626 г. — ГИМ, Барсов 1280 (см. § 3.26).

- Дос. — Синайский патерик, 2-я четв. XVI в. — ГИМ, Увар. 883 (см. § 3.26).
- Дыбо 1962 — Дыбо В. А. О реконструкции ударения в праславянском глаголе. — В кн.: Вопросы славянского языкознания, вып. 6. М., 1962.
- Дыбо 1968 — Дыбо В. А. Акцентология и словообразование в славянском. — В кн.: Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов (Прага, август 1968). Докл. сов. делегации. М., 1968.
- Дыбо 1969 — Дыбо В. А. Древнерусские тексты как источник для реконструкции праславянского ударения (Praesens). — ВЯ, 1969, № 6.
- Дыбо 1970 — Дыбо В. А. Фрагмент праславянской акцентной системы (Ударение прилагательных с суффиксом *-ъk-*). — Сов. славяноведение, 1970, № 5.
- Дыбо 1972а — Дыбо В. А. Реконструкция ударения *l*-причастия от глаголов на *-r-* и *-i-* в праславянском. — В кн.: Исследования по сербохорватскому языку. М., 1972.
- Дыбо 1972б — Дыбо В. А. Акцентные типы презенса глаголов с *ъ*, *ь* в корне в праславянском. — ВЯ, 1972, № 4.
- Дыбо 1973 — Дыбо В. А. Балтославянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента. — В кн.: Кузнецовские чтения 1973. История славянских языков и письменности. М., 1973.
- Дыбо 1981 — Дыбо В. А. Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981.
- Дыбо 1982 — Дыбо В. А. Праславянское распределение акцентных типов в презенсе тематических глаголов с корнями на нешумные (материалы к реконструкции). — В кн.: Балтославянские исследования 1981. М., 1982.
- Ев. — Евангелие, XV—XVI вв. — ГБЛ, ф. 113, № 39 (см. § 3.31).
- Ег. — Евангелие, XV—XVI вв. — ГБЛ, ф. 98, № 20 (см. § 3.22).
- Егор. — Евангелие учительное, 2-я четв. XVI в. — ГБЛ, ф. 98, № 80 (см. § 3.24).
- Жит. — Сборник житий, 2-я четв. XVI в. — ГБЛ, ф. 173, № 57 (см. § 3.26).
- Зап. — Записная книжка монаха, XVI—XVII вв. — ГПБ, Q.XVII.67 (см. § 3.32).
- Земская — Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.
- Изв. ОРЯС — Известия отделения русского языка и словесности, СПб.
- Ик. — Иконописный подлинник, посл. четв. XVI в. — ГБЛ, ф. 209, № 409 (см. § 3.28).
- Иллич-Свитыч — Иллич-Свитыч В. М. Именная акцентуация в балтийском и славянском. М., 1963.
- Ион. — Маргарит Иоанна Златоуста, 1530 г. — ГБЛ, ф. 256, № 195 (см. § 3.30).
- Карг. — Василия Великого о постничестве, 1556 г. — ГБЛ, ф. 304, № 133 (см. § 3.31).
- Кипарский 1962 — Kiparsky V. Der Wortakzent der russischen Schriftsprache. Heidelberg, 1962.
- Кипарский 1963 — Kiparsky V. Russische historische Grammatik, Bd. I. Heidelberg, 1963.
- Кипарский—Халле 1977 — Kiparsky P., Halle M. Towards a Reconstruction of the Indo-European Accent. — In: Studies in Stress and Accent (Southern California Occasional Papers in Linguistics, 4). Ed. L. Hyman. Los Angeles, 1977.
- Кир. — Сборник. Кириллов монастырь, 1612 г. — ГБЛ, ф. 209, № 327 (1-й почерк) (см. § 3.30).
- Кирил. — 2-й почерк рукописи Кир. (см. § 3.30).
- Клон. — Сборник житий, кон. XVI в. — ГБЛ, ф. 209, № 271 (см. § 3.31).
- Клосс 1980 — Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980.
- Колесов 1965 — Колесов В. В. Об одной древнерусской диалектной системе ударения. — Вестн. ЛГУ, 1965, № 8.
- Колесов 1969 — Колесов В. В. Ударение neutra **o*-основ в древнерусском языке. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1969, т. XXVIII, вып. 1.

- Колесов 1972 — *Колесов В. В.* История русского ударения. Именная акцентуация в древнерусском языке. Л., 1972.
- Колесов 1973а — *Колесов В. В.* Знаки ударения и надстрочные знаки в русских рукописях XIV—XV вв. — В кн.: Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, вып. I. М., 1973.
- Колесов 1973б — *Колесов В. В.* Надстрочные знаки «силы» в русской орфографической традиции. — В кн.: Восточнославянские языки. Источники для их изучения. М., 1973.
- Колесов 1974 — *Колесов В. В.* Просодические диалектные признаки в истории русского языка. — ВЯ, 1974, № 1.
- Колесов 1978а — *Колесов В. В.* Ударение суффиксальных прилагательных в древнерусском языке. — *Slavia Orientalis*, rocz. XXVII, № 2. Warszawa, 1978.
- Колесов 1978б — *Колесов В. В.* Очерки по русской исторической акцентологии. (*Acta Universitatis Szegediensis de Attila József nominatae. Supplementum*). Szeged, 1978.
- Колм. — Космография Герарда Меркатора. Колмогоры, 1670 г. (см. § 3.31).
- Корн. — Василия Великого о постничестве, 1543 г. — ГИМ, Увар. 255 (см. § 3.31).
- Косм. — Космография Мартина Бельского, посл. четв. XVI в. — ГБЛ, ф. 152, № 2 (см. § 3.28).
- Костр. — Слова Аввы Дорофея, Кострома, 1628 г.; в рукописи ГБЛ, ф. 138, № 25 (см. § 3.30).
- Курилович 1946 — *Курилович Е.* Система русского ударения. — В кн.: Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962, с. 436—444.
- Лауцявичюс — *Laucevičius E.* Popierius Lietuvoje XV—XVIII a. Vilnius, 1967.
- Леонид — *Леонид, архим.* Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания А. С. Уварова, ч. I—IV. М., 1893—1894.
- Лес. — Лествица. Москва, Чудов монастырь, 1558 г. — ГИМ, Чуд. 227 (см. § 3.27).
- Лет. — Троицкий летописец, сер. XVI в. — ГИМ, Синод. 645 (см. § 3.26).
- Леч. — Лечебник. Шуя, XVII в. — ГПБ, собр. Колобова, № 649 (см. § 3.32).
- Лих. — Пролог, 1501 г. — ГПБ, Соф. 1345 (см. § 3.22).
- Лихачев — *Лихачев Н. П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. I—III. СПб., 1899.
- Лобан 1957 — *Лобан Н. П.* Націск у назоўніках з невытворнай асновай у сучаснай беларускай літаратурнай мове. — Працы інстытута мовазнаўства АН БССР, вып. IV. Мінск, 1957.
- Лопатин — *Лопатин В. В.* Русская словообразовательная морфемика. М., 1977.
- Лук. — Скитский патерик, 1570 г. — ГБЛ, ф. 256, № 307 (см. § 3.31).
- МАС — Словарь русского языка, т. 1—4, М., 1957—1961.
- Мат. — Материалы по русским народным говорам (т. I—XI в Изв. ОРЯС и Сб. ОРЯС).
- Матф. — Толкование Феофилакта болгарского на евангелия. М., 1649 (толкование на евангелие от Матфея).
- МДК — Труды Московской диалектологической комиссии.
- Мер. — Мерило Праведное, XIV в. — ГБЛ, ф. 304, № 15 (см. § 3.26).
- М. пс. — Псалтирь в переводе Максима Грека, нач. XVII в. — ГБЛ, ф. 304, № 62 (см. § 3.28).
- Муз. — Евангелие, 1-я пол. XVI в. — ГБЛ, ф. 178, № 3650 (см. § 3.22).
- Нахтигал — *Nachtigall R.* Akzentbewegung in der russischen Formen- und Wortbildung, I. Substantiva auf Konsonanten. Heidelberg, 1922.
- Нв. — Новгородская летопись, 1-я четв. XVII в. — БАН, 34.4.32 (см. § 3.24).
- Нил. — три тома Житий святых, писанные в 1490-ых гг. Нилом Сорским. — ГБЛ, ф. 113, № 630; ГБЛ, ф. 304, № 684 (Нил Т); Гос. лит. музей, № 126 (Нил М) (см. § 3.31).
- Новг. — Псалтирь лицева, 1548 г. — ГИМ, Увар. 592 (см. § 3.22).
- Новые данные — *Зализняк А. А.* Новые данные о русских памятниках XIV—

- XVII веков с различием двух фонем «типа *о*». — Сов. славяноведение, 1978, № 3.
- Обр. — Обратный словарь русского языка. М., 1974.
- Образ. — Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.
- Однослож. — *Зализняк А. А.* Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода. — В кн.: Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977.
- Огиенко 1928 — *Огиенко І.* Український наголос в XVI віці. — Сб. ОРЯС, 1928, т. 101, № 3.
- Ожегов — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. 9-е изд. М., 1972.
- Окт. — Октоих. Новгород, 1436 г. — ГИМ, Синод. 199 (см. § 3.22).
- Орлова 1949 — *Орлова В. Г.* О говоре села Пермас Никольского района Вологодской области. — В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, т. I. М.—Л., 1949.
- Пат. — Сквитский Патерик, Новгород, 1553 г.; в рукописи ГИМ, Синод. 216 (см. § 3.22).
- Пер. — Слова Аввы Дорофея, 1633 г. — ГБЛ, ф. 310, № 194 (см. § 3.30).
- Печ. — Мишеи-четьи на сентябрь и октябрь. Печенга, 1605 г. — ГБЛ, ф. 138, № 17 (см. § 3.31).
- Погрібний — *Погрібний М. І.* Словник наголосів української літературної мови. Київ, 1964.
- Поливанова 1976 — *Поливанова А. К.* Морфонология русского субстантивного основообразования. Автореф. канд. дис. М., 1976.
- Полик. — *Поликарпов Ф.* Лексикон трехязычный. М., 1704.
- Постн. — Триодь Постная. М., 1589.
- Пр. — Пролог. Новгород, 1518—19 г. — ГБЛ, ф. 247, № 461 (см. § 3.22).
- Правда Русская, I — Правда Русская, т. I. М.—Л., 1940.
- Прол. — Пролог, нач. XVI в. — ГБЛ, ф. 354, № 19 (см. § 3.31).
- Противоп. — *Зализняк А. А.* Противопоставление букв *о* и *ω* в древнерусской рукописи XIV века «Мерило Праведное». — Сов. славяноведение, 1978, № 5.
- Пс. — Псалтирь, кон. XV в. — ГПБ, Погод. 86 (см. § 3.32).
- Пск. — Житие и творения Феодора Студита. Псков, 1590 г. — ГБЛ, ф. 242, № 134 (см. § 3.24).
- Пч. — Пчела. Вологда, 1640 г. — ГПБ, Кирил.-Белоз. 114/1191 (см. § 3.32).
- Ратн. — Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. М., 1647.
- Редькин — *Редькин В. А.* Акцентология современного русского литературного языка. М., 1971.
- Рж. — Псалтирь. Ярославль, 1612 г. — ГИМ, Муз. 95 (см. § 3.26).
- РИС — *Зализняк А. А.* Русское именное словоизменение. М., 1967.
- Рум. — Сборник XVI в. — ГБЛ, ф. 256, № 181 (см. § 3.26).
- Рус. диал. — Русская диалектология. Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964.
- Ряз. — Лествица. Солотча, 1611 г. — ГИМ, Барсов 246 (см. § 3.29).
- Сб. ОРЯС — Сборник отделения русского языка и словесности. СПб.
- Св. — Стоглав. Серпухов, 1646 г. — ГПБ, Q.II.102 (см. § 3.32).
- Сел. — Канонник. Троице-Сергиева лавра, 1616 г. — ГБЛ, ф. 304, № 283 (см. § 3.26).
- Селищев 1951 — *Селищев А. М.* Старославянский язык, ч. I. Введение. Фонетика. М., 1951.
- Сенн. — Толкование Феофилакта болгарского на евангелия от Матфея и от Марка, 1499—1500 г. — ГИМ, Синод. 302 (см. § 3.23).
- Сидоров 1969 — *Сидоров В. Н.* Из русской исторической фонетики. М., 1969.
- Скляренко 1969 — *Скляренко В. Г.* Історія акцентуації іменників *а*-основ української мови. Київ, 1969.
- Смирнов — *Смирнов И. Т.* Кашинский говор. — Сб. ОРЯС, 1904, т. 77, № 9.

- Смол. — Сборник. Смоленск, 1580 г. — ГБЛ, ф. 173 III, № 108 (см. § 3.25).
 Сол. — Житие Зосимы и Савватия Соловецких. Соловки, 1632 г. — ГБЛ, ф. 209, № 235 (см. § 3.31).
 Сологуб — *Сологуб А. И.* Об ударении в парадигмах существительных женского рода ед. числа в русских говорах. — ВЯ, 1980, № 3.
 Станг 1952 — *Stang Chr.* La langue du livre «Учение и хитрость ратного строения пѣхотныхъ людей». Oslo, 1952.
 Станг 1957 — *Stang Chr.* Slavonic accentuation. Oslo, 1957.
 Станг 1978 — *Stang Chr.* Zur Frage der Betonung univverbierter Bildungen im Russischen. — In: *Studia linguistica Alexandro Vasilii filio Issatschenko a collegis amicisque oblata.* Lisse, 1978.
 Стар. — Книги 16 пророков, XVI—XVII вв. — ГИМ, Синод. 301 (см. § 3.26).
 Такт. — Тактикон Никона Черногорца. Москва, Симонов монастырь, 1461 г. — ГПБ, F.I.207 (см. § 3.27).
 Тамб. — Синодик Троицкой Новой пустыни на Цне, 1621 г. — ГИМ, Барсов 961 (см. § 3.29).
 Тар. — Псалтирь. М., 1568.
 Тит. — Пятидесятница. Троице-Сергиева лавра, 1541 г. — ГБЛ, ф. 304, № 146 (см. § 3.31).
 Тих. — Сборник грамматический, 1-я пол. XVII в. — ГБЛ, ф. 299, № 336 (см. § 3.30).
 Тихомиров 1942 — *Тихомиров М. Н.* Летописные памятники б. Синодального (Патриаршего) собрания. — Ист. зап., т. XIII. М., 1942.
 Т. пс. — Псалтирь, XV—XVI вв.; в рукописи ГБЛ, ф. 304, № 329 (см. § 3.22).
 Трав. — Травник и лечебник, XVI—XVII вв. — ГБЛ, ф. 37, № 431 (см. § 3.28).
 Тростянский — Диалектологические материалы, собранные В. И. Тростянским, И. С. Гришкиным и др. — Сб. ОРЯС, 1916, т. 95, № 1, с. 1—65, 125—158.
 Тугай 1983 — *Тугай Е. В.* К вопросу об эволюции двух фонем «типа о» в XVI в. — Филол. науки, 1983, № 2.
 Увар. — Кормчая, сер. XVI в. — ГИМ, Увар. 296 (см. § 3.30).
 Угл. — Псалтирь. Углич, 1491—1492 гг. — ГИМ, Увар. 569 (см. § 3.30).
 Узк. — Евангелие безвыходное (так наз. узкошрифтное). Анонимная типография, 1553—1564 гг.
 Улож. — Соборное уложение царя Алексея Михайловича. М., 1649.
 Уст. — Житие Прокопия и Иоанна устюжских чудотворцев. Великий Устюг, кон. XVII в. — БАН, 45, 10.2 (см. § 3.32).
 Устинова 1974 — *Устинова Е. Г.* К вопросу об ударении относительных прилагательных с суффиксом *-ов-* (*-ев-*) в современном русском языке. — В кн.: Языковая практика и теория языка, вып. 1. М., 1974.
 Устинова 1977 — *Устинова Е. Г.* Ударение украинских прилагательных с суффиксом *-ов(ий)*. — В кн.: Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977.
 Устинова 1980 — *Устинова Е. Г.* Об ударении префиксальных существительных в современном русском и украинском языках. — В кн.: Актуальные вопросы структурной и прикладной лингвистики. М., 1980.
 Ушаков — Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940, т. 1—4.
 Федянина — *Федянина Н. А.* Ударение в современном русском языке. М., 1976.
 Фер. — Кормчая, сер. XVI в. — ГБЛ, ф. 98, № 248 (см. § 3.26).
 Хабургаев 1980 — *Хабургаев Г. А.* Становление русского языка. М., 1980.
 Хазагеров 1973а — *Хазагеров Т. Г.* Развитие типов ударения в системе русского именного склонения. М., 1973.
 Хазагеров 1973б — *Хазагеров Т. Г.* Ударение как средство дифференциации грамматических форм. — ВЯ, 1973, № 4.
 Хивуд — *Heawood E.* Water-marks mainly of the 17th and 18th centuries, vol. I. Nilversum, 1950.
 Хл. — Сборник, 1560-е гг. — ГИМ, Хлуд. 147Д (почерк 271—384) (см. § 3.28).
 Хлуд. — Почерк 112—1596 в рукописи Хл. (см. § 3.28).
 Хлын. — Златоуст, 2-я четв. XVII в. — ГБЛ, ф. 310, № 539 (см. § 3.31).

- Хр. — Хронограф лицевой, посл. четв. XVI в. — ГБЛ, ф. 98, № 202 (см. § 3.26).
 Хрон. — Хронограф, 1-я четв. XVI в. — ГБЛ, ф. 113, № 650 (см. § 3.26).
 Цв. — Троица Цветная. М., 1591.
 Цел. — Целебник, XVII—XVIII вв. — ГИМ, Музейск. 1226 (основной почерк) (см. § 3.31).
 Целеб. — 2-й почерк в рукописи Цел. (см. § 3.31).
 Час. — Часослов, кон. XV в.; в рукописи ГБЛ, ф. 304, № 329 (см. § 3.22).
 Частотн. — Частотный словарь русского языка. Под ред. Л. Н. Засориной. М., 1977.
 Чернышев Пушк. — *Чернышев В. И.* Говор Пушкинского района. — Избр. труды, т. 2. М., 1970.
 Чет. — Мивея-четья на апрель, 1560-е гг. — ГИМ, Синод. 91 (см. § 3.26).
 Чуд. — Чудовский Новый Завет, XIV в. (см. § 3.28).
 Шахматов 1913 — *Шахматов А. А.* Описание Лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии. — Изв. ОРЯС, 1913, т. 18, кн. 4.
 Шахматов 1915 — *Шахматов А. А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка. СПб., 1915.
 Шевелев 1978 — *Shevelov G. Y.* Omega in the Codex Hankenstein. — In: *Studia linguistica Alexandro Vasilii filio Issatschenko a collegis amicisque oblata.* Lisse, 1978.
 Шелюто — *Шелюто Г. А.* Русское ударение, ч. 1. Ужгород, 1962.
 Якобсон 1963 — *Якобсон Р. О.* Опыт фонологического подхода к историческим вопросам славянской акцентологии. — In: *American Contributions to the Fifth International Congress of Slavists.* The Hague, 1963.
 Якубинский 1953 — *Якубинский Л. П.* История древнерусского языка. М., 1953.
 Якше 1965 — *Jaksche H.* Slavische Akzentuation, II. Slovenisch. Wiesbaden, 1965.
 Яр. — Служебник. Ярославль, 1635 г. — ГИМ, Барсов 1149 (см. § 3.30).
- а. п. — акцентная парадигма (см. § 2.10).
 б. уд. — без знака ударения.
 п.-др.-р. — позднерусский.
 р.-др.-р. — раннерусский.
 И., Р., Д., В., Т., М., П., Зв. — обозначения падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, местный, предложный, звательная форма.
 1 ед., 2 мн. и т. д. — обозначения лица и числа глагола.
 D, Deox, Init, Marg, Monosyll, Polysyll, Triv — см. § 1.21.
 Min, Re — см. § 2.7.

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ

Цифры означают параграфы. Слова, приводимые в тексте в качестве примеров, а не как таковые, а также слова, разбираемые не с точки зрения их акцентуации, включены в указатель лишь выборочно. Кроме того, не включены: слова на *-аж*, *-ер* (см. их списки в § 1.44), *-ия* (§ 1.45), *-ировать* (§ 1.65) и наречия типа *налево*, *подолгу* (§ 1.28, А IV).

У приставочных глаголов (если только приставка не срослась с корнем) и прилагательных с *не-*, *пре-* приставка просто игнорируется; например, упоминания в тексте глагола *приходить* учтены в указателе при слове *ходить*, *положить* — при *-ложить*, *недалёкий* — при *далёкий*. Возможна также запись типа *о-туречить*, когда приставка выписывается (с дефисом), но не учитывается при расположении по алфавиту. Степени сравнения и наречия учтены в составе соответствующих прилагательных, неличные формы, отричастные прилагательные и отглагольные существительные на *-ние*, *-ение* — в составе соответствующих глаголов.

Родственные слова для компактности обычно сводятся в единые «гнездовые» статьи. При этом допускается смещение некоторого слова со своего алфавитного места (но не более, чем на 3—4 статьи); это необходимо учитывать при поиске слова. Внутри «гнездовой» статьи тоже допускаются отклонения от алфавитного порядка. Дефис заменяет ближайшее слева полностью выписанное слово (без конечной гласной, *ь* или *ый, ой*), а если в нем есть знак |, — часть до этого знака.

Все слова, дожившие до нашего времени (хотя бы в виде архаизмов или исторических терминов), даются в их современной форме. Прочие слова имеют помету *др.* — древнерусское. Если эта помета стоит после слова (в скобках), она распространяется только на данное слово, если перед словом — на все последующие слова до конца статьи.

Полезно отметить, что ссылка на § 2.14 означает, что слово относилось в древнерусском к а. п. а, § 2.16 — а. п. б, § 2.17 — а. п. с.

а 2.22	балахон 3.9
австрияк 1.44	балов ать 1.65, -ник 1.47, -ной 1.52,
агнец 1.51	58, 60, -ство 1.52
ад 2.14, -ов 2.25	бальный 1.59
аз 4.2	бадя 2.14
азбуковник 1.47	баран 2.14
<i>др.</i> акъ 3.53	бато г 2.16 -жье 2.24
алкач 2.14, алчаба 2.24, при-алчный	баять 2.14
3.54	бдеть 2.17, 3.2
алтарь 2.16, 3.35	бег 2.17, 3.47, -ать 2.7, 14, 3.73,
ангел 2.14	-нуть 2.14, -ун 2.24
апостол 2.14	беда 2.16, 3.35, 49, -ный 2.25, 3.17,
апрель 2.14	57
армянин 1.69	-бедить 2.17, 3.60, 62, 64, 66, 68
ассириянин 1.69	<i>др.</i> бедра (<i>жен.</i>) 2.17
атомный 1.57	бежать 2.7, 17, 3.60, 72, 75
	без 2.22
баба 2.14, -ий, -ин 2.24, -ить 2.25	безбородый 2.26
-бав ить 2.14, 3.73, -лять 2.23, 3.73	безделушка 1.31
багри ть 1.66, -льщик 1.41	бездна 2.26
баг(ь)рь (<i>др.</i>) 2.16, 3.55, багряный	бездыханный 1.54
1.64, -ить 1.66, -ица 1.47, 2.23	безобразный 1.28

- белена 3.9, -ной 1.59
 белый 1.16, 2.16, 3.10, 55, -есый,
 -ость 2.25, -еть 2.23, -ить 1.17, 18,
 48, 3.67, 74, -ок 3.10, -ьмо 1.18,
 3.10, -огородский 2.29, -оцерковский
 1.28
 берег 2.17, 3.38, 42, 43
 бережный 1.58, 3.54
 береза 2.14
 беремя 2.14
 бересто (др.) 2.14, -яной 1.64
 беречь 2.17, 3.10, 13, 71, 72
 бес 2.17, 3.42, 43, 45, 4.2, -ить 1.18,
 48, 66, 2.16, 3.67, -овский 1.52,
 3.54, -ный 3.54, 58
 беседа 2.14, -овать 1.65
 беспрестанный 1.54
 беспринципный 1.28
 бестолковый 1.62
 бесценный 3.54
 бесчестный 2.29
 бечева 3.9, -ник 1.53, -ой 1.63
 -бивать 3.70
 -бирать 2.23
 бисер 2.14, -ина, -инка 1.50
 бить 1.11, 2.3, 16, 3.2, 60, 64, 76,
 битье 2.24
 бич 4.2
 благо 2.17, -ой 2.17, 3.53, 54, -ость
 2.25, 3.37, 48, -остыня 1.50, 2.23,
 Благово 2.19
 благо|вест 1.28, -вестовать 1.55, -во-
 лить 1.26, 3.63, -дарить 1.26, 3.64,
 дать 1.43, -приобретение 1.67,
 -словить 1.26, 66, 3.63, 66, -тво-
 рительный 1.26, -уханный 1.54
 блаж|ной 1.58, -ить 3.60, 65, 66
 со-блaзнить 2.16, 3.60, 63, 74
 бланковый 1.62
 блат 1.30
 блевать 2.14
 др. блѣдь 2.17
 блеснуть 1.49
 близ|кий 2.14, 4.1, -ить 1.66, -бли-
 жать 3.8
 блоха 2.16
 блуд 1.30, 2.17, 4.2, -ить 2.16, 3.60,
 74, -ник 1.53, -ный 3.58, 59
 блюдо 2.14
 блю|сти 2.17, 3.10, 60, 66, 71, 72,
 -дать 2.23
 бля|дь 3.44, -сти (др.) 2.17
 бо 2.22
 боб 2.16, 3.5, -ок 2.24
 бобер 2.16
 бог 2.17, 3.42, 43, 45, 47, -иня 2.23,
 -отворить 1.26
 богат|ейший 1.48, -еть 1.49, -ить 1.66,
 3.63, 66, -ство 2.24, о-богaщать 3.73
 богатырь 3.9
 бодрый 2.16, 3.2, 55, -ость 2.25
 божий 2.24, -ество 1.53, 2.24, -ествить
 3.63, -ить 3.66
 бой 2.16, 3.2, 28, 38, 4.2; блр. 3.28
 бок 2.17, 3.13, 45
 боле 2.23
 боле|ть 2.17, 3.60, 75, -сть 3.37, 48,
 -зновать 1.65
 др. бологъ 2.17
 болото 2.14
 с-болтить 1.48
 боль 2.17, боль (муж.) 'больной'
 (др.) 3.45, -ьной 1.12, 16, 58, 3.54,
 58
 больше 3.28, -инство 1.53
 бомбить 1.66
 бондарный 1.57
 бор 2.17, 3.38, 42
 борзый 2.17
 боров 2.17
 борода 1.17, 2.17, 3.13
 борозда 2.16, -ковый 1.63
 борона 2.16, 17, 3.9
 боронить 'запрещать, защищать' 2.16,
 3.63
 -бороть 2.16
 борщ 2.16
 борьба 2.24
 босой 2.17
 др. бости 2.17, 3.60, 66, 68
 др. -ботѣти 2.15
 бочар 1.44
 бояться 2.17, 3.2, 5, 60, 62, 72, 75
 боязливый 1.48
 др. бравъ 'боров' 3.42
 брада 2.16, 3.13
 бразда 2.16
 брак 2.17, 3.31, 38, 45, 47, 48, 4.2,
 брачный 3.13, 53, 58, 59
 брань 2.17, 3.36, 37, -ить 3.60—63,
 66, 68
 брат 2.14, 3.10, -ан, -анич 2.23, -ец,
 -ик, -ья 2.24, -ов, -ский 2.25
 брать 2.17, 3.2, 13, 60, 63—65, 69, 70
 брашно 2.17, 3.41, 45
 бревно 2.16, 25, 3.35, 41
 брег 2.17, 3.38, 42, 45, 48
 бредовой, -ый 1.62, 4.3
 брезговать 1.65
 время 2.14, -енить 1.66, 3.66
 брести 2.17
 др. бречи 2.17, 3.13, 14, 60, 71
 бриджкий 2.17, 3.58
 брить 2.14
 бровь 3.44, -ный 1.59
 брод 2.17, 3.38, 42, -ить 2.16, 3.62
 броня 2.16, 3.13, 49, -евой 1.62
 брос|ить 2.16, -овый 1.62

- брусчатый 1.54
 брызгать 2.14, 3.73
 брюхо 1.30, 2.17, -ан 1.41, брюшко 1.53, 2.24
 бубен 2.14
 бубнить 1.66
 будить 2.17, 3.9, 60, 75
 бузиновый 1.62
 буйволица 1.50
 буква 2.14
 буланко 1.53
 бумага 2.14
 бунт|арь 1.53, -овской 1.52
 бурить 1.66
 бура 2.14
 бут 1.30
др. въз-бънути 3.76
 бывать 3.14
 бык 2.16, 3.10, бычий 2.24
 быстрый 2.14, 3.54, 55
 быть 1.11, 2.14, 17, 22, 3.10, 13, 16, 17, 54, 60, 64, (не)бытие 1.53, 2.24, 3.13, былой 1.54

 в 2.22, 3.2
 вабильщик 1.41
 -вадить 2.14
 вал 2.17, 3.38, 42, 43, 45
 валить 1.48, 2.17, 3.60, 66, 75
 вальц|евой, -овый 1.63
др. вапъ 2.17, 3.42, 43
 вар 2.17
др. варити 'предварять' 2.17, 3.61, 63
 вар|ить 1.48, 2.17, 3.10, 60, 62, 66, 75, -енец 1.51, -ево 2.25, -ница 1.47
 вдова 2.16, 3.35, 49, -ица 2.23, -ство 1.53, 3.8, Вдовин 1.52
 вед|ать 1.48, 67, 2.14, 3.73, -овать 1.65, вѣдѣти (*др.*) 2.17, 27, 3.10, 12, 13
 ведов|ской, -ство 1.52
 ведомость 1.18
 ведро 2.14
 ведрó 2.16
 ведьмов|ской, -ство 1.52
 вежливый 1.48
 везти 2.17, 3.66, 68, 71
 век 2.17, 3.42, 45—48, -овой 1.62
 веко 2.14
 велеть 2.17, 3.17, 60, 61
 великий 1.16, 18, 2.23, 3.52, 53, -овоз-растный 1.28
 -велич|ить 1.66, 67, 3.73, -ать 2.23, -ие, -ина 2.24
 венгер|ский 1.54, -ка 1.53
 венец 3.14, венчать 1.54
 вепрь 2.16, 4.2
 вера 2.14, -ить 2.14, 3.73, -ный 1.18, 2.25, 3.53, -овать 1.65, 3.73, -ять 2.23
 верблюд 2.14
 вервь 2.17, 3.37, 44
 -вергнуть (*и др.* веречи) 2.14, 3.66, 67, 71
 веред, -ить 2.17
 веретено 2.16, 24, -ица (ящерица) 1.47
 -верз|ть 2.17, 3.71, -ать 3.14
 верига 2.23
 вернуть 1.49, 2.16, 25, вертеть 1.48, 2.17, 3.62
 верста 2.17, 3.49, -овой 1.62
 вертеп 2.14
 верх 2.16, 3.14, 4.2, -овой, -овый 1.63
 вершить 2.17, 3.60, 61, 63, 66, 68
 вес 2.17, 3.42, 43
 веселый 1.16, 2.17, 3.53, 54, 4.3, -ить 3.60, 66, -ье 1.51
 весить 1.66, 67, 2.14, 3.73
 весло 2.16, 24, 3.41
 весна 2.17
 вести 2.17, 24, 3.10, 60, 61, 66, 68, 71
 вестъ 2.17, -ить 3.54, 61, 63, 66, -ный 3.54
 весь 'вепсы' 3.37
 весь 'деревня' 2.16, 17, 3.37, 48
 весь (*мест.*) 2.16, 19, 3.9, 10
 ветвь 2.14
 ветер 2.14, 3.45, 4.2
 ветошный 1.57
 -ветр|ить 1.66, -еть 1.49, -ило 2.23, -овой 4.3, -яной 1.64, 4.3
 ветхий 2.17, 3.13, 53, 58, 59, 4.3
 вече 3.40
 вечер 1.28, 30, 2.17, 3.38, -ня 2.25, -я 2.14
 вечный 2.25, 3.13, 53, 58, 59
 об-вешить 1.66
 вещей 3.55
 вещь 2.17, 3.13, 36, 37, 43, 44, 48, -ество 1.53, -ный 1.59
 веять 2.14
 взрывник 1.53
 взять *см.* -ять
 вид 2.17
 вид|еть 1.48, 2.14, 3.73, -ѣние 1.67, -ный 1.56, -окъ (*др.*) 2.24
 вина 2.16, 3.10, 14, 49, -ить 3.57, 60, 62
 вино 2.16, 3.9, 10, 14, 17, 35, 41
 винтить 1.18, 48
др. -винуть 2.17, 25, 3.14
 вира 2.14
 висе|ть 2.14, 3.73, -лица 1.47, -льник 1.53, виснуть 2.14, 25
 витать 2.15
 вить 1.18, 54, 2.3, 17, 3.2, 64, 76
 вз-вихрить 1.66

- вишневы́й 1.62
 вкусовой 1.63
 влага 2.14
 влады́ка 2.23
 влас 2.17, 3.42—45, 47, -яной 3.52—54
др. власти 'владеть' 2.17
 вла́сть 2.17, 3.13, 37, 44, 46, -ель 2.25, 3.47, -ельский 3.54, -ный 3.58
 влачи́ть 2.17, 3.60, 62, 66, 74, влечь 2.17, 3.14, 60, 66
 вне 2.16
 внедри́ть 1.66
 вну|к 2.14, -чек, -чок 1.51, *др.* вънуча 2.23
 вода 2.17, 3.5, 10, 17, 28, 39, 42, 43, -ка 2.23, -нить 1.66, -ный 1.59, 3.59, -яник 1.47, -яный 1.64
 води́ть 2.16, 3.72, 74
 водле 2.16
 водрузи́ть 3.66
 воева́ть 3.70
 вождь (*и др.* вожь) 2.16, 3.5
 воз 2.17, 3.42, 43
 возглас 1.28
 возду|х 1.28, 30, 2.26, -шный 1.28, 57
 вози́ть 2.16
 возле 2.16
 возраст 1.18, 28, 2.26, 3.43
 вои (*др.*) 2.16, 3.5, 13, воин 3.2, 4, воинств|енный 1.54, -овать 1.55
 вои|на 3.49, -ско 2.25
 вол 2.16, 3.5
 вол|глый, -хлый 3.55
 волк 2.17, 3.42, 45, 46, 4.2
 волна́ 2.17, 3.49
 волна́ 'шерсть' 2.14
др. волога 2.14
 Володи́мир 2.28
 волок 2.17
 волокно 2.16
 волос 2.17, 3.42, -ной, -ный 1.59, -яник 1.47
др. волости 'владеть' 2.17
 волость 2.17, 3.44, -ель (*др.*) 2.25
др. волоть 3.37
др. волохъ 2.14
 воло|чить 2.16, -чь 2.17, 3.5
 волхв 2.16, 3.13, -овать 2.23
 волхв|ый 3.54
 волшебство 1.52, 53
 волынянин 1.69
 воля 2.16, 18, 23, 31, 3.5, 17, -евой 1.62, -ить 3.74, -ьница 1.47, -ьный 1.12, 16, 2.16, 25, 3.54, 57, -ять 3.73
др. во́ня 2.16, 18, 31
 вои|ть, воз-опи́ть 2.16, 3.14, 60, воплъ 2.16, 3.13, 4.2
 вор 2.17, 3.42, 45, 47, 4.2. -овской, -овство 1.52
 воробей 2.16
 ворог 2.17, 4.2
 ворон 2.17
 ворона 2.14
 вороной 2.17, -ко 1.53
 ворот 2.17, 3.38, -ник 1.53
 ворота 2.17, 3.9, 13, 40, 45—47
 вороти́ть 2.7, 16, 3.63
 ворох 2.17
 вороча́ть 2.7, 14
 ворс 1.30
 ворча́ть 2.17
 восемь 1.12, 2.16, 4.1, восьмой 2.16, 3.28, -еро 4.1, -илучевый 1.62
 воск 1.30, 2.17, 3.38, -овой 1.62
 вотчина 1.47, 2.23
 вотще 3.9, 55
 вошь 2.17, 3.2
 воцаной 2.25, 3.54
 впери́ть 2.17
 вра|г 2.16, 3.10, 13, 14, 35, -жда 3.35
 врата 2.17, 3.13, 28, 40, 45—47, -арь 2.24
 врати́ть 2.17, 3.10, 14, 60, 63, 64, 66, 74
 врать 2.17, 3.2, 9
 врач 2.16, 3.10
 вред 2.17, 3.42, 43, 45, 48, 4.2, -и́ть 2.17, 3.60, 64, 66
 время 2.17, 3.40, 45, 47, -енник 1.51, -енный 1.58, 3.52, -енщик 1.68
 всеведущий 1.48
 Все|волод, -слав 2.28
 всегда 2.23, 3.10
 всемо́щный 2.29
 вся|кий 2.25, -чина 2.24
 второй 2.14, 3.28, -и́ть 1.66
 вчера 2.16
др. въз (*предл.*) 2.22
 вы 2.17, 19, 22
 вы́бытие 1.28
 Выг 3.38
 -выкнуть 2.14
 вынос 2.27, -ливый 1.28, 48
 выпускник 1.53
 выс|окий 1.18, 48, 2.14, 25, 3.9, 10, 13, 54, 56, 4.1, -ота 1.18, 2.25, 3.50, -и́ть 1.66, 2.14, 25, -окопартство 3.56
 выть 2.14
 выходник 1.53
 व्यюжливый 1.48
 व्यючить 1.66
 вяза́ть 2.16, 3.10, 70, -нуть 2.16, -ти (*др.*) 2.17, 3.60, 66
 вязовый 1.62
 вяну́ть 2.14

- гад 2.14, 3.45, 47, -ина 1.50
 блр. гай 3.28
 гас|ить 1.48, 2.17, 3.63, 66, 68, 75,
 -нуть 2.14
 гатить 1.48, 66
 гвоздь 1.11, 2.17, 3.44, 45, 4.2, -ить 3.64
 где 2.23
 гербовый 1.62
 героиня 1.47
 по-гиб|ать 3.73, -нуть 2.14
 глава 2.16, 3.10, 13, 35, 49
 глагол 2.14, -ать 2.16, 3.60—62
 глад 2.17, 3.42, 48, -ный 3.53
 глад|ить 1.66, 2.14, 3.73, -кий 2.14,
 25, 3.53, -ыш 1.51
 глаз 2.17, -ок 1.18, -чатый 1.54
 глас 2.17, 3.42, 43, 45, 47, 4.2, -ить
 3.66, -ный 3.53
 блр. глей 3.28
 глина 2.14, -яный 1.64, 2.25
 глиста 2.16, 3.10, 49
 глодать 3.70
 -гло|тить 1.48, 2.16
 глохнуть 2.16
 глуб|окий 1.18, 48, 2.25, 3.9, 10, 54,
 56, 4.1, -ина 3.50, -ить 3.66
 глум 3.45, -ить 3.60, -ный 3.53
 глуный 2.16, 3.55
 глу|хой 2.17, 3.17, 53, -шить 1.18, 3.60
 гляд|еть 1.28, 2.7, 3.61, 62, -ати (др.)
 2.7, 14, 3.73, -я, -я по 1.48
 гнать 2.17, 3.28, 60, 62, 64, 66, 69, 70
 гнев 2.17, 3.48, 4.2, -ать 1.50, 3.73,
 -ить 1.66, 3.60, -ный 3.58
 гнедой 2.17, -ко 1.53
 гнездо 2.16, 3.10, 35, 41, -ить 3.74
 гнести 2.17, 3.66
 др. гнѣтити 3.60
 гнить 2.17, гниль 1.30, -ец 3.10, -ой
 1.54, 2.17, 3.53
 гнои|ть 3.72, -ще 1.46, 47, гной 2.17,
 3.28, 38, -ник 1.53, -ный 3.53, 58
 гнус 1.30, -ный 3.53, 58
 гнуть 2.16, 3.2, 76
 говеть 2.15
 говно 2.16, 25, 3.5
 говорить 2.17, 3.13, 60—63, 66
 год 2.17, 3.38, 42, 45, 47, -овой 1.62
 годить 2.17, 3.62, 64, загода 1.48
 голавлевый 1.62
 голень 2.17
 голик 1.51
 голова 1.17, 2.17, 3.10, 13, 39, -изна
 1.51, -ник, -ничество 2.24
 головня 1.53, 2.17, 25
 голод 1.30, 2.17, -ный 1.16, 18
 голос 2.17, -ник 1.53
 голубой 2.17, -изна 1.51
 голубь 2.17, 3.42, -инный 2.23, -ить 1.66
 голый 2.16, 3.55, -оледь 1.43
 гон 3.42, 4.2
 др. гонезнути 2.16
 др. говити 2.16, 3.14, 28, 62, 63, 74
 гонтовой 1.62
 гончар 1.44
 гора 2.16, 17, 3.10, 39, 42, 43, 48
 горбить 1.66, 3.66
 гордый 2.17, 3.58, 59, 4.3, -еливый
 1.48, -ость 3.37, -ыня 2.23
 горе 2.17
 др. горе 'хуже' 2.23
 гореть 2.17
 горло 2.14
 горн 3.38
 горный 2.23, -ый 1.59
 город 2.17, 29, 3.42, 43, 45—48, -ище
 2.23, -ок 2.24, -ской 1.54
 горо|дить 1.48, 2.17, 3.66, 75, др.
 -дня 2.25, -жа 2.14
 горох 2.14
 гортань 2.14
 горшок 3.10
 гор|ький 2.17, 3.53, 54, 58, 59, -чить
 3.68
 горячий 1.18, 3.10
 госпиталь 1.30, -ный 1.59
 госпо|дь, -д 2.14, 17, 3.42, 45, -да
 2.16, -дин 2.23, -жа 2.16
 гость 2.17, 3.42, 44, 45, 47, -инь (др.)
 2.23
 готовый 2.14, -ати (др.) 3.73, -ить 1.67,
 2.25, 3.73, -лять 3.73
 граб|ить 2.14, 3.73, -еж 2.23, -ляти
 (др.) 3.73
 гравийный 1.41
 град 'grando' 2.14, -ина, -инка 1.50
 град 'город' 2.17, 3.13, 42, 43, 45—
 47, 4.2, -ный 3.58, 59
 град|ить 2.17, 3.60, 63, 66, -ежь (др.)
 2.23
 (со)гражданин 1.69, 2.23, 25
 граммовый (кило- и т. д.) 1.62
 граничить 1.67
 грань 2.17, 3.49
 грач 4.2
 гребен|ка 1.53, -ной 1.59
 гребло 1.53
 грек 3.43
 греметь 2.17
 грести 2.17, 3.66, 71, 72
 греть 2.14
 грех 2.16, 3.10, 14, 35, греш|ить 3.66,
 -ный 1.16, 3.54, 57
 гречневик 1.51
 грибной 1.59
 грива 2.14
 гроб 2.17, 3.31, 38, 42—48, -ить 1.66,
 -ище 2.23, -ница 1.47, 2.23

- гроза 2.17, -ить 3.60, -ный 3.53, 54, 58, 4.3
 грозд 2.17, 3.42, 4.2
 гром 2.17, 3.38, 42, -ить 1.48, 3.60, -ный 3.53, -овой, -овый 1.62, 2.25
 гротесковый 1.62
 грохотить 1.66
 грубый 2.17, 3.58, 4.3, -ость 2.25, 3.48
 с-грудиться 1.66
 грудь 2.17
 груздь 1.11, 4.2
 груз|ить 1.18, 48, 2.17, 3.60, 66, -ный 3.53
группа буйвол 1.30, 50
группа воля 2.11, 16—18, 23
группа воск 1.30, 59, 62, 66
группа высоко 3.56
группа красно 3.57
группа прожектор 1.30
группа рак 1.30, 50
группа стоя 3.62
группа чаща 2.14, 23
группа якорь 1.30, 50, 59
 грусть 1.30
 груша 2.14, -овый 1.62
 грыжа 2.14, 23
 грызть 2.17
 гряда 2.17
 грязнуть 2.16
 грязь 2.17, 3.37, 49, -нить 3.68, -ный 3.53, 54, 58, 4.3
др. грясти 2.17, 3.14, 60
 губа 2.14, Губин 1.52
 губить 1.48, 2.17, 3.60, 61, 63, 66, 75
 гуднуть 1.49
 гузно 2.25
 гумно 1.12, 2.16, 3.35, 41
 гусли 2.14, -яр 1.44
 густи 3.62
 густой 2.17, 23, 3.10, 54, 58, 59, -ина (*др.*) 2.24, -ить 3.60, гуща 2.14
 гусь 2.17, 3.13, 42, 4.2, -ыня 2.23

 да (*утверд. ответ*) 2.4, 14; (*част.*) 2.4, 22, 3.60
 давать 3.70
 давить 1.48, 2.16, 3.74
 давний 1.28, 2.16, 3.9, 10, 57
 далекий 1.18, 48, 2.25, 3.9, 10, 54, 56, 4.1
 дань 2.17, 3.37, 44
 дар 2.17, 3.42—45, 47, -ить 1.17, 18, 48, 2.25, 3.60, 63, 66, 75, -овать 3.5
 дать 1.9, 11, 18, 54, 2.17, 20, 3.10, 12—14, 16, 54, 60, 61, 63, 64, 69, 70
др. даяти 2.17, 3.60—62
 два 2.17, 19, 3.2, 13, двадцать 1.12, дважды 2.23
 дверь 2.16, 3.10, 44, -ца 1.51, 2.24
 дви|гать 1.67, 2.14, -жати (*др.*) 2.14, -житель 1.41, -нуть 2.14
 двинский, -ой 1.54
 двое 2.25, 3.2, -ить 1.46, 48, 66, 3.2, 60, 66, -ица 1.46, 47
 двор 1.13, 2.16, 3.10, 35, 48, 49, -ить 3.60, 74, -ище 2.23, -ной 1.59, -ня 1.42, -овый 1.63, -янин 1.69, 2.25
 двух|мачтовый, -ходовый, -цилиндровый 1.62
 дебелый 2.17, 3.54, 4.3, -ьство (*др.*) 2.24
 дебрь 2.17, 3.37
 дева 2.14, -ица 1.47, -ственник 3.28
 -девать 3.9
 деверь 2.17
 девять 1.12, 2.17, 18, 3.10, -ый 2.16, -еро 2.25
 деготок 3.10
 дед 2.14, 4.2, дѣдичь (*др.*) 2.23
 декабрь 2.16
 дела|ть 3.8, 73, -тель 2.25
 делить 1.48, 2.17, 3.60, 63, 66, 75
 дело 2.14, 3.17, 40, 41, 4.2, -овой 1.62, -ьнее 1.48, -ьце 1.51
др. дѣль 3.38
 день 2.17, 3.2, 44, -ник 1.53, -щик 1.68, день-деньской 1.54
 ден|ьги 1.12, 30, -ежка 1.53, -ежный 1.59
др. дереве (?) 'древляне' 3.42
 деревня 1.11
 дерево 1.30, 2.17, -це 1.18, 3.41, -цо 1.51, -янный 1.64
 держа|ть 2.17, 3.10, 60, 62, 70, 75, -ва 2.23
 дерз|нуть 2.16, 3.64, -овати (*др.*) 3.14
 дерн 1.30, 62, 4.2
 десныи (*др.*) 2.17, 3.54, -ица 2.23
 десять 1.12, 2.17, 18, -ый 2.16, -еро 2.25
 дети 2.17, 3.13, 44, -ище 1.47, -ство 2.24
 воз-деть 3.61
 дешевый 1.16, 2.17, 4.3
др. дѣяти 2.14
 джинсовый 1.62
 диво 1.30, 2.17, -ить 3.60—62, 66, 72, -ный 3.52—54
 диковина 1.47
 директор 1.18
 дискантовый 1.62
 дитяtko 1.53
 длань 2.14
 длинный 1.16
 дневной 1.48, -ник 1.47
 Днепр 2.16, 3.35, днепропетровчанин 1.69
 дно 2.16, 3.2, 9, 10

- до 2.22
др. добль 2.16
 добрый 2.16, 23, 3.5, 10, 13, 14, 54,
 55, -о 2.16, -ить 1.66, -ота 2.25,
укр. -обут, -одій 2.28
 довод 1.28
 договор 1.18, 28, -ной 1.60, -ный 1.59
 дождь 2.16, 3.2, -евой 4.3, -ить 3.2,
 60, 66, 74
 доить 1.48, 2.17, 3.2, 66, 72, 75, дой-
 ный 1.60, -ица 1.47
 дол 2.17
 долбить 1.17, 3.66, 68
 долг 2.17, 3.38, 42, 45, 47
 долгий 2.14, 3.53, 54, -орукый 2.28
 о-долеть 2.15
 про-должить 1.66
 долж|ный 1.12, 3.53, 54, 58, 59, -ен-
 ствовать 1.55, -ник 1.53, -ность 1.18
 долонь 2.14
 долото 2.16, 3.9, -це, -цо 1.51
 доля 1.21, 2.16, 31, -ьный 1.59
 дом 2.17, 3.28, 38, 42, 43, 45—48,
 домовой, -ый 1.63, -ничать 1.55
 доморощенный 3.68
 Дон 2.17, 3.38, донской 1.54
 донце 1.51
 дорога 2.14
 дорогой 1.16, 2.17
 досада 2.26, -овать 1.65
 доска 2.17, 3.2
 доступ 1.28, -ный 1.57
 дохлый 3.2
 дохн|уть 2.16, 3.2, 14
 дочь 2.17, 3.2, 13, 44, 46, -ерин 1.54,
 2.24, -ка 2.23, 3.26
 дощечка 1.53
 драгой 2.17, 3.53, 58
 раз-дражить 3.60
 дразнить 1.48
 драть 2.17, 3.69
 древ|ний 1.48, 2.17, 23, 3.58, 59, -ле
 (*др.*) 2.23, 3.13, -нить 1.66
 древо 2.17, 3.40, 45, 47, -есеть 1.49,
 -ко 3.41, -це (*др.*) 3.41, -яныи (*др.*)
 3.52—54
 дремать 2.16, не-дреманный 1.54
 дресвяный 1.64
 дробить 2.17, 3.10, 66, 75
 дробь 2.17
 дрова 2.17, 3.40, 47, -яник 1.47
 дро|гнуть 2.16, -жать 2.17
 дрозд 2.17
 дру|г 1.30, 2.17, 3.42, 43, 45, 47, -жба
 1.51, 4.1, -жить 1.17, 18, 48, 3.60,
 -жний 2.23
 другой 2.17, 3.53
 дрянь 1.30, -ной 1.58
 дряхлый 2.16, 3.55
 дуб 2.17, 3.42, -овый 2.25, 3.54, 4.3,
 -ье 2.24
 дуга 2.16, 3.35
 Дудин 1.52
 дума 2.14, 31, -ать 3.73
 дунуть 2.14, 25
 дурь 1.30, -ак 3.35, -ной 1.12, 58,
 Дурново 2.19
 дуть (*през. др.* дьму и дую) 2.14, 16,
 3.2
 дух 2.17, 3.38, 42, 43, 45, 47, 4.2,
 -мяный 1.64, -овник 1.47, -овный
 3.5, 13
 душа 1.17, 2.17, 3.10, 13, 39, 42, -ев-
 ный 3.13, о-душевить 3.66
 душ|ить 1.48, 2.17, 3.64, -ник 1.53
 дщерь 3.13, 14, 37
др. дьл|ж|бить 2.23
др. дьш|ька 2.23
 дым 2.14, 4.2, -овой 4.3, -чатый 2.23
 дыня 2.14
 дых|ати (*др.*) 2.14, -ало 1.53, -нуть 1.49
 дышать 1.48, 2.17, 3.62
 дьявол 2.14, -ица 1.50
 дьяк 2.16, 3.35
 дьякон 2.14
 -дюжить 1.66
 дюймовый 1.62
 египтянин 1.69
 единый 2.16, 3.13, 14, -ить 1.66, 3.66,
 -ица 1.47, -ство 3.8
 едкий 3.53
 ежиться 1.66
 ездить 2.14, *др.* ъздь 3.38
др. езеро 3.40, 45, 47
 еловый 1.62
 ересь 2.17, 3.37, 44
 естество 1.53, 3.41
 есть 2.17, 3.12, 13, 60, 66
 ехать 2.14
 еще 2.14
 жаба 2.14
 жадина 1.47
 жажда 2.14, 31, -ать 2.16
 жал|овать 1.65, 2.14, -ити (*др.*) 2.14,
 -остливый 1.50
 жар 2.17, 3.38, 42, -ить 1.66, -кий 3.10,
 58, 59, 4.3
 жать (*жму*) 2.16, 20, 3.2, 64, 76
 жать (*жну*) 2.16, 3.2, 60, 76
 ждать 2.17, 3.2, 60, 64, 76
 же 2.17, 22
 жевать 2.17
 жезл 2.16, 17
 жел|ать, -ѣти (*др.*) 2.15, -анный 1.54
 железо 2.14, -ко 2.24
 желоб 2.17

- желтый 1.16, 2.16, 3.10, 55, -ить 3.60, -ок 3.10
др. желы 2.15
 жемчу|г 1.30, 2.14, -жина 1.47, -жный 1.59
 жена 2.16, 3.10, 35, 49, -атый, -ка, -ний 2.23, -ин 1.54, -ить 1.17, 18, 48, 2.25, 3.63, 74, -их 2.24, -ский 2.25
 жеребей 2.17
др. жеребя 2.23
 жерло (*др.*) 2.16, 24, жерло 1.53
 жернов 2.14, -ой 1.63
 жертвовать 1.65
 о-жестить 3.66
 жестокий 1.18, 2.17, 23, 25, 3.52—54
 жестяной, -ый 1.64
 жечь 2.17, 3.2, 10, 60, 61, 66, 71, 76
 живой 2.17, 3.52, 53, 58, -ить 2.25, 3.60, 72, -отворить 1.26
 живот 2.16, 24, 3.10, 14, 35, -ный 2.25, 3.57
 жид 2.14, 3.45, 47, 4.2
 жид|кий 2.17, 3.53, 58, -ить 1.48
 жизнь 2.14, 23, 3.48
 жила 2.14
 жилище 3.50
 по-жинать 2.23
 жир|ный 3.54, -ить 1.66
 жито 2.14, 3.40
укр. Житомир 2.28
 жит|ь 1.11, 18, 2.17, 3.10, 60—62, 64, -тель 2.25, -тие 1.53, -тье 2.24, 3.13, жилой 1.54
 жиш|во 1.53, -ве 1.18
укр. жовтобрюх 2.28
 жра|ть (*др.* жьрти, жьрати) 2.17, 3.2, 71, 76, -тва 1.53
 жук 2.14, 4.2
 жуцел 2.14
 о-журить 3.60
 жучить 1.66
др. жьрти 'sacrificare' 2.16, 3.60, 66, 71, 76
 за 2.22
 заберег, -а 1.28
 забытье 1.51
 завидовать 1.65, зависть 1.30, 2.27, -ливый 1.48, -ник 2.29, -ный 1.57, 2.29
 завиток 1.51
 заводской 1.54
 заводь 2.27
 заволока 1.28
 заволочье 1.28
 заворот 1.28
 завтра 3.2
 вагоны, -ье 1.28
 заговор 1.28, 2.26, -ный 1.28
 загородный 1.28
 зад 2.16, 4.2
 задруга 1.28
 заем 1.12, 28, 2.26
 закон 2.26
 заком 1.28
 закут 1.28
 замок 1.28
 замок 1.28, 2.26
 заморозки 1.28, 2.26
 замысел 2.26
 занавес 1.28
др. занели 3.10
 запад 1.28, 2.26, 3.47
 запа|дня 1.53, -дь (*др.*) 3.37
 запах 1.28, 2.26
 запись 2.27, 3.44, 49
 заповедь 2.27, 3.44, 48
 запонка 1.28
 запуск 1.28, 2.26
 заработ|ок 1.28, 2.26, -ный 1.28
 заросток 1.28
 заря 3.13, 42, -ить 3.60, 63, 66
 засека 1.28
 заструг, -а 1.28
 засуха 1.28, 2.26
др. засьпа 2.26
 заушить 3.66
 заяц 2.14
 звать 1.18, 54, 2.17, 3.2, 60—64, 69
 звезда 2.17, 3.9, 39, 49, -чатый 1.54
 звенеть 2.17, Звенигород 2.28
 звено 2.16
 зверь 2.17, 3.13, 17, 42, 44, 45, 47, -инный 2.23, -ити (*др.*) 3.68, -овой 1.56, 62, -оловец 2.29
 звон|ить 1.17, -арь 1.53, -кий 1.18, -ница 1.47
 звук 3.43
 здоровый 1.16, 48, 2.14, 3.53, -еть 1.49, -ить 1.66, -ье 2.24
 здравый 2.14, 3.53, -ьти (*др.*) 3.73
 зеленый 1.16, 2.16, 24, 3.55
 зело 2.16, 3.10, 14, 35, зьльни (*др.*) 3.53
 зелье 1.51
 зем|ля 1.12, 2.17, 3.10, 39, 42, 43, -ельный 1.59, 3.54, -ь (*др.*) 2.17, 3.37, -ной 1.58, 3.52—54, 58, 59, -ский 2.25, 3.53
 зеркало 1.28, 2.14, -ьный 1.59, -ьце 1.51
 зерно 2.14, 3.41
 зима 2.17, 3.10, -ний 2.23, -овище 1.47
др. зинути 2.14
 злато 2.17, 3.40, 48, -ить 3.66, -ой 2.17, 3.53, 54, 58

злой 2.16, 3.2, 55, зло 2.16, 3.9, злоб-
 ный 3.53, злость 1.53, злодей (укр.
 злодій) 2.28, 3.28, злочин (укр.)
 2.28
 зме|й 2.16, 3.35, 4.2, -я 2.16, 3.10,
 35, 49
 знак 2.17, 4.2
 знамя 1.10—12, 2.25, знамен|ие 1.53,
 -итый, -овать 2.23, -ить 3.60, -ный
 1.59
 зна|ть 2.14, 24, 3.64, 70, -харь 1.53
 значение 1.67
 знобить 3.75
 зной 2.17, 3.38, 4.2
др. зобати 2.16, 3.62
 зобный 1.59
 зола 2.17
 золото 1.30, 2.17, -ить 1.48, -ко 1.53,
 -ник 1.53, 3.9, 10, -ой 2.17, 3.54,
 -це 1.51
 зрак 3.42
 зрелый 3.53
 зреть 'видеть' 2.15, 17, 3.2, 14, 60,
 61, 72
 зуб 2.17, 3.42, 43, 45, 46, 49, -ной
 3.59, -ок 1.18, -чатый 1.54
 зубрить 1.48
 раз-зудить 1.48
др. зьлы 2.15
 выб|ить 1.66, -ати (*др.*) 2.14
 зябнуть 2.16
 зять 1.30, 2.14, 4.2

 и (*местоим.*) 2.17, 22
 и (*союз*) 2.22
 ибо 3.10
 ива 2.14
 игла 2.17, -ица 1.47
 игра 2.16, 3.49, -ище 1.47
 идти 2.3, 16, 3.2, 10, 14, 60, 61, 71,
 72, 76
др. иже 2.17
 из 2.22
 изба 2.17
 избавитель 2.25
 избранник 1.51
 изверг 1.28
 известковый 1.62
др. изврагь 2.26, 3.17
 изгнанник 1.51
 изгородь 2.27
 изнурить 3.66
 изразец 1.51
 изумить 1.66
 икона 2.14, -оборец 2.29
др. икономъ 3.26
 ил 2.14, илистый 1.50, иловать (*др.*)
 2.23
 или 3.10

Илья 2.16, -ин 1.54
др. имати 2.16, 3.9, 14, 72
 иметь 2.15, 16, 20
 императрица 1.47
 имя 2.17, 3.28, 40, 45, 47, -енитый,
 -еновать 2.23
 индеветь 1.49, 50
 иней 2.14, инистый 1.50
 иной 2.14, 3.28, -огда 2.23, 3.28, *др.*
 -акъ 2.25, -амо, -уду, -ъде 2.23
 инок 2.25, -иня 1.50, 2.23
 инспектор 1.18
 инструктор 1.18
 искать 2.16, 3.61, 62, 70, 72, иск 3.38,
 47
 искра 2.14, -истый 1.48, -иться 1.66
 искус 1.28, 2.26
 испещрить 3.66
 исповедь 2.27, -алья 1.53
 испуг 1.28
 истый 2.14, -ец, -ина 2.24, -овый 1.6
 истопник 1.53
 истязать 3.70
 исчезнуть 2.16, 3.14
 июнь 2.14

 к 2.22, 3.2
 кабан 2.14, 4.2
 кади|ть 2.17, 3.60, 75, -ло 2.23
 каз|ать 2.16, 3.9, 10, 61, 70, 72, -овый
 1.62
 -казить 2.17, 3.64, 66, 68
 казна 2.16, 3.49
 казнь 2.14, 3.37, -ить 2.16, 3.63, 74
 какой 2.17, 25, 3.54
 каковой 3.54
 кал 3.38
 календарь 1.51
 калить 1.17
 камень 1.30, 53, 2.14, 4.2, -еть 2.23,
 3.73, -ие (*др.*) 2.24, -истый 2.23,
 -ноугольный 1.28
 камора 2.14
 канон 2.14, 3.5
 кап|ать, -ля, -нуть 2.14
 караван 3.9
 карий 3.53
 карта 3.43
 кат|ить 2.17, 3.75, -ыш 1.51
 кафтанишко 1.47
 каша 2.14, -ица 1.47
 кашель 2.14
 каяться 2.14
 квас 2.7, 17, 3.38, -ить 1.66, 2.7, 14,
 -цы 3.10
 квашня 1.53
 с-квитать 1.49
 кедр 2.14

- кидать 2.14
 кий 3.43, 4.2
 кила 2.14
 кинуть 1.49
 кипеть 2.17
 кисель 2.16
 кис|лый 3.54, -лить 1.66, -нуть 2.14
 кисть 2.14
 кит 2.14, 4.2, -овый 2.25
др. -кладати 2.23, 3.73
 кланяться 2.7, 14
др. клась 2.17, 3.42
 класть 2.17, 3.10, 60
 клевать 2.17
 клевет|ать 2.16, 3.70, -арь (*др.*) 2.24, -ник 1.53
 клеить 1.46, 48, 66, 3.2
 клеймо 3.41, -овщик 1.68
 клен 2.17, -овый 1.62
 клепать 2.16
 клеть 2.17, 3.37, 44
 клешня 1.53
 клик|ать 2.14, 3.73, -нуть 2.14
 клин 2.14, 4.2
 флок 4.2
 клонить 1.48, 2.7, 17, 3.10, 61, 63, 64, 72
 клоп 2.16, 3.10
др. клоноть 2.17, 3.42, 47
др. клосьныи 2.16, 3.57
 ключ 2.16, -ик 2.24, -ный 3.57
 -ключить 1.17, 2.17, 3.64, 66, 74
 кня|сть 1.11, 18, 54, 2.17, 3.61, 71, -тва 2.14, 23
 книга 2.14
 кнут 3.10
 князь 1.30, 2.17, 3.2, 28, 42—47, княгиня 2.23, княж|еский 3.2, -ество 2.24, -ить 1.66, 67, -ич 1.51, 2.23, *др.* к|ьянжъ 3.54, -ия 2.24
 кобылица 1.47
 ков|ать 2.17, 3.64, 69, 72, -ачь (*др.*) 2.24
 ковровой, -ый 1.63, -щик 1.68
 ковчег 2.14
 когда 2.23, 3.10
 кожа 2.16, -ан 1.41, -аный 1.64, -ух 2.16
 коза 2.17, 3.49, -ел 2.16, -лице 1.47, Козин 1.52
 козырь 1.28, 30, -ной, -ный 1.59
 кокиль 1.11
 коконщик 1.68
 кокошь 2.17
 кол 2.16, 3.10, -ие (*др.*) 2.24
 колбаса 3.49
 колд|овской, -овство 1.52, -ун 3.35
 колебать 2.16
 колесо 2.14
 колесница 1.47
др. колнкъ 2.23, 3.5
 коло (*и* кола 'повозка') 2.17, 3.40
 колоб 2.17
 коловорот 2.28
 колода 2.14, -ие (*др.*) 2.24, -ица 2.23
 колодязь 2.14
 колокол 1.30, 2.17, 3.42, 43, -ьный 1.59
 колос 1.30, 2.17, -ник 1.53
 коло|ть 2.16, -тье 1.51
 колошник 1.53
 колыхать 2.16
 кольцо 1.12, 2.24, 3.41, -цевой 1.63, -чуга 2.23
 комар 2.16, 3.13, 42, 44
 кондуктор 1.18
 кон|ец 2.14, 3.10, -цевой 1.63, -чить 1.66
 конопля 3.49
 конь 1.11, 2.16, 3.5, 10, 13, 35, 42, 47, 4.2, -евъ (*др.*), -ский 2.25, -ина 2.23, -ный 3.5, -овязь, -ов'язь (*укр.*) 2.28, -юшня 1.53
 копа 2.17
 копать 2.15, 3.5, 70
 кошить 1.48
 кошна 2.17
 копыто 2.14, -ень 1.43
 копьё 2.16, 3.35, 41
 кора 2.16
 корабль 2.16, 3.14, 35, -ец 2.24
 корень 2.17, -ить 3.60, 66, -ной 1.58
 корить 2.17, 3.61, 66, 68
 корм 2.17, 3.38, 42, 45, -ить 1.18, 2.16, 3.62, 63, 67, 74, -ля 2.14
 корма 2.16, 3.49
 короб, -ья 2.17, -ить 1.66
 корова 2.14, -ий 2.24
 коровай 3.9
 король 2.16, 3.44, -ев 2.25
др. коромола 2.16, -ити 3.63
 короста 2.14, -авъ (*др.*) 2.25
 короткий 1.16, 18, 2.16, 23, 25, 3.54, 57, -оволновый 1.62
 корпийный 1.41
 корректор 1.18
 корчаг 2.14
 корыстоваться 1.65
 корыто 2.14
 коряк 1.44
 коса₁₋₃ 1.17, 2.17
 косарь 1.53
 косить (траву) 1.18, 'кривить' 1.48
 косой 2.17
 коснуться 2.16
 косный 3.54
 костромской 1.54
 кость 2.17, 3.13, 44, -ный 1.59

- кот 2.16
 котел 2.16
 др. котора 2.14
 кофейня 1.53
 кочевой 1.63
 кош 2.16
 др. -кратати 3.73
 край 2.14, 4.2, блр. 3.28
 краковяк 1.44
 крамола 2.16
 крапина, -ка 1.50
 краса 2.16, -ивее 1.48, -ить 1.66, 2.16, 3.67, 74, -ный 1.16, 2.25, 3.10, 54, 57
 красть 2.14
 -кратить 2.17, 3.60, 63, 64, 66, 74
 кремль 2.16
 крен 1.30
 креп|ить 3.60, 63, 66, 68, -кий 2.17, 25, 3.53, 54, 58, 4.3, -ость 1.18, 2.25, 3.37, 44, 49, -остца 2.24
 вос-крес|ить 2.17, 3.66, -нуть 2.16
 крест 2.16, -ить 1.18, 48, 2.17, 3.60, 64, 66, 74, 75, -чатый 1.54
 кривой 2.17, -ить 3.60, 68
 кри|кнуть 2.16, 25, -чать 2.17, 3.61, 62
 кров 2.16, 3.42, 48, 4.2
 кровать 2.14
 кровь 2.17, 3.28, 37, 44, -авик 1.51, -авить 2.25, 3.75, -авый 2.25, 3.52—54, 4.3, -ный 3.58
 кроить 1.48, 3.60, 68
 крольчиха 1.50
 кроме 2.16, 3.10
 крошить 2.17, 3.60—62, 66
 крот|кий 2.17, 3.53, 54, 58, 59, -ить 3.60, 63, 66, -ость 3.37, 48
 кро|ха 2.16, -шить 1.18, 3.75
 круг 2.17, 3.42, 47, -лый 2.16, 3.55, -оверть 1.43
 круж|ить 1.18, 48, 3.66, -ево 1.12, 2.25, -евце, -евцо 1.51, -ковой 1.63
 крупа 2.16, 3.49, -чатый 1.54
 кру|той 2.17, 3.53, -ча 2.14
 круч|еный 1.48, -иновать (др.) 2.23
 крушить 2.17, 3.60, 61, 66
 крыло 2.16, 3.41, -атый 2.23, -ить 3.66
 крыть 2.14, 3.18
 кр|юк 4.2, -чить 1.66, -чковой 1.63
 кряжистый 1.48
 кто 2.17, 3.2
 куда (до-, от-) 2.23, 3.9
 кум 1.30, -овской, -овство 1.52
 кумир 2.14
 куна 2.16, 3.49
 куш|ать 2.16, -ель 2.23
 купина 1.47
 куш|ить 2.16, 3.10, 62, 63, 67, 72, 74, -ля 2.14
 кур 2.14, -ица, -я (др.) 2.23
 куренной 1.59
 кус 2.17, 3.42, -ить 2.16, 3.61, 67, 74, -ковой 1.63
 ис-кусить 2.16, 3.60, 67, 74
 куст 2.14, 4.2
 кут 2.16
 кутать 2.14
 кухарь 1.51, 53, -ить 1.66, -ка 1.53
 кухонный 1.57
 кучерской 1.54
 кушать 2.7, 14, 3.73
 лавровый 1.62
 лад|ный 3.54, -ить 1.66
 ладья, лодья 2.17, 3.13, 39
 лазить 2.14
 лайнуть 1.49
 ламповщик 1.68
 лапоть 1.30, 3.47
 ларь 2.16, -чик 2.24
 ласка 2.14, -авь (др.) 2.25
 лаять 2.14
 лгать 2.16, 3.2, 60, 64, 70, 76
 лебеда 3.10
 лебедь 2.17
 лев 2.16, 3.2
 левый 2.17, 3.31, 58, 4.1
 лег|кий 1.12, 16, 2.16, 25, 3.54, 57, -чить 3.66
 лед 2.17, 3.38, 42, 45, -енец 3.9, -ник 1.53, -овый 1.63, 2.25, -яной 2.25
 леж|ать 3.10, 60—62, 75, -а 1.48
 лезвийный 1.41
 лезть 2.14
 лекарь 1.30, 53, -ство 1.53
 лелеять 2.14
 леме|х 1.28, -шный 1.59
 лен 2.17, 3.2
 лень 1.30, -ивый 2.23, -иться 1.17, 18, 48, 3.60, 75, -ость 2.25, лѣнь (др.) 2.17
 лепить 1.48, 2.17, 3.68
 лепота 2.25, др. лѣпъ 2.17, 3.53, 54, -отный 3.54
 лес 2.17, 3.38, 42, 43, 45—47, 49, -ной 3.59, -ок 2.24
 лесть 1.30, 2.17, 3.2, 37, 44
 лет|еть 2.17, 3.61, -ный 1.60
 лето 2.14, 3.48, -описец 2.29, -опись 2.28
 лечить 1.48, 2.17, 3.60, 66
 лечь 2.14, 3.71
 лживый 2.23
 ли (союз) 2.14, 22, (част.) 2.22
 лизать 2.16
 лик 'сомн' 2.17, 3.47, 4.2
 др. ликъ 'возглас ликования' 3.42
 лилов|еть 1.49, -ее 1.48

- линейка 1.53
 липа 2.14, -ец 1.51
 лист 2.17, 3.38, 42, 43, 45, 4.2
 Литва 2.16, 3.10
 литровый 1.62
 лить 1.11, 18, 54, 2.3, 17, 3.2, 54, 76
 лихва 2.14, 3.43
 лихой 2.17, 3.53
 лицо 2.16, 3.10, 13, 14, 35, 41, -евой
 4.3, личной 1.59, 4.3
 -личить 3.66, 74
 лишить 2.17, 3.60, 64, 66, 68, 75
 лоб 2.16, 3.2, 10, 38
 лобзать 2.16
 лов 2.17, 3.42, -ец 3.10, -ить 2.17,
 3.60, 62, 66, 75, -итва 2.23, -кий 3.59,
 -ля 2.16
 Ловать 3.37
 логовище 1.50
 ложе 2.16, 3.48
 -ложить 2.17, 3.9, 10, 14, 60—64,
 66, 68, 72, 74, 75
 лоза 2.17, -ник 1.53
др. лои 2.17
 локоть 1.28, 2.17, 3.44, -ить 1.17, 18,
 -ник 1.53
 лом|ать 3.5, 70, -ить 1.48, 2.16, 3.17,
 61, 63, 67
др. лони 2.17
 лоно 2.16, 3.5, 48
 лопастный 1.59
 Лосиноостровская 1.28
 лоск 1.30
 лососевый 1.62
 лось 2.17, 4.2
 лохань 2.14
 лошадь 1.28, 2.17, 3.10, 31, 37, 44,
 49, -иный 2.23, -ник 1.53
 луг 2.17, 3.38, 42, 45, 47
 лудить 1.18, 48
 лук (оружие) 2.17, 3.42, 43, 4.2
 лук (растение) 2.14
 лука 2.16, -авый 2.25
 Лука 2.16
 луна 2.16, 3.10, 49, -иться 3.74
 лунь 4.2
 лупить 1.48, 2.16
др. луча 2.16
 -лучить (*из* *lučiti и *lučiti) 2.17,
 3.60, 63, 64, 66, 68, 74, 75
др. лъжь 'ложный' 3.2, -а 2.16
 лыжня 1.53
 лыко 2.14
 лысина 1.47
 львов 2.25
 льнуть 3.2
 льняной 3.2
 льсти|ть 3.2, 63, 66, -вый 2.23
др. льяти 2.17
 люби|ть 1.18, 48, 2.16, 3.10, 14, 61,
 63, 67, 72, 74, -микъ (*др.*) 2.24,
 об-любовать 3.5
 любовь 2.15
 любой, -ый 2.17, 3.53, 54
 люди 2.17, 3.10, 13, 14, 44, 45, -ской
 1.54, 2.25
 лютый 2.16, 3.35, 55, -ость 2.25
др. -лякати 2.16
 маета 1.47
 маз|ать 1.30, 2.14, 3.73. -ло 1.53,
 -нуть 1.49
 мак 2.14, 3.38, -овник 1.47
 малый 1.16, 2.14, 23, 3.10, 28, 53, 54,
 -ѣти (*др.*) 3.73, -ец 1.51, -ик 1.51,
 2.24, -ить 3.8
 мальчиковый 1.63
 маляр 1.44
 маневровый 1.63
 манить 1.48
 мантийный 1.41
 -мануть 2.17, 25, 4.4
 маньяк 1.44
 марганцовый 1.62
 масло 1.12, 2.14, -ина 2.23, -ить 1.66,
 -ице 1.51, -яник 1.47, -яный 1.64
 мастер 2.14, 3.45, 47, -овой 1.63,
 -ская 1.54, -ство 1.53
 масть 2.17, 25, 3.44, -ить 3.66
 матер|ный 1.59, -щина 1.47
 мать 2.14, 3.44, матер|ин 1.54, 2.24,
 -ик 1.51, -ний 1.54, 2.23
 махать 2.16
 махроветь 1.49
 машинопись 1.43
 мед 2.17, 3.38, 42, -вяный 1.64, 4.3,
 -овой, -овый 1.62, 4.3
 медведь 2.14, 4.2
 медь 2.14, мѣднѣ (*др.*) 2.25
 межа 2.16, 3.49, -ник 1.53
 с-межить 2.17, 3.64
 мел 2.17, -овой 1.62
 мелкий 3.53, 54, 4.1, мелочь 1.18,
 -ник 1.51, -ной 1.58
 мельница 1.47
 мена 2.16
др. мѣнити 'думать' 3.60
 -меньить 1.48, 2.17, 3.63, 64, 66, 68, 75
 меньше 3.28, -ина (*др.*) 2.24, -инство 1.18,
 53, -ить 1.66
 мера 2.14, 3.43, -ить 3.8, 73, -ило 2.23,
 -ильщик 1.41, -ять 3.73
 -мереть 1.11, 54, 2.17, 3.2, 60, 61, 64,
 71, 76
 мерз|кий 2.14, 3.54, -еть 2.14
 мерзнуть 2.14
 меркнуть 2.14
 мерный 3.53

- мертвый 1.16, 2.16, 3.13, 55, -ить 3.14, 60, 66, 74
 месить 2.16, 3.67, 74
 места 2.17, 3.66, 68, 71
 место 2.14, 3.10, 41, 4.2, -ечко 1.53, -ечковый 1.63, -ить 3.66, -ный 1.59
 месть 2.17, 3.2
 меся|ц 2.14, 4.2, -чина 1.50, 2.23
 мет|ать, -нуть 2.16
 мет|ить 2.14, -чик (инструмент) 1.53
 метровый (кило- и т. д.) 1.62
 мех 2.17, 3.42, -овой 1.62
 меч 2.16, меч-кладенец 1.51
 мещанин 1.69
 мзда 2.16, -итися (др.) 3.74
 милость 2.25, -ивый 1.41, 2.23, 4.6, -быня 1.50, 2.23
 милый 2.14, -ить 3.66, -овать 1.65, 2.23
 миндалевый 1.62
 мицуть 2.17, 25, 3.54, 60, 63, 64, 72, 4.4
 мир₁₋₂ 1.30, 2.17, 3.38, 48
 мир|ить 3.14, 60, 63, 68, 75, -ный 3.53, 54, 58, -ной 1.58, -ской 1.54, 3.53, -янин 2.23, 25
 миро 2.14
 -мкнуть 2.16, 3.76
 младой 2.17, 3.53, 58
 млат 2.17
 млеко 2.16, 3.13
 мних 2.14
 многий, -о 2.14, 27, 3.26, 53, 54, -овеко-
 вый 1.62, -оглаголивый 1.41, -ост-
 растный 2.29
 множ|ить 3.73, -ество 2.24, -итель,
 -ительный 1.41, 4.6
 могила 2.14
 могорец, магарыч 3.9
 др. могут 3.17
 модель запуск 1.28
 модель засуха 2.26, 27, 29
 модель заход 1.28
 модель летопись 2.28
 модель окуп 2.26, 27, 29
 модель отрок 2.26, 27
 модель поезд 1.28
 модель поток 2.26—29, 4.6
 модель проезд 1.28
 можно 3.54
 мозг 2.17
 мой 3.2, 9, 14, 17
 мойный 1.60
 мокнуть 2.16, 25
 мокрый 2.16, 3.54, 55, -ота 2.25
 молва 2.14, 3.10, 50, -ить 2.14
 молить 1.17, 48, 2.16, 3.10, 14, 61—
 63, 72, 74
 молкнуть 2.16
 молния (молонья) 2.15, 3.26, -йный 1.41
 молодой 1.16, 2.17, 23, 3.53, -ец 1.51,
 2.24, -ость 1.53
 др. молозиво 2.25
 моло|ко 2.16, 3.10, 13, 41, -чко 1.53,
 3.10
 молот 2.17
 молотить 2.16
 молоть 2.16
 молча|ть 2.17, 3.13, 14, 60—62, 75,
 -ливый, молча 1.48
 моль 2.16
 мольба 2.24, 3.8
 монастырь 3.10
 мор 2.17, 3.38
 мордва 2.16, 3.35
 море 2.17, 3.40, 41, 45, 47, -ской 1.54
 морить 1.48, 2.17, 3.66, 75
 морковь 2.15
 мороз 2.14, -ить 1.67
 морок 2.17
 морось 1.30
 Москва 2.15
 мост 2.17, 3.38, 42, 45, 47, 4.2, -ить
 3.66, 68
 мотать 3.5
 мотня 1.53
 мотов|ской, -ство 1.52
 мотор 1.43
 мох 2.16, 3.2, 4.2
 моч|ить 1.48, 2.16, 3.61, 67, 72
 мочь (глаг.) 1.48, 2.16, 3.5, 10, 13, 26,
 61, 71, (все)могущий 1.48
 мочь (сущ.), мощь, мощи 2.17, 3.44,
 мочный, -о 3.52—54
 мошна 2.16
 др. мразь 2.14, -ити 3.60
 мра|к 1.30, 2.17, 3.45, -чить 3.63, 66,
 -чный 3.53, 54, 58, 59
 Мстислав 2.28
 мстить 3.2, 66
 мудрый 2.16, 3.35, 54, 55, -еный 1.18,
 48, -ость 2.25
 муж 1.30, 2.17, 3.13, 28, 42—49, 4.2,
 -ество, -ик 2.24, -ний 2.23, -ской
 1.54, 2.25, 3.53
 му|ка 2.14
 му|ка 2.16, 3.10
 муравить 1.66
 мускулистый 1.50
 мут|ить 1.18, 48, 2.17, 3.66, 74, -ник
 1.53
 мучи|ть 1.66, 67, 3.73, -тель, -тельный
 3.73
 мучной 1.59, 4.3
 мчать 2.17, 3.2
 мшанный 1.64
 мы 2.17, 19, 22
 мыло 1.18, 30, -ить 1.66, -ьный 1.59

- мысль 2.14, -ить 1.67, 3.73, -мышлять 3.8, 73
 мыт|арь 1.51, 53, 2.24, -о 2.16, 3.41
 мыть 2.3, 14
 мышца 1.51, 2.24
 мышь 2.14
др. мьдзьль 2.16, 25
др. мьне 2.23, -ни 3.2
др. мьнѣти 3.2, 10, 60, 61
др. мьчъть 2.17, 3.42
 мяг|кий 2.17, 3.53, 54, 58, -чить 3.75
 мякнуть 2.14
 мясо 1.30, 2.17, 3.40, 45, 47, 48, -ко 1.53, -ной 3.59, -цо 3.35
 мясти 2.17, 3.71, мятеж 2.23
 мята 2.14
 мять 2.16, 23, 3.2
- на 2.22
 набережная 1.28
 набожный 1.28
 навис 1.28
 наволо|к, -ка, -ча 1.28
 навук 1.28
 наглый 2.16
 нагой 2.17, 3.10, 53, 54, 58, об-на-жить 3.64
 над 2.22, 3.48
 надгробный 2.29
 надкус 1.28
 надменный 3.66
 надолб, -а 1.28
 наем 1.12, 28, 2.26, -ник 2.29
 назло 1.28, 3.9
 наигрыш 1.28, 46, 3.2
 наймовати (*др.*), наймит 2.23, 29
 найденыш 1.51
 наклейной 1.60
 намерение 1.67
 напасть (*суц.*) 1.43, 2.27
 наплеск 1.28
 народ 2.26, 3.28, об-народовать 1.65
 нарочитый 2.23
 нарочный 1.28
 нарыск 1.28
 насморк 1.28, 2.26
 настовик 1.51
 настриг 1.28
 наструг 1.28
 натиск 1.28
 нахлыст 1.28
 начаток 2.24
 нашестъ 1.43
 не 2.22, 26, 27, 3.48
 небо 2.17, 3.40, 47
др. небогъ 2.27
 невеста 2.14
 невидимка 1.53
 недопись 2.27
- недоросль 3.47
 недруг 1.28, 2.27, 3.42, 43
 недуг 2.27, 3.45
 незлобивый 1.41, 2.23
 неklen 1.28
 нелешый 4.3
 нельзя 3.9
 немец 1.51, о-немечить 1.66
 немой 2.17, 3.53, 58
 немо|чь, -шь 2.27, 3.37, 44, 48
 ненависть 1.30, 2.27, 28, *укр.* 2.27, 28, -стник 2.29, -стный 1.57, 2.29
 необычайный 1.57
др. неплодъ 2.27
 неприступный 1.57
 нерест 1.30, 2.17
 Нерль 3.37
 нершовщик 1.68
 несказанный 1.54
 неслух 1.28
 нести 2.17, 3.10, 13, 14, 60, 61, 66, 68, 71, 72
 неуд 1.28
 неук, неуч 1.28, 3.2
 неустанный 1.54
 нечет 1.28
 ни 2.22
 нива 2.14
 низ 3.38, -ить 1.66, 2.14, -кий 2.14, 4.1
 низать 2.16
 никнуть 2.14
 никто 2.9, 3.14, 3.28
 нить 2.14, -ка 2.23, -яный 1.64
 ничто 2.9
 нищий 2.14, 3.53, -ета 2.25, 3.50, -ити (*др.*) 3.66
 но 2.22
 Новгород 2.9, 29, 3.46, новгород|ец, -ский 2.29
 новый 2.9, 17, 29, 3.5, 53, 58, 4.3, -ик 1.51, -ить 3.60, 63, 66, -ость 1.18
 нога 1.17, 2.17, 3.13, 42, 49, нож|ка 2.23, -ной 3.59
 ноготь 1.28, 2.17, 3.42, 43
 нож 2.16, 3.10, -ик 2.24
 ноздря (*и др.* ноздрь) 2.16, 17
 норов 2.17, -ить 2.17, 3.62
 нос 2.17, 3.38, 42, 43
 носи|ть 2.16, 3.28, 60—64, 74, -ло 2.23
 ночь, ношъ 2.17, 3.13, 37, 44, ночной, ношныи (*др.*) 3.58, 59
 ноша 2.16
 ноябрь 2.16
 прав 2.14, 3.42, 43
др. по-нрети 2.17, 3.76
 -нудить 1.48, 2.14, 3.63, нужна (*др.*) 2.14, -ный 3.53
 нутро 2.16, 3.10

- ныть 2.14
 др. -нѣзти 2.17
 нѣхнуть 1.49
 -нять см. -ять
- о (об) 2.22, 3.48
 оба 2.17, 19, 3.14
 обед 2.26
 оберег 1.28
 обеспечение 1.67
 обетованье 3.14
 обжа 2.14, 31
 обжиг 1.28
 из-обилловать 1.65
 обла|ко 3.40, -къ (др.) 2.26, 3.38, 42, 43, 45, 47, -чко 1.18, 53, -чный 1.59
 область 2.17, 27, 3.37, 44
 облик 1.28
 обморок 1.28
 обнаружение 1.67
 др. обнощны 2.29
 обод 1.30, 3.42
 др. обои (прилаг.) 2.25, 3.54
 др. оболочи 3.14, 66
 обособление 1.67
 образ 1.28, 2.26, 3.42, 43, 45, 47
 обре|сти 2.14, 3.66, 67, -тать 3.73
 обруч 1.28, 2.26, -ный 1.59
 обу|ть 2.14, -вь 2.27, -вной 1.59
 обух 1.28
 обуять 1.54
 об|щий 2.16, 3.55, -ина 1.47, об-общество|вить 1.66
 обыск 3.38, 42, 45, 47
 обычай 1.47
 Обь 3.37
 овен 2.16
 овес 2.16, овс|ец 2.24, -яной, -яный 1.64, 2.25
 овод 1.28
 овощ 2.16, 3.44, -ие (др.) 2.24
 овца 1.12, 2.16, 17, 3.13, 48, 49, овеч|ий 2.24
 др. овь 2.16, 17
 огонь 2.16, 3.10, 35, огн|евой 4.3, -иво 1.53, 2.25, -ище 2.23, -ищанин, -ьнъ (др.) 2.25
 один 2.16, 3.10, 13, -акъ (др.) 2.25, -окий 1.48, 2.25, однава 3.10
 одно|полчанин, -сельчанин 1.69, -цилинд|ровый, -яйцовый 1.62
 одр 2.16
 озвучение 1.67
 озеро 1.10—12, 28, 2.17, 3.40, 45, 47, -ко 1.53, 2.24, -цо 1.18, 51, -ный 1.59
 ознакомление 1.67
 озор|ной 1.58, -ник 1.53, -ничать 1.55, -ство 1.52, 53
- Ока 2.16, 3.35
 окаянный 1.54
 окисел 1.28
 окно 2.16, 3.5, 13, 41
 око 2.17, 18, 3.40
 окоро|к 1.28, -чный 1.59
 окрик 1.28
 округ 1.18, 28
 октябрь 2.16
 окуневый 1.62
 окуш 2.26, 3.48
 Олег 2.16
 олень 2.14
 олово 2.17, -янный 1.64
 ольха 2.14, 31
 омулевый 1.62
 омут 1.28
 он 1.12, 2.16, 3.10, 14
 др. он|амо, -ъде 2.23
 опашь 2.27
 опийный 1.41
 опись 2.27
 др. опосле 3.10
 опрощение 1.67
 оптовый 1.63
 др. опухль 3.38
 опыт 1.28
 орать 'пахать' 2.16, 17, 3.69
 орать 'кричать' 2.17
 орда 2.16, 3.49
 ор|ел 2.16, 3.13, 42, -лица, -ья (др.) 2.23
 оре|х 2.14, -шек 2.24
 оркестровый 1.63
 оруд|ье 2.17, 24, -овать 1.65, со-орудить 2.17
 оружие 2.17, 24, во-оружить 2.17, 3.68
 оса 2.16, 3.5
 осведомить 1.48, 67
 осел 2.16
 осень 1.30, 2.17, 3.37, -ний 2.23
 осетр 2.16
 др. ослошь 2.26
 основ|ать 3.5, 14, 64, 69, -ной 1.58, 59
 оспа 2.26
 особый 1.48
 останец 1.51
 остен 2.16
 остов 1.28
 осточертеть 1.49
 остров 1.28, 2.17, 26, 3.38, 42, 43, 45, 47, 49, -ичь (др.) 2.23, -ской 1.54
 острожник 1.53
 острый 1.12, 16, 2.16, 3.54, 55, -ие 1.53, 2.24, -ить 3.74
 осязать 2.16
 от 2.22, 3.48
 отверже|нец 1.51

- отвечать 3.73
 отдых 1.28
 отец 2.14, 3.10, 35, -ечество, -чество
 2.24, -чизна 1.51, -чим, -ьчичь (др.)
 2.23
 отжиг 1.28
 отзыв 1.28
 отклик 1.28
 откуп 1.18, 28, 2.26, 3.38, 42, -щик 1.68
 откус 1.28
 др. отокъ 3.45
 оторошь 2.27
 отпрыск 1.28
 отпуск 1.18, 28, -ник 1.53, отпуст 2.26
 отрасль 2.27, -евой 1.63
 отрок 1.28, 2.26, 3.42, 43, 45, 50,
 -ковица 2.29, -ча (др.) 2.23, 29,
 -чищъ (др.) 3.14
 отруб 1.18, 28, -ный 1.59
 отруби 1.18, 28, 3.44, -яной 1.64
 отсвет 1.28
 отставник 1.53
 др. оттоли 3.10
 отч- см. отец
 отыгрыш 1.28
 охрянный 1.64
 оцеп 1.28
 оцет 2.16, 4.2
 очередность 1.53
 очеретянный 1.64
 очерк 1.28
 очный 1.59
 очутиться 1.17
 ошва 2.26
 ошутить 3.74
- Павлов 3.28
 паволока 2.27
 пагуба 2.27
 падать 2.23, 3.18, 73
 пазник 1.53
 пай 4.2
 пакляный 1.64
 палата 2.14, -ка 2.23
 палец 1.51, пальцевой 1.63
 палить 2.16, 3.66, 74, -ьник 1.53
 память 2.27, 3.37, 44, -ливый 1.50,
 -овать 1.65
 пан 2.16
 папа (римский) 2.14
 пар 3.38, -ить 1.66, -илка,
 -ильщик 1.41
 пара 2.14
 парить 'лететь' 2.14
 паром 2.14
 парус 2.14, 3.43, 4.2
 паскуда 1.28
 паспорт 1.30
 пасти 2.17, 3.60, 61, 66, 71
- пасть (глагол.) 2.17, 27, 3.18, 60, 62
 пасха 2.14
 пах 3.38
 пах|ать 2.16, -арь 1.53, -ота 1.47
 пекарь 1.18, 30, -ный 1.57, -ня 1.53
 пекло 2.16, 24
 пелена 2.16, 3.35, 49
 пена 2.14
 пень 3.2
 др. пѣнязь 2.14
 пенять 1.49
 пепел 2.17, 3.38, -есь (др.) 2.25, 3.54
 первый 2.14
 пере|вязь, укр. -в'язь 2.27
 перѣд 2.22, 3.48
 переѣм 2.26
 перепись 2.27
 перерва 2.26
 переступень 1.43
 переть 1.11, 18, 54, 2.17, 3.64, 76
 пер|ец 2.24, -цовый 1.62, -чить 1.66
 перловый 1.62
 Пермь 3.37
 перо 2.16, 3.10, -ие (др.) 2.24, -истый
 1.48
 перси 2.14, 3.48
 перст 2.16, 3.14
 пес 2.16, 3.2, -ий 2.24
 песнь 2.14, 23
 пес|ок 2.16, 3.10, -очек 2.24, -чаный
 1.64
 пест 2.16
 пест|овать 1.65, 2.14, -ун 2.24
 пестрый 1.16, 2.16, 3.2, 10, 55, -ина
 2.23, -ота 2.25, -ядовый 1.62
 петл|ять 1.49, -ица 1.47
 Петр 2.16, 3.10
 петушиться 1.66
 петь 2.17, 3.5, 61, 72
 печаль, -овать 2.23
 печать 2.14, за-печатлеть 1.49
 печень 1.30
 печь (глагол.) 2.17, 3.10, 60, 66, 68, 71
 печь (суш.), пещь 2.17, 3.37, печной,
 пещный 3.58, 59
 пеший 2.14
 пешня 1.53
 пиво 1.30, 2.17, 3.40, -ко 1.53
 пиковый 1.62
 пила 2.16, 3.49, -ить 1.18, 48
 пир 2.17, 3.38, 42, 47
 пирог 2.16
 писарь 1.18, 53, 2.24, -ский, -ской 1.54
 пис|ать 2.16, 3.61, 68, 70, 72, -мя (др.)
 2.25, -ьмо 1.18, 2.16, 3.10
 писк 2.17, 3.45, -аги (др.) 2.16
 питать (и др. питѣти) 2.15
 пи|ть 1.11, 18, 54, 2.3, 17, 20, 3.2,

- 53, 60, 64, 72, 76, -тие 1.53, -тье 2.24, 3.13, 14
пища 2.14
плавать 2.7, 14, 3.73
плавить 1.67, 2.14
др. плавь 2.17
плак|ать 2.14, 3.73, -нуть 1.49
плат 2.17, 3.38, 42, 43, 4.2, -ок 3.10, -ье 1.51
платить 1.18, 3.63, 66, 75
др. платньо 2.16, 3.13, 41
плач 2.14, 3.48, *блр.* 3.28
плащ 2.16, -аница 2.23
плевать 2.14
племя 2.15
плен 2.17, 3.38, -ить 3.63, 66
плесневеть 1.49, 50
плести 2.17
плеть 2.17, 3.44, -ень 1.43
плечо (*и др.* плече) 2.16, 3.41, -истый 2.23
плешь 3.37
плод 2.16, 3.45, 4.2, -ить 2.16, 3.74
плоский 2.16, 3.55, -ость 1.18
плот 2.16
плоть 2.17, 3.4, 36, 37, 44, -ить 3.66, 68, -янь (*др.*) 3.54
плохой 2.17
площадь 2.17, 3.37
плу|г 2.14, 4.2, -жник 1.53
плутов|ской, -ство 1.52
плыть (*и др.* плути) 2.7, 17, 3.14, 62, 64
плюнуть 2.14
плюсна 3.49
др. плоче 2.16
плющевой 1.56, 62
плющить 2.14
плясать 3.62
по 2.22, 3.36, 38
победа 2.26, 3.14
повар 1.28, 30, 2.26, 3.42, 45, 47, -ской 1.54
повесть 1.18, 2.27, 3.44, -вовать 1.55
повод₁₋₂ 1.28, 30, 53
поводь 2.27
поганин 2.23
погиб 1.28
погреб 1.28, 2.26, 3.5, 42
погремок 1.51
под (*предл.*) 2.22, 3.48
под (*сущ.*) 3.38, 4.2, -овый 1.63
податель 2.25
подать (*сущ.*) 1.18, 2.27, 3.44
подви|г 1.28, 2.26, 3.42, 43, 47, -жник 1.28, 2.29
подволока 1.28
подгрудь 1.28
подавки 1.51
поддубень 1.43
подземный 2.29
подкуп 1.28
подле 3.10
подлинь 1.28
о-подлить 1.66
подмастерье 1.28
подмости 1.28
-подоб|ить 1.67, 3.60, 61, 63, 73, -ный 3.54
одолянин 1.69
одошва 2.26
подпол 1.28
подрез 1.18, 28
подростковый 1.63
подрывник 1.53
подслеповатый 1.31
подуздоватый 1.31
подъём 2.26
поезд 1.18, 28
пожня 1.28, 2.26
позади 3.48
позвонок 1.51
поздний 3.57
позор 2.26
поиск 1.28
поить 1.48, 2.17, 3.2, 60, 66, 72, 75, поило 3.2
показной 1.58
показанный 1.54
поклон 2.26
покоить 1.67
покров 2.26
покупщик 1.68
пол 'настил' 2.17, 3.38
пол 'половина', 'sexus' 2.17, 3.14, 38, 42
поле 2.17, 3.40, 45—47
полезный 1.57, 2.29
полено 2.14
др. польти 2.17, 25
ползти 2.7, 17, 3.71, -ать 2.7, 14
полицей 1.47
пол|к 2.16, 3.38, 48, -чище 1.47
полный 1.16, 2.14, 3.53, -ить 1.66, 3.67, 73, -ять 2.23, 3.73
половый 2.17
полог 1.28
полоз 1.30, 2.17
полон 2.16, 3.35, 38, -ить 2.17
полосный 1.59
полость 1.18
полотно 2.16, 25, 3.13, 41, -ище 1.47, -яный 1.64
пол(о)ть (*сущ.*) 3.44
полоть (*глаг.*) 2.16
полсть 2.17, 3.44, -яной, -яный 1.64
польмя 2.25
польза 2.26, -овать 1.65

- поляк 1.44
 помазок 1.51
 помело 1.53
 поморянин 1.69
 помо|щь, -чь 2.27, 3.37, -чи 1.18,
 -ществовать 1.55, -щик 2.29
 помысел 2.26, 3.42, 43, 45
 помянуть 2.17, 25, 3.60, 63, 64, 4.4
 понизовый 1.62
 понюх 1.28
 поп 2.16, 3.5, 49, *др.* -инь 2.23, -ья
 2.24
 поплавок 1.51
 попрать 2.17, 3.60, 69
 поприще 3.5
 пора 2.17
 поречанин 1.69
 порог 2.14
 порожд|жь (*др.*) 2.16, -ний 2.16, 3.13,
 57, -нить 1.66
 пороз 2.17
 порозну 1.28
 порось 2.27
 поросля 2.23
 пороть 2.16
 порох 2.17
 портить 2.14
 портовый 1.63
 порт(ы) 'одежда' 2.17, 3.42, 43, -нице
 2.23
 поручи 1.28
 порыск 1.28
др. посагнути 2.14
 посвист 1.28
 посел|ковый 1.63, -ьчанин, -янин 1.69
 посетить 2.14
 посконь 1.30, 2.17, -ный 1.57
 посланник 1.51
 после 2.16, 3.10
 послу|х 3.43, 45, 47, -шник 1.28
 посол 1.28, 2.26
 посох 1.28, 2.17, 26, 3.42, 43, 4.2
 пост 2.16, 3.9, 10, 35, 48, -ить(ся)
 2.17, 3.60, 62, 74
 постав 1.11, 18, -ец 1.51, -щик 1.68
 постель 1.43, -я (*др.*) 2.26, -ьник 2.29
 постоянный 1.54
 постриг 1.28
 пот 2.17, 3.42, 43, -ник 1.53
 потайной 1.58, 60
 потом 3.28
 потрох 1.28, 2.26
 почевать 1.65
 потяг 1.28
 похвала 2.26, -ьба 1.51
 похороны 1.18, 28, 30, 2.26, -ный 1.28,
 59
 похоть 2.27, 3.37, 44, 48, -ник 1.53
 почерк 1.28
 почость (*сущ.*) 2.27
 почить 2.14
 почто 3.10
 почтовый 1.63
 пошиб 1.28
 о-пошлить 1.66
 пояс 1.28, 2.17, 26, 3.42, 43, 47, -ать
 1.49, 2.14, -ница 2.29
 прабаба 2.27
 правд|ивый 2.23, -ать 2.23, 3.8
 прав|ить 1.67, 2.14, 3.73, -еж 2.23,
 -ило 1.41, 2.23, -ина (*др.*) 2.24,
 -лять 3.73
 правну|к 1.28, 2.27, -чка 1.28
 правый 2.14, 3.53, 4.1, -о 2.14, -ота
 2.25, -опис (*укр.*) 2.28
 прадед 1.28
 ис-пражнить 3.66
 праздный 2.16, 3.13, 14, 57, -ить 1.66,
 -овать 1.65
 празелень 1.28
 праотец 1.28
 прародитель 2.27
 прах 2.17
 пращур 1.28
 пред 2.22, 3.48
 предатель 2.25
 предель 1.30, 2.27, 3.37, 44, -ный
 1.57
 пресный 2.17, 3.31, 58, 59, 4.3
 претить 3.60, 66, 74
 при 2.22
 прибыль 2.27, 3.44
 привизг 1.28
 привкус 1.28
 привод 1.28
 привязь 2.27
 приговор 1.28
 пригород 1.28
 пригоршня 1.28
 приготовишка 1.47
 приданое 3.69
 придурковатый 1.31
 призыв 1.28
 признак 1.28, 2.26
 призрак 1.28, 2.26
 прикус 1.28
 прилик 1.28
др. прилогъ 2.26
 припись 3.44, -ник 1.53
 припорох 1.28
 приработок 1.28
 присвист 1.28
 присный 2.14
 пристав 1.18, 28, 2.26
 пристальный 1.28
 пристань 1.18, 2.27, -ный 1.59
 пристук 1.28
 преступ 1.28, 2.26

- др. присыпа 2.26
 присягнуть 3.60
 притолока 1.28
 приторный 1.28
 прит|ча 1.28, 2.26, -очник 2.29
 притык 1.28
 прихожанин 1.69
 прихоть 2.27
 причаститься 3.66, 72
 прич(е)т 1.28, 2.26
 пришлец 1.51
 приятели 'favere' (др.), (не)приятель 2.25
 про 2.22
 пробел 1.18, 28
 пробивной 1.58
 проблеск 1.28
 пробовать 1.65
 провод 1.18, 28, -ник 1.53, -ы 1.28
 проволока 1.28, 2.26
 продавец 1.51, -щик 1.68
 продолговатый 1.31
 продувной 1.58
 продуктовый 1.63
 продох 1.28
 прожектор 1.18, 30
 прожиг 1.28
 прожить 1.51
 прозвище 3.5
 прозорливый 1.48
 проигрыш 1.28, 46, 3.2
 происки 1.28
 пройма 2.26
 прокус 1.28
 проливной 1.58
 промах 1.28
 промельк 1.28
 промысел 1.18, 28, 2.26, 3.42, 43, 48
 пропад 1.28
 пробасть 1.18, 2.27, 3.48, -ьнь (др.) 2.29
 пропись 2.27, -ной 1.59
 проповедь 2.27, 3.48
 пропуск 1.18, 28, -ник 1.53
 прорва 2.26
 просек, -а 1.28
 прос|ить 1.17, 2.16, 3.61—63, 67, 68, 72, 74, -ьба 1.51, 2.24
 просо 1.30, 2.17, 3.40
 простить 1.17, 2.17, 3.40, 13, 54, 60—63, 67, 68, 72
 простой 2.17, 27, 3.53, 54, 58, -ота 3.35, -ыни (др.) 2.23, -ынный 1.59, -олюдин 1.31, 47, -олюд (укр.) 2.28
 просып 1.28
 прогив 1.30, 3.5, -иться 1.67, 3.73, -ляться 3.73
 профессор 1.18, 30
 прочий 2.16
 прочностной 1.59
 прошва 2.26
 др. пругло 2.16
 др. пруть 2.17, 3.42, 45
 пруд 2.16
 прут 2.17, 4.2
 прыгать 2.14
 прыскать 2.14
 прыщ 2.16, 3.10
 пря|дать, -нуть 2.14
 прямой 2.17
 пряный 1.64, 2.25, 3.53
 прясть 1.48, 2.17
 прятать 2.14
 -прячь 2.17, 3.68
 псал|ом 2.16, -тирь 2.14
 Псков 2.17, 3.2, 48, псков|ич 2.23, -ский, -ской 1.54
 пугало 1.53
 др. пугы 2.14
 пудовой, -ый 1.62
 пузан 1.41
 пузырь 3.10, -иться 1.66
 пук 4.2
 пуля 2.14, -ять 1.49
 пуп 2.14, 4.2
 пурпурный 1.57
 пустить 2.17, 3.10, 14, 62—64, 66, 68, 72, 75
 пустой 2.17, 3.53, -ота 2.25, -ыня 2.23, пустошь 2.25, 3.49, -ить 1.66, 2.25, 3.60, -ный 1.57, 3.52
 путо 1.53
 путь 2.16, 3.10, -евой 4.3, -еводитель 1.26
 пуховой, -ый 1.62
 пхнуть 2.16, 3.2
 пчела 2.16, 3.49
 пшено 2.16, 24
 пыжиться 1.66
 пыль 2.17, -ьца 2.24, -евой 1.63
 пытать 3.9
 пыхать 2.14
 др. пырь 2.16
 др. пырати 'стирать' 2.17, 3.69
 др. пьрѣти 2.17, 3.60
 пьяный 1.64, 3.53, -ица 1.47
 пядь 2.17
 пядь 2.17, 3.44
 пята 2.17, -иться 1.66
 пять 2.17, 18, -ый 2.16, пятеро 2.25, -ик 1.51, -ня 1.53, пятигорчанин 1.69
 -пять (глаг.) 2.17, 3.2, 14, 60, 64, 71, 76
 раб, -а (и др. роба) 2.16, -ство 2.24, -ыня 2.23
 работа 2.25, -ать 3.73, -ить 1.66, 2.25

- равный 1.12, 16, 2.16, 3.13, 14, 57,
 -ить 3.66
 рад 2.14, -овать 1.65, 3.73, -ость 2.25
др. радити 2.17, 3.60
 разбитной 1.58
 развитость 1.53
 разить 2.17, 3.60, 61, 63, 66
 размазня 1.53
 разный 2.16, 3.57
 разовый 1.63
 razorить 2.17, 3.60, 61, 63, 64, 66, 74
 разруб 1.28
 разум (розум) 1.28, 30, 2.26, 3.42,
 43, 48, -евать 3.73, -еть 2.15, -ить
 1.66, 3.66, -ный 1.28, 57, 2.29
 рай 2.16, 4.2, *блр.* 3.28
 рак 2.14
 рака 2.14
 рало 2.14
 об-рамить 1.66
др. рамя (рамо) 2.14
 рана 2.14, -ить 1.67, 2.14, 3.73
 рапной 1.59
 распря 2.26
 расти 2.17, 3.5, 61, 71
 растить 1.17, 2.17, 3.60
 раструб 1.28
 расходовать 1.65
 расчет 2.26
 ратовать 1.65
 рать 2.14, 3.37, 48
 рвать 2.17, 3.2, 76
 рдяный 1.64
 ребро 2.16, 3.14, 41
 редактор 1.18
 -редить 1.48
 рез|ать 1.30, 2.14, 3.17, -кий 2.25,
 -нуть 1.49, -ьба 1.18
 резвый 2.16, 3.55
 река 2.16, 3.49, реч|ка 2.23, -ной 4.3
 ремесло 3.41
 репа 2.14
 реут, Реутово 3.2
др. речи 2.17, 3.10, 13, 60, 61, 66, 68,
 71, 76
 речь 2.17, 3.37, 44, 49, -истый 2.23
 решето 2.16, 3.41, -ить 1.48, 66, -це,
 -цо 1.51
 решить 2.17, 3.13, 60, 63, 66, 68
 реять 2.14
 ржа 2.16, -авый 2.25, -аветь 1.49
 ржаной 2.25, -ище 1.47
 ржать (*др.* рзати) 2.16
 риза 2.14
 Рим 2.16, 3.38
 ринуть 2.14
 рисина, -ка 1.50
 риск 1.30, 62
 рифленный 1.48
 робкий 3.59
 ров 2.17, 3.42, 43, 48
 ровный 2.16, 3.10, 13, 57, -ица 1.47,
 (не)ровна 1.53
 рог 2.17, 3.42—45, 47, -атый 2.23,
 -овой 1.62
 род 2.17, 3.38, 42, 43, 45, 47
 родина 1.47
 родить 1.17, 2.17, 3.10, 60, 61, 63,
 64, 66, 68, 75, новорожденный 3.65,
 66, рождество 1.53, роженица 1.47
 род|ной 1.58, 3.58; 59, -ич 1.51, -ство
 1.53
 рожок 1.18
 рожон 2.16
 рожь 2.17, 3.2, 37
 розга 2.16, 3.5, 49
 розговены, -ье 1.28
 розжиг 1.28
 розлив 1.28
 рознь 3.37, -ый 2.16, 25, 3.57
 розовее 1.48
 розыгрыш 1.28
 розыск 1.28
 рой 2.16, 4.2, -ник 1.53
 рок 1.30, -овой 1.62
 роса 2.17, 3.42, -ить 3.60, -ник 1.53,
 -яной, -яный 1.64
 роскошь 1.30, -ество 1.53, -ный 1.57
 рослее 1.48
 рост 2.17, 3.42
 Ростислав 2.28
 росчерк 1.28
 рот 2.16, 3.2, 9, 10
др. рота 'присяга' 2.16, 3.35, 43
 роцца 2.16
 ртуть 2.14
 рубить 1.48
 рубль 2.16, 3.35, -евик 1.51
др. рубь 'одежда' 2.17, 3.43, 44
 руга 2.14
 руда 2.16, 3.49, -ник 1.53, -ный 3.57
 ру|ка 1.17, 2.17, 3.10, 13, 39, 42, 43,
 49, -кав 2.24, -чной 1.58, 3.59
 руко|водить 1.26, 66, -писный 2.29,
 -пись 2.28, -ять 1.43, 2.28
 румяный 1.64
 руно 2.16
 русый 2.14
 Русь 3.37, 48, об-русить 1.66
 рухло 2.16
 -ручить 1.17, 18, 3.63, 66
 рушить 1.67, 3.63
 рыба 2.14, -ак 2.24, -арь 1.51, 2.24,
 -ица 2.23, -ный 3.53
 рыдать 2.15
 рыскать 2.16
 рыть 2.14, рытвина 1.47
 рьяный 1.64

- др. рюти 2.17
 ряд 2.17, 3.38, 42, 43, 45, 47, -ить 1.48,
 67, 2.16, 3.62, -ской 1.54
 ряса 2.14
- с 2.22, 3.2
 саговник 1.47
 сад 2.17, 3.38, 42, 47, 4.2, -овый 1.63
 садить 1.48, 2.17, 3.14, 60, 62, 63, 66,
 68, 75, саженец 1.51
 сажа 2.14
 сажень 1.12, -ный 1.59
 сало 2.14
 сам 1.9, 12, 2.17, 19, 3.10, 53, 54
 сан 2.17, 3.38, 42—45, 4.2
 сани 2.17, -ный 1.59
 сап 1.30
 сапог 2.16, 3.10, 13, -жок 1.18, 2.24
 саранча 3.9
 сарафан 3.9
 сатана 2.16, 3.35, -ин 2.24
 сахаристый 1.50
 сборище 2.23
 сбытовой 1.63
 свадьба 1.51, 2.24, -ебный 1.57
 др. сварь 2.16
 сват 2.14, 4.2, -овской, -овство 1.52
 свежий 1.16
 свеж|ла 1.30, -ловица 1.47, -ольный
 1.57
 свекор, свекровь 2.25
 свет 2.17, 3.43, 45
 светить 1.17, 18, 2.16, 3.9, 60, 62,
 68, 74
 светлый 1.12, 16, 2.23, 25, 3.53, 54,
 58, 4.3
 свеча 2.16, 3.10, 49
 свин|ья 1.12, 2.16, 3.10, 49, -ой 2.17
 свирепый 2.14, -еть 1.49
 свистеть 3.62
 свобода 2.17, -ить 1.66, 2.25, 3.60,
 63, 68, -ный 2.25, 3.52—54, 58,
 4.3, -ь (др.) 2.17
 свод 2.26
 сво|й 2.19, 3.2, 9, 10, 17, -ить 1.66,
 3.74, -йство 1.53, 2.24, 3.8, -як 2.24
 св|блочь 1.18, -ной 1.58
 др. своробь 2.17
 свычай 1.47
 др. свьг|тися 2.17
 связь 2.27, -ник 1.53
 святой 2.17, 3.53, -итель 2.25, -ить
 3.60, 64, 66, -ыня 2.23
 стговор 1.28, 2.26
 се (сь) (част.) 2.22
 себя 2.17, 19, др. си 2.19, 22, ся 2.19,
 22, 3.61, 4.2
 север 2.14
 -седа|ть 2.23, 3.73, -лице 2.23
- седло 1.53, 2.16, 3.41
 седой 2.17, 3.54
 седьмой 2.16, 3.28
 сей 2.17, 3.10
 секарь 1.53
 секретарь 1.51
 селить 1.18, 48, 2.17, 3.60, 63, 66, 68,
 74
 село 2.16, 3.10, 14, 41, -янин 1.69
 сельдевый 1.62
 семестровый 1.62
 семь 2.16, 3.10, 4.1, -еро 4.1
 семья 1.12, 2.17, -янин 1.69
 семя 2.25
 сено 1.30, 2.17
 сентябрь 2.16
 сень 2.14, о-сенить 3.60
 сера 2.14
 сердиться 1.17
 сердце 2.16, 17, 3.10, 41, 48
 серебро 2.16, 3.9, 10, 35, 41, -яный
 1.64, 2.25, -яник 1.47
 середя 2.17, 3.13, -ний 2.23
 серна 2.16, 3.28
 серп 2.16, 3.35
 серпуховской 1.54
 серый 1.16, 2.14, -ко 1.53
 сестра 1.12, 2.16, 3.35, 49, -ин 1.54,
 -ить 1.66
 сесть 2.14
 сетовать 1.65, 2.14
 сеть 2.14, -ной, -ный 1.59
 сечь 1.48, 2.7, 17, 3.60, -а 2.14
 сеять 2.14
 сид|еть 1.48, 2.17, 3.60—62, 75, -я
 1.48
 сила 2.14, -ач 2.24, -ьный, 1.12, 2.25,
 3.53, 54, на-силовать 1.65
 др. сило 2.16
 синий 1.16, 2.14, 3.53, -еть 3.73
 сипота 1.47
 сирый 2.17, 3.54, -ота 2.25
 сито 2.14
 сиять 2.15
 скакать 2.16
 скатерть 2.14, 3.44, -ный 1.59
 о-сквернить 3.60, 66, 73
 сквозь 1.30, 3.10
 скит 2.14
 склабить 2.14
 складской 1.54
 скоба 3.9
 скоблить 1.48
 сковорода 2.17, 3.13, -ный 1.59, сков-
 рада (др.) 3.13
 скоморох 2.14
 скопить 'castrare' 2.17, 3.75
 скора 2.16

- скорбь 2.14, 17, 3.44, 48, -еть 2.17, 3.60
 скорлупа 3.9
 скорый 2.17, 3.10, 54, 58, 4.3, -ить 1.66, -ость 1.18, 3.48
 скот 2.16, 3.5, 10, 13, 42, 43, -ина 2.23, -ный 3.57, -ский 2.25
 -скочить 2.16, 3.62
 скребло 1.18, 53
 скрежетать (*и др.* скръгътати) 2.16, 3.62
 скрести 3.10, 71
 скрижаль 2.14
 скромный 3.54
 скупой 2.16, 3.55
 скушница 1.47, -ливый 1.48
 слабый 1.16, 2.14, 23, -еть 2.23, 3.73, -ить 1.66, 3.67, -ость 2.25
 слава 2.14, 3.10, -ильщик 1.41, -ить, -лять 3.73, -ный 2.25, 3.53
 славянин 1.69
 сладкий 2.17, 3.13, 53, 58, -ить 3.60, -коглаголивый 1.41
др. слана 2.17
 сланец 1.51
др. слань 2.17, 3.53
 сласть 2.17, 3.44
 слать 2.16, 3.2, 5, 10, 64, 69, 70, 76
 след 2.17, 3.45, -ить 1.48, -овать 1.65
 слеза 2.17, 3.42, -ник 1.53, -ница 1.47, -ный 3.13, 58
 слепень 1.43
 слепой 2.17, 3.53, 58, -ец 2.24, -ить 3.63, -нуть 2.16
 слесарь 1.30, 53, -ить 1.66, -ный 1.57, -ня 1.53
 слива 2.14
 слободка 2.23, -ской 1.54
 словак 1.44
 слово 2.17, 3.10, 17, 40, 45, 47, 49, -есный 3.54, -ник 1.53, -цо 2.24
 слон (животное) 2.17, 3.42, 47, 4.2
 слон 'заслон' 3.43, -ить 1.48
 слуга 2.16, 3.14, 35, 43, 49, служба 1.51, 2.24, -ебный 1.57, -итель 2.25, -ить 1.17, 18, 48, 2.16, 25, 3.10, 60—63, 67, 74
 слух 2.17, 3.17, 42, 43
 случай 1.47, -йный 1.57
 слушать 3.73
 слыть (*и др.* слуги) 2.17
 слышать 2.14, 3.10, 73, -ный 1.56
 слюна 2.14
 смазливый 1.48
 смелый 1.18, о-смелиться 1.66
 сметливый 1.48
 смердеть 2.17, 3.31
 смерть 2.16, 27, 3.48
 сметь 2.15
 сме|x 1.30, 2.17, 3.48, 4.2, -шной 1.16, 58, 3.54
 смеяться 2.17, 3.72
 смиренный 3.54, 66
 смок|ва 2.15, -овный 1.57
др. СМОКЪ 3.42
 смола 2.17, 3.9, 10, -ьникъ (*др.*) 3.10, Смолин 1.52
 смотреть (*и др.* съмотрити) 2.16, 3.62, 72
 смрадный 3.58
 смысловой 1.63
 смычок 1.51
 смышленный 1.48
 снабдить 3.60
 снасть 3.44
 снег 2.17, 3.38, 42, 43, 45, -овой 2.25, снежный 1.59, 3.53, 54, 59, -ица 1.47
 снедать 2.23
 сновать 2.17
 сноп 2.16
 сноровистый 1.48
 сноснее 1.48
 сноха 2.16
 -снуть 2.16, 25, 3.14, 76
 соболь 1.30, 2.16, 3.44
 собор|овать 1.65, -янин 1.69
 сова 2.16, 3.5
 совать 2.14
 совесть 2.27, 3.37, -ливый 1.50
 советовать 1.65
 совокупить 2.16, 3.63, 67, 74
 создать 1.11, 2.16, 3.14, 61, 64, 69
 сок 2.17, 3.38, 45
 сокол 1.30, 2.16, 3.10
 сокровенный 3.66
 сол|ить 1.17, 18, 48, 3.60, 66, 75, -еный 1.16, 18, 48, -ило 2.23
 солнце 2.14
 соловый 2.17
 солод 2.17, -ковый 1.62
 солома 2.14
 солон(ый) 2.17
 соль 2.17, 3.37, -яная (кислота) 1.64
 сом 2.16
 сон 2.16, 3.2, 10, 48
 сонм 2.26, -ище 2.23, 29
 сопло 1.53
 сор 1.30, -ить 1.17, 3.75
 сорванец 1.51
 сорок 1.12, 2.17, 3.47
 сорока 2.14
 сором 2.17
 сосать 2.16, 3.2, 76
 сосед 3.13, 42
 сос|на 2.16, 3.5, -енка 1.53
 соты 3.2, -овый 1.63
 соха 2.17, сошник 1.53

- сохнуть 2.16, 3.2, 76
др. сочиво 2.25
др. сочити 'искать по суду' 2.16, 3.74
 спать 3.2
 спеть 'созревать' 2.14
 спешить 2.17, 3.60, -ный 3.54
 спина 1.17, 2.14, 3.31
 писатель 2.25
 сплошь 1.30, -ной 1.58
 сполох 1.28
 спорый 3.54
 способ 1.28, -ить 1.67, -ный 1.57
 спотыкливый 1.48
 справедливый 1.48
 спусковой 1.63
 срам 1.30, 2.17, 3.48, -ить 2.17, 3.60, 74, -ной 1.58, 3.58
 срать 2.16
 среда 2.17, 3.13
 среди 3.10, 48
 средневековый 1.62
 у-среднить 1.66
 сретенье 1.67
 сродство 1.53
 срочнее 1.48
 -ставать 3.73
 ставить 1.30, 2.14, 3.8, 67, 73, -лять 2.23, 3.73
 стадо 2.14, 3.40, 41, 4.2, -ный 1.59, -це 2.24
 сталь 1.30
 стан 2.17, 3.38, 42, 43, 47
 станови|ть(ся) 1.17, 3.60, 75, -ще 1.47
 старшина 1.18, 47, -ство 1.53
 старый 1.16, 2.14, 23, 3.53, -ейшина 2.23, -еть 3.73, -ец, -ик 1.51, 2.24, -ина (былина), -ица 'старое русло' 1.47, -иться 2.23, -ость 2.25, -ьевщик 1.68, Старинин 1.52, Стародуб 2.28
 статья (*глагол.*) 2.14, 3.10
 статья 3.10
 стеблевый 1.63
 стегно 2.16
 стезя 2.16
 стекло 2.16, 3.2, 41, -янный 1.64, 2.25
 стена 2.17, 3.42
др. стѣнь 2.14
 степень 1.28, 2.14
 -стереть 2.17, 3.64, 71, 76
 стеречь 2.17, 3.10, 62, 71, 72
 стерженщик 1.68
 стерляжина 1.47
 -стигнуть 2.14
 стих 2.16
 стлать 2.16, 3.69, 70
 сто 2.17, 3.2
 стог 2.17, 3.42
 стол 1.13, 2.16, -овник 1.47, -овый 1.63, -яр 1.44
 столб (столп) 2.16, 3.10, 13, -чатый 1.54
 стонать 2.16
 стопа 2.16, 3.49
 сторож 2.17, 3.42, 43, 45, 47, -а 2.14
 сторона 2.17, 3.13, 31, -иться 1.18
 сто|ять 2.17, 3.2, 5, 60—62, 72, 75, -я 1.48
 страда 2.16
 страдать 2.7, 16
 страж 2.16, 4.2, -а 2.16
 страна 2.16, 3.10, 13, 48, 49
 странный 3.13, 53, 54, 58, 59
 страсть 2.7, 17, 25, 3.36, 37, 44, 46, 49, -ити (*др.*) 3.60, -ный 3.52
 стра|х 1.30, 2.17, 3.38, 4.2, -шивъ (*др.*) 2.23, -шный 3.53, 54, 58, 59, 4.3
 стрела 2.17, 3.42, -ить 1.18, 3.63, 68, 75, -ьба 1.18, Стрелин 1.52
 стремить 3.66
 стрем|енной, -янный 1.59
 стри|чь 2.17, -гать 2.23
 строгать 2.16
 строить 1.67, 2.16, 3.2
блр. строй 3.28
 у-строить 1.66
 стро|ка 2.17, -чной, -чный 1.59
 строчить 1.18, 48
 струг 2.17, 3.42, 43, 4.2
 струна 2.14, -ить 1.66, Струнин 1.52
 струп 2.17, 3.42
 струя 3.49
 стрый 2.14
 студ|ить 2.17, 3.66, 74, 75, студеный 1.48, 2.24, 3.55, -ец 1.51, -ь (*др.*) 'холод' 2.17
 стул 2.14
 ступа 2.14, -ица 1.47
 стуц|ить 2.16, 3.60, 63, 67, -ать 2.23, -ень 1.11, -ня 1.53
 стыд (*и др.* студ) 2.16, 3.10, -ѣтсия (*др.*) 2.17, 3.60
 стыковой 1.63
 стынуть 2.14
 стырь 3.37
 стяг 2.17, 3.42, 4.2
 стяжать 2.17
 суббота 2.14
 сугубый 2.27, -ить 1.66
 суд 'сосуд', 'судно' 2.17, 3.42, 43, 45, 47, 48, -но 2.25
 суд 'суд' 2.16, 3.10, 35, -ить 1.18, 48, 2.16, 3.9, 10, 60, 62, 63, 67, 68, 72, 74, -ище 2.23, -ьба 1.18, 2.24, 3.49, -ия, -ья 1.12, 2.15, -я по 1.48, -суждать 2.23

- судорога 1.28
др. суи 'vanus' 2.14
 сук 2.17, 4.2
 сукно 2.16, 3.10, 41
 сукровица 1.28
 сулема 3.10
 сулить 3.60
 сума 2.16
 сумерки 1.28, сумрак 1.28, 2.27
 сумской 1.54
 сунуть 2.14
 супесь, -ок 1.28
 супонь 1.43
 супостат 2.27, 3.50
 супрядки 1.28
 суровый 2.17, 3.53, 54, 59, 4.3, -еть
 1.49, -ье 1.51, -ьство (*др.*) 2.24
 сурьяной, -ый 1.64
 сусланный 1.64
 суставной 1.59
 сутемь 1.28
др. сути 'сыпать' 2.17
 сутки 1.28
 сутоло|ка, -чь 1.28
 сучить 1.48
 сухой 2.17, 23, 3.53, -ота 2.25, Сухово
 2.19, суша 2.14, -шь 3.37, -шить
 1.18, 48, 3.60, 61, 66, 68, 75, -шеница
 1.47
 существо 1.53, -овать 1.55
 сцать 2.17, 3.2, 76
 счастливый 1.48
др. сьрѣсти 2.14
др. сьрѣтити 2.14
 сын 1.30, 2.17, 3.38, 42—45, 47, -овья
 2.24
 сыпать 2.14, -ной 1.59, -нуть 1.49
 сыр 2.14, 4.2, -ный 1.59
 сырой 2.14, 3.53
 сыск 3.38
 сытый 2.14, 3.53, -ить 1.66, 3.73, Сы-
 тин 1.52
 сюда 2.23, 3.9
 -сякнуть 2.16

 табуниться 1.66
 таволжаный 1.64
 таз 4.2
 таи (*др.*) 2.17, таить 2.17, 3.54, 60,
 61, 63, 64, 66
 тайна 2.24, -ый 3.54, 58, 59, 4.3,
 -ик 1.53, таиство 1.53, -енный 1.54
 такой 2.17, 25, 3.53, 54, -овой 3.28,
 54
 тальник 1.53
 там 2.23
 таракан 3.9
 тать 2.17, 3.44, 45, 47, 4.2, -ьба 2.24,
 3.8, 35

 тащить 1.48, 2.17, 3.62, 66, 75
 таять 2.14
 тварь 2.14
 твердый 2.17, 3.53, 54, 58, 4.3, -ить
 1.48, 3.60, 66, 75, -ь 3.37, -околос
 (*укр.*) 2.28
 Тверь 2.17, 3.2, 37, 48, тверич 2.23
 твой 3.2, 9, 10, 17
 творить 2.17, 3.10, 60—64, 66, 68,
 74, 75
 телега 2.14, 3.43
 телиться 1.17, 18
 тело 2.17, 3.10, 40, 45, -ьный 1.59,
 -ще 1.51
 темный 1.12, 16, 2.17, 3.53, 54, 58,
 -ить 3.68
 тенето 2.16
 теноровый 1.62
 теплый 1.12, 16, 2.16, 3.13, 55, 57,
 -ить 1.66, -о 2.16, 3.10, -ота 2.25
 терем 2.17, 3.42, 43
 тереть 2.16, 3.2, 67, 76
 терн 1.30, 62, 4.2
укр. тернослив 2.28
 терпеть 1.48, 2.17, 3.10, 60—62, 72,
 75, -ливый 1.48, долготерпеть 3.62
 терпнуть 2.16
 тесать 2.16, 3.70, тес 1.30, 62
 тесла 3.10, -о 1.18, 53
 тесный 2.17, 3.53, 54, 58, 59, 4.3,
 -ить 3.66
 тесто 1.30, 2.17
 теть 2.17, 3.2
 тетерев 2.17, 3.45
др. тети 2.17
 течь (*глагол.*) 2.17, 3.60, 71
 теш|ить 2.14, 3.17, 73, -ать 2.23, 3.73
 теща 2.16, 3.2
 тигр 2.14, 4.2, -овый 1.62
 тина 2.14, -овать (*др.*) 2.23
 тиун 2.14
 тихий 2.14, 3.53, -нуть 2.14, тиш|ати
 (*др.*) 3.73, -ина 2.24, 3.50
 ткать 2.16, 3.2, 69, 76
 ткнуть 2.16, 3.2, 76
 тлеть 2.15
 тло 2.16, 3.2
 товар 2.14
 тогда 2.23, 3.10
 о-тождествить 1.66
др. толикъ 2.23, 3.5
 токарь 1.18, 30, 53, -ный 1.57, -ня 1.53
 толк 1.62, 3.42, -овый 4.3
 толокно 2.16, -яный 1.64
 толочь 2.17, 3.10, 68, 71
 толпа 3.49
 толстый 2.17, 3.26, 31, 53, 54, 59,
 4.3, -ща 2.14, 31
 только 3.5, 54

- томить 2.16, 3.67
 томпаковый 1.62
 тон|кий 2.17, 3.53, 58, -чить 3.75
 тонуть 2.16, 25, 3.61, 4.4
 тона 2.16
 топ|ить₁₋₃ 1.48, 2.17, 3.10, 66, 75,
 -кий 3.53, 59
 тополевыи 1.62
 топор 2.16
 топтать 2.16
 торг 2.16, 4.2, -овать 3.70, -овля 3.43,
 -овый 1.63, торж|ище 1.47, -ество-
 вать 1.55, Торжок 3.35
 -торгу|ть 2.14
 тороп|ить 3.63, -кий 1.54
 горосит|ь 1.66
 торочить 1.48
 торфяник 1.47
 торц|евой, -овый 1.63
 тот 2.17, 19, 3.4, 10, 14, 26
 точи|ть (все омонимы) 1.48, 2.16, 3.67,
 74, -ло 2.23
 тошнота 1.47
 тощий 2.16, 3.2, 31, 55
 трава 2.16, 3.10, 43, 49, -яной 4.3,
 Травин 1.52
 травить 2.16, 3.67
 трапеца 3.28, -овать 1.65
 -требить 2.17, 3.61, 66
 требовать 1.65
 трезвый 2.17, 3.53, 58, 4.3
 трепет 2.17, -ать 2.16, -ный 3.52
 трепло 1.53
 третий 2.24, 3.10, -ь 2.17
 трэфовый 1.62
 трещина 1.47
 три 2.17, 3.13, тридцать 1.12, трижды
 2.23
 триместровый 1.62
 трое 2.25, 3.54, -ить 1.46, 48, 66, 3.2,
 -ица 1.46, 47, 2.23, 3.2, 5, -ичатый
 1.54
 др. троскоть 2.17
 трость 2.17, -ник 1.53
 труба 2.16, 3.10, 43, 49, -ить 1.48,
 2.25, 3.74
 труд 2.16, 3.9, 10, 35, -иться 1.18,
 48, 2.17, -ный 3.57
 труп 2.17, 3.43, 45, 4.2
 трус 'землетрясение' 2.17, 3.42
 трус|ить 1.48
 трутневой 1.56, 62
 с-трухну|ть 1.49
 трясти 2.17, 3.66, 71
 ту|га 2.16, 3.35, -жить 1.18, 48, 2.16,
 3.75
 ту|гой 2.17, 3.54, -житься 1.66
 туда (до-, от-) 3.9
 туловище 1.50
 др. туне 2.16, 3.13
 туной 2.17, -ить 1.18
 тур 2.17, 4.2
 о-туречить 1.66
 тутовник 1.47
 др. тускь 3.38
 туча 2.14, 3.26
 тучный 3.53, 58, 59
 тушить 1.48, 2.17
 др. о-тщети|ти 3.64
 тшиться (и др. тшчаться) 2.17, 3.60
 ты 2.17, 19, 22
 тыкать 2.14
 тыква 2.14
 тыльный 1.59
 тысяча 2.14, 3.43
 тьма 2.16, 17
 тюк 4.2
 тюрьма 2.16, 3.35, 49
 тяглый 2.16, -о 2.24
 др. ис-тяги|нути 3.67
 тяг|ота 1.47, 2.25, -чить 3.66
 тяж|елый 1.18, 2.16, 3.55, -а 2.14,
 -ба 1.51, 3.49, -кий 2.17, 25, 3.10,
 53, 54, 58
 тянуть 2.16
 др. тяти 2.17, 3.2
 у (предл.) 2.22
 др. у 'уже' 2.14
 убо|гий 2.26, -жати (др.) 3.73, -жество
 2.29
 уведомление 1.67
 угол 1.12, 2.17, 3.38, 42, 45, 47
 уголь 1.12, 30, 2.14, 4.2, об-углить
 1.66
 угорь 1.12, 3.10
 уд 2.14, 3.42, 45, 47, 48
 уда 2.14, -ить 1.18
 удалой, -ый 1.11, 16, 18, 54, -ость 1.53,
 -ство 1.52, 53
 ударить 2.14, 3.73
 удерж 1.28
 удручить 3.66
 уж 3.10
 ужас 1.28, 30, 2.26, -ити (др.) 2.17,
 -нуть 2.16, -ный 1.28, 57
 ужинать 2.23
 уза 2.14, 3.43
 узда 2.16, 3.49
 узел 1.12, 2.14, 4.2
 уз|кий 1.16, 2.16, 25, 3.57, 4.1, -ить
 1.66
 уйма 2.26
 укус 1.28
 улица 3.43
 ум 2.16, 3.35
 уметь 2.15
 умный 1.16, 3.57, -ица 1.47

- умолк 1.28
 умысел 1.28
 уничтожить 3.60
 уничтожение 1.67
 уповать 2.15, 3.14
 упрочение 1.67
 упряжь 2.27, -ной 1.59
 упуск 1.28
 уродовать 1.65
 ус 2.16
 уста 2.16, 3.10, 41, -ить 3.66, -ье 1.51, 2.24
 уставной, -ый 1.59
 уступ 1.28
 утварь 2.27
 ут|ица 2.23, др. -ы 2.14, -я 2.23
 утлый 2.16
 уток 1.28, 2.26
 утолить 2.16, 3.74
 утро 2.14, -енный 2.23, -еть 1.49
 уха 2.16, 3.10
 ухо 2.17, 18, 3.44, 48
 участковый 1.63
 учет 2.26
 учить 1.48, 2.17, 3.60—64, 66, 68, 75, -тель 1.10, 18, 30, 2.25, учен|ый 1.48, -ик 1.51, 2.24
 ушиб 1.28
 ушко 1.18, 53, 2.24
- Фарт 1.30, 62
 фатов|ской, -ство 1.52
 февраль 2.16
 ферзевый 1.63
 фиговый 1.62
 фигурировать 1.49
 философ 2.14
 фланговый (лево-, право-) 1.62, 63
 флюсный 1.59
 Фома 2.16
 фонарь 2.16
 фразистый 1.48
 франт|ить 1.66, -овской, -овство 1.52
 фруктовый 1.63
 фруктовый 1.62
 фунт 2.14, -овый 1.62
- хамить 1.66
 ханже|ский, -ство 1.52
 хапать 2.16
 характерный 1.57
 харя 2.14
 хвала 2.16, -ить 1.18, 48, 2.16, 3.57, 74, -ьный 3.57
 хваст|ать 2.14, -нуть 1.49, -овской, -овство 1.52
 хват|ать 3.70, -ить 2.16, 3.62, 63
 хворост 1.30
 хвост 2.16
- херить 1.66
 -хитить 2.14
 хитрый 1.12, 16, 2.14, 3.10, 55
 хлад 1.30, 2.17, -ный 3.53
 хлам 1.30
 хлеб 2.14, 4.2, -ина 1.47, -ный 1.59
 хлев 2.16, 4.2
 хлопоты 1.12
 хлопчатый 1.54
 хлябь 2.17
 хмель 3.38, блр. 3.28, -евой 1.56, 62, -ьной, -ьный 1.58
 хмурить 1.66
 хоботной 1.59
 ход 2.17, -овой 1.62
 ходить 2.16, 3.10, 60—63, 72, 74, походя 1.48
 холеный 1.48
 холм 2.17, 3.42, 45—48, 4.2
 холод 2.17, 3.38, -ник, -ность 1.53, -ный 1.16, 18, 2.25, 3.53, 54
 холоп 2.14, 3.13, 42, 43, -ский 2.25, -ья 2.24
 холостой 1.16, 2.17, -ить 3.68
 холстяной 4.3
 холуй 3.2
 хомут 2.16
 хоробрый 2.14
 хором 2.14
 хоронить 2.16
 хороший 1.16, 2.16, 3.55
 хоругвь 2.14
 хотеть 1.9, 2.17, 3.62, нехотя 1.48
 хохлить 1.66
 храбрый 2.14, 3.53, 54
 храм 2.17, 3.42, 47, 4.2, -ина 3.28
 храни|ть 2.17, 3.60, 62, 66, 72, 74, -ло 2.23
 вс-хрануть 1.49
 хребет 2.16
 хрен 1.30, 62
 хрип|еть 2.17, -ота 1.47
 христианин 1.69
 хромой 2.16, 3.55, -ать 2.16, -ить 3.60, -ота 2.25
 худой 2.17, 3.53, 54, -ить 3.60
 хула 2.14, -ьный 3.57
 хуторской 1.54
 др. хыжа 2.14
- царь 2.16, 3.42, 44, 49, -ить 3.74
 цвести 2.17
 цвет 2.17, 3.38, 42, 43, -ить 1.48, 3.60, -ной 1.58, 3.53, 58, -ок 3.9
 цедить 1.48, 2.17, 3.10, 60
 целик 1.51
 цел|ить 2.17, 3.14, 60, 61, 63, 66, 75, -ьба 2.24, 3.10
 целковик 1.51

- целовать 2.23
 целый 2.17, 3.53, 54, 58, 4.3
 цена 2.17, 3.42, -ить 1.18, 48, 3.60, 68, 75
 цеп 4.2
 -цепить 2.16
 цепь, цепь 2.17, 3.37, цепочка 1.53
 церковь 2.14, 3.37, -ка 1.53, -ный 1.59
 цесарь 2.16
др. цѣстити 2.14
- чадо 2.14
 чайный 1.59
 чаровник 1.47
 час 2.16, 3.10, 35, 4.2, -овой 1.62
 частый 2.17, 3.53, 54, 58, 59, 4.3, -ик 1.51
 часть 2.17, 3.37, 44
 -чать 1.11, 12, 18, 2.16, 20, 3.10, 53, 60, 64, 76
 чаша 2.14
 чаща 2.14, 23, 31
 чаять 2.14
 чей 2.16, 24
 челн 2.17, 4.2
 чело 2.16
 червленый 1.48
 червь 1.11, 2.17, 3.42, 44, 45, 4.2
 черво 2.17
 череда 2.16, 3.13
 через 2.22, 3.48
 череп 2.17, 3.10, 38, 47, -яный 1.64
др. чересло 2.16
 череседелень 1.47
др. черети (черпсти) 2.17
 чермный 2.17, 3.54
 черный 1.12, 16, 2.16, 3.10, 13, 55, -ец 2.24, -ило 2.23, -ить 2.25, 3.74, -ослив 3.9
 черп|ать 2.14, -алка, -ало 1.53, -нуть 1.49
 черствый 2.17, 4.3
 черт 2.17, 3.13, 42, -овский 1.52, -овщина 1.47
 черта 2.16, 3.28, -ить 1.18, 48
 чертог 2.14
 чесать 2.16, 3.62
 честь (*сущ.*) 2.17, 3.37, 44, -ить 3.2, честной 1.58, -ый 2.25, 3.53, 54, 58, 4.3
 -честь (*глагол.*) 2.17, 3.2, 5, 10, 60, 66, 71, 76
 четвер|тый 2.14, -ик 1.51, -ица 2.23, -ня 1.53, -о 2.14, 4.1, -тъкъ (*др.*) 2.24, -тъ 1.18
 четыре 1.11, 2.14, -ежды 2.23
 чин 2.17, 3.38, 42—47
 чинить 1.48, 2.17, 3.14, 63, 66, 68, 75
- число 2.16, 24, 3.10, 35, 41, -ить 1.66, -овой 4.3
 чистый 2.14, 3.52—54, -ик 2.24, -илка 1.41, -ильщик 1.41, 4.6, -ить 1.66, 3.67, 73, -ота 2.25, 3.50
 член 2.14, -ить 1.66
укр. черно|зем, -клен, -слив 2.28
 чрево 2.17, 3.40, 45, 47, 48
 череда 2.16, 3.13
 чрез 2.22, 3.48
др. чреть 2.17
 чресло 2.16, 3.13, 41
 чтиво 1.53
 чтить 3.2
 что 2.17, 3.2
 чудо 2.14, 3.48, 4.2, -есить 1.66, -ить 1.66, 3.64, -ище, -овище 1.47, -ной, -ный 1.16, 58, 3.53, 54
 чудской 1.54
 чужой 2.17, 3.54, -анин 1.69, -дый 3.13, 52
 чумной 1.59
др. чути 2.14
 чухломской 1.54
 чхнуть 3.2
др. чъвань 2.14
- шаловливый 1.48, шальной 1.58
 шатать 2.15
 шат|ер 2.16, -ровый 1.63
 швартовый 1.63
 шевелить 1.17, 18
 шелковый 1.62, -истый 1.48, -ица 1.47
 шельмов|ской, -ство 1.52
 шептать 2.16
 шерсть 2.17, 3.37, -ный 1.59
др. шерть 3.37
 шершневой 1.56, 62
 шест 2.16
 шесть 2.17, 18, -акъ (*др.*) 2.24, -еро 2.25, -ой 2.17
 шея 2.3, 14
 шибить 2.17
 шип 2.16
 шир|окий 1.16, 18, 48, 2.14, 25, 3.9, 54, 56, 4.1, -ить 1.66, 2.14, 25
 шить 2.3, 14, 16, 3.14
 шкафный 1.59
 шквалистый 1.50
 про-шкнуться 3.76
 школяр 1.44
 шмель 4.2
 шмыгнуть 1.49
 шов 3.2
 шпорец 1.51
 штанной 1.59
 штрафной 1.59
 штуковина 1.47
др. шуи 2.17, шуица 2.23

шум 1.30, 2.17, -еть 2.17, 3.60, -нуть 1.49
 шустрый 1.12
 шут 4.2, -ить 1.17, -ник 1.53, -овской, -овство 1.52
 щавелевый 1.62
 щадить (*и др.* щадѣти) 2.17, 3.60, 62, 66
др. щашити 3.60
 щепен|ка 1.53, -ить 1.66
 щеголь|ской, -ство 1.52
 щедрый 2.16, 3.55, -ить 1.66, 3.14, -ота 2.25
 щека 1.17, 2.17
 щелок 3.38
 щена 2.16, 3.49, -ить 3.60
др. щепи 'затмение' 3.45
 щербить 3.66
 щит 2.16, -ить 3.60, 66, 74
 щука 2.14
 юг 2.14, 3.48
 юдоль 2.27
 юный 2.17, 3.52—54, 58, 4.3, -ак 1.44
 юркнуть 1.49
 юродивый 1.41
 я 2.17, 19, 22
 яблоко 2.14

яв|ить 1.17, 2.17, 3.10, 60, 61, 63, 64, 66, 68, 75, -лень (*др.*) 3.65, 66, -лять 2.23
др. ягня 2.14, 23
 ягода 2.14
 яд 2.17
 ядро 2.16, 3.41, -еный 1.48, -ица 1.47
 язва 2.14, -ина 2.23, -ить 1.66
 язык 2.14, 4.2, -овой 1.63
 язь 4.2
 яйцо 1.12, 2.16, 17, 3.10, 13, 41, -евой 1.63, яичко 2.24
 якорь 2.14, 4.2
др. якъ 2.17, 25
 яловеть 1.49
 яма 2.14
 ям|ской 1.54, -щик 1.68
 январь 2.16
 ярый 2.17, 3.54, -ить 1.66, 3.60, 72
 ясли 2.14
 ясный 3.53, 54, -еть 1.49, -ить 1.66, 3.66
 ястреб 2.14, 4.2
 -ять, -нять 1.9, 11, 12, 18, 54, 2.3, 7, 16, 20, 3.2, 9, 10, 13, 53, 61, 64, 71, 72, 76
 ячеистый 1.48
 ячневик 1.51
 ящерица 1.50

УКАЗАТЕЛЬ СУФФИКСОВ

Помимо отсылок к параграфам, обычно непосредственно указывается также маркировка суффикса: современная — после ссылки на гл. 1, древнерусская — на гл. 2. Для суффиксов с усложненными акцентными свойствами указывается только параграф. Суффиксы даны в их современном виде (кроме *-*j-*); при необходимости указывается также их древний вид; порядок перечисления — обратный алфавитный (без учета окончания). В указателе не включены: заимствованные суффиксы с современной маркировкой ↓ D (см. их перечень в § 1.41); суффиксы глагольного словоизменения, кроме причастных (см. § 2.20); некоторые редкие суффиксы.

Суффиксы существительных

-*б-а* 1.51 (→); 2.24 (→)
 -*об-а* 2.26
 -*ив-о* 1.53 (←); 2.25 (←)
 -*ов-о* 1.53 (←)
 -*тв-а* 1.53 (←); 2.23 (↓)
 -(*е*)*ств-о* 1.53 (←); -*ств-о* 2.24 (→)
 -*аг-а*, -*ыг-а*, -*яг-а* 1.41 (↓ D)
 -*аж* 1.44 (→D Polysyll, ↓ D)
 -*еж*, -*ѣж* 1.42 (→ D); 2.23 (↓, откл. к →)
 -*j-а* 1.53 (←); -*ьj-а* 2.24 (→, изредка —)
 -**j-а* 2.23

-*j-e/o*: собирает. 1.42 (→ D), не собирает. 1.51 (→ Monosyll); -*ьj-e* 2.24 (→, изредка —)
 -*ай* 1.47 (↓)
 -*ей* 1.41 (↓ D)
 -*иj-а* 1.45
 -*иj-е* 1.53 (←)
 -*ениj-е* 1.67
 -*ов'j-е* 1.47 (↓)
 -*к-а* 1.53 (←); -*ьк-а*, -*ьк-а* 2.23 (↓, следы →)

- к-о назв. лошадиных мастей 1.53 (→), прочее 1.53 (←); -ък-о, -ьк-о 2.24 (→)
- ак 1.44 (→ D, изредка ↓ D); 2.24 (→)
- ак-а 1.41 (↓ D)
- чак 1.42 (→ D)
- овк-а 1.47 (↓)
- ушек, -ышек 1.53 (←)
- ик: а) отадъективное 1.51 (→); 2.24; б) уменьшит. 1.53 (←); 2.24 (→ Re); в) прочее (заимств.) 1.43 (← D)
- ик-а: назв. ягод 1.41 (↓ D), прочее (заимств.) 1.43 (← D)
- овик 1.51 (→ Monosyll)
- ник 1.53
- бѣник, -ѣник 1.47 (↓ Monosyll)
- чик 1.53 (←)
- щик, -овщик 1.68
- инк-а 1.47 (↓)
- ок 1.51 (→, → Deox); -ък-ъ, -ьк-ъ 2.24 (→)
- очк-а, -очк-о (-ечк-о) 1.53 (←)
- ашк-а 1.41 (↓ D)
- ишк-а, -ишк-о 1.47 (↓)
- ушк-а: ласкательно-почтительное 1.53 (←); прочее 1.41 (↓ D)
- ушк-о, -ышк-о 1.53 (←)
- ык-а 1.41 (↓ D)
- оньк-а 1.53 (←)
- юк-а, -як-а 1.41 (↓ D)
- як 1.44 (→ D, изредка ↓ D)
- няк 1.42 (→ D)
- л-а 1.53 (←)
- л-о 1.53 (←); 2.24 (→)
- л-ь 1.43 (← D Init)
- тел-ь 1.53 (←); 2.25
- ил-о 2.23 (↓)
- сл-о 2.24 (→)
- ул-я, -юл-я 1.41 (↓ D)
- им 2.23 (↓)
- н-ь 1.43 (← D Init)
- н-я: собират., имена действия 1.42 (→ D), прочее 1.53 (←); -ьн-я 2.25
- ан, -ан-я 1.41 (↓ D)
- чан-е 1.69
- овн-я: назв. помещений 1.41 (↓ D), имена действия 1.42 (→ D)
- ен-ь 1.43 (← D Init)
- ён- (в назв. детенышей и т. п.) 1.41 (↓ D)
- зн-ь 2.23 (↓)
- изн-а 1.51 (→ Polysyll)
- ин (сингулятивы) 1.47 (↓)
- ин-а: а) отадъективные имена качества 1.51 (→); 2.24 (→); б) прочее 1.47 (↓, ↓ Deox); 2.23 (↓)
- овин-а 1.47
- чин-а, -щин-а 1.47 (↓)
- он-я 1.41 (↓ D)
- сн-ь 2.23 (↓)
- отн-я 1.42 (→ D)
- ун 1.42 (→ D); 2.24 (→)
- ун-я 1.41 (↓ D)
- ын-я 1.47 (↓); -ын-и 2.23 (↓, следы —)
- ян-е 1.69; 2.25 (—, откл. к ↓)
- ар 1.44 (↓ D, изредка → D)
- ар-ь; отыменное 1.51 (→ Monosyll), отглагольное 1.53 (←); 2.24 (→)
- ер, -ёр 1.44
- сор, -тор 1.43 (← D)
- яр 1.44 (↓ D, изредка → D)
- т-ь 1.43 (← D Init)
- от-а: отадъективные имена качества 1.42 (→ D), отглагольное 1.47 (↓); 2.25 (—, откл. к →)
- ост-ь 1.53 (←); 2.25 (—Re, откл. к —Min)
- ят- (в назв. детенышей и т. п.) 1.41 (↓ D); 2.23 (↓)
- ах-а, -ѣх-а 1.41 (↓ D)
- их-а 1.47 (↓)
- ох-а, -ух-а 1.41 (↓ D)
- ца (-еу-а) 1.51 (→); -ьц-а 2.24 (→)
- ц-о/е 1.51 (→ Polysyll); -ьц-е 2.24 (→)
- еу-о (-иу-е) 1.51 (→)
- еу: уменьшит. 1.53 (← Triv), прочее 1.51 (→, → Monosyll); -ьу-ь 2.24 (→)
- иу-а 1.47 (↓); 2.23 (↓)
- ниу-а (аддитивное) 1.47 (↓)
- ач 1.42 (→ D); 2.24 (→)
- ич 1.51 (→); 2.23 (↓)
- бѣвич: апеллятивы и отчества 1.47 (↓ Triv), фамилии 1.41 (↓ D)
- ш-а 1.53 (← Triv)
- аш 1.42 (→ D)
- уш-а 1.41 (↓ D)
- ыш 1.51 (→)
- иш-а 1.47 (↓)
- иш-е 1.47 (↓); 2.23 (↓)
- биш-е 1.53 (←)
- овиш-е 1.47 (↓)
- мя (-мен-) 2.25 (—)
- ' 1.43 (← D Init)

Суффиксы прилагательных

- ав- 1.41 (↓ D); 2.25 (—)
 -ив- 1.41 (↓ D); 2.23 (↓)
 -лив- 1.48 (↓ Monosyll Deox)
 -чив- 1.48 (↓)
 -ов-: притяжат. 1.48 (↓ Triv), не притяжат. 1.61—63; 2.25 (—)
 -ляв- 1.41 (↓ D)
 -*j-: а) притяжат. 2.25 (—); б) сравнит. 1.54; 2.23
 -ej(e) (сравнит.) 1.48 (↓); -ѣj- 2.23 (↓)
 -(u)j- (притяжат.) 1.54 (←); -ѣj- 2.24 (→, изредка —)
 -к- 1.54 (←); -ѣк- 2.25 (—)
 -ак- 2.25 (—)
 -ѣнк (-ѣнк) 1.48 (↓)
 -ок- 1.48 (↓); 2.25
 -(e)ск- 1.54 (←); -ѣск- 2.25 (—)
 -овск-: в семантич. группе колдовства, плутовства и т. п. 1.52 (→ Monosyll), прочее 1.48 (↓ Triv)
 -еньк- (-оньк-) 1.54 (←)
 -ѣсеньк-, -ѣшеньк-, -ѣхоньк- 1.41 (↓ D)
 -л- 1.54 (←); 2.20, 21
 -им- 1.67; 2.20, 21
 -ом- 1.48 (↓); 2.20, 21
 -н-: а) причастное 1.54 (← Polysyll); 2.20, 21; б) не причастное 1.57—60; -ѣн- 2.25 (—)
 н' - 1.54 (←); -ѣн' - 2.23 (↓, следы —)
- овн- 1.48 (↓ Monosyll)
 -ин- притяжат. 1.54 (←), фамилии 1.52 (→), не притяжат. 1.41 (↓ D); 2.23, 24
 -ни- 1.54 (← Polysyll)
 -енн-: усилительное 1.41 (↓ D), отыменное 1.54 (←)
 -ѣн(н)-, -ен(н)- (причастное) 1.48 (↓); -ен- 2.20, 21
 -ин' - 1.54 (←)
 -ян- 1.64; 2.25 (—)
 -ер- (в *пятеро* и т. д.) 2.25 (—)
 -т- 1.54 (←, ← Polysyll), 2.20
 -ат- 1.41 (↓ D); 2.23 (↓)
 -оват- 1.41 (↓ D)
 -чат- 1.54 (←)
 -ит- 1.41 (↓ D); 2.23 (↓)
 -овит- 1.41 (↓ D)
 -аст- 1.41 (↓ D)
 -ист-: «содержащий соотв. вещество» 1.54 (← Triv), прочее 1.48 (↓ Deox); 2.23 (↓)
 -уч-, -яч- 1.41 (↓ D); 2.20, 21
 -ш-е (сравнит.) 1.54 (←)
 -(e)ш- 1.54 (←); -ѣш- 2.20, 21 (—)
 -ейш-, -айш- 1.48 (↓); -ѣjš- 2.23 (↓)
 -ущ-, -ющ- (усилительное) 1.41 (↓ D)
 -ущ-, -ющ- (причастное) 1.48 (↓); 2.21

Суффиксы глаголов

- а-ть: вторичные имперфективы 1.41 (↓ D), отыменные *aj*-глаголы 1.49 (↓); 2.20, 21, 23
 -ова-ть 1.65; 2.20, 23 (↓ Min)
 -(e)ствова-ть 1.55 (←)
 -ирова-ть 1.65
 -изйрова-ть 1.41 (↓ D)
 -ыва-ть 1.55 (←); 2.23
 -(н)ича-ть 1.55 (←)
- е-ть 1.49 (↓); 2.20, 23 (↓)
 -овѣ-ть, -енѣ-ть (-янѣ-ть) 1.49 (↓ Monosyll)
 -и- (в составе -и-л-, -и-тел-) 1.41 (↓ D)
 -и-ть 1.66; 2.20, 25 (—)
 -уж- (в презенсе *ова*-глаголов) 2.20 (↓)
 -ну-ть: выпадающее в прош. времени 1.55 (←), не выпадающее 1.49 (↓); 2.20, 25

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Цифры означают параграфы, где термин определяется или разъясняется

- аддитивный суффикс 1.38
 акцентная кривая (схема ударения) 1.8, 2.11
 акцентная маркировка 0.2, 1.21, 2.7
 акцентная парадигма 2.10; а. п. *a* (баритонированная), а. п. *b* (окситонированная), а. п. *c* (подвижная) 2.10
 акцентно самостоятельная словоформа 2.4
 акцентные знаки 3.16
 акцентный тип 1.10; тривиальный, нетривиальный, флексивный, подвижный, смежно-подвижный, маргинально-подвижный акцентные типы 1.10
 акцентовка 0.3
 акцентологическая классификация: морфем 1.21, 2.7; основ 1.29
 акцентуация 0.3
 базисное правило 1.22, 2.8
 базовый компонент 1.19
 вария 3.16
 вторичный суффикс 1.25
 дефинализация ударения 3.9
 диалектные зоны в старовеликорусском (восточная и западная) 3.33, 77
 доминантность 1.21; доминантная, недоминантная основа (или базовый компонент) 1.29, 30
 заменительный суффикс 1.38
 иктусные и неиктусные акцентные знаки 3.16
 изо 3.16
 камора 3.16
 клитика 2.4
 книжная акцентовка 3.11
 консонизатор корня (или основы) 1.19
 коэффициент акцентуированности (плотность акцентовки) 3.16
 коэффициент выраженности /ô/ 3.20
 левоударная морфема 1.21
 маркировка см. акцентная маркировка
 микросистема (точечная система) 3.1
 морфемный комплекс 1.24
 двукорневой м. к. 1.26
 глагольный м. к. 1.24, 25
 именной м. к. 1.24—26
 приставочно-корневой м. к. 1.24
 морфологическая классификация глаголов 0.3
 народная акцентовка 3.11
 оксия 3.16
 ортотоническая словоформа 2.5
 освоенность или неосвоенность слова 1.5
 первичный суффикс 1.25
 перемаркировка 1.23, 2.9
 плотное или неплотное примыкание морфем 1.4
 плотность акцентовки (коэффициент акцентуированности) 3.16
 поглощающий или непоглощающий сращенный суффикс 1.37
 позднедревнерусский 3.1
 полная запись фонемы /ô/ 3.20
 полновокальные и неполновокальные морфемы 1.19
 правоударная морфема 1.21
 прагматический фактор 1.5
 «привязка» ударения к некоторой маркировке 1.22
 проклитика 2.4
 раннедревнерусский 3.1
 самоударная морфема 1.21
 сильная, слабая, промежуточная основа (или базовый компонент) 1.29, 30
 сращенный суффикс 1.37
 старовеликорусский 3.1
 субпарадигма 1.7
 схема ударения (акцентная кривая) 1.8
 схематическая изоглосса 3.33
 тактовая группа 2.4
 тематизация ударения 3.8
 тематический элемент 0.3, 1.19
 точечная система (микросистема) 3.1

- ударение 0.3, 1.1
автоматическое у. 2.5
автономное у. 2.5
второстепенное у. 1.1, 3.7
книжное у. 3.11
колонное у. 1.1
маргинально-подвижное у. 1.10, 2.10
наосновное у. 1.1
народное у. 3.11
нетривиальное у. 1.10
подвижное у. 1.10
предфлексивное у. 1.1
ритмическое у. 3.7
смежно-подвижное у. 1.10, 2.10
строгое или нестрогое маргинально-подвижное у. 2.10
тривиальное у. 1.10
флексивное у. 1.1, 10
фонологическое у. 2.5
упрощенная запись фонемы /ô/ 3.20
фонемы /ô/ и /ɔ/ и их графическая передача 3.19
цепь (акцентных) маркировок 1.22, 2.8
энклиномен 2.5
энклитика 2.4
этимологически долгие и этимологически краткие морфы 2.2

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава первая	
АКЦЕНТНАЯ СИСТЕМА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА	8
Общие положения	8
Общее (§ 1.1). <i>Исходные данные</i> . Общее (§ 1.2). Непроизводные и производные слова (§ 1.3). Плотное и неплотное присоединение морфем (§ 1.4). Освоенные и неосвоенные слова (§ 1.5). <i>Структура описания</i> (§ 1.6—7). <i>Схемы ударения</i> (§ 1.8—9). <i>Акцентные типы</i> (§ 1.10—11). <i>Правила постановки ударения в словоформах по схеме ударения слова</i> (§ 1.12). <i>Перенос ударения на предлог или частицу</i> (§ 1.13).	
Ударение производных слов (§ 1.14—17)	22
Ударение производных слов	29
<i>Общие сведения</i> (§ 1.18—20). <i>Акцентологическая классификация морфем</i> . Система маркировок (§ 1.21). Базисное правило (§ 1.22). Перемаркировка (§ 1.23). <i>Морфемные комплексы</i> . Приставочно-корневые комплексы (§ 1.24—25). Другие типы комплексов (§ 1.26). «Опорное» <i>-ов-</i> (§ 1.27). Перемаркировка морфем в составе комплексов (§ 1.28). <i>Акцентологическая классификация основ</i> (§ 1.29—30). <i>Акцентологически обусловленное ограничение на сочетаемость морфем</i> (§ 1.31). <i>Поэтические правила определения акцентуации производных слов</i> (§ 1.32—34). <i>Маркировки приставок</i> (§ 1.35). <i>Маркировки суффиксов</i> . Общее (§ 1.36). Сращенные суффиксы (§ 1.37). Заменяемые суффиксы (§ 1.38). <i>Списки суффиксов с маркировками</i> . Общее (§ 1.39). Доминантные суффиксы (§ 1.40—45). Недоминантные суффиксы (§ 1.46—55). <i>Суффиксы с усложненной акцентной характеристикой</i> . Связь акцентуации с противопоставлением качественных и относительных прилагательных (§ 1.56). Суффикс <i>-н-</i> (§ 1.57—60). Суффикс <i>-ов-</i> (§ 1.61—63). Суффикс <i>-ян-</i> (§ 1.64). Суффиксы <i>-ова-ть</i> и <i>-ирова-ть</i> (§ 1.65). Суффикс <i>-и-ть</i> (§ 1.66). Суффиксы <i>-им-</i> и <i>-ениј-е</i> (§ 1.67). Суффиксы <i>-щик</i> и <i>-овщик</i> (§ 1.68). Суффиксы <i>-ян-е</i> , <i>-чан-</i> (§ 1.69).	

Глава вторая

ПРАСЛАВЯНСКАЯ И РАННЕДРЕВНЕРУССКАЯ АКЦЕНТНЫЕ СИСТЕМЫ	113
Общее (§ 2.1—3)	
Общие сведения о раннедревнерусской просодической системе	118
Общее (§ 2.4—6). Акцентная маркировка морфем (§ 2.7). Базисное правило (§ 2.8—9). Акцентные парадигмы (§ 2.10). Акцентные кривые (§ 2.11). Зависимость между акцентуацией производящих и производных слов (§ 2.12).	
Сведения о маркировке конкретных морфем	129
<i>Корни</i> (§ 2.13). Акцентная парадигма <i>a</i> (§ 2.14—15). Акцентная парадигма <i>b</i> (§ 2.16). Акцентная парадигма <i>c</i> (§ 2.17). <i>Окончания и словоизменятельные суффиксы</i> (§ 2.18—21). <i>Клитики и приставки</i> (§ 2.22). <i>Словообразовательные суффиксы</i> . Суффиксы с основной маркировкой ↓ (§ 2.23). Суффиксы с основной маркировкой → (§ 2.24). Суффиксы с минусовой основной маркировкой (§ 2.25). <i>Особые акцентные явления в приставочных именах и сложных словах</i> (§ 2.26—29).	
Итоги раннедревнерусской акцентной реконструкции (§ 2.30)	157
Акцентные отличия раннедревнерусского от праславянского (§ 2.31—34)	160

Глава третья

АКЦЕНТНЫЕ СИСТЕМЫ XIV—XVII ВЕКОВ	166
Общее (§ 3.1)	
Основные акцентные явления позднедревнерусского периода	168
<i>Падение редуцированных и ударение</i> (§ 3.2). <i>Противопоставление фонем /ɔ/ и /ǫ/</i> (§ 3.3—5). <i>Совпадение автономного и автоматического ударений</i> (§ 3.6). <i>Второстепенное ударение</i> (§ 3.7). <i>Акцентные перестройки аналогического характера</i> (§ 3.8). <i>Дефинализация ударения</i> (§ 3.9—10).	
Народная и книжная акцентовка (§ 3.11—14)	188
Письменные источники и проблемы их интерпретации	198
Общее (§ 3.15). <i>Акцентные знаки и их системы</i> (§ 3.16—18). <i>Системы графической передачи фонем /ɔ/ и /ǫ/</i> (§ 3.19—20). <i>Использованные памятники</i> . Общее (§ 3.21). Новгород (§ 3.22). Обонежье (§ 3.23). Псков (§ 3.24). Смоленск (§ 3.25). Ближний запад (§ 3.26). Москва (§ 3.27). Юг (§ 3.28). Юго-восток (§ 3.29). Ближний северо-восток (§ 3.30). Дальний северо-восток (§ 3.31). Прочие (§ 3.32). <i>Вопрос о применении карт</i> (§ 3.33).	

Анализ ударения в некоторых важных звеньях старовеликорусской морфологической системы	241
--	------------

Общее (§ 3.34). *Существительные*. Дефинализация ударения в склонении существительных а. п. *b* (§ 3.35). М. ед. в а. п. *c* (§ 3.36—39). И. В. мн. у *neutra* а. п. *c* и *b* (§ 3.40—41). И. мн. и В. мн. у *masculina* а. п. *c* (§ 3.42). Т. мн. на *-ы (-и)* в а. п. *c* (§ 3.43). Т. мн. на *-ьми* в а. п. *c* (§ 3.44). Д. мн. на *-омъ (-емъ)* в а. п. *c* (§ 3.45—46). М. мн. на *-ѣхъ (-ихъ)* в а. п. *c* (§ 3.47). Дополнительные замечания о существительных (§ 3.48—50). *Прилагательные*. Общее (§ 3.51). Нечленные формы прилагательных а. п. *c* и *a* (§ 3.52—54). Нечленные формы прилагательных а. п. *b* (§ 3.55). Нечленные формы «группы *высоко*» (§ 3.56). Нечленные формы «группы *красно*» (§ 3.57). Членные формы прилагательных а. п. *c* (§ 3.58—59). *Глаголы*. 2 мн. презенса в а. п. *c* (§ 3.60). 1 ед. презенса в а. п. *c* (§ 3.61). Деепричастия на *-а, -я* в а. п. *c* (§ 3.62). Подвижное ударение в прош. времени (§ 3.63). Деепричастия прош. времени у глаголов с подвижным ударением в прош. времени (§ 3.64). Страдательные причастия прош. времени (§ 3.65—70). Инфинитивы с исконным ударением на *-ти (-чи, -ци)* (§ 3.71). Императивы с исконным флексийным ударением (§ 3.72). Тематизация ударения (§ 3.73). Перестройка ударения в презенсе *i-* и *ѣ-* глаголов (§ 3.74—75). Презенс с неслоговым корнем (у корневых, *a-* и *ю-* глаголов) (§ 3.76). *Диалектологические итоги анализа старовеликорусских акцентных систем* (§ 3.77).

Глава четвертая

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ АКЦЕНТНОЙ ЭВОЛЮЦИИ . . .	371
--	------------

Общее (§ 4.1). Акцентная эволюция в словоизменении (§ 4.2—5). Акцентная эволюция в словообразовании (§ 4.6). Эволюция акцентной системы в целом (§ 4.7).

Принятые сокращения	387
--------------------------------------	------------

УКАЗАТЕЛИ

Указатель слов	394
Указатель суффиксов	421
Предметный указатель	424

***ДРУГИЕ РАБОТЫ ПО АКЦЕНТОЛОГИИ
СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА***

УДАРЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ СКЛОНЕНИИ

Предварительные сведения

1. Цель настоящей работы, во-первых, описать существующие в современном русском языке типы размещения ударения в словоформах склоняемых слов; во-вторых, сформулировать правила, позволяющие по исходной словоформе и типу склонения определить место ударения во всех остальных словоформах слова. Описание носит практический характер. Теоретические вопросы, связанные с описанием ударения в словоизменительной системе, в настоящей работе почти не рассматриваются.

2. В работе описывается только нормативное ударение, т. е. ударение, соответствующее требованиям словаря-справочника «Русское литературное произношение и ударение»¹.

3. Объем рассмотренного материала — все склоняемые слова, включенные в указанный словарь-справочник².

4. В настоящем описании мы исходим из того, что каждая словоформа разделена на основу и окончание. Как известно, разделение словоформ на основу и окончание содержит элемент условности и поэтому может быть произведено разными способами. Мы придерживаемся здесь наиболее обычного, традиционного способа выделения окончаний в письменном языке, а именно считаем окончаниями элементы, включенные в «Таблицы окончаний» вступительной статьи к «Толковому словарю русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова³. Для иллюстрации укажем, что, например, у слов *стол*, *конь*, *музѐй*, *стенá*, *мóре*, *нóвый*, *наш*, *твой* окончания находятся отбрасыванием во всех словоформах основ *стол-*, *кон-*, *музе-*, *стен-*, *мор-*, *нов-*, *наш-*, *тво-*. Укажем также способ выделения окончаний в нескольких особых случаях: множ. число на *-ья* — *муж-ья*, *муж-ѐй*, *дерѐв-ья*, *дерѐв-ьев*; ср. род. на *-я* — *йм-я* (в отличие от традиционного деления), *имен-и*, также *дит-я*, *дитят-и*; другие случаи чередования основ — *мат-ь*, *мáтер-и*, *нѐб-о*, *небес-á*, *славянѝн-*, *славян-е*, *хозяѝн-*, *хозяѐв-а* и т. д. Для аномальных местоимений и числительных способ выделения основы и окончания указывается на стр. 445.

¹ «Русское литературное произношение и ударение». Словарь-справочник под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. М., 1959.

² При редактировании статьи наименее употребительные слова были исключены из списков. Эти сокращения равносильны некоторому уменьшению объема рассмотренного материала. — Прим. ред.

³ «Толковый словарь русского языка». Под ред. проф. Д. Н. Ушакова, т. I. М., 1935. Статья «Как пользоваться словарем», §§ 40 и 48.

5. В работе не рассматриваются краткие формы и степени сравнения прилагательных; иначе говоря, объектом изучения является то, что можно назвать «системой склонения в узком смысле слова».

6. Особую трактовку получают так называемые «2-й родительный падеж» на *-у, -ю* и «2-й предложный» на *-у, -ю, -и*. Как известно, они представлены особыми словоформами только у меньшинства существительных. При этом по буквенному составу обе эти формы совпадают с соответствующим дательным падежом; место ударения в них однозначно определяется по следующему простому правилу: во «2-м родительном» оно такое же, как в дательном, а во «2-м предложном» ударение всегда падает на окончание, независимо от распределения ударения в остальных словоформах. Из сказанного следует, что при экономном описании в характеристику отдельного слова должны входить только указания о том, есть ли вообще у этого слова «2-й родительный» или нет и есть ли вообще «2-й предложный» или нет, но не должно входить никаких указаний о способе образования этих форм (например, о месте ударения в них). На этом основании мы будем рассматривать ниже всякую парадигму как шестипадежную и, говоря о распределении ударения в парадигме, никак не будем учитывать место ударения в обеих этих формах.

7. В работе не рассматриваются следующие особые явления: а) перенос ударения на предлог¹, например *на́ пол, за́ голову* (иногда, правда, такие факты указываются в примечаниях); б) особое ударение в сочетании с числительными *два, три, четыре*, например *два часа́*; в) особое ударение в сочетании с определенными предлогами (кроме *в, на*), например *по́ груди́*; г) особое ударение в устойчивых словосочетаниях, например *гу́ба не ду́ра, гол как соко́л, ни черта́*.

Ударение в склонении существительных

Ударение в склонении русских существительных наиболее целесообразно описывать в два приема, а именно:

1. Место ударения в каждой словоформе определяется только с точностью до морфологического компонента (основы или окончания); иначе говоря, учитывается только то, является ли ударение в данной словоформе наосновным или наконечным.

Выявляются все встречающиеся в русском языке типы распределения наосновного и наконечного ударения по словоформам парадигмы; эти типы мы называем «схемами ударения».

2. Формулируются правила, позволяющие по исходной словоформе и схеме ударения определить точное место ударения во всех словоформах парадигмы.

Схемы ударения

Описывая распределение ударения в конкретных парадигмах, следует учитывать две важные особенности русского склонения.

1. В некоторых формах склонения возможны неслоговые окончания, т. е. окончания, не содержащие гласных. Таковы окончания *нуль* (например, в словоформах *стол, карт*), *-ь* (*конь, пуль*), *-й* (*музей, личный*)², встречающиеся в им. и вин. ед. и в род. и вин. мн. Понятно, что ударение не может падать на эти окончания и во всех таких слово-

¹ См. Р. И. Аванесов. Ударение в современном русском литературном языке. М., 1958, стр. 40—41.

² Как уже указывалось выше, принято разделение на основу и окончание, естественное для письменного языка. С фонетической точки зрения во всех трех случаях окончание нулевое. Легко видеть, что для описания ударения эта разница несущественна, поскольку она никак не отражается на счете слогов.

формах всегда находится на основе. Однако нецелесообразно считать все такие словоформы однотипными в отношении ударения. Сравним, например, слова *карта* и *черта*. У первого слова ударение во всех словоформах падает на основу (*карты*, *карте* и т. д.); у второго во всех словоформах, кроме род. мн., ударение падает на окончание (*черты*, *черте* и т. д.). Лишь в той форме, где окончание нулевое (род. мн.), ударение у этих слов одинаковое: *карт*, *черт*. Естественно считать, что, несмотря на фактическое сходство, эти два случая по существу различны: в словоформе *карт* ударение занимает, так сказать, свое обычное место, тогда как в словоформе *черт* оно оказалось на основе лишь потому, что окончание здесь не содержит гласной. Чтобы отразить это различие, мы можем условиться считать, что во втором случае ударение стоит на окончании.

Именно такой подход к описанию ударения в словоформах с неслоговым окончанием принят в русской языковедческой традиции¹. Его преимущество состоит в том, что, во-первых, схема ударения таких слов, как *черта*, становится более простой (мы можем сказать теперь, что это слово имеет конечное ударение во всей парадигме); во-вторых, существенно сокращается общее число различных схем ударения (так, например, слова *черта* и *ступня* попадают теперь в одну схему, тогда как прежде мы должны были бы отнести их к разным схемам: ср. *черт*, но *ступней*).

Таким образом, в словоформе с неслоговым окончанием при выявлении схемы ударения учитывается не действительное ударение, а ударение, условно приписанное этой словоформе. Его можно назвать «условным ударением»².

Практически, выявляя распределение ударения в парадигме, мы будем руководствоваться следующим правилом: считается, что в словоформе с неслововым окончанием ударение (условное) стоит на том же компоненте (основе или окончании), что и действительное ударение в словоформе дательного падежа того же числа. Так, например, мы будем считать, что словоформа *короб* имеет наосновное ударение (ср. *коробам*), словоформа *голов* — конечное ударение (ср. *головам*); словоформа *пол* — наосновное ударение (ср. *полу*), словоформа *стол* — конечное ударение (ср. *столу*).

Примечание. В соответствии с точным смыслом данного правила, неизменяемые существительные (типа *шоссё*), у которых все словоформы имеют нулевое окончание, считаются имеющими ударение на основе во всей парадигме.

2. Среди 12 грамматических форм русского существительного (6 падежей × 2 числа) особое место занимает форма вин. мн. Эта форма никогда не имеет самостоятельного выражения, совпадая у одних существительных («неодушевленных») с имен. мн., у других («одушевленных») — с род. мн. В нашем описании мы можем исходить из того, что нам известно про каждое существительное, относится ли оно к разряду «неодушевленных» или «одушевленных».

Из сказанного следует, что при выявлении схемы ударения в конкретных парадигмах словоформу вин. мн. можно вообще не учитывать. Действительно, если мы знаем, как распределяется ударение в остальных 11 словоформах парадигмы и к какому разряду существительных (к «неодушевленным» или к «одушевленным») принадлежит данное слово, то мы всегда сможем легко восстановить место ударения в вин. мн. Итак, в дальнейшем мы будем рассматривать только 11 форм из 12;

¹ Наиболее четкая формулировка этого принципа содержится в цитированной выше книге Р. И. Аванесова (стр. 21—22). Во многих других описаниях, например в Академической грамматике, этот принцип используется, но не формулируется в явном виде.

² Заметим, что вопрос об условном ударении в действительности более сложен, но для целей настоящей работы приведенного выше описания достаточно.

это значит, в частности, что два слова, различающиеся по месту ударения только в вин. мн. (например, *ночь* и *мышь*), будут считаться имеющими одну и ту же схему ударения.

Если учесть оба описанных выше особых обстоятельства, то оказывается, что у русских существительных встречаются 12 различных схем ударения. Шесть из них встречаются часто; шесть других представлены лишь немногими словами (около 40 слов на все шесть схем). Часто встречающиеся схемы ударения мы будем называть основными. Эти схемы таковы:

a — неподвижное ударение на основе;

b — неподвижное ударение на окончании;

c — ударение на основе в ед. ч., на окончании — во мн. ч.;

d — ударение на окончании в ед. ч., на основе — во мн. ч.;

e — ударение на основе в ед. ч. и в им. мн., на окончании — в косвенных падежах мн. ч.;

f — ударение на окончании во всех формах, кроме им. мн.¹.

Различия между шестью основными схемами ударения можно представить в виде следующей таблицы:

Схема ударения		<i>a</i>	<i>b</i>	<i>c</i>	<i>d</i>	<i>e</i>	<i>f</i>
Формы							
ед. ч.		на основе	на окончании	на основе	на окончании	на основе	на окончании
мн. ч.	им.						
	род., дат., твор., предл.			на окончании	на основе	на окончании	на окончании

Образцы основных схем ударения

В таблице основа представлена прямоугольником, окончание — кружком. Ударная часть слова закрашена черным.

	<i>a</i>	<i>b</i>	<i>c</i>	<i>d</i>	<i>e</i>	<i>f</i>
ед И	■ о́карта	□ о стол*	■ о море	□ о вино́	■ о волк*	□ о губа́
Р	■ о кар́ты	□ о столá	■ о ма́ря	□ о ви́на	■ о ва́лка	□ о губы́
Д	■ о кар́те	□ о столу́	■ о ма́рю	□ о ви́ну	■ о ва́лку	□ о губе́
В	■ о кар́ту	□ о стол*	■ о ма́ре	□ о ви́но	■ о ва́лка	□ о губу́
Т	■ о кар́той	□ о столóм	■ о ма́рем	□ о ви́ном	■ о ва́лком	□ о губóй
П	■ о о́карте	□ о о́столé	■ о о́ма́ре	□ о о́ви́не	■ о о́ва́лке	□ о о́губе́
мн И	■ о кар́ты	□ о столы́	■ о моря́	□ о ви́на	■ о ва́лки	□ о губы́
Р	■ о карт*	□ о столóв	■ о морéй	□ о вин*	■ о ва́лков	□ о губ*
Д	■ о кáртам	□ о столóм	■ о моря́м	□ о ви́нам	■ о ва́лкам	□ о губáм
Т	■ о кáртами	□ о столóми	■ о моря́ми	□ о ви́нами	■ о ва́лками	□ о губáми
П	■ о о́картах	□ о о́столáх	■ о о́морéях	□ о о́винах	■ о о́ва́лках	□ о о́губáх

* Место ударения указано в соответствии с правилом, данным на стр. 433.

¹ Основные схемы ударения соответствуют группам существительных, выделяемым в § 278 1 тома Академической грамматики, а именно: схема *a* — группе 1, *b* — гр. 4, *c* — гр. 2, *d* — гр. 5, *e* — гр. 3, *f* — гр. 6. Избранный нами порядок схем представляется более удобным для практических целей, поскольку неподвижное ударение (господствующий тип) здесь четче отграничивается от подвижного.

З а м е ч а н и е 1. Понятно, что всякое существительное с полной парадигмой, не имеющее колебаний ударения, может быть отнесено только к одной, вполне определенной схеме ударения. Иначе обстоит дело с существительными, у которых часть словоформ отсутствует (например, нет ед. или мн. числа). Действительно, поскольку отсутствующим словоформам можно приписать какое угодно ударение, мы можем отнести, например, такое слово, как *ножницы*, и к схеме *a* и к схеме *d*. Для таких случаев мы принимаем следующее правило: если слово с неполной парадигмой, вообще говоря, может быть отнесено к двум или нескольким разным схемам ударения, мы будем считать, что оно принадлежит к той из них, которая стоит первой по алфавиту. Так, слово *ножницы* принадлежит к схеме *a*, слово *бельё* — к схеме *b*, слово *са́ни* — к схеме *e* и т. д.

З а м е ч а н и е 2. У ряда слов в части словоформ ударение колеблется. Например, слово *мост* может иметь во всем ед. ч. как наосновное, так и наконечное ударение. Для упрощения описания мы мысленно «разлагаем» всякую парадигму с колебаниями ударения на две парадигмы без колебаний, каждая из которых выступает в дальнейшем как самостоятельная единица описания. Так, слово *мост* «разлагается» на 2 единицы: *мост* схемы *b* и *мост* схемы *c*; в самом деле, наложение друг на друга схем *b* и *c* даст именно те колебания, которые наблюдаются в действительности. Таким образом, это слово будет фигурировать как в списке слов схемы *b*, так и в списке слов схемы *c*; но при этом в первом случае при нем будет указание «//*c*», т. е. «наряду (параллельно) со схемой *c*», а во втором случае — указание «//*b*». Разумеется, все сказанное применимо и к тем случаям, когда различие в ударении связано с различием в значении, ср. *лист* (дерева) — схема *d* (мн. *ли́стья*) и *лист* (бумаги) — схема *b* (мн. *ли́сты*). В таких случаях при слове будет указано, какое значение имеется в виду.

Как указано выше, за рамками 6 основных схем ударения остается лишь небольшая группа существительных, среди которых можно выделить еще 6 схем ударения. Каждую из этих второстепенных схем можно представить как результат отклонения в одной или двух формах от одной из основных схем. Соответственно мы будем обозначать второстепенную схему ударения той же буквой, что и основную схему, к которой она примыкает, но с добавлением штриха (или двух штрихов), указывающего на наличие отклонения.

Встречаются следующие типы отклонений:

1. Наосновное ударение в вин. ед. вместо ожидаемого наконечного. Оно дает, во-первых, схему *f'*, включающую слова: *борода́*, *борона́*, *голова́* (часть тела), *гора́*, *доска́*, *кроха́*, *нога́*, *пелоса́* (//*f*), *пора́*, *река́* (//*f*, *d*, *d'*), *рука́*, *среда́* (день), *стена́*, *сторона́*, *строка́* (//*i*), *щека́*; во-вторых, схему *d*, включающую слова: *верста́* (//*d*), *вода́*, *душа́*, *заря́* (сигнал), *земля́*, *зима́*, *изба́* (//*d*), *коса́* (орудие) (//*d*), *река́* (//*d*, *f*, *f'*), *спина́*, *цена́*.

Примечание. Для большинства слов с данным отклонением характерен перенос ударения на предлог в вин. падеже обоих чисел, например: *на голову́*, *за руки́*, *на зиму́*.

2. Наосновное ударение в твор. ед. вместо ожидаемого наконечного. Оно дает схему *b'*, включающую слова: *вошь*, *глушь*, *ложь*, *любовь*, *рожь*.

3. Наконечное ударение в имен. и вин. ед. вместо ожидаемого наосновного. Оно дает схему *c'*, представленную словами *полчася́*, *полшага́*.

4. Наосновное ударение в дат. и предл. мн. вместо ожидаемого наконечного. Оно дает схему *e'*, представленную словами *ребёнок* — мн. *де́ти*, *челове́к* — мн. *лю́ди*.

5. Отклонения 3 и 4 вместе. Они дают схему *e''*, представленную словом *дитя* — мн. *дѣти*.

Определение схемы ударения по исходной словоформе и типу склонения

Распределение существительных по схемам ударения в современном русском языке очень сложно. Во многих случаях обнаружить какую-либо внутреннюю синхронную закономерность чрезвычайно трудно или вообще невозможно и при описании остается лишь прибегнуть к составлению списков.

Распределение существительных по схемам ударения можно описать, например, охарактеризовав какими-либо положительными признаками состав слов, относящихся к каждой из схем ударения. Наиболее подробно из существующих описаний такого рода (к сожалению, все же неполное), содержится в I томе Академической грамматики (§§ 250—278), где существительные каждой схемы характеризуются с точки зрения производности или непроизводности основы, числа слогов основы и т. д. Там же читатель найдет большое число примеров, а в ряде случаев и исчерпывающие списки.

Описание можно построить и иначе, более непосредственно подчинив его практическим целям, а именно, можно сформулировать правила, позволяющие определить схему ударения любого существительного по его исходной словоформе (т. е. по имен. ед., а если ед. ч. нет — по имен. мн.). В настоящей работе описание строится именно таким способом. При этом мы отказываемся от всех критериев, не поддающихся четкому определению, например от различения производных и непроизводных основ (грань между которыми, как известно, весьма неопределенна), от различения исконно русских и заимствованных слов, от семантических критериев и т. п.¹ Разумеется, этот подход приводит к увеличению числа и объема списков, однако только таким способом можно обеспечить точность и недвусмысленность описания.

Нецелесообразно, однако, отказываться при определении схемы ударения от всех сведений о слове, кроме тех, которые дает исходная словоформа. Дело в том, что для нашей цели часто бывают существенны такие сведения о слове (например, тип склонения, наличие определенного чередования в основе), которые учащийся должен знать в любом случае, независимо от того, нужны эти сведения для определения схемы ударения или нет. В приводимых ниже правилах используются следующие сведения.

Прежде всего, предполагается известным, к какой из следующих 8 групп относится рассматриваемое существительное:

1) изменяемые существительные мужского рода с окончанием исходной словоформы *нуль*, *-ь* или *-й*;

2) существительные среднего и мужского родов с окончанием *-о*, *-е* или *-ѐ* и существительные среднего рода с окончанием *-я* (группа слов на *-мя*);

3) существительные женского и мужского родов с окончанием *-а* или *-я*;

4) существительные женского рода с окончанием *-ь*;

5) *pluralia tantum* (окончания *-ы*, *-и*, *-а*, *-я*);

6) существительные всех родов, склоняющиеся по адъективному и местоименному типам (окончания *-ый*, *-ой*, *-ий*, *-ийся*; *-ая*, *-яя*, *-ья*, *-аяя*; *-ое*, *-ее*, *-еся*) (= субстантивированные прилагательные и причастия);

7) неизменяемые существительные всех родов;

¹ В некоторых случаях закономерности, связанные с критериями такого рода, указаны в примечаниях.

8) сложные существительные с основой *пол-* в первой части (окончания *-а, -я, -ы, -и*)¹.

Примечание. Как можно видеть, для этой классификации в большинстве случаев достаточно исходной словоформы. Дополнительные сведения нужны в случаях типа *медаль — миндаль, работа — ворота, ведро — метр, герб — часовый* и некоторых других.

Кроме того, используются следующие сведения:

1) употребляется ли данное слово во мн. числе (ср. *высота* и *протота*);

2) для слов муж. рода — какое окончание имеет данное слово во имен. мн.: *-ы (-и), -а (-я), -е* или *-ья* (ср. *житель* и *китель, жук* и *сук*);

3) для слов муж. рода — является ли последняя гласная исходной словоформы беглой (ср. *поток* и *каток*)².

Правила определения схемы ударения

Предварительные замечания. 1. В правилах, если не оговорено обратное, под основой слова понимается основа исходной словоформы. Основы классифицируются по двум главным признакам: по числу слогов и по месту ударения. По числу слогов различаются неслоговые основы (*зл-о, тл-я*) и слоговые (*дом-, голов-а*). Слоговые основы делятся на односложные (*дом-, вин-о*) и несложные (*топор-, сковород-а*). По месту ударения основы делятся на ударные (*дом-, болот-о*) и безударные (*зл-о, голов-а*) (следует особо подчеркнуть, что в правилах везде учитывается только действительное место ударения³). Ударные основы делятся на основы с начальным ударением (*колокол-, дом-*) и основы с неначным ударением (*топор-, царьпин-а*). Заметим специально, что таким образом ударные односложные основы всегда попадают в группу основ с начальным ударением. Основы с неначным ударением могут быть подразделены на основы с конечным ударением (*топор-, болот-о*) и основы со срединным ударением (*характер-, царьпин-а*).

2. Сложные слова с основой *полу-*, а также с «интернациональными» основами *авиа-, авто-, аэро-, гидро-, микро-, мото-* и т. п. в первой части относятся к той же схеме ударения, что и соответствующие простые слова (исключения: *полукруг* — схема *а*, ср. *круг* — схема *с*; *полутьма* — схема *а*, ср. *тьма* — схема *е*). Таким образом, на эти слова приводимые ниже правила не распространяются.

Группа первая. Изменяемые существительные мужского рода с окончанием *нуль, -ь* или *-й*

А. Слова, имеющие во имен. мн. окончание *-е*.

Такие слова принадлежат к схеме *а*, например: *славянин, цыган*.

Б. Слова, имеющие во имен. мн. окончание *-а* или *-я*.

Слова с исходной словоформой на *-ёнок, -онок*, а также слово *хозяин* (мн. *хозяева*) принадлежат к схеме *а*, например: *волчонок — волчата*. Обособленно стоит слово *ценок* (мн. *ценята* и *ценки*), которое принадлежит к схеме *д* (*/b*).

Три изолированных слова принадлежат к схеме *в*: *лемех* (*/l* *лѐмех*, схема *с*), *обшлаг*, *рукав*.

Все прочие слова принадлежат к схеме *с*, например: *адрес, дом*.

Примечание. Слова данной группы, принадлежащие к схеме *с*, имеют основу с начальным ударением. Исключение составляют только: 1) слово *господин* (мн. *господы*), 2) следующая группа слов: *директор, инспектор, инструктор, кондуктор* (человек), *корректор, прожектор* (*/l* *а*, мн. *-ы*), *профессор, учитель*.

В. Слова, имеющие во имен. мн. окончание *-ья*.

Такие слова распределяются между схемами *а*, *с* и *д*.

1. К схеме *д* принадлежат слова: *клок* (*/b*, мн. *-и*), *кол* (в основном значении), *кобыл, крюк* (*/b*, мн. *-й*), *лист* (дерева), *лоскут* (*/b*, мн. *-ы*), *прут* (в обычном значении) (*/a*), *сук*.

¹ Сведения о том, что данное слово является сложным, используются, кроме того, еще в одном случае, см. ниже Предварительные замечания, 2.

² В некоторых случаях было бы удобно использовать также сведения о наличии или отсутствии «2-го предложного», но эти сведения, по-видимому, не являются обязательными для учащихся, и поэтому мы не будем на них опираться.

³ В самом деле, мы и не можем знать условного ударения исходной словоформы, поскольку мы еще не знаем (а только хотим узнать) место ударения в других словоформах.

2. К схеме *c* принадлежат слова: *дéверь, друг, зять, князь, кум* (мн. *кумовья́*) *муж, сын* (мн. *сыновья́*), *шу́рин* (мн. *шурья́*).

Примечание. К схеме *c* принадлежат, таким образом, все одушевленные существительные данной группы, кроме *брат* и *собрáт*. Все они — наименования лиц по признаку родственной или социальной связи. К ним примыкает также слово *дядя́* (мн. *дядья́*/|*дядя́*).

3. Остальные слова принадлежат к схеме *a*, например: *стул, ко́лос*.

Г. Слова, имеющие в имен. мн. окончание *-ы* или *-и*, и слова без мн. числа.

Среди таких слов изолированно стоят следующие группы: схема *d* — 1) группа уменьшительных имен: *глазóк, зубóк, рождóк* (все три только в уменьшительном значении), *сапожóк* (|/|*b*); 2) *казáк* (|/|*b*); схема *f* — *гвоздь, груздь, конь, уголь* (|/|*a, e*), *червь*; схема *e'* — *ребёнок* (мн. *дети́*), *человек* (мн. *люди́*). Все прочие слова распределяются по схемам *a, b, c* и *e*.

1. Основа с начальным ударением

1. Следующие слова принадлежат к схеме *e*:

а) односложные

<i>бог</i>	<i>гость</i>	<i>зуб</i> (во рту)	<i>порт</i>	<i>фронт</i>
<i>волк</i>	<i>гром</i>	<i>лом</i>	<i>слог</i>	<i>ход</i> (/ <i>c</i>)
<i>вор</i>	<i>гусь</i>	<i>лось</i>	<i>ток</i> (площадка)	<i>чёрт</i>
<i>год</i> (/ <i>c</i> , мн. <i>-а</i>)	<i>зверь</i>	<i>пол</i> (биол.)	<i>флот</i> (/ <i>a</i>)	

б) неодносложные

<i>бóров</i> (кабан)	<i>ка́мень</i>	<i>ла́поть</i>	<i>обруч</i>	<i>сóболь</i> (зверь)
<i>вблос</i>	<i>коготь</i>	<i>лебе́дь</i>	<i>овощ</i>	<i>сте́бель</i>
<i>гбдлубь</i>	<i>козырь</i>	<i>ле́карь</i>	<i>окунь</i>	<i>трёфель</i>
<i>гбспиталь</i>	<i>ко́рень</i>	<i>ло́коть</i>	<i>о́муль</i>	<i>уголь</i> (/ <i>a, f</i>)
<i>жёлудь</i>	<i>кре́ндель</i>	<i>но́готь</i>	<i>па́рень</i>	

2. Из прочих слов слова с неодносложной основой принадлежат к схеме *a* например: *ужин, палец, родственник*.

Исклечение. Слова *угол, угорь, узел* принадлежат к схеме *b*.

Слова с односложной основой распределяются между схемами *a, b* и *c*.

3. Следующие из них принадлежат к схеме *c*:

<i>баз</i>	<i>долг</i>	<i>кус</i>	<i>пар</i>	<i>ряд</i>	<i>таз</i>	<i>чин</i>
<i>бал</i>	<i>дуб</i>	<i>лад</i>	<i>пим</i>	<i>сад</i>	<i>торг</i>	<i>чуб</i>
<i>бас</i>	<i>дым</i>	<i>мёд</i>	<i>пир</i>	<i>склад</i>	(действие)	<i>шаг</i>
<i>бой</i>	<i>жир</i>	<i>мех</i> (куз-)	<i>плуг</i>	(слог)	<i>тыл</i>	<i>шар</i>
<i>бор</i>	<i>зад</i>	нечный)	<i>пол</i>	<i>след</i>	<i>ус</i>	<i>шкаф</i>
<i>буй</i>	<i>зоб</i>	<i>мир</i>	(настил)	<i>слой</i>	<i>форт</i>	<i>шкив</i>
<i>вал</i>	<i>квас</i>	(свет)	<i>пот</i>	<i>спирт</i>	<i>харч</i>	<i>шифт</i> (/ <i>a</i>)
<i>верх</i>	<i>клуб</i>	<i>мозг</i>	<i>приз</i>	<i>строй</i>	<i>ход</i> (/ <i>e</i>)	<i>штаб</i>
(/ мн. <i>-á</i>)	(дыма)	<i>мост</i> (/ <i>b</i>)	<i>пуд</i>	<i>суп</i>	<i>хор</i> (/ <i>a</i>)	
<i>воз</i>	<i>кон</i>	<i>низ</i>	<i>пук</i>	<i>сын</i> (мн. <i>-ы</i>)	<i>чай</i>	
<i>гол</i>	<i>круг</i>	<i>нос</i>	<i>раз</i>	<i>сыр</i>	<i>час</i>	
<i>гроб</i>	<i>куб</i>	<i>паз</i>	<i>род</i>			
<i>бар</i>	(сосуд)	<i>пан</i>	<i>рой</i>			

Примечание. У большинства неодушевленных существительных этой группы имеется «2-й предложный», например: *на пирóу, в ды́му*.

4. Из прочих слов следующие принадлежат к схеме *b*:

1) Все слова с беглой гласной, например: *лёд, сон*.

2) Из слов с окончанием *-ь* (т. е. с фонетической основой на мягкую согласную) — следующие:

а) все слова на *-ждь, -зь, -нь* и на *-рь* с предшествующей гласной, например: *дождь, царь*;

б) слова *кремль, куль, ноль* (нуль), *рубль, руль, путь, шмель*.

3) Из слов с окончанием *-й* (т. е. с фонетической основой на *-й*) — только слово *кий*.

4) Из слов с основой на шипящую или *ц* — следующие:

а) все слова на *-щ* и на *-ец*, например: *плащ, жрец*;

б) слова на *-жс, -ч* с предшествующей гласной (за исключением слов: *пляж, стаж; клич, плач*), например: *еж, мяч*;

в) слова *грош, ёри, ковши, шши; корж, морж*.

5) Из слов с основой на *к, г* или *х* — следующие.

а) слова на *-ык, -юк, -як* (за исключением *люк, рык, стык, трюк*), например: *бык, тюк*;

б) слова *жук, клок* (/|d, мн. -ья), *полк*; *враг, сиг, грех, жмых, стих, штрих*.

6) Из прочих слов:

а) слова на *-ун, -юн*, например: *вьюн*;

б) следующие слова:

<i>аз</i>	<i>горб</i>	<i>кот</i>	<i>плут</i>	<i>сноп</i>	<i>хлыст</i>
<i>альт</i>	<i>гриб</i>	<i>крест</i>	<i>поп</i>	<i>сом</i>	<i>холм</i>
<i>бинт</i>	<i>гурт</i>	<i>крот</i>	<i>пост</i>	<i>свол</i>	<i>холст</i>
<i>блин</i>	<i>двор</i>	<i>ксёндз</i>	<i>пруд</i>	<i>стол</i>	<i>цеп</i>
<i>боб</i>	<i>дрозд</i>	<i>куст</i>	<i>прут</i>	<i>столб</i>	<i>чёлн</i>
<i>бобр</i>	<i>жгут</i>	<i>лист</i> (бу-	<i>(техн.)</i>	<i>столп</i>	<i>шест</i>
<i>болт</i>	<i>жезл</i>	<i>маги</i>	<i>пуп</i>	<i>стыд</i>	<i>шип</i>
<i>винт</i>	<i>зонт</i>	<i>мост</i> (/ с)	<i>раб</i>	<i>суд</i>	<i>шнур</i>
<i>вол</i>	<i>кит</i>	<i>одр</i>	<i>серп</i>	<i>труд</i>	<i>шут</i>
<i>волхв</i>	<i>клёст</i>	<i>перст</i>	<i>скирд</i>	<i>туз</i>	<i>щит</i>
<i>вред</i>	<i>клоп</i>	<i>пест</i>	<i>скит</i>	<i>ум</i>	<i>щур</i> (птица)
<i>герб</i>	<i>кнут</i>	<i>пласт</i>	<i>скот</i>	<i>хвост</i>	
<i>глист</i>	<i>кол</i> (от-	<i>плод</i>	<i>слон</i>		
	<i>метка)</i>	<i>плот</i>			

5. Все прочие слова принадлежат к схеме *а*, например: *стиль, смерч, звук, вид*.

Примечание. Как можно видеть, формальные правила различения схем *а* и *б* у односложных слов очень сложны. Их можно несколько упростить, если пожертвовать точностью и прибегнуть к некоторым неформальным критериям. Так, наблюдаются следующие закономерности. Независимо от формы к схеме *а* относятся 1) поздние заимствования (прежде всего из западноевропейских языков), например: *пляж, трюк, жест*; 2) отглагольные существительные со значением действия или его результата, представляющие собой чистый корень или корень с приставкой, например: *плач, рык, спуск, свист*. Все остальные слова можно грубо разделить так: к схеме *б* принадлежат слова с окончанием *-ь*, с основой на шипящую или *ц*, на *-ык, -юк, -як, -ун, -юн* и на *-т, -д* (но не *-ат, -ад*); прочие слова принадлежат к схеме *а*. Отклонениями являются только около 30 слов из большого списка, группа слов из пункта 5) и несколько слов типа *смерч, вихрь, вебрь, тесть, яд, свет*.

II. Основа с неначным ударением

1. Слова, имеющие основу со средним ударением, принадлежат к схеме *а*, например: *характер, поступок, исследователь*.

Слова, имеющие основу с конечным ударением, распределяются между схемами *а* и *б*.

2. Следующие из них принадлежат к схеме *б*:

1) Слова с беглой гласной, например: *орёл, молоток*.

Исключение. Слова *заём* и *наём* относятся к схеме *а*.

2) Из слов с окончанием *-ь*:

а) слова на *-рь* (кроме *визёр, государь*), например: *пузырь, декабрь*;

б) слова на *-ень* (кроме *бюллетень, олень, пельмень, тюлень*), например: *ячмень*;

в) слова на *-аль, -авль, -эль, -уль, -иль* (кроме *фестиваль; апрель, отель, туннель*), например: *хрусталь, кисель*;

г) слова *карась, кизаль, корабль, король, фиталь*.

3) Из слов с окончанием *-й* — *бугай, валуй, лишай, холуй*.

4) Из слов с основой на шипящую или *ц*:

а) все слова на *-ч, на -уш, -ыш, -ёж, -ёц*, например: *трубач, сургуч, чертёж, беглец*;

б) слова на *-аш, -яш, -ёж* (кроме *гуляш, ералаш, патронташ, чардаш; кортёж, манёж*), например: *карандаш, рубёж*;

в) слова *багэж, бандаж, блиндаж, вираж* (поворот), *витраж, вольтаж, гараж, кураж, листаж, литраж, метраж, монтаж, стеллаж, тираж, тираж, фураж, шантаж, этаж*; кроме того, *кишмиш, феташ* (/|а).

5) Из слов с основой на *к, г* или *х*:

а) слова на *-ак, -як, -ык, -йк, -ук, -юк*, например: *чердак, шутник, сюртук*; однако от этого правила отклоняются, во-первых, ряд названий национальностей: *австрияк, калмык* (/|б), *поляк, словак, таджик*; во-вторых, группа слов, из которых наиболее употребительны: *акведук, аммиак, арбик, бамбук, барак, бивак*

(бивуа́к), буреа́к, виаду́к, вурдала́к, гайдама́к, зодиа́к, каучу́к, краковя́к, ма́ньяк сайга́к, сердола́к, урю́к;

б) следующие слова на -бк: едо́к, ездо́к, знато́к, игро́к, се́док, ходбо́к; челно́к, чесно́к;

в) все слова на -у́х, -ю́г, например: пету́х, утю́г;

г) слова бато́г, жени́х, оча́г, пиро́г, рыча́г, сапо́г, творо́г (//тво́рог, схема а), четве́рг.

б) Из прочих слов:

а) слова на -у́н, -ю́н (кроме драгу́н, кану́н, тайфу́н, трибу́н), например: колду́н, галу́н;

б) следующие слова на -а́р, -я́р: боца́р, гонча́р, гусли́р (//а), кома́р, маля́р, столя́р;

в) слова буря́в, живо́т, каба́н, карту́з, лоску́т (//д, мн. ч. -ья), осе́тр, топо́р, хому́т, чаба́н.

Примечание. К перечисленным в настоящем пункте словам схемы *b* при-
мыкают слова *лемёх*, *обилдэг* и *рукав*, изолированно стоящие в группе слов
с имен. мн. на -а (см. раздел Б).

3. Все остальные слова принадлежат к схеме *a*, например: *контрoль*, *музе́й*,
прести́ж, *овра́г*, *прохо́д*.

Примечание. Приведенные правила различения схем *a* и *b* в целом анало-
гичны тем, которые даны для односложных слов. У слов с конечным ударением
в основном соблюдаются также и закономерности, сформулированные в примечании
на стр. 15 (заметное отклонение составляет только часть заимствований из восточ-
ных языков на -к). Следует подчеркнуть, что подавляющее большинство исключений
из приводимых выше правил составляют именно заимствования.

Группа вторая. Существительные среднего и мужского родов
с окончанием -о, -е или -ё и существительные среднего рода с окончанием -я

А. Слова с ударной основой.

Среди таких слов изолированно стоят слова *у́хо* и *о́ко*, принадлежащие
к схеме *e*. Прочие слова распределяются между схемами *a* и *c*.

1. К схеме *c* принадлежат:

а) слова на -мя, имеющие мн. число (за исключением слова *зна́мя*), напри-
мер: *я́мя* — мн. *име́ня*;

б) следующие слова с односложной основой:

<i>во́йска</i>	<i>ме́сто</i>	<i>не́бо</i> (мн. <i>небеса́</i>)	<i>се́рдце</i>	<i>су́дно</i> (мн. <i>суда́</i>)
<i>де́ло</i>	<i>мо́ре</i>	<i>по́ле</i>	<i>сло́во</i>	<i>те́ло</i>
<i>ма́сло</i>	<i>мы́ло</i>	<i>пра́во</i>	<i>ста́до</i>	<i>чу́до</i> (мн. <i>чудеса́</i>)

в) следующие слова с неодносложной основой (все они имеют начальное уда-
рение): *де́ревце* (// *дере́вцо*, схема *b*), *зе́ркало*, *кру́жево*, *облако*, *облачко*.

2. Остальные слова принадлежат к схеме *a*, например: *кре́сло*, *зда́ние*, *до-
ма́шко*, *госуда́рство*.

Б. Слова с безударной основой.

Среди таких слов изолированно стоят, во-первых, слова *крыльцо́*, *плече́*,
тавро́, принадлежащие к схеме *f*, во-вторых, слово *дитя́* (мн. *дети́*), принадлежа-
щее к схеме *e'*. Прочие слова распределяются между схемами *b* и *d*.

1. Все слова, не употребляющиеся во мн. числе, принадлежат к схеме *b*,
например: *добро́*, *мастерство́*, *зверё́*.

2. Из слов, употребляющихся во мн. числе, к схеме *b* принадлежат слова на
-ствó, -ко́, -цо́, -ё́, -иё́, -иё́, например: *вещество́*, *очко́*, *сло́вцо́*, *остриё́*.

Исключения. К схеме *d* принадлежат, однако, слова: *меньшинство́*; *ушко́*
(в уменьшительном значении) (// *ушко́*, схема *a*); *лицо́*, *кольцо́*, *озерцо́* (мн. *озе́рца*),
яйцо́; *копы́*, *ружьё́*. (См. также выше слово *крыльцо́*, схема *f*).

3. Остальные слова принадлежат к схеме *d*, например: *се́ло*, *звено́*, *колесо́*,
веретенó.

Группа третья. Существительные женского и мужского родов
с окончанием -а или -я

А. Слова с ударной основой.

Среди таких слов изолированно стоят, во-первых, слова *до́ля* и *дере́вня*, при-
надлежащие к схеме *e*, во-вторых, слово *дя́дя* (мн. *дядья́*), принадлежащее к схеме
c (// *a*, мн. *дяди́*).

Все прочие слова принадлежат к схеме *a*, например: *ка́рта*, *берё́за*, *царя́-
пина*, *наво́лочка*.

Б. Слова с безударной основой.

Такие слова распределяются между схемами *b*, *d*, *f*, *d'*, *f'*. В приводимых ниже правилах схемы *d'* и *f'* рассматриваются вместе с соответствующими основными схемами; в объединенных списках при словах, принадлежащих к схеме с отклонением, обязательно ставится соответствующая помета.

Все слова, не употребляющиеся во мн. числе, принадлежат к схеме *b*, например: *тоска́*, *мошкара́*, *простота́*.

У слов, употребляющихся во мн. числе, распределение по схемам зависит от числа слогов основы. Слова с неслоговой основой принадлежат к схеме *b*, например *тля*. Слова со слоговой основой распределяются следующим образом:

I. Слова с односложной основой

1. Следующие слова относятся к схемам *f* и *f'*:

<i>блота́</i>	<i>заря́</i>	<i>пора́ (f')</i>	<i>скирда́</i>	<i>строка́ (f f')</i>
<i>вожжа́</i>	(рассвет) (<i>/ / d</i>)	<i>пята́</i>	<i>скоба́</i>	<i>строфа́</i>
<i>волна́ (/ / d)</i>	<i>копна́</i>	<i>река́</i>	<i>слега́</i>	<i>тропа́</i>
<i>гора́ (f)</i>	<i>кошма́</i>	(<i>f f'</i> , <i>d</i> , <i>d'</i>)	<i>слеза́</i>	<i>щекá (f)</i>
<i>грядá</i>	<i>кроха́ (f')</i>	<i>рука́ (f')</i>	<i>сопль</i>	<i>щепá</i>
<i>зубá</i>	<i>межа́</i>	<i>свеча́</i>	<i>среда́</i>	
<i>бежа́</i>	<i>нога́ (f')</i>	<i>серьга́</i>	(<i>день</i>) (<i>f'</i>)	
<i>доска́ (f')</i>	<i>ноздря́</i>	<i>скамья́ (/ / b)</i>	<i>стена́ (f')</i>	

2. Из прочих слов следующие принадлежат к схеме *b*:

а) слова с основой на шипящую, слова на *-ня́*, *-ея́*, *-ья́*, *-ма́*, *-та́*, слова на *-ка́*, *-га́* с предшествующей согласной, например: *праца́*, *леви́я*, *ступня́*, *швейá*, *чета́*, *кишка́*.

Исключения. Однако следующие слова принадлежат к схемам *d* и *d'*: *душа́ (d')*; *змея́*; *свинья́*, *семья́*, *судья́*; *зима́ (d')*, *тюрьма́*; *плита́*, *верста́ (d || d')*, *кирка́*;

б) слова: *ага́*, *балда́*, *бразда́*, *графá*, *зурна́*, *казна́*, *клюка́*, *княжна́*, *красá*, *мирза́*, *мольба́*, *мошна́*, *мулла́*, *плева́*, *раба́*, *стежа́*, *стопа́* (нога), *тура́*, *хва́ла*, *хула́*, *чадра́*, *чека́*, *чреда́*, *юла́*.

Примечание. Большую часть последнего списка составляют слова старославянского происхождения, например *бразда́*, и слова восточного происхождения (в основном обозначения восточных реалий).

3. Остальные слова принадлежат к схемам *d* и *d'*, например: *беда́*, *труба́*, *луна́*. В том числе к схеме *d'* принадлежат следующие слова: *верста́ (d || d')*, *вода́*, *душа́*, *заря́* (сигнал), *земля́*, *зима́*, *изба́ (d || d')*, *косá* (орудие) (*d || d'*), *река́ (d || d'*, *f*, *f')*, *спина́*, *цена́*.

II. Слова с неодносложной основой

1. Следующие слова принадлежат к схемам *f* и *f'*:

а) слова, содержащие в основе сочетание *-оро-*, *-оло-*, *-ере-* или *-еле-* (за исключением слова *пелена́*, схема *b*), например: *голова́*, *борода́*, *железа́*; из их числа к схеме *f'* принадлежат слова *борода́*, *голова́* (часть тела), *полосá (/ / f)*, *сторона́*;

б) слова *свобода́*, *просвира́* (*просфора́*), *простыня́* (все схемы *f*).

2. Из прочих слов следующие принадлежат к схеме *d*:

а) слова на *-ина́*, *-еда́*, *-ота́*, например: *глубина́*, *высота́*;

б) слова *колбаса́*, *пастилá*, *скорлупá*, *стрекоза́*.

Примечание. Схема *d'* у слов с неодносложной основой не представлена.

3. Все остальные слова принадлежат к схеме *b*, например: *чешуя́*, *западня́*, *госпожа́*.

Группа четвертая. Существительные женского рода с окончанием *-ь*

Среди слов этого типа изолированно стоит группа слов схемы *b'*: *вошь*, *глушь*, *ложь*, *любовь*, *рожь*. Прочие слова распределяются между схемами *a* и *e*.

А. Основа с начальным ударением.

1. Следующие слова принадлежат к схеме *e*:

а) односложные

<i>борть</i>	<i>гроздь</i>	<i>жердь</i>	<i>мать</i>	<i>пядь</i>	<i>сласть</i>	<i>тень</i>
<i>бровь</i>	(<i>/ / a</i> , мн. <i>-ья</i>)	<i>зыбь</i>	<i>мышь</i>	<i>речь</i>	<i>смерть</i>	<i>треть</i>
<i>весть</i>	<i>грудь</i>	<i>кисть</i>	<i>ночь</i>	<i>роль</i>	<i>снасть</i>	<i>трость</i>
<i>ветвь</i>	<i>дверь</i>	<i>клеть</i>	<i>ость</i>	<i>рысь</i> (бег)	<i>соль</i>	<i>цепь</i>
<i>вещь</i>	<i>десть</i>	<i>кость</i>	<i>ось</i>	<i>сельдь</i>	<i>стать</i>	<i>часть</i>
<i>власть</i>	<i>дочь</i>	<i>кровь</i>	<i>печь</i>	<i>сеть</i>	<i>степь</i>	<i>шерсть</i>
<i>горсть</i>	<i>дробь</i>	<i>масть</i>	<i>плеть</i>	<i>скорбь</i>	<i>страсть</i>	<i>щель</i>

б) неодносложные

<i>вѣдомость</i>	<i>мѣлочь</i>	<i>плѡщадь</i>	<i>сѡжѣнь</i>	<i>стѣрлядь</i>
<i>вѡлѡсть</i>	<i>новѡсть</i>	<i>пѡвѣсть</i>	(// <i>сѡжѣнь</i> , сх. а)	<i>цѣрковь</i>
<i>дѡблѣжность</i>	<i>облѡсть</i>	<i>пѡдать</i>	<i>свѡлочь</i>	<i>чѣтверть</i>
<i>крѣпѡсть</i>	<i>бчѣредь</i>	<i>пѡлость</i>	<i>скѡтерть</i>	<i>щѣлочь</i>
<i>лѡпѡсть</i>	<i>плѡбѡсть</i> (в прямом	<i>прѣстань</i>	<i>скѡрѡсть</i>	
<i>лѡшадь</i>	значении)	<i>прѡпѡсть</i>	<i>стѣпень</i>	

2. Прочие слова принадлежат к схеме а, например: *мысль, ткань, заповѣдь, глупѡсть*.

Б. Основа с нена начальным ударением.

Такие слова принадлежат к схеме а, например: *ладѡнь, тетрадь, особенѡсть*.

Исключение. Слово *ступѣнь* (только в переносном значении) относится к схеме е (по аналогии со словом *стѣпень*). (См. также выше слово *любѡвь*, схема б'.)

Группа пятая. Pluralia tantum

А. Слова с ударной основой.

Возможны схемы а и е.

1. Следующие слова принадлежат к схеме е (все они имеют основу с начальным ударением):

<i>бѡбны</i>	<i>дрѡжжи</i>	<i>кѡдри</i>	<i>пѡмочи</i>	<i>сѣни</i>
<i>дѣньги</i>	<i>клѣщи</i>	<i>мѡщи</i>	<i>пѡхорѡны</i>	<i>слѣни</i>
<i>дрѡвни</i> (// а)	(// <i>клѣщѣ</i> , сх. б)	<i>бтруби</i>	<i>сѡни</i>	<i>чѣрви</i>

Примечание. 1) Слова *вожжѣ*, *соплѣ* (схема ф), *ѡвоц* (схема е) употребляются преимущественно во мн. числе, и, таким образом, формы *вожжѣ*, *соплѣ*, *ѡвоцѣ* примыкают к данной группе. 2) Формы *дѣти*, *лѡди*, которые мы рассматриваем как мн. число от *ребѣнок*, *дитѣ* и *челѡвѣк*, можно также рассматривать как pluralia tantum; они относятся к схеме е'.

2. Прочие слова принадлежат к схеме а, например: *нѡжницѣ*, *ворѡта*.

Б. Слова с безударной основой.

Такие слова принадлежат к схеме б, например: *вѣсы, дрѡвѣ*.

Группа шестая. Существительные всех родов, склоняющиеся по адъективному и местоименному типам

У таких существительных возможно только неподвижное ударение: они принадлежат к схеме а, если в исходной словоформе ударение на основе (например, *рабѡчий*, *стѡловая*, *морѡженѡе*, *учѣщѣйся*, *прѣсмѣкѡущѣея*), и к схеме б, если в исходной словоформе ударение на окончании (например, *часѡвѡй*, *запятѣя*, *ничѣя*, *жаркѡе*).

Группа седьмая. Неизменяемые существительные

В соответствии с примечанием на стр. 433 все такие слова считаются принадлежащими к схеме а.

Группа восьмая. Сложные существительные с основой пол- в первой части (окончания -а, -я, -ы, -и)

Такие слова принадлежат к той же схеме ударения, что и простые слова, основы которых выступают во второй части сложения. Например, *полвѣдрѣ* принадлежит к схеме д (как *ведрѡ*), *полгѡбда* — к схеме е (как *год*) и т. д.

Исключения. 1) Если простое слово принадлежит к схеме д' (ф'), соответствующее сложное принадлежит к схеме д (ф), например: *полцѣнѣ* — схема д (ср. *цѣнѣ* — схема д'). 2) Слова *полчасѣ*, *полшагѣ* принадлежат к схеме с' (ср. *час*, *шаг* — схема с).

Приведенные правила точны, однако именно в силу этого очень сложны и малообозримы. За конкретными деталями с трудом улавливаются общие закономерности. Поэтому желательно, отвлекаясь от частных случаев, представить основные зависимости между характером исходной словоформы и схемой ударения в максимально компактном виде. Этой цели служит приводимая ниже «Таблица допустимых схем ударения». В каждой клетке таблицы указаны схемы ударения, возможные для существительных соответствующего типа; в скобках даны

примеры. Исключения и изолированные случаи в таблице не учитываются.

Таблица ясно показывает, в каких случаях для определения схемы ударения достаточно простейших сведений об исходной словоформе и в каких случаях нужны дополнительные критерии или списки. Таблица позволяет выявить важнейшие общие закономерности, а именно: схемы *c* и *e* возможны только в том случае, если в исходной словоформе ударение падает на первый слог; схемы *b*, *d* и *f* возможны только в том случае, если в исходной словоформе ударение падает на последний слог; схема *a* возможна при ударении в исходной словоформе на любом по счету слоге, но обязательно на основе. Заметим, что из таблицы видно, почему целесообразно считать односложные основы частным случаем основ с начальным (а не каким-либо иным) ударением.

Таблица допустимых схем ударения

Группа существительных	В исходной словоформе ударение (действительное) на основе				В исходной словоформе ударение (действительное) на окончании
	односложная основа	неодносложная основа			
		с начальным ударением	со средним ударением	с конечным ударением	
1	<i>a</i> (тигр) <i>b</i> (стол) <i>c</i> (сад) <i>e</i> (волк)	<i>a</i> (опыт) <i>c</i> (берег) <i>e</i> (бкунь)	<i>a</i> (анализ)	<i>a</i> (музей) <i>b</i> (кулак)	нет
2	<i>a</i> (кресло, знание) <i>c</i> (место, облако)	<i>a</i> (болото, царина, тетрадь, каникулы)			<i>b</i> (вещество) <i>d</i> (число)
3	<i>a</i> (карта, комната)				<i>b</i> (черта) <i>d</i> и <i>d'</i> (беда) <i>f</i> и <i>f'</i> (голова)
4	<i>a</i> (мысль, почесть) <i>e</i> (ночь, лошадь)				нет
5	<i>a</i> (бусы, ножницы) <i>e</i> (сани, отруби)				<i>b</i> (весы)
6	<i>a</i> (рабочий, столовая)				<i>b</i> (часовой, ничья)

Точное место ударения

Определив схему ударения, к которой принадлежит данное слово, мы можем сказать, на какой компонент (основу или окончание) падает ударение в любой его словоформе. Например, слова *величина́* (схема *d*) и *голова́* (схема *f'*) должны иметь в им. мн. ударение на основе. Однако мы еще не знаем, как именно его следует поставить: *величи́ны*, *величины* или *вѣличины*; *голови́* или *голови*? Для определения точного места ударения в заданной неисходной словоформе по исходной словоформе и схеме ударения служит специальное правило, которое дано ниже в форме таблицы.

Таблица для определения точного места ударения
в неисходной словоформе

Схема ударения ¹	В данной неисходной словоформе ударение по схеме должно падать	
	на основу	на окончание
<i>a, c, e</i>	Ударение падает на тот же по счёту слог основы (считая от начала), что и в исходной словоформе. Если же это невозможно (основа не насчитывает нужного числа слогов), ударение падает на последний слог основы	Ударение падает на первый слог окончания. Если же это невозможно (окончание не содержит гласной), ударение падает на последний слог основы
<i>b, d</i>	Ударение падает на один слог ближе к началу слова, чем в исходной словоформе	
<i>f</i>	Ударение падает на первый слог основы	

¹ Схемы с отклонением подчиняются тем же правилам, что и соответствующие основные.

Примеры. 1) Ударение по схеме должно падать на основу: *игóлка* (схема *a*) — мн. *игóлки, игóлок* (ударение на том же слоге основы, что в исходной словоформе); *славя́йн* (схема *a*) — мн. *славя́не, славя́н* (ударение не может падать на тот же слог, что в исходной словоформе, так как основа здесь на один слог короче); *величи́н*, *ведра́*, *вёдер* (сдвиг ударения на один слог влево); *голова́* (схема *f*) — имен. мн. *го́ловы*, вин. ед. *го́лову* (ударение на первом слоге основы). 2) Ударение по схеме должно падать на окончании: *кишка́* (схема *b*), *зе́ркало* (схема *c*), *голова́* (схема *f*) — твор. мн. *кишка́ми, зерка́лами, голова́ми* (ударение на первом слоге окончания), род. мн. *кишо́к, зерка́л, голо́в* (ударение на последнем слоге основы).

Исключения из правила о точном месте ударения.

1. Ударение падает на один слог левее, чем это требуется по правилу:

а) во всем мн. числе: *гражда́нн* (схема *a*) — *гра́ждане; тяготи́* (схема *d*) — *тя́готы*;

б) в косвенных падежах ед. числа: *госпо́дь* (схема *a*) — *го́спода, перёд* (схема *c*) — *пéреда*;

в) только в род. мн.: *дэне́г, кру́жесв, мэсел, са́жен* (// *саженёй* и *сажёнёй*) (схемы *c* и *e*, ср. дат. мн. *дены́гам, кружесва́м, масла́м, сажены́ям* // *сажёнья́м*).

2. Ударение падает на один слог правее, чем это требуется по правилу:

а) во всем мн. числе: *о́зеро — озе́ра, зна́мя — знаме́на; дере́во — дере́вья, ка́мень — каме́нья, ко́лос — колбе́сья, ко́рень — корене́ья, обод — ободья́, повод — поводья́, по́лоз — полобья́* (т. е. все слова с имен. мн. на -ья, имеющие двусложную основу с начальным ударением, кроме *уго́ль — уго́лья*); *бесёнок — бесеня́та, чертёнок — чертеня́та, щенёк — щеня́та*; все слова этой группы относятся к схеме *a*, кроме слова *щенёк* (схема *d*); с формальной точки зрения, такое же отклонение имеют сложные слова с основой *пол-* в первой части, принадлежащие к схеме *d*, например: *полверсты́ — полувёрсты*;

б) во всех неисходных словоформах: *по́лдень — полудня́* (// *по́лдня*), *по́лночь — полнóчи* (// *по́лночи*);

в) только в род. мн.: *земель, овце́, свинёй, семе́й, сестёр, судёй, гуме́н* (// *гуме́н*), *колёц, яи́ц* (все схемы *d*, ср. дат. мн. *зе́мля́м, овца́м, свинья́м, семе́ьям, сёстра́м, судья́м, гуме́нам, ко́льца́м, яи́ца́м*); кроме того, *хлопо́т* (схема *a*, ср. *хлопотам*).

Ударение в склонении прилагательных, местоимений и числительных

Система ударения у данной группы слов проще, чем у существительных. Она может быть полностью описана с помощью понятий, выработанных для существительных.

Ряд слов этой группы склоняется нестандартно, поэтому способ разделения словоформ на основу и окончание у них не очевиден. Укажем, какое разделение использовано в этих случаях в настоящей работе (у слов с единой основой способ разделения показан на исходной словоформе; при наличии нескольких основ приводится по одной словоформе на каждый вид основы). Местоимения: *я- (мен-я, мн-ой), ты- (теб-я, тоб-ой), себ-я (соб-ой), мы- (н-ас), в-ы; он, она, оно, они* — в исходных словоформах основа *он-*, в прочих — нулевая (но *н-* — после предлогов); *кто- (к-ого), что- (ч-его), тот- (т-а), этот- (эт-а), се-й (с-его, си-я), че-й (чь-я)*. Числительные: *два, три, четы́ре, ст-о; полтор-а (полу́тор-а), об-а; ско́льк-о; двó-е, четы́ре-о* и т. д.

Схемы ударения

Чтобы соотнести распределение ударения с какой-нибудь из 6 основных схем, представленных у существительных, нужно выделить в рассматриваемой парадигме: 1) ед. число, 2) имен. мн., 3) род., дат., твор., предл. мн. (см. таблицу на стр. 434). У прилагательных, местоимений типа *той, такой*, порядковых числительных это сделать легко. Так, например, у слова *сам* группу 1 составляют словоформы *сам, сама, само, самого* и т. д., группу 2 — словоформа *сами*, группу 3 — словоформы *самых, самим* и т. д. В этом распределении ударения легко узнать схему *f*. Аналогичным образом мы отнесем слова *новый, этот* к схеме *a*, слова *живой, тот* — к схеме *b*.

З а м е ч а н и е. При выявлении схемы ударения соблюдаются также дополнительные требования, сформулированные на стр. 432–433. Так, в первом примере: 1) словоформе *сам*, имеющей нулевое окончание, по общему правилу (стр. 433) приписано наконечное ударение (ср. дат. *самого, самой*); 2) словоформы вин. мн. *сами* (неодуш.) и *самых* (одуш.) из рассмотрения исключены.

Сложнее обстоит дело с местоимениями типа *я, кто*, количественными и собирательными числительными. Эти слова не имеют грамматической категории числа, поэтому неясно, следует ли их соотносить с ед. или с мн. числом общей схемы. Для них мы принимаем следующее формальное правило: слова, у которых дат. падеж оканчивается на *-и* (например, *мы, три, оба, пятеро*), мы будем соотносить с мн. числом; слова, у которых дат. падеж оканчивается иначе (например, *я, кто, пять, сто*), — с ед. числом. Таким образом, каждое слово объединяется с тем числом, к которому оно ближе по набору окончаний. Далее нам остается лишь применить правило о схеме ударения у слов с неполной парадигмой (стр. 435). Так, слово *двена́дцать* будет отнесено к схеме *a*, *три́дцать* — к схеме *b*, *четы́ре* — к схеме *e*.

Все типы распределения ударения, встречающиеся у рассматриваемой группы слов, укладываются в схемы, представленные у существительных.

Так же, как и в первой части работы, распределение слов по схемам ударения описывается в форме правил определения схемы ударения по исходной словоформе и типу склонения.

Правила определения схемы ударения

Группа первая. Слова, склоняющиеся по адъективному типу (окончание исходной словоформы *-ый, -ой, -ий, -ийся*)

Здесь входят прилагательные, причастия, порядковые числительные и часть местоимений (например, *такой, котрый*). Все эти слова имеют неподвижное уда-

рение: они принадлежат к схеме *a*, если в исходной словоформе ударение на основе (например, *нбвый, пёрвый*), и к схеме *b*, если оно на окончании (например, *живой, второй*).

Примечание. Легко видеть, что 6-я группа существительных (субстантивированные прилагательные) составляет в действительности лишь частный случай данного типа.

Группа вторая. Слова, склоняющиеся по местоименному типу (им. падеж именного типа, косвенные падежи — адъективного типа)

Здесь входит значительная часть местоимений (например, *тот, весь, мой*), так называемые притяжательные прилагательные (например, *отцов, дядин, волчий*) и порядковое числительное *третий*.

Одно слово этой группы — *сам* — относится к схеме *f*. Прочие имеют неподвижное ударение. К схеме *a* принадлежат притяжательные прилагательные (кроме оканчивающихся на ударное *-ин, -ын*), числительное *третий* и местоимения *этот, ваш, наш*, устаревшее *кой* (а также словоформы типа *некогого, экогого* от *некий, экий*; *некто, нечто, некого, нечего*). К схеме *b* принадлежат прочие местоимения данной группы (а именно: *он, она, оно, они; кто, что, чей* и производные от них; *мой, твой, свой; тот, сей, один, весь*) и притяжательные прилагательные на *-ин, -ын* (например, *Ильин*).

Примечание. Ударение в фамилиях на *-ов, -ев, -ев -ин, -ын* (*Попов, Пушкин, Ильин*) также подчиняется указанному правилу.

Группа третья. Прочие склоняемые слова

Здесь входят числительные (кроме порядковых) и аномальные местоимения (личные местоимения 1 и 2-го лица и возвратное). Часть числительных склоняется по именному типу (например, *пять*); прочие слова склоняются нестандартно.

Основной тип данной группы слов является схема *b*: к ней принадлежат все местоимения и числительные *один, два, три, 5—10, 20, 30, 40, 100* и сотни с 500 по 900. К схеме *a* принадлежат числительные с 11 по 19, десятки с 50 по 90, *полтора, столько, столько, сколько, несколько*. К схеме *e* принадлежат количественные числительные *четыре, 200, 300, 400* и собирательные *оба, двое, трое, четверо* и т. д. Аномальное числительное *полтора* принадлежит к схеме *c'* (ср. *полчася*).

Примечание. Для вин. падежа числительных *два, три, 5—10, 40, 100, двое, трое* характерен перенос ударения на предлог, например: *за два, на десять*.

Точное место ударения

Точное место ударения внутри основы или окончания определяется по общему правилу (см. табл. на стр. 444). Имеется, однако, несколько исключений из этого правила.

1. Ударение падает на один слог левее, чем это требуется по правилу. Отклонение наблюдается в косвенных падежах (кроме вин.) следующих числительных: *пятьдесят — пятидесяти, шестьдесят — шестидесяти; полтора — полтора, полтора — полтора*. 2. Ударение падает на один слог правее, чем это требуется по правилу: а) в род. и дат. ед. ч. муж. и ср. родов (окончания *-ого, -его, -ому, -ему*) у всех слов местоименного склонения, если ударение по схеме падает на окончание, например: *того, тому; всего, всему; самого, самому* (эта особенность является дополнительной чертой, отличающей местоименный тип склонения от адъективного); б) в словоформах *думя и тремя*; в) в косвенных падежах (кроме вин.) числительных *семьдесят — семидесяти, восемьдесят — восьмидесяти*.

Итак, сформулированные в настоящей работе правила позволяют правильно поставить ударение в любой словоформе любого склоняемого слова, входящего в рассмотренный объем материала, если мы знаем его исходную словоформу и тип склонения. Для этого нужно, взяв соответствующую часть работы (первую для существительных, вторую — для остальных склоняемых слов), 1) по основной группе правил определить схему ударения рассматриваемого слова; тем самым выяснится, на какой морфологический компонент падает ударение в интересующей нас словоформе; 2) по правилам о точном месте ударения определить, на какой именно слог оно падает.

Поскольку сведения о распределении склоняемых слов по схемам ударения, заключенные в этих правилах, труднообозримы, полезно

представить наиболее важные из них в виде обзорной таблицы. В таблице для каждого типа склонения даны примеры на все встречающиеся в нем схемы ударения. При этом жирный шрифт показывает, что в данном типе склонения соответствующая схема представлена не менее чем сотней слов. Курсив показывает, что схема представлена десятками (или, по крайней мере, более чем десятком) слов. Наконец, скобки показывают, что схема представлена лишь одним или несколькими изолированными словами. Перечеркнутая клетка означает, что соответствующая схема ударения для данной группы слов принципиально невозможна.

Таблица распределения склоняемых слов по схемам ударения

Схема ударения Группа слов		Неподвижное ударение		Подвижное ударение			
		<i>a</i>	<i>b</i>	<i>c</i>	<i>d</i>	<i>e</i>	<i>f</i>
Существительные (собственно именного типа склонения)	гр. 1	тигр	стол	сад	(сук)	<i>волк</i>	(<i>конь</i>)
	гр. 2	здáние	<i>вещество́</i>	<i>мо́ре</i>	вино́	(<i>у́хо</i>)	(<i>плечо́</i>)
	гр. 3	ка́рта	<i>че́рта</i>	(<i>дядя́</i>)	беда́	(<i>до́ля</i>)	<i>зуба́</i>
	гр. 4	тетра́дь	(<i>любовь</i> , схема <i>b'</i>)	—	—	<i>ночь</i>	—
	гр. 5	но́жницы	<i>весе́</i>	✕	✕	<i>са́ни</i>	✕
Слова адъективного типа склонения		но́вый	живо́й	—	—	—	—
Слова местоименного типа склонения		<i>наш</i>	<i>мой</i>	—	—	—	(<i>сам</i>)
Числительные (кроме порядковых)		<i>двена́дцать</i>	<i>пять</i>	✕	✕	<i>четы́ре</i>	✕

«УСЛОВНОЕ УДАРЕНИЕ» В РУССКОМ СЛОВОИЗМЕНЕНИИ

Полная классификация парадигм всех формообразующих русских слов должна строиться на следующих главных признаках парадигмы: 1) устройство парадигмы, т. е. набор представленных в ней грамматических значений и, соответственно, число и внутренняя организация входящих в нее словоформ; 2) набор окончаний; 3) устройство основы, т. е. количество и характер вариантов основы и их распределение по словоформам; 4) место ударения в каждой словоформе парадигмы.

В настоящей работе рассматриваются вопросы, связанные с построением последней из этих характеристик. В качестве материала взяты существительные с полной парадигмой. Этого материала достаточно для выяснения вопросов принципиального характера¹.

Объем рассмотренного материала — все существительные с полной парадигмой, входящие в словарь-справочник «Русское литературное произношение и ударение»². Существительное считается имеющим полную парадигму, если по данным «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова оно имеет полный набор словоформ хотя бы в одном из своих значений. Во всех случаях учитывается только нормативное ударение. Слова рассматриваются в письменной форме (но с указанием места ударения).

Предполагается, что каждая словоформа разделена на основу и окончание. Разумеется, чтобы однозначно указать, как именно производится это разделение, необходимо было бы привести здесь полный алгоритм выделения основы в произвольной словоформе. Поскольку, однако, этот алгоритм слишком громоздок, приходится пожертвовать корректностью и ограничиться здесь указанием способа разделения на образцах всех различных с этой точки зрения типов склонения существительных (у слов с единой основой способ выделения основы показан на исходной словоформе; при наличии нескольких основ приводится по одной словоформе на каждый вид основы): *стол-*, *стен-а́*, *дёл-о*; *кон-ь*, *пу́л-я*, *мо́р-е*; *бо-й*, *ста́-я*, *зда́ни-е*; *ручѐ-й* (*ручь-я́*), *статья́* (*статѐ-й*), *уцѐль-е* (*уцѐли-й*); *мышь-ь*; *муж-*, *сын-* (*сынов-ья́*), *звен-б́*; *мат-ь* (*мáтер-и*), *цѐм-я* (*цѐмен-и*), *дит-я́* (*дитя́т-и*, *дѐт-и*); *не́б-о* (*небес-а́*); *телѐнок-* (*телѐнк-а*, *теля́т-а*), *славя́нцн-* (*славя́н-е*), *хозя́йн-* (*хозя́ев-а*); *часов-бѝ*, *столѝв-а-я*. Словоформа *лю́ди* рассматривается как мн. число от *челове́к*, а словоформа *де́ти* — как мн. число от *ребѐнок* и от *дитя́*.

¹ Опыт практического построения правил определения места ударения в любой словоформе любого склоняемого слова см. в статье: А. А. З а л и з н я к, Ударение в современном русском склонении, «Р. яз. в нац. шк.», 1963, 2 (далее — «Ударение...»).

² «Русское литературное произношение и ударение». Словарь-справочник под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова, М., 1959 (далее — АО).

Все словоформы вин. падежа мн. числа из рассмотрения исключаются; таким образом, каждая парадигма считается состоящей из 11 (а не из 12) словоформ; кроме того, не рассматриваются формы так называемых «2-го родительного» и «2-го предложного» падежей³.

Построение акцентуационной характеристики отдельной парадигмы. Опыт показывает, что простейший на первый взгляд способ учитывать место ударения в словоформе — учет номера ударного слога (считая от начала или от конца словоформы) — приводит к весьма сложному описанию и к неестественному, с точки зрения лингвистической интуиции, объединению парадигм в группы.

Наиболее целесообразным оказывается следующий менее прямолинейный способ описания:

1. Вначале место ударения в словоформе учитывается огрубленно — с точностью до главного морфологического компонента (основы или окончания). Признак «огрубленно учитываемое место ударения» (в дальнейшем просто «место ударения») может принимать два значения: «ударение на основе» (обозначим его плюсом) и «ударение на окончании» (обозначим его минусом). Запись, показывающую, в каких словоформах парадигмы ударение падает на основу и в каких на окончание, мы будем называть *с х е м о й у д а р е н и я* этой парадигмы⁴. Например, слово *море* имеет следующую схему ударения: «в ед. числе на основе, во мн. числе на окончании». Если приписать 11 грамматическим значениям постоянные номера, то схему ударения можно представить как 11-местную строку из плюсов и минусов.

2. Далее составляются правила, позволяющие по схеме ударения и по указанию ударного слога в исходной (т. е. словарной) словоформе определить, на какой именно слог падает ударение в каждой из остальных словоформ парадигмы. Поскольку эти правила являются общими для всех парадигм, они не должны включаться в акцентуационную характеристику отдельной парадигмы. Эта характеристика складывается при таком способе описания всего из двух частей: 1) схема ударения; 2) указание ударного слога в исходной словоформе.

Ниже рассматривается первая часть этой программы описания (вопрос о схемах ударения)⁵.

Словоформы с неслоговым компонентом. Поскольку каждая словоформа разделена на основу и окончание и акцентуирована, установить схему ударения любой парадигмы не составляет труда. Привлекает особое внимание тот случай, когда один из морфологических компонентов словоформы не содержит гласной. Например, словоформа *сн-ы* имеет неслоговую основу, словоформа *стол* — неслоговое (а именно, нулевое) окончание. Разумеется, и в этих случаях нет формальных затруднений в определении места ударения. Однако ответ на вопрос о месте ударения определен здесь буквенным составом компонентов (в отличие, например, от словоформ типа *зеркал-а*, *рыб-а*, где в принципе возможны два ответа). Можно сказать, что признак «место ударения» в таких случаях нейтрализован. Целесообразно проверить, не следует ли при составлении схем ударения трактовать указанные случаи каким-то особым образом.

³ См. об этом: «Ударение...», стр. 8—9.

⁴ В акцентологической литературе для этого понятия обычно используется термин «акцентуационная парадигма», который здесь был бы неудобен из-за сочетаний типа «акцентуационная парадигма данной парадигмы».

⁵ Вопрос об определении ударного слога в неисходных словоформах парадигмы рассмотрен в работе «Ударение...», стр. 19—20.

При описании ударения в словоформах типа *сны* или *стол* возможны, по-видимому, три типа решений.

Решение 1. Учитывается только действительное место ударения (т. е. нейтрализация не принимается во внимание и словоформы типа *сны*, *стол* не получают никакой особой трактовки). Схема ударения состоит в этом случае из плюсов и минусов, отражающих действительное ударение каждой словоформы.

Решение 2. В дополнение к двум имеющимся значениям признака «место ударения» вводится еще одно значение, а именно: «ударение нейтрализовано» (его можно обозначить нулем). Оно приписывается как словоформам типа *сны*, так и словоформам типа *стол*. Схема ударения состоит в этом случае из знаков трех родов (+, —, 0). Ударению, учитываемому в соответствии с решением 2, мы дадим рабочее название «функционального».

Решение 3. Каждой словоформе с нейтрализованным ударением приписывается одно из двух определенных значений рассматриваемого признака («ударение на основе» или «ударение на окончании»), но не в соответствии с действительным положением ударения, а по некоторому специально составляемому правилу. Ударение, приписанное словоформе по этому правилу, будем называть *условным* (в отличие от ударения в обычном смысле слова, которое будем называть *действительным*). Таким образом, в схеме ударения для словоформ с обоими слоговыми компонентами должно быть указано действительное ударение, а для словоформ с одним неслоговым компонентом — условное. Поскольку, однако, такое неединообразие неудобно с формальной точки зрения, будем считать, что условное ударение имеют все без исключения словоформы, но у тех словоформ, где оба компонента слоговые, условное ударение совпадает с действительным. Схема ударения при данном типе решения, как и при решении 1, состоит только из плюсов и минусов, но каждый из них отражает условное, а не действительное ударение соответствующей словоформы⁶.

Выбор наилучшего решения. Целесообразно принять следующий критерий: лучшим является то решение, при котором общее число различных схем ударения (в данном случае в склонении существительных) является *наименьшим*. Сравним перечисленные выше типы решения с точки зрения этого критерия. Вначале сравним решения 1 и 2.

⁶ В существующих описаниях русского ударения избрано либо решение 1, либо решение 3 (решение 1 более характерно для зарубежных русистов). Пример решения 1: «Слова типа *стол—столá* с *п о д в и ж н ы м* ударением, падающим в им. (вин.) падеже ед. числа на основу, во всех остальных падежах на окончание» (А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, ч. 1, Братислава, 1954, стр. 177. Сходные формулировки см. в кн.: G. Davydoff, P. P a u l i a t, Précis d'accentuation russe, Paris, 1959; V. K i p a r s k y, Der Wortakzent der russischen Schriftsprache, Heidelberg, 1962, и др.). Основной принцип решения 3 наиболее явно сформулирован Р. И. Аванесовым: «Различие в месте ударения в подобных случаях (*полá* — *полáж*, *местá* — *местá*, *нѣс* — *неслá* и т. д.) не имеет грамматического значения, поскольку оно вынужденное, обусловленное отсутствием окончания в одной из форм слова. Поэтому ударение в них с грамматической точки зрения следует квалифицировать как неподвижное» (Р. И. Аванесов, Фонетика современного русского литературного языка, М., 1956, стр. 73). В ряде описаний, в частности в академической грамматике, решение 3 используется в неявном виде. При этом отсутствие четких формулировок и специального термина для «условного ударения» часто приводит к непоследовательности. Например, в академической грамматике можно найти, с одной стороны, формулировки типа: «имена существительные среднего рода с ударением, переходящим во все *х* формах множественного числа с основы на окончание, . . . например: *вóйско, дѣло, . . .*» (I, § 264; здесь слово «ударение» означает условное ударение), с другой стороны, и такие формулировки: «имена существительные с устойчивым ударением на окончании во всех падежных формах, имеющих окончание» (I, § 278. 4; здесь слово «ударение» означает действительное ударение).

В русском языке нетрудно найти пару существительных с одинаковой схемой действительного ударения, но разными схемами функционального ударения: ср., например, слова *юноша* и *карта* (разное функциональное ударение в Р. мн.). Возможно, правда, и обратное соотношение; так, слова *шоссé* и *сон* имеют одинаковую схему функционального ударения (из одних нулей), но разные схемы действительного ударения. Случаев первого типа много больше; поэтому число схем функционального ударения должно превысить число схем действительного ударения. Полное обследование материала (подробнее см. ниже) показывает, что общее число схем ударения при решении 1 составляет 23, а при решении 2 — 40.

Покажем теперь, что среди решений третьего типа можно найти такие, при которых общее число схем ударения будет еще меньше, чем при решении 1. Примем, например, следующий алгоритм приписывания условного ударения: 1) словоформам род. падежа мн. числа с неслоговым окончанием у слов, имеющих во всех прочих словоформах действительное ударение на окончании (т. е. у слов типа *черта́*), приписывается условное ударение на окончании; 2) всем прочим словоформам приписывается условное ударение, совпадающее с действительным. С точки зрения решения 1 слова типа *черта́* имеют схему ударения «на окончании во всех словоформах, кроме Р. мн.». При этом никакие другие слова к данной схеме не относятся, поскольку слов с таким же распределением действительного ударения, но со слоговым окончанием в Р. мн. в русском языке нет. В принятом варианте решения 3 все слова типа *черта́* получают схему ударения «на окончании во всей парадигме», т. е. такую же, как слова *ступня́*, *багча́*, *очко́* и т. д.; во всем остальном это решение не отличается от решения 1. Это значит, что общее число разных схем ударения в данном варианте решения 3 на единицу меньше, чем при решении 1.

Таким образом, из трех основных типов решения наилучший результат может дать (при достаточно удачном выборе алгоритма приписывания условного ударения) решение 3. Задача сводится к тому, чтобы выбрать наилучший вариант решения 3, т. е. найти такой алгоритм приписывания условного ударения, который даст минимальное общее число схем ударения (разумеется, такой алгоритм может оказаться не единственным).

Как мы видели, условное ударение может быть приписано произвольно только словоформам с неслововым компонентом, т. е. тем и только тем, которые при решении 2 получают значение 0. Отсюда вытекает следующая постановка задачи. Каждая парадигма из исследуемой совокупности изображается той схемой ударения, которую она имела бы при решении 2, т. е. некоторой 11-местной строкой из плюсов, минусов и нулей. (Разумеется, некоторые строки могут оказаться одинаковыми.) Требуется заменить все нули во всех строках на плюсы и минусы. После замены каждая парадигма также будет представлена некоторой 11-местной строкой, но уже состоящей только из плюсов и минусов. Это и будет схема ударения, которую соответствующая парадигма получит при решении 3. Нужно найти способ замены, при котором среди полученных строк из плюсов и минусов число разных строк минимально. Тем самым наша лингвистическая задача сводится к следующей математической задаче.

Задача

Имеется матрица из m строк и n столбцов. На каждом пересечении строки и столбца стоит один из трех знаков: +, — или 0. Заменить каждый из имеющихся в матрице нулей плюсом или минусом так, чтобы в полученной матрице без нулей (назовем ее результирующей для данной матрицы) число s разных строк было минимальным.

Частичное решение

Вообще говоря, задача допускает тривиальное решение — путем последовательного перебора всех возможных результирующих матриц. В самом деле, при конечных m и n число возможных результирующих матриц конечно (оно не превышает 2^{mn}); порядок же перебора легко может быть задан. Ясно, однако, что даже при сравнительно небольших m и n перебор может быть чрезвычайно велик, и поэтому необходимо искать менее тривиальные решения.

Введем ряд вспомогательных определений. Мы будем говорить, что строка a подчиняет строку b , если b отлична от a и ее можно превратить в a одними лишь заменами нулей на не-нули. Как легко убедиться, отношение подчинения транзитивно. Назовем образом данной строки всякую безнулевую (т. е. содержащую только плюсы и минусы) строку, которая ее подчиняет или совпадает с ней⁷. Назовем две различные строки слабыми, если они имеют хотя бы один общий образ, и сильно различными, если это не так⁸. Назовем строку матрицы подчиненной, если в матрице имеется хотя бы одна строка, которая ее подчиняет, и неподчиненной, если такой строки в матрице нет.

Назовем совокупность всех одинаковых между собой строк матрицы полосой. Всякая матрица состоит из стольких полос, сколько различных строк она содержит⁹. К полосам применимы, с небольшими изменениями, все определения, данные выше для строк, а именно: полоса A подчиняет строку b (полосу B), если любая строка из A подчиняет строку b (любую строку из полосы B); образ всех строк полосы называется образом полосы; полоса A слабо (сильно) отлична от строки b (полосы B), если любая строка из A слабо (сильно) отлична от строки b (от любой строки полосы B); полоса называется подчиненной (неподчиненной), если любая ее строка является подчиненной (неподчиненной). Заметим, что, в отличие от строк, в матрице не может быть двух одинаковых полос.

Назовем матрицей 1-го рода матрицу, в которой любая пара неподчиненных полос сильно различна. Назовем матрицей 2-го рода матрицу, для которой это неверно. Поскольку в нашей лингвистической задаче встречаются только матрицы 1-го рода, можно ограничиться решением поставленной задачи только для одного частного случая — для матриц 1-го рода.

Теорема 1. Для любой матрицы 1-го рода верно, что среди ее результирующих матриц есть хотя бы одна такая, где число разных строк (s) равно числу неподчиненных полос исходной матрицы (k), и нет такой, где $s < k$.

Докажем вначале вторую часть теоремы.

Допустим противное: существует результирующая матрица, где $s < k$. Это значит, что хотя бы одна пара различных неподчиненных строк (т. е. неподчиненных строк из разных полос) отображена в результирующей матрице одинаково, т. е. заменена одним и тем же образом. Но это невозможно, так как в матрице 1-го рода любая пара неподчиненных по-

⁷ Построение результирующей матрицы есть не что иное, как замена каждой строки одним из ее образов. Заметим, что всякая строка имеет 2^z различных образов (где z — число нулей в этой строке).

⁸ Иначе говоря, слабо различны две такие различные строки, что не существует столбца, на пересечении с которым одна из них содержит плюс, а другая — минус; сильно различны две строки, для которых хотя бы один такой столбец найдется.

⁹ Поскольку наша задача допускает перестановку строк матрицы, строки, образующие полосу, всегда можно расположить рядом (после чего они действительно будут иметь вид «полосы»).

лос (и, следовательно, любая пара неподчиненных строк из разных полос) сильно различна.

Докажем первую часть теоремы. Припишем каждую подчиненную полосу матрицы к какой-нибудь из неподчиненных полос, которые ее подчиняют. (В силу транзитивности подчинения хотя бы одна такая полоса найдется для любой подчиненной полосы.) Все полосы матрицы оказались, таким образом, разбиты на k групп, в каждой из которых имеется ровно одна неподчиненная полоса. Возьмем для каждой неподчиненной полосы какой-нибудь из ее образов. В силу транзитивности подчинения этот образ является также образом любой полосы, подчиненной данной неподчиненной полосе, т. е. любой полосы, входящей в одну группу с данной неподчиненной полосой. Следовательно, все строки одной группы могут быть отображены в результирующей матрице одинаково. Заменяем в каждой группе все ее строки выбранным образом неподчиненной полосы. Мы получим результирующую матрицу, имеющую не более k разных строк. Поскольку, однако, по доказанному выше s не может быть меньше k , в этой результирующей матрице $s = k$.

Итак, указан способ построения результирующей матрицы, где величина s принимает наименьшее из возможных для нее значений. Тем самым для матриц 1-го рода задача решена¹⁰.

В описанной процедуре в двух случаях фигурирует произвольный выбор: во-первых, подчиненную полосу можно приписать к любой из подчиняющих ее неподчиненных полос; во-вторых, среди образов неподчиненной полосы можно выбрать любой. Отсюда следует, что способ замены нулей на не-нули, дающий минимальное s , вообще говоря, не является единственным. Это значит, что в нашей лингвистической задаче возникает дополнительная проблема выбора среди различных способов замены нулей, дающих минимальное s . Исследуем условия, при которых способ замены нулей, дающий минимальное s , является единственным. Поскольку способ замены нулей однозначно определяется получаемой результирующей матрицей, далее будем говорить просто о разных результирующих матрицах. Будем называть результирующую матрицу *минимальной*, если она имеет минимальное s .

Т е о р е м а 2. Для матрицы 1-го рода M минимальная результирующая матрица M' единственна, если и только если все неподчиненные строки матрицы M безнулевые и каждая подчиненная строка матрицы M подчинена только одной неподчиненной полосе.

¹⁰ Лингвистический интерес поставленной задачи не исчерпывается данным частным случаем. Дело в том, что принадлежность лингвистических матриц к матрицам 1-го рода в известном смысле случайна: так, достаточно было бы «удалить» из русского языка, например, всего лишь три слова (*дбля*, *ухо*, *бю*), чтобы наша матрица стала матрицей 2-го рода. Кроме того, во многих других случаях, когда в лингвистическом описании используются различительные признаки, матриц 1-го рода может оказаться недостаточно. Решение задачи в общем виде, по-видимому, пока неизвестно. Укажем все же путь решения, представляющийся перспективным. Можно показать, что наша задача сводится к следующей задаче на графе: имеется множество точек, некоторые пары которых связаны линиями (причем две точки не могут быть непосредственно связаны между собой более чем одной связью); разбить это множество точек на минимальное число таких подмножеств, что внутри каждого подмножества любая пара точек непосредственно связана. (В виде точек должны быть изображены все неподчиненные полосы матрицы, а в виде непосредственных связей — все отношения слабого различия между соответствующими парами неподчиненных полос.) Очевидно, что матрицы 1-го рода составляют тот тривиальный случай общей задачи, когда граф не имеет ни одной связи, т. е. состоит из изолированных точек. Нам известно решение поставленной задачи на графе для значительно более широкого частного случая, когда любая точка графа либо 1) такова, что все непосредственно связанные с ней точки непосредственно связаны между собой, либо 2) непосредственно связана хотя бы с одной точкой, удовлетворяющей условию 1. Этого решения было бы достаточно, например, для русского языка, даже если бы в нем отсутствовали слова типа *дбля*.

1. Покажем, что требуемые условия достаточны. Пусть имеется матрица 1-го рода M , где оба указанные условия выполняются. Докажем, что ее минимальная результирующая матрица является единственной.

Построим минимальную результирующую матрицу M' общим способом (см. теорему 1). Единый образ для каждой группы полос здесь будет совпадать со строками неподчиненной полосы, входящей в эту группу (поскольку все неподчиненные строки M — безнулевые).

Пусть имеется другая результирующая матрица M'' . Покажем, что число разных строк (s'') матрицы M'' больше, чем число разных строк (s') матрицы M' .

Любая строка матрицы M' совпадает с некоторой неподчиненной строкой исходной матрицы M ; все такие строки — безнулевые, т. е. каждая из них во всех результирующих матрицах отображается одинаково — в виде самой себя. Это значит, что любая строка матрицы M' встречается также во всякой другой результирующей матрице, в частности в M'' .

Матрица M'' отлична от матрицы M' , следовательно, имеется хотя бы одна строка матрицы M , которая по-разному отображена в M' и в M'' . Рассмотрим любую из таких строк; пусть это будет строка c , а ее образы в результирующих матрицах — соответственно c' и c'' . Строка c — подчиненная, поскольку все неподчиненные строки матрицы M безнулевые и, следовательно, не могут иметь двух разных образов.

В матрице, где соблюдены оба условия теоремы, всякая подчиненная строка сильно отлична от всех неподчиненных полос, кроме одной — той единственной, которая ее подчиняет. (В самом деле, если строка a не подчинена безнулевой строке b , то a и b сильно различны.) Таким образом, строка c сильно отлична от всех неподчиненных полос матрицы M , кроме одной.

Как известно из построения матрицы M' , строка c' совпадает со строками неподчиненной полосы матрицы M , которая подчиняет c (по условию теоремы такая полоса единственна). Строки c' и c'' различны; следовательно, c'' не совпадает со строками указанной неподчиненной полосы матрицы M . Но c'' не может совпадать также со строками никакой другой неподчиненной полосы матрицы M , поскольку, как уже показано, строка c сильно отлична от всех этих неподчиненных полос. Таким образом, c'' не совпадает ни с одной из неподчиненных строк матрицы M , следовательно, ни с одной из строк матрицы M' . Итак, в матрице M'' встречаются, во-первых, все разные строки, встречающиеся в M' , во-вторых, по крайней мере еще одна строка c'' , не встречающаяся в M' . Следовательно, $s'' > s'$. Единственность минимальной результирующей матрицы M' доказана.

2. Покажем, что требуемые условия необходимы. Пусть имеется матрица 1-го рода P , где хотя бы одно из указанных в теореме условий не выполняется. Докажем, что минимальная результирующая матрица для матрицы P не является единственной.

а) Пусть не выполнено первое условие: не все неподчиненные строки матрицы P безнулевые. Построим общим способом минимальную результирующую матрицу P' . Возьмем в матрице P какую-нибудь из неподчиненных строк с нулями; пусть это будет строка d , а ее образ в P' — d' . Найдем в d' какой-нибудь из знаков, заменяющих нуль строки d , и изменим его на противоположный; получим некоторую строку d'' .

Из построения матрицы P' известно, что в виде d' отображены все строки матрицы P из той группы полос, куда входит строка d . При этом никакая другая группа полос не может быть отображена в виде d' , так как такое отображение значило бы, что P не есть матрица 1-го рода. Таким образом, любая строка из P , отображенная в P' в виде d' , либо

совпадает с d , либо подчинена d . Это значит, что любая из этих строк имеет нуль в том столбце, где произведено изменение, т. е. d'' является образом любой из них. Отсюда следует, что если заменить в P' все вхождения d' на d'' , то полученная матрица (назовем ее P'') также будет результирующей для P . Число разных строк в P'' не больше, чем в P' (поскольку при замене одна строка исчезла и не более одной прибавилось); оно и не меньше, чем в P' (поскольку P' — минимальная матрица); следовательно, эти числа равны, и P'' есть также минимальная результирующая матрица для P . Неединственность минимальной матрицы доказана.

б) Пусть не выполнено второе условие: не каждая подчиненная строка матрицы P подчинена только одной неподчиненной полосе. Построим минимальную результирующую матрицу P' . Возьмем любую строку из P , подчиненную нескольким неподчиненным полосам. В P' эта строка отображена так же, как одна из подчиняющих ее неподчиненных полос. Отобразим ее теперь так же, как другую из подчиняющих ее неподчиненных полос. Понятно, что полученная новая матрица P'' есть также результирующая матрица для P . Матрицы P' и P'' различны, поскольку взятая строка из P отображена в них по-разному (в матрице 1-го рода две неподчиненные полосы не могут иметь общего образа). Но число разных строк в этих матрицах одинаково; следовательно, P'' есть также минимальная результирующая матрица для P . Неединственность минимальной матрицы доказана.

Далее. Введем еще одно дополнительное определение: матрица P содержит матрицу M , если все строки M являются также строками P .

Т е о р е м а 3. Пусть имеется матрица 1-го рода P , содержащая матрицу 1-го рода M , причем 1) для M минимальная результирующая матрица M' единственна и 2) любая строка из M сильно отлична от любой неподчиненной строки матрицы P , не входящей в M . В этом случае в любой минимальной результирующей матрице для P часть, отображающая M , совпадает с M' .

Все неподчиненные строки матрицы M — безнулевые (в силу теоремы 2); следовательно, они являются также неподчиненными строками матрицы P . С другой стороны, очевидно, что все подчиненные строки матрицы M являются также подчиненными строками матрицы P . Таким образом, неподчиненные строки матрицы P , входящие в M , и неподчиненные строки матрицы M — это одни и те же строки.

Как показано выше, в матрице, удовлетворяющей обоим условиям теоремы 2 (здесь таковою является матрица M), любая подчиненная строка сильно отлична от всех неподчиненных строк, кроме строк неподчиненной полосы, подчиняющей ее. Кроме того, по второму условию нашей теоремы любая строка из M сильно отлична от всех неподчиненных строк матрицы P , не входящих в M . Следовательно, любая подчиненная строка матрицы M сильно отлична от всех неподчиненных строк матрицы P , кроме строк неподчиненной полосы, подчиняющей ее.

Пусть имеется результирующая матрица P' , где хотя бы одна строка из M получила образ, отличный от ее образа в M' . Докажем, что P' не минимальна. Рассмотрим любую из таких строк матрицы M , получивших новый образ. Эта строка подчиненная (поскольку все неподчиненные строки матрицы M безнулевые). Образ этой строки в M' совпадает с образом подчиняющей ее неподчиненной полосы матрицы M (причем этот образ единственный, поскольку данная полоса состоит из безнулевых строк). Следовательно, новый образ не совпадает с образом строк этой неподчиненной полосы. Но он не совпадает также с образом никакой другой неподчиненной строки матрицы P , поскольку взятая строка сильно отлична от всех этих неподчиненных строк матрицы P .

Как мы знаем, в матрице 1-го рода образ (или образы) каждой неподчиненной полосы не совпадает с образами ни одной из других неподчиненных полос. Следовательно, в P' имеется не менее k разных строк, отображающих неподчиненные строки P (где k — число неподчиненных полос матрицы P), и, кроме того, по крайней мере еще одна строка, отличная от всех этих k строк. Таким образом, в P' число разных строк больше k , т. е. P' не минимальна.

*

Применим полученные результаты к изучаемым фактам русского склонения. Составим на основании последовательной проверки материала полную матрицу распределения функционального ударения в парадигмах существительных. Привести эту матрицу целиком, разумеется, невозможно¹¹; но это и не нужно. Достаточно привести с о к р а щ е н н у ю матрицу, в которой каждая полоса первоначальной матрицы представлена лишь частью своих строк (в частном случае — одной строкой).

Поскольку в дальнейшем потребуются также сведения о распределении действительного ударения, произведем сокращение так: каждая полоса первоначальной матрицы будет представлена в сокращенной матрице столькими строками, сколько разных схем действительного ударения в ней встречается. Оказывается, что каждой полосе полной матрицы, за исключением последней, соответствует всего одна схема действительного ударения. Например, все слова, относящиеся к полосе 13, имеют такую же схему действительного ударения, как слово *тигр*. Таким образом, в нашей сокращенной матрице каждая полоса, кроме последней, представлена всего одной строкой.

Первоначальную матрицу можно без ущерба «сжать» также и по ширине: дело в том, что в ней в точности одинаковы: 1) столбцы Р. ед., Д. ед. и П. ед.; 2) столбцы Д. мн. и П. мн. Каждая из этих групп столбцов представлена в сокращенной матрице в виде одного столбца.

Неподчиненные и подчиненные полосы матрицы даны раздельно. Для каждой подчиненной полосы указаны подчиняющие ее неподчиненные. Для каждой строки указано, кроме того, относится ли она к самостоятельной (т. е. еще не встречавшейся) схеме действительного ударения или к уже встречавшейся ранее в матрице.

Таким образом, приводимая ниже матрица содержит сведения не только о всех схемах функционального ударения, но и о всех схемах действительного ударения. Из нее видно, в частности, что общее число разных схем ударения при решении 2 составляет 40, а при решении 1 — 23.

Опираясь на информацию, содержащуюся в сокращенной матрице, исследуем свойства полной матрицы распределения ударения. Для наших целей этой информации достаточно. В самом деле, имея хотя бы по одной строке от каждой полосы полной матрицы, можно судить о всех встречающихся в полной матрице строках и о всех существенных для нас отношениях между ее полосами. Понятно также, что произведенная замена группы одинаковых столбцов одним из этих столбцов не изменяет отношений одинаковости или различия между какими бы то ни было строками.

Непосредственная проверка по сокращенной матрице показывает:

1. Все 12 неподчиненных полос полной матрицы сильно различны между собой, т. е. это матрица 1-го рода. Следовательно, в силу теоремы 1 минимальное возможное число разных строк в результирующей матрице для полной матрицы равно 12.

2. Ни одному из условий теоремы 2 полная матрица не удовлетворяет. Следовательно, минимальная результирующая матрица для полной матрицы не единственна.

¹¹ В АО входит около 22 тысяч существительных.

Сокращенная матрица распределения функционального ударения у существительных

Неподчиненные полосы

№ полосы	Формы								Образцы	Схема действительного ударения
	ед. число				мн. число					
	И	В	Р Д П	Т	И	Р	Д П	Т		
1	+	+	+	+	+	+	+	+	<i>юноша</i> <i>ступень</i> <i>море</i> <i>перо</i> <i>дья</i> <i>ночь</i>	самост. » » » » »
2	-	-	-	-	-	-	-	-		
3	+	+	+	+	-	-	-	-		
4	-	-	-	-	+	+	+	+		
5	+	+	+	+	+	-	-	-		
6	-	-	-	-	+	-	-	-		
7	-	+	-	-	+	0	+	+	<i>зима</i> <i>рука</i> <i>любовь</i> <i>полчася</i> <i>человек</i> (мн. люди) <i>дитя</i> (мн. дети)	самост. » » » » »
8	-	+	-	-	+	0	-	-		
9	0	0	-	+	-	-	-	-		
10	-	-	+	+	-	-	-	-		
11	0	+	+	+	+	-	+	-		
12	-	-	+	+	+	-	+	-		

Подчиненные полосы

№ полосы	Формы								Образцы	Схема действительного ударения	Каким неподчиненным полосам подчинена
	ед. число				мн. число						
	И	В	Р Д П	Т	И	Р	Д П	Т			
13	0	+	+	+	+	+	+	+	<i>тигр</i> <i>карта</i> <i>тетрадь</i> <i>солдат</i> <i>вазенок</i>	как у <i>юноша</i>	1
14	+	+	+	+	+	0	+	+			
15	0	0	+	+	+	+	+	+			
16	0	+	+	+	+	0	+	+			
17	0	0	+	+	+	0	+	+			
18	0	-	-	-	-	-	-	-	<i>царь</i> <i>черта</i> <i>стол</i> <i>сапёг</i>	самост. » » »	2
19	-	-	-	-	-	0	-	-			
20	0	0	-	-	-	-	-	-			
21	0	0	-	-	-	0	-	-			
22	0	+	+	+	-	-	-	-	<i>мастер</i> <i>место</i> <i>господин</i>	как у <i>море</i> самост. как у <i>место</i>	3
23	+	+	+	+	-	0	-	-			
23 ^a	0	+	+	+	-	0	-	-			
24	0	-	-	-	+	+	+	+	<i>казак</i> (мн. казаки) <i>вино</i> <i>сух</i>	самост. как у <i>перо</i> самост.	4
25	-	-	-	-	+	0	+	+			
26	0	0	-	-	+	+	+	+			
27	0	+	+	+	+	-	-	-	<i>зверь</i> <i>деревня</i> <i>мышь</i> <i>волос</i>	как у <i>дья</i> самост. как у <i>дья</i> как у <i>деревня</i>	5
28	+	+	+	+	+	0	-	-			
29	0	0	+	+	+	-	-	-			
30	0	0	+	+	+	0	-	-			
31	0	-	-	-	+	-	-	-	<i>конь</i> <i>губа</i> <i>гвоздь</i>	самост. » »	6
32	-	-	-	-	+	0	-	-			
33	0	0	-	-	+	-	-	-			

№ полосы	Формы								Образцы	Схема действия ударения	Каким неподчиненным полосам подчинена
	ед. число				мн. число						
	И	В	Р Д П	Т	И	Р	Д П	Т			
34 35	0	0	+	+	—	—	—	—	<i>сад</i> <i>глаз</i>	как у <i>море</i> как у <i>место</i>	3,10
36	0	0	—	—	+	0	+	+	<i>зубок</i> (мн. <i>зубки</i>)	как у <i>сух</i>	4,7
37	0	0	0	0	+	+	+	+	<i>дно</i>	как у <i>перб</i>	1,4
38	0	0	0	+	0	0	0	0	<i>вошь</i>	как у <i>любовь</i>	1,3,5, 9—12
39	0	0	0	0	0	0	0	0	<i>шоссé</i> <i>лев</i> <i>сон</i> <i>тля</i> <i>тьма</i> (множество)	как у <i>юноша</i> как у <i>царь</i> как у <i>стол</i> как у <i>ступня</i> как у <i>черта</i>	1—12

Какую же из этих результирующих матриц выбрать? Для обоснованного ответа на этот вопрос нужна некоторая вспомогательная процедура.

Выделим среди 39 полос полной матрицы следующие 28: 1—6 и 13—33. Назовем эти 28 полос *м а л о й* матрицей. Как показывает подсчет, в малую матрицу входит около 98% строк полной матрицы. Непосредственная проверка по сокращенной матрице показывает:

1. Малая матрица имеет 6 неподчиненных полос (1—6); все они сильно различны между собой. Таким образом, малая матрица — это матрица 1-го рода и, следовательно, минимальное возможное число строк в результирующей матрице для малой матрицы равно 6.

2. В малой матрице соблюдены оба условия теоремы 2. Следовательно, минимальная результирующая матрица для малой матрицы единственна.

3. Любая строка малой матрицы сильно отлична от любой неподчиненной строки полной матрицы, не входящей в малую матрицу (т. е. от любой строки из полос 7—12). Таким образом, соотношение между малой и полной матрицами удовлетворяет обоим требованиям теоремы 3. Следовательно, во всех минимальных результирующих матрицах для полной матрицы малая матрица будет отображена одинаково — в виде своей единственной минимальной результирующей¹².

Итак, для 98% материала способ замены нулей, удовлетворяющий выдвинутому требованию минимальности, является единственным. Все различие между минимальными результирующими матрицами для полной матрицы состоит только в способе отображения 12 полос «остатка», охватывающих 2% материала. Отсюда ясно, в каком направлении должен идти поиск наиболее целесообразного решения: необходимо построить алгоритм замены нулей на не-нули, который 1) обращал бы малую матрицу в ее единственную минимальную результирующую, 2) был бы применен без дополнительных изменений также к «остатку» и обращал бы полную матрицу в одну из ее минимальных результирующих.

Минимальную результирующую матрицу для малой матрицы можно построить общим способом (см. теорему 1). Поскольку малая матрица

¹² В принципе возможно включить в малую матрицу также полосы 10 и 12: указанное свойство при этом сохранилось бы; однако это было бы неудобно для последующих построений.

удовлетворяет обоим условиям теоремы 2, этот способ получает форму следующего алгоритма: каждая подчиненная строка заменяется единственным образом подчиняющей ее неподчиненной полосой. Однако к «остатку» этот алгоритм неприменим (поскольку «остаток» не удовлетворяет требованиям теоремы 2). Поэтому следует искать иной алгоритм отображения малой матрицы, равносильный данному.

Назовем *зоной* такую группу столбцов, что пересечение любой строки с этой группой столбцов (будем называть его *зоной строки*) не содержит одновременно плюса и минуса. Простейший пример зоны составляет любой столбец.

Малую матрицу можно разбить, в частности, на такие зоны: зона 1 — все ед. число; зона 2 — И. мн.; зона 3 — Р., Д., Т., П. мн. Это разбиение на зоны обладает следующими свойствами: 1) оно неукрупняемое, т. е. никакие две зоны этого разбиения нельзя соединить в одну (это устанавливается непосредственной проверкой по сокращенной матрице); 2) оно — единственное неукрупняемое (поскольку, как показывает проверка, никакие два столбца из разных зон нельзя включить в одну зону и, таким образом, любое другое разбиение на зоны может быть только раздроблением нашего).

Понятно, что в неподчиненных строках малой матрицы каждая зона строки состоит либо из одних плюсов, либо из одних минусов (поскольку все ее неподчиненные строки безнулевые). Напротив, в любой подчиненной строке хотя бы одна зона строки содержит хотя бы один нуль; при этом, однако, как показывает проверка, в малой матрице при нашем разбиении на зоны нет зон строки, состоящих из одних нулей.

Предложенный алгоритм состоит в том, что каждая подчиненная строка заменяется единственным образом подчиняющей ее неподчиненной полосой (т. е. любой строкой из этой полосы). Как легко убедиться, в указанных условиях такая замена равносильна следующей: в каждой зоне строки (при нашем разбиении на зоны), содержащей хотя бы один нуль, все нули заменяются плюсами, если в этой зоне строки есть хотя бы один плюс, и минусами, если там есть хотя бы один минус.

Таким образом, построен другой алгоритм получения минимальной результирующей матрицы для малой матрицы. Он имеет перед первым то преимущество, что позволяет заменить нули в отдельно взятой строке без сопоставления ее с какими бы то ни было другими строками матрицы, т. е. без обращения ко всей матрице. (Вся необходимая информация о матрице заключена в этом случае в задании определенного разбиения на зоны.) Однако и этот алгоритм неприменим к «остатку» (поскольку использованное разбиение на зоны таковым для «остатка» не является).

Обратим внимание на то, что в малой матрице нули встречаются только в трех столбцах: И. ед., В. ед. и Р. мн. Это обстоятельство дает возможность переформулировать второй из предложенных алгоритмов, например, так: каждый нуль заменяется тем знаком, который стоит в той же строке в столбце дат. падежа того же числа. (Разумеется, вместо дат. падежа можно взять пред. или твор. падеж.) В самом деле, 1) в малой матрице в столбцах дат. падежа нули не встречаются, 2) И. ед. и В. ед. (формы, где возможны нули) принадлежат к той же зоне разбиения, что и Д. ед., а Р. мн. — к той же зоне, что и Д. мн.

Новый алгоритм, в отличие от предшествующих, уже можно применить к «остатку»; но результат будет все же неудовлетворительным, поскольку в «остатке» есть строки, где в дат. падеже стоит нуль, а такие строки этот алгоритм не превратит в безнулевые. Недостаток этот, однако, легко исправить: для этого нужно учитывать в дат. падеже не функциональное, а действительное ударение. В самом деле, в столбцах дат. падежа малой

З а м е ч а н и е 1. Из таблицы видно, что большинство типов слов алгоритм относит к первым шести схемам условного ударения. Подсчет показывает, что на эти 6 схем приходится около 99,8% всего материала; вторые 6 схем охватывают лишь около 40 слов. Этим объясняется выбранная система обозначений, при которой каждая из 6 последних схем рассматривается как бы как отклонение от одной из основных.

З а м е ч а н и е 2. Принятый алгоритм по-разному преобразует строки полосы 39, относя слова типа *шоссé* к схеме *a*, а слова типа *сон, тля* и т. д. — к схеме *b*. Таким образом, не всякая пара одинаковых строк преобразуется этим алгоритмом одинаково.

Итак, в результате проведенного исследования принимается следующее решение. Каждой словоформе каждой парадигмы приписывается условное ударение, т. е. особый признак, значение которого определяется по следующему правилу: 1) у словоформы с обоими слоговыми компонентами условное ударение совпадает с действительным; 2) у словоформы с неслоговым компонентом условное ударение такое же, как действительное ударение в словоформе дат. падежа того же числа, принадлежащей той же парадигме. Под схемой ударения в дальнейшем понимается схема условного ударения. С точки зрения принятого критерия это решение является единственным оптимальным для 98% материала и одним из оптимальных для остальных 2%.

Лингвистический смысл условного ударения. Принятое определение условного ударения основано на формальном критерии — минимальности общего числа разных схем ударения. Полученное таким путем понятие имеет, однако, и более непосредственный лингвистический смысл.

Что такое зона с содержательной точки зрения? Это такая группа форм, что в любой парадигме (из определенной совокупности¹⁴) в соответствующей группе словоформ (назовем ее *зоной парадигмы*) все словоформы с обоими слоговыми компонентами имеют ударение на одном и том же компоненте. Как мы уже видели, парадигма существительного единственным образом делится на неукрупняемые зоны: 1) ед. число, 2) И. мн., 3) Р., Д., Т., П. мн. Приведем примеры зон парадигмы, соответствующих этому разделению на зоны: а) *гость, гбствя, гбстю, гбстем, гбсте*; б) *гбсти*; в) *гостей, гостям, гостями, гостях*; г) *топор, топорá, топорóу, топорóм, топорóе*; д) *зеркал, зеркалам, зеркалами, зеркалах*. Легко проверить, что сформулированное выше требование везде соблюдено.

Назовем местом ударения в зоне парадигмы место ударения во входящих в нее словоформах с обоими слоговыми компонентами. Так, в примерах *a* и *b* ударение в зоне парадигмы — на основе, в примерах *в, г* и *д* — на окончании. Понятие места ударения в зоне парадигмы соответствует интуитивному представлению об «истинном» месте ударения в группе словоформ, на фоне которого ударение в словоформах типа *зеркал, топор* воспринимается как «сдвинутое».

Можно ли по взятой словоформе определить, каково место ударения в той зоне парадигмы, куда она входит? По словоформе с обоими слоговыми компонентами, разумеется, можно; по словоформе же типа *гость, топор, зеркал* — нельзя: нужно знать какие-то другие словоформы тех же парадигм. Например, можно использовать для этой цели словоформы *гбстю, топорóу, зеркалам*. Но тем самым будет произведена именно та опе-

¹⁴ Здесь в качестве такой совокупности выступают все существительные с полной парадигмой, за исключением около 40 слов, принадлежащих к 6 последним схемам ударения.

рация, которая предложена выше для определения места условного ударения в словоформах с неслоговым компонентом. Отсюда ясен лингвистический смысл условного ударения: условное ударение данной словоформы есть указание на место ударения в той зоне парадигмы (при неукрупняемом разбиении на зоны), к которой эта словоформа принадлежит. При замене действительного ударения условным каждая зона парадигмы любого слова становится единой в акцентуационном отношении, что соответствует интуитивному представлению о единстве «истинного» ударения в таких группах словоформ.

Условное ударение связано еще с одним кругом фактов. В акцентологии о группе словоформ, имеющих ударение на одном и том же по счету слоге (считая от начала), говорят, что она имеет колонное ударение. При этом считается, что колонность не нарушена также в следующем особом случае: 1) число слогов в одной (или нескольких) из словоформ меньше номера ударного слога в более длинных словоформах и 2) ударение в этой короткой словоформе падает на последний слог. Местом колонного ударения в группе считается номер ударного слога в самой длинной словоформе группы.

Назовем колонной зоной такую группу форм, что в любой парадигме (из определенной совокупности) соответствующая группа словоформ (назовем ее колонной зоной парадигмы) имеет колонное ударение.

Оказывается, что если в качестве такой совокупности взять все существительные с полной парадигмой (за исключением около 40, принадлежащих к 6 последним схемам ударения, сложных слов с основой *пол-* в первой части и еще около двадцати слов¹⁵), то колонные зоны совпадут с обычными зонами. В качестве примеров, подтверждающих это, можно назвать приведенные примеры зон парадигмы: все они имеют колонное ударение. Подчеркнем, что данное совпадение не является внутренним следствием изложенного выше, а составляет самостоятельный эмпирический факт.

Таким образом, условное ударение можно рассматривать также как указание (с точностью до морфологического компонента) на место колонного ударения в колонной зоне парадигмы, куда входит данная словоформа. Эта сторона условного ударения используется в правилах определения ударного слога в неисходных словоформах. Например, словоформы *кишбк* и *чисел* получают по этим правилам разное место ударения внутри основы потому, что им приписано разное условное ударение: словоформе *кишбк* — на окончании, словоформе *чисел* — на основе.

Отметим также следующее. С диахронической точки зрения словоформы с условным ударением на неслоговом окончании (типа *стол*, *конь*, *голуб*) — это в основном¹⁶ те словоформы, которые до падения редуцированных имели в качестве окончания ударные *ъ* или *ь*. Современным словоформам *стол*, *конь*, *голуб* (с условным ударением на окончании) соответствуют древнерусские словоформы *стол-ъ*, *кон-ь*, *голов-ь* (с действительным ударением на окончании); ср., с другой стороны, современные *похбд*, *рыб* (с условным ударением на основе) и древнерусские *похбд-ъ*, *рыб-ъ* и т. п. Такого рода соответствия не являются парадоксальными или случайными; наиболее простое описание (особенно в области морфологии), по-

¹⁵ А именно: *госпѣдь*, *перѣд*, *пѣлень*, *пѣлочь*, *сѣжѣнь*; *земля*, *овца*, *свинья*, *семья*, *сестра*, *судья*; *гумно*, *кольцо*, *кружево*, *масло*, *яйцо*; *дѣнзги*, *хлопоть*.

¹⁶ Т. е. в отвлечении от случаев, где современная схема ударения есть результат поздних изменений.

видимому, почти всегда будет в той или иной мере сходно с несколько «идеализированной» историей¹⁷.

Вопрос об условном ударении в других группах формообразующих слов. Принципы, а в ряде случаев и непосредственные результаты предложенного разбора применимы не только к существительным с полной парадигмой. Легко включаются в описание существительные с неполной парадигмой (например, существительные, не имеющие одного из чисел). Такие слова обычно можно отнести к нескольким схемам ударения (поскольку отсутствующим словоформам можно приписать какое угодно ударение). Для них удобнее всего принять следующее правило: считать такое слово относящимся к первой по порядку из тех схем ударения, к которым оно может быть отнесено. Существительных с неполной парадигмой, которые бы не уложились ни в одну из 12 схем ударения, в русском языке нет.

Оказывается возможным также включить в эту же систему описания все остальные склоняемые части речи¹⁸. При описании кратких форм прилагательных, по-видимому, потребуется приписать краткой форме муж. рода условное ударение, совпадающее с действительным ударением краткой формы ср. рода (ср., например, *ва́жен* и *ва́жно*, *сме́шн* и *сме́шно*).

Предложенные принципы описания применимы также к системе глагола (хотя они и потребуют некоторых уточнений в тех случаях, когда глагольная словоформа отчетливо распадается на три, а не на два компонента, например, *нес-у́щ-ий*). Понятие условного ударения необходимо здесь в нескольких случаях (муж. род прошедшего времени, повелительное наклонение, инфинитив и некот. др.). Например, словоформам муж. рода прошедшего времени, по-видимому, потребуется приписать условное ударение, совпадающее с действительным ударением в ср. роде (ср., например, *в́ышел* и *в́ышло*, *уш́ёл* и *уш́ло*).

*

Понятие схемы ударения имеет для изучения русского словоизменения, в частности склонения, примерно такое же значение, как, например, понятие типа склонения (школьные I, II, III склонения). Между тем в научной литературе ему уделяется несравненно меньшее внимание; характерно, что термин, использующийся для этого понятия в специальных работах («акцентуационная парадигма»), в общих описаниях практически не встречается. В школьном преподавании это понятие полностью отсутствует. Такое положение объясняется не существом дела, а главным образом традицией. В литовском языке, типологически близком к русскому, в склонении существительных также различаются несколько схем ударения — так называемые *kirčiūtės* (правда, в отличие от русского, схема ударения учитывает здесь не только место ударения, но и интонацию ударной гласной). Но в литовской традиции, в отличие от русской, *kirčiūtė* является стандартным лингвистическим понятием, обязательным не только для научного обихода, но и для школьного преподавания (оно в точности параллельно понятию *linksnūtė* «тип склонения»). Возможно, что именно трудности, связанные с условным ударением, т. е. с необходимостью признать словоформы типа *стол* имеющими ударение на окончании, помешали распространению соответствующего понятия в изучении и преподавании русского языка.

¹⁷ Ср.: M. H a l l e, On the role of simplicity in linguistic descriptions, сб. «Structure of language and its mathematical aspects», Providence, 1961, стр. 94.

¹⁸ См.: «Ударение...», стр. 21—22.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ АКЦЕНТУАЦИИ РУССКИХ ОДНОСЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ МУЖСКОГО РОДА

РАЗДЕЛ I. ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ И ИСХОДНЫЕ ДАННЫЕ

§ 1. Распространено представление, что в современном русском языке в распределении односложных¹ существительных по акцентуационным типам нет почти никаких синхронических закономерностей² и единственно возможное практическое решение состоит в приведении полных списков. В настоящей работе мы пытаемся показать, что это представление неверно, т. е. что в действительности в данной сфере имеются довольно четкие закономерности и лишь в силу того, что они разнородны и образуют сложную иерархию, наблюдаемая внешняя картина кажется беспорядочной³.

§ 2. Мы будем различать⁴ следующие схемы ударения (или, что то же, акцентные кривые), возможные для слов рассматриваемого класса:

a — ударение на основе⁵ во всей парадигме (например *знак, зна́ка, зна́ки, зна́ков*);

b — ударение на окончаниях во всех словоформах с ненулевым окончанием (*стол, столá, столáи, столóв*);

c — как *a* в ед. числе, как *b* во мн. числе (*дар, дáра, дары́, дарóв*);

¹ Под односложными понимаются, в соответствии с традиционным словоупотреблением, существительные с односложной исходной словоформой.

² Так, В. Кипарский пишет: «Как известно, ...ни для исконно русских, ни для заимствованных односложных слов никаких «правил ударения» пока что не существует...» (Кипарский В. О колебаниях ударения в русском литературном языке, I. Односложные имена существительные. Хельсинки, 1950, с. 20; ср. также: Кипарский V. Der Wortakzent der russischen Schriftsprache. Heidelberg, 1962, S. 24).

³ Из-за ограниченного объема настоящей статьи в ней представлен не весь проанализированный материал (но все общие положения изложены); подробнее см. § 14, конец.

⁴ В соответствии с кн.: Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967, с. 153.

⁵ Наличие или отсутствие у слова так называемого 2-го предложного падежа ед. числа (далее сокращенно — П₂) на *-ý, -ю* схемой ударения не учитывается; это отдельный признак слова. Таким образом, под основным ударением ед. числа в настоящей работе понимается ударение на основе во всех словоформах ед. числа, кроме П₂ на *-ý, -ю* (если таковой имеется).

d — как *b* в ед. числе, как *a* во мн. числе (*кол, кола́, ко́лья, ко́льев*);

e — то же, что *c*, но с наосновным ударением в И. мн.⁶ (*бог, бо́га, бо́ги, богóв*);

f — то же, что *b*, но с наосновным ударением в И. мн. (*гвоздь, гвóзди, гвóздéй*).

Singularia tantum (т. е. слова, у которых мн. число никогда или почти никогда не употребляется, например *пух, быт, юг*) причисляются к схеме *a* или *b* в соответствии с их ударением в ед. числе⁷.

Класс односложных существительных мужского рода в современном русском языке открыт для пополнения за счет заимствований и новообразований (аббревиатур, отглагольных имен и др.), поэтому точно указать его численность невозможно. В «Обратный словарь русского языка»⁸ входит около 1500 таких слов; в этом объеме данный класс и рассматривается ниже (везде, где не оговорено обратное).

Из этих 1500 слов по литературной норме к схеме *b* относится около 200, *c* — около 120, *d* — 6, *e* — 21, *f* — 4. Прочие относятся к схеме *a*.

Продуктивными, т. е. способными принимать новые слова, являются (для рассматриваемого класса слов) только три схемы ударения: *a*, *b* и *c* (иначе говоря, любые акцентуационные правила неспичного характера могут требовать только одной из этих трех схем).

§ 3. В некоторых случаях возникает необходимость рассмотреть древнерусскую акцентуацию того или иного слова. Как установлено современной сравнительно-исторической акцентологией, в древнерусском имена делились с акцентуационной точки зрения на три класса⁹:

1) имена с неподвижным ударением на определенном слоге основы во всех словоформах — так называемая акцентная парадигма *a* (= «баритонированная»);

2) имена с ударением на флексии во всех словоформах (за некоторыми, строго определенными для каждого типа склонения исключениями) — так называемая акцентная парадигма *b* (= «окситонированная»);

3) имена с подвижным ударением, которое в каждом типе склонения было представлено особым (но единым для всего этого типа) распределением наосновного и флексийного ударения в парадигме склонения — так называемая акцентная парадигма *c* (= «подвиж-

⁶ Здесь и далее таким способом обозначаются формы именной парадигмы: большая буква (И., Р., Д., В., Т., П.) обозначает падеж, сокращения «ед.», «мн.» — число.

⁷ Заметим, что количество *singularia tantum* схемы *b* ничтожно мало: это только *скот* (в основном, собирательном значении), *вред, стыд, плющ* (как будет видно ниже, § 10, это обстоятельство не случайно).

⁸ Обратный словарь русского языка. М., 1974.

⁹ См.: Иллич-Свитыч В. М. Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентуационных парадигм. М., 1963, с. 4; Stang Chr. S. Slavonic accentuation. Oslo, p. 56—94.

ная»); характерной дополнительной особенностью этой акцентной парадигмы был перенос ударения со словоформ с наосновным ударением на проклитики и энклитики¹⁰.

В настоящей работе мы исходим из того, что для существительных мужского рода нормальными (т. е. не требующими индивидуальных объяснений для отдельного слова) являются следующие соответствия:

акцентная парадигма в древнерусском		схема ударения в современном русском
<i>a</i>	—	<i>a</i>
<i>b</i>	—	<i>b</i>
<i>c</i>	—	<i>c</i> или <i>e</i> ¹¹

Таким образом, например, для слова *нос* (схема *c*, др.-русс. акцентная парадигма *c*) мы будем говорить просто о сохранении старой акцентуации (хотя фактически ударение некоторых словоформ здесь изменилось). Соответственно под индивидуальными изменениями прежней акцентуации понимаются только отклонения от указанного системного соотношения.

§ 4. Для дальнейшего изложения нам потребуется несколько вспомогательных рабочих терминов.

Тривиальное и нетривиальное склонения

Противопоставление тривиального и нетривиального склонений, вообще говоря, актуально для всех русских существительных; но здесь мы, в соответствии с задачей настоящей работы, ограничимся его определением для слов мужского рода.

Тривиальным склонением для слов мужского рода¹² (не только односложных) мы будем называть образование неисходных словоформ, обладающее одновременно следующими свойствами: 1) отсутствие чередований в основе (не считая, разумеется, автоматических смягчений перед *-e*); 2) схема ударения *a*; 3) отсутствие Π_2 на *-ú*, *-ú*; 4) мн. число с именительным на *-ы*, *-и*. Примеры: *огорóд*, *спор*, *нерв*.

Соответственно склонение, у которого отсутствует хотя бы одно из этих четырех свойств, мы будем называть нетривиальным. Примеры: *подáрок*, *кáшель* (чередование в основе); *стол*, *дар* (схема ударения не *a*); *сок*, *быт* (Π_2 в *соку*, в *быту*); *брат*, *клин* (И. мн. не

¹⁰ См.: Дыбо В. А. О фразовых модификациях ударения в праславянском. — «Советское славяноведение», 1971, № 6, с. 77—80.

¹¹ Норму здесь составляет схема *c*; схема *e* представлена лишь в замкнутой группе слов, задаваемых списком (см., например: Зализняк А. А. Указ. соч., с. 158).

¹² Здесь и везде далее подразумевается: «кроме слов мужского рода, склоняющихся по образцу других родов (например *мужчина*, *городишко*), а также неизменяемых».

на *-ы, -и*); *сон, кусо́к, сад, кол, снег* (несколько указанных свойств одновременно).

Противопоставление «тривиального» и «нетривиального» может быть применено также к ударению: тривиальное ударение — схема *a*, нетривиальное ударение — любая другая схема.

Помимо слов определенно тривиального и определенно нетривиального склонений, существует, однако, группа неопределенных слов: это *singularia tantum* без чередований и без Π_2 на *-у, -ю*, имеющие наосновное ударение в ед. числе. Примеры: *сор, лай, блат* (неопределенность возникает здесь из-за отсутствия мн. числа, которое могло бы быть как тривиального, так и нетривиального типа).

Из рассматриваемых 1500 односложных слов мужского рода к нетривиальному склонению относится по литературной норме около 380, а с учетом ненормативного ударения — около 450. Неопределенных *singularia tantum* — около 250. Остальные слова относятся к тривиальному склонению.

Противопоставление привычного и чуждого

§ 5. Это противопоставление носит не общезыковой, а индивидуальный характер: для данного носителя языка некоторое слово может быть привычным (освоенным, «своим») или чуждым (ранее не слышанным или слышанным редко, непривычным, неосвоенным). Таким образом, речь здесь идет о некотором внеязыковом, прагматическом (а не собственно языковом) различии. Соответственно мы будем ниже называть влияние этого различия на акцентуацию или иные характеристики слова прагматическим фактором.

Привычными для взрослого носителя языка являются слова повседневной обиходной лексики, названия предметов, связанных с его профессиональной деятельностью, слова, специфические для его микроколлектива или ограниченной среды (прозвища, «семейные слова» и т. п. и в максимальной степени — слова жаргона или аргю). Чуждыми являются, в частности, названия предметов из жизни других стран или прошлых эпох, термины незнакомых данному человеку профессий, слова чужих микроколлективов, для большинства носителей языка — также все слова возвышенно-книжного и архаизирующего стиля. Чуждым для данного человека является также всякое слово, которое он только что узнал. Однако период «освоения» слова может быть весьма различным по длительности; в частности, в тех случаях, когда привычность некоторого слова (например профессионального, арготического, «элитного») связана в глазах человека с престижем, он обычно стремится (бессознательно или даже сознательно) сократить до минимума период «освоения» такого слова.

Разумеется, между полной чуждостью и полной привычностью имеются различные промежуточные случаи. Поскольку, однако, едва ли возможно объективно оценить эту градацию, мы удовлетворимся констатацией данного противопоставления в ярко выраженных, полярных случаях. Существенно прежде всего то, чтобы данное праг-

матическое противопоставление было вообще учтено в лингвистическом анализе (хотя бы и с вынужденно приблизительными оценками), поскольку оно играет очень важную роль при выборе акцентуации слова.

Таким образом, разделение слов на привычные и чуждые индивидуально для каждого носителя языка и, кроме того, меняется в ходе его жизни.

З а м е ч а н и е. Близкую проблему составляет рост числа освоенных слов у ребенка. Поскольку, однако, в этой проблеме есть ряд специфических аспектов, которые нас здесь не интересуют, мы исключаем ее из рассмотрения. Далее имеются в виду только люди, которые уже вполне овладели языком (в частности усвоили всю лексику, требуемую обычными условиями их жизни).

Слова языка можно делить (по крайней мере, теоретически, поскольку практически это чрезвычайно трудная задача) на группы в зависимости от того, для сколь большей части носителей языка они являются привычными. Так называемые общеупотребительные слова привычны почти для всех взрослых носителей языка. Большинство составляют, однако, слова, каждое из которых привычно только для какой-то части носителей языка (иногда весьма незначительной).

Среди этих необщеупотребительных слов можно выделить некоторое количество таких, которые известны почти всем взрослым носителям языка (хотя и не являются для большинства из них привычными). Таким образом, теоретически можно различать следующие концентры слов: 1) общеупотребительные (например *хлеб, глаз, гром*); 2) общеизвестные (из необщеупотребительных сюда входят, например, *болт, тёс, фрак*); 3) весь лексический состав (из необщеизвестных сюда входят, например, *шлик, хорт, гарт*).

Второму концентру (т. е. совокупности общеизвестных слов) приблизительно соответствует словарь Ожегова. Из рассматриваемых односложных слов в него входит около 900¹³. Удовлетворительного приближения к первому концентру в русской лексикографии, по-видимому, нет.

Старые и поздние слова

§ 6. Для рассматриваемой проблемы существенно также различать старые слова (т. е. исконные слова и древние заимствования) и поздние (т. е. заимствования более поздней эпохи и новообразования). Разумеется, хронологическая граница между ними может быть только условной и должна выбираться по-разному в зависимости от цели исследования. Для настоящей работы оказалось целесообразным принять за условный рубеж начало XVII в., т. е. время, когда становится достаточно интенсивным приток заимствований из

¹³ Данные по «Обратному словарю русского языка» (в котором отражено 4-е издание «Словаря русского языка» С. И. Ожегова. М., 1960).

западноевропейских языков (в допетровское время еще преимущественно через польское посредство).

З а м е ч а н и е. Все отглагольные имена (например *виzg, топ, жим, жом, свал*) ведут себя в интересующем нас отношении как старые слова (хотя в действительности некоторую небольшую их часть, по-видимому, составляют новообразования). Условимся поэтому все такие слова относить к числу старых (тем более, что точно установить, какие из них являются новообразованиями, почти невозможно).

Из рассматриваемых 1500 односложных слов бесспорно поздних около 700. У некоторого (сравнительно небольшого) числа слов «возраст» неизвестен.

РАЗДЕЛ II. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

§ 7. Настоящая работа содержит некоторую гипотезу о языковом механизме, приписываемом в современном русском языке определенную акцентуацию односложным словам мужского рода (или, что по существу то же самое, представляет собой модель такого механизма). В настоящем разделе (§7—14) излагаются основные положения этой гипотезы. Разбор материала, подтверждающего эти положения, и совокупность всех правил в полной форме содержатся в дальнейших частях работы.

Факторы, влияющие на акцентуацию (как, впрочем, и на любую другую характеристику) конкретного слова, прежде всего можно разделить на следующие два класса: 1) синхронические закономерности, действующие в настоящее время в языке; 2) фактор исторической преемственности (требующий сохранения той акцентуации, которая была в речи предшествующего поколения). Рассмотрим последовательно эти два класса факторов.

ИЕРАРХИЯ СИНХРОНИЧЕСКИХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ

Как уже указано выше (§ 2), синхронические закономерности могут требовать для слова рассматриваемой группы только одной из трех схем ударения: *a, b, c*. На выбор между этими схемами ударения влияют следующие типы факторов: 1) собственно языковые факторы — морфонологический (число слогов и место ударения в исходной словоформе, характер конечной согласной или вообще конечной части основы, беглость или небеглость гласной в основе), морфологический (наличие определенных суффиксов и др.) и семантический; 2) прагматический фактор — привычность или чуждость слова для данного носителя языка.

Соответствующие конкретные правила образуют довольно сложную иерархию. Ниже указан общий характер этих правил (правила перечисляются в порядке их применения). Только три самых общих и важных правила (условно названных «принципами») приведены непосредственно.

ПРАВИЛА, ОБЩИЕ ДЛЯ ВСЕХ СЛОВ МУЖСКОГО РОДА

Действие собственно языковых факторов

§ 8. Принцип I («исходный акцентно-слоговой принцип»)
У существительных мужского рода:

а) схема ударения *a* возможна при любом месте ударения в исходной словоформе (например *ка́торжник*, *авто́бус*, *парово́з*, *спор*);

б) схема ударения *b* возможна только при конечном ударении в исходной словоформе¹⁴ (например *каранда́ш*, *чугу́н*, *сто́л*);

в) схема ударения *c* возможна только при начальном ударении в исходной словоформе¹⁵ (например *ко́локол*, *ма́стер*, *ба́л*).

Далее действует несколько более частных правил: морфологическое (о беглой гласной в основе), морфологическое (о наличии определенных суффиксов, о сложных словах, об отглагольных именах с приставками, об аббревиатурах), семантическое (о названиях национальностей). Они предписывают определенной части слов схему ударения *a* или *b* (или, по крайней мере, ограничивают выбор схемы ударения).

Действие прагматического фактора

§ 9. Дальнейшие правила относятся только к словам, акцентуация которых еще не определена однозначно правилами § 8.

Принцип II. Противопоставление чуждого и привычного внешне выражается противопоставлением тривиального и нетривиального склонений:

а) чуждому соответствует тривиальное склонение;

б) привычному соответствует нетривиальное склонение¹⁶.

Поскольку противопоставление чуждого и привычного индивидуально, его эффект также индивидуален. Так, для многих слов возникает противопоставление: нетривиальное склонение в речи профессионалов (например *шпри́цы*, *масса́жи*, *трю́ма*, *боцманá*) — тривиальное склонение в речи остальных носителей языка (*шпри́цы*, *масса́жи*, *трю́мы*, *боцмань*).

Основным продуктивным способом реализации принципа II^б является нетривиальное ударение, точнее, две его схемы: *b* и *c*¹⁷. Об-

¹⁴ У двусложных слов (не на *-ок*, *-ец*) с беглой гласной также при начальном ударении (например *ýгорь*).

¹⁵ У трехсложных слов на *-ор*, *-ер*, *-ель* также при срединном ударении (например *профе́ссор*).

¹⁶ В дальнейшем первая часть этого утверждения может быть также названа «принципом II^а», вторая — «принципом II^б»; аналогично и с принципом III, приводимым ниже.

¹⁷ Дело в том, что почти все слова с беглой гласной, а также слова на *-анин*, *-янин* получают однозначную акцентуацию уже в силу § 8; мн. число на *-ья* непродуктивно (равно как схемы ударения *d*, *e*, *f*); мн. число на *-á*, *-я́* хотя и продуктивно, но выступает только в сочетании с нетривиальным ударением (схемой *c*); как факультативный сопутствующий эффект схемы *c* обычно выступает и II₂ на *-ý*, *-ю*.

щей особенностью, отличающей их от тривиального ударения, является флексивное ударение во множественном числе: *сто́лы, шпри́цы, каранда́ш, ба́ль, трюма́, боу́манá* и т. д. Таким образом, у существительных мужского рода именно эта акцентуационная особенность оказывается основным и наиболее универсальным способом выражения привычности слова.

Что касается ударения в ед. числе, то здесь между односложными и неодносложными имеется существенное различие. Из принципа I вытекает, что у неодносложного слова¹⁸ в принципе возможно не более одной нетривиальной акцентуации (из числа продуктивных схем ударения), а именно, схема *b* для конечноударных, схема *c* для начальноударных. Таким образом, если неодносложное слово получает (в языке в целом или в индивидуальной речи) нетривиальную акцентуацию, то его ударение в ед. числе однозначно предопределено: Р. ед. *каранда́шá, чу́гуна́, масса́жá* (если у данного говорящего это слово перешло в нетривиальное склонение), но *кóлокола, ма́стера, бо́умана*.

Иначе у односложных слов: здесь в принципе возможны две различные нетривиальные акцентуации (схемы *b* и *c*), поскольку такое слово является одновременно конечноударным и начальноударным. Таким образом, если односложное слово получает (в языке в целом или в индивидуальной речи) нетривиальную акцентуацию, то его ударение в ед. числе самим этим фактом еще однозначно не предопределено: ср., например, *болта́*, но *ба́ла* (при одинаковом *болта́*, *ба́ль*). Односложные слова нетривиального склонения имеют, таким образом, как бы одну лишнюю «степень свободы» по сравнению с неодносложными: свободу выбора наоснóвного или флексивного ударения в ед. числе. Этот выбор совершается по правилам, излагаемым ниже.

ПРАВИЛА, СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ДЛЯ ОДНОСЛОЖНЫХ СЛОВ

§ 10. Приводимые правила относятся только к тому, что еще не определилось однозначно в § 8—9, а именно, к ударению ед. числа подавляющего большинства односложных слов нетривиального склонения¹⁹ (а также неопределенных *singularia tantum*).

Принцип III. Ударение в ед. числе у таких односложных слов зависит от значения слова. Опуская частности, основной принцип этой зависимости можно выразить так:

а) названия предметов, не поддающихся счету («неисчисляемых»), имеют в ед. числе наоснóвное ударение; ср. Р. ед. *ча́я, лю́да, бе́га, гне́ва*;

б) названия предметов, поддающихся счету («исчисляемых»), имеют в ед. числе флексивное ударение; ср. Р. ед. *ножа́, кита́, попа́*.

¹⁸ Кроме двусложных начальноударных слов с беглой гласной (типа *ка́шель, ве́тер, угóрь*).

¹⁹ Для небольшой части односложных слов нетривиального склонения (например *день, ткач*) схема ударения уже установлена правилами § 8.

Слова второй группы предполагают как качественную, так и количественную определенность соответствующих предметов (так, несколько ножей — это уже «ножи», а не «нож»; часть ножа не есть «нож»), слова первой группы — только качественную определенность (так, часть чая или большее количество чая есть тоже «чай»²⁰). Соответственно у слов второй группы мн. число употребляется совершенно свободно и не требует каких-либо изменений основного значения слова (*ножи́, килы́, попы́*), тогда как у слов первой группы мн. число, если оно вообще употребляется, требует того или иного сдвига основного значения слова в сторону конкретизации (как, например, при обозначении сортов вещества, отдельных актов какой-либо деятельности, проявлений некоторого состояния и т. п.).

У слов второй группы со словами *много́, ма́ло* сочетается только словоформа Р. мн.: *много́ (ма́ло) ноже́й* (невозможно **много́ ножа́*, если не пытаться «переосмыслить» нож, например, как материал). У слов первой группы со словами *много́, ма́ло* может сочетаться и Р. ед.: *много́ (ма́ло) ча́я*. Это свойство можно использовать для проверки слова на «исчисляемость» (к сожалению, неформальной и потому не всегда однозначной).

Следует подчеркнуть, что принадлежность слова к первой или второй группе не полностью определяется характером соответствующего предмета. Во многих случаях один и тот же по существу предмет действительности может быть назван словом первой или второй группы; ср., например, *люд* и *люди*. Часты также межъязыковые различия подобного рода; так, русское слово *фасо́ль* относится к неисчисляемым, а его французский эквивалент *haricot* — к исчисляемым (например, *haricots cuits* = *варёная фасо́ль*); русское слово *боб* относится к исчисляемым, а белорусское *боб* — к неисчисляемым (например, белор. *градá бóбу* = *грядка бобов*). Поэтому, строго говоря, термины «исчисляемый» и «неисчисляемый» следует применять не к предметам, а к словам (или отдельным значениям слова).

З а м е ч а н и е. Поскольку слова тривиального склонения независимо от их значения имеют наосновное ударение, принцип IIIа фактически действителен для всех односложных слов (кроме имеющих схему *b* по правилам § 8, типа *день, ткач*). По той же причине принцип IIIб, напротив, действителен только для односложных слов нетривиального склонения (что касается *singularia tantum*, то понятно, что все они относятся к неисчисляемым и поэтому к принципу IIIб отношения не имеют²¹).

§ 11. Трудность составляют слова (довольно многочисленные), у которых имеются как исчисляемое, так и неисчисляемое значения. Акцентуация таких слов, как правило, едина при всех значениях, а именно она определяется основным значением слова. В связи с этим для некоторых групп многозначных слов возникают свои частные правила, касающиеся ударения (равносильные правилам о том,

²⁰ Ср.: Зализняк А. А. Указ. соч., с. 58.

²¹ Немногочисленные *singularia tantum* схемы *b* (см. § 2, сноска 7) представляют собой не что иное, как исключения из принципа IIIа.

какое из нескольких значений слова считать основным). Важнейшие из них — правила о наосновном ударении в ед. числе у названий абстрактных понятий²², пространств, помещений, больших вместилищ. Подобные частные правила обычно не противоречат принципу III (а лишь указывают, к какому из значений многозначного слова он должен быть применен), но в отдельных случаях они все же могут вступать с ним в конфликт (что обычно приводит к непоследовательной или неустойчивой акцентуации, см. § 24).

Таким образом, с практической точки зрения для акцентуации оказывается существенной семантическая классификация, несколько более детальная, чем исходное «грубое» разделение на исчисляемые и неисчисляемые. Эта классификация такова.

1. Семантические группы, которые можно условно обозначить как «сильно склонные к *c*»: названия нерасчлененных однородных масс (а также деревьев), абстрактных понятий, пространств, поверхностей, направлений.

2. Семантические группы, «умеренно склонные к *c*» (т. е. такие, где тенденция к наосновному ударению в ед. числе выражена несколько слабее): названия коллективов, оград, четко ограниченных территорий, помещений, больших вместилищ; сюда же попадают термины родства.

3. Семантические группы, «сильно склонные к *b*»: названия исчисляемых материальных предметов (кроме входящих в группу 2) и животных, а также названия лиц по занятию и оценочные.

4. Семантические группы, «умеренно склонные к *b*»: названия гор, груд, отверстий, фигур, начертательных знаков, монет.

5. «Семантически нейтральные» — несколько маленьких групп старых слов, которые в силу своей большой употребительности устойчиво сохраняют древнее ударение и тем самым оказываются как бы вне сферы действия принципа III (таковы названия частей тела, названия лиц, не входящие в группы 2 и 3, и несколько других слов).

Группы 1 и 2 могут быть вместе названы «склонными к *c*», группы 3 и 4 — «склонными к *b*».

З а м е ч а н и е. Наше изложение построено здесь дедуктивно — от общего принципа III к тому, как он реализуется в частных семантических группах. Разумеется, с точки зрения исследователя картина предстает в обратном порядке: непосредственно наблюдаемый факт состоит лишь в том, что в одних семантических группах существительных имеется тенденция к схеме *c*, в других — к схеме *b* (точнее, что они делятся в этом отношении на указанные выше 5 классов). Принцип III — это гипотеза относительно того, что является основным семантическим «стержнем» данного разделения.

Итак, в русском языке та лишняя «степень свободы» (в акцентуационном отношении), которой обладают односложные существительные мужского рода по сравнению с неодносложными, оказалась

²² Здесь и далее мы используем этот довольно расплывчатый термин как обобщенное обозначение для названий действий, событий, состояний, свойств, оснований классификации, единиц измерения, частей целого.

использованной для выражения некоторого семантического противопоставления (а именно противопоставления по исчисляемости — неисчисляемости). У односложных существительных нет возможности свободного противопоставления схем *b* и *c* при одинаковой морфонологической структуре²³. Соответственно семантическое противопоставление здесь не могло развиваться; ср., например, одинаковость ударения в паре *ма́стер* и *кле́вер* (Р. ед. *ма́стера*, *кле́вера*, И. мн. *масте́ра*; *клевере́*) или в паре *коше́ль* и *кисе́ль* (Р. ед. *кошеля́*, *киселя́*) и т. п.

§ 12. Помимо семантического фактора, на ударение некоторой части односложных слов оказывают влияние также морфологические и морфонологические факторы.

Морфологическое правило состоит в том, что бессуффиксальные отглагольные имена мужского рода почти всегда имеют наосновное ударение в ед. числе.

Морфонологическое правило состоит в том, что односложные слова мужского рода, оканчивающиеся на *щ* и на сочетание «согласная (не взрывная) + *т*», обнаруживают склонность к схеме ударения *b*.

Оба эти фактора играют, однако, лишь второстепенную роль: во-первых, каждый из них затрагивает лишь меньшинство односложных слов мужского рода; во-вторых, приведенные правила реализуются, за очень немногими исключениями, только там, где это не приводит к прямому конфликту с принципом III, т. е. в сфере слов, «склонных к *b*» и «семантически нейтральных».

СИНХРОНИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ФАКТОР ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

§ 13. Для каждого односложного слова²⁴, для которого заданы внешний вид, морфологическая структура и значение, а также степень привычности для рассматриваемого носителя языка, описанные выше синхронические правила требуют вполне определенной схемы ударения (в речи данного человека). У слова, свободного от фактора исторической преемственности, это требование реализуется беспрепятственно. Например, жаргонное слово *хип*, возникшее всего несколько лет назад (как результат морфологической русификации слова *xínni*, заимствованного тоже очень недавно), сразу же получило в речи тех, кто его часто употребляет, схему ударения *b* (требуемую правилами): *хипа́*, *хипы́*.

У старого слова акцентуация, ожидаемая на основе синхронических закономерностей, может совпадать или не совпадать с традиционной. Для русского языка сама возможность такого несовпадения

²³ Исключения составляют только двусложные начальнударные существительные с беглой гласной (типа *каше́ль*, *ве́тер*, *у́горь*); у них такая возможность есть и соответственно обнаруживается тенденция к тому же семантическому противопоставлению, что у односложных (см. § 43).

²⁴ Если не считать небольшой группы «семантически нейтральных».

обусловлена тем, что ныне действующие синхронические закономерности сформировались, с исторической точки зрения, относительно поздно: во всяком случае в древнерусском языке они еще отсутствуют (или, по крайней мере, находятся лишь в зачаточном состоянии).

Если акцентуация, ожидаемая на основе синхронических закономерностей, совпадает с традиционной, разумеется, никаких изменений не происходит. Если же такого совпадения нет, возникает конфликт, результаты которого (в некоторый момент истории языка) могут быть различными: сохранение старого ударения, колебания ударения (компромиссный вариант) или победа нового ударения.

С диахронической точки зрения, у многих слов эти три результата составляют три разные фазы акцентуационной эволюции слова (сменяющие друг друга именно в указанной здесь последовательности). Таким образом, с течением времени число слов, сменивших старое ударение на новое, постепенно возрастает. Наиболее употребительные слова, как правило, наиболее устойчиво сохраняют старое ударение (как и любые другие архаичные черты); ср. выше об акцентуации названий частей тела.

Сравнение современной акцентуации односложных слов мужского рода с их прежней акцентуацией (в тех рамках, в которых это допускает современное состояние наших знаний о прежней акцентуации русских слов) дает чрезвычайно показательные результаты, а именно: 1) почти все исключения из нынешних синхронических правил акцентуации — это старые слова, сохранившие свое древнее ударение; поздние слова подчиняются этим правилам почти без исключений (поскольку в этом случае нет традиционной акцентуации, которая могла бы оказывать этим правилам сопротивление); 2) почти во всех надежно установленных случаях индивидуальной смены ударения при переходе от древнерусского состояния к современному изменение направлено от ударения, противоречащего нынешним синхроническим правилам, к тому, которое ему соответствует.

Для иллюстрации этих положений приведем здесь некоторую часть материала, относящегося к вопросу об ударении ед. числа.

Наиболее показательные исключения из нынешних синхронических правил об ударении ед. числа — это слова, которые противоречат одновременно семантическим и морфонологическим правилам. Таковы: а) слова, «сильно склонные к *s*», причем не оканчивающиеся на *щ* или на согласную + *t*, которые тем не менее имеют устойчивое флексийное ударение (таковы только *скот*, *вред*, *грех*, *стыд*, *суд*, *труд*, *ум*, *путь*); б) слова, «сильно склонные к *b*», которые тем не менее имеют устойчивое наосновное ударение в ед. числе (таковы только *плуг*, *стул*, *зверь*); ср. § 42, комментарии к таблице 1. Проверка показывает, что, во-первых, все эти 11 слов — старые, во-вторых, все они имели в прошлом (а именно в древнерусском или, по крайней мере, в так называемом «старорусском», т. е. в XVI — XVII вв.) такое же ударение ед. числа, как и теперь. Например, слово *скот* относилось к акцентной парадигме *b*, *плуг* — *a*, *зверь* — *c*.

Таким образом, мы просто имеем здесь дело со словами, которые в силу своей большой употребительности пока еще сохраняют свое старое ударение в борьбе с новыми принципами акцентуации.

Укажем теперь важнейшие случаи индивидуальной смены акцентуации в ходе истории. Значительная группа старых слов, «склонных к *с*» и имеющих теперь, в полном соответствии с нынешними семантическими правилами об акцентуации, наосновное ударение в ед. числе (при нетривиальном склонении), в прошлом имела в ед. числе флексивное или, по крайней мере, колеблющееся ударение. Так, флексивное ударение было единственным или основным, в частности, для слов *блуд*²⁵, *бой*, *верх*, *зад*, *пай*, *рай*, *Рим*, *рой*, *сад*, *таз*, *торг*, *харч*, *хлев*, *час*. Флексивное ударение в ед. числе (наряду с более частым наосновным) встречалось также у слов *гон*, *гроб*, *гром*, *край*, *пол* «половина», *пол* «настил», *смех*, *стог*, *страх*, *ход*. На основании косвенных данных к числу слов, когда-то имевших хотя бы факультативное флексивное ударение, по-видимому, можно отнести также *воск*, *дёрн*, *корм*, *кров*, *лов*, *под*, *слой*, *тёрн*, *хмель*.

С другой стороны, группа старых слов, «склонных к *б*» и имеющих теперь, в соответствии с нынешними правилами, флексивное ударение в ед. числе, в прошлом имела наосновное ударение в ед. числе. Сюда относятся слова *аз*, *гвоздь*, *жук*, *кит*, *куст*, *лист*, *прут*, *сук*, *цеп*, *чёлн*, *червь*, *шар* (бильярдный), *шут*, вероятно, также *линь*, *лунь*, *хорь*, *имель*, *язв*. У слов *груздь*, *кий*, *клок*, *крюк*, *пук* переход от наосновного ударения ед. числа к флексивному не совсем закончился и сейчас, а у слов *вор*, *волк*, *гусь*, *лось* он происходит на наших глазах.

Между тем противоположно направленных переходов среди старых слов нетривиального склонения, «сильно склонных» к *б* или *с* (т. е. прямо подпадающих под действие принципа III), нет совсем; и даже среди «умеренно склонных» к *б* или *с* имеется всего один такой пример: *скит*, *скита́* (хотя изредка также и *скита*) при древней акцентной парадигме *а*.

Приведем также наиболее показательные примеры из числа поздних слов, успевших перейти (хотя бы в разговорной или профессиональной речи) в нетривиальное склонение. В соответствии с нынешними семантическими правилами об акцентуации, слова, «склонные к *б*», получили здесь флексивное ударение в ед. числе; примеры: *бант*, *болт*, *буж*, *бунт* «связка, кипа», *винт*, *герб*, *грош*, *зонт*, *ксьндз*, *линь* «веревка», *паж*, *туз*, *шарф*, *шнур*, *шпур*, *штрих*, *штык*, *штырь*. Напротив, слова, «склонные к *с*», сохраняют наосновное ударение ед. числа даже после того, как их мн. число получило (в силу принципа II) флексивное ударение; примеры: *бал*, *бас*, *бунт* «мятеж», *спирт*, *сорт*, *сун*, *тон*, *торф*, *трюм*, *флот*, *флюс*, *фронт*, *хор*, *цех*, *шкаф*, *штаб*, *штурм*, *штраф*. Более полные списки слов см. в § 30—40.

²⁵ У этого слова в XVI—XVII веках представлено последовательное флексивное ударение, однако в Чудовском Новом Завете (XIV век) — подвижное ударение. Характер соотношения между этими двумя акцентуациями не совсем ясен.

Современная картина акцентуации односложных существительных мужского рода представляет собой, таким образом, результат взаимного наложения двух разных систем: старой — древнерусской, восходящей, в свою очередь, к общеславянской (где акцентные парадигмы были определенным образом соотнесены с интонационной системой), и новой — характеризующейся синхроническими закономерностями, описанными выше. Каждая из них внутренне последовательна; но результат их наложения, разумеется, не может быть последовательным: он содержит ряд исключений как с точки зрения первой, так и с точки зрения второй системы.

§ 14. Из сформулированных выше трех основных принципов, определяющих акцентуацию русских существительных мужского рода, принцип I общеизвестен.

Принцип II представляет собой попытку обобщения ряда частных синхронических и диахронических фактов (в большинстве случаев достаточно известных), относящихся к склонению и акцентуации русских существительных. Заметим, что сама идея связи между акцентуацией некоторых групп слов и их стилистической окраской, степенью «профессиональности» и другими подобными факторами уже высказывалась в той или иной форме в различных работах²⁶. Принцип II можно рассматривать как результат развития и конкретизации этой идеи и ее последовательного применения к более широкой совокупности слов.

Принцип III, несмотря на его важность, в литературе по русской акцентологии остался почти незамеченным. О нем нет никакого упоминания ни в книге Р. Нахтигала²⁷, ни в монографиях последнего времени²⁸. Весьма показателен в этом отношении основной тезис

²⁶ В частности, В. Кипарский связывает переход слов *бес, дух, клад, стан, тать* и ряда других к неподвижному ударению на основе с тем, что они «употребляются теперь сравнительно редко и только в современном «высоком штиле»» (Кипарский В. О колебаниях ударения в русском литературном языке, I, с. 109). С другой стороны, переход к флексийному и подвижному ударению «соответствует в огромном большинстве случаев понижению стилистического достоинства слова, и поэтому следует предполагать, что он происходил сперва в т. н. «просторечии»» (там же, с. 110); ср. также цитаты из Н. С. Трубецкого и из В. Кипарского, приведенные в § 21. В синхроническом аспекте из явлений рассматриваемого типа наиболее полно изучено распространение подвижного ударения (схема с) с И. мн. на *-á* (Beaulieux L. L'extension du pluriel masculin en *-á, -я* en russe moderne. «Mémoires de la Société de linguistique de Paris», 1913, vol. 18, № 3; Фидровская А. С. Имена существительные с формами на *-á* в именительном падеже множественного числа. Казань, 1961; Иванова Т. А. Именительный множественного на *-á* (*родá, тенорá, госпиталá*) в современном русском языке.— В кн.: Развитие русского языка после Великой Октябрьской социалистической революции. Л., 1967; Зализняк А. А. Указ. соч., с. 225—226.

²⁷ Nachtigall R. Akzentbewegung in russischen Formen- und Wortbildung, I. Substantiva auf Konsonanten. Heidelberg, 1922.

²⁸ Кипарский В. О колебаниях ударения в русском литературном языке, I; Kiparsky V. Der Wortakzent der russischen Schriftsprache;

В. Кипарского, который в терминах, принятых в настоящей работе, можно сформулировать как тенденцию к следующей смене схем ударения в ходе истории: $a \rightarrow e \rightarrow c \rightarrow b \rightarrow f$ ²⁹. Схема *b* стоит здесь на один шаг дальше в цепи изменений, чем схема *c*; в действительности же схемы *b* и *c* представляют собой конечные этапы развития соответственно для исчисляемых и неисчисляемых.

Вообще, если не считать общепризнанного тезиса о тенденции русских существительных к акцентному противопоставлению чисел (*вино* — *вина*, *место* — *места*, *игра* — *игры*, *мастер* — *мастера* и т. п.), сам факт наличия какой бы то ни было регулярной связи между акцентуацией и семантикой признается лишь в очень немногих работах по акцентологии. Так, важное (хотя и беглое) замечание на эту тему есть у А. А. Шахматова: «Отмечу еще, что все слова мужского рода с отвлеченным значением не имеют вообще ударения на окончаниях: *верх*, *забор*, *отпор* и т. п., напротив, все слова с ударением на окончаниях имеют конкретное значение: *табак*, *столб*, *поп*, *конец* (кроме слов на *-ёж*)»³⁰. Идею связи между акцентуацией словоформ и их грамматическим значением последовательно проводит в своих работах Т. Г. Хазагеров. В своем диахроническом анализе русской именной акцентуации он отмечает ряд фактов, являющихся, с на-

Шелюто Г. А. Русское ударение. Ужгород, 1962; Редькин В. А. Акцентология современного русского литературного языка. М., 1971; Колесов В. В. История русского ударения. Именная акцентуация в древнерусском языке. Л. 1972; Olechnowicz M. Teoretyczne zasady dystrybucji rosyjskiego akcentu wygazowego. Łódź, 1974. Заметим, что ссылки на семантику в связи с акцентуацией отдельных слов встречаются в различных работах довольно часто; они не соотносятся, однако, с принципом III, а иногда и прямо ему противоречат. Например, С. П. Обнорский приводит следующий пример семантической дифференциации ударения (см.: Обнорский С. П. Именное склонение в современном русском языке. Вып. I. Единственное число. Л., 1927, с. 247): Р. ед. *дуба* в обычном, единичном значении, но *дуба́* (диалектное) в собирательном значении. (В действительности, если этот пример вообще надежен, мы имеем здесь дело с диалектной системой, резко отличной от литературного языка). Особо следует отметить гипотезу Р. Нахтигала (Op. cit., S. 256) о древнем противопоставлении *nomina acti* типа *плот*, *стол* (окситонированных) и *nomina agentis* типа *вор*, *мот*, *трус* (с подвижным ударением). Даже если эта гипотеза верна (что в настоящее время, конечно, никак нельзя считать доказанным), это противопоставление может быть хронологически отнесено только к праславянскому периоду; сам Р. Нахтигаль говорит о том, что впоследствии оно перестало быть живым и затемнилось.

²⁹ Kiparsky V. Der Wortakzent der russischen Schriftsprache, S. 92.

³⁰ Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка, 4-е изд. М., 1941, с. 129. Впрочем, существо дела отражено здесь несколько неточно: во-первых, как видно по примеру *таба́к*, неисчисляемые названия веществ отнесены в один класс со словами типа *столб*, *поп*, во-вторых, все утверждение необходимо ограничить лишь односложными существительными, иначе оно слишком сильно расходится с фактами, ср., например, *кава́рдáк*, *кура́ж*, *шанга́ж* и т. п. (схема *b*), не говоря уже о суффиксальных существительных типа *смеи́шк*, *столбня́к*, *багрё́ц* (ср. также неодносложные названия веществ и материалов типа *кума́ч*, *минда́ль*, *мышья́к*, *пога́ш*, *ячме́нь* и т. п.).

шей точки зрения, частным проявлением принципа III, но дает им несколько иную интерпретацию³¹. Отметим, кроме того, одну работу, посвященную не русскому, а белорусскому языку (который в рассматриваемом отношении в главных чертах сходен с русским), а именно статью Н. П. Лобана³²; в этой статье в разделе о словах мужского рода мы находим прямую констатацию синхронической связи между акцентуацией слова и семантическим противопоставлением «конкретные единичные предметы — вещества, собирательные и абстрактные понятия».

К сожалению, в настоящей статье мы не имеем возможности представить весь тот материал, на котором основаны утверждения, изложенные в § 8—13. Поэтому ниже подробно разобран только материал, относящийся к действию принципа III, причем лишь в синхроническом аспекте, т. е. в рамках современного русского языка. Из материала, относящегося к действию принципов II и I, приведены только примеры. Диахронический аспект проблемы не разбирается вообще.

РАЗДЕЛ III. АНАЛИЗ МАТЕРИАЛА

Особые группы односложных слов мужского рода

§ 15. Для того чтобы правильно оценить действие принципов II и III, которые интересуют нас более всего, необходимо вначале отделить те группы односложных слов, акцентуация которых опреде-

³¹ По Т. Г. Хазагерову, слова, перешедшие в ходе истории к насобному ударению в ед. числе, — это в основном обозначения отвлеченных понятий (названы только *блуд, час, рай, верх* — см.: Хазагеров Т. Г. Развитие типов ударения в системе русского именного склонения. М., 1973, с. 87); с другой стороны, среди слов, получивших флексивное ударение, «подавляющее большинство... составляют *nomina agentis*, а также названия срудий или инструментов (орудие может легко рассматриваться как «одушевленный исполнитель действия»...). Для таких имен, по-видимому, актуально противопоставление словоформы именительного падежа словоформе винительного и словоформам косвенных падежей (как средство противопоставления субъекта — несубъекту)» (там же, с. 86; ср. также: Хазагеров Т. Г. Ударение как средство дифференциации грамматических форм. — «Вопросы языкознания», 1973, № 4, с. 104). Это объяснение содержит, с нашей точки зрения, существенные натяжки. Прежде всего то, что Т. Г. Хазагеров называет *nomina agentis*, как видно из его же списков, фактически на $\frac{2}{3}$ состоит из названий животных, т. е. правильнее здесь говорить просто об одушевленных. Но, как известно, в русском языке важнейшим и очень «чувствительным» выразителем одушевленности является форма винительного падежа. Если бы названия орудий в самом деле семантически примкнули в русском языке к одушевленным, это прежде всего выразилось бы у них в совпадении винительного падежа с родительным (**взял кнутá* и т. п.), чего в действительности нет. Кроме того, уж никак нельзя подвести под рубрику орудий и инструментов, например, такие слова, перешедшие в ходе истории в схему *b*, как *аз, банг, герб, грош, куст, лист, сук, тюк*. В то же время эти слова очевидным образом объединяются с названиями лиц, животных, орудий и инструментов по признаку исчисляемости.

³² См.: Лобан Н. П. Націск у назоўніках з невытворнай асновай у сучаснай беларускай літаратурнай мове. — «Працы Інстытута мовазнаўства», вып. IV. Мінск, 1957.

ляется другими факторами, действующими в иерархии факторов прежде принципов II и III. Таковы односложные существительные, подпадающие под правила, общие для всех существительных мужского рода (кроме принципа II).

Ниже излагаются сами эти правила. Поскольку они касаются не только односложных слов, мы коротко рассматриваем здесь и неодносложные слова (чтобы не исказить общую картину). Эффект этих правил именно для односложных слов описан в § 19.

Набор принципиально возможных для данного слова продуктивных схем ударения определяется принципом I (§ 8). Кроме того, имеется ряд более частных правил, которые для определенных групп слов предписывают какую-то одну из схем ударения, входящих в этот набор. Эти правила применяются в указанном ниже порядке.

Правила для слов с беглой гласной

§ 16. Из слов с беглой гласной:

1) слова с конечным ударением³³ относятся к схеме *b*, например *молото́к, ковёр, сон* (исключения: *заём, наём* — схема *a*);

2) слова с безударными суффиксами *-ок, -ец* (а также любые слова со срединным ударением) относятся к схеме *a*, например *ку́бок, подáрок, го́рец, моле́бен*.

Замечание. Таким образом, из слов с беглой гласной не покрываются данным правилом только начальнударные слова без суффиксов *-ок, -ец*, например *вѐтер, угóрь, сте́бель, грѐбень, про́мысел*. У них выбор схемы ударения не предопределен однозначно ударением в исходной словоформе.

Правила для прочих слов

Морфологические правила

§ 17. Правила о словах, содержащих суффиксы³⁴:

1) слова с конечным ударением, содержащие суффиксы: *-йк, -овйк, -ник, -щик, (-чик), -ак, -няк, -чак, -ук, -чук, -уг, -ух, -йх; -йч, -йш, -йш, -бж, -ёц; -ён, -арь, -йрь, -аль*, — относятся к схеме *b*, например *старй́к, рыба́к, горга́ш, чтец, лгун, бунта́рь* (исключения: *поля́к, прусса́к, австрия́к, краковя́к, сайга́к, юна́к, господáрь* — схема *a*; о первых трех из них см. также ниже, § 18);

2) слова с конечным ударением, содержащие суффиксы: *-ист, -ант, (-ент), -ор, -ёр, -ионер, -ат, -йт, -йн* (в названиях веществ), *-ол, -ад, -изм, -игёт, -ал, -оз; -йн* (в названиях национальностей),

³³ Здесь и далее в подобных случаях имеется в виду: в исходной словоформе.

³⁴ В списках суффиксов орфографическое варьирование, соответствующее твердости-мягкости предсуффиксальной согласной, не отмечается.

-áй, -гáй, -éй — относятся к схеме *a*, например *тури́ст, лимона́д, грузи́н, лентя́й*;

3) слова с неконечным ударением, содержащие любые суффиксы, кроме *-арь, -ор, -ер*, относятся к схеме *a*, например *дóмик, му́читель, рíмлянин* (исключение: *учи́тель* — схема *c*).

Замечание. Как известно, в русском языке сходно с суффиксами могут влиять на акцентуацию и так называемые финали, т. е. лишённые самостоятельного значения конечные отрезки основы, внешне совпадающие (или хотя бы сходные) с суффиксами, ср., например, принадлежность к схеме *b* таких слов, как *парíк, башма́к, мунди́тук, утёг, лопу́х, кума́ч, каранда́ш, галу́н, янта́рь, имба́рь, хруста́ль*. Но все же влияние финали на акцентуацию далеко не так безусловно, как влияние настоящего суффикса; ср., например, такие слова, как *сердо́лик, ара́к, бамбу́к, патронга́ш, кану́н, госуда́рь, фестива́ль*, которые относятся (по крайней мере, по литературной норме) к схеме *a*. Таким образом, приведенные здесь правила обязательны только для слов с настоящим суффиксом; наличие сходной финали создает лишь благоприятные условия для появления соответствующей схемы ударения, но окончательный выбор схемы ударения происходит в соответствии с § 9.

Правило о бессуффиксальных отглагольных существительных, содержащих приставку: все такие существительные, имеющие конечное ударение (следовательно, в частности, все односложные), относятся к схеме *a*, например *перенóс, прихóд, сдви́г, взгля́д* (исключения: в литературном языке *поста́в, сбóй, скла́д «слог», в просторечии также скла́д «помещение» и взво́д «воинское подразделение» относятся к схеме *c**).

Замечание. По мере утраты морфологической разложимости слово выходит из сферы действия данного синхронического правила. В частности, ему уже не подлежат слова *смотр, срок счё́т, слог, спор, сонм, причт* (с исторической точки зрения, содержащие приставки *с-, при-*, но синхронически уже неразложимые).

Правило об аббревиатурах: аббревиатуры всех типов (кроме сохраняющих полностью последнее слово) относятся к схеме *a*, например *вуз, загс, МХАТ, зам, псих, колхо́з, партбо́рг, филфа́к, прора́б*.

Не подчиняются этому правилу аббревиатуры, омонимичные уже существующим словам с нетривиальным ударением (например *куб «кубометр»* — в просторечии схема *c* или *b*, простореч. *винт* «винтовка» — схема *b*). Близкий случай составляет также слово *спе́ц* (схема *b*, устаревш. *a*), в котором финаль *-ец* почти достигла статуса суффикса (поскольку это слово однотипно со словами *чтец, лжец* и т. д. не только морфонологически, но и семантически). В просторечии встречаются и некоторые другие случаи, когда аббревиатурный характер слова оказывается «забытым» и оно подчиняется общим закономерностям (например слова *политру́к, военру́к, физру́к* и т. п. в просторечии переходят в схему *b* под влиянием финали *-ук*).

Замечание. Имеется еще одно существенное морфологическое правило, которое, однако, реально применимо только к неодносложным словам, — это правило о принадлежности к схеме *a* большинства типов сложных слов

(например *землекóп, вертолёт, толстосúм, гололёд, носорóб, лисохвóст, златокрóт, красноклóп*), а также некоторых слов особой структуры (*растрóб, распóп*). В настоящей работе нет необходимости вникать в детали этого довольно сложного правила.

Семантическое правило

§ 18. Названия людей по национальной или географической принадлежности (не содержащие суффиксов, требующих схемы *b*) относятся к схеме *a*, например *казáх, киргíз, монгóл, цыгáн, серб, чех, швед*. Заметим, что этому правилу не противоречат и такие суффиксальные слова, как *армянíн, татарíн, литóвец* и т. п. (которые получили схему *a* уже в силу § 17).

Вопреки влиянию суффикса, данному правилу подчинились также *поляк, пруссáк, австрийáк* (схема *a*); ср. обычный эффект суффикса, например, в *сибиря́к, пермя́к, москвóич, латы́ш* (схема *b*).

Слова с финалью, благоприятствующей схеме *b* (см. § 17, замечание), в принципе подчиняются данному правилу, например *словáк, каракалпáк, коря́к, таджíк, кумьáк, сельджóк, талы́ш* (схема *a*). Имеются, однако, исключения и колебания: *ингúш* (схема *b*); *гиля́к, остя́к, вога́к, кипча́к* (у этой группы слов обычно представлена схема *b*, но иногда встречается и *a*); *калмы́к, чувáш, яку́т* (все три с колебанием *a//b*); слово *казáк* колеблется между схемами *b* и *d*: Р. ед. *казака́*, но мн. *казаки́* и *казаки*.

Из односложных не подчиняется данному правилу только слово *жид* (схема *b*); заметим, однако, что это слово несколько оторвалось от данной семантической группы и, по-видимому, оказалось в зоне притяжения оценочных слов (для которых характерна схема *b*, см. § 39).

Приведенное семантическое правило в действительности представляет собой лишь наиболее четкий частный случай более общей (но зато и менее строгой) тенденции к наоснóвному ударению во мн. числе (или, по крайней мере, в И. мн.) у исчисляемых предметов, если это мн. число имеет собирательный оттенок, т. е. выражает нерасчлененную совокупность.

Эта тенденция выступает наиболее наглядно там, где прямо противопоставлены словоформы с разным ударением. Так, собирательное мн. число на *-ья* у неодушевленных всегда имеет наоснóвное ударение, например *ли́стья, су́чья, ко́лья, пры́тья, крю́чья, кло́чья, лоску́тья* (ср. оттенок расчлененности в *листья́, сукия́, колы́, прыты́, крюки́, клоки́, лоскуты́*). Ср. также названия парных (или комплектных) объектов *гла́зки, рожки́, зубки́, сапожки́* и расчлененное мн. число *глазки́, рожки́, зубки́, сапожки́* (с несколько иными лексическими значениями). В некоторых случаях противопоставление оттенков смысла едва заметно, но все же может быть уловлено. Так, *каза́ки* более естественно при обозначении казачества вообще, эскадрона, массы и т. п.; при обозначении, например, двух лиц уместнее *казаки́*. Словоформа *во́ры* естественна, например, во фразах *в квартиру залезли во́ры, кругом все во́ры* и т. п.; ср. *они воры́*, как ответ

на вопрос о роде занятий конкретных преступников-профессионалов; тот же отгенок значения в примере: *В такие ночи, / в такие дни, / в часы такой порбы / на улицах разве что / одни / поэты и воры́* (В. Маяковский. «Хорошо!»).

В силу данной тенденции большинство слов, выступающих преимущественно во мн. числе, имеет во мн. числе наосновное ударение; ср., кроме уже приведенных примеров, *бо́гы, ке́ды, го́льфы, чувя́ки, черевíки, ба́ки, пéйсы, ре́льсы, стрóпы, со́ты* (вместо устаревшего *соты́*) и т. д. Заметим, что в *чувя́ки, черевíки* наосновное ударение выступает вопреки влиянию финали, а в *сапо́жки, гла́зки, ро́жки, зу́бки* — даже вопреки влиянию суффикса. Правда, обязательности здесь все же нет (ср. *у́нты* и *унты́, пíмы* и *пимы́, ла́сты* и разговорное *ласты́, пáнты* и разговорное *панты́*).

Поскольку для существительных мужского рода продуктивны только схемы ударения *a, b* и *c* (но не *d*), наосновное ударение во мн. числе автоматически создает стремление к наосновному ударению также и в ед. числе (чтобы не получилось схемы *d*, для которой среди слов мужского рода нет образца), даже если по другим причинам в ед. числе ожидалось бы флексивное ударение. Тем самым слово попадает в схему *a*. «Нетипичная» схема *d* оказывается возможной лишь в тех особых случаях, когда ед. и мн. число связаны между собой слабее, чем обычно, а именно при морфологическом (у слов с мн. на -ья) или семантическом (*гла́зки, ро́жки* и т. д.) обособлении множественного числа от единственного. Остро конфликтная ситуация возникает для слов *казáк, гиля́к, остя́к, вотя́к, калмы́к* и др., где исход основы благоприятствует флексивному ударению. Результатом является тот разнобой в акцентуации, который описан выше. В литературном языке ближе всего к ожидаемой схеме *d* оказывается слово *казáк* (колебания между *b* и *d*); к такой же акцентуации в действительности стремится и ряд других слов из этого списка.

§ 19. Резюмируем тот эффект, который правила § 16—18 дают в сфере односложных слов.

В силу правила о беглой гласной схему *b* имеют: *лоб, лев* (животное), *ров, шов, лёд, лён, сон, пёс, рот, мох* (в варианте с Р. ед. *мха*), *день, пень*.

В силу правила о суффиксах схему *b* имеют: *швец, лжец, жнец, льстец, чтец* и (с неполной выделительностью суффикса) *жрец*; *рвач, ткач, драч* и (с неполной выделительностью суффикса) *врач, грач; враль; псарь; лгун, врун, журн, вьюн*. Ударение двух слов с неполной выделительностью суффикса колеблется между схемами *b* и *a*: *спец* (см. § 17), *жмых* (см. § 30).

В силу правила о бессуффиксальных отглагольных существительных, содержащих приставку, к схеме *a* относится значительное число односложных слов (с приставками *в-, вз-, с-*), например *вход, вклад, вдох, взрыв, взгляд, всплеск, взнос, сдвиг, срез, спуск, слёт*.

Их список в принципе открыт; в «Обратном словаре русского языка» их около 100.

В силу правила об аббревиатурах к схеме *a* относится большая группа односложных слов, численность которой очень трудно оценить, поскольку слова этой группы легко образуются и часто также легко исчезают; лишь немногие из них попадают в обычные словари (в «Обратном словаре русского языка» их всего около 20). Примеры: *вуз, дот, дзот, загс, жакт* (или *ЖАКТ*), *гост* (или *ГОСТ*), *ЖЭК, ВАК, МХАТ, ЗИС, ЗИМ, ЗИЛ, МАЗ*; *главк, зав, зам, пред, псих*.

В силу семантического правила о названиях национальностей к схеме *a* относятся около 50 (по «Обратному словарю русского языка») слов, например *грек, серб, чех, лях, швед, перс, мавр, скиф*.

Все указанные здесь особые группы односложных слов (около 200 слов по «Обратному словарю русского языка») из дальнейшего рассмотрения исключаются. Последующие правила относятся только к основному массиву», т. е. к совокупности всех остальных односложных слов мужского рода.

Основной массив односложных слов мужского рода

§ 20. Вопрос об акцентуации основного массива односложных слов мужского рода целесообразно рассматривать в следующем порядке: а) противопоставление тривиального и нетривиального склонений; б) противопоставление наоснбвного и флексионного ударения в ед. числе у слов нетривиального склонения.

Поскольку наиболее характерным признаком нетривиального склонения является флексионное или подвижное ударение во мн. числе, первый из этих двух пунктов в основном сводится к вопросу об акцентуации мн. числа. Второй из них, напротив, касается только ед. числа. Соответственно с практической точки зрения удобно разделить рассматриваемую проблему на: а) вопрос об ударении во мн. числе; б) вопрос об ударении в ед. числе.

ВОПРОС ОБ УДАРЕНИИ ВО МНОЖЕСТВЕННОМ ЧИСЛЕ

§ 21. Распределение слов мужского рода (не подпадающих под § 16—18) между тривиальным и нетривиальным склонениями (в индивидуальной речи и опосредствованно в языке в целом) определяется двумя факторами, которые в значительной части случаев противодействуют друг другу: а) принципом II (§ 9), согласно которому привычные для данного индивида слова стремятся в его речи к нетривиальному склонению, а чуждые — к тривиальному; б) общей консервативной тенденцией литературного языка, требующей сохранения той акцентуации (тривиальной или нетривиальной), которая уже принята в качестве нормы.

Какой из этих двух факторов победит (в индивидуальной речи) в случае конфликта, определяется в каждом конкретном случае рядом внеязыковых факторов, прежде всего характером ситуации, в ко-

торой происходит общение, степенью знакомства говорящего с литературным языком и наличием или отсутствием у него субъективной установки на «правильность» речи. Понятно, что основная сфера, где, как правило, побеждает принцип II, — это разговорная и в особенности профессиональная речь, поскольку для нее характерна минимальная установка на «правильность». Более того, в арготической, демонстративно профессиональной и т. п. речи возможно даже «отталкивание» от литературной нормы, подчеркивающее принадлежность говорящего к определенному кругу, который обладает для него престижем. Сходный по существу эффект иногда используют поэты: например, нетривиальное ударение *маёв* (Р. мн. от *май*) у В. Маяковского («Хорошо!») как бы подчеркивает фамильярность, интимность отношений между поэтом и словом.

Вот как описывает один из эффектов такого рода Н. С. Трубецкой: «Я заметил, что односложные иностранные слова (имена собственные или, реже, нарицательные) иногда проявляют тенденцию склоняться с ударением на окончании *с ироническим оттенком*, — особенно во мн. ч. Так, фамилии наших знакомых Шмидт, Кинц, Турн мы произносим во мн. ч. Шмиты́, Кинцы́ и Турны́, но делаем это как бы «несерьезно», а в шутку или с пренебрежением. В московском земстве также употреблялась форма Шлипы́. Русские эмигранты, занимающиеся торговлей в странах немецкой языковой области, часто называют своих клиентов *кунды́* (Kunden), — опять-таки с оттенком шутки и пренебрежения» (письмо Н. С. Трубецкого к Р. О. Якобсону от 5 января 1934 г.³⁵).

Основной, самый распространенный тип конфликта между индивидуальной и нормативной акцентуацией состоит в том, что тривиальной нормативной акцентуации противостоит нетривиальная акцентуация в речи индивида или группы (профессиональной или иной); ср., например, общелитературные *штурманы*, *боцманы*, *редакторы*, *тендеры*, *конусы*, *госпитали*, *кили*, *шприцы*, *зонды*, *трюмы*, *прессы*, Р. ед. *аммиака*, *каучука*, *массажа*, *дубляжа* и профессиональные *штурманá*, *боцманá*, *редакторá*, *тендерá*, *конусá*, *госпиталя́*, *кили́*, *шприцы́*, *зонды́*, *трюма́*, *прессá*, Р. ед. *аммиака́*, *каучука́*, *массажá*, *дубляжа́*.

Не следует думать, что тенденция к нетривиальной акцентуации (для привычных слов) характерна только для речи людей, недостаточно владеющих литературным языком. Большое число профессионализмов с нетривиальной акцентуацией обнаруживается и в сфере «интеллигентных» профессий, например в речи художников, музыкантов, артистов, искусствоведов, научных работников, издательских работников и т. д. Таковы по своему происхождению, например, словоформы *колера́*, *грунты́*, *тенора́*, *альты́*, *витражи́*, *типажи́*, *монтажи́*, *профессора́*, *учителя́*, *редактора́* и многие другие (большая часть приведенных словоформ уже воспринята современной литературной нор-

³⁵ «N. S. Trubetzkoy's letters and notes, prepared for publication by R. Jakobson». Paris, 1975, p. 296.

мой). Отличие состоит лишь в том, что люди таких профессий в большей степени склонны ограничивать в своей речи эту тенденцию, сознательно стремясь к «правильности» речи.

Таким образом, тенденция к переводу привычного слова в нетривиальное склонение представляет собой, образно выражаясь, мощную «морфонологическую пружину» в языковом механизме, общую для всех носителей языка и давящую на все привычные слова определенной морфонологической структуры.

Возможно и обратное соотношение между нормативной и индивидуальной акцентуацией: тривиальное ударение в индивидуальной речи при нетривиальном нормативном. Такое соотношение естественно в том случае, когда говорящий только что познакомился с новым для него словом, имеющим в литературном языке нетривиальное ударение, и вообще когда такое слово является для него чуждым, непривычным. В этой ситуации возникают, например, такие ударения, как *пáжи, ксёндзы, óдры* «ложка», *жéзлы, сýги, язи, хрýки, чány, шкíвы, шрíфты, вёртелы, кóробы, пýсары* (по литературной норме здесь предписывается или, по крайней мере, рекомендуется флексийное ударение). По этой же причине естественная судьба устаревших, потерявших актуальность слов — постепенный переход к тривиальной акцентуации; таково, например, положение со словами *дьяк, паж, пýсарь, лéкарь, прýстав, гётман, струг*.

В сознании носителей русского языка описанные соотношения отражаются как ощущение пониженного стилистического оттенка у словоформ с нетривиальным ударением и повышенного у словоформ с тривиальным. Этот факт в той или иной форме отмечается многими исследователями; так, В. Кипарский пишет (в скобках указаны принятые в настоящей работе обозначения схем ударения): «С IV-м (схема *b*) и отчасти с III (схема *c*) типом ударения связывается в настоящее время у говорящих представление о чем-то фамильярном, ухарском, во всяком случае, «чисто русском», с I-м (схема *a*) и особенно со II (схема *e*) типом, наоборот, представление о чем-то возвышенном, торжественно-чуждом, иностранном или церковном, древнем»³⁶.

Новое слово, в частности заимствованное, обычно начинает свою жизнь в языке с тривиального ударения (если только оно не противоречит его морфологической структуре). В процессе освоения, интеграции такое слово может получить нетривиальное ударение. Если такое ударение распространяется достаточно широко, оно рано или поздно воспринимается и литературной нормой, отражаемой словарями (которая, как известно, лишь с большим сопротивлением и потому с отставанием следует за изменениями языковой практики).

§ 22. Принцип II^a (тривиальное склонение для чуждых слов) соблюдается у всех слов мужского рода, не подпадающих под § 16—18, вполне регулярно. Принцип II^b (нетривиальное склонение для привычных слов) реализуется у односложных и у неодносложных

³⁶ Кипарский В. О колебаниях ударения в русском литературном языке, I, с. 110.

слов несколько по-разному. У односложных слов он действует активно почти во всех случаях; у неодносложных слов эффективность действия этого принципа зависит от морфонологической (в некоторых случаях также от морфологической) структуры слова: при благоприятной структуре принцип П^б так же эффективен, как у односложных; при иной структуре он реализуется существенно реже.

В настоящей статье мы не имеем возможности рассмотреть весь относящийся к данной проблеме материал. Ограничимся лишь некоторыми иллюстрациями (причем только из числа односложных слов).

Так, к тривиальному склонению относится подавляющее большинство слов, обозначающих малоизвестные или непривычные для основной части носителей языка реалии, например: *гном, дож, маг, смерд, сфинкс, хан; барс, скунс, тур, як; лавр, мирт; бриг, плед, трут, шлейф; гнейс, кварц, мусс, пунш; бриз, культ, пакт, путч, транс; жанр, код, ранг, ритм, шифр; дюйм, пенс; гимн, миф, фарс, шарж, ямб*. Сюда же относятся слова возвышенно-книжного стиля и устаревшие, например: *вепрь, град* «город», *клик, клич, сонм, страж, стяг, тать, уд, храм*³⁷.

В частности, восприятие слова как «инострannого» регулярно ведет к тривиальному склонению; ср. многие из приведенных выше примеров. Ощущение «инострannости» часто поддерживается несвойственной исконным русским словам фонологической структурой. Наиболее характерные признаки здесь таковы: твердые согласные перед /e/ или начальное /e/ (например *мэр, темп, тест, эльф*); мягкие шумные согласные перед /y/ (например *гюйс, дюйм, мюль, бюст*); исход на сложное сочетание согласных, особенно с конечным сонантом (например *монстр, спектр, цикл, ритм, пункт*); срединное /й/ (например *тайм, гнейс, сейф*).

Из односложных слов, достаточно употребительных (в обоих числах) в обычной разговорной речи, к тривиальному склонению относится по литературной норме³⁸ лишь несколько десятков. Характерные примеры: *дед, внук, сват; рак, тигр; клён, мак; бант, кран, флаг, шарф, шприц; газ, торт, яд; пляж, сквер; зал, клуб, лифт; груз, знак, курс, план, срок, тост, факт, шанс, штраф*. Слова этой группы сохраняют (в литературном языке) тривиальное ударение, унаследованное от предшествующих поколений, несмотря на то, что они подпадают под действие принципа П^б, т. е. в этой зоне фактор исторической преемственности пока еще оказывается сильнее, чем синхронические правила.

Однако за рамками литературной нормы более чем у половины слов этой группы обнаруживается нетривиальное ударение. Так,

³⁷ Прямых исключений, т. е. слов с возвышенно-книжной и т. п. окраской, относящихся к нетривиальному склонению, очень немного: *волхв, одр, столп, перст* (все схемы *b*). Еще несколько слов, близких к данной группе, обнаруживает колебание ударения: *дьяк* (*b//a*), *жезл* (обычно *b*, но нередко также *a*), *чёлн* (*b*, но изредка также *a*), *струг* «судно» (*c//a*).

³⁸ Относительно литературной нормы и ненормативного ударения см. также § 29, сноска 50.

флекссионное ударение во мн. числе встречается в разговорной речи или в просторечии, в частности, у слов: *дед, сват; мул, спрут, клён; бант, бот, горн* «печь», *зонд, кант, киль, клёш, кран, рант, трос, фант, флаг, шарф, шприц, щуп, кекс, крем, сок, торт, яд; брод, лаз, плац, пляж, сквер; клуб, лифт, пресс, тир, трюм, шлюз; бис, груз, срок, тост, трюк, шторм, штраф* — и у ряда других, относящихся по литературной норме к схеме *a*. Таким образом, в живой разговорной речи число слов, устойчиво сохраняющих тривиальное склонение вопреки принципу III^б, гораздо меньше, чем по литературной норме.

Состав слов, относящихся к нетривиальному склонению (а также неопределённых *singularia tantum*), разбирается в следующем разделе (§ 23—41).

ВОПРОС ОБ УДАРЕНИИ В ЕДИНСТВЕННОМ ЧИСЛЕ

§ 23. Вопрос об ударении в ед. числе уже решен для слов, у которых схема ударения устанавливается правилами § 16—18, и для всех слов тривиального склонения. Остается рассмотреть, таким образом, слова нетривиального склонения (кроме подпадающих под § 16—18) и неопределённые *singularia tantum*. В нашем материале таких слов нетривиального склонения около 350 (а с учетом ненормативного ударения — около 420), неопределённых *singularia tantum* — около 250.

Предметом разбора является распределение этих слов по признаку «наосновное или флекссионное ударение в ед. числе». Оно определяется прежде всего семантическим фактором, в некоторых частных случаях — также морфологическим и морфонологическим факторами.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ФАКТОР

§ 24. Как указано в § 10, в основе рассматриваемого распределения лежит принцип III: наосновное ударение в ед. числе у неисчисляемых, флекссионное у исчисляемых.

Прямолинейному осуществлению этого принципа препятствует, однако, то, что у многих слов имеются одновременно значения обоих классов; ср., например, *шаг* «ходьба» и «единичное движение», *дуб* «отдельное дерево» (а также «тупой человек») и «вид древесины» (а также собирательно в значении «дубы»), *верх* «часть пространства, направление» и «материальный предмет» (например «верх экипажа»). В языке встречаются два способа разрешения этой трудности:

1) исчисляемому и неисчисляемому значениям слова соответствует разная акцентуация. Этот способ встречается очень редко, поскольку ему препятствует свойственная едва ли не всем языкам тенденция к единству внешней стороны слова во всех его значениях. Все случаи этого типа собраны в § 27;

2) акцентуация слова определяется его основным значением. Это нормальный, господствующий способ. Например, слова *стол, ёрш* со-

храняют флекссионное ударение и в значениях неисчисляемого типа (соответственно «диета», «определенный напиток»); слово *сыр* сохраняет наосновное ударение ед. числа и в значении «определенного вида кусок сыра».

К сожалению, далеко не всегда очевидно, какое из значений слова является основным, и это, конечно, осложняет реализацию принципа III. Укажем, как практически разрешается эта трудность в некоторых типовых случаях многозначности.

Названия растений (кроме деревьев) довольно четко распадаются на исчисляемые (например *боб, гриб, груздь*) и неисчисляемые (их большинство, например *хрен, лук, рис, тёрн*); при совмещении значений обоого типа (например *мак*) основным обычно оказывается неисчисляемое. Особую группу составляют названия деревьев: у них регулярно совмещаются исчисляемое значение («отдельное дерево») и, по крайней мере, два неисчисляемых («сорт древесины» и собирательное), ср. выше *дуб*. С акцентуационной точки зрения все они ведут себя как слова неисчисляемого класса.

Названия абстрактных понятий (действий, событий, состояний, качеств и т. д., ср. сноску 22), пространств, поверхностей, направлений, которые совмещают неисчисляемое значение с исчисляемым, ведут себя (в акцентуационном отношении) как слова неисчисляемого класса. Примеры: *шаг, ход, бал, цвет, верх, край*.

Поскольку неисчисляемое значение имеется (как единственное или наряду с исчисляемым) у подавляющего большинства слов этих семантических групп, характерной особенностью всех этих групп оказывается наосновное ударение в ед. числе. Эта особенность имеет тенденции распространиться и на те немногочисленные слова из данной семантической сферы, которые имеют только исчисляемое значение, например *год, пуд* (что уже противоречит принципу III).

Итак, для современного языка можно констатировать существование следующего частного правила: односложные названия абстрактных понятий, а также пространств, поверхностей, направлений имеют наосновное ударение в ед. числе. Это правило беспрепятственно выполняется везде, где оно не приходит в прямое противоречие с принципом III^б; в тех весьма редких случаях, где такое противоречие возникает, данное частное правило обычно тоже побеждает, однако возможны некоторые колебания и отклонения.

Особую семантическую группу составляют названия оград, четко ограниченных территорий, помещений и больших вместилищ, например *тын, баз, дом, хлев, трюм, шкаф, гроб*. С одной стороны, это отдельные материальные предметы (разумеется, исчисляемые); но в то же время они чаще всего выступают как обозначение места, пространства, внутри которого что-то находится или происходит. Тем самым они семантически сближаются с названиями пространств (типа *мир, рай, верх, лес*, ср. общее для тех и других частое употребление II₂, например *в рай, в лесу, в хлеву, в шкафу, в гробу*), а эти названия, как указано выше, примкнули к неисчисляемому классу. В результате слова данной группы обнаруживают (вопреки принципу

III^б) тенденцию к наоснóвному ударению в ед. числе, реализуемую, однако, ввиду двойственности их семантической природы, не вполне последовательно.

Принцип III практически не действует у названий частей тела и терминов родства, т. е. в двух древнейших, максимально устойчивых и практически закрытых для пополнения новыми словами семантических группах. Названия частей тела сохраняют почти без изменений свое древнее ударение (у одних наоснóвное, у других флекссионное); термины родства, унаследовав древнее наоснóвное ударение в ед. числе, обобщили схему с (часто с мн. на -ья) в качестве характерной приметы данной семантической микрогруппы. Отметим, что наоснóвное ударение (хотя и по другой причине, см. § 18) имеют также названия национальностей. Принцип III, естественно, действует слабо также в тех случаях, когда значение слова почему-либо с трудом поддается классификации.

В итоге получается то разделение односложных слов на семантические группы (более сложное, чем просто в соответствии с принципом III), которое описано в § 11.

З а м е ч а н и е. Это разделение актуально в первую очередь для лите-ратурной речи. В просторечии обнаруживается тенденция к более последовательному соблюдению основного принципа III (в ущерб частным правилам); см., например, в § 32 о просторечном ударении слов *гол, трюк*.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР

§ 25. Подавляющее большинство бессуффиксальных отглагольных имен мужского рода (не только односложных) имеет наоснóвное ударение в ед. числе (хотя причины этого у разных групп этих имен различны). Так, для слов с неконечным ударением, например *вы́ход, от́пуск, под́куп*, это вытекает просто из принципа I (§ 8). Для приставочных слов с конечным ударением, например *перенóс, сдвиг, взгляд*, это вытекает из правила, данного в § 17. Для большинства бесприставочных односложных слов это связано с неисчисляемым характером их значения (т. е. определяется принципом III^а), ср., например, *бег, бой, вид, нюх, треск, корм*³⁹.

Поскольку данное утверждение верно для очень большого числа слов, оно само приобретает характер статистического правила, которое в принципе может экстраполироваться на слова, не входящие в перечисленные частные группы. Практически, однако, случаев, где можно предполагать самостоятельное действие данного морфологического правила, очень немного.

Так, вопреки принципу III^б, наоснóвное ударение в ед. числе имеют названия инструментов *лом, щуп, жом* («тиски», В. Даль⁴⁰),

³⁹ Такое слово, как *суд* (схема *b*), разумеется, нарушает описываемое соотношение, но оно является исключением и из принципа III^а.

⁴⁰ См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка, 2-е изд., тт. I—IV. Спб.—М., 1879—1882.

струг (а также *струг* «судно»), названия лиц *хват*, *мот*, *глот* «обжора, мироед», *жом* («скряга, жмот», В. Даль). Однако слово *хлыст* относится к схеме *b* (см. об этом слове также § 27)⁴¹.

З а м е ч а н и е. Почти у всех этих слов имеется (по крайней мере, потенциально) также омоним с неисчисляемым значением (для которого наосновное ударение ед. числа совершенно нормально), например *лом* (собирает.), *лом* «ломота», *жом* (собирает.); ср. также потенциальное использование слов *струг*, *хват*, *мот* в значениях «строгание», «хватание», «мотание» (отмечено у В. Даля). Семантическая связь между тремя омонимами *лом*, между тремя омонимами *жом* и т. п. достаточно отчетлива; таким образом, рассматриваемое морфологическое правило поддержано в подобных случаях тенденцией к одинаковому ударению в совокупности омонимов, особенно семантически связанных (ср. § 27—28). Заметим, что тем самым бесспорных случаев самостоятельного действия данного морфологического правила почти не остается.

Возможно также, что данное морфологическое правило способствовало сохранению старого наосновного ударения в ед. числе и у ряда других слов, в частности *кус*, *дар*, *груз*, *воз*, *вал* «волна».

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР

§ 26. Независимо от семантического и морфологического факторов, у части односложных слов на выбор схемы ударения влияет также исход основы, а именно: исход на *щ* и на согласную (не взрывную) + *т* благоприятствует схеме ударения *b*. Характер этого влияния несколько различен при разных исходах основы.

1. Стремление односложных слов на согласную (не взрывную) + *т* к схеме ударения *b* представляет собой активную морфонологическую закономерность современного языка. В семантических группах, «склонных к *b*», эта закономерность просто усиливает эффект принципа III^б (в частности, убыстряет переход к схеме *b* новых слов). В семантических группах, «склонных к *c*», она, напротив, вступает в конфликт с семантическими правилами. В литературном языке этот конфликт обычно разрешается в пользу семантических правил: ср., например, Р. ед. *спёрта*, *дўста*, *гв́алта*, *фр́онга*, *бо́рта*, *по́рта* и т. д. Но в профессиональной речи и в просторечии данная морфонологическая закономерность действует значительно сильнее, а именно она довольно часто побеждает в конфликте с семантическими правилами (особенно если речь идет об исчисляемых словах): ср., например, просторечные Р. ед. *бо́рта*, *по́рта*, *лиф́та*, *фин́та*, *твис́та*; см. также § 42, табл. 2.

2. Слова на *щ* (а также слово *дождь*, в основе которого представлен звонкий коррелят *щ*) относятся к схеме *b* все без исключения (при этом у слов *борщ*, *плющ*, *хрящ* «крупный песок», *дождь* это прямо

⁴¹ У слова *кол* (схема *b*) связь с глаголом *ко́лоть*, по-видимому, уже утрачена (это тем более верно для пары *стол* — *стать*).

противоречит семантическим правилам). Они образуют, однако, закрытый список (из 14 слов): новых слов на *щ* в языке не появляется. Поэтому данное правило, несмотря на отсутствие исключений, не относится к числу продуктивных; оно только поддерживает старое ударение данной группы слов.

Замечание. К схеме *b* относится также значительная часть односложных слов на *ш*, *ж*, *ч*, *ц* и на мягкую согласную: бессуффиксальных слов нетривиального склонения и неопределенных *singularia tantum* здесь в сумме около 80, из них около 50 относится к схеме *b* (и еще 4 к схеме *f*). Однако почти во всех этих случаях флексийное ударение в ед. числе ожидается также и по семантическим правилам или, по крайней мере, им не противоречит. У слов, «склонных к *c*», находим паосновное ударение, например: *плóша*, *хмéля*, *плáча*, *дúша*, *плýжа*, *плáца* (исключение составляют только старые слова *путь* и *кремль*; у слова *смерч* ударение колеблется). Таким образом, нет оснований говорить о самостоятельном морфонологическом правиле, предписывающем схему *b* односложным словам с таким исходом.

В целом морфонологический фактор, как и морфологический, играет подчиненную, второстепенную роль: он действует лишь у меньшинства односложных слов и обычно (по крайней мере в литературной речи) лишь в тех пределах, которые ему оставляет действие семантического фактора.

СЛУЧАИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УДАРЕНИЯ ПО ЗНАЧЕНИЯМ

§ 27. Имеется лишь очень немного случаев, когда в соответствии с принципом III наблюдается различное ударение при разных значениях слова или у двух омонимов, еще не утративших прямой семантической связи друг с другом. Понятно, однако, что эти случаи представляют большой интерес ввиду их наглядности.

Слово *лист* в основных, конкретных значениях имеет в современном русском языке устойчивое флексийное ударение (Р. ед. *листа́*), но в собирательном значении (чаще всего в сочетании *лавро́вый лист*) оно встречается в разговорной речи с двумя ударениями: *листа́* и *листа*. В украинском и белорусском это различие более последовательно и закреплено литературной нормой: ср. укр. *лист*, *листа́* в конкретных значениях, но *лист*, *листу* в собирательном («листва»).

Слово *хлыст* «гибкий прут» относится к схеме *b*: *хлыста́*, *хлысто́м*. Между тем *хлыст* «хлестание» (то же, что *хлёт*, т. е. обычное корневое имя действия от *хлыста́ть* = *хлеста́ть*) относится, как и другие подобные слова (например *хруст*, *чих*, *пляс*, *скок*), к схеме *a*: *хлыста*, *хлыстом*; ср. у В. Даля: *не всё хлы́стом, ино и свисто́м* (ударение отмечено В. Далем)⁴², т. е. «не все действовать битьем, иной раз лучше и словами».

⁴² В. Даль совершенно справедливо приводит эту поговорку не при *хлыст* «гибкий, хлесткий прут», а при *хлестанье*, *хлёт*, *хлестка* «действие по глаголу» (исходя из эквивалентности слов с *хлыст-* и с *хлёт-*, *хлест-*). К сожалению, ни Р. Нахтигаль, ни В. Кипарский (цитирующие из В. Даля эту поговорку и предлагающие различные объяснения якобы аномального

З а м е ч а н и е. Этот случай, впрочем, сложнее, чем представляется на первый взгляд: помимо принципа III^b, требующего для слова *хлыст* «прут» схемы *b*, на акцентуацию этого слова влияют также морфологическое правило из § 25 (в пользу схемы *a* или *c*) и морфонологическое правило из § 26 (в пользу схемы *b*). Последние два влияния как бы уравнивают друг друга (тогда как у морфонологически нейтральных слов *лом* «кирка», *щуп* и других акцентуация определяется правилом из § 25: Р. ед. *ло́ма*, *щу́па*)⁴³.

Для слова *плод* современные словари признают в качестве нормы только схему *b* (Р. ед. *плода́*), но в живой речи нередко встречается и *плóда* (Ушаков приводит это ударение с пометой «устар.»). Распределение этих двух акцентуаций лишь отчасти связано со значением (отчасти же мы имеем дело просто с колебаниями). Так, только ударение *плóда* (в точном соответствии с принципом III^a) возможно для просторечного и областного *плод* «положение, размножение», также «приплод» (пример В. Даля: *Этот скот на мясо пойдёт, а этот для плоду оставим*); ср. также *плод*, *плóду* «урожай, приплод» в Деулине⁴⁴, а также в белорусском и украинском. При более обычных значениях («часть растения; фрукт; эмбрион; результат») жесткой связи между ударением и значением нет, однако ударение *плóда* относительно чаще встречается при значениях «результат» и «эмбрион» (по Р. Нахтигалю, в последнем значении *плóда* является даже нормой⁴⁵), а также в сочетании *запрётный плод*.

Слово *шар* обнаруживает отчетливую тенденцию к следующему акцентному разграничению: схема *c* в обычных (относительно более абстрактных) значениях, схема *b* в значении «круглый предмет (например для игры)». Так, например: *объём ша́ра*, *со всего земного ша́ра* (возможно только такое ударение), но в бильярде обычно *ша́ра*, *ша́ром* и т. д. (причем не только в сочетаниях типа *загнать ша́ра*, *загнуть ша́ра*, *два ша́ра*, которые часто приводятся в этой связи, но и в других контекстах); ср. также выражение *хоть ша́ром пока́ти*.

Д. Н. Ушаков дает для слова *дуб* Р. ед. *ду́ба* в значении «дерево», но *дуба́* в значении «тупой человек» (там же приводится выражение *ду́б-дубо́м* «как круглый дурак») ⁴⁶. Это распределение действительно соответствует фактам разговорной речи (с той поправкой, что в значении «тупой человек» может встретиться как *дуба́*, так и *ду́ба*). Еще в нескольких случаях (например *бас*, *кряж*) аналогичная дифференциация как бы едва намечена.

ударению *хлы́стом* — Nachtigall R. Op. cit., S. 53; Кипарский В. О колебаниях ударения в русском литературном языке, I, с. 76) не обратили внимания на это существенное обстоятельство.

⁴³ Вполне аналогично слову *хлыст* «прут» слово *хруст* в арголическом значении «купюра, денежный знак», а также в разговорном значении «печеное изделие типа хвороста». Правда, в обоих этих случаях употребляется почти исключительно мн. число — *хрусты́*; ед. число *хруста́*, *хрусту́* и т. д. здесь как бы потенциально.

⁴⁴ Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969, с. 404.

⁴⁵ Nachtigall R. Op. cit., S. 191.

⁴⁶ Толковый словарь русского языка, под ред. Д. Н. Ушакова, тт. I—IV. М., 1935—1940.

Приведем также некоторые наглядные примеры с привлечением материала из белорусского языка (такие сравнения лингвистически допустимы, поскольку, как уже отмечено в § 14, белорусский язык в целом сходен в рассматриваемом отношении с русским).

Интересный пример межъязыковой дифференциации одновременно по значению и по ударению представляет собой соответствие: русск. *боб*, *бобá* (слово исчисляемого класса) — белор. *боб*, *бóбу* (слово неисчисляемого класса), ср. *градá бóбу = грядка бобов* (см. § 10). Заметим, что и в русском языке слово *боб* раньше могло употребляться как неисчисляемое; так, в словаре Поликарпова (1704) находим *пирóгъ с бóбомъ*, что очень показательно, поскольку здесь, как и в белорусском, представлено одновременно неисчисляемое значение и наоснóвное ударение.

В русском языке *звон*, *звóна* имеет только неисчисляемое значение. В белорусском также находим *звон*, *звóну* «звон»; но наряду с этим существует белор. *звон*, *званá* «колокол» — с ударением, соответствующим исчисляемому характеру этого значения.

В литературном русском языке слово *суд* во всех значениях имеет Р. ед. *судá*. В белорусском находим *суд*, *судá* «орган власти», но *суд*, *сúду* «мнение, суждение и т. п.», например *на нямá i сúду нямá* «на нет и суда нет». Ударение *суд*, *сúда* (*сúду*) отмечено и в русских говорах⁴⁷.

Замечание. По-видимому, имеется некоторая синхроническая связь между принципом III и аномальным ударением существительных в сочетаниях *двá* (*трé*, *четыре*) *шагá*, *рядá*, *часá*, *следá*, *шарá* (что, впрочем, совсем не обязательно означает, что именно таково происхождение этого ударения). Очевидно, что в сочетании с числительными слова выступают в своих исчисляемых значениях. Например, из двух значений слова *шаг* («процесс ходьбы» и «единичное движение») с числительными в нормальном случае сочетается только второе; ср. *не замедляя шагá* и *двá шагá* или *для цéлого рýда событíи* и *двá рýдá* и т. п. Разумеется, в этих случаях нет последовательного акцентного различия исчисляемого и неисчисляемого значений (например, ударение одинаково в *не замедляя шагá* и *пóсле пёрвого шагá*; с другой стороны, в принципе возможны, хотя и непривычны, сочетания типа *двá шагá*, *четыре рýдá* и т. п.). Верно, однако, то, что в позиции, максимально благоприятствующей использованию исчисляемого значения слова, в этих случаях выступает именно то ударение, которое свойственно словам исчисляемого класса. Показательно, что ни одного случая противоположного акцентного соотношения между Р. ед. и счетной формой нет; нет также ни одного случая подобного различия у односложных существительных (а это естественно сопоставить с тем фактом, что принцип III распространяется только на односложные существительные).

§ 28. Как уже указано, приведенные выше примеры представляют собой исключительные случаи; в нормальном случае при разных значениях одного слова или в паре омонимов, связанных прямой семантической связью, выступает одна и та же акцентуация. Нечто подобное, хотя и с гораздо меньшей последовательностью, наблюдается также в парах омонимов, семантически не связанных между со-

⁴⁷ Словарь современного русского народного говора, с. 547.

бой (или связанных очень слабо), а именно, даже такие омонимы часто получают одинаковую акцентуацию. Примерами могут служить четыре омонима *губá*, три омонима *вал*, два омонима *пост* и многие другие.

Заметим, что в лингвистических работах мы нередко находим, напротив, утверждения об акцентуационном «отталкивании» в той или иной паре омонимов. Например, В. Кипарский полагает, что неподвижное ударение на основе у слова *туз* (шлюпка) «вызвано стремлением отличать это слово от карточного термина»⁴⁸. Однако в «Орфографическом морском словаре» дано: *туз*, *тузá* (шлюпка)⁴⁹. Если учесть, что другие семантически близкие слова (например *шлюп*, *скиф*, *ял*) показаны в этом словаре со схемой *a*, то в данном случае придется признать как раз «притяжение», а не «отталкивание» омонимов. По-видимому, практическая потребность в акцентуационном или ином дифференцировании омонимов обычно очень невелика; например *туз* (карта) и *туз* (шлюпка) не могут реально конкурировать ни в каком естественном контексте. В подобных случаях попытки дифференциации характерны скорее для подчеркнуто литературного языка (нередко это сознательные попытки сторонников языкового пуризма). Между тем в просторечии, напротив, внешнее сходство слов, даже неполное, часто приводит к их вторичному семантическому сближению (хотя бы совершенно произвольному; ср. такое хорошо известное проявление этой особенности просторечия, как народные этимологии), т. е. здесь происходит сближение, а не дифференциация омонимов.

В связи с этим следует оценивать как показательные те сравнительно немногочисленные пары омонимов, где различие в акцентуации явно обусловлено действием принципа III: *шпик*, *шпикá* «сыщик», но *шпик*, *шпíка* «сало»; *бунт*, *бунтá* «связка, кипа», но *бунт*, *бúнта* «мятеж»; *винт*, *винтá* «металлическая деталь», но *винт*, *вíнта* или *вíнта* «игра».

РАЗБОР ОДНОСЛОЖНЫХ СЛОВ НЕТРИВИАЛЬНОГО СКЛОНЕНИЯ ПО СЕМАНТИЧЕСКИМ ГРУППАМ

§ 29. Приводимые ниже списки охватывают все односложные слова нетривиального склонения (кроме подпадающих под § 16—18); учтены также случаи, когда нетривиальное склонение проявляется за рамками литературной нормы⁵⁰. Из неопределенных *singularia*

⁴⁸ Кипарский В. О колебаниях ударения в русском литературном языке, I, с. 24. При этом в другом месте (там же, с. 72) он же говорит об акцентуационном уподоблении слова *пост* «стража, должность» его омониму *пост* «воздержание».

⁴⁹ См.: Порецкая Р. Э. Орфографический морской словарь. Опыт словаря-справочника. М., 1974.

⁵⁰ Практически мы принимаем за литературную норму указания словаря-справочника «Русское литературное произношение и ударение» под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова (М., 1959) и толковых словарей (прежде всего С. И. Ожегова и Д. Н. Ушакова), причем в случаях расхождений пред-

tantum приведены только характерные примеры. В списках слов пояснения в скобках относятся (если специально не оговорено обратное) только к непосредственно предшествующему слову.

Семантические группы с господствующим наосновным ударением в ед. числе

Продуктивным типом нетривиального склонения здесь является схема *c*. В тех случаях, когда значение слова этому способствует, в качестве сопутствующего явления обычно выступает Π_2 на *-ý*, *-jó* (это обстоятельство специально не отмечается, кроме случаев, когда оно оказывается единственным проявлением нетривиальности склонения). Все слова, приводимые ниже без специального указания об обратном, имеют наосновное ударение в ед. числе. Слова с *И. мн.* на *-á*, *-я́* специально отмечаются (кроме случаев, когда такое окончание выступает лишь как просторечный вариант к литературному *-би́*, *-и́*).

Названия нерасчлененных однородных масс

§ 30. 1. Названия веществ, материалов, кушаний, запахов и т. п., неисчисляемые названия растений (не деревьев). Схема *c*: *дым, жир, квас, мёд, мозг, пар, пот, спирт, суп, сыр, харч, чай*, то же с *мн.* на *-á* — *корм, мех, снег, хлеб*⁵¹, *шёлк*; в профессиональной речи также *гипс* (*мн.* *-á*), *грунт, клей, мел, сок* (*мн.* *-á*), *торф* (*мн.* *-á*), *флюс* «добавка к руде», *яд*; в просторечии также *кекс, крем, торг* (все с *мн.* на *-á*, см. работы А. С. Фидровской, Т. А. Ивановой; у *торг* *мн.* *торга́* и *торги́*)⁵². *Мн. число* на *-ья*: *луб*. *Singularia tantum* с Π_2 на *-ý*: *газ* (горящий, ср. на *газý*), *гной, пух, чад*.

Примеры неопределенных *singularia tantum*: *вар, ворс, воск, дёрн, дуст, жом, ил, кал, кокс, лес* (материал), *лом* (собирает.), *лук* (растение), *мак* (растение, пищевой продукт), *мох* (вариант с *Р. ед.* *моха*), *наст, прах, плюш, рис, скаרב, смрад, сор, тальк, тёрн, тёс, тмин, толь, тюль, шам, хмель* (растение), *хрен, шпик* (сало).

почтение отдается книге «Русское литературное произношение и ударение». Источниками сведений о ненормативном ударении служили предупредительные пометы в этой книге и аналогичные указания толковых словарей, данные «Орфографического морского словаря», работы А. С. Фидровской и Т. А. Ивановой по *мн. числу* на *-á* и непосредственные наблюдения над разговорной речью, а также опросы специалистов относительно профессионального ударения. Неоценимую услугу в исследовании ненормативного ударения нам оказала Н. А. Еськова, щедро предоставившая для настоящей работы собранный ею за долгое время материал по ударению в поэзии XX (а также XIX) века и в устной речи. Автор приносит ей глубокую благодарность.

⁵¹ *Мн.* *хлебá* по литературной норме только в значении «злаки», но в разговорной речи также и в прочих значениях.

⁵² О словах *харч, грунт, торг* см. также ниже.

Исключения: *холст, борщ, плющ*⁵³, *хряц* «крупный песок» относятся к схеме *b*. Все эти слова — старые, и во всех случаях схема *b* поддержана морфонологическим фактором, см. § 26 (редкое слово *хряц* «крупный песок», кроме того, находится под влиянием своего исчисляемого омонима *хряц* «элемент скелета», ср. § 28).

В просторечии и профессиональной речи под влиянием исхода на согласную +*t* могут получать схему *b* *грунт* и *торт* (для слова *торт*, возможно, играет определенную роль также то, что оно часто употребляется в исчисляемом значении). Для слова *харч*, ныне в ед. числе почти не употребляющегося, современные словари дают только ударение *хárча*; но иногда может встретиться и более старое ударение *харчá* (которое в работах XIX и начала XX века еще считается нормой⁵⁴).

Интересный случай составляет слово *жмых*, Р. ед. *жмыхá* и *жмб́иха*. Оно содержит суффикс *-их, -ых*, требующий схемы *b* (§ 17, ср. *женíх, женихá*); отсюда ударение *жмыхá*. Поскольку, однако, данный суффикс представлен только в этих двух словах, он выделяется недостаточно отчетливо, т. е. слово *жмых* может восприниматься и как непроеизводное. В последнем случае автоматически вступает в действие принцип III^a, который и порождает параллельное ударение *жмб́иха*.

Не совсем ясно ударение *шлìх, шлìхá*, засвидетельствованное в профессиональной речи геологов (*шлìх* — тяжелая фракция, остающаяся после последовательных промывок породы; по данным словарей — только *шлìх, шл́иха*). Возможно, акцентуация по модели исчисляемых слов возникает в данном случае лишь в той среде, где этот термин практически всегда означает отдельную пробу (для микроскопического исследования), ср. регулярное словоупотребление типа *дéсять (сóрок и т. п.) шлìхóв*.

2. Названия деревьев. Схема *c* представлена в литературном языке только у слова *дуб*, но само правило о том, что такие слова ведут себя как неисчисляемые (§ 24), т. е. имеют в ед. числе наосновное ударение, соблюдается без исключений, ср., например, *вяз, клён, кедр, бук*.

3. Собирательные обозначения живых существ. Сюда относятся лишь неопределенные *singularia tantum*, например: *люд, гнус, клир*.

Исключение: слово *скот* (старое) относится к схеме *b*⁵⁵.

§ 31. Особую маленькую группу, отличную от собирательных (и не являющуюся частным случаем названий нерасчлененных однородных масс), образуют названия коллективов и объединений. В отличие от собирательных, они являются исчисляемыми (и поэтому легко образу-

⁵³ Слово *плющ* — неисчисляемое: *мнóго плющá, увитýй плющóм*. Заметим, что в таком же качестве может выступать и слово *хвощ* (*мнóго хвощá*), по преобладает все же употребление его как исчисляемого: *мнóго хвощéй*.

⁵⁴ Nachtigall R. Op. cit., S. 199.

⁵⁵ В выражении *нашего полкú* *пр́было* собирательное значение выступает также у слова схемы *b* *полк* (относящегося к § 31).

ют мн. число), однако из-за тесной семантической связи с собирательными они все же тяготеют к классу слов с наосновным ударением в ед. числе. Сюда относятся: *род* «клан» (схема *c*), *рой* (*c*), *хор* (*a // c*), *флот* (*a // e // c*).

Однако *полк* (старое слово) и *гурт* (позднее слово, оканчивающееся на согласную +*т*) относятся к схеме *b*.

Названия абстрактных понятий

§ 32. 1. Названия действий, событий, состояний, свойств, оснований классификации. Почти все они имеют неисчисляемое значение (в качестве единственного или наряду с исчисляемым); лишь очень немногие слова (преимущественно поздние), имеют только исчисляемое значение. Схема *c* (случай, где возможны и другие схемы, отмечены): *бал*, *бас* (голос), *бой*, *бунт* «мятеж», *вес* (мн. -*á*), *гол*, *гром* (*e // c*, мн. *грóмы* и *громá*), *долг*, *жар*, *лад*, *пал* «пожар», *пир*, *пол* (биологический; обычно *e*, но в разговорной речи также *c*), *род* (*e // c*, мн. *рóды* и *родá*), *сорт* (мн. -*á*), *тон* (*a // e // c*, мн. *тóны* и *тонá*), *ход* (*c // e*), *цвет* «окраска» (мн. -*á*), *чин*, *шаг*, *шрифт* (*a // c*); в профессиональной речи также *бис*, *вист*, *грипп*, *люфт*, *пас*, *рост* «размер» (мн. -*á*), *сбой*, *смотр*, *строй*, *тиф*, *шторм* (мн. -*á*), *шум*; в разговорной речи и просторечии *блиц* (в шахматах), *вид*, *плюс* «преимущество», *твист*, *тост*, *трюк*, *финт*, *штраф*⁵⁶. Singularia tantum с Π_2 на -*ý*, -*ю*: *бег*, *бред*, *быт*, *лёт*, *плав*, *плен*, *пыл*, *свет* «освещенность», *скак*, *торг* «торговля», *хмель* «опьянение», *цвет* «цветение»; сюда же *вольт* «поворот» (схема *a* с Π_2 на -*ý*).

К этой же группе примыкают слова схемы *c* со значением результата действия (в том числе материального); *счёт* (в спорте, документ), *дар*, *приз*, возможно, также *кус*; сюда же *груз* (мн. *гру́зы*, но в профессиональной речи *грузá*). У всех этих слов, кроме *приз*, наосновное ударение в ед. числе поддерживается также их отглагольностью (см. § 25).

Примеры неопределенных singularia tantum: *блеск*, *блуд*, *бокс*, *визг*, *вой*, *гвалт*, *гнев*, *гнёт*, *звон*, *зуд*, *крен*, *лай*, *лов*, *лоск*, *мир* «спокойствие», *мор*, *мрак*, *нюх*, *плач*, *пляс*, *прок*, *пуск*, *раж*, *рёв*, *риск*, *рок*, *рост* (процесс), *рыск*, *свист*, *сев*, *смак*, *смех*, *спорт*, *срам*, *флирт*, *фрагт*, *шик*.

Исключения: слова *вред*, *грех*, *дождь*, *пост* (религиозный), *пост* (военный, общественный), *стыд*, *суд*, *труд*, *ум* относятся к схеме *b*⁵⁷. Кроме того, слово *винт* (игра) колеблется между схемами *a* и *b*. Все эти слова — старые, за исключением *пост* (военный и т. п.) и *винт*. На ударение этих двух поздних слов повлияли, во-первых,

⁵⁶ Относительно слов на согласную +*т* и слов *гол*, *трюк* см. также ниже.

⁵⁷ У слова *вред* в разговорной речи иногда встречается и наосновное ударение; кн. «Русское литературное произношение и ударение» дает предупредительную помету против ударения о *врéде* (которое встретилось даже у некоторых современных поэтов).

ударение соответствующих омонимов (ср. § 28), во-вторых, исход на согласную +т.

З а м е ч а н и е. К данной семантической группе приближается также слово *смерч* (обычно схема *a*, но изредка также *b*), но оно все же заметно отличается от названий событий (типа *дождь*, *шторм*): это слово безусловно исчисляемое, и его основным значением, по-видимому, следует считать не «определенный вид движения воздуха», а конкретный зримый объект — «движущийся столб (вращающейся пыли, брызг)»; ср. такие слова, как *облако*, *туча*, *волна* и т. п. Соответственно мы рассматриваем слово *смерч* не здесь, а в числе слов, плохо поддающихся семантической классификации (см. § 41). Туда же отнесено отдаленно сходное с разбираемой здесь семантической группой исчисляемое слово *стих* (схема *b*).

В просторечии схему *b* иногда получают также некоторые другие слова данной семантической группы. Во-первых, это слова с исходом на согласную +т: *финт*, *твист*, *шрифт*, реже *вист*, *гост*, *бунт* «мятеж», *люфт*. Во-вторых, это поздние слова с ярко выраженным исчисляемым значением «единичного мгновенного события (или действия)»: *гол*, *трюк* (таким образом, здесь противоречие между правилом об абстрактных понятиях и общим принципом III^б разрешается в пользу последнего; возможно, определенную роль играет также экспрессивный характер этих слов). Заметим, что слово *финт*, в котором оба фактора действуют одновременно, выступает с флексивным ударением чаще всех прочих.

2. Названия единиц измерения (но не денежных) и частей целого. Все они исчисляемые. Схема *c* или *e* (последнее отмечено): *час*, *год* (*e* // *c*, мн. *го́ды* и *го́да*), *век* (мн. -*á*), *фунт* (обычно *a*, но в разговорной речи также *c*), *пуд*; *раз*, *кон* «этап игры», *пай*, *слог* (*e*), *склад* «слог»; возможно, сюда же *кус* (ср. § 25 и 37). В просторечии также *срок* (мн. -*á*), *куш*. По-видимому, к этой же группе примыкает *том* (мн. -*á*) — в соответствии со своим основным (непредметным) значением «часть печатного издания».

О слове *нуль* (схема *b*) см. § 40. Об абстрактных понятиях, связанных с пространством (*верх*, *низ*, *зад*), см. § 33, п. 2.

Названия пространств, поверхностей, направлений

§ 33. Почти для всех объектов, обозначаемых словами данной группы, характерна неполная определенность границ. Слова данной группы обычно совмещают исчисляемое и неисчисляемое значения. Однако у значительной их части (например *верх*, *тыл*, *край*, *лес*, *рай*) первичное значение — неисчисляемое.

1. Названия сторон, направлений, элементов пространственной организации, а также названия поверхностей, ограничивающих определенные предметы. Схема *c*: *верх* (мн. -*ú* и *á*), *низ*, *зад*, *тыл*, *фронт* (*a* // *e* // *c*), *бок* (мн. -*á*), *край* (мн. *края́*); *ряд*, *слой*; *борт* (мн. -*á*), *пол* «настил», *под* (печи).

Неопределенные *singularia tantum*: *юг*, *норд*, *зюйд*, *ост*, *вест*.

Исключение: *пласт* (схема *b*).

В просторечии слово *борт* под влиянием исхода на согласную +т (§ 26) допускает схему *b*. Сочетание *за бортом* стало даже практически узаконенным (наряду с *за бортом*).

2. Названия пространств и участков земной поверхности, границы которых не вполне определены. Схема *c*: *мир* «вселенная», *лес* (мн. -á), *бор, гай, сад, луг* (мн. -á), *лан* (поле), *плёс* (*a* // *c*, мн. *плёсы* и *плеса́*), *дол* (*e* // *c* // *a*), *лог* (мн. -á), *юр, яр, кон* «особое место при игре»; по-видимому, сюда же *мыс* (*a* // *c*). Singularia tantum с Π_2 на -ý, -ю: *ад, рай*. Схема *a* (в просторечии также *c*) с Π_2 на -ý: *пляц*. В просторечии схему *c* с Π_2 на -ý могут получать также *пляж, сквер*⁵⁸.

Неопределенное singularia tantum: *свет* «мир, земной шар».

З а м е ч а н и е. К этой же семантической группе по существу относятся и имена собственные — названия стран, городов, рек и т. п., например *Крым* (ср. в *Крымú*), *Клин* (ср. в *Клинú*), *Дон* (ср. на *Донú*), *Буг, Прут, Рим*, — все с основным ударением (исключения: *Днепр, Днестр* — схема *b*). Впрочем, общее количество бессуффиксальных односложных географических названий мужского рода (из числа достаточно известных русскому населению) довольно невелико.

3. К указанным здесь группам примыкают также слова, обозначающие пути: *шлях, брод, лаз* (у всех обычно схема *a*, но возможна также схема *c*).

И с к л ю ч е н и е: *путь* (схема *b*).

Названия оград, четко ограниченных территорий, помещений, больших вместилищ

§ 34. Эта небольшая группа слов явно присоединилась к названиям пространств. Несмотря на исчисляемость, эти слова обнаруживают тенденцию к основному ударению в ед. числе (хотя и не столь резко выраженную, как в предшествующих группах). Схема *c*: *тын, вал* «насыпь»; *баз, ток* «гумно» (*c* // *e*, мн. *тока́* и *то́ки*), *форт, порт* (*e* // *c*); *дом* (мн. -á), *хлев* (мн. -á), *цех* (*c* // *a*, мн. *цеха́* и *цехи*), *штаб* (*c* // *a*); *гроб, шкаф, куб* «сосуд», *чан, таз*; в профессиональной речи и просторечии также *клуб* «учреждение», *тир, лифт, жбан, трюм* (мн. -á), *шлюз* (мн. -á).

По-видимому, к этой же семантической группе примкнули слова *воз* (схема *c*; см. также § 25), *стог* (схема *c*, мн. -á)⁵⁹, *пресс* (схема *a*, но в профессиональной речи схема *c* с мн. -á)⁶⁰. В их значении мо-

⁵⁸ Значения этого же типа имеются также у слов *тыл, фронт, край* (см. пункт 1) и *круг* (см. § 40). Семантически близки также некоторые слова из § 34 (*ток* «гумно», *порт*).

⁵⁹ Ср. также Π_2 в *стогу́*, сближающее это слово с названиями вместилищ. Интересно, что слово *скирд*, близкое по значению, относится к схеме *b* и не имеет Π_2 на -ý. Возможно, что здесь было существенно различие внешнего вида (см. у В. Даля): стог «домообразен», а скирд растянут в длину, «простерт» (ср. вероятную этимологию лит. *stirta*, являющегося первоисточником славянского слова, от *ster «простира́ть»).

⁶⁰ Ср. также профессиональное Π_2 на *прессу́*.

жет быть усмотрен семантический элемент «вместилище» (правда, слабо выраженный).

Исключения: *двор* (схема *b*), *кремль* (*b*), *скит* (*b*, но изредка также *c*), *пруд* (колебание *b* // *c*).

В разговорной речи флексийное ударение в ед. числе иногда встречается у слова *газ*; в просторечии оно засвидетельствовано также для слов *порт*, *форт*, *лифт*, *шлюз*. У областных слов *саж* «загон для откорма свиней» и *кош* «корзина, рыболовная снасть» ударение, по-видимому, колеблется (данные словарей противоречивы). Слово *горн* «печь», относящееся по литературной норме к схеме *a*, допускает в профессиональной речи схему *b* (по-видимому, наряду с *c*).

Не входят в рассматриваемую группу названия мелких вместилищ, например *ковш*, *ларь* (оба схемы *b*); они относятся просто к § 37.

Таким образом, в целом слова данной группы можно охарактеризовать как «умеренно склонные к *c*».

Термины родства

§ 35. Эта маленькая замкнутая группа слов имеет наосновное ударение в ед. числе без связи с принципом III. В сущности это результат прямого наследования древнего ударения, однако в современном языке здесь явно установилась синхроническая связь между значением и акцентуацией (а именно схемой *c*, получающейся из наосновного ударения в ед. числе и естественного для таких употребительных слов нетривиального ударения во мн. числе). Эта связь выражается, с одной стороны, в тенденции к переходу в схему *c* нескольких терминов родства с иной первоначальной акцентуацией (*брат*, *дед*, *сват*, также *шурин*, *дядя*), с другой стороны, в устранении схемы *c* у одушевленных слов других семантических групп (ср. § 38, 39).

Схема *c*: *муж*, *сын*, *зять*, *кум* (мн. число, по крайней мере в прямом значении, у всех этих слов на *-ья*); ср. также нелитературное мн. число у слов *брат*, *дед*, *сват* — *браты* (и *братья*), *деды*, *сваты*. Сюда же примыкают *шурин* — *шурья*, *дядя* — *дядья*.

Устойчивое тривиальное склонение имеет по существу только одно слово — *внук*; у слова *тесть* (Р. ед. *тэстя*) мн. число встречается слишком редко, чтобы можно было определенно судить о его ударении.

О словах *друг* и *князь*, примкнувших к данной группе, см. § 41.

Семантические группы с господствующим флексийным ударением в ед. числе

§ 36. Продуктивным типом нетривиального склонения здесь является схема *b*. Все слова, приводимые ниже без специального указания об обратном, имеют флексийное ударение в ед. числе. Напомним, что разбираются только слова нетривиального склонения; соот-

ветственно под исключениями ниже понимаются только те слова с наосновным ударением в ед. числе, которые относятся к нетривиальному склонению.

Небольшое число слов (главным образом старых, например *мост*, *пруд*) колеблется между схемами *b* и *c*: в ед. числе *мостá*, *прудá* и *мóста*, *пру́да*, но во мн. числе только *мосты́*, *пруды́* (**мóсты*, **пру́ды* решительно невозможно). С этими случаями не следует смешивать ситуацию другого рода (довольно распространенную): у некоторого слова (чаще всего позднего, например *альт*, *пим*) ударение в ед. числе неустойчиво, тогда как во мн. числе явно преобладает флексионное ударение (хотя изредка может встретиться и наосновное). Такая ситуация, как правило, означает, что перед нами слово, «склонное к *b*», находящееся в процессе перехода от тривиального склонения (т. е. схемы *a*) к нетривиальному (а именно к схеме *b*). Дело в том, что, как показывает наблюдение, флексионное ударение появляется во множественном числе некоторого слова легче и быстрее, чем в единственном⁶¹ (по всей вероятности, потому, что в словоформах мн. числа оно вообще встречается вдвое чаще, будучи общей приметой слов нетривиального склонения, тогда как флексионное ударение в ед. числе есть примета только половины таких слов). Так, ударение *шарфы́*, *банты́*, *шприцы́* и т. п. появляется раньше, распространяется быстрее и воспринимается как менее одиозное с точки зрения литературной нормы, чем *шарфа́*, *банта́*, *шприца́* и т. п. в ед. числе.

Учитывая это обстоятельство, мы помещаем ниже слова, колеблющиеся между тривиальным ударением и схемой *b*, в общие списки (с соответствующей пометой). Описанная выше переходная ситуация с «асимметричностью» двух чисел условно отмечается «*b // c // a*».

Названия материальных предметов (кроме входящих в § 34)

§ 37. Более точно, в эту группу входят названия исчисляемых неодушевленных материальных предметов, обладающих отдельностью и ясными пространственными границами. Перечислим эти слова, подразделив их для большей наглядности по морфонологическому признаку (слова, при которых нет особых указаний, относятся к схеме *b*). Слова на согласную + *t*: *альт* («инструмент», но также и в других значениях; *b // c // a*), *бинт*⁶², *болт*, *бунт* «связка, кипа», *винт*, *зонг*, *куст*, *лист* (мн. *листы́* и *листья́*⁶³), *пест*, *унт* (*b // a*), *хлыст*, *шест*, *шплинт*, *шпунт*, *штифт*. Слова на *щ*: *плащ*, *пращ*, *хвощ* (ср. сноску

⁶¹ Ср. в этом отношении также цитату из Н. С. Трубецкого, приведенную в § 21.

⁶² Основное значение — исчисляемое: «кусочек марли», «лента» (именно так начинаются толкования этого слова в словарях).

⁶³ Здесь и далее различие значений у подобных вариантов мн. числа не отмечается.

53). Слова на шипящую (кроме *щ*) и на мягкую согласную: *бич, буж, гвоздь* (*f*), *груздь* (*f*), *гуж, ключ, ковш, корж, краж* «бревно» (*b // a*), *куль, ларь, линь* «веревка», *меч, мяч, нож, пыж, руль, сныч, тяж, шпень* (*шпинь*), *штырь*. Прочие слова: *блин, боб, буй* (по данным словарей *c*, но в разговорной речи чаще *b*), *выюк* (*b // c // a*), *гриб, жгут, жезл* (обычно *b*, но иногда *a*), *кий* (*b // c // a*), *клок* (мн. *клоки́* и *кло́чья*), *кнут, кол* (мн. *ко́лья*), *крюк* (мн. *крюки́* и *крю́чья*), *одр, пим* (*b // c // a*), *плод* (см. также § 27), *плот, прут* (мн. *пруты́* и *пру́тья*), *пук* (по данным словарей *c*, но в разговорной речи часто *b*), *серб, сноп, ствол, стол, столб, столп, сук* (мн. *суки́* и *су́чья*), *тюк, цеп, чёлн* (*b // a*), *шип* «колючка», *шкив* (по данным словарей *c*, но в профессиональной речи также *b*), *шлык, шнур, штык, щит*.

В просторечии и профессиональной речи в схему *b* перешли или стремятся перейти также многие другие слова данной семантической группы. Перечислим известные нам случаи (бесспорно, этот список неполон): *бант* (в разговорной речи часто схема *b*; отмечено у А. А. Шахматова⁶⁴), *барс* «тип подводной лодки» (*b // c*, «Орфографический морской словарь»), *брус* (в разговорной речи встретилось Р. ед. *брусá*), *буль* «специальный выступ на борту корабля» (*b* по «Орфографическому морскому словарю»), *диск* (при жаргонном употреблении в значении «пластинка» встречается схема *b*), *зонд* (в профессиональной речи *b*⁶⁵), *киль* (по «Орфографическому морскому словарю» морское разговорное — *b*; схема *b* неоднократно встречается также в поэзии), *клин* (в разговорной речи встречается Р. ед. *клина́* и т. д., ср. предупредительную помету против такого ударения в кн. «Русское литературное произношение и ударение»), *ком* (в разговорной речи изредка встречается *кома́, комом*⁶⁶), *пульт* (в профессиональном жаргоне встретилось *c* *пульта́, на пульте́*), *рант* «полоска кожи по краю обуви» (в профессиональной речи *b*, реже *c*), *руст* «необтесанный камень для облицовки» (исчисляемое слово; в профессиональной речи *b*), *стан* (ткацкий, прокатный и т. п.; в профессиональной речи явно возможна схема *c*, но, по-видимому, также и *b*; ср. данные Р. Нахтигалю информантом словоформы *станы́, станóв* [в этом значении], *на ткацком стану́* и в особенности за *станом сидела*⁶⁷), *трут* (редкое слово; в разговорной речи возможно колебание *a // b*⁶⁸), *туз* (шляпка; *b* по «Орфографическому морскому словарю», см. также § 28, замечание), *шарф*, (в разговорной речи очень часто *b*, ср. помету «не *шарфа́, шарфы́, шарфóв*» в кн. «Рус-

⁶⁴ См.: Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка, с. 135.

⁶⁵ Флекссионное ударение в этом слове (правда, в форме мн. числа) встретилось также у С. Михалкова: *Ей-ей, такие есть, что завистью исходят, Когда при них другим зонды и шприцы вводят* («Завистливый больной»).

⁶⁶ Ср. *два кома́*, встреченное в стихотворном тексте (Тряпкин Н. журн. «Москва», 1964, № 8, с. 133).

⁶⁷ Nachtigall R. Op. cit., S. 265.

⁶⁸ Ср. *на труте́* (рифма: *в темноте*), встреченное в стихотворном тексте (Дмитриев О. журн. «Юность», 1964, № 9, с. 57).

ское литературное произношение и ударение»), *шлиф* «тонкая пластинка горной породы, подготовленная для микроскопического исследования» (у геологов схема *b*), *шлиц* «выступ на валу» (в профессиональной речи *b*), *шпиль* (в разговорной речи возможна схема *b*; она неоднократно встречается также в поэзии), *шприц* (в профессиональной и разговорной речи очень часто *b*, ср. помету «шприца́, шприца́, шприца́» в кн. «Русское литературное произношение и ударение»). О слове *шар* в бильярдном значении см. § 27.

Для слова *лук* (оружие), у которого в XIX веке неоднократно встречается схема *b*, Р. Нахтигалем засвидетельствовано Р. ед. *лука́* (в устной речи⁶⁹); не вполне ясно, однако, идет ли здесь речь о живом (например профессиональном) ударении или только о реликте ударения прошлого века.

Исключения. Безусловными исключениями можно считать только два старых слова: *пług* (схема *c*)⁷⁰ и *стул* (схема *a*, мн. *сту́лья*)⁷¹.

Еще несколько слов являются исключениями при их нормативном ударении, но фактически колеблются: *брус*, *клин*, *ком*, также *пук*, *буй*, *шкив* (см. о них выше в общем списке).

Названия инструментов *лом* (*c // e*, мн. *ло́мы* и *лома́*), *струг* (*c // a*, мн. *стру́ги* и *струга́*), *щуп* (*a*, в профессиональной речи *c*) имеют наосновное ударение в ед. числе в силу морфологического фактора (отглагольности), см. § 25⁷².

У нескольких слов (названий материальных предметов) в просторечии или в профессиональной речи флексивное ударение засвидетельствовано только во множественном числе, но не в единственном; таковы, в частности, *бур*, *кран* (в разных значениях), *флаг*. Если учесть, однако, что и у многих названных выше слов (например *буй*, *вьюк*, *кий*, *пим*, *пук*, *шкив*, *бант*, *брус*, *зонд*, *клин*, *шарф*, *шпиль*) флексивное ударение во мн. числе встречается чаще, чем в единственном (см. § 36), то понятно, что нет достаточных оснований считать слова *бур*, *кран*, *флаг* нарушениями принципа III^b. Тенденцию к такому нарушению, по-видимому, можно признать только у двух

⁶⁹ Nachtigall R. Op. cit., S. 189.

⁷⁰ Ожидаемое флексивное ударение в ед. числе представлено в белорусском (Синяков И. Ударение в русском языке. Вильна, 1908, с. 120 — Р. ед. *плу́га*; Лобан Н. П. Указ. соч., с. 207 — *плу́га* или *плу́га*).

⁷¹ В случае со словом *стул* определенную роль, по-видимому, сыграло противопоставление в рамках тесно связанной ассоциативной пары *стол* — *стул* (в этой паре *стол* — исконное слово с древней схемой *b*, *стул* — старое заимствование). Так, во мн. числе вместо неизбежного для употребительного слова нетривиального ударения (**стулы́* [или **стула́*], **стулбе*) находим *сту́лья*, *сту́льев* (словоформы, резко отличные от *стола́*, *столбе́*); в ед. числе, вопреки принципу III^b, находим *сту́ла* (ср. *стола́*). Существенно также, что в старом языке и в говорах у слова *стул* есть варианты среднего (ср. *сту́ло* у В. Даля) и женского (ср. *сту́ла* — «Словарь современного русского народного говора», с. 546) родов, в обоих случаях с наосновным ударением.

⁷² См., кроме того, § 32 о слове *том*, § 25 и 32 о слове *кус*. Слово *зуб* (§ 41) имеет в ед. числе единое ударение во всех значениях, в том числе и «зубец» (мн. *зубья́*).

слов этого типа: *трос* и *бот*; в профессиональной речи у них представлено мн. *тросá*, *ботá* (см., в частности, «Орфографический морской словарь»), притом что в ед. числе, насколько можно судить, сохраняется наосновное ударение.

Названия животных

§ 38. Следующие из них относятся к схемам *b* и *f* (последнее отмечено). Слова на *ст* и на *щ*: *глист*, *клёст*; *клещ*, *лещ*, *хрущ*. Слова на шипящую (кроме *щ*) и на мягкую согласную: *грач*, *ёж*, *ёриш*, *конь* (*f*), *лунь* (рыба), *лунь*, *морж*, *стриж*, *сыч*, *уж*, *хорь*, *червь* (*f*), *чиж*, *шмель*, *язь*. Прочие: *бобр*, *бык*, *вол*, *дрозд*, *жук*, *кит*, *клоп*, *кнур* (*кныр*), *кот*, *крёт*, *сиг*, *слон*, *сом*, *хряк*, *шип* (рыба), *щур* (птица).

В разговорной речи к этому списку присоединяется ряд других слов. Во-первых, слова схемы *e* *волк*, *гусь*, *лось* обнаруживают сильную тенденцию к переходу в схему *f*: вместо нормативных *во́лка*, *гу́ся*, *ло́ся* часто выступают *во́лка*, *гу́ся*, *ло́ся*; такое ударение неоднократно встречается и в стихах. Во-вторых, вместо нормативной схемы *a* у слов *мул*, *спрут*, *шпиц* иногда выступает схема *b*. Такое ударение может проникать и в стихи; так, на *му́лэ*, *худо́го му́ла*, *му́лы*, *му́лов* неоднократно встречается в стихах XIX и XX веков; пример со словом *спрут*: *Он привез мне глаз кита / Зуб акулы / И спрута*⁷³.

Исключением является *зверь* (схема *e*)⁷⁴. Слова *волк*, *гусь*, *лось*, относящиеся по литературной норме к схеме *e*, фактически колеблются (см. выше).

Отметим, что среди названий животных полностью отсутствует схема *c* (ср. § 35)⁷⁵.

Названия лиц по занятию и оценочные

§ 39. Это единственная группа среди названий лиц, в которой осуществляется принцип III^б (и то не вполне последовательно); о прочих группах названий лиц см. § 35 и 41.

К схеме *b* относятся: *вождь*, *волхв*, *дьяк* (*b // a*), *ксёндз* (*b*, изредка *a*), *паж* (*b*, изредка *a*), *плут* (*b // a*), *поп*, *раб*, *хлыст* «хлыстовец»;

⁷³ Волгина Т. По тропинкам бродит лето. Киев, 1968, с. 47. В псковских, пинежских (а также некоторых белорусских) говорах схему *b* получило слово *рак* (см.: Колесов В. В. История русского ударения, с. 109). Ударение *раки́*, *рако́в* засвидетельствовано нами, кроме того, в Кирилловском районе Вологодской области.

⁷⁴ Даже и у этого слова в говорах и в просторечии встречается ударение *зверя́*, *зверю́* и т. д. (см.: Обнорский С. П. Именное склонение в современном русском языке, вып. I, с. 246), однако в обычную разговорную речь оно все же почти не проникает.

⁷⁵ В связи с этим нельзя считать надежной схему *c*, которую дает Д. Н. Ушаков для областного (очень редкого) слова *зуй* (обычное название — *зуйк*).

фат», *хлыщ*, *хлюст* «нахал, проныра», *хрыч*, *шиш* «бродяга, разбойник», *шник* «сыщик», *шпынь* «насмешник», *шут*; в просторечии *жлоб*, *хмырь*. Сюда же слова с неполной выделительностью суффикса *врач* и *спец* ($b // a$), ср. § 19. О слове *дуб* «тупой человек» см. § 27. В эту же группу попадают жаргонные новообразования, например *хип* (схема b), *битл* ($b // a$) и т. п.

К этой группе примыкают также названия карт и фигур (в играх): *туз*, *ферзь* (оба схемы b); просторечные и арготические *пант* «валет» (b), *кинг* «король» ($b // a$).

Сильную тенденцию к переходу в схему f и далее в схему b обнаруживает слово *вор* (по литературной норме схема e); ср. также выше, § 18.

З а м е ч а н и е. К этой же семантической группе относятся почти все односложные слова с суффиксами, например *ткач*, *льстец*, *лгун*, *враль*, *псарь* (схема b , см. § 19). Возможно, что они оказали определенное влияние на то, что именно эта семантическая группа бессуффиксальных односложных слов обнаруживает (в отличие, например, от терминов родства, титулов, названий национальностей и др.) тенденцию к схеме b .

Прямых исключений в данной группе практически нет: единственное слово нетривиального склонения с нормативным наосновным ударением ед. числа — *вор* — фактически колеблется (см. выше).

Трудность состоит здесь в другом: несколько вполне употребительных слов данной семантической группы (иногда даже близких к просторечным), вопреки принципу II^б, относятся к тривиальному склонению. Таковы *мот*, *хват*, *трус*, *глот*, *жом*, *жмот*, *жох*, *хам*, *гад*, *кат*, *шкет*. Наиболее объяснимо ударение отглагольных слов *мот*, *хват*, *глот*, *жом*: под действием морфологического фактора (§ 25) они сохраняют свое прежнее наосновное ударение ед. числа. Но нетривиальное ударение во мн. числе в этом случае означало бы схему c , которая, как отмечено в § 35, стала теперь признаком терминов родства. Поскольку *мот*, *хват*, *глот*, *жом* к терминам родства не относятся, они получают иное ударение — тривиальное.

Сравнительно близко (в морфологическом отношении) к этим словам стоят *трус* и *жмот*. Что касается прочих слов, то у них тривиальное ударение остается неясным. Возможно, что наличие слов *мот*, *хват*, *глот*, *жом* (также *трус*, *жмот*) создает допустимый для данной семантической группы второстепенный акцентуационный образец (схему a), которому и следуют слова *хам*, *жох* и т. д.⁷⁶ (притом что главный акцентуационный образец здесь все же схема b , см. выше). Так или иначе, ситуация с ударением в данной семантической группе не такая определенная, как, например, у названий животных.

⁷⁶ С наличием этого образца, быть может, связано и колебание слова *плут* между схемами b и a , а также изредка встречающееся ударение по схеме a у слова *враль* (с морфологической точки зрения необъяснимое).

Различные мелкие группы исчисляемых

§ 40. 1. Названия гор, груд, сооружений (не полых). Схема *b*: *холм, кряж* «хребет» (*b // a*), *скирд, бург, ряж* (*b // a*). У слова *мост* (*b // c*) старое ударение по схеме *c* все чаще заменяется новым по схеме *b*.

Слово *мол* относится по литературной норме к схеме *a*, но имеет Π_2 на *молу́*; в профессиональной речи у этого слова возможна схема *c* (см. «Орфографический морской словарь»), в разговорной речи засвидетельствована также схема *b* (*прЫгали с молá*). О слове *стог* см. § 34.

2. Названия отверстий, шахт. Схема *b* (*// a*): *шурф, шпур*. Слово *паз*, относящееся по литературной норме к схеме *c*, в профессиональной речи и в просторечии допускает схему *b*.

3. Названия фигур, начертательных знаков (в частности, букв, цифр), монет. Схема *b*: *крест, крыж, луч, штрих, герб, блинт* «особым образом вытисненная надпись или орнамент»; *аз, нуль (ноль)*⁷⁷; *рубль, грош*. Заметим, что многие из этих слов (например *крест, рубль, грош*) часто обозначают конкретные материальные предметы, что сближает их со словами из § 37.

Широко представлена в профессиональном просторечии схема *b* для слова *икс* (ср. помету «не *икса́*» в кн. «Русское литературное произношение и ударение»), в несколько меньшей степени — для названий букв *хер, ер, юс* (в более литературном варианте здесь выступает «компромиссная» схема *c*, в подчеркнуто литературном — *a*). Нами отмечено даже *жЫрного плюса́* (где *плюс* употреблен в значении графического знака).

Слово *круг* (схема *c*) едва ли следует считать просто исключением: у него имеются явно выраженные значения «пространственного» типа (часть плоскости; среда, сфера — в переносном смысле), которые сближают его со словами из § 33 (например *мир, луг, плац*).

Названные семантические микрогруппы можно охарактеризовать как «умеренно склонные к *b*».

Семантические группы, в которых не действуют синхронические акцентуационные правила

§ 41. Синхронические акцентуационные правила, касающиеся ударения в ед. числе, не действуют прежде всего у названий частей тела (а также язв и т. п.). Из них к схеме *b* относятся *горб, клык, перст, прыщ, свищ, хвост, хрящ*, к схеме *c* — *глаз, зоб, нос, рог, чуб*, к схеме *e* — *зуб*, к схеме *a* с мн. -ья — *струн*. Слова *пуп* и *ус* колеблются между схемами *b* и *c* (причем по литературной норме для *пуп* предпочтительна схема *b*, для *ус* — схема *c*).

⁷⁷ Таким образом, это слово выступает здесь как обозначение графического знака, цифры (а не в абстрактном значении «ничто» и т. п.).

В таком же положении находятся названия лиц, не относящихся ни к терминам родства (§ 35), ни к названиям по занятию или оценочным (§ 39). Из них к схеме *b* относятся *враг*, *царь*, а также *жид* (см. об этом слове § 18), к схеме *c* — *друг* (мн. *друзья*), *князь* (мн. *князья*)⁷⁸, а также *пан* (*c*, реже *a*), к схеме *e* — *бог*, *чёрт*, *гость*.

Кроме того, имеется небольшое число слов, значение которых с трудом поддается классификации. Эти слова не ассоциируются (без существенных натяжек) ни с одной из частных семантических групп, рассмотренных в § 29—40. Поэтому естественно, что принцип III (в основе которого лежит акцентуационное уподобление семантически сходных слов) здесь действовать не может. Сюда мы относим: из слов схемы *b* — *стих*, *хлюст* «набор карт одной масти», *шиш*, областное *кут* «угол в избе и др.», а также *смерч* (*a*//*b*, см. § 32); из слов схемы *c* — *шар* (в основном, более абстрактном значении, ср. § 27), *клуб* (дыма и т. п.), *вал* «волна», *вал* «ось», *след* (схема *c* с некоторыми отклонениями в сторону *b*, см. кн. «Русское литературное произношение и ударение»).

З а м е ч а н и е. К числу слов, значение которых трудно поддается классификации, вообще говоря, можно было бы отнести и некоторые из включенных выше (с некоторой долей условности) в основные семантические группы, в частности из слов схемы *b* — *луч*, *пласт*, *нуль* (*ноль*), из слов схемы *c* — *кус*, *том*, *мыс*, *воз*, *стог*, *круг*.

ИТОГОВЫЕ ТАБЛИЦЫ

§ 42. Ниже приводятся сводные таблицы по односложным словам нетривиального склонения (кроме подпадающих под § 16—18) и неопределенным *singularia tantum*. Таблицы показывают количественные соотношения слов с основным и с флексийным ударением ед. числа в различных семантических и морфонологических группах. В соответствии с § 36 колеблющееся ударение объединено в таблицах с флексийным.

При подсчетах учтены факты как литературной, так и нелитературной речи. Во-первых, в совокупность отражаемых таблицами слов включены, помимо слов, относящихся к нетривиальному склонению по литературной норме, также слова, относящиеся к нетривиальному склонению только в нелитературной речи, например слова *штраф*, *бант* (нелитературное мн. *штрафы*, *банты* при литературном *штрафы*, *банты*)⁷⁹. Во-вторых, учитывалось как литературное, так и нелитературное ударение ед. числа каждого отражаемого таблицами слова, а именно: если эти два ударения совпадают (это нормальный случай), в таблицах отражено единое ударение; если же они расходятся

⁷⁸ Слова *друг* и *князь* с морфологической и акцентуационной точек зрения примкнули, таким образом, к терминам родства.

⁷⁹ При таком принципе отбора общее число отражаемых сейчас таблицами слов составляет около 670. Если бы учитывалась только литературная норма, соответствующая совокупность составила бы около 600 слов.

(ср., например нелитературное *лося́* при литературном *ло́ся*), то ударение такого слова квалифицируется как колеблющееся⁸⁰.

Нелитературное ударение отражено в том объеме, в котором оно рассмотрено в § 30—41⁸¹. В качестве исключения, чтобы не затемнять общей картины фактами, недостаточно надежно засвидетельствованными или вызванными какими-то побочными причинами, в таблицах не отражена возможность появления в нелитературной речи схемы *c* у слов *бур*, *кран*, *флаг*, *трос*, *бот* (см. § 37, конец) и схемы *b* у слов *шлх*, *харч*, *гол*, *трюк*, *газ*, *шлюз*, *горн*.

Чтобы уменьшить влияние побочных обстоятельств на числовые данные таблиц, в таблицы не включены: а) слова *лом*, *струг*, *щуп* (ударение которых определяется морфологическим фактором, § 25) и *жмых* (см. § 30); б) слова, отмеченные выше в списках как областные (поскольку их ударение непоказательно); кроме того, слово *зуб* в значении «зубец» не отделено от *зуб* в основном значении.

Таблица 1 отражает ударение «морфонологически нейтральных» слов, т. е. оканчивающихся не на *щ* и не на сочетание «согласная (не взрывная) + *т*»; это основной массив односложных слов. Таблица 2 отражает ударение слов, оканчивающихся на *щ* и на сочетание «согласная (не взрывная) + *т*», т. е. тех, которые подпадают под действие морфонологического фактора (§ 26), обуславливающего склонность таких слов к схеме *b*.

Если в клетке таблицы дано два числа, соединенных знаком + (например 156 + около 220), первое число относится к словам нетривиального склонения, второе — к неопределенным *singularia tantum*. В прочих случаях числа обозначают количество слов нетривиального склонения.

Таблица 1

Ударение ед. числа у морфонологически нейтральных односложных слов нетривиального склонения (и неопределенных *singularia tantum*)

	Насо́бное ударение в ед. числе	Флекссионное (или колеблю- щееся) ударе- ние в ед. числе
Семантические группы, «склонные к <i>c</i> » (§ 30—35)	156 + около 220	13
Семантические группы, «склонные к <i>b</i> » (§ 36—40)	4	155
«Семантически нейтральные» (§ 41)	18	10

⁸⁰ Некоторые сведения о том, как изменились бы числовые данные таблиц, если бы учитывалось только литературное ударение, приведены в комментариях к таблицам.

⁸¹ Как уже отмечалось, этот объем сведений не может считаться исчерпывающим. Понятно, что если его удастся расширить, числовые данные таблиц несколько изменятся.

Из этой таблицы видно, что подавляющее большинство слов из рассматриваемой совокупности подчиняется современным семантическим правилам об ударении и лишь 17 слов (13 с флексийным или колеблющимся ударением и 4 с наосновным) представляют собой исключения. Эти исключения можно разделить на два типа. Первый тип образуют слова из семантических групп, «сильно склонных» к *b* или к *c*; исключения этого типа прямо противоречат принципу III. Сюда относятся 8 слов, «сильно склонных к *c*» и тем не менее имеющих флексийное ударение (*скот, вред, грех, стыд, суд, труд, ум, путь*), и 3 слова, «сильно склонных к *b*» и тем не менее имеющих наосновное ударение ед. числа (*пflug, стул, зверь*); см. комментарии по поводу этих слов в § 13. Второй тип образуют слова из семантических групп, «умеренно склонных» к *b* или к *c*; это, так сказать, «слабые» исключения (сюда относятся *полк, двор, кремль, скит* — с флексийным ударением ед. числа, *пруд* — с колеблющимся, *круг* — с наосновным).

Общий характер картины, представленной в табл. 1, не изменился бы и в том случае, если бы подсчеты производились только для нормативного литературного ударения; однако в силу консервативности литературной нормы эффект семантических правил был бы несколько меньшим. Так, в двух основных рубриках таблицы вместо 156 слов нетривиального склонения с наосновным ударением и 155 с флексийным или колеблющимся в этом случае соответственно 130 и 110, главным образом за счет того, что значительная группа слов типа *штраф, бант* относится по литературной норме к тривиальному склонению. С другой стороны, группа слов-исключений, «склонных к *b*» и тем не менее имеющих наосновное ударение ед. числа, в этом случае более многочисленна (16 слов), поскольку для слов *вор, волк, гусь, лось, клин, пук* и ряда других литературная норма пока еще

Таблица 2

Ударение ед. числа у односложных слов нетривиального склонения
(и неопределенных *singularia tantum*),
оканчивающихся на *щ* и на сочетание «согласная (не взрывная) + *т*»

	Наосновное ударение в ед. числе	Флексийное (или колеблющееся) ударение в ед. числе	
	только слова на согл. + <i>т</i>	слова на согл. + <i>т</i>	слова на <i>щ</i> (и <i>дождь</i>)
«Склонные к <i>c</i> »	5+около 25	19	4
«Склонные к <i>b</i> »	0	27	7
«Семантически нейтральные»	1	3	3

запрещает встречающиеся в разговорной речи ударения типа *ворá*, *волкá*, *гуся́* и т. д.

Из табл. 2 видно, что морфонологический фактор способен успешно противодействовать семантическому (кроме сферы *singularia tantum*): из 24 слов нетривиального склонения на согласную + *т*, «склонных к с», лишь 5 подчиняются семантическому правилу, а 19 — морфонологическому. Оказывается, однако, что такое положение характерно в основном для нелитературной речи. Так, по литературной норме имеется 17 слов нетривиального склонения на согласную + *т*, «склонных к с»; из них 11 подчиняются семантическому правилу и только 6 (*холст*, *пост*₁, *пост*₂, *винт* «игра», *пласт*, *гурт*) — морфонологическому. Таким образом, в литературной речи роль морфонологического фактора существенно меньше, чем в нелитературной.

ЗАМЕЧАНИЯ ОБ АКЦЕНТУАЦИИ ДВУСЛОЖНЫХ СЛОВ
МУЖСКОГО РОДА С БЕГЛОЙ ГЛАСНОЙ

§ 43. В акцентуационном отношении двусложные слова мужского рода с беглой гласной образуют промежуточную группу, обнаруживающую частичное сходство как с односложными, так и с многосложными.

Выделяются три подгруппы таких слов: 1) слова на *-ож* (*-ек*) и *-ец* (сюда же *заяц*); 2) слова на *-ень*; 3) все прочие.

Как вытекает из § 16, при конечном ударении в исходной словоформе все такие слова (кроме *заём*, *наём*) относятся к схеме *b*, например *кусóк*, *конéц*, *слепéнь*, *котёл*. При начальном ударении все слова 1-й подгруппы (например *ку́бок*, *гбрец*) относятся к схеме *a*, но для слов 2-й и 3-й подгрупп схема ударения еще не predetermined исходной словоформой: ср., например, *ливень* — схема *a*, *кóготь* — схема *e*, *узел* — схема *b*.

В распределении начальноударных слов 2-й и 3-й подгрупп по схемам ударения, по-видимому, действуют (хотя и не вполне последовательно) те же акцентуационные закономерности, что и у односложных.

Рассмотрим ударение в ед. числе у начальноударных слов 3-й подгруппы (вопрос о мн. числе оставляем в стороне). В семантических группах, «склонных к с», мы находим устойчивое наосновное ударение: *вётёр*, *вúхрь*, *дёготь*, *кашель*, *бúдет*, *пéпел* — Р. ед. *вётра*, *вúхря* и т. д.; сюда же термин родства *свёкор*; только слово *у́голь* колеблется: Р. ед. *у́гля* и *угля́*. Остальные слова — это семантически «склонные к *b*» и еще несколько исчисляемых (названия частей тела и слово *у́гол*), которые в данном случае, по-видимому, присоединились к ним. С акцентуационной точки зрения эти слова распределяются так: а) схема *b* — слова *узел*, *у́горь*, *у́гол* (Р. ед. *узла́*, *угря́*, *угла́*); б) наосновное ударение в ед. числе по литературной норме, при большем или меньшем распространении флексийного ударения в разговорной речи или в просторечии — слова *кóготь*, *кóмель*, *лáпоть*, *лóкоть*, *нóготь*, *стéбель*, *тúгель*, *у́лей*, *чúрей* (например, Р. ед.

в литературном языке *ко́гтя*, но в просторечии часто *когтя́* и т. д.); сюда же колеблющееся слово *ло́моть*, *ломо́ть* (Р. ед. *ло́мтя*, *ломтя́*); в) устойчивая схема *a* — только *бу́бен*, *ды́тел*.

У слов 2-й подгруппы данная тенденция выражена гораздо слабее: она проявляется лишь в том, что в просторечии у слов *gréбень*, *ка́мень*, *по́ршень*, *сте́ржень* и некоторых других иногда встречается флексивное ударение в ед. числе (тогда как, например, для слов *ли́вень*, *сби́тень*, *цве́тень*, *ще́бень* это невозможно).

Обращает на себя внимание тот факт, что среди конечнударных слов 2-й и 3-й подгрупп (их около 40) решительно преобладают исчисляемые, например: *бобёр*, *козёл*, *орёл*, *осёл*, *щегёл*, *слепень*, *багёр*, *ковёр*, *копёр*, *котёл*, *кочан*, *чехёл*, *ремень*, *вихёр*, *мосёл*, *хохёл*, *хребёт*, *бугёр*, *костёр*, *ручэй*. К неисчисляемым относятся только: *огонь*, *овёс*, областное *чабёр* (растение), *заём*, *наём*; слово *кремёнь* может выступать и как исчисляемое, и как неисчисляемое. Таким образом, со статистической точки зрения, принцип III довольно хорошо соблюдается и у этой категории слов. Более того, слова *заём* и *наём* относятся, вопреки правилам из § 16, к схеме *a*: Р. ед. *за́йма*, *на́йма* (что в разговорной речи обычно ведет к замене исходных словоформ на *займ*, *найм*). Эту аномалию естественно связать с действием принципа III^a и правила о приставочных отглагольных именах из § 17. Возможно, что колебания между литературным *кремёнь*, *кремня́* и разговорным *кремень*, *кремня* тоже связаны с действием принципа III.

Таким образом, акцентуационные закономерности односложных слов имеют тенденцию распространиться на совокупность всех слов мужского рода с односложной основой косвенных словоформ.

О НЕКОТОРЫХ СВЯЗЯХ МЕЖДУ ЗНАЧЕНИЕМ И УДАРЕНИЕМ У РУССКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

§1. Наблюдениями целого ряда исследователей установлено, что среди русских прилагательных имеются группы, ударение которых обнаруживает некоторую связь с их значением. Самой важной зависимостью такого рода является принцип, согласно которому в современном литературном русском языке прилагательные с качественным значением (по крайней мере производные) обычно имеют в полных формах ударение на основе (см. об этом, в частности, Зализняк 1985, §1.56). В ряде других случаев группы, в рамках которых проявляется влияние семантического фактора, не столь обширны.

В настоящей работе делается попытка несколько расширить круг наблюдений такого рода. Практически мы будем ниже рассматривать только ударение полных форм (кроме случаев, где специально оговорено иное); такой подход оправдан тем, что в современном русском языке ударение полных и кратких форм связано между собой довольно слабо (т.е. тут обычно действуют разные закономерности).

Основным предметом разбора являются синхронические соотношения, обнаруживаемые в современном литературном русском языке; но в дополнение к этому кратко разбирается также (без документации) характер исторической эволюции, которая привела к таким соотношениям.

При анализе связи ударения полных форм со значением целесообразно учитывать, во-первых, противопоставление полных форм с наосновным ударением (схема ударения *a*) и с флексийным (схема ударения *b*), во-вторых, в рамках схемы *a* — различие по числу слогов основы и по месту ударения внутри основы. Назовем акцентным контуром (данного прилагательного) совокупность сведений обоего рода, т.е. акцентную характеристику, включающую схему ударения полных форм и (при схеме *a*) число слогов основы и номер ударного слога. Условимся для большей наглядности обозначать акцентные контуры словами-образцами: *пустой* (для всех прилагательных на *-ой*, например, *дурной*, *злой*, *молодой* и т.д.) и *частый высокий*, *медленный*, *виноватый*, *одинаковый* (для прилагательных на *-ый*, *-ий* с соответствующим числом слогов и местом ударения). Как показывает наблюдение, в одних случаях для нашего разбора оказывается существенной только схема ударения рассматриваемых прилагательных, в других — весь акцентный контур в целом.

§2. В основе рассматриваемых нами явлений лежит следующий общий принцип: прилагательные со сходной морфологической структурой и/или со сходным значением могут обнаруживать тенденцию к унификации акцентных контуров (или хотя бы схем ударения). Подчеркнем, что речь идет лишь о возможности, а не об обязательно-

сти; в разных группах прилагательных данная тенденция может проявляться в весьма различной степени.

Хорошо известным частным случаем является унификация ударения у прилагательных с определенным суффиксом. Так, например, в ходе истории все прилагательные с суффиксами *-к-*, *-н'*, *-ав-*, *-ок-* получили в полных формах наосновное ударение (при том, что первоначально здесь были представлены обе возможных акцентовки), см. Зализняк 1985, §1.56, 2.25. Важнейшим примером связи ударения со значением является уже упомянутая выше тенденция прилагательных с качественным значением к наосновному ударению в полных формах.

В ряде случаев акцентная унификация затрагивает совсем маленькие группы семантически тесно ассоциированных прилагательных (в предельном случае — просто пары). Приведем несколько примеров.

Так, в истории русского языка первоначальное ударение *левый* сменилось на *лѣвый* под влиянием слова *правый* (где наосновное ударение исконно), см. Булаховский, с. 367. Заметим, что в украинском языке данная семантическая пара представлена в виде *лівий* и *десний* — тоже с одинаковым ударением, но только флексивным (в обоих случаях исконным).

В литературном русском языке слов *босой* имеет флексивное ударение; однако в парном сочетании (семантического типа *hendia-duoin*) *голый* и *босый* выступает наосновное ударение *бóсый*, которое очевидным образом повторяет акцентуацию слова *голый*. Во многих говорах (а также в белорусском и украинском языках) ударение *бóсый*, возникшее таким путем, обобщилось (Булаховский, с. 371).

Слово *другой* в одном из своих значений ('следующий по порядку') практически синонимично слову *второй*, в другом значении ('отличный', 'не тождественный') — слову *иной*. В современном русском языке все три слова акцентно сходны. Между тем только у слова *другой* такое ударение исконно; два других слова первоначально акцентуировались *втóрый*, *и́ный*. Есть все основания предполагать, что смена ударения у обоих этих слов произошла под влиянием слова *другой*. Интересно отметить, что в украинском языке акцентная эволюция рассматриваемых слов была иной, но и здесь имело место выравнивание: *втóрий* и *и́ний* сохраняли здесь наосновное ударение до самого конца своего существования в языке (в XVII—XVIII вв. оба эти слова вышли из употребления, вытесненные соответственно словами *дрўгий* и *и́нший*); напротив, древнее *дрўгий* сменило ударение на *дрўгий*.

Значительное акцентное влияние оказали друг на друга порядковые (как, впрочем, и количественные) числительные, соседствующие в натуральном ряду. Так, замена старых *сѣмый* (*сѣдмый*) и *бóсмый* (*вбóсмый*) на *сѣдмóй*, *восьмóй*, отразившаяся в современном литературном русском языке (а также в большинстве говоров), по-видимому, связана с влиянием предшествующего члена *шестóй* (где такое ударение исконно). В то же время известно и проти-

воположное направление выравнивания в этой тройке: *шóбтый, сéмый, вóсьмый*. Оно характерно для многих западновеликорусских говоров и для белорусского и украинского языков.

Во многих великорусских говорах известно ударение *первóй*, которое возникло под влиянием слова *вторóй* (разумеется, уже после того, как *вторóй* вытеснило более древнее *втóрый*); в литературном языке такое ударение отразилось в наречии *вперв́ые*.

В семантической группе важнейших вкусообозначений мы находим сейчас наосновное ударение: *гóрький, слáдкий, кúслый, солéный* (при этом три из этих четырех слов имеют даже одинаковый акцентный контур). Между тем исходное состояние здесь было иным как по ударению, так отчасти и по морфологической структуре: *горькóй, сладкóй, кúселый* (и *кúсълый*), *солонóй*. Смена ударения в *горький* и *сладкий* объясняется прежде всего принадлежностью этих прилагательных к группе с суффиксом *-к-* (см. выше). Но для замены *солонóй* на *солóный* (впоследствии вытесненное в полных формах [но не в кратких!] акцентно сходным причастием *солéный*) подобной морфологической причины не было; ударение здесь просто выровнялось по другим членам ряда. Для слова *кúселый* (*кúсълый*) выравнивание выразилось в смене морфологического оформления — замене суффикса *-ел-* (*-ъл-*) на *-л-*; в результате по акцентному контуру это слово совпало с *гóрький, слáдкий*.

В семантической группе пространственных оценок, блестяще проанализированных Р.О. Якобсоном (Jakobson), прилагательные, обозначающие бóльшую степень рассматриваемого качества, образуют ряд с суффиксом *-ок-* и акцентным контуром *высóкий* (*высóкий, глубóкий, ширóкий, далёкий*), обозначающие меньшую степень — ряд с суффиксом *-к-* и акцентным контуром *чáстый* (*нúзкий, мéлкий, úзкий, блúзкий*). С исторической точки зрения столь четко единообразие, по-видимому, является здесь результатом постепенной эволюции. Так, для *высокий* (возможно, также для *широкий*) следует предполагать исходное начальное ударение, см. Зализняк 1985, §2.25, 3.56. С другой стороны, у древнерусского *близькыи* существовал также вариант *близокыи*, отразившийся в субстантивированных *близокъ* 'свойственник', *близока* 'свойственница', см. ЭССЯ, вып. 2, с. 120—121. Со временем, однако, этот вариант, не соответствующий акцентному контуру серии *нúзкий, мéлкий, úзкий, блúзкий*, был устранен.

Приведенные примеры иллюстрируют возможность акцентного сближения в рамках малых семантических групп. Можно указать, однако, по меньшей мере два случая, когда такое явление наблюдается в несколько более широких семантических группах.

Обозначения физических и психологических недостатков

§3. Прилагательные производные [с односложной (или двусложной полногласной) основой] или с суффиксом *-н-*, обозначающие физические недостатки или отрицательные психологические характеристики (особенно связанные с буйным или ненормальным поведением), обычно имеют в полных формах флексивное ударение. "Семан-

тическое ядро” данной группы образуют слова: *глухой*, *немой*, *слепой*, *хромой*, *кривой* ‘одноглазый’, *косой* ‘косоглазый’, *худой*, *больной*, *шаловой*, *блажной*¹. Далее, сюда относятся: *рябой*, *седой*; *злой*, *скупой*, *лихой*, *озорной*, *разбитной*, *хмельной*, *чудной* (о человеке), *смешной* (о человеке), ср. еще *чумной* (в переносном смысле); сюда же разговорные и просторечные *баловной*, *сволочной*, *продувной* (отчасти также *пробивной*). Примыкает к данной группе также слово *холостой*². Особую маленькую подгруппу составляют прилагательные с более широким отрицательным значением (включаящие, однако, среди прочих также значение физического или психологического недостатка): *плохой* (ср. значение ‘тяжело больной’), *дурной* (ср. значение ‘шаловой, сумасбродный’), *дрянной*, *срамной*. Отметим еще просторечные *благой* ‘блажной’, ‘дурной’, *смурной*, *заводной* ‘драчливый’, ‘вспыльчивый’, жаргонное *бухой* ‘пьяный’.

Замечание 1. Значения рассматриваемого типа возможны также у ряда других прилагательных на *-ой*, но здесь они занимают более периферийное место в совокупности значений слова: ср. *тупой* ‘глупый, бездарный’, *простой* ‘глуповатый’, *пустой* ‘легкомысленный’, *крутой* (нравом), *сырой* ‘тучный и слабосильный’, *сухой* ‘сухопарый’, ‘иссохший, сморщенный’.

Поскольку границы данной семантической группы недостаточно четки, понятие акцентного исключения здесь тоже не вполне определено. С наибольшим основанием можно считать такими исключениями слова *лысый*, *тощий*, *хворый*, *пьяный*, *лютый*, *буйный*. Прочие слова подобного рода (*квёлый*, *хилый*, *глупый*, *дикий* и др.) по своей семантике относятся скорее к периферии этой группы.

Замечание 2. В говорах часть названных здесь слов может выступать с флексивным ударением, например: *тощой*, *хворой*, *лютой*, *глупой*, *дикой* и др. Следует подчеркнуть, однако, что с этими данными нужно обращаться весьма осторожно. Без анализа всей системы говора их нельзя рассматривать в том же ряду, что данные литературного языка: в конкретном говоре появление таких ударений может определяться совсем иными правилами. Например, ударение *тощой* в каком-нибудь северновеликорусском говоре, где выступают также, скажем, *нешой*, *тихой*, *толстой*, *частой*, *черствой*, *дешевой*, *суровой*, *пресной*, *тесной*, *бурной*, *грязной*, *жирной*, *смирной*, *горькой*, *жаркой*, *крепкой*, *ловкой*, *мелкой*, *прыткой*, *редкой*, *робкой*, *тонкой* и т.п. (т.е. где практически не действует правило о наосновном ударении у качественных прилагательных), разумеется, нельзя объяснять правилом о флексивном ударении у обозначений недостатков. Поэтому единичные факты из слабо обследованного говора часто бывают крайне малоинформативны (а для решения многих задач, встающих перед лингвистом, даже просто бесполезны). К сожалению, достаточно полных описаний отдельного говора существует очень мало. Используя одно из таких описаний (Деулин. сл.) приведем пример говора, представляющего интерес для нашего разбора. В деулинском говоре (Рязанская область) акцентуация полных форм, по-видимому, регулируется принципами, в целом довольно близкими к действующим в литературном языке. Круг слов на *-ой* со значением физического или психологического недостатка здесь несколько шире, чем в литературном языке, ср., в частности: *благой* ‘озорной’, ‘своевольный’, *борзой* ‘буйный’, ‘буйный’, *ненавидящий*, *глупой*, *дикой*, *лихостной* ‘злобный’, ‘злопамятный’, *мудрой* ‘капризный’, *ненавидящий* ‘злобный’, ‘ненавидящий’, *синой* ‘сиплый’, *страшной* ‘плохо выглядящий’, *тощой*, *хворой*, *хрипой* ‘хриплый’ и даже *блажкой* ‘озорной’, ‘своевольный’ (с нехарактерным для данного говора флексивным ударением при суффиксе *-к*).

Как легко видеть, акцентный эффект, наблюдаемый в группе обозначений недостатков, противоречит общему принципу акцентуа-

ции качественных прилагательных. Таким образом, мы явно имеем здесь дело с более частным семантическим правилом, независимым от этого общего принципа.

Заметим, что с типологической точки зрения наличие у семантической группы физических и психологических недостатков какого-то общего внешнего признака не представляет собой чего-либо исключительного. Так, например, в арабском языке слова данной семантической группы строятся по единой морфологической модели (*'af'alu*): *'atrašu* 'глухой', *'abkamu* 'немой' и т.п.

Замечание 3. В работе Зализняк 1985, §1.52 отмечено, что при суффиксе *-овск-* флексивное ударение наблюдается только в семантической группе отрицательных качеств, связанных с колдовством, плутовством, хвастовством и т.п.: *колдовско́й, ведьмовско́й, ведовско́й, воровско́й, плутовско́й, шельмовско́й, бунтовско́й, шутовско́й, хвастовско́й, мотовско́й, фатовско́й, франтовско́й*. Поскольку этот круг значений явно близок к значению психологического недостатка, можно предполагать, что сходство ударения этих прилагательных на *-овско́й* и рассмотренных выше прилагательных типа *глухо́й, лихо́й, шально́й* не случайно.

С диахронической точки зрения для большинства рассмотренных выше прилагательных на *-о́й* мы имеем дело просто с сохранением первоначального ударения.

Важнейшим исключением является слово *хромо́й*: здесь исконным было ударение *хромо́й* (по акцентной парадигме *b*), которое сменилось на *хромо́й* под влиянием исконных *слепо́й, глухо́й, немо́й*, и т.д. (см. Булаховский, с. 371; Л.А. Булаховский указывает в качестве гипотетического источника акцентного влияния только слово *слепо́й* [укр. *slinúj*]), но более вероятно, что соответствующее "давление" здесь оказывала уже вся группа обозначений физических недостатков). Первый пример нового ударения зафиксирован уже в Чудовском Новом Завете XIV в. (*хрома́го* В. ед. 80в) — на фоне еще господствующей старой акцентовки (*хро́мыи, хро́мии, хро́мыя* и др.). В памятниках XVI в. ударение *хромо́й* (*хромо́й*) встречается все чаще и в ряде микросистем уже полностью побеждает.

Возможно, такую же акцентную эволюцию проделало слово *скупо́й*. Исходная (для восточнославянского) акцентная парадигма здесь не вполне ясна: *b* или *c*. Если исходной была акцентная парадигма *b* (как в западнославянском, ср. чешск. *skoupý*, словацк. *skúpy*, польск. *skąpy*), то ударение *скупо́й* следует признать вторичным, возникшим под влиянием других слов рассматриваемой семантической группы.

Неисконным является ударение слов *чудно́й* и *чумно́й*.

Приведенные слова (прежде всего *хромо́й*) сами по себе показательны. И все же самым явным свидетельством формирования частного морфонологического правила о флексивном ударении у названий недостатков является то, что эта группа слов не подчинилась в ходе истории общему правилу о наосновном ударении у качественных прилагательных. С этой точки зрения показательно не только приобретение нового ударения словом *хромо́й*, но и сохранение старого ударения словами *глухо́й, немо́й, слепо́й, больно́й* и т.д., т.е. основной массой прилагательных данной группы. Существенно также, что нынешние исключения (*лысо́й, пьяно́й, люто́й* и др., см. выше) — это слова, просто сохраняющие свое старое ударение.

Обозначения цветов

§ 4. Прилагательные, обозначающие цвета (а также степени освещенности), независимо от своей морфологической структуры имеют в полных формах ударение на основе. Примеры: *бе́лый, че́рный, кра́сный, зеле́ный, ро́зовый, лило́вый, кори́чневый, белё́сый, пё́стрый, све́тлый, тёмный*.

Явное исключение только одно: *голубо́й*. В нескольких других случаях, на первый взгляд сходных, мы в действительности имеем дело со словами несколько иного значения.

а) Названия лошадиных мастей не подчиняются (в общем случае) приведенному правилу, ср. *гнедо́й, вороно́й*. Они стоят семантически ближе, чем обычные цветообозначения, к относительным прилагательным: качественный аспект (допускающий, в частности, градацию по степени проявления качества) здесь в значительной мере уступает место чисто классификационному.

б) Сходной семантической особенностью обладает также слово *цветно́й* (ср. недопустимость градации этого качества, в отличие, скажем, от *пёстры́й*).

в) Слова *рябо́й и седо́й* ведут себя в рассматриваемом отношении не как цветообозначения, а как термины из группы физических недостатков (§ 3).

Дополнительная особенность состоит в том, что производные слова данной группы с односложной основой (а также опростившиеся *кра́сный, све́тлый, тёмный*) имеют в кратких формах (хотя бы факультативно) флексийное ударение, например: *белá, бело́, белы́* (ср. *черно́, красно́, желто́, пестро́, светло́, темно́* и т.п.; подробнее см. Зализняк 1985, § 1.17).

Может возникнуть вопрос, нужно ли выделять цветообозначения в особую группу, коль скоро ударение их полных форм можно объяснить непосредственно общим принципом о наосновном ударении у качественных прилагательных. В действительности такое выделение все же целесообразно — по следующим причинам. Во-первых, у цветообозначений наосновное ударение полных форм выступает независимо от морфологической структуры, тогда как указанный общий принцип, согласно Зализняк, 1985, § 1.56 и 4.3, хорошо "работает" в основном лишь в сфере производных прилагательных. Иначе говоря, у цветообозначений наосновное ударение реализуется более последовательно, чем у качественных прилагательных в целом. Во-вторых, правило о наосновном ударении у цветообозначений в определенных случаях оказывается "сильнее", чем некоторые другие частные правила акцентуации прилагательных (см. ниже, § 5, об акцентуации антонимов). В-третьих, как уже отмечено, цветообозначения имеют некоторые общие особенности в акцентуации не только полных форм, но и кратких.

Как и в случае с обозначениями физических недостатков, можно привести типологические параллели для унификации цветообозначений по тому или иному внешнему признаку. Так, в арабском языке, уже использованном выше для сравнения, слова данной семантиче-

ской группы образуются по единой морфологической модели (в отличие от русского языка, той же самой, что для обозначений недостатков, — 'aʃalu), например: 'aḥmaru 'красный', 'aswadu 'черный'.

С диахронической точки зрения почти все русские цветообозначения просто сохраняют в полных формах первоначальное место ударения.

Акцентуация антонимических пар

§ 5. Выше были рассмотрены различные случаи акцентного сближения семантических сходных слов. Наряду с этим явлением существует, однако, и другое, менее известное: противопоставление двух прилагательных по значению (т.е. антонимия) может приводить к их акцентному "отталкиванию" ("поляризации"), т.е. к возникновению различия между их акцентными контурами.

Данное явление представлено, правда, не столь широко, как акцентное сближение семантически сходных слов, и выражается менее ярко и менее последовательно. Это обстоятельство легко объяснить. Дело в том, что значения антонимов противопоставлены всегда лишь по одному признаку (типа "наличие или отсутствие чего-то" или "большая или малая степень чего-то"), тогда как во всем остальном они как раз одинаковы, т.е. связаны ассоциацией типа сходства, а не типа различия. Между тем, как мы уже видели, ассоциация типа сходства в принципе стимулирует акцентное сближение. Иначе говоря, тенденция к акцентному отталкиванию всегда действует в некотором противоборстве с прямо противоположной тенденцией³ (тогда как тенденция к сближению в большинстве случаев свободна от подобного противодействия).

Соответственно, фактор акцентного отталкивания антонимов занимает довольно низкое место в иерархии факторов, воздействующих на акцентуацию слова. Прежде всего, он безусловно уступает морфологическому фактору, т.е. требованиям, вытекающим из акцентных свойств суффикса. Так, например, невозможность флексийного ударения полных форм при суффиксах -к- или -н' исключает какое бы то ни было акцентное противопоставление таких антонимов, как *жѣсткий—мѣгкий* или *рѣнный—пѣздный*. Далее, вхождение обоих антонимов в некоторую более широкую отчетливо выделяющуюся семантическую группу обычно обеспечивает перевес тенденции к сближению над тенденцией к отталкиванию; например, антонимы *бѣлый* и *чѣрный*, входящие в семантическую группу цветообозначений, имеют одинаковое ударение, а именно, такое, которое характерно для всей этой группы.

Необходимо также учитывать, что тенденция к отталкиванию действует слабее, чем принцип акцентного единства лексемы, т.е. если прилагательное имеет в разных значениях разные антонимы (с различными акцентными контурами), это не приводит к акцентному "расщеплению" данного прилагательного. Ср., например, *стѣрый—молодѣй* (с противопоставлением акцентных контуров) и *стѣрый—нѣвый* (с одинаковыми акцентными контурами). Этот принцип распро-

страняется не только на разные значения, но и на омонимы, при условии, что оба омонима являются качественными прилагательными⁴. Соответственно, ниже при разборе качественных прилагательных мы для упрощения не разграничиваем случаи полисемии и омонимии.

Как показывает наблюдение, тенденция к акцентному отталкиванию антонимов проявляется (в случаях, когда ей не препятствуют указанные выше факторы) тем заметнее, чем четче антонимическая связь между членами пары (т.е. чем теснее они ассоциируются друг с другом в сознании носителей языка) и чем употребительнее сами эти прилагательные.

Наиболее известный пример семантический группы прилагательных, где антонимам соответствуют разные акцентные контуры, — уже упомянутая выше (§ 2) восьмерка прилагательных пространственной оценки: *высо́кий—ни́зкий*, *глубо́кий—ме́лкий*, *широ́кий—у́зкий*, *дале́кий—бли́зкий*. В данном случае внешнее выражение антонимии в известной мере обладает даже свойством иконичности: прилагательные, обозначающие бо́льшую степень проявления рассматриваемого качества, на один слог длиннее, чем их антонимы.

Данная группа наиболее наглядна; имеется, однако, и ряд других пар сходного типа (правда, свойства иконичности в них может уже и не быть — существенно прежде всего само противопоставление акцентных контуров).

§ 6. Ниже приводится список важнейших антонимических пар (из числа качественных прилагательных), отчетливо осознаваемых носителями языка. В список не включались, однако, антонимы, образованные с помощью приставки *не-*, а также антонимические пары, полученные с помощью различных модифицирующих суффиксов от более простых пар (например, *то́лстый—ху́денький*, *длинно́ватый—коротко́ватый* и т.п.).

Разумеется, в любой из приводимых ниже пар антонимия в действительности существует не при всех значениях взятых прилагательных (обычно лишь при одном-двух главных значениях). Для нашей проблемы существенно, однако, что наиболее прочные ассоциации между словами в сознании носителей языка формируются именно на основе их главных значений. Отсюда легкость и быстрота, с которой носитель языка отвечает на вопрос типа: "Какое слово противоположно слову *живо́й*?" Он сразу же дает ответ: *ме́ртвый* (а не *вя́лый*, *ску́чный* и т.п., хотя в определенных условиях именно эти слова антонимичны слову *живо́й*). По-видимому, лишь в немногих случаях такого рода существует не одна главная ассоциация, а две различных, сопоставимых по прочности (типа *ста́рый—молодо́й* и *ста́рый—но́вый* или *ле́гкий—тяже́лый* и *ле́гкий—тру́дный*). Параллели этого типа включены в наш список; они записываются друг под другом, причем первым приводится слово, противопоставленное своему антониму по акцентному контуру (если таковое имеется).

Поскольку прочность ассоциативных связей зависит также от употребительности слов, при каждом слове указана его частота (по "Частотному словарю" — Частот. сл.). Внутри пары первым при-

водится член, встречающийся чаще, а весь список построен в порядке убывания частоты первых членов пар.

Там, где акцентное отталкивание невозможно из-за наличия более сильных противодействующих факторов (суффикс *-к-* или *-н'* в обоих членах пары, принадлежность пары к группе цветообозначений), антонимическая пара заключена в квадратные скобки (в тройке *твёрдый, жёсткий—мягкий* в таком положении оказывается только член *жёсткий*).

Пары (не стоящие в квадратных скобках), где акцентный контур обоих членов одинаков, отмечены слева знаком "!". Там, где такое совпадение наблюдается лишь для одного из двух параллельных антонимов, при таком антониме ставится помета NB.

<i>большой</i> 2066	— <i>маленький</i> 487	<i>весёлый</i> 183	— <i>грустный</i> 36
	<i>малый</i> 224	<i>смешной</i> 52	
<i>молодой</i> 608	— <i>старый</i> 468	<i>быстрый</i> 157	— <i>медленный</i> 36
<i>новый</i> 1722 (NB)		! <i>умный</i> 151	— <i>глупый</i> 99
		! <i>прямой</i> 142	— <i>кривой</i> 28
<i>высокий</i> 549	— <i>низкий</i> 116	<i>больной</i> 134	— <i>здоровый</i> 89
<i>хороший</i> 535	— <i>плохой</i> 128	! <i>тихий</i> 120	— <i>громкий</i> 39
<i>полный</i> 515	— <i>пустой</i> 123	! <i>твёрдый</i> 117	— <i>мягкий</i> 91
[<i>чёрный</i> 473	— <i>белый</i> 471]	[<i>жёсткий</i> 22]	
<i>разный</i> 341	— <i>одинаковый</i> 51	<i>виноватый</i> 113	— <i>правый</i> ⁵
<i>различный</i> 291		<i>полезный</i> 93	— <i>вредный</i> 48
<i>широкий</i> 312	— <i>узкий</i> 102	! <i>пьяный</i> 88	— <i>трезвый</i> 12
<i>тяжёлый</i> 296	— <i>лёгкий</i> 152	<i>сухой</i> 87	— <i>мокрый</i> 66
<i>трудный</i> 143 (NB)		! <i>редкий</i> 80	— <i>частый</i> 25
<i>простой</i> 287	— <i>сложный</i> 239	<i>острый</i> 77	— <i>тупой</i> 18
<i>живой</i> 282	— <i>мёртвый</i> 102	<i>голый</i> 73	— <i>одетый</i> 53
<i>добрый</i> 277	— <i>злой</i> 87	<i>тесный</i> 71	— <i>просторный</i> 36
<i>холодный</i> 241	— <i>тёплый</i> 145	<i>толстый</i> 69	— <i>худой</i> 32
	<i>горячий</i> 163 (NB)		<i>тонкий</i> 162 (NB)
<i>богатый</i> 238	— <i>бедный</i> 112	<i>густой</i> 62	— <i>жидкий</i> 27
! <i>сильный</i> 237	— <i>слабый</i> 98	<i>крутой</i> 52	— <i>пологий</i> 13
[<i>тёмный</i> 228	— <i>светлый</i> 116]	[<i>ранний</i> 46	— <i>поздний</i> 45]
! <i>чистый</i> 225	— <i>грязный</i> 59	[<i>горький</i> 43	— <i>сладкий</i> 33]
<i>дорогой</i> 224	— <i>дешёвый</i> 43	<i>голодный</i> 39	— <i>сытый</i> 25
<i>глубокий</i> 216	— <i>мелкий</i> 201	<i>сырой</i> 37	— <i>варёный</i> 5
<i>крупный</i> 349 (NB)		<i>слепой</i> 31	— <i>зрячий</i> 5
<i>близкий</i> 215	— <i>далёкий</i> 107	<i>босой</i> 25	• — <i>обутый</i> 2
<i>свободный</i> 198	— <i>занятый</i>	<i>скупой</i> 17	• — <i>щедрый</i> 12
	(и <i>занятой</i>) 48	<i>женатый</i> 16	— <i>холостой</i> 14

Напомним, что в связи с нестрогой постановкой самой задачи данный список не может претендовать на полноту и строгую точность. В частности, для некоторых пар (особенно в конце списка) можно было бы предложить в качестве вторых вариантов дополнительные члены (скажем, *влажный* и *сырой* в дополнение к *мокрый*, *редкий* в дополнение к *жидкий* и т.п.). Можно было бы добавить несколько пар с менее четким семантическим противопоставлением (например, *яркий—тусклый* или *яркий—бледный* и т.п.) или, на-

оборот, забраковать некоторые пары из конечной части списка (скажем, *сыро́й—варёный*).

Ясно, однако, что существенный для нашего разбора общий вывод от этих модификаций уже не изменился бы. Он состоит в том, что из числа антонимических пар, свободных от действия особых факторов (т.е. не заключенных в квадратные скобки), пары с совпадением акцентных контуров (помета "!"") составляют в полученном списке лишь незначительное меньшинство (8 из 43), а главное — самая частая из таких пар (*си́льный—сла́бый*) занимает лишь 14-е место по частоте.

Что касается случаев, когда совпадение акцентных контуров реализуется лишь при части значений одного из антонимов (помета NB), то, как уже было отмечено, они малопоказательны ввиду принципа единства акцентуации лексемы. Правда, судя по частотам, вариант с совпадением акцентных контуров в части случаев можно было бы считать основным. Так, в частности, *но́вый* встречается чаще, чем *молодо́й*, *то́нкий* — чаще, чем *худо́й*. Можно думать, однако, что, несмотря на статистику, вариант, связанный с описанием человека (*молодо́й*, *худо́й*), оказывается здесь более весомым при формировании акцентной оппозиции антонимов, чем вариант с более абстрактным значением (*но́вый*, *то́нкий*). Что касается пары *глубо́кий—ме́лкий*, то она прочно включена в блок оппозиций пространственных прилагательных на *-окий* и *-кий* (§ 5); поэтому она оказывается более весомой, чем пара *крупный—ме́лкий*, хотя *крупный* встречается чаще, чем *глубокий*.

§ 7. Зададимся теперь следующим вопросом: не может ли наблюдаемое в нашем списке соотношение антонимических пар с одинаковыми и с разными контурами быть результатом простой случайности? Иначе говоря — сильно ли отличается это соотношение от того, которое ожидалось бы при случайном выборе пар из общего массива русских качественных прилагательных?

В нашем списке антонимов фигурирует 104 слова (каждая многозначная единица типа *ста́рый* учитывается один раз). В акцентном отношении они делятся так: акцентный контур *пусто́й* (т.е. все прилагательные с флексийным ударением) — 23 слова (считая вариант *занято́й*); контур *ча́стый* — 54; контуры *высо́кий* и *ме́дленный* (т.е. с двусложной основой) — 25; контуры *виновáтый*, *одина́ковый* — 2.

Попытаемся теперь количественно оценить тот фонд качественных прилагательных, из которого эти слова были выбраны (оценка может быть только приблизительной, поскольку нестрога граница, отделяющая качественные прилагательные от относительных). Что касается прилагательных с контурами *пусто́й* и *ча́стый*, то здесь для наших целей можно воспользоваться, в частности, содержащимися в работе Зализняк 1967, с. 169-170 списками прилагательных, для которых словари приводят краткие формы. Прилагательных с акцентным контуром *пусто́й* в этих списках содержится 44, с контуром *ча́стый* — 330 (слова, "расщепленные" по значениям, сосчитаны по одному разу). Гораздо труднее оценить число качественных прилагательных с более длинной ударной основой; ясно лишь, что их

несколько тысяч (напомним, что в их число входят, в частности, прилагательные на *-истый, -астый, -атый, -оватый, -ивый, -чивый, -ливый, -имый, -енький*, очень многие на *-ный* и др.).

Из сопоставления приведенных цифр совершенно ясно, что количественное соотношение разных акцентных контуров в группе "хороших антонимов" решительно не соответствует их соотношению в классе качественных прилагательных в целом: из слов с контуром *пустой* в класс "хороших антонимов" вошла половина, из слов с контуром *частый* — менее одной шестой, из слов с контурами *высокий* *медленный* и более длинными — совершенно ничтожная часть.

Здесь необходимо, правда, учесть, что прилагательные последней категории, т.е. с относительно длинными основами, почти всегда многоморфемны. Соответственно, их значение складывается из целой серии компонентов, а для слов со сложным значением гораздо менее вероятно существование точного антонима, образованного иначе, чем с помощью приставки *не-*. Вдобавок, выше мы исключили из разбора антонимические пары типа *толстый—худенький* и т.п., что дополнительно сокращает для длинных слов шансы попасть в наш список антонимов. По этим причинам непропорционально малое число прилагательных с длинными ударными основами в списке "хороших антонимов" можно считать непоказательным.

Между тем соотношение прилагательных с контуром *пустой* и с контуром *частый* в нашем списке вполне показательное: первые представлены здесь примерно в три раза чаще, чем ожидалось бы при случайной выборке (из общего фонда качественных прилагательных с этими двумя контурами)⁶.

Таким образом, качественные прилагательные на *-ой* явно обнаруживают повышенную способность участвовать в формировании антонимических пар. При этом противоположные члены таких пар обычно оказываются принадлежащими к другим акцентным контурам (единственное исключение: *прямой—кривой*); но это обстоятельство само по себе уже не удивительно, если учесть указанные выше количественные соотношения прилагательных разных акцентных контуров.

Итак, на синхроническом уровне мы должны констатировать существование гораздо большего, чем ожидалось бы на основании общей статистики прилагательных, числа антонимических пар с противопоставлением акцентных контуров.

Заметим, что указанный вывод получен даже без учета частот входящих в антонимические пары прилагательных. Как легко видеть из приведенного выше списка, если бы учитывались лишь самые высокочастотные пары, этот вывод только усилился бы.

Кроме того, при подсчетах мы ради упрощения пренебрегли особыми отношениями, которые возникают в тройках типа *молодой* (но также *новый*)—*старый*, т.е. рассматривали все три члена таких троек как равноправные. В действительности же, как мы видели, часть случаев, когда оба члена антонимической пары принадлежат к одному и тому же контуру типа *частый*, относится именно к таким тройкам, т.е. не вполне показательна.

§ 8. С диахронической точки зрения в рассмотренной группе прилагательных картина такова.

Большая часть этих прилагательных (более 60) исторически принадлежит к акцентным парадигмам *a* и *b* и, соответственно, уже в древнерусском имела в полных формах ударение на основе. Почти все они сохранили такое ударение до нашего времени.

Важнейшим исключением здесь является самое высокочастотное слово — *большой*: оно получило в ходе истории новое ударение — флексивное. Точнее, исходное слово "расщепилось" на два слова с разным ударением: слово *больший* сохранило как старое значение (а именно, значение сравнительной степени), так и старое ударение, а слово *большой* отделилось от него как по значению (заменив собою прежнее *великий*), так и по ударению. Этой дифференциации (которая утвердилась не ранее XVII века) предшествовал значительный период, когда в обоих значениях могли выступать (в разных говорах, а нередко и в одном и том же) оба ударения. По-видимому, закреплению акцентовки *больший* именно за сравнительной степенью способствовала аналогичная акцентовка у *меньший*, *лучший*, *худший*, *горший* и т.п. С другой стороны, закреплению акцентовки *большой* за значением 'magnus' могло способствовать противопоставление со словом *малый* (где наосновное ударение исконно). Небезынтересно отметить в этой связи, что в украинском языке, где значение 'magnus' передается, как и в древнерусском, словом *великий*, в данной семантической паре тоже развилась (или, точнее, усилилась) акцентная оппозиция, но уже за счет изменения в противоположном члене: исконное ударение *малый* сменилось на современное украинское *малий*⁷.

У слова *сырой* флексивное ударение, по-видимому, неисконно; но утрата прежнего корневого ударения относится здесь к очень раннему времени (вероятно, до XVI в.). Причина этой индивидуальной замены неясна. О слове *скупой* см. § 3, о словах *высокий*, *широкий*, *близкий* — § 2.

Около 40 прилагательных нашего списка исторически принадлежат к акцентной парадигме *c*, т.е. имели в древнерусском флексивное ударение в полных формах. Из них лишь около половины сохранили это ударение до нашего времени; у остальных оно сменилось наосновным.

Часть случаев такой замены относится к очень раннему времени. Так, у отпричастных *горячий*, *зрячий*, *варёный* наосновное ударение установилось (по причинам морфологического характера) еще в древнерусскую эпоху.

Весьма рано (в большинстве говоров до XVI в.) получили наосновное ударение прилагательные *светлый*, *твёрдый*, *трезвый* (церковнославянизм), *свободный*; кроме того, *новый* и *тёмный* (у которых вариант с наосновным ударением, по-видимому, существовал уже в праславянском).

В дальнейшем в говорах центра, легших в основу русского литературного языка, получили наосновное ударение: 1) все прила-

гательные с суффиксом *-к-*, например, *то́нкий, го́ркий, сла́дкий, жи́дкий, гро́мкий, же́сткий* (иначе говоря, у таких прилагательных в этих говорах наосновное ударение было морфологизовано, т.е. стало обязательной сопутствующей характеристикой самого суффикса *-к-*); 2) прилагательные *ча́стый, весё́лый, дешё́вый, те́сный, хо́лодный, голо́дный, гря́зный* (возможно, сюда же нужно отнести еще слова *то́лстый, гру́стный, вре́дный*, но для них не вполне надежно восстанавливается первоначальная акцентовка). Очевидно, мы имеем здесь дело с проявлением общей тенденции к переводу всех качественных прилагательных в модель с наосновным ударением полных форм, развившейся в центральных (и южных) великорусских говорах; см. Зализняк 1985, § 3.58—59.

Обратимся теперь к прилагательным, сохранившим свое древнее флексийное ударение. Некоторая часть из них — это обозначения физических и психологических недостатков: *слепо́й, криво́й, худо́й, больно́й, сме́шной, холосто́й, плохо́й*, также *злой* (прилагательное акцентной парадигмы *b*, имеющее, однако, флексийное ударение из-за неслоговой основы). Для этих слов одним из факторов сохранения старого ударения (вероятно, даже основным) было частное семантическое правило, разобранный в § 3.

С другой стороны, почти все рассматриваемые здесь прилагательные на *-о́й* (как обозначения недостатков, так и прочие) входят в антонимические пары, где противоположный член имеет наосновное ударение. Таковы: 1) *молодо́й, плохо́й, пусто́й, просто́й, живо́й, злой, больно́й, сухо́й, тупо́й, круто́й, босо́й, холосто́й* — здесь наосновное ударение противоположного члена пары исконно; 2) *дорого́й, слепо́й, занято́й, густо́й* — здесь противоположный член пары некогда тоже имел флексийное ударение, но утратил его в ходе истории (остаются еще *худо́й* и *сме́шной*, принадлежность которых к группе 1 или 2 неясна из-за неясности исходной акцентовки слов *то́лстый* и *гру́стный*, см. выше). Допустимо предполагать, что в группе 1 по крайней мере одним из факторов, позволивших этим прилагательным не подчиниться общему правилу о переходе качественных прилагательных к наосновному ударению, была тенденция сохранить акцентное противопоставление внутри антонимической пары. Что касается группы 2, то здесь в принципе можно было бы даже предполагать прямую акцентную поляризацию членов пары; в действительности, однако, такое предположение до известной степени вероятно лишь для пары *дорого́й—дешё́вый* (слова *зря́чий, свобо́дный, жи́дкий*, по-видимому, изменили ударение по другим причинам). Но в любом случае верно, что после перехода слов *дешё́вый, зря́чий, свобо́дный, жи́дкий* к наосновному ударению здесь сложилась такая же ситуация, как в парах группы 1.

Не укладывается в эту схему всего одна пара: *прямо́й—криво́й*.

Легко заметить, разумеется, что предполагаемое воздействие фактора антонимии в ряде случаев не смогло воспрепятствовать общей тенденции качественных прилагательных к наосновному ударению. Так, например, *гря́зно́й, ча́сто́й* сменились на *гря́зный, ча́стый*, несмотря на то, что они образуют антонимические пары с *чи́стый*,

редкий. В условиях противоборства двух тенденций наличие подобных случаев не приходится удивляться; более показательно как раз то, что в достаточно большом числе случаев фактор антонимии получил перевес. Существенно также, что для самых частотных слов (т.е. стоящих во главе нашего списка) этот фактор более эффективен, чем для остальных.

Чтобы яснее представить себе вероятную картину формирования семантических факторов акцентуации прилагательных, необходимо учитывать, что уже в XVI—XVII вв. мы застаем на великорусской территории чрезвычайно широкие колебания в акцентуации полных форм прилагательных. Речь идет как о различиях в ударении одного и того же прилагательного в разных говорах, так и о многочисленных колебаниях внутри одного и того же говора (ср., в частности, Зализняк 1985, § 3.58—59). Так, практически для всех упоминаемых в настоящей работе прилагательных с односложной основой (из числа тех, которые вообще зафиксированы в старых текстах) в памятниках XVI—XVII вв. можно найти примеры как с наосновным, так и с флексийным ударением (хотя, разумеется, в далеко не одинаковых количественных соотношениях для разных слов). При подобных массовых колебаниях создаются благоприятные условия для перераспределения акцентов по новым основаниям — особенно в центре, где наиболее активен контакт носителей разных говоров. Процесс выработки литературной нормы (в данном случае в области акцентуации) дает дополнительные стимулы для такого перераспределения.

Замечание. Нельзя согласиться с нередко встречающимся (преимущественно в неявной форме) взглядом на формирующуюся в центре норму как на результат своего рода "чересполосного" соединения разнодиалектных явлений: скажем, такие-то слова или словоформы входят в норму с "северновеликорусским" ударением, а какие-то другие — с "южновеликорусским". Подобный упрощенно-механистический взгляд — остаток устаревших воззрений, согласно которым лингвистически последовательными системами являются лишь говоры, тогда как междиалектные койне и литературные языки представляют собой непоследовательные (и тем самым лингвистически менее интересные) конгломераты. В действительности в междиалектных койне и в литературных языках (если только последние не отделены от живой речи непроходимой гранью) часто создаются более благоприятные условия для реализации новых тенденций, например, в сфере акцентуации, чем в большинстве говоров. Междиалектное общение порождает широкую зону вариативности, и тенденция к новому распределению тех или иных элементов (окончаний, ударений и т.д.), т.е. к созданию какого-то достаточно прозрачного правила взамен прежнего, чисто традиционного (немотивированного) распределения, в этих условиях реализуется более беспрепятственно: речь идет лишь о выборе среди и без того бытующих вариантов, а не о прямой замене традиционного элемента нетрадиционным. Разумеется, не следует впадать в обратную крайность: нельзя отрицать специфики литературного языка, допускающей искусственные нормы, требующей некоторого "торможения" тенденций разговорной речи и т.д. Важно лишь подчеркнуть, что литературный язык (если только он не является привилегией совсем узкой элиты) представляет собой полноценный лингвистический объект, развитие которого — по крайней мере, в кардинальных моментах, а не в деталях — определяется в первую очередь собственно языковыми механизмами.

Можно думать, таким образом, что как общая тенденция к переходу качественных прилагательных в тип с наосновным ударением, так и более частные тенденции, например, к флексийному ударе-

нию у названий недостатков или к акцентному противопоставлению в антонимических парах, фактически реализовались в центре великорусской территории в основном через выбор из сосуществующих акцентных вариантов.

§ 9. Итоги проведенного разбора таковы. На синхроническом уровне современного литературного русского языка оказывается возможным уточнить формулировку правила о качественных прилагательных, данную в работе Зализняк 1985, § 1.56. Основной принцип, согласно которому качественные прилагательные имеют в полных формах ударение на основе, должен быть признан всеобщим (не имеющим морфологических ограничений); иначе говоря, он распространяется не только на производные, но и на непроизводные прилагательные. С другой стороны, он должен быть дополнен несколькими частными семантическими правилами: 1) названия физических и психологических недостатков обычно имеют флексийное ударение в полных формах; 2) цветообозначения имеют наосновное ударение в полных формах; 3) при наличии антонима с наосновным ударением прилагательное может иметь флексийное ударение вопреки сформулированному выше основному принципу.

После принятия этих уточненных формулировок, во-первых, следующие прилагательные, квалифицированные в работе Зализняк 1985, § 1.58, как прямые исключения из правил, перестают быть исключениями: *чудно́й, блажно́й, срамно́й, дрянно́й, дурно́й, смешно́й, шально́й, хмельно́й, больно́й, сволочно́й, баловно́й, пробивно́й, озорно́й, разбитно́й* (из приведенного в указанном параграфе списка статус исключений сохраняют лишь слова *цветно́й, коренно́й, проливно́й, показно́й*).

Во-вторых, распределение непроизводных качественных прилагательных по схемам ударения (полных форм) перестает быть чисто списочным: оно переходит в ведение тех же правил, что и для производных прилагательных. Подавляющее большинство из них подчиняется просто основному принципу, например: *стро́гий, ти́хий, твёрдый, ми́лый, бо́дрый, ча́стый* и т.п.; по существу сюда же примыкают цветообозначения — *бе́лый, си́ний, же́лтый* и т.д. Названия физических и психологических недостатков, например, *глухо́й, хромо́й, рябо́й, лихо́й* и т.п., подчиняются соответствующему более частному правилу (специально отметим, что прилагательные *криво́й* и *косво́й* при любых значениях сохраняют ударение, полученное в силу данного правила). Далее идут случаи, где отклонение от основного принципа может быть объяснено фактором акцентного отталкивания при антонимии. Сюда можно отнести: *большо́й, молодо́й, пусто́й, просто́й, живо́й, дорого́й, сухо́й, тупо́й, густо́й, круто́й, сыро́й, босо́й, холосто́й*. В словах *плохо́й, худо́й, скупо́й* (отчасти также *босо́й, холосто́й*) одновременно действуют правило об ударении в обозначениях недостатков и фактор антонимии. Поскольку принцип акцентного отталкивания при антонимии действует без полной обязательности, приведенный перечень с формальной точки зрения необходим; однако наличие единого основания, по которому

выделена эта группа прилагательных, существенно отличает данный перечень от обыкновенного списка исключений. Особо стоит небольшая группа прилагательных, где действию общих правил препятствует книжный (или даже церковный) характер слова: *благóй, свято́й, наго́й, младóй*. После всего этого прямыми исключениями (где не усматривается каких-либо иных причин для отклонения, кроме простого наследования традиционного ударения) остаются лишь *туго́й* и *прямо́й*.

С диахронической точки зрения, основной выигрыш от предложенной выше схемы состоит в том, что главное направление акцентной эволюции качественных прилагательных в говорах, легших в основу русского литературного языка, объясняется одной и той же тенденцией для прилагательных любой морфологической структуры, т.е. как производных, так и непроизводных.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Особо стоит *босо́й*, которое лишь отчасти сближается с данной семантической группой.
- ² С учетом исторической ретроспективы, вероятно, можно было бы присоединить сюда еще и слово *молодо́й*, которое первоначально явно имело коннотацию неполноценности.
- ³ Неслучайно для некоторых пар антонимов иногда предполагают даже акцентное сближение; так, Л.А. Булаховский допускает возможность такого сближения (в украинском языке) для *прямо́й* и *криво́й* и для *товсто́й* и *худо́й* (Булаховский, с. 367, 370).
- ⁴ Если это условие не соблюдено, акцентная дифференциация возможна, ср. *связа́ный* и *связа́ной*, *вре́менный* и *вре́менной* и т.п., см. Зализняк 1985, § 1.57.
- ⁵ *Пра́вый* имеет общую частоту 204, но из этого числа большая часть несомненно приходится на долю прилагательного *пра́вый* 'dexter', которое здесь не рассматривается, так как является относительным.
- ⁶ Чтобы освободиться от подозрения, что такой эффект возникает целиком за счет влияния суффиксов, можно проделать аналогичные подсчеты для одних лишь непроизводных прилагательных с контурами *пусто́й* и *ча́стый*. Поскольку граница между производными прилагательными и опростившимися (типа *мо́крый, рыхло́й, краси́мый*) не совсем четка, цифры здесь не вполне строгие. Но в целом результат получается сходный с указанным выше: контур *пусто́й* и здесь представлен гораздо чаще (примерно в два раза), чем ожидалось бы при случайной выборке.
- ⁷ Вероятно, изменение исконного ударения *сла́бый* на украинское *сла́бий* объясняется сходным образом: ср. его антонимы *си́льный, ду́жий*; отметим, что Л.А. Булаховский именно ударения *сла́бий* и *мало́й* выделяет как неясные (Булаховский, с. 368).

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Булаховский — *Булаховский Л.А.* Избр. тр. В 5-ти томах. К., 1977. Т. 2.
 Деулин. сл. — *Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. И.А. Оссовецкого. М., 1969.*
 Зализняк 1967 — *Зализняк А.А.* Русское именное словозначение. М., 1967.
 Зализняк 1985 — *Зализняк А.А.* От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
 Частот. сл. — *Частотный словарь русского языка / Под ред. Л.Н. Засориной. М., 1977.*
 ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1974—1985. Вып. 1—12.*
 Jakobson — *Jakobson R.* Spatial relationships in Slavic adjectives // *Scritti in onore di Giuliano Bonfante. Brescia, 1977. Vol. 1.*

ДРУГИЕ РАБОТЫ
ПО ИСТОРИИ РУССКОГО УДАРЕНИЯ

«МЕРИЛО ПРАВЕДНОЕ» XIV ВЕКА КАК АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Предисловие к изданию 1990 года

В ходе начатой в 1975 г. работы над рукописями XVI–XVII вв., предпринятой для изучения старовеликорусской акцентуации, мне стали встречаться рукописи, различающие фонемы /э/ и /ѣ/. Помимо той системы их графического различения, которая была описана Л. Л. Васильевым («каморной», см. ниже, §§ 1.1, 2, 4), обнаружилась также — в рукописи «Травник» (§ 1.3) — «омеговая» система, при которой фонема /ѣ/ передается буквой ѡ. Поскольку рукописи, различающие /э/ и /ѣ/, представляют для акцентолога особый интерес, вопрос о том, как записываются в рукописи слова с /э/ и с /ѣ/, стал для меня предметом специального внимания при изучении любой новой рукописи. Знакомство (в августе 1976 г.) с фототипическим изданием «Мерила Праведного» XIV в. было почти случайным, поскольку эта рукопись никоим образом не входила в рамки изучаемого мною хронологического интервала. Всего нескольких страниц текста было достаточно, чтобы стало ясно, что в рукописи представлена «омеговая» система различения фонем /э/ и /ѣ/. С очевидностью возникла задача исчерпывающего обследования данной рукописи и полного анализа отразившегося в ней распределения фонем /э/ и /ѣ/, который, в свою очередь, позволил бы восстановить (хотя бы частично) стоящую за этим распределением акцентологическую систему.

К концу 1976 г. обследование «Мерила Праведного» (по изданию и по оригиналу) было закончено. Выяснилось, однако, что полное изложение полученных результатов составляет (при условии приведения всего необходимого материала) текст весьма значительного объема — намного больше обычной статьи. Исследование состояло из трех глав, обладавших некоторой степенью тематической самостоятельности. Чтобы упростить и ускорить выход работы в свет, было принято решение опубликовать ее в виде серии непосредственно продолжающих друг друга статей.

Первая глава исследования посвящена общему описанию памятников, графически различающих /э/ и /ѣ/, и методологическим проблемам, связанным с извлечением из таких памятников лингвистически значимой информации. Она опубликована в форме статьи: *Зализняк А. А. Новые данные о русских памятниках XIV–XVII веков с различением двух фонем «типа о» // Советское славяноведение, 1978, № 3, с. 74–96.*

Вторая глава посвящена исследованию закономерностей распределения букв *o* и *ω* конкретно в «Мериле Праведном». Основной задачей этой главы является отделение случаев, когда выбор буквы *o* или *ω* несет определенную акцентологическую информацию, от случаев, когда он такой информации не несет. Тем самым данная глава выступает в качестве необходимого предварительного этапа для собственно акцентологического исследования. Эта глава опубликована в форме статьи: *Зализняк А. А.* Противопоставление букв *o* и *ω* в древнерусской рукописи XIV века «Мерило Праведное» // Советское славяноведение, 1978, № 5, с. 41–68.

Третья глава исследования, подготовленная двумя предыдущими, является основной: она содержит описание всего акцентологически значимого материала «Мерила Праведного» и характеристику отразившейся в этом памятнике акцентологической системы. Эта глава опубликована в следующей форме: *Зализняк А. А.* Акцентологическая система древнерусской рукописи XIV в. «Мерило Праведное» // Славянское и балканское языкознание. История литературных языков и письменность. М., 1979, с. 47–128.

Понятно, однако, что необходимость обращения к серии статей (к тому же опубликованных в разных изданиях) вместо единой книги составляет неудобство для читателей. Вдобавок, статейная форма публикации не позволила нам дать указатели. Поэтому мы считаем весьма удачной представившуюся ныне возможность издать заново исследование о «Мериле Праведном» в исконном едином виде (и в сопровождении отсутствовавших ранее указателей). В качестве приложения к основному тексту книги дана статья «Дополнительные замечания об омеге в «Мериле Праведном»» (Советское славяноведение, 1985, № 4, с. 97–107), в которой более полно обсуждается ряд положений данной книги в связи с появлением важной статьи Дж. Шевелева, посвященной этой теме (*Shevelov G. Y.* An alternative analysis of some language features of «Měriło Pravednoje» // Festschrift für Gerta Hüttl-Folter zum sechzigsten Geburtstag. – Wiener Slawistischer Almanach 13, 1984, 295–305).

Для упрощения издания и гарантии от новых опечаток текст не набирался заново. Соответственно, полностью сохраняются номера параграфов и сносок, что дает возможность использовать любые ссылки на те или иные места работы без каких-либо пересчетов. Исправлены лишь замеченные опечатки и некоторые мелкие детали. Более существенные дополнения или уточнения даны отдельно в конце глав.

Замечание. Отказ от нового набора влечет за собой, правда, и некоторые неудобства — как мы надеемся, небольшие. Так, следует учитывать, что в главах 1 и 2 буква *а* передается через *я*, буква *к* — через *е*, между тем как в главе 3 (основной) *а* и *к* сохранены в соответствии с оригиналом. Далее, в начале глав 2 и 3 содержатся короткие пересказы предшествующих глав, которые в рамках книги, строго говоря, излишни (впрочем, они все же делают более отчетливой композицию работы и внутреннюю связь ее частей).

Названия глав несколько упрощены по сравнению с названиями соответствующих статей (поскольку в рамках книги отпадает необходимость повторять одни и те же уточнения в разных главах). Напомним, что внутренние отсылки из одной главы в другую сохранены в прежнем виде, т. е. первые две главы обозначаются при отсылках не номерами, а условными сокращениями: глава 1 — «Новые данные», глава 2 — «Противоп.»

Приношу благодарность Е. А. Гришиной, составившей указатели к книге.

Я глубоко благодарен профессору Вернеру Лефельдту, выступившему с инициативой настоящего издания и взявшего на себя его организацию, а также госпоже Гизеле Нашвиц, госпоже Галине Шульте, профессору Себастьяну Кемпгену и господину Маркусу Хубеншмиду, вложившим большой труд в подготовку книги к печати.

Предисловие к настоящему изданию

При подготовке настоящего издания в текст книги «"Мерило Праведное" XIV века как акцентологический источник» были внесены небольшие исправления и дополнения.

Работа «Дополнительные замечания об омеге в "Мериле Праведном"», данная в издании 1990 года в качестве приложения, преобразована в четвертую главу и подразделена на параграфы.

Во избежание искажений, возможных при двойной перепечатке, вошедшие в книгу статьи воспроизведены по их первоначальному набору. Указатель слов набран заново.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Новые данные о русских памятниках XIV-XVII веков с различием двух фонем “типа о”	536
Общие сведения (§§ 1.1-6). Общие сведения о “Мерило Праведном” (§§1.7-14). Особенности графической передачи фонем /о/ и /ѳ/ в восточнославянских памятниках (§ 1.15). Принцип факультативности выражения /ѳ/ (§ 1.16-17). Коэффициент выраженности /ѳ/ (§§ 1.18-22). Обзор способов использования графем класса о (§§ 1.23-24). Свидетельства средневековых грамматистов о двух фонемах “типа о” (§ 1.25)	
Дополнения к главе 1.....	559
Глава 2. Противопоставление букв о и ѱ в “Мерило Праведном”	560
Исходные положения (§§ 2.1-3).....	560
Правила распределения о и ѱ в Мерило.....	562
Общие сведения (§§ 2.4-6). О из раннедревнерусского ѣ (§§ 2.7-8). О из раннедревнерусского о. Основная часть материала (§§ 2.9-11). О во втором заударном слоге и вопрос о второстепенном ударении в говоре Мерила (§§ 2.12-19). О в перестроенном начальном слоге (§§ 2.20-2.27). Особые случаи (§§ 2.28-30). Заключение (§2.31)	
Дополнения к главе 2.....	588
Глава 3. Акцентная система “Мерила Праведного”	589
I. Исходные положения.....	589
Общее (§§ 3.1-3). Установление акцентуации словоформ по написаниям Мерила (§ 3.4). Акцентные парадигмы и акцентные кривые (§§ 3.5-7). Вспомогательные указания (§§ 3.8-10)	
II. Анализ акцентной системы Мерила	600
Общее (§§ 3.11-13)	600
Главное субстантивное склонение.....	602
Мужской морфологический род. Общее (§§ 3.14-17). Разбор материала. Непроизводные и опростившиеся слова (§§ 3.18-22). Бессуффиксальные производные (§ 3.23). Суффикс -ец-ь (§ 3.24). Суффикс -ник-ь (§ 3.25). Прочие суффиксы (§ 3.26). Средний морфологический род. Общее (§ 3.27). Разбор материала. Непроизводные и опростившиеся слова (§ 3.28). Суффикс -ств-о (§§ 3.29-30). Суффикс -л-о (§ 3.31). Прочие суффиксы (§ 3.32). Женский морфологический род. Общее (§§ 3.33-35). Разбор материала. Непроизводные и опростившиеся слова (§§ 3.36-37). Бессуффиксальные производные (§ 3.38). Суффикс -от-а (§§ 3.39-40). Прочие суффиксы (§ 3.41)	

Второстепенное субстантивное склонение.....	625
Общее (§ 3.42). Разбор материала. Общее (§ 3.43).	
Суффикс <i>-ост-ь</i> (§ 3.44-45)	
Адъективное склонение.....	628
Общее (§§ 3.46-49). Разбор материала. Непроизводные и опростившиеся слова (§§ 3.50-53). Бессуффиксальные производные (§ 3.54). Сравнительные степени (§ 3.55).	
Суффикс <i>-н-</i> (§ 3.56-60). Суффикс <i>-ск-</i> (§ 3.61). Суффиксы <i>-ов-</i> и <i>-ян-</i> (§ 3.62). Суффикс <i>-к-</i> (§ 3.63-64). Прочие суффиксы (§ 3.65)	
Местоименное склонение	646
Общее (§ 3.66-67). Разбор материала. Основная группа (§§ 3.68-70). Смешанная группа (§§ 3.71-72)	
Неизменяемые слова (§ 3.73).....	651
Спряжение	651
Общее (§ 3.74) Основная часть глагольной парадигмы Глаголы на <i>-ити</i> (§§ 3.75-78). Глаголы на <i>-ѣти, -яти</i> (с презенсом на <i>-ить</i>) (§ 3.79). Глаголы на <i>-ати</i> (<i>-аеть</i>), <i>-ѣти</i> (<i>-ѣть</i>) (§ 3.80). Глаголы на <i>-овати</i> (§ 3.81). Глаголы с презенсом на <i>-еть</i> (после согласной) (§ 3.82-84)	
Страдательные причастия.....	660
Общее (§ 3.85). Причастия с суффиксами <i>-ом-, -ем-, -им-, -ен-</i> (§§ 3.86-88). Причастия с суффиксом <i>-н-</i> (§ 3.89). Причастия с суффиксом <i>-т-</i> (3.90). Сравнение акцентуации причастий в Мериле и Чуд. (§ 3.91)	
Заключение (3.92).....	667
Принятые сокращения.....	669
Дополнения к главе 3.....	670
Глава 4. Дополнительные замечания об омеге в “Мериле Праведном”	671
Дополнение 2010 года	684
Указатель слов	685
Избранная библиография	706

Глава I

НОВЫЕ ДАННЫЕ О РУССКИХ ПАМЯТНИКАХ XIV—XVII ВЕКОВ С РАЗЛИЧЕНИЕМ ДВУХ ФОНЕМ «ТИПА О»

§ 1. Для исторической фонологии и акцентологии славянских языков большую ценность представляют данные о противопоставлении двух фонем «типа о» в целом ряде славянских языков, в частности, в восточнославянских.

В лингвистической литературе¹ указано более десяти старовеликорусских рукописей, различающих графическими средствами две фонемы на месте современного литературного /о/ — условно /ô/ и /ɔ/. Как известно, противопоставление двух фонем «типа о», примерно так же распределенных по словоформам, как и в рукописях, сохранилось в ряде великорусских говоров. Предполагается, что в эпоху, отраженную рукописями, две фонемы «типа о» реализовались приблизительно так же, как в современных говорах, а именно, /ɔ/² было открытым, а /ô/ — закрытым или дифтонгическим (типа [yo])³. Рукописи данной группы относятся к хронологическому интервалу от конца XV по конец XVI века; за исключением одной рукописи, написанной в Дмитрове, все они написаны (одни определенно, другие предположительно) в северо-западновеликорусской зоне.

¹ См. Л. Л. Васильев. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII веков. К вопросу о произношении звука о в великорусском наречии. Л., 1929; N. D u g n o v o. Manuscrits russes distinguant l'ancien o «acute» et l'o d'une autre origine. Annales Acad. Scient. Fennicae, ser. B, t. 27. Helsinki, 1932; В. В. Колесов. [ô] (о закрытое) в древненовгородском говоре. «Исследования по грамматике русского языка», т. 3. Л., 1962; е г о ж е. Эволюция фонемы [ô] в русских северо-западных говорах. Научные доклады высшей школы. Филологич. науки, 1962, № 3; е г о ж е. Знаки ударения и надстрочные знаки в русских рукописях XIV—XV вв. «Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР», вып. I. М., 1973; е г о ж е. Надстрочные знаки «силы» в русской орфографической традиции. «Восточнославянские языки. Источники для их изучения». М., 1973. Единственным полным описанием распределения /ô/ и /ɔ/ в конкретных рукописях (а именно, в псалтири F.I.7 и сборнике Софийск. 1460 Ленинградской Публичной библиотеки) до сих пор остается названная выше классическая работа Л. Л. Васильева. Гораздо менее полны описания еще нескольких рукописей данного типа, содержащиеся в указанных статьях Н. Н. Дурново и В. В. Колесова.

² Мы предпочитаем обозначать данную фонему как /ɔ/ (а не просто /о/, как обычно), чтобы избежать нежелательного смешения с единым «средним» /о/ литературного языка. В самом деле, элемент /ɔ/ четырехчленного ряда /y/ — /ô/ — /ɔ/ — /a/ не равен элементу /о/ трехчленного ряда /y/ — /о/ — /a/ ни структурно, ни даже фонетически. Более того, дифтонгоидный характер литературного /о/ = [yo] фонетически сближает его как раз со старовеликорусским /ô/, а не /ɔ/.)

³ Предполагают также, что /ô/ было, кроме того, более напряженным и/или более долгим, чем /ɔ/.

С другой стороны, О. А. Князевская обнаружила последовательно графически выраженное противопоставление двух разных фонем «типа о» в галицко-волынском евангелии (предположительно первой половины XIV века) библиотеки МГУ, № 1367⁴.

Во всех известных старорусских рукописях рассматриваемого типа, кроме одной, фонема /ô/ передается буквой *o* (или *ω*) со знаком каморы ([^])⁵, а фонема /o/ — буквой *o* (или *ω*) без каморы. В одной рукописи, описанной В. В. Колесовым (в статье «[ô] в древнеовгородском говоре», см. сноску 1), использована другая система: /ô/ передается буквой *ω*, а /o/ — буквой *o*. Это же графическое противопоставление (*ω* — *o*) представлено в галицко-волынской рукописи, отмеченной О. А. Князевской.

§ 2. В отделе рукописей и в отделе редких книг Гос. библиотеки им. В. И. Ленина (далее: ГБЛ) и в отделе рукописей Гос. Исторического музея (далее: ГИМ) мне удалось обнаружить еще ряд памятников, различающих /ô/ и /o/⁶, причем в их числе оказались не только рукописи, но и старопечатные книги. Из этих памятников древнейшим и наиболее интересным с лингвистической точки зрения является Мерило Праведное XIV века (см. § 3); поэтому ему ниже уделено наибольшее внимание.

В настоящей статье, во-первых, указываются обнаруженные памятники с различением /ô/ и /o/ (§ 3—6) и даются первоначальные сведения о Мериле Праведном (§ 7—14), во-вторых, разбираются общие вопросы, связанные с графикой и орфографией памятников данного типа и извлечением из них лингвистически значимой информации (§ 15—25).

Разумеется, утверждение о том, что в перечисляемых ниже памятниках разные графические обозначения соответствуют двум разным фонемам «типа о» (а не распределены, например, случайным образом), требует лингвистического обоснования. Однако в рамках настоящей статьи мы не имеем возможности приводить для каждого памятника такое обоснование и вынуждены ограничиться лишь декларацией о том, что анализ материала приводит именно к такому выводу. Следует учитывать, впрочем, что хорошее соответствие между графическими обозначениями и фонемами не обязательно означает, что писец различал /ô/ и /o/ в собственной речи. Такого же результата мог достичь и писец, их не различавший, если он был обучен строго соблюдать некоторые механические орфографические правила (типа правил написания *ѣ* в дореволюционной русской орфографии). По-видимому, в большинстве перечисляемых ниже памятников представлен первый из этих случаев и лишь в некоторых — второй (см. § 19).

Графемы, служащие для передачи фонем «типа о» (т. е. /ô/, /o/ и единого /o/, см. сноску 2), вместе обозначаются ниже как графемы класса *O*. При записи словоформ как обобщающий символ для всех графем класса *O* может быть использован знак *O*; например, *инOгO* есть обобщение различных возможных записей данной словоформы. Практически в статье рассматриваются лишь следующие графемы класса *O*:

⁴ К сожалению, сообщение об этом не публиковалось. Настоящее сообщение дается с любезного согласия О. А. Князевской, которой автор приносит благодарность за указание данной рукописи, а также за разнообразную помощь в работе над рукописями.

⁵ Точнее говоря, камора ставится над целым слогом, содержащим такое *o* (*ω*), т. е. начинается еще над согласной буквой.

⁶ Приношу глубокую благодарность И. В. Лёвочкину, Н. Б. Тихомирову, М. В. Щенкиной, Н. А. Щербачевой и другим сотрудникам отделов рукописей ГБЛ и ГИМ за помощь в работе по разысканию рукописей данного класса, а также Л. П. Грязиной, которая по моей просьбе провела датировку по бумажным знакам рукописей ГБЛ, ф. 304, № 329; ф. 242, № 3.

«о узкое», «о широкое», «о единое» (т. е. обычное *o*, выступающее в графических системах, где нет противопоставления широкого и узкого *o*) и ω .

Графическая система, в которой фонема / δ / передается через ω , обозначена ниже как «омеговая»; система, где для передачи / δ / используется камора, — как «каморная». Кроме того, в статье рассматриваются еще две системы, обозначенные формулами «о узкое = / δ /» и «о широкое = / δ /».

§ 3. Рукописи с омеговой системой. Мерило Праведное XIV века. ГБЛ, ф. 304 (Троицкое собр.), № 15; далее сокращенно: Мерило Праведное (или просто Мерило). Фототипическое издание: Мерило Праведное по рукописи XIV века. Издано под наблюдением акад. М. Н. Тихомирова. М., 1961. Рукопись не акцентуирована⁷. Ввиду особой важности этого памятника он рассматривается отдельно (§ 7—14).

Травник и лечебник. ГБЛ, ф. 37 (собр. Большакова), № 431 (далее сокращенно: Травник). Конец XVI — первая треть XVII в. По особенностям написаний (частое смешение безударных *o* и *a*, смешение *g* и *x* в конце слова, регулярное *-ть* в окончаниях презенса, инфинитив *рѣсти*, словоформы *нхтрю* Д. ед., *комарѣ* И. мн., В. мн.) рукопись однозначно определяется как южновеликорусская. Учитывая, кроме того, что в Травнике часто пишется *-ово*, *-ова*, *-ѡва* в Р. ед., обычно пишется *мѡбъ*, *нѡбъ*, *покрѡи* и т. п., встретились *инпѡтѣго*, *процѡдѣ* (с *я*, *a* перед мягкой согласной), М. ед. *во оутрѡбя*, И. мн. *ради* «рады» (о женщинах), можно с некоторой осторожностью предположить, что рукопись локализуется в зоне Курск — Орел — Мценск — Елец (т. е. зоне, обладающей в настоящее время всеми соответствующими особенностями одновременно).

§ 4. Рукописи с каморной системой. Псалтирь с воследованием. ГБЛ, ф. 304 (Троицкое собр.), № 329 (далее: Троицкая псалтирь). Составная рукопись, писавшаяся с последней четверти XV в. по середину XVI в. Каморная система во всех почерках части 1 — 5376⁸.

Пролог. ГБЛ, ф. 354 (Вологодское собр.), № 19. В 1516 г. был послан в Вологду из Новгорода. Каморная система в почерке 3б — 1276.

Евангелие-апракос. ГБЛ, ф. 242 (собр. Прянишников), № 3. Первая пол. XVI в. Вклад в церковь Спаса на Нередице в Новгороде. Камора ставится не только над *o*, передающим / δ /, но и над *ѡ*.

Евангелие-тетр. ГБЛ, ф. 178 (Музейное собр.), № 3650 (далее: Муз. 3650). Первая пол. XVI в. Принадлежало монастырю Св. Духа в Новгороде. См. также § 5.

Пандекты и тактикон Никона Черногорца. ГБЛ, ф. 173 (собр. Московной академии), № 56. 1550-е годы.

Великие Минеи Четьи («Успенские») митрополита Макария (до 1552 г.). Июль⁹. ГИМ, Синодальное собр., 996. Каморная система почти во всех почерках первой половины рукописи (1—636б). Камора ставится не только над *o*, передающим / δ /, но и над *ѡ*, *ou*, *ю*.

Все рукописи данной группы определены или предположительно относятся к северо-западновеликорусской зоне.

Имеется также довольно много рукописей XVI века, в которых камора над *o*, передающим / δ /, встречается, но очень редко.

§ 5. Рукописи с системой «о узкое = / δ /». Е. В. Тугай, которая по моему предложению провела детальное обследование рукописи Муз. 3650 (см. § 4), заметила, что под каморой в этой рукописи

⁷ Тогда как все прочие перечисляемые ниже памятники акцентуированы (что даже уже особо не отмечается).

⁸ Здесь и в дальнейшем даются ссылки на страницы рукописи; страница на лицевой стороне листа обозначается просто номером листа, страница на обороте — тем же номером с буквой «б».

⁹ Мною просмотрена только минея на июль; однако есть все основания полагать, что и в остальных 11 минеях Успенского списка есть почерки, различающие / δ / и / ω /.

почти всегда ставится узкое *o*, а без каморы — широкое. При этом, однако, если камора отсутствует «незаконно» (т. е. там, где произносилось /ô/), обычно ставится узкое, а не широкое *o*; тем самым противопоставление узкого и широкого *o* выступает как особое средство различения фонем /ô/ и /o/, не полностью подчиненное более обычному средству — наличию или отсутствию каморы¹⁰.

В дальнейшем, просмотрев рукописи, исследованные Л. Л. Васильевым, Е. В. Тугай обнаружила, что в одной из них, а именно в так называемом Софийском сборнике (Софийск. 1460, см. сноску 1), узкое и широкое *o* используются точно так же, как в Муз. 3650. Эта же система представлена в почерке 4626 — 4826 Троицкой псалтири.

Таким образом, в настоящее время система «*o* узкое = /ô/» засвидетельствована только в сочетании с каморной.

§ 6. Рукописи и старопечатные книги с системой «*o* широкое = /ô/». Как оказалось, существовала еще одна система различения фонем /ô/ и /o/, использующая разницу между широким и узким *o*. Она прямо противоположна предыдущей, а именно, *o* широкое передает здесь /ô/, *o* узкое — /o/. В отличие от предыдущей, эта система применяется не в дополнение к каморной, а самостоятельно.

Эта система используется во всех так называемых безвыходных изданиях (№ 1—6 по каталогу А. С. Зёрновой¹¹), напечатанных в анонимной типографии, которая работала, как предполагают, в Москве в 1553—1564 гг.¹² Лучшим образцом применения этой системы является так называемое узкошрифтное евангелие (№ 4 по Зёрновой). В среднешрифтных евангелии и псалтири (№ 1, 2 по Зёрновой) и широкошрифтных евангелии и псалтири (№ 5, 6 по Зёрновой) эта же система проведена с заметным числом ошибок (см. об этом § 19). В Триоди постной (№ 3 по Зёрновой) данная система соблюдается, хотя и не безусловно, только на нескольких начальных листах, после чего противопоставление широкого и узкого *o* утрачивается (одновременно с почти полным исчезновением знаков ударения). На единственной известной сейчас исследователям странице Триоди цветной¹³ данная система соблюдена.

Помимо печатных книг, эта система обнаружена в одной из рукописей, связанных с анонимной типографией¹⁴, а именно: Тактикон Никона Черногорца. ГБЛ, ф. 304 (Троицкое собр.), № 213. 1550-е годы.

Общие сведения о Мериле Праведном

§ 7. Не претендуя на полное палеографическое и орфографическое описание Мерила Праведного¹⁵, рассмотрим некоторые его особенности, существенные для нашей основной проблемы.

¹⁰ См. Е. В. Тугай. Различение двух фонем «типа о» в старовеликорусской рукописи XVI в. «Языковая практика и теория языка», вып. 2. М., 1978.

¹¹ А. С. Зёрнова. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII вв. Сводный каталог. М., 1958.

¹² Этим изданиям посвящена довольно обширная научная литература; см., в частности: Е. Л. Немировский. Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров. М., 1964, с. 146—269. Выказывалось также предположение, что анонимных типографий было несколько. Заметим, что единство графической системы, притом столь необычной, во всех изданиях данной группы является важным дополнительным аргументом против такого предположения.

¹³ См. Е. Л. Немировский. Там же, с. 191.

¹⁴ См. там же, с. 259.

¹⁵ Рукопись неоднократно описывалась; отметим здесь только описание, принадлежащее В. П. Любимову, в кн. Правда Русская, т. I. М.—Л., 1940, с. 89—99 (там же указаны все более ранние описания), а также статью: Л. В. Милова. Из истории древнерусской книжной письменности XIV века (палеографические наблюдения). Вестник Моск. ун-та. История, 1963, № 3.

Мерило Праведное из Троицкого собрания—рукопись на 349 листах¹⁶ пергамена, писанная уставом XIV века. Ни дата, ни место написания в рукописи не обозначены. По содержанию Мерило Праведное (т. е. «весы правосудия») — сборник юридических и нравоучительных текстов; в их число входит Пространная Русская Правда (332—344, строка 5).

Из различных датировок, предлагавшихся для этой рукописи, наиболее вероятной нам представляется датировка, данная Н. Б. Тихомировым¹⁷: середина или начало второй половины XIV века. Существует предположение, что Мерило — рукопись тверского происхождения¹⁸. На это может указывать включение в его состав поучения Семена (Симеона), епископа тверского, который общерусской известности не имел. Кроме того, В. А. Кучкин (устное сообщение) читает как *Михаил* выскобленное на листах 2 и 5 имя великого князя, которому посвящено Мерило, и предполагает, что имеется в виду великий князь тверской Михаил Александрович (княжил с 1368 по 1399 г.).

§ 8. Положение с почерками в Мериле много сложнее, чем в большинстве рукописей. Исследуя почерки Мерила, Л. В. Милов (см. сноску 15) пришел к заключению, что в создании рукописи участвовали два писца-каллиграфа¹⁹ и не менее шести учеников, работавших под наблюдением каллиграфов и обучаемых ими в самом процессе работы. Ученикам, особенно в начале их работы, доверяли лишь небольшие частицы текста; соответственно, на протяжении рукописи перемена почерка происходит множество раз, причем нередко внутри строки и даже внутри слова. Наши наблюдения над почерками Мерила и одновременно над графикой и орфографией в подавляющем большинстве мест в точности подтвердили указанные Л. В. Миловым точки перемены почерка (кроме того, выявлен ряд ученических «вкраплений» сверх тех, которые отмечены Л. В. Миловым). Как оказалось, графико-орфографические системы большинства учеников отчетливо отличаются от системы, представленной у каллиграфов-учителей; это обстоятельство существенно повышает надежность разграничения в тексте разных почерков.

Обозначим часть текста от одной точки перемены почерка до следующей рабочим термином «отрезок». Текст Мерила распадается примерно на 150 отрезков (наименьший из них состоит из 9 букв, наибольший — из 69 листов). Эти отрезки распределяются по меньшей мере между 12 почерками (почерков может быть и больше: отождествление почерка в двух разных отрезках, особенно если они малы, редко бывает полностью надежным).

Далее почерки могут быть сгруппированы по характеру графики и орфографии. Обозначим совокупность почерков с одинаковой или сходной (с интересующей исследователя точки зрения) графико-орфографической системой рабочим термином «зона». С точки зрения использования o ²⁰ и ω текст Мерила распадается на три зоны.

¹⁶ В нумерации листов номер 215 пропущен, а номера 53 и 136 даны по два раза; соответственно, последний лист имеет номер 348.

¹⁷ Она отражена в работе: Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР. Археографич. ежегодник за 1965 год. М., 1966, с. 224. К сожалению, в хронологическом указании здесь по ошибке поставлено тире («нач. — втор. пол.»), искажающее смысл.

¹⁸ См., в частности: Г. В. Попов. Пути развития тверского искусства в XIV — начале XVI в. (живопись, миниатюра). «Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств. XIV—XVI вв.». М., 1970, с. 313.

¹⁹ По-видимому, каллиграфов было больше двух, см. § 9.

²⁰ В Мериле графемы o узкое и o широкое выступают в дополнительном распределении (см. § 12), а по своему фонетическому значению одинаковы. Как нечто единое они противопоставлены букве ω . Поэтому ниже мы позволяем себе говорить про-

В зоне А (почерки каллиграфов-учителей; 75% всего текста Мерила) представлена система, в которой *o* и *ω* используются для передачи двух разных фонем (соответственно /*o*/ и /*ô*/). В зоне Б (ученический почерк или почерки; 5% текста) представлена система, близкая к предыдущей, но менее последовательная; в частности, в начале слова буква *ω* может выступать здесь в соответствии как с /*ô*/, так и с /*o*/ . В зоне В (ученические почерки; 20% текста) *o* и *ω* используются без связи с противопоставлением фонем /*ô*/ и /*o*/; *ω* здесь может выступать только в начале слова и после гласной буквы. Подробнее о графике и орфографии всех трех зон Мерила см. § 24.

Разделение текста на зоны проводится с гораздо большей надежностью, чем разделение зон на почерки. К счастью, для исследования вопроса об /*ô*/ и /*o*/ существенно только разделение на зоны (но не на почерки). Соответственно, ниже точно указываются именно границы зон (а по вопросу о числе и границах почерков высказываются лишь некоторые предположения).

З а м е ч а н и е. Границы отрезков указаны ниже с точностью до слова или даже буквы внутри слова. Эти указания отражают членение, которое нам представляется наиболее вероятным. В действительности во многих случаях граница может проходить несколько левее или правее указанного места (но не слишком далеко от него, поскольку ближайšie к границе слова с буквами *o* и *ω* обычно четко показывают, где меняется орфография).

§ 9. Зона А включает: во-первых, 1—2746 (за вычетом отрезков, указанных в § 10 и 11); во-вторых, 3316—3486; в-третьих, киноварные заголовки в зонах Б и В (за исключением страниц 188, 235, 2386 и массива 275—334); в-четвертых, серию мелких отрезков, «вкрапленных» в зоны Б и В. Эти вкрапления таковы²¹: *свершени-* на строке 2086¹⁴; 2146²⁵ — 216³; слова *бестыныхъ заповѣди* на строке 2176²³; 231¹⁶ — 231¹⁸ (*-стныя*); 232⁸ (*-ьно*) — 232¹⁰; 234¹⁻²; 275²⁰ (*-му*) — 275²² (*оиси-*); строка 2756¹; 277¹ — 277⁵ (*свѣтомъ*); 285¹⁴ (*бω*) — 285¹⁵; 299¹ — 299⁵ (*одержими*); 2996¹ — 2996² (*-няемъ*); 3016¹ — 3016² (*схраняемымъ*); 3046¹ — 3046³ (*свобождение*); слова *-роденъ есть* на строке 3046⁴; 3066¹⁻⁷; 307¹ — 307⁴ (*гснъ*); 312¹ — 312² (*въздухъ*); 3216¹ — 3216² (*бещинья*); 323¹⁻²; 3246²³⁻²⁵; 3266¹⁻².

Количество почерков, из которых состоит зона А, определить очень трудно, поскольку, во-первых, сами почерки чрезвычайно сходны, во-вторых, у соответствующих писцов почти тождественные орфографические навыки. С нашей точки зрения, можно выделить по крайней мере следующие три почерка: а) 1—696, страница 3316 и, вероятно, ряд других мест (см. ниже); кроме того, киноварь практически во всей зоне А; б) 70—118, строка 9 (задняя граница не вполне надежна) и строки 1—8 на странице 231; в) 332—3486 (или, может быть, только 332—348, строка 11)²². Остальные части зоны А предположительно написаны почерком «а», но не исключено, что там представлены, помимо «а», и еще какие-то почерки.

сто о противопоставлении *o* и *ω* в Мериле, понимая под *o* указанную пару графем, а при цитировании словоформ из Мерила передаем как узкое, так и широкое *o* одинаково через *o*.

²¹ Для каждого отрезка указаны его начало и конец; надстрочными цифрами обозначены (только в § 9—11) номера строк. Там, где граница отрезка проходит внутри строки, указано начальное (соответственно конечное) слово отрезка. При цитировании словоформ надстрочные знаки, встречающиеся в Мериле, не воспроизводятся. По типографским причинам *e* обычное и *e* йотированное передаются одинаково через *e* (об их распределении в Мериле см. § 12), а юс малый — через *я*.

²² К выводу о том, что почерк листа 332 и последующих отличен от почерков «а» и «б», пришла также О. А. Князевская (устное сообщение).

Из орфографических различий между почерками отметим следующие (см. также § 14, пункт 4). Во всех почерках зоны А над гласными буквами (кроме *о* в составе *оу* и обычно также *о*) в начале слова или после гласной с большей или меньшей регулярностью ставится «ресничка» (или просто наклонный штрих). При этом с буквами *i* и *o* широкое разные писцы поступают различно. Буква *i* в почерках «б» и «в» всегда имеет одну ресничку, а в почерке «а» — как правило, две (лишь изредка одну). Широкое *o* выступает в почерке «б» без ресничек, «в» — с одной ресничкой (изредка без ресничек), «а» — как правило, с двумя (изредка с одной или без ресничек; однако на участке 118—165 *o* широкое выступает без ресничек, реже с одной и лишь в киновари с двумя).

С точки зрения передачи фонем /*ô*/ и /*о*/ слегка отличен от остальных только почерк «в»: в нем различие между /*ô*/ и /*о*/ передается несколько менее тщательно (см. § 21). Все прочие части зоны А в этом отношении совершенно одинаковы. Соответственно, с интересующей нас точки зрения зона А может быть разделена на две неравные (93% и 7%) части: А₁ (основная) и А₂ (332—3486).

§ 10. Зона Б состоит из следующих отрезков, «вкрапленных» в зону А: 906¹⁶⁻²⁵; 91³⁻⁶; 91¹¹ (*в кшеиждо*) — 91²⁴ (*октябремь*); 94⁵ (*прекы*) — 94²⁵; 956²¹ (*старшишньство*) — 96²⁰ (*под ними*); 97¹⁸ — 98⁸; 986¹ — 986⁷ (*нь-кака*); 986¹¹ (*иже посредѣ*) — 996¹⁸; 101³⁻¹¹; страница 1016; 102¹⁴ (*приступль-шю*) — 102²⁵; 1026²⁰⁻²⁵; 103¹⁷ (*къ судьбамъ*) — 103²⁵; 1036¹⁷ — 104³ (*поставити*); 104¹⁵ (*едино что*) — 1046²⁵; 107¹⁴⁻¹⁶; страница 1086; 1096⁷⁻²⁴; 110²³⁻²⁵; 111²³⁻²⁵; 119¹² — 1196¹⁸ (*ихъ*); 1206¹⁴⁻²¹; страница 1236; 1256¹³ (*чародѣи*) — 1256¹⁵; 1256¹⁸ — 1256²¹ (*преда*); 126¹⁰⁻¹²; 1266⁹⁻²⁵; 1296⁸ — 130¹⁴ (*да тепетьсѣ*); 141⁴ (*аще вѣдѣши*) — 141¹²; 2086¹ — 2146²³; 216¹³ (*повелѣаемъ*) — 217⁵ (*повелѣ*); 2386¹³⁻¹⁵; 2386¹⁷⁻¹⁸. Количество почерков в зоне Б неясно; не исключено, что почерк везде один и тот же.

§ 11. В зону В входит единый массив 275—331 и ряд «вкраплений» в других местах. Отрезки, относящиеся к зоне В, таковы: а) 30⁸ (*то безакоуичъ*) — 30¹² (*сужену*); б) 72¹³ (*-слоухъ*) — 72²⁰ (*сего*); 73² (*бываетъ*) — 73⁹ (*свѣтъ*); в) 736¹⁷ — 74⁹ (*далече*); г) 756⁴ — 756⁹ (*изв-*); 756¹⁴ — 76⁷ (*гъе ихъ*); 77⁹⁻¹²; 81¹² (*или*) — 81¹⁷ (*безъ*); д) 105²⁰ — 105²¹ (*обрѣтъся*); е) 151²⁻³; ж) 155² — 155⁴ (*блгочти-*); з) 1886¹ — 189²⁴; и) 216⁴ — 216¹³ (*възводити*); 217⁵ (*тре-*) — 219⁹ (*въздрыдаете*); 2196² (*братъ*) — 2206¹¹; к) 225⁹⁻²⁵; л) 2256² (*рекъ*) — 2256¹⁵; м) 231⁹ — 2386¹²; строка 2386¹⁶; 2386¹⁹⁻²⁵; н) 2606¹⁻¹²; 264¹⁰⁻¹³; о) массив 275—331 (внутри которого имеются «вкрапления» зоны А, см. § 9). Кроме того, к зоне В относятся слова: *ли в коемъ пороцѣ* (на строках 77¹⁴⁻¹⁵), *все гъну его* (на стыке 2616 и 262), *крѣтъяньскаго* (на строке 267³).

Внутри каждой из групп, обозначенных буквами, почерк, по-видимому, одинаков. Некоторые группы сходны между собой по почерку и по орфографическим особенностям: «в», «г», «к», «н» похожи на «о»; «л», «е» — на «и». Но надежное отождествление почерков здесь затруднительно (прежде всего потому, что многие отрезки слишком малы). Основные почерки — «о» (113 страниц текста), «м» (16 страниц), «и» (7 страниц), «з» (2 страницы); они различаются между собой вполне надежно. Прочие почерки представлены лишь маленькими отрезками (иногда менее 3 строк)²³.

§ 12. Орфография Мерила в целом (не считая *o* и *o*) вполне типична для русских рукописей середины XIV века; в частности, она совсем не затронута вторым южнославянским влиянием. В зоне А для прояснив-

²³ Три раза в почерке «г» (756) и один раз в почерке «ж» (155) встретились написания с *-агѡ*, *-егѡ* (в Р. ед.), где *o* не соответствует правилам зоны В.

шихся редуцированных орфографической нормой уже являются написания *о, е*, для прежних *кы, гы, хы* — написания *ки, ги, хи*; архаичных написаний типа *дѣждѣ, възметь, мачехы* совсем мало; исключительно редки записи с «ложными» *ѣ, ъ* типа *пѣбѣжитъ*. Более архаичны орфографические нормы зоны В, особенно почерка «о»: здесь довольно часто встречается взаимная замена *ѣ* и *о*, *ѣ* и *е*, характерная для более ранних рукописей (например, *первыи* и *първыи*, *лестьно* и *льстьно*, *создати* и *сѣздати* и т. п., и, с другой стороны, *до четвъра*, *трѣбуеть* и т. п.), а также широко представлены *кы, гы, хы* (наряду с *ки, ги, хи*). В зоне Б преобладают *о, е*, но часты *кы, гы, хы*.

Юс малый и ю, а также *о* узкое и *о* широкое распределены в Мериле строго позиционно: первый член пары выступает после согласной буквы, второй — после гласной (или *ѣ, ъ*) и в начале слова. В таком же распределении, но с небольшими отклонениями, выступают *е* обычное и *е* йотированное (об их передаче в настоящей статье см. сноску 21; если в какой-либо цитируемой ниже словоформе указанное правило распределения этих двух букв нарушено, это специально отмечается); в нескольких местах в Мериле вместо *е* йотированного написано *е* «якорное». К указанному распределению стремится также пара *у — оу* (но всё же нередки случаи, когда *оу* пишется и после согласной).

Для Мерила характерна высокая грамотность писцов — не только учителей-каллиграфов, но и учеников (притом что орфографические нормы учителей и учеников различны).

З а м е ч а н и е. Следует признать, таким образом, что ученики учились у каллиграфов искусству переписывания книг, но не орфографии (за исключением, может быть, лишь писца зоны Б). Основные писцы зоны В имели достаточно устойчивую собственную орфографию, которую нельзя отнести за счет одного лишь слепого копирования протографа, поскольку между разными писцами имеются систематические различия в деталях, например в выборе графемы для начального *О* (см. § 24). Учителя-каллиграфы явно принадлежали к иной, чем ученики (причем более новаторской), школе письма; одним из ее новшеств было и различение фонем /ѣ/ и /џ/.

§ 13. Диалектологическая оценка Мерила затруднена тем, что в нем нет почти никаких ярких диалектных особенностей, известных из исторической диалектологии. Так, по нашим данным, в Мериле отсутствуют лингвистически значимые случаи смешения: 1) *в* и *оу*²⁴; 2) *и* и *ы*; 3) *о* и *а*; 4) *ц* и *ч*; 5) *с*, *з* и *ш*, *ж*; 6) конечных *пѣ, бѣ, вѣ, мѣ* и *пѣ, бѣ, вѣ, мѣ*, кроме *мѣ* и *мѣ* в окончаниях (где смешение сравнительно часто); 7) *рю, ри, ря* или конечного *рѣ* с *ру, ры, ра, рѣ*. Отсутствуют также: 8) надежные случаи так называемого «нового *ѣ*» галицко-волинского типа; 9) написания с *жч* (типа *дожчь*); 10) написания с *жг* (типа *дожгь*); 11) случаи второго полногласия, кроме *виревную* 332 в Русской Правде; 12) *у, ы* или *ѣ* после шипящих и *ц*²⁵; 13) *о* после шипящих и *ц*; 14) *еи, ои* на месте **ьј, *ьј* в сильной позиции, кроме *ролеини* (3 раза в Русской Правде); 15) *е* вместо ударного *ѣ* после гласной буквы или в начале слова (типа *тоє, еє, ехати*); 16) «удвоенный» предлог *вѣв* (*вв*).

З а м е ч а н и е. Для части указанных смешений в Мериле есть примеры, но они по тем или иным причинам непоказательны. Так, *истыньнымъ* 2036, *дасадить* 836, *наймаавыи* 267 (*ма* исправлено в *мо*) — это, по-видимому, простые описки под влиянием гласной буквы последующего слога (ср. бесспорную описку — *котара|го* 3086

²⁴ При этом, однако, имеются случаи смешения *ву* и *оу* после гласной, например *тивунъ* и *тиоунъ*.

²⁵ При этом, однако, из пары *а — я* в Мериле после шипящих пишется *а* (крайне редко *я*), после *ц* в зонах А и Б пишется *я*, в зоне В — *а*.

[В]²⁶); в *вода.важю* 318б [В], *водаважи* 319 [В] возможно, кроме того, ложное осмысление сложного слова как двух слов; *покаряся* 85 — гиперкоррекция под влиянием *покарятися*. Непоказательны колебания типа *манастырь* и *монастырь* (в заимствованных словах), сосуществование *взаконити* и *оузаконити*, *вгодно* и *оугодно*, *вреченны* и *оуреченны*, *вчинити* и *оучинити* и т. п. (где различие между *в-* и *оу-* морфологической) и ряд других особых случаев.

Как известно, в галицко-волынских рукописях этого периода обычно представлены явления 1, 8, часто также 2, 9, в новгородских — часто 4, 10, 11, 15, иногда 13, 14, в псковских часто 4, 5, 10, иногда 1, 3, 7, 11. В Лаврентьевском списке летописи 1377 г. относительно надежно представлены явления 13, 14, 15, 16, в Переяславском евангелии 1354 г. — 12, 13, 15 (в единичных случаях также 14, 16), в московских грамотах XIV века — 12, 13, 14, 15, 16.

Разумеется, из отсутствия в Мерило названных выше особенностей написания еще отнюдь нельзя заключить, что в говоре писцов Мерила не было и соответствующих фонетических явлений и что тем самым Мерило не является ни галицко-волынской, ни новгородской, ни псковской, ни ростово-суздальской рукописью. Можно лишь утверждать, что нет позитивных свидетельств принадлежности Мерила к какой-либо из этих диалектных областей.

§ 14. Позитивную диалектологическую информацию дают прежде всего следующие особенности написаний Мерила (которые, с нашей точки зрения, достаточно надежно свидетельствуют о наличии в говоре писцов соответствующего фонетического явления).

1. В соответствии с этимологическими *trъtъ*, *trъtъ*, *tlъtъ*, *tlъtъ*, находящимися в слабой позиции, во всех зонах Мерила, как правило, выступают написания с *ро*, *ре*, *ло*, *ле* (т.е. такие же, как и в сильной позиции), например: *крови*, *кровавъ*, *строгаеми*, *броды*; *оустремятъся*, *кренеть*, *грекомъ*, *треми*; *кблоку*, *плоти*, *исключивше*; *клететься*, *слезами*, *плеваху*. Архаичные написания с *ъ*, *ь* (*тръми*, *кълни* и т. п.) встречаются не чаще, чем для любых других словоформ с прояснившимися редуцированными (см. § 12). Данная особенность позволяет однозначно отнести Мерило к великорусской зоне.

2. Имеются случаи написания глухих согласных вместо звонких: а) в конце слова — *отилутъ* 54 (перед *хвала*), 111б (перед *волное*); менее показательно *исъ самѣхъ* 54; б) в середине слова перед глухими — *пчела* 25, *ѡ^т пчелы* 21б (ср. *ѡ^т бчелы* 23, 24 и др.), *ѡпче* 33б, *ѡпче* 208б [Б], *кратъшимъ* 62б, *бриткое* 62, *отяцаца* 267 (вместо *отяжчаца*); ср. также *мни|жъськымъ* 210б [Б] (гиперкоррекция). По Дурново, в великорусских памятниках такие написания появляются с конца XIII века; в западнорусских они встречаются не раньше конца XIV (и притом только в позиции «б»); к еще более позднему времени относится оглушение согласных в западных украинских говорах²⁷.

3. В Мерило имеется (во всех зонах) довольно много случаев смешения *е*, *ѣ*, *и*, *я*. Правда, значительная их часть не может сама по себе служить свидетельством смешения соответствующих фонем, поскольку допускает нефонетическое объяснение. Сюда относятся, в частности, колебания *е* — *ѣ* в неполногласных сочетаниях, колебания типа *къѣ* — *къе*, *погибѣль* — *погибель*, *бѣяху* — *бияху* (от *быти*), *ѡ^трицати* — *ѡ^трѣцати*, *свѣдѣтель* — *свѣдитель*, *свѣщавати* — *свѣщевати*, колебания некоторых окончаний существительных и прилагательных и др. Менее очевидно, но

²⁶ При ссылках на страницы принадлежность к зоне Б или В обозначается: [Б], [В].

²⁷ Н. Д у р н о в о. Очерк истории русского языка. М.— Л., 1924, § 208.

все же не исключено участие морфологического фактора в колебаниях водотеца — водотѣчь, покладежь — покладяжь, истяжетъ — истяжитъ, сестръницѣ 194 — сестреницема 329б [В] — сестриницема 329 [В], в случаях ненавидѣши 58, да не будѣте 63, взищете 15б (по смыслу повел.), по всѣмъ садомъ и зельимъ 26б, по всемъ областемъ 207б, лжѣпослушествовавѣше 155б, по не|кѣои 97б [Б] (вместо нѣ-), по николицѣ времеи 283 [В] (вместо нѣ-). Ошибочные написания вѣру 332, 332б (вместо виру), виревную 332 (от вервь), также нѣлзѣ 224, 335 кочуют из одной рукописи в другую и потому непоказательны; вероятно, к этой же группе относится вино 289б [В], вина 250б (вместо вѣно, вѣна). Далее, в ряде случаев высока вероятность простой описки: иеритичьский 59, леже|ща 260, в нѣ|вѣдѣнии 268, щецотю оцтитѣся 123б [Б], боярѣну 81 [В], аще ивляеться 285б [В], родитилю 295б [В].

Однако даже после вычета всех этих случаев примеры смешения *e*, *ѣ*, и еще остаются: *e/ѣ* — терпеливъ 116, 66, по все третииники и пятки 42б, по свѣршеному 175, ѡ|щѣттитѣся 270, седѣти 314 [В], на виселицахъ 322б [В], наводнѣниемъ 319б [В], общее стѣны Р. ед. 312 [В]; *e/и* — створевыи 24б, первые II. мн. муж. 347, составльшеся долзѣ 273 (по смыслу II. мн.), нажеть 213 [Б], погубающиму 285б [В], снѣе Д. ед. 308б [В] (вместо сынови); *ѣ/и* — творѣли есте 41, мѣри Д. ед. 58б, даеми Д. ед. жен. 305 [В] (см. также выше долзѣ). Во всех примерах, не допускающих нефонетического объяснения (равно как и в большинстве остальных), смешение *e*, *ѣ*, и приходится на слог, который в XIV веке либо определенно был безударным, либо (например, в наводнѣниемъ, створевыи, по все) по крайней мере мог быть таковым.

Смешение безударных *e*, *ѣ*, и (хотя бы в части позиций) характерно прежде всего для южно- и средневеликорусских и белорусских говоров; но в тех или иных частных формах оно встречается и в других зонах. К сожалению, попытка усмотреть в имеющемся материале какой-то определенный тип яканья или какой-то иной из известных механизмов смешения *e*, *ѣ*, и была бы ненадежной (прежде всего из-за недостатка сведений об акцентуации XIV века).

4. В зоне А (кроме почерка «б») предлоги и приставки *въ*, *съ*, *къ* перед последующими *и* (*i*), *оу*, *о*, *ѡ*, *а*, как правило, выступают в виде *во*, *со*, *ко*, например: *во инои*, *со имѣниемъ*, *ко истѣцю*, *во оумѣ*, *во оуглѣ*, *сооузѣ*, *ко оутру*, *во областехъ*, *вообразить*, *со отрокомъ*, *во ѡбци*, *во ѡлтарѣ*, *со ѡлучениемъ*, *ко ѡцю*, *во адѣ*, *ко анѣнѣ*; лишь изредка встречаются написания с *въ*, *съ*, *къ* (встретились также *в узину* 33б, *с у|краденымъ* 136₂б, *с у|бѡгою* 172б, *в ы|нѣ* 139, *выну* «всегда» 207б). В прочих частях Мерила (включая почерк «б» зоны А) в этой позиции господствуют традиционные написания *въ*, *съ*, *къ*; написания *во*, *со*, *ко* редки. По наблюдениям Л. Л. Васильева²⁸, написания типа *во*, *со*, *ко* перед нейотированными гласными в наибольшей степени характерны для галицко-волинских рукописей, в наименьшей — для новгородских. В Лаврентьевском списке летописи и в московских грамотах XIV века это явление представлено в ограниченной степени; например, для предлога «в» нередко встречается *во о-* (наряду с *въ о-*, *въѡ о-*), но почти не бывает *во оу-* (а только *въ оу-*, *в у-* или *въѡ у-*).

5. В зоне А при господствующих написаниях *кого*, *кому*, *никого же*, *никому же* иногда встречаются написания типа *ни ѡ* *кого же* (реже без отрицания, например, *къому*). Как показывает акцентуационный анализ

²⁸ Л. Л. Васильев. О влиянии нейотированных гласных на предыдущий открытый слог. Изв. ОРЯС, т. XIII, кн. 3, 1908.

написаний Мерила (в технику которого мы здесь не можем углубляться²⁹), распределение *o* и *o* в господствующих написаниях отражает ударение *коб*, *кому*, а в отклоняющихся — ударение *кобо*, *кбму*. В настоящее время ударение типа *никобо*, *никобму*, *ничбо*, *ничбму* (реже без отрицания: *кобо* и т. п.) представлено только в украинско-белорусской зоне и примыкающей к ней юго-западной части великорусской зоны. Единичные примеры *никобо*³⁰, *тбо*, *тбмоу* (при обычных *тогд*, *томоу* и т. д.) представлены также в Чудовском Новом Завете XIV века.

Таким образом, на основании указанных здесь наиболее надежных черт Мерило (целиком) должно быть определено отнесено к великорусской территории; при этом зона А обнаруживает черты, указывающие более узко на какую-то территорию, смежную с украинско-белорусской.

Продолжим список теми особенностями написания, которые несколько менее надежно свидетельствуют о наличии соответствующего явления в говоре писцов Мерила.

6. Написание *сколю* «раковину» 34, по-видимому, представляет собой самый ранний из ныне известных случаев письменного отражения прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных. Это явление в настоящее время представлено только на великорусской территории (во многих ее частях); при этом как раз юго-запад затронут им слабо: зона его распространения едва соприкасается, например, с зоной ударения *никобо*, *ничбо* (см. выше). Известно, однако, что в этом районе ассимилятивное смягчение отступает к востоку и к югу; еще в конце XIX века оно фиксировалось, например, в Брянской области, где его сейчас почти нет³⁰.

7. У слова «тот» встретились в числе прочих словоформы *тыи* И. ед. муж. 52б, 291б [В], *тыю* В. ед. жен. 293 [В], *тыя* В. мн. муж. 50б — при обычных *тѣ* (также *то* [в муж. роде] и несколько раз *тѣтъ*), *ту*, *ты* и т. д. (в И. мн. изредка также *тѣ*). В настоящее время словоформа *той* (*тэй*, *тый*) «тот» представлена в украинско-белорусской зоне и на юго-западе великорусской, словоформа *тые* (*тыи*, *тѣи*) «те» — на той же территории и несколько реже также в западной и северо-западной частях великорусской зоны. Имеющиеся неполные данные позволяют предполагать примерно такое же распространение этих словоформ и в XIV—XV вв.³¹

8. Слово «скорбь» и производные представлены так: *скербь* 16, 202б, *скерби* 38б, *скербя* 46б (причем во всех этих случаях написано *e* йотированное, ср. § 12), *скербно* 37б (с *e* обычным); с другой огласовкой — *оскорби* (повел.) 58. Сочетание *ьр* или *ер* в этом слове характерно в первую очередь для галицко-волыньских рукописей (из прочих памятников с этой особенностью отметим Успенский сборник).

9. Для слова «родной» единственное акцентно значимое написание (ср. выше, пункт 5) *родное* 243б соответствует ударению *рѣдное*. В настоящее время ударение *рѣдный* характерно в основном для украинско-белорусской зоны и примыкающей к ней довольно широкой полосы великорусской территории (запад, юго-запад, юг).

Особенности 6—9 хорошо согласуются со сделанными выше выводами и подкрепляют их. Таким образом, среди диалектно значимых особенно-

²⁹ См. А. А. З а л и з н я к. Акцентологическая интерпретация данных древнерусского «Мерила Праведного» XIV века. — Конференция «Ностратические языки и ностратическое языкознание». Тезисы докладов. М., 1977, с. 18—19.

³⁰ См. Л. Л. К а с а т к и н. Прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных в русских говорах. М., 1968, с. 70—72.

³¹ См. «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров (по материалам лингвистической географии)». Под ред. В. Г. Орловой. М., 1970, с. 90—94.

стей зоны А Мерила выделяются две группы: 1, 2, 6 указывают на великорусскую зону; 5, 7, 9 (предположительно также 4, 8) — на территорию, охватывающую прежде всего украинско-белорусскую зону, но также и большую или меньшую смежную с ней часть великорусской. Областью пересечения является юго-запад великорусской территории.

Итак, говор писцов зоны А — определенно великорусский и предположительно юго-западновеликорусский (осторожность диктуется здесь тем, что сделанный вывод в значительной мере опирается на факты, отделенные от эпохи Мерила пятью-шестью веками); ср. также § 13. К сожалению, памятники XIV века (или старше), определенно написанные в указанном районе, в настоящее время неизвестны.

Со сделанным выводом хорошо согласуется тот важный факт, что система распределения фонем /ô/ и /о/ в зонах А и Б Мерила (здесь не рассматриваемая) соединяет в себе великорусские и украинские черты (с преобладанием великорусских)³².

Что касается зоны В Мерила, то мы можем констатировать лишь ее великорусский характер.

З а м е ч а н и е. В Мериле есть и другие особенности написания, которые хорошо согласуются со сделанным выше выводом, однако по тем или иным причинам недостаточно надежны (или недостаточно информативны) для того, чтобы служить самостоятельным диалектологическим аргументом. Отметим их без подробного разбора. Написания *еюпетъ* 42б, *въ еюптѣ* 95, 95б (ср. *въ егоуптѣ* 93б, *егупетьски* 118б, а также *кюръскии* 52, *во анкюрѣ* 94, 106) позволяют предположить здесь [γ'] (или [j] < [γ']). В имени *Амфилохий* встретилась мена *х* и *ф*: *амфилофью* 70, *амфилофью* 189 [В], ср. *амфилохию* 69, *амфилохию* 110б. Неоднократно встречаются *михаило*, *марко* (наряду с *михаиль*, *даниль*, *петръ*, *павелъ* и др.). Написания *въ едину пощю* 46б и *до четвера* 177б (ср. укр. *чверть*, белор. *поўчварта* и др.) могут быть и описками; *прюидемо* 33 (исправленное на *прюидемъ*), вероятно, перенесено из протографа.

В настоящее время территория бывшего Тверского княжества (т. е. сравнительно узкая полоса по линии Кашии — Калинин — Старица — Зубцов) не входит в юго-западную диалектную зону, но непосредственно примыкает к ней с севера. Можно предполагать, что в XIV веке юго-западные языковые черты частично проникали на эту территорию, но степень этого проникновения неизвестна. Таким образом, лингвистический анализ не дает явного подтверждения гипотезе о тверском происхождении Мерила; но он и не опровергает ее, поскольку, с одной стороны, не исключено, что наблюдаемый комплекс черт был возможен, например, в южной части Тверского княжества, с другой стороны, по крайней мере писцы зоны А (т. е. учителя-каллиграфы) могли быть и пришлыми людьми в Тверском княжестве.

Особенности графической передачи фонем /ô/ и /о/ в восточнославянских памятниках

§ 15. Как явствует из § 1—6, на восточнославянской территории изменялись по меньшей мере четыре разные системы графического различения фонем /ô/ и /о/. В каждой системе одна или несколько графических единиц служат для передачи /ô/ (назовем их «знаками для /ô/») и одна или несколько — для передачи /о/ (назовем их «знаками для /о/»). Различия между этими системами показаны в таблице 1.

³² См. А. А. З а л и з н я к. Там же, с. 19.

Таблица 1

	Знаки для /ѡ/	Знаки для /ѡ/
1. Омеговая система	ѡ	о узкое, о широкое
2. Каморная система	графемы класса О (о узкое, о широкое, ѡ) с каморой	графемы класса О без каморы
3. Система «о узкое = /ѡ/» (известна только в сочетании с системой 2)	о узкое с каморой или без каморы (кроме того, из системы 2: о широкое с каморой, ѡ с каморой)	о широкое без каморы, ѡ без каморы
4. Система «о широкое = = /ѡ/»	о широкое	с узкое *

* Об использовании ѡ в этой системе см. § 24, разбор узкошрифтного евангелия.

Примечания. 1. В системах 1 и 2 возможен также вариант, в котором не различаются графемы о узкое и о широкое (а имеется лишь о единое). 2. Почти во всех памятниках имеются отдельные графические позиции, в которых выбор графической единицы класса О подчинен какому-то механическому правилу, не связанным с передачей /ѡ/ и /ѡ/; особенно часто такую позицию образует начало слова. Таблица показывает использование графических единиц в позициях, где различие между /ѡ/ и /ѡ/ вообще передается. 3. Использование показанных в таблице графических единиц в принципе независимо от наличия или отсутствия в тексте знаков ударения; в частности, над гласной могут стоять одновременно камора и знак ударения (оксия или вариа). В Мерило система различия /ѡ/ и /ѡ/ (омеговая) применена при полном отсутствии знаков ударения. 4. В таблице не учтены некоторые особые начертания класса О, встречающиеся в части рукописей: «очковое» о (с точкой внутри), о с двумя точками (или с крестом) внутри, ѡ, омега с плавной серединой (так называемый двурогий он) и др. Степень их графемной самостоятельности и способы использования недостаточно изучены.

Принцип факультативности выражения /ѡ/

§ 16. Важнейшим общим свойством всех названных систем, без знания которого нельзя эффективно использовать материал памятников, является неравноправное отношение между знаками для /ѡ/ и знаками для /ѡ/: в любой из этих систем знаки для /ѡ/ могут в принципе употребляться и там, где фактически произносилась фонема /ѡ/, тогда как обратное неверно. Например, в рукописях с омеговой системой /закѡн/ может быть записано не только как *закѡнъ*, но и как *законъ* (причем разные написания одной и той же словоформы могут стоять в рукописи буквально рядом). С другой стороны, например, /вѡду/ последовательно записывается в тех же рукописях как *воду*; написание *воду* может встретиться только в качестве ошибки³³, т. е. не чаще, чем любая другая ошибка (скажем, *вуду* и т. п.). Описанное свойство можно обозначить как «принцип факультативности выражения /ѡ/».

Применительно к каморной системе (единственной известной в то время) этот принцип сформулировал Н. Н. Дурново в 1932 г.: «Тот факт, что над о стоит лишь оксия без каморы там, где мы могли бы ожидать камору..., объясняется в большинстве случаев как простой пропуск каморы, аналогичный частому пропуску других знаков»³⁴. Наблюдение над рукописями с другими системами передачи /ѡ/ и /ѡ/ показало, что принцип факультативности выражения /ѡ/ полностью действителен и для всех этих

³³ Ошибки писца — это прежде всего описки (писец механически написал не ту букву, которую намеревался) и орфографические ошибки, т. е. нарушения собственных орфографических норм писца.

³⁴ Н. Д у р н о в о. Там же (см. сноску 1), с. 13.

систем тоже, т. е. что справедлива обобщенная его формулировка, данная выше в начале параграфа.

Указанное неравноправное отношение легко описывается в терминах маркированности: в каждой системе знаки для /*ô*/ выступают как маркированный член графической оппозиции, а знаки для /*o*/ — как немаркированный. Фундаментальное свойство немаркированного члена любой оппозиции — способность выступать в качестве представителя всей пары в целом. Именно это свойство и проявляется в способности графемы *o* служить не только для передачи фонемы /*o*/, но и в качестве общего безразличного обозначения для фонемы «типа *o*» (т. е. как /*o*/, так и /*ô*/). Ср. отсутствие такого свойства у маркированной графемы (например, *ô*): она применяется только по своему прямому назначению — для передачи фонемы /*ô*/.

В подобных случаях запись некоторого звучания с помощью маркированного члена графической оппозиции можно назвать п о л н о й, а запись того же звучания с помощью немаркированного члена — у п р о щ е н н о й. Например, в омеговой системе запись *законъ* — полная, а *законь* — упрощенная.

С точки зрения пишущего, упрощенное написание — это отнюдь не ошибка (см. сноску 33), а вполне допускаемое правилами «облегчение» записи³⁵. Оно принципиально сходно с различными сокращениями, выносом части букв над строкой и тому подобными разрешенными приемами, при которых часть информации остается невыраженной на письме и должна восстанавливаться читателем по контексту. Подобно тому, как читатель сам должен понять, что, например, *пра^o* — это *правило* (а не что-либо другое), он должен установить, что *законъ* — это /зак*ô*н/, а не /зак*o*н/.

§ 17. Описанное неравноправное соотношение двух графических единиц отнюдь не представляет собой чего-либо уникального. Более того, можно утверждать, что оно встречается в различных графических системах довольно часто, хотя далеко не всегда оно адекватно отражено в описаниях. Простейший пример составляют современные русские *ë* (маркированный член) и *e* (немаркированный член). В этой паре *ë* используется только для передачи /'o/ (например, *мёд*), а *e* может передавать как /'e/ (*снeг*), так и /'o/ (*мeд*). В последнем случае *e* выступает как представитель всей пары, т. е. как безразличное обозначение для /'e/ или /'o/. Написание *мёд* является, таким образом, полным, а *мeд* — упрощенным.

Неравноправное отношение особенно часто встречается в парах типа «графема как таковая — та же графема с надстрочным или подстрочным знаком» (независимо от того, рассматривается ли второй член пары как особая буква или нет). Помимо уже указанных русских *e* и *ë*, таковы, например: франц. *e* — *é*, *o* — *ô* и т. п., *c* — *ç*, латышск. *a* — *ā* и т. п. Во всех этих случаях в некоторых ситуациях (заголовки, данные прописными буквами, телеграммы, беглое письмо и др.) надстрочные или подстрочные знаки могут опускаться. Особенно много примеров подобного рода можно найти в древних и средневековых системах письма (где не было столь строгой орфографической регламентации, как теперь). Так, факультативными были, в частности: надстрочные знаки долготы гласных в древних германских языках; камора как знак мягкости согласных в старославянском; знаки ударения в средневековых русских (и иных) акцентуированных рукописях. Число примеров легко можно умножить. В одних рукописях эти надстрочные знаки проставлены менее, в других более последовательно, однако, как правило, всё же не в 100% случаев.

³⁵ Так, заметив свою ошибку, писец обычно ее исправляет (если к этому нет особых препятствий); между тем бесспорных случаев исправления упрощенного написания на полное в рукописях практически нет.

Неравноправное соотношение рассматриваемого типа встречается также, хотя и реже, в парах графических единиц, где различие не сводится к надстрочному или подстрочному знаку. Приведем несколько примеров. В XVIII веке до введения Н. М. Карамзиным буквы *ѣ* в том же значении в некоторых книгах использовался графический комплекс *ib*; он применялся, однако, как и нынешнее *ѣ*, нерегулярно: вместо него могло писаться и традиционное *e*. Буква *э* в XVIII и даже в начале XIX века употреблялась лишь как факультативное обозначение для начального /e/ без йотации, наряду с обычным *e*: сосуществовали, например, написания *этот* и *етот* и т. п.³⁶ Во многих староукраинских и старобелорусских памятниках (где *г* означает /h/) взрывное /г/ могло записываться диграфом *кг*, а с XVII века — особой буквой *г*; однако возможно было и упрощенное написание, т. е. обычное *г*. В средневерхненемецком для фонемы /ū/ полным написанием служило *ue* (или *u* с надстрочным ^e, позднее превратившееся в *ü*), а упрощенным — *u* (т. е. знак для /u/). В современном немецком в принципе допускается замена *β* на *ss*; таким образом, например, для /ma:sə/ «меры» возможно полное написание *Maße* и упрощенное *Masse* (ср. /masə/ «масса» с единственно возможным написанием *Masse*).

Особый частный случай рассматриваемого отношения составляет хорошо известное в семитологии противопоставление так называемых *scriptio plena* и *scriptio defectiva*³⁷ при передаче одной и той же последовательности фонем. Например, слог /hū/ может быть передан в семитских консонантических системах письма либо знаками для *h* и *w* (*scriptio plena*), либо одним лишь знаком для *h* (*scriptio defectiva*); в последнем случае этот слог неотличим от слогов с другими огласовками и от простого /h/.

Коэффициент выраженности /δ/

§ 18. Допустим, исследуется некоторый письменный текст, где графически различаются фонемы /δ/ и /ɔ/ (целый памятник или какая-то его часть, скажем, один из почерков). Рассмотрим все точки текста, где стоит графема класса *O*, и для каждой из них попытаемся установить (пользуясь обычными методами диахронического исследования и учитывая обнаруживаемые диалектные особенности распределения /δ/ и /ɔ/ в данном памятнике), какая из двух фонем там произносилась. Если в каких-то графических позициях различие между /δ/ и /ɔ/ в данной орфографической системе не передается (см. табл. 1, примеч. 2), отбросим соответствующие точки текста. Далее отбросим все те случаи, где есть основания предполагать колебание между /δ/ и /ɔ/ (см. ниже, § 22), а также те, где фонологическая реконструкция почему-либо оказалась невозможной или ненадежной. Обозначим оставшуюся совокупность точек как *A*; с содержательной точки зрения, *A* — это относительно надежная часть материала. Пусть *B* — это совокупность всех точек текста из *A*, которым по нашей фонологической реконструкции в говоре данного памятника соответствует фонема /δ/, а *C* — это совокупность всех точек из *B*, в которых написан знак для /δ/.

Назовем отношение численности *C* к численности *B* коэффициентом в выраженности /δ/ (в рассматриваемом тексте). При необходимости этот коэффициент может быть вычислен также отдельно для той или иной группы слов.

³⁶ Ср. также вышедшие колебания типа *мѣтр* — *метр* («учитель»), *Тэйлор* — *Тейлор* и т. п., с которыми постоянно борются орфографические справочники (стремящиеся к фиксированным написаниям, пусть даже разнотипным, например, *сѣр* и *секанс*, *пленѣр* и *пенсие*, *Тѣн* и *Доде* и т. п.).

³⁷ Именно эти традиционные термины послужили образцом для предложенных выше названий «полное написание» и «упрощенное написание».

Понятно, что коэффициент выраженности /ô/ — не вполне объективная величина, поскольку он зависит от степени точности фонологической реконструкции и от объема материала, не включенного в А. Поэтому следует относиться к этому коэффициенту как к приблизительному (а не математически точному) показателю соответствующих свойств текста. Заметим, однако, что на практике вариации в оценке данного коэффициента, определяемые названными причинами, оказываются незначительными.

Принцип факультативности выражения /ô/ проявляется в том, что ни в одном из известных нам памятников с различием /ô/ и /о/ (включая те, которые известны из описаний, в частности из работы Л. Л. Васильева) коэффициент выраженности /ô/ не равен 100%.

§ 19. Как показывает обследование памятников, коэффициент выраженности /ô/ довольно устойчив в пределах части текста, писанной одним писцом в одних и тех же условиях (списывание с одного и того же протографа, одинаковая степень тщательности или, напротив, спешки и т. п.). Например, в основном разделе (16—447б) Травника средний коэффициент выраженности /ô/ для группы из 20 самых частых слов с надежным /ô/ и их производных равен 82,5%; измерение того же коэффициента в семи последовательных частях этого раздела (длиной в 120, 124, 170, 77, 120, 100 и 133 страницы) дало следующие результаты: 86%, 86, 82, 82, 80, 81 и 84%. С другой стороны, у разных писцов коэффициент выраженности /ô/ может быть очень различным (скажем, 97% и 40%); меняется он и у одного и того же писца с изменением условий работы.

Низкий коэффициент выраженности /ô/ у некоторого писца сам по себе отнюдь не означает, что этот писец хуже различал /ô/ и /о/, чем писец с высоким коэффициентом; например, мы записываем /'о/ с помощью *ë* (а не *e*) исключительно редко, но это не значит, что мы плохо различаем /'о/ и /'e/. Если бы писец действительно не отличал на слух /ô/ от /о/ и писал соответствующие буквы (скажем, *ω* и *o*) лишь по выученным орфографическим правилам, он ошибался бы тем чаще, чем ниже его грамотность, но непременно и в ту и в другую сторону, т. е. «незаконные» *ω* встречались бы у него примерно так же часто, как «незаконные» *o*; ср. общеизвестную картину в *з а и м н ы х* замен *o* и *a* у не вполне грамотных акающих писцов. Таким, образом главным внешним признаком живой системы графического различия /ô/ и /о/ (т. е. передачи этих фонем со слуха) является не высокий коэффициент выраженности /ô/, а несимметричность ошибок: «незаконные» знаки для /о/ встречаются, а «незаконные» знаки для /ô/ отсутствуют (или встречаются несопоставимо реже, лишь в качестве ошибок или описок). Напротив, симметричность ошибок скорее всего указывает на мертвешную систему (имитирующую уже утраченное фонемное противопоставление с помощью орфографических правил). Опираясь на этот критерий, можно предположить, что в среднешрифтных и широкошрифтных изданиях анонимной типографии (§ 6) представлена мертвешная система, а в рукописях, названных в § 3—5, и в узкошрифтном евангелии (§ 6) — живая (однако для окончательного заключения необходим более полный анализ этих памятников). Определенно живая система представлена в Мериле.

§ 20. В памятниках с различием /ô/ и /о/ обычно имеются некоторые особые точки или участки текста, где коэффициент выраженности /ô/ ниже, чем в среднем по памятнику. В частности, в Мериле это явление наблюдается: 1) в киновари (т. е. в киноварных заголовках или вкрапленных в текст); 2) на конце строки; 3) в элементах текста, вынесенных над строкой, и в приписках между строк; 4) в местах, где писец по какой-либо причине «ужимал» текст (ставя буквы теснее, чем обычно, исполь-

зую большее число выносов и т. п.)³⁸. Таким образом, текст здесь может быть разделен на часть (меньшую), находящуюся в особом условиях (где коэффициент выраженности /ѡ/ понижен) и основную часть, находящуюся в нормальных условиях³⁹.

Для многих памятников список позиций, образующих особые условия, точно таков же, как в Мерило. Но возможны и некоторые вариации; например, в Травнике к особым условиям относится, в числе прочих, случай, когда в предшествующем графическом слоге уже имеется буква ѡ.

§ 21. В таблице 2 приведены данные о распределении полных и упрощенных написаний для /ѡ/ в зоне А Мерила. Таблица отражает относительно надежную, по нашей оценке, часть материала (см. § 18).

Таблица 2

		Число написаний ѡ*	Число написаний о		Коэффициент выраженности /ѡ/, %	
			в нормальных условиях	в особых условиях	в нормальных условиях	в особых условиях
Часть А ₁	/ѡ/ в корнях наиболее частотных слов**	1024	5	41	99,5	73,5
	/ѡ/ в последнем слоге окончаний Р. ед. -огО, -егО, -агО, -ягО	1755	19	46	98,8	81
	/ѡ/ в прочих случаях	3085	118	125	95,9	73,3
	Всего	5864	142	212	97,3	75,5
Часть А ₂ (всего)		299	55	36	83	47,8

* Соотношение числа ѡ, находящихся в нормальных и в особых условиях, примерно одинаково для всех групп и равно в среднем 8:1. Коэффициенты вычислены исходя из этого среднего отношения.

** А именно: *закОнъ* и производные (всего в А₁ 309 раз), *мнОгъ* и производные (150 раз), *сборъ* и производные (117 раз), *мОжетъ*, *възмОжетъ*, *помОжетъ* и другие словоформы пренеся, кроме 1 ед. (115 раз), *достоитъ*, *достоинъ* и производные (101 раз), а также частица *бо* (278 раз).

Из таблицы видно, что писцы части А₁ были весьма тщательны в передаче /ѡ/ через ѡ (97,3%); писец части А₂ заботился об этом несколько меньше (83%).

Ясно видна роль особых условий: в среднем по А₁ упрощенные написания встречаются в особых условиях в 9 раз чаще, чем в нормальных (24,5% против 2,7%), а в группе высокочастотных слов — даже в 53 раза чаще! Отсюда понятно, сколь важно учитывать этот фактор при лингвистическом анализе памятников.

³⁸ В зоне А таковы: 230 (строки 12—25), 2306 (строки 1—14), 2746 (строки 19—25), 337, 3376.

³⁹ Рост числа упрощенных написаний в особых условиях отчасти связан просто с тем, что о узкое вдвое или втрое уже, чем ѡ, а писцу приходится экономить место не только в случае 4, но обычно также и в случаях 1—3; ср. рост числа сокращений и выносов в этих же условиях.

Видно также, что у высокочастотных слов коэффициент выраженности /*ô*/ несколько выше, чем у остальных ⁴⁰ (99,5% против 95,9%).

§ 22. Факультативность выражения /*ô*/ составляет, как отмечал еще Н. Н. Дурново, очевидное затруднение для фонологической интерпретации написаний, встречаемых в рукописях данного класса (особенно если коэффициент выраженности /*ô*/ относительно низок). Единичное написание со знаком для /*o*/, например, *гонить*, или даже два-три таких написания в этих условиях еще ничего не значат: это может быть как передача /*o*/, так и упрощенное написание для /*ô*/ . Надежным свидетельством об /*o*/ может быть только систематическая или по крайней мере многократная запись соответствующей словоформы со знаком для /*o*/, при полном отсутствии записей со знаком для /*ô*/ .

Иначе обстоит дело со знаками для /*ô*/ . Поскольку такой знак может появиться в соответствии с /*o*/ только по ошибке, уже два-три написания некоторой словоформы со знаком для /*ô*/ (в особо тщательных рукописях даже единичное написание) свидетельствуют о том, что в данной словоформе произносилась (устойчиво или хотя бы наряду с /*o*/) фонема /*ô*/ . Это верно и в том случае, если данная словоформа встречается также и в написании со знаком для /*o*/ .

Труднее всего отличить устойчивое /*ô*/ от колебания между /*ô*/ и /*o*/ . Для редко встречающейся словоформы эта задача в общем случае неразрешима. Например, в Мериле 1 раз встретилось *прожа* (Р. ед.) и 1 раз *прока*; из этих данных нельзя сделать никакого вывода о том, было ли возможно в соответствующем говоре произношение этой словоформы с /*o*/ .

Возможность выявить колебание появляется лишь там, где рассматриваемая словоформа (или группа родственных словоформ, в которых по общим правилам должна быть единая огласовка) встречается достаточно часто. Например, в зоне А Мерила словоформы местоимения «кой» 59 раз записаны с *ко-* и 21 раз с *ко-* . Вероятность случайного накопления столь большого числа упрощенных написаний (при очень высоком среднем коэффициенте выраженности /*ô*/) чрезвычайно мала. Поэтому здесь можно предполагать колебание между /*ô*/ и /*o*/ (по-видимому, как следствие колебания места ударения). Еще надежнее аналогичный вывод для членных форм прилагательного «новый» (9 раз с *новз-* и 29 раз с *нов-*) или для словоформ *инОе*, *инОгО*, *инОму* (после *н* 9 раз *о* и 66 раз *o*) .

Обзор способов использования графем класса О

§ 23. Рассмотренные выше способы различения на письме фонем /*ô*/ и /*o*/ представляют собой разные реализации фонеморазличительного (или, короче, «фонемного») принципа использования графем класса О. Для правильного извлечения из рукописей информации об этих фонемах необходимо, однако, учитывать и другие («нефонемные») принципы использования тех же графем, встречающиеся в рукописях.

Нефонемные принципы использования графем класса О построены на противопоставлении немаркированной графемы *o* узкое маркированной графеме *o* широкое (в одних случаях) или *ω* (в других); если в системе не противопоставлены *o* узкое и *o* широкое, немаркированной графемой является *o* единое. Различаются лишь те условия, при которых для передачи фонемы «типа о» (любой) предписывается употреблять маркированную гра-

⁴⁰ Этот эффект характерен для всех рукописей, различающих /*ô*/ и /*o*/ . Он объясняется тем, что графический облик высокочастотной морфемы или словоформы превращается для писца в готовый штамп, с трудом поддающийся каким-либо модификациям.

фему. Ниже перечисляются эти условия. Предполагается, что при отсутствии указанного условия употребляется немаркированная графема (но если в рукописи действует несколько принципов одновременно, то немаркированная графема выступает лишь там, где нет ни одного из условий для появления маркированной графемы). Перечисляемые ниже принципы могут применяться в разных памятниках с разной степенью последовательности (наиболее «жестки» принципы 2 и 5).

Следует учитывать также, что, в соответствии с общими правилами русской орфографии, в ней не отражаются эффекты аканья (таким образом, у акающего писца за графемами класса *О* в безударном положении фактически стоят не [δ], [ɔ] или [o], а [a], [ə] и т. п.).

1. Акцентный принцип (с лингвистической точки зрения наиболее близкий к фонемному): для передачи фонемы «типа *о*» (любой), стоящей под ударением, используется маркированная графема (*о* широкое или *ω*). При этом, как правило, в тексте имеются и знаки ударения; но если знак ударения не поставлен, маркированная графема обычно сохраняется. Этот принцип (в варианте с *о* широким) применяется, в частности, в почерке 538—554б Троицкой псалтири, в московских изданиях Ивана Федорова, в изданиях Андроника Невежи и далее в большинстве московских изданий XVII века, например в Уложении 1649 г. Для варианта с *ω* чистых образцов мы не можем указать, но некоторые рукописи XVI века приближаются к такой системе.

2. Позиционный принцип: в начале слова и после гласной буквы (или *ѣ*) употребляется маркированная графема (*о* широкое или *ω*); однако в составе диграфа *оу* независимо от позиции выступает *о* узкое. Как вариант с *о* широким, так и вариант с *ω* представлен в огромном числе рукописей, начиная с некоторых из самых древних. Возможен также смешанный вариант, когда в одной и той же рукописи в указанной позиции безразлично употребляется *о* широкое или *ω*.

3. Позиционный принцип: после сочетания из двух или более согласных букв употребляется *ω*. Этот принцип (сравнительно редкий) используется, в частности, в ряде рукописей с камерной системой: в рукописях, исследованных Л. Л. Васильевым, в Муз. 3650, в большинстве почерков Троицкой псалтири.

4. Позиционный принцип: под выносной буквой употребляется маркированная графема (обычно *ω*, реже *о* широкое). Этот принцип обычно соблюдается нестрого. Вариант с *ω* представлен в XV—XVII вв. довольно широко в самых разных памятниках, в частности во многих московских грамотах. Широкое *о* встречается в этой роли обычно лишь наряду с *ω*.

5. Морфемный принцип: морфема «от» (предлог и приставка) пишется *ω^т*, независимо от всех прочих правил для графем класса *О*. Этот принцип представлен в подавляющем большинстве рукописей, начиная с древнейших, и в печатных книгах (в части памятников как морфема «от» записываются также начальные *От-* другой природы, например в словоформах *Отца*, *Отцетити*).

6. Различные менее распространенные морфемные принципы, сводящиеся к тому, что за определенным списком морфем закреплено написание с маркированной графемой (обычно *ω*). Сам этот список в разных рукописях различен. Например, в евангелии XV в. (ГБЛ, ф. 113, № 31; по-видимому, тверского происхождения) различия /δ/ и /ɔ/ нет, но, в частности, корни *хОд-*, *хОт-*, *плОд-*, предлог и приставка *пОд-*, окончание Т. ед. и Д. мн. *-Омъ* постоянно пишутся с *ω*, а корень *мнОг-* записывается через *о* с камерой. Заметим, что корень *мнОг-* входит в подобные списки чаще всех прочих (ср. также следующий пункт). Не исключено, что в некоторых рукописях, различающих /δ/ и /ɔ/, постоянная запись

окончаний *-агО*, *-огО* со знаком для /*ѡ*/ фактически подчинена механическому правилу этого же типа (а не фонемному принципу).

7. Лексико-грамматический принцип: применение *ѡ* подчинено серии правил, опирающихся на лексическое значение слова или на грамматическое значение словоформы. Важнейшие из этих правил: *ѡ* при лексическом или грамматическом значении множественности, например, *многѡ*, *ноги И. мн.*, *скотѡ Р. мн.*, *внукѡмѡ Д. мн.* (ср. *о* в *ноги Р. ед.*, *скотѡ И. ед.*, *внукѡмѡ Т. ед.*); *ѡ* в наречии, например *мудрѡ* (ср. *о* в прилагательном: *мудро*); *ѡ* в Р. ед. на *-агО*, например *живагѡ* (ср. *живаго* в В. ед.) и др. Этот принцип, излагаемый, в частности, в грамматике Смотрицкого, получает значительное распространение в русских рукописях и книгах, по-видимому, лишь с середины XVII века. Со временем он становится обязательной нормой для церковнославянских текстов (действующей и ныне).

Вероятно, существовали также какие-то другие, еще не выявленные принципы распределения графем класса *О*.

З а м е ч а н и е. Сверх собственно орфографических моментов на выбор между *о* широким и *о* узким или между *ѡ* и *о* может влиять и то чисто внешнее обстоятельство, что они различаются по ширине; ср. аналогичное различие в парах *и — ѡ*, *оу — у*. Так, недостаток места в строке может привести к выбору узкой графемы (ср. сноску 39); существенно реже избыток места приводит к выбору широкой графемы.

При всей многочисленности возможных принципов распределения графем класса *О*, в части случаев мы сталкиваемся просто с их свободным варьированием (хотя количество таких случаев всё же меньше, чем кажется с первого взгляда, поскольку некоторые правила распределения обнаруживаются только при тщательном анализе). Свободное варьирование почти всегда ограничено лишь частью возможных позиций; например, оно обычно не нарушает действия принципов 2 и 5. Отметим особо, что в рукописи с различием /*ѡ*/ и /*ѡ*/, отражающей акающий говор (типа Травника), возможно свободное варьирование графем класса *О* в безударных слогах. Так, в Травнике в безударном положении при господствующем *о* иногда (без видимых правил) пишется и *ѡ*.

§ 24. Если в рукописи действует одновременно несколько принципов, они обычно образуют иерархию, которую можно в общем виде представить так. Вначале действуют правила первого ранга; они предписывают для какой-то части точек текста, соответствующих фонеме «типа о», маркированную графему. К оставшейся совокупности точек применяются правила второго ранга и т. д. В точках, не затронутых ни одним из правил, пишется немаркированная графема.

Разные орфографические школы различаются между собой набором правил и/или их распределением по рангам. Ниже разобраны системы распределения графем класса *О* в разных зонах Мерила и в нескольких других памятниках. Нефонемные принципы обозначены номерами в соответствии с § 23. В разбираемых системах немаркированной графемой является: если указано, что в рукописи противопоставления *о* узкого и *о* широкого нет — *о* единое; в прочих случаях — *о* узкое.

Вначале приводятся примеры систем с различием /*ѡ*/ и /*ѡ*/.

Мерило, зона А. I ранг: фонема /*ѡ*/ передается через *ѡ*. II ранг: принцип 2 в особом варианте, а именно, в начале слова *о* широкое, после гласной буквы или *ѣ* — безразлично *о* широкое или *ѡ*.

Мерило, зона Б. I ранг: фонема /*ѡ*/ передается через *ѡ*. II ранг: принцип 2 в смешанном варианте (*о* широкое или реже *ѡ*; какого-либо правила распределения не замечено). Особенностью является здесь то, что диграф *оу* в начале слова и после гласной пишется с узким *о* или с *ѡ* (т. е. как *оу* или *ѡу*).

Травник. I ранг: принцип 2 в варианте с ω . II ранг: фонема / δ / передается через ω . III ранг: принцип 4 в варианте с ω (весьма нестрого). IV ранг: в безударных слогах свободное варьирование o и ω (с подавляющим преимуществом o , см. § 23, конец). Противопоставления o узкого и o широкого нет.

Узкошрифтное евангелие анонимной типографии (§ 6). I ранг: принцип 5. II ранг: принцип 2 в смешанном варианте (o широкое или реже ω). III ранг: в любой словоформе любая фонема «типа o » может быть записана через ω (т. е. ω выступает здесь как безразличное обозначение для обеих фонем «типа o »); фактически, однако, такая запись применяется лишь в очень небольшой части случаев. IV ранг: принцип 4 в смешанном варианте (o широкое или ω). V ранг: фонема / δ / передается через o широкое.

Приведем теперь примеры систем без различия / δ / и / σ /.

Мерило, зона В, почерки «з» и «и». I ранг: принцип 5. II ранг: принцип 2 в варианте с o широким.

То же, почерк «м». I ранг: принцип 5. II ранг: принцип 2 в смешанном варианте (o широкое или ω). Эта же система представлена в почерке «о», но только принцип 2 здесь почти всегда дает ω (o широкое представлено только в киновари и всего несколько раз в обычном тексте).

Лаврентьевский список летописи (1377 г.), первый почерк. Только принцип 2 в варианте с ω . Противопоставления o узкого и o широкого нет.

Триодь цветная. Москва, 1591 (печатник Андроник Невежа). I ранг: принцип 5. II ранг: принцип 2 в смешанном варианте (o широкое или ω). III ранг: принцип 1 в варианте с o широким.

З а м е ч а н и е. Во всех разобранных здесь системах морфема «от» пишется ω^7 . Однако отдельный принцип 5 нужен в описании не везде, поскольку в ряде памятников написание «от» с ω вытекает из принципа 2, в а зонах А и Б Мерила — из фонемного принципа.

Свидетельства средневековых грамматистов о двух фонемах «типа о»

§ 25. В текстах орфографического и грамматического содержания (по рукописям конца XVI и XVII в.), собранных в известной работе В. И. Ягича⁴¹, имеется целый ряд мест, показывающих, что указанные выше принципы распределения графем класса O (как фонемный, так и нефонемные) были хорошо известны грамматистам и излагались ученикам в процессе обучения. Наибольший интерес для нас представляют свидетельства о том, что грамматисты знали о различии на письме двух фонем «типа o ». Соответствующие выдержки приводятся ниже⁴² (все они относятся к омегой системе; аналогичных свидетельств о других системах пока не обнаружено).

«По два писмени сложенни шесть буквъ стяжательных, а каждо буква в себѣ имат по двѣ буквы внятелных, занеже глсы сходятся издалека, и мнози *от* неразумѣа одинако глють. и того ради приложены по двѣ боуквы, дабы разумно было всяко сложеніе особь. и тѣх внятелных буквъ .vi.» (Ягич, с. 924). Перевод с элементами интерпретации: «В двухбуквенных последовательностях [выступают] шесть букв обобщающих, каждая же такая буква объединяет по две буквы отчетливых (т. е. диффе-

⁴¹ И. В. Ягич. Рассуждения старины о церковно-славянском языке. «Исследования по русскому языку», т. I. СПб., 1885—1895 (далее : Ягич).

⁴² Орфография цитируемых текстов не соответствует тем правилам, которые в них излагаются; поэтому мы позволили себе ее несколько упростить (в частности, сняты надстрочные знаки, ук передан через *y*, юс малый — через *я*).

ренцированных, недвусмысленных), поскольку [соответствующие] звуки отдаленно сходны и многие от неразумия произносят их одинаково. По этой причине применяется по две буквы, чтобы всякая последовательность отличалась от остальных; и тех отчетливых букв 12». Далее в тексте идет перечисление отчетливых («внятельных») букв по парам; например, в сложении с б это дает: ба — бя; бе — бѣ; бо — бѡ; би — бы; бу — бю; бѣ — бѣ.

В сущности перед нами достаточно точное описание инвентаря фонологически различных последовательностей класса «согласная + гласная» при семифонемной системе гласных. Так, ба = /ба/, бя = /б'а'/; бе = /б'e/ или /бe/⁴³, бѣ = /б'ѣ'/; бо = /бѡ/, бѡ = /бѡ'/; би = /б'и'/, бы = /би'/; бу = /бу/, бю = /б'у'/. Из сочетаний, возможных в живой речи, здесь недостает только /б'ѡ'/; однако в средневековом книжном произношении этот тип сочетаний, по-видимому, отсутствовал или по крайней мере порицался⁴⁴. Таким образом, с точки зрения автора трактата, написание *бе* не нарушало общего принципа взаимно-однозначного соответствия между буквенными и фонемными сочетаниями. Буквосочетания *бѣ* и *бѣ* в составе словоформ, разумеется, передавали одиночные фонемы, но при учебном скандировании слогов, по-видимому, произносились как слоги с какой-то редуцированной гласной.

Большой интерес представляет свидетельство данного текста о том, что многие смешивают последовательности, входящие в одну пару. Для пар типа ба — бя, бу — бю, би — бы, вероятно, имеются в виду случаи смешения твердых и мягких согласных, определяемые различными белорусскими, украинскими и диалектными великорусскими процессами. В парах же *бе* — *бѣ* и *бо* — *бѡ* речь идет о смешении гласных, ставшем впоследствии литературной нормой.

В грамматических сочинениях неоднократно встречаются попытки словесно описать «гласы» (т. е. звуки), передаваемые буквами. Приведем некоторые из таких определений, свидетельствующие о том, что по крайней мере в части случаев перед нами не чисто условные ярлыки, а именно попытки передать впечатление от звучания или от артикуляции: «иже оузокъ гласъ обдержит, еры широкъ и плоскъ» (с. 655), у — «пространень», ю — «тѣсенъ» (с. 664), е — «скуденъ», ѣ — «доволенъ» (с. 663) или «гибокъ» (с. 655). Допустимо предположить, что «скуденъ» передает впечатление краткости, «доволенъ» — большей длительности, «гибокъ» — дифтонгичности. Интересно отметить также постоянную формулу «юсь гугнивъ» (с. 636, 655, 696, 920).

В ряду этих определений звук, передаваемый буквой ѡ, регулярно получает эпитет «логовать», иногда «глагодь и логовать» (с. 636, 640, 655, 658, 663, 696, 920, 925). С другой стороны, для о находим эпитет «остръ» (с. 655, 663), однажды также «высокъ» (с. 920); говорится также, что о «глаголется грубо» (с. 646, 647). Слово «логовать», по-видимому, значит «ложбинчатый, вогнутый»⁴⁵. Можно предполагать, что этим эпитетом пе-

⁴³ В зависимости от того, смягчались ли вообще в соответствующем типе произношения согласные перед /e/; см. Б. А. Успенский. Архаическая система церковнославянского произношения (Из истории литургического произношения в России). М., 1968, с. 29 и далее. С точки зрения различительных возможностей системы это несущественно, коль скоро /e/ не совпало с /ѣ/.

⁴⁴ Об отрицательной оценке таких сочетаний даже в XVIII в. см. Б. А. Успенский и й. Первая русская грамматика на родном языке. М., 1975, с. 209—211.

⁴⁵ Так, в «Подлиннике о книжном переплете» конца XVII в. противопоставлены слова *погорбѣти* и *пологовѣти* в значении «более выпукло» и «более вогнуто», см. П. С. Мони. Опыт сборника сведений по истории и технике книгопереплетного искусства на Руси. СПб., 1903, с. 11. Ср. также у Даля: *логоватое место* — низменное, впадиное, завалистое, впалое.

редано впечатление от дифтонгического звука, ср. выше эпитет «гибокъ» для *ѣ*. Эпитеты «остръ» и «грубъ», напротив, могут передавать впечатление от монофтонга, начинающегося резко, без *y*-образного приступа.

Некоторые средневековые правила явно относятся к графико-орфографической системе того типа, который представлен в Травнике: в начале слова и слога из букв *o* и *ω* возможно только *ω* (принцип 2), а в прочих случаях *ω* передает /*ô*/, а *o* — /*ɔ*/ (фонемный принцип). Следует учитывать, что в говорах, где начальное /*ô*/ дало /*vô*/ (а таких говоров было большинство), в начальной позиции из фонем «типа *o*» было возможно только /*ɔ*/, т. е. в начале слова буква *ω* фактически передавала /*ɔ*/ . Именно такой ситуации соответствует правило: «... писмя *ω* двоегласно, в началѣх реченій просто, а в слосѣх логогато» (Ягич, с. 925, ср. также с. 640 и 658), т. е. «буква *ω* выражает два разных звука, в начале слова [произносится] просто, а в слогах (т. е. после согласной) — вогнуто».

Весьма показательно также следующее место: «Русїа ради ѣть, а *ω*т греческих писмень *ω*. а глаголется ради Русїа в складѣ логогато. а сїе ради Поляцъ ж, а глеться гугниво. а сїе ради Болгаръ и Русїа и Поляцъ б ж з ч ш. а сїе ради всѣх Словлянъ ц ъ ы ь е ю я» (Ягич, с. 636, почти буквально тот же текст — с. 696). Автор утверждает, таким образом, что буквы *ѣ* и *ω* входят в состав славянского алфавита из-за того, что они требуются русским (т. е. восточным славянам); в этом естественно усматривать косвенное указание на особые фонемы /*ê*/ и /*ô*/ (ср. прочие приводимые автором сведения: они либо просто правильны, либо неточны лишь в незначительных деталях).

В целом приведенные выдержки не оставляют сомнений в том, что средневековые русские грамматисты ясно осознавали различие между /*ô*/ и /*ɔ*/ и рассматривали (по крайней мере, в части школ) букву *ω* как средство передачи /*ô*/ . Справедливости ради следует, впрочем, признать, что приведенные выдержки приобретают теперь столь ясный смысл и надежность именно потому, что соответствующие факты фонологии и графики установлены и помимо этих свидетельств (в противном случае едва ли можно было бы пойти на их основании дальше предположений).

Дополнения к главе 1

К §§ 1-6. Заметим прежде всего, что слово "новые" в названии главы ныне уже уместно было бы снять: как известно, это слово устаревает, т.е. перестает соответствовать действительности, быстрее любых других. Мы сохранили его здесь в сущности лишь для того, чтобы избежать путаницы при ссылках, поскольку во всех отсылках данная глава фигурирует под условным наименованием 'Новые данные'. Следует учитывать, таким образом, что речь идет о новизне по состоянию на 1978 г. За последующие годы обнаружено значительное число других памятников, различающих /ɔ/ и /δ/; см. об этом прежде всего в книге: Зализняк А.А., *От праславянской акцентуации к русской*, Москва, 1985, §§ 3.3-5, 19. Не перечисляя этих памятников, отметим здесь лишь следующее. Для системы, обозначенной в § 5 формулой "о узкое = /δ/", предложено более удобное название "узколитерная система"; для системы "о широкое = /δ/" (§ 6) - название "широколитерная система". Таким образом, мы можем сейчас различать четыре основных системы: 1) омеговую; 2) каморную; 3) узколитерную; 4) широколитерную. Помимо этих "чистых" систем, встречаются также комбинированные, т.е. соединяющие в себе характерные признаки двух или трех систем сразу; в частности, известна система 2+3 ("каморно-узколитерная") и система 1+2+4 ("кумулятивная"); см. указ. соч., § 3.19.

К § 14. В работе: Зализняк А.А., *От праславянской акцентуации к русской*, Москва, 1985, § 3.26 - содержатся некоторые дополнительные сведения о диалектологически значимых особенностях Мерила. Не пересказывая их здесь, отметим лишь, что они в целом подкрепляют предложенную в настоящей книге локализацию говора Мерила. Наиболее вероятным для локализации этого говора признается район, очерченный примерно так: Ржев - Торопец - Смоленск - Мосальск.

К пункту 3 в § 14. К перечисленным здесь примерам из Мерила следует добавить: *идѣть* 3426 (с *ѣ* вместо *e*).

К § 15 (табл. 1). См. выше дополнения к §§ 1-6.

Глава 2

ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ БУКВ *o* И *ω* В «МЕРИЛЕ ПРАВЕДНОМ»

ИСХОДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

§ 1. Настоящая глава¹ посвящена исследованию закономерностей распределения букв *o*² и *ω* в древнерусской рукописи XIV века «Мерило Праведное»³ (далее сокращенно: Мерило). Основной тезис главы состоит в том, что в данной рукописи эти буквы передают две разные фонемы «типа *o*» — более открытую и более закрытую (условно /*o*/ и /*ō*/). Исследуются также особенности отразившейся в данной рукописи системы распределения этих двух фонем.

§ 2. Опираясь в первую очередь на работы Р. О. Якобсона и В. А. Дыбо⁴, мы исходим из того, что в праславянском (а также в раннем⁵ древнерусском) все полнозначные словоформы делились с акцентологической точки зрения на два класса: «ортотонические» словоформы (термин В. А. Дыбо) и «энклиномены» (термин Р. О. Якобсона и В. А. Дыбо). Каждая ортотоническая словоформа имела постоянное неотъемлемое ударение на одном из слогов; это полноценное с фонологической точки зрения ударение можно назвать автономным⁶. Напротив, словоформы-энклиномены с фонологической точки зрения вообще не имели ударения. Фонетически это выражалось в том, что в составе фразы энкли-

¹ Она представляет собой продолжение работы: А. А. З а л и з н я к. Новые данные о русских памятниках XIV—XVII веков с различением двух фонем «типа *o*». «Советское славяноведение», 1978, № 3 (далее: Новые данные).

² Под буквой *o* условимся здесь понимать совокупность двух дополнительно распределенных графем: «*o* узкое» и «*o* широкое» (подробнее см. Новые данные, сноска 20).

³ Рукопись Гос. библиотеки им. В. И. Ленина, ф. 304, № 15. Фототипическое издание: Мерило Праведное по рукописи XIV века. М., 1961.

⁴ См. Р. О. Я к о б с о н. Опыт фонологического подхода к историческим вопросам славянской акцентологии. American contributions to the Fifth International Congress of Slavists. The Hague, 1963; В. А. Д ы б о. О реконструкции ударения в праславянском глаголе. «Вопросы славянского языкознания», вып. 6. М., 1962; е г о ж е. Акцентология и словообразование в славянском. «Славянское языкознание. VI международный съезд славистов (Прага, август 1968). Доклады советской делегации». М., 1968; е г о ж е. О фразовых модификациях ударения в праславянском. «Советское славяноведение», 1971, № 6. К этому же направлению относится работа: Р. G a r d e. Histoire de l'accentuation slave, t. 1—2. Paris, 1976.

⁵ Т. е. до падения редуцированных.

⁶ В отличие от южных и западных славянских языков, где, начиная с определенной эпохи, различаются автономное ударение с так называемым акутом и автономное ударение с так называемым новым акутом, для восточнославянских языков, по-видимому, нет внутренних оснований реконструировать какие-либо просодические различия в рамках автономного ударения.

номен обычно был полностью безударен, а в изолированном положении получал на начальном слоге некоторое просодическое усиление, которое можно назвать а в т о м а т и ч е с к и м ударением. Автоматическое ударение чем-то отличалось (по крайней мере первоначально) от автономного; обычно предполагают (по крайней мере для долгих гласных), что автономное ударение сопровождалось восходящей интонацией, а автоматическое — нисходящей. Заметим, что традиционная акцентология усматривала здесь только это различие интонаций (которые расценивались как равноправные члены просодической оппозиции); между тем с фонологической точки зрения автономное ударение означает просто ударность, автоматическое — всего лишь позиционный вариант безударности.

В ходе истории восточнославянских языков эта система перестроилась: автономное и автоматическое ударения перестали просодически различаться (хотя неясно, когда именно это произошло); их общим наследником является современное единое ударение. Прежние энклиномены стали просто начальнударными словоформами; от их первоначальной фразовой безударности сохранились лишь следы ⁷.

§ 3. После падения редуцированных противопоставление двух фонем «типа о» (условно /ɔ/ и /ǫ/) ⁸ возникло на всей или почти на всей ⁹ восточнославянской территории. Фонемы «типа о» этой эпохи возникли в основном из раннедревнерусских ѣ (там, где этот ѣ не выпал) и о, в определенных случаях также из ъ и е. При этом следует различать обычные раннедревнерусские о и е и «вставные» о и е, т. е. вторые гласные полногласных сочетаний *оро, оло, ере*: как показал П. Гард, «вставные» о и е в раннем древнерусском еще не отождествились с фонемами /o/ и /e/ ¹⁰. Формирование фонем «типа о» из названных раннедревнерусских звуковых единиц происходило несколько по-разному в разных частях восточнославянской территории.

Общим для всех восточнославянских диалектных систем с двумя фонемами «типа о» было правило: /O/ ¹¹, восходящее к раннедревнерусским ѣ или ъ, есть /ɔ/ (например, в *рот, кусѡк, горб, шов* было повсеместно представлено /ɔ/).

Различия касаются распределения /ɔ/ и /ǫ/, возникших из о и е (обычных и «вставных»). Необходимо различать по меньшей мере три основных принципа распределения /ɔ/ и /ǫ/ такого происхождения, которые условно можно обозначить как «великорусский», «украинский» и «полесский».

1. «Великорусский» принцип (представлен во всех известных до настоящего времени великорусских памятниках и говорах, различающих /ɔ/ и /ǫ/): а) /O/ из раннедревнерусского обычного о есть /ǫ/ в ударном слоге ортотонической словоформы (как, например, в *двор, хбдят, добрѡ, прихѡд, прихѡда* ¹²) и /ɔ/ в прочих случаях (*дом, ѡбму, гброд; двѡра, хблѡп, радѡсть*); б) точно так же распределено /O/ из «вставного» о (ср. *хѡлѡп, хѡлѡпа* с /ǫ/ и *гброд, гбрѡда, головѡ* с /ɔ/); в) /O/ из е (обычного или «вставного») есть /ɔ/ (*нѡс, лиѡб, берѡза*).

⁷ Условимся, однако, для упрощения формулировок словоформы более позднего времени, происходящие из ортотонических, называть тоже ортотоническими, а из энклиноменов — энклиноменами.

⁸ /ɔ/, вероятно, реализовалось как [ɔ], /ǫ/ — как [ǫ] или [yo].

⁹ Возможно, что это противопоставление не развилось на территории Смоленской и Полоцкой земель; см. Р. И. А в а н е с о в. Проблемы образования языка русской (великорусской) народности. «Вопросы языкознания», 1955, № 5, с. 27.

¹⁰ См. П. Г а р д. К истории восточнославянских гласных среднего подъема. «Вопросы языкознания», 1974, № 3. Положения этой важной работы использованы и в последующей части настоящего параграфа.

¹¹ /O/ — обобщающее обозначение для фонем «типа о», O — для букв о и ѿ.

¹² Словоформы приведены в обычной орфографии; гласная, о которой идет речь, выделена.

2. «Украинский» принцип отражен в галицко-волыньском евангелии библиотеки МГУ, № 1367¹³ (см. Новые данные, §4) и в современном литературном украинском языке и южноукраинских говорах. В МГУ 1367 непосредственно сохраняется исходное противопоставление /ɔ/ и /δ/, которые передаются здесь, как и в Мерило, соответственно через *o* и *ω*. В литературном украинском языке и южноукраинских говорах прежние /ɔ/ и /δ/ отражены соответственно как *o* и *i*. Украинский принцип таков: а) /O/ из раннедревнерусского обычного *o* есть /δ/ в перестроенном слоговом слогом¹⁴ (например, в МГУ 1367 *дворъ, потопъ, домъ, кость, радость*; укр. *двір, прихід, кість, радість*) и /ɔ/ в неперестроенном (например, в МГУ 1367 *очи, ходять, добро, которого*; укр. *бчі, хбдять, добрб*); б) /O/ из «вставного» *o* есть /ɔ/ (МГУ 1367 только *полотна* Р. ед. 54г, 90б; укр. *холбн, холбна, гблос, гблосу, головá*); в) /O/ из *e* (обычного) распределено так же, как /O/ из обычного *o* (МГУ 1367 только *речомъ* «скажем» 139г; укр. *жінка, но жонá*).

3. «Полесский» принцип (представленный в современных северноукраинских и южнобелорусских говорах) отличается от украинского только тем, что в безударных слогах (т. е. лишенных того единичного ударения, в котором совпали прежние автономное и автоматическое ударения) /O/ любого происхождения есть /ɔ/. В этих говорах прежние /ɔ/ обычно представлено как /o/, прежние /δ/ — как дифтонг (по говорам [yo], [ye], [ui] и др.) или [δ].

Таким образом, при великорусском принципе распределение /δ/ и /ɔ/ в определенных случаях зависит от наличия или отсутствия автономного ударения (т. е. ударения древней эпохи), при полесском оно зависит от наличия или отсутствия единичного ударения позднейшей эпохи; при украинском принципе оно вообще не зависит от акцентуации. Разумеется, указанные принципы определяют только главные особенности распределения /ɔ/ и /δ/; в конкретных говорах и памятниках возможны разнообразные вариации в частности. Важным позднейшим свойством многих диалектных систем с великорусским или полесским принципом распределения /ɔ/ и /δ/ является аканье, в силу которого в безударных слогах находим уже не [ɔ], а [a] или [ə].

ПРАВИЛА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ O И ω В МЕРИЛО

§ 4. В настоящей статье анализируется материал только так называемой зоны А Мерила (см. Новые данные, § 9). Соответственно в дальнейшем под Мерилом фактически понимается (если не оговорено иное) его зона А; в частности, *o* зоне А относятся все приводимые подсчеты.

В Мерило (т. е. *o* или *ω*) встречается в записях словоформ только в таких точках, которым в раннем древнерусском соответствовали *ъ* или *o* (обычное или «вставное»); *O* в соответствии с раннедревнерусскими *ь* и *e* в Мерило не представлено.

В результате полного обследования материала зоны А Мерила (включающего около 18 500 вхождений *o* и около 8000 вхождений *ω*) мы припи-

¹³ Далее: МГУ 1367. Ссылки даются на цифровую (не кириллическую) нумерацию листов рукописи; буквы *a, b, e, g* обозначают столбцы.

¹⁴ Под перестроенным понимается слог, за гласной которого прежде (т. е. в раннем древнерусском) шел слог с редуцированным, впоследствии выпавшим. Термин «новый закрытый слог», обычно используемый в этом же значении, менее удобен (особенно когда речь идет о современных языках или говорах), поскольку многие неконечные слоги этого типа (например, первый слог в *прислать* < *прислѣати*) реально были закрытыми, по-видимому, лишь сравнительно недолгое время после падения редуцированных, а затем снова стали открытыми.

ли к выводу, что в основе распределения букв *о* и *ѡ* здесь лежат следующие правила (в дальнейшем именуемые «основными правилами»)¹⁵.

1. *О*, соответствующее раннедревнерусскому *ѡ*, есть *о*, например: *ротъ, пѣсокъ, торгъ*.

2. *О*, соответствующее раннедревнерусскому *о* (обычному или «вставному»), есть *ѡ* в следующих случаях: а) в ударном слоге ортотонической словоформы, например: *хѡдятъ, добрѡ, законъ, закона, холѡпъ, холѡпа*; б) во втором заударном слоге ортотонической словоформы, например: *каблокѡ, праведнѡе*; в) независимо от акцентуации, в перестроенном начальном слоге словоформы (а также сочетания «предлог + именная словоформа»), например: *дѡврѣ, дѡмъ, ковчегъ, послати, пѡ два, пѡ мѡздѣ*.

3. В прочих случаях *О*, соответствующее раннедревнерусскому *о* (обычному или «вставному»), есть *о*, например: *дому, слово, золото, горѡдъ, городу, вода, голова, масло, старѡсть*.

К основным правилам имеются следующие морфологические поправки. К правилу 1: несколько индивидуальных морфем и словоформ (см. их список в § 8) в нарушение этого правила пишутся с *ѡ*. К правилу 2: постоянно пишутся с *о* окончания Д. мн. *-Омъ* у существительных, аористные окончания *-Омъ, -Овъ*, глагольный суффикс *-Ова-*, частица *-ждО*, окончание *-О* в морфемных сочетаниях *-Ов-О, -ав-О* (независимо от места ударения, т. е. вопреки 2а и 2б), предлог и приставка *О, Об* (вопреки 2в). К правилу 3: постоянно пишутся с *ѡ* (независимо от места ударения) частица *бО*, элемент *гО* в составе окончаний Р. ед. *-ОгО, -егО, -агО*, окончания М. ед. *-Омъ* и Д. М. ед. *-Ои*, корни *Огн-, Осм-, Остр-*. Некоторые менее существенные отклонения от правил указываются при разборе материала.

Кроме того, имеется частная орфографическая поправка: внутри словоформы после гласной буквы распределение *о* и *ѡ* может не подчиняться основным правилам (см. § 30).

На результаты действия основных правил (и поправок к ним) накладывается принцип факультативности выражения /*ѡ*/, в силу которого вместо *ѡ* изредка выступает *о* (так наз. упрощенное написание); см. Новые данные, § 16—22 и табл. 2¹⁶.

С акцентологической точки зрения существенно отделить те случаи появления *о* или *ѡ* в Мериле, где выбор между *о* и *ѡ* в принципе зависит от акцентуации словоформы, от тех, где он полностью предопределен другими факторами. Первые можно условно обозначить как «свободные», вторые — как «несвободные». С формальной точки зрения, с в о б о д н ы м является всякое конкретное *о* или *ѡ* в составе встретившейся в Мериле конкретной словоформы, которое не подпадает под основное правило 1 или 2в или под какую-либо морфологическую или орфографическую поправку¹⁷. Кроме того, свободно *ѡ*, написанное в силу морфологической поправки к правилу 1, если оно стоит не в начальном перестроенном слоге. Все прочие *о* и *ѡ* н е с в о б о д н ы.

¹⁵ Чтобы обеспечить независимость этих правил от проблемы фонетической интерпретации написаний, они сформулированы для непосредственно наблюдаемого уровня, г. е. для букв.

¹⁶ Эта таблица охватывает 6163 вхождения *ѡ*; остальные *ѡ* — это, во-первых, около 1500 *ѡ* в составе орфограммы *ѡ^т «от»*, обладающей повышенной устойчивостью (ср. ниже, сноска 52), во-вторых, около 350 *ѡ* в составе словоформ с колеблющимся ударением (а также в неясных случаях).

¹⁷ При этом несущественно, соответствует ли фактический выбор между *о* и *ѡ* требованиям правил.

§ 5. Как легко видеть, основные правила предписывают для букв *о* и *ω* в Мерило распределение, в основном совпадающее с распределением /*о*/ и /*δ*/ в великорусских говорах и памятниках. Имеется лишь два отличия: 1) в начальном слоге *ω* в Мерило выступает не только там, где /*δ*/ ожидается по великорусскому принципу, но также и там, где оно ожидается по украинскому принципу (ср. *двор*, *хѣд'ут*, *дом*, *дѣма* в великорусском говоре деревни Лека¹⁸, *дворъ*, *ходять*, *домъ*, *домоу* в МГУ 1367 и *дворъ*, *ходять*, *домъ*, *дому* в Мерило); 2) сверх требований великорусского принципа, в Мерило **о* дает *ω* во втором заударном слоге.

При том объеме материала, который представлен в Мерило, о случайном сходстве двух распределений не может быть и речи. Заметим, что систематический (а не беспорядочный) характер отклонений Мерило от остальных великорусских памятников и говоров столь же убедительно свидетельствует о неслучайном распределении *о* и *ω* в Мерило, как и совпадения. Таким образом, необходимо признать, что противопоставление букв *о* и *ω* в Мерило отражает (прямо или хотя бы косвенно, всегда или хотя бы в большинстве случаев) не что иное, как противопоставление двух фонем «типа *о*».

В принципе здесь имеются, однако, разные возможности: 1) писцы зоны А Мерило писали *о* и *ω* (по крайней мере, в большинстве случаев) непосредственно по слуху; 2) писцы руководствовались не слухом, а системой чисто орфографических правил, которая в омертвевшем виде сохраняла распределение *о* и *ω*, некогда отвечавшее фактам какого-то другого древнерусского говора¹⁹. В действительности, однако, последняя гипотеза невероятна. Во-первых, в Мерило отклонения от правильного распределения *о* и *ω* совершенно несимметричны: *о* вместо *ω* (т. е. упрощенное написание) встретилось не менее 445 раз, тогда как надежных примеров *ω* вместо *о* (включая явные опiski) всего порядка десяти (см. § 30, конец). Между тем при чисто орфографических правилах распределения отклонения в обе стороны равновероятны (см. Новые данные, § 19). Во-вторых, для того чтобы с такой точностью, которую мы видим в Мерило, имитировать разветвленную систему чередований /*о*/ и /*δ*/ в словоизменении и словообразовании (ср. ниже, § 9), потребовалась бы совокупность правил совершенно неправдоподобной степени сложности — во много раз большей, чем в любых других известных из истории русской орфографии случаях подобного рода (например, чем в правилах написания *е* и *ѣ* или безударных *о* и *а*). Наконец, на выбор *ω* или *о* именно по слуху, а не по традиции указывает ряд частных фактов, например колебание между *ω* и *о* в тех самых словах, для которых в других источниках засвидетельствовано колебание ударения или непосредственно колебание между /*δ*/ и /*о*/, ср. «новый» (§ 10), «любовь» (§ 8) и др.; особенно показательны написания *толико*, *колико*, где *ω* соответствует разговорному, а не книжному произношению этих слов (§ 23).

Вывод о том, что писцы Мерило писали *ω* и *о* по слуху, не означает, впрочем, что при этом у них не могло быть частных орфографических правил, которые в каких-то особых случаях требовали нефонетических написаний (см. об этом в § 18 и 30 и в сноске 46).

¹⁸ См. А. А. Шахматов. Описание Лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии. Известия ОРЯС, т. 18, кн. 4. В записи Шахматова /*о*/ передается как *о*, /*δ*/ — как *ω*.

¹⁹ Предположение о том, что писцы зоны А Мерило буква за буквой копировали протограф, можно всерьез не рассматривать — хотя бы потому, что у писцов разных зон разная орфография и если уж кто-то из них и копировал орфографию протографа, то не учителя-каллиграфы (т. е. писцы зоны А), а ученики.

РАЗБОР МАТЕРИАЛА

§ 6. Ниже разбирается (в порядке основных правил) материал зоны А Мерила²⁰; этот разбор должен показать, на чем конкретно основаны утверждения, содержащиеся в § 4.

При цитировании Мерила и других памятников о узкое и о широкое передаются как *o*, *e* обычное, йотированное и «якорное» — как *e*, юс малый — как *я*, ук — как *y*. Надстрочные знаки, кроме знаков ударения, не передаются (*i* «десятеричное», независимо от наличия и числа точек, передается как *i*). Если не оговорено иное (ср. сноски 13, 30), буква «б» обозначает оборотную сторону листа. Ради краткости вместо ссылок на текст в большинстве случаев указывается лишь общее число вхождений; знак × заменяет слово «раз». Если подсчет дан после серии примеров, при которых нет ссылок на страницы (или подсчетов), он означает сумму по всей серии. При подсчетах разница между *u* и *i*, *ou* и *y* и между выносной и обычной буквой не принимается во внимание. При перечислении словоформ возможна сокращенная запись, например: *волость*, *-и*, *морьск-аго*, *-ую* (сокращенно записаны *волости*, *морьскую*). Для называния лексем при необходимости может быть использовано соответствующее современное слово в кавычках, например: «мой», «познать». Сведения об упрощенных написаниях (т. е. *o* вместо *ѿ*) даются очень сжато; при этом все цитируемые примеры относятся к нормальным условиям, поскольку упрощенные написания, выступающие в особых условиях, малопоказательны (*o* нормальных и особых условиях см. Новые данные, § 20).

Специально отметим следующее. В Мериле добавление к однозначной словоформе служебных слов не влияет на ее написание; например, мы находим не только *домъ* (где *ѿ* в силу основного правила 2в), но и *на домъ*. Независимо от того, как объясняется эта особенность (фонетически или чисто орфографически), она в принципе дает нам право цитировать словоформы вне контекста.

Первые части сложных слов обычно пишутся в Мериле с теми же *o* или *ѿ*, что и при самостоятельном употреблении, например *законодавецъ* (при флексийном ударении первого члена наблюдается колебание, например, *заимодавецъ* и изредка *заимѿдавецъ*).

О из раннедревнерусского ѿ

§ 7. В соответствии с основным правилом 1, *O* из раннедревнерусского ѿ обычно представлено в Мериле как *o*. Материал здесь весьма велик, поэтому ниже дается лишь краткий его обзор (приводятся встретившиеся словоформы²¹ или даже просто морфемы).

O в корнях. С прежними *tъrt*, *tъlt*: *болгаръ*, *оболкъшеса*, *оболчени*, *борз-*, *борть* и произв., *волиьбнына*, *волкъ* и др., *волны* «*undaе*» и др., *голважень*, *горд-*, *горлицы*, *горнъчару*, *гортань*, *долгъ* «*longus*» и произв., *долгъ* «*debitum*» и произв., *колбягъ*, *кормъ* и произв., *кормъчи* и др., *окорненъ* и произв., *корчагъ* и др., *корчемница* и др., *молньна*, *молч-*, *полз-*, *исполчениемъ*, *стополцъ*, *портъ* и др., *испортить*, *оскорби*, *столгъ* и произв., *толкъ*, *оутолченъ*, *торгъ* и др., *торгахоу* и произв. (всего около 300×); также *полн-* 43× (но один раз с *ѿ*; см. § 8; там же *o* *МОлв-*). Отметим на-

²⁰ Примеры из зоны Б приводятся только при особой необходимости. Отметим, что в этой зоне (которая в 15 раз меньше зоны А) распределение *o* и *ѿ* почти такое же, как в зоне А, но с более низким коэффициентом выраженности /*ѿ*/ (вероятные ошибки — только *таковыхъ* 97, *скотъское* 126б, *кѿѿ* 141, *мѿстъного* 211б).

²¹ Здесь и в дальнейшем «и др.» после словоформы означает «и другие словоформы той же лексемы»; «произв.» — производные.

писания *горѣстїю* 3б, *въ|скорѣмленици* 6, *исторѣгну* 19б. С прежними *тѣтъ*, *плѣтъ*: *дрова* 128б, *-ѣхъ* 340, *кровь* (12×), *кровью* (2×), *крово*, *-и* (7×), *кровоавъ*, *кровопролитина* (4×), *стропот-енъ*, *-но*, *-нака* (4×), *строптив-ыи*, *-а* (2×), *тростѣ*, *-и* (2×), *наблокѡ* 111 (о *плОть* см. § 8). Прочие: *вонъ* «наружу» 32б, *дожь дака* 65б (менее вероятно чтение *дожьдака* «*pluens*»), *дождевныа* 3б, *золъ* И. В. ед. муж. (4×), *козньми* 33, *кознии* 242, *ложн^а* Р. ед. 119, *потки* «птицы» 33б bis, *сноха*, *снохи*, *снось* (10×), *посолаъ* «поручение» 158б, 159, *солни-ци*, *-ки*, *посоли-кѣ*, *-ци* (8×), *сотныа* 149б, *сотники* 17б, *токмо* (77×), *точью* (11×), *оутокъ* И. ед. 5б, *приточъ* Р. мн. 10б, *да въстокнуть* 192, *по тонку* 31, *топчють* 348, *бес тощеты* 128б, *изъ|тощиши* 121б, *истоцано*, *-ие* (3×); сюда же *взопѣть* 119б, *взопѣють* 18, *взопи* 40б. Об «уповать» см. § 8.

О в послекорневых элементах основы. *-ѣк-: *кратокъ*, *крѣпокъ*, *легокъ*, *ползокъ* (9×); *добытокъ*, *прибытокъ*, *зачатокъ*, *начатокъ*, *опрѣсноки*, *на послѣдокъ*, *пѣсокъ*, *свитокъ*, *четвертокъ* и т. д. (34×). *-ѣп-: *луконь* Р. мн. 341 bis. *-ѣш-: *ѣшкошь* Р. мн. 342б bis. *-ѣт-: *локотъ* Р. мн. 341, *полоть* 332б, 339 (<**polъtъ*, ср. в МГУ 1367 *полтема* 131г, 188б), *шепотникомъ* 72. *-ѣв-: *свекрови* Д. ед. 252б, *катрови* Д. ед. 170, *за оутовъ* «за утку» 340. Отметим также постоянные *тогда*, *когда*, *нѣкогда*, *овогда*. О словах «любовь», «церковный», «стропотный» см. § 8.

О в окончаниях. И. В. ед.: *градось* 61б, *бракосъ* 220б, 221, *работъ* 262. В Т. ед. *-Омъ* записывается только с *о* (при любой акцентуации): например: *попомъ*, *животомъ*, *пѣскомъ*, *числомъ*, *молокомъ*, *тепломъ*; *дѣломъ*, *закономъ*, *правиломъ*, *домомъ*, *словомъ* (в сумме около 310×). Таким образом, показания Мерила (равно как и МГУ 1367, где в Т. ед. тоже всегда *-омъ*) в очередной раз подтверждают тот известный факт, что в раннем древнерусском здесь было *-ѣмъ*.

О в приставках и предлогах (встречается сотни раз). Примеры: *вочтена*, *сожѣжеть*, *сонмище*, *возметъ*, *пѣдотнетъ*; *вообразить*, *сооузъ*, *согрѣшити*, *возносити*; *во тмѣ*, *во пса мѣсто*, *со многими*, *ко мнѣ*, *ко князю*; *во адѣ*, *во оумѣ*, *со инѣми*, *во своемъ*, *во правду* и т. п. Отметим также союз *но*.

Изредка вместо *о* (из прежнего *ѣ*) в Мериле встречается также архаичное написание *ѣ*, в частности: *вѣлхвоука* 100б, *дѣлженъ* 89б, *тѣлкъ* 71, *ѣ|тѣрженѡ* 112, *брѣнѣ* 178б, *брѣсняху* 344б, *дѣждь* 33, *сѣтнака* 105, *тѣкмо* (3×), *вѣзмиши* 118 и др., *вѣзпи* 123 и некоторые другие. По-видимому, все эти записи фонетически равнозначны записям с *о*. В некоторых случаях неясно, передает ли буква *ѣ* гласную или нуль звука (ср. сноску 51), например: *дѣжда* Р. ед. 33, В. мн. 56б, *на дѣскахъ* 109, *дѣхну* 193, *тѣснися* «старайся» 27, *истѣщитъ* 132б, *вѣпрѡсъ* 345б и т. п.

В *храборствѡ* 111б, 127 *о*, по-видимому, эпентетическое; в *со оптенци* «с птенцами» 32 *о* протетическое.

§ 8. Имеется, однако, некоторое число случаев, когда в соответствии с этимологическим *ѣ* мы обнаруживаем в Мериле не *о*, а *ѡ*. Так, всегда с *ѡ* в Мериле пишутся: 1) морфема *плОт-(ѣ)* в перестроенном слоге — *плѡтъ* 4б, 190, 230б, 344, *плѡтъю* 3, 27б, 34, 172б, 181б, *плѡтн-ѣмъ* 5б, *-ака* 64б, *-ыхъ* 6, *плѡтъск-ака* 109, *-ихъ* 135б (ср. в неперестроенном слоге *плоти* Р. ед. 33, 173б, М. ед. 3, также *плѣти* Р. ед. 4, 5б, *плѡтѡднѣ* 33); 2) морфема *мОлв-* — *мѡлва* 56б, *-у* 26б, *-ы* В. мн. 77б, *мѡлв-ити* 23б, 68, *-итъ* 21б, 31, 64, *-ишь* 30б, 63б, *-и* повел. 23, *измѡлвити* 29б; 3) причастие *скрѡвенъ* — *скрѡвенъ* 2, 52, *-оѣ* 261б, *-ѣмъ* 45, *-у* 53б, *-ака* 11б, *-ыхъ* 40, *-ѡю* Р. дв. 39б; 4) *воину* «всегда» (10×: 38б, 75, 148б и др.); но также *вину* (207б), *во имя* 14, 59б, 109, 171, *вонъ* «в него» 1, 118б, *вонже* «в который» 136б, 161, 164 bis (также *вонже* «в которое» 203б), *вонми* повел. 14; *вѡтъ* «в тот» (*часъ*, *днѣ*, *годъ*) (10×: 35, 41, 201б и др.); 5) словоформы

тѡтъ 149, 225, *кѡждо* И. ед. муж. (11 × : 18 bis, 346, 37 и др.). По-видимому, сюда же относится *просѡпъ* (*даеть... жито во просѡпъ* 336б «дает зерно взаймы с тем, чтобы оно было возвращено с присыпкой»; про исправлено в рукописи на *при*). Кроме того, встретились с ѡ (при более обычном написании с о): *любѡвь* В. ед. 426, 45, *любѡвию* 20 (при *любовь* 5, 246, 132, 196, 249б, -ью 226, 70б, 112, 202б, -ию 167, *любовникъ* Р. мн. 144); *црѡвѡна* 97 (при *црѡвѡнѡе* 78, -агѡ 84б, -ѡму 94, 198б, -ымь 160б, -ши 134); *пѡлна* В. ед. 64 (при *полнѡа*, -агѡ, -аѡ и др. 43 ×).

Ясно, что по крайней мере в группах 1—5 появление ѡ нельзя приписать простой случайности. Ряд фактов говорит о том, что перед нами не орфографическая условность, а передача /ѡ/ (т. е. ѡ здесь имеет свое обычное фонетическое значение, а нарушены лишь диахронические правила).

Прежде всего многие из рассматриваемых слов записываются со знаком для фонемы /ѡ/ также и в других памятниках, различающих /ѡ/ и /ѡ/ (притом что графические приемы передачи /ѡ/ в разных рукописях различны). Так, в МГУ 1367 из этих слов представлены с ѡ: постоянно — *воину* «всегда», *ѡ имя*; изредка — *ѡтъ* «в тот» 129г, 200б, *испѡлнь* 104г (при обычных *ѡтъ*, *полнѡ*, *исполнѡ*). В Травнике (см. Новые данные, § 3): *плѡтъ* и производные (5 ×), *да промѡлвить* 134б, *црѡвѡнѡ*²² 373б. В рукописях с камерной системой постоянно или хотя бы спорадически выступают с камерой слова «плоть» и производные, «во имя», «вонь(же)», «воньми», «любовь». Далее, в современных русских говорах находим, в частности: воронежск. *любѡвь*, *любѡви*, *любѡвью*²³, вятск. *тѡтъ*²³, тотемск. l'ubѡf, l'ubѡv'i, tѡt²⁴, лекинск. *тѡт* (наряду с *тот*)²⁵.

З а м е ч а н и е. При этом, однако, в тех же самых рукописях и говорах можно также найти и примеры расхождений с Мерилом. Так, в МГУ 1367 *плѡтъ*, *моливти*, *вонь*, *вонже*, *тѡтъ*, *кѡждо* представлены только с о, с другой стороны, например, *ѡ истину* — всегда с ѡ (ср. *ѡ истину* в Мериле); в части говоров «любовь» и «тот» выступают с /ѡ/. Таким образом, индивидуальные замены /ѡ/ на /ѡ/ затрагивали в разных говорах несколько различные наборы слов.

Весьма показательны также то, что в рассматриваемой группе примеров из Мерила ѡ нигде не выходит за рамки тех акцентных и слоговых позиций, в которых в говоре Мерила было возможно /ѡ/ (см. § 31). Так, это ѡ представлено: а) в односложных словоформах (*плѡтъ*, *вонь*, *ѡтъ*, *тѡтъ*) и в начальном слоге перед двумя согласными (*плѡтньмь* и т. д., *мѡлѡа* и т. д., *пѡлна*, *вонже*, *вонми*, *кѡждо*); *воину* и *ѡ имя* относятся к той же особой группе, что *сѡими* и т. п. (см. § 22); б) в прочих положениях — только под автономным ударением (*измѡлвити*, *скрѡвенъ*, *просѡпъ*, *любѡвь*, -ию, *црѡвѡна*). Особенно показательны чередование ѡ — о в *плѡтъ*, *плѡтью*, *плѡтньмь* — Р. ед. *плѡти* (энклитическое), М. ед. *плѡти* (конечное ударение); ср. такое же чередование, например, в *нощѡ*, *нощнии* — *нощи*, где О из *о.

Причины появления «незаконного» /ѡ/, по-видимому, были для разных слов различными. В нескольких случаях мы имеем дело с аналогическим переносом, механизм которого достаточно прозрачен. Так, *тѡтъ*, *кѡждо* явно восходят не к раннедревнерусским *тѣтъ*, *кѣждо*, а к **тѡтъ*, **кѡждо*, получившимся в результате обобщения *то-*, *ко-* (выступающих в

²² Диалектологические материалы, собранные В. И. Тростянским, И. С. Гришкиным и др. Сборник ОРЯС, т. 95, № 1, с. 6, 23, 45 и др.

²³ Там же, с. 71.

²⁴ О. Б р о к. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. Сборник ОРЯС, т. 83, с. 35, 125.

²⁵ А. А. Ш а х м а т о в. Там же (см. сноску 18), с. 186.

среднем роде и в ряде косвенных форм)²⁶. В *скрѡвенъ* ѡ, вероятно, по аналогии с *скрѡвище* и другими производными (ср., например, *отъкрѣвено*, *покрѣвено*, но *съкрѡвище*, *покрѡвъ* в Остромировом евангелии). В *црковнаа* следует видеть влияние суффикса *-Ов-* (об ударении см. § 12), ср. *грѣховнии*; это влияние могло затрагивать также основу *любОв-*.

Слово *просѡпъ*, по-видимому, перешло в модель склонения с небеглым *О*: ср. небеглое *О* и срединное ударение в Чуд. *осѡпи* И. мн. 38г (= *λοισοί*, *pestilentiae*, Лука XXI, 11) от того же корня *сър* (по значению ср. *о-сър-а*). После этого оно и по огласовке уподобилось господствующей модели *потѡпъ*, *потѡпа* (заметим, что в говоре Мерила для словоформ **прОсѡпа*, *-у* и т. д. огласовка /ѡ/ в корне, по-видимому, была невозможна, см. § 31). Ср. аналогичное развитие в воронежск. *ваздѣбхами*²⁷.

Сочетание *вѡтъ* «в тот» (из *въ тѣ*), вероятно, обязано своим ѡ влиянию местоименной основы **от-*, давшей, в частности, современное *вот* (в говорах /вѡт/) ²⁸; ср. также *і отъ* «и тот» в Мариинском евангелии (Лука XI, 7; в прочих старославянских евангелиях *и тѣ*); дополнительное влияние здесь могла оказать словоформа *тѡтъ*.

Появление ѡ в *плѡтъ*, *воину* «всегда», *во имя*, *вѡнь(же)*, *вѡнми* (отчасти также в *любѡвь*) связано, как предполагали уже Л. Л. Васильев и Н. Н. Дурново, с их книжным характером. Как показал Н. Н. Дурново²⁹, по крайней мере часть русских книжников XI века читала *ѣ* в старославянских словах как *о*, причем для слов, не имевших прямых соответствий в живом русском языке (например, *оупѣвати*), это чтение могло закрепиться. Именно такое произношение с *о* в раннем древнерусском и следует предполагать для приведенных здесь книжных слов; в дальнейшем это *о* развивается по общим правилам, в частности, дает в говоре Мерила ѡ или *о* в зависимости от акцентной и слоговой позиции, ср. выше о чередовании *плѡтъ* — *плоти*; ср. также *оуповаи*, *оупование*. Возможно, сюда же относится *стрѡпѡт-енъ*, *-но*, *-нак* (при *стрѣпѣтъна*, например, в Изборнике 1076 г.): ср. в МГУ 1367 *стрѡпѡтнак* 233г, где как *-пѡт-*, так и *стро-* указывают на прежнее чтение с *о*, а не с *ѣ*.

Иной источник имеет ѡ в морфеме *мѡлв-* (из *мѣлв-*): по-видимому, в говоре Мерила в этой морфеме произошло какое-то фонетическое преобразование сочетания *ол* между двумя губными согласными; ср. особое развитие этой морфемы в укр. *мѡва*, *мѡвити*, белор. *мѡва*, *мѡвиць*, польск. *това*, *тѡвиць*. Что касается единичного *пѡлн-* (на фоне *полн-* 43×), то здесь, быть может, представлен первый проблеск тех колебаний между /ѡ/ и /ѡ̄/ в морфемах данной структуры, которые наблюдаются в XVI веке (ср. также *испѡль* в МГУ 1367); но не исключена и простая ошибка писца.

О из раннедревнерусского о

Основная часть материала

§ 9. Основную часть материала здесь составляют свободные *О* (см. § 4), кроме подпадающих под основное правило 2б; этот массив включает около 16 000 вхождений *о* и около 2800 вхождений ѡ. Нами был проведен последовательный разбор этого материала, в ходе которого написание каж-

²⁶ Ср. там же, с. 186, сноска 1.

²⁷ Сборник ОРЯС, т. 95, № 1 (см. сноску 22), с. 19.

²⁸ См. М. Д о л о б к о. Der sekundäre v-Vorschlag im Russischen. Zeitschrift für slavische Philologie, Bd. III, № 1—2, S. 107—109.

²⁹ См. Н. Д у р н о в о. Славянское правописание X—XII вв. «Slavia», роč. 12, № 1—2, Praha, 1933.

дой словоформы в Мериле сопоставлялось с имеющимися сведениями об ее акцентуации в XIV веке. Эти сведения складываются прежде всего из показаний Чудовского Нового Завета XIV века³⁰, а также из данных более позднего времени (включая современный язык); и то и другое используется с учетом общих положений сравнительно-исторической акцентологии славянских языков.

Проведенный разбор показал, что для данного массива выбор между ѿ и о непосредственно определяется акцентуацией словоформы: под автономным ударением выступает ѿ, в прочих случаях о. Разумеется, здесь как и во всех других группах словоформ, есть некоторое количество упрощенных написаний, однако коэффициент выраженности /ѿ/ (см. Новые данные, § 18) столь высок — в нормальных условиях около 97%, — что упрощенные написания лишь в незначительной степени затемняют общую картину. Случаев обратного типа, когда в явное нарушение данной схемы написано ѿ вместо о, ничтожно мало (все они приведены в § 30). В настоящей статье привести весь этот разбор невозможно; этому будет посвящена отдельная более обширная работа³¹. Ниже приводятся лишь наиболее наглядные примеры, дающие общее представление о картине, открывающейся при анализе Мерила.

Начнем с примеров, где ударение XIV века совпадает (по месту) с современным.

Примеры словоформ с полнoгласием. Энклиномены: *бородоу, волосы, волость, -и, -ью, ворогъ, -у, голову, городъ, -а, золото, норовъ, солоду* Р. ед., *солонъ, на всѣ стороны*. Ортогонические словоформы — с безударным -*ОрО-*, *ОлО-*: *володимѣръ, воротити, голова, -ы* Р. ед., *городьскаа, дорогоѡе, золота* И. ед. жен., *молода* И. ед. жен., *-ыѣ, молокоѡ*; с ударением -*ОрО-*, -*ОлО-*: *за вологу, воронамѣ, оу воротѣ, воротитѣ, ворочати, коладу, за корову, пороги, сдорови, скорморохѣ, холонѣ, -а, -и, в хоромѣ*. Прочие примеры. Энклиномены: *слово, око, около, просто, помощь, похоть, кротость; мясо, оухо, живо, прямо, было, взято, немощь; море, очи, воду, носа, рода, кости* В. мн., *двое, голубь, корень, осень, островѣ*. Ортогонические словоформы: *злѡ, добрѡ, селѡ, винѡ, прощенѡ, погребенѡ; много, сбѡра, прѡсить; готѡво, мужьскому, закѡлеть, котѡрое, оуаконити; живѡтѣ, порѡкѣ, домѡвѣ; подѡбно, разбѡиникѣ; вдова, покрыто*.

Характерные примеры чередования о — ѿ при словоизменении и словообразовании: *живѡтѣ, живота, живѡтнаа; сирѡта, сирѡтѣ; слово, преклѡвьѡе; добрѡ, дѡброе; просто, простѡе; молю, мѡлить, мѡлѣть, моля, моли повел., молити, молениа; хѡдишь, хѡдитѣ, хѡдятѣ, ходя, ходи повел., ходити, ходивше, на всхѡдѣ, исхѡдѣ, прохѡда; смѡтрить, смѡтримѣ, смѡтря, смѡтри повел., рѡсмѡтрѡе; родитѣ, родити, родила, нарѡды; оугодимѣ, оугодити, небуѡденѣ; хоцѣ, хоцѣшь, хоцѣть, хотѣть, не похочи, хотѣти, хотѣлѣ; могу, мѡжешь, мѡжетѣ, мѡжемѣ, мѡгутѣ, не мѡзи, невѣзмѡжно*.

§ 10. Перейдем к примерам, где ударение XIV века не совпадает по месту с современным (или в современном языке нет соответствующей словоформы).

Слово «воля» имеет в Чуд. особую аномальную акцентуацию (разноместное ударение при отсутствии оттяжек ударения на проклитику), не

³⁰ Новый Завет господина нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия, митрополита Московского и всея Руси (фототипическое издание Леонтия, митрополита Московского). М., 1892 (далее: Чуд.). Ссылки даются на листы оригинала; буквы *а, б, в, г* обозначают столбцы.

³¹ Соответственно в § 9—11 примеры даются без ссылок на текст (и обычно даже без подсчетов частоты); упрощенные написания не приводятся.

сохранившуюся в таком виде ни в одном из позднейших памятников и до сих пор не получившую общепринятого объяснения. Оказалось, что в Мериле распределение *o* и *ω* в парадигме этого слова точно соответствует показаниям Чуд. (в приводимых парах левый член принадлежит Мерилу, правый — Чуд.): И. ед. *воля* (3×) — *воля, воля* (10×); Р. ед. (на -я)³² *воля* (15×) — *воля* (2×); Д. М. ед. *воли, по воли, по воля* (4×) — *воли, по воли* (6×); В. ед. *волю* (10×) — *волю* (12×, по 1 раз *волю*). Для Т. ед. в Чуд. нет надежных примеров (в Мериле *волюю* 7×).

В Чуд. противопоставлены два акцентных типа аористов на -*охъ*, например, *свед-бхъ*, -*бша*, но *обрѣ'т-охъ*, -*оша*. В более поздних памятниках обычно уже полностью или частично обобщено ударение типа -*бхъ*, -*бша* (более того, уже в самом Чуд. в некоторых случаях замечаются колебания в сторону этой новой акцентовки). Оказалось, что написания Мерила почти безупречно соответствуют данным Чуд. Характерные примеры (способ записи тот же, что выше): 1) *погребѣша* — *погребѣша*; *внидѣша* — *внидѣша*; *оумрѣша* — *оумрѣша*; *принесѣша* — *принесѣша*; *рекоша* — ср. *нарѣкоша*; *текоше* — ср. *текохомъ*; 2) *погибоша* — *погибоша*; *въздвигохъ* — *въздвигохъ*; *излѣзоста* — ср. *слѣзоста*; *обрѣтоша* — *обрѣтоша*; *сѣдоша* — *сѣдоша*.

Приведем еще несколько примеров соответствия между показаниями Мерила и Чуд.³³: *солѣмонъ* — *солѣмонъ*; *чювьство* — ср. *чювьствѣ*; *свобода* — *свобода*; *свободно* — ср. *свободни* (энклиномен); *свободному* — ср. *свободныи*; *вѣчное* — ср. *вѣчнѣю*; *должьному* — *должьному*; *мирное* — ср. *мирно*; *сѣтлѣе* — ср. *сѣтлѣю*; *твердѣе* — ср. *нетвердѣи*; *второе* — *второе*; *нарѣчитыи* — ср. *нарѣчита*; *оного* — *оногѣ*; *такогѣ* — *такогѣ*; *боле* «больше» — *болѣ*; *кромѣ* — *кромѣ*; *подѣбаеть* — *подѣбаеть*; *озлѣбляющими* — ср. *озлѣбляи*; *поработить* — ср. *поработятъ*; *поработяеть* — ср. *поработяи*; *наложитъ* 3 ед. — ср. *наложитъ*; *поданѣ* — ср. *проданѣ*; *избранѣ* — ср. *собранѣ*. Правильное соответствие между Мерилом и Чуд. может выражаться также в том, что колебаниям между *ω* и *o* в Мериле отвечают колебания ударения в Чуд. Например, в Мериле представлены *новыи*, *новомоу*, *новою*, *новыхъ* и др. (9×) и *новѣе*, *новѣю*, *новыхъ* и др. (29×), а в Чуд. — *нѣвыи*, *нѣвое* и др. (5×), но также *новѣмоу* 1176.

В ряде случаев акцентовка, предполагаемая написаниями Мерила, непосредственно не засвидетельствована в Чуд., но известна из более поздних памятников. Примеры: *о попѣхъ*, *о воляхъ*, *въ дворѣхъ*, *философа*, *добрѣта*, *теплѣту*, *мужьство*, *блудное*, *брачное*, *страшному*, *сладкое*, *катѣе*, *взятоѣ*.

§ 11. Совокупность надежных случаев, когда в ортогонических словоформах *ω* Мерила соответствует ударному *o* других памятников, столь велика, что немногочисленные случаи несоответствия, как правило, должны истолковываться просто как свидетельство разницы (диалектной или хронологической) в акцентуации. Примечательно, что основные расхождения между Мерилом и Чуд. тоже носят систематический, а не разрозненный характер. Так, в Мериле причастия с -*яцъ* от глаголов акцентной парадигмы *b*³⁴ на -*ити* систематически обнаруживают огласовку *ω*:

³² В Мериле встретился также Р. ед. *воли* 342, с окончанием и огласовкой Д. М. ед.

³³ Большинство показанных здесь ударений можно встретить не только в Чуд. С другой стороны, в самом Чуд. в части случаев наряду с приводимым ударением встречается и более новое (совпадающее с современным).

³⁴ О термине «акцентная (или акцентуационная) парадигма» (идущем еще от Ф. де Соссюра) см., в частности, В. М. И л л и ч - С в и т ы ч. Именная акцентуация в балтийском и славянском. М., 1963, с. 4. Обозначения акцентных парадигм (*a*, *b*, *c*) — по книге: С h. S t a n g. Slavonic accentuation. Oslo, 1957.

гоняще, молящеся, носяще, просящему, смотряще, ходяща, входящихъ и т. д. (всего 71×; в нормальных условиях о нет). Между тем в Чуд. здесь господствует суффиксальное ударение: гоняще, моляще, носяще, просящему, смотрящимъ, ходяще и т. д. (примеры типа не хбдяще 117в крайне редки). Ясно, что в говоре Мерила, в отличие от говора Чуд., в данном классе словоформ было корневое ударение.

Не рассматривая здесь всех подобных случаев, где Мерило фактически дает акцентологу новую информацию, отметим лишь один важный момент: в говоре Мерила подударное окончание Т. ед. -Ою у членных прилагательных имело ударение на О (ср. златюю, стюю, воцанюю, таковюю и т. д.), а у существительных и местоимений — на ю³⁵ (ср. бѣдою, виною, враждою, головою, горюю, женою, мздою, ногою, рабою, ротою, рукою, сестрою и т. д.; постоянно тою, мною, тобою, собою и лишь 1 раз со мною 223б).

О в в т о р о м з а у д а р н о м с л о г е
и в о п р о с о в т о р о с т е п е н н о м у д а р е н и и в г о в о р е
М е р и л а

§ 12. Появление ѡ во втором заударном слоге ортотонических словоформ — одна из наиболее замечательных особенностей Мерила. Особенно показательны примеры, содержащие два свободных ѡ одновременно: *вошьнѡ, оуаконенѡ, оумноженѡе, расмѡтренѡе, скрѡвенною, подѡбалѡ, икономѡвъ*; они не оставляют возможности для предположений о сдвиге ударения.

Основную часть материала, относящегося к данному вопросу, составляют словоформы прилагательных и причастий с окончаниями -О, -Ое, -Ому, -Ою, -Омъ (Д. мн.). Прилагательные. Непроизводное *скарѣѡ* 114б. *-ъп-: *бжѣтвенѡму*, -ѡю, *бѣтвенѡму*, -ѡю, *пребжѣтвенѡму* (7×), *ественѡ*, -ѡе, -ѡму (4×), *избыточнѡе* 179, *искреннѡму* 37б, *истиннѡ*, -ѡе (7×), *лѣтвицнѡе* 49б, *мѣсячнѡе* 179, *недостаточнѡе* 184б, *обычнѡе* 22бб, *огненѡе* 68, -ѡму 60б, *паствицнѡ* 268б, *(не)праведнѡ*, -ѡе, -ѡму (29×), *ржѣтвенѡе* 224б. *-ъск-: *аплѣкѡе*, -ѡму (4×), *пѡстничькѡму* 162б. *-ин-: *шюдинѡ* 41. *-ак-: *инакѡ* (21×), *нѣкакѡ* 133б, 143. Причастия. *-ем-: *бываемѡе*, *свершаемѡ*, -ѡе, *обладаемѡе*, *глемѡе* (по-видимому, = *глаголемѡе*), *призываемѡмъ*, *взискаемѡе*, *оукаряемѡ*, *низлагаемѡе*, *попираемѡ*, *неприсяжаемѡму*, *стваряемѡ*, -ѡму, *начинаемѡму*, *причитаемѡмъ*, *являемѡму* (в сумме 19×). *-им-: *(не)видимѡе*, *ненавидѡмѡмъ*, *обидимѡму*, *(не)движимѡе*, -ѡмъ, *неподвижимѡе*, *непостижимѡ* (в сумме 13×). *-ен-: *верженѡму*, *оуаконенѡ*, *оуаконьнѡму* (ѡ написано вместо е), *краденѡе*, *окраденѡмъ*, *оукраденѡ*, -ѡе, -ѡму, *скрѡвенною* Р. дв., *купленѡму*, *оумаленѡ*, -ѡе, *оумноженѡе*, *оуправленѡе*, *расмѡтренѡе*, *оставленѡ*, -ѡе, *поставленѡму*, *сѣставленѡе*, *оуставленѡ*, -ѡе, *прооуставленѡму*, *ѡтѣрженѡ*, *изѣденѡ*, *оуазвенѡе* (в сумме 31×). *-п-: *заповѣданѡе*, -ѡму, *исповѣданѡму*, *оувѣданѡ*, *сѣщанѡ*, *гльнѡ* (по-видимому, = *глаголанѡ*), *огланѡе*, *несдѣланѡе*, *кончанѡ*, *писанѡ*, -ѡе, -ѡму, *(не)написанѡ*, -ѡе, *подѣписанѡ*, *испытанѡ*, *поруганѡ*, *вѣданѡ* (от *вѣдати*), *посланѡмъ*, *слышанѡ* (в сумме 47×). Кроме того, перфект *подѡбалѡ* 34б.

Далее, сюда относятся словоформы существительных с окончаниями -О, -Ови, -Овъ: *яблокѡ* 111; *зеркалѡ* 29, *мѣрилѡ* (3×), *постризалѡ* «нож-

³⁵ Ср. догадки Л. Л. Васильева о возможности такого ударения, основанные на некоторых реликтовых примерах из более поздних рукописей; см. Л. Л. В а с и л ь е в. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII вв. К вопросу о произношении звука о в великорусском наречии. Л., 1929, с. 138—139 (далее сокращенно: Васильев).

ницы» 345, *правилѡ* (18×), *ставилѡ* (3×); *воиньствѡ* (5×), *дѣлательствѡ* 155б, *приставничьствѡ* 153, *свѣдительствѡ* 80, *тиоуньствѡ* 153, *храборьствѡ* 111б, 127; *федорѡви* Д. ед. 224; *дьяконѡвъ* Р. мн. 94б, *икѡномѡвъ* Р. мн. 158б. Кроме того, *наволѡки* Р. ед. 100.

З а м е ч а н и е. Здесь нет возможности разбирать вопрос об ударении каждой из приведенных словоформ. Укажем лишь, что все отразившиеся в этих примерах акцентовки, отличные от современных, находят исторические подтверждения; ср., например, в Чуд. *мѣрило*, *дѣлатель*, в рукописях XVI в. — *тиоунъ* и т. д.; исторически правильно также ударение **постризати*.

Упрощенные написания (например, *праведно*, *оузаконено*, *мѣрило* и т. п.) встречаются здесь несколько чаще, чем в среднем по Мерило: для приведенной совокупности словоформ (ω 240×) в нормальных условиях их 20 (и еще 5 для других словоформ аналогичной структуры).

В некоторых словах можно предполагать колебание ударения; например, *црковн-ѡе*, *-ѡму* и др. (24×), *старѣишиньство* 95б, 166, по-видимому, отражают ударение на первом слоге, а *црковнака* 97, *црквн-ѡе*, *-ѡму* (3×), *старѣишиньствѡ* 181б, 201б — на втором. Имеется, наконец, около десятка примеров с неясной акцентуацией, которые мы здесь не разбираем.

Для сопоставления со вторым заударным слогом ортотонических словоформ приведем примеры свободных *О*: а) в первом заударном слого ортотонических словоформ — *много*, *-ѡе*, *-ѡму*, *-ѡю*, *доволно*, *-ѡе*, *-ѡмъ*, *масло*, *чадо*, *колѣно*, *свѣтило*, *холопньство*, *коварьство*, *дьяконъ*, *федоръ*, *старость*, *радостью*, *адовныка* и т. д. (сотни примеров); б) в третьем заударном слого ортотонических словоформ — *немлѣтивно* 168, *хрѣтознаменаное* 168, также *старѣишиньство* (2×, ср. выше), *старѣишино* Зв. ед. 207б³⁶; в) в любых слогах энклинемов (в том числе и в третьем от начала) — *золото*, *около*, *свободно* (ср. § 10), *ѡтѣато*, *прижато*, *неможно*, *непросто*, *нескоро*, *нетвердо*, *на нѡ*, *про злато*, *око за око*, *и за древо*, *ни на десно ни на лѣво* и т. д.

Поскольку во втором заударном слого ортотонической словоформы рефлекс прежнего *о* такой же, как в ударном (но не такой, как в прочих безударных), естественно предположить, что на данную позицию приходилось какое-то просодическое усиление, которое без далеко идущих обязательств можно обозначить как *второстепенное* (или ритмическое) ударение.

§ 13. Имеются, однако, некоторые отклонения от основного правила 2б, связанные с наличием в словоформе определенных морфем. Так, в ряде случаев вместо ожидаемого ω находим *о*.

Только *о* (но не ω) встречается в аористных окончаниях *-Омъ*, *-Овъ*. Словоформы, где это заведомо противоречит правилу 2б, таковы: *глаголахомъ* 128, *обрѣтохомъ* 253б, *мѡгоховъ* 40; менее надежны *слышахомъ* (4×), *видѣхомъ* 49, *видѣховъ* 40 (поскольку во многих памятниках у этих глаголов встречается ударение на втором слоге). Остальные примеры не противоречат основным правилам: *рекохомъ*, *текоховъ*, *писахомъ*, *въпрашаховъ*, *быхомъ* и т. д. (всего 32×).

Тот же эффект наблюдается в глагольном суффиксе *-Ова-*, в морфеме *-ждО* и в окончании *-О* у прилагательных с суффиксами *-Ов*, *-ав*. Материал, определенно противоречащий пункту 2б: *ѡиньствовати* 178б, *воиньствоваша* 140б, 257б, *назнаменовати* 176б, *свѣдительств-овати* 20б, 80, *-оваю* (sic) 173б; *къеждо*, *къеъмъждо*, *къеиждо* (8×), *еликождо* 87б; *неисто-во* 271, *дионисово* 347б, *сирахово* (2×), *федоритово* 45б (киноварь), *василье-*

³⁶ Однако в единственном примере с *О* в четвертом заударном слого находим ω: *свѣдительствуемѡ* 21, ср. § 17.

во 70, *їсво* 26, *корѡставо* 7. Ср. соответствующие общим правилам примеры: *даровати, вѣровати, помилувати, когѡждо, комуждо, когѡждо* и т. п.

К перечисленным малым группам примыкают также существительные с окончанием *-Ою*: здесь в позиции второго заударного слога, за одним исключением (*мачехю* 190б), представлено *о* — *истиною* 116, 20б, 145, 148, ср. также наречие *многѡждою* 60б; вероятно, корневое ударение имели также *нищетою* 42, *чѣтотою* 6б, 344б, *суетою* 347. Заметим, что у прилагательных картина иная (не противоречащая общим правилам): *бжѣтвенною* Т. ед. 196б, *бѣственною* Т. ед. 197, *скрѡвенною* Р. дв. 39б (при *-ою* в *невидимую* Т. ед. 5б).

§ 14. С другой стороны, в составе некоторых морфем ѡ появляется в заударной части словоформы не только в позиции второго заударного слога, но и в прочих. Таковы прежде всего окончания Р. ед. муж. и сред. с элементом *гО*: *-ОгО, -егО, -агО (-ягО)*. В полном соответствии с основными правилами мы находим здесь написание *гѡ* в словоформах с ударением на *гО* (*когѡ, никогѡ же, тогѡ, егѡ, сегѡ, всегѡ, оногѡ, самогѡ, своегѡ* и т. п., в сумме не менее 940×) и с ударением на два слога левее *гО* (*всякогѡ, нашегѡ, когѡрагѡ, достоинагѡ, силнагѡ* и т. п., в сумме не менее 340×). Однако написание *гѡ* выступает и в других акцентных позициях. Примеры с *-агО (-ягО)*: ударение, вероятно³⁷, на слог левее *гО* — *злагѡ, слѣпагѡ, стагѡ, чѣтнагѡ, людѣскагѡ, свободнагѡ, таковагѡ* и т. п. (в сумме не менее 150×); ударение на три слога левее *гО* — *воинѣскагѡ, оуготѡвашиагѡ, оузаконенагѡ, оукраденагѡ* и т. п. (в сумме не менее 100×); ср. также *когѡрающегѡся* 111б, *цѣрствующагѡ* 262. С *-егО* отметим *нѣкогѡ* (24×; ударение на *нѣ*). Упрощенные написания (*го* вместо *гѡ*) встречаются во всех перечисленных группах даже реже, чем в среднем по Мерилу (ср. Новые данные, табл. 2).

Особый интерес представляют примеры с *-ОгО*. Ударение на слог левее *гО* можно предполагать в следующих случаях: а) *ни ѡ^т когѡ же* 43, 159, *иногѡ* 32, *вередного* 35б; б) *тогѡ* 146б, *иногѡ* 60, 95, *иногѡ* 34, *ниединѡгѡ же* 159, *бѣлогородѣскагѡ* 338³⁸. Ударение на три слога левее *гО*: *тысячѣскагѡ* 338 bis, но также *тысячѣскагѡ* 338, *оукраденогѡ* 121.

Сходно с элементом *гО* ведет себя в Мериле частица *бо* (не в составе слов *ибо, оубо*): она систематически записывается как *бѡ*, независимо от акцентных условий (281×; упрощенное написание *бо* в нормальных условиях 10×). После энклименов *бѡ*, по-видимому, несло главное ударение (ср. ниже, § 16): *око бѡ, слово бѡ, тако бѡ, мужь бѡ, изнесу бѡ* и т. п. В случаях типа *сила бѡ, пишет бѡ ся* и т. п. *бѡ* находилось в позиции второго заударного слога. Однако в многочисленных примерах типа *добро бѡ, малъ бѡ, писанѡ бѡ есть* и т. п. *бѡ* стоит в иных акцентных позициях. Лишь в составе слова *оубО* морфема *бо* отражается в Мериле (за исключением двух раз: *оубѡ* 82, 150б) как полностью безударная: *оубѡ* (60×). Ср. слово *ибо*, которое явно имело конечное ударение: *ибѡ* (15×; упрощенные написания — *ибо* 58б, *ибо* 91).

Об особенностях окончаний *-Омь, -Ои* см. § 29.

³⁷ Неполная уверенность связана здесь с тем, что нельзя исключать (хотя бы для части примеров) возможность конечного ударения — как в *Сухѡвѣ, Дурноѡвѣ* и т. п. (см. Васильев, с. 133). Ср. двусмысленное *горкогѡ* 58б: оно может иметь корневое ударение, как *горекъ* 9б, 58 или флексивное, как *горкоѡ* 1б, 44б (в последнем случае нужно предполагать ударение на *гО* или упрощенное написание *ко* вместо *жѡ*).

³⁸ Во всех этих примерах, кроме *вередного* и *бѣлогородѣскагѡ*, отразилось не обычное ударение соответствующих словоформ (которому отвечают господствующие написания *никогѡ же, иногѡ, тогѡ, ниединѡгѡ же*), а редкий акцентный вариант; ср. еще *кому* 342б, *никому же* 43б, 159 (см. Новые данные, § 14, п. 5).

§ 15. Прежде чем комментировать изложенные факты Мерила, обратимся к сходным явлениям в других памятниках и в говорах.

Второстепенное ударение в заударной части словоформы, реконструируемое для говора Мерила, можно сопоставить с аналогичным явлением, которое О. Брок обнаружил в говорах бывшего Мосальского уезда. Приведем выдержки из его работы: «Кроме главного ударения, нередко замечается второстепенное, побочное, зависящее тоже от экспираторного усиления, и связанное обыкновенно с известным удлинением»; «Замечательно то, что настоящее побочное ударение, по-видимому, принадлежит лишь слогам после ударяемого»; «Вообще слог непосредственно после ударяемого обозначает, при отсутствии особых факторов, экспираторный минимум...; в дальнейшем слогое замечается новое усиление: *ʷuz'in'kŭi* узенький, *ʷogʷpŏwυ* вороны и др.»³⁹. О. Брок указывает, однако, что этот ритмический принцип во многих случаях нарушается действием различных побочных факторов (не всегда ему ясных); среди них О. Брок особо отмечает морфологический фактор — «склонность ввести на место ожидаемых по звуковым правилам ... слабейших гласных полные флексийные окончания, сохраняемые при ударяемом конце слова» (там же).

§ 16. Обратимся теперь к Чудовскому Новому Завету. В этом памятнике не менее 70 раз (не считая сомнительных) встречаются двойные знаки ударения, например *prōcŭtā*. Кроме того, более сотни раз выставлен только один знак ударения, но правее обычного для данной словоформы места, например, единичное *будетѣ* при господствующем *бѹдете*. (Условимся различать знаки ударения в написаниях типа *prōcŭtā* как «левый» и «правый»; соответственно, в *будетѣ* и т. п. представлен только «правый» знак.)

Как известно, двойные знаки ударения могут отражать акцентное колебание, т. е. передавать два альтернативных ударения. С другой стороны, М. И. Корнеева-Петрулан предположила, что в Чуд. они отражают наличие в словоформе главного и второстепенного ударения⁴⁰. Анализ всей совокупности написаний типа *prōcŭtā* и типа *будетѣ* в Чуд. приводит к выводу, что среди них встречаются примеры передачи как альтернативных, так и сопутствующих друг другу ударений. При этом первый случай представлен преимущественно там, где «левый» и «правый» знаки ударения приходятся на смежные слоги (например, *із дѣмоу* 26г, *нѣщину* 26г, *вѣдѣста* 41г, *слѣшаша* 26б, *пѣстлани* 112а, *по дѣ'ствоу* 134б), второй — преимущественно там, где они находятся через слог друг от друга (для части примеров выбор интерпретации затруднителен).

Приведем вначале те случаи, когда «правый» знак ударения выставлен над слогом, который при данной грамматической форме или в данном морфологическом типе по сведениям исторической акцентологии вообще не мог нести главного ударения⁴¹: повел. — *вслѣдуйтѣ* 23г, *вѣ'дѣтѣ* 13в, *не вѣ'руйтѣ* 13в, *вѣ'проутѣ* 48г, *вѣ'руитѣ* 49а, *оуготѣвитѣ* 76а; презенс с суффиксальными *-aj-, *-uj- — *не вѣ'роуетѣ ми* 46а, *нарицаѣтѣ* 84а, *вѣ'кланяетѣ* 43а, *побиваетѣ мя* 47а, *пѣ'мышляетѣ* 28г, *пѣ'мышлѣ'етѣ* 47г, *послѣдоующѣ* 21г, *прѣбываетѣ* 89б, *прѣбываетѣ* 129в, *свѣдѣтѣ'ствоуетѣ* 42в; соот-

³⁹ О. Б р о к. Говоры к западу от Мосальска. Петроград, 1916, с. 10. Имеются отдельные указания на сходные явления и в других говорах; мы предпочли здесь ограничиться работой О. Брока как наиболее надежной и полной. Ср. также положение М. В. Панова о ритмической структуре заударной части словоформы в современном литературном языке; см. М. В. П а н о в. Остроения заударной части слова. Проблемы современной филологии. Сборник статей к 70-летию акад. В. В. Виноградова. М., 1965.

⁴⁰ См. М. К о р н е е в а - П е т р у л а н. К истории русского языка. Особенности письма и языка писцов московских владык XIV в. «Slavia», гоѣ. 15, № 1.

⁴¹ Для большей надежности из приводимых ниже списков исключены все случаи, где «правый» знак ударения приходится на неприкрытую гласную (так как здесь с ним может смешиваться знак «придыхания»), и случаи, где в тексте знак плохо виден.

ветствующие причастия — *волхвоу́ющий* 70а, *вспомина́ющий* 119а, *искоуша́юще* 126г, *недооумѣва́юще* 48г, *облича́ющий* 124г, *облобыза́ющий* 30в, *осѣня́ющий* 20г, *проповѣ́дающий* 151а, *слага́ющий* 26г, *оубива́юще* 22в; *дѣлающе́му же* 100г; *бываему́* В. ед. 93г, *и сключа́емѡ* 131а, *сна́ждаемѡ* 125г; прочие примеры — *слѣ́шатѣ* 80а, *слѣ́шатѣ* 24б, *слы́шатѣ* 15б, *оугодва́шѣ* 14б, *сла́вляхѡ* 61а. В этом классе случаев «правый» знак явно обозначает какое-то дополнительное просодическое усиление (типа второстепенного ударения), а не альтернативное ударение. В написаниях с одним «правым» знаком «левый» знак просто пропущен (поскольку акцентные знаки вообще ставятся факультативно).

Далее, имеются многочисленные случаи, где предположение о том, что «правый» знак передает главное ударение (хотя бы как одно из двух альтернативных) противоречит данным исторической акцентологии об акцентной парадигме соответствующей лексемы. Таковы, в частности: словоформы глаголов акцентной парадигмы *a* — *будетѣ* 49а, *взалчетѣ* 29в, *знаетѣ* 121б, 128г, 148г, *наблнитѣ* презенс 13а, *обр^ащѣтѣ* 11в, *да постѣ|нетѣ* 112а, *слышитѣ* презенс 49б, *слышитѣ* презенс 7б; *видяще* 8б, *знаемѣ* И. ед. 117б; словоформы глаголов акцентной парадигмы *b* — *да не вни́детѣ* 39в, *зѣжетѣ* 33г, *ищѣтѣ* 40г, *ищѣтѣ* 50в, *не можетѣ* 45г, *можетѣ* 112б, *преидѣтѣ* 39а, *прѣстѣ* 11в, *хощѣтѣ* ли 51а, *хощѣтѣ* 103а; *связанѣ* В. ед. 50г, *взлюбленѡму* 138г. Предположение о том, что *будетѣ*, *можетѣ* и т. п. отражают колебание соответствующих глаголов в сторону акцентной парадигмы *c* (где *-етѣ* «законно»), неправдоподобно, так как в других формах у них ударений по акцентной парадигме *c* (скажем, **будѣть*, **можѣмъ*) не встречается. Таким образом, и в данной категории примеров «правый» знак, по-видимому, отражает дополнительное (а не альтернативное) ударение.

Приведем без подробного разбора еще ряд примеров, где по аналогичным соображениям можно предполагать, что «правый» знак передает дополнительное ударение: *помниши́ его* 143б, *не помнитѣ ли* 134г, *предѣюще* 38г, *к насто́ящему* 148а, *прино́уженѣ же* И. ед. 9а, *проповѣ́данѡу* Д. ед. 130в; *бисерѣ* 156а, *би|серѣмѣ* 156г, *вои́ни* 15в, *воиноу́* Д. ед. 51в, *воиномѣ* Д. мн. 79а, *в вои́нѣхъ* 66г, *каменѣ* Д. ед. 158б, *камыци* 84б (ср. *камыци* 84б), *лю|бимичѣ* 91г (ср. *люби|миче* 91в и др.), *старица́* И. мн. жен. 140г; *каи́нѣ* 147а, *лазаря́* 36б, *сѣмѡнѣ* 15г, *фѣлиппѣ* 49а, *фѣлиппѡ же* 27б; *жертвеннѣ|ко* Т. ед. 13б, *клятвеннѣ|ко* Д. мн. 136б, *сие|твеннѣ|ка* 72в; *унакѡ* 135в, *искренѡ* 121в, *и|скренѡ* 141в, *исти|нни* 155в, *ни|щемоу́* 81в, *праве|дѣнъ* 100в, *прведе́нѣ* И. ед. 102в, *праведнѡ* 100в, *праведнѣ* 13а, *прочагѡ* 146в, *сѣмѡнѣ* И. ед. 28б, В. ед. 44г; *ми|гаждѣ* 18б.

Менее ясно, что передает «правый» знак — дополнительное или альтернативное ударение — например, в случаях: *иматѣ* (6×), *приемлетѣ* 120б, *имоуще́*, *-ищѣ́*, *-ищѣ́* (15×), *водяще́* 128б, *всходяще́* 21г, *ищу́юще* 12б, *носляще́* 7б, *хвальяще́* 26г, *могоуще́* 106г, *могоуще́му же* 92г, *могоуще́мому же* 106в, *гоняща́я* *вы* 105в, *знамена́ющую* 94а.

Особо отметим глагольные словоформы с суффиксом *-ова-*: *ѣврова́ти* *бѡ* 147а, *ѣрова́* 63в, *ѣрова́ша* 71в, *не ѣрова́сте* 12а, *ѣрова́ли* 44а bis, *ѣрова́но* 122б, *ѣрова́вши* Т. ед. 72а, *ѣрова́вши* И. мн. 124в (при множестве примеров с *ѣр-*); *насилѡ́аныѣ* 65г, *обра́дована́ѣ* 26а, *ѡ^тѣтѡва́* 127в, *пррчѣ|ствѡва́ же* 92в; *сѣдѣтел|ствѡва́нѣмъ* 138а, *за|сѣдѣ́телствѡва́ти* 73в, *ажесѣдѣ́телствѡва́ху* 24б.

Как показал В. А. Дыбо ⁴², в Чуд. сочетания с клитиками обычно сох-

⁴² См. В. А. Дыбо. Закон Васильева — Долобо в древнерусском (на материале Чудовского Нового Завета). «International Journal of Slavic Linguistics and Poetics», v. XVIII, 1975.

раняют древнейшую акцентовку, а именно, при ортогонических словоформах клитики безударны (*на мало, на селд, сила бо, селб же*), а при энклитоменах принимают на себя ударение (*на море, слово бд*). Впрочем, в небольшой части случаев расстановка акцентных знаков в Чуд. отклоняется от этих правил. При этом оказывается, что самые частые отклонения — это записи типа **сила бд* или даже **сила бд* в случаях, когда энклитика попадает в позицию второго заударного слога. Не имея возможности подробно разбирать здесь этот вопрос, ограничимся приведением характерных примеров (список далеко не исчерпывающий): *не дб'ло ли* 111в, *дъло бд* 14в, *дѣла бб* В. мн. 43г, *ѣса же* 15в, *па|влоу же* 77а, *пррка ли* 30б, *распря же* 45б, *язьика же* 82а; *всяка же* И. ед. 112в, *всяко же* 148а, *мало же* 93в, 161в, *мало бд* 93г, *малынь же* 143б, *мнобзи бб* 38б, *многа бд* 15в, *многа же* 94а, *па^ч же* 126в, *преже бд* 147а; *егоже бд* 148а, *ничто^{жс} ли* 15а, *никогда^{жс} ли* 11г; *буде^т бд* 25в, *възвѣдше же ся* 69г, *взликъши бд* 14в, *видѣ^с же* 4в, *видѣ^с же* 40в, *встаноу^т бд* 13в, *достой^т ли* 12в, *можаше бб* 23в, *мыслимъ бд* 100г, *основа|на бд* И. ед. 5г, *да проси^т же* 81а, *разоумъ'ша бд* 22в, *не согрѣши^х ли* 143г, *не слыши^ш ли* 15в, *слыша^т бд* 74б, *сѣдѣше же* 73а; также *вървати бб* 147а.

Итак, совокупность приведенных фактов свидетельствует о том, что в Чуд. в определенных случаях знаками ударения отражено не главное, а дополнительное (второстепенное) ударение. В подавляющем большинстве имеющих в нашем распоряжении примеров оно приходится на второй заударный слог. В сущности, единственный надежный случай отклонения от этого принципа — глагол *свѣдѣтельстввати* (менее ясно *не върочетѣ ми*; примеры *дѣлающе^{моу}*, *кланяетѣ*, *послѣдоюще^е*, *проповѣдающе^и* непоказательны, поскольку здесь было неустойчивым место главного ударения).

§ 17. Показания мосальских говоров, описанных О. Брокком, и Чудовского Нового Завета существенно повышают надежность интерпретации соответствующих фактов Мерила. Все три источника согласно указывают на какое-то просодическое усиление второго заударного слога. Не исключено, что такое же усиление мог получать и четвертый заударный слог, но фактов здесь слишком мало (*свѣдѣтельствуемъ* в Мериле, *свѣдѣте^а-ствоу|тѣ*, *вървати бб* в Чуд.). Все три источника указывают также на то, что этот ритмический принцип иногда мог нарушаться под влиянием морфологического фактора. Во всех трех источниках подавляющее большинство засвидетельствованных случаев второстепенного ударения приходится на открытый слог, при этом в Чуд. и в мосальских говорах (но не в Мериле) — преимущественно на конечный открытый слог.

В Мериле и в Чуд. выявляется одно и то же нарушение ритмического принципа в глагольных словоформах с суффиксом *-ова-*: второстепенное ударение не может падать в этом суффиксе на *-о-*. Судя по Чуд., оно падало здесь на *-ва-*, независимо от счета слогов, ср. прямое соответствие между *свѣдѣтельстввати* (с *о*) в Мериле и *засвѣдѣтельстввати* в Чуд. Эту особенность естественно связать с поведением суффикса *-ова-* под главным ударением: ни в современном русском языке, ни в XIV веке он не встречается (если не считать страдательных причастий) в акцентовке **-ова-*; возможно только *-ова-* — даже там, где по общим принципам акцентуации производных ожидалось бы **-ова-* (ср., например, *волхвовати*, *враждовати* и т. п., образованные от имен акцентной парадигмы *в*). Таким образом, место второстепенного ударения в суффиксе *-ова-* «выровнено», в ущерб ритмическому принципу, по месту главного ударения в том же суффиксе.

Этот факт позволяет предположить, что и другие отклонения от ритмического принципа в Мериле имеют сходную природу. Так, морфемы *Омъ*, *-Овѣ* (в аористе) и *-ждО* никогда не несли ни в Мериле, ни в Чуд. главного ударения. С другой стороны, для всех аффиксальных морфем, допускаю-

щих в Мериле эффект второстепенного ударения, имеются также примеры, где на то же место падает главное ударение. Ср. ѡ под второстепенным ударением, например, в *яблок-ѡ*, *федор-ѡви*, *дыако́н-ѡвъ*, *праведн-ѡ*, *праведн-ѡе*, *истиньн-ѡму*, *всяк-огѡ*, *оукраден-ѡ*, *писан-ѡ*, *свершаем-ѡмъ* и под главным ударением, например, в *моло́к-ѡ*, *петр-ѡви*, *дом-ѡвъ*, *красн-ѡ*, *земн-ѡе*, *жив-ѡму*, *сам-огѡ*, *речен-ѡ*, *избран-ѡ*, *вочтен-ѡмъ*.

§ 18. Итак, в говоре Мерила появление второстепенного ударения в заударной части ортотонических словоформ, по-видимому, регулировалось следующими двумя принципами (частично противоречащими друг другу).

1. Р и т м и ч е с к и й принцип (основной): второстепенное ударение падает на второй заударный слог (и, по-видимому, еще одно — на четвертый заударный).

2. М о р ф о л о г и ч е с к и й принцип (дополнительный): второстепенное ударение тяготеет к таким морфемам (и точкам внутри морфемы), на которые часто падает главное ударение; морфемы (или точки внутри морфем), на которые никогда не падает главное ударение, не получают и второстепенного ударения.

В § 12 мы имеем дело со случаями, когда оба принципа требуют одного и того же. Факты, описанные в § 13–14, так или иначе связаны с действием морфологического принципа вопреки ритмическому. Так, в силу морфологического принципа второстепенное ударение вообще не падает на аористные окончания *-Омъ*, *-Овъ* и частицу *-ждО*, а в суффиксе *-Ова-* может стоять только на *ва*.

Поскольку в говоре Мерила у существительных подударное окончание Т. ед. *-Ою* несло ударение на конечном слоге (см. § 11), туда же падает, вопреки ритмическому принципу, и второстепенное ударение в *истиною* и других подобных примерах (§ 13). При этом, однако, единичное *мачехю* показывает, что здесь могли быть и колебания в сторону соблюдения обычного ритмического принципа (вероятно, играло роль и то, что окончание *-Ою* все же встречалось в говоре Мерила и с подударным *О*, а именно, это было возможно для прилагательных, ср. *златю* и т. п.).

С другой стороны, в силу морфологического принципа элемент *гО* (по-видимому, близкий к статусу морфемы), который широко представлен под главным ударением (ср. *тогѡ*, *сегѡ*, *самогѡ* и т. п.), не только беспрепятственно получает второстепенное ударение в позиции второго заударного слога (*нашегѡ*, *котѡрагѡ* и т. д.), но и стремится обобщить его на остальные заударные позиции. Впрочем, в словоформах с *-ОгО* усматриваются некоторые следы конфликта двух принципов. Так, *тысячскогѡ*, *оукраденогѡ* отражают обобщенное морфологическим путем второстепенное ударение на *гО*, а *тысячскогѡ* — действие обычного ритмического принципа⁴³; ср. выше такое же соотношение между *истиною* и *мачехю*. В мосальских говорах аналогом этих колебаний могут служить, например, 'dobr'in'k'ijä и 'mal'in'k'ija (в обоих случаях И. ед. жен.)⁴⁴. Возможно, такого же происхождения различие между написаниями с *-ѡгѡ* (например, *инѡгѡ*, § 14) и с *-ѡго* (например, *инѡго*); но здесь не исключены и другие объяснения. Что касается совершенно устойчивой записи окончания *-агО* в виде *-агѡ*, то здесь дополнительным фактором могла быть и чисто орфографическая унификация (тем более, что в этой орфограмме и без того был некоторый элемент условности, поскольку книжному произношению с *-агО* в живой речи писца соответствовали словоформы с *-ОгО*).

⁴³ Существовало, что здесь в качестве вариантов выступают *-огѡ* и *-ѡго*, из которых ни одно нельзя рассматривать как упрощенную запись другого.

⁴⁴ О. Б р о к. Там же (см. сноску 39), с. 45.

С написанием *гѡ* в Мерило естественно сопоставить тот факт, что в рукописях XVI в. с камерной системой (в одних часто, в других постоянно) даже и без ударения пишется *гѡ*, например *нашегѡ* (см. Васильев, с. 132—133). Хотя не полностью исключено, что перед нами здесь орфографическое явление, более вероятно все же именно сохранение /ѡ/ (быть может, поддержанное «полуударностью»).

Постоянная запись в Мерило слова *бѡ* как *бѡ*, вероятно, объясняется так же, как для элемента *гѡ*, т. е. морфологическим обобщением второстепенного ударения; но следует учитывать и возможность орфографической унификации (ср. постоянство орфографического облика полнозначных словоформ, § 6).

Не совсем ясный случай составляют прилагательные с суффиксами *-ѡв-*, *-ав-* (§ 13). Может быть, здесь действовал тот же морфологический принцип, но в более сильной, чем обычно, форме, а именно, в применении к целым морфемным последовательностям *-ѡв-ѡ*, *-ав-ѡ*. В самом деле, в говоре Мерила в таких последовательностях главное ударение на окончании не встречалось: даже словоформа *таково* (8×) была здесь не конечноударной, а, как видно из ее написания, энклиноменом.

§ 19. Важнейшей особенностью Мерила является то, что здесь ритмический принцип, порождающий второстепенные ударения, действует только в ортотонических словоформах, но не в энклиноменах. В мосальских говорах подобного ограничения нет: у О. Брока в числе примеров, содержащих второстепенное ударение, находим и прежние энклиномены (*вброновы*, *пѡхороны*, *пѡ зиме* и др.). Есть ли такое ограничение в Чуд., не вполне ясно (вопрос о том, как интерпретировать примеры типа *ѡ^т пота его 726*, *і морѣ бѡ* и т. п., требует дополнительного исследования).

Показания Мерила ведут к реконструкции следующего состояния. Ортотонические словоформы имеют с просодической точки зрения ритмическую структуру: некоторый слог несет главное ударение, а далее чередуются безударные и «полуударные» слоги. Энклиномены не имеют ритмической структуры: все их слоги с просодической точки зрения одинаковы с безударными слогами ортотонических словоформ (ср. реконструируемое праславянское состояние, § 2). В нена начальном слоге отражение прежнего *о* в виде [ѡ] или [ѡ] автоматически определяется степенью ударности: [ѡ] в ударных и «полуударных» слогах, [ѡ] в безударных⁴⁵.

В принципе имеются две возможности: 1) описанная картина относится непосредственно к говору писцов Мерила; 2) она относится к какой-то более ранней эпохе, тогда как в эпоху Мерила собственно просодический различий между прежними ортотоническими словоформами и прежними энклиноменами уже не было, а выбор открытого или закрытого *о* уже стал во всех позициях традиционным.

Более вероятно первое предположение. В самом деле, поскольку второстепенное ударение существовало в говоре Чуд. (относящемся к тому же времени, что Мерило) и существует в мосальских говорах (относящихся примерно к той же территории, что и Мерило, ср. Новые данные, § 14), естественно предполагать, что и в говоре Мерила оно представляло собой живое явление. Если так, то в открытых слогах ортотонических словоформ связь между степенью ударности и выбором [ѡ] или [ѡ] еще была живой (в качестве современной аналогии, хотя и неполной, ср. явление [o], а не [a] или [ə], в «полуударном» слоге мосальского примера *ʎoʎɣɨnoʎu*, § 15). В этом случае невероятно, чтобы энклиномены уже усвоили ритми-

⁴⁵ Таким образом, с точки зрения теории фонологической нейтрализации, имелись фонемы /ѡ/ и /ѡ/ (соответственно из *o и *ɔ), которые в безударной позиции нейтрализовались в виде [ѡ]; ср. соотношение /o/ и /a/ при аканье.

ческую структуру ортогонических словоформ и тем не менее не получали бы [б] под второстепенным ударением (ср. тот же пример ¹woгьноуу: это бывший энклиномен); иначе говоря, какое-то ритмическое отличие энклиноменов от ортогонических словоформ должно было еще сохраняться. Возможно, что просто еще сохранялось просодическое различие между автономным и автоматическим ударением, а одним из следствий этого различия было то, что автономное ударение создавало после себя чередование безударных и «полуударных» слогов, а автоматическое (само будущи эквивалентно безударности) — не создавало.

О в перестроенном начальном слоге

§ 20. В соответствии с основным правилом 2в, в данной позиции *О* из **о* представлено в Мериле как ѡ. Случай, где *О* принадлежит приставке или предлогу, рассматриваются особо (§ 25—27); остальной материал приводится ниже.

Однословные словоформы. Существительные, мужской род, И. В. ед.: *бобръ* 32, 339, *вожь* (3×), *за възъ* 340, *волъ* (3×), *воскъ* 3, 100, *впрѡсъ* 70б, *вхѡдъ* 4, *гѡдъ* (5×), *гѡи* 4б, 47б, *дворъ* (4×), *домъ* (19×), *зѡи* 39, *конь* (20×), *крѡвъ* 37б, *крѡпъ* «укроп» 57, *ловъ* 34, *на ловъ* 33б, *ножь* 29, 110б, *норъ* «утка-нырок» (?) 32б, *носъ* (3×), *огнь* (28×), *плѡдъ* (5×), *полъ* (10×), *попъ* (3×), *пѡстъ* (3×), *прѡкъ* 338б, *родъ* (5×), *сборъ* (19×), *сѡдъ* (2×), *скѡтъ* (5×), *стѡлъ* 62б, *на стрѡ* 264, имена собственные *лѡтъ* 229, *нои* 59; Р. мн.: *възъ* 340, *вхѡдъ* 9, *плѡ^д* 149б, *попъ* 8б; женский род, И. В. ед.: *зѡбъ* 57, *ночь* 25б, *нощъ* (4×); Р. мн.: *вѡдъ* 3, *зѡбъ* 15б, *ногъ* 15б, *стѡпъ* 49; средний род, Р. мн.: *слѡвъ* 118б. Прилагательные, И. В. ед. муж.: *дѡбль* 139б, *дѡбрь* 19б, 25, *многъ* 193, *ѡстръ* 29, *прѡстъ* (3×, ср. *не прѡстъ бѡ* 7), *скѡръ* 68; Р. мн.: *многъ* (3×). Местоимения, И. В. ед. муж.: *ѡвъ* 3б, *ѡнъ*, *ѡн же*, *ѡн бѡ* (41×), *ѡи* (24×), *тѡи* (22×), *сѡи* (35×); М. ед.: *тѡмъ*, *тѡм же* (67×), *къмъ*, *къмъждѡ* (3×). Прочие: *къль* 83, 114б, *не мѡгъль* 129, *ствѡрь* 19б, ср. также *рожься* 38. Отметим еще *днѡвъ* «дней» 15б. Из зоны Б добавим: *грѡбъ* 210, *ѡдръ* 210, *прѡклъ* 90б, *новъ* 97б.

Неодносложные словоформы. Павший редуцированный принадлежал окончанию в примерах: *сѡлью* Т. ед. 5б, *сѡлю* 58 bis; *бѡлми* (6×), *бѡлма* 193 bis, *кълми* 208, 219, *тѡлми* 167, *тѡльма* 20. Словоформы, где павший редуцированный принадлежал послекорневому элементу основы. **-ьб-*: *в гѡстѡбу* 336б, *мѡлба*, *-ы*, *-у* (3×). **-ьс-*: *кънця*, *-и* и произв. *кънчати*, *кънчание*, *кънчина*, *кънчатися*, *кънчевати*, *кънчание* (70×), *в кътѡци* 59б, *кътъ|ци* И. мн. 26б, *ловця* В. ед. 7, *ловѡ|ци* И. мн. 2б, *ѡвця*, *-ю*, *-ѣ*, *-ямъ* и произв. *ѡвча* и др. «ягненок», *ѡвчѡхъ* (18×), *ѡця*, *ѡцю*, *по ѡци*, *ѡче*, *ѡци* И. мн., *ѡцмъ*, *по ѡцилъ* и произв. *ѡча*, *ѡчею*, *ѡтчймъ* (77×)⁴⁶, *съ скѡрѡци* 33б, *тѡврѡця* В. ед. 37б. **-ьј-*: *рѡбѡи* «рабские» 341б, *кътъкъмъ* 36б; *къпиемъ* 8, 59, *лѡдью* 339б *тег*, *лѡдию* 339б, *ѡстриемъ* 8б; сюда же *сѡф-ья*, *-ью*, *-иѣ* (3×). **-ьк-*: *гѡрко*, *-а* В. ед., *-ѡе*, *-ѡгѡ*, *-агѡ*, *-аѡ*, *гѡрѡци*, *гѡрѡѣ* (12×); *къѡлкъю* «раковину» 34. **-ьп-*: *на бѡлна* В. ед. 28б, *бѡлныи* 67б, *бѡлнѡму* 50б, *вгѡдно* (4×), *ѡѡнику* «воину» и произв. (6×), *ѡлныи* и др. (9×), *грѡбныи* и др. (3×), *грѡмнии* 346б, *дѡврнѡу* 339, *зѡбнѡя* 5, *кънъное* 25б, *кънъникъ* Р. мн. 29б, *къщницю*

⁴⁶ В Мериле имеется тенденция распространить орфограммы *ѡц-*, *ѡч-* (сокращения для *ѡтъц-*, *ѡтъч-*) и на те словоформы, где при полном написании было бы *ѡтец-*, *ѡтеч-*, т. е. превратить *ѡц-*, *ѡч-* в своего рода «полуидеограммы». Так, наряду с фонетически правильными записями *ѡць* И. ед., Р. мн. (15×), *ѡчьства* 150б, *-ы* 35, *ѡчькиѡ* 173б (= *ѡтець*, *ѡтечьства*, *-ы*, *ѡтечьскиѡ*), находим и *ѡць* И. ед., Р. мн. (30×), *ѡчь «отчих»* 179б, *ѡчьски* 344, *-иѡ* 95б, *-иѣ* 8б, *къ ѡчьствѡи ѡѡѡи* 247б.

99б, *мостнику* 341, *ножныѣ* Р. ед. 32, *нощнии* 33, *нощному* 133б, *постныхъ*, *постника* и произв. (8×), *родни* И. мн. 245б, *родное* 243б, *ротнии* «клятвенные» 342б, *сборнии* и др. (19×), *смотрьникомъ* 148б, *сродная*, *сродника* и произв. (5×); также *овни* 194б, *овнѣхъ* 194б, *ровнанъ* 22. *-ъп'-: *горн-ти* 348б, *-ихъ* 2б, *долнѣи* 348б, *отнею* 190б. *-ъsk-: *вожьску* Д. ед. 29б, *воиск-ии* 338б, *-ихъ* 178, *морьск-аго*, *-ую* и др. (8×), *скотъское* 72б; также за *лоньщину* «за годовалую скотину» 33б. *-ъstv-: *во двюиствъ* 173б, *множество* и др. (4×), *родьства* 221б, *своиство* 124, 24б, *сродьство*, *-а* и др. (11×). *-ъš-: *болше*, *-и*, *-ю*, *-аго* и др. (35×), *горше*, *-и*, *-а*, *горшая* (5×); причастия *рожьши*, *-а*, *-ню* и др., часто с *ся* (20×), *створше*, *-ю*, *-аго* и др. (17×). *-ъšdy: *двожды* (6×). Прочие примеры (в том числе с морфологически неразложимыми основами): *козликъ* «козлиныхъ» 347б; *ногты* Т. мн. 344б; *овса* 341, 341б, *орлу* 32б, *-и* 33, *ося*, *-яте* (4×); *онсии* И. ед. 80, *онсию* 275; *ковчегъ*, *-а* (4×), *по ... комканыи* «после причастия» 345б, *олтарь*, *-я*, *-ю* (5×) (ср. написания *ковчегъ*, *комканиа*, *олтарь*, например, в Успенском сборнике), *олгова мужа* «Олегова человека» 338, имя собственное *комнина* Р. ед. (3×), *кольхии* (какие-то животные) 32. Ср., с другой стороны, примеры типа *добрѡ*, *поста*, *воску*, *моста*, *просто*, *островѣ* (где начальный слог неперестроенный).

Упрощенные написания представлены в обычной для Мерила пропорции (в нормальных условиях — *волъ*, *дворъ*, *домъ*, *кровъ*, *огнь*, *по¹*, *попъ*, *добръ*, *свои* И. В. ед., *томъ*, *овчати*, *долника*, *мостнику*, *нощное*, *роднии*, *сродникомъ*, *морьскую*, *множество*, *осляти* и некоторые др., всего 32×).

Из приведенного материала видно, что правило 2в действует в Мерило безотносительно к акцентуации словоформы. Так, заведомо были энклиноменами, например, *возь*, *годъ*, *гнои*, *домъ*, *нось*, *родъ*, *простъ*, *болна* В. ед., *родни*, заведомо нена начальное ударение имели, например, *лвця*, *овця*, *горкое*, *болному*, *олтарь*, *олгова* (не говоря уже о множестве менее очевидных случаев). Безотносительно к акцентуации встречаются и упрощенные написания (ср. выше).

Действие правила 2в создает в Мерило многочисленные случаи чередования *о* — *ѡ* в пачальном слоге, например: *овесъ* — *ѡвса*; *орел* — *ѡрли*; *осель* — *ѡсля*; *конецъ*, *конечнее* — *кѡнця*, *кѡнчина*; *нога* — *ногъ*, *ножныѣ*; *море* — *морьскаго*; *простыи* — *прѡстъ*; *болати* — *болному*; *родити* — *родъ*, *родни*, *родьства*; ср. также: *коня* — *кѡнь*; *дому* — *домъ*; *нощи* — *нощъ*; *овець* — *ѡвця*; *молебнии* — *мѡлба*.

§ 21. Имеются и некоторые отклонения от ожидаемого распределения *о* и *ѡ* в начальном слоге. Рассмотрим вначале те случаи, где вместо ожидаемого *ѡ* чаще, чем обычно (или даже всегда), выступает *о*.

1. Слово «общий» и его производное «община» обычно пишутся с *ѡ*: *ѡбще* (*ѡпче*), *ѡбща*, *ѡбщю*, *во ѡбщи*, *ѡбщ-ии*, *-ака*, *-аго* и др. (22×), *ѡбщина* и др. (16×); 4 случая с *о* (*во обчи*, *общему*, *общей*, *общины*) вполне могут быть упрощенными написаниями. Однако у производных глаголов и слова «общение» соотношение совсем иное: на 15 примеров с *ѡ* (*ѡбщение* и др., *ѡбщати* 101) приходится 16 примеров с *о* (*общение* и др., *общевана* 241б). Этот эффект может быть связан, во-первых, с влиянием *приобщитися*, *-атися* (в разных формах 6× при единичном *приобщиша^c* 224б), где *о* правильно, так как оно не в начальном слоге, во-вторых, с ложным восприятием начального *Об-* в глагольных и отглагольных словоформах как приставки *Об-* (которая всегда выступает в Мерило с *о*, см. § 27).

2. Для слова «мощный» находим *мощно* 143б (также в зоне Б: *мощно* 211, *да не мощно будетъ звѣремъ входити* 213) и, с другой стороны, *мощно* (10×: 90, 92б, 142 и др.). По-видимому, здесь было колебание между /ѡ/

(фонетически закономерным) и /ѿ/, появившимся скорее всего под влиянием слов с *не-* (где корень был нена начальным слогом), ср. *немоць* 192, *-ью* 916, *немоцно* 496, 59, *немочно* 67, *немоцна* В. ед. 106, *немоцн-иш*, *-ымъ*, *-бишаа* (7 ×).

3. Для слов «кроткий» и «простец» при *кротк-иш* 14, *-ишъ* 22, *-имъ* 68, *прѡстыци* И. мн. 109 находим: *кротко* 306, 31, *-у* Д. ед. 58, *кротки||хъ* 65, *крѡткаѡ* 48, *крѡтчайшими* 76, *прѡстыци* И. мн. 347, *-я* В. ед. 776, В. мн. 42, *-емъ* 103. Не исключено чисто случайное сполчение упрощенных написаний; но более вероятно колебание между /ѿ/ и /ѿ/.

4. Несколько слов встретились только в написании с *о*, но всего по 1—3 раза: *бодливаѡ* 122, *бо|дливъ* 122, *добливъ* 122 (вместо *бодливъ*), *воднымъ* 346, *гонзаетъ* 336, *зозгуля* 32, *лобзаниемъ* 2016, *новгорѡ^оско^о* 1106 (киноварь), *очную* 496, *очъ|ную* 336. Надежно установить, какие из этих *о* являются упрощенными написаниями и какие нет, не представляется возможным.

5. Слово «ров» (из **rovъ*) представлено так: *ровъ* 23, *ро|ѡъ* 22, *рвы* 266. Возможно, это слово уже полностью уподобилось (включая огласовку исходной словоформы) словам с беглой гласной, ср., например, *ротъ* 333, 339, *во рѡъ* 339.

§ 22. Перейдем к разбору случаев, где вместо ожидаемого *о* выступает ѿ.

Примечательной особенностью Мерила является то, что праславянское **oji* (не перед слогом со слабым редуцированным) почти всегда отражается здесь так, как если бы это было праславянское **oъ*. Сюда относятся прежде всего примеры: повел. *бѡися* 226 bis, *дѡи* 11, *въспѡи* 8, окончание Д. М. ед. жен. *-ѡи* (например, в *тѡи*, *онѡи*, *самѡи*). В этих случаях переход **ji* в *j* (фонетически в [i]) представлен очень широко (возможно, он был даже повсеместным): ср. *не бѡитесь*, *о годимъ тѡи* и т. п. в МГУ 1367, современные *бѡйся*, *воспѡй* (в говорах также *дой* и др.), *той*, *самѡй* и т. д. Заметим, что этому переходу не мешало первоначальное ударение на конечном *i*. Тот же эффект, что в повел. *дѡи* и т. п., представлен в аористе *оустрѡи* 586, 168 (в Мериле этот глагол, судя по ряду других словоформ, например, *оустрѡивъ*, *оустрѡити*, имел ударение *оустрѡити*); ср. в Триоди Цветной 1591 г. *набѡи* (аорист) 75 bis.

Гораздо неожиданнее выглядит этот эффект в словоформах местоимений «мой», «твой», «свой» (ударение здесь было на окончаниях). В Мериле находим: И. мн. муж. *мѡи* 156, *тѡи* 13, 156 bis, 406, 466, 62, В. мн. муж. (выровненный по И. мн.) *мои* 219, *свои* 606, И. В. дв. жен. и сред. *мои* 13, 466, *тѡи* 11 bis, 116, 28, 109, 122, *свои* 306, 336; Т. мн. *своими* 55, 1516, 1546, 181, *своими* 185, Д. Т. дв. *тѡима* 11, *своима* 36, 50, 88 (с *о* в нормальных условиях только *своi* В. мн. муж. 26, *свои* В. дв. сред. 146, *своими* 184). С другой стороны, в словоформах, где *и* находится в перестроенном слоге, представлено только *о*: *моимъ*, *моихъ*, *твоимъ*, *твоимъ*, *твоихъ*, *своимъ*, *своимъ*, *своихъ* (в сумме около 130 ×). В МГУ 1367, как и в Мериле, в И. мн. муж. и И. В. дв. жен. и сред. регулярно представлены написания *мои*, *тѡи*, *свои* (в сумме не менее 45 ×), например: *роуцѡ* *мои* и *нозѡ* *мои* 386, *грѡси тѡи* 706, *очи свои* 27а; однако при окончаниях *-ими*, *-има* здесь выступает *о* (*своими* и т. д.) — так же, как при *-имъ*, *-имъ*, *-ихъ* (*своимъ* и т. д.). Согласные показания двух памятников вынуждают нас признать, что **tojĭ*, **vojĭ*, **svojĭ* дали в говорах Мерила и МГУ 1367 /mĭj/, /tvĭj/, /svĭj/; в говоре Мерила, кроме того, **tojĭmi*, **tojĭma* и т. д. дали /mĭjm'и/, /mĭjma/ (с неизвестным местом ударения).

Как в Мериле, так и в МГУ 1367 переход *ji* (или *i*) в *j* явно представлен также в *воину* «всегда» и *во имя* (об огласовке которых см. § 8). Ср. еще *лѡити*, *прѡити* (§ 25, особый случай 3).

Имеется группа словоформ с *-ѡи-*, где, вероятно, тоже был представ-

лен переход $ji > j$, но нельзя этого гарантировать, так как не исключены и другие объяснения для ω . Приведем их без подробного разбора: *ѿ двоици* М. ед. 172 (ср. воронежск. *трѣйцу* «троицу»⁴⁷, укр. *трійця*); *двоиче* «вдвойне» 336 (ср. укр. *двічі, двічи, двійчи* «дважды»); *моисии* (*моиси*), *моисови* и др. (19×) (в МГУ 1367 регулярно *моисти*). Нельзя определить, один или два слога составляла основа слова «воин» в словоформах *воина*, *-у*, *-и*, *-ы*, *-омъ* (6×), поскольку ω здесь выступает и в заведомо двусложном *воинъ* И. ед. 140, 160, Р. мн. 140б, 179б; ср. МГУ 1367, где явно представлено чередование /вѣин/ — /вѣйн-/: ω^r *воинъ* 210г, 221а — *воини*, *-ы*, *-омъ* (не менее 12×).

Надежными примерами двусложного чтения *-Ои-* (притом что *-и-* стоит в неперестроенном слоге) в Мерило по существу являются только инфинитивы *строити*, *пристроити*, *оустроити* (17×), а также глагол *поимати* (см. § 25, особый случай 3). Можно предполагать, таким образом, что в говорах Мерила и МГУ 1367 действовало фонетическое правило перехода ji в j после гласной во всех случаях, где i находилось в неперестроенном слоге; лишь в некоторых словоформах, в частности в инфинитивах, под влиянием морфологической аналогии двусложность сохранилась (или была восстановлена). Неизвестно, сколь многочисленны были говоры XIV века с этой особенностью; существенно, однако, что по крайней мере в части современных говоров различие между *мой* и *моѿ*, *бой* и *боѿ*, *урожай* и *урожаѿ* и т. п. может быть продуктом морфологической аналогим (а не наследием праславянского различия между *-jъ* и *-ji*)⁴⁸.

§ 23. Основы *толик-*, *колик-* представлены в Мерило так: а) *толико* (11×: 44, 58б, 64 и др.), *толи-ка*, *-ку*, *-ки*, *-цѣ*, *-цѣм же* (7×: 51б, 65б и др.), *колико* (5×: 58б, 332 и др.), *-а* 33; б) *толко* 100; в) *толико* (4×: 100, 244 и др.), *в толицѣ* 117, *колики* 65; г) *колико* 262б. Ср. в МГУ 1367: а) *толико* 80в, *-а* 37в, *-ы* 63а, 124в, *-оу* 31б, 216г, *колико* (9×: 43а, 74в, 82а и др.); б) *колько* 74в, 100в, 159г, *-а* 57г.

Написания *толико*, *колико*, если рассматривать их как запись трехсложных словоформ, в обоих памятниках аномальны: в Мерило они неправильны при любой акцентуации, в МГУ 1367 они нарушают главное правило данного памятника (« ω только в перестроенном слоге»). Разгадка очевидна: фактическому произношению этих слов соответствуют написания группы «б», а не «а», ср. современные *только*, *сколько* (в говорах с двумя фонемами «типа *о*» здесь /ѿ/), укр. *тільки*, *кільки*, *скільки*. Сохранение срединного *и* на письме — просто дань орфографической традиции⁴⁹ (тогда как *о* и ω писцы писали по слуху, не будучи связаны в этом вопросе традицией).

Написания группы «в» — либо упрощенные, либо отражают более книжный вариант *толіко*, *коліко* (ср. Чуд., где только такая акцентовка). Единичное *колико* — либо ошибка, либо отражение переходного варианта (еще трехсложного, но уже с начальным ударением).

§ 24. Слова «огонь», «восемь», «острый» (и их производные), не имевшие в раннем древнерусском редуцированного в корне, тем не менее в Мерило во всех словоформах пишутся с ω : *огнь* (28×), *огня*, *огню*, *огнемь*, *во огни*, *огнѣ* (12×), *огненому* 60б, *огньныа* 346б, *огнищныи* 333, *огнищанина* 339; *по осьми* 268б, *осмаа* 106; *остръ* 29, *остро* 31, *остр-ыи* 50, *-аа* 176, *остръе* 53₂б, *остриемь* 8б (с *о* только *огнь* 348б, *остришию* 16б).

⁴⁷ Сборник ОРЯС, т. 95, № 1 (см. сноску 22), с. 153.

⁴⁸ Ср. А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Петроград, 1915, с. 50.

⁴⁹ Интересно, что с основой *Один-* дело обстоит иначе: в Мерило *одина*, *одину*, и т. д. пишутся только с *о* (ср. также *о* в укр. *одна*, *одну* и т. д.); таким образом, выпадение *и* в этой основе относится к более позднему времени.

В части этих словоформ ѡ выступает в силу основных правил (2в для *ѡгнь*, *ѡстръ*, *ѡстриемь*, 2а для *ѡгненѡму*, *ѡстрии* и некоторых других). Однако для большинства словоформ закономерным было бы *о* (например: **огня*, **осми*, **оствѡ*, **острѣ*), поскольку по данным исторической акцентологии ударение здесь падало на послекорневой слог. В говоре Мерила явно произошло аналогическое обобщение алломорфов *ѡгн-*, *ѡсм-*, *ѡстр-* на все случаи появления соответствующих морфем. (Заметим, что в МГУ 1367 обобщения нет: *огня*, *-емь* и др., *по осми*.)

Для слова «ноздря» неясно, восходит ли оно к **nozdr'a* или к **nozdyr'a*. В Мериле представлены: *ноздри* В. мн. 11, *ноздророѡгу* «носорогу» 31б; ср. укр. *ніздря*. Возможно, ѡ указывает здесь на праформу с ѣ, но оно могло появиться перед группой согласных и по аналогии, ср. предыдущие примеры.

§ 25. Рассмотрим теперь словоформы с приставками, содержащими *О*, и словосочетания с соответствующими предлогами.

Морфемы (приставки и предлоги) *по*, *пр*, *до*. Приводим вначале словоформы с приставками (в алфавитном порядке корней): *побъють*, *побьенъ*, *побиенъ* (8×), *погнаша* 14, *пожъж-еть*, *-е*, *-ена*, *-ение* (8×; также *пожежесть* 129, где в корне *е* написано вместо ѣ), *пожнетъ* 37б, *пожр-еть* «сожрет» 34б, *-ети* 34б, 4бб, *позва-ти*, *-вию*, *-виему*, *-нъ*, *-ние* (14×), *прозвание* 245б, *дозря* 3, *позр-ить* 4, *-тъхъ* 13б, *доидеть* 34б, *поид-еть*, *-уть*, *-и*, *-ивъ* (10×), *проид-еть*, *-емъ*, *-уци*, *-е* (7×), *поиму* 24бб *тег*, *поимеши* 124, *поиметь* (29×), *поимыи* 144, *пролиа* 51, *проликинемъ* 18, *да не помните* 18, *помни* повел. 118б, *попранъ* 34б, *поприць* Р. мн. 5, *попъхнеть* 334, *попъхнули* 110б, *пошло* 259, *пошлию* 18, *посл-еть*, *-ются* (3×), *посл-а* аорист, *-аста*, *-ати*, *-авъ*, *-анъ* и др., *-анье* и др. (13×), *постр-уть* 26б, *-тте* 37, *спростреть* 157, *поткнуетъ* 144б, *потнетъ* 334, *потц-ить*^с, *-имся*, *-ать*, *-ися*, *-авъся*, *-ание* и др. (11×), *почт-еть*^с, *-уться*, *-е*, *-енъ* и др., *-енья* (15×), *почти* повел. 11, *почти* повел. 45, *-тте* 9б, *почтивъ* 45. Кроме того: *полза*, *-и*, *-у* (17×), *пользуетъ* 7б, *ползовати* 28; *дондеже* (27×), *донде* 6, 43; *подлъ* 26б; *послѣ* 334б (ср. укр. *післа*). Ср., с другой стороны, *побѣда*, *повлачими*, *подвигъ*, *поимиему*, *послатьи*, *послѣтъ*, *пострижить*, *прогрызъ*, *достоинъ* и т. п. (с неперестроенным начальным слогом).

Написания с *о* вместо ѡ представлены здесь несколько чаще обычного (особенно у глаголов «позвать» и «послать», ср. ниже). В нормальных условиях встретились: *пробиеть*^с 338, *поиметь* 113б, *пропиетъ*^с 338, *дѣв поприци* 65, *почтенъ* 26б, 73б, *ползу* 191, *дондеже* 248б, *позвати* и др. (4×), *посла* и др. (4×).

Особые случаи. 1. По аналогии с *позвати*, *послати* и т. п. ѡ выступает также в глаголе «познать» (из **poznati*): *позна-ти*, *-еши*, *-еть*, *-ють*, *-ите*, *-ша*, *-ние* и др. (21×), *познава-ти* 44, *-еть* 33 (с *о* только *позна-ша* 199, *-въ* 19, *-нъ* 34бб, *-вати* 34бб). Соотношение *о* и ѡ (4 : 23) здесь несколько выше обычного, но это верно и для глаголов «позвать» (4 : 14) и «послать» (4 : 18). Можно предположить, что эти глаголы взаимно влияли друг на друга и у всех трех при господствующем /ѡ/ могло появляться и /о/; ср. полное смещение старых различий в укр. *пізнати*, *позвати*, *послати* (и реже *післа*ти). Заметим, что МГУ 1367 еще сохраняет первоначальное состояние: *послати* и др., *прозваша*, но *позна-ти*, *-но* и др.

2. Слово «довлеть» встречается только с *о*: *довлѣ-ти*, *-еть*, *-ета* (7×); по-видимому, оно восходит в данном говоре к раннедревнерусскому варианту *довлѣти* (без ѣ)⁵⁰.

⁵⁰ О возможности существования такого варианта см. Н. Д у р н о в о. Очерк истории русского языка. М.—Л., 1924, с. 156, сноска 1.

3. В *поимти* 245б, *прѡимти* 66б, 189б (где *и* из **i*, а не из **jь*) представлен эффект, рассмотренный в § 22 (ср. в МГУ 1367 *прѡимти* 149в). В *поима-ти*, *-еть*, *-оться* и др. (14×) отразилось слоговое *-и*, сохраненное (или восстановленное), по-видимому, под влиянием *вз-имати*, *из-имати* и т. п., тогда как единичное *поимати* 341б отражает фонетически закономерный вариант.

В отличие от приставок *по-*, *прѡ-*, *до-*, которые в целом хорошо подчиняются правилу 2в, соответствующие предлоги обнаруживают ожидаемое ω довольно непоследовательно. Так, с ω встретились: *по всему*, *по всемь*, *по всеи*, *по всемъ*, *по всеь*, *по вся* и др. (18×: 13, 25б, 3б, 42, 46б, 120б и др.), *по два* 85, *по дву* 169б, *по двою* 332б, *по днешь* 32, *по мьздѣ* 14б, *по тли* 229б, *по что* 19, 61, 344б, 345; *по вземлющему* 270, *по взнесенъи* 65б, *по въпрашанию* 200б⁵¹. Отметим также *по нь* «за ним» 85 (ср. § 20). С *о* встретились, в частности: *по всему*, *по всеь* (4×), *по вся-кои* 74, *по вторъмь* 89б, *по дву*, *по двою*, *по .ѣ.*, *до .ѣ.* (8×), *по зловь* 64, *по вшитъи* 162б, *по свершенъи* 207 и ряд других (всего более 30×). Перед словами, не имевшими редуцированного, пишется *о*: *по слѣду*, *по праву*, *про злато*, *до времени*, *по .г.* (не говоря уже о *по мужи* и т. п.); также *по хрѣтѣхъ* «за крестами» 192б. Встретились, однако: *по три* 90б, *по .г. лѣт* 11б (В. мн. или М. мн.), *по времени* 203б, *по хѣт* «по Христе» 5б. Таким образом, предлоги, будучи более самостоятельными единицами, чем приставки, обнаруживают тенденцию к перестройке прежних соотношений *о* и ω : формируется новая система, где для рассматриваемых предлогов нормой является единый вид *по*, *про*, *до*, но перед сочетанием согласных (любого происхождения) допускается также ω .

§ 26. Морфемы *От* и *пОд*. В соответствии с правилом 2в, в Мерило в этих морфемах почти всегда выступает ω . Практически обычно пишется ω^r (около 1500×) и ω^{∂} (около 80×), например: ω^r *тобе*, ω^r *ходить*, ω^{∂} *властью*, ω^{∂} *пишетъ* и т. д.; гораздо реже без выноса согласной, например: ω^r *тъ негѡ* 129, *неотърочна* 57б, ω^{∂} *тъ чересминою* 41, ω^{∂} *дъ позѣ* 6б, ω^{∂} *тъ писанѡ* 208, ω^{∂} *днѡжие* 3б.

Как известно, в раннем древнерусском приставка «от-» в некоторых случаях выступала в варианте *от-* (а не *отъ-*). В Мерило сохранились лишь небольшие следы этого: *от-* в опростившемся *отрѡкъ* и его производных (34×); *отинудь*, наряду с ω^r *тудь* (оба часто); *отяти* «отнять» 10б, 228б, *отялъ* 34б, *по отяти* 77, 154 при более частых ω^r *яти*, ω^r *ято*, *по* ω^r *ятию* и др. В остальных случаях обобщился вариант ω^r -, например: ω^r *идеть*, ω^r *ит*, ω^r *иметь*, ω^r *имающихъ*. Ср. также сходные словоформы с *пОд-*: ω^{∂} *им-еть*, *-уть*, *-аемъ* и др. и в особенности ω^{∂} *дѣим-еть* 19б, *-оуть* 115; кроме того, ω^{∂} *дѣтнеть* 339б, ω^{∂} *дѣтнеть* 339 (наряду с *подѣтнеть* 339). Показания МГУ 1367 (*ото бчелъ* 38в, *отоиметься* 53в, и *отоидоша* 186в, *подо властью* 124а), а также укр. *відійтї*, *підійтї* и т. п. позволяют думать, что и в рассматриваемых примерах из Мерила мы имеем дело не просто с обобщением орфограмм ω^r - и ω^{∂} -, а с фонемой /*д*/ в приставке⁵². Менее ясно, что произносилось во втором слого таких словоформ, как ω^{∂} *дѣиметь*, ω^r *идеть* (и как здесь проходил слогораздел).

⁵¹ Как видно из написания *по*, в последних двух примерах ω соответствует нулю звука.

⁵² При этом всё же следует признать, что орфограмма ω^r обладает в Мерило повышенной устойчивостью: во-первых, в Мерило совсем не встречается написание *от* (при том что 12 раз встретилось *отъ*); во-вторых, в ω^r *бють* 339б, ω^r *слеть* 337, *по* ω^r *гнанъи* 194 ω^r , по-видимому, заменяет *ото*.

§ 27. Морфемы рОз- и О (Об). Для приставки рОз- встретились только примеры с закономерным о: *розвязавше, роздѣлять, ростеряль, роцитають^с, ростчена* и т. д. (интересно *росъстчи* 41). В морфеме О (Об) огласовка о, закономерная для подавляющего большинства случаев (например, *одежа, осквернити, отравникъ, обрѣсти, обнажити, о вѣрѣ, о гнѣвѣ*), была обобщена и на случаи, где правило 2в требует ѿ, например: *овдовѣвшее, ожъжетъ^с, озлобити, обьставлена, обдержитсѧ, о всемъ, о князѣхъ, о мнѡзѣи, о при, о что* и т. п.⁵³ Точно такое же обобщение представлено в украинском языке, ср. *овдовіти, озлобіти, обставити* и т. д.; поэтому следует предполагать, что и в Мериле мы имеем дело с фонологическим, а не орфографическим явлением. (Интересно, что в МГУ 1367 такого обобщения еще нет: ср., например, *обрѣте, о часть, о стадѣ* и *ѿтре, ѿ мнѣ, ѿ дни*.)

О с о б ы е с л у ч а и

§ 28. В Д. мн. на -Омѣ у существительных (но не у прилагательных, ср. § 12) в Мериле регулярно представлено о, независимо от акцентуации (в сумме около 220×). Характерные примеры: с ударением на -Омѣ (т. е. нарушающие основное правило 2а) — *врагомѣ, дворомѣ, попомѣ, псомѣ, рабомѣ, скотомѣ, видокомѣ, оучнѡкомѣ*; с ударением на два слога левее -Омѣ (т. е. нарушающие правило 2б) — *дѣякономѣ, идоломѣ, лекономомѣ, правиломѣ, грѣшникомѣ, приставникомѣ*; с ударением на слог левее -Омѣ — *канѡномѣ, мнихомѣ, чадомѣ*; с неясным ударением — *бѣсомѣ, волкомѣ, домомѣ*. Единственный пример с -ѡмѣ (не после гласной) — *члѣкомѣ* 196б, при обычном *члѣкомѣ* (8×), *челѡвѣкомѣ* 200б; скорее всего, это ошибка писца.

Точно такое же «незаконное» /ѡ/ в Д. мн. отражено в рукописях, изученных Л. Л. Васильевым (Васильев, с. 123), и в Муз. 3650 (см. Новые данные, § 4—5); все они северо-западновеликорусские. Между тем в МГУ 1367, в говорах с полесским распределением фонем «типа о» и в южновеликорусском Травнике (см. Новые данные, § 3) в Д. мн. отражено (при наличии необходимых акцентных условий) закономерное /ѡ/. В Узкошрифтном евангелии (предположительно московском, см. Новые данные, § 6) представлено /ѡ/ и реже /ѡ/. Таким образом, появление /ѡ/ вместо /ѡ/ в Д. мн. — это диалектная (по-видимому, западновеликорусская) морфологическая инновация; вероятно, она состояла просто в объединении окончаний Д. мн. и Т. ед.

§ 29. В окончаниях М. ед. муж. и сред. -Омѣ и Д. М. ед. жен. -Ои у местоимений и прилагательных в Мериле почти всегда пишется ѿ. В большинстве имеющихся примеров это ѿ закономерно, так как на него падает ударение (об -ѡи см. также § 22): *онѡмѣ, онѡи, самѡмѣ, -ѡи, какѡмѣ, -ѡи, таковѡмѣ, -ѡи, мужьскѡмѣ*, не говоря уже об односложных *кѡмѣ, тѡмѣ, тѡи*; вероятно, сюда же *единѡмѣ, -ѡи, инѡмѣ, инѡи, властельскѡи*. Однако ѿ представлено и в тех случаях, где ударение явно падало не на окончание: *всякѡмѣ* (4×), *всякѡи* (9×), *котурѡмѣ* «котором» 136, *нѣкоторѡи* 240б, *нѣкѡи* 185, *сельскѡмѣ* 333, *наимнѡмѣ* 269б; вероятно, сюда же *изобилнѡмѣ* 272 (с о только *всякѡи* 72, *лютои* 26, *первоѡмѣ* 229б [киноварь]). Особенно интересно *котурѡмѣ* вместо **котѡрѡмѣ*: по-видимому, писец попытался здесь отобразить ту разницу в степени закрытости, которая была между ударным и безударным /ѡ/.

Такая же особенность, т. е. рефлексы /ѡ/ (в виде [y] или реже [yo]) в этих двух окончаниях в безударном положении (притом что по общим пра-

⁵³ Исключение составляет только глагол *ѡщетити*, который постоянно пишется с ѿ^Т: писцы явно воспринимали его как глагол с приставкой *От*-.

вилам /ô/ в безударных слогах не должно быть), наблюдается во многих говорах с полесским принципом распределения фонем «типа о»⁵⁴. Это дает основания видеть в данной черте Мерила фонологическую, а не орфографическую особенность (причем такую, которая объединяет говор Мерила с полесскими).

§ 30. Остается лишь несколько маленьких групп, где написание ω требует особых комментариев. Внутри словоформы после гласной (что возможно только в заимствованиях) ω обычно предстает как ω , причем не только там, где на него падает ударение (*анти ω ха* Р. ед., *ге ω ну*, -*ою*, *ге ω ргии*, *еле ω ньскую*, *ле ω на* Р. ед., *ле ω нто ω въ* прилаг., *си ω нъ*, *фа ω ро ω нъ*, *фе ω дора* Р. ед., *фи ω с ω съ*, *хана ω не* прилаг.— всего 21 ×), но и там, где это явно не так (*и ω* , *и ω нъ*, -*а*, -*ѣ* «Иоанн» [11 ×], *фе ω доритово* 45б; *къ коренѣ ω мъ* 230б, *къ филипист ω мъ* 230, ср. § 28), а также в ряде неочевидных случаев (*въ анти ω хии*, *анти ω хийск-а ω* , -*и ω* , *ди ω нъ*, *ди ω с ω съ*, *и ω въ*, -*ѣ*, *мо ω ист ω въ*, -*у* — всего 12 ×); ср. *о* в *дионисовъ* и др., *мо ω ист ω ви*, *въ анти ω хьи*, *лаодикия* (9 ×). Таким образом, написание ω в указанной позиции следует рассматривать как частное собственно орфографическое правило (соблюдаемое, впрочем, нестрого).

В нескольких примерах два ω в соседних слогах, быть может, отражают колебание ударения: *госп ω дств ω* 274, *госп ω дств ω* 239б bis, *оуб ω рк ω въ* 341, *в ω р ω ѣ* 173, *мн ω ѡ* 226б (хотя в трех последних случаях не исключена и описка). Явными описками стандартного типа (предвосхищение на письме гласной буквы следующего слога) являются: *за хол ω пъ* 340б, *по хол ω пъи рѣчи* 340, *так ω воѣ* 42б, 179, *отр ω к ω виця* 169, *преп ω д ω бие ω* 10; в *ип ω р ω мское* 201 видно влияние орфограммы *п ω д* «под». Просто ошибку или описку можно предполагать в *чл ω к ω мъ* 196б (см. § 28), *поимъ* «взяв» 137б, *конечнее* 260 (при обычных *чл ω к ω мъ*, *поимъ* и др., *конечнее*). В нескольких других сомнительных случаях (в частности, *жив ω та* 122б, *б ω лимъ* 47б, *бл ω г ω боазн ω ви ω на* 66б) более вероятно не ошибка, а необычная акцентовка; *сх ω дити ω* 200, по-видимому, получилось потому, что писец начал писать словоформу *сх ω дитъ* (уместную по контексту).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

§ 31. Приводимая ниже таблица (см. с. 68) демонстрирует синхронические соотношения между фонемами /ô/ и /o/ в говоре Мерила, выявляющиеся в результате разбора материала. Противопоставление этих фонем демонстрируется на тиловых примерах; примеры, представляющие лишь маленькие группы словоформ, заключены в скобки.

Основные особенности противопоставления /ô/ и /o/ в говоре Мерила, определяемые древностью этого говора, таковы. Прежде всего, возможно (и даже вероятно), что в говоре Мерила позиции I и III еще были нетождественны именно с синхронической (а не только с исторической) точки зрения, ср. § 19. В позднейших системах они уже определенно отождествлены. Далее, как видно из таблицы, для Мерила характерно почти безупречное дополнительное распределение /ô/ и /o/ в позиции Б (словоформа *свекрови* 252б, возможно, имела здесь начальное, а не срединное ударение); ср. также сноску 45. Соответственно, например, *ик ω на* автоматически принимает в говоре Мерила вид /ик ω на/. Между тем в великорусских памятниках XVI века и в современных говорах в позиции Б под ударением уже возможно противопоставление /ô/ и /o/. В начальном сло-

⁵⁴ См., в частности: Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа. Вып. 1. М., 1955, с. 119.

Таблица

Противопоставление фонем /ѿ/ и /ѿ/ в говоре Мерила

Позиции	А. Перед группой согласных или перед конечной согласной *		Б. Перед одиночной неконечной согласной или в конце словоформы	
	/ѿ/	/ѿ/	/ѿ/	/ѿ/
I. Под главным ударением ортогонической словоформы	скѿть потѿрникъ в мужьскѿмь	ротъ посолникъ молокомъ	ѿтень готѿво числѿ	—
II. Под второстепенным ударением ортогонической словоформы	дыаконовъ	дыакономъ	ѿблоко праведноѿе	—
III. Под автоматическим ударением энклиномена	рѿдь рѿдни по днехъ	кровь должны во днехъ	—	осень золото
IV. В безударном начальном слоге	бѿлному пѿслати	должьному послушати	(пѿдѿтнеть §26)	она голова
V. В безударном среднем слоге	—	обѿлчени свѿбѿдному	—	сирота золото
VI. В безударном конечном слоге	(в сельскѿмь, §29)	братомъ старость	—	масло золото

* Позицию А не следует непосредственно отождествлять с закрытым слогом: для многих словоформ (например, *пѿслати*, *послушати*) неизвестно, как именно проходил слогораздел.

ге это произошло за счет отождествления позиций I и III, отсюда пары типа *вбѿю* (с /ѿ/) — *вбѿю* (с /ѿ/); далее противопоставление было распространено и на прочие слоги (ср. /ѿ/ в аналогических *кѿсѿчек*, *кѿлубѿчек* и т. п., /ѿ/ при позднем переносе ударения, например, в *оснѿван*, переход конечного /ѿ/ в /ѿ/ в некоторых говорах и т. д.).

Основная диалектная особенность системы Мерила состоит в том, что, при общем господстве великорусского принципа распределения /ѿ/ и /ѿ/, в начальном слоге действуют одновременно великорусский и украинский принципы появления /ѿ/, см. § 5 (ср. аналогичный эффект и в *-Омь*, *-Ои*, § 29). Такое соединение двух принципов является самой своеобразной чертой Мерила и ранее нигде не было засвидетельствовано. Оно показывает, что в формировании фонем /ѿ/ и /ѿ/ на восточнославянской территории было больше диалектного разнообразия, чем раньше предполагалось; между диалектными зонами с разными основными принципами имелись промежуточные зоны. Из более частных фактов отметим сходство Мерила с украинским языком в отношении морфемы *О*, *Об* (§ 27), с полесскими говорами в отношении морфем *-Омь*, *-Ои* (§ 29), с другой стороны — с северо-западновеликорусскими говорами в отношении *-Омь* в Д. мн. (§ 28) и *-ѿО* в Р. ед. (§ 18). Имелись ли какие-то диалектные различия, касающиеся второстепенного ударения, в настоящее время неизвестно. Диалектологические особенности распределения /ѿ/ и /ѿ/ в говоре Мерила согласуются с общими диалектными приметам Мерила (см. Новые данные, § 14): и те и другие указывают на великорусскую зону, а в ее пределах — на область контакта с украинско-белорусской зоной.

Дополнения к главе 2

К § 22. К приведенным в тексте примерам двусложного чтения *-Ои-* необходимо добавить следующие: *оубоишиса* 121б, *ни оубоишса* 20б, *стоиши* 51. Вероятно, в словоформах презенса двусложное чтение *-Ои-* сохранялось (или восстанавливалось) под влиянием морфологической аналогии (в силу пропорции типа *стою, стоять - стоиши* как *рожу, родять - родиши* и т.п.).

К § 28. Помимо гипотезы о том, что /ɔ/ в окончании Д.мн. есть результат совпадения окончаний Д.мн. и Т.ед., возможна и другая гипотеза: влияние *и*-склонения. В М.мн. от *и*-склонения довольно устойчиво сохранялся след в виде окончания *-охъ* (<**-ьхъ*), например, *домоохъ*; это *-охъ* отмечается во многих памятниках и у слов исконного *о*-склонения (например, *разбоиникохъ* и т.п.). Очевидно, в *-охъ* должно было выступать /ɔ/ (из **ь*). Отсюда возможность выравнивания окончания Д.мн. по окончанию *-охъ* в М.мн., т.е. обобщения огласовки /ɔ/. В принципе не исключено также и прямое сохранение /ɔм/ как рефлекса прежнего **-ьмь* в Д. мн. слов *и*-склонения, типа *домомъ* (правда, непосредственно подтвердить такое предположение примерами типа Д. мн. **домьмъ* из памятников эпохи до падения редуцированных пока не удастся).

АКЦЕНТНАЯ СИСТЕМА "МЕРИЛА ПРАВЕДНОГО"

1. ИСХОДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

§ 1. Как было показано в двух других работах¹, в известной древнерусской рукописи XIV в. - Троицком Мериле Праведном² (далее - Мерило) буквы *o* и *ω* передают две разные фонемы "типа *o*" - предположительно /*o*/ (открытое) и /*ô*/ (закрытое). Было показано также, что распределение этих двух фонем в Мериле определенным образом связано с акцентуацией (см. § 2). Это позволяет установить акцентуацию некоторой части словоформ, встречающихся в Мериле (хотя сама рукопись не акцентуирована).

Задачей настоящей работы является описание (с той степенью полноты, которую допускает материал) акцентологической системы, отразившейся в Мериле³. Эта система представляет исключительный интерес, поскольку Мерило относится приблизительно к тому же времени, что и древнейшая акцентуированная древнерусская рукопись - Чудовский Новый Завет XIV в. (далее - Чуд.).

§ 2. Ниже (§ 2-3) в сжатой форме изложены те положения предшествующих статей (Новые данные и Противоп.), на которые непосредственно опирается настоящая работа.

Как установлено акцентологическими исследованиями последних двадцати лет, в праславянском (а также в раннем⁴ древнерусском) все полнозначные словоформы делились с акцентологической точки зрения на "ортотонические" и "эн-

¹ *Зализняк А.А.* Новые данные о русских памятниках XIV-XVII веков с различием двух фонем "типа *o*". - *Сов. славяноведение*, 1978, № 3 (далее - Новые данные); *Он же.* Противопоставление букв *o* и *ω* в древнерусской рукописи XIV века "Мерило Праведное". - *Сов. славяноведение*, 1978, № 5 (далее - Противоп.).

² Рукопись Гос. библиотеки им. В.И. Ленина, фонд 304 (Троицкое собрание), № 15. Фототипическое издание: Мерило Праведное по рукописи XIV века. М., 1961. Настоящая работа проведена по фототипическому изданию с проверкой всех вызывающих сомнение мест по рукописи.

³ Приношу глубокую благодарность В.А. Дыбо за постоянные консультации и помощь и Е.А. Аксёновой, которая по моей просьбе сличила ряд темных и спорных мест Мерила с другими его списками и с греческими оригиналами.

⁴ Т.е. до падения редуцированных.

клиномены". Первые имели неотъемлемое ударение (так наз. автономное) на одном из слогов; вторые в составе фразы обычно были безударны, а в изолированном положении получали на начальном слоге так наз. автоматическое ударение (т.е. некоторое просодическое усиление, с фонологической точки зрения равнозначное безударности). Автономное и автоматическое ударения представляли собой два неотжественных способа просодического выделения. В ходе истории русского языка они совпали друг с другом, но в говоре Мерила это совпадение, возможно, еще не произошло.

Ниже мы обозначаем автономное ударение (при интерпретации данных Мерила и в реконструкциях) знаком [!]. Единое ударение более позднего времени обозначается знаком [^] (но при цитировании акцентуированных памятников сохраняются знаки оригинала).

Пусть *О* будет обобщающим обозначением для букв *о* и *ω*. В важнейшей части Мерила (так наз. зоне А)⁵ основные правила распределения *о* и *ω* таковы.

1. Рефлекс раннедревнерусского *ъ* (там, где этот *ъ* не выпал) записывается как *о* – *ротъ*, *пѣсокъ*, *торгъ*⁶.

2. Рефлексы раннедревнерусского *о* (в т.ч. в полногласных сочетаниях *оро*, *оло*) записываются как *ω* в следующих случаях: а) в ударном слоге ортотонической словоформы – *закнѣ*, *холпи*; *хѣдѣтъ*; б) во втором заударном слоге ортотонической словоформы – *мблѣкω*, *праведнѣкѣ*⁷; в) независимо от акцентуации, в перестроенном⁸ начальном слоге словоформы (а также сочетания "предлог + именная словоформа") – *дѣмѣ*, *кѣвчегѣ*, *пѣслати*, *пѣ два*.

3. В прочих случаях рефлексы раннедревнерусского *о* записываются как *о* – *слово*, *нога*, *старость*, *городъ*, *золото*, *голова*.

К основным правилам имеются следующие морфологические поправки: а) постоянно пишутся с *о* окончания Д. мн. – *Омѣ* (только у существительных), аористные окончания – *Омѣ*, – *Овѣ*, глагольный суффикс – *Ова*–, частица – *ждО*, окончание – *О* в морфемных сочетаниях – *Ов-О*, – *ав-О*, предлог и прис-

⁵ Зона А (75% текста Мерила) – это почерки основных писцов Мерила (не менее трех), объединенные общей орфографией. Зона А включает: 1-188, 189б-208, 221-230б, 239-274б, 331б-348б (за вычетом примерно 50 вкраплений размером от нескольких слов до двух страниц), а также около 20 мелких вкраплений в других местах (подробнее см. Новые данные, § 9).

⁶ Имеется несколько исключений, в частности, *плѣтъ*, *любѣвъ*, *црѣквѣна*; по-видимому, в этих словах произносилось /б/ (появившееся вместо ожидаемого /с/ по разным индивидуальным причинам, см. Противоп., § 8).

⁷ Пункт 2б интерпретируется как эффект второстепенного (ритмического) ударения в заударной части ортотонической словоформы (см. Противоп., § 12, 18).

⁸ Под "перестроенным" понимается слог, за гласной которого прежде (т.е. в раннем древнерусском) шел слог с редуцированным, впоследствии выпавшим.

тавка *o* (*Ob*); б) постоянно пишутся с *ω* частица *bo*, элемент *go* в составе окончаний Р.ед. *-Ogo*, *-ego*, *-ago*, окончания М.ед. *-Omb* и Д.М.ед. *-Oи*, корни *Ogn-*, *Osm-*, *Ostr-*.

Конкретное *o* или *ω* в составе встретившейся в Мериле конкретной словоформы называется **н е с в о б о д н ы м**, если оно подпадает под основное правило 1 или 2в или под морфологические поправки⁹; в противном случае оно называется **с в о б о д н ы м**. Понятно, что акцентуационно значимы только свободные *o* и *ω*.

§ 3. На указанные правила в Мериле накладывается принцип факультативности выражения /*δ̂*/ (общий для всех памятников, различающих две фонемы "типа *o*"): для передачи фонемы /*δ̂*/ вместо обычного ("полного") написания *ω* иногда может использоваться упрощенное (далее – упрощ.) написание *o* (буква *o* выступает в этом случае как общее обозначение "фонемы типа *o*"). Существенно, что противоположной замены (*o* на *ω*) практически не бывает.

Упрощенные написания встречаются с резко повышенной частотой в следующих **о с о б ы х** условиях: а) в киновари; б) на конце строки (точнее: на последнем месте любой строки и на трех последних местах строки, вышедшей за линию разметки) и в приписках между строк; в) в местах, где писец ужимал текст или писал небрежно, – 230 (строки 12–25), 230б (строки 1–14), 274б (строки 19–25), 337, 337б. Все прочие положения называются **н о р м а л ь н ы м и** условиями.

В зоне А (за вычетом отрезка 332–348б) коэффициент выработанности /*δ̂*/¹⁰ составляет в среднем в нормальных условиях около 97%, в особых условиях – 76% (на отрезке 332–348б, написанном в этом отношении менее тщательно, он составляет соответственно 83% и 48%).

Установление акцентуации словоформ по написаниям Мерила

§ 4. Опираясь на изложенное распределение *o* и *ω* как на уже установленный факт получаем следующее практическое правило, позволяющее определить акцентуацию словоформы по ее написанию в Мериле (правило сформулировано в предположении, что все /*δ̂*/, входящие в эту словоформу, записаны полно, а не упрощенно).

1. Заменить рассматриваемое написание "схемой его огласовки", а именно: слог, содержащий свободное *o* или *ω*, заменить соответственно символом *o* или *ω*; всякий другой

⁹ Даже если фактический выбор *o* или *ω* почему-либо не соответствует правилам; однако *ω* на месте *v* (не в перестроенном начальном слоге) – свободное (примеры: *любъвъ*, *цркъвнамъ*, см. сноску б). Дополнительное указание: несвободно *O*, стоящее внутри словоформы после гласной буквы (в этой позиции *o* и *ω* могут писаться без соответствия с фонемами /*ɔ*/ и /*δ̂*/).

¹⁰ Т.е. отношение числа *ω* (передающих /*δ̂*/) к общему числу точек текста, где предположительно выступала фонема /*δ̂*/ (подробнее см. Новые данные, § 18–21).

слог¹¹ (в частности, слог с несвободным *o* или *ω*) заменить символом *A*. Примеры: *готшво* - *ошo*; *дьмакони* - *АoA*; *дшмт* - *A*; *былшму* - *AwA*; *злагш*, *волкомь*, *кшпикъ* - *AA*; *невѣста* - *AAA*. Написания со схемой огласовок из одних *A* из дальнейшего рассмотрения выбывают: об акцентуации таких словоформ Мерило никаких сведений не дает.

2. Сравнить полученную схему огласовки с образцами (той же длины) в табл. 1. Если схема огласовки содержит более 4 символов, взять от нее только конечные 4 символа.

Т а б л и ц а 1

Число символов	Словоформы-энклиноны	Ортотонические словоформы с ударением на слоге по счету от конца:			
		1-м	2-м	3-м	4-м
1	<u>o</u>	<u>ш</u>	-	-	-
2	<u>oo</u>	<u>ош</u>	<u>шo</u>	-	-
3	<u>ooo</u>	<u>оош</u>	<u>ошo</u>	<u>шoш</u>	-
4	<u>oooo</u>	<u>ооош</u>	<u>оошo</u>	<u>ошoш</u>	<u>шoшo</u>

При сравнении схемы огласовки с образцом символ *A* считается допустимой заменой как для *o*, так и для *ω* (на подчеркивания в табличных образцах можно не обращать внимания). Иначе говоря, образец считается подходящим для данной схемы огласовки, если эта схема совпадает с ним или может быть получена из него одними лишь заменами *o* или *ω* на *A*.

Поиск образца может дать один из трех результатов: 1) для данной схемы огласовки имеется ровно один табличный образец (это бывает при полном совпадении схемы с образцом, а также в случае, когда заменялись на *A* только такие *o* и *ω*, которые в таблице не подчеркнуты); например, для схемы *oo* образцом является *oo*, для схемы *Aw* - *ош*, для схем *ωAAA*, *шoAo*, *шoшo* - *шoшo*; 2) для данной схемы огласовки имеется более одного образца (это бывает тогда, когда заменялось на *A* хотя бы одно *o* или *ω*, которое в таблице подчеркнуто); например, для схемы *oA* образцами являются *oo* и *ош*, для *АoA* - *ooo*, *оош* и *шoш*; 3) для данной схемы огласовки (например, *шш*) вообще нет табличного образца.

В случае 1 акцентуация словоформы определяется однозначно (она указана в табличном заголовке над соответствующим образцом). Приведем характерные примеры. Энклино-

¹¹ Разумеется, счет слогов должен соответствовать состоянию после падения редуцированных (т.е. реальному для Мерила). Специально отметим, что всякое *и* (*i*), стоящее перед гласной буквой (принадлежащей той же словоформе), должно рассматриваться как не соответствующее отдельному слогу. В случаях, где счет слогов неясен, следует рассмотреть две альтернативные схемы огласовки.

мены: *то, кто; око, просто, городъ; золото, свободно, таково*. Ортогонические словоформы с ударением: на последнем слоге - *злш; добрш, поршкш, селш, закшнш; моложш, скоморшхш, проценш; положенш, растворенш*; на предпоследнем слоге - *мншго, гшншть, дшбршхш; готшво, подшбно, икшномш, закшнш; дорогшкш, вошчаншю*; на 3-ем слоге от конца - *вшншштвшш, вшлею, подшбалш, рабштакшть, оузакшненш*; на 4-ом слоге от конца - *скршвеншю, мншжшцею, оумшженшкш*.

П р и м е ч а н и е. Чтобы избежать излишней сложности, правило сформулировано так, что словоформы с ударением на 5-ом слоге от конца и далее в нем вообще не предусматриваются. В акцентологически значимом материале Мерила с подобным ударением встретились только: *вшншштвшш-ениш, -овати, -оваше* (ударение *вш-*); *котшрающешсш (-тш-)*; *назнаменовати, хршсто|знаменанок (-знш-)*; *свѣдштельствш-овати, -оваю, -ушмш (-дш-)*.

В случае 2 акцентуация словоформы определяется ее написанием в Мериле неоднозначно. Примеры: написания *оку, окомш, попа, попомш, голову, голова* в принципе могут соответствовать как энклиноменам, так и конечноударным словоформам; написания *праведнш, истиннш, студенш* могут передавать ударение как на последнем слоге, так и на третьем от конца. Для установления действительной акцентуации таких словоформ приходится привлекать дополнительные данные - написание в Мериле родственных словоформ, данные акцентуированных памятников, общие акцентологические закономерности. Разумеется, этим способом акцентуация устанавливается менее надежно, чем в случае 1.

В случае 3 написание признается аномальным. В Мериле таковы только: а) *за хшлшпш 340б, по хшлшпш рѣчи 340, такшвшкш 42б, 179, отршкшвица 169, препшдшбшкшмш 10*; по-видимому, это просто результат предвосхищения на письме гласной буквы следующего слога; б) *прекшслшвшкш 125*; та же причина, что выше, или след флексийного ударения у **прек-* (ср. *впрекш* в Чуд.), см. § 8, замеч.; в) *ишдршмш-скош 201* (влияние орфограммы *пшд* "под"); г) *госпшдштвшш 274, госпшдштвшш 239б bis, оубшркшвш 341, вштршкш 173, мншгш 226б*; эти написания скорее всего отражают колебание ударения.

Как уже указано, приведенное правило действительно лишь в предположении, что перед нами полное, а не упрощенное написание. Это значит, что его нельзя применять к первому встретившемуся в тексте написанию интересующей нас словоформы (по крайней мере, когда речь идет о написаниях с *о*), а необходимо вначале выявить все вхождения этой словоформы в текст и установить, насколько это возможно, какие ее написания являются полными и какие упрощенными¹². Понятно, что результат этой операции тем надежнее,

¹² Заметим, что сходные затруднения возникают и при исследовании акцентуированных рукописей, поскольку здесь приходится решать, куда отнести знак ударения, кото-

чем чаще встречается данная словоформа. Максимально уязвимой оказывается акцентологическая интерпретация оди-
ночных (или просто редких) написаний, основанная на на-
личии буквы *o* (а не *ω*) в некоторой точке словоформы.

Итак, возможности акцентуационной интерпретации данных Мерила по нескольким причинам ограничены: доступны та-
кой интерпретации только словоформы, содержащие свобод-
ные *o* или *ω*; результаты интерпретации в значительной час-
ти случаев неоднозначны; для редко встречающихся слово-
форм интерпретация может оказаться основанной на упрощен-
ном написании. Но даже при всех этих ограничениях коли-
чество извлекаемых из Мерила надежных сведений об акцен-
туации оказывается весьма значительным.

Акцентные парадигмы и акцентные кривые

§ 5. В соответствии с работами Х. Станга, В.М. Иллич-
Сви́тча и В.А. Дыбо, мы исходим из того, что в прасла-
вянском (а также в раннем древнерусском) каждое изменяе-
мое слово относилось к одной из трех так наз. акцентных
парадигм¹³. Для раннего древнерусского эти акцентные па-
радигмы (далее – а.п.) можно охарактеризовать так:

1) слова а.п. *a* имели только ортотонические словоформы
с постоянным ударением на определенном слоге основы¹⁴;

2) слова а.п. *b* также имели только ортотонические сло-
воформы, но ударение здесь падало в нормальном случае на
первый слог окончания, в особых (строго определенных)
случаях¹⁵ – на последний слог основы;

3) у слов а.п. *c* одни словоформы были ортотоническими
конечноударными¹⁶, а другие – энклиноменами, причем рас-

рый реально стоит над согласной буквой, а также выяв-
лять ошибочные знаки ударения.

¹³ Строго говоря, это утверждение непосредственно верно
лишь для имен. У глаголов в принципе возможно расщеп-
ление морфологической парадигмы на части, относящиеся
к разным акцентным парадигмам (см. Дыбо 1971).

¹⁴ Здесь и в дальнейшем для древнерусского принимается
разделение словоформ на основу и окончание, при кото-
ром рефлексы бывших основообразующих элементов **o*,
**e*, **ā*, **u*, **i* в именах и **o*, **e*, **ī* в презензе гла-
голов входят уже в состав окончания, а не основы; на-
пример: *город-ѣ*, *жен-а*, *кост-ию*, *нес-еть*, *леж-ить*.

¹⁵ Важнейшие из этих случаев: а) все словоформы, где пер-
вый слог окончания содержит слабый *v* или *ь*; б) пре-
зенс глагола (кроме 1 ед.), членные формы прилага-
тельных, М. ед. на *-ѣхъ* у существительных.

¹⁶ Но если ортотоническая словоформа оканчивалась на *v*
или *ь*, ударение падало на предпоследний слог. Кроме
того, ударение падало на предпоследний (а не послед-
ний) слог в окончаниях *-ами*, *-ама*, в инфинитивах на
-ити, *-ати* и в некоторых других случаях. В членных
формах прилагательных а.п. *c*, по-видимому, рано обоб-
щилось ударение на первом слоге окончания.

пределение этих двух акцентных возможностей по грамматическим формам было индивидуальным в каждом морфологическом классе слов.

§ 6. Запись, показывающая, к какой из трех акцентных категорий (ортотоническая словоформа с ударением на основе, ортотоническая словоформа с ударением на окончании или энклиномен) относится каждая словоформа некоторого слова, образует так наз. акцентную кривую (или схему ударения) данного слова.

Для праславянского и раннего древнерусского предполагается "идеальное" состояние, при котором в любом морфологическом классе слов возможно не более трех разных акцентных кривых – по одной на каждую а.п. В более позднее время картина меняется: в одном и том же морфологическом классе может быть представлено уже более трех разных акцентных кривых. Например, в современном литературном языке у существительных женского рода на -а, -я с односложной основой представлено 7 разных акцентных кривых (схем ударения), причем распределение слов по этим кривым чисто списочное; ср. в качестве образцов слова *вѣра*, *черта́*, *беда́*, *до́ля*, *гу́ба*, *спина́*, *нога́*. Характерной особенностью поздних систем являются также многочисленные колебания ударения.

При обследовании конкретного памятника или говора прежде всего необходимо дать чисто синхронический анализ наличных акцентных противопоставлений, в частности, выявить набор акцентных кривых в каждом морфологическом классе слов. Выявляемые таким образом "точечные" (по месту и времени) акцентные системы могут довольно сильно различаться между собой – как характером акцентных кривых, так и их числом. Настоящая работа посвящена описанию "точечной" системы Мерила.

Между некоторой "точечной" акцентной системой и исходной системой трех а.п. обычно можно выявить определенные отношения исторического наследования. Для памятников XIV–XVII вв. эти отношения, как правило, еще довольно прозрачны: одна и та же древняя а.п. может отражаться в подобной "точечной" системе в виде двух или более акцентных кривых (даже в одном и том же морфологическом классе), но разные а.п. при этом обычно не смешиваются. Соответственно, в диахроническом исследовании допустимо (и целесообразно) говорить просто о трех а.п. в "точечной" акцентной системе, относящейся к данной эпохе (в частности, в системе Мерила), понимая в этом случае под каждой а.п. определенную совокупность акцентных кривых. Тем самым становятся сопоставимыми показания разных "точечных" систем¹⁷.

§ 7. Как показал В.А. Дыбо (Дыбо 1968), в праславянском акцентуация производных всегда (или почти всегда)

¹⁷ В XVIII–XX вв. соотношение между синхронической картиной и древними а.п. становится гораздо более сложным; применительно к памятникам этой эпохи (и говорам) говорить просто о трех а.п. затруднительно.

зависела от а.п. исходного слова. Основные правила для суффиксальных производных здесь таковы.

Любые производные от слов а.п. *a* относятся тоже к а.п. *a* и сохраняют место ударения исходного слова. Производные от слов а.п. *b* имеют ударение на первой гласной, не входящей в производящую основу; но если этой гласной оказывается слабый *ѵ* или *ѵ*, ударение переходит на слог левее. У производных от слов а.п. *c* акцентуация различна при разных классах суффиксов. При суффиксах одного класса (например, **-bn-*, **-bšk-*, **-ov-*) производное тоже относится к а.п. *c*. При суффиксах другого класса производное имеет постоянное ударение – при одних суффиксах (например, **-at-*, **-iv-*) на самом суффиксе, при других (например, **-bstv-*) – на окончаниях.

Ниже могут быть использованы введенные В.А. Дыбо обозначения a^a , a^b , c^c и т.д., символизирующие соотношение между а.п. производного слова (основной символ) и исходного слова (верхний символ). Например, b^c означает производное а.п. *b* от исходного слова а.п. *c*. Соответственно, акцентные свойства суффикса можно охарактеризовать формулой вида " x^a , y^b , z^c "; например, суффиксу *-ov-* отвечает формула " a^a , a^b , c^c ".

Вспомогательные указания

§ 8. Почти весь акцентуационно значимый материал Мерила сосредоточен в зоне А (см. § 2); именно ее и отражает настоящая работа. Соответственно в дальнейшем под Мерилом фактически понимается (если не оговорено иное) его зона А; в частности, только к зоне А относятся все приводимые подсчеты. Из зоны Б (см. Новые данные, § 10) приведены только те (очень немногие) написания, которые существенно дополняют материал зоны А; они помечены знаком [Б].

В работе отражены практически все словоформы, акцентуация которых устанавливается по написаниям Мерила однозначно или с точностью до двух акцентных возможностей (из большего числа теоретически допустимых). Прочие словоформы представлены лишь выборочно.

Для всех отраженных в работе словоформ (кроме нескольких самых частых) учтены все их вхождения в зону А¹⁸. Однако из-за ограниченного объема работы при часто встречающихся словоформах большая часть ссылок на текст опущена и указано лишь общее число вхождений.

З а м е ч а н и е. В Мерило первая часть сложного слова (до соединительной гласной) как правило пишется с тем же набором *o* и *ω*, что косвенные словоформы соответствующего отдельного слова: ср., например, *закнѣнь*,

¹⁸ Не включены в разбор и в подсчеты некоторые искаженные написания.

закшна и закшнодавецъ, дѣбрь, добра и добродѣтель, *гѣсть, гости и гостолубивы. Соединительная гласная -О- почти всегда пишется в Мерилах как о - как там, где первое слово относится к а.п. а (мнѣгообразно, братолюбивѣ и и т.п.) или с (самовѣлно, блѣгѣоруденъ и т.п.), так и там, где оно относится к а.п. в (виноградъ, грѣхолоубци, добродѣтель, заимодавецъ, злодѣи, злонаравци, мѣздоимци, прекослѣвѣе и т.п.). В последней группе, правда, несколько раз встретилось "реликтовое" ѡ: 2 раза добрѡ-, 2 раза злѡ- (см. сноску 49), заимѡдавецъ 2666, прекѡслѣвѣе 125. (В блѣгѣбогѡзвѣвѣ 666 ѡ, может быть, написано по ошибке). В настоящей работе полностью учтены первые части сложных слов, содержащие ѡ (типа закшно-); прочие случаи отмечаются выборочно.

Относительно графики отметим следующее. Надстрочные знаки Мерила в настоящей работе не передаются (і "десятеричное" передается везде как і, независимо от наличия и числа точек или "ресничек" в тексте). Широкое и узкое о¹⁹ передаются одинаково через о. Буквы а, е, у, з, ц передаются как а, е, у, и, ц. Различие между и и і, равно как между у и оу соблюдается только при цитировании одиночных словоформ. При наличии нескольких ссылок на странице (а также при любых подсчетах) мы этими различиями как правило пренебрегаем; например, вместо записи ірѡду 816, ірѡду 82 может быть дано: ірѡду 816, 82.

При перечислении словоформ возможна сокращенная запись. Типовые примеры: а) нарѡдѡ, -а, -у (= нарѡда, нарѡду); полезно, -ѡж (= полезноѡж); дѡбрѡи, -агѡ (= дѡбрагѡ); здесь дефис заменяет ближайшую слева выписанную целиком (и не заключенную в скобки) словоформу без ее последней буквы (а если в ней поставлен дефис, - без отделенной дефисом конечной части); б) мнѡго, не- (= немнѡго); носити, из- (= изнасити); здесь дефис заменяет всю ближайшую слева словоформу, выписанную целиком. Поскольку в тексте памятников дефисы отсутствуют, эти приемы не ведут к двусмысленности.

Цифры (без знака х) при словоформах представляют собой ссылки на рукопись Мерила. При этом страница, составляющая лицевую сторону листа, обозначается просто номером листа, страница на обороте - тем же номером с буквой "б"²⁰. Знак х заменяет слово "раз". Так, запись прѡче (21х: 78, 107, 1396 и др.) означает, что данное написание встретилось в зоне А 21 раз, в частности, на указанных страницах. Запись типа (17х: 1716-175) означает, что все 17 случаев рассматриваемого написания заключены в указанном отрезке текста. Если подсчет дан после серии словоформ, при которых нет ссылок на страницы (или под-

¹⁹ В Мерилах они строго распределены позиционно: широкое о в начале слова и после гласной буквы (или ѡ), узкое о - после согласной (в составе диграфа оу о всегда узкое).

²⁰ Словоформы, переходящие с одной страницы на другую, помечаются номером первой из этих страниц.

счетов), то он относится сразу ко всей серии, т.е. указывает общую сумму, например: *залшгъ*, -а, -у, -омъ, -и, *залшзѣ* (23х: 120, 163, 251 и др.). Ссылки на страницы относятся при этом к разным словоформам данной серии.

При цитировании словоформ знаки | (конец строки), || (конец страницы) и помета "кин." (киноварь) даются не систематически, а только там, где, с нашей точки зрения, это может быть существенно для разбираемого вопроса (см. § 3). Запись вида *сложень* 345б (о|), 34б есть сокращение от *сло|жень* 345б, *сложень* 34б.

Не систематически, а выборочно даются также грамматические пометы при словоформах²¹. В частности, мы не считаем необходимым различать омонимию многих грамматических форм, которые всегда совпадают в Мерило по написанию (И.ед. и В.ед. на -ѵ, -ѵ, Д.ед. и М.ед. на -ѣ, омонимичные членные формы прилагательных и др.). Для уменьшения грамматической двусмысленности всегда снабжаются пометой: Р.мн., омонимичный И.ед.; Т.мн., омонимичный В.мн.; любые словоформы дв. числа, омонимичные словоформам ед. или мн.

В качестве наименования лексемы в работе используется либо ее исходная словоформа в написании Мерила (например, *дшмъ*, *работа*, *лѣпъ*), либо, если это почему-либо удобнее, ее современное русское соответствие (пусть даже фактически не употребляемое), взятое в кавычки, например, "дом", "работа", "лепый".

§ 9. Как показывает наблюдение, наличие при полнозначной словоформе проклитик или энклитик никак не изменяет в Мерило ее обычного написания. Разумеется, для ортотонических словоформ ничего иного и нельзя ожидать, ср. *закшнъ* - *закшнъ же*, *и закшнъ*, *на закшнъ* и т.п. Но в Мерило это верно и для энклиноменов²²: ср. *слово* - *слово бш*, *не слово* и т.п. и, что особенно важно, *дшмъ* (часто) - *на дшмъ* 175, *лшвъ* 34 - *на лшвъ* 33б, *ншцъ* 25б и др. - *ни ншцъ* 209 [Б], *пршствъ* 140б, 265 - *и пршствъ* 25, *не пршствъ бш* 7; также *за вшзъ* 340, *на бшлна* 28б и т.п. (если бы сочетание с клитиками вело себя как единая словоформа, ожидалось бы **на домъ*, **на ловъ*, **и простъ* и т.д.).

Написания типа *на дшмъ* отражают либо обобщение фонемы /ѵ/ во всех случаях употребления данной словоформы, либо просто обобщение орфограммы *дшмъ* (без связи с фонем-

²¹ Из самих этих помет отметим: обозначения падежей - И., Р., Д., В., Т., М., Зв.; записи типа 1 ед., 3 мн. для обозначения лиц и чисел глагола.

²² Исключение составляют только *никтш же*, *ничтш же* при *никто*, *ничто* (см. § 69). Отметим, что отрицание *не* может вести себя и как отдельное служебное слово (при свободном употреблении, ср. *не пршствъ же*, *да не мшцно будетъ звѣремъ входити*) и как часть слова (при устойчивой тесной связи с основой, ср. *немошъ*, *немошнии* и т.д.); впрочем, других примеров, когда это отразилось бы на выборе ш или о, в Мерило не встретилось.

ным составом). Но независимо от решения этой дилеммы, описанный факт дает нам право в дальнейшем опускать проклитики и энклитики при цитировании словоформ; из-за недостатка места мы вынуждены пользоваться этим правом очень широко.

§ 10. Помета "упрощ." означает упрощенное написание (см. § 3). Упрощенные написания (на месте свободных ш), встретившиеся в нормальных условиях, приводятся в работе после соответствующей части основного материала. Упрощенные написания, встретившиеся в особых условиях, малопоказательны и, чтобы не затемнять общей картины, при разборе материала не приводятся²³ (кроме спорных случаев).

²³ Ради полноты информации приводим все эти упрощенные написания здесь (в порядке параграфов, к которым они относятся): § 15: браковъ 219 кин., послуховъ 3366 (-слуховъ приписано под строкой); § 18: холопъ 337, 3376 bis, -а 3376; § 19: въ ско|тѣхъ 31; § 22: амфилохию 1106 кин., григория 1096 кин., 114 кин., къ ѡвлогю 70 кин., к литю 1096 кин., в халкидонѣ 1066 кин.; § 23: залозѣ 185 кин., -ѣ^x 232 кин., свода| 335 (тесно), зако|нъ 546, 1256 кин., -ѣ 696, законѣ| 54 (тесно), законо|мъ 267 (тесно), закона (5× в киновари: 118-125), закоⁿ 2296 кин., ш^m исхода (9× в киновари: 120-1246), разбои| 3326 кин., сбора, -ѣ, сбоP (16× в киновари: 78-1316, 344), оурокоъ 3406 (исправлено по подтертому), оурокоъ| 3436 (тесно), оуроци 336 кин.; § 25: безако|ники 48, разбо|иникъ 259, о разбо|иницѣ^x 192 кин.; § 28: село| 249; § 29: досто|инствѣ 256 кин., свѣдательство 187 кин., ржство| 1006; § 31: мѣрило 2 кин., правило| 107, правило (7× в киновари: 83-117); § 32: въ словосло|ви 106, скро|вище 242; § 38: пристр-о|ю 175 кин., -оі 1746 кин. bis; § 39: ш^T работы 230; § 41: мно|жицею 266; § 50: второму 1696 кин., кото|роѣ 3356, мно|го 61, -а 61, -и 136, 1326, мно|зи 20, про|ч-еѣ 1706, -ихъ 1136; § 51: добро| 816, зло| 156, 16; § 52: должному| 1846 (тесно); § 57: праведноѣ 2 кин.; § 58: досто|ино 116, не- 206, законъ-ни^x 219 кин.; § 61: ап|лкоѣ 91 кин., 996 кин., 1056 кин., вшиничьско|ѣ 113, халкидонскаго 91 кин.; § 69: ничто же 2746; § 72: инако| 8, 506; § 73: ибо| 91; § 77: смо|треть 31, изво|даще 53₂6, оуводящихъ 1936 кин., приносачимъ 187 кин., смоть|ращему 78 (тесно); § 79: въсхоще|тъ 2516 (тесно); § 82: мо|жетъ 3416, можетъ 178 кин., 231 кин., мо|гутъ 113, возмо|жетъ 1566, 2646, помо|гутъ 2516; § 83: възнесохъ| 126 (тесно), рекохо|мъ 2426 (тесно); § 86 (также § 48): ист|азакемо|мъ 2066, собирае|мо|ѣ 263, свершае|мо|ѣ 347, -омъ| 161 (тесно), недвижимо| 8, скршвено|ѣ 2616, оставлен-о|му 116, -оѣ || 132 (тесно); § 88: ш^mре^чно|ѣ ст| 1066 (очень тесно), възбранено 178 кин.

II. АНАЛИЗ АКЦЕНТНОЙ СИСТЕМЫ МЕРИЛА

§ 11. В соответствии с § 6, мы будем говорить о трех акцентных парадигмах (*a*, *b*, *c*) в Мерило. Система Мерила еще очень близка к "идеальной": в большинстве морфологических классов каждой а.п. соответствует не более одной акцентной кривой. Это положение нарушено лишь у существительных на *-a*, *-A*, где в а.п. *b* различаются акц. кривые b_1 и b_2 (§ 35), и в адъективном склонении, где в а.п. *c* различаются акц. кривые c_1 и c_2 (§ 49).

Слова а.п. *a* разделены на группы в зависимости от места ударения внутри основы: номер группы соответствует номеру ударного слова по счету от конца основы. Основными являются группа 1 (ударение на последнем слоге основы, например, *zakwъnъ*, *rabwъta*, *oubwъgъ*) и 2 (ударение на предпоследнем слоге основы, например, *dwъkоnъ*, *pozъriщe*); группы 3 и 4 представлены всего несколькими словами.

Для слов, у которых число слогов основы при склонении меняется (т.е. для слов с беглой гласной), условимся определять группу по той основе, которая выступает перед гласными; например, слово а.п. *a* *grigъwрии*, *grigъwръя* относится к группе 1.

Примечание. У слов с беглой гласной ударение обычно находится во всей парадигме на одном и том же слоге по счету от начала. Однако в рамках а.п. *a* в принципе возможен также особый случай, когда в словоформе с беглой гласной ударение стоит на этой беглой гласной, а в прочих словоформах сдвигается на слог левее. Мы будем обозначать слова с такой акцентуацией как подгруппу 1* (внутри группы 1).

Как обобщающее название для акцентных парадигм и групп внутри а.п. *a* ниже используется термин "акцентная группа".

§ 12. Материал разбирается по морфологическим классам. Поскольку при описании акцентуации мы стремимся подходить к говору Мерила как к некоторому синхроническому целому, морфологическая классификация тоже ориентирована на язык XIV века (а не на праславянский). В частности, выделяются главное субстантивное склонение (исторически основы на **o*, **u*, **ā*) и второстепенное субстантивное склонение (исторически основы на **i* и на согласную). Используется деление существительных на морфологические роды (а не просто на роды), с тем, чтобы, например, *владыка* рассматривалось вместе со словами женского рода, *михаило* – со словами среднего рода и т.п.

В начале крупных морфологических разделов даются таблицы, показывающие, как проявляется в написаниях Мерила противопоставление акцентных парадигм в соответствующем морфологическом классе. Таблица, озаглавленная "Окончания с *o*", демонстрирует противопоставление а.п. в формах

с окончанием, содержащим свободное *o* (при основе любого вида). Таблица "Основы с *o*" демонстрирует противопоставление а.п. у слов с основой, содержащей хотя бы одно свободное *o* (при любых окончаниях); в качестве образцов здесь из имеющегося материала выбираются слова с наибольшим количеством свободных *o* в основе.

Акцентно непоказательные словоформы, включенные в таблицу лишь ради полноты парадигмы, приводятся в скобках. Прочерк означает "нет примеров", прочерк в скобках - "нет надежных примеров".

§ 13. Внутри минимальной морфологической рубрики материал разделен по акцентологическим признакам. Используются следующие стандартные формы записи (преследующие цель четко различить разные степени надежности сообщаемой акцентологической информации).

Если перед серией примеров стоит просто название акцентной группы (без дополнительных указаний), например, а.п. *a* (гр. 1), а.п. *b*, а.п. *c*, это значит, что приводимые слова по написаниям Мерила должны быть однозначно отнесены к данной акцентной группе²⁴.

Формула вида "формально акцентная группа *x* или *y*, по косвенным данным *x*" означает следующее: 1) написания Мерила в принципе допускают отнесение рассматриваемого слова к любой из указанных двух групп (но ни к какой другой); 2) судя по акцентуации однокоренных слов в самом Мериле и/или по данным акцентуированных памятников XIV-XVII вв., рассматриваемое слово относилось к акцентной группе *x*.

Формула "дополнительный список слов, вероятно, относившихся к акцентной группе *x*" означает, что для приводимых слов написания Мерила в принципе допускают не только *x*, но и другие акцентные группы (однако все же не все возможные), тогда как косвенные данные указывают именно на *x*.

Из-за ограниченного объема работы "косвенные данные", на которые мы часто ссылаемся, в большинстве случаев пришлось оставить нераскрытыми. Важнейшим источником этих "косвенных данных" служил Чуд., с материалами которого были последовательно сравнены все показания Мерила. Основные результаты этого сравнения в работе изложены (но без полной документации по Чуд., которая удвоила бы объем работы). Помимо Чуд., в "косвенные данные" входят материалы Л.Л.Васильева, показания нескольких исследованных нами рукописей и старопечатных книг XVI и XVII в., а также сведения, содержащиеся в акцентологической литературе.

²⁴ Впрочем, и здесь остается некоторый риск ошибки в отношении тех слов, акцентологическая интерпретация которых основана на написаниях с *o* (а не с *ω*), а именно, эти написания могут оказаться упрощенными. Случай, где такая опасность представляется нам реальной, отмечены особо.

**ГЛАВНОЕ СУБСТАНТИВНОЕ СКЛОНЕНИЕ
МУЖСКОЙ МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ РОД**

§ 14.

Т а б л и ц а 2

Окончания с 0

Окончания	А.п.		b	c
	группа 1	группа 2		
-Ови (Д.ед.)	климови	федорови	петриви	мирови
-Ове (И.мн.)	оудове (?)	-	попове	дарове
-Ово (Р.мн.)	завѣтовъ	дымаконъвѣ	поповѣ	дарѣвѣ
-Ома (Д.Т.дв.)	братама	-	-	послухома

Т а б л и ц а 3

Основы с 0*

Формы	А.п.		b		c	
	группа 1	группа 2				
ед.						
И. (В.)	(сбврѣ) законѣ	икѣномѣ	(пѣпѣ) отрокѣ	(домѣ) городѣ		
Р. (В.)	сбвѣра законѣна	икѣнома	попа отрока	дому города		
Д.	сбвѣру законѣну	икѣному	попу отроку	дому городу		
Т.	сбвѣромѣ законѣномѣ	-	попомѣ отрокомѣ	домомѣ норовомѣ**		
М.	сбвѣрѣ законѣнѣ	клиросѣ	дворѣ животѣ	дому городѣ		
мн.						
И.	сбвѣри законѣни	дымакѣни	поповѣ отроци	домѣволоси		
Р.-ѣ	(вхѣдѣ) законѣнѣ	икѣномѣ	(пѣпѣ) видѣкѣ	(вѣзѣ) послухѣ		
-Ово	-	икѣномѣвѣ	поповѣ	домѣвѣ послухѣвѣ		
Д.	- законѣномѣ	икѣномѣ	попомѣ видѣкомѣ	домомѣ послухомѣ		
В.	сбвѣры законѣны	дымакѣны	попы комары	домы города		
Т.	- законѣны	дымакѣны	попы животы	- послухи		
М.	сбвѣрѣхѣ законѣнѣхѣ	оугѣнѣницѣхѣ	пѣпѣхѣ отроцѣхѣ	домѣхѣ послухѣхѣ		
дв.						
И.В.	-	-	-	видѣока	рода	послуха
Р.М.	-	-	коню	-	роду	-
Д.Т.	-	-	-	-	-	послухома

* Отдельными образцами представлены односложные и неодносложные основы (то же и в последующих таблицах).
** В тексте Мерила норовомѣ.

§ 15. Приводим для большей обзорности сводку материала по окончаниям²⁵.

Д.ед. -Ови: а.п. а (гр. 1) - ахарови, климови; а (гр.2) - федорови; b - петриви; c - бо|ви (= богови), мирови (3x), сно|ви (= синови); относительно слонови см. §20.

И.мн. (в нескольких случаях также В.мн.) -Ове: а.п. b - волвѣе, поповѣ (4x); c - дарове (14x), долгове, до-

²⁵ Ссылки на страницы см. в разборе материала; словоформы, при которых число раз не указано, встретились по одному разу. То же и в § 34, 47, 48, 67.

мове (6х), пирове (2х), $\bar{с}но|ве$, чинове (2х). А.п. а или с (§21) – жидове (6х), стеркове "аисты", оудове, щурове (птицы).

Р.мн. -Овь: а.п. а (гр. 1) – завѣтовъ; а (гр. 2) – дѣмконъвъ, икнѣомъвъ; б – грѣхъвъ (4х), плѣдъвъ (2х), по|пъвъ; с – бракъвъ (5х), градъвъ "городов" (2х), даръвъ (9х), долъвъ, домъвъ (9х), образъвъ, послухъвъ. Неясные случаи (§21): хлѣбъвъ и хлѣбовъ, оуборкъвъ (мера зерна) и оуборкъвъ.

Д.Т. Гдв. -Ома: а.п. а (гр. 1) – братома (3х), члѣкома; с – образома, послухома.

Упрощ.: попови| 129, волове 1946, послуховъ 333; вероятно, также клопотовъ 7, оуборковъ|| 3326 (тесно).

Особый случай составляет домъвъ "домой" 39 (с ударением, исторически не вполне ясным, но соответствующим нынешнему *домой*); ср. §92.

§ 16. Как и следует ожидать, в Т.ед. в Мерила всегда выступает -омъ (закнѣомъ, попомъ, домома и т.д.), поскольку здесь прежде было -ѣмъ. Интереснее то, что в Мерила, как и в рукописях, изученных Л.Л.Васильевым (Васильев, с. 123), точно такая же огласовка обнаруживается у существительных и в окончании Д.мн. -омъ (около 220х), хотя здесь в раннем древнерусском нормой было -омъ (а не -ѣмъ). Примеры: а.п. а (гр. 1) – вѣтромъ, закнѣомъ, канѣомъ, предѣломъ, мзкомъ и многие др.; а (гр. 2) – грѣшникомъ, дѣякономъ, икнѣомомъ, клиросомъ, приставникомъ и многие др.; б – видокомъ, врагомъ, клеветникомъ, попомъ, псомъ, рабомъ, скотомъ и др.; с – бракомъ, волкомъ, градомъ, долгомъ, домома, другомъ, послухомъ, чиновомъ и др. Аналогично для среднего рода: мѣстомъ, правиломъ, селомъ, словомъ и др.

На этом фоне члѣкомъ Д.мн. 1966 (единственное написание со свободным ѡ) выглядит скорее как ошибка писца; ср. че|ловѣкомъ 2006, члѣкомъ 6, 23, 55, 57, 1006, 1616, 1756, 1916.

Судя по тому, что в Мерила мъ и мъ в окончаниях нередко смешиваются, прежнее мъ в окончаниях здесь уже отвердело; таким образом, в данном морфологическом классе существительных окончания Т.ед. и Д.мн. в говоре Мерила были просто одинаковы: /-эм/. Возможно, что взаимное уподобление этих двух окончаний и было причиной (или одной из причин) нефонетической замены /ѣ/ на /ѡ/ в Д.мн. (Иначе обстояло дело у прилагательных, см. § 48). О диалектологическом аспекте данного вопроса см. Противоп., § 28.

§ 17. Извлекаемые из Мерила сведения об акцентных кривых у слов мужского рода хорошо согласуются с данными исторической акцентологии. В а.п. а ударение неподвижно. В а.п. б ударение на основе только в И.В.ед. и Р.мн. (при нулевом окончании), а также в М.мн. при односложной основе. В прочих формах ударение на первом слоге окончания; это непосредственно видно в случаях типа *петрѡви*, *попѡве*, *попѡвъ*, а в остальных случаях (*попа*, *попу*, *попомъ*, *попомъ*,

попи и т.д.)²⁶ это можно заключить, опираясь на общий принцип, согласно которому в а.п. *b* нет энклиноменов (§4). В отношении акцентной кривой для а.п. *c* Мерило дает довольно мало: И.В.ед. здесь энклиномен (*городъ*), Р.мн. на -*овъ* имеет конечное ударение (*домшвъ*, *послушвъ*). Во всех прочих случаях нельзя отличить энклиномен от конечноударной словоформы. Заметим, что если окончание Д.Т.дв. -*ома* здесь было ударным (что наиболее вероятно), то оно несло ударение на конечном слоге, ср. *послухома*.

Особую ценность имеют данные Мерила по М.мн. у слов а.п. *b* (в Чуд. такие словоформы не встретились). Приводим материал: односложные основы - *о вшлѣхъ* 1946, *въ двърѣхъ* 1346, *о ... пшѣхъ* 2136 [В], 217 [В] (написание с *о* встретилось только один раз в конце строки, т.е. скорее всего оно упрощенное: *въ ско|тѣхъ* 31); неодносложные основы - *о животѣхъ* 31 кин., *о отроцѣхъ* 1626. К а.п. *b* или *a* относится *о стршхъ* 426 (§21). Для сравнения приводим М.мн. от слов а.п. *c* с односложной основой: *въ ... домѣхъ* 115, *в домѣхъ* 186, *въ гробѣхъ* 1376, 1936 (чтение на *родѣхъ* 106 сомнительно; вероятнее чтение *народѣхъ*, с *о* вместо *ш*). Ср. в Чуд. *в гробѣхъ* 31а, *о ... подвижъхъ* 1326.

Разбор материала

Непроизводные и опростившиеся слова

§ 18. Рассмотрим вначале основную группу слов, включающую исконно русские слова, заимствования дохристианской эпохи и церковнославянизмы.

А.п. *a* (гр. 1): *порвги* В.мн. 9; *холшѣ* (16×: 333-3436), -*a* 806, 343, -*у* 59, 340, -*омъ* 3426, -*ѣ* 3406, -*и* 336 bis (особый случай: за *хылшѣ* 3406, см. § 3); также *првкѣ*²⁷ (1×), *првка* 3356, *въ првцѣ* 340. Упрощ.: *гороху* Р.ед. 3326. Написание *прока* 335 - либо упрощенное, либо отражает акцентный вариант с конечным ударением (последнее менее вероятно).

Формально а.п. *a* (гр. 1) или *b*, по косвенным данным а.п. *a*: *скоморшхъ* 786, *в хоршмъ* 3376, *чертшгъ* 26. Формально а.п. *a* (гр. 1) или *c*, по косвенным данным а.п. *a*: *братома* 198 (о|), 2036, 224, *члѣкома* 52 (относительно *члѣкмъ* 1966 см. § 16).

Дополнительный список слов, вероятно, относившихся к а.п. *a* (гр. 1): *боранъ* 336, *бо|мре* 226, *бомаръ* Р.мн. 776, *в бомрехъ* 3406, *скомраси* "скоморохи" 79, *товаръ* (10×: 3366-3436), -*a* 64, -*у* 3396.

²⁶ В этом отношении специальный интерес могут представлять данные по Т.мн. В Мерило встретились: *попи* 846, 1006, *скоти* 1066, *животи* 1066.

²⁷ Здесь и далее подобные акцентно непоказательные словоформы приводятся (обычно без ссылок на страницы) только ради полноты парадигмы.

§ 19. А.п. *ь*: *вѣль* (3×), *волу* Д.ед. 266, *волше* 326 (упрощ. *волове* 1946), *о вѣльхъ* 1946; *двѣрь* (4×), *дворѣ* 76, 2616, 342 *ѣс*, *дворомъ* 312, *въ двѣрьхъ* 1346; *пѣль* И.ед. и Р.мн. (4×), *попа* 95, *попу* 706, 856, *попомъ* 1006, *попше* 86, 103 *ѣс*, 3456, *по|пше* 946, *попи* В.мн. 956, 1556, Т.мн. 846, 1006, *попомъ* 1036 *ѣс*, 154, 1546, 1556 (*попом же* 153), *пѣльхъ* 2136 [Б], 217 [В] (также упрощ. *попови|* Д.ед. 129). Слово "отрок" см. в § 23.

Формально а.п. *ь* или *с*, по косвенным данным а.п. *ь*: *воємъ* "воинам" 256, 268; *вѣжъ* (3×), *вожеве* 33; *грѣхше* 20, 456, 62, 1666 (ср. *грѣхшени*²⁸); *кнѣ* (22×), *кона* 195, *коню* Д.ед. 3266, М.дв. 339, 3416, *коневи* 266, *кони* И.мн. 333, 346, В.мн. 341, *конѣ* В.мн. 26, *конемъ* 333 (ср. *кнѣвноѣ*); *плѣдъ* И.В.ед. и Р.мн. (6×), *плода* 35, 66, 3466, *плоду* 336, *плоди* В.мн. 9, 1346, 1516, 248, 269 (ср. *плѣдѣтса* и др.); *пѣсть* (3×), *поста* 1286, 135 (*по*с Р.ед. 1286), *посту* 1276 *ѣс*, *постомъ* 345 (ср. *пѣстничьскому*); *скѣтъ* (6×), *скота* 248, 3416, *скоту* 366, 119, 336, *скотомъ* 266, *скоти* Т.мн. 1066, также упрощ. *въ ско|тѣхъ* 31, см. § 17 (ср. *скѣтъскоѣ*); *снопи* 68; *топори* 3466. Все эти слова, кроме "сноп" и "топор", представлены и в Чуд., причем именно с а.п. *ь*. Специально отметим, что в Мери-ле, как и в Чуд., слово "конь" имеет последовательное флексийное ударение (а не наосновное с корневым /Ѡ/, как во многих более поздних памятниках).

Формально а.п. *ь* или *а*, по косвенным данным а.п. *ь*: *сокѣль* 2, 3396.

Особую группу составляют слова с беглой гласной: *овенъ* 3326, 339, *овесъ* 333, 339, *орель* 33, *осель* 108, 1186. Ударение косвенных словоформ (*шени* 1946, *-ѣхъ* 1946, *вса* 341, 3416, *шрлу* 326, *-и* 33) неизвестно, поскольку *ш* в них несвободное. В Чуд. "орел" и "осел" засвидетельствованы с а.п. *ь*. В Мери-ле *шлгшва* "Олегова" Р.ед. 338 указывает на а.п. *ь* слова "Олег". Таким образом, для приведенных слов вероятна а.п. *ь*; однако нельзя полностью исключить и подгруппу 1* (§ 11, примеч.).

Дополнительный список слов, вероятно, относившихся к а.п. *ь*: *батогомъ* 3336; *комаръ* 25, *-я* 57, 60; *корабль*, *-ю*, *-и* (9×: 2676 [5×] и др.).

§ 20. А.п. *с*: *грѣбъ* 210 [Б], *въ грѣбѣ* 130, *грѣби* 606, 1376, *в грѣбѣхъ* 1376, 1936; *дарове* (14×: 27, 146, 1686 и др.), *дарше* (9×: 1456, 1686 и др.; ср. *даровнаго|*); *долгове* 263, *долгше* 133 (ср. *должнѣшму*); *домъ* (20×), *дому* (Р.ед. 35×, Д.ед. 17×, М.ед. 23×), *домомъ* (2×), *домове* И.мн. 133, 1486 *ѣс*, 182, 348, В.мн. 426, *доми* И.мн. 16, 1816 *ѣс*, *домше* (8×: 133, 1336 и др.), *доми* В.мн. (9×), *домомъ* (11×), *домѣхъ* 115, 186 (ср. *домовнѣхъ*; относительно словоформы *домше* 39 см. § 15); далее *вороговъ* 66, *-у* 5; *городъ* 341 *ѣс*, *-а* 7, 29, 3356, 3386, *-у* 25,

²⁸ Акцентуация производного *грѣхшени* указывает на а.п. *ь* исходного слова. Вообще в дальнейшем, если приводится производное, это значит, что оно указывает на предполагаемую нами а.п. исходного слова.

42, -ѣ 42, 84, 104, 3346 bis, 343, -и 3316 (ср. *городьскии*); *норовъ* 25, 29, 296, -у 296, -омъ Т.ед. (sic) 226 bis, 276, -и 316 ter, 34, 346. Сюда же попадают *слонови* Д.ед. 316, за *соромъ* 3376; однако ввиду единичности этих написаний к ним следует относиться с некоторой осторожностью.

Формально а.п. с или *b*, по косвенным данным а.п. с: ω^T *бока* 2436; *бракъвъ* 208, 221 bis, 2456, 246 (ср. *брачнѣ*); *вскъ* (2x), *воску* Р.ед. 100 (ср. *воцанѣ*); *гдѣ* (5x), *года* 55, 3366, 343, о ... *годѣ* 356 (отметим также *годѣ* "годится, уместно" 9x), в *годѣ* 646; *градъвъ* "городов" 966, 107, 986 [Б] (ср. *градъскѣ*); *моста* 341; *нѣсъ* (3x), *носа* 106, 194; *пѣлъ* "половина, *sexus*" (10x), *полу* (Р.ед. 10x, Д.ед. 3x, М.ед. 1x), *полонь* 1066, 1246, в *по* ли 66, на *поли* 41, 105 (ср. *половина*); ω^T *поту* 1796, *потомъ* Т.ед. 286, *поти* И.мн. 286; *рогомъ* 3336, в *розѣ* 316, *рога* И.дв. (или И.мн.?) 316; *рѣдѣ* (5x), *рода* Р.ед. (9x), *роду* (Р.ед. 2x, Д.ед. 6x), *родоу* М.ед. 2236, *роди* 532, 1296, *роды* В.мн. 5, 34, 346, 2246, И.мн. 225, оба *рода* 2226, *два рода* 2246, 225, *два роду* (sic) 2246, *роду* Р.дв. 2216, 222, 223, относительно *на родѣхъ* (?) 106 см. § 17; далее *волоса* Р.ед. 316, *волоси* 67; в ... *островѣ* 35; *солоду* Р.ед. 3326, 341. Возможно, сюда же надо отнести о *полонѣ* 1266 кин. (ср. *полонать*). В Чуд. засвидетельствованы с а.п. с "брак" "град", "род", "остров" (менее ясны данные для слов "пол", "пот", "рог").

Формально а.п. с или *a*, по косвенным данным а.п. с: $\tilde{b}o|vi$ Д.ед. 87 (= *богови*; ср. *бжствѣ*); *мирови* Д.ед. 66, 54, 55 (ср. *мирнѣ*, *миръскѣ*); *тирове* И.мн. 566, В.мн. 1076; $\tilde{c}n\tilde{o}|vi$ Д.ед. 1, $\tilde{c}n\tilde{o}|ve$ И.мн. 44 (= *син-ови*, *-ове*); *чинове* И.мн. 93, 136. В Чуд. засвидетельствованы с а.п. с "бог", "мир", "чин".

§ 21. Более сложные случаи. Неясно, а.п. *a* или *b*: *стрѣи* В.ед. 264, 1296 [Б], о *стрѣихъ* 426; *собѣль* 316. Неясно, а.п. *a* или *c*: *жидове* 39, 58, 60, 606, 63, 1356; *стерковѣ* "аисты" 326; *оудове* 532; *щюровѣ* (птицы) 33. Неясно, а.п. *b* или *c*: *бола* "больного" Р.ед. 29, *болеви* Д.ед. 33; *рока* "числа" Р.ед. 72, 1266 bis; *сторожа* В.ед. 7, -и В.мн. 33 (та В.мн. 38). Всех этих слов в Чуд. нет, а прочие косвенные данные не дают однозначного решения. К числу сомнительных (*b* или *c*) следует отнести также *долу* "вниз" 3, *долѣ* "внизу" 316, 1186.

Неясно, как интерпретировать данные Мерила по слову "хлеб": *хлѣбовъ* 341, *хлѣбѣвъ* 3326 (ср. Чуд., где строго а.п. *a*). Написание -*овѣ* либо передает, как обычно, флексивное ударение (и, следовательно, отражает колебание данного слова в сторону а.п. *b* или *c*), либо возникло в силу обобщения (фонетического или графического) наиболее частого вида данного окончания, ср. обобщение ω в окончаниях -*омъ* и -*ои* (Противоп., § 29). Для решения этого вопроса материала слишком мало: -*овѣ*, стоящее заведомо в первом заударном слоге, представлено в Мериле единственным примером *завѣтовѣ* | 3016 (и то ненадежным, так как -*овѣ* здесь в конце строки). Написание *клопотовѣ* Р.мн. 7 -

вероятно, упрощенное (вместо *клопотъвь); ср., в частности, в Коншинском списке Домостроя *хлопотъвь* 516.

К сожалению, не дают никакой акцентологической информации те случаи, когда у слова встретились только односложные словоформы: *бѣбрь*, *възъ* (ср. за *възъ* 340), *гнши*, *знши*, *кръвь*, *крпѣ*, *лшвъ* (ср. на *лшвъ* 336), *къжъ*, *къръ*, *шдръ*, *стѣль*; также *днѣвъ* Р.мн. "дней" 156. То же относится ко всей парадигме слова *шгнѣ*: *шгнѣ*, *шгнѣю* и т.д. (см. Противоп., § 24).

§ 22. Перейдем к заимствованиям христианской эпохи из греческого и латыни. Важной особенностью этой группы слов является то, что у них практически отсутствует а.п. с²⁹. С типологической точки зрения это обстоятельство не составляет ничего странного, поскольку просодическое разнообразие в подсистеме заимствований очень часто бывает меньшим, чем в исконной лексике.

А.п. а (гр. 1): имена нарицательные - *канѣна*, -у, -омъ, -и, -и, -омъ, -ѣхъ, *канѣнѣ* Р.мн. (15х: 92, 143, 143б и др.), *о|стрѣжѣи* Д.ед. "устрице" 34, *филосѣфа* Р.ед. 69б, 72б, 201б; имена собственные - *къ амѣ|мѣну* 111б, *ко амѣ|филю* 22б, *вавилѣна* 39, -ѣ 38б, 49, *гомѣра* Р.ед. 5б, *кънѣха* Р.ед. 3б, *ирѣду* Д.ед. 81б, 82, *къжѣтѣра* Р.ед. 168б, *пентаѣли* М.ед. 93б, 95б, *сикевѣта* Р.ед. 345б, *содома* Р.ед. 5б, в *халкидѣнѣ* (6х: 77б, 96б и др.). Упрощ.: *содома* В.ед. 46б.

Сюда же примыкают имена собственные с субморфом -j- (-и-): *амѣ|филюхию* Д.ед. 69 (*амѣ|филюѣю* 70), *внестѣрии* 150б (вместо *нестѣрии*), *григѣр-и* 213б [Б], -ѣм 53, 69б bis, *кълѣгию* Д.ед. 69, *прокъп-и* 224, -ѣмъ 224 (также -ѣм В.ед. 338), *софрѣни* 43. Беглое и, возможно, содержало также имя *самѣль* 4б, 46б bis, 59.

Формально а.п. а (гр. 1) или с, фактически явно а.п. а (ср. выше): имена собственные *климови* Д.ед. 56б, *ахарови* Д.ед. 59.

Формально а.п. а (гр. 1) или б, по косвенным данным а.п. а: *алкънѣсть* 32, *самѣнѣ* 229б, *филимѣнѣ* 49, *къ|кленѣнѣ* (sic) "Геллеспонт" 131. Сюда же можно отнести неизвестное слово *молѣтрѣ* (какое-то растение) 32.

Дополнительный список слов, вероятно, относившихся к а.п. а (гр. 1): *комѣтѣ* (должностное лицо) 165, -у 164б, *къркъдѣль* 31б, *митрополѣтѣ*, -а, -у, -и и т.д. (более 15х: 71, 92 и др.), *потѣрѣ* 104; имена собственные *офѣнаѣмѣ* Р.ед. 346б, *ромѣнѣ* 221б, 222 bis, 222б bis, -ѣ 212, *ти-моѣбѣ* Р.ед. 109б, -у 230, -ѣви 71.

А.п. а (гр. 2): *икѣномѣ* И.ед. 135б, 138б, 150, 263, Р.мн. 151б, -а 132б, 98 [Б], 99б bis [Б], -у 148б, 158, 99 [Б], -ѣвъ 158б, -омѣ Д.мн. 160; имена собственные *солѣмонѣ* 21, 25б, 43б, 67б, 167б, -у 45, 62б, 168, *фѣдорѣ* 224 bis, -ѣви Д.ед. 224 (*фѣдѣдора* Р.ед. 345б). Упрощ.: *икѣнома* 8б, -у 164б, -и 138б.

²⁹ Так, в Чуд., по-видимому, единственным исключением из этого правила является слово "ересь": *ѣрѣси* Д.ед. 76б, *ѣ ѣрѣсѣ бо* 80а.

Формально а.п. а (гр. 2) или с (но последнее практически исключено, см. выше): *дѣволъ* 1, 4б, -а 345б, *дѣмакоу* И.ед. (7х: 84, 88 и др.), Р.мн. 84б, 86, 101, 131, -а (8х: 52, 77б и др.), -и 83б, 86, 103 bis, -и В.мн. 95б, 131, 155б, Т.мн. 84б, -шъ 94б, -омъ 153, 154, 155б, *архидѣмакоу* 153, *идоль* Р.мн. 60, -а 118б, -омъ 49б, 114, 344б; имена собственные *имковъ* 46, 229б, -ѣ 12б (*маковъ* 47б, 224б, -а 224б), *никифоръ* 198, 203б, 332.

Заметим, что в Чуд., в отличие от Мерила, только *икономъ*, -а, -оу, -и, -и, -ѣхъ и *идѣлоу*, ш^т *идѣль*. У слов "Соломон", "дьявол", "Иаков" в Чуд. при основной акцентровке по а.п. а (гр. 2) обнаруживаются некоторые колебания в сторону а.п. а (гр. 1), например, *соломонъ* же 63б, *дѣволу* 48в, 92б, *иакова* 12в, -у 31в.

Дополнительный список слов, вероятно, относившихся к а.п. а (гр. 2): *гѣмономъ* "игемонам" 27, *клироса* Р.ед. (5х: 14б, 147б и др.), -ѣ 155, -омъ 148б. Ср. в Чуд.: *гѣмноу*, *гѣмона* и др.; *крѣлосо*^м 85г.

А.п. б: только *петрви* Д.ед. 223 (в Чуд. тоже а.п. б).

Неясные случаи. Имя "Ной": *нши* И.ед. 59, *при нои* 4б; последнее написание скорее упрощенное, чем отражающее флексивное ударение. Слово "иподьякон": *иподѣмаку*^н Р.мн. 131, *иподѣмаки* В.мн. 131 (*иподѣмаки* 95); также *иподѣмакомъ* Д.мн. 153, без элемента -Он-. При этом в примерах на лл. 95 и 153 (менее вероятно - на л. 131) и может быть союзом, т.е. возможно чтение *иподѣмаки*, *иподѣмакомъ*. Написание *иподѣмаку*^н, если второе ш не описка, отражает ударение на -ш-. Написания с -кон- либо упрощенные, либо отражают основу *иподѣмакон-* с несвободным ш и с ударением на *дым-*, как в *дымакоу*, *архидѣмакоу*; относительно утраты начального и ср. выше *гѣмономъ*.

Бессуффиксальные³⁰ производные

§ 23. А.п. а (гр. 1)³¹: *залшгъ*, -а, -у, -омъ, -и, *залшзѣ* (23х: 120, 163, 251 и др.), *прилшги* 7б, *свѣдъ*, -а, -ѣ (7х: 334б и др.), *наршд-у*, -омъ, -ѣ, -и, -ѣхъ (5х: 18б, 62 и др.), ш^т *ршди* 35б, *оуршде* Зв.ед. 60б, *захшдоу* 120, *вхшдъ* В.ед. 4, Р.мн. 9, -и 210б [Б], *въ вхшдѣхъ* 9, *прехшдѣ* 159, *прохшда* 264, *на вхшдѣ* 244б, *исхшдъ*, -а, -и (9х: 4, 17 и др.), *пшдѣбшма* В.мн. 9, *пшхи* В.ед. 32, -и Р.ед. 385, 345б, *наршкомъ* 106б, *обршка* 161, -у 127, *поршкъ* 79, 124б, -а 4б, *оуршкъ*, -а, -и, *оурши* (18х: 51, 127, 178 и др.), *прешшль* И.В.ед. и Р.мн., -а, -у, -ѣ, -и (14х: 3б, 10, 12 и др.), *закшнъ* (И.В.ед. 52х, Р.мн. 2х: 78б, 131б), -а (44х), -у (44х), -омъ (14х, -омъ вмес-то -омъ еще 2х), -ѣ (15х), -и 24б, 203, -и (В.мн. 3х,

³⁰ По крайней мере часть слов данной группы (и аналогичных групп в других разделах) целесообразно описывать как содержащие нулевой суффикс, но для нашего разбора это несущественно.

³¹ Слова приводятся в инверсионном алфавитном порядке основ.

Т.мн. 6х), -омь (3х, -омь вместо -омь еще 4х), -ѣхъ 253б, 257³², поклшномь 345, пошномь воднымь "ряской" 34б, пошпа 3б, сбшрь (19х), -а (48х), -у (15х), -омь (6х), -ѣ 11б, 69б, -и 91б, -и 92б, 93, 13б, -ѣхъ 331б (также сбшрь в Р.мн. 81 кин.), притешь-а 107б, -ѣхъ 134б, зашрь, -а, -и (7х: 50, 114 и др.) позьри 135б, прихьсу 149, впрьсв 70б (ввпрьсв 345б, ввпрьс 225б), ввпрьси 38, завѣтовъ| 301б, погшсти 331б; также во просьнъ 336б (см. Противоп., §8). Сюда же сложное слово нъздорьсгу 31б.

Формально а.п. а (гр. 1) или б, по косвенным данным а.п. а: калшгъ 28, прихьдъ 98б [В], разбши И.в.ед. и Р.мн. (10х: 5, 253 и др.), изгши И.ед. 332, на потькь 332б, 334б, 340, оукьрь 340б (подтерто и исправлено на оуроць), протьрь 335б, переньсв 34б, также иньрьгъ 31б.

Упрощ.: залога 263б, свода 335, -у 335, народи 11б, -ѣхъ(?) 10б, на разбои 332б, оуро-ци 341, -ки 179б, по закону 127б, позорь 63б, -и 25б; вероятно, также покони "установления, обычаи" 332б, потвори 108, имя собственное ратибора В.ед. 338. Менее ясно въ скровѣ 50. Поскольку процент таких написаний никак не выше среднего по Мерилу, нет достаточных оснований предполагать, что за ними стоят акцентные варианты типа Чуд. ѡ^т зако|на же 121в, народъ В.мн. 9а.

К а.п. а (гр. 1), по-видимому, относилось также значительное число сложных слов, для которых Мерило формально гарантирует лишь безударность соединительной гласной (ср. §8, замеч.), в частности, вертоградъ, виноградъ, любодби, имена собственные (из Русской Правды) мрославъ, стославъ, мирослава В.ед., по стополцѣ. Особо отметим злодби И.ед. 105б, -ихъ М.мн. 49 (в Чуд. другое ударение: злбдби В.ед. 40б).

К а.п. а (гр. 2), вероятно, относилось имя собственное володимѣрь 338, -а 80б.

А.п. б: только слово отркъ³³ 79б, 169б, 343, отрока 40б, 4б, -у 333б, 339, -омь 333, 339, 341б, отроци М.ед. (sic) 333, И.мн. 162, о отроцѣхъ 162б. В Чуд. тоже а.п. б (тогда как во многих более поздних памятниках это слово уже акцентуируется по а.п. с). Относительно заимш- в заимшдавецъ 266б см. §8, замеч.

А.п. с: послухъ (И.ед. 7х, Р.мн. 31х), -а (10х), послуци (И.мн. 15х, В.мн. 1х: 33б), послуци (В.мн. 5х, Т.мн. 14х), -омь (15х), послуѣхъ (8х: 69б, 70б, 72 и др.), послуш-шевъ 181, 336б (также упрощ. -овъ 333), два послуха 71, послухома Т.дв. 108 (ср. послушствш); образъ (И.в.ед. 22х, Р.мн. 1х: 182б), -а (10х), -у (13х), -омь (31х, также -ом же 167 и -омь вместо -омь 155б), -ѣ 150, 170б, -и 259, 260, -и (В.мн. 1х, Т.мн. 6х), -омь 70, образшвъ 162, двѣма образома Т.дв. 262б. В Чуд. "послух" явно относится к а.п. с, а "образ", по-видимому, колеблется меж-

³² Кроме того, 18 раз закшно- в качестве первой части сложного слова, например, закшноположеникъ.

³³ К XIV в. это слово явно уже опростилось; однако удобнее разбирать его в данном разделе.

ду а.п. с и а (гр. 1); заметим, что такое колебание не исключено и для Мерила.

Любая акцентуация, кроме а.п. а (гр. 2), формально возможна для слов: *облаци* И.мн. 286, *подвигъ* 96, 127, *помысль* И.В.ед. и Р.мн., -а, -омь, -и, -ѣхъ (13х: 2, 54, 158 и др.), *промысль* 33, 2026, -а 7, 616, *в поварѣ* 333, *пожаръ* 2676, -а 270, *помса* Р.ед. 77, 154, 1596, *продухи* И.мн. 326. Определить их фактическую акцентуацию затруднительно.

Трудный случай: *всеволодъ* 332. Из нескольких возможностей наиболее вероятной представляется а.п. а (гр. 2), т.е. ударение на *все-*, с упрощенным *ло* вместо *лв* (ср. *все волвдичь* 338).

Суффикс -ецъ

§ 24. А.п. а (гр. 1): *самобрець* 646, 67 *бѣгословець* 2136 [Б], *чаротешрици* И.мн. 1916, *ратохътъцю* 5.

Другая акцентная группа представлена здесь написаниями типа *конецъ*, *кннца* (ср. *овесъ*, *веса* и т.п. в §19): *конецъ* (9х: 13, 68 и др.), *ловець* 2, *бѣць*³⁴ И.ед. (12х: 22, 49, 676 и др.), Р.мн. 376, 946, 956 (= *отець*), *простецъ* 786, 146, *творецъ* 26, 31, 556, 1656. Словоформы с ненулевым окончанием - *кннца* Р.ед., В.мн., -и М.ед. (9х), *лвнца* В.ед. 7, *лвѣрци* И.мн. 26, *шѣа*, -ю, -и, *шѣмь*, *шѣе* (65х), *прѣствци* И.мн. 109, *творца* В.ед. 376 - акцентуационно не-показательны. В Чуд. "конец", "ловец", "отец", "творец" относятся к а.п. *в* (например, *конѣць*, *конца*), но есть некоторые колебания: *до конца* 48в, *до конца* 116г. Таким образом, как и у слов "овес", "орел" и т.д., мы можем предполагать здесь для Мерила а.п. *в* или подгруппу 1* внутри а.п. а.

Суффикс -никъ

§ 25. А.п. а (гр. 2): *члѣкооугвдникъ* Р.мн. 146, *нарвдникъ* И.ед. 616 bis, Р.мн. 616, *ѣдинорвдники* Т.мн. 476, *разбѣши-къ* И.ед. и Р.мн. (7х: 49 bis, 253 и др.), -*ку* 5-*ци* 1106, 135, 267, *за разбѣшника* 3326, *разбѣши* 2736 (пропущено *ни*), *потѣврникъ* 1816, *иствчни-къ* 26, -*ку* 516, -*цѣ* 33, *о оугвнницѣхъ* 192, *безаквннникъ* 110. По косвенным данным сюда же нужно отнести *обещни-къ* (7х: 2726-273), -*ка* 2726, -*ку* 2726, -*ци* 62, 626, -*комь* 154. Упрощ.: *художника* 17.

Формально а.п. *в*, а.п. а (гр. 1) или а.п. с, по косвенным данным а.п. *в*: *головникъ* 3326, -а 332 bis, -у 3326 bis (ср. *головничьство*), *городнику* 341, *помощь|никъ* 24, *с помощника* Т.мн. 2166 [Б], *похотници* И.мн. 6, *свободникъ* 1296. Вероятно, к а.п. *в* относится также *сановникъ*

³⁴ Наряду с написанием *шѣь* (И.В.ед. 22х, Р.мн. 8х), которое возникло в результате обобщения орфограммы *шѣ-*; см. Противоп., § 20, сноска 46.

136₂, -у 138 (а может быть, и *пакостникъ* 272б)³⁵. В Чуд. слова, однотипные с этими, т.е. производные от имен а.п. с (например, "должник", "квасник"), относятся к а.п. б (см. Дыбо 1968, с. 210).

Таким образом, в Мериле для суффикса -ник-ъ можно предполагать ту же формулу (см. §7), что в Чуд.: "a^a, a^b, b^c".

Прочие суффиксы

§ 26. Определенно к а.п. б относятся два слова с суффиксами -ок-ъ и -от-ъ: *видокъ* Р.мн. 334, *видока* Р.ед. 334, В.дв. 334 bis, *видо|комъ* 335; *животъ* И.В.ед. (15x: 16, 3, 4б и др.), *живота* (6x: 5б, 136б и др.), -у (6x: 24б, 28 и др.), -омъ 34б, -ѣ (7x: 29б, 84б и др.), -и Т.мн. 106б, о *животѣхъ* 31 кин. Упрощ.: *животъ* Р.мн. 26б. Один раз встретилось также Р.ед. *живота* 122б; по-видимому, это написание отражает побочный акцентный вариант с суффиксальным ударением.

Определенно имеет неподвижное начальное ударение слово *вшинъ* И.ед. 140, 160, Р.мн. 140б, 179б, -а 28б, 140б, -у 22б, -и 178, 257, -и Т.мн. 65б, -омъ 268. Не исключено, что в косвенных словоформах и становится здесь неслоговым (см. Противоп., § 22). Упрощ.: *воину* Д.ед. 178б, *вои|ни* 268.

К а.п. а (гр. 2) относится *иньчима* Р.ед. 342.

Во всех прочих случаях показания Мерила недостаточны для однозначного определения акцентуации.

Формально а.п. а (гр. 1), б или с: *волостель* 230б, -а В.ед. 64 bis, -емъ 161б. Наиболее вероятна а.п. с, ср. начальное ударение в *вѣлѣстели* (И.мн.) Фер. 757б bis. На это же косвенно указывает акцентуация неполногласного варианта *властель* и акцентно однотипных с ним слов *житель*, *датель* (*жити* и *дати* относятся, как и глагол *власти*, к а.п. с): против ударения на -тель говорят Фер. *властель*, -а и т.д. (регулярно), Чуд. *житела* В.ед. 93г, *датела* В.ед. 119в, а также производное *властельскю* в самом Мериле; против автономного ударения на корне говорит современное ударение *властелѣн*. Отметим также *жителѣствѣ* 61б в Апостоле 1564 (наряду с *жителѣствѣ* 165б, *жителѣства* 22б).

К а.п. с, возможно, относилось слово *горожане* 24б, -омъ 42, ср. в Чуд. *гра|жане жѣ* 37в.

По-видимому, к а.п. а (гр. 1) относились *животинъ* "животное" И.ед. 26б bis, *исполинъ* (форма неясна) 16б, к а.п. а (гр. 2) - *боларина* В.ед. 81, -у 138, *чело|вѣчину* Д.ед. 36б. Менее ясны *жидовинъ* 78б, 134, -у 110, *словѣнинъ* 332. По-видимому, а.п. а (гр. 1) или а.п. б (но неясно, что именно): с *могутъ* "с владыками" 9б (ср. Чуд. *могутъ* И.ед. 66б), в *конюѣ* "за конюха" 333, *господаремъ* 269.

Неясно, где ударение в *всеволодичъ* 338: на *все-* или на *-лш-*. Написания *оуборкшвъ* Р.мн. 332б (мера зерна),

³⁵ Ненадежно написание *коромолниксмъ* 212б [Б].

оубъркѡвъ 341 (также упрощ. *оуборковъ* || 3326) отражают либо просто флексивное, либо колеблющееся ударение (в Фер. только *оубъркѡвъ* 989 и др.).

СРЕДНИЙ МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ РОД³⁶

§ 27.

Т а б л и ц а 4

Окончания с *О*

А.п. Окончания	а		b	с
	группа 1	группа 2		
- <i>О</i> (И.В.ед.) - <i>Ома</i> (Д.Т.дв.)	колѣно мѣстома	правилѡ -	числѡ -	дерево (-)

Т а б л и ц а 5

Основы с *О*

А.п. Формы	а		b	с
	группа 1	группа 2		
ед. И.В. Р.	холѡпство прозѡрства	вѡинствѡ вѡинства	добрѡ, молокѡ добра, сиротства	слово, золото слова, золота
Д. Т.	повѡдию оубѡжствомѡ	вѡинству закѡне- никѡмѡ	добрѡ молокомѡ	словѡ словомѡ
М.	холѡпствѣ	вѡинствѣ	-	словѣ
мн. И.В. Р.	прекословѡмѡ -	позѡрица позѡриць	- -	словеса (словѣ), сло- весѣ
Д. Т. М.	- - точилѣхѡ	позѡрищемѡ - -	- - -	словомѣ, сло- весемѣ словесѣ словесѣхѡ
дв. И.В. Р.М. Д.Т.	колѣнѣ - -	скрѡвици - -	- - -	очи - очима

³⁶ Для упрощения в данном разделе рассматриваются все словоформы слов среднего рода, в том числе такие, как *очи* или *словеса*, которые восходят к склонению на **i* или на согласную.

Окончание -*о* встречается очень часто; см. § 28–32. Окончание Д.Т.дв. -*ома* встретилось только в *мѣстома* 1156, *братучадома* 2226, 224 (а.п. а, гр. 1) и *вѣнома* 251 (а.п. а или с). Относительно окончания -*омъ* в Д.мн. см. § 16.

Данные об акцентных кривых в данном классе слов неполны; противопоставление а.п. лучше всего проявляется в исходной форме: *холшнѣство* (или *вшинѣствѣ*) – *молокш* – *золото*. К сожалению, интересная форма М.мн. представлена слишком бедно; с односложной основой встретилось только *на ложихъ* 666 (а.п. не вполне ясна, см. § 28).

Разбор материала

Непроизводные и опростившиеся слова

§ 28. Слов, однозначно попадающих в а.п. а, не встретилось. Формально а.п. а или с, по косвенным данным а.п. а: *блюдо* 104, *дѣло* (25х: 66, 19, 25, 37 и др.), *жито* 263, 3356, 3366, *масло* 11, 396, 100, *мѣсто* (45х: 4, 32, 366, 37 и др.), -*ома* 1156, *стадо* 8, 436, 166, 168, 257, *чадо* 52, 177, 1776 (также *братучадо* 2246, 332 В. вместо Д., -*ома* 2226, 224); *желѣзо* 3336 bis, 340, 3406, *колѣно* 224 ter, -*омъ* 224, -*а* В.мн. 244, -ѣ И.дв. 224. Сюда же имена собственные мужского рода *марко* 222 bis, *михаило* (16х: 219–223). В Чуд. из этих слов определено с а.п. а засвидетельствованы "блюдо", "дело", "масло", "место", "стадо", "чадо", "колѣно", "Марко"; ср. также Чуд. *жѣ|та* В.мн. 119в.

По косвенным данным а.п. а (гр. 2): *мблѣкш* 111.

К а.п. б следует в первую очередь отнести: *молокш* 11, 336, -*омъ* 56, *селш* (12х: 16, 866, 2486 ter и др.), *сребрш* (8х: 156, 37, 120 bis и др.), а также субстантивированные прилагательные *добрш*, *злш*, *теплш* (см. § 51). Упрощ.: *село* 2486. Ср. а.п. б у слов "село", "сребро", "добро", "зло", также "млеко" в Чуд.

Далее, имеется группа слов а.п. б, у которых, по-видимому, были возможны некоторые колебания ударения (по крайней мере, в И.В.ед.), Написания с *ш*: *винш* 156, 16 quater, 166, 62, 348, *гнѣздш* 196, *гоумнш* 1216, *числш* 36, 126, 131, 169, 239, 2446. Написания с *о*: *бревнѣно* 60, *вино* 62, 348 (также *вино|* 2686), *гнѣздо* 336, *гумно* 3356, 340, *число* 248, 2506. В Чуд. "бревно" и "число" имеют устойчивое флексийное ударение, "вино" – с небольшими колебаниями (ср. *виноу* 136г); для "гумно" находим только *гумно* 4а; словоформа *гнѣзда* В.мн. 326 непоказательна.

Отметим, что в группу слов а.п. б с устойчивым ударением попали, помимо односложного *злш*, слова с корневым *о* или *е* (в открытом слоге), в группу с неустойчивым ударением – все прочие (ср. такое же положение у прилагательных, § 51).

А.п. с: *золото* 6, 286, 46, -*а* 3336; "коло", судя по *около* 236, 3476; *око* (9х: 2, 36, 746 bis и др.), *ока*, *оку*, *окомъ*, *во оцѣ*, *очеса*, *очи*, *очица* (22х: 2, 4, 76, 146, 38 и др.); *слово* (38х: 26, 4, 216 ter и др.), *слова*, -у,

-омь, -ѣ (26х: 2, 10, 29б, 30б и др.), слово|мь Д.мн. 10, слвѣъ 118б; словесе, -и, -а, -ѡ, -и, -емь, -ѣхъ (31х: 2, 4, 5б, 10б, 52, 227 и др.). Отметим также трудное место *занеже кѣму въ боло|го дѣль*³⁷ и *хорониль товаръ тогъ* 336б (по-видимому: "поскольку ему во благо действовал, храня товар его"); здесь выявляется *болого* "благо" (словоформа или, по крайней мере, часть сложного слова). В Чуд. определенно к а.п. с относятся "око", "слово"; однако *ко-лѡ* В.ед. "круг" 82а.

Формально а.п. с или а, по косвенным данным а.п. с: *за древо* 339, *древо* 111 (*дрѣво* 194б, 346б); *злато* (11х: 37, 58б, 105 и др.; ср. *золото* и *златю*); *масо* 69, 339; *нѡ* (11х: 3б bis, 4б bis, 8 и др.); *озера* В.мн. 331б; *тѣло* (16х: 4, 5, 21б и др.); *оухо* 3б; также *блѡ* (см. § 52). Формально а.п. с или в, по косвенным данным а.п. с: *мо-ре* 3б, 35, -а Р.ед. 103, 273б, -ю 11б, 25б, -и М.ед. 60, 69, 70, 183б bis; *на поли* М.ед. 115, 123, 229б, 335б, 337. В Чуд. определенно с а.п. с засвидетельствованы "древо", "озеро", "тело", "ухо", "благо", "море".

В нескольких других случаях выбор а.п. менее очевиден. А.п. а или с: *въ ведро* "serenum" 33; *вѣно* (34х: 141, 248-257 и др.), -ома 251; *жало* 63, 68 (о|); *уго* 37б; *тѣсто* 7; *черево* 339, *чрево* 191 (*чрѣво* 34б). А.п. в или с: *горе* (16х: 6, 8б, 15б, 16 [6х]), 21 и др.; ср. *горе* "хуже" 112; *ложе* 124, 124б (о|), *ложа* Р.ед. 21, 52б, В.мн. 34, *на ложихъ* 66б. А.п. в или с или а (гр. 1): *оу ... ворштъ* 38, *развѣ ворштъ* 209 [Б].

Суффикс -ств-О

§ 29. А.п. а (гр. 1): *блѡорѡдства* Р.ед. 210 [Б], -ѣ 307, *ѡ^т нецствѣства* 81б, *прозѡръства* Р.ед. 51б, *оубѡжѣствомь* 272, *холшѣство* 342б ter, -ѣ 342б.

Такую же акцентуацию отражают *близѡчѣства* Р.ед. 221, 222б bis и *количѣство* 179, 184б, 187б (*количество* 187б, *кѡличество* 75). Однако наряду с этими написаниями представлены также *близѡчѣство* 24б, -а 220б, -омь 24б, -ѣ 246б (скорее всего они отражают вариант с ударением на бли-, причем в *близѡчѣство* какое-то из двух О записано упрощенно; ср. в Фер. *блѡзѡчѣство*, -а и т.д.) и *количѣ-ствѡ* 153 (вероятно, единичное колебание в сторону а.п. в).

Формально а.п. а (гр. 1) или с, фактически почти наврное а.п. а (поскольку а.п. с у слов с данным суффиксом нигде в славянских языках не встречается, см. Дыбо 1968, с. 191): *блѡговѣрство* 22б, *бѣтѣство* (9х: 24, 29, 47 и др.; = *богатѣство*), *головничѣство* 332б, *гостиньнопримѣство* 8б, *дѣствѡ* 5, 10б (= *дѣвѣство*), *злѡдѣствѡ* 88, *коварѣство* 9, *лихоимѣство* 47, *лукавѣство* 71б bis, 82, 123, 125 bis, *мнѡжѣство* 17б, 25, 260б (упрощ. *множѣство* 115б кин.), *на-праснѣство* 100, *невѣжѣство* 181, *невѣрѣство* 22б, 110, *пре-любѡдѣствѡ* 45б, 60б, 190, 194б, 256б, *пьянѣство* 5, 56б, *равенѣство* 57б, *раздѣнѣствѡ*^о | "различие" 3б, *сѡшнѣство* 124,

³⁷ ѡ после дѣл подтерт и выглядит как в.

246, торжѣство 347, оубиство 366, 111 bis, 111б, 121, 189б, ц^срѣ|ство 143б, цр^ство (10×: 76, 66б, 141 и др.). Вероятно, к а.п. а (гр. 1) относится также оѣѣства Р.ед. 150б, -и Т.мн. 35 (= отецѣства, -и).

А.п. а (гр. 2): евинѣствѣ 139, 146, 159б, 179, 257б, -а (7×: 109, 179 ter и др.), -у 146, -ѣ 178б, 257б; до-ствинѣства Р.ед. 50б, -у 1б, 3б, по^дствинѣствѣ 53б, не-доствинѣствѣ 61.

Формально а.п. а (гр. 2) или б, по косвенным данным а.п. а: дѣлательствѣ 155б (ср. регулярное дѣл^атель, -А и т.д. в Чуд.), приставничѣствѣ 153, свѣдительствѣ 80, тиоунѣствѣ 153 (ср. в Фер. тѣвжнѣство 991 и регулярное тѣвжнѣ, -а и т.д.). Упрощ.: свѣдительствѣ 258, свѣд^итель-ство 145 (ѣ вместо е), тивунѣство 342б; по-видимому, также старецѣство 40б (ср. Чуд. старецѣство 74г).

К а.п. а (гр. 2), вероятно, относились также: храборѣ-ствѣ 111б, 127, ѡ^тсватовѣства 221б.

В слове "старейшинство" ударение, по-видимому, колебалось: старѣишинѣство 95б, 16б отражает древнее ударение на ста- (ср. Чуд. старѣишинѣ Р.мн. 72г), старѣишинѣствѣ 181б, 201б – более новое ударение на -рѣ- (ср. Фер. старѣ-ишинѣство 958б).

А.п. б: жѣствѣ 5б, кѣствѣствѣ 133б (кѣствѣ 43б), мужѣствѣ 25, 45, срѣдѣствѣ 243б, чѣвѣствѣ 49б, послушѣствѣ (12×: 71 bis, 78 bis, 80б и др.)³⁸. Упрощ.: послушѣство 77. Написания кѣствѣство 27, 168, срѣдѣствѣ| 223 – либо упрощенные, либо отражают акцентные варианты по а.п. а.

Формально а.п. б или а (гр. 2), по косвенным данным (акцентуация исходных слов, см. §§ 39 и 88) а.п. б: си-ротѣства Р.ед. 229, свершенѣствѣ 6б.

А.п. б, по-видимому, отражает также кѣдинѣствѣ 2б. Написание кѣдинѣство 116б – либо упрощенное, либо отражает ударение на -ди-.

Для слова "господство" находим гѣствѣ 255б, 25б, 257б, 265б и гѣство 240б, гѣство| 239б, 240, а также аномальные написания госпѣдѣ|ствѣ 274, госпѣд^дствѣ 239б bis. Наиболее вероятная интерпретация состоит здесь в том, что в говоре Мерила сосуществовали более старое ударение на -ствѣ и более новое на -пѣ-.

Неясно, а.п. а (гр. 2) или б: меншинѣствѣ 36б, мремѣ-ствѣ 161б.

§ 30. Как видно из материала, в Мери́ле ударение производных с суффиксом -ствѣ-О в целом подчиняется формуле "а^а, а^б, с^с" (см. §7). Наиболее надежные примеры: а^а (выборочно) – дѣствѣ, мнѣжѣство, холпѣствѣ, батѣство, зло-

³⁸ В Мери́ле слабый ѣ перед стѣ ни в одном слове не проясняется в е; таким образом, для всех этих примеров возможность а.п. а (гр. 2) исключается. Написание кѣствѣ, вероятно, отражает упрощение последовательности стѣствѣ (кѣство встречается во многих памятниках XIII–XIV вв., см.: Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. М., 1907, с. 111).

*дѣство, коварство, лукавство, пьнство, оубожствомъ; вшиньствѣ, достпнства, приставничествѣ, свѣдательствѣ; а^b - свшство, торжство, головничство, вероятно, также ц^{срв}|ство; б^с - бжствѣ, мужствѣ, чювствѣ, послушьствѣ, свершеньствѣ, сиротства, также госпдствѣ в конечно-ударном варианте. Отметим, что производные на -ств-0 от основ с беглой гласной одинаково акцентуированы при исходной а.п. *б* и при исходной а.п. *а* (подгруппа 1*); ср. равенство, разденство, отецства; подробнее см. § 59.*

Важное отклонение от общей формулы - "незаконное" флекссионное ударение в *кднствѣ* и *количствѣ* (оба по одному разу), может быть, также в *кремяствѣ*.

Флекссионное ударение в *срдствѣ* скорее представляет собой архаичный тип акцентовки слов подобной структуры, чем инновацию (ср. *бещетнѣмъ, бѣлогородскѣмъ* и др., § 59).

Сдвиг ударения вправо в *неиствѣства, старѣшиньствѣ, дѣлательствѣ*, по-видимому, не связан специально с суффиксом -ств-0 (он мог происходить и в производящих словах).

Интересно сравнить акцентуацию производных на -ств-0 в Мерило и Чуд. В большинстве случаев она совпадает; отметим лишь наиболее интересные примеры: Чуд. *тѣржствоу, оубійство, ёстество, чюствѣ, послушствѣ* (правда, наряду с *послушство*). В Чуд., как и в Мерило, важнейшим отклонением от основной формулы является "незаконная" а.п. *б*: *вдовствѣ* 108а, *своствѣ* 142в, *-оу* 88б, *по дѣствѣ* 134б, *по дѣ|ствѣ* 130г, сюда же *разньствѣ* Р.ед. 100в, 104б. Однако конкретные слова, в которых нарушается основная формула, в Чуд. и в Мерило различны. Отсюда серия акцентных несовпадений: ср. Чуд. *своствѣ, разньствѣ, срдство*, также *войствомъ, ней|ствовство*. Таким образом, одних лишь слов на -ств-0 было бы достаточно, чтобы убедиться, что в Чуд. и Мерило представлены разные, хотя и близкие, "точечные" акцентные системы.

Суффикс -л-0

§ 31. Формально а.п. *а* (гр. 1) или *с*, по косвенным данным а.п. *а*: *за^чало, за^чло* (8×: 179-188), *зерцало* 2 кин., *начало* (10×: 6, 13б, 68 и др.), *порекло* "прозвище, имя" 198 bis, 203б, *-омь* 203б, *свѣтило* 2 кин., 49б, *хранило* "нечто охраняющее" 23. Вероятно, сюда же в *точилѣ* 347, в *точилѣхъ* 348.

Формально а.п. *а* (гр. 2) или *б*, по косвенным данным а.п. *а*: *зеркало* 29, *мѣрило* 37, 44, 167б, *постризалъ* 345, *правилъ* (18×: 71, 81, 84 и др., также *прав^ло* 105, 229), *ставилъ* "весы, гиря" 37 bis, 38б. Упрощ.: *мѣрило* 10б, *правило* 348, *прав^ло* 229.

Отметим совпадения с Чуд.: в Чуд. представлены *зерцалѣ, -омь, начало, -а, -ѣ, свѣтила* И.мн. и, с другой стороны, *мѣрило*. Примечательно, что в Мерило уже отразилось хоро-

шо известное в более позднюю эпоху акцентное противопоставление собственно русского зѣркало и церковнославянизма зерцáло.

Прочие суффиксы

§ 32. Суффикс *-j-е* (*-иј-е*). А.п. *а* (гр. 1)³⁹: *въ здорѣви* 31; *безакѣн-икѣ*, *-ѣкѣ*, *-имѣ*, *-ѣмѣ*, *-ию* (14х: 5, 41, 70, 124 и др.), *в безгѣдѣи* 13, *безлѣбѣи* 666, *бесплѣдѣи* 2686, *благорѣдѣи* 239, *добровѣнѣи* В.мн. 3456, *звѣздослѣвѣи* 1006, *извѣстослѣвѣи* 2266, *повѣдѣи* "незамерзшей воде" 326, *пѣдѣнѣи* 36, *посѣбѣи* 45, 3316, *преко|слѣвѣи* 716, *прекослѣвѣи* В.мн. 176, *прѣкослѣв-имѣ* Р.ед. 2426, *-ѣи* 1206 (также *прекослѣвѣи* 125, см. §4 и §8, замеч.), *прѣпѣдѣбѣи* 10 (о *-пѣ-* см. §4), *приплѣд-икѣ* 243, *-ѣмѣ* 2726, *сѣченьно-слѣвѣи* 196, *-ѣмѣ* 2056, 206, *-ѣмѣ* 2056, *оудѣд-икѣ* 204, *-имѣ* 345, *оудѣбѣи* 896.

Суффикс *-иц-е*. А.п. *а* (гр. 2): *позѣрице* 135, *-и* М.ед. 296, *-а* В.мн. 256, *-ѣ* Р.мн. 1356; *сѣѣрице* 53, 1146, *-а* 916; *скрѣѣице* (8х: 26, 37 и др.), *-а* 136₂6, *-ѣ* 242, *-и* М.ед. 242, И.дв. 1656.

Отметим, наконец: *кѣснѣчѣкѣ* 332 (имя собственное); *отрѣчѣи* Р.ед. 168, 198, М.ед. 114; *за порѣса* 336. О словах на *-ѣнѣкѣ*, *-анѣкѣ* см. § 86-89.

ЖЕНСКИЙ МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ РОД

§ 33. В Мериле в данном морфологическом классе необходимо различать две акцентных кривых в рамках а.п. *ѣ*; они обозначены ниже как *ѣ₁* и *ѣ₂*.

Т а б л и ц а 6

Окончания с *О*

Окончания \ А.п.	а		ѣ (акц. кривая <i>ѣ₁</i>)	с
	группа 1	группа 2		
- <i>Ою</i> (Т.ед.)	силюю	истиною, мачехю (см. §35)	женою	рукою
- <i>О</i> (Зв.ед.)	вл ^Д ко (= владыко)	-	жено	-

³⁹ Для части приводимых здесь слов (например, *безакѣнѣи*, *благорѣдѣи*) формально допустима также а.п. *а* (гр. 3); однако этой формальной возможностью можно пренебречь, как нереальной.

Т а б л и ц а 7
Осн о в ы с 0

А.п. Формы	а		группа 2
	группа 1		
ед. И. Р.	элѡба элѡбы	добрѡта добрѡты	отроѡвица грамоты
Д.М. В. Т.	элѡбѣ элѡбу элѡбою	добрѡтѣ добрѡту теплѡтою	грамотѣ отроѡвицю отроѡвицею
мн. И.В. Р. Д. Т. М.	ѡѡки (элѡбѣ) - - -	ворѡны рабѡтъ ворѡнамъ молитвами -	отроѡвицѣ грамотѣ - грамотами грамотахъ
дв. И.В. Р.М. Д.Т.	- - -	ногѡтѣ - -	отроѡвици - отроѡвицама

Т а б л и ц а 7 (о к о н ч а н и е)

Формы	b		с**
	акц. кривая b_2	акц. кривая b_1^{**}	
ед. И. Р.	вола вола, воли*	вдова вдовы	нога голова ноги головы
Д.М. В. Т.	воли волю волею	робѣ вдову ротою	водѣ свободѣ ногу голову ногою головою
мн. И.В. Р. Д. Т. М.	вола (?) - - волами (?) -	вдовы (стѣпъ) - - -	ноги стороны (ногъ) сирѡтѣ - сирѡтамъ ногами головами горахъ сирѡтахъ
дв. И.В. Р.М. Д.Т.	- - -	- - -	нозѣ - ногу - ногама -

* Разная огласовка при разных окончаниях Р.ед.
** По написаниям Мерила акц. кривую b_1 и а.п. с различить нельзя. Примеры отнесены к а.п. b или c по косвенным данным.

§ 34. Окончание Зв.ед. -О представлено только в словоформам: а.п. а (гр. 1) - *вл^дко* (5×); а (гр. 3) - *старѣшино*; *ѡ* - *жено*.

Окончание Т.ед. -Ою в а.п. а (гр. 1), *ѡ* и *с* у существительных всегда записывается как -ою. А.п. а (гр. 1) - *бабою*, *вѣрою* (3×), *вл^дкою*, *внукою*, *гешною*, *дѣвою* (= *дѣвою*; 2×), *державою*, *жертвою*, *женитвою*, *злѣбою*, *незлѣбою*, *клатвою* (9×), *мѣрою* (4×), *млѣвою* (2×), *мукою* "мучением", *правдою* (8×), *неправдою* (2×), *рабичною* (3×), *ризою* (2×), *сестричною* (2×), *силою* (8×), *скотиною*, *супругою*, *теплотою*, *теткою* (также *тѣткою*), *оутѣхою*, *хламидою*; вероятно, сюда же *чересминою*. А.п. *ѡ* и *с* (из-за трудностей разграничения - вместе, ср. § 35): *бѣдою* (3×), *виною* (11×), *враждою*, *головою*, *горою*, *женою* (27×), *кумою* (3×), *мѣздою*, *ногою*, *похвалою*, *рабою*, *ротою* (2×), *рукою* (18×), *сестрою*, *слезою*, *снохою*, *оуздою* (2×), *цѣною*; вероятно, сюда же *мѣною*.

В а.п. а (гр. 2) находим, с одной стороны, *мачехю* 190б, с другой - *истиною* 11б, 20б, 145, 148 (ср. также наречие *мнѣгидою* 60б); см. § 35.

Акцентуация неясна (но не исключена а.п. а, гр. 2) в случаях: *нищетою* 42, *чѣстою* 6б, 344б, *суктою* 347; см. § 39.

К женскому морфологическому роду субстантивного склонения относятся также Д., М. и Т. падежи местоимений "я", "ты", "себя". Показания Мерила по словоформам с О здесь таковы: Д.М. *тобѣ*, *собѣ* - регулярно (ср. Р.В. *тобе*, *себе*); Т. *мною* 5б, 9, 9б *ѡ*is, 13, 14, 24б (но один раз *со мною* 223б), *тобою* (14×: 5б, 10, 12 и др.), *собою* (20×: 1б, 20, 27, 29 и др.).

§ 35. Акцентные кривые. В а.п. а, как обычно, ударение неподвижно. Что касается а.п. *ѡ* и *с*, то в данном морфологическом классе написания Мерила не позволяют их различить (если отвлечься от слов типа "воля", см. ниже). Лишь в Р.мн. *сирѣтъ* несомненно конечное ударение, но такое ударение ожидается в Р.мн. в обеих этих а.п.; во всех прочих случаях нельзя отличить энклиномен от конечнударной словоформы.

Правда, в одной форме, а именно, в Т.ед. мы ожидали бы, исходя из обычной акцентологической реконструкции (**gol-vojĭ* в а.п. *с*, но **žepŏjĭ* в а.п. *ѡ*, см. Станг, с. 62), разных рефлексов в Мерила: *головою* и **женю*. Однако, как видно из § 34, в обоих случаях выступает -ою; ср. хотя бы такие надежные примеры а.п. *ѡ*, как *женою*, *рабою*, *сестрою*, *похвалою*.

Сам факт аналогического выравнивания окончаний **-ojĭ* и **-ŏjĭ* в этом морфологическом классе, по-видимому, является общим для всех реально засвидетельствованных славянских "точечных" систем. Индивидуальной особенностью Мерила является только то, что здесь обобщилось именно **-ojĭ*. Ср. этот же вариант обобщения в более широком масштабе в местоименном склонении, § 67.

Данные Мерила об окончании -ою представляют большой интерес, поскольку в настоящее время еще недостаточно

ясна история становления нынешнего ударения *-о́ю* (одинакового в *жено́ю* и *голово́ю*). Можно предполагать либо 1) существование уже в древнерусском "точечных" систем, обобщивших здесь, в отличие от Мерила, ударение а.п. *b*, а не *c*, либо 2) относительно поздний (XIV-XVI вв.) переход от системы типа Мерила к нынешней⁴⁰; ср. первый симптом такого перехода в единичном *мною* (при *мною* 7×). Не исключено также какое-то соединение первого и второго; в частности, наличие */-ǫju/*, */-ǫj/* в одних говорах и памятниках и */-ǫju/*, */-ǫj/* в других может указывать на то, что переакцентовка данного окончания происходила в разных говорах различными путями и/или неодновременно.

В Мериле варианту */-ǫju/*, представленному (при флексивном ударении) у существительных и местоимений (ср. §67), противостоит вариант */-ǫju/* в членных формах прилагательных (§ 49); ср. характерные примеры: *властельскю рукою* 88, *горю стю* 13, *с таковою женою* 1606 bis.

З а м е ч а н и е. К сожалению, Чуд. в вопросе об окончании Т.ед. *-ою* дает очень мало: здесь почти всегда пишется *-ою* или *-ою* (акцентно незначимое). С надежными акцентными знаками у существительных встретились только *главою* 5а, *женою* 153г, *рукою* 123а, *женюю* 26г, *лхвою* 14а, *лоукою* 121в, *лѣпотюю* 136г, *простотюю* 127а, *рукою* 132а, *цѣною* 110в – все с вариетом; у прилагательных *дрѣвою* 36б, *ильною* 26а, *свѣтлою* 40а (также *чюбою* 146б) – все с оксией (однако в М.дв. *о бѣсною* 6б). У местоимений находим *с нею* 47в, 150а, 156в, *с нею* 43а, *тою бо* 29в, *со всею* 69б, *со мною* 36а, 129г, *мною* 49а, *мною* 40в, 138г, *со мною* 14г, *со мною* 14г и, с другой стороны, *со мною* 33б bis, 95в, *со мною* 23г, *со мною* 73г. Следует учитывать, что в Чуд. практически во всех случаях, когда ударение в конечном сочетании "гласная + ю, я, ѣ" определено падает на предпоследний слог, мы находим (если ударение вообще обозначено) оксию, а не вариет, например, *аэ покою ви*, *не знаюю*, *вѣчною*, *другоюю* и т.п. С другой стороны, изредка встречаются такие написания с вариетом, как *грѣсѣю твою* 28г, *ѣма* 31б, *илью* 25а (при обычных *твою*, *твою*, *ѣма*, *ильма*). Легко заметить, что в Т.ед. написанию *-юю* в Мериле (*златюю*, *какюю* и т.п.) соответствует *-ою* в Чуд., а написанию *-ою* в Мериле (*женою*, *рукою*, *тою* и т.п.) – *-ою* и *-ою* в Чуд.; словосочетание *со мною* в обоих памятниках колеблется. По-видимому, *-ою* в Чуд. могло передавать то же, что *-ою*, т.е. конечное ударение. Таким образом, несмотря на ограниченность материала, для Чуд. допустимо предполагать такую же акцентовку словоформ с *-ою*, как и в Мериле (или близкую к ней).

Что касается окончания *-ою* у слов а.п. *a* (гр. 2), то в говоре Мерила здесь, по-видимому, колебалось место вто-

⁴⁰ Именно такой переход предполагал Л.Л.Васильев (Васильев, с. 138-139).

ростепенного ударения: оно могло падать либо на -О- (в силу обычного ритмического принципа), либо на -ю (т.е. туда же, куда падает главное ударение в *головю*, *женю* и т.д.); отсюда написания -шю и -ою, ср. *мачехшю* и *истиною*; подробнее см. Противоп., § 18.

Особая акцентная кривая представлена в Мериле у слова "воля". Приводим материал: *вола* И.ед. 85б, 338б bis, *вола* Р.ед. (15х: 49б, 93б bis, 94б, 113 bis и др.), *вшли* Р.ед. 342, Д.М.ед. 28, 87, 274, 97б [Б], *по вшлѣ* 142, *вшлю* (10х: 6, 54, 87, 128, 128б и др.), *вшлю* 111 bis, 184б, 199, 239, 248, 274; также *из невшли* 333б, *невшлю* 76б, 78б bis, 154, 185, 189б. Можно предполагать, что сюда же относятся: *кшю* 33б, *вона* И.мн. 53, *вонами* 344б (см. также § 41 о слове "утроба").

Это необычное распределение *о* и *ш* с поразительной точностью соответствует данным Чуд.: *вола*, -А И.ед. (10х), *вола* Р.ед. 43г bis, *воли* Д.М.ед. (6х), *волю* (12х, но один раз *волю* 18а)⁴¹; аналогично *вонѣ* И.ед. 117а bis, *воню* 126в, 129в (но также *вонѣ* 117а). Совпадение с Чуд. гарантирует надежность показаний Мерила. Представленная здесь особая акцентная кривая предполагает только ортотонические словоформы; ударение - флексийное в И.ед. и в Р.ед. на -А (возможно, также во мн. числе, но это менее надежно), корневое в Д.ед., М.ед., В.ед., Т.ед., а также в Р.ед. на -и. Судя по Чуд., в В.ед. могло быть колебание.

Эта акцентная кривая резко отличается от а.п. *а* подвижностью ударения, а от а.п. *с* - наличием ортотонических начальнотонических словоформ и отсутствием энклиноменов. Между тем она принципиально сходна, например, с акц. кривой слова "поп", а именно, здесь представлены те же акцентные классы словоформ, ср. *попа*, *попы* и *вола*, *пшлѣхъ* и *вшли*. Таким образом, с синхронической (для говора Мерила) точки зрения данная акц. кривая должна быть отнесена к а.п. *б*. Соответственно она обозначена как *b*₂, а основная акц. кривая акц. парадигмы *б* (представленная у слов *жена*, *вдова* и т.д.) - как *b*₁.

Как уже указано, написания Мерила не позволяют доказать, что в Мериле *b*₁ и *с* действительно различались; однако показания Чуд. и других памятников делают подобное совпадение невероятным.

Отметим, что в акц. кривой *b*₁ Зв.ед., по-видимому, имел наосновное ударение, ср. *жено* (Чуд. *жѣно*).

Разбор материала

Непроизводные и опростившиеся слова

§ 36. Приводим вначале исконные слова. А.п. *а* (гр. 1): *за волшгу* 341, *воршнѣ* И.мн. 32б, *-амъ* 2, *колшди* Р.ед. 6б, *-у* 57б, *за коршву* 33б. Отметим также *за кобилу* 33б.

⁴¹ В примере *не бо во|лю* 86г оксия скорее относится к *бо*, чем к *во*.

Формально акц. кривая b_1 или а.п. с: *бород-оу* 337б, -и В.мн. 344б; *борону* 338б; *вдова* 70б, 225б, -и Р.ед. 23б, И.мн. 23б, 119б, -у 99б; *вода* 34б, *води* Р.ед. 32, 127б, 260б, *водѣ* Д.ед. 348б, *о водѣ* 127б, *воду* 15б, 35, 346 bis, 346б (на *воду* 333б), ω^T *вдѣ* 3; *голова* 332, -и Р.ед. 33б, 230б, 342б, -у 41, 58б, 68, 230б (за *голову* 332 bis, 333), -оу 333б, -ами 230б; *гора* 35, *горѣ* "вверх", 3, 65б, 118б, *в гору* 41, *горѣ* В.мн. 33, *на горахъ* 7б; *в зору* 32; *кози* В.мн. 335б; *нога* 9, 260б, 333б, *из но|ги* 28б, *ноги* И.мн. 31б (о|), 53б, *нзгъ* 15б, *ногами* 34б, *нозѣ* В.дв. 9 (*пзд нозѣ* 6б), ω^T *ногу* 16, *до ногу* 16б, *ногама* 11, 51; *роба* 333, 343, *робу* 342б (за *робу* 333, 340б, 343), *в робѣ* 340б (также *рабоу* 195б); *роса* 3б, 4б, *ростѣ* Д.ед. 32; *ротѣ* Д.ед. (6х: 333б-343б), *на роту* 22б (о|), 334, 335, 336 (о|), *ротю* 71 (*рото|ю* 22б); *скопа* 32б (птица); *на соху* 192; *стнѣ* Р.мн. 49; *сто|рони* Р.ед. 224, *сторони* В.мн. 63б; *строка* 28. Кроме того, ω^T *господи* 338б, *свобода* 337, 341б, ω^T *свободѣ* 342б, *о сво|бодѣ* 195, *на свободу* 195б, 197б, *свободоу* "свободного человека" 130, 130б. Отметим также Зв.ед. *жено||* 226б. Данные других памятников надежно указывают на а.п. b по крайней мере для слов "вдова", "жена", "раба", на а.п. c - по крайней мере для слов "борода", "вода" "голова", "нога", "сторона". В самом Мерило производные *головникъ*, *головничьство* и *свободнѣму*, *свободѣ* указывают на а.п. c слов "голова", "свобода".

З а м е ч а н и е. В Чуд., как и в Мерило, производные от слова "свобода" (например, *свободнѣ* И.ед., *свѣбодни*, *свободѣтса* и др.) указывают на а.п. c . Между тем в В.ед. находим только *въ свободуу* 103б, *на свободуу* 124а (с акцентовкой по а.п. b). Существенно, однако, что для слов на -а, -ѣ с неодносложной основой в Чуд. нет ни одного примера перехода ударения на начальный слог в В.ед., Д.ед. или И.В.мн. (т.е. в формах, где в а.п. c выступают энклиномены). Не только "свобода", но и все другие слова этой структуры, которые можно было бы подозревать в принадлежности к а.п. c , обнаруживают в Чуд. конечное ударение: *сиротѣ* В.мн. 81в (ср. данные Мерила § 39-40), *срамотоу* 155г, *тлгоу* В.мн. 124б (и некоторые другие с суффиксами -от-а, -ин-а), возможно, также *клеветѣ* И.мн. 121б (ср. Чуд. *клеветни-кѣ*, -цѣ), *побѣдоу* 7г, -оу 115в (ср. *побѣднѣ* в Мерило, *побѣдоу* Фер. 527)⁴². Можно предположить, таким образом, что в говоре Чуд. в этой группе слов энклиномены были заменены конечнударными словоформами (как в современных белорусских и юго-западных великорусских говорах).

Акц. кривая b_2 : слово "воля"; вероятно, также "неволя", "воля" и "кожа". Материал см. в § 35.

У слова "овца" показательна только словоформа Р.мн. *овець* 248, 273 (Чуд. *овѣц* 25в). Прочие словоформы - *швца*

⁴² Иное, но явно не первичное ударение в случаях: *за клеветоу* 85а (значок над *у* неясен), *побѣдо|ю* 115в.

И.ед., В.мн., -ѣ В.мн., -амь, за швию (9х) - содержат не-свободное ш. Таким образом, формально возможны а.п. *b*, *c*, а также *a* (подгруппа 1*). В Чуд. *овца* И.ед., И.мн., В.мн., -амь, -а^x, *овци*, однако *овци* И.мн. 84в (заметим, что И.мн. *овца*, но *овци* напоминает Р.ед. *вола*, но вошли в Мерила).

Формально любая акцентуация, кроме а.п. *a* (гр. 1): *за лалоку* "за шею" 34.

§ 37. Заимствованные слова. А.п. *a* (гр. 1): *икони* В.мн. 331б, *муршну* "мурену" 34, *субшта* 118б, -и Р.ед. 57, -ѣ 55б, -у 59, 135б, *пта* 32б (название птицы), *фьки* "тюлени" 33б. Сюда же имена собственные (муж. рода) *никыла* 224 bis, *фька* 61. Отметим также *ногата*, -у, -ѣ Д.М.ед., В.дв. (9х: 332б, 342б и др.), *полати* Р.ед. 198, 207б, *олена* 224.

Сюда же примыкают имена собственные с субморфом -*j*- (-*иј*-): *кхшию* В.ед. (муж.) 18, *федшсѣ* И.ед. 224. Это же -*j*- близко к статусу суффикса в словах: *митропыл-ѣ* И.ед. 98, Р.ед. 101, -*ию* 96б, -*ии* М.ед. 98; *по филосѣ* 55б; также *нафлагши* 131. Написание *кападоки* 131 либо упрощенное, либо отражает ударение на -*ки*- (в Чуд. колебание).

А.п. *a* (гр. 2): *грамота*, -и Р.ед., И.В.мн., -ѣ, -у, -ами, -ахъ (19х: 89б, 96б, 135б, 163б, 195б, 252 и др.), *грамоть* Р.мн. 250. Ср. Чуд. *грамоту* 36а.

Формально *b*₁ или *c* (но последнее нереально, см. § 22): *сотонѣ* Д.ед. 19, 56, 59б bis и имена собственные *козми* Р.ед. 230 кин., *фома* 222б кин.

Бессуффиксальные производные

§ 38. А.п. *a* (гр. 1): *во основу* 5б; *подшба* 35б; *пристрѣ* "имущество, снаряжение" И.ед., Р.ед., И.В.мн., -и Д.ед., -ю В.ед. (17х: 171-175); *велмижѣ* И.мн. 9б, *вожегда* 127, -у 28б. Упрощ.: *основу* 6б.

А.п. *a* (гр. 3 или 1): *наволѣ* Р.ед. 100.

Отметим также *не надобѣ* 336б (о|), 341, 342, 344 (вероятно, а.п. *a*, гр. 2).

Суффикс -От-а

§ 39. А.п. *a* (гр. 1): *добрѣ* 41, -и Р.ед. 10, В.мн. 50, -ѣ 32, -у 3, 40; *рабѣ* Р.ед., И.В.мн. (8х: 79, 118б, 253 и др.), -ѣ 182б, -у (9х: 76, 113, 131б bis и др.), *рабѣ* Р.мн. 135б; *теплѣ* 35б, -ою 8; *щедрѣ-оу* 48, -и И.В.мн. 5, 13б, 18.

Все прочие слова с этим суффиксом пишутся в Мерила с -*ота* (-*оти* и т.д.). Для двух из них формально допустимы *b*₁ или *c* (но не *a*)⁴³: *простѣ* Р.ед. 138; *сирѣ* 271, -и Р.ед. 17б (о|), 18, 23б, 53, 247, И.В.мн. 86б, 119б, 181б, -ѣ 14б, 24, 37, 37б, -у 23б, -амь 15б, 23б, 262б, 331б,

⁴³ Что касается словоформ Т.ед. *чстотю*, *нищотю*, *сукотю*, то, как видно из § 34-35, написание -*ою* не дает здесь никаких надежных сведений об акцентной парадигме.

-ахъ 236, сирѣтъ Р.мн. 24, 64, 151, 3316. Для остальных слов формально допустимы b_1 , c и a (гр. 2): блѣгота 546, висѣти Р.ед. 196, -ѣ 3, 6, -у 196, 65, 219, красѣта 25, 29, -и Р.ед. 276, скудѣти Р.ед. 114, слѣпотѣ 2, 496, срамотѣ Р.ед. 120, 124 *ter*, -оу 114, 124, по тѣснѣтѣ 1726, таготѣ Р.ед. 47, таго|тѣ В.мн. 47, чѣстѣта (= чистѣта) 1426, -и Р.ед. 506, 145, -ѣ 146, -у 5, 286, 47, 112, 145, -оу 66, 3446 (см. сноску 43), нечѣстѣта 124, -и Р.ед. 1366.

Некоторые дополнительные сведения об акцентуации слов на -От-а могут дать производные от них. Так, сирѣтъства Р.ед., чѣстѣти и неслѣпотѣти свидетельствуют против а.п. b у слов сирѣта, чѣстѣта, слѣпотѣта (ср. -шт- в живѣтнаа от слова а.п. b живѣтъ, живота). Производное оунѣтѣти свидетельствует против а.п. a (гр. 2) у *оунѣта. Таким образом, для слова сирѣта совокупность данных (сирѣта, сирѣтъства, сирѣтъства) однозначно указывает на а.п. c , для чѣстѣта и *слѣпотѣта - на а.п. a (гр. 2) или c . Следует, однако, иметь в виду, что акцентуация производных соотносится с первоначальной а.п. соответствующего слова на -От-а, тогда как в говоре Мерила само это слово могло уже изменить акцентовку. Например, не исключено, что слово сирѣта уже получило в И.В.мн. ударение сирѣти, как в Чуд. (ср. § 36, замечание).

§ 40. Слова на -ѣта (добрѣта, рабѣту, теплѣту, щедрѣтоу) - это производные от слов а.п. b . Слова на -ѣта - это в основном производные от слов а.п. a (чѣстѣта, нечѣстѣта) и а.п. c (благѣта, *слѣпотѣта, простѣти, сирѣта, слѣпотѣ, срамотѣ, таготѣ). Исключение составляет красѣта (при исходном слове а.п. b красѣ). А.п. исходного слова недостаточно ясна в случаях висѣту, скудѣти, тѣснѣтѣ, сукѣта.

Исходя из того, что показано выше для слов сирѣта, *слѣпотѣта и чѣстѣта, мы можем предполагать для -От-а формулу

" a^a , a^b , c^c " (актуальную либо для самого говора Мерила, либо по крайней мере для его предшествующего состояния), т.е. такую же, как в южнославянском (см. Дыбо 1968, с.161).

В Чуд. представлена другая формула: " a^a , a^b , b^c " (там же, с. 163). Показания Мерила делают весьма вероятным, что положение в Чуд. вторично; ср. также § 35, замечание.

Для суффикса -От-а тенденция развития, общая для всего русского языка, состоит в экспансии акцентной модели, соответствующей исходным словам а.п. c . В Мериле эта тенденция успела захватить слово красѣта (a^b), может быть, также слова первоначальной модели a^a (например, чѣстѣта).

Прочие суффиксы

§ 41. А.п. a (гр. 1): злѣба 4, 626, 68, -и Р.ед. (8х: 7, 8, 18 и др.), -ѣ 45, 61, 68 *bis*, -у 15, 446, -оу 53₂, шт злѣбѣ 156; незлѣбѣ 14, -оу 146; оунѣтѣти "девицы" И.мн. 8. Кроме того, случаи, где в принципе не исключена также акц. кривая b_2 : оутрѣбу 326 (ср. Чуд. оутрѣба ѿго 119а,

въ оутрѣбу 1316), горшднѣ Р.ед. 341, В.мн.(?) 341, -ю 341.)

А.п. а (гр. 2): с мачехю 1906; колѣдци И.мн. 266, мнѣжицею (6х: 176, 606, 946 и др.), мнѣгонѣжица И.ед. 34; налѣжницю 996; отрокѣвица И.ед. 2296, Р.ед. 169, 1696, 1746, 1906, -ѣ Д.ед. 1696 bis, И.мн. 50, В.дв. 40, -ю 1226, 169, 2456, -ею 2286, -и В.дв. 396, -ама Д.дв. 396, Т.дв. 39, 40 (особо отрокѣвица И.ед. 169, см. §4); заметим, что в Чуд. уже более новая акцентовка: отроковѣца, -ю и т.д. (однако отроковѣчину 31в).

А.п. а (гр. 2), в или с: оуноша, -ю, -и Д.ед. (8х: 17 bis, 40 bis и др.). Отметим несколько слов, акцентуация которых устанавливается по косвенным данным: а.п. а (гр.1)-вдовица, -и, -ѣ, -ю, -ѣ, -ами (15х: 12, 24, 37, 113 и др.), вонциами 3456; годинѣ 182, животину В.ед. 1946, ѣ Р.мн. 876, половина, -и, -ѣ, -у (8х: 105, 2496, 2626 и др.), скотина, -у, -ою (11х: 926, 108, 124 и др.); простыни И.ед. 45, Р.ед. 706; мо|литви И.мн. 1996, -ами 2046; вл^око Зв.ед. (5х: 8, 64 и др.; = владыко); ко|сатки И.мн. 32; а.п. а (гр. 3) - старѣшино Зв.ед. 2076; ластовици "ласточки" И.мн. 32; милостыни Р.ед. 196.

ВТОРОСТЕПЕННОЕ СУБСТАНТИВНОЕ СКЛОНЕНИЕ

§ 42. Окончаний с *О* в этом склонении нет.

Т а б л и ц а 8

Основы с *О*

А.п. Формы	а		с	
	группа 1	группа 2		
ед. И.В. Р. Д. М. Т.	болѣзнь - - користи болѣзнью	милость радости - тихости милостью	(нощѣ) нощи гости нощи (силью)	волость кротости крѣпости волости волостью
мн. И.В. Р. М. Т.	користи болѣзнии - -	- - - хитростыми(?)	нощи - костехъ -	волости господии - -

Примеры а.п. а формально неоднозначны и отнесены к этой а.п. лишь по косвенным данным. Достоверных примеров а.п. в нет. Показания Мерила по а.п. с в целом согласуются с данными исторической акцентологии. Однако имеется несколько случаев незакономерного конечного ударения в И.В.ед.: гостыдѣ И.ед. 3386; на помѣщъ 265, пакысть В.ед. 876, ыркъсть В.ед. 216 (при гораздо более частых помѣщъ,

накость, ярость). Из этих случаев один, а именно *госпѣдь*, соответствует ударению всех более поздних памятников. Прочие носят характер индивидуального колебания.

Разбор материала

§ 43. Рассмотрим вначале слова (разной морфологической структуры), не содержащие суффикса *-Ост-ь*.

А.п. с: *волость* 15, 626, 64, -и М.ед. 53₂б, В.мн. 331б, -ью 27б bis; *помощь* 76, 82б, 83б, 196 [на *помощь* 165б, 201б (мо|)], однако на *помощь* 265], -и Р.ед. 162б; *похоть* 41 (также *добру похоть* 6, где *по* подтерто писцом), -и Р.ед. 19, 28б, 30, 252, В.мн. 45.

Формально а.п. с или *ь*, по косвенным данным а.п. с: *гости* Д.ед. 338б; *кости* В.мн. 14б, 137б, *по костехъ* 333; *нощъ* (4х), *нощъ* 25б, *нощи* Р.ед. 38б, В.мн. 13, *в нощи* М.ед. 130, 192б, (также *полунощи* М.ед. 13); *соль* 2 кин. (упрощ.), *соли* Р.ед. 333, *силью* 5б (*силью* 58 bis); *плоть* (4х), *плоти* Р.ед. 33, 173б, М.ед. 3 (также *плъти* Р.ед. 4, 5б), *плътю* (5х); относительно *ш* в слове "плоть" см. Противоп., §8.

Прочие слова, где по косвенным данным а.п. с: женский род - *немошь* 192, -и Р.ед. 331б, -ью 91б; *осень* 32б; мужской род - *корень* 9, 24, 168б, -и Р.ед. 224б, 244; *ло-котъ* Р.мн. 341, *полотъ* 332б, 339 (< **польть*); по-видимому, к этому же склонению относилось и *голубъ* 339б, -и И.мн. 32. Особо: *ш^т господии* (видимо Р.мн.) 182б, однако И.ед. *госпѣдь* 338б, см. § 42.

Словоформы *любвьъ* В.ед. 42б, 45, с *любвию* 20 (при более обычных *любовь* 5х, *любовью* 5х; об *ш* в этом слове см. Противоп., §8) обнаруживают ударение на конечном слоге основы; но каково было ударение в словоформах *любве*, *любви* (более старое на *лю-* или более новое на окончаниях), неизвестно.

По косвенным данным а.п. а (гр. 1): *користи* М.ед. 188, В.мн. 8; *кровать* 29; *по|гань* 6б; *болѣзнь* 16, 33б, 49б, -и Р.ед. 38б, 43, -ью 219, -ии 9б; *бомзнь* 6, 11, 57, 66б, -и Р.ед. 43, -ью 13, 42б; также *зльбъ* 57. Менее ясны: *болѣсти* В.мн. 346б, *ометь* 34, *два степени* 244б.

Суффикс *-Ост-ь*

§ 44. А.п. с: *кротость* 5, 27, 37б, -и Р.ед. 30, -ью 25б (*то|*), 67б, -ию 168 (также *съ блѣокротостию* 53б).

Все прочие слова с акцентной точки зрения формально неоднозначны. Формально а.п. с или *а* (гр. 2): *гордость* 19, -и Р.ед. 84, М.ед. 51, -ью 52б, 63, -ии Р.мн. 145; *крѣпость* 31б (*по|*), 7б, 19б, -и Д.ед. 66б; *лютость* 5, 58; *мерзость* 10б, 56б, 124б, 345, -и Р.ед. 12б, М.ед. 81б; *милость* 5, 6б, -ью 70б (также *немилость* 5); *мудрость* 9б, 109 (*мудро^с* 27б), -и Р.ед. 11; *скудость* 6б, -и Д.ед. 32б, -ью 81б; *скупость* 5; *старость* 6, 177, -и Р.ед. 6, 259, 331б; *неситость* 5, 31; *твердость* 204б, 263б, -и Р.ед. 5б, 198б; *тихость* 27, 165 (*хо|*), 267, -и М.ед. 58; *трезвость*

5; *тлгость* 306, 133, -ью 286; *оуность* 2096 [Б], ш^т *оуно|сти* 10; *хитрость* 6, 83, -и Р.ед. 10, 1362б, Д.ед. 1106, -ью 216 (-ию 2516), -ьми 344. Формально а.п. с или б: *въ про|стости* М.ед. 61. Формально возможно всё, кроме а.п. а (гр. 1): *лѣности* Р.ед. 1386, 261, 267, 269, М.ед. 118, -ью 193 (-ию 2066 bis, 267); *радости* Р.ед. 66, -ью 276; *ревностию* 1466; *цѣлости* Р.ед. 6. Формально возможно всё, кроме а.п. а (гр. 2): *горести* 68, -и М.ед. 236.

У двух слов отмечены единичные отклонения в И.В.ед.: *накость* 20, 28, 62, 262, 2636 (*нако|сть* 646, 261), но *накъсть* В.ед. 876, *мрость* 146, 186, но *мръсть* В.ед. 216. Косвенные формы - только с о: *накости* Р.ед. (13х: 92, 133 bis и др.), Д.ед. 76, Д.ед. (?) 1956, В.мн. 366, 646, -ию 2596, *мрости* Р.ед. 18, 256, 84, Д.ед. 256, -ью 18 (*мро|стию* 1196).

§ 45. В Чуд. у слов на -*ость* представлено два акцентных типа: а.п. а (гр. 2), например, *радо|сть*, *въ радо|сти*, и а.п. с, например, *крѣ|ость*, *въ крѣ|ости*, *бѣз лѣ|ности* (Дыбо 1968, с. 160). Вероятно, эти же два типа противопоставлялись и в Мериле (хотя формально показать это не удастся, поскольку нет ни одного слова с однозначно установленной а.п. а, гр. 2)⁴⁴.

Как показал В.А. Дыбо (там же, с. 161), производные с суффиксом -*ост-ь* первоначально подчинялись формуле "а^а, а^б, с^с", причем а^б было представлено акцентовкой типа *mqdr-*ostь*, -*osti*. В Мериле, как и в Чуд., мы находим уже другое состояние, при котором модель *mqdr-*ostь*, -*osti* устранена. Надежными примерами этой инновации являются в Мериле *лѣ|ость* и *мудрость*. Заметим, что ни Чуд., ни Мериле не дают однозначных сведений о том, куда перешли слова типа *мудрость* - в а.п. а (гр. 2) или в а.п. с.

Наиболее надежные примеры производных от а.п. а: *ми|лость*, *радо|сть*, *старость*, *тихость*; от а.п. с: *гордо|сть*, *крѣ|ость*, *лѣ|ность*, *въ про|стости*, *скупость*, *твердость*, *тлгость*, *цѣ|лости*; по-видимому, сюда же *крѣ|ость* (ср. §63). Далее, к типу с^с следует отнести *накость* (ср. Чуд. *наки ли* 121а и, с другой стороны, *накостать* 1346) и, по-видимому, также *мрость* (ср. Берында *мростивъ*, -ий 313; чеш., словац. *jarý* 'бодрый', чеш. *jarо*, словац. *jar* 'весна' с краткостью; показания Чуд. не совсем ясны). Таким образом, единичные *накъсть* и *мръсть* в Мериле не имеют отношения к модели *mqdr-*ostь*; они входят в один ряд с други-

⁴⁴ Написание *радостно* 27, 58, формально соответствующее энклиномену, едва ли можно считать свидетельством того, что слово *радо|сть* перешло в Мериле из исконной а.п. а (ср. Чуд.) в а.п. с. Более вероятно, что перед нами упрощенное написание или что *радостно* акцентно уподобилось исконным энклиноменам типа **сладостно*, **лѣ|ността*; с другой стороны, не исключено, что морфемная последовательность -*Ост-н-О*, подобно -*Ов-О* и -*ав-О*, не принимала второстепенного ударения (ср. Противоп., § 18).

ми случаями, когда конечноударная словоформа выступает как факультативный вариант энклимена (см. § 92).

АДЪЕКТИВНОЕ СКЛОНЕНИЕ

§ 46. К адъективному склонению относится основная масса прилагательных и все причастия⁴⁵. Наречия на *-o* (*-e*) и на *-ѣ* рассматриваются ниже вместе с соответствующими прилагательными; при этом мы никак не разграничиваем наречия на *-o* (*-e*) и просто словоформы И.в.ед. сред. рода.

В Мерило праславянской а.п. *c* в адъективном склонении соответствуют две разных акцентных кривых (различающихся только в нечленных формах); они обозначены ниже как *c*₁ и *c*₂.

§ 47. Окончания *-o*, *-ok*, *-omu* встречаются очень часто, см. разбор материала. Приводим сводку материала по более редким окончаниям.

Р.ед. *-ogō*: а.п. *a* (гр. 1) - телесногѡ, перемславѣскогѡ, желѣзного (*go* - упрощ.), новгорѡдско², иѡрусалимско²; *a* (гр. 2) - тысячскѡго (2х); *b* - сложеногѡ; *c* - вереднѡго, бѣлогородѣскѡгѡ.

Т.ед. *-oju*: а.п. *a* (гр. 1) - великою (5х), вербѡною, закънѡною, мнѡгою, мужатою (2х), обичною, первою, подѡбною,

Т а б л и ц а 9

Окончания *c O**

Окончания		А.п.		b	c	
		группа 1	группа 2		акц. кривая <i>c</i> ₁	акц. кривая <i>c</i> ₂
Нечленные формы	<i>-o</i>	полезно	праведнѡ	добрѡ	просто	данѡ
	<i>-omъ</i>	довѡльно	призывамѡмѡ	предложеномѡ	твердомѡ	вочтеннѡмѡ
	<i>-oma</i>	судимо	-	-	живо	-
Членные формы	<i>-ok</i>	полезнок	праведнок	добрѡк**	простѡк, данѡк	
	<i>-omu</i>	великому	праведному	лѡтому	живѡму, прода- нѡму	
	<i>-ogō</i>	телесногѡ	тысѡчскѡго***	слѡженогѡ	вереднѡго***	
	<i>-oju</i>	великою	скрѡвенѡю	изложеною	златѡю	
	<i>-oѣ</i>	первоѣ	црѣквнѡѣ	-	мужѡскѡѣ	

* Причастия с *-en-*, взятые здесь для иллюстрации в одних случаях а.п. *b*, в других - акцентной кривой *c*₂, фактически колеблются между *b* и *c*₂ (см. §88). Это обстоятельство следует учитывать также в § 47-48.

** Но *zлѡк* при неслоговой основе.

*** Написание *-шго* (а также *-шгѡ*), по-видимому, отражает главное (в а.п. *c*) или второстепенное (в а.п. *a*, гр. 2) ударение на предпоследнем слоге; см. Противоп., § 14 и 18.

⁴⁵ Отдельное причастие рассматривается в данном разделе как самостоятельная лексема, с собственной а.п. (ко-

Т а б л и ц а 10
Оснoвы с o

А.п. Формы	а		b	с
	группа 1	группа 2		
Примеры нечлен- ных форм	(мнѡгъ) готѡвъ сбѡренъ подѡбенъ мнѡго готѡво мнѡга подѡбна мнѡзи сдорѡви	скрѡвень - оузакѡненѡ оузакѡнена оузакѡнени	(дѡбръ) обещъ добрѡ добра -	(прѡстъ) солонь* кротокъ свободенъ просто свободно проста свободна прости свободни
Примеры членных форм	мнѡгоѡ подѡбноѡ прѡчии оубѡзии прѡчихъ порѡч- ныхъ	оумнѡженѡѡ - скрѡвеныѡѡ	дѡброѡ дѡбри дѡбрѡхъ	прѡстѡѡ дорогѡѡ прѡсти свободни прос- свободныхъ тыхъ

* Словоформа *солонь* отражает акц. кривую s_1 ; примером для s_2 может служить *такѡвъ* (§ 62). В прочих формах по написанию основы различить s_1 и s_2 нельзя.

равною, санѡвною, сбѡрною, смѡртною (3×), с убѡгою и ряд других (всего 32 раза); а (гр. 2) - бжѡственнѡю, бѡ|стве-
ннѡю; b - изложеною (2×), ре|чною; с - властельскѡю (см.
§ 61), воцаннѡю, гѡсьскѡю (= госп|одьскѡю), златнѡю, стѡю
(= свѡтнѡю), таковѡю (3×), какнѡю (2×). Колебание: новѡю
и нѡвою. Р.дв. -Ою: а.п. а (гр. 2) - скрѡვენнѡю; b - спра-
женю.

Р.ед. -Оѡ: а.п. а (гр. 1) - бортноѡ (бортьноѡ), кото|
роѡ (то - упрощ.), невѡлноѡ, первоѡ, ролеиноѡ; а (гр. 2)
црѡкенѡѡ; с - мужѡвскѡѡ.

Д.дв. -Ома: а.п. а (гр. 1) - судимома (3×); с - живо-
ма.

В некоторых случаях в первом слого окончания вместо ожидаемого ѡ находим о. Таковы прежде всего: *тысѡчьскогѡ*, *оукраденогѡ*, *невидимю* (а.п. а, гр. 2). Прочие примеры этого рода менее надежны, поскольку их акцентуация не вполне ясна: *гѡржогѡ* (см. § 63); *свободню* (§ 56), *мро|*-
стню (§ 57), *крѡпкю* (§ 63), *судииню* (§ 65), *поданю* (§ 89); *бѡсовѡскоѡ* (§ 61). Следует учитывать, что для ря-
да двусложных окончаний, в том числе -ОгО, -Ою, -Оѡ, в говоре Мерила в принципе возможны (в подударном положении) две акцентовки: -ѡгО, -ѡю, -ѡѡ и т.д. в адъективном склонении и -огѡ, -ою, -оѡ и т.д. в местоименном склонении (см. § 67). У некоторых слов (так наз. "смешанная" группа местоименного склонения, § 71-72) встречаются обе акцентовки. По-видимому, подобное смешение могло в какой-то мере затрагивать и слова адъективного склонения.

торая может не совпадать с а.п. личных форм соответствующего глагола).

Такое предположение позволяет объяснить тот факт, что примеров с *o* вместо *ω* (приведенных выше) заметно больше, чем следовало бы ожидать, если бы речь шла лишь об упрощенных написаниях. Что касается пар типа *тысѣчьскогω* – *тысѣчьскогω*, то здесь мы скорее всего имеем дело с колебанием в месте второстепенного ударения (см. Противоп., § 18).

§ 48. Особый интерес представляет окончание Д.мн. *-Omъ*, в отличие от существительных (§ 16), у прилагательных это окончание обнаруживает правильные рефлексы прежнего *o* (т.е. *ω* или *o* сообразно с ударением, §2). Таким образом, *-Omъ* у существительных и *-Omъ* у прилагательных имеют в говоре Мерила (в позициях различения /*з*/ и /*б*/) разный фонемный состав; очевидно, у прилагательных /*б*/ здесь сохранилось в силу парадигматической поддержки со стороны окончаний *-Oю*, *-OгO*, *-Oму*, *-Oю* и т.д.

З а м е ч а н и е. Внешнему различию здесь сопутствуют и некоторое различие в грамматическом значении: форма Д.мн. на *-Omъ* у прилагательных (используемая в Мерило только в предикативной функции – при глаголе-связке *бити* и в составе оборота *dativus absolutus*) обслуживает все три рода, а не только мужской и средний. Той же особенностью обладает и Д.дв. на *-Oма*. Постепенная утрата родовых различий в нечленных формах Д.мн. и Д.дв., выступающих в предикативной функции, прослеживается начиная со старославянских памятников. Не имея возможности разбирать здесь этот вопрос подробно, ограничимся немногими примерами. Супрасльская рукопись: *ѡкоже плѣномъ бити въсѣмъ стѣгамъ* 68, строка 6. Успенский сборник: *въсѣмъ странамъ пограблѣномъ* 65а, текущему же женама 244в (и еще ряд примеров). Лаврентьевский список "Повести временных лет": *волнамъ вельмамъ въставшемъ* с. 14, строка 27. Чуд.: *двѣма вещьма непрелѣжнама* 144г. Мерило: *дажымъ же недвижимымъ вещьемъ* 266, *службамъ свершажмомъ* 161, *женамъ ихъ оумирающимъ оуномъ* 237б (зона В), *ω^T плѣна рабынамъ сущемъ* 304 (зона В) и другие примеры. Ср. также оборот *двѣремъ затвореномъ*, встречающийся в самых разных памятниках, начиная со старославянских.

Приводим сводку материала. А.п. а (гр. 1) – *довылномъ*, *по^бдномъ*, *самовластномъ*, *повелѣномъ* (2×); а (гр. 2) – *призважымъ*, *причитажымъ*, *недвижимымъ*, *некави^дмымъ*, *неоправданымъ*, *окраденымъ*, *пшсланымъ*; б – *предложеномъ*, *поуцѣненомъ*, *схранено|мъ* (возможно, сюда же *обдержимомъ*, *повлачимомъ*, *хранимомъ* 2×, см. § 88); акц. кривая *s₁* – *твердомъ* (возможно, также *крѣпкомъ*); акц. кривая *s₂* – *дажымъ же*, *ω^Tдажымъ*, *воцтенымъ*. Упрощ.: *мучимомъ|* 67б, *неподвижимомъ* 98 (относительно *незваномъ же* 95 см. § 89).

Насколько можно судить по имеющемуся ограниченному материалу, в а.п. б форма Д.мн. на *-Omъ* акцентно примкнула (вопреки своему происхождению) к членным формам; ср. Чуд. *рожѣно|ма* Д.дв. 103г (с ударением членных форм).

С другой стороны, в акц. кривой *s₁* *твердомъ* (если это не упрощенное написание), по-видимому, является энклينو-

меном. Отметим в этой связи, что в Апостоле 1564 Д.мн. на *-омь* у прилагательных а.п. с представлен так: *крѣт-комь* 110, 2056 (ср. *крѣтк-аго* 656, *-имь* Д.мн. 65), *на-гомь* 36, *немошномь* 96 (ср., в частности, *немошнымь* Д.мн. 122), *плѣтаномь* 115.

§ 49. Акцентные кривые. В а.п. *a* ударение неподвижно, за исключением подгруппы 1*, существование которой в говоре Мерила устанавливается, впрочем, не вполне надежно (см. § 56 о паре *равно - ровень*). В а.п. *b* выявляется хорошо известное противоположение флексийного ударения в нечленных формах наосновному ударению в членных формах (к последним примыкает также Д.мн. на *-Омь*, см. выше).

Особый интерес представляют акцентные кривые (c_1 и c_2) слов, относившихся в праславянском к а.п. *c*. В соответствии с § 6, мы объединяем эти кривые просто под именем "а.п. *c*". В членных формах как c_1 , так и c_2 дают флексийное ударение. В нечленных формах c_1 соответствует тому, что теоретически ожидается для а.п. *c*: энклиномены в муж.ед. и сред.ед., например, *солонь*, *просто* (для прочих форм показания Мерила неоднозначны). Кривая c_2 дает конечное ударение в сред.ед., например, *дань*; можно предполагать, что такое же ударение здесь имели и прочие нечленные формы (ср. в Чуд. *данѡ*, *данѧ*, *данѡу*, *данѧ* и т.п.).

Кривые c_1 и c_2 в принципе распределены морфологически: c_2 выступает у причастий с суффиксами *-н-*, *-ен-*, *-ем-*, c_1 – в прочих случаях. Имеется, однако, несколько случаев, когда c_2 проникает (хотя бы в качестве варианта) за пределы указанной сферы, а именно: *цѣлѡ кмоу да сблю-детьс* 97 (при *цѣло* 3х); *несвободнѡ кс* 31 (при *свободно* 2х); *такѡвѡ* 223 (при *таково* 8х); по-видимому, также *влас-тельскѡ мвиса* 57 (§ 61); менее надежно *нелѣпнѡ* 2226 (§ 57). Недостаток материала не позволяет выяснить, нет ли здесь каких-то контекстных условий, способствующих таким колебаниям.

Не исключено, что в Мериле в рамках а.п. *c* была возможна еще одна акцентная кривая (c_3): то же, что c_1 в нечленных формах, но наосновное ударение в членных. Дело в том, что такая кривая есть в Чуд., где она возникла, по-видимому, в силу относительно позднего перехода некоторых прилагательных а.п. *c* от флексийного ударения членных форм к наосновному. Так, кривая c_3 представлена в Чуд. у слова "ветхий", в качестве варианта к c_1 – также у слов "новый", "вечный", "мирный", "немошный", "свободный" (см. § 53 и 60). Исторически "незаконное" наосновное ударение в членных формах встречается у некоторых слов ("ветхий", "новый", "ночный", "родной", "сановный" и др.) и в Мериле, но ни для одного из них не удается выяснить акцентуацию нечленных форм. Таким образом, мы не можем быть уверены в том, что указанные слова образовали в Мериле именно акц. кривую c_3 , а не просто перешли, например, в а.п. *a* или *b*.

Разбор материала⁴⁶

Непроизводные и опростившиеся слова

§ 50. А.п. а (гр. 1): *мало*, не- (14х: 96, 31, 44, 199 и др.), *малоѣ* 45, 138, 243; *мнѣго*, не- (22х: 7, 12, 29, 906 и др.)⁴⁷, *мнѣг-оѣ* 49, -*ому* 10, -*ою* 206, *мнѣгѣ* И.ед., Р.мн. (4х), прочие словоформы с основой *мнѣг-*, *мнѣз-*, *немнѣг-* (например, *мнѣга*, -*аѣ*; -*ихѣ*, *мнѣзи*) - еще 83х; *право*, не- (17х: 6, 106, 11, 19, 196 и др.), *правоѣ* 44, 45, не- 23; *го|тѣвъ* 34, *готѣво* 3316, -*имѣ* 1856; *сдорѣви* 6, ср. *сдрѣво|му* 506; *худѣ-зи* "искусны" 1676, -*ги* 176. Упрощ.: *готово* 1506, *здоровому* 6.

Особый случай составляет аномальное написание *мнѣгѣ* 2266. Это едва ли описка, поскольку данная словоформа неоднократно встречается с двумя знаками для /ѣ/ (например, в виде *мнѣгѣ*) в рукописях XVI в., различающих /ѣ/ и /ѣ/. Возможно, ударение этой словоформы было не вполне устойчиво; ср. [шпауѣ], отмеченное в современных говорах⁴⁸.

На а.п. а (гр. 1) указывают словоформы *хитро* 336, 676, -*оѣ* 32 (хотя в памятниках XVI-XVII вв. это слово обычно относится к а.п. в). Возможно, Мерило отражает здесь архаичное состояние, ср. праславянскую а.п. а у глагола "хитить".

Далее, имеется группа слов, у которых нечленные формы неупотребительны (и тем самым здесь неразличимы а.п. а и в): *перв-оѣ* (24х: 256, 276, 416, 60 и др.), -*ому* (8х: 106, 1496, 1976 и др.), -*ою* 2076; *второѣ* (13х: 276, 58, 82, 89 и др.), *втор-ни*, -*аѣ*, -*ѣмѣ*, -*аѣ*, -*ѣѣ*, -*ѣи* (16х: 176, 896, 131, 1506, 173 и др.); *десѣтоѣ* 3316; *котѣр-оѣ* 4, 8, -*ому* 202, *котѣр-ни*, -*аѣ*, -*аѣ*, -*ѣѣ* (24х: 16, 316, 139, 2446, 252 и др.), также *никотѣр-ни же* 136, -*имѣ же* 986, *ни по котѣрѣи же* 786; *прѣч-ѣѣ*, -*ѣѣ*, -*ѣѣ*, -*аѣ*, -*ѣѣ*, -*ни*, -*имѣ*, -*ихѣ* (53х: 246, 78, 103, 1466, 177, 268 и др.). Упрощ.: *второѣ* 173, *котоѣ|ѣ* 1326. Написание *прѣчѣ* "кроме" 227 - либо упрощенное, либо указывает на первоначальную а.п. в слова "прочий".

Написание *вторѣѣ* 173, вероятно, отражает начатки того акцентного колебания, которое в конечном счете привело к нынешнему ударению *вторѣѣ*. Интересно написание *в котѣрѣмѣ* 136, с урв вместо *ѣрѣ* (см. Противоп., § 29).

Формально а.п. а (гр. 1) или в, по косвенным данным а.п. а: *слабо|ѣ* 58; *стар-оѣ* 198, -*ому* 46.

Формально а.п. а (гр. 1) или с, по косвенным данным а.п. а: *долго* 206, 29, 100; *исто* "начальная сумма, ка-

⁴⁶ Здесь разбираются только собственно прилагательные; материал по причастиям помещен в глагольный раздел (§ 74-91).

⁴⁷ Кроме того, 9 раз в качестве первой части сложного слова, например, *мнѣгонѣжица* 34.

⁴⁸ См.: Брок О. Говоры к западу от Мосальска. Пг., 1916, с. 31 и 126.

питал" 338 (субстантивир. прилаг.); *полно* 56; *чсто* (= *чисто*), *не-* (13×: 46, 6, 476, 1366 и др.). По-видимому, сюда же *кстеро* 376, 129, 130.

А.п. а (гр. 2) : *скарעדв* 1146 (ср. в Чуд. *скарעד-вй* Р.ед. 876, *-вй* М.ед. 87а). По-видимому, сюда же *нѣкотврими* 2126 [Б] (однако по *нѣкотврими* 2406 написано с *то*); ср. также § 70, конец.

§ 51. А.п. в: *добрш*, *не-* (прилаг. и существ.; 19×: 2, 156, 16, 44 и др.)⁴⁹, *двброж* 25, 38, прочие словоформы - *двбръ*, *не-* (3×), *добра* И.ед., Р.ед., И.мн., *добру* Д.ед., В.ед. (11×: 6, 16, 236, 28, 306 и др.) *добрѣ*, *не-* нареч. (22×: 56, 76, 16, 176 и др.), *двбр-ни*, *-имь*, *-ии*, *-ам*, *-ия*, *-иѣ*, *-имь*, *-ими*, *-ихъ* (13×: 10, 11, 20, 316, 356, 45 и др.); *злш* (прилаг. и существ.; 27×: 7, 116, 166, 28 и др.)⁴⁹, *злшѣ* 1416, 141 [Б]; *штрш* 31, *штр-ни* 50, *-ам* В.мн. 176, *штръ* 29; *теплш* 3486. Упрощ.: *добро* 666, *недобримь* 151. В Чуд. "добрый", "злой", "острый" относятся к а.п. в; отметим также *ни тѣплъ же* 150в bis.

У нескольких слов ударение, по-видимому, было не вполне устойчиво (ср. положение у существительных, § 28). Написания с *ш*: *лутш* 29, *мудрш* 25, сюда же наречие *зѣлш* (10×: 13, 256, 396 и др.). Написания с *о*: *лито* 286, 306, 676 (также *лито* | 306), *мдро* 336, *зѣло* 126, 516, 67, 226. В Чуд. в этих случаях представлено флексийное ударение (но один раз *зѣло* 95а). В членных формах в Мериле находим закономерное ударение на корне: *лутому* 266, *премудро* | 8.

У слова "общий" (в Чуд. а.п. в) в Мериле показательна только словоформа И.ед. *обещь* 2746; прочие словоформы - *шбще*, *-а*, *-ю*, *-и*, *-ии*, *-ам*, *-агш* и т.д. (21×) - содержат несвободное *ш*. По-видимому, в *обещь* ударение было на беглой гласной, и все слово относилось в Мериле либо к а.п. в, либо к а.п. а (подгруппа 1*).

§ 52. А.п. с⁵⁰: *блѣо* (прилаг. и существ.) 206, 51, 95, 119, 1666, 1776, *блѣшѣ* 26; *дорогшѣ* 3316, *драгшѣ* 9; *живо* 5326, *жившму* 258, *живома* 180; *золота* И.ед.жен. 29, *златшю* 198; *лихшѣ* 64; *молода* И.ед. 40, *-иѣ* И.мн. 336; *просто* (10×: 36, 107, 244 и др.), *не-* 57, 62, 1316, 254, *простшѣ* 726 bis, 88, 175, 348, прочие словоформы - *пршсть* (4×), *проста* В.ед. 606, с *проста* нареч. 426, 45, 646, *прости* 266, *прост-ни*, *-аго*, *-ии*, *-ия*, *-имь*, *-ихъ* (18×: 27, 108, 127 и др.); *свѣтлшѣ* 53; *стѣо* 96 (= *свато*), *стшѣ* 426, 1496, 203, *стшю* 13; *скоро* (15×: 19, 24, 42 и др.), *не-* 244, *скыръ* (1×), *скора* И.ед. 266, *въ скорѣ* (13×: 206, 71, 806 и др.); *солонъ* 56; *сужшѣ* 58; *твердо* (9×: 196, 856, 2406 и др.), *не-* (8×: 73, 113, 2406 и др.), *твердшѣ* 62, *твердомъ* Д.мн. 257; *цѣло* 8, 199, *всецѣло* 2006, *не все же*

⁴⁹ Также *добршразумивши* 50, *добршзерноберець* 50, на *злш-творениѣ* 816 bis; однако гораздо чаще при словосложении выступает *добро-*, *зло-*, ср. §8, замеч.

⁵⁰ Здесь и далее в § 52-72 а.п. с (без уточнений) означает акц. кривую *с₁* (или случай, когда различие между *с₁* и *с₂* не видно).

цѣло 240б (относительно цѣло 97 см. § 49), цѣло 896⁵¹. В Чуд. из этих слов определенно с а.п. с засвидетельствованы "благой", "драгой", "золотой", "лихой", "светлый", "сухой", "твердый", "целый".

К а.п. с относилось также неизменяемое *свободь* 1296 bis [Б]. Ср. в Чуд. *ни свободь* 123б, *сво|бодь* 127б.

Формально а.п. с или а, по косвенным данным а.п. с: *борзо* 159б, *ни на десно* 11, *криво* 230, *ни на лѣво* 11, *лѣпо* (9х: 24б, 111б и др.), *нелѣпо* 30, 63б, *любо* (88х: 30б, 75б, 94 и др., в т.ч. очень часто в составе сочетаний типа *что любо, кто любо*), *прямо* 19б, 27б, *пусто* 4, 133, *туго* 345, 345б, *худо* 63б, *часто* 4б, 132, 257, *мво* 49, 50, 54, 61, 73. В Чуд. определенно с а.п. с засвидетельствованы "десной", "левый", "лениый", "пустой", "худой". Отметим, что слово *любо* обнаруживает в Мериле ту же акцентуацию, что современное *любѣй*, и не соответствует акцентовке (в Чуд. и других памятниках) слов "любить", "любовь".

§ 53. У нескольких прилагательных в членных формах обнаруживается (иногда или всегда) наосновное ударение вместо ожидаемого флексийного.

Слово "новый". Нецеленные формы малопоказательны: из *нова* нареч. 103 (ср. *новороженнхъ* 248), *нвоѣ* 97б [Б]. Членные формы: с наосновным ударением - *нвоѣ-ти* 270б, -*омоу* 206б, -*ми* Р.ед. 142б, -*ую* 201б, -*оу* 205, -*ихъ* 131, 131б, 134, -*ими* 205; с флексийным ударением - *новѣж* 200, *новѣю* 198б (беспорные случаи), далее *нов-ам* И.ед., -*агш*, -*ѣи*, -*ѣѣ* (-*ми*) Р.ед. и И.мн., -*ихъ* (26х: 69б, 75б, 131, 131б, 150б и др.; какую-то часть из этих 26 случаев, разумеется, небольшую, могут составлять упрощенные написания)⁵². Наиболее наглядной иллюстрацией колебания могут служить *нвоѣю* и *новѣю*. Аналогичное колебание обнаруживается и в Чуд.: при обычных *новѣи* 39б, *новѣѣ* 17а, *нвоѣѣ* 29а, *нвоѣѣ* 17в, *новѣам* В.мн. 8г встретилось и *новѣомоу* 117б. При этом нецеленные формы идут по а.п. с (*новѣо*, *новѣи* В.мн., *новѣѣ* И.ед.жен., И.мн. сред., *новѣоу* В.ед., при одном отклонении: *новѣу* В.ед. 49а), т.е. в Чуд. представлено колебание между акц. кривыми *с₃* (см. § 49) и *с₁*. В рукописях, изученных Л.Л. Васильевым, уже только *с₃*: *нвоѣми*, *нвоѣѣ* при *новѣѣ*, *новѣѣѣ* (Васильев, с. 45). Таким образом, наиболее вероятен исторический переход от флексийного ударения членных форм к наосновному (а не наоборот). Мерило отражает одну из начальных стадий этого перехода, Чуд. - более продвинутую, рукописи Васильева (равно как современный язык) - конечную.

Заметим, что для слова "скорый" ни в Мериле, ни в Чуд. не встретилось членных форм. Между тем в рукописях Васильева представлено *с₃*: *скѣро* (с /с/), но *скѣрое* (Васильев, с. 45). Не исключено, таким образом, что это слово уже и в XIV в. акцентуировалось как "новый".

⁵¹ О словоформах *инѣж* и т.д., *самѣж*, *какѣю* см. § 71-72.

⁵² Имеется также одно заведомо упрощенное написание: *новому* 95б.

Слово "ветхий": *ветх-ож* 198, *-ому* 202, 204б, 205б свидетельствует о наосновном ударении членных форм. Это согласуется с Чуд.: *вѣтх-ий* 110а, *-оѣ* 29а, *-аго* 117в, 131б, *вѣтхѣ* 29а (двусмысленно *вѣтхѣмь* 127в). Однако нечленные формы идут в Чуд. в основном по а.п. с (ср. в особенности *нѣ в ветхѣ писмѣни* 102в), т.е. это слово имеет акц. кривую сз. На а.п. с указывает также ударение *ветхѣи*, *ветхѣго* и т.д., широко представленное в рукописях и изданиях XVI в. Таким образом, для слова "ветхий" можно предполагать такой же сдвиг ударения в членных формах, как в "новый".

Для слова "другой"⁵³ акцентуационно значимый материал Мерила таков: *дружок* 81б, 110б, 169, 205, 245, 271, *другому* 16б, 107, *дружму* 17б, 184б, 226б, 249, 251, 271б bis (менее показательно *дружми* Р.ед. 224). Невозможно предполагать, что все написания с *-ож*, *-ому* - упрощенные. По-видимому, ударение этого слова в Мериле колебалось (в Чуд. флексивное ударение, но один раз *дрѣбуго* | -мѣ 51в). Отклонение от исконного ударения (представленного, например, в современном русском *дружбѣ*), направлено в Мериле в сторону акцентовки, характерной для юга восточнославянской области; ср. у Берынды *дрѣгий* 27, на *дрѣго-омѣ* 88, *-ом* 58 (однако *дрѣгомѣ* 58), соврем. укр. *другий*. Следует отметить акцентное различие между И.ед. *дружок* и Д.ед. преимущественно *дружму* (может быть, это можно сравнить с Чуд. *самож* 3х при отсутствии **самож*).

Бессуффиксальные производные

§ 54. А.п. а (гр. 1): *охвчъ* И.ед. "охоч" 31; *оубвгъ* 25, 31, 191, 249, *-ому* 34б, 252, с *убвгоу* 172б, прочие словоформы - *оубвга* Р.В.ед., И.ед., *-у* Д.ед., В.ед., *-агъ*, *-имъ*, *-ихъ*, *оубвзи*, *оубвзии* (28х: 10б, 12, 52, 82б, 87 и др.); *четверонвгими* 106б, *.д.нвгихъ* 124б. Сюда же неизменяемые прилагательные и наречия: *освбъ* 90, 159, 178 bis, 259б, *оусвбъ* "между собой" 190б bis, *оудвбъ* 83, 253б, *неоудвбъ* 144б, 166б, 167б (*неоудвбъ носима* 57). По косвенным данным такую же акцентуацию имели *извѣсто* 71б, 82, 125, 179, *соугубо* 121 (*сугубо* | 23), *лютосердому* 4б. Упрощ.: *особъ* 178б.

Особую группу составляют притяжательные прилагательные типа *кнажь*. А.п. а (гр. 1): *авирнѣ* 46б; отметим также *ярославль* 69б, 332 кин., *митрополича* Р.ед. 87. А.п. а (гр. 2): *иншчмля* Р.ед. 342, *солшмона* Р.ед.жен. 8б; отметим также *володимѣр* "Владимиров" 69б (*волдимѣр* 338 кин.), *дыволе* 58, - И.ед. 19, Р.ед. 58, *имковла* Р.ед. 12.

⁵³ Судя по регулярному написанию *другагъ* (8х: 41, 106 и др.), писцы Мерила не объединяли это слово с местоименными прилагательными (у которых они всегда пишут *-Огъ*, *-егъ*).

Сравнительные степени

§ 55. Ударение на корне: *множаж* 876, 113, *множаши-е* 239, 263, -и 263, -ам 1336, *премножашию* 44; *оубжаши-и* 1326, -и 272, -ему 120; *подбнѣши* И.ед. 96, *оудбнѣ* 2446, *неоудбнѣ* 244. Упрощ.: *оудобнѣ* 244; вероятно, также *множаши* 1156.

Ударение на суффиксе: *горѣ* 22, 3466, *добрѣши* 1616, *немоцнѣшам* 346, *простѣ* 244, *простѣшихъ* 344 (написания *оштрѣ* 5326 и *оштрѣшию* В.ед. 166 непоказательны).

Словоформы *боле* (23х: 26, 23, 29, 366 и др.) *наи|боле* 346, судя по Чуд. *болѣ* (регулярно), были конечноударны; однако один раз *быле* 1496. Отметим также *да не горе что будеть "чтобы не было чего-либо худшего"* 112, ср. *горе "несчастье"* (16х). Словоформы с -ш- (*быше*, -ю, -и, -еж, -агш и т.д., *гврше*, -а, -и, *гвршам*) акцентно непоказательны; отметим *пребышемь* Т.ед. 154.

Корневое ударение представлено в *былии* И.ед. 756, 188, *пребылии* И.ед. 36 (в отличие от Чуд. *болѣй* В.ед. 516). В этих случаях, как и в единичном *быле*, обнаруживается ударение, которое позднее становится господствующим.

Суффикс -н-

§ 56. Рассмотрим вначале случай, когда исходное слово непроизводно.

А.п. а (гр. 1): *вѣрно* 13626, -ож 166, *невѣрно* 186; *вшно* 27, -ож 111, 1116, *невшн-о|ж* 111, -ою 706, -оѣ 276; *мрамрень*⁵⁴ 269; *нужно* 446 (о|), 826, 103, -о||ю 2536; *равно* (22х: 45, 98, 1156 и др.), -ож 167, 1706, -ою 1786, *неравно* 446, также *ровень жсть вѣшь члѣжмь* 276; *сѣртно* 306, -ож 63, -ою 253 *тер*; *несмыслно* 1986, -ож 54; *хулно* 2306, -ож 25. Ввиду опрощения слова "польза" сюда же присоединим *полезно* 226, 167, 197, -ож 62, 147.

Ударение в словоформах с беглой гласной известно только в двух случаях: в *мрамрень* оно на -мш-; в *ровень*, напротив, автономное ударение может быть только на беглой гласной. Таким образом, если варианты с основами *равн-* и *рвен-* акцентуировались одинаково (что не бесспорно), то данное слово относится к подгруппе 1* (§ 11, примеч.).

Формально а.п. а (гр. 1) или *ь*, по косвенным данным а.п. а: *желѣзн-о|ж* 3406, -ого 340; *книжному* 66; *славному* 426; *соубшнни* 1186.

То же, но фактическая акцентуация менее ясна: *бѣдно-му* 37; *бортноѣ* 3426 (*бортьноѣ* 3426); *вербьноу* 33; *кнньнож* 256; *крстьнож* 2306; *мутнож* 516; *ншцьному* 1336, *нощнож* 3406 (*нощ* - упрощ.); *обелнож* 3426; *ршднож* 2436; *ролеиноѣ* 3426; *стольнож* 66; *суднож* "судебное" 37, 376; сюда же *нбснож* 76, 666 (= *небеснож*) и *телесн-ож* 56, -огш 3456. Ненадежно написание *таино|ж* 110.

⁵⁴ Ср. у Беринды (123) *мраморь*: *мáрморь*. *мраморный*: *мáрморовый*. Но в Чуд. *мрá|морна* Р.ед. 156в.

Формально а.п. а (гр. 1) или с, по косвенным данным а.п. а: *ключно* 180б; *прмдрьно* 200 (= *премудрьно*); *печално* 51б; *противно* 4б, 89б, 118, 227б; *пресилно* 5б; *скербно* 37б; *трудно* 147. Отметим также *обещну* Д.ед. 274б, -ѣ нареч. 39.

То же, но фактическая акцентуация менее ясна: *купно* (10х: 29б, 35, 107, 167 и др.); *лестно* 118б, 258, *не-183*; *скудно* 167б, 182, *не-184*; *стропотно* 4б, 9; *тѣсно* 39б. Ненадежны написания *праздно* | 85, *нещадно* | 111б.

Формально а.п. а (гр. 2) или с, по косвенным данным а.п. а: *огнен-ше* 68, -шму 60б; *мѣсачнык* 179; *цркви-ен-ше* 78, -шму 94, 198б, *цркви-ен-ше* 86б, 213 [Б], -шмоу 128, *цркви-ен-ше* (12х: 77, 84, 86 bis, 331б и др.), -шму (6х: 127б bis, 128б и др.), -шѣ Р.ед. 134. У слова "церковный" встретился, правда, и более новый акцентный вариант с ударением на -ков- (и с заменой фонемы /ѡ/ на /ѡ̆/ по аналогии со словами, содержащими суффикс -ов-): *цркви-ен-на-власть* 97. Соответственно, написания *цркви-ен-моу* 114б, *цркви-ен-о-к* 153, -ому 199б - либо упрощенные, либо отражают этот побочный акцентный вариант. По косвенным данным к а.п. а (гр. 2) нужно отнести также *клиросныи* 103.

А.п. б: *красны* 200; *разны* 4б, 151.

А.п. с: *блудно* | 114, *блуднык* 228б; *былныму* 50б; *брачны-ше* 199б, 239б, 248б, 250, -шму 199, 203б, 204; *вередныго* 35б; *вѣчнык* 144; *городныѣ* Р.ед. 68; *должны* 192б, 201, *должныму* 183, 199б; *земнык* 62; *мирно* 27, 116б, *мирнык* 16б; *мощно* 143б, 211 [Б], *да не мощно будетъ зѣреть входи* 213 [Б], *мощно* (10х: 90, 92б и др.), *немощно* 49б, 59, *немощно* 67, *немощн-а* В.ед. 10б, -и 5б, -имъ (5х: 52б, 7б и др.)⁵⁵; *присно* (10х: 2б, 9, 19 и др.), *приснык* 177; *ручнык* 211б [Б]; *свободно* 68 (*бо* |), 183б (особо *несвободны* *к*^с 31, см. § 49), *свободенъ* (7х: 25б, 139, 155 и др.), *свободн-а* И.ед. 225б (*свободь* | на 230), В.ед. 337, В.дв. 335, -у Д.ед. 73б (*бо* |) В.ед. 122, 172б (*бо* |), -и (6х: 139, 144б и др., также *несвободни* 33б), -и 91б (и *тѣ несвободни* 24б), *свободн-шму* 182б, также -агш, -им, -ую, -ѣмъ, -и, -ихъ, -имъ, -ими (18х: 25, 80б, 193б и др.); *страшно* 21, 51б, 55, 114б, *страшныму* 214 [Б]; *чѣстно* "честно" 28б, 143, *чѣстнык* 66б, 196б, 197б, *чѣстныму* 132б, 133 bis, 148б, 263. Упрощ.: *свобо* | *дною* 228 (неясно, впрочем, вместо **свободныю* или **свободною*).

Формально а.п. с или а (гр. 1), по косвенным данным а.п. с: *гнусно* 44; *дивно* 59; *ладно* 110. Вероятно, сюда же *темно* 10б, *невредно* 203 (ср. *вередныго* выше).

§ 57. Далее приводятся производные от слов, содержащих суффикс (а также производные, имеющие вставной морф -ов- перед суффиксом -н-) ⁵⁶.

⁵⁵ Заведомыми энклиноменами здесь являются *немощно*, *немощно*; отсюда можно заключить, что таково же и *мощно* (*мощно*).

⁵⁶ Здесь и в § 58 слова внутри группы приводятся в инверсионном алфавитном порядке частей, стоящих перед суффиксом -н- (-ьн-, -ен-).

А.п. а (гр. 1)⁵⁷: *молебному* 132, *татебно* 335, *-ому* 273, *лѣчебноѣ* 334; *рабѣтн-оѣ* 1846, *-имѣ* 25, *рабѣтень* И.ед. 23, 1916; *живѣтнаѣ* И.ед. 366; *санѣвноѣ* 276; *грѣхѣвн-ми* 7, *-ам* И.ед. 157, *-ѣи* 137, *-имѣ* В.мн. 71, *-ихѣ* 80; *дѣвноѣ* 56, (по-видимому, = *духѣвноѣ*); *дѣвноѣ* 496 (= *духѣвноѣ*). Вероятно, сюда же *говѣино* 1646, *-ихѣ* 1616, *притно* 172. Написание *шт живо|тень* 346 – скорее упрощенное, чем отражающее ударение на *-тень* (т.е. подгруппу 1*).

А.п. а, гр. 2 (по прямым показаниям Мерила или по косвенным данным): *ѣственѣ*⁵⁸ "естественное" 239, *-ѣѣ* 446, 2066, *-ѣму* 206; *бѣствен-ѣму* 1136, 1446, *-ѣю* 1966 (*бѣственѣму* 1976, *бѣ|ствен-ѣму* 143, *-ѣю* 197), *прѣбѣственѣму* 1576 (основа *божествен-*); *рѣственѣѣ* 2246 (по-видимому, = *рожественѣѣ*); *правѣднѣ* (13х: 176, 306, 85, 143 и др.), *-ѣѣ* (10х: 47, 81, 1436 и др.), *-ѣму* 272, *неправѣднѣ* 42, 1546, 250, 2596, *-ѣѣ* 167; *обычѣинѣѣ* 2266; *искренѣнѣму* 376; *пастѣвнѣнѣ* 2686, *оскѣмнѣна* Р.ед. 50; *истинѣнѣ* 255, *-ѣѣ* 43, 496, 1866, 1996, 204 bis (также *ѣстинѣнѣѣ* 1986 вместо *ѣсть истинѣнѣѣ*); *ѣстѣтнѣ* 6; *лѣствѣичнѣѣ* 496; *недостѣточнѣѣ* 1846; *избѣточнѣѣ* 179. Сюда же *адѣвнѣнѣ* В.мн. 38. Упрощ.: *правѣдноѣ* 2466, *неправѣдно* 2666, *истинѣно* 1316. Написание *избѣточно|ѣ* 1806 – либо упрощенное, либо отражает вариант с ударением на *-точ-*.

В слове *винѣнѣствѣнѣи* 178 ударение на *вѣ-*, в *немлѣствѣно* 168 (= *немилѣствѣно*), по-видимому, на *-ми-*.

А.п. с: *днѣвнѣму* 1336, *домѣвн-имѣ* 2006, *-ихѣ* 1496, 2656.

А.п. с или а.п. а, гр. 2 (вероятнее первое): *дарѣвнѣго|* 2586; *слѣдѣ|ствѣнѣму* 256; *лѣнѣстн-имѣ* 126 кин., *-ѣ* нареч. 46, *пѣкѣстн-ам* В.мн. 246, *-ихѣ* 59 (ср. § 45).

Более сложные случаи. Неясна акцентуация (а.п. с или а.п. а, гр. 2) прилагательного *вѣновн-ѣѣ* 2486, *-агѣ* 2486, *-а* И.мн. 2486 (поскольку неизвестна а.п. исходного слова *вѣно*). Столь же двусмысленны *жалѣ|стнѣ* И.мн. 3476 и *радѣст-но* 27, 58 (см. сноску 44), *-на* В.мн. 306, *-енѣ* 30. Написание *ѣро|стнѣю* 1116 – явно упрощенное, но неясно, каково здесь полное написание.

Написание *нѣлѣпнѣнѣ* 2226 отражает либо автономное ударение на *-лѣ-* (что означало бы переход данного слова к той акцентуации, которую оно имеет в более поздних памятниках), либо акц. кривую *с₂*; а.п. *в*, по-видимому, исключена. Написание *сѣжнѣно* 199 – либо упрощенное, либо соответствует а.п. *с* (а.п. *а*, гр. 1 здесь едва ли возможна); Чуд. *соужѣтнѣ* И.ед. 81в, возможно, отражает а.п. *с*, но ряд других фактов говорит в пользу автономного ударения на *сѣ-* (см. Дыбо 1968, с. 162-163).

⁵⁷ Формальной допустимостью а.п. *в* (для части слов) мы здесь и в § 58 пренебрегаем, так как надежных примеров а.п. *в* в этой категории слов ни в Мерило, ни в других памятниках нет.

⁵⁸ После *-ств-* суффикс *-н-* регулярно представлен алломорфом *-ен-*. Относительно *ѣств-* вместо *ѣствѣств-* или *ѣствѣств-* ср. сноску 38.

§ 58. Наконец, весьма многочисленную группу составляют производные от основ, состоящих из приставки и корня, а также от сложных слов (см. также сноски 56 и 57).

А.п. а (гр. 1): *потребно* 836, 1616, 245 (не- 249 bis, 2696), *-оѣ* 69, 70, 2486; *подѣбно* 7, 2506, 2536, 272, *-ою* 2726, *-а* 656, *-и* 48, 646, 67, *подѣбень* 15 (также *по^дбно* 27х: 786, 133 и др., *по^дбн-ому* 158, *-ою* 159, *-омь* 2006, *по^дбь|ноѣ* 1176), *неподѣбно* 271, *-а* 61 (также *непо^дбно* 5х: 1146, 223 и др., *-ому* 1976); *преподѣбнии* 211 [В] (также *препо^дбному* 1646); *оудѣбна* И.ед. 210 [Б], *-иѣ* Р.ед. 92, *неоудѣбно* 228 (неоу^дбно 2026), *неоудѣбна* 196, *-и* 1466; *осѣбно* 86 bis, 88, 137, 1656, 2746, *-оѣ* 1456, 2616, *-о|*-му 2616, также *-а*, *-агш*, *-и* и т.д. (12х: 101, 135, 159 и др.); *пагубно* 1106 (ср. Чуд. *пагоубннй* 936); *сугубноѣ* 194 bis; *достѣинослѣвень* 2266; *оугѣдно* 106, 1066 (не- 182), *-оѣ* 1986, *-имь* 166, *оугѣдень* 261 (не- 886), *неоугѣднаго* 345; *блгорѣд-нихъ* 307, *-ень* 1316, 155, *единорѣдн-аѣ* 26, *-иѣ* 115, *дѣторѣдн-и* 1056 bis, *-иѣ* 1066; *прихѣдн-оѣ* 2396, 2706, *-а* 165, *-имь* 263, *прихѣдень* 2696; *прохѣднихъ* 1346; *бестудно|* 31, *-оѣ* 506; *ненавѣжноѣ* 1496; *непрелѣжно* 2046, *-жьноѣ* 1656, *-жьну* 82, *-жны* 1956, *-жнимо* 2076, *-жними* 82, *блгопрелѣжно* 1996; *невѣзможно* 296, 92; *набѣшную* 3396; *бѣбѣшнъ* "богобоязненный" 64, *-а* 64, *небѣбѣшнъ* 63; *пристрѣшнимо* 170; *достѣино*, *не-* (24х: 76, 9, 276, 606 и др., также *достѣинослѣвень* 2266), *достѣиноѣ* 1846 (но|), 1866, *достѣинъ* (7х: 116, 576, 616 и др.), прочие словоформы с основой *достѣин-*, *недостѣин-* – 30х; *довѣлно* 196, 326, 84, 199, 2036, *-оѣ* 253, *-омь* 92, *-а* 150, *-у* 251, *-ѣ* 2016, *-и* 263, *недовѣл-ень* 228, *-ни* 241, *-на* И.дв. 71; *самовѣлно* 1806; *престѣлну* 456; *бе|щисленно* 147; *штѣмноѣ* 273, *наимноѣ* 186, *лихоимноѣ* 167; *пространноѣ* 2066; *повинно* 2526 (не- 185), *-оѣ* 244, 2446, 245; *закнѣно* 1116, 1406, 2556, 258, *-оѣ* 203, *-омоу* 196, *-ою* 163 (также *за^кнѣному* 30), прочие словоформы, например, *закнѣнн-и*, *-ую*, *-ихъ*, *-ѣ* (наречие), – еще 28х, *безакнѣно* 206, 286, 84, 2456 (не- 223), *-оѣ* 1076, *-и* 636, *-агш* 40, *-иѣ* 636, 136₂6, *-и* 16; *ижекнѣнихъ* "исконных" 376; *лицеѣбно* 20; *преклѣнно* 167, *не-* 45, *-и* 45, *неоуклѣнно* 666; *блголѣпно* 2466, *-оѣ* 2466, сюда же *блѣпно* 223 "боголепно"; *правовѣбно* 1076; *сбѣрно|* 1996, *-ою* 207, *-ому* 1156, 116 (*-о|му* 1176, *сбѣрь|ному* 916), *сбѣрень* 2006; *притѣврн-иѣ* 148, *-имь* 1486; *завѣрн-аѣ* 2026, *незавѣрнихъ* 136; *бесловесно* 254; *похѣсень* "удобный, подходящий" 39; *бѣнѣсними* 69, 70; *.М.ноѣ* 87 (= *четиредесатноѣ*); *прозрачно* 4; *порѣчно* 78, *не-* 1426, 143, 2056, *-иѣ* 78, 1026, *-ихъ* 71, *-а* И.дв. 71, *беспорѣченъ* 276; *оурѣчно* 265; *нешѣрѣчна* 576, *нешѣрѣчнагш* 916; *вѣстѣнихъ* 1586; *обычно* 198. Сюда же примыкают слова: *самовластно* 246, 78 (не- 144), *-ою* 248, *-омь* 78, *ненавистно* 456. К этой же группе следует отнести *равномѣшно|му* 199. Упрощ.: *во особѣ* 2446, *блгорѣдень* 3046, *непреложнъ|* 203, *покорень* 246; вероятно, также *равномощнъ* 2036.

Формально а.п. а (гр. 1) или с, по косвенным данным а.п. а: *безбѣдно* 243 *обидно* 586, *вѣдно* 836, 906, 92

(вгшдѣ|но 83б), неоскудно 37, нерасудно 19, израдно 178б, 179; прилѣжно 174, 269, неподвижно 177, мнѣгообразно 166, бездѣлно 7б, обилно 93б, оусилно 27, недомыслно 43б, разумно 19б, не- 203, взбраньно 77б, бещеленно "бещеленно, нерасчлененно" 31б, непремѣнно 204б, несоблзнь|но 170, бескверньо| 6; нескверньо 170б, напрасно 23б, 61б, 129, 193, не- 101, различно 197, неразлучно 222. Сюда же примыкают напастно 51б, извѣстно 112б bis, 219 кин.

А.п. с: оружныѣ 257б. Колебание между а.п. с и а можно предполагать в случаях: побѣдныѣ 34б, но непобѣднок 34б; бещестныѣ 193, но бещестнок 194, 195 bis. В случае беспомощень Р.мн. 5 акцентуация неясна; не исключена а.п. с.

В паре полуныщно|ѣ 35, полунощныи Р.ед. 35б второе написание скорее всего упрощенное (ср. ныщному, § 56, 60). Написание поприземно|ѣ 32 ненадежно.

§ 59. Как показывает материал, ударение производных с суффиксом -н- в основном подчиняется в Мериле формуле "а^а, а^б, сс". Характерные примеры а^а: вѣрно, -ок, желѣзнокѣ, захоньно, -окѣ, книжному, прихшденъ, рабшт-нокѣ, -ень, сбвр-но, -ень, славному; истиньно, -шѣ, лѣствичныѣ, мѣсачныѣ, праведно, -шѣ. Характерные примеры сс: былному, брачныѣ, вередныго, вѣчныѣ, должьному, земныѣ, мирныѣ, संबодьному, сладостьному, страшному, чстныѣ. Эти две группы вполне соответствуют данным Чуд.

Особый интерес представляют производные от слов а.п. б. В Чуд. здесь две модели: а^б и б^б. Модель б^б характерна для производных с односложной (в косвенных формах) основой: бѣднѣ 73а, волнѣ 85г, к грѣшнѣу 37в, грѣшнѣи 101г и др., кра|снѣ 147в, краснѣи 13а, -ѣ И.мн. 104в, в рѣднѣ одѣжи 81в, хоулнѣ Р.ед. 92в, также существ. в ножнѣи 50г; сюда же нужно отнести несколько производных от основ с неизвестной акцентуацией - клоснѣу "увечному" 21б, неклоснѣ Р.ед. 84а, празнѣи 137в и др., -оу Д.ед. 116а, 127в (но также празнѣи 137в), равѣнѣ 66б, равнѣ 24б, -ѣ 38б, -ѣ бо 38в, -ѣ В.ед. 43в, В.мн. 29в (но также равѣна И.мн. 24б). Модель а^б выступает у прилагательных с несдносложной основой (например, живѣтноу Д.ед. 151б, 151в, сребрени 139б).

В Мериле положение иное. Модель б^б представлена только двумя примерами: краснѣи и разнѣи. Во всех прочих случаях находим модель а^б: вшлно, ключно, трудно, хулно, татебно; сюда же равно, праздно|. При этом пример равно, ровень указывает на подгруппу 1*. По-видимому, Мерило еще весьма близко к реконструируемому В.А. Дыбо состоянию с акцентовой типа *grěšьno, *grěšьno (Дыбо 1968, с. 155, 212). Процесс замены *grěšьno на *grěšьno в Мериле едва начался, тогда как в Чуд. в сфере односложных основ он уже почти завершился (остались лишь реликты типа празнѣи, равѣна).

В членных формах модели а^б и б^б совпадают, поэтому здесь нет никаких расхождений: ср. например, бѣдному, вшлнокѣ, живѣтнаи, кнѣнокѣ, крѣстнокѣ, столпнокѣ, соуднокѣ, хулнокѣ и Чуд. вѣннаго 156в (от "вино"), грѣшному 37а, живѣтнѣи, -окѣ и др. (часто), непразднѣи 26г, сапѣжноу 41в, соуднѣи 87а, 87в и т.п.

Отметим, что *e* из **v*, прояснившегося в слабой позиции после группы согласных, остается безударным: *ωгеннѣжѣ*, *кѣственнѣжѣ*, *бѣ|ственнѣжѣ*, *ржѣственнѣжѣ*, ср. Чуд. *мѣртвенному* 1156, *срѣбрѣн-аѣ* И.мн. 72в, *-имѣ* 153а.

И в Мериле, и в Чуд. отчетливо противопоставлены по ударению: 1) *праведнѣжѣ*, *-жѣ*, ср. Чуд. *праведно*, *-а*, *-ий* и др. – ударение на корне; 2) *полезно*, *-оѣ*, *лѣчебноѣжѣ*, *молебному*, *татебно*, *-оѣ*, *наимноѣжѣ*, ср. Чуд. *полѣзно*, *-а*, *-и*, *-оѣ*, *-имѣ* и др., *служѣбн-аѣ*, *-ий*, *-ийѣ* (также *молебни^к* 93б, *наимни^к* 46г) – ударение на беглой гласной. Между тем, исходные слова разделены по ударению иначе: Чуд. *правѣда*, *-и* и др., *полза*, *-и* и др. (11^х, при единичном *полза* 164в), *служба*, *-и* и др. и, с другой стороны, *молб-оѣ* 35в, *-ий* В.мн. 136в, *татѣ* И.мн. 9в, *ω^т татѣ|бѣ* 153а. Эти факты позволяют предположить, что здесь представлено три акцентных типа исходных слов, а именно, наряду с обычной а.п. *a* ("правда") и а.п. *b* ("татѣба") здесь выступает подгруппа 1* ("служба", "польза")⁵⁹, т.е. слова с первоначальным ударением на **v*, которое и сохранилось в производных *служѣбниѣжѣ*, *полѣзниѣжѣ*. По крайней мере для слова "служба" такая акцентная реконструкция полностью согласуется с теоретическими положениями (Дыбо 1968), ср. а.п. *b* у слов *слуга*, *служити*.

Таким образом, основную формулу "*a^a*, *a^b*, *c^c*", действующую у производных с *-н-*, следует дополнить указанием о том, что производные от слов подгруппы 1* имеют то же место ударения, что производные от слов а.п. *b*. Этот же самый механизм дает равенство (ударение на *-ве-*) при равны, *ровенѣжѣ*, ср. *раздѣньство* при *разнѣжѣ* (§ 30).

Основная формула верна также для производных с *-ов-н-*. Она создает здесь наглядное тройное противопоставление: *a^a* – *адовниѣжѣ*; *a^b* – *грѣхѣвниѣжѣ*; *c^c* – *дневниѣжѣ*, *домовниѣжѣ*, *даровнаго* (о случаях *a^c* см. ниже).

Производные от основ, состоящих из приставки и корня, и от сложных слов (§ 58) в Мериле, как и во всех других памятниках, почти всегда относятся к а.п. *a*, независимо от акцентных свойств корневой морфемы. Представляют особый интерес как раз те немногие случаи, где акцентуация иная (по-видимому, архаизмы): *оружниѣжѣ* (в Чуд. уже *орѣужнѣжѣ* М.ед.муж. 124г), *бещестниѣжѣ*, наряду с *бещестноѣжѣ* (в Чуд. *бещѣстна* В.ед. 22в, *-и* 109г), возможно, также *беспомощенѣжѣ* Р.мн. Написание *побѣдниѣжѣ*, наряду с *непобѣдноѣжѣ*, заставляет предположить, что слово "победа" по крайней мере допускало а.п. *c* (ср. Фер. *побѣдоу* 527; относительно Чуд. *побѣдѣжѣ* см. § 36, замеч.).

Аналогичный архаизм с суффиксом *-ск-*: *бѣлогородѣжѣжѣжѣ* (в отличие от а.п. *a* в *новгородѣжѣжѣжѣжѣ*), см. § 61.

§ 60. В нарушении формулы "*a^a*, *a^b*, *c^c*", в Мериле иногда выступает (по крайней мере в членных формах, ср. § 49) *a^c* вместо *c^c*: а) *нѣскоѣжѣ*, *телесноѣжѣ*, *дѣвноѣжѣ*, *дѣшевноѣжѣ*, *санивною*; б) *рвднѣжѣ*, *нщѣвному* (прочие примеры менее ясны).

⁵⁹ Слово "мольба", вероятно, относилось сюда же (ср. *молити*, а.п. *b*), но в Чуд. уже изменило акцентовку.

В Чуд. для этих слов находим *телѣсн-иѣ* Т.ед. 27г, *-иѣ* В.мн. 53в, *-ѣ* 131а (с тем же ударением, что в Мерило) и *нощнѣю* 26г (с двумя ударениями). Другие аналогичные случаи в Чуд.: *словѣс-еню* 71г, *-ноѣ* 84б; колебания в членных формах *вѣчн-аго*, *-бму*, *-уѣ* и др. — *вѣчн-аѣ*, *-уѣ*, *-ѣѣ*; *мирн-аго*, *-аѣ* — *мирн-иѣ*, *-ѣѣ*; *немощнѣѣ* В.мн. 32в — *немощнѣѣ* 28б; *свободнѣѣ* Р.ед. 123в, 123г bis, *о свободнѣѣ* 121г — *свободнѣѣ* Р.ед. 123в. Мы имеем здесь дело с рано начавшейся (и впоследствии далеко зашедшей) акцентной перестройкой прилагательных а.п. с, причины и механизм которой пока что недостаточно ясны. Исторический ход этой перестройки изучен очень слабо; известно, однако, что, по крайней мере у прилагательных с суффиксом *-н-*, этот процесс шел гораздо интенсивнее в южновеликорусской (а также украинской и белорусской) зоне, чем в северновеликорусской.

Суффикс *-ск-*

§ 61. А.п. а (гр. 1): *вавилнѣнѣска* Р.ед. 18; *женѣско* 124б, *-ому* 199; *крѣстѣнѣско* 169, *-оѣ* 5б, *-ою* 82б, *крѣстѣнѣскому* 207б.

Формально а.п. а (гр. 1) или *ь⁶⁰*, по косвенным данным а.п. а: производные от исконных слов — *блудничѣскоѣ* 197, *новгородѣско²* 110б кин., *перѣславѣскоѣ* 338, *прѣрѣчѣскому* 165б (= *прѣрѣчѣскому*), *сельскому⁶¹* 95, *скѣтѣскоѣ* 72, *члѣчѣ|скому* 200б, *члѣчѣск-оѣ* 142б, 204, *-ому* 31, 143, *оубииск-оѣ* 108; производные от заимствованных имен нарицательных — *крѣтичѣскоѣ* 107б, *ипѣрѣмѣскоѣ* 201, *митрополискому* 147б, *митрополиѣскоѣ* 96б bis, *митрополиѣск-иѣ* 98, *-аѣ* 132, *мишѣск-оѣ* 139, 144, 161б, 162, 163, *-о|ѣ* 163б, *-ому* 165, 254б, *монастирѣскоѣ* 161б (*монастирѣскоѣ* 140), *црѣск-оѣ* 203, 207, *-ому* 93б; производные от заимствованных имен собственных — *александрѣскому* 95, *иерусалимско²* 346б кин., *мелетинѣскому* 109б кин., *никомидиѣскому* 226 кин., *памфилискому* 225б кин., *римѣско|му* 56б кин., *халкидонѣскаго* 230 кин. По-видимому, сюда же нужно отнести *очѣскиѣ* 173б (= *отечѣскиѣ*).

А.п. а (гр. 2): *апѣск-ѣѣ* 83б кин., 84 кин., 93 кин., *-ѣму* 107 (= *апѣстольск-ѣѣ*, *-ѣму*), *вѣинѣск-аѣ* 143, *-иѣ* 161б, *-иѣ* 140, *ѣуангѣлѣскѣму* 165б, *пѣстничѣскѣму* 162б, *разѣвиниѣчѣ-скиѣ* 29, *-ствѣ* М.ед. 50, *-скому* 108 (*ско* — упрощ.). *тѣсѣчѣскоѣ* 338 bis (наряду с *тѣсѣчѣскоѣ* 338, см. § 47). Возможно, сюда же *оуношѣски* 65. Упрощ.: *апѣскому* 61. Написание *ѣуангѣлѣ|скому* 106б — либо упрощенное, либо отражает вариант с ударением на *-гѣлѣ-* (ср. в Чуд. *ѣвѣнгѣлѣ* и др. 3х и *ѣвѣнгѣлѣ* 25г).

А.п. с: *городѣск-иѣ* И.ед. 69б, *-аѣ* И.ед. 24б, *-а²* 231 кин., *городѣскиѣ* 331б, также *бѣлогородѣскѣ* 338 (см. § 59); *градѣск-ѣѣ* 147, *-ѣму* 76б, 154, 156б, 157 (*гра⁰-скѣму* 160б); *по гѣбѣскѣму* "по господскому" 346б, *гѣбѣскѣму*

⁶⁰ Формальной возможностью а.п. а (гр. 3) мы здесь пренебрегаем.

⁶¹ Получено выскабливанием *ен* в *селенѣскому*.

1136; *людьск-ше* 17, 136₂, 137 bis, 1476, 242, 2556 (*люд-скше* 88, 171), *-шму* 127, 1276, 162, 242 (*людскшму* 175); *мирьскше* 164 bis, 348; *мужьск-шму* 144, *-шѣ* Р.ед. 2306. Сюда же *полотвский* И.ед. 64 (ср. *полоцкби* Космогр. 39). Упрощ.: *людскою* 1656.

Более сложные случаи. Написания *властельскш нзиса* 57, *властельскшю* 88 (также менее показательное *властельскши* Д.ед. 62) формально соответствуют либо а.п. *а* (гр. 2), либо акц. кривой *с₂*. Гораздо вероятнее второе, поскольку для слова *властель* нужно предполагать а.п. *с*, а не *а*, гр. 2 (ср. современное ударение *властелѣн* и представленный в Мериле полногласный вариант *волостель*, а не **волшстель*; см. также § 26). Вполне возможно, впрочем, что здесь представлено всего лишь единичное отклонение от *с₁* в сторону *с₂*, а не постоянная акцентовка; ср. другие примеры *с₂* у собственно прилагательных (§ 49).

Если написания *дѣтському* 340 и *варварьскою* 1146 не упрощенные, они отражают ударение на последнем слоге основы. Слово "детский" примыкает в этом случае к § 60. Написание *бѣсовскоѣ* Р.ед. 3446 – явно упрощенное, но неизвестно, какое полное написание оно заменяет. Написание *киевьскш* Р.ед. 338 неясно; предполагать здесь стяжение окончания **-оно* или **-оно* рискованно, так как возможна простая описка.

Суффиксы *-ов-* и *-ан-*

§ 62. А.п. *а* (гр. 1): *олгшва мужа* "Олегова человека" 338, *в дому пошвѣ* 706, *о пошвѣ степени* 706, сюда же *хшво* 1, 8, 1766, *хшвою* 3466 (по-видимому, = *христшво*, *-ою*). Опростившееся "готовый" см. в § 50.

Вероятно, к а.п. *а* (гр. 1) относились также: *кродшво* 32, *радиншвѣ* 2216, *-а* Р.ед. 2206, *-оу* В.ед. 2216, *склиршвѣ* 2216 – притяжательные от **кродъ* "цапля" (греч. ἐρωδύς) и имен собственных *радинъ* ('Ραδηνός), *склиръ* (Σκληρός); сюда же *кошевы* 3346. Написание *склирову* В.ед. 2216, по-видимому, упрощенное.

По косвенным данным а.п. *а* (гр. 2): *адовѣ* И.ед. 22, *на берестовѣмъ* "в Берестове" 338 (ср. *на берѣстовѣмъ* Фер. 984), *неисто|въ* 2616, *неистово|* 271 (также *аки нестова пса* 636); притяжательные от имен собственных – *дионисовѣ* 3476, *-о* 3476, *-а* Р.ед. 348, *-и* В.мн. 3476, *иоустиньно-ва* И.ед. 1126, 2276, *костянтинова* И.ед. 226, *-у* В.ед. 226, *лештовѣ* 131, *навлова* Р.ед. 230, *сиражово* 186 кин., 1676, *фешдоритово* 456 кин. Относительно написаний с *-во* см. Противоп., § 18 (сверх уже указанных отметим *василькѣво* 70 кин., *ишво* 26).

А.п. *с*: *таково* 546, 576 (*во|*), 856, 153, 205, 2416, 251, 263, *таков-ше* (32х: 57, 596, 816, 87 и др.)⁶², *-шму* (13х: 516, 616, 132 и др.), *-шю* 1606 bis, 243, *-ши* Д.ед.

⁶² Кроме того, *такшвше* 426, 179 (см. § 4).

261, м.ед. 118, 156, 158, 252, -шмь 154, 159, прочие словоформы с основой *таков-* – более 200 раз. Упрощ.: *таков-ок* 106, *-ому* 106, 193б. К а.п. с относится также *воцанню* 197б (единственное акцентно значимое написание с суффиксом *-ан-*, *-ан-*).

Регулярное написание *таково* указывает на акц. кривую s_1 (ср. след такой акцентуации в *тáковд* Фер. 822). Однако в И.ед. муж. в Мерило встретилось только *такшевь* 223, соответствующее акц. кривой s_2 (которая впоследствии становится здесь нормой, ср. современное *такóв, таковó, таковóй*). В Чуд. уже только s_2 : *таковá* В.ед. 145в, -й 23б, -й 120а, ср. также *каковд* 23а, -á И.ед. 30в. Таким образом, в Мерило здесь представлено архаичное состояние, а единичное *такшевь* – это симптом последующего изменения.

А.п. а (гр. 2) или с: *сицев-шж* 252, -шму 207б; *саковшм* 16б.

Суффикс -к-

§ 63. А.п. с: *бриткшж* 62; *сладко* 8, 16, 20, *сладкшж* 16, 44б bis.

К а.п. с, по-видимому, относятся также "кроткий" и "горький". Написание *кротко* 30б, 31 исключает а.п. в; *кротковъ* 29, 145 исключает а.п. а (кроме подгруппы 1*); прочие словоформы (*кρο|тку* Д.ед. 58, *кρотк-им* 14, -ишъ 22, -имъ 68, *кρο|ткагш* 48, *кротки|хъ* 65) непоказательны. Косвенно на а.п. с указывают *кротость* и *оукротить*; ср. также показания Апостола 1564 (§ 48). У слова "горький" на а.п. с прямо указывает *гшркшж* 16, 44б bis; однако *гшрекъ* И.ед. 9б, 58 формально соответствует а.п. а; *гшрко* 16, 28б, 57б соответствует а.п. с или а. Можно предполагать, что в этом слове произошло аналогичное обобщение корневого /δ/ по всей парадигме; для энклиномена **горекъ* это должно было сопровождаться переводом его в разряд ортотонических словоформ (поскольку в открытых слогах энклиноменов /δ/ было невозможно). Словоформы *гшрци* 57, *гшрк-агш* 173б, -ам 67б непоказательны; относительно двусмысленного написания *гшркогш* 58б см. Противоп., сноска 37. В рукописях, изученных Васильевым, "кроткий" и "горький" всегда имеют /з/ (аналогически даже в членных формах), что указывает на исходную а.п. с (Васильев, с. 46).

У слов "крепкий" и "тяжкий" (в Чуд. оба относятся к а.п. с) представлены следующие словоформы: *крѣпко* 25б, 345, *крѣпкомъ* Д.мн. 207б, *крѣпкою* 168; *тажко* 37б, 181б, 202б (*тажко* 114), *тажкож* 248б. Либо написание *крѣпкою* и *тажкож* упрощенные, либо членные формы этих прилагательных уже получили в Мерило наосновное ударение, характерное для позднейших памятников и современного языка.

Формально а.п. а или с: *жестко* 21б, 30б, *мѣлко* 35б, *мерзко* 167б.

§ 64. Суффиксы *-ск-*, *-ов-*, *-ан-* и *-к-* подчиняются в Мерило, как и суффикс *-н-*, формуле "аа, аб, сс" (ср. Дыбо 1968). Характерные примеры: *аа* – *прорчкому, члещкою, аплсшж, тысячьскшго, адовъ, павлова* и многие др.; *аб* –

блудничьскою, женьско, -ою, монастырьскою, сельскому, скытскою, шлгшва, попшвѣ; с^с - городьскій, людьскыѣ, мирьскыѣ, мужьскыму, таково, -шѣ, воцанью, сладкыѣ. Как и при суффиксе -н-, здесь возможна замена на а^с (по крайней мере в членных формах). Такую замену можно предполагать в *дѣтскому, крѣпкою, тажкою*; ср. § 60.

Прочие суффиксы

§ 65. Суффикс -j- (-ij-). А.п. а (гр. 1): *ворынькѣ* 69, 70, *коршвикѣ* 336, *по хлшпшчи рѣчи* 340 (о хш- см. §4). Ср. также *кобыльа* 586. Особый случай составляет *бжшии* И.ед. 1266 [Б] (ожидалось бы **бжшии*, см. Дыбо 1968, с. 190); ср. § 92.

Суффикс -н'- . А.п. а (гр. 1): *штень* "отцовский" И.ед. 3416 (корневое ударение, по-видимому, сменило здесь более раннюю акцентовку **отблн*), ср. *штень* 1906, где ш несвободное; *верхшвн-ии* И.ед. 566, 81, -*агш* 166, -*имь* 110; *окшлнам* Р.ед. жен. 148; *осшбн-ии* И.ед. 252, -*агш* 2616; по косвенным данным сюда же относятся: *конечн-ек* 74, 89, 93, 136, 1376, 1866, -*агш* 1706, 171, 335 (*кшнечнеч* 260 - возможно, описка); *домачнам* И.мн. сред. 32, *домашн-ии* И.ед. 396, -*ам* И.мн. сред. 796 bis, -*ихъ* 796, -*имь* 3386. Написание *сшвнень* 1906 - скорее упрощенное, чем свидетельствующее о безударности -*Ое-*.

Суффикс -ик-. А.п. а (гр. 1): *велико* (7х: 3, 76, 216 и др.), -*ок* 53, 1966, -*ому* (5х: 2, 5, 56 и др.), -*ою* (5х: 18, 276, 526 и др.). По косвенным данным сюда же нужно отнести *кшико* (43х: 196, 55, 65, 966 и др., также *кшикождо* 876).

Особый случай составляют *тшлико* (11х: 44, 586, 64 и др.) и *кшлико* 586, 332, 3356, 340, 341: судя по ш в начальном слого и о в конечном, за этими написаниями стоит двусложное произношение (ср. нынешние *только, сколько*). Это подтверждается написанием *тшлико* 100. Такая же основа в *тшлика, -у, -и, тшли-цѣ, -цѣм же* (7х), *кшлика* 33. Написания *толи-ко* 100, 1846 (*то|*), 244, -*ко ж* 169, -*цѣ* 117, *колики* 65, вероятно, отражают более старый вариант с основой *толик-*, *колик-* (в Чуд. только такое ударение). Написание *кшликш* 2626, может быть, отражает переходный вариант (трехсложный начальнoударный). См. также Противоп., § 23.

Суффикс -ок-. Ударение на суффиксе отражают: *инкш* "одинок" 326, *висшк-ии* И.ед. 26, -*ихъ* 86, 133, -*имь* 209 [Б], *висшкш* 446 и, что особенно интересно, *висшкш гора* 35. Прочие примеры: *высоко имѣти* 616 (вероятно, упрощ.), *широка* 13 (И.ед. или И.мн. - текст искажен).

Суффикс -ин-. Явно а.п. а (гр. 2): *шудинш* 41. Прочие примеры малопоказательны: *гостини кунш* 3386, *сиротинѣ* М.ед. сред. 236, -*им* 182, *сотонини* 3466; написание *судиншю* 426 допускает различные истолкования (упрощ. -*но-*; ударение на -ю; ударение на -ин-), но все они ненадежны.

Суффикс -ен-. А.п. б или акц. кривая с₂: *студенш* 3.

Суффикс -ав-. А.п. а (гр. 2): *коршставо* 7 (о конечном

о см. Противоп., § 18). По-видимому, а.п. а (гр. 1): *лукавому* 29.

Суффикс *-ив-*. А.п. а (гр. 2): *оурддиви* 406. По-видимому, а.п. а (гр. 1): *бистроскочива* И.ед. 316, *гостолоубив* 326, *лѣнливо* 586, *презоривъ* 1, *-и* 19, *пронѣривому* 34, *самолубиво* | 316, *стороживо* 32; сюда же *добропокорливо* 316 (с *-лив-*). Написание *блѣгобожниво* 154, возможно, упрощенное, ср. Чуд. *блѣгобожнѣви* 59в.

Суффикс *-ат-*. По-видимому, а.п. а (гр. 1): *бѣтому* 252 (= *богатому*), *космат-ам* 3476, *-ихъ* 3476, *мужатю* 128, 194, также *виноватъ*, *-и* и т.д. (21, 606 *bis* и др.).

Суффикс *-ит-*. А.п. а (гр. 2): *нарѣчитъ* Р.мн. 126, *-ѣ* 196, *-и* 896. По-видимому, а.п. а (гр. 1): *ѣдо* | *витагѡ* 336, *имовитъ* 191, *не-* 191, 1936, *сановитым* | 179.

МЕСТОИМЕННОЕ СКЛОНЕНИЕ

§ 66. Границы между словами местоименного и адъективно-го склонений не вполне строгие. В настоящий раздел отнесены слова, у которых характерные местоименные окончания — прежде всего Р.ед. *-ого*, *-оѣ* (*-ома*), М.ед. *-омъ*, *-ои* — выступают в Мериле достаточно регулярно (а не изредка, как у обычных прилагательных). Эти слова делятся на основную группу, где в И.падеже адъективные окончания (*-ома*, *-и*, *-ама*, *-ии*, *-иѣ* и т.д.) невозможны, и смешанную⁶³ группу, где такие окончания возможны.

Единственное окончание местоименного склонения, позволяющее различить разные акцентные группы, — *-о*. Словоформы с этим окончанием сведены в таблицу:

Т а б л и ц а 11

А.п.	а		b	с
	группа 1	группа 2		
-о	ино, нѣкто, нѣчто, всако, кдинако	инакѡ, нѣкакѡ	онѡ, одинѡ, ѣдинѡ	то, кто, что, ово, тако, ка- ко, ѡко, само

Прочие местоименные окончания с *о* имеют единый графический облик в а.п. а (гр. 1), *b* и *с* (для а.п. а, гр. 2 здесь нет материала), а именно: *-огѡ*, *-ому*, *-оѣ* (*-ома*), *-ою*, *-шмъ*, *-и*. Примеры: *всакогѡ*, *оногѡ*, *самогѡ*; *вса-кшмъ*, *оншмъ*, *самшмъ*.

§ 67. Акцентные кривые. В а.п. а ударение, как обычно, неподвижно. Написания *всакшмъ*, *всакши*, *нѣкши* (с несвободным *ш*, § 2), по-видимому, не означают сдвига ударения на окончании: ср. *котуршмъ* (§ 50), а также *кшкмъ*, *кшкш*, указывающие на корневое ударение.

⁶³ Имеется в виду смешение с адъективным склонением.

Для а.п. *b* и *c* доступные наблюдению факты таковы. Форма на *-o* в а.п. *b* конечноударна, в а.п. *c* – энклиномен. В словоформах с окончаниями *-огш*, *-ому*, *-оѣ* (*-ома*), *-ою* ударение в обеих этих а.п. падает на конечный слог, что следует из таких написаний, как *тогш*, *тому*, *тоѣ*, *тою*, *овому* (а.п. *c*) и *оногш*, *оному*, *оном* (а.п. *b*). Этот факт, полностью подтверждаемый материалом Чуд., означает, что в местоименном склонении а.п. *b* очень рано утратила первоначальную акцентовку типа **-ôgo*, **-ômi*, **-ôjě* заменив ее акцентовой, заимствованной из а.п. *c*. Для прочих форм данные Мерила менее показательны.

В то же время в Мерила имеются первые симптомы новой смены ударения в двусложных окончаниях, а именно, под влиянием адъективного склонения появляется *-шго* (или *-шгш*) вместо *-огш*, *-шму* вместо *-ому* и т.д. Естественно, такие случаи относятся в основном к смешанной группе (поскольку она теснее связана с адъективным склонением): *какшму* (3×), *какшю* (2×); также *иншго*, *иншгш* (3×), *иншму* (4×) (с переходом из а.п. *a* в а.п. *c*); ср. *какому* (3×), *такому*, *иногш* (49×), *иному* (10×). Заметим, что для приведенных слов эти новые ударения впоследствии стали в русском языке нормой.

Гораздо реже такие случаи встречаются в основной группе: *тшгш* 146б (при *тогш* 198×), *кшму* 342б (при *кому* 27×) и несколько раз у отрицательных местоимений – *ни шт кшго же* (2×), *никшму же* (2×), *нигдеиншгш же* (ср. *никогш же* 3×, *ни шт когш же*, *никому же* 6×, *нигдеиногш же* 8×, также *когш* 31×, *гдеиногш* 29×). Ср. в Чуд. *то́го* 80б, *то́моу* 95а, *нико́гож* 51а (при обычных *тогд*, *томоу* и т.д.). Ударения типа *то́го*, *то́му*, *ко́го*, *ко́му* и в особенности *нико́го*, *нико́му* (хотя бы в качестве варианта к *тогд*, *тому*, *когд*, *кому*, *никогд*, *никогд*, *никому*) характерны для юго-западных великорусских и для белорусских говоров и в особенности для украинского языка. Таким образом, данная акцентная особенность связывает Мерило (равно как и Чуд.) с юго-западной половиной восточнославянской области; см. также Новые данные, § 14.

Разбор материала

Основная группа

§ 68. Начнем с а.п. *b* и *c*, которые в местоименном склонении являются основными.

А.п. *b*. "Он(ый)": *онш* 117б, 244, *онш же* 145б, *оногш* (7×: 74, 105, 116 и др.), *оному* (14×: 22б, 70б, 109 и др.), *оном* 113б, *оншмь* 64, 243, *онши* 70б, *шнъ*, *шн(в) же*, *шн бш* (41×), прочие словоформы – *она*, *они*, *они*, *онѣхъ*, *онѣмь*, *онѣма* (более 20×). В Чуд. такая же акцентуация (*онод*, *оноб же*, *оногд* и т.д.).

"Один" ("един"). Без отрицания – *одинш* 23, 28, 340б, *-огш* 7, 103б, 122б, *-ому* 125, *-оѣ* 342, *-ою* 4б, 117; также *одинъ*, *-а*, *-у*, *-ѣмь* (12×: 4б, 27б, 341 и др.); *гдеинш* (29×: 3, 4 bis, 36б, 45б и др.), *-огш* (29×), *-ому* (24×),

-оа (6х), -ою (13х), -шмь 115б, 134б, 152, -ши (6х: 85, 96, 272 и др.). С отрицанием - ни~~к~~дин-огш 241б, -ому 143б, 163, ни *в*т ~~к~~диншмь 144; ни~~к~~дин-ш же 104, -огш же (8х: 54, 58б и др., однако -шгш же 159, см. § 67), -ому же (8х, также ни по ~~к~~диному же 149б), -оа же (6х: 160, 164 и др.), -ши же 157б, 267, ни *в*т ~~к~~диншмь же 79, 79б. Упрощ.: ~~к~~дино 115б, 270 (также для несвободных *О* - оди~~н~~-смь 344б, -ои Р.ед. 224, ~~к~~диной 274б). В Чуд., где встречается только ~~к~~дин- (но не один-), необычная акцентная кривая: ~~к~~динъ, ~~к~~дича, -д, -оу в И. и В. падежах, но ~~к~~дин-ого, -ому, -оа и т.д. в прочих (по-видимому, под влиянием а.п. *в* адъективного склонения). Написания Мерила не исключают этой кривой. Не исключено также, что эта особая кривая была свойственна литературному ~~к~~динъ, но не народному одинъ.

Формально а.п. *в* или *с*, по косвенным данным а.п. *в*⁶⁴: "свой", "твой", "мой". Словоформы с *о*: *свож*, *своа*, *свою*, *сво-кжш* (также -*кжш*), -*кму*, -*кб* (-*кма*), -*кю*, -*ки*, -*кюмь*, -*имь*, -*имь*, -*ихъ* (около 600х), аналогично *твож*, *твоа* и т.д. (113х), *мож*, *моа* и т.д. (75х). Словоформы с *ш*: 1) И.В.ед. муж. *сви* (35х), *тви* (22х), *мви* (24х) с *ш*, выступающим в силу заведомой односложности; 2) И.мн. (также В.мн.) муж., И.В.дв.жен. и сред. *сви* (3х), *тви* (12х), *мви* (3х), также *свиими* (5х), *свиима* (3х), *твиима* (1х); здесь *ш* выступает в силу диалектной особенности Мерила, состоящей в том, что *и* в этих словоформах стало неслоговым (см. Противоп., § 22).

§ 69. А.п. *с*. "Овый": *ово* 30б bis, 78б bis, 136₂б bis, 142б bis, 157 bis, 260 (в т.ч. *ово* же 4х), *овому* 4б bis, 151б, 154, 212 bis, *швъ* 3б, прочие словоформы - *ова*, *ову*, *ови*, *ови*, *овъмь* и др.⁶⁵ (26х). "Тот" (сюда же включено "тот же"): *то* (более 250х, в т.ч. часто *то же*; отметим *про то* 338б, *за то* 62б, *на то* 176б bis, 182), *тогш* (198х, также *тшгш* 146б, см. § 67), *тому* (71х), *тоб* Р.ед. 127, 129, 220б, В.ед. 124, *тоа* (29х), *тою* Т.ед. (5х: 149б, 161 и др.), Р.М.дв. (12х: 22б, 224 [7х] и др.); непоказательны *тшмь*, *тшм же* (74х, в основном в сочетании по *тшмь*), *тши* (6х) и И.ед. *тштъ* (2х; *ш* "незаконное"). "Кто", "что": *кто* (236х, в т.ч. многократно *кто ли*), *когш* (31х), *кому* (27х, также *кшму* 342б, см. § 67), *кшмь* 80, 272; *что* (136х, в т.ч. многократно *что ли*, *пш что* 19, 61, 344б, 345, *о что* 3), *чегш* 33б, 345б; также с -*ждо*: *когшждо* 74б, 187, *комуждо* (8х: 42, 43б, 50б и др.), *в кшмьждо* 161б⁶⁶. Чуд., как и Мерило, указывает на то, что словоформы *то*, *кто*, *что* - энклитомены (см. Дыбо 1975). Слово "овый", по-видимому, в Чуд. частично акцентно уподобилось слову

⁶⁴ В частности, на а.п. *в* указывают производные *свиштво*, *свишть*, *оусвишть*.

⁶⁵ В т.ч. адъективное *ови* 21б и субстантивное *овомь* Д.мн. 62.

⁶⁶ Упрощенные написания для несвободных *ш* (*того*, *томь*, *кого*) э приводятся.

"он(ый)"; старое состояние еще видно, например, в *оѣ же* 126, *оѣи оуб* 45а.

Отрицательные местоимения "никто", "ничто" обнаруживают замечательную особенность: присоединение частицы *же* превращает здесь энклиномен в оротоническую словоформу с ударением на *-то-*; ср. *никто* 38, 69, 2536, *ничто* 121, 267 – *никто же* (27х: 46, 236, 366, 37 и др.), *ничто же* (64х: 26 bis, 46, 86, 9, 10 и др.), *ни во что же* 199. Упрощ.: *никто же* 3466, *ничто же* 576, 2746, 347, *ни во что же* 2596. Из прочих словоформ укажем: *никогъ* 46, 2236, *ни на когъ* 796, *ничегъ* 5326, *никогъ же* 396, 416, 946, *ни шт когъ же* 1396 (однако *ни шт кшго же* 43, 159, см. § 67), *ничегъ же* 316, *никому же* (6х: 43, 88 и др., однако *никшму же* 436, 159).

Ударение *никто́ же*, *ничто́ же* хорошо известно из Чуд. и всех позднейших памятников; ср. также *ничто́ же* в XVI в. (Васильев, с. 128). Это ударение было перенесено и в словоформы без *же*: позднее уже только *никто́*, *ничто́*. Таким образом, свидетельство Мерила о том, что *никто* и *ничто* – энклиномены, имеет уникальную ценность. Заметим, что исторически новая акцентовка *по что́*, *за что́* и т.п. (Васильев, там же) так же относится к более архаичной *по́ что*, *за́ что*, как новые *никто́*, *ничто́* к *никто*, *ничто* в Мерилах.

Ударение **nikvtó že*, **ničvtó že* выступает вместо **nikvto žé*, **ničvto žé*, ожидаемого по общим правилам для энклиноменов. По-видимому, это один из ранних случаев той оттяжки ударения с энклитик, которая представлена, в частности, в **rodiló se*, *-i se* и т.п. (вместо **rodilo sé*, *-i sé*); см. Дыбо 1971, с. 94 о двух вариантах отражения закона Васильева-Долобо в сочетаниях с энклитиками.

Формально а.п. с или *ь*, по косвенным данным а.п. с: *двою* Р.М. (13х: 396, 526, 716 и др.); *оба* (13х: 39, 40, 41 и др.), *обѣ* 346, 202, 242, *обѣма* (7х: 1156, 137 и др.), *обою* Р.М. (11х: 109, 1206, 168 и др.); основы с элементом *-ој-* – *двож* 816, 195, 3046, *двоимъ* Т.ед. "дво-яким" 66; *трож* 2246, 2436, 3426, *трожъ* "троякого" 276; *обок* (8х: 7, 44, 86, 1136 и др.), *обокъ* 1656, *обоюму* 1956, *обои* И.мн. 1006, 1156, *обом части* И.мн. 1156.

§ 70. К а.п. а следует отнести местоимение "кой"; однако его акцентуация, по-видимому, была неустойчивой. Большинство написаний свидетельствуют о корневом ударении: *кшкѣ* 35, 72, 116, 1266, 1586, 159, *кшкѣш* (18х: 35, 48, 64 bis и др.), *кшкѣму* 162, 1856, *кшкѣѣ* 214 [Б], *кшю* В.ед. 1646, *кшимъ* Т.ед. 1926, *кшкѣмъ* (5х: 133, 150 и др., в *кшкѣм же* 347), *по кшкѣи* 2266, также *нишкѣжъ же* 1076, *ни-кшкѣму же* 336, 259, *кшкѣждо* (5х: 456, 244 и др.), *кшкѣжждо* (8х: 45, 75, 93 и др.), *кшкѣмуждо* 1436, *кшкѣждо* 916, 946, 97, *кшкѣмъждо* 446, 1776, в *кшкѣждо* 926 bis (написание *кшкѣ-до* [11х] малопоказательно). С другой стороны, имеются написания с *о*, которых слишком много (21 *о* против 59 *ш*), чтобы они могли быть все упрощенными: *кошкѣму* 133, *кошкѣма* 133, 140, *кошкѣмъ* 73, 89, *никошкѣму* 1056, *никошкѣма* 134, *ни-*

кою 91б, нико|жеш же 255, никоюму же 347, никоѣ же 42, 43, никоюма же 126, 133 (ко|), 239б, коужешдо 165б, кою-муждо 136₂б, коуждо 90б, 91б, 96б (ко|), коужьдо 85. По крайней мере часть этих написаний отражает ударение на флексии (по образцу "свой"). Колебание ударения у слова "кой" наблюдается также во многих памятниках XVI-XVII вв.

Местоимения, сложенные с нѣ-, по-видимому, имели во всех формах автономное ударение на нѣ. Материал: нѣкто (14х: 61, 82 bis, 89б, 140 и др.), нѣчто (12х: 44б, 86, 92б и др.); основа нѣк- — нѣкогш "некоего" (7х: 79б, 82, 121 и др.), нѣ шТ когш "от некоего" 229б, нѣкому "некоему" 61б, нѣкою Т.ед. 199, нѣкши Д.ед. 185; основа нѣ-кој- — нѣкою (10х: 116б, 139б, 158 и др.), нѣко-жеш (24х, также нѣкожего 111), -жму (13х), -жма 175, -жю 133, -жмь 84б, 89, 102, -жи 88б, 299. Впрочем, изредка встречаются написания с ш: на нѣкши 262б (также нѣкшижего| 101 [В], по некши 97б [В], с е вместо ѣ); они либо отражают более расчлененное произношение, при котором кшј- не полностью теряет ударение, либо возникают по чисто орфографическим причинам (сохранение привычной буквенной последовательности кшж-). О нѣкакш см. § 72.

Смешанная группа

§ 71. Колебание между а.п. а (по-видимому, основной) и с: слово "иной". Словоформы адъективного типа: по а.п. а - инож 97, 159, 240б, 255б ter, по а.п. с - иншж 117б, иншго 32, иншгш 60, 95, иншгш 34, иншму 117б, 154, 162, 258 (ср. § 67). Прочие словоформы: ино (36х: 2б, 29б bis, 74, 9б и др.), иногш (49х, в т.ч. ино|гш 4х; также иного 230), иному (10х, в т.ч. ино|му 2х), иноѣ 69б, инома (7х: 88б, 9б, 10б и др.), иною Т.ед. 141б, 228, 257 bis, М.дв. 262, иншмь (6х: 79, 105, 136б и др.), инши 44, 74, 155б; все эти словоформы могут отражать как а.п. а, так и а.п. с. В Чуд. а.п. а с небольшими колебаниями, например, иншмь и иншмь; отметим Чуд. иншмоу же 113б (и рядом иншмоу же).

А.п. с: "сам(ый)". Заведомо адъективное окончание - только в то самшж 83. Прочие словоформы: само 35, 207, самогш (7х: 3б, 60б, 74 и др., также -ого 3х), самому (9х: 84б, 202б, 334 bis и др.), самоѣ 331б, самшмь 80, 262, самши 62. В Чуд. а.п. с (однако при адъективном окончании -оѣ - только сáмоѣ 96а, 103г, 127б, ср. § 53 о слове "другой").

§ 72. Суффикс -ак-. А.п. а (гр. 1): всакож 144 (адъективная словоформа), всако (19х: 9, 12б, 13, 16 и др.), -огш (24х, также -ого 2х), -ому (10х), -ома (9х), -ою 25б, -шмь 30б, 62, 120б, 272, -ши (9х: 27, 30б, 62 и др., также -ои 72). По косвенным данным сюда же ждинако 194, ни-58б (ср. одинаку В.ед. 60б).

По косвенным данным а.п. а (гр. 2): инакш (21х: 4, 50б [6х], 78, 95 и др.); нѣкакш 133б, 143, 214б [В]. Упрощ.: инако 227.

А.п. с: *какшму* 168б, 173 bis, *какшю* 149б, 192 (адъективные словоформы); прочие словоформы – *тако*, *како*, *мако* (очень часто, многократно также *мако же*, *тако же*, *никако же*), *такогш* 25б, *такогш же* 30б, *какогш* 157б, *такому же* 192, *какому* 34 bis, 75б, *каком* 192, *никаком же* 167б, *какшмь* 83, 183б, *какши* 15б, 179.

НЕИЗМЕНЯЕМЫЕ СЛОВА

§ 73. Укажем (без подробного разбора), как пишутся в Мериле некоторые группы неизменяемых слов, содержащих *О* (об отадъективных наречиях на *-О* и *-Ѡ* см. § 46). Наречия на *-ОѠ*: *докшѠ* 14б, 32б, *ш^ткшѠ* 32б, *дотшѠ* 224, *ш^ттшѠ* (15х: 12, 32б, 42б и др.); на *-Оли*: *коли* 39, 159, *николи же* 39б, 67, 204б, *нѠколи* 52, 246б, *колиждо* 91б, 257б; также *колижди* 48б, *толижди* 313; на *-амО*: *тамо* 8, 52б, 124б, *онамо* 62, *ѡдинамо* 39, также *ѡмо* 62; на *-гда*: *когда* 153б, *овогда* 130б *тер*, 137 *тер*. Прочие наречия: *иско-ни* 2б, 4, *мнѡгдажди* 50, 177, *мнѡгидждо* 60б, *обаче* (9х: 57, 89, 100б и др.), *токмо* (77х: 6б, 7, 23б и др., также *тѡкмо* 3х). Отъемные предлоги: *кромѠ* (16х: 21, 5б, 94б и др.), *сквозѠ* 3б, 137б, *противу* (7х: 5, 7б, 53 и др., также *противо* 195б), *супротивѠ* 50 (о простых предлогах см. Противоп., § 25–27). Союзы: *оже* (20х: 72б, 80б, 332б–345б), *ожели* 335б, *доже* 197б, *оли* 230б, 333б, *тоти* (7х: 224 bis, 333–340).

Частица *бо* пишется *бш* (291х: упрощ. *бо* в нормальных условиях 10х); *ш* здесь несвободное, см. §2. Но в "ибо" и "убо" *О* уже свободное, и отчетливо видна разница в акцентуации: *ибш* (15х: 23б, 58б, 100 и др.; упрощ. *ибо* 58б); *оубо* (60х: 16б, 44б, 45, 61б и др.; написание *оубш* 82, 150б либо отражает вариант с другим ударением, либо возникло просто под влиянием орфограммы *бш*).

СПРЯЖЕНИЕ

§ 74. С акцентологической точки зрения оказалось целесообразным рассматривать по отдельности: 1) основную часть глагольной парадигмы (включая действительные причастия); 2) страдательные причастия⁶⁷.

При цитировании словоформ частицы *не* и *да* как правило ради краткости опускаются (поскольку в Мериле они не оказывают никакого влияния на написание глагольных словоформ). Наличие возвратной частицы при ссылках на страдательные причастия может отмечаться записями (*са*), (*с*)⁶⁸; например, *порабѡтити* 130, 130б (*с*) означает: *порабѡтити* 130, *порабѡтити^с* 130б.

⁶⁷ Действительные причастия обозначаются далее как "прич. наст." и "прич. прош.", страдательные – как "прич. страд. наст." и "прич. страд. прош."

⁶⁸ Разницей между *са* и *с* мы в некоторых случаях пренебрегаем.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ГЛАГОЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ

Глаголы на *-ити*

§ 75. Противопоставление трех а.п. у глаголов на *-ити* (в основной части глагольной парадигмы) показано в таблице 12.

Акцентные кривые. В а.п. *а* ударение неподвижно. В а.п. *б* по написаниям Мерила четко выделяются формы с оттяжкой ударения на корень: презенс (кроме 1 ед.), прич. наст.. (кроме И.ед. на *-а*, *-аи*), прич. прош. без *-ив-*. Прочие формы должны интерпретироваться как имеющие ударение на послекорневом слоге. Из этих фактов особый интерес представляет корневое ударение в прич. наст., поскольку в этом пункте Мерило систематически расходится с Чуд. (где ударение регулярно на суффиксе, например, *гонѧ, гонѧй, гонѧще, гонѧщий*), ср. § 91.

В отношении а.п. *с* показания Мерила, как обычно, неоднозначны. Важно то, что они нигде не противоречат Чуд. (см. Дыбо 1969 и 1971). Особо отметим прич. прош. без *-ив-*. В Чуд. здесь обычно корневое ударение (например, *полбѡжь, полбѡжю, -е, ствѡрше, ствѡршемоу* и т.д.) и лишь изредка флексивное (в частности, *ствѡ|рше* 28в, *ствѡрше-му* 143в). В Мериле те же два варианта, но в ином количественном соотношении: 1) *порѡжши*; 2) *положьшо, обновльшому, свобожьша, -ам* (словоформы *прилѡжь, поклнѡса* соотносятся с обоими вариантами).

§ 76. Переходим к разбору материала.

А.п. *а* (гр. 1): *готѡвить* 32б; *закѡннѡ* 136б, *взакѡннѡ* 173б, *-ити* 174, *оузакѡннѡ-ити* 207б, *-и* аор. 204б, 201б (са); *озлѡбнѡ-ите* буд. 23, *-ити* 82, 111б, *-и же са* аор. 4⁶⁹; *мнѡжши* 11, *оумнѡжнѡ-ити* 31, *-иша* 14б, *-илѡ* *ви кѡст* 17б; *подѡбѡтѡса* 29б, *оуподѡбнѡ-ишиса* 7б, *-ити* 344; *робѡтѡтѡ* 343, *порабѡтнѡ-ити* 130, 130б (с), *-ѡще* 58б, *-ивѡ* 130б. Сюда же *измѡлѡвити* 29б (см. Противоп., §8).

§ 77. А.п. *б*: глаголы *водити, воротити, гонити, молити, носити, плодити, просити, своити, скоичити, смотрити, томити* (ср. § 87), *точити* (ср. § 87), *ходити* (и их производные). Приводим материал.

Словоформы с ударением на корне. Презенс (кроме 1 ед.): *вѡдиши* 17, *вѡдитѡ* 67б, *на-* 16б, 71, 87б, 148б (с), *при-* 48б, 187б, 207б, 147 (с), *вѡвѡдѡтѡ* 263, *извѡдѡтѡ* 109, *привѡдѡтѡ* 75, 187б; *воротитѡ* 341б, *вѡз-* 342, *заворѡтитѡса* 28б; *гѡннѡ* 11б, *из-* 346б, *но-* 35; *мѡлнѡ* 14, 65б, 96б (с), 250б (с), *измѡлнѡ* *ни* 38, *оумнѡлнѡ* 12, *мѡлнѡ* 167, 345б, *мѡлѡтѡ* 142б; *нѡснѡ* 51б, *нѡснѡ* 11, 26, 5б (са), *в-* 272, *вѡз-* 11, 156б, 157б, *на-* 199, *при-* 92, 157, *нѡснѡ* 31, *при-* 148; *приплѡдитѡ* 203, *плѡдѡтѡса* 34б, *ис-* 35б; *прѡснѡ* 14, 38, 90, 104, *вѡ-* 257б, *вѡс-* 15б, *ис-* 120б, *прѡсѡтѡ* 15б, 144, 167б; *свѡитѡ* 169,

⁶⁹ Имперфект *озлѡблѡше* 117 может относиться как к *озлѡблѡти*, так и к *озлѡбнѡти*.

Т а б л и ц а 12

Формы		А.п.	а (гр.1)	б	с
Презенс	ед.	1	-	молю	створю
		2	мнѡжиши	вѡдиши	твориши
		3	готѡвить	мѡлить	творить
	мн.	1	-	мѡлимъ	творимъ
		2	озлѡбите	-	створите
3		робѡтатъ	мѡлатъ	творатъ	
Повел.	ед.	2	-	ходи	твори, (дѡи)
	мн.	2	-	ходите	творите
Прич. наст.	И.ед. на -а И.ед. на -аи Примеры прочих форм		-	хода	твора
			-	входаи	твориаи
		порабѡ- таще	хѡдаща	твориаще	
Инфинитив			оузакѡ- нити	ходити	творити
Аорист	ед.	1	-	ходихъ	родихъ
		2-3	оузакѡни	оумоли	створи
		мн.	3	оумнѡжи- ша	въпроси- ша
Имперфект	ед.	2-3	(-)	хѡшае	твориае
	мн.	3	-	исхохау	твориау
л-причастие	ед.	муж.	оумнѡ- жилъ	-	створилъ
		жен.	-	расточила	родила
		сред.	-	-	оутаило
		мн. муж.	-	-	положили
Прич. прош.	с -ив-	И.ед. на -ивѡ	порабѡ- тивъ	носивъ	створивъ
		И.ед. на -ивѡи	-	въпроси- выи	створивыи
		Примеры прочих форм	-	ходивше	створивши
	без -ив-	И.ед. на -ѡ	-	-	-
И.ед. на -ѡи		-	-	-	затвориѡи
Примеры прочих форм		-	испрѡшьѡ	(ствѡрше), положьѡ*	

* Другой акцентный вариант представлен в единичном по-
рожьѡи.

оу- 31; *схвчить* 193; *смытрить* 68, 223 (С), *расмытрить* 12, 136₂, 268б, *смытр-имь* 55б, -ать 16; *хвдишь* 28, *хвдить* 3б, 338б, в- 145б, *ввс-* 195б, 245, 261, на- 264б, ш^т- 4б, 30б, 343 bis, по- 124б, при- 7, 67, 117б, *прис-* 151, с- 220б, *хвдать* 6б, 14б, до- 343, ис- 32б, ш^т- 103, 112б, 121б, 144, при- 219, 248б, *перехвда^т* 35б, *схвдаться* 197. Упрощ.: *молишиса* 20, *приносят* 266б, *плодит* 34б, *впросить* 248, *смотри|ши* 54б (тесно).

Прич. наст. (кроме И.ед. на -а, -аи): *гвнащ-е* 15б, 46б, -ихъ 14, -имь 16, ш^т*гвнащимь* 149б; *мылащеса* 82б; *квсаще* 107, 139, *взвнсащихъса* 52б, *принвсащ-е* 51, -имь 171; *првсащему* 251; *смытращ-е* 63, -имь 45б, 56б, 151, -ими 143б; *хвдащ-а* 91б, -ема 40, причастия с основами *вхвдащ-*, *ввс-хвдащ-*, *исхвдащ-*, *низвхвдащ-*, ш^т*хвдащ-*, *прехвдащ-*, *прихвдащ-*, *присхвдащ-*, *схвдащ-* (членные и нечленные формы) - 52х (32б, 35, 8б, 147б, 224б, 242, 252б и др.).

Прич. прош. (без -ив-): *испрвшившю* Д.ед. 130 [Б].

Словоформы с безударными корнями. 1 ед. презенса: *молю* 9, 202 (С), *не прошю* 268б. Повел.: *моли* 6б, *не поноси* 30б, *смотри* 24б, 143, 220б, 222, -ите 19, 221б, *расмо|три* 60б, *ходи* 28, 40б, -ите 5б. Причастные словоформы на -а, -аи (И.ед.): *взвода* 62б, *извода* 66б, *навода* 117б, ш^т*вода* 142б, 344б, *привода* 194, -аи 75, 187б, *гона* 343, *мола^с* 250б, *носа* 44, 230б, *из-* 33, на- 77, по- 57, *проса* 90, 104, *смотра* 1б, 229б, *точа* "источая" 33б, *хода* 73, 177б, *вос-* 143, *ис-* 254, на- 180б, при- 77б, 13б, про- 53₂б, *прис-* 44, 142б, 221, *входаи* 192б, *отъходаи* 274 (начальное о киноварное). Инфинитив: *водити* 29, 79, *вз-* 219 bis, *из-* 159, при- 94б, 136₂, 186б, *воротити* 337 bis, 339б, *гонити* 145б, *молити* 65 bis, 86б (са), *носити* (7х: 17б, 29б и др., также *носитиса* 62), в- 179, *воз-* 143б, по- 30б, 57б, при- (5х: 167, 171б и др.), *просити* 82б, 83, 182, 263б, *ис-* 82б, 83, 83б bis, *присвоити^с* 144, *смотрити* 69, 70, 215б, *зачочити* 189б, 229, *поточити* 340, *ходити* 83, 347, в- 153б, 200, 207, *ввс-* 244б, *ис-* 161б, на- 95, 95б, ш^т- 78, *пре-* 74, 167, 186б, при- (7х: 76б, 86б и др.), *схо|дитиса* 92б⁷⁰. Аорист: *помолихъса* 10, *оумоли ма* 2 ед. 48б, 57б, *приплодивша^с* 179, *впрвошиса* 345б, *ввспроси* 219б, *ввскошиса* 39б, *оускоши* 40, *расмотри* 199, *зачочи* 52б, *ходихъ* 14б, 230б, *ходисте* 19. Имперфект: *приводаху* 344б, ш^т*гонаше* 22б⁴, *молаше* 48, 47 (са), *мо|лашуса* 42, *смотрашта* 3 дв. 39, *хожаше* 39, *ввс-* 53, при- 132, *исхожаху* 41б, 39 (са). Перфект: *расточила жсть* 252. Прич. прош. с -ив-: *молившем же са* 201, *оумо|ливъ* 50, *носивъ* 73б, 192б, по- 42б, *првшившю* 48б, *впрвошивши* 249, *смотрившагв* 78, *расмотр-ивъ* 88б, 136₂, -ивше 166б, *истомивъ* 8, *ходивше* 343б.

Формально а.п. в или а, по косвенным данным а.п. б: *рвбатъ* "порабощают" 338б, *досвчтиса* 343, ш^т*свчатъ* 339б, *оутылитъ* 116б (ср. Чуд. *оутолити* 80б).

⁷⁰ Неправильное написание: *схвдити^с* | 200 (позднее переделано на *схвдитиса*); вероятно, писец начал писать словоформу *схвдить^с*, которая уместна по контексту.

Глагол *строити*, по-видимому, колеблется между а.п. *ь* (основной для него) и а.п. *с*. По а.п. *ь* идут: *стрѣиши* 676, *стрѣить* 10, 336, 131, 152, 178, 197 (^с), *оу-* 264, 268, 1376 (са), *стрѣять* 336, 348, *оу-* 2426. По а.п. *с* идут: *строить*^с 117, *оустро-ить* 76, *-ять* 43, *строице* 586, *строицю* 1326, *строимъ* 165 (маловероятно, что все эти написания упрощенные). Аналогичное колебание и в прич. страд. прош. (см. § 87). Не позволяют различить а.п. *ь* и *с* словоформы: *строити* (11×: 846, 86, 90 и др., также *строитиса* 576), *при-* 1306, *оу-* 76, 166, 168, 195, *оустроивъ* 10, 150. Аорист *оустрои* 586, 168 обнаруживает такой же переход *и* > *ј*, как в повел. типа *дѣи*, *вѣспи*.

Глагол *изволити*: презенс *изволить* 28, но также *изволить*^с 169, *-ита* 786. Таким образом, здесь либо просто а.п. *ь*, либо колебание как у *строити*. Прочие словоформы: аорист *извол-ихъ*, *-и*, *-иса*, *-ихомъ*, *-иша* (12×: 136, 28, 106, 1666 и др.), *извол-ивше* 536, *-ившема* 1636, *произвол-ити* 167, *-ивше* 166.

§ 78. А.п. *с*: глаголы *годити*, *-городити*, *-гостити*, *-клонити*, *-корити*, *оукротити*, *ловити*, *-ложити*, *-морити*, *-новити*, *разорити*, *положити*, *постити*, *простити*, *родити*, *свободити*, *скопити* 'castrare', *творити*, *-топити* 'mergere', *тrophити* 'тратить' (и их производные).

Приводим вначале формы, в которых написания Мерила позволяют отличить а.п. *с* от *ь*.

Презенс (кроме 1 ед.): *оугодимъ* 476; *перего|родить* 339; *пригостить* 3416; *поклонишиса* 1186; *покоритьса* 117, 158, *оукорить* 81, 2306; *оукротить* 11, 316 (^с); *преложиши* 140, *приложиши* 346, *-ложить*, *-ложить*^с с приставками *в-*, *въз-*, *на-*, *об-*, *по-*, *пре-*, *при-* (30×: 216, 33, 66, 103, 2596 и др.), *положать* 103, *приложить*^с 118, *сложить* 266; *изморить* 1946, *оумор-ить* 1106, *-ать* 108, 111, *обновить* 253, 2736, 33 (^с); *разорить* 1856; *положать* 229; *постить*^с 130; *простить* 896, 268, 816 (са), 1116 (^с) (также *просьтитъ* 866), *простимъ* 48; *родить* 51, 1126, 247, 177 (^с); *свобод-иши* 2706, *-ить* 2596, 2636, *-ить*^с 1306, 1396, 143; *скопить* 'castrat' 88 (ко|), 1306; *твориши* 546 bis, *с-* (9×: 43, 48, 119 и др.), *творить* (34×: 5, 7, 106 и др.), *за-* 337 (также *зтворить* бш са 366), *с-* (42×: 376, 46, 48 и др., также *створить*^с 6×), *творимъ* 346, *створите* 38, *творятъ* (24×: 10, 20, 22 и др.), *с-* (9×: 66, 826 и др.), *створита* 1786 bis, 179; *истопить*^с (о корабле) 2676, 2736, 338 bis.

Прич. наст. (кроме И.ед. на *-а*, *-аи*): *годяче* 34; *клонащася* 266; *покорящеся* 426; *ловаче* 62, *ловащихъ* 96; *разоращихъ* 188; *постящемуся* 566; *творящ-е*, *-а*, *-ю*, *-агш*, *-еи*, *-ам*, *-имъ*, *-ихъ* (37×: 56, 406, 566, 65 и др.); *троша|шаще* 6 (вместо *трошаще*).

Прич. прош. без *-ив-* (кроме И.ед. на *-ь*, *-ии*): *положь-шу* Д.ед. 158, *обновльшему* 274, *свобожьша* Р.ед. (?) 3246, *-ам* В.мн. муж. 183. Другой акцентный вариант — *порожьши* 56 (см. § 75). Словоформы *ржъши*, *-е*, *-юса*, *-агшса* и т.д. (21×), *ствърше*, *-ю*, *-агш* и т.д. (17×) акцентологически непоказательны.

Далее приводятся формы, в которых по написаниям Мерила нельзя отличить а.п. с от в.

Предполагаемые э н к л и н о м е н ы (см. Дыбо 1971). 1 ед. презенса: *положу* 156, 17, 37, *преложаю* 36, *прощу* 2306, *створю* 396, *не створю* 396. И.ед. прич. наст. (на -а): *твора* (24×: 116, 12, 27, 30 и др.); л-причастие: (кроме ед. жен. и мн. сред.): *оукориль* *кеси* 606, *вложилъ* 316, *възложилъ* 341, *положилъ* 184, 3366, -и 35, *приложилъ* 2676, -и 3316, *са не родиль* 38, *свободиль* 3066, *скопиль* *будеть* 'castrabit' 1306, *творѣли* *кесте* 41 (ѣ вместо и), *створиль* (10×: 12, 15, 446, 19 и др.). И.ед. прич. прош. (на -ивъ): *изложивъ* 200, *положивъ* (7×: 66, 426, 576 и др.), *приложивъ* 245, *не приложивъ* 132, *створивъ* (11×: 45, 456, 68 bis и др.). Особо: *въсклонивъса* 416 (ударение, вероятно, на са), *въсклонивъ же са* 416.

Предполагаемые ор т о т о н и ч е с к и е словоформы. Повел.: *оуклониса* 11, *приклони* 47, *наложи* 120, *положи* 65, *приложите* 9, *разори* 1, *прости* 486, *твори*, *створи* (7×: 11, 126, 186 и др.), *творите*, *створите* (12×: 206, 41, 48 и др.), *затворита* 396. И.ед. прич. наст. (на -аи): *твораи* 366, 63, 129, 1936. Инфинитив: *оугодити* 256, 306, 66, 1436, *оуклонити* 21, 106 (са), 118 (с), *покорити* 146, 236 (с), 117 (с), *оукорити* 64, -ложити, -ложити^с с приставками в-, въз-, на-, низ-, ш^т-, по-, пре^д-, при-, с- (37×: 8, 25, 746, 766, 806 и др.), *оуморити* 40, *разорити* 82, *постити* 227, *простити* 164, 239, *творити*, с- (102×: 286, 43, 45 и др.). Аорист: *оуклонихъса* 136, *покорити* 366, -ложи с приставками в-, въз-, из-, ш^т-, по-, с- (12×: 3, 56, 17, 436 и др.), *възложиша* 40, *оуморити* 466, *обнови* 266, 1426 (са), *родихъ* 2256, 2446, *роди* (17×: 2206-226, 2466-246) *родиша* 244, 244 (с), *затвори* 40, 46 (са), -иша^с 396, -иша 396, *створи*, -иша, -иша (42×: 26, 4, 113, 2206 и др.), *потопи* 46, 60, 174. Имперфект: *твораше* 58, -ху 111, 3476. Ед. жен. перфекта: *родила* *кестъ* 246. Прич. прош. с -ив-: *положивши* 2706, 2736, *створивши* 10, 506, 128, 2066 (также *створевши* 246, с е вместо и), *оукоривша* 177, *оуловивъше* 216, *положивши* 2486, -еи 2656, -ему 1856, *приложивъше* 86, *изморивша* 1946, *родивш-имъ* 128, -имъ|са 141 (-имса 141, 1416), *свободившам* 79 bis, *створивши* 396, *затворившимъ* М.ед. (sic) 1946, *истопившюса* "утоновшему" 2676. Прич. прош. на -ии: *затвори* 130 [Б], *приложиса* 128 quater, 1286 (по-видимому, -иса вместо -ииса). Прич. прош. на -в: *поклньвса* 416 bis, *прилжвъ* 1986 (непоказательны ржввса 38, стврвъ 196).

Отметим несколько глаголов, а.п. которых по данным Мерила нельзя установить однозначно. А.п. с или в: *блговоли* повел. 136, *помостивше* 341, *нанози* аор. 196, *ротитиса* 816 bis, *хорониль* 3366, -и 344 bis. А.п. с или а (гр. 2): *накост-ить* 22, 366, 2516, 316 (с), -ацагш 66, -ащему 65, -иль 266 (в Чуд. а.п. с). Малопоказательны *даровити* 85, *дши* повел. 11. См. также § 84 о словоформах на -ло.

В полном согласии с данными исторической акцентологии, акцентуация отыменных глаголов на -ити подчиняется в Ме-

риле формуле "aa, bb, cc". Важнейшие примеры: aa - *готш-вить, оузакшниту, озлшбити, оумншхиль, робштать*; bb - *свить; вероятно, сюда же плшдаться, ршбать, изшвить*; cc - *перего|родить, пригостить, оукротить, простить, родить, свободить*; вероятно, сюда же *полонаць, помостивше*. Исключение: *постить*^c относится в Мериле (так же, как и в Чуд.) к а.п. c, хотя "пост" - слово а.п. b.

Глаголы на -ѣти, нати (с презенсом на -ить)

§ 79. В системе презенса различаются три а.п. - по-видимому, с такими же акцентными кривыми, как у глаголов на -ити. Вне презенса ударение в а.п. b и c, вероятно, всегда на элементе -ѣ- (-а-).

Принадлежность нескольких глаголов ("видеть", "слышать" и др.) к а.п. a устанавливается лишь по страд. причастиям, см. § 86, 89.

А.п. b: *достшить* (19x: 20, 71б, 72 bis и др.), *достом* прич. 149, ср. также *достомниж* (§ 89). В двух случаях, по-видимому, представлены лишь единичные колебания в сторону а.п. b (при обычной а.п. c): *растшить* 35 (при *растош-амса* 3, 198, 205, -имьса 254б), *бшлимь* 1 мн. 47б (при *болить, болаче* и т.д., см. ниже).

А.п. c: *боитьса, боить*^c (6x: 27, 29б и др.), *оубошиса* 20б, 121б, *бшиса* повел. 22б bis, *бошса* (6x: 22, 30 и др.), *бошчеса* 27б, *бошч-еса* 41, -юса 26б, -имса 147б, 195б, *бошчиса* 58б, 196б, *оубошса* аор. 12; *болить* 31 (относительно *бшлимь* 47б см. выше), *бола* 6, 124б, *болаче* 6б, *болашчимь* 22б, *поболѣ-ти* 47б, -въ 4б; *изгорить* 268б, *разгоритьса* 21б, *сгорить* 260б, *горашеж* 46б, *погорѣвши* 253, *сгорѣшагш* 128б; *всполить*^c 68 (от *всполѣтиса* 'загореться'); *стошши* 'stas' 51, *стоит* (6x: 9, 47б и др.), *стошть* 24б, 26б (о|), *оустошть* 15б, *стошци* 41б, -ю 53б, -а 38, -ему 133, -и 228б, -ихъ 133, *настошщую* 259, *стошти* 48б, 127, 127б, 340б, *достомти* 'отстоять до конца' 127б, *стошше* 44 (относительно *растшить* 35 см. выше).

Глагол *хотѣти* в Мериле, как и в других памятниках, аномальным образом соединяет словоформы по образцу *болѣти* (а.п. c) со словоформами I спряжения по образцу *кшеть*, *мшжеть* (а.п. b, § 82). Основная группа словоформ: *хошю* 80, *хотѣ* (17x: 84б, 107, 110б и др.), *всхотѣть* (5x: 115б, 179 и др.), *не пошочи* 119, *всхощи* 29б, *хотѣ* 'volens', 'velut' (24x: 22б, 30, 51, 10б и др.), *хотѣи* 19б, 78б, 11б, *хотѣш-и*, -ю, -е, -аго, -ему, -имь, -ам, -имь, -ихъ, -ема (35x: 35б, 42б, 43б, 170, 231 и др.), *всхотѣ-шце* 128, *хотѣти* 184, 337б, 342 bis, *хотѣ* 250б, *хотѣша* 83б, *всхотѣ-ѣ* (4x: 39, 82 и др.), -ѣхомь 146б, -ѣша 168б, *хотѣ-ше* 141б, 257, -ху 267б, *хотѣль* 70б, *всхотѣшю* 107. Словоформы презенса с ш: *хшце-ши* 122 (-шь 29б), -тѣ (49x: 10, 16б bis, 31, 53 и др.), -мь (7x: 147, 151б, 168 и др.), -те 57, 345, -та 112, 191, *всхшце-ши* 122, -тѣ (18x: 80, 86б, 10б и др.), -та 3 дв. 102б, 107, 177б, *всхшцеть* 250; отметим также сомнительные написания *мшкоже* *хшць* 145б, *хшце* *ли* 56б. Упрощ.: *всхшцеть* 169.

Глаголы на *-ати (-ають), -ѣти (-ѣють)*

§ 80. А.п. а (гр. 2): *ізготвваюче же са* 178, *оуготв-аса* 37, *-авшагш* 36; *котвращегшса* 116, *раскотвр-авьса* 1136, *-авшиса* 2496; *подѣба-еть* (14×: 196, 30, 49 и др.), *-ше* 1046 [Б], *-лш* 346; *рабѣта-кѣть* 31, 121, *-ите* 13, *-ѣ* 256, *-юци* 230, *-юцихъ* 165, *-ти* 135, *-вше* 1216, *рабѣта ми* аор. 2706, *израбѣтаютьса* 1296 [Б]⁷¹; группа вторичных имперфективов – *ворѣчати* 343, *взакѣнакѣши* 60, *оузакѣна-кѣть* 243, *-кѣть* (1 мн.) 255, 256, *озлѣбляющими* 7, *озлѣбляше* 117 (см. сноску 69); *порабѣща-кѣть* 1396, *-ютьс* 183; глаголы на *-ѣти* – *сорѣмѣѣса* 22, 50, *обурѣдѣша* 54. Упрощ.: *оуготова* 47, *подобаеть* 136_{2б}.

По косвенным данным а.п. а (гр. 1): *иско|нають* 1216, *въскопаючи* 1376; группа вторичных имперфективов – *изго-наѣ* 3466, *иско|ренають* 1716, *свобожа-кѣтьс* 270, *-юцимьс* 195, *скопла-ють* 'castrant' 1306, *-ти* 1306, *затвораютьс* 135, ср. *створаѣму* 1336 (обратить внимание на огласовку о вместо нормативной а), также *лобѣзахъ* 10; глаголы на *-ѣти* – *овдовѣше* 116, *одолѣ-кѣть* 276, 306, *-ти* 446; отметим также *довлѣ-кѣть* (5×: 42 и др.), *-кѣта* 90, *-ти* 1516 (см. Противоп., § 25, особый случай 2).

Таким образом, Мерило отражает архаичное состояние, когда вторичные имперфективы еще не обобщили ударение на *-а* (*-А*): *оузакѣнають*, *озлѣбляющими*, *порабѣщають* сохраняют ударение исходного глагола. В Чуд. действует этот же принцип, но уже с заметными колебаниями.

Глаголы на *-овати*

§ 81. Данные Мерила по этим глаголам малопоказательны, поскольку суффикс *-ова-* всегда пишется в Мериле через *о*, независимо от места ударения в словоформе (см. Противоп., § 18). Ср., например, *господовати*, *даровати*, *куповати*, *наимовати* и т.п. (ударение на *-ва-*), *вѣровати*, *покрадовати*, *помиловати*, *печаловати* и т.п. (главное ударение на 4-м слого от конца) и *вѣишьствовати*, *назнаменовати*, *свѣдительствовати* (главное ударение на 5-м слого от конца). С *ш* в корне в Мериле встретились: *вѣишьстве-овати* 1786, *-ують* 1786, *вѣишьстве-оваше* 1406, 2576, *-ующе* 183, *-ующему* 179 bis; *изрѣвновахъ* 36; *безакѣнн-овати* 496, *-ують* 366.

Глаголы с презенсом на *-еть* (после согласной)

§ 82. Рассмотрим по отдельности: а) систему презенса; б) аорист; в) прочие формы основной части парадигмы.

В презенсе, по-видимому, различались три а.п., но по материалу Мерила хорошо видны только а.п. *б* и *с* (акцентные кривые – такие же, как в § 75).

⁷¹ Отметим также *глагѣлахомъ* 128 (см. § 83).

А.п. *в*: *могу* (8х: 223, 223б, 245б-246б), *въз-* 17б, *мъ-же-ши* 225 (-шь 28б), *мъжить* (75х: 25, 26, 28 и др., также *мъжить*^с 261), *въз-* (6х: 50б, 122б и др.), *по-* 37б, 243б, *мъжемъ* 53₂б, 66, *въз-* 3б, *мъгутъ* (15х: 3б, 28б, 35б и др.), *въз-*, *воз-* (6х: 3б, 5б и др.), *по-* 13б, 342б; повел. *не мози* 230б, *помозѣте* 37; прич. наст. *мога* (6х: 34 bis, 4б, 47б и др.), *мъгуц-и*, -ю, -а, -ь Р.мн., -емъ, -ема, -ек, -ему, -има, -имъ, -ихъ (18х: 23, 157б, 169б, 174б, 347 и др.); словоформа *мъгаи* 'могущий' 173б сомнительна, поскольку текст частично искажен.

По косвенным данным к а.п. *в* следует отнести также: *закълеть* 121, 122; *бърють*^с 32б, 33б, *бърючимъса* 14; *зобла* 50. Написание *прикоснетъ*^с 180б, возможно, упрощенное (ср. Чуд. *кѡснетса* 148б).

А.п. *с*: *прободеть* 121б, 122 bis; *волокуть* 66б, *сволочетъ* 33б; *зоветь* 34 bis, 230б *ter*, *по-* 89б, *при-* 92, 144б, 173б, 241 (^с), *зови* 58, *зовуцю* 7б; *разореть* 'распашет' 339; *пловуца* 35, -имъ 32б; *въспю* 14, *пожъ*^с 9, *пожъ* 32, *въс-* 33, *въспши* повел. 8, *пожъе* 143; *ростеть* 30б, 56б, *въз-* 68.

§ 83. В аористе с элементом -Ох- (-Ош-, -Ос-) в Мериле четко противопоставлены две акцентные модели:

Т а б л и ц а 13

	Ударение на корне	Ударение на показателе аориста
ед. 1	обрѣтохъ	придѡхъ
мн. 1	обрѣтохомъ	рекѡхомъ
2	-	придѡсте
3	обрѣтоша	придѡша
дв. 1	мъгоховѣ	текѡховѣ
3	излѣзоста	придѡста

Ударение на корне: *погибоша* 22, *въздвиго-хъ* 15, -*шаса* 12б, *складаохъ* 3б, *излѣзоста* 39б, *падоша* 8б, *обрѣто-хъ* 61, 122б, -*хомъ* 253б, -*ша* 203, *сѣдо-хъ* 14б, -*ша* 12б, 14; также *мъгоховѣ* 40.

Ударение на показателе аориста: *приведѡша* 41б, 136₂, *погребѡша* 23, *внидѡша* 162б, *преидѡша* 172, *придѡ-хъ* 37б, -*сте* 5б, -*ша* 53б, 138б, 139б, 143б, -*ста* 39, 39б, *разидѡстаса* 39, *снидѡхъ* 38, *оумрѡша* 113, 248, *изнесѡша* 85, *принесѡша* 92б, *сопрѡгѡстаса* 222, *рекѡ-хомъ* 149, 254б, 265б, -*ша* 41б, 101, -*ста* 39б, *текѡховѣ* 40, *ищезѡша* 50. Упрощ.: *рекохомъ* 242б.

Отметим также *пробо|де* 59 (вероятно, с конечным ударением).

Об общем соотношении акцентуации аориста и презенса см. Дыбо 1971, с. 97–106. В материале Мерила ударение в аористе на корне практически представлено у глаголов с презенсом а.п. *а*, ударение на показателе аориста — у глаголов с презенсом а.п. *ь* и *с*. Исключение составляет *мъгоховѣ* (при презенсе а.п. *ь*): здесь корневое ударение явно по аналогии с презенсом *мъжеть*, *мъжеѣ* и т.д.; ср. в Чуд. *не мѡже* 20а, 35в, *не мѡже* 29г, *въмѡже* 101б, *не въмѡже* 31б (наряду с *могбша*, *могбсте* и др.). Глагол "исчезнуть", по-видимому, относился к а.п. *ь*.

Архаичной особенностью Мерила является строгое сохранение древнего корневого ударения аориста в а.п. *а*. В Чуд. это древнее ударение тоже в основном сохранено; однако с ним уже явно начинает конкурировать более новое ударение на показателе аориста (например, встречаются *въдвѣгбша*, *вълѣзбша*, *достѣгбшомъ*, *навѣкбсте*, *падбша*, *обрѣтбша* и др.).

Аорист без соединительного *-о-/-е-*: *глагълахомъ* 128 (что указывает на а.п. *а*, ср. также § 86, 89); *прикоснуса* 47, 114б.

§ 84. Прочие формы. Глагол "мочь": инфинитив *моци* (6×: 89, 115б и др.), *въз-* 174б, *по-* 37, 82б, *можаше* 40, 43б, *не мъгль боудеть* 129, *мъгии* прич. прош. (7×: 128, 147б, 198б bis и др.), *помъг-и* 128, *-шихъ* 164б bis (*-ъшихъ* 10б), *не възмъгъ* 270б, *не възмъгъшо* 266б.

Форма на *-ло*. По-видимому, а.п. *а* (гр. 1): *погибло* (8×: 273 bis, 334б–336б), *крало* 335б, *остало* 261б, *недостало* 161б; а.п. *с*: *было* 12б кин., 229б, 208б [Б]. Приведем здесь для обозримости также все словоформы на *-ло* от глаголов других типов: *подъбалъ* 34б (а.п. *а*, гр. 2), *оутало* 27, *въобразилося* 123б [Б] (по-видимому, а.п. *с*; последнее написание ненадежно). Ср. также прилагательное *оунило* 31б (а.п. *а*, гр. 1).

Отметим *поимъ* 108, 122б, *поимш-ему* 195, *-емъ* 195, *поимш-и* 249б, *-ииса* И.мн. 252б (ударение, по-видимому, на *-им-*, *-към-*); однако один раз *пшимъ* 137б (ударение на *пш-*, если это не описка). Написание *прободъ* 8, вероятно, упрощенное.

СТРАДАТЕЛЬНЫЕ ПРИЧАСТΙΑ

§ 85. Акцентуация страд. причастий описывается ниже той же техникой, что акцентуация производных, а именно, указывается связь между а.п. глагола и а.п. причастия (рассматриваемого как отдельное слово). В настоящий раздел помещены также отпричастные производные на *-енън-*, *-анън-*, *-енъкъ*, *-анъкъ*.

Причастия с суффиксами *-Ом-* (*-ем-*), *-им-*, *-ен-*

Страд. причастия с суффиксами, содержащими гласную, обнаруживают значительное акцентное сходство между собой. Их акцентуация в Мерило обобщена в таблице 14.

Т а б л и ц а 14

А.п. глагола / Суффикс	а	б	с
-Ом-	а.п. а (с тем же ударением, что в глаголе)	-	акц. кривая с ₁
-ем-		-	акц. кривая с ₂ (?)
-им-		колебание: а.п. а с предсуффиксальным и а.п. а с суффиксальным ударением	а.п. б(?)
-ен-		колебание: а.п. б и акц. кривая с ₂	

Ниже приводится материал. Отметим, что в § 86-90 а.п. глаголов и причастий во многих случаях установлены лишь по косвенным данным (далее этот факт уже не оговаривается).

§ 86. Причастия от глаголов а.п. а. Суффикс -Ом-: *видимь* "видимый" 3, *невидимь* 3. Суффикс -ем-: *бываемь* 1076, *взискаемь* 2246, 244, *начинаемь* 2, *низлагаемь* 1856, *обладаемь* 7, *попираемь* 586, *призываемь* 153, *неприсажаемь* 43, *причитаемь* 153, *свершамь* 206, -шь 1986, 206, *ствараемь* 2036, -шму 204, *оужараемь* 346, *навлаемь* 1996; также *глемь* 1676, 1686 (по-видимому, = *глагшлемь*, ср. *глагшлахомь*). Особо: *свѣдительствумь* 21 (вероятно, здесь два второстепенных ударения: на 2-м заударном слоге -ству- и на 4-м заударном слоге -мь). Суффикс -им-: *видимь* 56, *невидимь* 436, *ненавидимь* 1436, *обидимь* 376, *движимь* 2506, *недвижимь* 2626, 2656, 266 bis, 2666, -шмь 266, *неподвижимь* 1856, *неподвижимь* 143. Упрощ.: *оклеветаемь* 22, *невидимь* 56, *неподвижимь* 98, *мучимь* 676.

Суффикс -ен-. От глаголов I спряжения: *ввержень* 193, *крадень* 137, *окрадень* 145, *оужрадень* 120, 3346, -шь 100, -шму 194, *скршвень* Р.дв. 396 (также *скршвень* 2, 52, -у В.ед. 53_{2б}, -шь 45, -ам 116, -ихъ 40, -о|| 261 с о упрощ.)⁷², *штьржень* 112. От глаголов II спряжения: *оузакшнень* 2066, 345 (также *оузакшнено* 206, но - упрощ.), *оузакшньншму* 205 (ь написано вместо е), также *оузакшнен-и*, -а, -агш, -имь, -имь, -ихъ (13х: 203-2076), *взакшнен-агш* 200, -ихъ 170, *взакшньна* 1666 (ь вместо е); *оумален-ш* 53, -шь 167, *оумншжень* 45, *оуправлень* 50, *порабш-цень* 108, *оставлень* 91, -шь 132, 181, 2416 (о||), *поставлень* 946, 1956, *составлень* 2056, *оуставлень* 2036,

⁷² Относительно ш в *скршвень* см. Противоп., §8.

-иѣ 198б, прооуоставленъму 175, 185б, оуазвенъиѣ 7. Упрощ. изверженому 85б, оукрадено 340 (также -огш 121, см. § 47).

Вероятно, корневое ударение имело также *извѣденъ* 268, 120б [Б] (ср. Чуд. *снѣденъ* 67а, *снѣденъѣ* 137а).

Производные на -енъ: *закшненъиѣ* 174, о *взакшненъи* 69б, 208, *озлшблен-ьм* Р.ед. 82б (-иѣ 82б), о *порабшченъи* 183.

§ 87. Причастия от глаголов а.п. в. Вариант с предсуффиксальным ударением. Суффикс -им-: *вѣдимъ* 65б, -и В.мн. 94б, *вѣвѣдимъ* Д.ед. 204б, *привѣдим-агш* 147, -иѣ⁷³ 156б (также *привѣди* И.мн. 186б)⁷³, *штѣшима* Р.ед. 114б, *ншсимъ* 269, *вншсимъ* 19б, *приншсима* 155, *тшмими* 8б. Суффикс -ен-: *купленъму* 183, *совкупленъ* 205б, *искушенъ* 15б, *расшмшренъиѣ* 244, *оуштршжено* 24б (но - упрощ.), -и 348б, *неоушшмлена* В.ед. 167, *затшченъ* (6х: 189б-194б), -а И.ед. 191, -и 190б, 191б.

Вариант с суффиксальным ударением⁷⁴. Суффикс -им-: *пригоними* 202б, *неоудшбъ носима* В.мн. 57, *приносимъ* Д.ед. 191, -иѣ 170б, *любимъ* 266б, *судимомъ* 44, 52, 167. Суффикс -ен-: *оумоленъ* 44, *въпрошенъ* 80, -и 265, *испрошено* 157, *строжи* 91б, -иѣ 95, *пристрожиши* 171, *оустрожи* 79.

Производные на -енъ обнаруживают такую же двойственность. Без колебаний - *затшчен-иѣ* (7х: 10б, 137 bis и др.), -ьѣ 84, 192б; однако *расточениѣ* 147б. Случаи *нашшженъиѣ* 114б, *смшшрен-иѣ* 18б, 207, -иѣ 117, *оуштршженъиѣ* 129б - редкие варианты к гораздо более многочисленным *-хоженъиѣ* (с разными приставками в разных формах 9х), *-смотренъиѣ* (16х), *-строжи* (43х). Только с о встретились *-ношение* (6х), *въвоженъиѣ* 146б, *моленъиѣ* 24, *прошение*, *въ-* (5х), *своение* 170, *присвоениѣ* 221б, *изволение* (7х). Производное на -енън-: *расуженъиѣ* 19б.

Отметим особо *дерзншвенъиѣ* 61, 142б, 230, -иѣ 14б, -иѣ 29б, 11б (но *дерзншвенъиѣ* 4, *дерзно|вениѣ* 42б), *дерзншвенъ|но* 202б (нѣно - упрощ.); кроме того, *штриншвенъ* 97 [Б] (но *штриншвенъ* 114б), ср. колебание в Чуд., где для глаголов на -риноути обычна а.п. а, но встретились также *изриши* 153б, *изришоу* аор. 63а.

§ 88. Причастия от глаголов а.п. с. При суффиксе -Ом- наблюдается акц. кривая с₁: *блю|дому* Д.ед. 207б, *неблюдоми* 134; *небрегомъ* 138; *ведомъ* Д.ед. 40б; *вѣдомо* 45б, 122, 254, *вѣдомо же* 223, *невѣдомо* 12б кин., *вѣдому* Д.ед. 149б, *превѣдоми* "хорошо известны" 53₂б, *оувѣдому* "узнанному" 191, *невѣдомъиѣ* 5; *влѣкомъ* 58б, -и 58б, *влѣкомъ* Д.ед. 143б.

При суффиксе -ем- выступает, по-видимому, акц. кривая с₂: *дажмъиѣ* 240б, 270, *дажмъи же* 26б, *продажмъиѣ* 260, 261б, *штдажмъиѣ* 145б (автономное ударение на корне менее вероятно, ср. Чуд. *под^а|жмѣ* 131а). Возможно, сюда же *чак-*

⁷³ Кроме того, *привѣдим-и* (или -иѣ?) 253б в искаженном тексте.

⁷⁴ Следует учитывать, однако, что какие-то из приводимых написаний могут быть упрощенными.

мѡж же 28, нечажмѡ 28 (в Чуд. глагол "чаять" в части случаев акцентован по а.п. с).

При суффиксе *-им-* находим: *нераздрѣшимъ* 202, *обдержимомъ* 226б, *хранимомъ* 147 (мо|), 242; вероятно, сюда же *повлачимомъ* 158б; этот небольшой материал формально соответствует а.п. в. Малопоказательны *неразорима* 38б, *творими* 222б, *-амъ* 208, *-имъ* 24б, 165б. Не исключено, что здесь, помимо а.п. в, были возможны и какие-то другие акцентные варианты.

При суффиксе *-ен-* наблюдается систематическое колебание (у одних и тех же причастий) между а.п. в и акц. кривой c_2 . В нечленных формах в и c_2 совпадают, т.е. здесь устойчивое флексивное ударение. Словоформы на *-енО*: от глаголов I спряжения – *сведенъ* 11б, *погребенъ* 68, *испасенъ* 121б, *попасенъ* 121б, *съспраженъ* 43б, *реченъ* 64б, 95б, 115б, 151б (*речнъ* 10х: 20б, 56б, 142б и др.), *наречнъ* 56б, *штреченъ* 78б, 151б, (*штречнъ* 131), *оуречнъ* 183, *пшченъ* 200б; от глаголов II спряжения – *въбраненъ* 79 (*въбраненъ* 7б, 89, 252б, *возбраненъ* 19б, 205, 222), *свершенъ* 60б, 11б, 202, 207, *развращенъ* 9, *штло|женъ* 93, *штлуженъ* 35, *вмѣненъ* 205б, *штмщенъ* 208б [Б], *прошенъ* 130б, 204, 207, *пущенъ* 212 [Б], *штпущенъ* 72б, 175б, 203, *порученъ* 133б, 208, *расоленъ* 58, *затворенъ* 33б, *растворенъ* 5б, 58, *оутворенъ* 7б, *оутверженъ* 204, 274, *наоученъ* 5б, *схраненъ* 115б, 181б, 188 (*сшхраненъ* 208б [Б]), *меленъ* 110, 17б, 338б. Сюда же *блснъ* 45б (по-видимому, = *благословленъ*, ср. *блгословлен-иж* 203, *-иш* 172б)⁷⁵. Упрощ.: *штречено* 60б, *въбранено* 170, *ловлено* 339, *мвлено* 332б.

Прочие нечленные формы (кроме Д.мн.): *прободенъ* 194б, *шгороженъ* 209 [Б]⁷⁶, *раздвожъ* 30, *преклонени* 44, *оукоренъ* 92, *вложени* 264б, *въложена* И.В.мн. 100, 109, *изложена*, *-у*, *-и* (6х: 7б, 20б и др.), *положена* И.мн. 243, *штло|женъ* 224, *сложенъ* 345б (о|), 34б, *проженъ*, *-и* (6х: 48, 138 и др.), *рожени* 224б, *порожени* 171б, *свобоженъ* 108, 270б, *-и* 304б, *скопленъ* 'castratus' 130 bis, *творена* И.ед. 24б, *затворенъ* 49б, 228, *-и* 32б (о|), *-а* И.мн. 33б, *створенъ* 230б.

Единичное отклонение в сторону корневого ударения (по образцу причастий от глаголов а.п. в): *свобоженъ* 131б.

Колебание между в и c_2 проявляется в членных формах (и в Д.мн. на *-омъ*). Вариант с флексивным ударением (т.е. акц. кривая c_2): *сшсенъ* 2б, *реченъ* 210 [Б] (*речнъ* 251), *реченшму* 175б (*речншму* 43б), *вреченъ* 306б, *нареченъ* 98, *вочтенъ* 160, *пшченшму* 97; *свершенъ* 205б, *вреженшму* 195, *изложенъ* 203б, *обрученшму* 169, *порученъ* 158.

Вариант с суффиксальным ударением⁷⁷ (т.е. а.п. в): *спраженою* Р.дв. 174, *речнож* 199б, *реченому* 6б (*речному* 175б, 260), *реч|ною* 207, *вочтеному* 159б bis; *свершен-*

⁷⁵ Ср. также прилагательное *студенъ* (§ 65).

⁷⁶ Начальное ш здесь отражает одну из орфографических особенностей зоны Б (см. Новые данные, §8 и 24).

⁷⁷ Какие-то из приводимых написаний могут быть упрощенными.

оѣ (8х: 66, 145, 170 и др.), -ому 205, изложеною 205, 2076, низложеноѣ 199, поло|женоѣ 271, пред|ложеномъ 258, сложеногъ 1456, твореноѣ 16, тво|реному 2236, явленому 173; вероятно, сюда же неоцѣненомъ 248, оубиеноѣ 195. Малопоказательны написания с о в особых условиях: рече-но|ѣ 1406, наречено|ѣ 152, свѣршено|му 175 (ѣ вместо е), сохранено|мъ 2546.

В прочих нечленных формах написания Мерила не позволяют отличить *b* от *c*₂. Таковы: изложенихъ, положен-агш, -ую, -ам, -им, -ихъ, предложенимъ, преложенимъ, приложе-нагш, сложенихъ (14х), рожении 244, новороженыхъ 248, освобожен-и, -и, -им, -ихъ (8х), творен-и, -агш, -ѣ, -им (8х), притвореную 151, створен-ую, -ам, -им (4х).

Производные на -еньѣ здесь всегда пишутся с о: навод-нениѣ, вгожениѣ, преклонениѣ, покореньѣ, -ложеньѣ, об-новленьѣ, разореньѣ, пощениѣ, прощениѣ, рожениѣ, свобо-жениѣ, блгословлениѣ, истопленьѣ (в разных формах более 100 раз). Неизвестно, однако, какое в них ударение - суффиксальное или флексивное. Производные на -еньн-: неизреченью 203, сѣнью 1956, 206 (= священью), -оѣ 1986, 203, -о|ѣ 199 (а.п. а, гр. 1).

Особо отметим помановена И.ед. 1366, -и 1996, въспо-мановень 1176, 160, -ихъ 1566, 157; также повиновениѣ 366.

Причастия с суффиксом -н-

§ 89. В Мерило встречаются следующие типы акцентуации таких причастий: а.п. а (гр. 2) - чисанш, -шѣ; а.п. а (гр. 1) - повелѣно, -оѣ; акц. кривая *c*₂ - данш, -шѣ⁷⁸.

А.п. а (гр. 2). Случай, когда причастие имеет ударение, общее для всей парадигмы: глѣнш 127 (по-видимому, = гла-гланш, ср. глагшлахомъ), неизгланшѣ 211 [Б], огланшѣ 157; оуготванш 28 -агш 36; несдѣланшѣ 4; неоправданшѣ 986 [Б]; слышанш 197. По-видимому, этот же случай пред-ставлен в кшнчанш 207, не всѣданш на нь 336 (от всѣдати). Случай, когда в причастии ударение на слог левее, чем в инфинитиве: свѣщанш 249, 267, 2686; писанш (11х: 206, 22, 63 и др.), -шѣ 132, 2006, -шму 1716, 1746, написанш (9х: 856, 86, 90, 149 и др.), -шѣ (5х: 175, 1846, 258 и др.), пшдѣписанш 208; испытанш 776; поруганш 346. Неясно, к какому из двух случаев относятся заповѣдан-шѣ 746, 173, 197, -шму 175, исповѣданшму 186, оувѣданш 229.

По-видимому, к а.п. а (гр. 2) относятся также солганш 1656, необолганш 2146 [Б], пшсланшѣ 201.

А.п. а (гр. 1): повелѣно (8х: 76, 93, 2056 и др.), -оѣ 168, -о|ѣ 1476, -омъ 1516 (также -омъ Д.мн. 167); раст-лѣно 106. Из причастий на -анш сюда, вероятно, относят-ся: держаному 1846, оудержаному 946; истошано 2526; при-тажаноѣ 1786. Ср. Чуд. оудержан-оу Д.ед. 78г, -и 102в.

⁷⁸ В одном случае: хрсто|знаменаноѣ 168 - можно предпо-лагать а.п. а (гр. 3).

Акц. кривая c_2 : данѡ 76, 106, 266, 243, 253, 254 bis, данѡѣ 436, 253, 268, вданѡ 176, 250, 274, -ѡѣ 114, 1626, 257, изданѡ 2486, ѡ^тданѡ 2506, поданѡ 1836, -ѡѣ 143, 179, 1836, преданѡ 1976, 2406, -ѡму 956, проданѡ-ѡѣ 1936, 240, 260 bis, -ѡму 2616; избранѡ 216, 24, 27, 31 bis. Упрощ.: дано 2496.

Трудные случаи. Неясно, являются ли упрощенными (при а.п. а, гр. 2) или отражают а.п. а (гр. 1) написания: писаному 95, написано 170, -ому 1696 кин., 1706; свѣща-ноѣ 1756, взискано| 116, оугнано|ѣ 1926. Неясно также, являются ли упрощенными или отражают акцентный вариант, относящийся к а.п. в, написания поданю Т.ед. (?) 1716, незваномъ же 95 (ср. Чуд. проданоѣ, званий и т.п.).

Материал по причастиям на -ованѡ недостаточен для того, чтобы сделать надежные выводы: послушьствов-анѡ 1756 (явно конечное ударение), но -ано 726; также даровано 51. Вероятна неустойчивость ударения.

Отпричастные производные: оуготъванѣ 12; стоимѣ Р.ед. 2006, блгостоянѣ 166, достоян-ѣ 386, 162, -ѡ 79, рас-тоян-ѣ 258, -ѡ 2016; грохотанѣмъ 348, копанѣ 1336, 1376 bis, в локани 1256 ter (опускаем слова на -ованѣ); непрестанно 826, несочтанноѣ 1736. По-видимому, ударение колебалось в случае: написа-ннѡ 1536 (не- 154), -ннѡ 154 — написа-ннѡ 766, -ннѡ 154, ненаписанно 766 (но||), 1726 bis.

Причастия с суффиксом -т-

§ 90. А.п. а (гр. 1): покрыто 26. А.п. с: натѡѣ 1676, взато 117, 134, 1636, взатѡѣ 115, ѡ^тнато 261, приато 106, 104, 1166.

Сравнение акцентуации причастий в Мериле и в Чуд.

§ 91. С диахронической точки зрения данные Мерила по причастиям представляют исключительный интерес. В 1968 г. В.А. Дыбо теоретическим путем пришел к выводу о том, что "акцентная кривая в в причастиях на -елѡ возникла в результате выравнивания из первичной акцентной кривой с" (Дыбо 1968, с. 209), притом что не только древнерусские, но и южнославянские памятники фактически отражают а.п. в. Мерило оказалось памятником (единственным из ныне известных), в котором непосредственно представлено постулированное В.А. Дыбо состояние, ср. свершенѡѣ, реченѡѣ и т.п. (а также, с другими суффиксами, вѣдомо, дамѡѣ, данѡѣ и т.п.).

Таблица 15 демонстрирует на типовых примерах различия в акцентуации ряда причастий от глаголов а.п. с в Мериле и в Чуд.

Мерило еще сохраняет здесь (хотя бы в качестве варианта) флексивное ударение членных форм, тогда как в Чуд. оно уже заменено наосновным ударением, характерным для

Т а б л и ц а 15

Суффикс	Мерило	Чуд.
-ом-	c_1 : влекомъ, вѣдомо	a : влекомъ, пасомо, зовомый
-ем-	c_2 (?): дажмим же, дажмимъ	b (?): подажмѣ
-ек-	c_2 // b : свершенѡ, -ѡж // -ож	b : роженъ, свершенѣ, свершеный
-н-	c_2 : поданѡ, поданж	b : проданъ, проданѡ, проданѡе

Т а б л и ц а 16

Суффикс	Мерило	Чуд.*
-ущ-	"мочь"	мога, мѡгуще, мѡгущемъ
	прочие	ищѣ, мѣлюще, мѣющихъ
-ащ-	гона, гнаще, гнащихъ	гонѣ, гнаще, гнащий
-им-	колебание: нѡсимъ, ѡтгѡнима, привѡдимагѡ (чаще) и приносимъ, пригоними, любимѡ (реже)	колебание: соудимъ, понѡсими, ѡтвѡдими (реже) и соудимъ, понѡсимъ, водими, гоними, любимѣ (чаще)
-ек-	колебание: затѡченъ, неоутѡмлена, оустрѡжени, купленѡму (чаще) и оумолень, оустрожени, испрошеное (реже)	колебание: изѡстрень, соужено, оутѡмлени, коуплени, ѡтпрошена, взлюблenny и искоушенъ, оумолѣни, ѡсоужена, расоуженае
* Единичные отклонения не отражены.		

всех более поздних памятников. Таким образом, в этом пункте Мерило архаичнее, чем Чуд. Заметим, что действительные причастия от глаголов а.п. с находятся в Чуд. на более архаичной стадии, чем страдательные: здесь еще встречается флексивное ударение членных форм (*градоуцѣю*,

свои́м), хотя гораздо чаще выступает новое ударение (*градоу́щюй, створшемоу* и т.п.).

Сравним теперь ударение в Мериле и в Чуд. у некоторых причастий (не только страд.) от глаголов а.п. *b* (таблица 16); возможные различия сводятся здесь лишь к выбору между предсуффиксальным и суффиксальным ударением.

Как можно видеть, в Мериле гораздо шире, чем в Чуд., представлено предсуффиксальное ударение. Однако систематическое расхождение между Мерилом и Чуд. здесь только в причастиях с *-ищ-*; в прочих случаях разница лишь в количественных соотношениях. Вопрос о том, какой из двух типов акцентуации здесь более архаичен, нуждается в дополнительном исследовании.

Причастия на *-ань* от глаголов на *-ати* в части случаев обнаруживают в Мериле, как и в Чуд., сдвиг ударения влево (§ 89); однако из-за ограниченности материала точно выявить условия, при которых этот сдвиг происходит, не удается.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

§ 92. Акцентологическая система, открывающаяся (вернее, приоткрывающаяся) при анализе Мерила, — едва ли не самая архаичная из засвидетельствованных в восточнославянской области.

Как было указано в другой работе (Противоп., § 19), в говоре Мерила, возможно, еще сохранялось просодическое различие между энклиноменами и начальнoударными ортотоническими словоформами.

Из более частных акцентологических архайзмов выделяются: 1) сохранение а.п. *c* у страд. причастий (§ 88, 89); 2) сохранение корневого ударения у аористов а.п. *a* (§ 83); 3) то же у вторичных имперфективов от глаголов а.п. *a* (§ 80); 4) а.п. *a* у прилагательных с суффиксом *-н-*, производных от имен а.п. *b* с односложной основой (§ 59); 5) сохранение у слова "воля" акцентуации, отличной от а.п. *a* (§ 35); 6) статус энклиноменов (а не конечное ударение) у словоформ *никто, ничто, ово, таково*.

Яркую особенность Мерила составляет наличие второстепенного (ритмического) ударения в заударной части ортотонической словоформы. "Возраст" и зону распространения этого явления еще предстоит исследовать.

Основные и н н о в а ц и и по сравнению с реконструируемым праславянским состоянием: 1) переход причастий с суффиксами *-н-*, *-ен-*, *-ем-*, от глаголов а.п. *c* к флексийному ударению в нечленных формах (§ 88, 89); эта инновация охватила в Мериле не только морфологические модели *сведенш, прощенш* и бесприставочное *данш* (как в современном литературном языке), но и модели *избранш, поданш* (в отличие от современных литературных *избрано, по-дано*); 2) обобщение конечного ударения в ударных двусложных окончаниях местоименного склонения (§ 67); 3) то же в Т.ед. жен. на **-ојq* у существительных (§ 35); 4) по-

явление у слова "воля" (и нескольких сходных с ним) особой акц. кривой (§ 35); 5) устранение модели *mqdr-*ostb*, -*osti* у слов на *-*ostb* (§ 45); 6) *nikbtó že, *ničvtó že на месте *nikvto žé, *ničvto žé (§ 69).

Продолжим этот список инновациями, которые в Мерило еще не осуществились, а только наметились: 7) в адъективном склонении внутри а.п. с некоторые морфологические группы (прежде всего причастия с -ен-) и просто отдельные слова имеют тенденцию к замене флексивного ударения членных форм наосновным (§ 53, 60, 88); 8) у нескольких местоимений, в особенности отрицательных, изредка выступает ударение адъективного типа (-*ому* вместо -*ому́* и т.д., § 67); 9) в двух-трех случаях ударение -ств-*о* вышло за свои первоначальные рамки (§ 30); 10) в нескольких случаях ударение перенесено с бывшего сильного редуцированного влево - *бвлии*, *пребвлии* (§ 55), *мвгии*, *помвгии* (§ 84), *бвгии*, *штень* (§ 65), хотя в большинстве случаев старое ударение сохраняется (ср. *конець*, *орель*, *обещь*, Р.мн. *господии* и т.п.); может быть, сюда же единичные *пшмь*, *квнечнеж* при обычных *поимь*, *квнечнеж*.

Инновация 1 состоит в замене энклиноменов конечноударными словоформами, например, *положено заменяется на *положенw*; та же замена представлена и в случаях появления акц. кривой *s*₂ у обычных прилагательных: *цѣло* вместо *цѣло*, *таквѣ* вместо **таковѣ* и т.п. (§ 49). В Мерило имеет еще несколько примеров такой замены: *госпвѣ*, на *помшѣ*, *мршѣ*, *пакшѣ* (§ 42); возможно, сюда же *домшѣ* (§ 15). Из-за ограниченности материала трудно решить, лежит ли в основе всех этих замен какая-то единая причина.

По своей акцентологической системе Мерило весьма близко к Чуд. Так, из названных выше особенностей Чуд. разделяет с Мерилом архаизмы 2, 3, 5, инновации 1, 2, 4-9 (возможно, также 3, см. § 35, замеч.). При этом список морфологических моделей, охваченных инновацией 1, в Мерило и в Чуд. в точности одинаков. Особо отметим полное совпадение в Мерило и Чуд. аномальной акц. кривой слова "воля" (§ 35). Почти полностью совпадает распределение производных слов по акцентным парадигмам.

Важнейшее различие между Мерилом и Чуд. состоит в том, что в Чуд. отсутствует архаизм 1; практически отсутствуют также архаизмы 4 и 6. Кроме того, архаизмы 2 и 3 соблюдены в Чуд. менее последовательно, чем в Мерило. С другой стороны, в Чуд. почти не представлена инновация 10. Систематические расхождения между Мерилом и Чуд. затрагивают в основном сферу причастий, см. § 91. Имеются также некоторые расхождения в акцентуации отдельных слов (например, "свойство", "сродство", "злодей", "отроковица", "иконом", "мраморный" и др.).

Таким образом, Мерило и Чуд. отражают разные, хотя и близкие, говоры древнерусского языка XIV в., причем акцентологическая система Мерило в целом несколько архаичнее.

* * *

Чтобы облегчить использование настоящей работы для справок, приводим краткие сведения о распределении материала по параграфам (дать полный указатель в рамках статьи не представляется возможным).

Общие вопросы § 1-13.

Главное субстантивное склонение.

Мужской морфологический род. Общее § 14-17. Непроизводные и опростившиеся слова: исконные § 18-21, заимствованные § 22. Бессуффиксальные производные § 23. Суффиксы: *-ец-ъ* § 24, *-ник-ъ* § 25, прочие § 26.

Средний морфологический род. Общее § 27. Непроизводные и опростившиеся слова § 28. Суффиксы: *-ств-о* § 29-30, *-л-о* § 31, прочие § 32.

Женский морфологический род. Общее § 33-35. Непроизводные и опростившиеся слова: исконные § 36, заимствованные § 37. Бессуффиксальные производные § 38. Суффиксы: *-от-а* § 39-40, прочие § 41.

Второстепенное субстантивное склонение. Общее § 42. Слова без суффикса *-ост-ь* § 43. Суффикс *-ост-ь* § 44-45.

Адъективное склонение. Общее § 46-49. Непроизводные и опростившиеся слова § 50-53. Бессуффиксальные производные § 54. Сравнительные степени § 55. Суффиксы: *-н-* § 56-60, *-ск-* § 61, *-ов-*, *-ан-* § 62, *-к-* § 63 (общее о *-ск-*, *-ов-*, *-ан-*, *-к-* § 64), прочие § 65.

Местоименное склонение. Общее § 66-67. Основная группа § 68-70. Смешанная группа § 71-72.

Неизменяемые слова § 73.

Спряжение. Общее § 74.

Основная часть глагольной парадигмы. Глаголы: на *-ити* § 75-78, на *-ѣти*, *-ѣти* (с презенсом на *-ить*) § 79, на *-ати* (*-аѣти*), *-ѣти* (*-ѣтъ*) § 80, на *-овати* § 81, с презенсом на *-еть* (после согласной) § 82-84.

Страдательные причастия. Причастия с суффиксами: *-ом-* (*-ем-*), *-им-*, *-ен-* § 85-88, *-н-* § 89, *-т-* § 90. Сравнительные акцентуации причастий в Мерила и в Чуд. § 91.

Заключение § 92.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Апостол 1564 - Апостол. М., 1564 (старопечатная книга).
 Берында - Лексикон словенороский Памви Беринди. Київ, 1961 (ссылки даются на столбцы оригинала).
 Васильев - *Васильев Л.Л.* О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI-XVII вв. К вопросу о произношении звука *о* в великорусском наречии. Л., 1929.
 Дыбо 1968 - *Дыбо В.А.* Акцентология и словообразование в славянском. - В кн.: Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов (Прага, август 1968). Доклады советской делегации. М., 1968.
 Дыбо 1969 - *Дыбо В.А.* Древнерусские тексты как источник для реконструкции праславянского ударения (*praesens*). - ВЯ, 1969, № 6.
 Дыбо 1971 - *Дыбо В.А.* Закон Васильева-Долобко и акцентуация форм глагола в древнерусском и среднеболгарском. - ВЯ, 1971, № 2.

- Дыбо 1975 - Дыбо В.А. Закон Васильева-Долобо в древнерусском (на материале Чудовского Нового Завета). *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, v. XVIII, 1975.
- Космогр. - Космография Мартина Бельского. Рукопись Гос. библ. им. В.И. Ленина, ф. 152, № 2. Посл. четв. XVI в., южновеликорусские черты. Акцентуирована, акцентуация русская.
- Мерило - Мерило Праведное. Рукопись Гос. библ. им. В.И. Ленина, ф. 304, № 15 (см. также §1).
- Новые данные - Зализняк А.А. Новые данные о русских памятниках XIV-XVII веков с различием двух фонем "типа о". - *Сов. славяноведение*, 1978, № 3.
- Противоп. - Зализняк А.А. Противопоставление букв о и ѡ в древнерусской рукописи XIV века "Мерило Праведное". - *Сов. славяноведение*, 1978, № 5.
- Станг - *Stang Chr. Slavonic accentuation*. Oslo, 1957.
- Фер. - Ферапонтовская Кормчая. Рукопись Гос. библ. им. В.И. Ленина, ф. 98, № 248. Середина XVI в., южновеликорусские черты. Большая часть слов акцентуирована, акцентуация русская. Содержит значительную часть статей, входящих в Мерило.
- Чуд. - Новый Завет господина нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия, митрополита Московского и всея Руси (фототипическое издание Леонтия, митрополита Московского). М., 1892 (ссылки даются на листы и столбцы оригинала).
- а.п. - акцентная парадигма (см. § 5).
- кин. - киноварь.
- упрощ. - упрощенное написание (см. § 3).

Дополнения к главе 3

К §57. К числу примеров, относящихся к а.п. а, гр. 2, следует добавить *чстотни б*.

К §78. К списку глаголов а.п. с следует добавить *новити*.

К §92. В работе: Зализняк А.А., *От праславянской акцентуации к русской*, Москва, 1985 (см. в особенности §§ 3.4, 26, 35, 50, 54, 57, 58, 66-70 и карты № 3, 10, 11, 16, 17) - на базе сравнительного анализа значительного числа старовеликорусских памятников получен ряд дополнительных важных выводов о месте акцентологической системы Мерила среди других диалектных систем.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ОМЕГЕ
В “МЕРИЛЕ ПРАВЕДНОМ”

1. В 1984 г. в сборнике в честь Герты Хюттль-Фольтер появилась статья Дж. Шевелева «Альтернативный анализ некоторых языковых черт „Мерила Праведного“» [1], представляющая собой отклик на серию моих работ о «Мериле Праведном» XIV в., опубликованных в 1978—1979 гг. в «Советском славяноведении» и в «Славянском и балканском языкознании» [2—4]. Статья представляет тем больший интерес, что ее автор в 1978 г. открыл и исследовал омеговую орфографию (по принципу $\omega = /ô/$) в так называемом кодексе Ханкенштейна (Венском октоихе) [5]. Дж. Шевелев принимает основной тезис моих работ о «Мериле Праведном» (далее просто: Мерило), состоящий в том, что омега передает здесь фонему $/ô/$. В то же время он рассматривает вопрос о возможности иной интерпретации некоторой части данных Мерила и выдвигает гипотезу о том, что Мерило было списано с украинского оригинала. При этом, правда, автор прямо говорит, что он «не предлагает какой-либо окончательной точки зрения, отличной от точки зрения Зализняка». И далее: «Иначе говоря, я хочу поставить вопрос, а не решить его» [1, S. 296].

В настоящей статье обсуждаются вопросы, поставленные Дж. Шевелевым.

В работах [3, § 4] и [4, § 2] были предложены правила, описывающие распределение букв ω и o в так называемой зоне А [2, § 9] Мерила. Приводим их в огрубленной форме. 1. * ω дает o . 2. * o дает ω : а) в ударном слого ортотонической словоформы (это так называемое «великорусское», или просто «русское», правило); б) во втором заударном слого ортотонической словоформы; в) в перестроенном (иначе новозакрытом) начальном слого словоформы или фонетического слова (это так называемое «украинское» правило). 3. В прочих случаях * o дает o . Сверх этих основных правил имеются некоторые частные морфологические правила, касающиеся отдельных морфем.

Существенной дополнительной закономерностью Мерила (общей у него со всеми другими рукописями, различающимися $/ô/$ и $/o/$) является принцип, согласно которому вместо ω в качестве допустимой замены (не в качестве ошибки) иногда может выступать o (так называемое упрощенное написание) [2, § 16—22]. В Мериле это явление наблюдается примерно в 3% случаев. Здесь нам важно подчеркнуть, что это вполне регулярное явление и его нельзя смешивать с аномалиями или непоследовательностями. О подлинных аномалиях или непоследовательностях речь может идти лишь там, где написано ω вместо ожидаемого o или где замены ω на o резко выходят из рамок 3%-й «квоты».

Дж. Шевелев совершенно справедливо отмечает, что в центре моих интересов при анализе Мерила стоит акцентология и все то, что не связано с ней, отодвинуто на второй план. Самого Дж. Шевелева более всего интересует другая проблема — своеобразное соотношение русских и украинских черт в Мериле и его возможные истоки.

Сохраняя свой преимущественный интерес к акцентологической стороне проблемы, я рассмотрю в первую очередь те замечания, которые могут хотя бы частично повлиять на акцентологическую интерпретацию данных Мерила.

Дж. Шевелев полагает [1, s. 299], что действие «украинского» правила в Мериле нужно считать всеобщим, а не ограничивать его лишь начальным слогом. Соответственно, мою трактовку словоформ типа *законъ*, *достоиньи*, *животъ*, *отрокъ* как отражающих русское ударение на втором слоге он считает произвольной, поскольку столь же успешно (хотя, как говорит Дж. Шевелев, не менее произвольно) можно трактовать здесь *о* как результат действия «украинского» правила.

Понятно, что этот тезис не безразличен для акцентологической интерпретации написаний Мерила: если, например, *о* в *животъ* может объясняться просто закрытостью слога, то незаконно делать из написания *животъ* вывод о том, что за ним стоит ударение *животъ*. Ввиду этого рассмотрим вопрос о состоятельности данного тезиса подробно.

Допустим, что при описании Мерила (точнее, его зоны А) принято, как это предлагает Дж. Шевелев, «украинское» правило появления омеги для любых слогов, а не только для начального¹.

В этом случае из данного правила окажется очень много исключений. Некоторые из них, правда, легко объяснить как упрощенные написания, например, *животъ* 26б, *позоръ* 63б, *во особнѣ* 244б при во много раз более частых *животъ*, *зазоръ*, *законъ*, *особно* и т. п. Примеры этого рода мы можем далее уже не рассматривать (все они приводятся в [4], в рубриках, посвященных упрощенным написаниям).

Остается, однако, большой массив примеров, для которых такое объяснение непригодно.

Лишь очень немногие из них содержат *о* вместо *о* в начальном слоге словоформы или фонетического слова; их разбор содержится в [3, § 21] и здесь нет нужды его повторять.

Подавляющее большинство примеров с *о* вместо *о*, требуемого «украинским» правилом, содержит это *о* в н е н а ч а л ь н о м слоге. Рассмотрим тот случай, когда это *о* принадлежит основе (об окончании см. отдельно ниже). Приводим материал с *о* вместо *о* (омонимичные формы, например, И. ед., В. ед. и Р. мн. на -ъ, не разграничиваются; там, где это упрощает дело, вместо адресов примеров дается отсылка к [4]):

икономъ (5 ×), *солѡмонъ* (5 ×), *федоръ* (2 ×), *дьяволъ* (2 ×), *дьяконъ* (11 ×), *архидьяконъ*, *идолъ*, *яковъ* (2 ×), *яковъ*, *никифоръ* (3 ×) [4, § 22]; *помощь* (6 ×), *похоть* (2 ×), *немошь*, *кротость* (3 ×), -ью (2 ×), -ию, *бл(а)гокротостию*, *гордость*, -ью (2 ×), *крѣпость* (3 ×), *лютость* (2 ×), *мерзость* (4 ×), *милость* (2 ×), -ью, *немилость*, *мудрость* (3 ×), *скудость*, -ью, *скупость*, *старость*, *несытость*, *твердость*, *тихость*, *трезвость*, *тягость* (2 ×), -ью, *оуность*, *хитрость* (2 ×), -ью, -ию, -ьми, *лѣнностью* (-ию) (4 ×), *радостью*, *ревностию*, *накостъ* (7 ×), -ию, *ярость* (2 ×), -ью, -ию [4, § 44];

грамотъ 250, *козмы* 230; *свободъ* 1296 bis;

¹ При желании можно также поставить это правило на первое место внутри пункта 2 (коль скоро Дж. Шевелев усматривает в помещении этого правила на последнее место некую тенденцию к минимизации украинского элемента в Мериле). В действительности, как легко проверить, совокупный результат действия правил 2а, 2б и 2в, «порождающих» омеги, не зависит от порядка их применения.

немоцно, -а, -ии, -ымъ (в сумме 9 ×), *немочно*; *свободно*, -а, -у, -и, -ы, -ому, -аго, -ья, -ую, -ѣмъ, -ии, -ыхъ, -ымъ, -ыми (в сумме 35 ×), *несвободно*, -и, -ы; *адовныя*, *домовн-ымъ*, -ыхъ (2 ×), *даровнаго*, *сладоствнѡму*, *лѣностн-ымъ*, -ѣ, *накостн-ая*, -ыхъ, *вѣновн-оѣ* (от *вѣно*), -аго, -а, *жалостна*, *радостно* (2 ×), -а, *яростноу*, *нелѣпнѡ* [4, § 56—57]; *чѣтотни* 6, *оуношьски* 65, *неистовъ* 2616, *адовъ* 22, *дионисовъ* 3476, *леонтвовъ* 131, *бѣсовскоѣ* 3446 (одно из двух о — вероятно, второе — является здесь упрощенным написанием);

помощникъ, с *помощники*, *похотници*, *свободникъ*, *сановникъ*, -у, *накостникъ* [4, § 25]; *ѡт сватовѣства* 2216, *сиротѣства* 229;

положьшю 158, *обновльшему* 274, *свобождша* 3246, *свобождшая* 183 *видомъ* «видимый» 3, *невидомъ* 3, *небрегомъ* 138, *влекома* 586².

2. Нетрудно заметить, что эти исключения вовсе не случайны: даже в современном языке большинство перечисленных словоформ акцентуируется так, что интересующее нас *о* безударно³. Обращение к данным акцентуированным памятникам XIV—XVII вв. показывает, что и у тех словоформ данного списка, которые теперь имеют ударение на *о*, в древности было (постоянно или хотя бы в качестве варианта) иное ударение.

Прокомментируем коротко, не претендуя на полноту разбора, словоформы этой последней категории (а также не дожившие до нашего времени).

Иконома: на фоне господствующего ударения *иконѡмъ* отмечен вариант *икѡномъ*, ср. *икѡнома* Дос. 96, *икѡно^м* Пат. 568а, *къ икѡному* Пат. 628а. Кроме того, в словаре Беринды (столбец 54) дано *домостройте¹*: *οἰκόνομος* (в отличие от стандартного греческого *οἰκονόμος*). В самом Мериле место ударения в этом слове (а именно, на втором слоге) непосредственно видно из омеги после *к* — в соответствии с «русским» правилом, действие которого в открытых слогах не оспаривает и Дж. Шевелев.

Соломонъ: *Солѡмонъ* — постоянное великорусское дониконовское ударение (в отличие от юго-западного *Соломѡнъ*) [6, с. 112—113]; отмечено в Чуд. и в десятках старовеликорусских рукописей. Опять-таки, в Мериле место ударения в этом слове видно и просто из положения *и* омеги.

Свободъ (несклоняемое прилагательное): это энклимен, ср. Чуд. *нѣ свободъ* 1236.

Свободно, -ому и т. д.: старое подвижное ударение в нечленных формах и флексивное в членных хорошо засвидетельствовано в Чуд.: *свѡбодни* 84в, *сѡбодни* 45г, *сѡбоднѣ* 45г, *свѡбоднѣ* И. ед. жен. 102б, *о свѡбодн'ѣи* 121г, *свѡбоднѣя* Р. ед. жен. 123г bis, *ѡт свѡбоднѣя* 123в (и лишь один пример с новым ударением — *ѡт свѡбѡднѣя* 123в). В XVI в. старое ударение нечленных форм еще изредка встречается, тогда как членные формы его уже утратили (особо стоит памятник Хр., обобщающий в этом и других подобных случаях ударение нечленных форм: *сѡбѡдно* 33б, -*и* 1354, *сѡбѡдн-и* 299б, -*ы^м* Д. мн. 950б, -*ыми* 1208б). В самом Мериле в примере *свѡбоднѡму* место ударения непосредственно показано омегой.

² В перечисленных категориях словоформ омега встретила лишь в *на помощь* 265, *накъсть* 87б, *ярѡсть* 21б, *порѡжьши* 5б. Пример *нарѡжьше* 224б, приводимый Дж. Шевелевым [1, S. 298], ошибочен: в действительности это *на^с рѡжьше* 'родившие нас'.

³ Насколько мы можем судить, у этой части словоформ оно было безударно и в древности (правда, в *мудрѡсть*, *лѡтость* исконным было суффиксальное ударение, но, как показывает Чуд., в XIV в. оно уже по крайней мере в части говоров было заменено корневым).

Втновоѣ: омега показывает, что ударение падало здесь на третий слог (или, может быть, на первый), но не на второй.

Домовнымь, даровнаго, бѣсовскоѣ, помощникъ, свободникъ, сановникъ, сиротства: все эти слова произведены от слов акцентной парадигмы *с* и по общим правилам акцентуации производных закономерно должны иметь ударение правее интересующего нас слога с *о*. В Чуд. они не встретились; в XVI—XVII вв. они уже выступают преимущественно с новым ударением, но в части случаев сохраняется и старое: *бѣсовскѣа* (В. мн.) Час. 324, *помочникѣвъ* Колм. 197 (ср. также современное укр. *помічнийк, помічника*), *сиротствѣд* Печ. 546 (ср. также *сиротствѣд* в словаре Ф. Поликарпова 1704 г. и *сирѣтствѣо* у Даля). В памятнике Хр., с его описанной выше особенностью, отмечены *дбмовный* 931б, *бѣсовскѣи* 1064б.

Ч(и)стотни, адовныя: эти производные от слов акцентной парадигмы *а* несомненно имели в XIV в. ударение на корне; ср. постоянное ударение *чѣстота, нечѣстота* в большом числе памятников XVI в. (в Чуд. эти слова не встретились).

Положьшю, обновльшему и т. д.: ср. в Чуд. такие ударения, как *рожшѣа* 167а, *явльшѣ же ся* 84а, *створшѣ* 28в, *створшѣму* 143в, *сѣтворшѣмоу* 154г, *явльшѣгося* 63а. При этом, однако, уже в Чуд. в этих же формах акцентной парадигмы *с* чаще представлено новое ударение — корневое: *полѣжьшю, ствѣрше, примѣршеся, ствѣршемоу, примѣршаго* и т. п. Свидетельством аналогичного акцентного колебания в Мери́ле является единичное *порѣжьши*; но в Мери́ле, в отличие от Чуд., старое ударение в этих формах еще преобладает.

Небрегомъ, елекомъ: в акцентной системе Мери́ла это энклиномены, т. е. причастия с *-ом-* от глаголов акцентной парадигмы *с* сохраняют в Мери́ле свой древнейший акцентный статус. Во всех других памятниках, включая Чуд., уже почти полностью победила новая акцентовка — суффиксальная (*влекѣмъ, блудѣмъ* и т. п.). От более древнего подвижного ударения здесь сохраняются лишь следы. Так, косвенным следом такого рода в Чуд. являются ударения *подѣмѣо* 131а, *вѣдомѣ естѣ* 80а, *влаемѣ* 'колеблемѣ' 126б (с заменой энклиноменной акцентовки на флекссионную). Кроме того, в *вѣроу з'овѣмъ* Чуд. 147б маленькая черточка над *з*, может быть, является знаком второго ударения; но это ненадежно. Далее, в памятнике Жит., различающем /ѣ/ и /ѡ/ (по системе «*о* широкое = /ѣ/»), причастия с *-ом-* обнаруживают /ѡ/: *о* узкое представлено в *влекѣмы* 286б, *ведѣма* И. дв. 287б (от *вести*), также в написаниях без знака ударения *елеко*^м 276б, *елекоми* 274б, *ведѣми* 273, *бодо*^м 309, *ядѣми* 274б (при единственном отклонении — широком *о* в *зѣвомоу* В. ед. 271). Подвижность ударения в слове *вѣдомѣсть* (Р. мн. *вѣдомѣстѣй*), по-видимому, является просто следствием древней подвижности ударения в причастии *вѣдомъ*. Ср. также по *знакомѣствоу* Улож. 333б, которое указывает на древнее подвижное ударение прилагательного *знакомъ*, где выступает тот же суффикс в соединении с основой слова *знакъ* (принадлежащего к акцентной парадигме *с*).

Сверх перечисленных выше словоформ, исключениями из «украинского» правила являются также *близѣчество* 24б, *-а* 220б, *-омѣ* 24б, *-ѣ* 246б; ср. *ѡ* в *близѣчества* 221, 222б bis. В действительности это не что иное, как отражение колеблющегося ударения (ср. *ѡ*^т *близѣчества* Фер. 436б, 437б). Такой же источник, по-видимому, имеет расхождение между *полунощныя* 35б и *полунощное* 35.

3. Итак, во всей приведенной совокупности исключений из «украинского» правила *о*, выступающее вместо требуемого этим правилом *ѡ*, было безударным. В большинстве примеров соответствующее ударение было в XIV в. единственно возможным, в остальных случаях оно конкурировало с другими акцентными вариантами. Таким образом, все эти исключения сразу перестают быть исключениями, если признать, что в нена начальном слог е действовало только «русское» правило.

В статье Дж. Шевелева рассмотренной здесь проблеме посвящена всего одна фраза [1, S. 299]: «Правда, суффикс *-ость* (*тихость* и т. п.) регулярно пишется через *о*, равно как прилагательное *свободный*, но в тексте часто встречаются маньеризмы (*mannerisms*) различного рода». Даже если оставить в стороне утверждение о том, что в Мериле вообще много маньеризмов (с которыми мы не согласны), ясно, что маньеризмами необходимо объявить отнюдь не только слова на *-ость* и *свободный*, но и несколько десятков других. Если же мы все-таки захотим как-то избавиться от столь громоздких списков, то лучше всего признать за писцами Мерила следующий «обобщенный маньеризм»: писать *о* вместо *ѡ* в безударном слог е (нена начальном).

Рассмотрим теперь вопрос с другой стороны: нет ли в нена начальных слогах таких омег, которые объясняются только «украинским» правилом, а «русскому» правилу противоречат? Дж. Шевелев утверждает, что такие случаи есть [1, S. 299]. Поскольку он не указывает при этом ни одного из них конкретно, попытаемся взять эту задачу на себя (разумеется, не ограничиваясь маленькой выборкой, предложенной Дж. Шевелевым, а в объеме всего Мерила). Разберем тот основной случай, когда интересующее нас *ѡ* или *о* входит в основу (об окончаниях см. отдельно ниже).

Очевидно, под наибольшим подозрением находятся те примеры, где место омеги не соответствует современному русскому ударению. Таковы: *отрѡкъ* 796, 1696, 343, *соколъ* 2, 3396, *собо́ль* 316, *горо́днѣ* 341 bis, *-ю* 341, *ѡ^т неистѡвьства* 816, *ипѡдьяко^н* (Р. мн.) 131, *на помощь* 265, *пакѡсть* 876, *яро́сть* 216, *приѡбщиша^с* 2246 (Дж. Шевелев неточно цитирует эту словоформу как *приѡбщиша*). Однако привлечение данных исторической акцентологии позволяет установить, что почти во всех этих примерах омега соответствует реальному ударению XIV в.— постоянному или допускаемому в качестве варианта.

Отрѡкъ: акцентовка *отрѡкъ*, *отро́ка* является нормой для Чуд. и для большого числа рукописей XVI в.; акцентовка *отро́къ*, *отро́ка* отмечается начиная с XVI в. (на востоке великорусской территории) и интенсивно распространяется в XVII в.

Соко́ль: акцентовка *соко́ль*, *соко́ла* является нормой для старовеликорусских рукописей. Она дожила до нашего времени в говорах и в фольклоре; ср. также поговорку *гбл как соко́л* в литературном языке.

Горо́днѣ, *-ю*: ср. *горо́дню* Фер. 989, *горо́днѣ* (Р. мн.) Фер. 989, *20 горо́де^н* Лет. 243 (при том, что существовал также акцентный вариант *горо́днѣ*).

Неистѡвьства: акцентный вариант с ударением на *-ов-* отмечается в XVI—XVII вв. довольно широко, ср. *неистѡвьство* Сенн. 1406, Цв. 1116, *-а* Печ. 90, Ряз. 294, *-у* Сенн. 1686, Хлын. 326, *неистѡвьство* Печ. 1476, *неистѡвьство* Егор. 125, 174, *-а* Пск. 3116.

Ипѡдьяко^н: скорее всего здесь отразилось ударение на *пѡ* (являющееся инновацией) и второстепенное ударение во втором заударном слог е, ср.

пѡдіяцы Фер. 544, 549, 550, *пѡдіака* (с двумя знаками ударения) Фер. 2386 (что касается неустойчивости начального *и*, ср. в Мериле *гѣмономъ* 'игемонам' 27). (Подробнее см. [4, § 22].)

На помощь, пакость, ярость: эти написания с *ѡ* выступают в Мериле лишь как единичные отклонения от обычных *помощь, пакость, ярость* (см. выше). Их естественно сопоставить с изредка встречающимися во многих памятниках XV—XVII вв. примерами нена начального ударения в слове *помощь* и в словах на *-ость*; ср., в частности: *помѡщъ* Сени. 83а, *помѡщъ* Т. пс. 134 bis, *пѡмѡщью* Лет. 419, *на помѡщъ* Хр. 814б, *на помѡщъ* Пер. 62; *ярѡстію* Новг. 252б, *в рѡдѡсть* Т. пс. 52, *тѣхѡсть* Фер. 841, *жестѡсть* Карг. 47б и т. п. Следует подчеркнуть, что во всех этих памятниках приведенные примеры выступают на фоне гораздо более частых ударений *пѡмощь, ярость, рѡдѡсть* и т. д. Таким образом, Мерило в этом отношении вполне сходно с целым рядом более поздних памятников.

Приобщѡща^с: это единичное отклонение от регулярных *да не приобщѡщѣ*^с 89б, *приобщѡти* 117б, *приобщѡтѡся* 117, *приобщѡющѡся* 105, *приобщѡющѡся* 244, *приобщѡвати*^с 229 — вероятно, ошибка под влиянием бесприставочных *ѡбѡщѡти(ся), ѡбѡщѡние, ѡбѡщѡина*.

И лишь для написания *сѡбѡль* прямых свидетельств старого ударения *сѡбѡль* в нашем распоряжении нет, т. е. можно при желании считать это искомым исключением. В действительности, однако, на фоне всех остальных данных естественнее предположить, что перед нами акцентное свидетельство, не сохраненное более поздними памятниками (тем более, что это слово вообще очень редко встречается в памятниках, особенно в единственном числе). Замена старого *сѡбѡль* более новым *сѡболъ* — такая же, как в *соколъ, хобѡтъ, овощъ, хворѡсть, тварѡгъ, желудъ, степень* и ряде других.

Что касается приводимого Дж. Шевелевым [1, S. 298] *радимѡвъ с(ы)нъ* 221б, то это в действительности *радинѡвъ с(ы)нъ* — от греч. *Ῥαδιηρός*; ср. *склирѡвъ с(ы)нъ* 221б — от греч. *Σκληρός*; в обоих случаях, судя по акцентуации греческих имен, следует предполагать ударение на *-ѡв-*. В *изрѡвновахъ* 3б, вероятно, отразилось ударение на *-рѡв-*.

Заметим, что, предлагая здесь возможные объяснения для каждого неочевидного написания в Мериле, мы превышаем меру необходимого в доказательстве того, что в нена начальных слогах Мерила «украинское» правило не действует. Когда речь идет о считанных примерах, не исключена также какая-то доля простых ошибок. Важно то, что даже спорных примеров совсем мало, а таких, которые можно было бы объяснить т о л ь к о действием «украинского» правила, нет вообще.

4. Несколько особый характер носит распределение *ѡ* и *о* в окончаниях, а именно, в этой сфере оно частично регулируется правилами морфологического характера. Так, в Д. мн. существительных постоянно (за исключением лишь одного примера) выступает *-ѡмъ*, вопреки как «украинскому», так и «русскому» правилу [3, § 28]. С другой стороны, в окончаниях М. ед. *-ѡмъ* и Д. М. ед. *-ѡи* почти всегда выступает *ѡмега* [3, § 29] (из-за недостатка примеров неясно, не относилось ли к этой же группе также окончание Р. мн. *-ѡвъ* [4, § 21]).

В остальном окончания подчиняются тем же правилам, что и основы. Так, например, не подчиняются «украинскому» правилу написания *вѣздѡвохъ* 15, *скѡдохъ* 3б, *обрѣтохъ* 61, 122б, *сѣдохъ* 14б (в отличие от *прѡдохъ* 37б, *снѡдохъ* 38); между тем с акцентной точки зрения эта раз-

ница оказывается совершенно закономерной: в Чуд. находим *вздвѣгохъ*, но *изидб^x* и т. д. [3, § 10]. В Д. мн. прилагательных при окончании *-омъ* (*-омъ*) находим, с одной стороны, в частности, *доволномъ*, *по^бномъ*, *самовластномъ*, *повельномъ* (где окончание входит в первый заударный слог), с другой стороны, в частности, *призываемомъ*, *причитаемомъ*, *недвижимомъ*, *ненави^омомъ*, *неоправданомъ*, *окраденомъ*, *посланемъ* (где окончание входит во второй заударный слог). (Подробнее см. [4, § 48, 86—89].)

Отметим также следующее обстоятельство, которое, хотя и является, строго говоря, всего лишь следствием рассмотренных выше отношений, ценно своей наглядностью. В Мериле слова с неодносложной основой в подавляющем большинстве случаев сохраняют один и тот же набор *o* и *ω* в основе при словоизменении, в частности, при замене окончания *-ъ*, *-ь* на слоговое или наоборот. Так, например, с одной стороны, мы видим: *залогъ* — *залога*, *законъ* — *закона*, *канонъ* — *канона*, *готовъ* — *готово*, *оубогъ* — *оубога*, *подобенъ* — *подобно*, *работы* — *работъ*, *придохъ* — *придоша* и множество подобных. С другой стороны: *дьяконъ* — *дьякона*, *дьяволъ* — *дьявола*, *солѡмонъ* — *солѡмону*, *ияковъ* — *ияковъ*, *помощь* — *помощи*, *похоть* — *похоти*, *гордость* — *гордости*, *неистовъ* — *неистово*, *дионисовъ* — *дионисово*, *грамота* — *грамотъ*, *обрѣтохъ* — *обрѣтоша*, *сѣдохъ* — *сѣдоша* и т. д. Совершенно очевидно, что весь этот обширный материал грубо нарушает «украинское» правило, которое во всех этих случаях должно было бы дать чередование $\omega : o$.

Лишь в считанных случаях такое чередование действительно есть. Это *живомъ* — *живота*, *отрокъ* — *отрока*, *видокъ* — *видока*, *сирота* — *сиротъ*, *такѡе* — *такѡвъ*. Однако во всех этих случаях ударение таково, что в словоформе на *-ъ* оно падает на конечный слог основы, а в словоформах со слоговым окончанием — правее или левее этого слога: *живомъ* — *животá*, *отрокъ* — *отрокá*, *сиротá* — *сиротъ* и т. д. Итак, «украинское» правило, требующее чередования $\omega : o$ в последнем слоге основы, не соблюдается в Мериле у слов с неодносложной основой почти никогда, а в тех считанных словах, где оно все же соблюдается, этого чередования требует также и «русское» правило.

5. Все сказанное можно резюмировать так. За пределами начального слога «украинское» правило появления омеги действует в Мериле тогда и только тогда, когда того же самого результата требует «русское» правило; при конфликте двух правил здесь всегда работает «русское» правило. Это может значить только одно: в нена начальном слоге появление омеги определяется в Мериле «русским» правилом.

Таким образом, подкупающий в первую минуту тезис о том, что трактовать ω в *законъ* и т. п. как отражение ударности и как отражение закрытости слога «одинаково произвольно», не выдерживает серьезной проверки. Совокупность всех данных Мерила (а не нескольких десятков примеров) ясно показывает, что одна из этих трактовок верна, а другая нет.

Помимо проведенного конкретного разбора, здесь нужно учитывать также следующее простое обстоятельство общего характера. Если бы акцентологические заключения делались (в масштабах столь крупного памятника, как Мерило) из написаний, в которых на самом деле не заложено акцентологической информации, полученная в итоге картина акцентной системы неизбежно содержала бы множество нелепостей, внут-

ренных противоречий, невысказанных, ничем более не подтверждаемых ударений⁴. Акцентная система любого восточнославянского говора есть объект столь высокой степени сложности, столь многоплановой внутренней организации, что не существует и одного шанса из миллиарда получить правильную картину этой системы случайно.

Между тем акцентная система Мерила, восстановленная в [4], лишь немногими деталями отличается от акцентной системы Чуд., в тексте которого ударения обозначены прямолинейным способом — акцентными знаками⁵. Далее, акцентная система Мерила определенным образом связана, с одной стороны, с системами XVI в., с другой — с реконструированной восточнославянской и праславянской системой. Сами отличия системы Мерила от других систем, в частности от Чуд., не разрозненны и не хаотичны, а касаются как правило целостных групп словоформ и обладают внутренней последовательностью (ср. [3, § 11]). Некоторые специфические детали системы Мерила оказываются промежуточным звеном развития между праславянским и реальными системами памятников [4, § 92]. Совокупность всех этих характеристик столь бесповоротно исключает случайность, что именно она является самой сильной гарантией правильности акцентной интерпретации написаний Мерила⁶ (разумеется, речь идет о гарантии самих принципов интерпретации в целом, а не каждого единичного факта в отдельности).

6. Перейдем к вопросу об истоках «украинского пласта» омег в Мерило, т. е. тех омег, появление которых определяется «украинским» правилом. Этот вопрос не затрагивает акцентологической интерпретации Мерила (поскольку омеги данной категории не несут акцентологической информации); соответственно, для наших основных целей он относительно менее существен.

Дж. Шевелев предлагает следующую схему. Мерило было списано с юго-западного (украинского) оригинала, написанного по омеговой системе, т. е. лингвистически подобного кодексу Ханкенштейна (добавим: и евангелию МГУ № 1367). Великорусские (может быть, тверские) писцы сохранили омеги оригинала, но, зная, что ω есть знак для / δ /, добавили ряд своих омег для передачи русского / δ /, например, *добр ω* , *кор ω ва* (вместо *добро*, *корова*, стоявших в оригинале).

⁴ Для наглядности можно провести следующий простой эксперимент: представим себе, что «ради расширения базы акцентологического исследования» мы сняли при описании Мерила «украинское» правило вообще, т. е. объявили даже и начальный закрытый слог сферой действия «русского» правила. В этом случае вместо какого бы то ни было выигрыша акцентолог получил длинный ряд не подтверждаемых ни памятниками, ни теоретической реконструкцией ударений (например, *п \acute слати*, *пр \acute звати*, *п \acute тицание*, *б \acute слате*, *б \acute са*, *к \acute бчегъ*, *б \acute латъ* и многие другие), которые только скомпрометируют его работу в целом. Отсюда можно видеть, сколь мало заинтересован акцентолог (вопреки подозрениям Дж. Шевелева) в расширении сферы своего исследования за счет акцентологически неинформативного материала.

⁵ Заметим, что это сходство укрепляет наше доверие к акцентным знакам в Чуд. в той же мере, как и к омеговой орфографии в Мерило.

⁶ По этой причине я считаю излишним подробно обсуждать, например, высказанное вскользь замечание Дж. Шевелева [1, S. 304] о том, что омеги в заударных слогах, быть может, вообще не связаны с ударением, а определяются скорее «несколькими искусственными орфографическими правилами». Если не считать нескольких окончаний, которые ведут себя особо (ср. об этом выше), связь заударных омег с позицией второго заударного слога выявляется вполне надежно, см. материал в [3, § 12] и в тех разделах [4], которые посвящены словам с ударением соответственно на последнем и на предпоследнем слоге основы.

Заметим сразу же, что списывание с юго-западного оригинала вполне вероятно, если учесть интегративные связи Твери (в том числе культурные) с Юго-Западной Русью в XIV в. Столь же вероятным следует считать заимствование самого графического принципа $\omega = /ô/$ с Юго-Запада. Что же касается непосредственного перенесения ω в Мерило из оригинала, то эта гипотеза наталкивается на очень большие трудности.

Прежде чем разбирать этот вопрос, следует напомнить, что в написании Мерила участвовали три (менее вероятно — два) писца-каллиграфа и не меньше шести учеников [2, § 8—11]. Все писцы, в том числе и ученики, работали весьма тщательно: описок и прочих огрехов очень мало. В отношении «чересполосицы» почерков Мерило едва ли не уникально: в рукописи выявляется около 150 точек перемены почерка. В этих условиях ни о каком систематическом совпадении границ почерков с границами статей (ни тем более с границами почерков оригинала) не может быть и речи: один писец отдает перо другому чаще всего в середине фразы, нередко даже в середине слова.

Соответственно, волею случая Мерило оказывается идеальным пробным камнем для старого спора о том, чем преимущественно определялась орфография древних писцов — копированием оригинала или собственной орфографической выучкой.

Как показывает анализ, почерк каждого из писцов Мерила, в том числе и учеников, обладает высокой степенью графической и орфографической последовательности. В частности, каждый почерк обнаруживает чрезвычайно устойчивые статистические характеристики в употреблении букв-омофонов (*и* и *i*, *оу* и *у*, широкое и узкое *о* и т. д.). При этом у разных писцов графико-орфографические системы несколько различны.

Важнейшее для нас различие состоит в том, что омеговую орфографию (т. е. принцип $\omega = /ô/$) применяют все каллиграфы (так наз. зона А) и один ученик (зона Б); у остальных учеников она отсутствует (зона В). Это не значит, что писцы зоны В вообще не знают омеги; просто они используют ее без связи с $/ô/$. Все они употребляют ω в морфеме *от*; в почерках «м» и «о» [2, § 11] ω употребляется также в начале слова и после гласной (в почерке «о», охватывающем целых 57 листов, этот принцип реализован почти без отклонений). В других позициях ω в зоне В не встречается (если не считать четырех примеров Р. ед. на *-аг ω* , *-ег ω*).

Никаких общих графико-орфографических особенностей, которые объединяли бы, например, двух писцов, списавших вместе ту или иную статью, и отсутствовали бы у них при их работе над другими статьями, нам обнаружить не удалось.

Все эти факты недвусмысленно свидетельствуют о том, что в своих графико-орфографических принципах писцы Мерила были независимы от оригинала. Разумеется, это не касается вопросов фонетического облика слов: например, видя в оригинале *скербьно*, писец скорее всего не считал для себя возможным заменить его на *скорбьно*, поскольку это не вопрос орфографии.

Если принять гипотезу Дж. Шевелева о копировании омегового оригинала, мы сталкиваемся со следующей парадоксальной ситуацией: ученики справились с задачей перераспределения ω и *о* при списывании идеально, не оставив ни единого следа от «украинского» правила оригинала, тогда как учителя-каллиграфы сумели решить эту задачу лишь довольно посредственно.

Можно, правда, попытаться разрешить этот парадокс так: только учителя (но не ученики) знали сам принцип $\omega = /ð/$, и это-то как раз и усложняло их задачу. Видя, например, украинское *гордость*, они воспринимали эту словоформу как фонемно отличную от своего *гордость* (т. е. так же, как *скербно* по сравнению со *скорбно*) и должны были каждый раз решать, имеют ли они в данном случае право на замену.

Практически, как уже было показано выше, они сохраняли омеги, не соответствующие «русскому» правилу (и правилу о втором заударном слоге), только в начальном слоге. Очень существенно то, что в этом отношении все три каллиграфа поступали совершенно одинаково; тем самым предполагать здесь какую-то индивидуальную причуду невозможно.

В чем причина такого отличия начального слога от остальных — вот самая трудная проблема в истолковании данных Мерила.

Самое простое предположение состоит в том, что, например, в *домъ*, *возъ* и в первом слоге словоформ *болному*, *послати* и т. п. писцы Мерила действительно произносили $/ð/$. Далее имеется две возможности: а) это было чертой их говора; б) это было условностью их книжного произношения, украинизмом, который обладал в их глазах престижем (как это предполагает Дж. Шевелев [1, S. 302]). Как некоторую модификацию версии «б» можно рассматривать предположение, что это была чисто графическая условность, т. е. что писцы Мерила говорили только $/d\text{эм}/$, но считали престижным записывать это как *домъ*.

Дж. Шевелев утверждает, что рассматриваемая особенность не могла быть чертой их говора, поскольку ни украинские, ни русские говоры с такой особенностью начального слога неизвестны. Это серьезный аргумент, но все же не абсолютный. Он исходит из того, что любая важная особенность, свойственная некоторому древнерусскому говору, непременно должна отразиться в каких-то из позднейших говоров (а также из того, что науке уже полностью известны все существенные свойства современных говоров). Между тем обе эти посылки едва ли верны. В связи с первой из них достаточно указать хотя бы такое явление, как окончание *И. ед. -е* (*хлббе*, *Варламе*) в древненовгородском диалекте: в настоящее время, по-видимому, ни один говор не сохраняет этой черты и даже изолированные ее следы предельно редки. Что же касается распределения $/ð/$ и $/\text{э}/$ в говорах (как в древних, так и в современных), особенно на великорусской территории, то в этой сфере наши нынешние знания настолько очевидным образом неполны, что было бы совершенно неосновательно заранее исключать здесь возможность сюрпризов.

Считая гипотезу о том, что в основе распределения ω и o в Мериле лежит особый говор, наиболее вероятной, я тем не менее не исключаю в принципе также и возможность условного произношения или условной записи. Просто мы сталкиваемся здесь с той же самой проблемой: почему эта условность была ограничена лишь начальным слогом? Загадочность такого ограничения во всяком случае не меньше, чем загадочность говора, вмещающего в начальном слоге русские и украинские черты распределения $/ð/$ и $/\text{э}/$.

Важно следующее: если мы действительно имеем дело с условным произношением или написанием, то ограничение его одним лишь начальным слогом никоим образом не могло возникнуть спонтанно (независимо у каждого из троих каллиграфов) лишь вследствие работы с украинским омеговым оригиналом. Оно непременно должно было составлять часть

их книжного обучения. В самом деле, если бы омеги в *домъ*, *послати* и т. п. попадали в Мерило лишь потому, что они стояли в этих словоформах уже в оригинале, было бы совершенно невозможно объяснить, почему ни один из переписчиков не переносит из оригинала лишние, с русской точки зрения, омеги неначального слога. Иначе говоря, если принять гипотезу об условном произношении или написании таких словоформ, как *домъ* или *послати*, то гипотеза об украинском омеговом оригинале становится излишней: писцы с такой выучкой могли писать точно так же с любого оригинала и просто со слуха. Более того, если верить в теорию копирования, абсолютную свободу зоны В от «украинских» омег, конечно, проще объяснить исходя из безомегового оригинала.

Теория копирования оригинала заставляет Дж. Шевелева интенсивно искать в Мериле следы его украинского оригинала. Не найдя смещения *ы* с *и*, *рь* с *ръ*, *бь*, *нъ*, *мь*, *вь* с *бъ*, *нъ*, *мъ*, *въ*, он по разным причинам отводит эти явления из числа обязательных украинизмов. Про написание *жч* и про смещение *в* и *у* сказано, что «эти черты, если они присутствовали в предполагаемом оригинале, были искоренены полностью» [1, S. 301]. Для «нового *ѣ*» Дж. Шевелев все же указывает три примера: *запрѣщѣние* 222б, *щадѣниемъ* 67б и (с оговоркой possibly) *нѣ звати* 230б. К сожалению, все три примера ошибочны: на л. 222б в действительности стоит *запрѣщениа* (Р. ед.), с *е*; *щадѣние* — правильное образование от глагола *щадѣти* (от *щадити* было бы *щажение*; вдобавок, вариант *щадити* вообще появляется поздно, его даже нет у Срезневского). Наконец, на л. 230б находим: *не поѣбаеть жены звати гѣжею. но лѣпо же|нѣ звати мужа гѣномъ*. При этом Дж. Шевелев не воспользовался готовым списком случаев смещения *ѣ* и *е*, приведенным в [2, § 14] (где нашлось бы, например, *наводнѣниемъ* 319б).

В действительности, если принять во внимание орфографическую самостоятельность писцов Мерила, отсутствие всех перечисленных выше явлений не могло бы служить серьезным аргументом против наличия у Мерила украинского оригинала. Другое дело то, что существование такого оригинала вероятно лишь из общих соображений, тогда как ни из каких орфографических или языковых свойств Мерила оно с обязательностью не вытекает.

7. В заключение хотелось бы подчеркнуть, что доверие к показаниям Мерила основано отнюдь не на наивной вере в то, что все писцы древней Руси стремились как можно точнее передать звучащую речь. Мне неоднократно приходилось работать с древнерусскими памятниками, которые изобилуют графико-орфографическими условностями. В основе доверия к Мерилу лежат именно те индивидуальные черты, которые резко отличают этот памятник (точнее, его зону А) от рядовой книжной продукции XIV в.

Главным из таких отличий является сама омеговая орфография. Сейчас ясно, что в эпоху Мерила такая орфография была чрезвычайной редкостью: попытки обнаружить другие рукописи XIV в. с омеговой орфографией, сверх трех ныне известных, пока что не дают успеха. По-видимому, эта орфография была привилегией немногих очагов книжности, где поощрялось графико-орфографическое новаторство, в частности, попытки найти графические средства для передачи фонемных различий, игнорируемых традиционным письмом.

Кроме того, в Мериле обнаруживается ряд частных особенностей, которые внешне выглядят как орфографические условности, однако при более внимательном анализе оказываются отражением фонетических особенностей. Так, например, постоянство орфограммы *-омъ* в Д. мн. существительных (не-

зависимо от ударения) было бы очень естественно оценить как орфографическую условность; однако от этой иллюзии приходится отказаться, когда выясняется, что почти во всех старовеликорусских памятниках XVI в., различающих /ô/ и /о/, в окончании Д. мн. столь же постоянно представлено /о/ [3, § 28]. Омега, выступающая вопреки акцентным правилам в окончаниях -омь и -ои, находит соответствие в диалектных безударных окончаниях -ум и -уй — в говорах (южновеликорусских и белорусских), где в силу аканья здесь ожидалось бы -ам, -ай [3, § 29]. Постоянной (независимой от ударения) омеге в -аго, -ого (в Р. ед.) соответствует постоянное ô в ряде старовеликорусских рукописей с камерной системой различения /ô/ и /о/ и постоянное широкое о в некоторых рукописях с системой «широкое о = /ô/». Аномальные написания *толико* (11 ×), *колико* (5 ×) получают удовлетворительное объяснение, лишь если предположить, что *о* и *о* записаны здесь по слуху в соответствии с живым произношением этих слов как [tô'л'кô] и [kô'л'кô] [3, § 23]. Напомним также, что заударным омегам Мерила типа *праведно* нередко непосредственно соответствуют написания типа *праведно̇* (или типа *пра̇ведно̇*) в Чуд. [3, § 16]; в старовеликорусских рукописях XV—XVII вв. обнаруживаются десятки аналогичных примеров, где акцентным знаком показано второстепенное ударение. Даже такая супертрадиционная орфограмма, как *о̇т*, в рамках Мерила ничем не отличается от других примеров с *о̇* в начальном закрытом слоге, т. е. ничто не мешает ей быть в данной системе не условной. Этот список можно было бы продолжить. Конечно, из этих фактов нельзя заключать, что в Мериле условных написаний (в частности, в сфере *о̇* и *о*) нет совсем. Однако они служат хорошим предостережением против обратной крайности; иначе говоря, они требуют от исследователя «презумпции доверия» к показаниям Мерила: доказываться должна недостоверность (условность) того или иного написания, а не наоборот.

В целом Мерило представляет собой весьма строгий в лингвистическом отношении памятник. Однако эта строгость выявляется лишь при достаточно глубоком анализе, охватывающем весь материал. При беглом просмотре она не видна; более того, в вопросе об *о̇* и *о* легко возникает иллюзия непоследовательности и произвола. Но усматривать лишь игру случайностей и условностей там, где уже обнаружилась закономерность,—значило бы отказываться от подарка, который нам сделали самые чуткие к языку и самые свободные от рутины книжники древней Руси.

П а м я т н и к и

Дос. — Синайский патерик, 2-я четв. XVI в., Гос. Исторический музей (далее: ГИМ), Увар. 883. **Егор.** — Евангелие учительное, 2-я четв. XVI в., Гос. библиотека им. В. И. Ленина (далее: ГБЛ), ф. 98, № 80. **Жит.** — Сборник житий, 2-я четв. XVI в., ГБЛ, ф. 173, № 57. **Карг.** — Василия Великого о постничестве, 1556 г., ГБЛ, ф. 304, № 133. **Колм.** — Космография Меркатора, Колмогоры, 1670 г. (по изданию: Космография 1670, СПб. 1878—1881). **Лет.** — Троицкий летописец, сер. XVI в., ГИМ, Синод. 645. **Мерило** — Мерило Праведное, XIV в., ГБЛ, ф. 304, № 15. **Новг.** — Псалтирь, 1548 г., ГИМ, Увар. 592. **Пат.** — Скитский патерик. Новгород, 1553 г.; в рукописи ГИМ, Синод. 216. **Пер.** — Слова Аввы Дорофея, 1633 г., ГБЛ, ф. 310, № 194. **Печ.** — Минеи-четы. Печенга, 1605 г., ГБЛ, ф. 138, № 17. **Пск.** — Феодор Студит. Псков, 1590 г., ГБЛ, ф. 242, № 134. **Ряз.** — Лествица. Солотча, 1611 г., ГИМ, Барсов 246. **Сенн.** — Толкование на евангелия, 1499—1500 гг., ГИМ, Синод. 302. **Т.пс.** — Псалтирь, XV—XVI вв.; в рукописи ГБЛ, ф. 304, № 329. **Улож.** — Уложение царя Алексея Михайловича (печатное). М., 1649. **Фер.** — Кормчая, сер. XVI в., ГБЛ, ф. 98, № 248. **Хлын.** — Златоуст, 2-я четв. XVII в., ГБЛ, ф. 310, № 539. **Хр.** — Хронограф, 4-я четв. XVI в., ГБЛ, ф. 98, № 202. **Цв.** — Триодь цветная (печатная). М., 1591. **Час.** — Часослов, кон. XV в.; в рукописи ГБЛ, ф. 304, № 329. **Чуд.** — Чудовский Новый Завет, XIV в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Shevelov G. Y.* An alternative analysis of some language features of «Mëriло Pravednoje». — Festschrift für Gerta Hüttl-Folter zum sechzigsten Geburtstag. — Wiener Slawistischer Almanach, Bd 13, 1984.
2. *Зализняк А. А.* Новые данные о русских памятниках XIV—XVII вв. с различием двух фонем «тиша о». — Советское славяноведение, 1978, № 3. [= выше глава 1].
3. *Зализняк А. А.* Противопоставление букв о и ѿ в древнерусской рукописи XIV в. «Мерило Праведное». — Советское славяноведение, 1978, № 5. [= выше глава 2].
4. *Зализняк А. А.* Акцентологическая система древнерусской рукописи XIV в. «Мерило Праведное». — Славянское и балканское языкознание. История литературных языков и письменность. М., 1979. [= выше глава 3].
5. *Shevelov G. Y.* Omega in the Codex Hankenstein. — Studia Linguistica Alexandro Vasilii filio Issatschenko a Collegis Amicisque oblata. Lisse, 1978.
6. *Успенский Б. А.* Из истории русских канонических имен. М., 1969.

Дополнение 2010 года

Благодаря любезности С. Л. Николаева я получил возможность ознакомиться с одной чрезвычайно интересной диалектной системой, проливающей дополнительный свет на оригинальное распределение двух фонем типа *o* в «Мериле Праведном». Речь идет о говоре деревни Выбити Солецкого района Новгородской области (магнитофонная запись М. Н. Толстой и А. В. Тер-Аванесовой 1992 г., роспись и исторический анализ материала выполнены С. Л. Николаевым).

В этом говоре **o* дает два рефлекса: *uo* и *o*. В ударном слоге их распределение (в отвлечении от мелких деталей) таково:

1. В открытом слоге энклиноменов — *o*, например: *vódu, pól'e, kór'en', nógyt', vórŷn.*

2. В открытом слоге ортотонических словоформ — *uo*, например: *guón'it, tuól'ic:a, oxióta, oknió, takúoje.*

3. В новозакрытом слоге (с любой акцентуацией) — *uo*, например: *puop, kuon', kuot, nuóška, doruóška* (ортотонические словоформы); *nuos, guos't', puot, suol'* (энклиномены).

Эта система очевидным образом сходна с системой «Мерила Праведного». Она не тождественна этой системе во всех деталях, но обладает общим с нею фундаментальным свойством — в ней сочетаются «русский» и «украинский» принципы распределения /*ð*/ и /*ɔ*/. В системе деревни Выбити в открытых слогах действует «русский» принцип, в новозакрытых — «украинский»¹. Это практически то же самое распределение, что в «Мериле Праведном». Так же, как в «Мериле Праведном», энклиноменов здесь может получить рефлекс закрытого /*ð*/ только в начальном слоге — просто потому, что этот рефлекс возможен только под ударением, а ударение энклиноменов — начальное.

Разница в сущности лишь в том, что в «Мериле Праведном» в начальном слог «украинский» принцип действует независимо от места ударения, отсюда такие примеры, как *noslati, kowcegъ* и т.п. (где начальный слог безударен), тогда как в Выбитях безударные слоги в противопоставлении /*ð*/ – /*ɔ*/ не участвуют.

Как мы видели, Дж. Шевелев возражал против признания написаний «Мерила Праведного» отражающими реальный говор писцов на том основании, что ни русские, ни украинские говоры с такой оригинальной особенностью — сочетанием «русского» и «украинского» принципов распределения /*ð*/ и /*ɔ*/ — неизвестны. После открытия говора деревни Выбити для этого возражения уже больше нет оснований. Мы можем теперь с уверенностью утверждать, что на какой-то части будущей великорусской территории говоры с указанной фонетической особенностью реально существовали и дожили до нашего времени.

Отметим, что как пространство Ржев – Торопец – Смоленск – Мосальск, к которому выше был предположительно отнесен говор писцов «Мерила Праведного», так и Солецкий район Новгородской области, к которому принадлежит деревня Выбити, относятся к средней части западной половины великорусской территории. Можно предполагать, таким образом, что говоры с данной особенностью встречались (хотя бы в рассеянной форме) во всей этой зоне.

¹ По сообщению С. Л. Николаева, такую же систему имеет говор соседней д. Невское (Свинорт), как показал вновь записанный материал 2005 г. (вопреки его работе [Николаев 1996]).

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ

Ссылки даются на главы (цифра перед точкой) и параграфы, например: 1.14, 3.58 (в серии ссылок на одну и ту же главу номер главы не повторяется).

Указатель ориентирован прежде всего на учет цитируемого в книге материала Мерила, а также других древнерусских источников. Прочий материал (например, из современных языков или диалектов) отражен лишь выборочно. Запись слов — нормализованная позднедревнерусская (иногда с небольшими отступлениями в пользу вариантов, характерных именно для Мерила, например, *мужьство*); вместо *а* и *я* пишется *я*, вместо *к* — *е*.

Для компактности родственные слова, стоящие в указателе рядом, в части случаев объединяются в статьи «гнездового» типа. В форме единой статьи могут быть записаны и просто соседние слова, если они имеют одну и ту же отсылку.

У приставочных глаголов (если только приставка не срослась с корнем) и прилагательных с *не* приставка при помещении слова в указатель не учитывается; например, *о-сѣннѣти* дается на *С*. Обычно все встретившиеся приставки указываются в скобках после глагола. (Ввиду наличия переходных случаев следует, впрочем, проверить вызывающее сомнение слово в указателе дважды — по корню и по приставке.)

В глагольных статьях для большей наглядности особо выделены причастия на *-мыи*, *-ныи*, *-тыи*, поскольку в Мериле они обычно несут наибольшую акцентологическую информацию.

Для удобства ориентировки имена собственные даны с заглавных букв (хотя в тексте книги они даны, в соответствии с оригиналом, строчными буквами).

Авиронь 3.54
адовный 2.12, 3.57, 59, 4.1, 2
адовъ 3.62, 64, 4.1
александрский 3.61
алкати 2.16
алконость 3.22
Аммонъ 3.22
Амфилои 3.22
Амфилохии 1.14, 3.10 (сн. 23), 22
Анкюра 1.14
Антиох|ъ, -ия, -иискии 2.30
апостольский 2.12, 3.10 (сн. 23), 61, 64
архидьяконъ 3.22, 4.1
Ахарь 3.15, 22

баба 3.34
багогъ 3.19

безбѣдныи 3.58
безгодье 3.32
бездѣльныи 3.58
беззакон|ие 3.32; -никъ 3.10 (сн. 23), 25;
-новати 3.81; -ныи (не-) 3.58
беззлобие 3.32
бервьно 3.28
Берестово 3.62
бесплодье 3.32
беспомощныи 3.58, 59
бес|порочныи, -скверненыи, -словесныи,
-студныи, -челенныи 3.58
бесчестныи 3.30, 58, 59
бесчисленныи 3.58
-бивати (по-, у-) 2.16
-бирати: сбираемыи 3.10 (сн. 23)
бисерь 2.16

- бити (от-, по-, про-) 2.25, 26 (сн. 52),
-биены, бьены (по-, у-) 2.25, 3.88
благ|ии, -о 3.28, 52
благо|боязливый 2.30, 3.8, 65; -волити
3.78; -вѣрство 3.29; -кротость 3.44,
4.1
благо|лепный, -прилежный 3.58
благород|ие 3.32; -ный 3.8, 58; -ство 3.29
благослов|ити: -ены 3.88; -ление 3.88
благостояние 3.89
благота 3.39, 40
близочество 3.29, 4.2
блудничьский 3.59, 61, 64
блудный 2.10, 3.56
блюдо 3.28
блюсти: блюдомыи (не-) 3.88, 4.2
бо 2.4, 14, 16, 18, 3.2, 73
бобрь 2.20, 3.21
богатство 3.29, 30
богатыи 3.65
бого|боиныи (не-), -лѣпныи, -носныи 3.58;
-словецъ 3.24
богъ 3.15, 20
бодливый 2.21
божественный 2.12, 13, 3.47, 57, 59
божество 3.20, 29, 30
божии 3.65, 92
бокъ 3.20
болгаре 2.7
болии, боле, больше, больши (*и т. д.*) 2.10,
3.55, 92
болого 3.28
боль 'большой' 3.21
больма, больми 2.20
больный 2.20, 31, 3.4, 9, 56, 59, 4.6
больше *см.* болии
болѣ|знь 3.42 (табл. 8), 43; -сть 3.43
болѣ|ти (по-) 2.20, 30, 3.79
боляринъ 1.14, 3.26
боранъ 3.18
борзыи 2.7, 3.52
борода 2.9, 3.36
борона 3.36
бороти 3.82, 91 (табл. 16)
бортныи 3.47, 56
борть 2.7
бости (про-) 3.82–84, бодомыи 4.2,
прободеныи 3.88
боязнь 3.43
бояринъ 3.18
бояться (у-) 2.22, 3.79
бракъ 2.7, 16, 3.10 (сн. 23), 15, 16
бранити: в(о)збраненыи 3.10 (сн. 23), 88
брати: браныи (из-, со-) 2.10, 17, 3.89, 92
братолюбие 3.8
братучадо 3.27
братъ 2.31 (табл.), 3.14 (табл. 2), 15, 18
брачныи 2.10, 3.20, 56, 59
бречи: небрегомый 3.88, 4.1, 2
бридкии 1.14, 3.63
брозда 1.14
броня 2.7
броснути 2.7
бывати (пре-) 2.16, бываемый 2.12, 16,
3.86
быстрокочивый 3.65
быти 1.14, 2.9, 13, 16, 3.84
бѣда 2.11, 3.34
бѣдныи 3.56, 59
бѣжати (по-) 1.12
бѣлогородский 2.14, 3.30, 47, 59, 61
бѣс|ныи 3.35; -овский 3.47, 61, 4.1, 2
бѣсъ 2.28

Вавилон|ъ 3.22; -ский 3.61
варварский 3.61
Васильевъ 2.13, 3.62
ввожение 3.87
вгодный 1.13, 2.20, 3.58
вгожение 3.88
вдова|а 2.9, 3.33 (табл. 7), 35, 36; -ица
3.41; -ство 3.30
о-вдовѣти 2.27, 3.80
ведро 'serenum' 3.28
великий 3.47, 65
вельможа 3.38
велѣти: повелѣныи 3.48, 89, 4.4
вербный 3.47, 56
вервныи 1.13, 14
-вергнути: вверженыи 2.12, 3.86
вередный 2.14, 3.47, 56, 59
вертоградъ 3.23

- верховнии 3.65
 -вершати: свершаемыи 2.12, 17, 3.10 (сн. 23), 86
 -вершити: свершеныи 1.14, 3.88, 91
 вести (воз-, при, с-) 2.10, 16, 3.83,
 ведомыи 3.88, 4.2, сведеныи 3.88, 92
 весь 1.14, 2.14
 ветхии 3.53
 взаконение 3.87
 взбранныи 3.58
 взопити 2.7
 видокъ 2.28, 3.14 (табл. 3), 16, 26, 4.4
 видомыи (не-) 3.86, 4
 видѣти 2.13, 16, 3.79
 видимыи (не-) 2.12, 13, 3.47, 86
 видомыи 4.1
 вина 2.11, 3.34
 винныи (от вино) 3.59
 вино 2.9, 3.28
 виноватыи 3.65
 виноградъ 3.8, 23
 вира 1.14
 вистѣлица 1.14
 владыка 3.33 (табл. 6), 34, 41
 властелѣ, -инь 3.26, 61; -ьскии 2.29, 3.26,
 35, 47, 49, 61
 власти 'владеть' 3.26
 влачити: повлачимыи 2.25, 3.48, 88
 влаяти: влаемыи 4.2
 влечи: влекомыи 3.88, 91 (табл. 15), 4.1, 2
 внук|а 3.34; -ъ 1.23
 вода 1.16, 2.4, 9, 20, 31, 3.33 (табл. 7), 36
 водити (в-, вз-, из-, на-, от-, при-, у-) 2.16,
 3.10, (сн. 23), 75 (табл. 12), 77,
 водимыи (в-, от-, при) 3.77, 91 (табл.
 16)
 водныи 2.21
 водо|важа 1.13; -теча 1.14
 воевода 3.38
 вож|скии 2.20; -ъ 2.20, 3.19
 воздухъ 2.8
 возможные (не-) 2.9, 3.58
 возъ 2.20, 3.9, 14 (табл. 3), 21, 4.6
 вои 'воин' 3.19
 воини|къ 2.20; -чьскии 3.10 (сн. 23)
 воинскии 2.14, 3.61
 воинств|енныи 3.4, 57; -о 2.12, 3.4, 27
 (табл. 5), 29, 30; -овати 2.13, 3.4, 81
 воину, выну 'всегда' 2.8, 22
 воинъ 2.16, 22, 3.26
 воискии 2.20
 -волити (из-, произ-) 3.77, 78
 волкъ 2.7, 28, 3.4, 16
 волна 'unda' 2.7
 волога 2.9, 3.36
 Володимѣрь 2.9, 3.23; -ъ 3.54
 волостель 3.26, 61
 волость 2.9, 3.42 (табл. 8), 43
 волосъ 2.9, 3.14 (табл. 3), 20
 волочи (с-) 3.82
 волхвовати 2.7, 16, 17
 волшебныи 2.7
 воль 2.10, 20, 3.15, 17, 19
 вольныи (не-) 2.20, 3.47, 56, 59
 воля (не-) 2.10, 31, 3.4, 33 (табл. 7), 35,
 36, 92
 вонича 3.41
 вонъ 'наружу' 2.7
 воня 3.33 (табл. 7), 35, 36
 в(о)просъ 2.7, 20, 3.23
 вопрошение 3.87
 ворогъ 2.9, 3.20
 ворон|а 2.9, 3.33 (табл. 7), 36; -ии 3.65;
 -овъ 2.19
 ворота 2.9, 3.28
 воротити (вз-, за-) 2.9, 3.77
 ворочати 2.9, 3.80
 воскъ 2.20, 3.20
 в(о)сточныи 3.58
 вотъ 2.8
 воцаныи 2.11, 3.4, 20, 47, 62, 64
 вопреки 3.4
 врагъ 2.28, 3.16
 вражда 2.11, 3.34
 враждовати 2.17
 -вратити: развращеныи 3.88
 вредити: вреженыи 3.88
 вредныи (не-) 3.56
 Всеволод|ичъ 3.23, 26; -ъ 3.23
 всецельи 3.52
 вскормленикъ 2.7
 всходъ 2.9, 3.63

- всякии 2.14, 16, 17, 29, 3.66, 67, 72
 вторыи 2.10, 3.4, 10 (сн. 23), 50
 входь 2.20, 3.14 (табл. 3), 23
 въ, во 1.14, 2.7, 8
 во нь, во ньже, во ть 2.8,
 во имя 2.8, 22
 -выкнуги (на-) 3.83
 высокии 3.65
 высота 3.39, 40
 вѣдати (пропо-) 2.16, вѣданыи (за-, испо-,
 пропо-, у-) 2.12, 16, 3.89
 вѣдомость 4.2
 вѣдѣти 2.16; вѣдомыи (не-, пре-, у-) 3.88,
 91, 4.2
 вѣдѣние (не-) 1.14
 вѣкша 2.7
 вѣно 1.14, 3.27, 28, 57; -вныи 3.57, 4.1, 2
 вѣр|а 3.34; -ныи (не-) 3.56, 59; -овати
 2.13, 16, 17, 3.81
 -вѣтовати (от-) 2.16
 вѣтръ 3.16
 вѣчныи 2.10, 3.56, 59, 60
 вѣщати: свѣщаныи 2.12, 3.89
 вѣщевати (с-) 1.14
 вязати (роз-) 2.27, связаныи 2.16

 геона 2.30, 3.34
 Георгии 2.30
 -гибати (по-) 1.14
 ги(б)нуги (по-) 2.10, 3.83, 84
 глава 3.35
 глагол|ати 2.13, 3.80 (сн. 71), 83, 86, 89;
 -емыи 2.12, 3.86; -аныи (неиз-, о-)
 2.12, 3.89
 гнати (по-) 2.25, угнаныи 3.89
 гнои 2.20, 3.21
 гнусныи 3.56
 гнездо 3.28
 гобѣиныи 3.57
 година 3.41
 годити (у-) 2.9, 3.78
 годъ 2.20, 3.20
 годѣ 'годится, уместно' 3.20
 голважня 2.7
 голова 2.3, 4, 9, 11, 31 (табл.), 3.2, 4, 33
 (табл. 7), 34–36
 головни|къ 3.25, 36; -чство 3.25, 29, 30,
 36
 голубъ 2.9, 3.43
 Гоморъ 3.22
 гонзати 2.21
 гонити (из-, от-, по-) 2.11, 16, 3.4, 77, 91
 (табл. 16), гонимыи (от-, при-) 3.87,
 91 (табл. 16)
 гора 2.11, 3.33 (табл. 7), 34–36
 горд|ость 3.44, 45, 4.1, 4, 6; -ыи 2.7
 горе 'несчастье' 2.28, 3.55
 гории 'худший': горе 3.28, 55, горѣе 3.55
 горьше, горьши (*и т. д.*) 2.20, 3.55
 горестъ 3.44
 горлица 2.7
 горнии 2.20
 горнчаръ 2.7
 городити (пере-) 3.78, огороженыи 3.88
 городн|икъ 3.25; -ыи 3.56
 городня 3.41, 4.3
 городской 2.9, 3.20, 61, 64
 городъ 2.3, 4, 9, 3.2, 4, 14 (табл. 3), 17, 20
 горожанинь 3.26
 горохъ 3.18
 горсть 2.7
 гортанъ 2.7
 горькии 2.14 (сн. 37), 20, 3.47, 63,
 горьчѣе 2.20
 горьше см. гории
 горѣ 'вверх' 3.36
 горѣти (из-, по-, раз-, с-) 3.79
 господ|а 3.36; -арь 3.26; -овати 3.81;
 -скии 3.47, 61; -ство 2.30, 3.4, 29, 30
 господъ 3.42, 43, 92
 гостинноприимство 3.29
 гостинь 3.65
 гостити (при-) 3.78
 гостолубивыи 3.8, 65
 гость 3.8, 42 (табл. 8), 43; -ба 2.20
 готовати (из-, у-) 2.14, 3.80, уготованыи
 3.89
 готовити (у-) 2.16, 3.75 (табл. 12), 76, 78
 готовыи 2.9, 31 (табл.), 3.4, 47 (табл. 10),
 50, 62, 4.4
 градский 3.20, 61
 градъ 'город' 2.7, 3.15, 16, 20

- гражанинъ 3.26
 грамота 3.33 (табл. 7), 37, 4.1, 4
 грекъ 1.14
 грести (по-) 2.10, 3.83, погребеныи 2.9, 3.88
 Григории 3.10 (сн. 23), 11, 22
 гробныи 2.20
 гробъ 2.20, 3.17, 20
 громныи 2.20
 грохотание 3.89
 грызти (про-) 2.25
 грѣх|овныи 2.8, 3.19 (сн. 28), 57, 59;
 -любець 3.8
 грѣхъ 3.19
 грѣш|ити 2.16; -никъ 2.28, 3.16; -ныи 3.59
 грясти 3.91
 гумно 3.28
- Даниль 1.14
 даров|ати 2.13, 3.81; -аныи 3.89; -ити 3.78; -ныи 3.20, 57, 59, 4.1, 2
 даръ 3.14 (табл. 2), 15, 20
 датель 3.26
 дати 3.26, даныи (в-, из-, от-, по-, пре-, про-) 2.10, 3.47, 49, 89, 91, 92
 даяти (пре-) 2.16, даемыи (от-, по-, про-) 1.14, 3.48, 88, 91, 4.2
 двигнути (в-, вз-) 2.10, 3.83, 4.4
 движимыи (не-, непо-) 2.12, 3.10 (сн. 23), 48, 86, 4.4
 двое 2.9, 3.69
 дважды 2.20
 двои 2.9, 3.69; -ство 2.20
 двоити: раздвоенныи 3.88
 двоица, двоиче 2.22
 дворныи 2.20
 дворъ 2.3–5, 10, 20, 28, 3.14 (табл. 3), 17, 19
 день 2.20, 3.21
 дерево 2.12, 3.27 (табл. 4), 28
 держава 3.34
 держати (об-) 2.27, обдержимыи 3.48, 88, удержаныи 3.89
 дерзновен|ие, -ныи 3.87
 десныи 2.12, 3.52
 десятыи 3.50
- дивныи 3.56
 Дионисовъ 2.13, 30, 3.62, 4.1, 4
 Дионъ, Диось 2.30
 дневныи 3.57, 59
 до 2.25
 доблии 2.20
 добро (не-) 2.3, 4, 9, 20, 3.4, 10 (сн. 23), 27 (табл. 5), 28, 51, 4.6
 добро- 3.8, 51
 добро|воние 3.32; -дѣтель 3.8;
 -зерноберець 3.51; -покорливыйи 3.65;
 -разумивыйи 3.51
 доброта 2.10, 3.33 (табл. 7), 39, 40
 добрыйи 2.9, 20, 3.4, 8, 47 (табл. 9–10), добръишии 3.55, добръ (не-) 3.51
 добытокъ 2.7
 довлѣти 2.25, 3.80
 довольныи (не-) 2.12, 3.47 (табл. 9), 48, 58, 4.4
 дождевныи 2.7
 дождь 1.12, 2.7
 доже 3.73
 доити ‘mulgere’ 2.22, 3.75 (табл. 12), 77, 78
 доколѣ 3.73
 долги 2.7, 3.50
 долгъ ‘debitum’ 1.14, 2.7, 3.15, 16, 20
 должн|икъ 3.25; -ыйи 2.7, 10, 31 (табл.), 3.10 (сн. 23), 20, 56, 59
 долу, долѣ 3.21
 долън|икъ, -ыйи 2.20
 о-долѣти 3.80
 домашнийи, домашнийи 3.65
 домовныи 3.20, 57, 59, 4.1, 2
 домовъ 3.15, 92
 домъ 2.3–7, 9, 16, 17, 20, 28, 3.14, 4.9, 14 (табл. 3), 15–17, 20, 4.6
 донде, дондеже 2.25
 дороги 2.9, 3.4, 47 (табл. 10), 52
 доска 2.7
 достаточныи 2.12, 3.57
 достоинсловныи 3.58
 достоинство (не-) 3.10 (сн. 23), 29, 30
 достойныи (не-) 2.14, 25, 3.10 (сн. 23), 58, 4.1
 достояние 3.79, 89

- дотолъ 3.73
 дохнути 2.7
 драгии 3.52
 древо, дрѣво 3.28
 дрова 2.7
 други 3.35, 53
 другъ 3.16
 Дурново 2.14 (сн. 37)
 духовныи, 3.57, 60
 душевыи 3.57, 60
 дьяволъ 3.22, 4.1, 4; -ь 3.54
 дьяконъ 2.12, 17, 28, 31 (табл.), 3.4, 11,
 14 (табл. 2, 3), 15, 16, 22, 4.1, 4
 дѣвѣа 3.34; -ство 3.29, 30
 дѣйство 2.16, 3.30
 дѣлатель, -ство 2.12, 3.29, 30
 дѣлати 2.16, дѣланыи (не-) 2.12, 3.89
 дѣлити (роз-) 2.27
 дѣло 2.7, 16, 3.28
 дѣтородныи 3.58
 датский 3.61, 64
- евангелье, -ский 3.61
 Евлогии 3.10 (сн. 23), 22
 Егупеть, Еюпеть 1.14
 единако (ни-) 3.66, (табл. 11), 72; -мо
 3.73
 единородн|икъ 3.25; -ыи 3.58
 единство 3.29, 30
 единыи (ни-) 2.14, 29, 3.66 (табл. 11), 67,
 68
 Еленопонтъ 3.22
 Елеонский 2.30
 елико 3.65; -ждо 2.13, 3.65
 Енохъ 3.22
 ересь 3.22 (сн. 29)
 еретичский 1.14, 3.61
 еродовъ (от еродъ 3.62 'цапля')
 ественныи 2.12, 3.57, 59
 естество, ество 3.29, 30
 етерь 3.50
 Ехония 3.37
- жало 3.28
 жалостныи 3.57, 4.1
 жати (по-) 'metere' 2.25
- же 2.16, 3.69
 желудь 4.3
 желѣзныи 3.47, 56, 59; -о 3.28
 жен|а 2.3, 11, 3.33 (табл. 6), 34–36; -итва
 3.34; -ский 3.61, 64
 жертвѣа 3.34; -еникъ 2.16
 жесткий 3.63; -ость 4.3
 жечи (о-, по-) 2.25, 27, пожженыи 2.25
 живот|ина 3.41; -инь 'животное' 3.26;
 -ныи 2.9, 3.39, 57, 59
 животь 2.7, 9, 30, 3.14 (табл. 3), 17, 26,
 39, 4.1, 4
 живыи 2.9, 17, 3.47, 52
 жидовинь 3.26
 жидь 3.15, 21
 житель, -ство 3.26
 жити 3.26
 жито 3.28
 жрети (по-) 'поглотить' 2.25
- завѣтъ 3.14 (табл. 2), 15, 21, 23
 ззор|ныи (не-) 3.58; -ь 3.23, 4.1
 заимодавец^ 2.6, 3.8, 23
 законение 3.27 (табл. 5), 86
 -законити (в-, у-) 1.13, 2.9, 3.75 (табл. 12),
 76, 78; -законеныи (в-, у-) 2.12, 14,
 3.4, 47 (табл. 10), 86
 законныи 3.10, 47, 58, 59
 законо- 3.8, 23
 законо|давецъ 2.6, 3.8; -положение 3.23
 (сн. 32)
 законъ 1.16, 2.4, 7, 3.2, 4, 8, 11, 14 (табл.
 3), 16, 23, 4.1, 4, 5
 -законяти (в-, у-) 3.80
 залогъ 3.10 (сн. 23), 23, 4.4
 запрещение 4.6
 заточение 3.87
 заходъ 3.23
 зачало 3.31
 зачатокъ 2.7
 звати (по-, при-) 2.25, 3.48, 82, 4.5,
 зовомыи 3.91 (табл. 15), 4.2, званыи
 (не-, по-) 2.25, 3.48, 89
 звѣздословие 3.32
 здати (со-) 1.12, 2.16
 зелье 1.14

- земный 2.17, 3.56, 59
 зеркало 2.12, 3.31
 зерцало 3.31
 зима 2.19
 злат|о 2.12, 3.28; -ьи 2.11, 3.28, 35, 47, 52
 зло 2.9, 3.4, 10 (сн. 23), 28, 51, зло- 3.8, 51
 злоба (не-) 2.20, 3.33 (табл. 7), 34, 41
 о-злобити 2.27, 3.75 (табл. 12), 76, 78
 о-злобляти 2.10, 3.76 (сн. 69), 80
 злоб|ный 2.20; -ь 2.20, 3.43
 злодѣи 3.8, 23, 92; -ство 3.29, 30
 зло|нравецъ 3.8; -творение 3.51
 злыи 2.7, 14, 3.4, 47 (табл. 9), 51
 -знавати (по-) 2.25
 знакомство 4.2
 знакъ 4.2
 знамен|ати 2.16; -овати (на-) 2.13, 3.4, 81
 знати (по-) 2.16, 25, знаемыи 2.16, познаныи 2.25
 зной 2.20, 3.21
 зобати 3.82, 91 (табл. 16)
 зогзуля 2.21
 золот|о 2.4, 9, 12, 31 (табл.), 3.2, 4, 27 (табл. 5), 28; -ьи 2.9, 3.52
 зоря 3.36
 зрѣти (по-) 'смотреть' 2.25
 -зывать: призываемыи 2.12, 3.47 (табл. 9), 48, 86, 4.4
 зѣло 3.51
- и (*местоим.*) 1.13, 2.14, 16
 ибо 2.14, 3.10 (сн. 23), 73
 (и)гемонъ 3.22, 4.3
 иго 3.28
 идоль 2.28, 3.22, 4.1
 иерусалимский 3.47, 61
 ижеконныи 3.58
 из 1.14
 избыточные 2.12, 3.57
 изволение 3.87
 извѣст|ныи 3.58; -о 3.54; -ословие 3.32
 изгой 3.23
 изнова 3.53
 изобильныи 2.29
 изрядныи 3.58
- икона 2.31, 3.37
 икономъ 2.12, 28, 3.4, 14 (табл. 3), 15, 16, 20, 92, 4.1, 2
 Ильинъ 3.35
 имати (вз-, из-, по-, под-, от-) 2.16, 25, 26
 имовитыи (не-) 3.65
 импетиго 1.3
 инако 2.12, 16, 3.10 (сн. 23), 66 (табл. 11), 3.72
 инокии 3.65
 иночим|ль 3.54; -ь 3.26
 инрогъ 3.23
 иныи 1.22, 2.14, 18, 29, 3.52 (сн. 51), 66 (табл. 11), 67, 71
 Иоаннъ, Иовъ 2.30
 иподромский 2.30, 3.4, 61
 (и)подьяконъ 3.22, 4.3
 Иродъ 3.22
 искати (вз-) 1.14, 2.26, 3.91 (табл. 16), взискаемыи 2.12, 3.86, взисканыи 3.89
 искони 3.73
 искренныи, искренныи 2.12, 16, 3.57
 исполинъ 3.26
 исполнение 2.7
 исполнь 2.8
 истин|а 2.13, 18, 3.33 (табл. 6), 34, 35; -ныи 1.13, 2.12, 16, 17, 3.4, 57, 59
 исто 3.50
 истопление 3.88
 источникъ 3.25
 истощание 2.7
 Иусу|овъ 2.13, 3.62; -ь 2.16
 исходъ 2.9, 3.10 (сн. 23), 23
 исчезнути 3.83
 ити (вн-, до-, из-, от-, по-, пре-, от-, при-, про-, рез-, сн-) 1.14, 2.9, 16, 22, 25, 26, 3.83, 4.4
 Иустиньяновъ 3.62
 Июдинъ 2.12, 3.65
 Ияков|ль 3.54; -ь 3.22, 4.1, 4
- Каинъ 2.16
 как|ии 2.29, 3.35, 47, 52 (сн. 51), 67, 72; -о 3.66 (табл. 11)
 камень, камыкъ 2.16
 канонъ 2.28, 3.16, 22, 4.4

- Кападокия 3.37
 -каряти: укаряемыи 2.12, 3.86
 квасникъ 3.25
 кде, кдѣ 1.14
 киевский 3.61
 кии (местоим.) 1.22, 2.14, 3.67, 70; -ждо 2.13, 20, 3.69, 70
 кланяти 2.16
 класти (с-) 3.83, 4.4
 клевет|а 3.36; -ати: оклеветаемыи 3.86; -никъ 3.16, 36
 Климъ 3.14 (табл. 2), 15, 22
 клирос|ныи 3.56; -ъ 3.14 (табл. 3), 16, 22
 клонити (по-, при-, у-) 3.78, преклоненыи 3.88
 клопотъ 3.15, 21
 клосныи, клосненыи (не-) 3.59
 -ключати: исключенияемыи 2.16
 -ключити (ис-) 1.14
 ключныи 3.56, 59
 клятв|а 3.34; -еникъ 2.16
 кляти 1.14
 книжныи 3.56, 59
 княжь 3.54
 кобыл|а 3.36; -ии 3.65
 коварство 2.12, 3.29, 30
 ковчегъ 2.4, 20, 3.2, 4.6
 когда 2.7
 коегда 3.73
 кожа 3.35, 36
 кождо 2.8, 3.69, 70
 коз|а 3.36; -лии 2.20
 кознь 2.7
 Козьма 3.37, 4.1
 кои 3.70
 колб|ягъ 2.7
 коли 3.73
 колико 2.5, 23, 3.65, 4.7
 количество 3.29, 30
 колишд|о, -ы 3.73
 коло 3.28
 колод|а 2.9, 3.36; -ица 3.41
 колоти (за-) 2.9, 3.82
 коль 2.20; -ко 2.23; -ми 2.20
 кольхнн 2.20
 колѣно 2.12, 3.27 (табл. 4), 28
 комаръ 1.3, 3.14 (табл. 3), 19
 комить 3.22
 комканье 2.20
 Комнинъ 2.20
 коневыи 3.62
 коне|ць 2.20, 3.24, 92; -чннн 2.20, 30, 3.65, 92
 конн|икъ 2.20; -ыи 2.20, 3.19, 56, 59
 кончание 2.20
 кончати (с-) 2.20, кончаныи 2.12, 3.89
 кончевати (с-) 2.20
 кончина 2.20
 конь 2.20, 3.14 (табл. 3), 19
 конюхъ 3.26
 копа|ние 3.89; -та (ис-) 3.80
 копие 2.20, 3.4
 -коплати (с-) 3.80
 корабль 3.19
 корень 2.9, 3.43
 -кореняти (ис-) 3.80
 коренфѣи 2.30
 користъ 3.42 (табл. 8), 43
 корити (по-, у-) 1.13, 3.78, укореныи 3.88
 коркодиль 3.22
 кормчии 2.7
 кормъ 2.7
 о-корнити: окорненыи 2.7
 коров|а 2.9, 3.36, 4.6; -ии 3.65
 коромольникъ 3.25
 короставыи 2.13, 3.65
 корчагъ 2.7
 корчемница 2.7
 косатка 3.41
 косматыи 3.65
 коснуться (при-) 3.82, 83
 Коснячко 3.32
 кость 2.3, 9, 3.42 (табл. 8), 43
 Костянтиновъ 3.62
 котецъ 2.20
 которатися 2.14, 3.4, 80
 которыи (ни-) 1.13, 2.3, 9, 14, 18, 29, 3.10 (сн. 23), 47, 50, 67
 кошница 2.20
 -крадовати (по-) 3.81
 крас|а 3.40; -ныи 2.17, 3.56, 59; -ота 3.39, 40

- красти 1.14, 3.84, краденны (о-, у-) 2.12, 14, 17, 18, 3.47, 48, 86, 4.4
крестныи 3.56, 59
крестьянскии 1.11, 3.61
кривыи 3.52
крити 'купить' (*през.* кренеть) 1.14
кровавыи 1.14, 2.7
кровать 3.43
кровопролитие 2.7
кровь 2.20, 3.21
кровь 1.14, 2.7, 31 (табл.)
кромѣ 2.10, 3.73
кропъ 'укроп' 2.20, 3.21
-кротити (у-) 3.63, 78
крот|кии 2.7, 21, 3.47 (табл. 10), 48, 63;
-ость 2.9, 3.42 (табл. 8), 44, 45, 63, 4.1
крыти (по-) 1.3, крытыи 2.9, 3.90,
-кровеныи (по-, с-, от-) 2.8, 12, 13,
3.4, 10 (сн. 23), 47, 86
крѣп|кии 2.7, 3.47, 48, 63, 64; -ость 3.42
(табл. 8), 44, 45, 4.1
кто 1.14, 2.6 (сн. 20), 14, 20, 29, 3.4, 66
(табл. 11), 67, 69
Куесторъ 3.22
кума 3.34
купити: купленыи 2.12, 3.87, 91 (табл. 16)
купныи 3.56
куповати 3.81
-кусити: искушеныи 3.87, 91 (табл. 16)
-кушати (ис-) 2.16
къ, ко 1.14, 2.7
кюпрские 1.14
- лагати (с-) 2.16, низлагаемыи 2.12, 3.86
ладныи 3.56
Лазарь 2.16
лалока 3.36
Лаодикия 2.30
ластовица 3.41
лгати: -лганыи (необо-, со-) 3.89
легкии 2.7
лежати 1.14
Леонтовъ 2.30, 3.62, 4.1
Леонъ 2.30
лестныи (не-) 1.12, 3.56
лжепослушствовати 1.14
- лжесвидетельствовати 2.16
ли 2.16
Литои 3.10 (сн. 23)
лихва 3.35
лихии 3.52
лихоим|ныи 3.58; -ство 3.29
лицемерныи 3.58
-личати (об-) 2.16
лобзание 2.21
лобызати (об-) 2.16, 3.80
ловець 2.20, 3.24
ловити (у-) 3.78, ловленыи 3.88
ловъ 2.20, 3.9, 21
лодыя 2.20
ложе 3.27, 28
-ложенье 3.88 (с разными приставками)
ложити (и произв.) 2.10, 3.75 (табл. 12),
78, 4.1, 2, -ложеныи (в-, вз-, из-, низ-,
от-, по-, пре-, пред-, при-, с-) 3.4, 47,
48, 88
ложныи 2.7
локание 3.89
локоть 2.7, 3.43
лоныщина 2.20
Лоть 2.20
Лука 3.35
лукавство 3.29, 30; -ыи 3.65
лукно 2.7
-лучити: отлученыи 3.88
льяти (воз-, про-) 2.16, 25
лѣвыи 3.52
лѣзти (в-, из-, с-) 2.10, 3.83
ленивыи 3.65
лѣностныи 3.45 (сн. 44), 57, 4.1
лѣнность 3.44, 45, 4.1
лѣпот|а 3.35, 39, 40; -ныи (не-) 3.39, 49,
57, 4.1
лѣпыи (не-) 3.52
лѣствичныи 2.12, 3.57, 59
лечебныи 3.57, 59
любимикъ 2.16
любити 3.52, любимыи 3.87, 91 (табл. 16),
взлюбленыи 2.16, 3.91 (табл. 16)
любовникъ 2.8
любовь 2.5, 8, 3.2 (сн. 6, 9), 43, 52
любодѣи 3.23

- любьѣи 3.52
 людскѣи 2.14, 3.61, 64
 люто|сердыи 3.54; -сть 3.44, 45, 4.1, 2
 лютыи 2.29, 3.47 (табл. 9), 51
- малити: умаленыи 2.12, 3.86
 малыи (не-) 2.16, 3.50
 Марко 1.14, 3.28
 марморѣ, -овыи 3.56 (сн. 54)
 масло 2.4, 12, 31 (табл.), 3.28
 мачеха 1.12, 2.13, 18, 3.33 (табл. 6), 34,
 35, 41
 мелетинскѣи 3.61
 меньшинство 3.29
 мерети (у-) 2.9, 3.83
 мерзкѣи 3.63; -ость 3.44, 4.1
 мертвеныи 3.59
 метати 3.91 (табл. 16)
 мзд|а 2.11, 3.34; -оимець 3.8
 миловати (по-) 2.13, 3.81
 милост|ивныи (не-) 2.12, 3.57; -ыни 3.41
 милость (не-) 3.42 (табл. 8), 44, 45, 4.1
 мирити 4.2
 мирныи 2.10, 3.20, 56, 59, 60
 Мирославъ 3.23
 мирскѣи 3.20, 61, 64
 миръ 3.14 (табл. 2), 15, 20
 митропол|иискѣи, -итскѣи 3.61; -ить 3.22;
 -ичъ 3.54; -ьскѣи 3.61; -ья 3.37
 Михаило 1.14, 3.28
 млеко 3.28
 мнихъ 2.28
 мнишьскѣи 1.14, 3.61
 много|ашды 2.16, 3.73; -ишдою 2.13, 3.34,
 73
 многѣи (не-), 1.23, 2.9, 12, 16, 20
 много (не-) 2.30, 3.4, 10 (сн. 23), 47, 50,
 55
 много|ножица 3.41, 50 (сн. 47);
 -образныи 3.8, 58
 множите (у-) 3.75 (табл. 12), 76, 78,
 умноженыи 2.12, 3.4, 47 (табл. 10), 86
 множ|ица 3.4, 3.10 (сн. 23), 41; -ьство
 2.20, 3.29, 30
 могутъ 3.26
 мои 2.20, 22, 3.68
- Моисѣи, -ии 2.22, 30; -ѡвъъ 2.30
 молв|а 2.7, 8, -ити (из-, про-) 2.7, 8, 3.76
 молебн|икъ 3.59; -ыи 2.20, 3.57, 59
 моление 2.9, 3.87
 молитва 3.33 (табл. 7), 34, 41
 молити (из-, по-, у-) 2.9, 11, 3.59 (сн. 59),
 75 (табл. 12), 77, умоленыи 3.87, 91
 (табл. 16)
 молния 2.7
 молодыеи 2.9, 3.52
 молоко 2.7, 9, 17, 31 (табл.), 3.4, 27 (табл.
 5), 28
 молоти 3.91 (табл. 16)
 молотръ 3.22
 молчати 2.7
 мольба 2.20, 3.59
 монастыр|скѣи 3.61, 64; -ь 1.13
 море 2.9, 19, 20, 3.28
 морити (из-, у-) 3.78
 морскѣи 2.20
 мост|ити 3.78; -никъ 2.20
 мость 2.20, 3.20
 мочи, мощи (вз-, по-) 2.9, 13, 16, 20, 3.10
 (сн. 23), 82–84, 91 (табл. 16), 92
 мочныи (не-), (мощныи (не-), 2.12, 21,
 3.48, 55, 56, 60, 4.1, мощнейшии (не-)
 2.21
 мощь (не-) 2.9, 21, 3.43, 4.1
 мрамор|ныи 3.56, 92; -ь 3.56 (сн. 54)
 мстити: отмщеныи 3.88
 мудр|ость 3.44, 45, 92, 4.1, 2; -ыи 1.23,
 3.51
 муж|атыи 3.47, 65; -скѣи 2.9, 29, 31
 (табл.), 3.47 (табл. 10), 61, 64; -ьство
 2.10, 3.29, 30
 мука 'мучение' 3.34
 мутныи 3.56
 мучити: мучимыи 3.48, 86
 мыслити 2.16
 мыти 1.3
 -мышляти (по-) 2.16
 мѣлкѣи 3.63
 мѣна 3.34
 -мѣнити: вмѣненыи 3.88
 мѣра 1.14, 3.34
 мѣрило 2.12, 3.10 (сн. 23), 31

- мѣстныи 2.6 (сн. 20)
 мѣсто 3.16, 27 (табл. 4), 28
 мѣсячныи 2.12, 3.56, 59
 мюрона 3.37
 мясо 2.9, 3.28
- набоиныи 3.58
 наводнение 1.14, 3.88, 4.6
 наги 3.48
 надобѣ 3.38
 об-нажити 2.27
 наиболее 3.55
 наим|никъ 3.59; -ныи 2.29, 3.58, 59;
 -овати 1.13, 3.81
 налогъ 3.23
 наложница 3.41
 напастныи 3.58
 напрас|ныи (не-) 3.58; -ѣство 3.29
 народ|никъ 3.25; -ѣ 2.9, 3.17, 20, 23
 наро|къ 3.23; -читыи 2.10, 3.65
 насилова|ти: -ныи 2.16
 начало 3.31
 начатокъ 2.7
 нашъ 2.14, 18
 не 3.9 (сн. 22)
 небесныи 3.56, 60
 небо 2.12, 3.28
 невѣжество, невѣрство 3.29
 невѣста 3.4
 недомысленыи 3.58
 недоумѣвати 2.16
 неистовство 3.29, 30, 4.3
 неистовыи 2.13, 3.62, 4.1, 4
 ненавидѣти 1.14; -имыи 2.12, 3.48, 86,
 4.4
 нена|вистныи, -вѣжныи 3.58
 неоскудныи, неотрочныи 3.58
 непре|ложныи, -мѣнныи 3.58; -станныи
 3.89
 несочтанныи 3.89
 нести (вз-, из-, при-) 2.3, 9, 3.10 (сн. 23),
 83
 Нестории 3.22
 неуклонныи 3.58
 нешадныи 3.56
 никии 3.70
- Никифоръ 3.22, 4.1
 никогда 2.16
 Никола 3.37
 николи 3.73
 никомидиискии 3.61
 никто 1.14, 2.14, 3.9 (сн. 22), 67, 69, 92
 ничто 1.14, 2.16, 3.9 (сн. 22), 10 (сн. 23),
 69, 92
 нищета 2.13, 3.34, 39 (сн. 43)
 нищи 2.16
 но 2.7
 новгородскии 2.21, 3.47, 59, 61
 новити (об-) 3.78, 4.1, 2
 новороженыи 3.53, 88
 новыи 1.22, 2.5, 10, 20, 3.47, 53
 нога 1.23, 2.11, 20, 3.2, 33 (табл. 7), 34,
 36
 ногата 3.33 (табл. 7), 37
 ноготь 2.20
 ножны 3.59
 ножныи 2.20
 ножъ 2.20, 3.21
 ноздророгъ 2.24, 3.23
 ноздря, ноздръ 2.24
 -нозити (на-) 3.78
 Нои 2.20, 3.22
 норовъ 2.9, 3.14 (табл. 3), 20
 норъ 'утка-нырок' 2.20, 3.21
 носити (в-, вз-, из-, на-, по-, при-) 2.11,
 16, 3.10 (сн. 23), 75 (табл. 12), 77,
 носимыи (в-, по-, при-) 3.87, 91 (табл.
 16)
 нось 2.9, 20, 3.20
 ночь 2.20, 3.43
 ношение (*с разными приставками*) 3.87
 ношныи 2.8, 16, 20, 3.56, 58, 60
 ночь 2.8, 20, 3.9, 42 (табл. 8), 43
 нудити: принуженыи 2.16, 3.56
 нужныи 3.56
 нутро 1.3
 ныти 1.3
 нѣкако 2.12, 3.66 (табл. 11), 70, 72
 нѣкии 1.14, 2.14, 29, 3.67, 70
 нѣкогда 2.7
 нѣколи 3.73
 нѣколикии 1.14

- нѣкаторыи 2.29, 3.50
 нѣкто 3.66 (табл. 11), 70
 нѣльзя 1.14
 нѣчто 3.66 (табл. 11) 70
- о, об 2.4, 27, 31, 3.2
 оба 3.69
 обаче 3.73
 обельныи 3.56
 обещн|икъ 3.25; -ыи 3.56
 обидныи 3.58
 обидѣти: обидимыи 2.12, 3.86
 обильныи 3.58
 облада|ти: -емыи 2.12, 3.86
 облакъ 3.23
 обновленье 3.88
 оболкшии 2.7, оболченыи 2.7, 31 (табл.)
 во-образити 3.84
 образъ 3.15, 23
 оброкъ 3.23
 обрѣсти 2.10, 13, 16, 27, 3.83, 4.4
 общати (при-) 2.21, 4.3
 общева|ти (при-) 4.3; -ныи 2.21
 общение 2.21, 4.3
 общии, обчии 1.14, 2.21, 3.47 (табл. 10),
 51
 община 2.21, 4.3
 -общити (при-) 2.21, 4.3
 обыч|аиныи 2.12, 3.57; -ныи 3.47, 58
 овень 2.20, 3.19
 овесь 2.20, 3.19, 24, 4.5
 овогда 2.7, 3.73
 овощъ 4.3
 овца 2.20, 3.36
 овча 2.20
 овыи 2.20, 3.66 (табл. 11), 67, 69, 92
 огненыи 2.12, 24, 3.56, 59
 огниш|анинъ, -ныи 2.24
 огонь 2.4, 20, 24, 3.2, 21
 одежда 2.27
 одинако 3.72
 одинъ 2.24 (сн. 49), 3.66 (табл. 11), 68
 одръ 2.20, 3.21
 оже, ожели 3.73
 озеро 3.28
 озлобленье 3.86
- око 2.3, 9, 12, 3.4, 27 (табл. 5), 28
 окол|о 2.9, 12, 3.28; -ьнии 3.65
 Олена 3.37
 оли 3.73
 олтарь 2.20, 4.5
 Ольговъ 2.20, 3.19, 62, 64
 ометъ 3.43
 онамо 3.73
 онси|и, -ца 2.20
 оныи 2.10, 14, 20, 22, 29, 31 (табл.), 3.35,
 66–68
 опрѣснокъ 2.7
 орати (раз-) 3.82
 орель 2.20, 3.19, 24, 92
 оружныи 3.58, 59
 осель 3.19
 осень 2.9, 31 (табл.), 3.43
 оскоминныи 3.57
 осля 2.20, 4.5
 осмь, осмыи 2.4, 24, 3.2
 основа 3.38
 особн|ыи 3.58, 4.1, -ии 3.65
 особъ 3.54
 осопь 2.8
 оспа 2.8
 остри|е 2.20, 24; -ти: изостренныи 3.91
 (табл. 16)
 островъ 2.9, 20, 3.20
 острои ‘устрица’ 3.22
 остр|ыи 2.4, 20, 24, 3.2, 54; -ѣе 3.55;
 -ѣишии 2.24
 отгнанье 2.26 (сн. 52)
 отецъ 2.20, 3.24
 отець|скийи 2.20, 3.61; -ство 2.20, 3.29, 30
 отинудь, отнудь 1.14, 2.26
 отколѣ 3.73
 отнии 2.20, 31 (табл.), 3.65, 92
 отравникъ 2.27
 отродь 3.23
 отроковица 2.30, 3.4, 41, 92; -чинъ 3.41
 отрокъ 2.26, 3.14 (табл. 3), 17, 23, 4.1, 3, 4
 отроча 3.32
 оттолѣ 3.73
 отчии 2.20
 отъ 1.23, 2.26
 отъемныи 3.58

- отъятие, отятие 2.26
 Офонасии 3.22
 охвочии 3.54
 очные 2.21
- Павель 1.14, 2.16; Павловъ 3.62, 64
 паволока 2.12, 3.38
 пагубныи 3.58
 пажить 1.14
 паки 3.45
 пакост|ити 3.45, 78; -никъ 3.25, 4.1; -ныи 3.56, 57, 4.1
 пакость 3.42, 44, 45, 92, 4.1, 3
 памфилиискии 3.61
 паствинныи 2.12, 3.57
 пасти 3.83
 пасти: пасомыи 3.91 (табл. 15), -пасеныи (ис-, по-, с-) 3.88
 Пафлагония 3.37
 паче 2.16
 Пентаполь 3.22
 первыи 1.12, 14, 2.29, 3.47, 50
 перенось 3.23
 переяславский 3.47, 61
 песь 2.28, 3.16
 Петръ 1.14, 2.17, 3.14 (табл. 2), 15, 17, 22
 печал|овати 3.81; -ьныи 3.56
 -пирати: попираемыи 2.12, 3.86
 пирь 3.15, 20
 писати (под-) 2.13, 26, писаныи (на-, под-) 2.12, 17, 26, 3.89
 пити (про-) 2.25
 плевати 1.14
 плодити (ис-. при-) 1.23, 3.19, 77, 78
 плодь 1.23, 2.20, 3.19
 плот|ныи, -оѣдныи, -скии 2.8
 плот|ь 1.14, 2.7, 8, 3.2 (сн. 6), 43; -яныи 3.48
 плути 3.82
 по 2.4, 25, 31 (табл.), 3.2
 побѣд|а 2.25, 3.36, 59; -ныи (не-) 3.36, 58, 59
 поварь 3.23
 повинныи (не-) 3.58
 повинование 3.88
 поводие 3.27 (табл. 5), 32
- погань 3.43
 погибель 1.14
 погость 3.23
 подбои 3.23
 подвигъ 2.25, 3.17, 23
 подвижныи (не-) 3.58
 подлѣ 2.25
 подножие 2.26, 3.32
 подоб|а 3.38; -ати 2.10, 12, 3.4, 80, 84; -ити (у-) 3.76; -ныи (не-) 2.9, 3.4, 48, 55, 58, 4.4
 подь 1.23, 2.26
 пожарь 3.23
 пожжение, позвание, познание 2.25
 позор|ище 3.11, 27 (табл. 5), 32; -ъ 3.23, 4.1
 поити (на-) 2.22
 покладежь 1.14
 поклонь, покои, поконь 3.23
 покор|енье 3.88; -ныи 3.58
 покосныи 3.58
 покровь 2.8
 полата 3.37
 поле 3.28
 полезныи 3.47 (табл. 9), 56, 59
 ползкий, ползти 2.7
 полн|ити (на-) 2.16; -ьи 2.7, 8, 3.50
 половина 3.20, 41
 полон|ити 3.20, 78; -ъ 3.20
 полотно 2.3
 полотский 3.61
 полоть 2.7, 3.43
 полунощ|ныи 3.58, 4.2; -ъ 3.43
 поль 'половина' 2.20, 3.20
 польз|а 2.25, 3.59; -овати 2.25
 полѣти (вс-) 3.79
 поминати (вс-) 2.16
 помнити 2.26, 25
 помочникъ, помощникъ 3.25, 4.1, 2
 помощь 2.9, 3.42, 43, 92, 4.1, 4
 помысль 3.23
 помянути: вспомяновеныи 3.88
 поповъ 3.62, 64
 попонь 'ряска' 3.23
 поприземныи 3.58
 поприще 2.25

- попъ 2.7, 10, 20, 28, 3.4, 14 (табл. 2), 15–17, 19, 35
 порабощенье 3.86
 порекло 3.31
 порогъ 2.9, 3.18
 порокъ 2.9, 3.4, 23
 порося 3.32
 порочныи (не-) 3.47 (табл. 10), 58
 портити (ис-) 2.7
 портъ 2.7
 посланье 2.25
 послухъ 2.17, 3.10 (сн. 23), 14 (табл. 3), 15–17, 23
 послушство 3.23, 29, 30; -овати: -ованыи 3.89
 послѣ 2.25
 послѣд|и 2.25; -окъ 2.7
 пособие 3.32
 посольникъ 2.7, 31 (табл.)
 посоль 'поручение' 2.7
 постижимыи (не-) 2.12, 3.86
 постити 3.78
 постн|икъ 2.20; -ичьскыи 2.12, 3.19, 61; -ыи 2.20
 постриза|ло 2.12, 3.31; -ти 2.12
 постъ 2.20, 3.19, 78
 потвор|никъ 2.31 (табл.), 3.25; -ъ 3.23
 потиръ 3.22
 потка 2.7
 потокъ 3.23
 потопь 2.3, 3.23
 потребныи 3.58
 потщание 2.25, 4.5
 потъ 2.19, 3.20
 похвала 3.34, 35
 похороны 2.19
 похотникъ 3.25, 4.1
 похоть 2.9, 3.43, 4.1, 4
 почтенье 2.25
 пощение 3.88
 поясъ 3.23
 правда (не-) 3.34, 59
 о-правдати: неоправданыи 3.48, 89, 4.4
 праведныи (не-) 2.4, 12, 16, 17, 31 (табл.), 3.2, 4, 10 (сн. 23), 47 (табл. 9), 57, 59, 4.7
 правило 2.7, 12, 28, 3.10 (сн. 23), 16, 27 (табл. 4), 31
 правити: управленыи 2.12, 3.86
 правоверныи 3.58
 правыи (не-) 3.50
 праздныи (не-) 3.56, 59
 -прати: попраныи 2.25
 прашати (во-) 2.13
 пребожественныи 2.12, 3.57
 преболии, пребольшим 3.55, 92
 предѣль 3.16
 прежде 2.16
 презоривыи 3.65
 преклонение 3.88; -ныи (не-) 3.58
 прекословье 2.9, 3.4, 9, 27 (табл. 5), 3.32
 прелюбодѣство 3.29
 премножаишыи 3.55
 премудр|еныи 3.56; -ыи 3.51
 преподобие 2.30, 3.4, 32; -ныи 3.58
 пресильныи 3.56
 престол|ъ 3.23; -ъныи 3.58
 преходъ 3.23
 прибытокъ 2.7
 прилогъ 3.23
 прилежныи 3.58
 принось 3.23
 приплодие 3.32
 присвоение 3.87
 присныи 3.56
 приставни|къ 2.28, 3.16; -чство 2.12, 3.29, 30
 пристро|иныи 3.58; -я 'снаряжение' 3.38
 притвор|ныи 3.58; -ъ 3.23
 притча 2.7
 приходныи 3.58, 59; -ъ 2.3, 3.23
 приятныи 3.57
 про 2.25
 продохъ 3.23
 прозвание 2.25
 прозорство 3.27 (табл. 5), 29
 прозрачныи 3.58
 Прокль 2.20
 Прокопии 3.22
 прокъ 1.22, 2.20, 3.18
 пролияние 2.25
 промысль 3.23

- проныривыи 3.65
 проро|къ 2.16; -чьскии 3.61, 64;
 -чъствовати 2.16
 просити (во-, вос-, ис-) 2.9, 11, 16, 3.75
 (табл. 12), 77, прошеныи (во-, ис-,
 от-) 3.87, 91 (табл. 16)
 просопъ 2.8, 3.23
 простецъ 2.21, 3.24
 простити 3.78, прошеныи 2.9, 3.4, 88, 92
 просто|сть 3.44, 45; -та 3.35, 39, 40
 пространнии 3.58
 простыи (не-) 2.9, 12, 20, 3.4, 9, 47 (табл.
 9, 10), 49, 52, 55
 простыни 3.41
 против|ныи 3.56; -о, -у 3.73
 проторъ 3.23
 проход|ныи 3.58; -ъ 2.9, 3.23
 прочии 2.16, 3.10 (сн. 23), 47 (табл. 10),
 50
 прошение 3.87
 прощение 3.88
 прямыи 2.9, 3.52
 -прячи (со-) 3.83, сопряженыи 3.47, 88
 птенець 2.7
 пустыи 3.52
 пхнути (по-) 2.25
 пчела 1.14
 пытати: пытаньи 2.12, 3.89
 пьянство 3.29, 30
 пѣсок 2.4, 7, 3.2
 пѣти (вс-) 3.82
- раба, роба 2.11, 3.33 (табл. 7), 34–36
 рабичныи 3.34
 работ|а 3.10 (сн. 23), 11, 33 (табл. 7), 39,
 40, 4.4; -ати (из-) 3.4, 3.80; -ити (по-)
 2.10, 3.75 (табл. 12), 76, порабощеныи
 3.86; -ныи 3.57, 59
 -рабошати (по-) 2.10, 3.80
 рабъ 2.7, 28, 3.16
 равенство 3.29, 30, 59
 равномошныи 3.58
 равныи (не-) 3.47, 49, 56, 59
 Радиновъ 3.62, 4.3
 радовати: обрадованыи 2.16
 радостныи 3.45 (сн. 44), 57, 4.1
- радость 2.3, 12, 3.42 (табл. 8), 44, 45, 4.1, 3
 радъ 1.3
 разбои 3.10 (сн. 23), 23; -никъ 2.9, 3.10
 (сн. 23), 25; -ничьскии 3.61
 разденство 3.29, 30, 59
 различныи 3.58
 разлучныи (не-) 3.58
 разн|ыи 3.56, 59; -ъство 3.30
 razor|енье 3.88; -ити 3.78, неразоримыи
 3.88
 разум|ныи (не-) 3.58; -ѣти 2.16
 распря 2.16
 расстояние 3.89
 рассудныи (не-) 3.58
 расточение 3.87
 Ратиборъ 3.23
 ратохотець 3.24
 ревность 3.44, 4.1
 речи (на-) 2.3, 9, 10, 13, 3.10 (сн. 23), 83,
 речении (в-, из-, на-, от-, у-) 1.13,
 2.17, 3.47, 88, 91
 риза 3.34
 римскии 3.61
 -ринути (из-, от-) 3.87, отриновеныи 3.87
 -рицати (на-, от-) 1.14, 2.16
 роба см. раба
 робии 2.20
 робити 3.77
 роботити 3.75 (табл. 12), 78
 ровна|ти: -ныи 2.20
 -ровновати (из-) 3.81, 4.3
 ровныи 3.49, 56
 ровъ 2.21
 рогъ 3.20
 родитель 1.14
 родити (по-) 2.9, 20, 3.75 (табл. 12), 78,
 4.1 (сн. 2), роженьи (по-) 3.88, 91
 (табл. 15)
 родныи 1.14, 2.20, 31 (табл.), 3.56, 60
 родство 2.20
 родъ 2.9, 20, 31 (табл.), 3.14 (табл. 3), 17,
 20
 рожение 3.88
 рожественныи 2.12, 3.57, 59
 рожество 3.10 (сн. 23)
 рокъ 3.21

- ролеинны 1.13, 3.47, 56
 Романъ 3.22
 роса 3.36
 рости (вз-) 1.3, 3.82
 рот|а 2.11, 3.33 (табл. 7), 34, 36; -итися 3.78; -ныи 2.20
 ротъ 2.4, 21, 31 (табл.), 3.2
 ругати: поруганыи 2.12, 3.89
 рудныи 3.59
 рука 2.11, 3.33 (табл. 6), 34, 35
 -ручити: -рученныи 3.88 (об-, по-)
 ручныи 3.56
 рѣшити: неразрѣшимыи 3.8
- садити (до-) 1.13
 самоборецъ 3.24
 самовластныи (не-) 3.48, 58, 4.4
 самовольныи 3.8, 58
 Самоиль 3.22
 самолюбивыи 3.65
 Самсонъ 3.22
 самъ 2.14, 17, 18, 22, 29, 3.53, 66, 71
 санов|итыи 3.65; -никъ 3.25, 4.1, 2; -ныи 3.47, 57, 60
 сапожныи 3.59
 сборище 3.32; -ныи 2.20, 3.47, 58, 59; -ъ 2.9, 20, 3.10 (сн. 23), 14 (табл. 23), 14 (табл. 3), 23
 сватовство 3.29, 4.1
 свекровь 2.7, 2.31
 свершенство 3.29, 30
 свитокъ 2.7
 свобод|а 2.10, 3.33 (табл. 7), 36; -ити 3.36, 78, 4.1, свобоженныи 3.88; -никъ 3.25, 4.1, 2
 свободныи (не-) 2.10, 12, 14, 31 (табл.), 3.4, 36, 47, 49, 56, 59, 60, 4.1, 2, 3
 свободъ 3.52, 4.1, 2
 свобож|ати 3.80; -ение 3.88
 сводъ 2.20, 3.10 (сн. 23), 23
 своение 3.87
 свои 2.14, 20, 22, 3.68, 70; -ство 2.20, 3.29, 30, 68 (сн. 64), 92
 своити (при-, у-) 3.68 (сн. 64), 77, 78
 свѣдѣтель 1.14; -ство 2.12, 3.10 (сн. 23), 29, 30
- свѣдѣтельств|овати 2.13, 16, 17, 3.4, 81; -уемыи, -ованыи 2.16, 17, 3.4, 86
 свѣтило 2.12, 3.31
 свѣтлыи 2.10, 3.35, 52
 Свято|полкъ 2.7, 3.23; -славъ 3.23
 святыи 2.11, 14, 3.35, 47, 52
 священн|ословье 3.32; -ыи 3.88
 сдоров|ыи 2.9, 3.47 (табл. 10), 50; -ье 3.32
 сдравыи 3.50
 себе, собе 2.11, 3.34
 село 2.9, 3.4, 10 (сн. 23), 16, 28
 сельскыи 2.29, 31 (табл.), 3.61, 64
 сестр|а 2.11, 3.34, 35; -ична 3.34; -ѣница 1.14
 Сикевотъ 3.22
 сила 3.33 (табл. 6), 34
 сильныи 2.14
 Симонъ, Симонь 2.16
 Сионъ 2.30
 Сираховъ 2.13, 3.62
 сирот|а 2.9, 31 (табл.), 3.33 (табл. 7), 35, 36, 39, 40, 4.4; -инь 3.65; -ство 3.27 (табл. 5), 29, 30, 39, 4.1, 2
 сицевыи 3.62
 скарѣд|ыи 2.12, 3.50; -ье 3.50
 о-сквернити 2.27
 скверныи (не-) 3.58
 сквозѣ 3.73
 скворецъ 2.20
 Склировъ 3.62, 4.3
 скербн|ыи 1.14, 3.56, 4.6; -ь 1.14
 сколько 'раковина' 1.14, 2.20
 скоморохъ 2.9, 3.4, 18
 скомрахъ 3.18
 скончание 2.20
 скопа (птица) 3.36
 скопити 'castrare' 3.78, скопленыи 3.88
 о-скорбити 1.14, 2.7
 скорыи (не-) 2.12, 20, 3.52, 53
 скот|ии 2.20; -ина 3.34, 41; -скыи 2.6 (сн. 20), 20, 3.19, 61, 64
 скоть 1.23, 2.20, 28, 31 (табл.), 3.10 (сн. 23), 16, 17, 19
 скочити (вс-, у-) 3.77
 скровище 2.8, 3.10 (сн. 23), 27 (табл. 5), 32
 скровь 3.23

- скуд|ный (не-) 3.56; -ость 3.44, 4.1; -ота 3.39, 40
 скупость 3.44, 45, 4.1
 слабыи 3.50
 слав|ити 2.16; -ный 3.56, 59; -ословье 3.10 (сн. 23)
 сладкии 2.10, 3.63, 64; -остныи 3.45 (сн. 44), 57, 59, 4.1
 слати (по-, от-) 2.4, 25, 26, (сн. 52), 31 (табл.), 3.2, посланыи 2.12, 25, 3.48, 89, 4.4, 5, 6
 слеза 1.14, 3.34
 словесныи 3.60
 слово 2.4, 7, 9, 20, 3.2, 16, 27 (табл. 5), 28
 словѣннѣи 3.26
 слонь 3.20
 слуга, служба, служебныи, служитьи 3.59
 слушати (по-) 2.25, 31 (табл.)
 слыша|ти 2.13, 16, 3.79; -ныи 2.12, 3.89
 слѣдовати (в-, по-) 2.16
 слѣпота 3.39, 40
 слѣпыи 2.14
 смертныи 3.47, 56
 смотрение (с разными приставками) 3.87
 смотрити (рас-) 2.9, 11, 3.10 (сн. 23), 77, рассмотреныи 2.9, 12, 3.87
 смотреньи 2.20
 смысленыи (не-) 3.56
 снажда|ти: -емыи 2.16
 снопь 3.19
 сноха 2.7, 3.34
 снѣденье 3.86
 соблазньныи (не-) 3.58
 соболь 3.21, 4.3
 совкуп|ити: -леныи 3.87
 Содомъ 3.22
 соколь 3.19, 4.3
 солити: рассоленыи 3.88
 солодь 2.9, 3.20
 Соломон|ъ 2.10, 3.22, 4.1, 2, 4; -ъ 3.54
 солоньи 2.9, 3.47 (табл. 10), 49, 52
 соль 2.20, 3.42 (табл. 8), 43
 сольникъ 'посланец' 2.7
 сором|ъ 3.20; -ѣтися 3.80
 сотникъ, сотныи 2.7
 сотон|а 3.37; -инь 3.65
 Софронии 3.22
 Софья 2.20
 соха 3.36
 сочити (до-, от-) 3.77
 срамота 3.36, 39, 40
 сребр|еныи 3.59; -о 3.28
 срод|никъ, -ныи 2.20; -ство 2.20, 3.29, 30, 92
 ставило 2.12, 3.31
 ставити 1.14; ставленыи (о-, об-, по-, про-, со-, у-) 2.12, 27, 3.10 (сн. 23), 86
 стадо 3.28
 стар|ечьство 3.29; -ица 2.16
 стар|ость 2.4, 12, 31 (табл.), 3.2, 44, 45, 4.1; -ьи 3.50
 старѣшин|а 2.12, 3.34, 41; -ство 2.12, 3.29, 30
 стати (в-, недо-, о-) 2.16, 3.84
 степень, стопень 3.43, 4.3
 стеркъ 'аист' 3.15, 21
 -стигнути (до-, по-) 2.16, 3.83
 стлати: постланыи 2.16
 столп|ныи 3.56, 59; -ъ 2.7
 столь 2.20, 3.21
 стопа 2.20, 3.33 (табл. 7), 36
 сторож|а 3.21; -ивыи 3.65
 сторона 2.9, 3.33 (табл. 7), 36
 стояние 3.89
 стояти (до-, на-, рас-, у-) 2.16, 3.79
 страшныи 2.10, 3.56, 59
 стремити (у-) 1.14
 стричи (по-) 2.25
 строга|ти: -емыи 1.14
 строение (с разными приставками) 3.87
 строи 2.20, 3.17, 21
 строить (при-, у-) 2.22, 3.10 (сн. 23), 77, строеныи (при-, у-) 3.87, 91 (табл. 16)
 строка 3.36
 строп|отныи 2.7, 8, 3.56; -тивыи 2.7
 -стрѣти (про-, -спро-) 2.25
 студеныи 3.4, 65, 88
 субот|а 3.37; -ныи 3.56
 сугуб|ныи 3.58; -ьи 3.54
 судиинь 3.47, 65
 судити: судимыи 3.47, 87, 91 (табл. 16), суженыи (о-, рас-) 3.87, 91 (табл. 16)

- судныи 3.56, 59
 суета 2.13, 3.34, 39 (сн. 43); -ныи 3.57
 супротивь 3.73
 супруга 3.34
 сухии 3.52, Сухово 2.14 (сн. 37)
 шественикъ 2.16
 съ, со 1.14, 2.7
 сыновнии 3.65
 сынъ 1.14, 3.15, 20
 сытость (не-) 3.44, 4.1
 съ 2.14, 18
 сѣдати: всѣданыи 2.12, 3.89
 сѣдѣти 1.14, 2.16
 сѣмо 3.73
 о-сѣняти 2.16
 сѣсти 2.10, 3.83, 4.4
 сѣчи (рос-) 2.27, россѣченныи 2.27
 -сязати: неприязаемыи 2.12, 3.86
 сяковыи 3.62
- таинныи 3.56
 таити (у-) 3.75 (табл. 12), 3.84
 такѣи 2.10, 3.67; -о 3.66 (табл. 11), 72
 таковыи 2.6 (сн. 20), 11, 14, 18, 29, 30,
 3.4, 35, 47, 49, 62, 64, 92, 4.4
 тамо 3.73
 татѣбныи, татѣба 3.57, 59
 тварогъ 4.3
 -тваряти: стваряемыи 2.12, 3.86
 твѣрдити: утверженыи 3.88
 твѣрдость 3.44, 45, 4.1; -ыи (не-) 2.10, 12,
 3.47 (табл. 9), 48, 52
 твои 2.20, 22, 3.68
 творецъ 2.20, 3.24
 творити (за-, с-) 1.14, 2.20, 3.75 (табл.
 12), 78, 91, 4.2; творимыи 3.88;
 твореныи (за-, при-, рас-, с-, у-) 3.4,
 88
 творяти (за-) 3.80, створяемыи 3.80
 телесныи 3.47, 56, 60
 темныи 3.56
 тепло 2.7, 3.28, 51; -та 2.10, 3.33 (табл.
 7), 34, 39, 40
 терпѣливыи 1.14
 теряти (рос-) 2.27
 тетка 3.34
- течи 2.10, 13, 3.83
 Тимофеи 3.22
 тиунство, тивунство 2.12, 3.29
 тиунъ, тивунъ 1.13 (сн. 24), 2.12, 3.29
 тихость 3.42 (табл. 8), 44, 45, 4.1, 3
 ткнути (вое-, по-) 2.7, 25
 тлѣти, растлѣнныи 3.89
 товаръ 3.18
 тогда 2.7
 токмо 2.7, 3.73
 толико 2.5, 23, 3.65, 4.7
 толишды 3.73
 толкъ 2.7
 у-толченныи 2.7
 тольма, тольми 2.20
 томити (ис-) 3.77, томимыи,
 (не)утомленныи 3.87, 91 (табл. 16)
 тонкии 2.7
 топити 'mergere' 3.78 (ис-, по-)
 топоръ 3.19
 топтати 2.7
 -торгнути (ис-, по-) 2.7, от-торженыи 2.7,
 12, 3.86
 торгъ 2.4, 7, 3.2
 торжѣство 3.29, 30
 тоснутися 2.7
 тота (птица) 3.37
 тоти 3.73
 тотъ 1.14, 2.8
 точило 3.27 (табл. 5), 31
 точити (за-, по-, рас-) 3.75 (табл. 12), 77,
 заточеныи 3.87, 91 (табл. 16)
 точьо 2.7
 тошати: истощаныи 2.7, 3.89
 требовати 1.12
 трезвость 3.44, 4.1
 три 1.14
 трои 3.69; -ца 2.22
 тростье 2.7
 трошити 3.78
 трудныи 3.56, 59
 трѣти (о-) 2.27
 тугии 3.52
 тшати (по-) 2.25
 тшета 2.7
 о-тшетити 1.14, 2.27 (сн. 53)

- ть 1.13, 14, 2.11, 14, 18, 20, 22, 29, 3.4, 35, 66 (табл. 11), 67, 69
 ты 2.11, 3.34
 тысячьскѣи 2.14, 18, 3.47, 61, 64
 тѣло 3.28
 тѣсн|ота 3.39; -ыи 3.56
 тѣсто 3.28
 тягость 3.44, 45, 4.1
 тягота 3.36, 39, 40
 тяжати (ис-) 1.14; притяжаныи 3.89
 тяжкѣи 3.63, 3.64
 о-тяжчати 1.14
 -тязати (ис-): истязаемыи 3.10 (сн. 23)
 тяти (по-, под-) 2.25, 26, 31 (табл.)
- убин|скѣи 3.61; -ство 3.29, 30
 убо 2.14, 3.73
 убогии 3.11, 47, 54, 4.4, убожаишии 3.55
 убожьство 3.27 (табл. 5), 29, 30
 уборокъ (*мера зерна*) 2.30, 3.4, 15, 26
 угод|ие 3.32; -ныи (не-) 1.13, 2.9, 3.58
 угонникъ 3.14 (табл. 3), 25
 уготование 3.89
 удобн|ыи 3.58; -ѣе 3.55
 удобь (не-) 3.54; -е 3.32
 удь 3.14 (табл. 2), 15, 21
 узда 3.34
 укорь 3.23
 уность 3.44, 4.1
 унот|а 3.39; -ка 3.39, 41
 унош|а 3.41; -ьскѣи 3.61, 4.1
 унылыи 3.84
 упова|ние, -ти 2.8
 урод|ивыи 3.65; -ъ 3.23
 об-уродѣти 3.80
 урокъ 3.10 (сн. 23), 23
 урочныи 3.58
 усильныи 3.58
 усобь 3.54
 устройство 3.87
 утовь 2.7
 утокъ 2.7
 утолѣти 3.77
 утроба 1.3, 3.41
 утеха 3.34
 уxo 2.9, 3.28
- ученикъ 2.28
 учити: наученыи 3.88
- фараонъ 2.30
 Федоръ 2.12, 17, 3.14 (табл. 2), 15, 22, 4.1
 Федосья 3.37
 Феодоритовъ 2.13, 30, 3.62
 Феодоръ 2.30, 3.22
 Филимонъ 3.22
 филиписѣи 2.30
 Филиппъ 2.16
 философ|ъ 2.10, 3.22; -ья 3.37
 Финеосъ 2.30
 Фока 3.37
 фока 'тюлень' 3.37
 Фома 3.37
 Халкидонъ|ъ 3.10 (сн. 23), 22, -скѣи 3.10 (сн. 23), 61
 Ханаонъ 2.30
 хвалити 2.16
 хворость 4.3
 хитр|ость 3.42 (табл. 8), 44, 4.1; -ыи 3.50
 хламида 3.34
 хлѣбъ 3.15, 21
 хоботь 4.3
 ходити (в-, вс- ис-, на-, от, по-, пре-, при-, проис-, с-) 1.23, 2.3–5, 9, 11, 16, 26, 30, 3.2, 75 (табл. 12), 77
 хожение (*с разными приставками*) 3.87
 холоп|ии 2.30, 3.4, 65; -ство 2.12, 3.27 (табл. 5), 29, 30; -ъ 2.3, 4, 9, 30, 3.2, 4, 10 (сн. 23), 18
 хоромъ 2.9, 3.18
 хоронити 3.78
 хотѣти (вс-, по-) 1.23, 2.9, 16, 3.10 (сн. 23), 79
 храборство 2.7, 12, 3.29
 хранило 3.31
 хранить: хранимыи, сохраненыи 3.48, 88
 Христо|въ 3.62; -знаменаныи 2.12, 3.4, 89 (сн. 78)
 христьянскѣи 3.61
 худо|гии 3.50; -жникъ 3.25
 худыи 3.52
 хульныи 3.56, 59

- церковныи 2.8, 12, 3.2 (сн. 6, 9), 47 (табл. 9), 56
 цѣдити (про-) 1.3
 цѣл|ость 3.44, 45; -ыи 3.49, 52
 цѣна 3.34, 35
 о-цѣннити: неоцѣненыи 3.48, 88
 цѣсар|ский 3.61; -ство 3.29, 30; -ствовати 2.14

 чадо 2.12, 28, 3.28
 чаротворець 3.24
 частыи 3.52
 чаяти, нечаемыи 3.88
 челоуѣкоугодникъ 3.25
 челоуѣ|къ 2.28, 30, 3.15, 16, 18; -чинь 3.26; -чьский 3.61, 64
 черево 3.28
 чересмина 3.34
 чертогъ 3.18
 чести (по-) 2.25, чтеныи (во-, по-) 2.17, 25, 3.47 (табл. 9), 48, 88
 честныи 2.14, 3.56, 59
 четвероногии 3.54
 четвертокъ 2.7
 четверь 1.12, 14
 четыредесятныи 3.58
 -чинати: начинаемыи 2.12, 3.86
 чинити (в-, у-) 1.13
 чинь 3.15, 16, 20
 число 2.7, 31 (табл.), 3.27 (табл. 4), 28
 чистот|а (не-) 2.13, 3.34, 39, 40, 4.1, 2; -ныи 3.39, 4.1, 2
 чистыи (не-) 3.50
 читати (рос-) 2.27, причитаемыи 2.12, 3.48, 86, 4.4
 чрево, чрѣво 3.28

 ч(с)тити (по-) 2.25
 что 3.66 (табл. 11), 69
 чюество 2.10, 3.29, 30
 чюжии 3.35

 шепотник 2.7
 широкии 3.65

 щадѣние 4.6
 щедрота 3.39, 40
 щюрь 3.15, 21

 ѣдовитыи 3.65
 ѣсти: ѣдомыи 4.2, ѣденыи (из-, сн-) 2.12, 3.86
 ѣхати 1.13

 я 2.11, 3.34, 35
 яблоко 1.14, 2.4, 7, 12, 17, 31 (табл.), 3.2, 28
 явити 4.2, явленыи 3.88
 явля|ти 1.14; -емыи 2.12, 3.84
 яво 3.52
 язвити: уязвленыи 2.12, 3.86
 языкъ 2.16, 3.16
 яко 3.66 (табл. 11)
 Яковъ 3.22, 4.1, 4
 яремство 3.29, 30
 Ярослав|ль 3.54; -ь 3.23
 ярост|ивыи 3.45; -ныи 3.47, 57, 4.1
 ярость 3.42, 44, 45, 92, 4.1, 3
 яти (вз-, от-, по-, подь-) 1.12, 2.7, 8, 16, 25, 26, 30, 3.84, 92, ятыи (вз-, от-, при-) 2.9, 10, 12, 26, 3.90
 ятровь 2.7

Указатель аффиксов

Суффиксы существительных

-б-а 2.20	Кроме перечисленных, в единичных словах встретились также суффиксы:
-ов-ь, -от-ь 2.7; -тел-ь, -им-ь, -ан-е, -ин-ь,
-ар-ь, от-ь, -ут-ь, -юх-ь, -ич-ь 3.26; -чк-о,
-я(т)- 3.32; -об-а, -тв-а. -к-а, -ык-а, -н-я,
-ин-а. -ын-и, -ех-а, -иц-а, -ош-а 3.41
-(б)ств-о 2.20, 3.29, 30, 92	
-бј-е 3.32	
-ниј-е 3.89	
-ениј-е 3.87, 88	
-ник-ъ 3.25	
-ок-ъ 2.7	
-л-о 3.31	
-от-а 3.39, 40	
-ост-ь 3.44, 45, 4.1	
-ец-ь 2.20, 3.24	
-ищ-е 3.32	

Суффиксы прилагательных и местоимений

-ав- 2.4, 13, 18, 3.2, 65	-н' - 2.20, 3.65
-ив- 3.65	-ен- 3.65
-ов- 2.4, 13, 18, 3.2, 64; 3.62 (притяжат.)	-ин- 3.65
-и(ј)- 2.20, 3.65	-енн- 3.87–89
-ак- 2.12, 3.72	-ян- 3.62, 64
-ик- 3.65	-ждо- 2.4, 13, 17, 18, 20, 3.2
-ок- 3.65	-ат- 3.65
-(о)к- 2.7, 3.63, 64	-ит- 3.65
-(е)ск- 2.12, 20, 3.61, 64	-ш-, -ъиш-, -аиш- (<i>сравнит. степень</i>)
-н- 2.20, 3.56–60	3.55

Глагольные суффиксы

-а-ти 3.15 (сн. 16)	-н- 2.12, 3.49, 89, 91, 92
-ова-ти 2.4, 13, 17, 18, 3.2, 81	-ен- 2.12, 3.49, 85, 86–88, 91, 92
-и-ти- 3.15 (сн. 16)	-т- 3.90
-л- 3.84	-ш- 2.20
-ем- 2.12, 3.49, 85, 86, 88, 91, 92	-ущ- 3.91
-им- 2.12, 3.85–88, 91	-ящ- 2.11, 3.91
-ом- 3.85, 86, 88, 91, 4.2	

Приставки

вз-, воз- 2.7	по- 2.25
въ-, во- 1.14, 2.7	под- 1.23, 2.7, 26
до- 2.25	про- 2.25
о-, об- 2.4, 27, 31, 3.2	роз- 2.27
от- 1.23, 2.26	съ-, со- 1.14, 2.7

Избранная библиография

- Аванесов, Р.И.: 1949, *Очерки русской диалектологии. Часть первая*. Москва.
- Аванесов, Р.И., Орлова, В.А.: 1965², *Русская диалектология*, Москва
- Аксенова, Е.А.: 1981, 'Важный памятник средневековой грамматико-лексикографической традиции (текстологический и акцентологический анализ)', *Советское славяноведение* 1981/1, 66-67.
- Брок, О.: 1907, 'Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда', *Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук* 83/4, 1-149.
- Брок, О.: 1916, *Говоры к западу от Мосальска*, Петроград.
- Булаховский, Л.А.: 1961, 'Отражения так называемой новоакутовой интонации древнейшего славянского языка в восточнославянских', *Исследования по лексикологии и грамматике русского языка*, Москва, 3-13.
- Васильев, Л.Л.: 1904, 'Гласные в слоге под ударением в момент возникновения аканья в обоянском говоре', *Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук* 9/1, 336-355.
- Васильев, Л.Л.: 1929, *О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI-XVII вв. - К вопросу о произношении звука о в великорусском наречии*, Ленинград.
- Виноградов, Н.: 1904, 'О народном говоре Шунгенской волости Костромского уезда', *Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук* 77/8, I-II, 1-100.
- Высотский, С.С.: 1949, 'О говоре д. Лека', *Материалы и исследования по русской диалектологии* II, Москва Ленинград, 3-71.
- Гард, П.: 1974, 'К истории восточнославянских гласных среднего подъема', *Вопросы языкознания* 1974/3, 106-115.
- Гецова, О.Г.: 1959, 'О произношении ударенного о разного происхождения в говоре с. Катагощи Захаровского района Рязанской области', *Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия* I, Москва, 105-118.
- 'Диалектологические материалы, собранные В.И. Тростянским, И.С. Гришкиным и др.', 1916, *Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук* 95/1, 1-65, 125-158.
- Дыбо, В.А.: 1968, 'Акцентология и словообразование в славянском', *Славянское языкознание. VI. Международный съезд славистов (Прага, август 1968 г.)*. Доклады советской делегации, Москва, 148-224.
- Дыбо, В.А.: 1971, 'Закон Васильева-Долбко и акцентуация форм глагола в древнерусском и среднеболгарском', *Вопросы языкознания* 1971/2, 93-114.
- Дыбо, В.А.: 1971, 'О фразовых модификациях в праславянском', *Советское славяноведение* 1971/6, 77-84.

- Дыбо, В.А.: 1975, 'Закон Васильева-Долобоко в древнерусском (на материале Чудовского Нового Завета)', *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics* XVIII, 7-81.
- Дыбо, В.А.: 1981, *Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском*, Москва.
- Ерёмин, С.А.: 1928, 'Описание Уломского и Ваучского говоров Череповецкого уезда Новгородской губ.', *Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук* 99/5, I-Ц, 1-69.
- Жилко, Ф.Т.: 1963, 'Возникновение дифтонгов в украинском языке. (Древние о, е в новых закрытых слогах)', *Вопросы теории и истории языка*, Ленинград, 112-119.
- Зализняк, А.А.: 1977, 'Акцентологическая интерпретация данных древнерусского "Мерила Праведного" XIV века', *Ностратические языки и ностратическое языкознание. Тезисы докладов*, Москва, 18-20.
- Зализняк, А.А.: 1978a, 'Новые данные о русских памятниках XIV-XVII веков с различием двух фонем "типа о"', *Советское славяноведение* 1978/3, 74-96.
- Зализняк, А.А.: 1978b, 'Противопоставление букв о и ѿ в древнерусской рукописи XIV века "Мерило праведное"', *Советское славяноведение* 1978/5, 41-68.
- Зализняк, А.А.: 1979a, 'Акцентологическая система древнерусской рукописи XIV века "Мерило праведное"', *Славянское и балканское языкознание. История литературных языков и письменность*, Москва, 47-128.
- Зализняк, А.А.: 1979b, 'О понятии графемы', *Balkanica. Лингвистические исследования*, Москва, 134-152.
- Зализняк, А.А.: 1985, *От праславянской акцентуации к русской*, Москва.
- Захарова, К.Ф.: 1959, 'Архаические типы диссимилятивного яканья в говорах Белгородской и Воронежской областей', *Материалы и исследования по русской диалектологии I*, Москва, 6-55.
- Колесов, В.В.: 1962a, '[δ] (о закрытое) в древненовгородском говоре', *Исследования по грамматике русского языка III. Учёные записки ЛГУ. Серия филологических наук* 302/61, Ленинград, 149-161.
- Колесов, В.В.: 1962b, 'Эволюция фонемы [δ] в русских северо-западных говорах', *Филологические науки* 5/3, 94-104.
- Колесов, В.В.: 1972, *История русского ударения*, Ленинград, ч. I.
- Кузнецов, П.С.: 1960, *Русская диалектология*, Москва.
- Лыткин, В.И.: 1948, 'К вопросу о севернорусском закрытом о', *Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка*, вып. 2, 35-40.
- Лыткин, В.И.: 1949, 'Фонетика севернорусских говоров и заимствования из русского языка в комийский', *Материалы и исследования по русской диалектологии II*, Москва - Ленинград, 128-201.
- Мансикка, В.: 1912, 'Говор Грязовецкого уезда Вологодской губ.', *Русский филологический вестник* 68/4, 271-279.
- Николаев, С.Л.: 1996, 'Histoire d'O', *Русистика. Славистика. Индоевропентика*. Москва, 203-242.
- Стадникова, Е.В.: 1984, 'Влияние акцентной системы на фонологическую (на материале истории двух фонем "типа о" в русском языке)', *Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук*, Москва.

- Стадникова, Е.В.: 1989, 'Материалы к изучению двух фонем "типа о" в старовеликорусском', *Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод*. Москва, 135-175.
- Тоньшин, Ф.М.: 1912, 'Материалы по Рязанской губ. и у., Новосельской в., с. Новосёлки', *Русский филологический вестник* 68/3, 1-22.
- Тугай, Е.В. [= Стадникова]: 1978, 'Различение двух фонем "типа о" в старовеликорусской рукописи XVI в.', *Языковая практика и теория языка*, Москва, вып. 2, 70-81.
- Тугай, Е.В. [= Стадникова]: 1983, 'К вопросу об эволюции двух фонем "типа о" в XVI в.', *Филологические науки*, No. 2, 62-68.
- Шахматов, А.А.: 1964, 'Дифтонги *ѣѡ* и *іе* в великорусских говорах', *Вопросы языкознания*, 1964/5, 110-120; 1964/6, 109-118.
- Шахматов, А.А.: 1914, 'Описание Лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губ.', *Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук* 18/4, 178-220.
- Dolobko, M.: 1926, 'Der sekundäre v-Vorschlag im Russischen', *Zeitschrift für Slavische Philologie* III/1-2, 87-144.
- Durnovo, N.: 1932, 'Manuscrits russes distinguant l'ancien o "acuté" et l'o d'une autre origine', *Annales Academiae Scientiarum Fennicae* B/27, Helsinki, 7-13.
- Flier, M.S.: 1977, 'On Obojansk dissimilative jakan'e: the canonical case of absolute neutralisation', *Phonology in the 1970's*, Los Angeles, 1-90.
- Lehfeldt, W.: 1986, 'Zur graphischen Wiedergabe und zur Distribution von zwei Phonemen des "Typs o" in einer russisch-kirchenslavischen Handschrift aus der Mitte des 16. Jh.', Renate Rathmayr (Hg.), *Slavistische Linguistik* 1985, München, 133-145 (Slavistische Beiträge 200).
- Lehfeldt, W., Berger, T.: 1984, 'Zur Rekonstruktion des altrussischen Akzentsystems', *Wiener Slawistischer Almanach* 13, 141-160.
- Lehfeldt, W., Berger, T.: 1984, 'К реконструкции древнерусской акцентной системы', *Russian Linguistics* 8, 1-16.
- Ossowski, L.: 1950, 'O zwięzonym lub dyftongicznym o w pewnych gwarach i zabytkach rosyjskich (Ze studiów nad akcentem rosyjskim)', *Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego* X, 141-148.
- Akzentsysteme der Ostroger Bibel (Neues Testament) von 1580-1581 und der Moskauer Bibel von 1663*, München.
- Shevelov, G.Y.: 1978, 'Omega in the Codex Hankenstein', *Studia Linguistica Alexandro Vasilii filio Issatschenko a Collegis Amicisque oblata*, Lisse, 369-386.
- Shevelov, G.Y.: 1984, 'An alternative analysis of some language features of "Měriло pravednoe"', *Wiener Slawistischer Almanach* 13, 295-305.

АКЦЕНТНАЯ СИСТЕМА ЮЖНОВЕЛИКОРУССКОЙ РУКОПИСИ XVI ВЕКА «КОСМОГРАФИЯ» МАРТИНА БЕЛЬСКОГО

Глава 1

ГЛАГОЛЬНАЯ АКЦЕНТУАЦИЯ В «КОСМОГРАФИИ» МАРТИНА БЕЛЬСКОГО

Исходные положения

§ 1. Настоящая работа посвящена описанию акцентной системы глагола в старовеликорусской рукописи Гос. библиотеки им. В.И. Ленина, фонд 152 (собр. Лукашевича и Маркевича), № 2, именуемой ниже Космография (или сокращенно: Косм.).

После исходных положений (§ 1-3) и общих сведений о Космографии (§ 4-11) и других использованных памятниках (§ 12-13) следует основная часть работы - описание глагольной акцентуации в Космографии как некоторого синхронического целого (§ 14-31). Далее (§32-59) на основе материала Космографии, а также ряда других памятников рассматриваются некоторые общие вопросы акцентной эволюции русского глагола.

§ 2. Термины "ортотоническая словоформа", "энклиномен", "акцентная парадигма" (сокращенно: а.п.), "акцентная кривая" (или, что то же, "схема ударения") используются ниже в том их понимании, которое изложено в работе Акц. Мер., § 2, 5, 6.

В ходе истории русского языка утратилось прежнее просодическое различие между энклиноменами (например, *золото*, *руку*) и начальноударными ортотоническими словоформами (например, *правило*, *рыбу*)¹. Соответственно, если прежде сочетания типа *на золото*, *на руку* получали начальное ударение в силу чисто фонетической автоматике, то после указанной утраты стало принципиально возможным также ударение *на зóлото*, *на рúку* (как в сочетаниях *на прáвило*, *на рýбу*) и, следовательно, ударение *на́ золото*, *на́ руку*, хотя оно фактически еще долго господствует, определяется уже морфологическим (т.е. традиционным) правилом.

¹ Время этой утраты точно не установлено. Вполне вероятно, что она происходила в разных говорах разновременно. Для говора Мерила Праведного XIV в. еще можно предполагать сохранение старого состояния или каких-то его элементов, см. Противоп., § 19. Для говоров, отраженных известными нам памятниками XV-XVI в. и более поздними, разумно предполагать уже новое состояние.

После указанной утраты противопоставление трех акцентных парадигм (как у имен, так и у глаголов) приобрело в восточнославянской области следующий вид.

Слова а.п. *a* имеют неподвижное ударение на определенном слоге основы.

Слова а.п. *b* имеют в одних словоформах ударение на первом слоге окончания, в других – на последнем слоге основы; распределение этих двух акцентных возможностей в каждом морфологическом классе слов особое². Этот тип акцентуации (при котором подвижность ударения ограничена смежными слогами) мы будем называть смежно-подвижным.

Примечание. Как частный случай смежно-подвижного ударения может выступать (только у имен, но не у глаголов) также чисто флексивное ударение, т.е. ударение на первом слоге окончания везде, где окончание содержит гласную.

Слова а.п. *c* имеют в одних словоформах начальное ударение, в других – конечное, в третьих – на предпоследнем слоге; при этом словоформы с начальным ударением в составе фразы передают это ударение проклитике (предлогу, частице), если таковая имеется (о механизме такой передачи см. выше). Распределение указанных трех акцентных возможностей в каждом морфологическом классе особое. Тип акцентуации, при котором представлены первые две или все три возможности, мы будем называть маргинально-подвижным. Подтип только с первыми двумя возможностями может быть назван строгим маргинально-подвижным, подтип со всеми тремя возможностями – нестрогим маргинально-подвижным.

§ 3. Для праславянского (и раннего древнерусского) предполагается следующее идеальное соотношение между акцентными парадигмами и акцентными кривыми: в каждом морфологическом классе слов, где некоторая а.п. вообще представлена, она представлена только одной акцентной кривой.

В "точечных" (по времени и месту) русских акцентных системах XIV–XVII вв. мы находим это идеальное соотношение уже частично нарушенным: становятся в принципе возможными, например, две разные акц. кривые при ударении маргинально-подвижного типа в одном и том же морфологическом классе слов. При этом, однако, в большинстве говоров рассматриваемой эпохи еще достаточно хорошо сохраняется сам принцип противопоставления трех типов ударения в парадигме: неподвижного, смежно-подвижного и (нестрогого) маргинально-подвижного. Соответственно, при описании "точечных" систем этой эпохи не только с исторической, но и с чисто синхронической точки зрения мы вправе говорить о трех акцентных парадигмах (*a*, *b*, *c*) в этих системах.

² Следует учитывать, что в словоформах, где окончание не содержит гласной, противопоставление этих двух акцентных возможностей нейтрализовано. Соответственно, при оценке распределения этих двух возможностей такие словоформы не принимаются во внимание.

Правда, с течением времени в акцентуации русского глагола наступает важная перемена: у глаголов с маргинально-подвижным ударением подавляющее большинство начальнотударных словоформ получает (нефонетическим путем) новое ударение – конечное или предконечное; в результате у большинства таких глаголов начальнотударных словоформ не остается вообще. Начатки этого изменения обнаруживаются уже в XIV в. (см. § 33, 35, 37, 39); широкое развитие оно получает в некоторых русских говорах с XVI в., в большинстве – с XVII в.

Соответственно, у глаголов третий член акцентного противопоставления постепенно меняет свое реальное содержание: вместо маргинально-подвижного ударения выступает чисто флексивное³ (например, *пекú, печёшь, пёк, пекла, пекли*) или колонное типа *прошú, простíшь, протíл, протíла, протíли*. Существенно, однако, что даже это превращение не нарушает самого принципа тройственного акцентного противопоставления⁴.

Таким образом, различные "точечные" акцентные системы XIV–XVII вв. имеют общий "структурный костяк", состоящий в том, что сквозь все (или почти все) морфологические классы слов проходит противопоставление трех акцентных парадигм.

Чем же могут различаться между собой эти "точечные" системы? Между двумя "точечными" системами А и В практически возможны следующие основные типы элементарных различий (понятно, что между А и В может быть много элементарных различий одновременно):

- 1) в некотором морфологическом классе слов некоторая а.п. представлена в А не той или не теми акцентными кривыми, что в В (или даже иным числом кривых, чем в В);
- 2) некоторое конкретное слово принадлежит в А не к той а.п. (или не к той акц. кривой внутри а.п.), что в В⁵.

³ Тем самым чисто флексивное ударение у глаголов оказывается соотношенным с а.п. *с*, тогда как у имен оно соотношено с а.п. *б* (§ 2, примеч.).

⁴ С чисто синхронической точки зрения, три схемы ударения презенса, представленные в современном языке, наиболее естественно упорядочить так: *а* – *вёрю, вёршь, в* – *прошú, простíшь, с* – *хожú, хóдишь*, ср. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1977, с. 80. Таким образом, исторической а.п. *б* соответствует современная схема ударения *с* и наоборот; иначе говоря, в презенсе глагола акцентные парадигмы *б* и *с* в ходе истории как бы поменялись своим реальным содержанием, сохранив само противопоставление. Во избежание недоразумений, связанных с этим обстоятельством, мы используем в настоящей работе символы *б* и *с* только в их историческом значении.

⁵ Кроме того, возможны различия в акцентуации конкретных слов и словосочетаний, не отражаемые понятиями а.п. и акц. кривой, например, *постáвляти* в одной "точечной" системе и *поставля́ти* в другой, *на́ золото* в одной системе и *на зóлото* в другой.

Последний тип различий следует подчеркнуть особо. Он связан с тем, что в истории языка или отдельных говоров нередко происходит переход той или иной группы слов (или даже индивидуального слова) из одной а.п. в другую. Поэтому необходимо четко различать исторически первоначальную а.п. некоторого слова (т.е. ту а.п., к которой оно предположительно относилось в праславянском) и его констатируемую синхронически а.п. в конкретной "точечной" системе.

Из сказанного ясно, что подлинно надежный материал для исторической акцентологии могут дать только описания целостных систем, а не списки примеров (пусть даже длинные), извлеченных из памятников (пусть даже многочисленных), акцентные системы которых не изучены⁶. Так, например, в Т.мн. на -ми у существительных а.п. с в одних памятниках регулярно представлено флексийное ударение (*ночьми*, *костьми* и т.д.), в других – наосновное (*ночьми*, *кбстьми* и т.д.), в третьих ударение колеблется. С другой стороны, например, слово *скорбь* в одних памятниках относится к а.п. с, в других – к а.п. а. Очевидно, что в этих условиях пример *скóрбьми*, извлеченный из памятника, акцентная система которого не изучена, не несет в сущности никакой информации – ни об а.п. слова *скорбь*, ни об акцентуации формы Т.мн.

Итак, описание отдельной "точечной" акцентной системы рассматриваемой эпохи в идеале должно включать указание всех акцентных кривых, которыми реализуется каждая а.п. в каждом морфологическом классе слов, а также списки слов, относящихся к каждой а.п. (и акцентной кривой внутри нее). Предлагаемое ниже описание глагольной акцентуации в Космографии в основном следует этой схеме (с тем отличием, однако, что для а.п. а полные списки слов не приводятся).

Общие сведения об использованных памятниках

*Космография*⁷

§ 4. Рукопись представляет собой перевод отдельных частей из IV–X книг третьего издания (Краков, 1564 г.) "Всемирной хроники" ("Kronika, to jest historja świata") известного польского историка и сатирика XVI в. Мартина

⁶ Не говоря уже о том, что предварительно должна быть тщательно проанализирована система надстрочных знаков каждого используемого памятника. Без такого анализа выписанная из памятника словоформа со знаком ударения может оказаться совершенно иллюзорным материалом; например, такие написания, как *ѣзбралъ* или *каѣ*, в одних памятниках акцентно значимы, в других же не несут никакой акцентной информации.

⁷ Краткое описание рукописи см. в книге: *Щапов Н. Я. Собрание И. Я. Лукашевича и Н. А. Маркевича. Описание. М., 1959, с. 17.*

Бельского⁸. В рукопись вошли в основном космографические разделы труда Мартина Бельского (отметим в их числе про странное описание России, составленное на основании "Записок" Сигизмунда Герберштейна), а также рассказ о жизни Скандербега и рассказ об открытии Нового Света⁹. (Таким образом, название Космография, используемое ниже, соответствует основному содержанию рукописи.)

Рукопись без начала; писана одним почерком¹⁰ (мелкий "круглящийся" полуустав) на 196 листах¹¹ (из них последние 5 1/2 не заполнены). Общая длина текста – около 57 тысяч слов. Ни место, ни время написания в рукописи не обозначены. Я.Н. Шапов (см. сноску 7) датирует рукопись по бумажным знакам последней четвертью XVI в.

В тексте Космографии (особенно в ее начальной части) имеются следы редакторской правки (почерком, отличным от писца, и более бледными чернилами): исправлены некоторые искаженные или бессмысленные места, изменены окончания некоторых словоформ или отдельные буквы и т.п. Акцентуацию редактор, по-видимому, нигде не правил. К счастью, вся правка хорошо заметна, и даже подскобленные буквы легко читаются. Ниже все цитируемые примеры, если не оговорено иное, отражают только собственный текст писца (а не редакторскую правку).

Рукопись представляет исключительный интерес для истории русского языка – не меньший, чем, например, Домострой по Коншинскому списку; было бы очень желательно ее опубликовать. Для акцентологии Космография составляет особую ценность, как один из наиболее ранних русских акцентуированных памятников нецерковного содержания.

§ 5. Не претендуя на полное палеографическое описание Космографии, укажем лишь некоторые ее характеристики, существенные для дальнейшего разбора.

В Космографии используются графемы: а, б, в, г, д, е¹², ж, з, и, ѓ, к, л, м, н, о, ѡ, п, р, с, т, у, Ѹ, ф, х,

⁸ О переводах Мартина Бельского на русский язык в XVI в. см.: Попов А. Обзор хронографов русской редакции, вып. 2. М., 1869, с. 93-94; Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV-XVII веков. Библиографические материалы. – Сб. ОРЯС, т. 74, № 1. СПб., 1903, с. 53-55. Работа по установлению того, какой именно из этих переводов представлен в изучаемой рукописи, нами не проводилась.

⁹ Глава о Литве по ошибке включена в Космографию дважды (63-64б и 167-168б), причем оба текста совпадают практически слово в слово.

¹⁰ Рукопись явно писана рукой переписчика, а не переводчика. Это видно из того, что в тексте встречаются следы плохого понимания соответствующего места протографа, характерные для переписчиков искажения и т.п.; ср. также сноску 9.

¹¹ При цитировании лицевая сторона листа обозначается просто номером листа, оборотная – тем же номером с буквой "б".

¹² Неясно, разными ли графемами являются в Космографии начертания е и ѡ. Ниже они передаются одинаково через е.

ц, ч, ш, щ, в, ъ, ѓ, ю, а, љ. Ниже а, е, џ, ѧ передаются соответственно через а, е, щ, я, прочие как показано.

Диграфа *ou* (в значении /у/) не встречается. Противопоставления "о широкого" и "о узкого" нет. Омофоничны: *ѳ* и *ѳ* (свободное варьирование); *у* и *Ѹ* (свободное варьирование; *Ѹ* очень редко); *и* и *і* (*і* – факультативная замена для *и* перед гласной); *о* и *ѡ* (*ѡ* – факультативная замена для *о* в начале слова и слога).

Часто применяется вынос буквы над строкой; буква, передающая конечную согласную фонему словоформы, выносится почти всегда. Ниже выносные буквы передаются как надстрочные; знак выноса не передается. Выносное *и*, имеющее в Косм. вид кендемы (∞), передается настрочным *и*.

В отношении орфографических норм отметим следующее. В Косм. почти нет следов южнославянского орфографического влияния (типа *а* вместо *я* после гласных, смешения конечных *ѡ* и *ѡ* и т.п.). В безударном положении написание *е* на месте этимологического *ѣ* является для писца нормой (а не ошибкой), хотя изредка встречается и написание *ѣ* (об ударном *ѣ* см. § 9, п. 7). Для окончания Р.ед. *-ого* (*-ово*) писец явно считал равно допустимыми обе эти орфограммы; то же верно для орфограмм *-тсѧ* и *-тца* в презенсе возвратных глаголов.

§ 6. Обозначим условно как "старопечатную" ту систему надстрочных знаков, которая принята в старопечатных книгах XVI–XVII вв. (а также в церковнославянских изданиях XVIII–XX вв.). Несколько огрубленно ее можно описать так. В системе используются три знака ударения: *’* (оксия), *˘* (вария), *ˆ* (камора) – и знак *’* (спиритус, или псиль), которым снабжаются неприкрытые гласные. Спиритус совместим со знаками ударения. Вария ставится только над конечной гласной фонетического слова; камора ставится над некоторыми односложными словами, преимущественно служебными¹³; оксия ставится в прочих случаях. Спиритус регулярно ставится над начальной гласной словоформы, не вполне регулярно над неприкрытой срединной; над конечной гласной он обычно не ставится.

В Космографии представлен один из вариантов "старопечатной" системы надстрочных знаков. Он характеризуется тем, что камора используется крайне редко, спиритус в середине слова по большей части опускается. По внешнему виду спиритус здесь напоминает камору, поэтому смешение спиритуса с оксией или вариет исключено. Оксия нередко принимает вид вертикального штриха. Случай, где неясно, к какой гласной относится оксия, очень редки; ниже они либо оговариваются, либо вообще не включаются в материал.

¹³ Употребление каморы обычно лишь факультативно (т.е. вместо нее может выступать вария или оксия). Круг словоформ, снабжаемых каморой, в разных памятниках со "старопечатной" системой несколько различим; соответственно, можно различать варианты "старопечатной" системы в зависимости от употребления каморы (но здесь мы от этого отвлекаемся).

Вария не над конечной гласной встрети́лась в Косм. всего в нескольких случаях, причем часть из них – это очевидные ошибки (например, в *рекà тàнаю*^с 25 вария явно поставлена в связи с тем, что писец ошибочно усмотрел здесь сочетание *рекà тà*). Написание предлога *о* как *ò* (в киновари) не связано с передачей ударения.

Двойные знаки ударения в Косм. редки. Написания *вѣсмò-трѣли* 736, *вѣшлò* 29 и некоторые другие, по-видимому, отражают колеблющееся ударение. К иной категории относятся написания *персѣѣò* 126, *с лáеò* 88, *по^д крбѣѣò* (название города) 111, *дúмоò* 1066, *трѣ^тяò* 1706, *велѣкомò* 56, *котò-ромò* 716; скорее всего, это следы орфографических приемов, характерных для XV и первой половины XVI в. (ср. § 13); но не исключено также, что в этих написаниях отразилось ритмическое ударение.

Простыми ошибками мы считаем написания *дò дñепрà* 45 (писец сперва усмотрел здесь *дò дñе* "до дня"), *нà кáмене* 23, *пò|бежà^л* 356 и некоторые другие (всего около десятка случаев).

В настоящей работе при цитировании оксия, вария и ка-мора ставятся в соответствии с оригиналом, но спиритус не воспроизводится (кроме особых случаев, см. § 13). Не воспроизводится также так наз. паерок (*).

§ 7. Назовем "коэффициентом акцентуированности" (некоторого текста) отношение числа обозначенных ударений к общему числу ударений, приходившихся, по нашим предположениям, на данный текст.

В Космографии, правда, не имеет смысла вычислять среднее значение этого коэффициента для всего текста в целом, поскольку здесь действует следующее правило: если над гласной, несущей ударение, стоит выносная буква, знак ударения (за редчайшими исключениями) не ставится. Фактически в таком положении оказывается примерно 30% ударных гласных. Если отбросить все те словоформы, которые, как можно предполагать, подпали под действие данного правила, то для остальных случаев коэффициент акцентуированности составит в Косм. около 80%¹⁴.

Замечено, кроме того, что реже, чем обычно, ударение проставляется: а) в иностранных географических названиях и собственных именах (по-видимому, писец часто просто не знал, как их акцентуировать); б) в словоформах личных и указательных местоимений и глагола *быти* (по-видимому, причина здесь в том, что эти словоформы в ряде фразовых позиций были неполноударными). Если отбросить и эти две категории словоформ, то в оставшемся массиве коэффициент акцентуированности составит уже около 85%¹⁵.

При столь высоком коэффициенте акцентуированности постоянное отсутствие знака ударения у некоторой часто

¹⁴ Коэффициент подсчитывался для выборки, включавшей 13 страниц из разных мест текста.

¹⁵ Для буквы *ѣ* данный коэффициент несколько ниже этого среднего значения (по-видимому, сам характер начертания этой буквы способствует пропуску знака ударения).

встречающейся словоформы само становится значащим. Например, словоформа *держа^m* (3 мн.) встречается более десятка раз и всегда без знака ударения; естественно предположить что ударение здесь падало на последний слог (где его нельзя обозначить из-за выносного ^m).

Диалектные черты в Космографии

§ 8. В Космографии отразился целый ряд диалектных черт (в первую очередь фонетических и морфологических). Существенный вопрос состоит в том, кому принадлежат эти черты – писцу Космографии или писцу его протографа. В связи с этим нужно отметить следующее. Почерк писца Космографии совершенно устойчив; вполне постоянны также графические приемы, связанные с выносом букв, сокращениями, расстановкой надстрочных знаков и т.п.; в целом весьма последовательна и орфографическая система писца. Все это дает возможность оценить писца как достаточно квалифицированного профессионала, который писал с высокой степенью автоматизма по усвоенным им нормам, а отнюдь не копировал побуквенно протограф.

Отсюда можно заключить, что по крайней мере в большинстве тех случаев, где писец Космографии отступает от своих собственных орфографических и морфологических норм, отразились диалектные особенности речи самого писца, а не особенности протографа (см. также § 10).

Не ставя перед собой задачи дать полное описание диалектных особенностей Космографии, укажем те из них, которые оказываются наиболее существенными для локализации памятника. К сожалению, современное состояние русской исторической диалектологии таково, что пока еще затруднительно говорить о географических границах тех или иных диалектных явлений, скажем, в XVII в. Такие границы в большинстве случаев известны лишь для нынешней эпохи¹⁶; для XVI–XVII вв. обычно приходится ограничиваться констатацией того, что то или иное явление засвидетельствовано в памятниках таких-то районов, однако нельзя быть уверенным, что его не было также и в каких-то других районах.

§ 9. Прежде всего, в Косм. выделяется ряд черт, свидетельствующих о диалектных явлениях, которые в XX в., а также, по-видимому, и в XVI–XVII вв. свойственны только

¹⁶ Приношу глубокую благодарность сотрудникам сектора истории и диалектологии русского языка Института русского языка АН СССР, в особенности С.В. Бромлей и Е.Г. Буровой, за предоставленную мне возможность ознакомиться с целым рядом диалектологических материалов и за помощь в их использовании. Ниже диалектологические атласы, составленные и хранящиеся в этом секторе, сокращенно обозначаются так: Атлас Юг [Атлас Запад, Атлас Север] – "Атлас русских говоров центральных областей к югу [соответственно: к западу, к северу] от Москвы"; Атлас сводный – "Диалектологический атлас русского языка".

южной половине великорусской территории. Наиболее показательными из таких черт являются следующие.

1. Десятки раз встречается смешение безударных *a* и *o*, что явно указывает на аканье. Ограничимся немногими примерами: *горнастае*^в 466, *качевали* 696, *по^д корале^м* 276, *довала "давала"* 117, *догод^ались* 1126, *карабл^и* 1446 и др. (при обычном *карабл^и*), *тата^рове* 1586 и др. (при обычном *тата^рове*) *раманови^ч* 1656 (ср. *рома^нови^ч*), *аки^на* 246 (ср. *шки^н*^н 25); особо отметим *гаври^ла* И.ед. 37 *тер*, *дан^и-ла* И.ед. 1656. Параллельно встречается смешение безударных *e*, *ѣ*, *я*, *и*, например: *доколя* 30, *ш^тколя* 446, *крѣпчая* (сравнит.) 1326, *на поля* В.ед. 98, *вѣда^те* 756, *на ч^ищанои* М.ед. 58, *тысе^ча*, *тысе^чи* (часто), *сл^ыше^л* 1756, *усл^ы-ши^л* 1146, *увид^ив* 506, *по^дл^бнно* 1746 *bis*, *со^лни^чнево* 41, *съ еван|ги^лемь* 186, *еросла^вско^у* 40. В первом предупредительном слоге смешение отмечено в следующих случаях: *гореч^я* 25, *и^знел^а* 1136, *привез^али* 107, *розреж^аю^тца* 1746 (все они согласуются с принципом диссимилятивного яканья, но сами по себе, конечно, не могут служить диалектологическим аргументом из-за их малочисленности).

2. Случаи смешения *x* и *г*: *г кр^бю* 'к городу Кроя (Крой)' 1106, ср. *x кр^бе* 1106 (относительно *xk* из *kk* см. § 10); *че^с* 'Чех (имя)' 158, ср. *ч^еха* 1576, *ч^ехови* 1576, *ч^ехо^в* 1576; *ле^с* 'Лех' 158 *тер*, ср. *лехово^с* 316. Особо стоят случаи смешения *x* и *г* в позиции перед гласной¹⁷: *неприхо^жи^х* "непригожих" 26 и менее показательное *л^егу* "Леху" 158. Случаи смешения *ги* с *и*, *ге* с *е*: *кня|иня* 406, *княи^ню* 406; в заимствованиях - *май^стрь* 656, *май^стра* 66, ср. *маг^истра* 656; *едме^н* "гетман" 376, ср. *ге^тмана* 376 (менее показательное подобное явление в иноязычных именах собственных, например, *норве^я* "Норвегия" 143, *гестони^ю* "Эстонию" 65 и т.п.). Хотя в части приведенных примеров смешение может объясняться и нефонетическими причинами, вся их совокупность в целом указывает на фрикативное *г* (т.е. [γ] или [h]).

3. У существительных женского рода с твердой основой в Р.ед. иногда встречается (в основном в сочетаниях с предлогом) окончание -ѣ (без ударения -е, -и): *на ш^бѣ^х* *сторона^х* *рекѣ* *во^лги* 68, *ш^тт^би* *рекѣ* 119, *ш^тт^б* *рекѣ* 22, 119, *до ... рекѣ* 119, *до рецѣ* 134; *у п^апе* 166, *ш^тчерем^исе*

¹⁷ Хотя причины смешения букв *x* и *г* в этой позиции неочевидны, сам факт такого смешения именно в южновеликорусских памятниках хорошо известен, см. Котков, с. 121-122; ср. также в Южн. отк. *прихо^ж* "пригоже" Елец 2806, *бо^ртни^х* *Угож^ве* Орел 1259 и др.; ср. еще *бжма^ж*, *гот^ище* в Травнике (§ 12).

576; ω^m *венери* 138, до *вя³ми* 466, ω^m *м³ми* "от Вязьмы" 46, до буди "до Буды" 1536 (разумеется, при гораздо более частых ω^m *рекѣ*, до *вя³ми*, ω^m *пѣни* и т.д.). Аналогично при мягкой основе: *земль* Р.ед. 68, 71, 120, 1256, из ... *земль* 64, 896, до ... *земль* 626 (при более частом *земль*, из *земли* и т.д.). В современном языке зона распространения данного явления (Р.ед. типа *у женѣ*) лишь незначительно отличается от зоны распространения аканья; см. Диал. член., карта 10. Явление хорошо засвидетельствовано в XVII в. (см., в частности, Котков, с. 177-179).

4. В Косм. местоименные основы *тоб-*, *соб-* выступают, наряду с *теб-*, *себ-*, как в Д. и П., так и в Р. и В.: *тобѣ* Д., *собѣ* Д., *к собѣ*; *в собѣ*; *у собѣ*, ω^m *собѣ*, *бе³ собѣ*, *ме^ж собѣ*; *тобя* В., *собѣ* В., *на собѣ*, *за собѣ*, *по^д собѣ* - несколько десятков примеров (наряду с *тебѣ* Д.П., *себѣ* Д.П., *тебѣ* Р.В., *себѣ* Р.В.). В современном языке основы *тоб-*, *соб-* в Д. и П. (в силу аканья [таб-], [саб-]) представлены лишь в южновеликорусских говорах (почти во всех, кроме части верхнеднепровских и тульских) и в немногих акающих среднерусских; см. Образ., карта 53; в Р. и В. эти основы встречаются гораздо реже - островками внутри той же территории (почти во всех ее частях); см. ту же карту. Для XVI-XVII вв. границы данного явления недостаточно ясны.

З а м е ч а н и е. В Косм. у местоимений "я", "ты", "себя" в Р. и В. господствует окончание -я: *меня*, *тобя* (*тебѣ*), *собѣ* (*себѣ*); иное окончание только в случаях *у себе* 96, *мене* (Р. или В.) 806; особо отметим *што мнѣ* 1046. Как известно, окончание -я в XVI-XVII вв. достаточно широко представлено в южновеликорусских памятниках, ср. Котков, с. 199-200; таким образом, оно не может служить аргументом против южновеликорусского происхождения Космографии (независимо от того, отражает ли это окончание влияние московской нормы или нет).

5. Встретились инфинитивы *ити^m* 1, 736, *поити^m* 76, 1496, *вѣсть* 'вести' 586, *вѣсть* "везти" 166 (наряду с такими примерами, как *итѣ* 26, 286 и др., *ити^m* 83 и др., *поитѣ* 79, 100 и др., *итѣ* 101, *ввѣстѣ* 34, *извѣстѣ* 726, 111). В настоящее время инфинитивы типа *несть* представлены в акающей зоне, а также в новгородских и ладого-тихвинских говорах; инфинитив *итѣть*, *итѣть* - на той же территории, за вычетом псковских говоров; см. Образ., карта 26. Явление хорошо засвидетельствовано в XVII в. (см., в частности, Котков, с. 177-179).

Далее, в Косм. имеются черты, которые исключают отношение памятника к самым западным частям южновеликорусской территории.

6. В Косм. встретились: *толке* 25, 71, 103, *то^лке* 13, 16 bis, 246, 25, 75, 1806, *ко^лке*. *со^m* 746 (при более обычных *тѣлко*, *то^лко*, *ко^лко*). Это явное свидетельство смягчения /к/ после /л'/. В начале XX в. на акающей территории

западная граница прогрессивного ассимилятивного смягчения задненебных проходила, по данным Д.К. Зеленина, западнее Медыни, Мосальска, Брянска и далее на Севск, Суджу; см. нашу карту 1¹⁸. Примеры из XVII в. см.: Котков, с. 125-126, Галкина, с. 14. В Южн. отк. написания с *ке, кя* (особенно часто *ско^лке, ско^лкя*) обильно представлены во всех отказных книгах, кроме рыльской (в которой их, напротив, нет совсем¹⁹).

7. На месте этимологического *ѣ* в Косм. под ударением с чрезвычайно высокой последовательностью пишется *ѣ* (в том числе и перед мягкими согласными), без ударения - в подавляющем большинстве случаев *е* (которое изредка может заменяться на *и* в соответствии с пунктом 1). В то же время имеется ряд случаев смещения ударных *ѣ* и *и*: *черѣ³ перемѣрие* 786, *ѡ перемѣри* 100, *хоти^л "хотел"* 846, *хотѣ^м "хотим"* 160, *велѣко* 1526 (при обычном *велико* и т.д.), *ѡбѣлно* 16 (ср. *ѡбѣлно* 3 и др.), *го^дни^шѣе* (сравнит.) 706, *нико^лко* "несколько" 35, 38; по-видимому, сюда же *гори^т "гореть"* 1216 (если это не морфологическая замена) *скѣрдѣ* "скирд" 39, *и зроби²ши^с* 716 (вместо *и розѣ²ши^с*) и некоторые другие. Особый случай составляет колебание *ѣ/и* в названии Северной земли, ср. *сѣвер|ски^х* 38 (также в разных формах 45, 456) и *сѣве^рско^у* Р.ед. 376, 446, *сѣве^рскіе* 45.

Что касается случаев написания *е* вместо ударного *ѣ*, то почти все они по тем или иным причинам непоказательны. Так, писец пишет названия *Днепр* и *Тверь* только через *е*: *днѣпръ* 39, 47, 48 *ter*, 62 *bis*, 64 *bis*, 646, 168 *bis*, 1686, *нѣпръское* 48, *тверь* 49 *bis*, *тве^р* 366, *тве^р любо ѡтве^р* 486. Можно предположить, что писец слышал эти названия только в таком произношении, которое с точки зрения его фонологической системы содержало фонему /e/. В самом деле, Днепр (на великорусской территории) и Тверь относятся к зоне, где в эту эпоху *ѣ уже, по-видимому, дало [e]; отметим для сравнения, что название Северной земли (в пределах которой *ѣ в целом достаточно устойчиво сохранялось в виде [ê], [ie] или [и]) отражено в Космографии не с *е*, а с *ѣ* или *и* (см. выше). К той же группе, что Днепр и Тверь, следует отнести *ме^нско* "Минск" 616. непоказательны колебания типа *ѡ^т моисея* 160, *моисѣи* 160, колебания в полонизме *мѣскои* (*мѣскои*) из польск. *miejski* "городской" и некоторых других случаях; в *оне мужеве* "онные мужи" 22 -не могло быть безударным. Не вполне ясна причина колебания *ѣ/е* в прош. времени слова *ѡсѣсти* "населить": *ѡсели* 326, 566, 686, *ѡсель* 96 (*ль* вместо *ли*), *ѡсела* 1236 (все

¹⁸ Источник сведений - карта 9 в книге: *Насаткин Л.Л.* Прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных согласных в русских говорах. М., 1968.

¹⁹ Поскольку в Рыльске данного явления и в настоящее время нет, этот факт едва ли можно считать случайным.

примеры без знака ударения), наряду с правильным *шѣбли* (5х); не исключена контаминация с глаголом *селити*. Остальные примеры единичны: *земле* М.ед. 19 (в киновари), *разумети* 14, *исте^лде^л* "с тех пор, потому" 366 (результат опрощения сочетания *ис тѣхъ дѣль*); ср. также *ѣ* вместо *е* в *своѣи* М.ед. 776. Учитывая общую длину текста (57 тысяч слов), эти случаи допустимо рассматривать как случайные ошибки (или, может быть, следы орфографии протографа).

В своей совокупности приведенные факты (в особенности колебание *ѣ/и*), с нашей точки зрения, должны расцениваться как свидетельство существования особой фонемы /ê/ в говоре писца (а не просто как отражение его высокой грамотности)²⁰.

Наличие фонемы /ê/ является дополнительным аргументом в пользу того, что рассматриваемый говор находился восточнее территории Смоленщины, поскольку для этой территории обычно предполагают ранний переход *ѣ в [e]. Для прочих частей южновеликорусской территории в XVI-XVII вв. можно предполагать сосуществование говоров, сохранявших фонему /ê/, и говоров, где такая фонема уже отсутствовала; как известно, из южновеликорусских писцов этой эпохи одни смешивают *ѣ* и *е* во всех положениях, другие же последовательно различают их в ударном положении. При этом по крайней мере у части писцов, различающих *ѣ* и *е*, это различие нельзя объяснить хорошей орфографической выучкой²¹. Специально отметим примеры смешения ударных *ѣ* и *и* в Южн. отк.: *на ш^тдила* "на отделе" Воронеж 632; *с тѣми^ж помицики* Воронеж 548; *Тихомѣрова* Курск 58, Орел 3206 (ср. также Котков, с. 44-45). Сходно с Космографией колебание между *и* и *ѣ* (или *е*) в слове "Северский", в частности: *Сиве^рск-ому*, *-ого* и др. (много раз) Белгород 231-232, 269-2706, 336-339, ср. *Сѣве^рск-о^м*, *-ому* Белгород 4016-403, *Северск-о^м*, *-омь* и др. Белгород 25-26, 403-4036.

8. В Косм. у местоимения "тот" в И.падеже почти всегда выступают словоформы без *j*: *то^т*, *тѣ*, *тѣ*, мн. *тѣ*. Словоформы с *j* встретились всего несколько раз: *тѣя* 16 (ср. также *тоѣ бра^тя шка^ндарбе^ркова* "те Скандербеговы братья" 72); *тоѣ короле^вство* 216 (*е* в *тоѣ* подтерто), *за тоѣ* "за то" 1716 (*за тоѣ* 796); *рыцари тие* 1636; И.В.ед. муж. *тои* не встретилось вообще. Аналогично в В.ед. жен. находим

²⁰ Регулярное отражение в Косм. ударного /ê/ в виде *ѣ* позволяет извлекать дополнительную акцентологическую информацию из написаний, в которых *е* стоит на месте *ѣ*; например, написание *дели^т* (3 ед.), хотя в нем и нет знака ударения, указывает на ударение *делѣт*.

²¹ Например, новосилец Мартинка Папонов (Южн. отк., Новосиль 757-759, 765-7676) пишет исключительно неумело, нарушая чуть ли не все орфографические нормы, принятые у писцов его времени, и тем не менее у него нет ни одного достоверного случая смешения ударных *ѣ* и *е*.

тѹ (наряду с тоѡ и тоѢ, о которых см. ниже, пункт 14) и лишь в качестве исключения тѹю 26, 1216. В настоящее время словоформы с *j* - той, тая (В. тую), тое, тие - распространены на западной (меньшей) части великорусской территории, а словоформы без *j* - тот, та (В. ту), то, те - на восточной (большей). В акающих говорах западная граница зоны господства словоформы *те* проходит примерно по линии Ржев - Мосальск - Брянск - Севск - Рыльск. Довольно близка к ней и западная граница зоны господства словоформы *та*; см. Образ., карта 24. В Южн. отк. представлены такие же словоформы местоимения "тот", как и в Косм.

9. Только с конечным ударением в Косм. засвидетельствованы: *ничеѡд* (10х: 36, 306, 55 и др.), *никому* 55, 556, 1716. В современном языке на западе южновеликорусской территории (к западу от линии Вязьма - Мосальск - Брянск - Севск, см. Диал. член., карта 17) широко распространено ударение *никого*, *ничого*, *никому*, *ничому*. Такое ударение не может быть поздним явлением, поскольку оно встречается уже в Мериле Праведном XIV в. (Противоп., § 14). Поэтому полное отсутствие такого ударения в Космографии может служить дополнительным аргументом против крайней западной ее локализации.

С другой стороны, в Косм. имеется ряд черт, свидетельствующих о таких диалектных явлениях, которые в пределах акающей зоны ограничены (по крайней мере, в настоящее время) лишь западной половиной этой зоны.

10. В Косм. встретились: *вплавь* 'вплавь' 27, 1906, *цѣр|ковь* И.ед. 1176, *семь* 50, 77, *седьмь деся^т* 1566, *пѣрмь* 56, *пѣрекопъ*²² 32 (наряду с орфографически правильными *цѣркъвь*, *вѡсмь*, *ѡбь*, *нѣпособь* и др.). По-видимому, эти написания отражают отверждение конечных губных. В настоящее время на акающей территории восточная граница этого явления проходит примерно по линии Можайск - Юхнов - Калуга - западнее Ельца - Новый Оскол; см. ниже карту 1 (источник: Образ., карта 8). В Южн. отк. в белгородской, брянской, карачевской, курской, мценской, новосильской и орловской отказных книгах многократно встречаются написания *семь*, *восмь*; ср., кроме того, *степь* Новосиль 487, *Семь* "Сейм" (вместо *Семь*) Курск 1706, 3046, 5096, 7146. В отказных книгах более восточных районов (елецкой и воронежской) отмечен только один пример: *семь* Воронеж 5446.

11. Ряд написаний указывает на некоторую неустойчивость в разграничении /р/ и /р'/: *вѣру* "верю" 108, *разберю* 836, *нѣрѣя* "ныря" 1906 (ср. *винирѣячи* 27), *в корыте* "в корыте" 180, *на^о шзеремь* 326, *владимѣря* Р.ед. 35 (о князе, не о городе!). Менее показательны колебания в иноязычных словах, например, *рица^р* 1026 и *рѣцѣрь* 1046, *цѣ-*

²² Начальное ударение указывает на то, что это слово женского рода, ср. у Даля: *перекѡп*, но *пѣрекопъ*. Ср. в Косм. это же слово в Р.ед. (с подвижностью ударения): *до перекопѣ тата^рские* 1676. В то же время в Косм. представлено и слово мужского рода *перекѡпъ* (с корневым ударением): *до перекѡпу тотарсково* 46.

саря 150 и *цѣсара* 127, *мури́ни* 226, *мури^нскои* М.ед. 236 и *мури́нсково* 246, *мури^нски^х* 25. В настоящее время неразличение /р/ и /р'/ отмечается лишь в немногих пунктах на самой границе с Белоруссией: но единичные случаи смешения /р/ и /р'/ встречаются (очень рассеянно) во многих пунктах великорусского юго-запада (Атлас Юг, карта № 50). Примеры из XVII в. см. Котков, с. 133-135; довольно много примеров рассматриваемого типа также в Южн. отк.

З а м е ч а н и е. Наблюдаемое в Космографии колебание между *ри* и *ри* в слове "товарищ" (например, *товари́щъ* 756, *товари́щи* 1826) непоказательно, так как *ри* в этом слове было распространено очень широко. Написания *на зѣвтрее* 1506, *до зѣвтрея* 29 отражают исторически закономерное /р'/ (здесь представлено исходное *zautryje); ср. современное южновеликорусское *зѣвтре* (*зѣвтра*).

12. У существительных женского рода с твердой основой в М.ед. и Д.ед., наряду с обычным окончанием -ѣ (без ударения -е), встречается также окончание -и (-и). М.ед.:

*на то^и горѣ*²³ 26, *на тоѣ горѣ*²³ М.ед. 56, *на высоки горы* *стои^л* 88, *на то^и стороны* 1586, *при рекѣ* 21, 1306, *ш^д не-прѣ рекѣ* 48, *о двинѣ рекѣ* 48, *на реки* М.ед. 816, *на то^и реки* 18; *на котóрой реки* 129, *в то^и реки* 446, 182, *в правои рукѣ* 776, *в лѣво^и руки* 776; по-видимому, сюда же *сча́сливо^и на воинѣ* 38, *на воинѣ несча́сливо^и би^л* 386 (скорее М.ед., чем В.мн.). Д.ед.: *подóбна шнѣ реки ни́лу* 476, *к во^лге реки* 44, *к реки* 141, 150, *к то́и реки* 7; *к полу|ночної страни* 1906, *к тоѣ рабóты*²⁴ 14, *по полови́ни* Д.ед. 91, *к гóроду к бѹрси* 71. При мягкой основе М.ед. и Д.ед. на -и встречается примерно столь же часто, как и на -ѣ, например, *в землѣ*, *к землѣ* и *в землѣ*, *к землѣ*. Отметим также *в ма́тици* М.ед. 296, *к то^и дѣви*²⁵ 25.

В настоящее время данное явление (М.ед. типа *о жени́*, Д.ед. типа *к жени́*) представлено двумя оторванными друг от друга ареалами: 1) весь северо-запад и среднерусский запад; 2) курско-орловские говоры, межзональные типа А и верхне-деснинские (брянские); см. ниже карту 1 (источники: Атлас Юг, карта № 90; Атлас Запад, карта № 123). Примеры из XVII в. см. Котков, с. 180-182; ср. в Южн. отк.: *на реки* Орел 459, 4596, *на рѣки* Орел 5266, 5636, *по реки* Воронеж 7586, 7596, Елец 429, *по рѣки* Рыльск 481 bis, *по полу́горѣ* Мценск 203 (ср. *по полу́горѣ* Мценск 4206), *о^т-дели^л вдови* Д.ед. Орел 676. Следует учитывать, однако, что несколько примеров этого типа зафиксировано и в рязанских документах XVII в., см. Новопокровская, с. 95.

²³ Оба раза переправлено в *на то^и горѣ*.

²⁴ Переправлено на *к то^и рабóты*.

²⁵ Примеры типа *в ша́пки* М.ед. 118 могут объясняться и чисто фонетически, ср. *в оса́ди* 'в осаде' 846 и т.п.

13. Местоимение "она" в Р.ед. и В.ед. представлено в Косм. так: Р.ед. - *еѣ* 33б, 37 bis, 162, *еѣ* 34б, *у неѣ* 122, *ѡ^т неѣ* 44, *ѡ^т неѣ* 121б, *из неѣ* 182б, но также *ѣи* 21, 88б, 162б; В.ед. - *еѣ*, *еѣ* (часто: 7, 18б, 37б и др.), *про неѣ* 121б, *про неѣ* 80, *в неѣ* 44б, *в неѣ* 41, *через неѣ* 13б, *скро³ еѣ* 134 (один раз *чере³ нею* 140б). Ни в Р.ед., ни в В.ед. написание *ее* не встретилось.

В современных южновеликорусских говорах картина такова. В Р.ед. [jejé]²⁶ представлено в основном лишь на западной окраине, [jej] - на остальной территории; [jejó] встречается островами (в смешении с [jej]) восточнее линии Орел - Курск - Белгород; см. Образ., карта 21. В В.ед. [jejé] распространено гораздо шире, чем в Р.ед., охватывая весь запад южного наречия (и некоторые другие участки), см. нашу карту 1 (источник: Образ., карта 22); в остальной части южного наречия господствует [jejó].

В Южн. отк. у писцов, строго различающих *ѣ* и *е* (и не записывающих [jê] через *е*²⁷), отмечены: Р.ед. *еѣ* Брянск 975б, 979б, Воронеж 432б, Елец 213, Карачев 608б, Курск 125б, 259, 259б (6х), 260, 450б (3х), 451 (4х), 451б, Мценск 360б, Орел 999б, В.ед. *еѣ* Курск 450б - Р.ед. *ее* Воронеж 380, 758б bis, Елец 372. Воронеж и Елец - самые восточные пункты района, отраженного в Южн. отк. Таким образом, в XVI-XVII вв. уже начинало складываться то географическое распределение между [jejé] и [jejó], которое существует теперь.

14. Те же формы от указательного местоимения представлены в Косм. так: Р.ед. жен. - *тоѣ*, *тоѣ* (очень часто: 2б, 3, 5 и др.), *тоѣ* 119, *тоѣ* (9х: 5б, 67, 93 и др.);

изредка также *тоѣ*, *то^ѹ* (15б, 119 и др.); В.ед. жен. - *тѹ* (чаще всего), но также *тоѣ*, *тоѣ* (7х: 6, 19 и др.), *тоѣ* 14, *тоѣ* 2б, 40б (особо стоит *тѹю* 2б, 121б, см. пункт 8).

В современных южновеликорусских говорах в Р.ед. господствуют односложные словоформы - *той* (на востоке), *тэй*, *тэй* (на западе); двусложные словоформы (обычно с [-jó] - [tajó, tájó, тыjó]) встречаются (в разных районах) лишь в виде рассеянных мелких вкраплений (Атлас сводный, карта № 34). В В.ед. положение таково: на западе господствует *тѹю* (примерно до линии Старица - Юхнов - Брянск - Севск - Рыльск), далее к востоку расположена полоса [tajé, тыјé, tajó, тыjó]²⁸ (в смешении с *тѹ*); начиная примерно с линии Болхов - Мценск - Щигры - Старый Оскол и далее к востоку полностью господствует *тѹ* (Атлас Юг, карта № 18б; Атлас Запад, карта № 220).

²⁶ Используя записи [jejé], [jejó], мы отвлекаемся здесь от вариаций вокализма первого слога.

²⁷ Эта оговорка существенна, поскольку имеется определенная категория писцов, которые записывают (регулярно или факультативно) [jê] как *е*, безусловно соблюдая различие ударных *ѣ* и *е* в остальных позициях.

²⁸ Словоформы с [-jé] и с [-jó] обычно выступают в смешении; к северу и северо-востоку от Курска чаще встречается [-jó], к югу и западу - чаще [-jé].

В Южн. отк. как в Р.ед., так и в В.ед. преобладают *тоѣ*, *тое*. При этом *тое* десятки раз встречается у писцов, строго различающих *ѣ* и *е* (и не записывающих [jê] как *е*), например: Р.ед. *тое* Брянск 977, 982б bis, Воронеж 544б–548 (часто), Новосиль 102, Рыльск 251, В.ед. *тое* Елец 211, Карачев 558, 766б, Курск 219б, Мценск 420б, Новосиль 105б, Орел 1165, Рыльск 60, 135, 251б, 252 (причем у тех же писцов может встретиться и *тоѣ*). В более восточных районах рассматриваемые словоформы, по-видимому, встречались реже: у В.Н. Новопокровской из рязанских документов приведено лишь два примера В.ед. *тае* (См. Котков, с. 203).

Таким образом, странная, на первый взгляд, система писца Космографии – *еѣ* (без *ее*), но *тое* наряду с *тоѣ* – оказывается тождественной системе писцов Южн. отк., различающих *ѣ* и *е*, кроме воронежских и елецких.

§ 10. С нашей точки зрения, главным источником всех 14 рассмотренных здесь черт Космографии является наличие соответствующих диалектных особенностей в говоре писца Космографии (а не особенности протографа или условные орфографические приемы писца); ср. выше, § 8. Этот вывод представляется нам: а) вполне надежным для черт 1, 6, 7, 9, 10, 13, 14; б) высоко вероятным для черт 3, 5, 11, 12; в) вероятным для черт 2, 4, 8. Как можно видеть, в составе каждой из трех групп черт (1–5, 6–9, 10–14), задающих соответственно северную, западную и восточную границы искомой области, имеются черты, определенно отражающие диалектные особенности самого писца Космографии. Следовательно, этими границами очерчивается не что иное, как область, к которой относится говор писца Космографии.

На карте 1 показаны современные границы распространения пяти наиболее существенных для нашей цели диалектных явлений.

Из явлений, ограничивающих искомую область с с е в е р а, на карте 1 показано аканье (§ 9, п. 1). Поскольку зона аканья в ходе истории расширяется, в XVI в. граница аканья могла проходить лишь несколько южнее, чем теперь, но не севернее. Тем самым современная северная граница аканья надежно ограничивает искомую область с севера также и для XVI в. Явления, рассмотренные в § 9, п. 2–5, лишь подкрепляют эту границу.

Из явлений, ограничивающих искомую область с з а п а д а, на карте 1 показано (в пределах акающей зоны) прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных (§ 9, п. 6); ср. также западную границу южного ареала Д.М.ед. типа *к жení*, *о жení*. На очень похожую западную границу (примерно Мосальск – Брянск – Севск) указывают и пункты 8, 9 из § 9 (ср. также п. 7). Хотя каждая из указанных границ в XVII–XX вв. могла несколько сдвинуться, вероятность сколь угодно значительного совместного сдвига всех этих границ в одну и ту же сторону ничтожно мала.

Из явлений, ограничивающих искомую область с в о с т о к а, на карте 1 показаны: отверждение конечных губных (в пределах акающей зоны); Д.М.ед. типа *к жení*, *о жení*; В.ед. [jeje] (в пределах акающей зоны); см. § 9, п. 10, 12, 13. Правда, последние два явления в XVI–XVII вв., ве-

роятно, заходили на восток дальше, чем теперь; но восточная граница отвердения конечных губных (в южновеликорусской зоне почти совпадающая с границей Литовского государства в XV в.), по-видимому, не могла проходить намного восточнее. Ср. также § 9, п. 13, 14 о словоформах *еѣ* и *тоѣ* (*тоѣ*) в Южн. отк.

На карте 1 заштрихован район, где в настоящее время совмещаются все пять картографированных диалектных черт. Он охватывает большую часть курско-орловских говоров и межзональных типа А, а также некоторые брянские и елецко-оскольские говоры. Разумеется, нельзя считать, что говор писца Космографии локализуется непременно внутри данного района. Учитывая возможные сдвиги изоглосс в XVII-XX вв., мы должны включить в область допустимой локализации этого говора, помимо указанного основного района, также небольшую полосу с запада и несколько более широкую полосу с востока (предположительно до линии Калуга - Елец - Воронеж или даже немного восточнее). Заметим, что полученная область почти совпадает с той, которая отражена в издании Южн. отк.

Укажем также (без подробного разбора) некоторые другие черты Космографии, которые непосредственно сближают ее с деловыми документами XVII в., относящимися к названной территории. (Эти черты не были включены в число основных либо потому, что соответствующие диалектные явления известны на очень обширных или нечетко ограниченных территориях, либо потому, что в Косм. мало соответствующих примеров.)

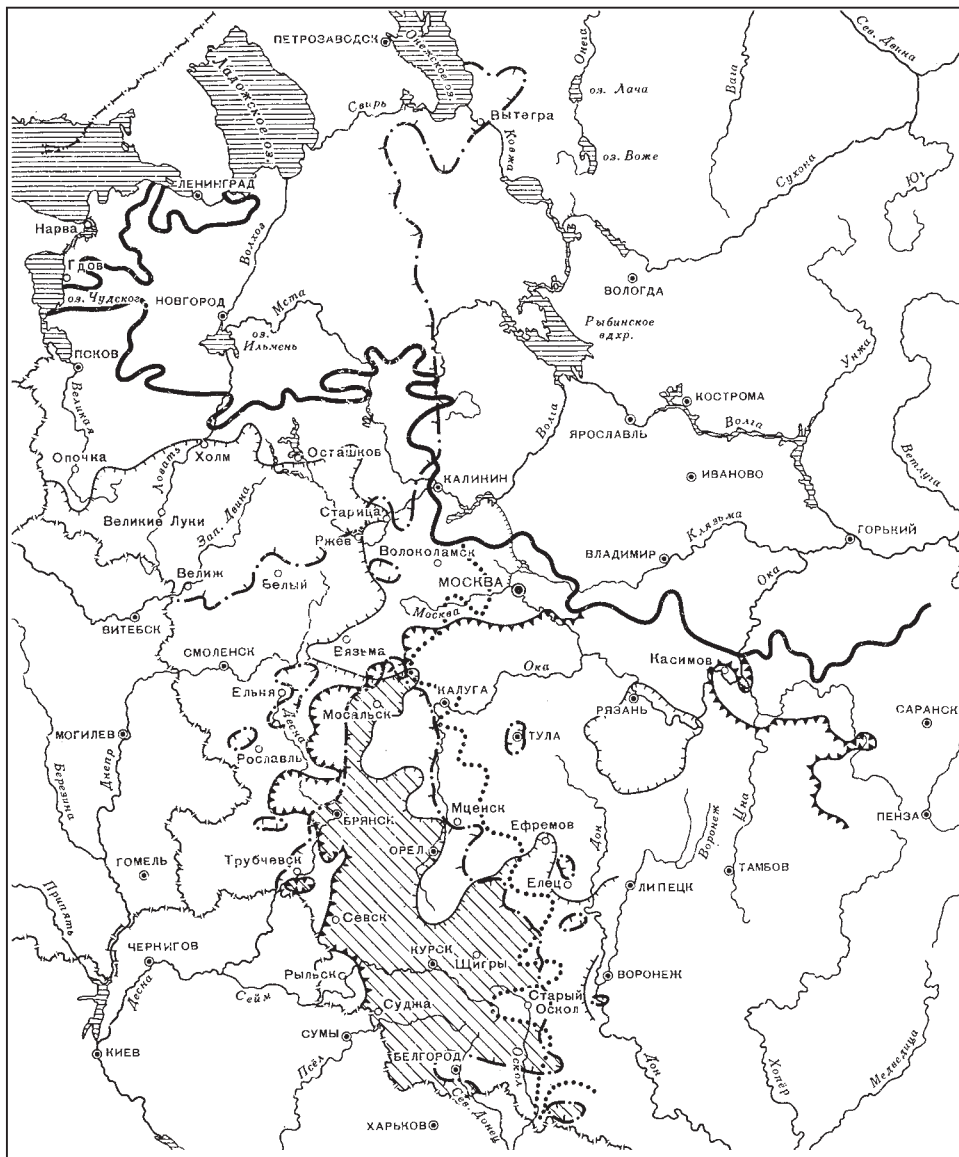
В Косм. *щ* иногда смешивается с *ш* или *ш*: *ешо* "ещё" 83, *жѣншину* 176, *жѣнши*^н 28, *на помо*^ш 996; *щи*^б *евѣ* "сшиб его" 98, *шо*^л *ся* 81 (ср. *шѣлся* 816), *вѣщя* "высшая" 96. С другой стороны, встретились также *счѣпы* "щепы" 1886 (ср. *щѣпѣ* 1886), *счѣкъ* "Щек" 1616 bis²⁹.

После *ч* в Косм. пишутся *ю*, *и*, после *ц* - *у*, *и*, например: *лачѣги*, *по плечѣ*, *пѣрцу*, *финицѣя*; изредка пишется *чя* (при обычном *ча*), например: *горѣчя* 25, *стрѣчя*^т "встречать" 1706. Часто встречается *о* после шипящих и *ц*, например, *ещѣ*, *шо*^л, *жѣнки*, *чѣрныѣ*, *стрѣлицѣвъ*, *ш*^т *цѣва* и т.д.

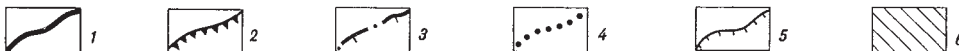
Множественно встречается *шт*, *жк* на месте *кт* (*кт*), *кк* (*гк*), например, *штѣ* (часто), *ништѣ* 2, 32 и др., *нштѣ* 43, *мя*^х *ко* 246, *х* *королѣ* (часто), *х* *кораблѣмь* (часто).

В связи с поведением в отметим: в *цѣрквѣ* *уз*^д *виженѣа* 1656, *чрѣ*^з *реку сау* "Саву" 149, при *левѣне* 166 (ср. *левѣна* Р.ед. 166); *скорми*^л "вскормил" 83 (ср. *вскормѣти* 33), *скѣрмленика* 956, -*у* 796, *спѣмни*^т 886, *спѣметовати* "вспомнить" 326. Слова "угры", "угорский" пишутся то с *у-*, то

²⁹ Ср. положение в Южн. отк., где весьма часто встречается смешение *щ* с *ш* или *ш*, однако находим также *ще*^т - *верико*^т "с четвериком" Курск 639.

Карта 1

Границы распространения в XX в. важнейших диалектных явлений, отразившихся в Космографии

1 - северная граница аканья; 2 - границы распространения прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных (в пределах акающей зоны) по данным Д.К. Зеленина (в показанные границы включены также небольшие участки, не отмеченные Д.К. Зелениным,

но обнаруживающие данное явление в настоящее время); 3 - границы распространения Д.М.ед. типа *к жённ, о жённ*; 4 - восточная граница отвердения конечных губных (в пределах акающей зоны); 5 - огрубленная граница распространения (в пределах акающей зоны) В.ед. [ʒeʒ] ([ʒaʒ], [ʒjé]); 6 - район, где представлены все пять отраженных на карте диалектных явлений.

с *ву-* (и то и другое часто), например: *угрѡве* 566 и др., *до уго^P* 164, *угѡрсково* 148 и др. – *вугрѣ* 95, *вугрѡве* 32 и др., *и³ вуго^P* 164, *вугѡрсково* 1036.

Есть примеры, свидетельствующие о "расшатывании" среднего рода: *на вѣсеи гдр^Cтвѣ* 162, *для золото^U руни* 32. Есть примеры И.В. мн. сред. на *-и*: *всякие дѣлы... чиня^m* 118; Р.ед. сред. на *-у*: *вбиску* Р.ед. 81, 97, 1196; М.ед. муж. на *-у* у одушевленных: *о скаⁿда^Pбергу* 696.

Окончания В.ед. жен. и Т.ед. жен. у прилагательных и местоимений иногда смешиваются: *вѣрѣ греческою* 168, *по^d коруноу вранцѣскуу* 127; особенно интересны примеры с ударным окончанием – *чере³ нею* 1406, *всею твою прав^dу* 104, *то^x дорѡгоу* 1816. См. также § 5 о Р.ед. на *-ово*. Во мн. числе краткие формы прилагательных часто имеют (независимо от рода) окончание *-и*, например: *живи* 916, *з^dрави* 1316, *послушни* 172, *ради* 726, 96, *сѣти* 55, 157.

В Косм. в качестве равноправных вариантов употребляются словоформы *шнѣ* и *шнѣ* (и то и другое чрезвычайно часто)³⁰. Такое же колебание в окончании находим в Косм. в *ш^dнѣ* 160 при *ш^dни* 68, 906, также *лю^{ди} твоѣ* 136, *своѣ же ему лѣди* 109, *на своѣ шеи* 896 (при обычных *твоѣ*, *своѣ*). Отметим еще *такѣ мѣста* И.мн. 12 (при обычном окончании *-ие*).

З а м е ч а н и е. Большой интерес представляет единичное *ухвате^m "ухватив"* 306: это, по-видимому, самый ранний засвидетельствованный пример деепричастия с показателем *-ем-* вместо *-ив-* (вычлененным из деепричастий типа *вземь, снемь*). В настоящее время деепричастия типа *покурѣвши* наиболее характерны для межзональных говоров типа А, верхне-деснинских, части смоленских и части курско-орловских, см. Диал. член., с. 126, 130, 132, 136.

§ 11. Отдельно отметим те черты Космографии, которые могли бы вызвать сомнение в предложенной выше локализации.

Вопреки тому, что можно было бы ожидать, в 3-м лице презенса мы находим в Косм. (в тех немногих случаях, где *т* не выносное) *-ть*, а не *-ть*: *умреть* | 816, *впѣдаеть* 516, *свѣтить* | 1276, *лежить* 16, *дасть* 88, 96, 114, *вѣдасть* 836, *зовуть* 1896, *покладуть* | 54, *имуть* | 1746, *сказывають* 446 (однако *бѣть вѣ|сть* 1556). Возможно, написание *-ть* было для писца чисто орфографической нормой, тогда как реально он произносил здесь /t'/ или даже нуль. С другой стороны, нельзя исключать и того, что писец действительно произносил в презенсе твердое /t/ (причем причины это-

³⁰ Ср. такое же колебание в Южн. отк.: *ани* Белгород 7026, Орел 10736, Рыльск 4776, *шни* Елец 295 – *анѣ* Елец 50, *шнѣ* Курск 525, *онѣ* Елец 4486, 4496, Курск 305, Рыльск 676, *оне* Белгород 8186.

го могли быть различными). Как бы ни объяснялась, однако, данная особенность Космографии, очевидно, что она не может служить аргументом против южновеликорусского происхождения рукописи, поскольку эта же особенность имеется во многих заведомо южновеликорусских документах этой эпохи, например, в Южн. отк.: *стоить* Белгород 266, *стоить* Елец 4296, Новосиль 83 bis, *бу^{де}ть* Новосиль 10296, *влодѣять* Орел 10776, *владѣеть* Елец 84, 359, *влодѣють* Елец 4496, *е³деть* "ездят" Рыльск 69 (ср. более редкие *стоить* Новосиль 203, *ѣздеть* Мценск 7496).

Далее, в Косм. отмечены: *назадѣ* 896, *в русѣ* "в Руси" 34, *не в любѣ* 1876, а также *ззадѣ* 39, *ззадѣ* 92, *спередѣ* 99 (ср. обычный вид М.ед. – *назадѣ, напередѣ, в русѣ, в ноцѣ, в честѣ, в рознѣ, в западѣ* и др., а также такие примеры Р.ед., как *и³ русѣ, до русѣ, до перекопѣ*). В настоящее время в пределах южного наречия подобные словоформы (с окончанием *-ѣ*) характерны в основном для его восточной половины; см. Образ., карта 16; в XVII в. они отмечены в рязанских говорах (см. Новопокровская, с. 97, Галкина, с. 17); ср. также Улож. *в росписѣ* 135. Однако в рассеянном распространении они известны и в западной половине южного наречия, особенно в курско-орловских говорах (см. ту же карту). Ср. также в Южн. отк. *на степѣ* "в степи" Белгород 5126.

Наконец, в Косм. встретилось несколько примеров Р.мн. с окончаниями *-ох, -ѣх*: *городо^х* Р.мн. 2, *встрово^х* Р.мн. 226, *королѣ^х* Р.мн. 17 (*х* подтерто и переправлено на *и*); ср. также *ω старѣ^х прусо^в* 1626 (где *-о^в* вместо *-а^х*). В настоящее время эта особенность известна в рассеянном распространении в разных частях южновеликорусской территории (как на востоке, так и на западе), но в основном севернее и восточнее интересующего нас района. В пределах этого района можно указать, например, *из ѣас't'оѣ* "из гостей" в мосальских говорах³¹.

Таким образом, ни одна из рассмотренных здесь особенностей не может служить основанием для того, чтобы отклонить предложенную выше локализацию говора Космографии.

Прочие памятники

§ 12. Для сопоставления с Космографией в работе использован ряд памятников XIV–XVII вв. Они перечисляются ниже с указанием тех особенностей, которые существенны для нашего разбора. Памятники обозначены теми сокращениями, которые используются в дальнейшей работе.

Чуд. – Чудовский Новый Завет³². XIV в. (предположительно но 1355 г.). Содержит несколько почерков, однако никаких

³¹ Брок О. Говоры к западу от Мосальска. Пг., 1916, с. 33.

³² По фототипическому изданию: Новый Завет господина нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия, митрополита Московского и всея Руси (издание Леонтия, митрополита

системных различий в акцентуации между разными писцами усмотреть не удастся; поэтому практикуемый всеми акцентологами подход к Чуд. как к единой системе, по-видимому можно считать оправданным. Знаки ударения - оксия, вария и камора, но их распределение существенно отличается от "старопечатной" системы (§ 6): оксия и камора могут стоять над любой гласной; вария стоит в основном над конечным слогом (не обязательно открытым). Начертание спиритуса неустойчиво, поэтому он ненадежно отличается от знаков ударения. Характер использования надстрочных знаков в Чуд. исследован все еще недостаточно полно; однако уже сейчас можно указать некоторые особенности, которые необходимо учитывать при извлечении из Чуд. акцентологической информации: 1) в части случаев акцентные знаки передают не главное, а второстепенное ударение, см. Противоп., § 16; 2) над неприкрытой гласной надежным обозначением ударения в большинстве случаев можно считать лишь пару "спиритус + оксия" или "спиритус + вария" (но над *ou* - также и одиночную оксию, варию или камору, поскольку в Чуд. спиритус над *ou* не ставится); в прочих случаях возможно смешение спиритуса со знаком ударения; 3) вария, передающая ударение на конечном слоге, может смещаться как влево (создавая иллюзию предконечного ударения, ср. Акц. Мер., § 35, замеч.), так и вправо (создавая иллюзию ударения на конечном *v* или *v*).

Сложный вопрос представляет оценка говора Чуд. с диалектологической точки зрения. Относить говор Чуд. непосредственно к Москве, как это делала М.И. Корнеева-Петрулан³³, нет достаточных оснований. Не разбирая здесь этот вопрос подробно, укажем лишь следующее. По целому ряду акцентных особенностей Чуд. сближается с западной частью восточнославянской области (т.е. с украинским и белорусским, а также с северо-западными великорусскими говорами); см., в частности, ниже § 39, 41, 45, 46, 55 в отношении глагольной акцентуации. В то же время в Чуд. представлены и некоторые акцентные черты южновеликорусского типа. Наиболее вероятно, таким образом, соотнесение говора Чуд. с юго-западновеликорусской зоной.

Мер. (или Мерило) - Мерило Праведное XIV в.; ГБЛ, ф. 304 (Троицкое собр.), № 15³⁴. Рукопись с различием /ɔ/ и /ô/ (омеговая система), неакцентуированная: о способах извлечения из нее акцентологической информации см. Акц. Мер., § 4. Предположительная локализация говора Мерила - от южной части бывшего Тверского княжества до юго-

Московского). М., 1892. Ссылки даются на листы оригинала; буквы *a*, *b*, *v*, *g* обозначают столбцы. Все примеры из Чуд., в том числе взятые из лингвистических работ, выверены нами по этому изданию.

³³ См.: Корнеева-Петрулан М. К истории русского языка. Особенности письма и языка писцов московских владык XIV в. - *Slavia*, роѣ. 15, № 1.

³⁴ Фототипическое издание: Мерило Праведное по рукописи XIV века. М., 1961.

западных границ великорусской территории (см. Новые данные, § 14).

Цв. – Триодъ Цветная. М., 1591; старопечатная книга, печатник Андроник Невежа. Три пагинации (236, 81 и 247 листов); ниже мы обозначаем вторую пагинацию цифрой II, третью – III (для первой номер пагинации не ставится)³⁵. Система надстрочных знаков – правильная "старопечатная" (§ 6). Акцентологическая система во многих отношениях сближается с южновеликорусскими памятниками (ср. § 34–36). Отметим несколько написаний, которые, может быть, отражают аканье: *с ломь|падохъ* 2066 (ср. *лампадохъ* 206); *во свѣтѣ-лице* III 386, *сблнчнннн* 1576; ср. также *мѣсець*, -ѣ, -емъ и др. (180 и др.).

Дом. – Домострой по Коншинскому списку³⁶. По-видимому, граница XVI и XVII вв.³⁷ В настоящей работе рассматривается только второй (т.е. основной) почерк рукописи (46 – 124). Система надстрочных знаков – "старопечатная". В написаниях широко представлено смешение безударных *a* и *o*, равно как *e*, *я* и *и* (для первого предупредительного слога отметим *полтъяебого* 75, *ня|хуть* 476, *по пѣти* "по пяти" 120, *нацндя*³⁷ 79); *e* и *ѣ* смешиваются в любом положении. Отметим *оу невѣли* М.ед. 446, *оу вѣтокъ* 72, *оу вѣжинѣ* В.ед. жен. "в ужин" 866, *оу вѣжини* В.мн. "в ужины" 86, 866, *прибавѣ* "прибавѣ" 746, *оуправѣ* "управѣ" 1236, *нишимъ* "нишим" 87, *денекъ* "денег" 103, частые *тобѣ*, *собѣ* в Р. и В., *менѣ* в Р. Акцентологическая система гораздо менее архаична, чем в Косм. (что указывает, ввиду хронологической близости двух памятников, на их диалектное различие). Локализация говора внутри акающей зоны затруднительна; более вероятно западная половина (причем без ее южных районов)³⁸.

Трав. (или Травник) – Травник и лечебник; ГБЛ, ф. 37 (собр. Большакова), № 431. По-видимому, первая треть XVII в. Рукопись с различием /ѡ/ и /ѡ̆/ (омеговая система); см. Новые данные, § 3, 19, 24. Приводим общие сведения о рукописи несколько полнее, чем в указанной работе. Почерк один во всей рукописи. Система надстрочных знаков – в основном "старопечатная", но спиритус ставится только над начальной безударной гласной (таким образом, знак ударения вытесняет спиритус, а не совмещается с ним). Особенности: а) иногда вместо спиритуса по ошибке поставлена оксия; б) в нескольких случаях вария, вероятно, не передает ударения, например, *непрѣвдѣ* 2486; в) не менее 50 раз находим два акцентных знака над одной словоформой; значительная часть таких написаний явно отражает акцентное колебание, например, *дѣржѣть* 489, *на тѣле* 3556, *головѣ* 4546; в нескольких случаях, возможно, отражено ритмичес-

³⁵ При этом, например, вместо II 17, II 21 пишется просто II 17, 21.

³⁶ Домострой по Коншинскому списку и подобным. К изданию подготовил А. Орлов, кн. 1. М., 1908.

³⁷ См. там же, с. 40–41 (первой пагинации).

³⁸ Однако относить говор памятника именно к Москве (как это нередко делают), по-видимому, специальных оснований нет.

кое ударение, например, *на́добе* 454 (NB *e*, а не *ѣ*), *ѡ^т исто́чникѡвъ* 500б, *ѡгенѣи* 436, 275; в прочих случаях мы, по-видимому, имеем дело с неиктусной вариетой (ср. выше) и просто с ошибками.

Диалектологически значимые особенности таковы. Имеются десятки примеров смещения безударных *a* и *o*, а также безударных *e*, *ѣ* и *я* (но не *и*); для первого предупредительного слога отметим *инпѣтѣго* 439 (ср. *инпѣтѣго* 526 ter), *процадѣи* 533б (при обычном *процедѣи*), *имѣнѣють* 439, *столчѣни* 511б (ср. *столчѣни* 529), *горѣча* 453б, *водѣная* 102 и др., *по девѣти* 485, *по десѣти* 407. При этом, однако, под ударением *e* и *ѣ* почти не смешиваются³⁹. Смешение *z* и *x*: *из рѡ^x* "из рогов" 27 (ср. *из рѡ^z* 245); *бжмѣхж* 384, *готѣще* (вместо *хотѣще*) 187, ср. сноску 17. Смешение *v* и *ou*: *ou неволи же* М.ед. 536б, *ou фистилж* "в фистулу" 131б, *вмали^m* "умалит" 455б и некоторые др. Встречается также написание *жк* вместо *кк*, *ш* вместо *щ*. Из области морфологии отметим: *-тъ* в 3-м лице презенса (наряду с более редким *-тѣ*); инфинитив *рѡсти* 40, *рѡсти* 477; частое *-ово*, *-ова*, *-ѡва* в Р.ед. (например, *аржанѡва* 121б); *во оутрѡбя* М.ед. 128б; *гнѣзди* И.мн. 140б; *ради* "рады" 288б, *равни* 148, *знѣми* 106, *держѣми* 319б; примеры типа *в себѣ* В. 147, *ис тебѣ* 489б (наряду с частыми *собѣ*, *себѣ*). Кроме того, показательны: *вишинѡу* "вышиной" 208б; *в дѣркж* 330б, *дѣрѣчки* 482, *диравѣи* 513б; *комарѣи* И.мн. 467б, В.мн. 57; *вѣсь нѣтрѣ* 32 и др., *нѣтрѣ* Д.ед. 330б и др., *нѣтрѣ^m* Д.мн. 32б. Не имея возможности разбирать здесь все эти факты с той же подробностью, что для Космографии, укажем лишь, что в своей совокупности они позволяют отнести говор Травника примерно к той же территории, что и говор Космографии (см. также Новые данные, § 3). Этот вывод подкрепляется тем обстоятельством, что акцентологическая система Травника весьма близка к системе Космографии (см., в частности, § 34–35).

Памятники Чуд., Мер., Цв., Дом. и Трав. мы ниже обозначаем, вместе с Космографией, как *основу группы*. Эти памятники были обследованы нами относительно более полно и разносторонне. Они образуют главный источник материала для нашей работы.

§ 13. Материал прочих памятников используется ниже лишь там, где он в чем-либо существенно дополняет показания памятников основной группы.

В число таких дополнительных памятников входит прежде всего группа рукописей северо-западного происхождения, различающих /з/ и /ѣ/ с помощью камерной системы (см. Новые данные, § 4, 5)⁴⁰.

³⁹ Замеченные случаи смешения: *в тѣи водѣ* 105, *смѣшена* 367б, *несозрѣли^x* 395 bis, *ис те^x* 395 (ср. также *не мѣшкая* 521).

⁴⁰ Одна из этих рукописей (Егор. ев.) не упоминается в работе Новые данные, поскольку наличие в ней камерной системы было обнаружено позднее.

Час. (или Часослов) – основной почерк (187 – 462) часослова, входящего в состав рукописи: Псалтирь с воследованием, ГБЛ, ф. 304 (Троицкое собр.), № 329. Этот почерк приходится на ту часть рукописи, которая по бумажным знакам (Лихачев № 1203 – 1485 г.; типа Piccard. Голова быка. Abt. XII, № 721 – 1484, 1485 гг.)⁴¹ датируется последней четвертью XV в.

Пролог – второй почерк (36 – 1276) рукописи: Пролог, ГБЛ, ф. 354 (Вологодское собр.) № 19. Как гласит запись, в 1516 г. рукопись была послана в Вологду из Новгорода.

Егор. ев. – Евангелие учительное, лицевое; ГБЛ, ф. 98 (собр. Егорова), № 80. По оценке Н.Б. Тихомирова (устное сообщение), конец 1530-ых – начало 1540-ых гг. Один почерк во всей рукописи.

Муз. ев. – Евангелие-тетр, ГБЛ, ф. 178 (Музейное собр.), № 3650. Первая пол. XVI в. Материал этой рукописи цитируется по выпискам, сделанным Е.В. Тугай (см. Новые данные, § 5).

Помимо наличия во всех этих четырех рукописях камерной системы, которая, насколько в настоящее время известно, применялась именно в северо-западных областях, в них имеется и ряд других черт, хорошо согласующихся с такой локализацией (в частности, случаи смешения *ц* и *ч* в Часослове, Прологе и Егор. ев., написания с *жг* вместо *жд* в Прологе и др.). Эти рукописи обладают также целым рядом общих акцентологических особенностей (§ 33, 37, 38, 39, 41, 45, 46, 55).

В то же время между ними есть и некоторые расхождения диалектного характера. Так, в Егор. ев. наиболее отчетливо выражены акцентные особенности, свойственные западным говорам (см. § 34–36); кроме того, здесь встретились *воуже* "веревка" 4706, *воужемъ* Т.ед. 4706 (на великорусской территории протетическое *в* перед *у* – юго-западная и псковская черта). Таким образом, Егор. ев. можно предположительно отнести к псковской зоне. С Егор. ев. в некоторых отношениях сближается Час. (ср. табл. 6). С другой стороны, Пролог и Муз. ев. обнаруживают в акцентуации некоторые черты сходства с более восточными памятниками (см. § 32, 38); соответственно, их допустимо связывать с восточной частью северо-западной зоны.

В некоторых случаях мы обращаемся также к материалу следующих памятников.

Фер. – Кормчая, так наз. Ферапонтовская; ГБЛ, ф. 98 (собр. Егорова), № 248. По-видимому, 1540-ые годы⁴². Один почерк во всей рукописи. Оригинальная орфографическая особенность: под ударением как правило пишется *i* (если это не начальная и не конечная буква словоформы), в прочих случаях – *и*, например, *никѣфоръ*, *лисица*, *книѣ*, *истѣкнеть*. Имеются случаи смешения безударных *а* и *о*, безударных *е*, *ѣ* и *я*. Рукопись примечательна тем, что писец здесь был склонен при наличии двух вариантов ударения указывать

⁴¹ Установлено Л.П. Грязиной; см. Новые данные, сноска 6.

⁴² См.: Правда Русская, т. I. М.-Л., 1940, с. 235–236.

их оба; примеры: *прибѣтѣкъ, рѣзѣмъ, двѣмѣе, таково, свѣбѣднѣ, нарѣчѣта, соугѣбо, гѣркѣмѣ, нѣваа, распѣтѣго, не дѣвѣжмаго, запоустѣтъ, дрѣжѣтъ, достѣбѣтъ, прѣтѣвѣтъся, вѣдѣящѣ^М, слѣвѣще, припѣдѣаетъ, направѣляти, нѣ дѣль, блѣстѣтъся, прѣзвѣани, свѣзѣанъ, не послоушѣанъ, ѡ^твѣрѣжено и ряд других. Нами обследованы: 468 - 5566, 748 - 853, 957 - 1001.*

Ап. (или Апостол) - Апостол. М., 1564; старопечатная книга (печатники Иван Федоров и Петр Мстиславец).

Постн. - Триодъ Постная. М., 1589; старопечатная книга (печатник Андроник Невежа, ср. выше Цв.).

Пс. - Псалтирь Максима Грека; ГБЛ, ф. 304, № 62. Первая пол. XVII в. Акцентуация южновеликорусского типа. Цитируется по работам В.А. Дыбо (Дыбо 19696, Дыбо 1972а).

Ратн. - Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. М., 1647; старопечатная книга. Цитируется по работе Х. Станга⁴³ (а также Дыбо 1972а).

Улож. - Соборное Уложение 1649 г. М., 1649; старопечатная книга.

Авв. - Житие Аввакума (автограф). По фототипическому изданию Пустозерского сборника⁴⁴.

Не имея возможности рассматривать здесь систему надстрочных знаков каждого из названных памятников, отметим лишь некоторые особенности, которые необходимо учитывать при извлечении акцентной информации. В Час., Егор.ев. и Муз.ев. знак ` над конечной неприкрытой гласной⁴⁵ не является знаком ударения (ср. *живоѣ, ѡ сѣрной* и т.п.); соответственно, такие написания, как, например, *твоѣ, твоѣд*, не несут акцентной информации. В Прологе неиктусная вариация почти не встречается (отмечено всего несколько примеров); в более поздних памятниках встречаются лишь ничтожные ее следы (ср. § 6 о Косм.). В Муз.ев. и Фер. комбинация знаков " (так наз. *исо*) над начальной гласной может не передавать ударения, ср. *дѣвѣаѣмъ*. В Час. и Фер. знак ударения обычно вытесняет спиритус (а не сочетается с ним); в Час., Фер. и реже в Прологе иногда вместо спиритуса находим оксию, например *ѡвѣати* (ср. выше о Травнике). В Авв. в функции спиритуса выступает точка, прикрытая сверху знаком типа *каморы*; знак ударения при наличии спиритуса не ставится. Распределение "вариация над конечной гласной, оксия в прочих случаях" соблюдается в целом довольно точно. Однако в Час. часто встречается оксия над

⁴³ *Stang Chr. La langue du livre "Учение и хитрость ратного строения пѣхотныхъ людей". - Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo, II. Hist.-Filos. Klasse., 1952, № 1.*

⁴⁴ Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания. Л., 1975.

⁴⁵ Этот знак есть либо вариация, либо так наз. "долгая" (которая длиннее вариации и располагается более полого); однако надежно разграничить эти два знака обычно не удается.

конечной гласной (даже чаще, чем *вария*); в *Егор.ев.*, напротив, нередки примеры *вари* над неконечной гласной. В *Ап.*, *Постн.*, *Пс.*, *Ратн.* и *Улож.* представлена обычная "старопечатная" система.

В настоящей работе при цитировании всех памятников соблюдаются те же принципы передачи букв и надстрочных знаков, что и для *Космографии* (§ 5, 6); но для *Чуд.*, ввиду его особенностей (§ 12), сохраняем *спиритус*, когда он сочетается со знаком ударения.

Разбор материала *Космографии*:

§ 14. Ниже при записи словоформ русского языка XIV–XVII вв. (если это не цитата из памятника) используется несколько идеализированная орфография, отражающая состояние после падения и прояснения редуцированных. В ней, в частности, не различаются *e* и *ѣ* (*к*), *o* и *ш*, *u* и *ѣ*, *y* и *ou* (*ѣ*), *я* и *ѣ* (пишутся соответственно *e*, *o*, *u*, *y*, *я*). Для инфинитивов за норму принят исход на *-ти* (*-чи*), для 3 ед. и 3 мн. презенса – на *-тъ*, для 2 ед. – на *-шь*. Ударение обозначается *варией* (над конечной гласной) и *оксией* (в прочих случаях)⁴⁶.

В списках глаголов (но не в цитатах из памятников) каждый глагол представляет, если прямо не оговорено иное, не только себя, но и все свои приставочные производные. В длинных списках глаголы расположены по алфавитному порядку корней.

В выписках из памятников словоформы на *-ить*, *-еть* относятся, если прямо не указано иное, к 3 ед. презенса (а не к инфинитиву, как в примерах из современного языка), словоформы на *-имъ*, *-емъ* – к 1 мн. презенса.

При подсчетах знак *x* заменяет слово "раз". Если подсчет дан после серии примеров, при которых нет ссылок на страницы (или подсчетов), он означает сумму по всей серии. Запись "и др." после ссылки на страницу памятника означает (в отличие от записи "и др. формы"): "и на других страницах".

§ 15. Структура глагольной парадигмы (не считая аналитических форм) в языке *Космографии* такова. Личные формы: изъявительное наклонение – презенс и прошедшее время (прежний перфект); повелительное наклонение. Неличные формы: инфинитив, деепричастие презенса (на *-я* и на *-ючи*, *-ячи*), деепричастие прош. времени, страдательное причастие прош. времени (употребительны лишь краткие формы; полные очень редки).

Все прочие формы, известные из других памятников этой эпохи, для языка *Космографии* неактуальны и в настоящей работе не рассматриваются. В частности, писец *Космографии* совершенно не владеет аористом: из полутора десятков встретившихся форм аориста половина употреблена с ошибкой в лице или в числе. Таким образом, мы имеем дело с глагольной системой, характерной для нецерковных памятников

⁴⁶ Но в примерах из современного языка ударение обозначается, как обычно, единым знаком.

рассматриваемой эпохи; эта система весьма близка к современной.

Ниже мы будем пользоваться следующей номенклатурой морфологических классов глаголов. Как к о р н е в ы е обозначаются глаголы, у которых показатель инфинитива присоединяется непосредственно к корню (например, *дати, бити, пѣти, нести, беречи*), а также глаголы на *-ети, -оти* (например, *мерети, колоти*). Корневые глаголы подразделяются на V-корневые (инфинитив оканчивается на гласную + *ти*) и С-корневые (инфинитив оканчивается на согласную + *ти* или на *-чи*). Подразделения некорневых глаголов: *aj*-глаголы – инфинитив на *-ати*, презенс (3 ед.) на *-аеть*; *ѣj*-глаголы – соответственно *-ѣти, -ѣть*; *ova*-глаголы – *-овати* (где *-ова-* – суффикс), *-уеть*; *a*-глаголы – прочие на *-ати, -еть* (например, *писати, пишеть, брати, береть, совати, суеть*); *i*-глаголы – *-ити, -ить*; *ѣ*-глаголы – *-ѣти* (*-ати* после шипящих и *j*), *-ить*; *nq*-глаголы – *-нуги, -неть* (не входит в перечисленные классы лишь несколько изолированных глаголов).

Назовем т е м а т и ч е с к и м и э л е м е н т а м и (у некорневых глаголов): в основе инфинитива – морфемы *-а-, -ѣ-, -ова-, -а-, -и-, -ѣ-, -ну-* (соответственно классу некорневых глаголов); в основе презенса – *-aj-, -ѣj-, -uj-, -н-* соответственно у *aj-, ѣj-, ova-, nq*-глаголов (в прочих классах в презенсе тематический элемент не выделяется). Обозначим ударение, падающее (в некоторой словоформе) на тематический элемент, как т е м а т и ч е с к о е.

Для описания прош. времени и некоторых других форм нам потребуется также понятие п р е д ф л е к с и о н н о г о ударения, которое объединяет тематическое ударение у некорневых глаголов и корневое ударение у корневых глаголов.

§ 16. С синхронической точки зрения глагольная акцентуация в Космографии может быть в наиболее общих чертах охарактеризована так. В системе презенса противопоставлены три акцентных парадигмы: *a* – неподвижное наосновное ударение, *b* – смежно-подвижное, *c* – маргинально-подвижное (вариантом которого может выступать также чисто флексийное ударение), ср. § 3; при этом, однако, не во всех морфологических классах представлены все три а.п.

Характер ударения в прош. времени и других формах вне презенса в нормальном случае однозначно определяется ударением презенса и морфологическим классом глагола (хотя при этом и необязательно, чтобы ударение, например, прош. времени оказалось того же типа, что ударение презенса). Имеются, однако, некоторые отклонения от этого общего принципа. Во-первых, в классе С-корневых глаголов в Косм. (как, впрочем, и в других русских "точечных" системах) при одной и той же акцентовке по а.п. *c* в презенсе в прош. времени у одних глаголов представлено предфлексийное ударение, у других – флексийное. Во-вторых, в Косм. нет связи между акцентовкой системы презенса и акцентовкой остальных форм у тех корневых и *a*-глаголов,

Таблица 1

А.п. презенса Морф. класс	a	b	c	
			с предфлекс- онным ударе- нием в прош. времени	с подвижным, или флексии- онным ударе- нием в прош. времени
<i>aj-, ěj-</i> и <i>ova-</i> глаголы	копа́е ^T копа́ли	-	-	-
<i>ǝ-</i> глаголы	увиди́ ^T увиде́ли	-	держит́ держали́	-
<i>i-</i> глаголы	уда́ри ^T уда́рили	во́зя ^T во́зили	(см. § 24)	говоря́т говори́ли
<i>a-</i> глаголы	пора́же ^T кли́кали	пи́ше ^T писа́ли	-	емле́шь има́ли
V-корневые глаголы	доста́ну заста́ли	-	-	живу́т не́ жили
C-корневые глаголы	сла́зе ^T ла́зли	мо́гу ^T могли́	покла́дутъ накла́ли	блюде́тэся приве́ли

которые имеют в презенсе неслоговой корень (*шле^m*, *пóшле^m*, *у́чне^m* и т.п.). Все такие презенсы акцентованы в Косм.: без приставки – по а.п. *c*, с приставкой – по а.п. *b* (см. § 18). Между тем в прош. времени здесь возможны акцентные различия, например, *посла́ль*, *посла́ла*, но *у́чала*, *учала́*.

Табл. 1 демонстрирует основные акцентные противопоставления в глагольной системе Космографии. Глаголы, имеющие в презенсе неслоговой корень, в таблице не отражены. Не отражены также *nq*-глаголы (ввиду недостатка материала).

§ 17. Переходим к разбору материала Космографии⁴⁷.

⁴⁷ Глаголы с приставкой *ви-* в § 17–31 не рассматриваются (и не учитываются те акцентные модели, которые представлены только такими глаголами); см. § 59.

Презенс

Акцентуация презенса в Косм. иллюстрируется табл. 2.

Для а.п. а, представленной очень большим числом глаголов (в основном производных), ограничимся немногими примерами (ссылки неполны)⁴⁸: I спряжение – *бўдете* 91б, *добўду* 106б, *двїнется* 86б, *не дивўюся* 104, *не зная* 80б, *имае^т* 80б, *имаю^т* 46, *поимаю^т* 41б, *примаю* 94б, *прїмае^т* 57б, *не имбю* 94б, *вкїну^т* 41б, *роскїне^т*ся 29, *копае^т* 145б, *крю^т*ся 2, *мою^т* 177, *мою^т*ся 21, *впадае^т* (часто), *плавае^т*. 52, *порбже^т* 122, *ставляю^т* 176б, *стане^т* 122, *стане^м* 77, *стану^т* 157, *доста^т*ну 72б, *состарбе^т*ся 3б, *застїне^т* 122, *чаете* 106б, *чаю^т* 31б, *вдете* 84, *повде^т* 39б, *прївдешь* 129; II спряжение – *вїжу* 150б, *вїдите* 75б, *увїди^т* 21, *увїдя^т* 77, *не вбря^т* 31б, *удари^т* 118, *удари^м* 91, *гото^т*ви^тся 74, *кручїни^т*ца 96, *мїсля^т* 88б, *спомни^т* "вспомнит" 88б, *слїшите* 106, *ставя^т*ца 174, *чїстя^т* 188, *бздя^т* 2б.

§ 18. Материал по а.п. в. I спряжение: *вїжу^т* 26б, *иду* 150б, *їдешь* 58б, *їде^т* (часто), *їде^м* 68, 91, *їду^т* (часто); *їмуть* 174б; *їцу^т* 88б; *колыше^т* 26б; *кўплю^т*ся "купаются" 26б; *помаше^т* 118; *не могу* 162б, *могу^т* 104б и др., *поможе^т* 82, *не помогу^т* 105б; *ω^ткаж-е^т* 40, 58б, *-у^т* 117б, *покажу* 105б, *покаже^т*ца 187, *скаж-ешь* 67б, *-е^т* 58, *-у^т* 58; *пашу^т* 2, 173; *пїш-ешь* 80б и др., *-е^т* 39б и др., *-у^т* 67б, *не спїшу^т*ся 1. Сюда же *хбчеш ли* 87, *хбче^т* 40б и др., *похбч-е^ш* 102б, 105б, *-е^т* 17б, 128 (см. § 51, замеч.); отметим еще *хо^ш* 102б. О *дбжне^т*, *взлягне^т*, *прїсне^т* см. § 58.

Особо выделим случаи, где основа презенса состоит из приставки и неслогового корня: *взбїде^т* 28б bis, 8б, *не избїде^т* 160, *наїде^т* 16, *наїде^м* 89, *прїїде^т* 105б, *прїїду^т* 150, *пбїде^ш* 63, 167, *не пбїдеш* 80, *пбїде^т* 86б, 128, 161, *пбїде^м* 109б, *пбїду^т* 94б, 97, 155, *не сбїде^т*ся 1, *сбїде^т*ца 178, *ўїде^т* 2б; *неїме^т* 21, *вбзме^ш* 68, *вбзме^м* 84б, *вбзму^т* 41б, *не збїме^т* 94б, *сбїме^т* 118; *налъе^т*ся 28б; *ўмре^ш* 68, *ўмреть* 81б, *ўмре^т* 3б, *ωбўмру^т* 54; *пошлб* 80, *пбшле^т* 16; *нбчну^т* 58б, *пбчне^т* 73, *ўчне^т* 174б, 184, *ўчнете* 88б, *ўчну^т* 26б, 93б. Презенсов такой структуры с флексийным ударе-

⁴⁸ Здесь и далее помета "ссылки неполны" означает, что указываются не все вхождения цитируемой словоформы в текст (обычно лишь одно).

Таблица 2

А.п.	<i>a</i>	<i>b</i>	<i>c</i>
ед. 1	знаю, ви́жу	иду́, пошлю́	1) учу́, бою́ся, 2) гóворю
2	прѣ́дешь	ѣдешь	емлѣшь, ѡбрати́шься
3	по́бде ^T , уви́ди ^T	ѣде ^T , спрóси ^T	лежѣтъ
мн. 1	ста́не ^M , слы́ши ^M	ѣде ^M , ѡсту́пи ^M	терпи́мь
2	ѣдете, ви́дите	учнете	блюдетѣся, положите́
3	ста́нут ^T , вѣ́ря ^T	ѣдут ^T , ходя́ ^T	зову́тъ, бо́ятся

нием (не в 1 ед.) в Косм. не встретилось; неакцентуированные *побѣе^M* 1066, *дожде^Mся* 616 двусмысленны.

II спряжение: *борóня^mся* 576, 64; *ся вóдя^m* 158; *вóзя^m* 1266 и др., *вóзи^mца* 151, *привóзя^m* 4, 34 и др.; *волóча^mся* 22; *ворóти^mся* 616; *кóрмя^m* 1226, 177, *кóрмя^mся* 426, *вскóр-мя^m* 1906; *кúпи^m* "покупает" 396; *налу́пи^m* 122; *полю́бя^mся* 40; *мо́ля-тся* 1756, *-^mца* 177; *но́ся^m* 12, 636, 656, *но́си^mся* 17; *свѣтѣтъ* 1276; *смóтри^m* 16; *спрóси^m* 58 и др.; *ѡсту́пи^M* 1126; *хвáля^m* 17bis; *хóдя^m* 41, 43 и др., *исхóди^m* 14, *ѡхóди^m* 24, *перехóди^m* 1256, *прихóд-и^m* 156 и др., *-я^m* 1886, *прохóди^m* 121, *не схóдя^m* 576, *схóдя-тся* 55, *-^mца* 1266, 135. Вероятно, сюда же *чёрня^m* 42 (ср. § 47), *посó-би^M* 73. Менее ясны *крася́^m* 106, 43 (а.п. *b* или *a*, ср. § 48), *вóзри^m* 158.

§ 19. Материал по а.п. *c*. В 1 ед. находим: 1) *сотворю́* 102, *не сотворю́* 1046, *стою́* 1056, *учу́* 114, *не бою́ся* 1016 (вероятно, сюда же *помощу́* 1066); 2) *гóворю* 114 (единственный пример). Отметим еще *терплю* 806 (без ударения).

2 мн.: *блюдетѣся* 106, *положите́* 1836, также *хотите́* 886, 946, 106, *похотите́* 336, *здадите́* 886.

Прочие формы, к сожалению, в большинстве случаев оказываются неакцентуированными, так как постановке знака ударения мешает выносная буква. Акцентуированы только: *емлѣшь⁴⁹* 806, *живу́т* 180, *зову́тъ* 1896, *зову́тся* 106, *покла-дѣтъ* 54; *бо́ятся* 776, *не ѡбрати́шься* 80, *говору́ят* 1186, *дер-жѣтъ* 1176, *держи́* 32, *не держи́* 396, *лежи́тъ* 16, *лучи́тся* 26, 1796, *роди́тся* 106, 53, 185, *терпи́мь* 1866, также *хо-ти́мь* 1066 (отметим еще повел. *здади́мь* 89). Далее, акцент-

⁴⁹ Но встретилось также и *поёмлю^m* 1826.

но значимы (ввиду *e* на месте *ѣ*, ср. сноску 20) *прибежи*^m 35б, *розбежа*^mся 3 мн. 57 (ср. *бегу*^m 136б, с другим окончанием), *дели*^m 124б, 134, 141, 146, *покрепи*^m 118, *перемени*^mся 51б.

Приведенные выше акцентуированные написания поддерживаются также многочисленными неакцентуированными (ср. § 7), в частности: *говор-и*^m 117б, *-я*^m (часто), *взговори*^m 40, *приговоря*^m 103б, *держ-и*^m (часто), *-а*^m (часто), *шдержи*^m 63, *приложи*^m 19, *ро³лoжa*^m 122, *род-и*^mся, *-и*^mца, *-я*^mся, *нáроди*^mся (часто), *терпя*^m 174 и т.п.; особо отметим *емле*^m 57, *емлю*^m 16, 54, *не емлю*^m 41б (ср. сноску 57). Из прочих написаний подобного рода укажем: *варя*^m 51б, 52б, 122, *городи*^m 24б, *дружа*^m 187, *ловя*^m 15б, 51б, 145б, *пущи*^ш 102, *спусти*^m 29, *росполи*^mся "разольется" (о реке) 21 bis, *стои*^ш, *стои*^m, *стоя*^m (51б, 53, 71 и др.), *чини*^ш, *чини*^m, *чиня*^m, *учини*^m, *учини*^м (84б, 105, 118 и др.); особо отметим *виси*^m 24, 128, 190б, *вися*^m 119 (ср. § 46).

Повелительное наклонение

§ 20. В повелительном наклонении в Косм., как обычно, глаголы а.п. *a* имеют безударное *-и*, глаголы а.п. *b* и *c* - ударные. Примеры: *буди* 114 bis, *стáни* 83б, *пóмни* 101 и др.; *соишй* 67б, *возмй* 114, *моли́ся* 114, *пошли* 72б и др., *пошли́те* 33б; *держи* 114, *не губй* 114, *не емлй* 114, *припадите* 91. С редукцией *-и* до нуля находим, частности: *не кручй́нся* 101, *мо^лвте* 85, *не по́рте* "не портите" 77, *не бо́утся* 106б и др., *смѣитесь* 106б. Особо отметим странное *ω^mпущь* "отпусти" 80б (с *ѡ* вместо *ѡ*).

Деепричастия презенса

§ 21. Акцентуация деепричастий презенса показана в таблице 3 (из таблицы видны также некоторые особенности распределения двух типов деепричастия).

Деепричастия от глаголов а.п. *a*. Для многочисленных *ај-*, *ѣј-* и *оа-*глаголов ограничимся немногими примерами (ссылки неполны): *воюючи* 49б, *впрягаючи* 5бб, *не вѣдаючи* 23, *жалючи* 80, *имѣючи* 181б, *показываючи* 27, *прошá-ю^тчи* 71; *дивуючи́ся* 39б, *гоняючи^с* 94, *ра́дуючи́ся* 75, *уберегаючи^с* 45б; *гоняя* 5бб, *нае³жа́я* 70, *начи́нивая* 177; *надѣн-ся* 109б, *ра́дуюся* 129б. С основами иной структуры: *б́дючи* (часто), *кльчи́ючи* 91б, 94, *ча́ючи* 93, 115 и др., *б́дючи* 4бб, 58б и др.; *видячи* (очень часто), *слы́шачи* 24, 67, 68, по-

Таблица 3

А.п. презенса		a		b		c	
		I спряж.	II спряж.	I спряж.	II спряж.	I спряж.	II спряж.
-учи, -ячи*	не- возвр.	бѣдучи, вѣдаючи	вѣдячи	1) идучи, 2) пишучи	1) просячи, 2) тужа ^т чи	беручи	стоячи
	возвр.	гоняючи ^с	-	-	-	бьючи ^{ся}	-
-я	не- возвр.	гоня ^я м поки ^я ня	вѣдя, увѣдя	-	прося, излюбя	-	1) говоря, ропустя, 2) стбя, пѣнороя
	возвр.	надб ^я ся	закру- чи ^я ся	-	прося ^{ся} , оборота ^{ся}	блудя ^{ся}	бо ^я ся, зговоря ^{ся}

*Нередко вместо -учи, -ячи пишется -у^тчи, -я^тчи.

слышачи⁵⁰ 676, бѣдячи 189; вѣдя (часто), увѣдя 71, 736 и др., не вѣря 79, поки^яня 1526, слыша 736, услыша 72, 155, вст^ява 866, 896 и др.; закручи^яся 87. Отклонение: вѣдячи 1006, 101 (по-видимому, под влиянием колебаний между корневым и конечным ударением в а.п. b).

А.п. b. I спряжение: 1) идучи 26, 126, 446, 646, 90, 1276, не могучи 1116; 2) пишучи 68, пишучи 986, скачучи 866.

II спряжение. Суф. -ячи: 1) приеодячи 102, гонячи 1146, носячи 11, просячи 676, 96, 100, 1666, служачи 1746, ходячи 25, 26; 2) тужа^тчи 1576, хваля^тчи 1576 (отметим еще неакцентуированные прося^тчи 1636, ходячи 96). Суф. -я: возводя 89, не любя 726, излюбя 159, прося 97, 996, не смотря 86, посмотри 1496; оборота^{ся} 101, моляся 96, 1106, просяся 1126.

Можно заметить, что в Косм. у глаголов а.п. b деепричастия на -чи (кроме служачи) имеют конечное ударение, если в праславянском корень содержал краткую гласную, и корневое - если долгую (ид- < *jvd-, в отличие, например, от иск- < *(j)isk-, ср. чешск. jdi и jiskat).

А.п. c. I спряжение: беручи 1866, берегучи 97, даючи 26, 91, 108, в^тдаючи 1136, емлючи 236, 170 (ср. емлешо § 19), живучи 119, 117, пловучи 50, секучи 76, то^лкучи

⁵⁰ По-видимому, единственный пример деепричастия на -учи, -ячи от глагола совершенного вида.

27 (ср. также *бегучи* 396); *берегучи*ся 71, 113, *бьучи*ся 86, *бьучи*ся 87, *блюдя*ся 92, 165.

II спряжение. Суф. -ячи: *говорячи* 136, 61, 118, 1716, *держачи* 1176, *стоячи* 386, *сюда же хотячи* (14x: 30, 57, 60, 986 и др.); *бои́чи*ся 93 (ср. *бои́чи*^C [3x]). Отклонение: *сидячи* 118 (вероятно, под влиянием *сидя*, см. ниже).

Суф. -я. У невозвратных: 1) *говоря* 726, 115, *ропустя* 43, *нарядя* 676, *урядя* 836, *сюда же хотя* "volens" 726 bis, 786, 796, 112, *не хотя* 72, 73 (ср. также *хотя* "velut" 25, 426 и др.); вероятно, *сюда же не губя* 696 (менее ясно *ростоя* 86); 2) *ле́жа* 386, *сидя* 34, 74, 1566, *сто́я*⁵¹ 1866; и *зговоря* 716 (менее вероятно прочтение *изговоря*), *по́но-рова* 151. По-видимому, архаичная начальная акцентовка (группа 2) уже была закреплена в говоре Космографии за ограниченным списком словоформ (ср. ударение *ле́жа*, *сидя*, *сто́я* в современном литературном языке). У возвратных: *бо́я*ся 1076, 156, *не бо́я*ся 1526, *зговоря́*ся 736, 163, *по-мира́*ся 97, 1486, 1656, *не вошружа́*ся 1516; вероятно, *сюда же дивя́*ся 396, *удивя́*ся 92, *крестя́*ся 176.

Прошедшее время

§ 22. Прошедшее время в Косм. представляет наибольший интерес для акцентолога. При этом самым ценным оказывается материал по *i*-глаголам.

i-глаголы

В прош. времени *i*-глаголов четко противопоставлены три типа акцентовки, показанные в таблице 4.

Наосновное (но не тематическое) ударение представлено в случаях: *прибáви*^L 150; *перепровáдили* 39; *прои́*³*вóбли*^L 1806, -ли 171; *не вѣри*^L 726, *вѣрили* 1356; *гото́ви*-лся, -ли^C, *изгото́ви*^L, -лися, *нагото́вили* (336, 866, 102, 189 и др.); *погра́били* 102; *уда́ри*^L, -ла, -ли, -лся, -ло^C, -ли-ся (часто); *жа́лили*^C "жаловались" 276; *кручи́ни*^Lся 92, *закручи́нили*^C 58; *по́мни*^L 118, *попо́мни*^L 80; *мо́лви*^L 81, 89; *мы́сли*^L 97, 1506, -ли 856, *умя́слили* 1606; *розмѣри*^L 62; *мѣтили* 1696; *изнево́ли*^L 346, 37; *уни́зили* 146; *сплемя́ни*^Lся 183; *испо́ртили* 936; *проти́ви*^Lся 95; *ра́ни*^L 716, 101, -ли 27 bis и др.⁵²; *посро́чили* "договорились" 98; *ста́ви*^L, -ли, *оста́ви*^L, -ли, *постави́*^L, -ла, -ли, *ро́ста́ви*^L, -ли, *уста́ви*^L, -ли (часто); *устро́били* 96; *встрѣти́*^Lся 39, *стрѣтили*

⁵¹ Чтение *сто́я* 157 ненадежно.

⁵² Единичное *по́* | *рацили* 84 - либо просто ошибка, либо отражает ударение, возникшее под влиянием глаголов а.п. с (по пропорции типа *чи́нили* : *по́чинили* = *ра́нили* : *х*).

Таблица 4

		Неподвижное ударение		Маргинально-подвижное ударение
		наосновное не темати- ческое	тематичес- кое	
Не воз- врат- ные	ед. м.	уда́ри ^л	о́ступи́ль	пу́сти ^л , на́пусти ^л , не́ говори ^л
	ж.	уда́рила	исхо́дила	пусти́ла, улови́ла
	с.	–	приходи́ло	о́пустило
	мн.	уда́рили	приходи́ли	пу́стили, не́ пустили, приговори́ли
Воз- врат- ные	ед. м.	уда́рился	боро́нился	обычно без знака ударения: пустился (см. § 24)
	ж.	ро ^з ши́рила ^с	о́крсти́лася	ро ^з горо ^д дилáся
	с.	уда́рило ^с	полюби́лося	прилучи́лось
	мн.	уда́рили ^с	боро́нились	пусти́лись, догово ^р и́лись

956, стрѣтилися 110; ро^зши́ри^л, -ла^с, -ли^с, ра^зши́ри^л, -ла, -ло^с (33, 53, 137, 1646, 1676 и др.); ѳзди^л, -ла, -ли (часто); вероятно, сюда же прѣжили "жарили" 179.

Такое же ударение в устра́ши-^лся 74, -лися 180, -ли^с 189 (ср. устра́ша^тся 61, а также устра́шая 1066); однако устраши́ти 846 показывает, что здесь было колебание между а.п. а и в (или с). Колебание представлено также в случаях не ру́шился 77, не руши́лося 110.

§ 23. Тематическое ударение в прош. времени (без колебаний) представлено у нескольких групп глаголов.

1. Основная группа: глаголы, которые обнаруживают в самой Косм. (§§ 18, 31) или в других памятниках (§ 47, 48) акцентовку по а.п. в: боро́ни́-лся 105, -лися 1136, 116, -ли^с 180, оборо́ни́ли 92, 1156 bis, 1736; вози́ли 936, при-вози́ли 191; приводи́ли 26; вороти́-ли 38, -лися 62, 153, -ли^с 866, овороти́ли^с 94; искази́ли 143; казни́ль 1876; о^ткупи́лися 33; укуси́ла 33; изломи́лося 716; лупи́ли 956; полюби́ли 69, полюби́лося 226, улюби́лося 1576; помоли́лся 186; носи́ли 115, 153, приноси́ли 76, сноси́ли 7; плоди́лися 1796, ра^зплоди́-лося 9, ро^зплоди́-ло^с 158, -лися 169, -ли^с 172, росплоди́-лися 119; проси́-ли 69, 1866, -лися 726, -ли^с 72, упроси́-ла 37, -ли 61, 986, 1566; обруби́лися 1536; о^свети́ла 34;

ω^бскоцйли 109, прискоцйли 84; служйли 1786; смотреило 716, ωсмотреили 736, 876 (ср. также вйсмотреили 736, с двумя знаками ударения); ωступй-ль, -ло, -ли, ω^бступйли (ω^нступйли), ω^тступй-ло, -ли, приступйли (17х: 12, 52, 756, 1156, 1426 и др.); истомй-лися 92, 966, -ли^с 866, 926, 94, поистомйлися 836; расточйли 96; тужйли 158; хвалйли 138, 140, не хвалйлися 236; похватйли 876, 98, ухватйли 1906; ходй-ло 191, -ли 50, 1706, исходй-ла 141, 1416, -ло 7, переходйли 170, понаходйли 1786, приходй-ло 14, 117, -ли 1486, 149, 1796, не сходйли 30; похоронйли 286, 115. Сюда же примыкают многочисленные неакцентуированные написания: ωборони^л, (по)вороти^л, вороти^лся, (и³)люби^л, (у)проси^л, (при)скочи^л, ωсмотри^л, усмотри^л, ω^бступи^л и т.п., похвати^л, (при)ходи^л и другие; ср. также корми^л, прекорми^л и т.п., поизрони^л, пособи^л.

2. Глаголы, которые обнаруживают в других памятниках (§ 49) акцентовку по а.п. с (а в самой Косм. их презенс не засвидетельствован): ро³громйли 39; дивйлся 81, подивйли^с 1506, удивйлися 182; заживйли⁵³ 101; разорйли⁵³ 140; пленйли 104 (ср. также плени^л 106, 107, с е, а не ъ); ωсленили 366; вселилися 196. См. об этой группе § 24. В мстила 34 тематическое ударение, вероятно, объясняется влиянием словоформ *мстиль, -о, -и.

Особо следует выделить: кр^стилася 34, 1626, крестилися 186, 118, кр^сти-лися 536, 1116, -ли^с 50, ωкр^стилася 163 (ср. ωкрещенѡ 136 – по а.п. с); см. § 24.

§ 24. Маргинально-подвижное ударение представлено в следующих случаях.

1. Без колебаний: побранилися 1116; гѡвори^л (25х: 38, 586, 62, 71 и др.; также гѡволи^л 88 [с опиской]), не гѡвори^л 91, гѡворилà 386, гѡворили 89, 1836, договорилися 376, згѡвори^л 85, згѡворили 91, и згѡвориль (менее вероятно прочтение изгѡвориль) 886, и згѡвори^л (менее вероятно изгѡвори^л) 50, 946, 101, пригѡворили 83, 103, рѡзгѡвори^л 89; розгородилàся 1456; дари^л 896, 100, 1766, дарили 296, 176, 1766; ω^ткатилàся 186; уловила 182; ѡбложи^л 346, пѡложи^л 34, 826, 162 bis, 169, слѡжили 1696, ѹложили 83; прилучилàся 94; пѡмори^л 45; нѡрови^л 72, не нѡровили 162; пѡи^л 2; прѡсти^л 996; пѹсти^л 376, 66, 916, 107, 189 (также 182, где по контексту уместнее мн. число), пѹстила 336, пѹстили 75, 116, не пѹстили 75 bis, 85,

⁵³ Знак ударения не вполне надежен.

пусти^л|ся⁵⁴ 175, пустились 107, напусти^л 78 bis, 81, 87б, 110, 156, напустили 94, спустило 31, попусти^л 98, 183б, пропустили 96, пропусти^л 102б, упустили 92; роди^л|ся 4б; сооруди^л 34б, 65, соорудили 7; посадили 89, посади^л 37 bis, 74, посадили 59б, 156б; поспѣшили 150б; учи^л 4б, 162, научи^л 35, 56, 77б, 114, научились 160; яви^л 170.

2. Группа с колебаниями в сторону тематического ударения. Встретились с маргинально-подвижным ударением: ω^m -делила 18, раз^делила 25б, р^оз^делили 172, р^аз^делили 3б; укрепи^л 105, 111, 113 bis, укрѣпи^л 104, укрепились 155б, укрѣпились 164б; измени^л55 70б; застрели^л 112, пострели^{ли} 181; сотворили 11б; потопила 33б; чини^л 187, не чини^л 171б (также не чини^л 151, с м вместо л), чинили 27б, 96б, 153б, 169б, 183 bis (также чиниль 103, с ъ вместо и), по^чини^л 3бб, по^чинили 103, 104, учиниль 169б, учини^л 69, 77, 78б, 83, 90б, 93, 187, не учини^л 60б, 87, учинили 61б, 106, 112б, 153, 154, 155, 164б, учинился 88. Встретились с тематическим ударением: раз^делили 32б, раз^делилася 13б; покрепиль 9; и^зменили 103б, изменились 50; стрелили 29, пострелили 181; сотворил 4, ω^m творился 115 (по контексту уместнее ед. жен.); потопило^с 39б; учинились⁵⁵ 32б.

Полезно отметить также (для глаголов обеих групп) некоторые неакцентуированные написания: и^зговори^л 114, прилучило^с 57б, 177б, пустила^с 48б, ω^m пусти^л 63, 85, 157б, 167, ω^m пустили 75б, ро^зпустили 39, зародили^с 169, уродили^с 157, по^дсадиль 90б, не учили^с 160, научили^с 160, 178, не б^валила^с 31б; роз^дели-ла^с 118б, -ли^с 169; ср. также не б^валила^с 20, з^дружили^с 176. Во всех этих случаях допустимо предполагать маргинально-подвижное ударение, обозначить которое помешала выносная буква.

Имеются, однако, и такие примеры, где указанной помехи нет, в частности: в группе 2 – роз^делилась 123б, творили 69б, сотворили 11б, учинили 79, учинилось 109б; в группе 1 – зговорились 79, случилось 82, напустили 152б,

⁵⁴ Пример не вполне надежен: знак ударения имеет несколько необычную форму и стоит над буквой *с*, которая написана по стертому.

⁵⁵ Знак ударения не вполне надежен.

родила 190, спѣшило 846, научила 386, научили 88; ср. также помирили 356.

Довольно много также неакцентуированных примеров с конечным *-и^л*: в группе 2 - *роздели^л* 376, *роз^дели^л* 346, *раздели^л* 110, *укрепи^л* 1556, *укр^епи^л* 906, *измени^л* 806, *и³мени^л* 83, *не перемени^л* 114, *твори^л* 1056, *сотвори^л* 946, *учи-ни^л* 866; в группе 1 - *говори^л* 836, 1016, *не говори^л* 796 *напусти^л* 74, 101, *не соруди^л* 376, *посади^л* 106, *спѣши^л* 151, *поспѣши^л* 150, *научи^л* 84; отметим, кроме того, *сбрати^л* 123, *преврати^л* 75, 756, *извести^л* 1826, *угоди^л* 876, *не горди^л* 118, *пустоши^л* 76.

Разумеется, в большинстве приведенных примеров знак ударения отсутствует просто в силу его факультативности. Поскольку, однако для рассматриваемой категории словоформ коэффициент акцентуированности (§ 7) оказывается существенно ниже среднего, можно предполагать, что в части случаев писец предпочел здесь оставить ударение необозначенным потому, что фактически оно колебалось.

Как показывает акцентуация презенса в самой Космографии (§ 19, 31), а также данные других памятников (§ 49, 50), мы имеем дело в настоящем параграфе с глаголами а.п. с. Из материала видно, что в Косм. акцентуация прош. времени *i*-глаголов а.п. с (кроме муж. ед. с *-ся*) еще очень близка к реконструируемому первоначальному состоянию; отличие лишь в том, что у части глаголов (еще сравнительно небольшой) наряду с маргинально-подвижным ударением встречается также и тематическое⁵⁶.

Что касается группы 2 из § 23, то у большей части представленных здесь глаголов маргинально-подвижное ударение, вероятно, не встретилось лишь случайно. Иначе обстоит дело с глаголом *крестится*: прош. время явно здесь имело устойчивое предфлексивное ударение, тогда как презенс скорее всего акцентуировался по а.п. с (ср. причастие *вкрещенѣ*). Таким образом, здесь можно предполагать "смешанную" акцентовку: *крестѣшься*, *крестѣлася*; однако прямых свидетельств этого материал Косм. все же не дает. Не исключено, что смешанную акцентовку имели и какие-то другие глаголы, в частности, *разорити*, *плентити*, *вселитися* (ср. § 52).

В особом положении находится у *i*-глаголов а.п. с форма на *-лся*. Акцентуированы только *роди^л|ся* 46, не вполне надежное *пусти^л|ся* 175 (см. сноску 54), а также *дивѣлся* 81 (§ 23, п. 2). В остальных случаях знака ударения нет: а) без выносной буквы над *и* - *пустился* 1856, 188, *научился* 65, 160, также *ω^mменился* 119; б) с выносной буквой -

⁵⁶ На 157 случаев старого ударения приходится всего 11 случаев нового ударения в материале § 24 и еще 12 в группе 2 из § 23 (глагол *крестится* не в счет).

роди^лся 56, 406, 886, народи^лся 158, учи^лся 1666, также мири^лся 103, помири^лся 173, обрати^лся 80, прев^брази^лся 56.

По-видимому, ударение в этой форме колебалось, причем преобладало ударение на слоге перед *-ся*; ср. аналогичную картину у V-корневых и *a*-глаголов (§ 26). Сколь часто здесь встречалось начальное ударение, оценить затруднительно. Что касается ударения на *-ся*, то не исключено, что оно факультативно сохранялось лишь в словоформе *родился* (ср. особое положение данного глагола и в современной акцентологической системе).

V-корневые и *a*-глаголы

§ 25. В прош. времени глаголов этих классов хорошо представлено маргинально-подвижное ударение. Ему противопоставлено неподвижное ударение; см. таблицу 5.

Приводим материал (не исчерпывающий) по неподвижному ударению (ссылки неполные).

Наосновное (но не предфлексивное) ударение у *a*-глаголов: *двѣлся* 67, *ѣхали* 1896, *навѣха^л* 182, *привѣхала* 336, *ро³ѣхались* 99, *сѣѣхалось* 756, *пока^ллся* 68, *кли^лка^л* 112, *пла^лкали* 158, *ча^ляли* 316, *поча^лли* 156.

Предфлексивное ударение у *a*-глаголов. Неслоговой корень: *гнѣлися* 29, 1096, *штогнѣли* 716, *погнѣли^с* 180, *пригнѣли* 104; *послѣлъ* 70, 150, *послѣла* 336 bis, *послѣли* 306, 336 и др., *прислѣли* 766, 1846. Слоговой корень: *навязѣла* 336, *ро³вязѣли* 1876, *связѣли* 286, *сискѣли* 1846, *показѣли* 306, *сказѣли* 476, *метѣло* 1836, *метѣли^с* 189, *вметѣлися* 116, *пахѣли* 1186, *писѣли* 316, *записѣла* 816, *топтѣли* 153, *шептѣли* 4.

Предфлексивное ударение V-корневых глаголов: *би^ли* 506, *би^лся* 876, 153, *би^лися* (часто), *шт^мби^ли* 856 и др., *переби^ли^с* 1856, *поби^ль* 1726, *поби^ла* 336 bis, 105, *поби^ли* (часто), *поби^лся* 71, *поби^лися* 165, *уби^ли* (часто), *уби^ло^с* 1856; *знѣли* 94, *узнѣли* 1786; *розрѣли* 1136 и др.; *не смѣли* 186; *не успѣли* 1906; *стѣла* 226, 1636, *не стѣло* 37, 396, *стѣли* 27, 376 и др., *стѣлося* 926, *встѣли* 59, *востѣли* 1866, *достѣ-лися* 10, *-ло^с* 136, *застѣла* 90, *не застѣли* 61, *штѣли* 1476, 187, *штѣлся* 33, 162 и др., *не штѣлося* 74, *штѣлися* 164, *перестѣли* 1516, *присѣли* 366.

§ 26. Материал по маргинально-подвижному ударению. У *a*-глаголов с неслоговым корнем: *бра^ли* 186, *в³обра^лися* 1566, *набра^л* 20, *набрали* 29, 31, 84, 1756, 1906, *шбра^л* 37, *шбрали* 326, 85, *штобра^л* 806, *побра^ль* 916, 98, *побра^л* (часто), *собра^ль* 1116, *собра^л* (часто), *сб|бра^лся* 90, *собра^лися* 376, 686, 966, 1516, 165; *рбзодра^л* 80, *рбзод^драли* 115; *звѣли* 66, *назва^л* 183, *пбзва^л* 706, *призва^л* 95, 171, *прбзва^л* 9, 148, 158, 1616 bis, *прбзвали* 196, 296, 68, 136,

Таблица 5

		Неподвижное ударение		Маргинально-подвижное ударение
		наосновное не предфлекссионное (только у а-глаголов)	предфлекссионное	
Невозвратные	ед. м.	на ^б ха ^л	поби ^л ь, посл ^а л ^ь	у ^ч ал ^ь , не [́] под ^н я ^л , има ^л , о ^б тра ^л
	ж.	при ^б ха ^л а	поби ^л а, посл ^а л ^а	жи ^л а, уча ^л а
	с.	–	не ста ^л о, мета ^л о	бы ^л о, не [́] было, у ^ч ало
	мн.	поч ^а ли	поби ^л и, посл ^а ли	жи ^л и, не [́] позажи ^л и, по ^н мали, ро ^з одрали
Возвратные	ед. м.	пока ^л лся	о ^с та ^л ся	обычно без знака ударения: уда ^л ся (см. § 26)
	ж.	–	–	зда ^л ся, зачал ^а ся
	с.	д ^б ылося	о ^с та ^л ося, уби ^л о ^с	зачал ^о ся
	мн.	ро ^з б ^а лись	о ^с та ^л и ^с я, гна ^л и ^с я	не да ^л и ^с я, ужи ^л и ^с я, прозвал ^и ся

148 и др., про^звал^ися 1646, со^зва^л 112. У а-глаголов со слоговым корнем: има^л 816, 1076, има^ли 296, 356, 150; 1636, не[́] има^л 110, по^нма^л (часто: 35, 386 bis, 45, 76, 78 bis, 81, 82 и др.), по^нмали 38, 78, 786, 846, 87, 1146, 154; бра^л "пахал" 1086⁵⁷.

Примечание. В Косм. встретились также словоформы с предфлекссионным ударением: има^ли 1796, има^ли^ся 766, по^нма^ли 286, 112, 155, 165. Только с таким ударением находим из^вма^ли 366, 376, 926, 1076, 182, 189, при^нма^ли 176. Однако мы имеем здесь дело не просто с неустойчиво-

⁵⁷ Приведем некоторые параллели, подтверждающие первоначальную принадлежность глаголов *имати*, *емлеть* и *орати*, *ореть* к а.п. с: Пролог *емлють* 1076. Ап. *емлеть* 1266, Трав. *емлёмь* 2416, Ратн. *ималъ* 716. Улож. *не[́] ималъ* 886, 2386, ср. написание *имол* в курском акте 1624 г. (Котков, с. 84); Мер. *разореть* "распашет" 339 (с о, не ω), Фер. *орють* 7696, ср. у Васильева (Вас., с. 54) примеры *плже^м·ораль* из Обихода Кирилловского XVI в. и *дбораль* из Космографии XVII в.

стью ударения: существуют два разных глагола – *емлѣшь*, *ималъ* и *имѣшь*, *ималъ* (последний первоначально имел итеративное значение), каждый со своими производными. Так, с первым глаголом соотносятся (по крайней мере, морфологически), в частности, словоформы *емлѣшь*, *емлючѣ*, *има^л*, *имали*, *пѣима^л*, *пѣимали*, также *поиманд* (§ 31), со вторым – *имajú^т*, *поимajú^т*, *приимajú*, *имали(ся)*, *поимали*, *приимали*, *изимали*, также *поиманье* (§ 31). Но четкого семантического различия между этими двумя рядами словоформ в Косм., по-видимому, уже нет.

У V-корневых глаголов: *былѣ*, *бѣло*, *бѣли* (часто), *нѣ* *было* 66, 86, 14, 226, и др., *нѣ* *были* 1596; *дали* 276 bis, 38 bis и др., *нѣ* *да^л* 136, 85, 906, 111, *нѣ* *дали* 91, 1536, *не* *далися* 116, *вѣзда^л* 786, *вѣз^дали* 59, *здали* 756 bis, 89, 906, *здался* 766, *здалися* 105, 1656, *ш^тдалъ* 74, *пѣда^л* 1526, *повдался* 125, *продалѣ* 34, *рѣзда^л* 1006, 109, сюда же примыкает *сѣзда^л* 169; *жилѣ* 206, *жили* 2, 14, 23 и др., *нѣ* *жили* 1606, *нѣ* *позажили* 886, *прижи^л* 14, 47, *ужилися* 1216; *померли* 726 bis, 1806 и др., *нѣ* *померли* 27, *прѣмерли* 191, *умерь* 136, 49, *уме^р* 4, 14, 306 и др., *умерлѣ* 34, 37, *умерли* 33, *нѣ* *уме^р* 726; *заперлѣ* 336; *пили* 886, *нѣ* *пили* 886; *плили* 276, *прѣплили* 1816, *прѣпли^л* 175, 1756, 178 и др., *прѣплили* 296, 1876; *распяли* 7; *зачалъ* 65, *зача^л* (часто), *зачали* 20, 119, 143 bis и др., *зача-лася* 446, *-лося* 22, *-лися* 69, *нача^л* 856, *пѣча^л* 14, 119, *пѣчали* 77, 83, 153 и др., *учалъ* 376, 185, *уча^л* (часто), *учалѣ* 1216, *учало* 101, *учали* (часто)⁵⁸; *взялѣ* 336, *взяли* (часто), *нѣ* *взя^л* 51, *нѣ* *взяли* 106, *зняли* 26, *и^знелѣ* 1136, *ш^тняли* 926, *пѣня^л* 14, 33, 35 и др., *пѣняли* 50, *нѣ* *по^дня^л* 976, *прѣня^л* 69, 70 и др., *прѣняли* 196, 276 и др.⁵⁹, *уня^л* 78, *нѣ* *уня^л* 896.

Ударение не перенесено на частицу в случаях: *ко^лко* *ни* *жили* 157, *не* *прѣняли* 1256.

С приведенными данными хорошо согласуются также многочисленные неакцентуированные написания вроде *прозвала^с*, *здали^с*, *передали^с*, *придало^с*, *слила^с* и т.п.

Особый интерес представляет форма на *-лся*. Помимо *сѣ|бра^лся* 90, находим только неакцентуированные *собра^лся*

⁵⁸ Запись *учали^с* *бѣти* 71 фактически передает сочетание *учали* *ся* [или *сѣ*] *бѣти*, где *ся* относится к *бѣти*; ср. еще *учался* *бѣти* 716.

⁵⁹ В *прѣняли* 36 оксия стоит строго над *н*; судя по всем остальным данным, мы имеем здесь дело с незначимым смещением оксии вправо.

187, да^лся 346, не да^лся 95, переда^лся 99 bis, зда^лся 47, уда^лся 526, 1006, по^дня^лся 786. Можно предполагать, таким образом, что здесь преобладало ударение на слоге перед -ся, ср. § 24 (конец).

С-корневые глаголы

§ 27. В прош. времени противопоставлены два типа ударения: неподвижное корневое и неподвижное флексийное. Приводим материал (не исчерпывающий; ссылки неполны).

Неподвижное корневое ударение: *розбѣглися* 796; не *ѣли* 157, не *поѣли* 1816, *сѣли* 306; *кѣли* 146, *накѣли* 936, *изнакѣли* 1836; *лѣли* 86; *пѣли* 42, *пѣло* 146 и др., *пѣли* 306, *впѣли* 416 и др., *впѣли* 41 и др., *пропѣли* 108; *сѣли* 986, *сѣли* 56, *засѣли* 72, 164, *шсѣли* 32 bis, 142, 144 bis, *посѣли* 68, *сѣли* 58; *сѣкли* 1696 (ср. *ро^зсѣкли* 179, а также *ш^тсѣкъ* 82, *по^дсѣкъ* 1556, *усѣкъ* 72, *усѣ^к* 71); отметим еще *обрѣ^л* 766, *разши^б* 78.

Неподвижное флексийное ударение: *берѣгѣ* 184, *берегѣ* 696, 1136 (ср. *бере^сся* 716); *блудѣ* 71; *велѣ* 86, *извелѣ* 996, *навелѣ* 153, *ш^твелѣ* 936, *повелѣ* 1796, *привелѣ* 158, *привелѣ* 136, *развелѣ* 86; *перевезлѣ* 1516; *поволоклѣ* 306, *со^жглѣ* 336, -ѣ 686; *прилеглѣ* 68; не *моглѣ* 34, не *моглѣ* 356, не *моглѣ* 28 и др.; *во^знеслѣ* 456, *принѣсѣ* 296, *принеслѣ* 336 и др.; *рклѣ* "обещали" 276, 746; *дорѣслѣ* 162; *шптеклѣ* 1286, *поутеклѣ* 286, *стеклѣ* 5; *шѣлѣ*, *шлѣ*, *вошлѣ*, *дошлѣ*, *нашлѣ*, *шѣшлѣ*, -ѣ, -ѣ, *штошлѣ*, *перешлѣ*, *пошлѣ*, -ѣ, *пришлѣ*, *пришлѣ*, -ѣ, -ѣ, *прошлѣ*, *шѣлѣ*, *сошлѣ*, *ушлѣ*, -ѣ и др. формы (часто).

Прочие классы глаголов

§ 28. У *нр*-глаголов, возможно, существовало, наряду с неподвижным, также и подвижное ударение в прош. времени (ср. § 58), но реально оно в Косм. не встретилось. Приводим имеющийся материал: 1) не *загѣнула* 165, *погѣнуло* 160, *погѣнуло* 160, *кѣнули* 50 bis, 190 bis, *кѣнулись* 1556, *вкѣну^л* 37, 88, *ш^ткѣну^л* 104, *перекѣну^лся* 88, *покѣну^л* 14, -ли 1146, *кѣкнули* 1066, не *закѣкну^л* 1856, *крѣкну^л* 1086; 2) *ш^твернѣли* 156, *по^лвернѣли* 776 (ср. также неакцентуированные *согнѣ^лся* 71, *шбернѣ^лся* 25, *прилнѣ^л* 80, *измѣнѣ^л* "промахнулся" 716 и другие). Словоформы без -ну-: *изнавѣк-ли* 50, *погѣбли* 158; особо отметим *перетоплѣ* 116.

У глаголов всех прочих классов в прош. времени в Косм. встречается только неподвижное наосновное ударение, например: *вѣда^л*, *надѣлали*, *плѣвали*, *слѣшали*, *дѣрживали*, *шс-тѣвливали*, *бивѣли*, *видѣли*, *попродавѣли*, *испужѣли*, не *слихѣли*, *поро^зсихѣли*, *поутекѣли*, *воевѣлѣ*, *миновѣли*, *пировѣли*, *имѣли*, *видѣли*, *слѣшали*, *розбѣжѣли*, *розболѣлѣ*, *велѣлѣ*, *дѣржѣли*, *дрожѣли*, *подо^мчѣли*, *стояло*, *хотѣла* и многие другие.

Инфинитив

§ 29. Ударение на *-ти* (*-чи*) встретилось в случаях: *ввѣстѣ* 34, *извѣстѣ* 726, 111, *привѣстѣ* 186, *провѣстѣ* 1146 (все от корня *вед-*); *привѣстѣ* "привезти" 29; *итѣ* 26, 286 и др., *поитѣ* 79, 100 и др., *уитѣ* 101, *не перемочѣ* 1076 (отметим еще *и^тти* 83 bis, 846, *взоити* 916, *штоити* 71, *соити^с* 57; ср. также *ити^т* 1, 736, *поити^т* 76, 1496). Однако параллельно с этим находим: *вѣсть* "вести" 586, *вѣсть* "везти" 166; двусмысленны *жечи* 756, *ш^блечи* 836.

Особо отметим единичное *взятѣ* 326 (с древним ударением), на фоне *взятѣ* 50, 67, 99, 1116, 183, также *няти* "взять" 4, *изняти* 85, 102, *переняти* 150, *приняти* 1556, *поняти* 40.

Во всех прочих случаях встретилось только наосновное ударение (при этом *-ти* и *-ть* находятся в отношении свободного варьирования). Характерные примеры (ссылки неполны): *разгнѣвати* 1826, *имати* 286, *изымати* 456, *поимати* 92, *искать* 1896, *перемогати* 165, *плáva^т* 266, *прошати* 190 (ср. *вседа^т* 1806, *поссекачь* 1696); *глазѣти* 39 (ср. *глядѣ^т* 129); *и^згнѣнути* 1116, *погнѣну^т* 886, *вкнѣну^т* 396, *шпочнѣнути* 86, *шманѣнути* 796; *ш^тговорѣтся* 100, *гонѣти* 866, *дарѣти* 1866, *лазѣчи^т* 93, *молвѣть* 1856, *шпоѣти* 726, *шмотрѣти* 181 (ср. *шмотрѣ^т* 129); *по^ддѣтъся* 1726, *стѣтъся* 54, *поколѣти* 71, *школѣти* 876 (ср. *померѣ^т* 116, *умерѣ^т* 95); *клѣсти* 155, *лѣсти* 30, *упѣсти* 128, *сѣсти* 596; *засѣсти* 79, *сѣствѣ* 576, *ѣствѣ* 1716 (ср. *и^зсѣчь* 1116, *шпнѣти* "подшибать" 76).

Деепричастие прош. времени

§ 30. У глаголов с подвижным ударением в прош. времени встретились следующие деепричастия с *-въ*, *-вши*: 1) *сѣбра^в* 1106, 1486, 179 (наряду с *сѣбрáвъ* 1416 и *сѣбра^в* 336, 816, 87, 99, ср. также *сѣбравши* 141), *сѣбравсѣ* 116, 150 (ср. *сѣбравсѣ* 76, 95, 188, *сѣбра^всѣ* 1806), *сѣбравши^{сѣ}* 566, 756, 76, 173 (ср. *сѣбравши^{сѣ}* 1306), *пѣбра^лвъ* 1156 (писец смешал прош. время и деепричастие; ср. также *набравсѣ* 1896, *набра^всѣ* 1756); *пустивсѣ* 1756; 2) в прочих случаях представлено то же ударение, что в инфинитиве: *дарѣвъ* 756, *ш^тделѣвъ* 36, *помирѣвсѣ* 616, *напоѣвъ* 176, *упоѣвъ* 336, *по^дсадѣвъ* 84 (из неакцентуированных отметим *пожи^в* 566, *поча^в* 148, *дож^давсѣ* 996, *положи^в* 896, *шслонивсѣ* 57, *шсади^в* 896, 171).

У глаголов с неподвижным наосновным ударением в прош. времени это ударение всегда сохраняется и в деепричастии

на -евъ, -вши, например: побѣвѣ 8, встѣви^в 366, встѣвивши 13, кр^стѣвѣвши 686, вбослѣвѣ 1506, изымѣвѣ 183, взя-зѣвѣ 182, насмѣвѣся 85, при^мчѣвши 78 и т.п.

Из деепричастий иной морфологической структуры отметим: взе^м 746 и др., почѣнши 246; ѡ^тве^тчи "отведши" 98, ѡ^тда^чи (sic) "отдавши" 76, ст^тчи "севши" 296, пошо^дчи 68, прише^дчи 666, 67, ше^дчися 165; ухвате^м "ухватив" 306.

Страдательные причастия прош. времени

§ 31. Причастие с -ен-. У *i*-глаголов а.п. *a* и *b* ударение в этом причастии такое же, как в презенсе (не считая 1 ед.). У *S*-корневых глаголов с корневым ударением в прош. времени такое же ударение и в этом причастии. У *i*-глаголов а.п. *c* и у *S*-корневых глаголов с флексийным ударением в прош. времени ударение в данном причастии в кратких формах флексийное, в полных - суффиксальное.

Корневое ударение. *i*-глаголы (а.п. *a* и *b*): а.п. *a* - исполнена, напѣлн-е^н, -ена, -ено (часто: 676, 906, 126 и др.), испѣрче^н 1396, рѣне^н 81, рѣнена В.ед. 156, -о 87, -и^х 87, 876 и др., стѣвлени, встѣвлени^х, постѣвл-е^н, -ена, -ено, -ени, устѣвл-е^н, -ени (часто: 6, 27, 546 и др.), на чѣщанои М.ед. 58; а.п. *b* - вборѣнень 133, 1426, -и 136, задѣвле^н 966, истѣмлена В.ед. 92, -и 86, -и^х 1076, похорѣн-е^н 336, 115, 1656, -ена 34, 121, -ено 136; неясно, а.п. *a* или *b* - жѣрен-ие 1816, -и^х 1816 bis, укрѣш-е^н 1256, -ени 9, -ени^х 1426, потѣрчена "насажена, воткнута" 179, -и^х 1816. Особые случаи: украшѣнни^х 1426, за упрошѣнни^м 153. *S*-корневые глаголы: поклѣде^н 546, про-клѣде^н 466, ѡ^тсѣчену В.ед. 179.

Флексийное ударение (в кратких формах). *i*-глаголы: раз^дѣленѣ 1, раз^деленѣ 142, вкрещенѣ 136, плѣнѣнѣ 6, не положенѣ 546, впруженѣ 140, запустошенѣ 56, соружен-нѣ 1356, -нѣ 126, -нѣ 133, наученѣ 706 (ср. также укрепле^н 138 [с е], соружен^н 130, 1446, всажен^н 676, посажен^н 37, учине^н 85). *S*-корневые глаголы: заведенѣ 7, ѡ^бведенѣ 176, приведенѣ 7, -енѣ 226, ро^введенѣ 119; навезенѣ 155; при-нес-енѣ 34, -енѣ 86 (ср. еще уберезе^н 1006). Полные формы - жѣнне 187, уложѣннѣ В.ед. 1496, печѣн-ое 34, -ие 182, преречѣнние 1, прирожѣн-ово 266, -ие 24, учѣнне 22 и некоторые др. Особые случаи: насѣжено 56 (глагол а.п. *c*); извѣщенѣ 157 (по-видимому, церковнославянизм), устремленѣ 706.

Причастие с *-т-*. При подвижном ударении в прош. времени это причастие тоже имеет подвижное ударение: *ра́стѣ*^m 46, *взя́то* 23, 976, *взя́ты* 109, *прѣ́нѣты* 296. При корневом ударении в прош. времени такое же ударение и в причастии, например: *побѣ́-то* 1306, *-ты* 156, *-ты*^x 266 и др., *убѣ́то* 92, *закрѣ́то* 886, *покрѣ́-то* 186, *-ты* 1576.

Причастие с *-н-*. При подвижном ударении в прош. времени картина такова: *данѣ* 35, 1626, *прѣ́да*ⁿ 138; *званѣ* 35, *прѣ́зва*ⁿ (часто: 13, 206, 256, 37 и др.), *про́званѣ* (7х: 276, 316, 556 и др.), *про́званѣ* 16, 106, 246, 138, *про́ва-нѣ* 216, *про́званѣ* 32, 41, *про́ванѣ* 1186 (но также *про́ва-но* 5х, *про́вани* 170); *поиманѣ* 546. Таким образом, здесь представлена акцентная кривая с начальным ударением в муж. ед. и флексийным ударением в прочих кратких формах. Полные формы: *избрѣ́нн-и*^x 87, 906 bis, 1546, *-и*^m 152, *-ими* 100, *собрѣ́нного* 1516.

При неподвижном ударении в прош. времени причастие также имеет неподвижное ударение, причем если ударение прош. времени предфлексийное, в причастии оно сдвигается на слог влево. Приводим материал (не исчерпывающий): *побѣ́ва*ⁿ 836, 163, *не видано*. 29, *во́евана* 8, 66, *неи́во́еванно* 10, *вѣ́зани* 1786, *шѣ́вѣзано* 1806, *шѣ́вѣзани* 185, *повѣ́зани* 185, *свѣ́зани*^x 1786, *пода́вани* 133, *прика́зано* 149, *ко́па*ⁿ 76, *покрѣ́вани* 1786, *ни́зано* 17, *пи́са-на* 80 и др., *-но* 196 и др., *-ни* 6 и др., *напи́сано* 5, *и́рѣ́вня*ⁿ 7, *пѣ́сла*ⁿ 26, 148, 166, *-ни* 151, *пѣ́слана* "постлана" 185, *тѣ́сани* 1766; *дѣ́ла-но* 156 и др., *-ни* 123, *подѣ́лани* 4, *шкѣ́дывани* 187, *засѣ́па*ⁿ 7. Особо отметим *по́иманье* 180 (см. § 26, примеч.). Ни одного примера предфлексийного ударения в причастии на *-н-* (т.е. без сдвига влево) в Косм. не отмечено.

Обсуждение акцентуации отдельных глагольных форм

§ 32. Не ставя перед собой цели обсудить все звенья акцентной системы глагола, рассмотрим несколько подробнее (на материале как Космографии, так и ряда других источников) некоторые из них, представляющие особый интерес, — прежде всего акцентную парадигму *с*. Как уже отмечено в § 3, основным направлением акцентной эволюции глаголов а.п. *с* (кроме тех, которые в ходе истории перешли в другую а.п.) является постепенный переход к колонному ударению (чисто флексийному в модели *пекѣ́, печѣ́шь, печѣ́те, пекла́, пекли́*, смешанному флексийно-тематическому в модели *про́щѣ́, простѣ́шь, простѣ́те, простѣ́ла, простѣ́ли*). Ниже рассматриваются некоторые детали этой эволюции в отдельных грамматических формах.

Форма 2 мн. презенса в а.п. с

Исторически первоначальным здесь является ударение на *-те* (Станг, с. 199). Оно хорошо представлено в Чуд. (см. Дыбо 1969б, с. 116). В настоящее время на восточнославянской территории ударение на *-те* сохраняется, во-первых, в белорусском и украинском языках (его граница почти совпадает с границей РСФСР с БССР и УССР), во-вторых, в северо-восточных великорусских говорах; см. Образ., карта 30.

В XVI в. на великорусской территории можно указать по крайней мере три системы акцентовки данной формы.

1. Старая система (*-етѣ*, *-итѣ*). Она сохраняется, в частности, в Косм. (§ 19).

2. Смешанная система: еще *-итѣ* во II спряжении, но уже *-ѣте* в I спряжении. По-видимому, она возникла как компромисс между общей тенденцией к колонному ударению (т.е. к *-ѣте*, *-ите*) и стремлением не утратить различия между изъявительным *говоритѣ* и т.п. и повелительным *говорите* (ср. *несете* и *несите*, где разница сохраняется при любой акцентуации). Эта система представлена, например, в Прологе и в Цв. (с небольшими отклонениями также в Ап.); в дальнейшем она становится церковнославянской нормой (действующей и поныне). Ср. в Прологе: *скорбитѣ* 51, *мнитѣ* 91, *не оумертвитѣ* 125б; но *да съберѣтесе* 20. В Цв.: *соблазнитѣся* 83б, *держитѣ* III 182б, *дивитѣся* III 30б, *оузритѣ* 127б, *сваритѣся* III 33б, *вселитѣся* III 181, *скорбитѣ* III 167, *сѣшитѣ* II 50б, *стоитѣ* (9х: III 117 и др.), *пре^дстоитѣ* III 225, *оутвердитѣся* III 183б, *творитѣ* 220б, *сотворитѣ* III 181, *оучитѣ* III 150б, *наоучитѣся* III 24, *сохранитѣ* III 181, *цѣнитѣ* III 23, *чюдитѣся* III 57б; но *соблюдѣте* 45, *сов^мведѣтесе* 45б, *шблечѣтесе* (4х: II 12б и др.), *сожжѣте* 180, *да ... принесѣте* 88б, *наречѣтесе* 190⁶⁰.

Незавершившийся переход от системы 1 к системе 2 отразился в Муз. ев. (*-итѣ* во II спряж. при колебании в

I спряж.): *ѡбѡжитѣ* 83, *не мнитѣ* 87б, *стѡитѣ* 70, 152, *ш^тстѡитѣ* 201, *тѡвритѣ* 23, 134 и др., *поститѣся* 24б (но один раз *не ѡсѡмнитѣся* [буд.] 74б); *даѣтѣ* 161, 202, *иж^денѣтѣ* 83б, *пѣѣтѣ* 198, наряду с *речѣте* 75, *облечѣтесе* 25б, *печѣтесе* 25б.

3. Новая система: *-ѣте*, *-ите*. Она представлена, в частности, в Час., Егор. ев., Фер. Ограничимся примерами из Егор. ев.: *поженѣте* 418б, *изнесѣте* 21б, *принесѣте* 54, 54б, *пѣѣте* 287б, 475б, 539; *обратитѣся* 412, 539б, *побежитѣ* 412б, *оудержитѣ* 117, *кр^ститѣся* 89б, *мните* 65 и др., *поститѣся* 38б, 39, *сѡдѣйте* 287б, *творите* 55б и др.,

⁶⁰ Индивидуальная особенность системы Цв. состоит в том, что двусложные словоформы 2 мн. здесь имеют ударение на *-тѣ* независимо от спряжения: не только *зритѣ* (6х), *мнитѣ* 70б, *спитѣ* 99б, но также и *жжѣте* 94, *бѣѣтѣ мя* III 30б и другие.

ω^m стоите 314, съхраните 4186, явитеся 1916 и некоторые др. (во всех этих случаях наклонение изъявительное).

Примечания. 1. Мы не рассматриваем здесь акцентуацию 2 мн. у атематических презенсов (*есте, дасте, вбсте, ясте*). Отметим лишь, что их акцентуация может подчиняться индивидуальным правилам и должна при описании отмечаться особо.

2. Словоформы двойственного числа на *-та* необязательно имеют такое же ударение, как 2 мн. на *-те*. Так, во многих "точечных" системах они постоянно имеют ударение *-эта, -ита*, ср. Пролог *раздѣлѣтася* (буд.) 115, Цв. *не терпѣта* (наст.; 3×: III 89 и др.).

Форма 1 ед. презенса в а.п. с

§ 33. Первоначально энклиномен (Станг, с. 110-112; Дыбо 1962, с. 9-15; Дыбо 1971, с. 95-97); соответственно, при наличии *ся* ударение падало на *ся*. Однако здесь очень рано (особенно в возвратной форме) появляется параллельное флекссионное ударение, которое впоследствии побеждает⁶¹.

Так, уже в Чуд. застаем колебание, например: *створю* и *створю; постижюся*, но *поклонюся* и т.п. (см. Дыбо 1969б, с. 116, 117, 121). В XV-XVI вв. можно различать лишь памятники с полным и с неполным устранением старого ударения данной формы. К числу памятников, частично сохраняющих старое ударение, относятся, в частности. Фер., Ап., Косм., Постн., Цв. С другой стороны, в северо-западных памятниках Пролог, Егор. ев., Муз. ев. засвидетельствовано только новое ударение; в Час. один раз встретилось *восбою* 413, при более обычном флекссионном ударении. Заметим, что в возвратной форме прежнее ударение на *-ся* было устранено, по-видимому, повсеместно.

Примеры старого ударения в 1 ед. из памятников XIV-XVII вв. собраны у Л.Л. Васильева (Вас., с. 47-48; см. также Дыбо 1969б, с. 117). Добавим к ним материал Цв.: *сберѣх* 110, III 181, *введѣх* III 181, *изведѣх* III 1, *наведѣх* 138, *пбгребѣх* (3×: 2006 и др.), *спбгребѣхся* 1536, *дѣю* 193, *прѣдаю* 1346, *дѣвлюся* III 1606, *ѡжесточю* 184, 1846, *азъ живѣх* 188, *збѣх* II 13, *призовѣх* 1376, 234, *ѡкроплю* III 181, *нѣ вложѣх* (3×), *пбложѣх* (4×), *да приложѣх* III 95, *пбютя* "canto" III 1746, *нѣпоютя* III 826, *ѡтнѣщѣх* 1226, *сбтворю* 123 III 181, *нѣ терплю* 2006, *не терплю* 106, *прѣтерплю* 159, *нѣоучю* 1266; параллельное флекссионное ударение в данном классе словоформ встречается в Цв. примерно в два раза чаще⁶².

Замечание. С акцентологической историей 1 ед. презенса близко сходна история деепричастия на *-я*. Наибо-

⁶¹ Возможно, впрочем, что старое ударение дожило до наших дней в некоторых мещерских говорах (см. Бромлей).

⁶² Что касается описанного В.А. Дыбо (Дыбо 1969б, с. 118-119) появления аналогических начальнударных словоформ 1 ед. у глаголов а.п. *b*, то в наших материалах оно отмечено лишь в случаях: Цв. *нѣтшищѣх* 193, Трав. *нѣпишиж* 1556 (наряду с *нѣпишиж* 141).

лее заметное отличие здесь в том, что из числа деепричастий некоторые сохранили свое старое ударение до сих пор: *лѣжа, сѣдя, стоя, молча, глядя* (также *нѣхотя*) – в значительной мере в связи с их адвербиализацией (частичной, как, например, в *лѣжа*, или полной, как в *нѣхотя*), которая оторвала их от основной массы деепричастий. Как показывает Косм. (§ 21), формирование этой особой группы началось достаточно рано.

*Эволюция маргинально-подвижного ударения
в прош. времени*

§. 34. Общее направление эволюции в данном звене системы – переход от маргинально-подвижного ударения к предфлексийному. Однако в разных говорах и для разных классов этот процесс протекал с разной интенсивностью.

V-корневые и а-глаголы

Старая акцентуация прош. времени хорошо сохраняется (если не считать словоформ на *-лся*) во многих памятниках, в частности, Чуд., Косм., Цв., Трав., Дом., Ратн., Улож., Авв.

Материал Чуд., к сожалению, невелик: *не бѣхо^М то^б прѣдали е² 51а, не бѣ оумерль 47в bis; vzdalà 156в, оумерлâ 31б, -à 31в, не ѡмерлâ 19а, не оумерлâ 31в, зачалâ 26б⁶³.*

Самый богатый материал представлен в Косм., см. § 26. Приведем, кроме того, полный материал Цв., Трав. и Авв. В Цв. находим: *сббраль III 65б, 122б, прѣбыль III 122, 155б, 242б, пбдалъ (10х), пбдало II 8б, прѣдалъ 11б, 195б, прѣдали 139б, сбздалъ (7х), пбзвалъ 22, прѣзвалъ 11б, 1б, прѣклялъ 40, не бѣ оумерль 18, 21б, не бѣ оумеръ 8б; прѣбылâ 199, III 144, зачалâ (5х); однако предфлексийное ударение⁶⁴ в *воздâль 157, не бѣ оумерль 21, 27б.* Из словоформ на *-лся* в Цв. представлено только *распялся II 4б, 33, 46б.**

Трав. *прѣвилъ бѣ 506б, нѣ занель 448; билâ 315 и др., ѡжилâ 518б, оумерлâ 518б, ся почалâ 458, оунлбсья 509.*

Авв.: *бѣло, нѣ было (часто), дббѣ^л 47, прѣбыло 8б, нѣрегнѣло 38б, дâли 3б, нѣ дали 37, пбда^л 59б, 73, -ли 22, 24, прѣда^л (3х), -ли 71б, сбдрали 26б, зâжи^л 81б, -ло 81, нâжи^{ли} 114б, пбжи^л 20б, 70, не пбжили 76б, звâли*

⁶³ Пример *со|здâль 137а* сюда не относится: в говоре Чуд. этот глагол еще принадлежал к а.п. *b* (а не перешел в а.п. *c*, как в более поздних системах).

⁶⁴ Особый случай составляет прош. время глаголов на *-яти* (но не *-няти*): *ѡтѣлъ 19б, подвѣлъ III 51, прѣялъ (4х), прѣяла II 64, воспрѣялъ 14б*; ранний переход этих церковнославянских словоформ к неподвижному ударению представляет собой индивидуальное событие, не связанное с акцентной эволюцией корневых глаголов в целом.

92, 94б, *прóкля*^л 100, *прóлили* 50б, *пóме*^рло 140б, -и 30, 40б, *за́не*^р 43б, *до́пли*^{ли} 54, *по́пли*^л 93, *по́пли*^{ли} 40, *при́плили* 32, 55б, *на́ча*^л (4х), *по́ча*^л 18, *взя́ли* (часто), *не́* *взя*^л 44б, *пе́реняли* 38б, *по́дня*^л 20, 6б, *не́* *приняли* 64; *бы́ла* (часто), *не* *э́нила* 40б, *да́ла* 10б, *ш^тда́ла* 115, *жи́ла* (2х), *прижи́ла* 96б, *ли́ла* 140, *умерла́* 47б, *уча́ла* 97, *взя́ла* (2х); *перепи́лся* 65. Словоформы на -лся: *собра́лся* 92б, *бра́*^лся 90, *напи́лся* 58б. Особые случаи: *ш^тня́ль* 27, *уча́ли* 155 (отметим еще *сковáли* 34, 60б).

Новое ударение ранее всего обнаруживается в северо-западных памятниках. Материал Час.: *собра́ль* 324б, *преби́ль* 311, *взды́ль* 330, *поды́ль* 399, *пожи́ль* 283, 318б, 337, *при́аль* 265б, 300б, 342б; *при́ала* 328, 333б, *при́ала* 317. Материал Егор. ев.: *свы́раль* 358, *преби́ль* 478б, *поды́ль* 108, 111, 511, *преды́ль* 50, 283 bis, 306б, 501, *свзды́ль* 197б, *призвы́ль* 428, 465, *шмерла́* 94, 122б, *шмрва́ль* 123б, 428, *испи́ль* би 133б, *нача́ль* би 231б, *нача́ль* би 483, *ш^тя́ль* би 304б, *при́аль* (часто); *бы́ла* би 50б, *шмерла́* 342б, *не шмерла́* 342б, *при́ала* би 140б, *бы́ли* 304б; *распы́лся* 544б, *не распы́лся* би 428. Начальное ударение в данном классе словоформ в Час. и Егор. ев. не встретилось вообще.

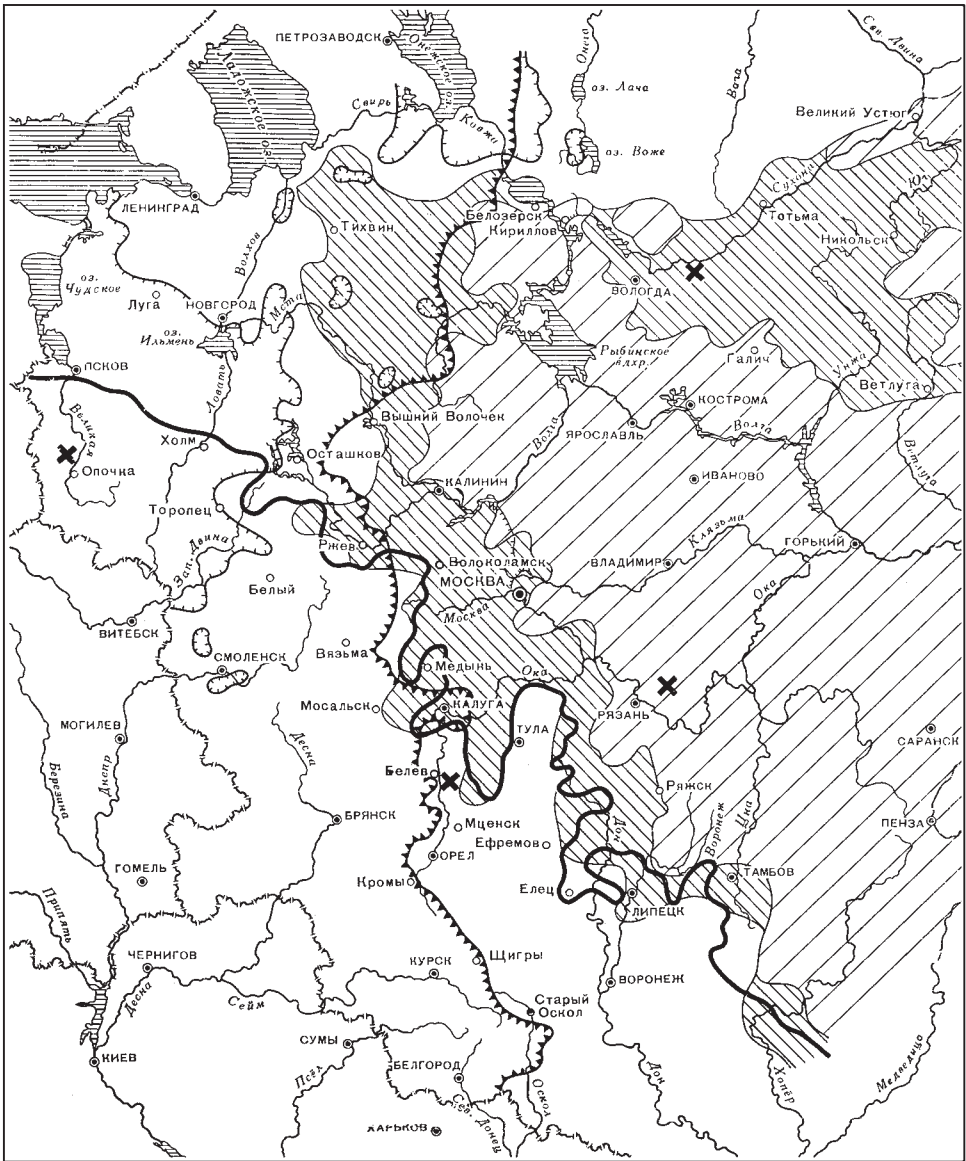
Акцентуация прош. времени у **н**е**в**о**з**в**р**а**т**н**ы**х **V**-корневых и **а**-глаголов в современных русских говорах описана (в основных чертах) в книге Оч. морф. (с. 250-263). Как явствует из этого описания, акцентуация данной группы словоформ в говорах характеризуется двумя основными признаками⁶⁵.

1. Ударение в форме жен. ед. - флексивное (т.е. старое) или наосновное (т.е. новое). По этому признаку великорусская территория разделяется так: а) на крайнем западе представлено наосновное ударение - *забра́ла* (или *збра́ла*), *прожи́ла* (или *прóжила*); б) в западной половине, кроме крайнего запада, находим *забра́ла* (или *збра́ла*), но *прожи́ла*; в) в восточной половине представлено флексивное ударение - *забрала́*, *прожила́*⁶⁶.

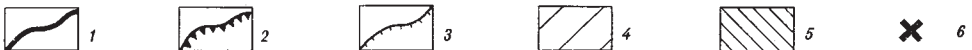
По данным атласов (Атлас Север, карты № 327, 328, 330, 332, 335; Атлас Запад, карта № 325; Атлас Юг, карта № 226), восточная граница распространения ударений *бра́ла*, *вра́ла*, *зва́ла*, *спа́ла*, *проспа́ла* проходит примерно от Онежского озера к Селигеру и далее на Ржев, Калугу, Кромы, Старый Оскол; см. нашу карту 2. Заметим, что такое же

⁶⁵ В настоящем разборе мы не касаемся проблем, связанных с появлением в некоторых говорах (главным образом, юго-западных) нового флексивного ударения типа *было́*, *лило́*, *жило́* (реже также *были́*, *лили́*, *жили́*), как в белорусском и украинском.

⁶⁶ Бесприставочные словоформы имеют такое же ударение, как приставочные (а если в последних ударение на приставке, то в соответствующих бесприставочных ударение предфлексивное); образец *забра́ть* представляет **а**-глаголы, *прожи́ть* - **V**-корневые глаголы.

Карта 2

Ударение прошедшего времени V-корневых и а-глаголов в XX в.

1 - северо-восточная граница зоны безусловного преобладания ударений *начал, отдал, продал, прожил, пробыл*; 2 - огрубленная восточная граница распространения ударений *брала, врала, звала, стала, проспала*; 3 - зона распространения ударения *взяла*; 4 - зона преобладания

ударений *начался, взялся* (или *-си, -са, -се, -се*); 5 - переходная полоса, в которой представлены многочисленные островки или отдельные населенные пункты с ударениями *начался, взялся* (или *-си* и т.д.), притом что в целом преобладают ударения *начался* (или *начался*), *взялся*; 6 - точки, к которым относятся говоры, отраженные в табл. 6.

ударение представлено у *а*-глаголов в белорусском и украинском языках.

У *У*-корневых глаголов соответствующая граница проходит для разных глаголов по-разному. Так, ударение *взяла* представлено в основном в псковских, новгородских и прионежских говорах, см. карту 2 (источники: Атлас Север, карта № 326, Атлас Запад, карта № 324 и диалектологические материалы, хранящиеся в Институте русского языка). Несколь-ко уже, чем *взяла*, распространены ударения *да́ла* и *пи́ла*. Напротив, ударение *помёрла* (*помёрла*) или *по́мерла*, которое на северновеликорусской и средневеликорусской территории представлено практически там же, где *взяла*, на южновеликорусской территории распространено гораздо шире (примерно до линии Ржев – Мосальск – Брянск – Рыльск); ср. белор. *памёрла*, укр. *помёрла*.

2. Ударение внутри основы в словоформах с наосновным ударением – начальное или предфлексивное. По этому признаку великорусская территория разделяется так: а) в полосе шириной в 200–250 км, идущей вдоль границы с Белоруссией и Украиной, господствует предфлексивное ударение (*забрáл*, *-и*, *прожи́л*, *-и*); б) на остальной территории (кроме ее северо-восточной части) господствует *забрáл*, *-и*, но преобладает *прóжил*, *-и*; в) на северо-востоке преобладает начальное ударение как в *прóжил*, *-и*, так и в *забрáл*, *-и*.

К сожалению, по данным атласов границу между зонами "б" и "в" установить не удается. Северо-восточная граница безусловного преобладания ударений *начáл*, *отда́л*, *продáл*, *пробя́л*, *прожи́л* показана на нашей карте 2 (источники: Атлас Север, карта № 325; Атлас Запад, карты №№ 320, 321; Атлас Юг, архивная карта № 130; диалектологические материалы, хранящиеся в Институте русского языка); такое же ударение представлено в белорусском и украинском. С северо-восточной стороны к показанной на карте 2 границе примыкает полоса шириной в 50–100 км, где примерно одинаково часто встречается корневое и префиксальное ударение. К северо-востоку от этой полосы преобладают уже ударения *начáл*, *отда́л* и т.д.

Что касается ударения в прош. времени у *в о з в р а т н ы х* глаголов, то здесь диалектологических данных существенно меньше. Атласы дают некоторые сведения лишь об ударении в форме муж. ед. По данным атласов (Атлас Север, карта № 336; Атлас Запад, карта № 331; Атлас Юг, карты №№ 224, 225), старое ударение *начался́*, *взялся́* (или *-си́*, *-са́*, *-се́*, *-се́*) преобладает в восточной половине великорусской территории, кроме ее крайнего севера; в остальной части господствует новое ударение *начáлся* (или *начался*), *взя́лся*; см. карту 2. Корневое ударение представлено также в белорусском и украинском.

Карта 2 сама по себе дает основания для некоторых диахронических выводов. Характер географического распространения акцентной инновации *начáлся* (*начался*), *взя́лся* – такой же, как у ряда так наз. западно-северных явлений (см. Образ., с. 200–213). Соответственно, можно предполагать, что эта инновация распространялась на север с тер-

ритории нынешних Украины и Белоруссии и охватила западные великорусские говоры, в частности, новгородский; это произошло столь рано, что инновация успела захватить также колонизованные новгородцами области севера.

Новое ударение *начъл, отдъл* и т.д., очевидно, тоже распространялось из белорусско-украинской зоны, но существенно позже: оно не захватило новгородских говоров.

Новое ударение *дѣла, нѣла, взяла* и т.д. (у V-корневых глаголов), по-видимому, возникло (сравнительно поздно) в псковской зоне; эта инновация независима от белорусского и украинского (где у этих глаголов представлено флексивное ударение во всем прош. времени). Новое ударение *брѣла, врѣла* и т.д. (у а-глаголов), вероятно, имеет два источника: а) на юге оно связано с таким же ударением в белорусском и украинском; б) на севере оно связано с инновацией *дѣла, нѣла, взяла*. С а-глаголами отчасти сблизилась глаголы на *-ереть*.

i-глаголы

§ 35. У *i*-глаголов старое маргинально-подвижное ударение в прош. времени сохраняется (полностью или хотя бы в основном) лишь в меньшинстве памятников; из них самым богатым по материалу является Косм. (§ 24).

Материал по маргинально-подвижному ударению в прош. времени *i*-глаголов в Чуд. и Пс. см. у В.А. Дыбо (Дыбо 1972а); там же примеры из ряда других памятников. Заметим, что уже в Чуд., наряду со старым ударением — *пѣложилъ* 113б, *ѣ мстилъ* 157а, *ствѣрилъ* 74в, *ѣвилъ* 99б, *преварилъ* 23г, *не согрѣшилъ* 111а, *напоилъ* 156б, *просмрадилъ* 157а, *створилъ* 14в, *ствѣрили* 29б, *сложилъ|ся* 40в, *сложилъся* 75г — находим также и новое⁶⁷: *но бѣ|взрастѣлъ* 109б, *прѣчастѣлъ|ся* 145а.

Представляет значительный интерес материал Цв. С маргинально-подвижным ударением здесь встретились: *не|возбранилъ* II 41б, *пѣбѣдилъ* III 27б, *свершилъ* (4х), *взвѣстѣлъ* III 179, *бѣжстѣлъ* III 28, *вѣдрѣзилъ* 9, *бѣдшилъ* 10, *бѣжстѣлъ* 192б, *бѣжилъ* 158б, 162б, *вѣскрѣсилъ* 16б, *сѣкрѣшилъ* (5х), *лишилъ* III 190б, *пѣложилъ* (8х), *пѣлѣчилъ* 70, *прѣмирилъ* III 31б, *бѣнажилъ* 158б, *бѣновилъ* (11х), *плѣнилъ* II 25, 48, 55б, *напоилъ* 80, III 80б, *испѣстѣлъ* 26б, *рѣзрѣшилъ* III 52, 81, *насадилъ* 138, *пѣсадилъ* 92, III 115б, 131б, *свѣбодилъ* 229, *прѣсвѣстѣлъ* III 8б, 182, *оутвердилъ* III 93б, *зѣтворилъ* 76б, *сѣтворилъ* (10х), *оутѣлилъ* 9, 11б, 21б, *испѣстѣлъ* 158б, II 31, *ѣвилъ* III 3б, 71б; *доилъ* III 54, *родилъ* (49х), *породилъ* II 71б, 80, III 54, 94, *пѣтаилъ* II 24б; *пѣтаило* 137. Из возвратных

⁶⁷ Не совсем ясно не *бѣ|скратѣлися* 13в: не исключено, что здесь следует читать просто *i*, а не *ѣ*. В словоформах типа *блѣго|словилъ* 145а, *живѣ|творилъ* ви 131а (где основа составная) замена энклиноменов конечноударными словоформами, вероятно, относится уже к глубокой древности (ср. в Чуд. постоянные *блѣгодарѣ*, *блѣгодарѣ* — только с конечным ударением).

сюда примыкают: *родился* (3×), *проблезился* 9, *не трѣдился* 183, *ѣвился* (29×); *ѣвилася* III 986.

Наряду с этим широко представлено и тематическое ударение, например: *совершилъ*, *воскрѣсилъ*, *сокрѣшилъ*, *измѣнилъ*, *разорилъ*, *плѣнилъ*, *свободилъ*, *соторилъ*, *исцѣлилъ* и т.п.; *оудивила*, *премѣнила*, *разорила*, *возрастила*; *побѣдили*. У невозвратных, если отбросить частое *родила* (где представлено только конечное ударение), а также *воскрѣсилъ*, *свободилъ*, *просвѣтилъ* (где господствует тематическое ударение), находим около 60 примеров старого ударения и около 75 примеров нового. Возвратные для наглядности приводим полностью: *пригвоздился* II 29, *лишился* 77, *сложился* III 2426, *не шлѣдчился* III 112, *воплотился* II 46, 33, *прослезился* 106, *наоучился* 70, *пооучился* 77, *ѣвился* II 346; *оутайлася* 154, *ѣвилася* II 72, III 1636.

Очень интересен также материал Травника (хотя, к сожалению, прош. время встречается здесь редко): *нѣварилъ* (9×: 506, 5066, 5166 quater и др.), *вложилъ* 514, *вложиⁿ* би 515, *приложилъ би* 5216, *кто бѣ пѣстиⁿ* 506, *не сотворилъ* 6, *насжилъ* 515; *возложила* 506, *приложила* 154. Ни одного примера тематического ударения у *i*-глаголов а.п. с не отмечено. Между тем в а.п. *b* такое ударение представлено в Травнике совершенно регулярно, например: *вкѣсила* 133, *оукѣсила* 133, *шбмочилася* 2866, *носилъ* 5146, *перестѣпилъ* 1896, *захватили* 127, *не заходило* 5256, *походилъ* 4666, *-ила* 636, *-ило* 393, *проходили* 467. Поскольку материал невелик, было бы неосторожно на его основании заключить, что столь же безукоризненное акцентное распределение соблюдалось и в говоре в целом; ясно, однако, что древняя система акцентовки прош. времени здесь еще сохранялась достаточно хорошо.

Притом что на юге старая система акцентовки прош. времени *i*-глаголов (кроме формы на *-ился*) хорошо сохраняется, по крайней мере в части говоров, еще в XVII веке, северо-западный памятник Час. показывает глубокую перестройку этой системы уже в конце XV века. Так, в Час. в муж. ед. находим уже только новое ударение: *побѣдилъ*, *совершилъ*, *возвеселилъ*, *погасилъ*, *ѣгодилъ*, *заградилъ*; *шзарилъ*, *искоренилъ*, *ѣкротилъ*, *разорилъ*, *испепелилъ*, *низложилъ*, *положилъ*, *породилъ*, *посрамилъ*, *ѣтвердилъ*, *творилъ*, *оутончилъ*, *потребилъ*, *наѣчилъ*, *исцѣлилъ* и некоторые др. (особо стоит единичное *возвеселиⁿ* 319). В жен. ед. ударение колеблется (но преобладает еще старое ударение): *родила* 1956, 2196, 230, *посрамила* 2746, *-а* 3226, *сохранила* 3406, *побѣди|ла* 279, *побѣдила* 2746, 275, *ѣгасила* 287.

С другой стороны, в отличие от южных памятников, Час. еще сохраняет старое ударение *-ился*: *ѣвился* 280, *поклонился* 2936, *шбогатился* 3156, *шбогатился* 271 [с двумя знаками ударения] (последние два глагола перешли в говоре Час. в а.п. с, см. § 45); новое ударение в *оуклонился* 299.

В Егор.ев. представлено уже только тематическое ударение. Муж. ед. (без *-ся*): *сѣвершилъ*, *швратилъ*, *сѣгрѣ-*

шилъ, раздѣлилъ, покврѣлъ, възложилъ, положилъ, предложилъ, приложилъ, получилъ, посадилъ, свободилъ, остѣлъ, тврѣилъ бѣ, стврѣилъ, навѣилъ, явилъ и некоторые др. Прочие формы: *не бѣ родѣла* 866, *сѣ ѡтайло* 119, *полоучѣли* 2356; *спвдობѣлся* 3246, *крѣтился* 5446, *преложѣлся* 533, *родѣлся* 153, 5446, *вѣврѣлся* 1556, *не напоѣлася* 866, *причастѣлося* 1646.

Тематическое ударение господствует также в памятниках Дом., Ратн., Улож., Авв. Следы старого ударения, если не считать глагола *родити(ся)*, который стоит особо, здесь совершенно единичны: Дом. *не говорилѣ* 526, Ратн. *обворотилѣся* 976, Улож. *свободилѣся* 259, *не шбѣявилѣся* 262, Авв. *вѣвали*^А *ся* 526, *взвѣли*^А *ся* 576, *повалили*^А *ся* 956.

В XX в. из *i*-глаголов только *родить(ся)* почти повсеместно сохраняет элементы подвижности ударения в прош. времени: в литературном языке и в большинстве говоров представлены *родѣл*, *-о*, *-и*, *родѣлѣ*, *родѣлѣся*⁶⁸, *родѣлѣсь*, *родѣлѣсь*, *родѣлѣсь*; кроме того, в говорах разных районов встречается *рѣдил*, *-о*, *-и*, а также *рѣдила*. У прочих *i*-глаголов от прежнего подвижного ударения прош. времени остались лишь слабые следы. У невозвратных глаголов реликты подвижности отмечаются только в немногих восточных среднерусских и юго-восточных говорах (*пѣстѣл*, *-и*, *впѣстѣли*, *дѣпѣстѣли*, *бѣпѣстѣли*, *рѣспѣстѣли*, *прѣстѣл*, *рѣстѣл*, *-и*, *пѣложил*, *пѣстѣлѣ*, *распѣстѣлѣ*, *спѣстѣлѣ* и др.; см. Станг, с. 143, Бромлей, с. 106). У возвратных глаголов реликты ударения *-илѣсь*, *-илѣсь*, *-илѣсь* (главным образом, словоформы *случилѣсь* и *годилѣсь*) встречаются, помимо указанной территории, также в курско-орловских говорах (ср., в частности, *случилѣсь*, *годилѣсь*, *-илѣсь*, *согласилѣсь*, *-илѣсь* и некоторые др. в говоре дер. Дулово Белѣвского района Тульской области⁶⁹) и изредка в северо-восточных говорах.

* * *

§ 36. Ниже приведена обзорная таблица (табл. 6), демонстрирующая эволюцию подвижного ударения в прош. времени V-корневых, *a*- и *i*-глаголов⁷⁰. В левом столбце показано реконструируемое раннедревнерусское ударение словоформ-образцов (по работам: Станг, Дыбо 1971); знак " передает автоматическое начальное ударение энклиноменов, знак ' — ударение ортотонических словоформ. Далее приводятся сведения об акцентуации соответствующих классов словоформ в памятниках Чуд., Косм., Пс., Цв., Авв., Час., Егор.

⁶⁸ В говорах ударения *родѣлѣся* и *родѣлѣся* (или *рѣдилѣся*) распределены в основном так же, как ударения *началѣся* и *начѣлѣся* (или *начѣлѣся*); на это указывает, в частности, Атлас Юг, карта № 224.

⁶⁹ См.: Данилов А. А. Особенности ударения форм прошедшего времени глагола в русских народных говорах. — Вопросы теории и истории русского языка. Вологда, 1967, с. 103-105.

⁷⁰ Относительно *нѣ*-глаголов см. § 58.

ев.⁷¹, в нескольких современных говорах, а также по нормам современного литературного языка (сведения о литературной норме даны несколько огрубленно)⁷². Из говоров выбраны: северо-восточный (между Вологдой и Тотьмой, по описанию О. Брока⁷³), юго-восточный (Деулино⁷⁴), срединный южный (близ Белёва, по описанию А.А. Данилова, см. сноску 69), крайний западный (близ Опочки, населенные пункты Авдеенки, Быки, Лямоны, Лукино, Пружки, по диалектологическим материалам, хранящимся в Институте русского языка); на карте 2 эти четыре точки отмечены крестиками.

В табл. 6 минус означает сохранение исконого места ударения, плюс – предфлексивное ударение, символ Н – начальное ударение (неисконое). Колеблущееся ударение (или неодинаковое у разных глаголов одного и того же класса) передается сочетанием соответствующих знаков. Небольшие отклонения от минуса в сторону плюса и наоборот символизируются звездочкой. Так, переход от минуса к плюсу имеет следующие градации: –, -*, ǂ, ±, +*, + (граница между -* и ǂ и между ± и +* нестрогая). Клетки, для которых нет надежного материала, не заполнены. При заполнении таблицы не принимался во внимание глагол *родить(ся)*, поскольку его акцентуация непоказательна для *i*-глаголов в целом. Не отражено также флексивное ударение типа *билó*, *билí* (см. сноску 65).

Следует учитывать, конечно, что в части клеток, относящихся к памятникам, знак, выставленный в таблице, отражает лишь очень небольшое число примеров; см. материал в § 34–35.

Из табл. 6 непосредственно видно, что из памятников XV–XVII вв. самую архаичную систему акцентуации прош. времени (если не считать муж. ед. на *-лся*) имеет Космография. Таблица позволяет также сопоставить диалектные данные XV–XVII вв. с современными. Так, Авв. отчетливо сближается с восточными говорами (Тотьма и Деулино), Егор. ев. (отчасти также Час.) – с западными (Опочка). Сочетание нового (наосновного) ударения в муж. ед. на *-лся* с большей или меньшей архаичностью в акцентовке прочих форм сближает Косм., Пс. и Цв. с современными срединно-южными говорами (Белёв). Эта картина хорошо согласуется с данными о локализации Косм. (§ 10), Егор. ев. и Час. (§ 13) и

⁷¹ Двум системам, описанным у В.А. Дыбо (Дыбо 1972а, с. 91–93), в табл. 6 соответствуют графа Пс. и графа Авв.

⁷² Данные по V-корневым глаголам и по *a*-глаголам приводятся вместе (кроме нескольких клеток в "точечных" системах XX в., где между этими классами обнаруживаются некоторые акцентные различия).

⁷³ См. Брок О. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. – Сб. ОРЯС, т. 83. Спб., 1907.

⁷⁴ Невозвратные формы – по Оч. морф. (с. 441–444), возвратные формы – непосредственно по кн.: Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского р-на Рязанской обл.). Под ред. И.А. Оссоветакого. М., 1969.

Таблица 6

	XIV в.		XV – XVII вв.					XX в.				
	Чуд.	Косм.	Пс.	Цв.	Авв.	Час.	Егор. ев.	С.-В.	Ю.-В.	Ю.	З.	Лит. норма
								Тотьма	Деулино	Белёв	Опочка	
pròdalъ, -о, -і pròzvalъ, -о, -і	-	-	-	-*	-*	+	+	-	-	+*	+	+†
prodalá (sę) prozvalá (sę)	-	-	-	-	-		†	-	-	-	+	-
prodal-ò sę, -ì sę prozval-ò sę, -ì sę		-			-			-	-	+†	+	+†
prodalъ sę ¹ prozvalъ sę ¹		+ ₁ , Н	+	Н	±		+	-*	-	+	+	+†
pròstilsъ, -о, -і prostilá	-*	-*	-*	±	+	+	+	+	+*	+	+	+
prostilá sę	-	-	-*	+	+	±†	+	+	+*	+	+	+
prostil-ò sę, -ì sę	-	±	+		+		+	+	+	+*	+	+
prostilsъ sę ¹	±	+ ₁ , Н	+	Н, +	+ ₁ , Н	±	+	+	+	+	+	+

тем фактом, что Аввакум – уроженец села Григорова (ныне Горьковской области).

Проведенный разбор показывает, что в прош. времени у V-корневых, а-глаголов и i-глаголов возникали одни и те же акцентные инновации. Важнейшие из них: 1) замена ударения на ся в *простилсѧ, прозвалсѧ, продалсѧ* наосновным (предфлексийным или начальным); 2) замена начального ударения в *прòстил, -о, -и, прòзвал, -о, -и, прòдал, -о, -и* предфлексийным; 3) замена флексийного ударения в *прòстилá, прозвалá, продалá* таким же ударением, как в словоформах на -л, -ло, -ли. Интенсивность каждой из этих инноваций максимальна у i-глаголов, меньше у а-глаголов, еще меньше у V-корневых глаголов. У i-глаголов, кроме *родить (ся)*, все три инновации победили практически повсеместно; у прочих глаголов они дошли до границ, показанных на карте 2. В таблице 6 графа опочецких говоров представляет ту зону, где соединились все три инновации, причем каждая в ее максимально сильной форме; соответственно, эта система представляет собой предел акцентной эволюции. Современная литературная норма с диалектологической точки

зрения оказывается примерно между деулинской и белёвской системами; но разговорная речь гораздо более продвинута в сторону системы с повсеместным наосновным ударением.

По данным памятников, инновация 1 возникла у *i*-глаголов не позднее XIV в. (Чуд.), у прочих глаголов – не позднее XVI в. В XVI в. она проведена у глаголов всех типов в южновеликорусских памятниках Косм. (кроме словоформ *родилсья*) и Пс., а также в Цв.

Инновация 2 возникла (у глаголов всех типов) не позднее XV в. (Час.), инновация 3 у *i*-глаголов – тоже не позднее XV в. (для глаголов прочих типов недостаточно данных). В XVI в. инновации 2 и 3 представлены в нашем материале в основном в западном памятнике Егор. ев.

Таким образом, предположения об исторической эволюции подвижного ударения в прош. времени, высказанные в конце § 34, не противоречат данным памятников. При этом, однако, памятники позволяют выявить некоторые особенности этой эволюции, невыводимые из современных диалектологических данных. Так, из карты 2 видно, что в настоящее время северо-восточные границы ударений *начал*, *отдал* и т.д. и ударений *начался*, *взялся* начиная со Ржева и далее к юго-востоку в основном совпадают. Между тем в Космографии представлена система типа *начал*, *начался* (т.е. у V-корневых глаголов инновация 1 осуществлена, а инновация 2 – нет). Отсюда следует, что на южновеликорусской территории эти две инновации достигли своих нынешних границ неодновременно: инновация 1 распространялась раньше, чем инновация 2; последняя "догнала" первую лишь после XVI в.

*Деепричастие прош. времени у глаголов
с подвижным ударением в прош. времени*

§ 37. Первоначально словоформы на *-ѣ (-ѣѣ)*, например, *умерь*, *подавь*, *собравъ*, *говоривъ*, были здесь энклиноменами⁷⁵ (Станг, с. 145; Дыбо 1962, с. 24); но в этой группе словоформ процесс перехода к предфлексийному ударению шел интенсивнее, чем в прош. времени.

В Чуд. в данной форме у V-корневых глаголов полностью сохраняется старое ударение: *прѣсте*^P 17а, *оумерь* 85б, *пѣдавъ* 71б, *прѣ|давъ* 66в; ср. также *давшѣ* Д.ед. 118б, *вдавшѣ* 76б, *оумершѣ* 108а, *оумершѣ* 102в и некоторые др. У прочих глаголов ударение уже колеблется: ср. старое ударение в *сѣзавъ* 163в, *нѣ положи*^б 37г, *ствѣривъ* 79г, *наоучивъ же* 140б, *вспѣмянувъ* 140б (менее надежно *бщетиъ* 31г)⁷⁶ и новое ударение в *призвѣв же* 75г, *при|гвоздѣвъ* 131а, *вложивъ* 95б, *про|оубѣдивъ* 127г, *вспѣмянувъ* 86б,

⁷⁵ Исключение составляют, согласно Дыбо, глаголы с корнями **ѣрп-* и **јрт-* (акцентуированные в презенсе по а.п. б): у них данная форма была конечноударной.

⁷⁶ Однако приводимое Стангом (Станг, с. 145) *ѣ^mпустився* 162а следует исключить: это *ѣ^mпусти* *всѣ ѣпѣлуе пѣнта* (Марк, IV. 34).

1406 (ср. также *призвѣше* 60г, 62а, *ꙗгодѣвши* 196 и другие).

В Косм. и Цв. представлена переходная система, в которой данное деепричастие еще сохраняет (хотя бы факультативно) старое ударение у V-корневых и а-глаголов, но уже перешло (если не считать единичных реликтов) к новому ударению у *i*-глаголов. О Косм. см. § 30. В Цв.: *избѣвъ* III 2036, *прѣбѣвъ* III 62, *обѣвъ* III 70, *пѣвъ* II 75, *подавъ* (4х: II 9 и др.), *прѣдавъ* 766, 122, *сздавъ* (4х: 1586 и др.), *собравъ* (3х: III 60 и др.), также *ꙗковавъше* 1946; однако примерно столь же часто и *прѣбѣвъ*, *обѣвъ*, *пожѣвъ*, *поддавъ*, *раздрѣвъ* и т.д. Между тем у *i*-глаголов в Цв. господствует *-ѣвъ*: *испѣстѣвъ*, *наоучѣвъ* и т.д.; начальное ударение лишь в *одошѣвъ* 96, *положѣвъ* 171, *родѣвъся* III 96, 1346, *ꙗвѣвъся* III 1456, 154.

Новое ударение во всех морфологических классах (например, *собрѣвъ*, *пожѣвъ*, *не давъ*, *пѣвъше*, *собрѣвъшеся*, *положѣвъ*, *наоучѣвъся* и т.д.) проведено в Час. и Егор.ев. (отклоняется лишь единичное *вмѣнѣвъ* Час. 286).

Страдательные причастия прош. времени

§ 38. Наибольший интерес представляет акцентуация кратких форм страдательных причастий прош. времени с суф. *-ен-* и *-н-* от глаголов с подвижным или флексийным ударением в прош. времени.

В моделях *проданъ* и *прозванъ* первоначальным было маргинально-подвижное ударение (Станг, с. 147), например: **prɔdanъ*, **prɔdanъ*, **prɔddano*, **prɔddani*. Такое же ударение можно предполагать для праславянского в моделях *прошенъ*, *привезенъ* (см. Дыбо 1968, с. 209, Акц. Мер., § 91). Однако в восточнославянском в последних двух моделях достаточно рано маргинально-подвижное ударение было заменено (по-видимому, во всех говорах) флексийным. Дальнейшее акцентное развитие в разных говорах различно.

Важнейшее диалектное различие касается моделей *прошенъ*, *привезенъ*, а именно, в XIV-XVII вв. здесь возможно флексийное ударение (*-ѣнъ*, *-енѧ*, *-енѡ*, *-енѣ*) или суффиксальное (*-ѣнъ*, *-ѣна*, *-ѣно*, *-ѣни*). Ударение *-ѣнъ*, *-енѧ*, *-енѡ*, *-енѣ* представлено (всегда или лишь с единичными отклонениями), в частности, в Чуд., Мер., Косм., Дом., Трав.; см. также ниже о Ратн., Улож., Авв. Ударение *-ѣнъ*, *-ѣна*; *-ѣно*, *-ѣни* последовательно проведено, в частности, в Егор.ев., Муз.ев., Ап., а также во многих других рукописях XV-XVII вв., не включенных в настоящую работу. Со временем (по-видимому, в XVII в.) это ударение становится церковнославянской нормой (действующей и поныне). В некоторых памятниках при безусловном преобладании суффиксального ударения встречается также и более старое флексийное; таковы, в частности, Пролог, Фер., Цв.

Можно предполагать, таким образом, что в XVI-XVII вв. ударение *-енѧ*, *-енѡ*, *-енѣ* было характерно в основном для восточных и срединных южных говоров, *-ѣна*, *-ѣно*, *-ѣни* — в основном для западных. Следует учитывать, однако, что в связи с включением суффиксального ударения в церковную

норму различие типа *разорéно* - *разоренð* приобрело стилистический (а не просто диалектный) характер. Так, в московских церковных изданиях XVII в. выступает *-éна*, *-éно*, *-éни* (иногда также *-éнна*, *-éнно*, *-éнни*), в светских (Ратн., Улож.) — обычно *-енà*, *-енð*, *-енñ*; у Аввакума находим, например, *разоренó* 376, *расташенð* 376, *ш^творенñ* 676, *говоренð* 75, 786 в бытовом тексте, но *речéнно* 1136, *шблечéни* 136, *розведéни* 142 и т.п. в богословском.

Оба эти типа акцентовки известны и в современных говорах. Например, тотемский говор, описанный О. Броком (см. сноску 73), обнаруживает в рассматриваемых причастиях флекссионное ударение (как литературный язык), белёвский говор, описанный А.А. Даниловым⁷⁷, — суффиксальное. Кроме того, встречается также акцентовка типа *принéсен*, *-а*, *-о*, *-и*; она представлена (наряду с суффиксальным ударением), например, в мосальских говорах, описанных О. Броком⁷⁸. Вопрос о распределении этих трех типов акцентовки на великорусской территории требует дополнительного исследования.

§ 39. Для моделей *продань*, *прозвань* (приставочных) в обследованном нами материале можно различить по меньшей мере четыре системы акцентовки, см. табл. 7 (бесприставочные *дана*, *дано*, *дани* при всех этих четырех системах имеют флекссионное ударение).

Системы перечислены в порядке нарастания числа инноваций. Парадоксальным образом самая архаичная система (вообще без инноваций) представлена в современном литературном языке (по-видимому, отражающем в этом пункте акцентуацию восточных говоров), а самая продвинутая система — в древнейшем памятнике Чуд.

Система 2. Цв.: *прédань* 101, *да нé предань бñхъ билъ* 1396, *прédана* В.ед. 101, *преданà* И.ед. 1336, *преданд* 144, *прòдань* (5х: 38 и др.), *-ø* Д.ед. 87, 916, *сòздань* 95, *-ø* Д.ед. 114, *-и* III 174, *сòзданд* III 107, *сòбрани* (13х: 846 и др.), *сòбранà* И.мн. 32 (но также *сòбрана* И.мн. 179), *вòзвани* 846, *шкòвани* 1946, 195; *бесприставочные данà* III 2266, *данò* 1406; отклонения: *избрáнь* III 237, *прédана* И.ед. 42. Фер.: *вданò* 8156, *изданò* 8136, *прédань* 3486, *преданд* 768, 8216, *прòдань* (в вместо в) 7916, *-оу* Д.ед. 8376, *прòданà* 8346, *пòзвани* 821, *пòзвани* 9666, *пòзвáни* 3596; *данò* 815 bis, *данà* 2916, *данñ* 7496; отклонения: *избрáнь* 384, *прòдань* 8346, *приданñ* 5186, *прédана* И.ед. 2936, *-ø* Д.ед. 5176. Ср. также Авв.: *скòвань* 67, *скòваⁿ* 37, *сковáнà* В.ед. 356, *пòковань* 90, *-и* 946; *данò* 158 bis; в подвижный тип здесь перешли также *сосланà* И.ед. 37, *пòсланò* 77, *пòсланñ* 77.

⁷⁷ Данилов А.А. Особенности образования и ударения причастий в русских народных говорах. — Учен. зап. ЛГПИ, т. 293, 1968, с. 245–246.

⁷⁸ Брок О. Говоры к западу от Мосальска. Пг., 1916, с. 39, 75, 116. Заметим, что такую же акцентовку имеют эти причастия в украинском и белорусском, ср. укр. *принéсений*, белор. *прынéсени*.

Таблица 7

1	2	3	4
Соврем. литератур. язык	Цв., Фер.	Косм.	Чуд., Пролог, Муз. ев.
прѣданъ	прѣданъ	прѣданъ	прѣданъ
прѣданѧ	прѣданѧ	прѣданѧ	прѣданѧ
прѣдано	прѣдано	прѣдано	прѣдано
прѣданы	прѣданы	прѣданы	прѣданы

Система 3 представлена в Косм., см. § 31.

Система 4. Чуд.: *прѣданъ* 69в, *прѣданѹ* Д.ед. 40г, -а И.ед. 28а, И.мн. 32г, *прѣдан^а* И.мн. 7в, -и 68г, -ѣ же 38г, *прѣданъ* 102в, *прѣданѡ* 23г, *избрѧнъ* 64б, *избранѧ* В.ед. 84б, -оу Д.ед. 84б, *со|бранѣ* 66г, *собранѣ* В.мн. 157в, *основа|нѣ* 126а, *основаниѣ* 130в, *основа|на* И.ед. 29г (два знака ударения); беспривставочные *данѧ*, -ѡ, -оу, -ѣ, -ѣ (14х), *звани* (6х); отклонения: *прѣдана* И.мн. 163б, *основа|на* И.ед. 5в. Пролог: *прѣданъ* 10б, *прѣданѧ* 95б и др., *вданѧ* 58 bis, *избрѧнъ* 73б, 95, *призванѹ* же Д.ед. 68б, *прозванѧ* 50, -ѡ 16б, *шкованъ* 104б. Муз. ев.: *прѣданъ* 62б, 71, 92б, 143, 148, *прѣданѧ* И.ед. 191б, И.мн. 222, *прѣданѡ* 161, *созданъ* 193б, *звани* 71, *основана* бо 28б, *основана* 203б. Ср. также Егор.ев. *прѣданъ* 89 и др. (часто), *прѣданѡ* 41, 53б, -ѣ 30б, *прѣданъ* 253, *данѡ* 317 bis, 513б, 525б, *данѧ* И.ед. 469, 565б, И.мн. 392б и др. (но также *данѡ* 16, *звани* 230б и др., *избрѧни* 274б, 552б).

Данные Мер. (*данъ*, *поданъ*, *прѣданъ* и т.д., *избранъ*, см. Акц. Мер., § 89) укладываются в любую из систем 2-4, данные Трав. (*названъ*, *названѧ*) - в любую из систем 1-3. Колебание в Дом. (*шѣданѡ*, *шбранѡ*, *перебранѡ*, но также *шбранѡ*), в Ратн. (*розорванѧ*, *основаниѣ* и *рѡзорвани*, *собрани*), также в Улож. (см. Станг, с. 185, замеч. 114).

§ 40. Для прочих групп страдательных причастий ограничимся лишь краткими замечаниями.

Причастия с -т- от глаголов с подвижным ударением в прош. времени в целом сравнительно хорошо сохраняют подвижное ударение (модель *зѣчатъ*, *зачатѧ*, *зѣчато*, *зѣчатѣ*). Однако в некоторых памятниках, в частности, в Чуд. и в Цв., встречаются отклонения в сторону корневого ударения (*зачѣтъ* и т.д.).

Причастия с -ен- от *i*-глаголов а.п. *b* имеют корневое (например, *осуженъ*, -а, -о, -и) или суффиксальное (*осуженъ*, -а, -о, -и) ударение; первое является, по-видимому, более старым. В Косм., Дом., Трав., Ратн., Авв. всегда или почти всегда выступает корневое ударение. В Мер. встречаются оба ударения, но преобладает корневое. В Чуд. Прологе, Цв. и некоторых других памятниках преобладает суффиксальное ударение (но встречается и корневое). В части памятников последней группы (Пролог, Цв.) суффик-

сальное ударение преобладает и в причастиях с *-ен-* от глаголов а.п. *с* (§ 38); таким образом, здесь в акцентуации причастия различие между а.п. *б* и *с* в значительной мере утрачивается. Заметим, что этого различия нет также и во многих современных говорах из числа тех, которые не знают флексийного ударения в данном причастии.

Причастия с *-н-* от *аj-*, *а-* и *ѣ-* глаголов с тематическим ударением в прош. времени обнаруживают в памятниках с большей или меньшей регулярностью сдвиг ударения влево (*писано, послано, велѣно* и т.п.). В некоторых памятниках, в частности, в Косм., встречается только сдвинутое ударение (правда, материал здесь не очень велик). В большинстве памятников XIV-XVI вв. встречаются также примеры причастий с тематическим ударением (*писано, послано, велѣно* и т.п.); но вопрос о распределении этих двух акцентов требует дополнительного исследования.

Распределение глаголов по акцентным типам

§ 41. В настоящем разделе разбираются данные обследованных памятников о распределении глаголов по акцентным парадигмам и по группам с разным ударением внутри основы (для глаголов а.п. *а*). Этот разбор позволяет, в частности, выявить случаи перехода тех или иных глаголов из одной акцентной парадигмы (или акцентной группы) в другую. Отметим важнейшие типы таких переходов.

1. "Тематизация" ударения, т.е. сдвиг ударения с корня вправо на тематический элемент (§ 15). Этот сдвиг обнаруживается в ходе истории у многих *i-*, *ѣ-*, *а-*, *aj-* и *ѣj-* глаголов а.п. *а* (у *i-* и *ѣ-* глаголов этот сдвиг приводит к а.п. *с*, у *а-* глаголов - к а.п. *б*; у *aj-* и *ѣj-* глаголов а.п. не меняется).

Примечания. 1. На великорусской территории данное явление шире всего представлено в северо-западных памятниках (Час., Пролог, Егор.ев., Муз.ев.) и в Чуд., а также в Авв. Кроме того, это явление широко представлено в староукраинском и старобелорусском (в частности, у Берынды; см. также Огиенко, с. 446-449). Таким образом, тематизация характерна для всей западной половины восточнославянской области (и, по-видимому, также для дальнего великорусского севера - района старой новгородской колонизации). 2. В отглагольных именах (особенно на *-ние* и *-тель*) сдвиг ударения повсеместно происходил интенсивнее, чем в самих соответствующих глаголах.

2. Переход от а.п. *б* к а.п. *с* у *i-* глаголов (сокращенно: переход "*б* + *с*").

3. Переход от а.п. *с* к а.п. *б* у *i-* и *ѣ-* глаголов (сокращенно: переход "*с* + *б*").

Все эти переходы носят нефонетический характер. Мы имеем здесь дело с различного рода выравниваниями и с формированием новых морфологических или семантических правил распределения глаголов по акцентным типам.

Последующий разбор охватывает не все морфологические классы глаголов; основное внимание уделено *i-* и *ѣ-* глаголам.

i- и *ǰ-*глаголы

§ 42. В разборе учитывается прежде всего материал основной группы памятников: Чуд., Мер., Косм., Цв., Дом., Трав.

Если при некотором глаголе дано, например, указание "Чуд. *с*", это означает (если прямо не оговорено иное), что все содержащиеся в Чуд. словоформы самого этого глагола и всех его приставочных производных акцентованы так, как требуется (или хотя бы допускается) в "точечной" системе⁷⁹ Чуд. для слов а.п. *с*, и притом ни в какую другую а.п. засвидетельствованная совокупность словоформ не укладывается. Указание вида "Чуд. формально *б* или *с*" означает, что в Чуд. не встретилось словоформ, позволяющих различить а.п. *б* и *с* (но гарантировано, что это не а.п. *а*). Указания вида "Чуд. *с*" или "Чуд. формально *б* или *с*" даются только для памятников основной группы. Они всегда основаны на полном материале соответствующего памятника; однако из-за недостатка места сам материал приводится только в особо интересных случаях (и не обязательно в полном объеме). Материал Косм. см. в §§ 17-31, материал Мер. - в работе Акц. Мер.

В разбор не включены *i-* и *ǰ-*глаголы с неслоговым корнем - *льстити*, *мстити*, *зрѣти*, *мѣти* и т.п. (они требуют особого анализа).

А.п. *а*

§ 43. Ниже приведены важнейшие *i-*глаголы, для которых материал всех памятников основной группы укладывается в рамки а.п. *а*⁸⁰ (если не считать некоторых колебаний в Чуд., о которых см. § 45): *бабити* (Цв.)⁸¹, *-бавити*, *о-богатити* (Чуд.), *вадити*, *величити*, *воложити* (Трав.), *висити(ся)*⁸², *вѣрити*, *-вѣсити*, *вялити* (Дом.), *гадити* (Трав.), *гладити* (Трав.), *готовити*, *грабити* (Дом.), *жалитиси* "жаловаться", *жалити* "жалить" (Трав.), *жилитиси* (Трав.), *квасити*, *кручинитиси* (Косм.), *пре-лазити* (Чуд.), *-малити*, *медлити*, *множити*, *молвити*, *мыслити*, *мучити* (Трав.), *мѣрити*, *мѣтити*, *у-низити* (Косм.), *нудити* "понуждать", *парити* (в воздухе; Чуд.), *парити* (пищу; Дом.), *печалити*, *-полнити*, *портити*, *правити*, *о-правдити*, *противитиси*, *по-работити*, *у-ранити* "прийти рано" (Чуд.), *ранити* "нанести рану", *ратитиси* (Чуд.), *встрѣтити* (Косм.), *салити* (Трав.), *-силити*, *о-склабитиси*, *-слабити*, *славити*, *ставити*, *у-сиритиси* (Цв.), *тѣшити*, *чистити* (*цѣстити*), *ѣдити* (Косм.).

⁷⁹ Описывать полностью каждую из этих "точечных" системы здесь, разумеется, не можем; ряд существенных частных сведений об этих системах см. в § 32-40.

⁸⁰ Для глаголов *бабити*, *воложити*, *вялити*, *гадити*, *гладити*, *жалити*, *жилитиси*, *мучити*, *салити* встретились только словоформы не позволяющие отличить а.п. *а* от *б*.

⁸¹ Название памятника в скобках означает (в настоящем параграфе), что глагол встретился только в этом памятнике.

⁸² Здесь и в дальнейшем *ся* выписывается лишь там, где возвратный глагол встречается чаще невозвратного.

К а.п. *a* относятся также *i*-глаголы, образованные от именной основы, уже содержащей приставку, например: *подобити*-(ся), *-законити*, *покоити*, *у-сугубити*, *неволити* (по-видимому, сюда же *ударити*).

Особо отметим *жарити* (Косм. *жарен-ие*, *-и^x*, Дом. *ижжаритъ* 696, Авв. *жари^m* инф. 546), *ощедрити* (Чуд. *ощедрю* 103г bis, Цв. *ощедр-ивъ*, *-итъ* и др.), которые, по-видимому, примыкают к § 48.

§ 44. Для группы *i*-глаголов можно предполагать в восточно-славянском первоначальную а.п. *a*⁸³, но фактически для них засвидетельствована не только а.п. *a* или просто не а.п. *a* (причем обычно в более поздних памятниках больше отклонений от а.п. *a*): *ближитися* Чуд. *a*, Цв. *a*, Трав. *c* (*приблизится* 465 bis); *здравити* Трав. *c* (*здравить* 297); *злобити(ся)* Чуд. *a* (*озлоб-ити* 66в, 71в, *-и* аор. 62в и др. формы), но также *да не злобимъся* 1246, *озлобленымъ* 148в; Мер. *a*; Цв. *a* (*озлобитися* 133, *взлоб-иль* 188, *-итъ* 936) наряду с *c* (*да възлобять* 506, 936, 128); *умилити(ся)*

Чуд. *оумилеⁿ* 1286, но *оумилишася* 60а; Цв. *оумилень* 1506; *в-мѣстити* Чуд. *a* (*вмѣстити* 52в, 87г и др. формы); Цв.

вмѣст-ила III 4 и др., *-ивши* III 223, *-и^mся* 326, но также *вмѣст-ила* III 356, 386, *-ивши* III 306; *осквернити* Чуд.

a (*оскверн-ити* 766, *-иша* 1506 и др. формы), Цв. *c*; ср. Пс. *ни оскверню* же 98; *-ситити* Чуд. *a* (*наситити* 9в, *на|сѣются* 107а и др. формы), но *насищени* 29в; Цв. *a* (*на|сѣтитися* и т.д.), но *насищъ* 186; Дом. (в другом значении) *ситити* 46, 796, *сѣчен-ие* 906, *-ая* 91; *осѣнити* Чуд. *a*

(*осѣни* аор. 10а, *въ осѣненъи* 816), но также *осѣни* аор. 32а (если это действительно *i*, а не *i*); Цв. *a* (*осѣнити* 1826, *осѣн-иль* 136, *-итъ* 131), но также *осѣни* *тя* аор. III 244; ср. Пс. *осениль* 1496; *чудитися* Чуд. *a*, Цв. *чтѣ*

чюдитися III 123 и *чтѣ чюдитеса* III 576; *язвити* Чуд. *a* (*язвѣше* 366), Цв. *a*, Трав. *c* (*оуязвить* 484). Во всех этих случаях можно предполагать, таким образом, тематизацию ударения (§ 41).

Возможно, сюда же относятся: *удалити* Цв. *a* (*оудал-ит-ся* 1306, *-и* повел. 120, *-ившимся* 39), но также *оудалишася* 165; ср. Пс. *оудалиль* 111; *рушити* Чуд. *разроушишася* 61г;

Косм. *не рушилися* 77, но *не рушилося* 110; Цв. *разрѣшивши* 178, *разрѣшитъ* III 237, но также *разрѣш-ити* 34, *-иль* 8, *ра³дрѣшитъ* 130; ср. Фер. *разрѣшити* 8036, *пороушитъ* 7576;

страшити Чуд. *оустрашити* 120а, Косм. *a* (*устрѣш-а^mся*, *-иⁿся*, *-илися*), но также *устрашити* 856; Цв. *оустрашится* 8,

III 231, *и^m когѣ* *ся оустраши* 236, но чаще *оустраш-итъ*, *-итеса*, *-ивься* и др. формы; Дом. *оустрашитеса* повел. 16;

⁸³ В основном это производные от имен а.п. *a*; о принципе сохранения отыменными *i*-глаголами акцентной парадигмы исходного имени см. Станг, с. 112, Дыбо 1970, с. 54.

ср. Пролог *ся* *Ѹстрашити* 796; *по-сѣтити* Чуд. *по-сѣтисте* 146, *по-сѣтивѣ* повел. 69в, Цв. *с* (*по-сѣтити* 46 bis и т.п.), но также *по-сѣтивѣ* 15; ср. Пс. *по-сѣти*¹ 1726, 173, Егор. ев. *по-сѣтивѣ* 380; *-хитити* Чуд. *всхити*^м 47а, *расхити*^м 46г, *расхити*^не 53а, но также *расхити*^м 7г, *всхити*^нд 120г, -а В.ед. 120г, *всхитити* 75г и др., *всхити* аор. 64а; Цв. а (*восхит-иль* 15, -ять 1306); *-ширити* Чуд. а (*раширите* повел. 118в), Цв. *разширишася* III 29 и *разширилъ* 676, 1576. Отметим еще Фер. *продолжитъ* 804, Улож. *продолжится* 114.

§ 45. В более интенсивной форме, чем в основной группе памятников, тематизация ударения обнаруживается в северо-западных памятниках. Так, в Час. находим, в частности: *да приблизится* 2106, *сбогатився* 266, *сбогатилъся* 271, *всѣситися* 2376, *возвѣсѣвся* 305, *възвѣсѣвся* 3106, *взлобити* 210, *Ѹмид||жилъ* 2756, *мѣчящихъ* 254, *оуневѣстися* 2 ед. аор. 328, *сподобися* аор. 320 bis, *сподобилъся* 3156, *сподоби* мя повел. 223, 2436, *исполни* мя повел. 4516, *не поработимся* 205, *разрѣшилъ* 212, 2666 и др., *славяще* 3366, *насытятся* 213, *насы||тятся* 2196, *чюдѣся* 3036, *Ѹзвѣилъ* 330, *оуазвѣивши*^с 326. В Прологе: *мѣчимъ* прич. 936, *нѸдѣще* 86, *ноудѣщѣ* 43, *не оправди* аор. 109, *насытитися* 68, *въсхити* аор. 106, *въсхити* аор. 796, *чюдѣвся* 6. В Егор. ев.: *приблизися* аор. 35, *сподобимся* 104, *сподобилъся* 3246, *Ѹподобимся* 215, *не оправдятся* 576, *оусырѣна* И.ед. 2416, *насытитися* 19, *очи-тихомся* 41, *очищенѣ*^м Д.мн. 656 и другие. В Муз. ев.: *окаменѣно* 138, *славѣ* 1976, *славяще* 185 bis, *молвяше* 2236, *смысляща* 1256, 2126, *постави* аор. 1916, *насыт-ити* 137, -*иша*^с (часто: 576 и др.). При этом во всех четырех рукописях в тех же словоформах встречается также и корневое ударение.

Из основной группы повышенную склонность к тематизации ударения обнаруживает Чуд. Помимо уже отмеченных выше примеров для *злобитися*, *умилитися*, *рушити*, *страшити*, *на-сѣтити*, *осѣнити*, *-хитити*, укажем: *възвѣсѣтъ* *ви* 82в, *раз-мѣри* аор. 120а, -*и*||*ль* 110г, *поноуди* аор. 1626, *славимъ* прич. 162г, *Ѹтстави* 936, *очи||щеннѣ* Д.мн. 1466 (ср. также *помните* повел. 49г); менее надежно читаются: *исполнитѣ*^с 15а, *исправите* 41в, *прославѣ* аор. 606, *оутѣшилъся* 736⁸⁴.

Отметим также в Авв.: *мѣчили* 67, *мѣчили* 936, *помѣ||сливъ* 138, *опечѣлихся* 100 (при более частых *мѣчили* и т.д.).

Повышенную склонность к тематизации ударения обнаруживает также староукраинский (см. Огиенко, с. 449).

§ 46. Из Ѹ-глаголов первоначальную а.п. а следует предполагать для *видѣти* (с обособившимися производными *нена-видѣти*, *обидѣти*), *слышати*, *вистѣти*, *скорбѣти*. Практически,

⁸⁴ Написание *вадите* 40а двусмысленно: -*тѣ* может отражать либо акцентовку по а.п. с, либо передавать второстепенное ударение (при необозначенном главном ударении на корне); см. Противоп., § 16.

однако, для каждого из этих глаголов встречаются также примеры с тематизацией ударения; при этом *вистѣти* и *скорбѣти* по общему правилу (§ 41, п. 1) включаются в а.п. с, а *видѣти* и *слышати* сохраняют корневое ударение в личных формах презенса.

Тематизация ударения у *видѣти* и *слышати* (всегда лишь факультативная) представлена в северо-западных памятниках и в Чуд.; у *видѣти* (но не у *слышати*) она иногда встречается и в других памятниках, в частности, московских.

Так, в Чуд. при десятках примеров с корневым ударением находим: *видѣста* 41г, *ви|дѣсте* 44в, *видѣе* же 93б, *видѣше* 156а, *видѣше* 159г, *обидѣни* 117а; *слѣ|шаша* 26б, *слышаша* 22б, 42г, *слышаша* 159а, *слышаша*^х 61б⁸⁵. Примеры из Час.: *видѣти* 225, *видѣе* 269б, 296, *прешвидѣе* 325, *слышаша* 453, *слышаша* аор. 208б, 221, *оуслышаша* 315б и т.п.; из Пролога: *видяше* бо 87б, *слышаша*, *-аше*, *-аша*, *-аше*, *-аше* и т.п. (часто); из Егор. ев.: *видѣше*, *видѣхомъ* и т.п. (часто), *обидяше* 37б, *слышаша* 53б; из Муз. ев.: *видѣти*, *видѣ*, *видѣше*, *видяше*, *ненавидящи*^м (очень часто); *слышати*, *слышаша*, *слышашимъ* и т.п. (очень часто). Ср. также в Ап.: *видѣхъ* 14, 150б, *видѣхомъ* 121, *видяше* 86б, *ненавидя* 76, *-аша* 76, *обидѣ* 177б, *обидя* 177б и др. формы (но ударения *слышати* здесь нет).

С другой стороны, в Косм. и Трав. у глаголов *видѣти* и *слышати* (встречающихся часто, особенно в Косм.) тематизация ударения не отмечена ни разу. В Цв. встретилось единичное *видѣ* 149б (не считая слов *видѣнїе*, *привидѣнїе*) при постоянных *вид-ѣти*, *-ѣ*, *-ѣе*, *-я* и т.д.

У глагола *вистѣти* старое ударение находим в Чуд.: *вѣ|схут* 38а, *низвѣи|схую* В.ед. 65а (*висящѣ* В.ед. 66а двусмысленно, ср. сноску 84); также в Цв.: *вѣсѣти*, *вѣсѣща* В.ед., *вѣсѣща* В.ед. (часто; однако также *висяща* В.ед. 137 bis, *висяща* 175); в Ратн.: *вѣсѣти* 45, *не вѣсѣла* 46. С другой стороны, новое ударение представлено в Час. (*вѣсѣти* 417, *висяща* В.ед. 347), Егор. ев. (*вистѣти* 63), Ап. (*висящѣ* 19б, *-ѣ* 51б), Авв. (*вѣсѣти* 153б, *висяща* 98), по-видимому, также в Косм. (см. § 19). В отличие от Ап., в более поздних церковнославянских изданиях нормой (действующей и поныне) является ударение *вѣсѣти*, *вѣсѣти*; ср. также книжное слово *завѣсѣти*, которое с таким ударением вошло и в литературный язык.

У глагола *скорбѣти* в Чуд. строго а.п. а (*скѣрбѣти*, *скѣрбѣа*, *скѣрбѣаще* и др. - всего 9х), но в позднейших памятниках уже а.п. с, ср., в частности: Пролог *скорбѣти* 107б, *скорбѣте* 51, *не скорбѣи* 60; Час. *скорбѣащи*^м 453 и др.; Егор. ев. *скорбѣти* 111 и др.; Цв. *поскорбѣти* 125б, *скорбѣте* III 167 и др. формы; Дом. *скорбѣа* 24б.

З а м е ч а н и е. Глагол *вѣдѣти* в Чуд. состоит из двух полупарадигм с разными морфологическими и акцентными характеристиками: а) система инфинитива-аориста соответствует *ѣ*-глаголу а.п. а (*вѣдѣти* и т.д.); сюда же от-

⁸⁵ О написаниях *слышаша*, *слышаша* и т.п. см. Противоп., § 16.

носятся те словоформы презенса и императива, которые образованы по модели *ѣ*-глаголов (3 мн. *вѣдѣ^м*, повел. *вѣдите*), а также аномальное 1 ед. *вѣдѣ*; б) система презенса (включая причастия), кроме указанных словоформ, относится к атематическому типу и акцентуруется по а.п. с (*вѣсѣ*, *вѣмѣ*, *вѣстѣ*, *вѣдоушѣ* и т.д.). В Мер. причастие презенса *вѣдомо* представляет собой энклиномен (Акц. Мер., § 88), что тоже указывает на а.п. с.

А.п. *б*

§ 47. Приводим важнейшие *і*-глаголы, для которых материал всех рассмотренных памятников укладывается в рамки а.п. *б*. При каждом глаголе указаны (до пометы "ср.") памятники основной группы, в которых он засвидетельствован с а.п. *б* (или хотя бы формально с а.п. *б* или *а*)⁸⁶; после пометы "ср." могут быть приведены данные (не обязательно полные) из прочих памятников и другие дополнительные сведения.

Здесь относятся: *блудити* Чуд. (*блудѣмъ* 112а, *блудите* 22г)⁸⁷, Цв. (*блѣдѣть* 184), Дом. (*блѣдѣть* 36); ср. Фер. *сѣблудити* 756б, Ап. *сблѣди^м* 122б; *боронити(ся)* Косм., Трав.; ср. Ратн. *борѣнится* 73; *бродити*: ср. Авв. *брѣдѣ^м* 102, *збрѣд-и^м* 40б, *-и^м* 103; *бѣситися* Цв. (*бѣсится* 81б), Трав. (*бѣшень* 54б, 327, *-а^а* 491); ср. Авв. *взбѣсится* 95; *водити* Чуд., Мер., Косм., Цв., Трав.; *возити* Косм., Трав.; *волочити* Дом. (*не разволѣчено* 93б); ср. Фер. *сволѣчѣ^м* 749б; *вопити*: ср. Авв. *вѣпитъ* 20, *вѣпѣть* 21, 133б, *вопѣль* 155; *-глотити* Трав. (*проглѣтитъ* 481, *проглѣтитъ* 536б); ср. Фер. *поглѣтимъ же* 99, Чуд. *погло|тити* 85г; *гонити* Чуд., Мер., Цв., Дом., Трав.; *давити* Косм. (*задавле^н* 96б); Трав. (*оудавѣ^м* 186б); ср. Чуд. *оудавленинѣ* (3х: 74б и др.), Цв. *оудавѣль* 70; *женитися* Чуд.; *казнити*: ср. Фер. *казнѣти* 75б, *казн-итъ* 755б, *-итъ* 756б, *да казнѣ^м* 757, Косм. *казнѣль* 187б; *кормити* Косм., Трав.; *купити* Чуд., Косм., Дом.; *со-во-купити* Чуд. (*совокоупи^м* 129г, *совокупленѣ* 41а), Цв. (*совокуѣи-иши*, *-итъ*, *-лено* и др. формы); *в-кусити* (у-) Чуд. (*не вкуси^м* 46а), Трав. (*оукѣсѣть* 491б, 495б и др.); ср. Косм. *укусѣла* 33; *ис-кусити* Чуд. (*не искѣси^ш* 28а, *искоусите* 115в), Цв. (*искѣсѣши* III 172, *ис-*

⁸⁶ Для глаголов *бѣситися*, *волочити*, *скоблѣти*, *-сочити*, *чернитѣ* встретились только словоформы, не позволяющие отличить а.п. *б* от *а*. Это верно также для глагола *пособити*, но здесь действительно неясно, какая из двух а.п. более вероятна.

⁸⁷ Чуд. *блудитѣ* 22г двусмысленно, ср. сноску 84.

кѸсиль 89); ломити Чуд., Трав.; ср. Ап. *лѸмимъ* 123, Косм. *изломѸлося* 716; лупити Косм.; ср. Пролог *ѸблѸжити* 876 [Ѹ вместо Ѹ]; любити Чуд., Косм., Цв., Дом., Трав.; моли-ти Чуд., Мер., Косм., Цв.; мочити Дом. (не *измѸчено* 32, не *намѸчено* 986, 1016), Трав. (*мѸчить* и т.д. [около 400×]); с-мѸсити Цв. (*смѸшен-Ѹ* III 239, -и II 55, *смѸсѸвъ* 706), Трав. (*смѸшенъ*, -а, -о [часто], *примѸшена* 976, *смесѸвъ* 5366; но однажды *смѸшенѸ* 4666); носити Чуд., Мер., Косм., Цв., Дом., Трав.; палити Цв. (*пѸлить мя* III 2306, *палѸ* 926); ср. Авв. *ѸпѸлиши* 101; просити Чуд., Мер., Косм., Цв., Дом., Трав.; своити Мер.; скоблѸтити Трав. (*скѸблѸимъ* 412); скочити Мер.; ср. Косм. *ѸскочѸли* 109, *прискочѸли* 84; служити Чуд., Цв.; смотрѸтити⁸⁸ Мер., Косм., Цв., Трав.; -сочити "вести тяжбу" Мер.; ср. Фер. не *ѸсѸ-чѸ*^т 987, *досѸчится* 9916; судити Чуд., Цв.; томити(ся) Чуд., Мер., Косм., Трав.; травити "переваривать пищу" Трав. (*трѸвить* 4876, 489 и др., *стрѸвить* 489, *истравѸль* 4906, *истрѸвлено* 4886); трубити Цв. (*вострѸби*^т 27); ср. Чуд. в ... *троѸбленьи* 1156, Егор. ев. *троѸби*^т 39; тужити Косм. (*тѸжа*^тчи 1576, *тужѸли* 158); хватити Чуд. (*всхвѸти*^т 356); ср. Косм. *пoxватѸли* 876, 98, *ухватѸли* 1906; ходити Чуд., Мер., Косм., Цв., Дом., Трав.; хоронити Косм. (*пoxорѸне*^н и т.д., *пoxоронѸли*, §§ 23, 31); прицѸбнитися Чуд. (*прицѸбнѸть|ся* 105а, *при|цѸбнѸтся* 105а); чернити Косм. (*чѸрнѸ*^т 42), ср. Пролог *ѸчѸрнене* Зв. ед. 796.

Кроме того, отметим: Авв. *брос-Ѹль*, -Ѹла, -Ѹли, -Ѹла^с, -Ѹли^с (9х.: 8, 50, 726, 1066 и др.); Егор. ев. *лоѸнится* "somnambulāt" 246; Дом. *нарѸд-Ѹ*^т 696, -Ѹ^т 80 (ср. Фер. *ѸбрѸди*^т 7576); Трав. *ѸѸмити* 2796, 3066. Едва ли первична акцентовка по а.п. *Ѹ* в случае: Трав. *кѸз-Ѹть* 520, -Ѹть 522, *скѸзити* 527, Косм. *исказѸли* 143, ср. Чуд. *прокѸже*^н И.ед. 17а, Р.мн. 36г, Цв. *прокѸжен-ое* 38, -Ѹя 106, 132.

З а м е ч а н и е. 1 мн. повел. у глаголов а.п. *Ѹ* может либо совпадать с 1 мн. презенса, либо сохранять исконное флексивное ударение, как в Чуд. *не любѸмъся сло|вомъ* ... *но дѸло*^м 89г, Час. *всхвѸлимъ* 2566, *пoxва-лѸмъ* 2816 (ср. *соврем. укр. повел. ходѸмо, ходѸм* и т.п.).

⁸⁸ Первоначальный корень **motr* здесь уже сросся с приставкой *сѸ*. Перевод в класс *Ѹ*-глаголов происходит (притом не во всех говорах) лишь с XVI-XVII вв.

Возможно, что в какой-то косвенной связи с ударением повел. наклонения находятся также и случаи ударения *-иши* во 2 ед. презенса у глаголов, в остальном акцентуированных по а.п. *ѣ*: Чуд. *взлюбѣиши* 124а, Муз.ев. *взлюбѣиши* 222б (оксия над *ю* зачеркнута), Час. *молиши* 216, *осѣдиши* 225, Егор. ев. *помолишися* 377б, Цв. *совокѣиши* 55б; возможно, сюда же Час. *волиши* 243б, Пролог *блазнишися* 121б, Фер. *ѡтстоупиши* 787б, Цв. *источиши* 100, Авв. *не ѡтгонѣиши* 44 (см. § 48). Таким образом, ударение *-иши*, засвидетельствованное у глагола, обычно относящегося к а.п. *ѣ*, само по себе еще недостаточно для вывода о том, что в данной "точечной" системе а.п. этого глагола колебалась.

§ 48. Для группы *i*-глаголов (значительная часть которых - это производные от имен а.п. *ѣ*) можно предполагать в восточнославянском первоначальную а.п. *ѣ*, но фактически в рассмотренных памятниках у них засвидетельствована не только а.п. *ѣ*: *блазнити* Чуд. *ѣ* (да не ... *сблажнѣ* 111в, *блѣзни*^т 44г, *сблѣзнѣте*^с 14г, *сблѣзнять*^с 14г и т.д.), Цв. *ѣ* (*блѣзнѣтеся* III 29 bis, 30, *неблѣзнѣни* III 233б), но также *с* (*сблѣзнѣтеся* 83б); ср. Пролог *блазнишися* 121б, Муз. ев. *сблѣзнѣти* 144 (при обычном *сблѣзни*^т и т.п.), Пс. *блѣзни*^т 120б; *из-волити* Чуд. формально *ѣ* или *с* (*из-волися* аор. 69б и др.), Мер. *ѣ* (возможно, наряду с *с*, см. Акц. Мер., § 77), Косм. *а*, Цв. *а*, Трав. *а*; ср. Час. *волиши* 243б, Авв. *изволила* 13б (при обычном *изволилъ*); *воротити(ся)* Мер. *ѣ*, Косм. *ѣ*, Трав. *ѣ* (*ворѣтитя* 453), Ратн. *ѣ* (*ѡворѣт-итѣ*, *-ятся*, *поворѣт-иши*, *-итя*, *-ятя* и др. формы) наряду с *с* (*ѡворот-ишися*, *-ятся*, *поворѣт-ятся*, *обворотилися*); ср. также *виритил-ѣсь*, *-ишь* в белѣвском говоре (§ 35); *добрити* Чуд. *добрѣтися* 132б, Цв. *оудобрѣлъ* III 131б, но *оудѣбръѣвъ* 162; *красити* Чуд. *ѣ* (*оукрасѣся* аор. 94а, *оукрасѣна* И.ед. 38в), Косм. формально *ѣ* или *а* (*красѣ*^т 10б, 43, *украше*^т, *-ни* и др., § 31), Цв. *ѣ* (*красѣти* II 6б, *оукрасѣмъ* 56б, *оукрасѣнъ* 86б и т.п., *оукрасѣ* повел. 24б), Дом. *ѡкрасѣно* 48б; однако Трав. *с* (*красѣти* 89 bis); ср. Авв. *украсѣ* 141б, но *красѣлъ* 143б, *красѣ*||*сити* 162б; *об-лицити* Чуд. *ѣ* (да не *облицѣать*^с 42в, *облицѣ* аор. 56а и др. формы), Цв. *с* (*облицѣти* III 22б); ср. Пс. *облицѣиши* 4б; *у-мертвити* Чуд. *оумѣръ* | *шѣѣна* Р.ед. 101б, но *оумѣртвите* же 131б (повел., = *уекрѣсѣте ѡѣн*, Колосс. III. 5); Цв. *оумѣртвѣмся* 49 и др., но также *оумѣртвити* 6б; ср. Пролог *ѣще не оумѣртвите* 125б; *у-мудрити* Цв. *а* (*оумѣдрил* мя 161б, *оумѣдри* аор. II 70, III 207 и др. формы); ср. Пс. *оумѣдрил* мя 134; *-острити* Чуд. формально *ѣ* или *а* (*изѣ*||*стрѣнъ* 149г), Цв. *с* (*поштрѣти* 8б); *плодити(ся)* Мер. *ѣ*, Трав. *с* (*расплѣд-ѣтися* 381, *-ѣтися* 137); ср. Муз. ев. *плѣдѣ*^т 123, Егор. ев. *всплѣдитъ* 315б, Фер. *приплѣдитъ* 959б, Косм. *плѣдѣлися* и др. (§ 23);

плѣнити Чуд. *b* (плѣнени 38г, плѣ|нѣвъ 126а), Косм. плѣ-нѣнь, но пленѣли (§§ 23, 31), Цв. *c* (плѣнѣтъ 106, плѣне-на II 226, 28, пленены III 245б, плѣнѣлъ [3×]); у-празд-нити Чуд. *a* (оупраздн-итися, -ихся и т.д.), Цв. *a* (оупразд-нилъ 222б и др. формы), но также оупразднѣлъ 226; ср. Ап. оупразднѣтъ 118 и оупразднѣтъ 114; свѣтити Чуд. *b* (да свѣ-тѣ^т 4в, свѣтитъ^с 41б, пр^о|свѣтѣ^т 109в, да просвѣтитъ^с 4в), однако также свѣтитѣся 128в, освѣтѣ|тъ тѣ 126г; Косм. *b*; Цв. *b* (свѣтится, просвѣт-иши, -итъ, просвѣтилъ и др. формы), однако также прѣсвѣтилъ III 86, 182; ср. Пролог не просвѣтится 87б, Час. просвѣтитъ 223, Муз. ев. просвѣтит-ся 20; строи Чуд. пристроится 114а (оксия плохо видна; в пристроилъ 53а надстрочный знак может быть и спириту-сом); Мер. *b* наряду с *e* (Акц. Мер., § 77); Косм. *a*, Цв. *a*, Дом. *a*; ступити Чуд. о престѣпле^ні 16в, пре|стоупленье^м 100а, но ѡ^т|стоупнѣ^т 137а; Косм. *b*; Цв. *b* (застѣпитъ, ѡ^т-стѣпѣтъ, пристѣпѣмъ и т.п.); Трав. *b*; ср. Пролог престж-нилъ 69, Фер. ѡ^тстоупнѣши 787б; у-толити Чуд. оутол-ѣти 80б, -ѣвъ же 72г; Мер. *b*; Цв. *c* (оутолѣтсѣ 181, оутолѣлъ [3×]); Дом *c* (оутолѣши 119б); ср. Ратн. оутолѣтсѣ 200б; точити "испускать, изливать" Чуд. не растѣи^с 14а, расто-чѣни 61г; Мер. *b*; Цв. *b* (тѣч-иши, -итъ, -ится, -атъ, истѣ-читъ, истѣчилъ и др. формы), но однажды истѣчиши 100; Трав. *b* (тѣчить 102); ср. Егор.ев. истѣчить 68б, но Пс. рѣстѣчи^л 172 (ср. также Дом. не прѣтѣчено 89, с другим значением); хвалити Чуд. *b*, Косм. *b*; Цв. *b* (хвал-итъ, -ится, восхвалятъ, похвалятъ и др. формы), но однажды да хвалѣтъ 228б; Дом. *b*, Трав. *b*; хулити в Чуд. колебание (хоулити, похоулиши и хоулитѣ, похоулиши, презенс хоулит-ся, похоулитсѣ и да хоулитсѣ).

А.п. с

§ 49. Приводим важнейшие *i*-глаголы, для которых матери-алъ всѣхъ памятниковъ основной группы⁸⁹ укладывается в рам-ки а.п. с. К ним присоединено несколько глаголов (крѣпн-ти, пустити, тушити и др.), у которых в относительно бо-лее поздних памятникахъ встречается также акцентовка по а.п. *b*, по-видимому, отражающая начало перехода "с → *b*" (§ 41). При каждом глаголе указаны (до пометы "ср.") па-мятники основной группы (с добавлением Пс.), в которых он засвидетельствован с а.п. с; после пометы "ср." даю-тсѣ дополнительные сведения.

Сюда относятся: блажити Чуд., Цв.; о-божити Цв.; -бра-нити Чуд., Косм., Цв.; о-бременити Чуд.; -будити: ср.

⁸⁹ Кроме того, несколько глаголовъ включено в список на основании данных Фер., Ратн., Улож., Авв.

Ратн. *взбудѣтъ* 27 (но также новое ударение в *збоудѣтъ* 205); *бѣдити* Чуд., Цв., Пс.; *валити* Цв. (ω^m вал-ѣтъ II 51, -енѣ Д.ед. 13); ср. Постн. ω^m валиль 3876, Улож. *повалѣтся* 1586, Авв. *повалѣтся* 396, *ввалѣ*^лся 526, *взвалѣ*^лся 576, *повали*^л^с 956; *варити* "соцере" Цв. (варенѣ 180), Дом. (варѣтъ, сварѣтъ, переваренѣ и т.д.), Трав. (вар-ѣтъ, -ѣтъ, -ѣтъ, -енѣ, *наварилѣ* и т.д.); *(пред-)варити* Чуд., Цв.; *с(о)-вершити* Чуд., Цв., Пс., Дом.; *веселити(ся)* Чуд., Цв., Пс., Трав.; *винити* Чуд. (*вѣня же* 116а); *влачити, об-лачити* Цв.; *вредити* Трав.; *-вѣстити* Чуд., Цв., Пс.; *гасити* Трав. (*гасѣтъ* 4566); ср. Егор. ев. *погасѣтъ* 686; *-гласити* Чуд., Цв.; *гноити* Дом. (*не згноенѣ* 89); *говорити* Косм., Дом., Трав.; *-годити(ся)* Мер., Дом., Трав.; ср. Ап. *оугоди-лѣ* 177, -въ 222; *городити* Мер., Косм.; ср. Ратн. *огородишѣ, огороженѣ, -ѣ* (7х); *гостити* Мер.; *гнѣз-дитися* Цв. (*оугнѣзѣдѣтся* 187); *-градити* Чуд.; *по-грузити* Цв. (*погрѣженѣ* 84); *грѣшити* Чуд.; *о-густити* Цв.; *дарити* Косм.; *во-дворити(ся)* Цв.; *дивити(ся)* Чуд., Цв., Трав.; *о-дождити* Цв., Пс.; *доити* Цв., Дом., Трав.; *о-должити* Чуд.; *раз-дражити* Чуд., Пс.; *дробити* Трав.; *во-дружити* Цв.; *-душити* Цв.; ср. Авв. *задѣшѣтъ* 196, 65; *дѣлити* Косм., Пс.; ср. Ратн. *раздѣл-ѣшѣ, -ѣтъ, -ѣтъ, -ѣтся* (6х); *у-жасити* Цв. (*да ... оужасѣтъ* III 1786); *у-жастити* Цв. (*да не оужастѣшися* 726); *о-жестити* Чуд., Цв.; *о-жесточити* Цв.; *живити* Цв., Пс., Трав.; *по-златити* Чуд.; *кадити*: Цв. *ка-дѣтъ, кадѣтъ, покадѣтъ* (8х), но однажды *покадѣтъ* 2066; *катити* Косм.; *клеити*: ср. Ратн. *склеенѣ* 456, Улож. *клеѣтъ* 264; *-ключити* Чуд. (*не сключѣтъ*^с 29а), Цв. (*приключѣтъся* 506); *-корити* Чуд., Мер., Пс.; ср. Постн. *покорилѣ* 117, 350; *ис-коренити* Чуд.; *косити* (траву); ср. Улож. *покосѣтъ* 20, 1596; *с-кратити(ся)* Чуд.; *крестити* Чуд. (*кр^стѣтъ* въ 16г, *кр^стѣтъ*^с 21г), Косм. (*окрещенѣ* 136, но прош. вр. по а.п. б, см. §§ 23-24); ср. Егор. ев. *кр^стѣтся* буд. 896 (по а.п. с), Улож. *крестѣтъ* 516; *окровавити*: ср. Улож. *окровавѣтъ* 716; *кропити* Чуд., Цв., Трав.; *оу-кротити* Мер., Пс., Трав.; *крошити* Трав. (*крашенѣ* "накрошено" 503); *со-крушити* Цв., Пс.⁹⁰; ср. Фер. *съкрѣшѣтъся* 842, 8436; *крѣпи-*

⁹⁰ В Чуд. находим только двусмысленные *не скроушѣтъ*^с 51в (с точками над и и над оу) и *скроушѣннѣ* 28а (с оксией строго над ш).

ти Косм., Цв., Трав. (крепѣть 364б, крепѣть 461б, оукрепѣть 85б, 86); ср. Дом. покреплєнѣ 101б, перекрѣплєнѣ 81б, но также перекрѣплєно 81б, перекрѣплєнѣ 80б (с новым ударением); вос-крѣсити Цв.; легчити Трав. (легчѣть 3б, 488б, оулегчѣть 455б); лишити Чуд., Цв.; ср. Постн. лишилѣся 83; ловити Чуд. (ловѣть бо 76а), Мер., Косм.; ср. Ап. ловѣть бо 44, Ратн. ловѣть 33; лучити(ся) "случаться" (также по-, при-, с-, у-) Чуд., Косм., Цв., Дом.; раз-лучити (от-) Чуд., Цв.; лѣнитися Чуд. (лѣ|нѣшися 75а, да не облѣнѣть^с 64г), Дом. (ленѣтца през. 99); лѣпити Цв. (прилѣпѣшися III 139б); лѣчити Трав. (леч-ѣть 510б, 527б, -ѣмь 47б, -ѣть 189б, -ѣтца 248б, лѣч-ѣмься 45, -ѣмся 398); мирити Чуд., Цв., Пс., Дом.; морити Мер., Косм., Пс., Трав.; о-мрачити Чуд.; -мутити Чуд., Цв., Пс.; с-мѣжити Цв. (смѣженѣ 201); -мѣнити Чуд. (измѣн-ѣмся 115б, -ѣтся 143а), Косм., Цв. (измѣнѣтся III 24, вмѣнѣть 46б), Трав. (пременѣтся 76б, 88, 465, 503б); ср. Ратн. перемѣнѣтся 92б; об-нажити Цв.; у-ничижити Цв., Пс.; об-новити Цв., Пс.; норовити Косм.; при-общити Чуд., Цв.; раз-орити Чуд., Мер., Пс.; накостити Чуд. (накостѣть 134б); ср. Егор. ев. накостѣти 211б; в-перити Цв. (вперѣмь III 124); платити "уплачивать": ср. Ратн. не плаченѣ 39, Улож. не платѣть 259б, не заплат-ѣть 148б, -ѣть 230б; платити "исправлять, ставить заплату" Дом. (поплаченѣ 4б, исплаченѣ 60б); поити Косм., Цв., Пс., Дом., Трав.; полонити Мер.; постити(ся) Чуд., Мер., Цв.; простити Мер., Косм., Цв., Трав.; о-прудити Косм.; прѣтити Чуд., Пс.; пустити Чуд. (пустѣ^м 164в, ѡ^тпустѣтѣ 52а и много др. форм), Косм., Цв. (пѣс-тѣши 140б, ѡпѣстѣть III 226б, ѡ^тпѣщѣ 122б, ѣспѣстѣль 26б); ср. памятники, где постепенно появляется новое ударение, — Фер. поустѣль 996б, попоустѣть 842б и т.п., но также запоустѣть 984б; Дом. спѣстит 100б; Трав. пѣстѣль 50б, перепѣченѣ, пропѣченѣ (часто), но также не пропѣстится 45б, впѣстѣмь 131б, спѣщена 197; Ратн. подпустѣть, распустѣть, оупустѣть, но чаще напоустѣто, ѡпѣстѣши, ѡ^тпоустѣть и др.; -пустошити Косм.; радити Дом.; ср. Ап. не радѣтѣ 124б; -разити Чуд., Цв., Пс.; растити Чуд., Цв., Пс., Дом., Трав.; родити(ся) Чуд., Мер., Косм., Цв., Пс., Дом., Трав.; с-о-рудити Косм.; по-ручити: ср. Фер. пѣрѣжилъ 787; рѣшити Чуд., Цв., Пс.; -садити Чуд., Цв., Пс., Трав.; ср. Ратн. всадиѣть 13б; в Косм. при ѡсадици, пѣсади^л, —ли один

раз находим *наса́жено* 566 (см. § 53); *сваритися* "ссориться" Чуд., Цв.; *свободити* Чуд., Цв.; ср. Улож. *свободили́-*ся 259; в Мер. при регулярной акцентовке по а.п. с один раз находим *свобожень* 1316 (см. § 53); *святити* Чуд.; *селити* Чуд. (да *вселі́тся* 120г и др.), Цв. (*всел-і́тся* III 726, *-итёся* III 181, *-я́тся* 126 bis, *населі́тся* 1886, *преселі́ть* 130), Пс. (*не преселя́ся* 64а, и *преселі́ть* 55а и др. формы); ср. Улож. *поселя́тся* 225; *скопити* "castrare" Мер.; *-сладити* Цв.; *слезити*, *прослезитися* Цв.; *слѣпити* "ослеплять" Чуд.; *про-смадити* Чуд.; *солити* Чуд. (*осо-лі́ть*^с 216 bis, *осоли́те* | 216), Мер., Дом. (*солі́т* || 736, *соля́т* | 71, *соленѡ* 105); *сорити* Дом. (*не насоренѡ* 1026, *не засоренѡ* 102); *спѣшити* Косм., Цв.; *становити* ср. Ратн. *становя́ть* 2006; *стрѣлити* Косм., Трав. (*застрѣля́ть* 4956); ср. Ратн. *застрѣлі́ть* 2086, но также и *стрѣл-ишь*, *-ишь* (5×); *студити* Трав. (*стяді́ть* 4966, *встяді́ть* 4516); *сушити* Цв. (*осѣшенѡ* 45), Трав. (*сжи́ть* 4416, 448 и др., *сжи́ть* 4616, 481, *на́сжили* 515); *таити* Чуд., Цв.; *тащити*: ср. Авв. *тащя́ть* 596, 63, *расташенѡ* 376; *твердити* Цв., Пс., Трав.; *о-темнити* Чуд.; *тончити* Трав.; *топити* "mergere" Мер., Косм., Цв. (да *не потопі́ть* 1256, III 59, *потопя́ть* III 2266), Пс. (*пѡтопилъ* 159); ср. Егор. ев. *потопі́ть* 68, Фер. *истопі́тъся* 842, 984, но также *истѡпити* 842, Постн. *потопилѡ* 139, 339, Улож. *потоп-і́тъ* 7, *-я́тъ* 90; *ис-тощити* Чуд., Цв.; *-требити* Чуд., Цв., Трав.; *трьѣвѣитися* Чуд.; *тушити* "гасить": Трав. *тжи́ть* (15×), *тжи́тъся* 2306, 468, *тжи́мъ* 616, *оутжи́ть* 65, 97, но также и *тѣши*^т 38, 359 (с новым ударением); *о-тщѣтити* Чуд.; *у-тѣснити* Трав.; ср. Ратн. *стесненѡ* 946; *о-тяготити* Цв.; *о-тягчити* Чуд.; *учити* Чуд., Косм., Цв., Пс., Дом., Трав.; ср. Постн. *оучи-лѡ* ли ся 4536; *о-хладити* Трав.; *холодити* Трав.; *о-хорошити* Трав.; *хранити* Чуд., Цв., Пс., Дом.; *воцаритися* Цв.; *цѣдити* Дом. (*цѣженѡ* 83, ср. также *нацѣдѡ*^т 79); *цѣлити* "исцелять" Чуд., Трав.; *цѣнити* Цв. (*цѣнитѡ* III 23); ср. Ратн. *цѣня́тъ* 196, Улож. *оцѣня́тъ* 1656, 167; *чинити* Чуд., Косм., Цв., Дом., Трав.; *защитити* Цв.; *явити* Чуд., Косм., Цв., Пс., Дом., Трав.; ср. Улож. *не шѡбявилі́ся* 262; *у-яснити* Цв. (да *оуясні́тъся* 54).

Отметим, что в приведенный список входит целый ряд глаголов, образованных от имен, для которых реконструируется праславянская (или по крайней мере, правосточносла-

вянская) а.п. *b*. Таковы, в частности, *вершити*, *водворити*, *гнѣздитися*, *грѣшити*, *одождити*, *-ключити*, *крестити*, *легчити*, *-общити*, *поститися*, *сваритися*, *селити*, *студити*, *охо-рошити*, *воцаритися*, *защитити*. Почти для всех этих глаголов следует предполагать первоначальную а.п. *b*; ср. § 52.

§ 50. Особый характер носят отклонения от а.п. *c* в следующих случаях: *по-губити* Чуд. с (*по́гоублю* 108в, да не ... *погоубиши* 106б), но также *a* (*погубити* 38а, *погуби^m* 7б), Цв. с (*погуб-иши* 20б, 60 и др., *-ить* 26б, *-ять* 122б), но также *a* (*погубити* 75б, *погубихъ* 8б). Трав. с, Дом. с; ср. Егор. ев. *погоуб-ить* 69, *-имъ* 420б, Пролог *погуб-ять* 24, но *губить* 109б, Фер. *погубилъ* 985, Улож. *погуб-ить* 60, 328; *-вратити*, *обратити* Чуд. с (да не *взвратитъ^c* 23б, *обратитъ* 117в, *обратятъ* 8б), но также *b* (*обратятъ^c* 48в, *взвратили|ся* 137в); Косм. с, Цв. с, Пс. с, Дом. с; *клонити* Чуд. с, Мер. с, Пс. с, Цв. с (*поклон-и́тся*, *-и́мся*, *-я́тся* [часто], *оуклон-и́тся* 131, *-и́мся* 38б, возможно, сюда же *поклбнюся* 118б), но также *поклбнимся* 124б, 129б, 177, не *поклбнитесь* 194б, *приклбнихъ* 162б; ср. Егор. ев. *поклбнимся* 103 и др. (часто); *-ложити* Чуд. с (много примеров), но однажды *прилбжи* аор. 66в; Мер. с, Косм. с; Цв. с (много примеров), но также *полбжисте* 28, да *прелбжиши* 110б, не *прилбжи^m* 124б, *полбжена* В.ед. 16б; Пс. с, Трав. с, Дом. с; ср. Ап. *изложилъся* 260б; *-срамити* Чуд. с (*срамятъ^c* 12а, *оусрамятъ^c* 38б), Цв. с (*посрам-и́тъ* III 71б, *-я́тся* 125), однако также *посра́ми^m* III 99, *посра́мят-ся* 196 и др., *посра́мленъ* 39, 58б; ср. Пролог *посра́млені* 117; *творити* Чуд. с, Мер. с, Косм. с; Цв. с (много примеров), но также *сотворивши* 12б, *твобритъ* 5б, *твобри^m* 43б, *затвобришися* 42; Пс. с, Трав. с, Дом. с; ср. Час. *твобри^m* 208, Пролог *ствобриши* 88, *затвобрят бо^c* 87б (при обычной акцентовке по а.п. *c* в обоих этих памятниках)⁹¹; *трудити(ся)* Цв. с (*не́ трудился* 183), Дом. с (*кто потрудитъся* 39б); ср., однако, Пролог *трудоудитъ* мя 33б.

У *вратити*, *срамити* и *-ложити*, *творити*, *трудити(ся)* примеры с корневых ударением могут объясняться влиянием южнославянской акцентуации: в среднеболгарском все эти глаголы относятся к неподвижному акцентному типу (бывшие а.п. *a* и *b*; см. Дыбо 1969а); впрочем, для *-ложити*, *твори-ти*, *трудитися* не исключена и возможность сохранения каких-то следов праславянской а.п. *b*. Для *вратити*, *срамити* можно предполагать влияние не только южнославянской акцентуации, но и соответствующих собственно русских слов (презенс *воротить*, *соромить*); такое влияние было возможно в основном в раннюю эпоху, когда еще не полностью сфор-

⁹¹ Каких-либо акцентных различий между первоначальными **tvoriti* и **-voriti* (последнее в *отворити*) на восточнославянской почве не усматривается.

мировалось правило об а.п. *с* у глаголов на *-йти* с неполногласием (§ 52). Более трудные случаи составляют *губити* и *клонити*: в среднеболгарском они относятся к подвижному акцентному типу (бывшая а.п. *с*; при этом, правда, *губити* иногда колеблется, см. Дыбо 1969а, с. 86). Возможно, мы имеем здесь дело со старой акцентной вариативностью в восточнославянском. Разумеется, к указанным причинам могла присоединяться также тенденция к переходу "*с* + *ь*" (§ 53); существенно, однако, что нельзя объяснить все рассматриваемые колебания одной лишь этой тенденцией (ср. такие ударения, как *погубити*, *приклонихъ*, *положисте*, *сотворивши*). Поэтому целесообразно отделять материал данного параграфа от явных случаев перехода "*с* + *ь*".

§ 51. В рассматриваемых памятниках к а.п. *с* относится довольно значительное количество *ѣ*-глаголов. Некоторые из них обнаруживают колебания в сторону а.п. *ь*, однако *ѣ*-глаголов с исконной а.п. *ь*, по-видимому, не было (ср. Станг, с. 113). Ниже для каждого из перечисляемых глаголов названы памятники из основной группы, в которых он засвидетельствован с а.п. *с* (отклонения от а.п. *с* оговорены): *боятися* Чуд., Мер., Косм., Цв., Пс., Трав.; *болѣти* Мер., Трав. (однако в Мер. один раз *болѣми* 476, с корневым ударением неясного происхождения); *бѣжати* Чуд., Косм., Цв., Трав.; *велѣти* Чуд., Цв., Трав.; *ворчати* Трав.; *горѣти* Чуд., Мер., Цв., Трав.; *горѣти(ся)* Чуд. (да не ... *гордится* 109в, ср. *разгорѣвшихся* 109г, *разгорѣша* 109г); *гребѣти* Трав.; *держати* Чуд., Косм., Цв.; но в Трав. уже господствует *дѣржитъ*, *дѣржимъ*, *дѣржать* (в сумме более 30х), *подѣржитъ* 408, *задѣржится* 4526, *содѣржать* 4476, ср. *дѣржитъ* 489, *содержитъ* (5х: 656, 232 и др.); аналогично в Дом.: *дѣржишь* 43; в Ратн. сосуществуют оба ударения; ср. также *дрѣжится* 9696 уже в Фер.; *дрожати* Трав.; *дышати*⁹²: ср. Авв. *дышитъ* 40, не *дышѣло* 1066; *кипѣти* Трав.; *лежати* Чуд., Косм., Цв., Трав.; *молчати* Чуд., Цв.; *полѣти* "пылать" Мер. (*въсполитъ*^с 68); *смерѣти* Цв., Трав.; *стояти*⁹³ Чуд., Мер., Косм., Цв., Дом., Трав.; *стыдѣти(ся)* Чуд., Цв., Трав.; *сѣдѣти (сидѣти)* Чуд., Косм., Цв.; но в Трав.

⁹² Современное *дышѣть*, *дышит* - это, по-видимому, результат контаминации глаголов *дыжати*, *дышетъ* (а.п. *ь* или *а*) и *дышати*, *дышитъ* (а.п. *с*).

⁹³ Однако презенс *достойтъ* в значении "licet, decet" рано обособился и получил корневое ударение: Чуд. *достѣти*^м, Мер. *достѣти* (не говоря уже о более поздних памятниках). Возможно, здесь определенную роль сыграли пропорции типа *покрѣити*: *покрѣити* = *достѣити* : *достѣити*. Сходная эволюция намечалась и у презенса *пристойтъ* "decet", ср. Трав. *пристойтъ* 4866, *пристойтъ* 4696 (при более частом *пристойтъ*). В Мер. отмечено также единичное *растойтъ* 35.

находим *сидѣть*⁹⁴ 4986 (при *сѣдѣшь* 4586); *терпѣти* Чуд., Косм., Цв.; но уже новое ударение в Ап. *тѣрпѣть* 65, *тѣрпѣти*^М 1166 (наряду с *не тѣрпѣть* 716, *тѣрпѣмь* 2006); только новое ударение в Трав.: *тѣрпѣ-шь* 515, *-и*^М 4576, *-ять* 526, *оутѣрпѣти* 116; *хрипѣти* Трав.; *щадѣти* Чуд. (*щажю* 111а, *нѣ пощажю* 1216, *щадѣ* 119в bis, *пощадѣ* аор. 87а и др. формы); ср. Цв. *щадѣти* 1166.

Отметим еще Авв. *гляжѣ* 606 (но *погляжѣ* 366), *глядѣ|тъ* 606, *поглядѣтъ* 1596, *глядѣ* (5х).

З а м е ч а н и е. Глагол *хотѣти* во всех рассмотренных памятниках ведет себя как состоящий из двух полупарадигм, различающихся морфологически и акцентологически: а) личные формы презенса, кроме 3 мн. (в некоторых памятниках, в частности, в Косм., – кроме всего мн. числа), относятся к I спряжению и к а.п. *б*, т.е. к модели *писѣти*, *пишешь*; б) все прочие формы парадигмы соответствует *ѣ*-глаголу а.п. *с*, т.е. модели *горѣти*, *горѣшь*.

Основные тенденции акцентной эволюции

§ 52. Как видно из материала, у *i*- и *ѣ*-глаголов основные типы переходов из одной а.п. в другую – это, во-первых, переход в а.п. *с* (из *а* и *б*), во-вторых, переход в а.п. *б* (из *с*)⁹⁵. На первый взгляд, наличие противоположных друг другу переходов представляется странным; в действительности, однако, наибольшая интенсивность этих двух переходов приходится на разные эпохи и условия их реализации весьма различны.

Рассмотрим вначале случаи перехода к а.п. *с*.

Переход из а.п. *а* в а.п. *с* (тематизация ударения) характерен в наибольшей степени для северо-западных памятников (см. § 45; в этих памятниках можно предполагать тенденцию к переводу всех вообще *i*-глаголов а.п. *а* в

⁹⁴ Едва ли ударение *сидѣть* отражает переход "*с* + *б*" (поскольку глагол *сидѣти* и впоследствии не развил смежно-подвижного ударения). Скорее мы имеем здесь дело с диалектной экспансией ударения словоформы 1 ед.; ср. данные Авв.: *сѣжѣ* 646, *сидѣтъ* 276, наряду с *сѣжѣ* 89, *сидѣтъ* 776, *сидѣть* 71; ср. также акцентовку *сѣдо*, (он) *сѣдя*, *сидѣт* в некоторых мещерских говорах (Бромлей, с. 103).

⁹⁵ Существенно реже встречается переход в а.п. *а*. Сюда относятся: 1) *-двоити*, *клеити*, *-своити*, *строити*, *-троити*; здесь переходу в а.п. *а* (у части этих глаголов довольно позднему), по-видимому, способствовала особая структура корня (а именно, исход на гласную + *j*); 2) *-добрѣти*, *ускорѣти*, *-щедрѣти* (отадъективные); *бросѣти*, *изволѣти*, *жарѣти*, *красѣти*, *сварѣтисѣ*. В современных говорах представлены также некоторые другие примеры такого перехода: *дѣбѣть*, *крѣбѣть* (ср. п. 1); *вѣбѣти*, *полѣбѣти*, *рѣдѣти*, *рассѣрдѣти*, *стрѣлѣти* и др. (см. Оч. морф., с. 251).

а.п. с). В современном литературном языке этот переход отразился лишь в ограниченном числе случаев: *обога́тить*, *у́малить*, *у́милиться*, *вместить*, *поработи́ть*, *оскверни́ть*, *осени́ть*, *у́сугуби́ть*, *чуди́ть*, *уязви́ть* и некоторые другие; также *висе́ть*, *скорбе́ть*. Это главным образом отыменные глаголы, причем такие, у которых тематическое ударение встречается уже в XIV-XVI вв. Основной массив *i*-глаголов а.п. а сохраняет свое старое ударение достаточно хорошо, ср., например, *увеличи́ть*, *вы́ситься*, *глади́ть*, *мно́жить*, *му́чить*, *осла́бить*, *стави́ть*, *чи́стить*.

Гораздо интенсивнее был переход "*b* → *c*". Наиболее ранние примеры этого перехода относятся к эпохе, предшествующей появлению первых акцентуированных памятников; более поздние прослеживаются уже непосредственно по памятникам. Соответственно, целесообразно различать более ранний и более поздний пласты *i*-глаголов, испытавших данный переход.

К более раннему пласту, по-видимому, можно отнести *-ложити*, *разорити*, *творити*, *раздражити*, *-мутити*, из отыменных — в частности, *водворити*, *-ключити*, *-кратити*, *крестити*, *-общити*, *поститися*, *селити* (вероятно, также ряд других). Условия и характер этого древнейшего перехода остаются не вполне ясными (см. Дыбо 1970, сноска 12).

Ряд глаголов этой группы, например, *положити*, *затвори-ти*, *крестити*, *селити*, успел впоследствии подвергнуться обратному акцентному переходу ("*c* → *b*", § 53). Ситуация здесь осложнена, однако, тем, что некоторые ранние примеры акцентовки по а.п. *b* у этих глаголов могут быть не инновациями, а, напротив, следами древнейшего состояния, т.е. не исключено, что у части этих глаголов переход "*b* → *c*" охватил не всю парадигму или совершился не повсеместно. Так, в принципе могут быть архаизмами ударения *твори́ть*, *трудо́ть* в северо-западных памятниках (§ 50), *крести́лися*, *всели́лися*, *разори́ли* в Космографии (§ 23). Для выяснения этого сложного вопроса необходим дополнительный материал.

З а м е ч а н и е. Индивидуальными причинами объясняются следующие изменения. Глагол **lqđiti* "разлучать и т.п." (праслав. а.п. *b*, ср. чеш. *louđiti*, польск. *luczyć*) на восточнославянской почве объединился с **luđiti* "попадать, случаться" (праслав. а.п. *c*, ср. чеш. *luđiti*, польск. *luczyć*) и усвоил его акцентуацию. Глагол **pali-ti* "опалять, сжигать" (праслав. а.п. *b*, ср. чеш. *páiti*) в презенсе стал смешиваться с *ǰ*-глаголом **polěti* "пылать" (праслав. а.п. *c*), откуда колебание в акцентуации презенса.

К более позднему пласту относятся, в частности, следующие глаголы (приводим 3 ед. презенса современного языка): *соблазни́т*, *вопи́т*, *казни́т*, *присовокупи́т*, *вкусит*, *искусит*, *обличи́т*, *умертви́т*, *умудри́т*, *заостри́т*, *плоди́тся*, *упраздни́т*, *просвети́т*, *утоли́т*, *источи́т* (свет), *труби́т*, *хули́т*, *черни́т*, *защи́тит* и ряд других.

Для некоторых глаголов, недостаточно полно представленных в памятниках (например, *гни́здитися*), неясно, к какому из двух пластов они относятся.

Из состава *i*-глаголов более позднего пласта можно заключить, что переходу в а.п. *c* здесь способствовали два основных фактора: а) принадлежность глагола к церковно-славянской лексике (соответственно, книжная окраска при употреблении в обычном языке); б) отыменный (отсубстантивный или отадективный) характер глагола⁹⁶.

Частным проявлением пункта "а" оказывается тот факт, что со временем (по-видимому, не позже XVII в.) все глаголы на *-йти* с неполногласием в корне получают акцентовку по а.п. *c* – даже если соответствующие собственно русские глаголы с полногласием относятся к а.п. *b* или *a*; ср. в современном языке *влачи́т* и *воло́чит*, *возврати́т* и *вори́тит*, *омира́тит* и *мори́тит*, *осрами́тся* и *сори́мится*, *хра́нит* и *хори́нит* (не говоря уже о таких словах с исконной а.п. *c*, как *прегради́т*, *наслади́тся*, *охлади́т* и т.п.)⁹⁷.

Указанные факторы актуальны и для современного языка. Так, в современном языке глаголы книжного характера на *-ить* как правило имеют в презенсе флексийное ударение, например: *обличи́т*, *умертви́т*, *упраздни́т*, *поработи́т*, *оскверни́т*, *осени́т*, *утоли́т*, *хули́т*; *возбуди́т*, *предвари́т*, *соверши́т*, *согреши́т*, *водрузи́т*, *сокруши́т*, *воскреси́т*, *уничтожи́т*, *порази́т*, *сооруди́т*, *посети́т*, *сотвори́т*, *истреби́т*. Показательно различие ударения в таких парах, как *возбуди́т* – *разбу́дит*, *погрузи́т* (в жидкость) – *погру́зит* (на транспорт), *одари́т* – *подари́т*, *вкуси́т* – *уку́сит*, *насади́т* (учение) – *наса́дит* (картошки), *учини́т* – *почи́нит* и т.п.; ср. также выше примеры типа *влачи́т* – *воло́чит*.

С другой стороны, в современном языке действует правило, согласно которому глаголы на *-ить*⁹⁸, имеющие, с синхронической точки зрения, отчетливый отыменной характер (т.е. такие, что у них, во-первых, однозначно определяется направление производности, во-вторых, семантическая связь с исходным именем не затемнена), получают в презенсе флексийное ударение, например: *бомби́т*, *графи́т*, *грязни́т*, *оживи́т*, *оздорови́т*, *укороти́т*, *укрупни́т*, *облегчи́т*, *молоди́т*, *рули́т*, *освежи́т*, *застекли́т*, *застолби́т*, *труби́т*, *хитри́т*, *черни́т*. Ср. возможность смежно-подвижного ударения в случаях, где хотя бы одно из указанных условий не соблюдено, например: *да́рит*, *ле́нится*, *све́тит*, *суди́т*, *труди́тся*, *це́нит*, *ко́сит*, *пи́лит* (неочевидно, следует ли считать эти глаголы производными от *дар*, *лень*, *свет*, *суд*, *труд*,

⁹⁶ Кроме того, в нескольких случаях (*вопи́т*, *блуди́т* "распутничает", возможно, также *томи́тся*, *щеми́т*) переходу в а.п. *c* могло способствовать непреходное значение глагола, ср. § 53.

⁹⁷ См. также: Воронцова В.Л. Русское литературное ударение XVIII–XX вв. Формы словоизменения. М., 1979, с. 228 (там же цитата на эту тему из Я.К. Грота).

⁹⁸ Ударение *-ить* в современном языке представлено, говоря огрубленно, в производных от имен с любым ударением, кроме неподвижного наосновного (здесь нет необходимости рассматривать вопрос об отклонениях от этой нормы, типа *бомби́т* от *бо́мба* или наоборот, *дура́чит* от *дура́к*, *дурака́*).

цѣна́, коса́, пила́ или наоборот); *сѣрдѣ́тся* (семантическая связь с *сѣрдѣце* затемнена), *бѣлит* (исходное значение "делать белым" сузилось; ср. *черни́т, желти́т* и т.п.).

Следует отметить также выработавшееся в современном языке морфонологическое правило, согласно которому у глаголов на *-и́ть* смежно-подвижное ударение невозможно, если слог перед *-и́ть* не является первым слогом корня (этого ограничения нет лишь для корней с *-оро-*, *-оло-*)⁹⁹. Примеры: *обога́тит, весели́т, нагромо́дит, колеси́т, лебези́т, освободи́т, тереби́т, тормози́т, утяжели́т, шелуши́тся; с* другой стороны, *полю́стит, отомсти́т, почи́т* и т.п.

§ 53. Что касается перехода "с → в", то в рассматриваемый нами период он еще только начинается; его результаты полнее всего представлены в современном языке. Так, из глаголов, перечисленных в § 49-51, смежно-подвижное ударение в презенсе в современном литературном языке имеют (хотя бы факультативно и хотя бы при некоторых приставках): *буди́т, вѣли́т* (деревья), *вѣрит, гѣсит, горбди́т, губи́т, грузи́т, да́рит, до́ит, ду́шит, де́лит, ка́тит, клѣнит, ко́сит* (траву), *крѣсти́т, крѣшит, лѣвит, -лѣжит, полу́чит, ле́нится, ле́нит, ле́чит, мо́рит, му́тит, -ме́нит, пла́тит, по́ит, пу́стит, пору́чит, са́дит, се́лит, со́лит, -станѡвит, -стрѣли́т, сту́дит, су́шит, та́чит, затѡбри́т* (о-, при- и др.), *то́пит* (в воде), *тру́дится, ту́шит, ѹ́чит, це́дит, це́нит, чи́нит* "ремонтирует", *ѹ́жит; де́ржит, те́рпит; в* разговорной речи также *одѡлжи́т, вклѡчи́т* (от- и др.), *крѣ́нит, ми́рит, ослѣ́нит, со́рит*.

Переход "с → в" проявляется прежде всего именно в замене флексийного ударения презенса смежно-подвижным. У *i*-глаголов дополнительным проявлением этого перехода является смена ударения в страдательном причастии с *-ен-* (в "точечных" системах, где в этом причастии а.п. *в* и а.п. *с* различаются, ср. § 40)¹⁰⁰.

В нашем материале первые надежные примеры перехода "с → в" в презенсе относятся к XVI в. (см. § 49, 51). Однако почти до самого конца XVI в. таких примеров еще очень мало: в Фер. (1540-ые годы) *запоу́стѣть, дрѣ́жится, истѡ́пнѣть* "утопит", в Ап. (1564 г.) *те́рпѣть, те́рпѣи^м*, в Цв. (1591 г.) *пока́дитъ*; прочие примеры ненадежны, так как допускают и другие объяснения (см. § 50). Лишь в Дом. (граница XVI и XVII вв.) и в памятниках XVII в. примеры нового ударения становятся более многочисленными; при этом везде наиболее продвинуты к новому состоянию глаголы *пустити, держати и терпѣти*.

З а м е ч а н и е. Сдвиг ударения в причастиях с *-ен-* мог развиваться не вполне параллельно со сдвигом в пре-

⁹⁹ Исключениями являются только *шеве́лит(ся), станѡвит-* (ся), *облоко́тит(ся)*.

¹⁰⁰ Что касается прош. времени, то здесь замена маргинально-подвижного ударения тематическим (§ 35) не имеет отношения к переходу "с → в", поскольку она распространяется на все *i*-глаголы а.п. *с*. К тому же эта замена в большинстве говоров хронологически предшествует переходу "с → в".

зенсе. В части говоров, а именно, в западной половине восточнославянской области переакцентовка причастий, повидимому, опережала переакцентовку презенса. Первый надежный пример такой переакцентовки представлен в Мериле: *свобожень* 1316; не исключено, что такого же происхождения ударение *прокаже*¹⁰¹ в Чуд. В Косм. находим *насажено*, при отсутствии примеров сдвига "с + б" в презенсе. В современных украинском и белорусском языках причастия с корневым ударением, даже при флексийном ударении в презенсе (например, укр. *прощений*, *принёсений* при *простиш*, *принесеш*), является нормой.

Таким образом, перевод всего приведенного выше длинного списка глаголов от флексийного ударения презенса к смежно-подвижному совершился в основном за последние четыре столетия. Тенденция к такому переводу продолжает активно действовать и в настоящее время. Не претендуя на полный разбор этого сложного вопроса, изложим лишь предполагаемую нами схему действия данной тенденции в современном языке.

У *i*-глаголов тенденция к замене флексийного ударения в презенсе на смежно-подвижное в принципе является всеобщей; однако ей может препятствовать ряд факторов (помимо общего для всех подобных случаев консервативного фактора традиции). Сюда относятся прежде всего факторы, рассмотренные при анализе противоположного акцентного перехода (§ 52): 1) книжный характер глагола; 2) отчетливый отыменной характер глагола; 3) особая морфонологическая структура основы (двусложность корня или наличие слогового суффикса).

Кроме того, препятствующим фактором является непреходимость глагола (или принадлежность его к числу глаголов речи). Ср., с одной стороны, такие переходные глаголы, как, например, *бúдит*, *вáрит*, *гáсит*, *горóдит*, *ду́шит*, *дéлит*, *лóбит*, *полóжит*, *полúчит*, *лéчит*, *замéнит*, *пóит*, *пúстит*, *посáдит*, *застрélит*, *стúдит*, *тúшит*, *úчит*, *почúнит* и т.д. также *вёртит*, *дёржит*, *тёрпит*; с другой стороны, непреходные (и глаголы речи), например: *бурлúт*, *угодúт*, *грустúт*, *норовúт*, *следúт*, *спешúт*, *шалúт*; *бранúт*, *вопúт*, *го+ворúт*, *корúт*; также почти все *ё*-глаголы – *бежúт*, *дрожúт*, *лежúт*, *кричúт*, *молчúт*, *сидúт*, *стойт*, *хрипúт* и т.п.¹⁰¹. Показательные такие противопоставления, как *вáлит* "опрокидывает" – *валúт* (дым, народ), *кóсит* (траву) – *косúт* (глазами). В исключительных случаях данное различие проявляется даже между простым глаголом и соответствующим возвратным: (*по*)сáдит, но садúтся, полóжит, но ложúтся, ср. еще *получит* и *случúтся*; однако нормой здесь все же является единое ударение внутри пары, например, *дéлится*, *лéчится*, *úчится* как *дéлит*, *лéчит*, *úчит*.

Ни один из указанных препятствующих факторов не является, однако, полностью непреодолимым: в некоторых слу-

¹⁰¹ Ср. в этой связи тот факт, что переходные *видит*, *слышит* сохранили прежнее корневое ударение (даже в памятниках с ударением *видѣти*, *слышати*), а непреходные *висит*, *скорбúт* получили флексийное ударение (§ 46).

чаях (правда, немногочисленных) тенденция к смежно-подвижному ударению оказалась сильнее этих препятствий; ср., в частности, *предъявит*, *заявит* (книжные слова), *сблиз* (отыменной глагол), *становится* (особая структура основы), *лэнится* (непереходный глагол); в глаголах *облокотится*, *дружит*, *сторбнится* представлено даже по два таких препятствия.

С другой стороны, в некоторых случаях, где ни одного из указанных препятствий нет, в литературном языке традиция все еще удерживает старое флекссионное ударение, например, *долбит*, *накалит*, *простит*, *растит*, *родит*. В значительной части подобных случаев новое ударение засвидетельствовано в разговорной речи или в говорах.

aj-, *ěj-* и *a-*глаголы

§ 54. Остановимся прежде всего на процессе тематизации ударения в этих классах глаголов.

В соответствии с общими принципами акцентуации производных (Дыбо 1968), глаголы, производные от имен а.п. *a* или от глаголов а.п. *a*, первоначально имели неподвижное ударение на производящей основе: *избавляти*, *оправдати*, *ослабѣти* и т.п.¹⁰² В ходе истории ударение таких глаголов в значительной мере перестроилось. В современном языке все приставочные вторичные имперфективы с суф. *-a(j)-* (а также те бесприставочные, которые сохранили итеративное значение) имеют ударение на суффиксе, например: *избавлять*, *приближаться*, *угодобляться*, *исполнять*, *ослаблять*, *подвигать*, *впадать*, *сведать*, *убегать*, *подстригать*, *разгизать*, *оседать* и т.п.; также *едать* (тогда как у глаголов, не сохранивших итеративного значения, возможно и такое ударение, как *падать*, *бегать*, *двигать* и т.п.).

З а м е ч а н и е. Несколько *aj-*глаголов (первоначально итеративного значения) уже с праславянского времени относились к а.п. *a*, хотя они произведены от глаголов а.п. *c* или *b*. Таковы, в частности, *плавати*, *пблзати*, *ворбчати*, *кланятися*. В дальнейшем эти глаголы попали в ту же группу, что *падать*, *бегать* и т.д. (см. выше) и соответственно сохранили корневое ударение¹⁰³; в то же время построенные на их основе приставочные вторичные имперфективы (например, *уползать*, *наклоняться*) получили по общему правилу суффиксальное ударение.

У отыменных *ěj-*глаголов тоже действует сильная тенденция к суффиксальному ударению. Она практически победила там, где исходное имя непроизводное (ср. *окаменѣть*, *ослабѣть*, *поздоровѣть*, *устарѣть* и т.д.), и довольно актив-

¹⁰² Если исходный глагол корневой и у него система презенса и система инфинитива имеют разную акцентуацию, вторичный имперфектив сохранял акцентуацию системы инфинитива, например: *кладѣть*, *клала* - *покладати*.

¹⁰³ Лишь в памятниках с самой сильной тенденцией к тематизации ударения находим такие примеры, как Чуд. *плаванью* 78в, Муз. ев. *кланяся* 61б, 141б.

на также в ряде случаев, где исходное имя производное (ср. *порозове́ть*, *побагрове́ть*, разг. *ржаве́ть* и др.).

Для этих двух категорий производных глаголов памятники показывают просто различные степени продвижения от реконструируемого первоначального состояния к современному.

В Мер. встретилась только старая акцентовка (но примеров довольно мало): *оузакшнѣють*, *взлѣбляющими*, *порабѣщѣють*, *воршчати*, *обурѣдѣши* (Акц. Мер., § 80); кроме того, *постризалъ* указывает на ударение **постри́зати*.

В Чуд. конкурируют старая и новая акцентовка. Характерные примеры старой акцентовки: вторичные имперфективы - *избѣвляти* 87а, *приблѣжаємъся* 145б, *озлѣбляжи* 85а, *опечѣляжи* 118в, *сподѣбляжся* 94г, *испѣбляжся* 8б, *порабѣщѣю* 112а, *оскорѣбляжымъ* 134в, *ослабляюще* 127б, *постѣвляе^т* 145в, *оутѣвѣжмъ* 109г, *сгялѣдати* 122б, *наклѣдае^т* 29а, *впѣдаю^т* 138а, *посѣ|гаю^т* 12в, *растѣрзати* 78а; отыменные *ѣj*-глаголы - *окаментъ* 48в, *-вша* 104г, *обо|ржавѣ* 82г, *о|слабѣвша* 70б, *обурѣдѣ^т* 35в, *рашѣрѣ* 118в. Характерные примеры новой акцентовки: *приблѣжающе^с* 35в, *не о|злѣбляемъся* 117г, *помѣ|шляжи же ли* 99в, *не осквернѣи* 66а, *оскорѣбляжымъ* 134в, *подвизѣтисѣя* 91г, *посѣ|гати* 110г, *про-терзѣхоу же^с* 28в и т.п.

В памятниках XV-XVII вв. старое ударение встречается уже гораздо реже, чем новое. Вот некоторые примеры старого или колеблющегося ударения: Час. *вбогѣщая* 320б, *наста-вляя* 310б, *припѣдаю* 242, 244б; Пролог *прослѣвляжшѣи* И. мн.

75б, *сгялѣдати* инф. 125, *впѣдають* 94, *сѣвѣвши^с* 107, *вслабѣемъ* 126, *расслабѣвша* 4б, *не старѣющеся* 72; Егор. ев. *впѣда-ти* 109б, *-емъ* 35б; Муз. ев. *помѣшляжшѣи^м* 189б, *вбгялѣдаше* 127, *приклѣдаемо* 110, *напѣдати* 119; Фер. *впѣда-етъ* 801, *напѣдающею* 467б, *припѣдаетъ* 996б, *напѣвляти* 477; Косм. *стѣвл-ню^т* 176б, *-м^л* 14, *устрашаѣя* 106б, *углѣда* 38, *поклѣдаѣя* 103, *впѣда-е^т*, *-ю^т* (часто); Цв. *готѣвляшесѣя* 117б, *припѣдаемо* (часто), *разсѣдѣтисѣя* 112б; Дом. *припѣ-даи* 9; Трав. *впѣдаетъ* 461, *напѣдаетъ* 80б; Авв. *кидати* 58б, *перекѣда^л* 102, *припѣдаѣя* 4, *посинѣлъ* "посинел" 38.

§ 55. Иная картина у остальных *aj*-глаголов а.п. а и у *a*-глаголов а.п. а. Здесь тенденция к тематизации ударения сильна только в северо-западных памятниках, а также в Чуд. и Авв.; в прочих памятниках и в современном литературном языке она захватила всего несколько глаголов: *знаменати*, *подобати*, *оправдати*.

Приведем некоторые примеры старого ударения (не совпадающего с современным): Мер. *подѣбѣють*, *котѣвращегъся*; Чуд. *назнѣмена* 66б, *подѣбѣю^т* (часто), *оправѣдаюся* 109в; Фер. *не опрѣ|вдасѣя* 996б; Цв. *оправѣдалъ* 73. Но наряду с этим находим и новое ударение; отметим из наиболее ранних рукописей: Чуд. *подѣбѣю^т* 59б, *подѣбѣше* (часто), *оправѣдѣжшѣи* И.мн. 36б; Час. *подѣбѣетъ* 203, 204, *вправѣдѣлъ* 289б; Пролог *пѣдѣбѣетъ* 53, *вправѣдѣтсѣя* 69.

Приведем теперь примеры нового ударения в тех случаях, где современный литературный язык все еще сохраняет старое ударение: Чуд. *повѣда-ются* 128а, -юща И.дв. 69б, *заповѣдати же* 69а, *проповѣдати* 95б, *свѣдайте* 49б, *оу|вѣдас-те* 126б, *не дѣла|ти* 111в, *сдѣлати* 85б, *дѣлатель*, -я и т.д. (регулярно), *послушаше* 23а и др. формы, *сдѣвшии* И.мн. 43г, *помаза́* 46б, -а́|ше 83а, *поплака́сте* 110а, *не плачѣ* 151а, *не плачѣте* 40б; Час. *повѣдавъ* 316, *исповѣдалъ* 260б, 311, -а́тися 204, *проповѣд-а́ль*, -а́, -а́вши и др. (часто), *дѣла́ние* 371, *дѣлательемъ* 338, *плака́шеся* 397, *препомася́* 400, *всѣвѣ* 315, *м^тча́яння* 388б; Пролог *повѣда́* 59б, *не послѣдѣста* 25б, *свѣдѣ* 50, *плак-а́шеся* 29, 39б и др., -а́хся 51, *ча́яние* 10; Егор. ев. *исповѣда́ють* 77, *заповѣдаемаа* 44б, *дѣлателя* В.мн. 52, *работ-а́ю* 23, -а́ете 33б, *раска́ние* 103б, *м^тча́яние* 103б; Муз. ев. *заповѣда́* 55, 128б, 196б, *исповѣдаю́* ти ся 222, *прпповѣд-а́ти*, -а́я и др. (часто), *не послѣдѣ^т* 64б, *мáзаше* 207б, *о помазавшии* М.ед. 109, 173, *свѣ́ния* 199; Авв. *вѣдаю́* 74б, *свѣдавъ* 102, *подѣ|мавъ* 29б, *задѣмáлися* 72, *дѣлаешъ* 52, *здѣлаю́* 83, *плака́сся* 15, *слѣши* 31. При этом, однако, почти все приведенные слова встречаются в этих рукописях и со старым ударением.

В отличие от этой группы рукописей, в Косм., Цв., Дом., Трав. таких ударений нет, по крайней мере, в глагольных словоформах (в отглагольных именах сдвинутое право ударение иногда встречается, например, Косм. *помазание́* 166б, 167; ср. также современные литературные *послушание́*, *дея́ние*, *просторечн. вероисповѣдание́*; см. § 41, п. 1, замеч. 2).

В несколько особом положении находятся *ова*-глаголы. Ударения типа *радовати*, *вѣровати*, *помилувати*, *мудрствовати* и т.п. (также двойные типа *радовати*), в изобилии представленные в памятниках с сильной общей тенденцией к тематизации, по-видимому, связаны одновременно с двумя факторами: морфологической тенденцией к тематизации и проявлением второстепенного (ритмического) ударения. О том, как соотносятся в подобных случаях морфологический и ритмический факторы в Мериле и в Чуд., см. Противоп., § 12-19.

В староукраинском все рассматриваемые в настоящем параграфе группы глаголов обнаруживают весьма сильную тенденцию к тематизации (см. Огиенко, с. 446-448).

§ 56. В нецерковных памятниках XVI-XVII вв. (в частности, Косм., Дом., Трав., Ратн., Улож.) широко представлены вторичные имперфективы с суффиксом *-ива(j)*- (тогда как в церковных текстах они редки). Они имеют ударение, как и в современном языке, на предсуффиксальном слоге. Вот некоторые примеры из Косм.: производные от глаголов а.п. а - *и³вѣдыва^л* 74, *вклáдывани* 187, *попáдывали* 30б, *спáдыва^л* 109б, *застáвливаю^т* 58, *встáвлива-ю^т* 179б, -ли 149, *устáвлива^л* 77б; от глаголов а.п. в - *пока́зываючи* 27, *ска́зываючи* 74б, 180б и др., *спра́шива-ючи* 58б, -ли^с 94б,

жизивали 1796; от глаголов а.п. с - *ро³говариваючи* 166, *държивали* 126, *рăстивали* 86, *начинивая* 177, *починива^m* 14. Особо отметим Косм. *сказиваючи* 63, Дом. *подвари|вають* 74, Трав. *прикладиваёмь* 3096, не *присаживають* 329, также Фер. *постраивати* 4786. Вопрос о том, является ли здесь ударение на *ва* ритмическим или имеет иное происхождение, не вполне ясен.

Презенс с неслоговым корнем
(у корневых и а-глаголов)

§ 57. У корневых и а-глаголов с неслоговым корнем акцентовка презенса (при наличии приставки) образует в XIV-XVII вв. весьма сложную картину. Для полного ее анализа имеющегося материала недостаточно, поэтому ограничимся лишь некоторыми наблюдениями.

Как показал В.А. Дыбо, древнейшая система акцентовки приставочных презенсов этой группы, практически совпадающая с поздней праславянской, представлена в Чуд. Ее можно условно записать так (отобразив каждый корень одной словоформой¹⁰⁴): *вобъметь*, *побънеть*, *пбидеть*, *пбслеть*, *оубъеть* (а.п. *б* в презенсе) - *пропнеть*, *оумреть*, *испветь* (а.п. *с* в презенсе). В соответствии с данными других славянских языков, к первому ряду должны были принадлежать также (см. Дыбо 1972б, с. 75-76) **сбмнеть*, **пбтреть*, **надметь*, **сблжеть*, **пбчнеть*, **пбжметь*, ко второму - **простреть*, **пожреть*, **попреть*, **потнеть* (по-видимому, также **соввьеть*, **прольеть*, **почтеть*, **пожжеть*, **пождеть*, **порвьеть*)¹⁰⁵.

Во всех рассмотренных памятниках XV, XVI и начала XVII в. у презенсов с *-ид-*, *-им-* (*-ьм-*), *-сл-* (*-шл-*) находим последовательную акцентовку по а.п. *б* (т.е. старую): *наидешь*, *звидеть*, *пбидемь*, *избидеть*, *штбидеть*, *збиметь*, *пбиметь*, *сбиметь*, *оубимемь*, *вбздемь*, *вбньметь*, *пбшлемь*, *вбслеть* и т.д. (примеров очень много) при *поиду*, *возмю*, *пошлю* и т.д. (отклоняется лишь единичное *измьеть* 1946 в Цв.).

В остальном памятники могут расходиться. Ближе всего к системе Чуд. стоит Цв. Старую а.п. *б* здесь сохраняют презенсы с *-ид-*, *-им-*, *-сл-* (см. выше), старую а.п. *с* - *пожреть* "devorabit" 1256, III 59, *простреть* II 426, III 143, *почтеть* (часто), *изоштеть* III 101, 1096, *приштеть* мя III 99, *соштеть* 180, *ражжеться* 1886, *пожжеть* 1926; с колебаниями также: *сраспнёмся* 49 (при более частых *да распнётся*, *да пропнётся*), *оумреть* 1876, *оумреть* 92 (при более частых *оумр-еть*, *-емь*, *-ть*); ср. также Постн. *не оумрѹ* 392, *оумрёмь* 297, *оумреть* 1366, 150 (при *оумреть* 282, *оумрем же* 297, *оумрете* 150). Инновации (помимо уже отмеченных колебаний) представлены в Цв. немногочисленными

¹⁰⁴ Для наглядности везде взято 3 ед. Реально в Чуд. встретился несколько иной набор словоформ, см. Дыбо 1972б, с. 75.

¹⁰⁵ От "идеального" распределения в Чуд. отклоняются только *оумре^m* 486 и *потреть* 152а.

примерами а.п. с на месте старой а.п. b: *сопрѣмь* 138, *зачнѣши* 191, *прѣбѣются* 113, *солжѣть* 2186. (Заметим, что инновации *оумреть* и *потрѣть* наметились уже в Чуд., см. сноску 105.)

Система с полным обобщением а.п. b представлена в Косм., см. § 18 (особо существенны здесь *умр-е^ш*, *-еть* и т.д. и *налье^тся*; ср. также *учне^т* и т.д.). Такая же система в Прологе; особо отметим здесь *распнѣть* 1146, *пѣж-деши* 79, *оурвется* 24, *пѣбѣють* 816; также *начн-е^т*, *-ѣть*. Необходима, впрочем, некоторая осторожность, поскольку в обоих этих памятниках представлены далеко не все разбираемые глаголы.

Для Фер. и Дом. можно предполагать систему, где в основном обобщена а.п. b, но презенсы с *-nj-* и *-lj-* акцентованы по а.п. с (для *-bj-* примеров нет); ср., в частности, Фер. *оумреть* 750, *начне^т* 798, но *пропѣется* 9846, *излѣется* 843; Дом. *оумреть* 236, *начнетъ*, *оучнетъ* и т.д. (часто), но *нальетъ* 696. Сюда близок также Трав.: ср., в частности, *оумрѣть*, *пѣмрѣть* (часто), *сѣжемъ* 4006, *пѣтреть* 4676, *оуртешъ* 4676, но не *оупѣешися* 522; однако также *начнемъ* 136, *начнется* 278 (при господствующем *начнетъ*, *начнется*) и, с другой стороны, *сѣбѣвется* 1916, *оувѣемъ* 384.

В памятниках середины XVII в. (Ратн. и Улож.) мы сталкиваемся уже с сильно расшатанной системой (с колебаниями почти у всех глаголов рассматриваемой группы).

пѣ-глаголы

§ 58. Из пѣ-глаголов в памятниках сравнительно хорошо представлены лишь глаголы а.п. а. Таковы, в частности, *по-виснути*, *-вжнути*, *ги(б)нути*, *дѣви(г)нути*, *кинути*, *кликнути*, *крикнути*, *молкнути*, *плюнути*, *-торгнути*, *опочинутти* и др.

Глаголы а.п. b представлены беднее, причем лишь в редких случаях удается найти внутри одного памятника набор словоформ, гарантирующих принадлежность глагола именно к а.п. b¹⁰⁶. Так, в Чуд. находим *пѣкосноюся* буд. бв и др., *кѣснется* 1486, *пѣ|коснѣти^с* 296 и др. формы; прочие примеры формально неоднозначны: *взбѣноуѣше^ж* 32а, *сѣрѣгноуть^с* 80в, *вѣскресноюсте* 1316, *поманоуѣшию* 76в, не *оуснемъ* 1156. Косм. (примеры формально неоднозначны): *о^т-вернѣли* 156, *по||вернѣлися* 776, *дѣхне^т* буд. 1146, *оманѣти* 796 (неясна а.п. в случаях *взлѣгне^т* 126, *пѣисне^т* 1446); также *перетоплѣи* 116 (ср. Муз. ев. *потѣнетъ* 636); Цв.: да

¹⁰⁶ Заметим, что для приставочных пѣ-глаголов с неслоговым корнем (*уснути*, *исхнути*, *-дхнути* и т.п.) в памятниках XIV–XVI вв. встретились только акцентовка по а.п. b; ср. § 57.

не *кѡснешися* 52, не *прикѡснется* 153б, III 225б, *кѡснѡвся* 114б, *прикѡснѡся* аор. 150 и др.; *воскрѣснеши* 203, да *воскрѣснѣть* 175, 228б и др. (но однажды да *воскрѣснѣть* 207), *воскрѣснѣ* буд. 154, 172 и др., *воскрѣснѣи* 153б, 172 и др., *воскрѣснѣти* 112б (но *воскрѣснѣти* 165б); *оуснете* 128, *оуснѣль* 160, 172б и др., *оуснѣвъ* 157 и др.; прочие примеры формально неоднозначны: *оужаснешися* 179, не *оужаснется* 39, *мѣтнемъ* 141 и др., да *штрѣгнѣть* 166; *вдохнѣль* 10б (ср. *дѡхнѣть* III 142б, по-видимому, односложное; ср. также Постн. *воздѡхнемъ* 179б); да не *исхнемъ* 38б, *исхнѣть* 138б. Ср. также некоторые примеры из Ратн.: *повѣрнешь* 76б, 77, *шбѣрнѣть* 173б, *тронѣть* инф. 72, не *тронѣль* 62б; из Авв.: *завернѣль* 98б, *вздохнѣль* 106б, *штрѡхнѣть* инф. 65б, *штрѡхнѣ* 21, *дѡхнѣт* буд. 65б (но также *дохнѣть* буд. 95), не *тронѣли* 99, не *тронѣт* 89, *тянѣтъ* инф. 37б, *потянѣтъ* 39б, *хлѣбнѣшь* 106; также *переслѣпѣи* 45б.

Наконец, акцентовка по а.п. с встречается совсем редко – только у *обинутися*, *помянути*, *минути* (причем в XVI–XVII вв. обычно лишь наряду с а.п. *б*). Так, в Чуд. находим *оби|нетѣся* 147а, *вспѡмяноувѣ* 140б (но также *вспѡмяноувѣ* 86б, 140б). В Цв.: не *помянѣтъся* 138, да *воспомянѣтъся* 130б (но также *помянѣтъ* 192б, *тъся* 120); *мѣнѣвши*^М Д.мн. III 208б. Ср. Егор. ев. *вѣспомянѣши* 38б, *оутѣся* 52б (и др. формы), Ратн. *минѣтъся* 211б, Улож. *минѣтъ* 240б, *тъся* 131.

Поскольку материал по а.п. *б* и *с* очень невелик, выводы здесь могут носить лишь предварительный характер. Можно предполагать, что перестройка старой системы включала два процесса: 1) в XV–XVII вв. немногочисленные *нр*-глаголы старой а.п. с постепенно уподобились основной массе глаголов на ударное *-нѣтъ*, т.е. глаголам а.п. *б*; 2) в XVII в. и позднее у глаголов на согласную + *нѣтъ* происходит процесс разложения смежно-подвижного ударения (т.е. а.п. *б*) с образованием либо колонного корневого (*воскрѣснѣть* как *воскрѣснѣтъ*), либо колонного послекорневого ударения (*повернѣтъ* как *повернѣтъ*). Глаголы состояния реализовали первую возможность, глаголы однократного действия – вторую; ср., например, *дѡхнѣтъ*, *сдѡхнѣтъ*, но *дохнѣтъ*, *вздохнѣтъ*. Напротив, у глаголов на гласную + *нѣтъ* (но не с суф. *-ану-*) смежно-подвижное ударение (старое, как у *тонѣтъ*, или вторичное, как у *помянѣтъ*, *минѣтъ*) в основном сохранилось.

Что касается *нр*-глаголов старой а.п. *а*, то они в подавляющем большинстве случаев сохранили первоначальное ударение.

Глаголы с приставкой *ви-*

§ 59. Особого рассмотрения требуют глаголы (любого морфологического класса) с приставкой *ви-*. Материал здесь дают только нецерковные памятники (в церковных приставка *ви-* обычно отсутствует). Как показывают Косм., Трав., Ратн., в XVI–XVII вв. современное положение (ударное *ви-*

в совершенном виде, безударное *ви-* в несовершенном) еще не было полностью достигнуто.

Так, в Косм. *ви-* всегда безударно во вторичных имперфективах с суф. *-а(j)-*, *-ива(j)-*; однако у прочих глаголов несовершенного вида с *ви-* неоднократно встречается ударение на приставке. В частности, *вѣходи^m* "exit" встречается даже чаще, чем *виходи^m* (*вѣход-и^m* 7, 53, 54, 1246, 166, *-я^m* 53, 62, 1266, *-я^m* 55, *-иⁿ* 1796, *-или* 90, 1266); кроме того, встретились *вѣлазя* 113, *вѣводиⁿ* (несов. вид) 106, *вѣносити* (несов. вид) 1836. Ср. в Трав. *вѣчищѣть* 2566, в Ратн. *вѣводити* (несов. вид) 386, *не вѣмшляють* 1466.

В совершенном виде в Косм. регулярно выступает *вѣ-*, например: *вѣволоку^m*, *вѣведа^v*, *вѣгнаⁿ*, *вѣдасть*, *вѣлезли*, *вѣмори^m*, *вѣняⁿ*, *вѣня^v*, *вѣпленили*, *вѣшеⁿ*, *вѣшло*, *вѣведу^m*, *вѣехаⁿ* и многие др. Однако в *вѣшлѣ* 29, *вѣбхали* 1506, *вѣсмотрѣли* 736 находим по два знака ударения. Ряд примеров с безударным *ви-* находим в Трав.: *выведѣтъся* 1126, *вѣкиⁿ* *нѣтъ* 519, *вѣкипѣть* 5056, *вѣмбешѣ* 646, *вѣсжиⁿ* *буд.* 107, *вѣсякнѣтъ* 946; также *вѣберѣ* 458, *вѣшѣль* 1966 (однако *вѣгбнѣтъ*, а возможно, также и *вѣтянѣтъ* относится в Трав. к несовершенному виду); ср. ударения типа *вѣмбешѣ* в современных южновеликорусских говорах.

Можно предполагать, что первоначальным было ударение на *ви-* во всех случаях. В несовершенном виде глаголы с *ви-* — это, во-первых, вторичные имперфективы (*вѣставляти*, *вѣпрашивати* и т.п.), во-вторых, небольшая группа глаголов типа *вѣходити*, *вѣлазити*, *вѣглядѣти*, образованных от глаголов, у которых добавление приставки не меняет вида. Смену ударения в случаях типа **вѣставляти* + *вѣставляти* естественно связывать с общим процессом выработки единого суффиксального ударения у вторичных имперфективов с суф. *-а(j)-* (см. § 54); параллельно у всех имперфективов с суф. *-ива(j)-* вырабатывалось единое предсуффиксальное ударение (§ 56). Что касается глаголов типа *вѣходити*, то они позже всего включились в процесс обобщения безударного *ви-* у глаголов несовершенного вида; это хорошо видно по Космографии. Заметим, что глагол *вѣглядѣть* сохранил древнее ударение до настоящего времени.

Перестройка ударения у глаголов типа *вѣходити*, по-видимому, сопровождалась (по крайней мере, в части говоров) некоторым расшатыванием ударения также и у глаголов совершенного вида с *ви-*; ср. в особенности положение в Травнике.

Заключение

§ 60. Проведенный разбор позволяет дать итоговую характеристику системы глагольной акцентуации в Космографии.

Важнейшие акцентологические а р х а и з м ы Космографии (кроме тех, которые общи всем или почти всем говорам русского языка на всем протяжении его истории) таковы.

6. Обобщение в презенсе акцентовки по а.п. *b* у корневых и *a*-глаголов с неслоговым корнем (при наличии приставки). В целом система глагольной акцентуации южновеликорусского говора XVI века, отразившегося в Космографии, должна быть оценена как весьма консервативная.

Сокращения

- Авв. - Житие Аввакума (автограф); см. § 13.
- Акц. Мер. - *Зализняк А.А.* Акцентологическая система древнерусской рукописи XIV века "Мерило Праведное" - В кн.: Славянское и балканское языкознание. История литературных языков и письменность. М., 1979.
- Ап. - Апостол. М., 1564.
- Атлас (Север, Юг, Запад, сводный) - диалектологические атласы русского языка, см. сноску 16.
- Бромлей - *Бромлей С.В.* О следах общеславянской *s*-парадигмы в акцентной системе русского глагола (по материалам говоров). - В кн.: Общеславянский лингвистический атлас 1976. М., 1978.
- Вас. - *Васильев Л.Л.* О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI-XVII вв. К вопросу о произношении звука *o* в великорусском наречии. Л., 1929.
- Галкина - *Галкина Г.С.* Язык рязанских деловых документов XVII-XVIII веков (фонетика и морфология). АКД. Тула, 1961.
- ГБЛ - Гос. библиотека им. В.И. Ленина в Москве.
- Диал. член. - *Захарова Н.Ф., Орлова В.Г.* Диалектное членение русского языка. М., 1970.
- Дом. - Домострой по Коншинскому списку; см. § 12.
- Дыбо 1962 - *Дыбо В.А.* О реконструкции ударения в праславянском глаголе. - В кн.: Вопросы славянского языкознания, вып. 6. М., 1962.
- Дыбо 1968 - *Дыбо В.А.* Акцентология и словообразование в славянском. - В кн.: Славянское языкознание. VI Международная конференция славистов (Прага, август 1968). Доклады советской делегации. М., 1968.
- Дыбо 1969а - *Дыбо В.А.* Среднеболгарские тексты как источник для реконструкции праславянского ударения (praesens). - ВЯ, 1969, № 3.
- Дыбо 1969б - *Дыбо В.А.* Древнерусские тексты как источник для реконструкции праславянского ударения (praesens). - ВЯ, 1969, № 6.
- Дыбо 1970 - *Дыбо В.А.* Фрагмент праславянской акцентной системы (ударение прилагательных с суффиксом *-vk-*). - Сов. славяноведение, 1970, № 5.
- Дыбо 1971 - *Дыбо В.А.* Закон Васильева - Долобко и акцентуация форм глагола в древнерусском и среднеболгарском. - ВЯ, 1971, № 2.
- Дыбо 1972а - *Дыбо В.А.* Реконструкция ударения *l*-причастия от глаголов на *-nq-* и *-i-* в праславянском. - В кн.: Исследования по сербохорватскому языку. М., 1972.
- Дыбо 1972б - *Дыбо В.А.* Акцентные типы презенса глаголов с *v*, *o* в корне в праславянском. - ВЯ, 1972, № 4.
- Егор. ев. - Евангелие учительное XVI в.; ГБЛ, ф. 98, № 80; см. § 13.

- Косм. - Космография Мартина Бельского XVI в.; ГБЛ, ф. 152, № 2; см. § 4.
- Котков - *Котков С.И.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии. М., 1963.
- Мер. - Мерило Праведное XIV в.; ГБЛ, ф. 304, № 15; см. § 12.
- Муз. ев. - Евангелие-тетр XVI в.; ГБЛ, ф. 178, № 3650; см. § 13.
- Новопокровская - *Новопокровская В.Н.* О некоторых морфологических особенностях рязанских говоров XVII в. (имя существительное). - Учен. зап. Орловского пед. ин-та, т. 13, вып. 5. Орел. 1958.
- Новые данные - *Зализняк А.А.* Новые данные о русских памятниках XIV-XVII веков с различием двух фонем "типа о". - Сов. славяноведение, 1978, № 3.
- Образ. - Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.
- Огиенко - *Огиенко І.* Український наголос в XVI віці. - Сборник ОРЯС, т. 101, № 3. Л., 1928.
- Оч. морф. - *Бромлей С.В., Булатова Л.Н.* Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.
- Постн. - Триодь Постная. М., 1589.
- Пролог - Пролог XVI в.; ГБЛ, ф. 354, № 19; см. § 13.
- Противоп. - *Зализняк А.А.* Противопоставление букв о и ѡ в древнерусской рукописи XIV века "Мерило Праведное". Сов. славяноведение, 1978, № 5.
- Пс. - Псалтирь XVII в.; ГБЛ, ф. 304, № 62; см. § 13.
- Ратн. - Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. М., 1647; см. § 13.
- Станг - *Stang Chr.* Slavonic accentuation. Oslo, 1957.
- Трав. - Травник и лечебник XVII в.; ГБЛ, ф. 37, № 431; см. § 12.
- Улож. - Соборное уложение 1649 г. М., 1649.
- Фер. - Кормчая XVI в.; ГБЛ, ф. 98, № 248; см. § 13.
- Цв. - Триодь Цветная. М., 1591.
- Час. - Часослов XV в. в составе рукописи ГБЛ, ф. 304, № 329; см. § 13.
- Чуд. - Чудовский Новый Завет XIV в.; см. § 12.
- Южн. отк. - Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги. М., 1977 (при ссылках название города обозначает соответствующую отказную книгу).

Глава 2

АКЦЕНТУАЦИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В «КОСМОГРАФИИ» МАРТИНА БЕЛЬСКОГО

§ 1. Настоящая статья продолжает акцентологическое описание рукописи последней четверти XVI века «Космография» Мартина Бельского (РГБ, ф. 152, № 2), начатое статьей «Глагольная акцентуация в южновеликорусской рукописи XVI в.» (Зализняк 1981). Все общие сведения о данном памятнике, именуемом далее просто Космография (сокращенно: Косм.), см. в указанной статье.

Ниже описывается акцентуация существительных в Космографии. Рассматриваются в первую очередь непроезженные существительные; из производных взяты только некоторые группы, наиболее интересные в акцентологическом отношении.

Как и во всех прочих древнерусских акцентуированных памятниках, в Космографии у существительных противопоставлены три акцентные парадигмы (а. п.).

Акцентная парадигма *a*, как обычно, реализуется в виде неподвижного наосновного ударения. Акцентные парадигмы *b* и *c* представлены кривыми, показанными в приводимых ниже таблицах. В качестве образцов взяты словоформы, встречающиеся в Косм.

При рассмотрении примеров следует учитывать, что в Космографии *e* вместо *ѣ* пишется только в безударной позиции. Таким образом, написание типа *река^x* показывает, что слог *ре-* здесь безударен, следовательно, ударение падает на второй слог (хотя оно и не обозначено).

Акцентная парадигма *b*

		муж.	сред.		жен.	
ед.	И.	кора́бль	кна ^ж ствò, селò		река̀, война̀	
	В.				реку̀, воину̀	
	Р.	кораблѧ	писма̀		реки, войны̀	
	Д.	кораблѡ	кна ^ж ствѹ		рекѣ̀	
	М.	животѣ̀, кораблѣ̀	писмѣ̀		рекѣ̀, воинѣ̀	
	Т.	кораблѣмь	челомь		рекѡю, воинѡю	
мн.	И.В.	животы̀, конѣ̀	кна ^ж ствѧ	сѣла	реки	воины
	Р.	послѡвь, конѣи	гнѣздь		рѣкъ	
	Д.	кораблѣмь	сѣламь		[слуга ^м]	
	М.	кѡнехь	сѣлехь		река ^x (= река̀хь)	
	Т.	королѝ, коро ^л мѝ, корола̀ми	крыла̀ми	сте́клы	река̀ми, война̀ми	

Акцентная парадигма *c*

		муж.		сред.	жен. (<i>a</i> -склонение)		<i>i</i> -склонение	
ед.	И.	гóро ^д , на горо ^д		зóлото, íмѧ, на золото	сторонѧ		пóмо ^ч , на помо ^ч	
	В.				стóрону, на сторону			
	Р.	гóрода (-у), дó города (-у)		зóлота, íмени, дó морѧ	сторонѧ		пóмочи, íзо твери	
	Д.	гóроду, пó городу		мóрю, пó морю	сторонѧ	к зéмли, пó водѧ	нóчи	
	М.	гóроде, на городе		зóлотѧ, íмени, при озерѧ	сторонѧ		в ночѧ	в ... части
	Т.	гóродо ^м , пéре ^д городо ^м		слóво ^м , íмене ^м , за слово ^м	головóю		пóмо ^ч ю, нóчью	
мн.	И.В.	гóроды, звѣри, пó дары	мостѧ, глазѧ	слóва, полѧ, именѧ	стóроны, за ноги		вóлости, рѣчи, на люди	
	Р.	городóвъ, зверѧи		пóль, óзерь	земель, [сторо ^м]		помочѧи, речѧи	
	Д.	лесо ^м (= лесóмъ), леса ^м (= лесáмъ)		—	[нога ^м]		людемь	
	М.	лѣсе ^х , óстрове ^х	леса ^х (= лесáхъ)	пóла ^х , на нóсь ^х	землѧхъ		людех, на санех	
	Т.	гóроды	городáми, звѣрми	чюдесѧ	головáми		костми	

В Космографии у слов а. п. *c* оттяжки ударения на предлог еще носят вполне систематический характер. Новая акцентовка (без оттяжки ударения на предлог) регулярно представлена у слов с *нѣ*- (типа *нѣдругъ*), например, *на нѣдруга*, факультативно также у слов с начальным *б*- (*бóстровъ*, *бóбразъ*, *бóзеро*), например, *по^д бóстро^в* 175б, *на бóстрове^х* 53, *по бóбра^х* 173, *из бóзера* 48 (в сумме около 10 раз). В прочих случаях она встречается крайне редко¹. С другой стороны, почти не встречается и случаев оттяжки ударения на предлог у слов, не принадлежащих к а. п. *c*.

На частицы и союзы ударение с существительного в Космографии не оттягивается (за исключением *нѣ в пору*), например, *нѣ воды* 174б и т. п.

Замечание. Слова *через* и *для* могут себя вести в Косм. как полноударные, ср. *чѣре^з* зéмлю 114б, *чѣре^з* вѣру 104б. Соответственно, написания типа *чѣре^з* ми^р, *чѣре^з* пско^в, *чѣре^з* море нельзя считать надежными примерами оттяжки ударения на предлог.

¹ Следует учитывать, впрочем, что, как и в других тактовых группах, в сочетании предлога с существительным ударение может быть вообще не проставлено; то есть в произношении колебаний могло быть больше, чем это видно по тексту Косм.

Рассмотрим материал отдельно по морфологическим классам.

Мужской род

§ 2. К а. п. *a* относится очень большое число существительных (главным образом производных). Перечислять их все нет необходимости; ограничимся немногими — преимущественно такими, которые по той или иной причине представляют специальный интерес для акцентологии.

Здесь и далее слова приводятся в одной или нескольких формах из числа засвидетельствованных в Косм. Адреса примеров обычно не приводятся; они даются лишь в некоторых случаях, где мы сочли полезным документировать пример более строго (в частности, для некоторых редких слов или редких способов акцентровки). Грамматические пометы при словоформах даются лишь там, где это необходимо для устранения двусмысленности².

Выборка слов а. п. *a*: *араны*; *баволы* ‘буйволы’; *бискупо*^В; *болгаро*^М Д. мн.; *брата*, -ы, -о^В; *волохи*; *ѿ вѣтра*, *ѿ тѣх вѣтра*^Х; *грѣки*, -ове, -ами; *жемчиогъ*, -у, -о^М, -и; *жиды*, -ове, -ово^М, на *жидовъ*; *каме*^Н, на *камени*, *каменевъ*, на *камене*^Х; *куро*^В ‘петухов’; *персы*, -ове, -о^В; *прусы*, -ове, -о^В; *рыцарми*; *сербы*, -о^В; *татарове*, *татаро*^В; *турки*, -ове, -о^В, *турокъ* В. мн.; *философы*; *Фунта*, -о^В; на *хлѣбъ*, *хлѣбы*; *холѡпи*, -е^Х; *языка*, -и;

некоторые производные — *гражане*, з *добытком*, со *кнажиче*^М 33б, *колоколчики*, *кролико*^В 177б, *кроликами* 177б, *лѣкаре*^М Д. мн. 101, *москвичами* 42, *мещане*, *нѣмцы*, -о^М, -а^Х, из *нѣмецъ*, *ѡбычае*^М Д. мн., *ѡбычеевъ*, *ѡстровичи* ‘островитяне’ 30б, *племанникъ*, *послушникъ*, *пригоро*^Лки, -а^М, *приставо*^В 1б, к *приступу*, на *прожитокъ*, *римлане*, *рыболове* И. мн. (с переосмыслением -ове как окончания), -е^М Р. мн., *сосуды*, *сусѣди*, -о^М Д. мн.

К а. п. *a*, вероятно, относятся такие формально неоднозначные примеры, как *бархат*, *бархату* Р. ед., -ы, *внуку*, *зада*, *дохтора*, *мрамору* Р. ед., *парусы*, с ... *плаче*^М, с *прапоры*, *сахаро*^М, в *сваты*, *шелко*^М, *яхонтъ*; также *грабеже*^М, *кубокъ*, *ѿ* ... *запаху*, *зговѡръ*.

Менее определены: *властели* Р. ед. (sic) 187, *перста* 11, *пробысль* 135, *тѣста* 117, *ѣду* Р. ед. 3.

§ 3. С ударением, указывающим на а. п. *b*, засвидетельствованы следующие слова (приводятся в одной или нескольких формах из числа встретившихся):

волы; *бобръ*; *воробѣи*; до *верху* 130, *верху* 23б; *гонца*; *грехи*; *двора*; *днепра*; *дѣака*; *ересники* 138б; *живота*; *змея* Р. ед. 20б, *змеѣвъ* 181б; в *кирпичѣ* 4, в *кирпичю* 14; *ключа*; на *колѣ* 179; *колоколѣ* 188б; *коня*, *конѣ* 16б; *конѣцъ*, *конца*; *корабль*, *кораблѣ*, *король*, *короля*; *королки* ‘кораллы’ 54; *кулакѣ* Т. мн. 185б; *лемиш* 108; *ноябрь*; *ѡвоцѣ*; *ѡвоци*; *ѡгонь*, *ѡгни*; *ѡслопы* ‘дубинами’ Т. мн. 50; *монастыри*; *паня* 152б; *пастухи*; *перуня* 50; *петра*; в ... *полку* 108б, *полки* 152, *по^Лковъ* 89б; *полонъ* 28, *полону* Р. ед. 173б, в *полону* 8б, 62; *попа*; *посла*; *пу^Мкарѣ* 173б; *песѡкъ*, по *песку*; *ѿ ревлѣ* ‘от Ревеля’ 65б; на *рубежѣ* М. ед. 64б; *рублѣ*; *русакѣ* ‘русские’ 32, 165; к *тому саду* 122; *скота*; *стола*; *то^Лмача*; с *торгом* 126б, *торги* 48; без *ума*; *ученика*; *Февралѣ*; *Фонаря*, в *Фонарѣ*, с *Фонари*; в *хвостѣ*; *царя*; *чася* (также *часы* ‘hologium’ 2б); *чернцы* 135; *шатры*. Сюда же, очевидно, относятся формально неоднозначные *городѡкъ* 113, *донѣцъ* 44б, до *кошеи* 78, *кошѣми* 174, *рва* 7, *сто^Лповъ* 178, *стре^Лцѡвъ* 151б, *сцѡмъ* ‘мочой’ 124б.

² При этом в парах омонимов типа *вѣтро*^М (Т. ед. и Д. мн.), *вѣтры* (И. В. мн. и Т. мн.), *кораблѣ* (И. В. мн. и М. ед.) помета дается только при Д. мн., Т. мн., М. ед. (соответственно).

Особо стоит группа этнонимов с И. мн. на *-ове*: *вандолóве*, *готóве*, *испанóве* (но также *испáнове* 183б, *шипáнове* 27), *камбалóве* ‘каннибалы’ (но также *ка^мбáлове* 179б), *угрóве* (*вугрóве*), *шкотóве*. С другими окончаниями находим *шипáном* Д. мн. и т. д. (но один раз *шипáны* 27б), *камбáла* и т. д., однако обычно *угры* (*вугры*), *угрóвь* и лишь однажды *угры* 153. Отметим еще колебание *полакì* 139, но *полакí* 139б, с *полакí* 74.

В М. мн. наосновное ударение встретилось только в *на кóне^x* 71б и в *монасты́ре^x* 67. Флекссионное ударение прямо вообще не засвидетельствовано; его можно предполагать, в частности, в *ω послѣ^x* 57б, в *послѣ^x* 36б, в *по^нкѣ^x* 98, в *вожѣ^x* 28, *на концѣ^x* 56б, *кораблѣ^x* 185б.

§ 4. О принадлежности слова к а. п. с говорят прежде всего оттяжки ударения на предлог:

на бере^r 30 и др., *у берегу* 179, 182; *прó бѣ^г* 9б, *за бѣ^г* 105б, 157б, *на бѣ^г* 85, *у бѣ^г* 81, 115; *дó вечера* 152б; *дó вѣ^к* 38, *вó вѣ^к* *вѣ^чныи* 157; *на город* 85б, *дó города* (часто), *дó городу* 129, *из города* (часто), *у города* 92, 112, 154б, *пó городу* 116, *на городе* 87 и др., *ó городе* 49, *пéре^г городо^m* 5б; *вó гра^д* 97, 113б, *дó града* 8, 183, *вó градѣ* 115б; *пó дары* 30; *на дñ^и* 1, 184 (ср. также *двá дñи* 142б, *трí дñи* 3); *из дому* 163; *прó доⁿ* 47б; *дру́гу за друга* 11б, *дру^r за друго^m* 91б; *на зверя* 52б, *на звѣ^r* В. мн. 43б; *на мостъ* 50; *за му^ж* 162, *у мужа* 37; *пó леду* 52, 56б, 159б; *из лука* 7; *на ле^c* 29б, *пó лесу* 29, 74б; *на окупъ* 108 и др.; *на остро^b* 25, 175, 187б, *пóд остро^b* 185б, *дó острова* 29б, 179, *дó острову* 181, *из острова* 180б bis, *пó острову* 178б, *на острове* 12 и др.; *на полдñ^и* 14б и др.; *пó по^я* 185 и др.; *пóдо пско^b* 51, *изо пскова* 33, *óто пскова* 49б, *ó пскове* 51; *из роду* 148 bis; *на свѣ^t* (часто); *пó снегу* 56б; *с стану на стаⁿ* 150б; *ó сñе* ‘о сыне’ 95б; *дó угла* 23б; *пó чину* 63, 167.

Сюда же *на похороны* 95б (как показывает Р. *похороновъ* 16б, это слово было в говоре Косм. мужского морфологического рода). Относительно не вполне ясного примера *на похорона^x* 96б см. ниже, § 5.

Нет оттяжки ударения в *на бéрегу* 74б, *из гóрода* 8б (о словах *островъ*, *образъ* см. выше, §1). В *и³ стану в стаⁿ* 27 представлено флекссионное ударение (вместо *из стану*); вероятно, это связано с превращением всего оборота в комплекс с единым ударением.

Подвижность ударения засвидетельствована также непосредственно в следующих случаях (приводятся только наиболее показательные словоформы):

бéрега – *на берегѣ*; *вáло^m* 46б – *в валѣ* 46б; *гóду* Р. ед. – *во всáко^m годѣ* 41б; *гóлу^b*, *гóлуби* – *голубѣи*; *гóро^d*, *гóрода* – *городóвъ*, *-áми*; *дáры* – *дарóвъ*, *-áми*; *дóму* Р. ед. – *домóвъ*; *дóну* Р. ед. 64, 168, *дóно^m* 43б и др. – *о донѣ* 43б; *звѣ^r* – *зверѣи*; *зѣ^b* – *зубáми*; *кíемъ* 30б – *киáми* 50б; *кнáз* – *кñзѣи*; *лѹки* (оружие) – *с лукáми* 29, 18б и др.; *лѣ^b* – *лесóвъ*; *мíру* Р. ед. – *в мíру*; *с мóсту* 50 – *мосты* 52; *нédру^r*, *нédруга* – *нédругóвъ* 67 bis; *óстро^b*, *óстрова* – *óстровóвъ*, *-áми*; *рóду* Р. ед. – *в родѣ*; *сóболи* 53, 55 – *соболéи* 53б; *чíну* Р. ед. – *в чíну*. Кроме того, словоформы с начальнoударным полногласием: *гóло^d*, *гóлодо^m*, *гóлосо^m*; *вóлосы*; *кóлокоⁿ*, *кóло^c*; *сóро^m* 58 и др., *сóрома* 94б, -у Р. ед. 26б; также *сóро^k* 43б, 87.

Сюда же, по-видимому, относятся и такие формально неоднозначные примеры, как: *глазá* В. мн. 2б; *глáсу* Р. ед., -о^m; *гóсти*; *грóбу* Р. ед., *грóбы* И. В. мн. 13, 23б, Т. мн. 23б; *гѹси*; *вóлки*; *вóру*; *дру́гу*, -о^m; *кóрень*; *кóрму* Р. ед.; *лѹдо^m*; *мéду* Р. ед., -о^m; *мѣ^bло^m*; *нóсу*, -о^m; *пíру* Р. ед.; *пóлу* Р. ед. ‘sexus’; *мехóвъ* 84; *полóзóвъ* ‘полóзьевъ’ 56б; *óбра³*, *óбразы*; *слóны* 16б, *смрáду* Р. ед.; *рóсто^m*; *сóко^m*; *сѹды* ‘naves’ 41 и др.; *тáтю* 85; *хóду* Р. ед. 136б, 141; *чёрви*; *чóрта* 17; *цѣ^bто^m*; *шѹмо^m*.

§ 5. Рассмотрим грамматические формы, представляющие у слов а. п. с особый интерес для акцентологии.

В И. В. мн. флексивное ударение обнаружено только в случаях: *глаза* В. мн. 2б, *мосты* В. мн. 52, *домы* В. мн. 57б (ср. *дѣмы* И. мн. 157б, В. мн. 34, в *дѣмы* 50). Во всех прочих случаях представлено наосновное ударение: *боги*, *годы*, *голуби*, *города*, *гости*, *гробы*, *гуси*, *волки*, *волосы*, *дары*, *звѣри*, *зубы*, *луки*, *лѣсы*, *мужи*, *недрузи*, *образы*, *окупы*, *островы*, *слоны*, *снѣги*, *соболы*, *суды* ‘naves’, *углы*, *чѣрви*; также *дарове* В. мн. 60, 186б, *мужеве* 22, 124б.

Омонимичная форма Т. мн.: *города*, *грады*, *гробы*, *дары*, *образы*, *островы*; отметим также с *великими дарове* 102.

В Д. мн. ударение не проставлено ни разу; ср., в частности, *по лесом*^м, *голубем*^м, *островом*^м, *по станом*^м, *судом*^м ‘navibus’, *по лесам*^м, *по дугам*^м, *по островам*^м. Очевидно, как при *-омъ*, так и при *-амъ* ударение флексивное.

В М. ед. при старом окончании *-ѣхъ* (без ударения *-ехъ*) в недвусмысленных случаях находим наосновное ударение: *на островех*^х 53, *в лѣсех*^х 42б, *на островех*^х 16б, в ... *городех*^х 121, *в тѣх градах*^х 5. (Предполагать здесь окончание *-ехъ*, восходящее не к *-ѣхъ*, а к *-ѣхъ*, не приходится, поскольку оно сочетается только с мягкими основами.)

Встречаются, правда, и написания с *-ѣхъ*, типа *островѣх*^х, *городѣх*^х; остается неизвестным, является ли здесь *ѣ* чисто орфографическим или отражает вариант с флексивным ударением.

При новом окончании *-ахъ* мы находим флексивное ударение: *в лесах*^х 44, 55 и др., в *тѣх лесах*^х 29б и др. Иное ударение представлено в *на похоронах*^х 96б. Возможно, это акающая запись вместо *на похоронох*^х, с окончанием *-охъ*, которое, в отличие от *-ахъ*, могло быть в а. п. с и безударным.

В М. ед. возможны два варианта ударения:

1) в ... *городе*, о ... *городе* (часто), о ... *граде* 4б, о ... *кнѣзе* 31б, в *лѣсе* 178б, об *острове* 17б, на *том острове* 2б и др., в ... *острове* 142б, на *семъ свѣте* 109б; также с окончанием *-у* — на *бѣрегу* 74б, в *томъ же году* 28, на *том острову* 178б, 181б, на *котором острову* 29б, в ... *острову* 180.

2) на *берегу* 21, 189, в *валу* 46б, во *всякомъ году* 41б, о *дону* 43б, в *лесу* 74б, в *томъ же лесу* 48, на *лесу* 75, в *миру* 3б, 105б, в *том острову* 142б, в *роду* 33, на *роду* 17б, на *холоду* 122, в *чину* 175, во *всемъ чину* 57б.

Таким образом, флексивное ударение возможно только при окончании *-у*; но, в отличие от современного литературного языка, наосновное ударение возможно не только при окончании *-ѣ* (*-е*). Словоформы на *-ѣ* встречаются преимущественно при контактном расположении предлога и существительного.

§ 6. Особые случаи.

Слово *бои* колеблется между а. п. *б* и *с*: *бою* Р. ед. 78б, 90, 94, Д. ед. 83б, на *бои* В. ед. 112, но *бою* Р. ед. 82б, *боемъ* 101, 189, на *бои* 189б, на *бо*^н 84 (как к а. п. *б*, так и к а. п. *с* могут относиться о *бою* 76б, на *бою* 153, на ... *бою* 28 и др., *боевъ* 114б).

Возможно, что так же колебались слова *знои* и *сторожь*: *зноа* 186, *зноа* 4б, 13, *зною* 20б, 24; за *сторожю* В. мн. 40б, *сторожю* И. мн. 84.

Разница ударения между *плода всѣково овоцнѣво* 5б и *для плѣду* ‘на развод’ — такая же, как в современном просторечии и говорах, а именно, она соотносена с различием значений (см. Зализняк 1977, с. 100).

Слова *римь* и *западъ* колеблются между а. п. *a* и *c*: *до рѣма* 67, 76 и др., *до рѣму* 216, *рѣму* Р.ед. 666 и др., но *из рима* 67, *из риму* 127; *на запа^a* 51, 174, *ѿ западу* (часто), *ѿ запада* 1166, 139, но *на запа^a* 44, 796, 105 и др.

В названии Новгорода, как обычно в памятниках этой эпохи, склоняются обе части, причем первая имеет флексивное ударение, а вторая преимущественно безударна, но иногда обнаруживает тоже флексивное ударение (по-видимому, ритмического происхождения). Таким образом, наиболее обычны формы *новгородъ*, *новáгорода*, *новúгороду*, в *новѣгородѣ* (однако с *новы^m гóродо^m*), но встречаются также формы *новáгорода*, *новúгороду*, в *новѣгородѣ*.

Средний род

§ 7. Из слов а. п. *a* отметим лишь немногие: *воиска* мн. 159, *дѣлы* Т.мн. 85, *зѣркала* мн. 186, *-ы* Т.мн. 176, *знáмена* мн. 74, 1216, 133, *лѣта* мн. 326, 102, *-ѣ^x* 36, 27, 296, *мѣста* мн. 175, *-а^x* 41. С новым ударением представлено *стада* И.мн. 1476.

С ударением, указывающим на а. п. *b*, засвидетельствованы:

во *взà^u* 75, *винò*, *воров'ствòм^l* 1726, *кнж'ствò* 51, 121, *-у* 386, *колеса* Р.ед. 36, *оснод* 'острие, шип' 566, *писмò*, *-ѣ*, *племà* 396, 61, *плеча* Р.ед., *-ю*, *рунà* Р.ед. 196, *селò*, *серебрà* Р.ед., *сребрò*, *сукнà* Р.ед., *челò*, *-ѣ*, *числà* Р.ед., *лицò*.

Во множ. числе у таких слов ударение как правило перенесено на основу: *гнѣгда* 34 (з вместо з — описка), *дерѣвца* 185, *кòпѣи* Т.мн. 876, *плàтна* 1976, *на плече^x* 706, *полòтна* 133 bis, *-ы* Т.мн. 185, *села* 16, *по села^m* 746, *в тѣ^x селе^x* 121, *стéкла* 188, *-ы* Т.мн. 188, *сúкна* 106, 19. Без переноса ударения: *кнж'ствà* 326, *крылáми* 246.

§ 8. В а. п. *c* отмечены следующие случаи оттяжки ударения:

нà время 336, 89 и др.; *из древа* 1786, *ѿ древа дò древа* 266; *нà золото* 1776, *пò золото* 1906; *вò имà* 43, 1756; *нà море* (В.ед. и М.ед.), *нà мори*, *зà море*, *дò моря*, *пò морю* (все часто), *ѿ моря* 556, *нà^a море* 68, *нàд море^m* 174; *нà ѿбѣ* 12, *нà нòсѣ^x* 1066; *зà очи* 61; *из озера* 506, 536, *прѣ озере* 54, *нàд озером^l* 51; *нà поле* (М.ед.) 98; *нà слове* 376, *зà слово^m* 82; *пò ух^l* 118.

Оттяжки ударения нет в *на злáто* 184.

Во множ. числе отметим: *древеса* 86, *дивеса* 19, *именà* (часто), *полà* 26, 56, *слова* 54, 197 bis, *словеса* 1066, 115, *чюдеса* 2. С наосновным ударением: *на тѣ^x полà^x* 1086, *в уша^x* 177.

Женский род

§ 9. С ударением, указывающим на а. п. *b*, засвидетельствованы:

В.ед. *a*-склонения: *беду*, *вину*, *воину*, *главу*, *двину*, *десну* (река), *длину*, *долготу*, *дубну*, *жену*, *звезду*, *змею*, *красоту*, *литву*, *москву*, *на мену*, *оку*, *реку*, *руду*, *сестру*, *слугу*, *стражу*, *страну*, *стрелу*, *стрелбу* (с *e*), *траву*, *тюрму*, *упу* (река), *ширину*.

И.В.мн. *a*-склонения: *беды* 276, *жены* (часто), *казны* 25, *кишки* 177, *великие луки* 486 bis, *паши* 83, *реки* (часто), *слуги* 50, 506, *страны* 53, 1716, 181, *стре^mбы* (б.уд., но с *e*), *тамè* 1666, *трубы* 546, *чол^mы* 12.

Наосновное ударение во множ. числе у слов этой группы в Косм. представлено еще весьма слабо. Можно указать только *воины* 256, 356, 1416 и несколько случаев колеблю-

щегося ударения: *главьѣ* 55 – *главьѣ* 17, *змеѣ* 122б – *змѣи* 2, 181б, *всѣ* *стрелы* 170 (б.уд., но с е) – *стрѣлы* 26б, 170 bis, *щепѣ* 188б – *счѣпы* 188б.

§ 10. Случаи оттяжки ударения таковы:

в а-склонении — *на весну* 54, 76, 113, *на голову* 68б и др., *на землю* 67б, 157, *на зиму* 171, *прѣ иглы* 188, *за ноги* 30б, 188, *на ѡрды* 172, *нѣ в пору* 39, 88б (также в *тѣ поры* [часто]), *за руку* 101, *на сторону* 104, *на стену* 72, 86 и др. (также *по^п стену* 93б bis, 156б, *по^п стены* 93б, *чѣрез стену* 85 — с е вместо ѣ);

в і-склонении — *дѣ ноци* 96, *на по^пно^п* 37б, 174б, *на полночь* 55б, *на помочь*, *на помощь* (часто), *на сане^х* 56б, *изо твери* 49, *ѡто твери* 52б.

Отметим здесь также слово і-склонения *люди*: *за люди* 30б, 186б, *на люди* 105, 136 и др., *пѣ люди* 79.

Ср. также наречия *напособѣ* 81, 97б, *истари* 135.

Слово *смерть* колеблется: *на смѣрть* 170, но *до смѣрти* 187б.

В ряде случаев подвижность ударения засвидетельствована также непосредственно: *горѣ*, -ѣ Р.ед., -ѣ, *гору* (но 1 раз *на горѣ* 100б), *горѣю*, *гѣры* мн. (но 1 раз *горѣ* 132б), *горѣми*; к *дѣни* 183б, *данѣи* 55: *о ловоти* (река) 48 и др., *на ловоти* 49. В словоформе *скѣвороды* 179 об а. п. с говорит место ударения.

При обычных формах множ. числа *зѣмли*, *пѣры*, *стѣны* имеются единичные примеры с флексийным ударением: *землѣ* 118б, 136, 150, *в тѣ поры* 154б, *стенѣ* 85б.

У ряда слов встретились только формы, не дающие возможность определить акцентную парадигму. Отметим из таких примеров: *лѣды* 179, *кѣпны* 92б, *свѣины* 17.

В целом акцентуация существительных в Космографии должна быть оценена как весьма консервативная. Она существенно ближе к раннедревнерусскому состоянию, чем к ситуации в современном русском языке.

Литература

- Зализняк 1977 — А. А. Зализняк. Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. Вып. 8. М., 1977. С. 71–119.
- Зализняк 1981 — А. А. Зализняк. Глагольная акцентуация в южновеликорусской рукописи XVI в. // Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфонологии. М., 1981. С. 89–174.
- Зализняк 1985 — А. А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

ОТДЕЛЬНЫЕ СТАТЬИ

ПЕРЕНОС УДАРЕНИЯ НА ПРОКЛИТИКИ В СТАРОВЕЛИКОРУССКОМ

§ 1. Система переноса ударения на проклитики в старовеликорусском была кратко охарактеризована нами (без разбора материала) в книге «От праславянской акцентуации к русской» [Зализняк 1985, § 3.48]. В настоящей статье эта система разбирается более подробно. Материалом служат те же памятники, что в указанной книге; сохранены и их условные наименования. Мы полностью опираемся на данную книгу во всех общих положениях (что позволяет нам их здесь не пересказывать), а также в том, что касается способов передачи цитируемого материала.

Следует подчеркнуть, что перенос (или, иначе, оттяжка) ударения на проклитики понимается ниже как условное наименование определенного синхронического соотношения между ударением словоформы без проклитики и с проклитикой, а не диахронического процесса сдвига ударения (в рассматриваемых сочетаниях, по-видимому, вообще никогда не происходившего).

С исчезновением фонетического различия между энклиноменами и начальноударными ортотоническими словоформами (относящимся предположительно к позднерусскому периоду) ударение на проклитиках становится фонетически необусловленным, т. е. традиционным. Наряду с *на воду*, *не на воду* становятся в принципе возможными также акцентовки *на воду*, *не на воду*, *не на воду*. В ходе истории сфера употребления этих исторически более новых акцентовок постепенно расширяется.

В Чудовском Новом Завете, т. е. в XIV в., система ударения на проклитиках еще очень близка к первоначальной. Основные инновации здесь таковы: 1) союзы *а*, *но* в энклиноменных группах ударения на себя уже не принимают (исключения: *но что* 46а, *но да спѣу* 48в, *но се гряде*^т 67в); 2) союз *да* в таких группах принимает ударение только перед односложными местоименными энклиноменами (*мы*, *вы*, *кто*, *что*), а перед прочими энклиноменами не принимает (*да створию* и т. п.); см. [Дыбо 1975, с. 20–30].

Перечислим отмеченные в Чуд. оттяжки ударения на проклитики в их сочетаниях со словоформами существительных:

и блюда, *о бѣѣ*, *на брак*, *на брезѣ* (2×), *и бѣси*, *и бѣсы*, *и вар* В.ед., *до вечера*, *на возрастъ*, *но возрастю*, *а не видомъ*, *и волк* И.ед., *и глади*, *внѣ града*, *но градоу*, *но градо^м*, *оу гроба* (2×), *и в днѣ*, *во дни* В.мн. (2×), *до долу* (2×), *но по долгу*, *на друга* (2×), *ни жезла*, *и звѣри* В.мн., *и кнзи* И.мн., *и миръ* И.ед. (2×), *ѿ мира*, *а не мирови*, *бѣз моужа*, *и моужи* И.мн. (2×), *ни мѣха*, *и попелѣ*, *но разоумоу*, *но не по разоумоу*, *и*

ро^а И.ед., *пó рядоу* (4×), *на́ ряды*, *о́ свѣтѣ*, *прі́ свѣтѣ*, *пó страху*, *и́ трепето*^м Т.ед., *и́ труси*, *и́ холмо*^м Д.мн., *и́ бѣциноу*, *пó чиноу* (4×), *а нѣ брашина* Р.ед., *и́ время* И.ед., *дó времени*, *ни на́ древо*, *на́ дресѣ*, *прі́ езерѣ*, *пó іме*^м, *о́ имени*, *пó морю* (2×), *на́ море*, *на́ мори* (2×), *прі́ мори* (2×), *ні́ слово*^м Т.ед., *внѣ́ тѣла*, *пó тѣлоу*, *вѣ́ оуши*, *и́ в воду*, *на́ землю* (5×), *и́ землю* (2×), *на́ нозѣ* В.дв. (2×), *и́ нозѣ* В.дв., *за́ руку*, *и́ роуцѣ* В.дв., *пó стѣнѣ*, *пó власти* Д.ед., *и́ властемъ*, *и́ кости* В.мн., *дó крове* (2×), *и́ крови* Р.ед., *на́ лествъ*, *бѣз лѣности*, *на́ площаді* В.мн., *и́ свѣсть* И.ед., *и́ стоудени* Р.ед., *и́ червени* Р.ед., *бѣзо чти*, *на́ люди* [Зализняк 1985, с. 8–15].

Опущены некоторые примеры из списка В.А. Дыбо, где, с нашей точки зрения, надстрочный знак может не передавать ударения, добавлены *и́ холмо*^м 40б, *пó іме*^м 4бг, *вѣ́ оуши* 82г, *на́ лествъ* 92а.

Лишь в нескольких случаях ожидаемая оттяжка ударения в Чуд. отсутствует: 1) с союзом *и* — *и́ мирѣ* 99г, *и́ ноцѣ* 64в, *и́ слово* 49б, *и́ бѣциноу* 134а; 2) с предлогами — *по́ вѣкоу мира сего* 125б, *из дóмоу* (два знака ударения) 2бг, *на́ мори* 18а, *и́ ѿ́ стра́ха* 9а, *ѿ́ тѣла* 113б; менее показательны *внѣ́ гра́да* 68в, *внѣ́ гра́да* 69г (см. ниже § 3, примеч. 2).

§ 2. В XV–XVII вв. картина несколько меняется. Оттяжки ударения на союзы уже практически отсутствуют¹. Сохраняют способность принимать на себя ударение только предлоги и частица *не*, в очень ограниченной степени (только при глаголах) также частица *ни*.

В разных частях морфологической системы древний механизм оттяжек ударения на проклитики сохраняется с различной степенью полноты. Так, у прилагательных (где оттяжки были возможны только при нечленных формах) в связи с постепенным отмиранием нечленных форм косвенных падежей сфера оттяжек резко сужается; они выступают в основном лишь в адвербиализованных сочетаниях (*за́ ново*, *пó су́ху* и т. п.), которые постепенно превращаются в единые слова. У глаголов сфера оттяжек еще уже — прежде всего из-за прогрессирующего вытеснения форм-энклиноменов из парадигм спряжения. Сильной перестройке подверглось также ударение проклитико-энклитических групп.

Имеется, однако, морфологическая сфера, где механизм оттяжек ударения и в эту эпоху почти полностью сохраняет актуальность, — это сочетания предлогов с существительными. Их разбору и посвящается вся остальная часть настоящей работы.

Рассмотрим вначале тот важнейший случай, когда в сочетании с предлогом участвует *непроизводное* существительное.

Анализ материала показывает, что для подавляющего большинства изученных нами памятников нормой здесь является сохранение старого ударения, т. е. ударение на предлоге в случае, если именная словоформа есть энклиномен. Соответственно, при описании этих памятников заслуживают повышенного внимания единичные примеры типа *без му́жа*, *о́ мирѣ*, *на́ гробѣ*, *над дóмомъ*, тогда как бесчисленные примеры типа *бѣз мужа*, *о́ мирѣ*, *на́ гробѣ*, *над́ домомъ*, *дó Пскова*, *на́ мясо*, *кó Тѣбри*, *пéред городомъ* и т. п. для рассматриваемой эпохи совершенно стандартны. Отсюда следует, между прочим, что принятая в большинстве акцентологических описаний манера цитировать из средневековых памятников именно примеры типа *бѣз мужа* и

¹ Из реликтов такого рода отметим *и́бо* *и́ землю* Новг. 237, *и́ в вѣки вѣкѣ*^м Новг. 264, *пó сами* Хрон. 225б, *и́ со́ страхѣ*^м Дос. 151б, *по́ рублю́ и́ по́ два* Дом. 120 (не считая нескольких примеров, где *исо* над *и* может быть неиктусным).

не отмечать примеры типа *без мѹжа* (ср. примеч. 5) не соответствует синхронической ситуации в этих памятниках. Она создает ложное представление, что разница между XVI и XX вв. в этом вопросе чисто количественная, тогда как в действительности за это время произошел переворот в соотношении нормального и исключительного: *без мѹжа* и т. п. стало нормой, *на голову* и т. п. — исключением.

З а м е ч а н и е. Во многих рукописях сочетания предлогов с энклитоменами часто остаются без знака ударения; очевидно, они вызывали у писца какое-то затруднение (в частности, из-за возможных колебаний ударения). В связи с этим в ряде рукописей (особенно ранних) материал по акцентуации предложно-именных сочетаний оказывается довольно бедным (даже при значительном объеме рукописи).

Ниже приводится список непроезженных существительных², дающих в изученных нами памятниках XIV–XVII вв. (кроме Стар. и Цел.) достаточно регулярные оттяжки ударения на предлог; в дальнейшем он именуется «о с н о в н ы м с п и с к о м». В принципе любое из этих существительных дает в этих памятниках оттяжку на любой предлог, содержащий гласную, в любой форме (кроме Р. мн. и Т. мн.³), где без предлога данная словоформа в данной микросистеме имеет начальное ударение⁴ (вопрос о возможных отклонениях от этого принципа рассматривается в § 3–5). Слова основного списка во всех изученных нами микросистемах акцентуируются по акцентной парадигме *с*, причем как правило только по а. п. *с*; лишь немногие из этих слов в некоторых микросистемах колеблются между а. п. *с* и какой-то иной а. п.

Некоторые слова основного списка в составе предложно-именных сочетаний встречаются в памятниках редко. При таких словах указаны памятники, где отмечен хотя бы один пример оттяжки ударения на проклитику. Отсутствие таких указаний означает, что оттяжки засвидетельствованы достаточно широко.

Masculina: *берегъ* (Лет., Косм., Колм.); *богъ*; *бокъ* (Авв.); *боръ* (Лет.); *бракъ*; *брегъ*; *бѣсъ*; *валь* (Ратн.); *варъ* (Чуд.); *вечерь*; *видъ* (Чуд., Цв., Ряз.); *власъ* (Биб., Хр., Ик.); *возъ* (Лет., Увар.); *волкъ* (Чуд., Цв., Печ.); *волокъ* (Лет., Авв.); *волось* (Авв.); *воронъ* (Колм.); *воротъ* (Лет., Ик.); *воръ* (Улож.); *вѣкъ*; *гладъ* (Ион., Дан., Жит., Ап.); *глазь* (Улож.); *глась*; *годъ*; *голубъ* (Фер., Увар.); *городъ* (Лет., Косм., Ратн., Улож., Колм.); *господъ* (*господь*); *гость* (Дом.); *градъ* 'город'; *гробъ*; *громъ* (Дос., Трав., Печ.); *гусъ* (Фер., Увар., Колм.); *даръ*; *день*; *доль* (Чуд., Нил., Смол.); *долгъ*; *домъ*; *донъ* (Косм., Сол.); *другъ* ('amicus', 'alius'); *дубъ* (Биб., Хр., Постн., Трав., Матф.); *духъ*; *жаръ* (Цел.); *жеребей* (Улож.); *звѣрь*; *зубъ*; *квась* (Сенн., Муз., Увар., Цв., Матф.); *колоколь* (Лет.); *корень*; *кормъ* (Увар., Улож.); *князь*; *кругъ* (Лет., Печ.); *кусь* (Чет.); *ледъ* (Ион., Лет., Косм., Авв.); *ликъ* 'сонм' (Цв.); *ловъ*; *лугъ* (Новг., Колм.); *лукъ* 'argus' (Биб., Хр., Постн., Косм., Ратн.); *лѣсъ*; *медъ*; *миръ* ('рах', 'mundus'); *моръ* (Дос., Лет.); *мость*; *мракъ* (Час., Егор., Новг., Увар., Сел.); *мужъ*; *мѣхъ* (Чуд.); *ноготъ* (Трав., Хлын.); *носъ* (Ап., Трав., Улож.); *островъ* (Ап., Косм., Клон., Печ., Сол.); *пепель* (Цв., Печ.);

² В список включены также некоторые опростившиеся слова (и, кроме того, слова *помощь*, *помочь*, которые по акцентологическому поведению примыкают к непроезженным).

³ Оттяжки в Р. мн. представляют собой редчайшую аномалию (см. § 7 о сочетаниях *дѣ западь*, *ѡ' западь*). В Т. мн. в некоторых микросистемах (Лет., Печ.) оттяжки допускаются; ср., например. Лет.: *сѣ кнѣзи* 473, *зѣ возы* 1246, *зѣ сторожи* 1836, *нѣд гробы* 3316. В качестве единичных исключений оттяжки в Т. мн. отмечены также в Корн., Дан., Биб.

⁴ Исключение составляет форма множественного числа слова *поле*, где был возможен вариант (возникший под влиянием Р. мн. *пѣль*) с неподвижным начальным ударением и фонемой /ѣ/, ср. *по пѣлемъ* Трав. 142 (в Трав. $\omega = \delta/\delta$), а также *по пѣлѣхъ* Егор. 2146, *на пѣлѣхъ* Цв. 183 (+ Библ. 9926).

пиръ; *попель* (Чуд.); *платъ* (Трав., Цел.); *поль* 'половина'; *порохъ* (Увар., Трав., Ратн.); *потъ* (Ратн.); *поясъ*; *Псковъ*; *рогъ* (Биб.); *родъ*; *ростъ* (Улож.); *рядъ*; *санъ* (Сенн., Матф.); *свѣтъ* ('lux', 'mundus'); *слухъ*; *слѣдъ* (Фер., Биб., Улож.); *смадъ* (Сенн.); *снѣгъ* (Косм.); *сорокъ* (Ратн., Улож.); *соромъ* (Фер., Увар.); *станъ* (Лет., Косм., Ратн., Улож.); *сторожъ* (Лет., Хр., Ратн.); *страхъ*; *сынъ*; *трепетъ* (Чуд.); *троскотъ* 'хворост' (Новг., Тар., Постн., М.пс., Рж.); *трупъ* (Печ.); *трусъ* 'землетрясение' (Чуд., Дан.); *тукъ* (Новг., Тар., М.пс.); *уголь* (Ап., Биб., Постн., Косм., Колм.); *хладъ* (Амф.), *чинъ*.

Neutra: *брюхо* (Трав., Авв.); *горе* (Егор., Пск.); *время*; *диво* (Колм.); *древо*; *езеро* (Чуд., Печ., Сол.); *золото* (Косм.); *имя*; *море*; *мясо* (Такт., Лет., Фер., Увар., Цв.); *небо*; *озеро* (Лет., Косм.); *око*; *пиво* (Корн., Лет., Улож.); *поле*; *слово*; *сто*; *сѣно* (Новг., Тар., Постн., Рж., Улож.); *тѣло*; *ухо*; *чрево*.

Feminina: *борода* (Лет., Авв.); *весна*; *вода*; *голова* (Косм., Авв.); *душа*; *земля*; *зима*; *изла* (Косм.); *копна* (Улож.); *нога*; *пора*; *роса*; *рука*; *сѣмья* (Дом.); *сторона* (Лет., Косм., Ратн., Авв., Колм.); *строка* (Тих.); *стѣна*; *щека* (Хр.); *брань*; *власть*; *волость* (Лет.); *вѣсть*; *грудь* (Трав., Сол.); *дань* (Лет., Увар.); *дочь* (Дом., Улож.); *земь* (Лет.); *клѣть* (Ион. С, Фер., Увар., Библ.); *кость* (Чуд., Лет., Фер., Увар., Тих.); *кровь*; *лебядь* (Увар.); *лестъ* (Чуд., Ап., Амф., Ик., Сел.); *лошадь* (Тих., Улож., Авв.); *ночь*; *ноиць*; *осень* (Лет., Увар.); *печь* (Трав., Авв.); *пеиць* (Новг., Цв., Печ., М.пс., Тих.); *плоть*; *площадь* (Чуд.); *помочь*; *помощь*; *рѣчь* (Биб.); *сласть* (Корн., Жит., Дан.); *соль* (Корн., Печ.); *страсть*; *Тѣрь* (Лет., Косм., Улож.); *треть* (Лет., Ратн.); *трость* (Сенн., Ег., Муз., Цв., Матф.); *часть*; *чень* (Авв.); *честь*.

Pluralia tantum: *врата* (Т.пс., Вас.пс, Лет., Новг.); *дѣти*; *люди*; *моци* (Печ.); *сани* (Лет., Косм.).

Привести здесь весь материал памятников, разумеется, невозможно, поскольку он слишком велик. Заметим, что для большинства перечисленных слов примеры оттяжек ударения на предлог можно найти в ряде работ (см. прежде всего: [Васильев 1929; Станг 1952; Колесов 1972]). Ограничимся примерами лишь для некоторых слов, редко встречающихся в памятниках в составе предложно-именных сочетаний (опущены примеры из Чуд. и Косм., см. § 1 и 4, и из Вас. сб. и Ратн., см. [Васильев 1929; Станг 1952]):

пѣдъ боро^м Лет. 239, *бѣз вида* Цв. 102б, 201, *пѣ виду* Ряз. 182б, 310б, *зѣ воз/* Увар. 811б, *зѣ возо^м* Лет. 265, *зѣ возы* Т.мн. Лет. 124б, *ѡ волка* Цв. 15, *оу волка* Печ. 176, *у ворона* Колм. 254, *зѣ воротъ* Лет. 51, *оу ворота* Ик. 114б, 118б, *зѣ воромъ* Улож. 223, *зѣ гласъ* 'за глаз' Улож. 325, *зѣ голоубъ* Фер. 987б (+ Увар. 811б), *дѣ голуи* Фер. 471, *прѣ гостъ* Дом. (4х), *прѣ гости* Дом. 81б, *ѡ грома* Дос. 56б, *бѣз грому* Трав. 501б, *из грома* Печ. 560, *зѣ гоусъ* Фер. 987б (+ Увар. 811б), *у гуся* Колм. 254, *дѣ долу* Нил. Т 259, *пѣ долу* Смол. 7, *зѣ доно^м* Сол. 5, *нѣ жарь* Цел. 37, 117б, *нѣ жеребей* Улож. 216б, *пѣ жеребью* Улож. 183, *нѣ ѡ кваса* Сенн. 73а, *ѡ кваса* Увар. 510б bis, Муз. 586 bis, *бѣ³ кваса* Увар. 510б bis, *ѡ квасѣ* Увар. 511 bis, 512б, *нѣ вѣ квасѣ* Цв. 174б, *пѣдъ колоколы* В.мн. Лет. 334б (+391 [В.мн. или Т.мн.]), *зѣ кормъ* Увар. 812б, *нѣ кормъ* Увар. 429, Улож. 82б, *кѣ кругу* Лет. 337б, *ѡкругъ* 'вокруг' Печ. (4х), *нѣ кѣсы* Чет. 3б, *ѡ лика* Цв. 91, 104, *ѡ лоуга* Новг. 146б, *нѣ луги* Колм. 2б, *ѡ мору* Дос. 148, *ѡ мору* Лет. 242б, *нѣ ноготь* Трав. 493б, *зѣ ного^т* Хлын. 134б, *нѣ пепелѣ* Цв. 182, *ѡ пепела* Печ. 510, *нѣ пла^т* Трав. 65, Цел. 70, *бѣс пороха* Увар. 430, *нѣ порохъ* Трав. 511 (+528), *пѣ рогъ* В.ед. Биб. 23, *бѣз росту* Улож. 21, 128б, 164, *зѣ ростъ* Улож. 47б, 272, *пѣ сану* Сенн. 41а, *нѣ сану* Матф. 71б, *бѣ-смада* Сенн. 125б, *зѣ соромъ* Фер. (неоднократно), Увар. (неоднократно), *нѣ трупѣ* Печ. 103б, *ѡ трусѣ* Дан. 161, *нѣ хла^т* Амф. 113, *нѣ брюхо* Трав. 373б, Авв. 108б, *нѣ брюхе* Авв. 10б, *пѣ брюху* Авв. 35б, 214, *ѡ горе!* 'vae' Егор. 357б, Пск. 323 (+153,

250б, 283б), *на диво* Колм. 93, 14б, *о пивѣ** Корн. 184, *ѡ' пива* Лет. 33, *на пиво* Улож. 337б; *за копну* Улож. 170, *прó семью* Дом. 85б); *на волость* Лет. 362, *прó волость* Лет. 130, *из груди* Трав. 30б, *о груди** Трав. 3б, *но грудемъ* Сол. 189, *за да^н* Лет. 75, *ѡ' дани* Увар. 604, *на дочь* Дом. 22б, *за дочь* Улож. 323б, *за дочьрю* Улож. 49, 278, *на земли* Лет. 41, *за лебе^н* Увар. 811б, *на осень* Увар. 549 (+Лет. 244), *о рѣчехъ* Биб. 111б, *не о сласти* Корн. 179б, *на сласть* Жит. 273 (также *сѣ сластьми* Дан. 131б), *бѣз соли* Корн. 302, Печ. 21, *до трети* Лет. 285б, *на чепь* Авв. 258 (+73б), *за чепь* Авв. 6б, 250б, *во врата* Вас.пс. 135б (+Новг. 172), *во вратѣхъ* Новг. 366 bis (+Т.пс. 13б, Вас.пс. 11б, Лет. 73, 103), *ко врато^н* Лет. 219б, *но врато^н* Лет. 218, *на мощи* В.мн. Печ. 469б, *на сане** Лет. 184б (+184, Косм. 56б).

§ 3. Как показывает материал, новое ударение (типа *без мѹжа*) выступает несколько чаще, чем в среднем по памятнику, при наличии хотя бы одного из следующих особых факторов:

1) входящий в сочетание предлог есть *отъ, подѣ, надѣ, п(е)редѣ* или *ч(е)ресѣ* [*ч(е)резѣ*]; в некоторых памятниках (Библ., Матф.) к этой особой группе относится также предлог *о*;

2) основа именной словоформы неодносложна;

3) именная словоформа начинается с гласной;

4) именная словоформа или все сочетание имеет отчетливую книжную окраску.

В последнюю рубрику попадают словоформы двойственного числа (например, *нозѣ, ногу*), словоформы с *ц, з, с* вместо русских *к, г, х* (*брацѣ, брезѣ, усѣ* и т. п.), сочетания *во вѣки, во вѣкъ, во вратѣхъ, ис чрева, ѡ чрева*.

Соответственно, в дальнейшем разборе мы подразделяем совокупность предложно-именных сочетаний (с непроизводными именами из основного списка) на следующие группы:

I (общий случай),

II (неодносложная основа),

III (гласное начало),

IV (неодносложная основа и гласное начало одновременно, например, *на озерѣ*),

V (книжность).

В группе I различаются подгруппы Ia (обычный предлог) и Ib (предлог *отъ, подѣ, надѣ, п(е)редѣ, ч(е)ресѣ*). Сочетания с предлогом *о* рассматриваются в составе подгруппы Ia; там, где они ведут себя особо, это отмечается.

Примечания. 1. У предлогов *въ, съ, къ* выбор между неслоговым или слоговым вариантом (например, /*в*/ или /*во*/) сам по себе не зависит от ударения. Слоговой вариант обычно употребляется перед определенными группами согласных, часто также перед гласной; но в некоторых памятниках он встречается и перед одиночной согласной (что, по-видимому, отражает старую церковно-книжную манеру чтения), ср., например, *въ весь, въ дѣхъ, къ бѣоу, сѣ бѣо^н* и т. п. в Сени. Что касается оттяжек ударения на предлог, то слоговые варианты /*во*/, /*со*/, /*ко*/ подчиняются тем же акцентным правилам, что и обычные односложные предлоги, — независимо от того, по какой причине выбран именно такой вариант предлога, например: *со княземъ, во свѣтѣ, ко вратомъ, во весь* (орфографически также *сѣ княземъ* и т. д.).

2. Предлоги *близъ, вѣѣ, для, мимо, около, среди* (не говоря уже о сложных предлогах типа *посреди, впереди* и т. п.) могут иметь самостоятельное ударение, независимо от акцентных свойств имени, например, *вѣѣ вѣры* (а в силу факультативности акцентных знаков можно встретить и вводящую в заблуждение запись типа *вѣѣ вѣры*). В связи с этим в дальнейшем разборе сочетания с указанными предлогами вообще не рассматриваются.

В реализации отяжек у слов основного списка можно выделить следующие типы.

1. **Архаичный** тип: в подгруппе Ia новое ударение вообще отсутствует или ограничено одним-двумя примерами; в прочих подгруппах новое ударение представлено несколько шире, но преобладает обычно все же старое. Такова ситуация во всех памятниках основной части восточной зоны, кроме Библ. и Костр. (о восточной и западной зонах и их подразделениях см. [Зализняк 1985, § 3.33]; конкретно это Ион., Увар., Тар., Цв., Косм., М. п. с., Ряз., Сел., Пер., Тих., Улож.⁵, не считая памятников, где слишком мало материала). К данному типу относится также большинство памятников широкой промежуточной полосы (см. [Зализняк 1985, там же]), а именно: Нил., Прол., Корн., Карг., Лук., Клон., Печ., Муз., Новг., Дос., Дан., Фер., Рж., Библ., Ап., Дом., Трав.

Особый вариант архаичного типа представлен в Матф.; он отличается от основного варианта тем, что предлог *о* ведет себя здесь как предлоги подгруппы «б» (*отъ, подъ* и т. д.).

2. **Переходный** тип: в подгруппе Ia новое ударение составляет уже заметную долю (но не более 20%, обычно менее 10%); в прочих подгруппах оно может даже преобладать. Таковы: а) все памятники основной части западной зоны (из них удовлетворительное количество материала имеют Час., Т. п. с., Сенн., Лих., Пр., Егор., Пск., Смол.) и, кроме того, Лет., Хр., Амф., Библ.; б) относительно поздние северо-восточные памятники Сол., Колм., Хлын., Авв., а также Костр. К этому же типу (а не к архаичному, как можно было бы ожидать, исходя из хронологии) относится Чуд. (см. материал в § 1).

3. **Новый** тип: новое ударение в подгруппе Ia встречается столь же часто, как и старое, или даже преобладает; в прочих подгруппах старого ударения уже практически нет. Таковы Стар. и Цел.

§ 4. Для демонстрации архаичного типа достаточно разобрать два образца — Косм. для светских памятников и Цв. для церковных.

Система энклизы имен в **Косм.** весьма близка к первоначальной. У непроизводных основного списка в группе I старое ударение выступает во всех случаях, кроме *чере³ дары* 190 (около 180 примеров); отметим некоторые менее банальные:

прó бѣъ 96, *пó дары* 30, *прó доⁿ* 47, *нá звѣри* В. мн. 436, *íz лука* 7, *пóдо псковъ* 51, *ízo пскова* 33, *ѡто пскова* 496, *о пскове* 51, *чере³ пско^b* 51, *с стаⁿу нá стаⁿ* 1506, *ѡ^c древа дó древа* 266, *нáд море^m* 174, *нáⁿ море* 68, *чере³ море* 2, 3, *нá весну* (3×), *нá зиму* 171, *чере³ стену* 85, *ízo твери* 49, *ѡто твери* 526, *пó люди* 79, *нá сане^x* 566.

В группе II два примера нового ударения — *на бѣрегу* М. ед. 746, *из гóрода* 86 и около 70 примеров старого, в частности:

нá бере^e (3×), *ý берегу* 179, 182, *дó вечера* 1526, *нá гороⁿ*, *дó города*, *íz города*, *ý города*, *пó городу*, *нá городе*, *о городе* (часто), *пéредъ городо^m* 56, *пó поя^c* (3×), *нá золото* 1776, *пó золото* 1906, *нá голову* 686, 1656, *нá сторону* 104, *нá помочь*, *нá помощь* (часто).

В группе III только старое ударение; *дó угла* 236, *вó имя* (2×), *зá ѡчи* 61, *пó уху* 118, *прó иглы* 188.

В группе IV счет примеров 18 : 9 в пользу старого ударения: *нá ѡстро^b* (3×), *пó остро^b* 1856, *дó ѡстрова* 296, 179, *дó ѡстрову* 181, *íz острова* 1806 bis, *пó ѡстрову*

⁵ Вероятно, сюда же относится Ратн., но это ненадежно: Станг приводит материал по оттяжкам [Станг 1952, с. 41–42], но не указывает, встретились ли примеры нового ударения.

1786, *на ѡстрове* (4×), *из озера* 506, 536, *над озером* 51, *при ѡзере* 54 — по^а *ѡстро*^а 1756, *до ѡстрова* (2×), *до ѡстрову* 1756, *об ѡстрове* 156, *ѡ ѡстрове* 196, *на ѡстрове*^х 536, *из ѡзера* 48, *ѡ ѡзера* 486.

Группа V не представлена.

Отметим, что практически столь же чистая система обнаруживается и в более позднем памятнике Улож. Для основного списка новое ударение ограничено здесь всего двумя примерами: *на слѣдь* 311 (ср. рядом *на слѣдь* 311), *с очѣи на ѡчи* 55 (при постоянном *на ѡчи*); примеров старого ударения — около 150.

Образцом церковного памятника с архаичным типом энклизы может служить **Цв.** В подгруппе Ia, насчитывающей здесь около 1000 примеров (из которых около половины приходится на слово *гробъ*), с новым ударением представлены только *прорѣи на кости сѣя* 174, *о дѣтѣхъ* 336 (относительно *на полѣхъ* 183 см. ниже примеч. 4); в подгруппе Ib (около 150 примеров) — только *ѡ страха* 163, 2106, *ѡ льсти* 27, *ѡ пѣщи* 196, ср. *ѡ льсти* 78, *ѡ пѣщи* 1946; в группе II (немногочисленной) — *за пѣпель* 190, ср. *на пѣпель* 182. В группах III и IV отмечено только старое ударение (*за имя*, *по имени*). В группе V нет энклизы в *на нѡзѣ* В. дв. 67, *из бѡку* Р. дв. 202, *ѡ ѡчию* 1816, *во вратѣхъ* 56 (но есть и ударение *на руку* М. дв. 1206; регулярно представлены *из чрева*, *ѡ чрева*, *во вѣки*).

С приведенными образцами сходны и остальные памятники с энклизой архаичного типа. Отметим, что в подгруппе Ia ни одного примера нового ударения не представлено, помимо Косм., также в Прол., Ион., Дос., Фер., Муз., Увар., Карг., Биб., Лук., Печ., М. пс., Тих.

Ситуация в подгруппе Ib в одних рукописях (в частности, Прол., Дос., Муз., Увар., Лук., Косм., Печ., М. пс., Тих.) такая же или почти такая же, как в Ia; в некоторых других (в частности, Фер., Ап., Рж.), напротив, между Ib и Ia имеется довольно заметное различие. Так, в Рж. в Ia новое ударение представлено только примером *не на лѣкъ бо* 70, а в Ib находим *ѡ вѣка* 1726, *ѡ града* 1686, *ѡ лѣга* 1366, *ѡ рѡда* 125, *ѡ страха* 1546, *ѡ тѣка* 986, *ѡ пѣщи* 272 (при 8 примерах старого ударения).

Особый вариант архаичного типа, представленный в Матф., выглядит так. В подгруппе Ia, если не считать предлога *о*, старое ударение сохранено в 100% случаев (около 130 примеров). С предлогом *о* здесь три примера старого ударения и семь нового (*ѡ дарѣ*, *ѡ звѣри*, *ѡ князѣ*, *ѡ страсти* и др.); колебание в *ѡ стѡ* (предисловие 36). В подгруппе Ib новое ударение выступает примерно в четверти случаев (таким образом, предлог *о* способствует здесь новому ударению даже сильнее, чем *отъ*, *подъ* и т. д.). В группах III и IV представлено новое ударение (*по имени*, *ѡко за ѡко*, *на ѡуглы*, *во ѡгль* и др.), за исключением *во имя*; прочие группы представлены слабо.

Сравнение Матф. с Улож. показывает, что в церковной книге новое ударение используется несколько шире, чем в современной ей светской; при этом, однако, различие не очень велико.

§ 5. Образцом переходного типа энклизы имен может служить обширный памятник **Лет.**

В подгруппе Ia здесь около 470 примеров старого ударения и 40 примеров нового: *на брѣгъ* (4×), *на бѣсы* 38, *за вѣлы* 409, *из глѣда* 244, *ѡ глѣдѣ* 2426, *из града* 2266, *на | дѣнь* 33, *за дѡнь* (3×), *дрѡуѣ со дрѡго*^м 351, *за кнѣзь свѡи* 746, *у кнѣзя* 92, 192, *из лѣса* 3086,

по *лѣсо*^м 3086 bis, *ѡ міру* 916, *и^з нѡса* 33, *из сѡну* 2416, *прѡ сѣна* 776, *по чѣну* 336, *на брѣа*^н 1486, *бѣ^з брѣни* 3596, *по грѣди* 2406, *по дѣнь* (3×), *на лѣсть* 1366, *во твѣрь* 186, *на твѣ^р* 2046, *на чѣпе^х* 2516, *на чѣсть* 1426, *на дѣти* 141, *по дѣти* 2516, *ѡ дѣте^х* 1336, *ѡ люде^х* 38 (в части приведенных примеров проставлены оба ударения). Большинство этих сочетаний встречается в Лет. также и со старым ударением (*ѡз града*, *зѣ князь*, *пѡ лѣсо^м*, *ѡ миру*, *нѣ брань*, *нѣ твѣрь* и т. п.).

В подгруппе Iб около 60 примеров старого ударения и 12 примеров нового, в частности, *ѡ глѣда* 15, 2326, *ѡ кнѣя* 401, *на^н тѣло^м* 1836, *чре^з зѣмлю* 2166, *ѡ дѣни* 27, *под твѣ^рю* 2066, *ѡ чѣсти* 44 bis. В группе II счет примеров 53 : 11 в пользу старого ударения, в группе III — 6 : 2 (отметим, в частности, *из гѡрода* [4×], *на волокъ* 193, *по пѡмо^ч* 190, *на ѡча^х* 3926). Иное положение в группе IV: при остаточных *нѣ ѡзерѣ^х* 506, *нѣ ѡсе^н* 244 находим 24 примера нового ударения (*на ѡстро^в*, *за ѡзеро^м*, *по ѣзеру*, *на ѡбласть* и т. п.). Группа V представлена слабо; отметим *зѣ нозѣ^х* В. дв. (2×), *пѡ^ч руцѣ^х* 1896. Таким образом, в Лет. новое ударение составляет: в подгруппе Ia — 9%, II — 17%, III — 17%, IV — 92%.

В Сенн. в подгруппе Ia около 150 примеров старого ударения и следующие примеры нового: *на брѣкъ* 103а (ср. еще *нѣ на бракъ* 91в), *зоубѣ за зоубѣ* 26г, *о квѣсѣ* 72г, *беѣина* 121в, *зѣ роуку* 39г. В подгруппе Iб, как это ни поразительно для столь ранней рукописи, отмечено (если не считать особого случая *нѣ ѡ кваса* 73а) только новое ударение: *ѡ бѣса* 556, *ѡ свѣта* 1816, *ѡ чѣсти* 88в, *по^ч властію* 34г. В группе II отмечено *оу пѡяса* 166г (при преобладании старого ударения); прочие группы представлены скудно.

В Егор. в группе I (около 150 примеров) находим *ѡ дѣрѣхъ* 4626, *на грѣбѣ* 5046, *на нѣръ* 3816, *на сѣнь* 3506, *на стрѣхъ* 4566, *на тѣло* 3116, *ѡ брѣни* 155; в прочих группах — *на пѡмоци* В. мн. 4136, *ѡко за ѡко* 538, *на оуѣ^х* 'на ухе' 3796. Аналогично в Пск. в группе I (около 100 примеров) представлено *ко свѣтоу* 1016, *по тѣлоу* 1656, *ѡ тѣла* 40, *на стрѣсть* 139; в прочих группах — *оу пѡяса* 123, *во оуѣлы* 134. Таким образом, доля инноваций здесь не очень велика; различий между Ia и Iб не замечается.

В рукописях Час., Т. пс., Лих., Пр., Смол. число примеров нового ударения невелико, однако доля его значительна, поскольку здесь мал общий объем материала (около 70 примеров в группе I в Час., 40 в Т. пс., не более 20 в остальных рукописях). Приводим материал по новому ударению:

Час.: Ia *из грѡба* 365, 3656, 399, *ѡ словѣ* 386, Iб *ѡ міра* 283, *ѡ нѡщи* 2026, II *ис корене* 4196 (исо в *ис* может быть неиктусным).

Т. пс.: Ia *на лѡвѣ* 186, *на сѣны* 1456, *на брѣнь* 43, 1436, *на стрѣсть* 54, Iб *ѡ вѣка* 636, 1766, *ѡ рѡда* 39, *ѡ стрѣха* 78, 104, II *за слѡвеса* 41, V *из чрѣва* 166.

Лих.: Ia *из града* 466, 135а, 233в, *за дѡлгъ* 61, Iб *ѡ глѣда* 128а, *ѡ града* 111а, *ѡ рѡда* 866, II *на пѡмоць* 184в, 2486, 258г, *до пѡаса* 203в.

Пр.: Ia *на брѣкъ* 99в, *за дѡлгъ* 88а, *кровь за кровь* 339а.

Смол.: Ia *ни по дѣру* 246, *сѣ стрѣхомъ* 876 (ср. *на двѣ* 1166), Iб *ѡ вѣка* 98, *ѡ дрѣва* 46, *ѡ тѣла* 148, *ѡ кровѣ* 896, *ѡ чѣсти* 1726, *подо властію* 101, V *по брѣцѣ* 1406.

Памятники Лих., Пр. и Смол. сходны с Сенн. в том, что в них вообще не отмечено случаев оттяжки ударения на предлог *отъ* (в Т. пс. такая оттяжка встретила только один раз). Ввиду малого объема материала нельзя точно установить степень распространения нового ударения в соответствующих микросистемах; в некоторых из них она могла быть довольно высока.

Рукопись Библ. обладает той особенностью, что здесь, как и в Матф., сочетания с предлогом *о* попадают в подгруппу Iб. Новое ударение в обследованной нами части рукописи составляет: в подгруппе Iа — 14%, Iб — 84%, II — 33%, V — 64%.

Что касается переходного типа энклизы, отразившегося в поздних северо-восточных памятниках, то в качестве примера здесь можно взять **Авв.** В подгруппе Iа новое ударение: *на д́ары* 152б, *у д́уба* 161б, *во свѣтъ* 236, *за чѣть* 25б, *за чѣть* 206б, *на чѣть* 29; Iб — *ѿ д́ому* 274б, *чре^з м́оре* 235, *ѿ т́бла* 220б, *по^а пѣчь* 270; II — *ѿ б́ерегу* 216, *до в́ремени* 273, *на л́ошедь* 270б. При этом в подгруппе Iа и в группе II безусловно преобладает старое ударение (*пó брюху, нá весну, нá печь, нá чепъ, зá волокъ, нá лошедь* и т. п.); в подгруппе Iб старое ударение представлено лишь в *п́ред б́гомъ* 229б. Сходная картина обнаруживается в Костр., Сол., Хлын. Сильнее продвинута в сторону нового типа рукопись Колм. В подгруппе Iа новое ударение выступает здесь примерно в четверти случаев, в подгруппе Iб (а также в группе IV) — в 100% случаев. В группе II старое ударение еще преобладает; в группе III колебание.

Образец нового типа энклизы — **Цел.** В подгруппе Iа новое ударение встречается здесь в полтора раза чаще, чем старое (так, преобладают *на д́ень, на з́емлю, до ќрови* и т. п.); в подгруппе Iб счет примеров 8 : 0 (представлены только *ѿ р́оду, ѿ м́ужа* и т. п.), в группе II — 5 : 0 (только *по в́ечеру, ѿ ќорени* и т. п.).

В **Стар.** новое ударение (*на л́юди* 20б, 21, 34, 42, *из д́ому* 31, *по м́орю* 8б, 9б, *м́иръ на м́иръ* 111, *на ѓрады* 93б, *на з́емлю* 23) представлено в подгруппе Iа примерно столь же часто, как и старое (*нá люди, д́о моря, м́иръ нá м́иръ* и т. п.); в Iб встретилось только новое ударение.

§ 6. Оттяжки ударения на проклитику встречаются также у ряда слов, не входящих в наш основной список. Здесь следует различать несколько случаев.

Во-первых, имеется группа слов, которые не включены в основной список главным образом потому, что они слишком слабо документированы (не только в составе предложно-именных сочетаний). Ввиду этого для некоторых из них не вполне надежна даже сама принадлежность к а. п. *с* (или неясно, не было ли здесь колебаний а. п.). Сюда можно отнести: *пó горбу* Костр. 21, *в́ зрацѣ* Корн. 154б, 271б, *нá кри^к* Улож. 5б (но также *на ќрикъ* Улож. 310б), *а н́е по мечѣту* Сenn. 142в, *а не пó мечтоу* Сenn. 138а, *нá плавѣ* Лет. 234, *во плѣ^н* Лет. 282б (но также *ѿ плѣ^на* Лет. 159б), *сó свекро^м* Хр. 327, *нá смѣхъ* Печ. 438, *сó смѣхомъ* Пер. 276б (но *со смѣхомъ* Костр. 245б), *нá спвды нá спвды* Муз. 132, *пóд стяго^м* Лет. 95, *ѿ тате^х* Фер. 946б (но *за т́атемъ* Улож. 318б, *ѿ т́атѣ* Улож. 53б), *нá црѣне* Сол. 3б, 227 (но также *на црѣне* Сол. 228), *пó шаху* 'по шагу' Ратн. 94б; *пó^а ску* В. мн. 'за досками' Лет. 149 (но также *на^а ску* Лет. 183), *нá лодію* Сол. 254б, 263б, *нá лодію* Сол. 254 (но также *на лодію* Сол. 257б), *нá лехы нá лехы* Муз. 132; *зá вервь* Фер. 987б, *пó верви* Фер. 978б (но *за в́ервь* Увар. 811б, *по в́ерви* Увар. 810б), *нá лопь* 'на лопарей' Сол. 215б, *нá мѣсть* Цв. III 148б, *нá пя^а* 'на пядь' Лет. 338б, *пó^а твердію* Дан. 75б, *пó цѣли* Ратн. 22, 51, *нá челюсть* Хр. 625 (но также *ѿ ч́елюсти* Хр. 626б), *пó шерти* Улож. 134б.

Далее, ряд слов обнаруживает отчетливую вариативность а. п. (в рамках одного и того же памятника или с распределением по памятникам). Оттяжки ударения соответствуют здесь варианту, акцентуированному по а. п. *с*, отсутствие оттяжек — двум прочим а. п. В части таких случаев вариант с а. п. *с* отражает древнейшую акцентовку слова (или хотя бы одну из достаточно старых), в других он явно возник вторично. К сожалению, разбор акцентуации каждого из таких слов вышел бы за рамки настоящей

работы. Поэтому здесь мы просто перечислим их, указав памятники, где отмечены оттяжки ударения (хотя бы спорадические); иногда приводятся и сами примеры. Сведения о случаях отсутствия оттяжек мы вынуждены здесь опустить. К данной группе можно отнести:

блудь (Чуд.; *не по блоду* Сенн. 88б), *бои* (Лет., Косм., Улож., Колм., Цел.), *вредь* (*бѣз вреда* Сенн. 219б, Дос. 101), *гнѣвъ* (Сенн., Т.пс., Муз., Новг., Пск., Лук., Стар., Сол., Печ., Ап., Биб., Хр., Рж., Пер., Костр.), *кровь* (Муз., Биб., Хр., М.пс., Рж., Матф.), *плодь* (*бѣс плода* Сенн. 114б, *бѣз плодѧ* Сенн. 160б, *ѿ' плода* Муз. 153, 162б, Новг. [4×], Пск. 67б [+ Вас.пс. 5б, 142, 184]), *полонь* (*ѿс полону* Колм. 170), *ровь* (*ѿ' рова* Прол. 86б, Новг. 81б [+275], Цв. 32б, Рж. 64б, Пер. 105, *ѿз рова* Цв. 26б, также *по рву* Лет. 292, *на рѣѣ* Лет. [3×]), *холмь* (Чуд.; *на холмь* Прол. 26б, Ион. С 6б); *племя* (*на племя* Биб. 46б, *ѿ' племени* Печ. 92), *сердце* (Ион., Вас.пс., Новг., Ап., Лук., Рум., Ряз., Печ., Тих., Матф.); *бедрѧ* (*по бедрѣ* Т.пс. 169 [+ Биб. 37б]), *брада* (*на браду* Увар. 394б, Цв. 69, М.пс. 144, Рж. 228), *глава* (Час., Т.пс., Муз., Егор., Новг., Ап.), *гора* (практически повсеместно), *овца* (*за ѡвцу* Лет. 3, *за овца* В.мн. Ег. 194б, *за овця* Егор. 446б, *на ѡвцы* М.пс. 78б), *пята* (*за пята* Рж. 264, Стар. 9б), *среда* (*на среду* Печ. 443б, также *посредѣ* в Т.пс., Ег., Ион., Печ., М.пс.), *страна* (*на страну* Дан. 34, 35 С [+ Хр. 1308], *во страну* Хр. 41б, *во странѣ* Ег. 24б, Пск. 70б, *во страны* Цв. 63); *весь* (*вѣ весь* Сенн. [4×], *до вѣси* Лих. 35б, Лет. 22б, *по вѣсемь* Печ. 459б [+ Фер. 768]), *дверь* (*ко дверѣ* Кир. 41, *ко двѣрямь* Авв. 257б), *ересь* (*ѿ' ереси* Печ. 418б, *на ереси* В.мн. Рж. А 31б), *скорбь* (*на скорбь* Егор. 409б [+ Ап. 169], *по скрѣби* М.ед. Ег. 63б, Корн. 88), *смерть* (Час., Сенн., Егор., Цв., Косм., Дом., Сел., Улож., Матф., Хлын.).

Сюда же примыкают: *срамь* (Корн., Лет., Пер., Ряз.), *храмь* (Муз., Новг., Корн., Карг., Лук., Лет., Биб., Тар., Цв, Хр., Печ., Тих.), *злато* (Прол., Ион., Новг., Хр.), *вещь* (Сенн., Новг., Лук., Печ., Дос., Дан., Фер., Биб., Ряз., Костр.); эти слова наряду с а. п. с допускают, в силу своего книжного характера, также акцентовку по а. п. а. Заметим, что книжное *дщерь* (в отличие от народного *дочь*) вообще не обнаруживает оттяжек ударения, если не считать единичного *за дщерь* (Печ. 473б) в памятнике, изобилующем «незаконными» оттяжками ударения.

Неясно, можно ли отнести за счет колебания а.п. такие примеры, как *при нои* Сенн. 18а, 11бг, *бѣс щука* Печ. 72, 85 (при *без щюка* Ион. 618б, *без щюка* Ряз. 101), *на купы* Муз. 21б (ср. *вкупѣ же* Сенн. 166б).

Особо стоят слова с неслоговой основой, поскольку у них противопоставление акцентных парадигм может проявляться только в наличии или отсутствии оттяжек ударения. Соответственно, можно рассматривать как колебание в сторону а. п. с примеры: *на лобь* Трав. 528б, *на сонь* Печ. 155, Трав. 2, Ряз. 179, Матф. 156б. Менее показательны *ко лбу* (Лих., Трав.), *ко сну*, *во снѣ* (Нил.), *во рте* (Трав., Авв.), *на здѣ* (Т.пс.), *во тмѣ* (Ег.), *во лжю* (Лих.) и т. п., поскольку такие примеры могут объясняться так называемой дефинализацией ударения [Зализняк 1985, § 3.9–10].

Наконец, имеются случаи, которые естественно интерпретировать как результат аналогического расширения первоначальной сферы оттяжек ударения. В этих случаях существительное, обнаруживающее ту или иную «незаконную» оттяжку ударения, может и не переходить целиком в а. п. с, т. е. не менять своей исконной акцентуации вне рамок данного предложно-именного сочетания.

Один случай такого рода получил практически общерусское распространение: это *окресть*, превратившееся в наречие и предлог. Оно отмечено в 20 памятниках самых разных районов (напротив, *окрѣсть* встретилось только в Сенн., Ион., Хр., Сел.,

Пер.). Значительное распространение имеет также ударение *на крестъ* (Час., Егор., Цв., Сол., Яр.); ср. еще *на крестъ* в Час. и Егор. В определенной связи с данным словом находятся также ударения *о Христъ* (Новг., Егор., Фер., Карг., Библ., Ап., Хр.), *по Христъ* (Егор., Ап.), *до Христа* (Егор.), *на Христа* (Егор.); на акцентовку этих сочетаний, вероятно, влияли также синонимичные сочетания со словом *Богъ*.

В остальном данное явление наиболее заметно выступает в северо-западных памятниках. Так, в Печ. находим: *на перьстъ* 532б, *на плачь* 120б, 231б, *на полки* 175, *на постъ* 87, *на оуды* 473б, *на югъ* 297, *на чудо* 72, *на жизнь* 120, *на перси* В.мн. 292, *на персѣхъ* 'на груди' (8х), *при персѣхъ* 'у груди' 422б, *на рать* 425б, 435, *на русь* 149б, 151б; вероятно, в этом же ряду стоит *за дщерь* 473б (ср. об этом выше). Наряду с этим выступают и примеры без отяжки: *на оуды*, *на лóно*, *о дцѣри* и т. п.

Аналогично в других памятниках северо-запада, а также некоторых смежных районов: *на брата* Фер. 795, *ѿ врага* Пск. 103б, *во греки* Хр. 1388, *со греки* Хр. (4х), *на грѣхъ* Сenn. 154б, *ѿ мразы* Прол. 107, Лет. 240, *на плачъ* Т.пс. 26 (+ Лук. 46б, Стар. 19, 28), *на полкъ* Хр. 377, 645, *на поуть* Пск. 253б (+210б), Смол. 125 (+ Клон. 74б, 10б), *на поуте* Пск. 272б, *из рима* Лет. 242б, *до скота* Хр. 370б, 373, *на соудъ* Пск. 289б, *по судоу* Смол. 103б, *бѣс труда* Лет. 413, *на югъ* Стар. 49 bis, *ѿ бремене* Новг. 147б, *на ложе* Хр. 31б, *на лѣто* Лет. 273б, *по лѣтъ* 'через год' Лих. 148г, *по праву* Фер. 992б, *на воню* Хр. 1283б.

В памятниках прочих районов такие примеры довольно редки: *по двору* Дом. 56б, 61, 102б, *на камене* Косм. 23 (возможно, описка), *на полкъ* Цв. 185, *из рима* Косм. 67, *из риму* Косм. 127, *до скота* Биб. 453, *по суду* М.пс. 13б, Улож. 174, Косм. *на ѿрды* 172, *во броня* Ик. (3х), *на стезю* М.пс. 131.

§ 7. У производных существительных отяжки ударения на предлог гораздо менее регулярны, чем у непроизводных, и в части памятников вообще не встречаются.

Слова *помощь*, *помочь* занимают особое положение: они дают отяжки (в основном в сочетаниях *на помощь*, *на помочь*, *бѣс помощи*) с той же степенью регулярности, что и непроизводные; ввиду этого они были выше при разборе объединены с непроизводными.

Далее, следует выделить слово *западъ*; регулярные отяжки при этом слове (*на западъ*, *на запады*, *на западъ* и др., аномальным образом также Р.мн. *до западъ*, *ѿ западъ*) представлены в Час., Т.пс., Ион., Дос., Фер., Егор., Лет., Муз., Новг., Вас. сб., Увар., Ап., Лук., Печ., нерегулярные отяжки — в Дан., Биб., Косм., Хр.; отяжек нет (т. е. выступает ударение на *западъ* и т. д.) в Карг., Библ., Рж., Сел., М.пс., Хлын. Таким образом, у этого слова (в отличие от большинства других производных) энклиза характерна преимущественно для западных или территориально близких к ним памятников.

Прочие производные, для которых отмечены примеры отяжек (хотя бы наряду с примерами без отяжки), перечисляются ниже (в обратном алфавитном порядке). В части случаев приводятся сами примеры; материал из Чуд. см. в § 1, из Вас.сб., Ап., Постн., Улож., Ратн. — см. [Васильев 1929, с. 41].

Бессуффиксальные (а также с формантом *-ть*):

а) *подвигъ* (*на подвигъ* Печ. 275б, 467, *на подвиги* Печ. 306б), *ободъ* (*на ободы* Хр. 400), *образъ* (Прол., Ион., Постн., Цв., Печ., Ряз., Сел., Костр.), *облакъ* (Сenn., Ион., Ап., Цв., Печ.), *отрокъ* (*ко отроку* Печ. 189б, *ѿ отроцѣ* Печ. 353б, *на отрокі* Хр. 805б, *со ѿтроки* Печ. 165б), *в(о)стокъ* (*на встокъ* Прол. 95б [+2б], *на востокъ* Цв. 219б), *обыскъ* (Улож.),

сыскъ (Улож.), помысль (Вас. сб.; *дó помысла* Корн. 196), промысль (и *пó промыслу* Нил. 243б, *о промыслѣ* Дан. 90 bis, *на промысль* Сол. 209), прокормъ (Улож.), разумъ (Чуд.; *пó разоумоу* Такт. 36б, 46г и др. [+ Корн. 132б, 252, Карг. 567б], *нѣ по разоуму* Нил. 284б, Т 167б, *на разоумъ* Корн. [4×], а *нѣ ѿ разоума* Жит. 294б), окупъ (Косм., Улож.), искупуъ (Улож.), откупъ (Улож.), ужасъ (Вас. сб.; *въ ужасѣ* Новг. 119б), в(о)зрастъ (Чуд., Ап., Хр., Печ.), в(о)здухъ (*на въздоуѣ* Егор. 428б bis, *пó въздуху* Печ. 438, *пó въздуху* Печ. 41), похороны (*на похороны* Косм. 95б, *на похорона^x* [вместо -но^x] Косм. 95б);

б) *заповѣдь* (Такт., Нил., Прол., Фер., Вас. сб., Карг., Корн., Лук., Ап., Биб., Постн., Кир., Костр.), *проповѣдь* (Корн., Увар., Хлуд., Ап.), *снѣдь* (*бѣз снѣди* Ряз. 258б), *запись* (Хр., Улож.), *ропись* (Ратн.), *похоть* (Вас. сб.; *на похоть* Печ. 429, Ряз. 152 [+ Прол. 40б], и *на похоти* В. мн. Нил. 318б, *о похоти* М. ед. Печ. 428), *четверть* (Ратн., Улож.), *область* (Ап., Печ.), *пропастъ* (*надъ пропастъ* Прол. 26б, *на^п пропастію* Печ. 18), *прелестъ* (*на прелестъ* Нил. 108, Сenn. 114г, Печ. 437б, *пó прелести* Ион. 615, *ѿ прелести* Цв. 16), *почестъ* (Жит., Хлуд., Рум., Постн.), *завистъ* (Сenn., Ион., Вас. сб., Корн., Ап.), *с(о) вѣсть* (Чуд., Ап., Цв., Печ.), *опаишь* (Постн.; *за ѿпаишь* Ряз. 53), *немоць* (Сenn., Лет., Ап., Цв.). Сюда можно добавить еще *пóлдень* (Фер., Косм., Цел.), *пóлночь* (Косм.), наречие *напособъ* (Косм., Улож.).

Существительные с суффиксом *-ость* (даем непосредственно примеры): *на болести* В. мн. Трав. 524, *за грубость* Ион. С 1, *за блѣгость* Амф. 260, *пó блѣгости* Амф. 261, *сó блѣгостію* Амф. 9б, *въ блѣгости* М. ед. Биб. 393 [+ Рж. 180б], *за гордость* Постн. 7б, *ѿ гордости* Вас. сб. 273б, 28б, *за дерзость* Печ. 3б, 528б, *на на^юсть* Такт. 8а, *на мл^тть* Сenn. 39б, *бѣз лѣности* Чуд. 128г, *за юность* Печ. 528, *на бодрость* Сenn. 161а, *дó скорости* М. пс. 156а, *сó скоростію* Цв. II 27б, *за кротость* Сenn. 121б, *на крость* Печ. 551б (пропущено *то*), *ѿ кротости* Печ. 326б; см. также [Колесов 1974, с. 84], где указаны еще примеры *на блѣдость*, *за скудость*.

Из прочих суффиксальных отмечены: *изó дѣбрянска* Лет. 271, *о властеле^x* Фер. 994, *на перечень* Улож. 99, а не *на пусто^ш* Ион. 568б, *на гузнѣ* Авв. 105б, *на судно* Авв. 200б, *на город^{но}* 'на Гродно' Косм. 62, *пó реклу* Карг. 1. Укажем еще аномальные *на вечера* М. ед., *пó вечера* М. ед. (от *вечеря*), встречающиеся в ряде памятников, в основном церковных (Увар., Фер., Хр., Цв., Хлын.).

Наряду с указанными в настоящем параграфе случаями оттяжек обычно имеются также (в других памятниках, а нередко и в тех же самых) примеры неоттянутого ударения.

Подавляющее большинство примеров энклизы у производных в XV–XVII вв. приходится на памятники средней и южной части восточной зоны (прежде всего Такт., Ап., Постн., Цв., Косм., Ряз., Улож.) и на памятники белозерские, онежские и некоторые из новгородских (прежде всего, Нил., Сenn., Прол., Ион., Вас. сб.).

Вопрос об энклизе производных имен связан (хотя и не всегда прямолинейно) с их акцентовкой при склонении. Дело в том, что эти имена лишь в восточной зоне акцентуируются (и то довольно непоследовательно) по а. п. с, т. е. обнаруживают такие ударения, как, например, *в немоци* (М. ед.), *заповѣдеи*, *похотми*, *помыслѣмъ* (Д. мн.) и т. п. В большинстве западных памятников они имеют неподвижное начальное ударение (у части слов встречается также неподвижное корневое ударение, например, *образъ*, *ужасъ*, *возрасть*, *воздухъ*, *заповѣдь*, *похоть*, *пропастъ*, *завистъ*, *помощь*). В принципе возможны различные соотношения между акцентовкой бессуффиксальных производных слов (по а. п. с — модель *заповѣдеи*; по а. п. а — модель *заповѣдеи*)

и их энклизой (модели *пó заповѣди* и *по зáповѣди*). Среди рукописей, содержащих удовлетворительное количество материала, можно выделить две основные группы: 1) группа «*заповѣдеи, пó заповѣди*» — сюда определенно относятся Чуд., Нил., Прол., Цв., Косм., Улож.; сюда же можно отнести более бедные материалом рукописи Ион., Амф., М. пс.; 2) противоположная группа — «*зáповѣдеи, по зáповѣди*»; сюда определенно относятся Егор. и Пск. Особое соотношение — «*зáповѣдеи, пó заповѣди*» — представлено в раннем северо-западном памятнике Сенн. Обратное соотношение — «*заповѣдеи; по зáповѣди*» — находим в позднем северо-восточном памятнике Цел. Во всех прочих памятниках с достаточно большим материалом представлена смазанная картина (с колебаниями того или иного рода).

Итак, в XV–XVII вв. у непроизводных существительных древний механизм оттяжек ударения на проклитики еще достаточно хорошо сохраняется в основной части восточновеликорусской зоны; в прочих ареалах он начинает несколько расшатываться. Переход к современному состоянию совершился, таким образом, у этого класса существительных в основном в XVIII–XIX вв. У производных существительных данный процесс происходил раньше и быстрее.

ЛИТЕРАТУРА

- Васильев 1929 — Л. Л. Васильев. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI–XVII вв. К вопросу о произношении звука *o* в великорусском наречии. Л., 1929.
- Дыбо 1975 — В. А. Дыбо. Закон Васильева-Долобо в древнерусском (на материале Чудовского Нового Завета) // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, XVIII, 1975. P. 7–81.
- Зализняк 1985 — А. А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Колесов 1972 — В. В. Колесов. История русского ударения. Именная акцентуация в древнерусском языке. Л., 1972.
- Колесов 1974 — В. В. Колесов. Просодические диалектные признаки в истории русского языка // ВЯ, 1974, № 1.
- Станг 1952 — Chr. Stang. La langue du livre «Учение и хитрость ратнаго строения пѣхотныхъ людей». Oslo, 1952.

УДАРЕНИЕ ПРОСОДИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 1. Как известно, две тактовые группы (в частном случае две словоформы) иногда могут объединяться в единую тактовую группу с одним ударением. Мы будем называть такую результирующую тактовую группу просодическим комплексом.

Просодический комплекс может быть как сложным словом (например, *пятьдесят*), так и словосочетанием (например, *не́ у кого*). Из числа сложных слов просодическими комплексами являются только те, которые возникли из словосочетаний путем одного лишь акцентного объединения, без замены целых словоформ их основами. Например, сложное слово *Нóвгород* — это просодический комплекс, а *новострóйка* — обычное сложное слово.

Акцентные явления, происходившие в истории русского языка при объединении двух тактовых групп (так называемой универбации), описаны Х. Стангом (1978). Но Станга интересуют в основном лишь общие правила; об отклонениях от них, в частности, в сложных числительных, Станг говорит весьма коротко, констатируя только, что в XVII веке такие числительные могли акцентуироваться двумя разными способами.

В настоящей работе акцентная эволюция просодических комплексов в ходе истории рассматривается более подробно.

Для описания древнерусского состояния фундаментальным является хорошо известное различие (см., например, Зализняк 1985, § 2.5) двух классов тактовых групп (в частном случае — одиночных словоформ):

ортогонические (символ: Orth);

энклиноменные (символ: Encl).

Самую важную часть имеющих ныне просодических комплексов составляют современные сложные числительные, возникшие из прежних сочетаний простых числительных¹. Именно им посвящена основная часть последующего разбора.

Укажем в связи с этим, что среди древнерусских простых числительных:

к классу энклиноменов относились словоформы И. В. падежа числительных *дѣва*, *оба*, *трие*, *пять*, *шесть*, *девать* (а также словоформы *трѣмь* и *трѣхъ*); кроме того, все словоформы единств. числа слов *десать*, *сѣто*, кроме *десатью* (тем самым, в частности, и важное для дальнейшего сочетание *на десате*), а также их словоформы И. В. множ. и И. В. двойств.

к ортогоническому классу относились все словоформы числительных *одинъ*, *четыри*, *семь*, *осмь*, а также те словоформы слов *дѣва*, *оба*, *трие*, *пять*, *шесть*, *девать*, *десать*,

¹ Во избежание громоздких формулировок мы позволяем себе применять название «числительное» не только к собственно числительным, но и к счетным существительным (в частности, *десать*, *сѣто*), поскольку для нашего разбора это различие несущественно.

сьто, которые не попадают под действие пункта об энклиноменах (например, *дъвою, дъвъма, тръми, пати, шестью*).

Древний принцип акцентовки просодических комплексов

§ 2. Имеющийся материал позволяет заключить, что в древнерусском языке просодические комплексы акцентуировались по общим правилам для тактовых групп (о которых см. Зализняк 1985, § 2.8; 2008, § 0.4). В этом и состоит древний принцип их акцентовки.

Практически это означает, что:

два энклиномена дают единый энклиномен;

при соединении оротонической группы с энклиноменной (в любом порядке) побеждает ударение оротонической группы;

в случае объединения двух оротонических групп побеждает ударение первого члена (но обычно такие две группы в древности еще не объединялись).

Можно описать ту же картину и так: при различии просодических статусов побеждает оротоническое слово; при тождестве — первый член. Именно так описывает ее Станг, только в терминах «восходящее ударение — нисходящее ударение».

Изредка встречаются также просодические комплексы из трех членов. Их ударение определяется теми же правилами. Так, *поль* (Encl) *вътора* (Orth) *сьта* (Encl) дает ударение *полтора́ста*; *полу* (Orth) *вътора* (Orth) *сьта* (Encl) дает ударение *полу́тора́ста*.

Новый принцип акцентовки просодических комплексов

§ 3. В ходе истории русского языка со временем развивается новый принцип акцентовки просодических комплексов.

Он состоит в том, что просодический комплекс получает ударение своего последнего члена, независимо от просодических характеристик его членов.

Этот принцип развивается в связи с формированием той особенности, характерной для современного русского языка, что в словосочетании из двух фонетических слов более сильное ударение (если нет какой-то эмфазы) в нормальном случае имеет второй член. Примеры (более сильное ударение отмечено акутом, более слабое — грависом): *двѣ лóшади*, *дѣм стáросты*, *бѣк ѓ бок*, *с бѣку нá бок*, *дру́г от дру́га*, *земля́ и нѣбо*, *нѣбо и земля́*, *муж и женá*.

Эта особенность согласуется с тем, что в современном русском языке действует общее правило, которое в работе Исаченко 1967 сформулировано так: фразовое ударение падает на последнее слово интонационной группы. В значительной части случаев этот «акцентный перевес» соответствует тому, какой член более нагружен новой информацией (и тем самым более важен в смысловом отношении). Это наиболее ясно проявляется там, где непосредственно представлено соотношение «тема – рема», например, *пришел Иван* (а не кто-либо иной) и *Иван пришел* (а мы опасались, что он не придет). Смысловое соотношение сходного типа представлено и в таких случаях, как, например, *остался доволен*, *пришел проститься*, *дорога домой* и т. п.

Но правило «акцентного перевеса» последнего члена носит общий характер, т. е. действует и в тех случаях, когда в смысловом отношении последний член явного (или даже никакого) перевеса не имеет, например, *Петр и Иван*, *трижды два*, *восемь на девять*, *черный дым*.

Конкуренция двух принципов акцентровки

§ 4. История ударения просодических комплексов определяется взаимодействием и конкуренцией указанных двух принципов акцентровки: древнего и нового.

В том случае, когда оба принципа дают одинаковое решение, просодический комплекс имеет на всем протяжении истории вполне устойчивое ударение. Такова модель Encl+Orth, например: *пятьдеся́т, шестьсо́т*.

Там, где эти принципы находятся в конфликте, поздно сложившиеся комплексы, естественно, подчиняются новому правилу, а у древних комплексов в значительной части случаев в ходе истории происходила постепенная смена древнего ударения новым. Некоторые примеры:

сумасше́дший (модель Orth+Orth, позднее объединение);

се́мнадцать (модель Orth+Encl — древнее ударение *се́мь на десяти́е*, новое — *се́м-на́дцать*);

полго́да (модель Encl+Encl — древнее ударение *по́ль го́да*, новое — *полго́да*);

пятьна́дцать (модель Encl+Encl — древнее ударение *па́ть на десяти́е*, новое — *пятьна́дцать*).

Но небольшая часть древних комплексов сохраняет старое ударение, не подчиняясь новому правилу. Сюда относятся прежде всего сложения, утратившие семантическую прозрачность, например: *спаси́бо, се́годня* (модель Orth+Encl); но также и некоторые другие, например: *оди́ннадцать* (модель Orth+Encl); *три́ста, по́лдень, втри́дорога* (модель Encl+Encl).

В некоторых случаях прежний просодический комплекс утратил единство, то есть вернулся к состоянию двух самостоятельных тактовых групп; например, древнерусскому просодическому комплексу *три́ го́ды* в современном языке соответствуют две тактовых группы: *три́ го́да*.

Новый принцип акцентуации комплексов наиболее активно проявился в следующих случаях:

а) при соединении двух ортотонических групп;

б) при соединении двух энклиноменных групп, если при второй из них была хотя бы одна проклитика (а в поздних сложениях с *пол-* — даже и без этого дополнительного условия: *полго́да, полно́чи*).

В связи с этим внутри класса энклиноменных тактовых групп нам в дальнейшем потребуется различать два подкласса:

Encl-1 — словоформы-энклиномены (без клитик);

Encl-2 — энклиноменные тактовые группы, содержащие одну или несколько проклитик².

Заметим, что почти все имеющиеся примеры Encl-2 — это сочетание *на десяти́е* (и его потомки) в составе сложных числительных.

Важным явлением в изучаемой области является также воздействие на слово его парадигматических соседей. Это касается прежде всего числительных, которые в ряде случаев уподобляются по ударению соседним членам натурального ряда (примеры этого мы увидим ниже). Существенно то, что в таких случаях аналогическое выравнивание всегда идет в сторону, соответствующую новому принципу акцентуации.

² Энклитик в этих случаях быть не может, так как наличие энклитики превращает любую тактовую группу в ортотоническую.

Данные памятников

§ 5. Данные акцентуированных памятников позволяют непосредственно увидеть некоторые элементы сосуществования и конкуренции старого и нового принципов акцентровки просодических комплексов. Следует, правда, учитывать, что общее количество материала здесь невелико, поскольку в памятниках числительные в подавляющем большинстве случаев записываются цифрами. В частности, к сожалению, почти нет примеров записанных полностью (и акцентуированных) сложных числительных в самом важном из древнерусских акцентуированных памятников — Чудовском Новом Завете XIV века.

Для настоящей работы использован ряд памятников из числа обследованных в книге Зализняк 1985, с добавлением некоторых других. Для памятников, где слова разделены, слитное или раздельное написание дается в соответствии с оригиналом; в прочих случаях словоразделение условно. Для примеров, встречающихся в памятнике неоднократно, как правило ограничиваемся приведением лишь одного адреса.

Ниже при изучении просодических комплексов вначале рассматривается общий случай, а затем более подробно тот частный случай, который представляет для нашего разбора наибольший интерес, а именно, сложные числительные.

Общий случай

Начнем с примеров, где в памятнике в обоих членах сочетания проставлено ударение. Такие примеры весьма многочисленны; мы ограничимся здесь очень немногими. Следует учитывать, что такая расстановка знаков ударения не всегда соответствует обычному произношению в живой речи: писцы иногда выставляли два ударения вместо одного по той причине, что проговаривали про себя каждый элемент словосочетания или сложного слова раздельно.

Модель Orth+Encl-1 — Лет. *к бѣлѣ гóроду* 115; Косм. *ѿ полу нóчи* 128об., *на четы́ре ѳглы* 130об.; Улож. *по шти рѣблѣвъ* 107.

Encl+Orth — *за три часа* 100об., *за пять рѣблѣвъ* 166.

Encl+Encl-1 — Улож. *в тѣ | нóры* 211об.

Encl+Encl-2 — Сенн. *дрóуѣ на дрѣга* 204г; Ап. *дрѣѣ ко дрѣѣ* 4об., *дрѣѣ за дрѣга* 60об.; Ратн. *дрóуѣ при дрóуѣ* 16об., *дрóуѣ пѣредь дрóуѣ* 38, *дрóуѣ ѳзь-за дрóуѣ* 122.

Примеры, где в памятнике комплекс имеет один знак ударения.

Случаи, где древний и новый принципы акцентровки дают одинаковый результат:

Модель Encl+Orth — Чуд. *трикрáты* 120в bis, *пятькрáты* 120в, *полѣ часá* 152б; Косм. *двѣ³ мáтицы* 29об., *два рублѣ* 41об.; Улож. *по две дѣнги* 83, *по три рѣблѣ* (часто), *за пол-третьá* [рѣблѣ] 166.

Случаи, где два принципа акцентровки дают разные результаты.

Примеры победы древнего принципа:

Модель Orth+Orth — Улож. *по полѣтретьи* [дѣнги] 239об., *по полѣосмѣ* [дѣнге] 240.

З а м е ч а н и е. Ударение *двоюродный* (Косм. *двоюро^{но} бра^т* 45об.) указывает на ударение *двою роду* в исходном словосочетании (Р. дв. — Orth+Orth).

³ В памятнике Косм. *е* вместо *ѣ* пишется только в безударной позиции. Таким образом, написание типа *двѣ* показывает, что слово безударно.

Orth+Encl-1 — Чуд. *всѧ дѣи* 26в, *по всѧ дѣи* 38а, 39в, 70г bis, *по всѧ дѣи* 69г, 72а; Егор. *весь градъ* 212, *весь миръ* В.ед. 69, 75об., 76 [+ Пск. 70, 77, 192, Чет. 35об.]; Пск. (*на весь миръ* 69, *въ весь миръ* 83об., *всего́ мира* 166); Новг. *на весь годъ* 269; Лет. *бѣлагограда* 356об., *к бѣлоугороду* 115об., *в ца́ргоро^а* 211об., *во ца́риградѣ* 223об., *из ца́раграда* 221; Косм. *ѿ полуночи* 137, *ѿ полудни* 2, *по всѧ дѣи* 28об., *сѣрѣчь* 'то есть' 157 [+ Матф. часто, Колм. 168, 222]; Ратн. *по всѧ ночи* 27; Улож. *в белѣгородѣ* 199об., *полѣгода* (Р.ед.) 210об. (и часто).

По модели Orth+Encl-1 акцентируются также все словоформы слова *Новгородъ* (как если бы прилагательное *новыи* относилось к акцентной парадигме *b* — при том, что фактически оно колебалось между акцентными парадигмами *c* и *b*). Например, в Лет., где это слово встречается очень часто, оно акцентируется так: *новгородъ*, *новѧгорода*, *новѣгородѣ*, *в новѣгородѣ* (иногда выставляется еще и ритмическое ударение на последнем слоге: *новѧгорода́*, *новѣгородѣ́*, *в новѣгородѣ́*); то же и в других рукописях.

Encl+Encl-1 — Лет. *три́ годы* 300, *на́ три́ годы* 167, *по́^а града* 352об.; Косм. *три́ дѣи* 3, *по́ три́ дѣи* 79об., *в три́ годы* 4, *в тѣ́ поры* (часто); Пск. *дроугъ дроуга* 101; Печ. *на́ дрѣзь дрѣга* 357; Улож. *три́годы* 300, *по́ тридни* 178, *полгода* 301об., *наполгода* 210об., *в тѣ́поры* (часто); Матф. *въ три́ дни* 232об. Сочетания *два́ года*, *три́ года*, *два́ дни* (*два́ дня*), *три́ дни* (*три́ дня*), *двѣ́ ночи*, *три́ ночи*, *два́ раза*, *три́ раза*, *два́ ряда*, *три́ ряда* встречаются также в текстах XVIII–XIX вв. (см. Еськова 2008: 191–194). Ср. еще у Пушкина («Моцарт и Сальери»): *И в голову пришли мне две, три мысли* — где размер указывает на ударение *двѣ́ три*.

Примеры победы нового принципа (для наглядности в этих случаях указываем даты памятников):

Модель Orth+Orth — Косм. (посл. четв. XVI в.) *все полѧ* 2об. (NB *все* вместо *всѣ*).

Encl+Encl-2 — Ион. (1530 г.) *око за око и зжбъ за жб^б* 292об., Печ. (1605 г.) *дрѣзь на́ дрѣга* 396об. (если только в этих примерах это не пропуск знака ударения в первом члене).

Сложные числительные⁴

§ 6. Отметим, что наибольшее количество акцентологических сведений по этой категории комплексов содержит памятник 1647 года Ратн.⁵, описанный Х. Стангом.

Примеры, где в памятнике в обоих членах сочетания проставлено ударение.

Модель Orth+Orth — Ратн. *сѣдмь со́тъ*, *о́смь со́тъ*, *по пяти́ со́тъ*, *по шесту́ со́тъ*, *двѣ́ма стѣ́*, *двѣ́ма ста́ми*, *пополу́тора*, также *трѣхъ со́тъ* (где новая форма Р. падежа *трѣхъ*, заменившая прежнее *трии* [ортотоническое], уже должна расцениваться как ортотоническая); Хр. *сѣмь со́тъ* 424об., *сѣдмь со́тъ* 467об.

Orth+Encl-1 — Ратн. *четы́ре ста́*.

Orth+Encl-2 — Ратн. *четы́ре на́десять*, *о́смь на́десять*, *двѣ́ на́десяти* (Р. падеж).

Encl+Orth — Ратн. *пя́ть со́тъ*; Хр. *ше́сть со́тъ* 753.

⁴ В перечни примеров не включены косвенные формы, не следующие прямо древние словосочетания, а построенные заново на основе формы именительного падежа: *пятна́дцатью*, *семна́дцатью* и т.п., а также *двадцати́*, *-тью*, *тридцати́*, *-тью* (получившие такое ударение по аналогии с *дѣвять* – *дѣвяти́*, *-тью* и т.п.). Не включены также формы типа *четыренадесѣти́*^м 'четырнадцати' (Д. падеж), где ударение заимствовано у порядковых числительных.

⁵ Данные памятника Ратн. приводятся по работе Станг 1952; поэтому адреса примеров не приводятся (см. указанную работу).

Encl+Encl-1 — Ратн. *два́ ста́*.

Encl+Encl-2 — Ратн. *два́ на́десять, три́ на́десять, по́ три на́десять, трёмъ на́десять, шéсть на́десять*.

Примеры, где в памятнике сложное числительное имеет один знак ударения.

Случаи, где два принципа акцентровки дают одинаковый результат:

Модель Encl+Orth — Ратн. *пятьдеся́тъ, шестьдеся́тъ, девя́тьдеся́тъ, пятьсо́тъ, шестьсо́тъ, полтора́*; Дос. *па^тсѡтъ* 127; Корн. *шестьдеся́тъ* 44об.; Хр. *шестьсо́тъ* 375. (И так же во многих других памятниках.) Сюда же Косм. *двадэванѡста* 49.

Случаи, где два принципа акцентровки дают разные результаты.

Примеры победы древнего принципа:

Модель Orth+Orth — Чуд. *четы́рьсотъ* 123а, *болè пяти́ | сотъ* 114в; Егор. *сѣдмьдесать* 528об., *ѡсмьдесать и четы́ремъ* 516об., *пяти́сѡтъ* 156об.; Лет. *двѣ́ сотъ* 282; Пск. *седмидесать* (Р.) 100об., *ѡсмидесать* (Р.) 100об.; Ратн. *сѣдмьдесать, -тъ, ѡсмьдесать (ѡс-), -тъ, попятидесать, пошестьдесать, поседмидесать, поосмидесать, подевятидесать*; Улож. *по шти́ десатъ* 196.

Orth+Encl-1 — Ратн. *четы́редесать, четы́реста*.

Orth+Encl-2 — Ратн. *оди́ннатцать, четы́ренадесать, четы́рнатцати, пяти́надесати, попятина́тцати, шестина́тцати, шти́натцати, восмина́десати, ѡсмина́тцати, поѡсмина́тцати*; Улож. *двоу́натцати* 120об., *осмина́тцати* 80, *попяти́надцати* 86; Матф. *четы́ренадесате* 10об.

Encl+Encl-1 — Чуд. *двѣ́ стѣ́* 153б, *двѣ́ | стѣ́* 76а; Хр. *три́ста* 81, 744, 1377; Ратн. *два́десать, дватцать, три́десать, три́тцать, двѣ́стѣ́ (-сте, -сти), три́ста, три́ ста*; Косм. *двѣ́сте* 90об., *три́ста* 23об., 44об.; Улож. *на́ дватцать* 140. (И так же во многих других памятниках.)

З а м е ч а н и е. В микросистемах, где форма И. В. мн. среднего рода была не энклитомной, а конечноударной, сочетание *три ста* относится к группе Encl+Orth, соответственно, должно иметь ударение *триста́*. И действительно, мы находим в системе этого типа такие примеры, как Т. пс. *триста́* 229, Новг. *триста́* 243об.

Encl+Encl-2 — Флав. *лѣтъ три́ на́ десате* 397а; Острож. *два́ на́ десате* (Мт. 26.53); Матф. *двана́десать* 3 (и часто), *обана́десать* 132; Ратн. *двана́десать, три́надесать, трёмна́десати, пята́надесать, шестна́десать*.

Приведем также изредка встречающиеся примеры тройных комплексов.

Encl+Orth+Encl — Косм. *по^ттора́ста* 44об., *по^ттре^та́ ста* 56, *по^тѡсмá ста* 56.

Encl+Encl+Encl — Улож. *дватцатьпять* 103об., *три́тцатьпять* 103об.

Примеры победы нового принципа:

Модель Orth+Orth — Ратн. (1647 г.) *трехсо́тъ*.

Orth+Encl-2 — Дос. (2-я четв. XVI в.) *ѡсмь на́ деса^т* 110об. (если только это не пропуск знака ударения в первом члене); Косм. (посл. четв. XVI в.) *восм'на́'ца^т* 90; Улож. (1649 г.) *в восм'на́'тцать* 80; Авв. (1670-е гг.) *семна́'тцеть* 248 (ср. Ратн. *ѡсмна́'тцати, поѡсмна́'тцати* — косвенные формы, перестроенные по И. падежу).

Encl+Encl-2 — Алекс. (посл. треть XV в.) *двана́десать* 67; Сенн. (1500 г.) *два́ на́ деса^т* 50б, 71в (надстрочный знак в *два́*, по-видимому, не передает ударения); Дос. (2-я четв. XVI в.) *три на́ деса^т* 101, *по два на́ десате* 88об.; Острож. (1581 г.) *оба на́ деса^т* (часто); М. пс. (нач. XVII в.) *два на́ десате* 62; Синод. (XVII в.) *два на́ десате* (часто);

Ратн. *двенáтцать, тринáдесять, потринáтцати, пятнáтцать, шесть нáдесять, шес(т)-нáтцать*.

Материал памятников показывает, что даже и в XVII веке древний принцип акцентировки комплексов еще господствует. Основное изменение по сравнению с древним периодом касается комплексов с Encl-2 во второй части. В энклиноменных группах класса Encl-2 (то есть с проклитикой) ударение становится более устойчивым, приближаясь в этом отношении к ударению ортотонических словоформ. Иначе говоря, вместо двойной градации по устойчивости (Orth > Encl) формируется тройная: Orth > Encl-2 > Encl-1.

В модели Encl+Encl-2 новый тип акцентировки (*два нá десяти* и т. д.) появляется не позднее, чем в XV веке, а в XVII веке уже преобладает. Но его полная победа в русском языке относится все же к более позднему времени.

В модели Orth+Encl-2 аналогичный процесс начинается позже и развивается намного слабее; древние ударения *одíннадцать, четýрнадцать* устойчиво сохраняются и поныне.

Относительно поздно развивается новый тип акцентировки в модели Orth+Orth; древние ударения *сéмьдесят, вóсьмьдесят* устойчиво сохраняются и поныне.

Ударение просодических комплексов в современном русском языке

§ 7. В итоге рассмотренной выше эволюции в современном русском языке сложилась следующая ситуация.

Просодический комплекс в качестве единого ударения получает ударение либо своего первого члена, либо второго. У просодических комплексов, составленных из слов, которые существовали уже в древнерусском, современное ударение можно описать, исходя из древних просодических характеристик их членов, с помощью следующего основного правила:

при объединении двух древнерусских тактовых групп разного просодического класса побеждает ударение более сильного класса, в соответствии с градацией (по убывающей силе) «Orth > Encl-2 > Encl-1»;

при объединении двух групп одинакового класса побеждает ударение первого члена.

Примеры из современного языка (помимо литературных, включены также некоторые диалектные слова [из СРНГ и Даля]):

Модель Orth+Orth: *сéмьдесят, вóсьмьдесят; пятьóдесятью, шестьóдесятью* и т. д.; *полўтора; покáмест* (из варианта с ортотоническим *ка* В. мн. ср.); *нéгде, нéкогда* 'нет времени', *нéкого, нéчего, нé к кому, нé для чего, нé о чем* и т. п. с древним *нѣ* 'нет, не имеется'; диалектные *сéйзимы, сегóлета*.

Orth+Encl-1: *четýреста, пятíдесяти, шестíдесяти* и т. д., *спасíбо, сегóдня, полўдня, полўночи, Бéлгород, Нóвгород* (см. об этом слове выше), *Стáргород, Ивáнгород* (из *Ивáньгород*)⁶; диалектные *Великóдень, Никóльдень, (о)номéдни, оногóдни, одногóдни, навсéдни, злыдни, добрыдни, севóгода, сéсьгод, сéйгод, сéйночи* (последние два с колебанием ударения), *сéйвечер, добрáночь* (западное), *тыждень* (западное). Сюда же диалектное *обáпол (обáполы)* из словосочетания, в составе которого энклиномен *оба* рано был заменен ортотоническим вариантом *обá* (см. об этом Зализняк 1985, § 2.9, п. 3).

⁶ Внешне сходны с этими названиями такие, как *Вýшгород, Мíргород, Звенíгород* и т. п., но это уже не просодические комплексы, а обычные сложные слова.

Orth+Encl-2: *одиннадцать, четырнадцать*.

Encl-1+Orth: *полтора́, полчаса́, пятьдесят, шестьдесят, пятьсо́т, шестьсо́т, девятьсо́т*.

Encl-1+Encl-1: *двѣсти, триста, двадцать, тридцать, тридешать*; диалектные *два́дни, два́дорога*. Сюда же *по́лдень, по́лночь*, где *поль* — это древнее неизменяемое по родам прилагательное (или существительное-приложение), т. е. древнерусское *поль днь* аналогично по структуре, например, итал. *mezzogiorno*; ср. Р. ед. *полу дьне* (так же и *поль ночь*, Р. ед. *полу ночи*).

Encl-1+Encl-2: *двенáдцать, тринáдцать, пятнáдцать, шестнáдцать, девятнáдцать*.

Encl-2+Encl-1: *втри́дорога*; диалектные *втри́дешева, вте́поры, вту́пору* (последние два с колебанием ударения).

Тройные комплексы: *полтора́ста, полу́тораста* (см. о них выше).

От приведенного основного правила имеются, правда, некоторые отклонения. Все они состоят в том, что победило ударение не первого члена, а второго; иначе говоря, это эффект нового принципа акцентровки комплексов (действующего уже за рамками тех случаев, которые покрываются основным правилом).

Ясно видны два фактора, которые определили в этих случаях победу нового принципа:

а) позднее возникновение комплекса (позднее древнерусского периода);

б) для числительных — аналогия с соседними (по натуральному ряду) числительными. Вот эти отклонения.

При схеме Orth+Orth: *семьсо́т, восемьсо́т* и косвенные падежи от сотен — *двухсо́т (двумста́м, двумяста́ми), трёхсо́т* (см. об этой форме выше), *четырёхсо́т, пятисо́т, шестисо́т, семисо́т* и т. д. (аналогия с *пятьсо́т, шестьсо́т, девятьсо́т*); судя по данным памятников, это поздние объединения, то есть в древнерусский период это были еще пары самостоятельных тактовых групп;

сумасше́дший, сейча́с (поздние объединения).

При схеме Orth+Encl-2: *семнáдцать, восемнáдцать* — аналогия с *пятнáдцать, шестнáдцать, девятнáдцать*.

При схеме Encl+Encl-1: *полго́да, полно́чи, полсло́ва, вполу́ха, вполго́лоса* (поздние объединения).

Почему числительные *семнáдцать, восемнáдцать* и *семьсо́т, восемьсо́т* подверглись аналогии, а *одиннадцать, четырнадцать* — нет? По-видимому, здесь оказалось существенным то, что акцентно-слоговая структура словоформы *семь* (в эпоху после утраты фонетических различий между прежними энклиноменами и прежними начальноударными оротоническими словоформами) — такая же, как у *пять, шесть*, а у *восемь* — такая же, как у *девять*, тогда как *один* и *четыре* имеют другую структуру.

Краткое сравнение с другими славянскими языками

§ 8. Сравним теперь в общих чертах выявленную выше картину акцентной эволюции сложных числительных в русском языке с данными других славянских языков. Ограничиваемся здесь данными современных литературных языков, не углубляясь в историю и диалектологию каждого отдельного языка, поскольку для выявления общей картины в данном случае в этом нет необходимости.

Группа '11–19'.

Во всей этой группе во всех славянских языках со свободным ударением, кроме русского, ударение полностью унифицировалось, а именно, закрепилось ударение на элементе *-на-*.

В качестве образца приведем украинский: *одинáдцять, дванáдцять, тринáдцять, чотирна́дцять, п'ятна́дцять, шістна́дцять, сімна́дцять, вісімна́дцять, дев'ятна́дцять*.

Далее ограничиваемся приведением числительных '11' и '14'.

Белорусский: *адзіна́ццаць, чатырна́ццаць*.

Сербский: *једнаест, четрнаест* (где восходящее ударение — результат переноса ударения с *-на-*).

Словенский: *enájst, štirinájst*.

Болгарский: *едина́йце(m), четирна́йце(m)*.

Из всех этих форм ни одна не соответствует древнему принципу акцентовки. Новому принципу соответствуют числительные '12', '13', '15', '16', '19'. Остальные — '11', '14', '17', '18' — получили свое нынешнее ударение по аналогии с первой группой ('12' и т. д.). Из этих данных можно заключить, что фактор «акцентного перевеса» второго члена и фактор «акцентного усиления» сочетания *на десять* были актуальны не только для русского языка, но для всех славянских.

Русский язык, в отличие от всех остальных, сохранил древнее ударение числительных '11' и '14': *о́диннадцать, четы́рнадцать*. Но '17' и '18' переакцентованы по аналогии и в русском языке: *се́мнадцать, восемна́дцать*.

Ситуация в русском языке (в частности, данные Ратн.) не позволяет объяснить единство показаний всех прочих славянских языков (а именно, одинаковость ударения во всей группе '11–19') общей инновацией праславянской эпохи. В самом деле, система Ратн. явно архаичнее, чем выровненные системы сербского, словенского, украинского, белорусского языков, поскольку она реагирует на различие древних просодических классов, а те уже нет. Соответственно, необходимо допустить параллельное изменение в разных славянских языках.

Числительные '20', '30'.

Старое ударение в основном сохраняется: укр. *два́дцять, три́дцять*; белор. *два́ццаць, тры́ццаць*; болг. *два́йце(m), трий́це(m)*; словен. *dvájset, trideset*. Сюда же примыкает болг. *чети́рице(m)*.

Но сербск. *два́десѐт, три́десѐт* (из *двадѐсѐт, тридѐсѐт*) представляют собой акцентную инновацию.

Десятки '50'–'80' (и '90' там, где оно из **девать десатъ*).

В ряде языков ударение в этой группе выровнено по аналогии с '50', '60':

Украинский: *п'ятдеся́т, шістдеся́т, сімдеся́т, вісімдеся́т*.

Болгарский: *петдесѐ́(m), шейсѐ́(m), семдесѐ́(m), осемдесѐ́(m), деветдесѐ́(m)*;

Сербский: *педѐсѐ́т, шездѐсѐ́т, седамдѐсѐ́т, осамдѐсѐ́т, деведѐсѐ́т*; в этот ряд перешло также *четрдѐсѐ́т*.

Иная ситуация в словенском: здесь весь этот ряд выровнен по схеме «простое числительное (*štírje, pēt, šēst, sédem, ósem, devēt*) + *-deset*»: *štírideset, pētdeset, šēstdeset, sédemdeset, ósemdeset, devētdeset*.

Исконное акцентное противопоставление конечноударных '50', '60' и начальнударных '70', '80' сохранилось только в русском (*пятьдеся́т, шестьдеся́т, но се́мьдесят, во́семьдесят*) и в белорусском (*пяцьдзе́сят, шэсцьдзе́сят, но се́мдзе́сят, во́семдзе́сят*).

Сотни.

В названиях сотен повсеместно произошло выравнивание (не только акцентное) — всеобщее или внутри двух основных групп.

Например, в украинском: *двісті, триста, чотириста; п'ятсот, шістсот, сімсот, вісімсот, дев'ятсот*. Аналогично в белорусском.

В сербском: *двѣста, триста*; далее сотни выровнены по модели «простое числительное + -стѡ»: *чѣтиристѡ, пѣтстѡ, шѣстстѡ, сѣдамстѡ, ѡсамстѡ, дѣвѣтстѡ*; наряду с этим возможны свободные сочетания со словом *стѡтина* 'сотня' (*чѣтири стѡтине, пѣт стѡтѣйна* и т. д.).

В словенском все сотни выровнены по модели «простое числительное + -sto»: *dvêsto, trîsto, štîristo, pêtisto, šêstisto, sédemsto, ósemsto, devêtsto*.

В болгарском из старых комплексов сохранились *двѣсте* (и *двѣста*), *триста*; далее следуют уже новые комплексы с элементом *-стотин*: *чѣтиристотин, пѣтстотин, шѣстстотин, сѣдемстотин, ѡсемстотин, дѣветстотин*.

Как можно видеть, в отношении акцентуации числительных русский язык — самый архаичный во всем славянском мире. Акцентному выравниванию здесь подверглись только числительные *семна́дцать, восемна́дцать, семьсо́т, восемьсо́т*. Украинский, белорусский, болгарский, сербский, словенский уже унифицировали ударение числительных '11', '14' по всему ряду '12–19'; почти везде выровнено также ударение в ряду '50', '60', '70', '80'.

ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ, СОКРАЩЕНИЯ

Ниже приводится сводная библиография для всех частей настоящей книги. В связи с тем, что в книге представлены статьи разных лет, в некоторых случаях имеется по два варианта обозначения для одного и того же текста.

ПОМЕТЫ И СОКРАЩЕНИЯ

а. п. — акцентная парадигма (см. Акц., § 2.10).

б. уд. — без знака ударения.

п.-др.-р. — позднерусский.

р.-др.-р. — раннерусский.

И., Р., Д., В., Т., М., П., Зв. — обозначения падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, местный, предложный, звательная форма.

1 ед., 2 мн. и т. д. — обозначения лица и числа глагола.

D, Deox, Init, Marg, Monosyll, Polysyll, Triv — см. Акц., § 1.21.

Min, Re — см. Акц., § 2.7.

ИСТОЧНИКИ, ХРАНИЛИЩА

Авв. — два автографа протопопа Аввакума (см. Акц., § 3.31).

Алекс. — Александрия. По изд.: *В. М. Истрин*. Александрия русских хронографов // Чтения ОИДР, 1894 г. Кн. 2. Отд. 2.

Алф. — Алфавит духовный, сер. XVII в. — РГБ, ф. 218, № 714.

Амф. — Святцы с воследованием. Коломна, 1571 г. — РГБ, ф. 7, № 27 (см. Акц., § 3.27).

Ап. — Апостол. М., 1564.

БАН — Библиотека Академии наук СССР в Санкт-Петербурге.

Бер. — Лексикон словеноросский Памви Беринди. Київ, 1961.

Биб. — Библия, XVI в. — ГИМ, Синод. 30 (1-й почерк) (см. Акц., § 3.30).

Библ. — 2-й почерк рукописи Биб. (см. Акц., § 3.28).

Бук. — Буковница, 1592 г. — РГБ, ф. 173, № 35 (см. Акц., § 3.30).

Вас. пс. (Васильевская псалтирь) — Псалтирь, XVI в. — РНБ, Р.1.7 (см. Акц., § 3.22).

Вас. сб. — Сборник, XVI в. — РНБ, Соф. 1460 (см. Акц., § 3.22).

Вед. — Ведомости времени Петра Великого, вып. I–II. М., 1903–1906.

Вер. — Сборник, XVI в., Веря. — РНБ, Р.П.255 (см. Акц., § 3.32).

ГБЛ см. РГБ.

ГИМ — Государственный исторический музей в Москве.

- ГПБ см. РНБ.
- Дан. — Сборник, 1543 г. — РГБ, ф. 113, № 490 (см. Акц., § 3.26).
- Джемс — Записи Р. Джемса, сделанные в 1618–19 гг. в Колмогорах (см. Акц., § 3.31).
- Дом. — Домострой, XVI–XVII вв. (по Коншинскому списку) — РНБ, Q.XVII.149 (см. Акц., § 3.28, Глаг., § 12).
- Дорог. — Сборник. Дорогобужский уезд, 1626 г. — ГИМ, Барсов 1280 (см. Акц., § 3.26).
- Дос. — Синайский патерик, 2-я четв. XVI в. — ГИМ, Увар. 883 (см. Акц., § 3.26).
- Ев. — Евангелие, XV–XVI вв. — РГБ, ф. 113, № 39 (см. Акц., § 3.31).
- Ег. — Евангелие, XV–XVI вв. — РГБ, ф. 98, № 20 (см. Акц., § 3.22).
- Егор. (= Егор.ев.) — Евангелие учительное, 2-я четв. XVI в. — РГБ, ф. 98. № 80 (см. Акц., § 3.24).
- Жит. — Сборник житий, 2-я четв. XVI в. — РГБ, ф. 173, № 57 (см. Акц., § 3.26).
- Зап. — Записная книжка монаха, XVI–XVII вв. — ГИБ, р.XVII.67 (см. Акц., § 3.32).
- Ик. — Иконописный подлинник, посл. четв. XVI в. — РГБ, ф. 209, № 409 (см. Акц., § 3.28).
- Ион. — Маргарит Иоанна Златоуста, 1530 г. — РГБ, ф. 256, № 195 (см. Акц., § 3.30).
- Карг. — Василия Великого о постничестве, 1556 г. — РГБ, ф. 304, № 133 (см. Акц., § 3.31).
- Кир. — Сборник. Кириллов монастырь, 1612 г. — РГБ, ф. 209, № 327 (1-й почерк) (см. § 3.30).
- Кирил. — 2-й почерк рукописи Кир. (см. Акц., § 3.30).
- Клон. — Сборник житий, кон. XVI в. — РГБ, ф. 209, № 271 (см. Акц., § 3.31).
- Колм. — Космография Герарда Меркатора. Колмогоры, 1670 г. (см. Акц., § 3.31).
- Корн. — Василия Великого о постничестве, 1543 г. — ГИМ, Увар. 255 (см. Акц., § 3.31).
- Косм. — Космография Мартина Бельского, посл. четв. XVI в. — РГБ, ф. 152, № 2 (см. Акц., § 3.28).
- Костр. — Слова Аввы Дорофея. Кострома, 1628 г.; в рукописи РГБ, ф. 138, № 25 (см. Акц., § 3.30).
- Лес. — Лествица. Москва, Чудов монастырь, 1558 г. — ГИМ, Чуд. 227 (см. Акц., § 3.27).
- Лет. — Троицкий летописец, сер. XVI в. — ГИМ, Синод. 645 (см. Акц., § 3.26).
- Леч. — Лечебник. Шуя, XVII в. — РНБ, собр. Колобова, № 649 (см. Акц., § 3.32).
- Лих. — Пролог, 1501 г. — РНБ, Соф. 1345 (см. Акц., § 3.22).
- Лук. — Скитский патерик, 1570 г. — РГБ, ф. 256, № 307 (см. Акц., § 3.31).
- Матф. — Толкование Феофилакта болгарского на евангелия. М., 1649 (толкование на евангелие от Матфея).
- М. пс. (Максимова псалтирь) — Псалтирь в переводе Максима Грека, нач. XVII в. — РГБ, ф. 304, № 62 (см. Акц., § 3.28). [Но в статье Глаг. вместо М. пс. используется сокращение Пс.]
- Мер. — Мерило Праведное, XIV в. — РГБ, ф. 304, № 15 (см. § 3.26).
- Муз. (= Муз.ев.) — Евангелие, 1-я пол. XVI в. — РГБ, ф. 178, № 3650 (см. Акц., § 3.22).
- Нв. — Новгородская летопись, 1-я четв. XVII в. — БАН, 34.4.32 (см. Акц., § 3.24).
- Нил. — три тома Житий святых, писанные в 1490-х гг. Нилом Сорским. — РГБ, ф. 113. № 630; РГБ, ф. 304, № 684 (Нил Т); Гос. лит. музей, № 126 (Нил М) (см. Акц., § 3.31).
- Новг. — Псалтирь лицевая, 1548 г. — ГИМ, Увар. 592 (см. Акц., § 3.22).
- Окт. — Октоих. Новгород, 1436 г. — ГИМ, Синод. 199 (см. Акц., § 3.22).
- Острож. (Острожская библия) — Библия, сирѣчь книги Ветхаго и Новаго Завета по языку словенскѣ. Острог, 1581. Фототипическое переиздание: М.; Л., 1988.
- Пат. — Скитский Патерик, Новгород, 1553 г. — ГИМ, Синод. 216 (см. Акц., § 3.22).
- Пер. — Слова Аввы Дорофея, 1633 г. — РГБ, ф. 310, № 194 (см. Акц., § 3.30).
- Печ. — Минеи-четьи на сентябрь и октябрь. Печенга, 1605 г. — РГБ, ф. 138, № 17 (см. Акц., § 3.31).
- Полик. — *Поликарпов Ф.* Лексикон трехязычный. М., 1704.
- Постн. — Триодъ Постная. М., 1589.

- Пр. — Пролог. Новгород, 1518–19 г. – РГБ, ф. 247, № 461 (см. Акц., § 3.22).
- Правда Русская. I — Правда Русская, т. I. М.; Л., 1940.
- Прол. (= Пролог) — Пролог, нач. XVI в. – РГБ, ф. 354, № 19 (см. Акц., § 3.31).
- Пс. — Псалтирь, кон. XV в. – РНБ, Погод. 86 (см. Акц., § 3.32). [Но в статье Глав. сокращение Пс. используется для другой рукописи — М.пс.]
- Пск. — Житие и творения Феодора Студита. Псков, 1590 г. – РГБ, ф. 242, № 134 (см. Акц., § 3.24).
- Пч. — Пчела. Вологда, 1640 г. – РНБ, Кирил.-Белоз. 114/1191 (см. Акц., § 3.32).
- Ратн. — Учение и хитрость ратного строения пѣхотныхъ людей. М., 1647.
- РГБ — Российская государственная библиотека в Москве (бывш. ГБЛ).
- Рж. — Псалтирь. Ярославль, 1612 г. – ГИМ, Муз. 95 (см. Акц., § 3.26).
- РНБ — Российская национальная библиотека в Санкт-Петербурге (бывш. ГПБ).
- Рум. — Сборник XVI в. – РГБ, ф. 256, № 181 (см. Акц., § 3.26).
- Ряз. — Лествица. Солотча, 1611 г. – ГИМ, Барсов 246 (см. Акц., § 3.29).
- Св. — Стоглав. Серпухов, 1646 г. – РНБ, 0.11.102 (см. Акц., § 3.32).
- Сел. — Канонник. Троице-Сергиева лавра, 1616 г. – РГБ, ф. 304, № 283 (см. Акц., § 3.26).
- Сенн. — Толкование Феофилакта болгарского на евангелия от Матфея и от Марка, 1499–1500 г. – ГИМ, Синод. 302 (см. Акц., § 3.23).
- Синод. (Синодальная библия) — Библия, сирѣчь книги свѣщеннаго писаніа Ветхаго и Новаго Заваѣта. М., 1914.
- Смол. — Сборник. Смоленск, 1580 г. – РГБ, ф. 173 III, № 108 (см. Акц., § 3.25).
- Сол. — Житие Зосимы и Савватия Соловецких. Соловки, 1632 г. – РГБ, ф. 209, № 235 (см. Акц., § 3.31).
- Стар. — Книги 16 пророков, XVI–XVII вв. – ГИМ, Синод. 301 (см. Акц., § 3.26).
- Т.пс. (Троицкая псалтирь) — Псалтирь, XV–XVI вв.; в рукописи РГБ, ф. 304, № 329 (см. Акц., § 3.22).
- Такт. — Тактикон Никона Черногорца. Москва, Симонов монастырь, 1461 г. – РНБ, Р.1.207 (см. Акц., § 3.27).
- Тамб. — Синодик Троицкой Новой пустыни на Цне, 1621 г. – ГИМ, Барсов 961 (см. Акц., § 3.29).
- Тар. — Псалтирь. М., 1568.
- Тит. — Пятидесятница. Троице-Сергиева лавра, 1541 г. – РГБ, ф. 304, № 146 (см. Акц., § 3.31).
- Тих. — Сборник грамматический, 1-я пол. XVII в. – РГБ, ф. 299, № 336 (см. Акц., § 3.30).
- Трав. — Травник и лечебник, XVI–XVII вв. – РГБ, ф. 37, № 431 (см. Акц., § 3.28, Глав., § 12).
- Увар. — Кормчая, сер. XVI в. – ГИМ, Увар. 296 (см. § 3.30).
- Угл. — Псалтирь. Углич, 1491–1492 гг. – ГИМ, Увар. 569 (см. Акц., § 3.30).
- Узк. — Евангелие безвыходное (так наз. узкошрифтное). Анонимная типография, 1553–1564 гг.
- Улож. — Соборное уложение царя Алексея Михайловича. М., 1649.
- Уст. — Житие Прокопия и Иоанна устюжских чудотворцев. Великий Устюг, кон. XVII в. – БАН, 45, 10.2 (см. Акц., § 3.32).
- Фер. — Кормчая, сер. XVI в. – РГБ, ф. 98, № 248 (см. Акц., § 3.26).
- Хл. — Сборник, 1560-е гг. – ГИМ, Хлуд. 147Д (почерк 271—384) (см. Акц., § 3.28).
- Хлуд. – Почерк 112–1596 в рукописи Хл. (см. Акц., § 3.28).
- Хлын. — Златоуст, 2-я четв. XVII в. – РГБ, ф. 310, № 539 (см. Акц., § 3.31).
- Флав. — «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод. Т. 1–2. М., 2004.
- Хр. — Хронограф лицевой, посл. четв. XVI в. – РГБ, ф. 98, № 202 (см. Акц., § 3.26).
- Хрон. — Хронограф, 1-я четв. XVI в. – РГБ, ф. 113, № 650 (см. Акц., § 3.26).

- Цв. — Триодь Цветная. М., 1591 (см. Глаг., § 12).
- Цел. — Целебник, XVII–XVIII вв. — ГИМ, Музейск. 1226 (см. Акц., § 3.31).
- Целеб. — 2-й почерк в рукописи Цел. (см. Акц., § 3.31).
- Час. — Часослов, кон. XV в.; в рукописи РГБ, ф. 304, № 329 (см. Акц., § 3.22).
- Чет. — Минея-четья на апрель, 1560-е гг. — ГИМ, Синод. 91 (см. Акц., § 3.26).
- Чуд. — Чудовский Новый Завет, XIV в. — По изд.: Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия Митрополита Московского и всея Руси. (Фототипическое издание Леонтия, Митрополита Московского.) М., 1892 (см. Акц., § 3.28, Глаг., § 12).
- Яр. — Служебник. Ярославль, 1635 г. — ГИМ, Барсов 1149 (см. Акц., § 3.30).

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов 1949 — *Р. И. Аванесов*. Очерки русской диалектологии. Часть первая. М., 1949.
- Аванесов, Орлова 1965 — *Р. И. Аванесов, В. А. Орлова*. Русская диалектология. Изд. 2-е. М., 1965.
- АГ-52 — Грамматика русского языка, т. I. М., 1952.
- АГ-70 — Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
- АГ-80 — Русская грамматика. М., 1980.
- Аксенова 1981 — *Е. А. Аксенова*. Важный памятник средневековой грамматико-лексикографической традиции (текстологический и акцентологический анализ) // Сов. слав., 1981, № 1. С. 66–67.
- Аксенова 1982 — *Е. А. Аксенова*. Акцентная система северо-восточной русской рукописи конца XVI века (диахронический и синхронический анализ). Канд. дис. М., 1982.
- Акц. — раздел I «От праславянской акцентуации к русской» в настоящей книге (с. 1–428). [Перепечатка книги Зализняк 1985.]
- Акц. Мер. — *А. А. Зализняк*. Акцентологическая система древнерусской рукописи XIV века «Мерило Праведное» // СБЯ. История литературных языков и письменность. М., 1979.
- АО — Русское литературное произношение и ударение. Словарь-справочник / Под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. М., 1959.
- Атлас Запад, Атлас Север, Атлас Юг, Атлас сводный — диалектологические атласы, составленные и хранящиеся в Институте русского языка АН СССР (соответственно: «Атлас русских говоров центральных областей к западу [к северу, к югу] от Москвы», «Диалектологический атлас русского языка»).
- БАС — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л., 1950–1965.
- Брике — *С. М. Briquet*. Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier. Genève, 1907.
- Брок 1907 — *О. Брок*. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда // Сб. ОРЯС. 1907. Т. 83. С. 1–149.
- Брок 1916 — *О. Брок*. Говоры к западу от Мосальска. Пг., 1916.
- Бромлей 1976 — *С. В. Бромлей*. Форма 2-го лица множественного числа изъявительного наклонения в русских говорах северо-восточной диалектной зоны // Общеславянский лингвистический атлас 1974. М., 1976.
- Бромлей 1977 — *С. В. Бромлей*. О взаимодействии форм изъявительного и повелительного наклонений в восточнославянских языковых системах // Общеславянский лингвистический атлас 1975. М., 1977.
- Бромлей 1978 — *С. В. Бромлей*. О следах общеславянской *c*-парадигмы в акцентной системе русского глагола (по материалам говоров) // Общеславянский лингвистический атлас 1976. М., 1978.
- Брох 1900 — *О. Брок*. Угрорусское наречие села Убли // Исследования по русскому языку. Т. II. Вып. 1. СПб., 1900.

- Булаховский 1947 — *Л. А. Булаховский*. Східнослов'янські мови як джерело відбудування спільнослов'янської акцентологічної системи // Мовознавство. 1947. Т. IV–V.
- Булаховский 1961 — *Л. А. Булаховский*. Отражения так называемой новоаккутовой интонации древнейшего славянского языка в восточнославянских // Исследования по лексикологии и грамматике русского языка. М., 1961. С. 3–13.
- Васильев 1904 — *Л. Л. Васильев*. Гласные в слогe под ударением в момент возникновения аканья в обоянском говоре // Изв. ОРЯС. 1904. Т. 9/1. С. 336–355.
- Вас. (= Васильев 1929) — *Л. Л. Васильев*. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI–XVII вв. К вопросу о произношении звука *o* в великорусском наречии. Л., 1929.
- Виноградов 1904 — *Н. Виноградов*. О народном говоре Шунгенской волости Костромского уезда // Сб. ОРЯС. 1904. Т. 77/8. Вып. I–II. С. 1–100.
- ВЯ — «Вопросы языкознания».
- Воронцова — *В. Л. Воронцова*. Русское литературное ударение XVIII–XX вв. Формы словоизменения. М., 1979.
- Высотский 1949 — *С. С. Высотский*. О говоре д. Лека // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. II. М.; Л., 1949. С. 3–71.
- Галкина — *Г. С. Галкина*. Язык рязанских деловых документов XVII–XVIII веков (фонетика и морфология). Автореф. канд. дис. Тула, 1961.
- Гард 1974 — *Л. Гард*. К истории восточнославянских гласных среднего подъема. // ВЯ, 1974, № 3. С. 106–115.
- Гард 1976 — *P. Garde*. Histoire de l'accentuation slave. Т. 1. Paris, 1976.
- Гард 1978 — *P. Garde*. Modèle de description de l'accent russe // Bulletin de la Société de Linguistique de Paris. Т. 73, 1978.
- Гецова 1959 — *О. Г. Гецова*. О произношении ударенного *o* разного происхождения в говоре с. Катагощи Захаровского района Рязанской области // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Т. I. М., 1959. С. 105–118.
- Глаг. — статья «Глагольная акцентуация в южновеликорусской рукописи XVI в.» в разделе 3 настоящей книги (с. 709–796) [Перепечатка статьи Глаг. акц.]
- Глаг. акц. — *А. А. Зализняк*. Глагольная акцентуация в южновеликорусской рукописи XVI в. // СБЯ. Проблемы морфонологии. М., 1981. [См. также Глаг.]
- Горск. Нев. — *А. В. Горский, К. И. Невоструев*. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. 1–3. М., 1855–1917.
- Грамм. — *А. А. Зализняк*. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1977.
- Гринченко — *Б. Д. Гринченко*. Словарь украинского языка. Т. 1–4. Киев, 1907–1909.
- Грот — *Я. К. Грот*. О глаголах с подвижным ударением // *Я. К. Грот*. Труды. Т. 2. Филол. разыскания. СПб., 1899.
- ДАБМ — Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963.
- Даль — *В. И. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1955.
- Диал. член. — *К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова*. Диалектное членение русского языка. М., 1970.
- Диал. мат. — Диалектологические материалы, собранные В. И. Тростянским, И. С. Гришкиным и др. // Сб. ОРЯС. 1916. Т. 95/1. С. 1–65, 125–158.
- Долобок 1925 — *M. Dolobko*. Der sekundäre v-Vorschlag im Russischen // Zeitschrift für Slavische Philologie. 1926. Bd. III/1–2. S. 87–144.
- Дурново 1932 — *N. Durnovo*. Manuscripts russes distinguant l'ancien *o* "acuté" et l'*o* d'une autre origine // Annales Academiae Scientiarum Fennicae B/27. Helsinki, 1932. P. 7–13. [рус. изд.: *Н. Н. Дурново*. Русские рукописи, различающие древнее "акутированное" *o* и *o* другого происхождения // *Н. Н. Дурново*. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000. С. 638–643 (пер. с франц.)]

- Дыбо 1962 — *В. А. Дыбо*. О реконструкции ударения в праславянском глаголе // Вопросы славянского языкознания. Вып. 6. М., 1962.
- Дыбо 1968 — *В. А. Дыбо*. Акцентология и словообразование в славянском // Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов (Прага, август 1968). Доклады советской делегации. М., 1968.
- Дыбо 1969а — *В. А. Дыбо*. Среднеболгарские тексты как источник для реконструкции праславянского ударения (praesens) // ВЯ, 1969, № 3.
- Дыбо 1969б (= Дыбо 1969) — *В. А. Дыбо*. Древнерусские тексты как источник для реконструкции праславянского ударения (praesens) // ВЯ, 1969, № 6.
- Дыбо 1970 — *В. А. Дыбо*. Фрагмент праславянской акцентной системы (Ударение прилагательных с суффиксом *-ък-*) // Сов. слав., 1970, № 5.
- Дыбо 1971а — *В. А. Дыбо*. Закон Васильева–Долобоко и акцентуация форм глагола в древнерусском и среднеболгарском // ВЯ, 1971, № 2. С. 93–114.
- Дыбо 1971б — *В. А. Дыбо*. О фразовых модификациях в праславянском // Сов. слав., 1971, № 6. С. 77–84.
- Дыбо 1972а — *В. А. Дыбо*. Реконструкция ударения *l*-причастия от глаголов на *-но-* и *-i-* в праславянском // Исследования по сербохорватскому языку. М., 1972.
- Дыбо 1972б — *В. А. Дыбо*. Акцентные типы презенса глаголов с *ъ*, *ь* в корне в праславянском // ВЯ, 1972, № 4.
- Дыбо 1973 — *В. А. Дыбо*. Балтославянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента // Кузнецовские чтения 1973. История славянских языков и письменности. М., 1973.
- Дыбо 1975 — *В. А. Дыбо*. Закон Васильева–Долобоко в древнерусском (на материале Чудовского Нового Завета) // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. V. XVIII, 1975. P. 7–81.
- Дыбо 1981 — *В. А. Дыбо*. Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981.
- Дыбо 1982 — *В. А. Дыбо*. Праславянское распределение акцентных типов в презенсе тематических глаголов с корнями на нешумные (материалы к реконструкции) // Балто-славянские исследования 1981. М., 1982.
- Дыбо, Замятина, Николаев 1990 — *В. А. Дыбо, Г. И. Замятина, С. Л. Николаев*. Основы славянской акцентологии. М., 1990.
- Ерёмин 1928 — *С. А. Ерёмин*. Описание Уломского и Ваучского говоров Череповецкого уезда Новгородской губ. // Сб. ОРЯС. 1928. Т. 99/5. Вып. I–II. С. 1–69.
- Еськова 2008 — *Н. А. Еськова*. Нормы русского литературного языка XVIII–XIX веков. Ударение, грамматические формы, варианты слов. Словарь, пояснительные статьи. М., 2008.
- Жилко 1963 — *Ф. Т. Жилко*. Возникновение дифтонгов в украинском языке. (Древние *о*, *е* в новых закрытых слогах) // Вопросы теории и истории языка, Л., 1963. С. 112–119.
- Зализняк 1977 — *А. А. Зализняк*. Акцентологическая интерпретация данных древнерусского «Мерила Праведного» XIV века // Ностратические языки и ностратическое языкознание. Тезисы докладов. М., 1977. С. 18–20.
- Зализняк 1978а — *А. А. Зализняк*. Новые данные о русских памятниках XIV–XVII веков с различием двух фонем «типа *о*» // Сов. слав., 1978, № 3. С. 74–96.
- Зализняк 1978б — *А. А. Зализняк*. Противопоставление букв *о* и *ω* в древнерусской рукописи XIV века «Мерило праведное» // Сов. слав., 1978, № 5. С. 41–68.
- Зализняк 1979а — *А. А. Зализняк*. Акцентологическая система древнерусской рукописи XIV века «Мерило праведное» // СБЯ. История литературных языков и письменность. М., 1979. С. 47–128.
- Зализняк 1979б — *А. А. Зализняк*. О понятии графемы // Balcanica. Лингвистические исследования, М., 1979. С. 134–152.

- Зализняк 1985 — *А. А. Зализняк*. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985. [См. также Акц.]
- Зализняк 1989 — *А. А. Зализняк*. Перенос ударения на проклитики в старовеликорусском // Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. М., 1989. С. 116–134. [См. также Прокл.]
- Зализняк 1990 — *А. А. Зализняк*. "Мерило Праведное" XIV века как акцентологический источник. München, 1990. [См. также МПР]
- Зализняк 2008 — *А. А. Зализняк*. Древнерусские энклитики. М., 2008.
- Захарова 1959 — *К. Ф. Захарова*. Архаические типы диссимилативного яканья в говорах Белгородской и Воронежской областей // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. I. М., 1959. С. 6–55.
- Исаченко 1967 — *А. В. Исаченко*. Фразовое ударение и порядок слов // To honor Roman Jakobson, The Hague; Paris, 1967.
- Земская — *Е. А. Земская*. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.
- Изв. ОРЯС — Известия отделения русского языка и словесности. СПб.
- Иллич-Свитыч — *В. М. Иллич-Свитыч*. Именная акцентуация в балтийском и славянском. М., 1963.
- Кипарский 1962 — *V. Kiparsky*. Der Wortakzent der russischen Schriftsprache. Heidelberg, 1962.
- Кипарский 1963 — *V. Kiparsky*. Russische historische Grammatik, Bd. I. Heidelberg, 1963.
- Кипарский–Халле 1977 — *P. Kiparsky, M. Halle*. Towards a Reconstruction of the Indo-European Accent // Studies in Stress and Accent (Southern California Occasional Papers in Linguistics, 4). Ed. L. Hyman. Los Angeles, 1977.
- Клосс 1980 — *Б. М. Клосс*. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980.
- Колесов 1962а — *В. В. Колесов*. [ǫ] (о закрытое) в древненовгородском говоре // Исследования по грамматике русского языка III. Учен. зап. ЛГУ. Серия филол. наук, 302/61. Л., 1962. С. 149–161.
- Колесов 1962б — *В. В. Колесов*. Эволюция фонемы [ǫ] в русских северо-западных говорах // Филол. науки, 1962, № 3. С. 94–104.
- Колесов 1965 — *В. В. Колесов*. Об одной древнерусской диалектной системе ударения // Вестник ЛГУ, 1965, № 8.
- Колесов 1969 — *В. В. Колесов*. Ударение neutra *o-основ в древнерусском языке. // Изв. АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XXVIII, вып. 1, 1969.
- Колесов 1972 — *В. В. Колесов*. История русского ударения. Именная акцентуация в древнерусском языке. Ч. I. Л., 1972.
- Колесов 1973а — *В. В. Колесов*. Знаки ударения и надстрочные знаки в русских рукописях XIV–XV вв. // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып. I. М., 1973.
- Колесов 1973б — *В. В. Колесов*. Надстрочные знаки «силы» в русской орфографической традиции // Восточнославянские языки. Источники для их изучения. М., 1973.
- Колесов 1974 — *В. В. Колесов*. Просодические диалектные признаки в истории русского языка // ВЯ, 1974, № 1.
- Колесов 1978а — *В. В. Колесов*. Ударение суффиксальных прилагательных в древнерусском языке // Slavia Orientalis, rocz. 27, № 2. Warszawa, 1978.
- Колесов 1978б — *В. В. Колесов*. Очерки по русской исторической акцентологии. (Acta Universitatis Szegediensis de Attila József nominatae. Supplementum). Szeged, 1978.
- Компл. — статья «Ударение просодических комплексов в истории русского языка» в разделе 3 настоящей книги (с. 817–826).
- Котков — *С. И. Котков*. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. М., 1963.
- Кузнецов 1960 — *П. С. Кузнецов*. Русская диалектология. М., 1960.

- Курилович 1946 — *Е. Курилович*. Система русского ударения // *Е. Курилович*. Очерки по лингвистике. М., 1962, с. 436–444.
- Лауцявичюс — *Е. Laucevičius*. Popierius Lietuvoje XV–XVIII a. Vilnius, 1967.
- Леонид — *архим. Леонид*. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания А. С. Уварова. Ч. I–IV. М., 1893–1894.
- Лефельдт, Бергер 1984a — *W. Lehfeldt, T. Berger*. Zur Rekonstruktion des altrussischen Akzentsystems // *Wiener Slawistischer Almanach*, 13, 1984. S. 141–160.
- Лефельдт, Бергер 1984b — *W. Lehfeldt, T. Berger*. К реконструкции древнерусской акцентной системы // *Russian Linguistics*, 8, 1984. P. 1–16.
- Лефельдт 1986 — *W. Lehfeldt*. Zur graphischen Wiedergabe und zur Distribution von zwei Phonemen des «Typs o» in einer russisch-kirchenslavischen Handschrift aus der Mitte des 16. Jh. // *Renate Rathmayr* (Hg.), *Slavistische Linguistik* 1985, München, 1986, 133–145 (*Slavistische Beiträge* 200).
- Лихачев — *Н. П. Лихачев*. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Ч. I–III. СПб., 1899.
- Лобан 1957 — *Н. П. Лобан*. Націск у назоўніках з невытворнай асновай у сучаснай беларускай літаратурнай мове // *Працы інстытута мовазнаўства АН БССР*. Вып. IV. Мінск, 1957.
- Лопатин — *В. В. Лопатин*. Русская словообразовательная морфемика. М., 1977.
- Лыткин 1948 — *В. И. Лыткин*. К вопросу о севернорусском закрытом *o* // *Бюллетень диалектологического сектора Ин-та рус. языка*. Вып. 2, 1948. С. 35–40.
- Лыткин 1949 — *В. И. Лыткин*. Фонетика севернорусских говоров и заимствования из русского языка в комийский // *Материалы и исследования по русской диалектологии* II. М.; Л., 1949. С. 128–201.
- Мансикка 1912 — *В. Мансикка*. Говор Грязовецкого уезда Вологодской губ. // *Рус. филол. вестник* 68/4, 1912, С. 271–279.
- МАС — *Словарь русского языка*. Т. 1–4. М., 1957–1961.
- Мат. — *Материалы по русским народным говорам* (т. I–XI в Изв. ОРЯС и Сб. ОРЯС).
- МДК — *Труды Московской диалектологической комиссии*.
- МПр — часть «"Мерило Праведное" XIV века как акцентологический источник» в разделе 3 настоящей книги (с. 531–708) [Перепечатка книги Зализняк 1990.]
- Нахтигал — *R. Nachtigall*. Akzentbewegung in der russischen Formen- und Wortbildung, I. Substantiva auf Konsonanten. Heidelberg, 1922.
- Николаев 1996 — *С. Л. Николаев*. Histoire d’O // *Славистика. Русистика. Индоевропеистика*. Сб. статей к 60-летию А. А. Зализняка. М., 1996. С. 203–242.
- Новопокровская — *В. Н. Новопокровская*. О некоторых морфологических особенностях рязанских говоров XVII в. (имя существительное) // *Учен. зап. Орловского пед. ин-та*. Т. 13. Вып. 5. Орел, 1958.
- Новые данные — *А. А. Зализняк*. Новые данные о русских памятниках XIV–XVII веков с различием двух фонем «типа o» // *Сов. слав.*, 1978, № 3.
- Обр. — *Обратный словарь русского языка*. М., 1974.
- Образ. — *Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров*. М., 1970.
- Огиенко — *І. Огиенко*. Український наголос в XVI віці // *Сб. ОРЯС*. 1928. Т. 101, № 3.
- Однослов. — *А. А. Зализняк*. Закономерности акцентуации русских однословных существительных мужского рода // *Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики*. Вып. 8. М., 1977. С. 71–119.
- Ожегов — *С. И. Ожегов*. *Словарь русского языка*. 9-е изд. М., 1972.
- Орлова 1949 — *В. Г. Орлова*. О говоре села Пермас Никольского района Вологодской области // *Материалы и исследования по русской диалектологии*. Т. I. М.; Л., 1949.

- Оссовский 1950 — *L. Ossowski*. O zwięzonym lub dyftongicznym *o* w pewnych gwarach i zabytkach rosyjskich (Ze studiów nad akcentem rosyjskim) // *Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego*. Z. X, 1950. S. 141–148.
- Оч. морф. — *С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова*. Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.
- Погрібний — *М. І. Погрібний*. Словник наголосів української літературної мови. Київ, 1964.
- Поливанова 1976 — *А. К. Поливанова*. Морфонология русского субстантивного основообразования. Автореф. канд. дис. М., 1976.
- Прокл. — статья «Перенос ударения на проклитики в старовеликорусском» в разделе 3 настоящей книги (с. 804–816). [Перепечатка статьи Зализняк 1989.]
- Противоп. — *А. А. Зализняк*. Противопоставление букв *o* и *ω* в древнерусской рукописи XIV века «Мерило Праведное» // *Сов. слав.*, 1978, № 5.
- Редькин — *В. А. Редькин*. Акцентология современного русского литературного языка. М., 1971.
- РИС — *А. А. Зализняк*. Русское именное словоизменение. М., 1967.
- Рус. диал. — *Русская диалектология* / Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964.
- Сб. ОРЯС — Сборник отделения русского языка и словесности. СПб.
- СБЯ — Славянское и балканское языкознание.
- Селищев 1951 — *А. М. Селищев*. Старославянский язык. Ч. I. Введение. Фонетика. М., 1951.
- Сидоров 1969 — *В. Н. Сидоров*. Из русской исторической фонетики. М., 1969.
- Скляренко 1969 — *В. Г. Скляренко*. Історія акцентуації іменників *a*-основ української мови. Київ, 1969.
- Смирнов — *И. Т. Смирнов*. Кашинский говор // Сб. ОРЯС. 1904. Т. 77, № 9.
- Сов. слав. — «Советское славяноведение».
- Сологуб — *А. И. Сологуб*. Об ударении в парадигмах существительных женского рода ед. числа в русских говорах // *ВЯ*, 1980, № 3.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. М.; Л., 1965–.
- Стадникова см. Тугай.
- Станг 1952 — *Chr. Stang*. La langue du livre «Учение и хитрость ратнаго строения пѣхотныхъ людей». Oslo, 1952.
- Станг 1957 — *Chr. Stang*. Slavonic accentuation. Oslo, 1957.
- Станг 1978 — *Chr. Stang*. Zur Frage der Betonung unverbierter Bildungen im Russischen // *Studia linguistica Alexandro Vasilii filio Issatschenko a collegis amicisque oblata*. Lisse, 1978.
- Суц. — статья «Акцентуация существительных в южновеликорусской рукописи XVI в.» в разделе 3 настоящей книги (с. 797–803).
- Тихомиров 1942 — *М. Н. Тихомиров*. Летописные памятники б. Синодального (Патриаршего) собрания // *Исторические записки*. Т. XIII. М., 1942.
- Тоньшин 1912 — *Ф. М. Тоньшин*. Материалы по Рязанской губ. и у., Новосельской в., с. Новосёлки // *Рус. филол. вестник*. Т. 68, № 3. С. 1–22.
- Тугай [Стадникова] 1978 — *Е. В. Тугай*. Различение двух фонем «типа *o*» в старовеликорусской рукописи XVI в. // *Языковая практика и теория языка*. Вып. 2. М., 1978. С. 70–81.
- Тугай [Стадникова] 1983 — *Е. В. Тугай*. К вопросу об эволюции двух фонем «типа *o*» в XVI в. // *Филол. науки*, 1983, № 2. С. 62–68.
- Тугай [Стадникова] 1984 — *Е. В. Стадникова*. Влияние акцентной системы на фонологическую (на материале истории двух фонем "типа *o*" в русском языке). Канд. дис. М., 1984.
- Тугай [Стадникова] 1989 — *Е. В. Стадникова*. Материалы к изучению двух фонем «типа *o*» в старовеликорусском // *Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод*. М., 1989. С. 135–175.

- Тростянский — Диалектологические материалы, собранные В. И. Тростянским, И. С. Гришкиным и др. // Сб. ОРЯС. 1916. Т. 95, № 1. С. 1–65, 125–158.
- Устинова 1974 — *Е. Г. Устинова*. К вопросу об ударении относительных прилагательных с суффиксом *-ое- (-ев-)* в современном русском языке // Языковая практика и теория языка. Вып. 1. М., 1974.
- Устинова 1977 — *Е. Г. Устинова*. Ударение украинских прилагательных с суффиксом *-ов(ий)* // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977.
- Устинова 1980 — *Е. Г. Устинова*. Об ударении префиксальных существительных в современном русском и украинском языках // Актуальные вопросы структурной и прикладной лингвистики. М., 1980.
- Ушаков — Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1–4. М., 1935–1940.
- Федянина — *Н. А. Федянина*. Ударение в современном русском языке. М., 1976.
- Флайер 1977 — *M. S. Flier*. On Obojansk dissimilative jakan'e: the canonical case of absolute neutralisation // Phonology in the 1970's. Los Angeles, 1977. P. 1–90.
- Хабургаев 1980 — *Г. А. Хабургаев*. Становление русского языка. М., 1980.
- Хазагеров 1973б — *Т. Г. Хазагеров*. Ударение как средство дифференциации грамматических форм // ВЯ, 1973, № 4.
- Хазагеров 1973а — *Т. Г. Хазагеров*. Развитие типов ударения в системе русского именного склонения. М., 1973.
- Хивуд — *E. Heawood*. Water-marks mainly of the 17th and 18th centuries. Vol. I. Hilversum, 1950.
- Частотн. — Частотный словарь русского языка / Под ред. Л. Н. Засориной. М., 1977.
- Чернышев Пушк. — *В. И. Чернышев*. Говор Пушкинского района // *В. И. Чернышев*. Избр. труды. Т. 2. М., 1970.
- Шахматов 1914 — *А. А. Шахматов*. Описание Лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии // Изв. ОРЯС. 1914. Т. 18. Кн. 4. С. 178–220.
- Шахматов 1915 — *А. А. Шахматов*. Очерк древнейшего периода истории русского языка. СПб., 1915.
- Шахматов 1964 — *А. А. Шахматов*. Дифтонги *yo* и *ie* в великорусских говорах // ВЯ, 1964, № 5. С. 110–120; № 6. С. 109–118.
- Швайер 1987 — *U. Schweier*. Zum Flexionsakzent in der großrussischen Literatursprache des 16. und des 17. Jahrhunderts. Beschreibung und vergleichende Einordnung der Akzentsysteme der Ostroger Bibel (Neues Testament) von 1580–1581 und der Moskauer Bibel von 1663, München, 1987.
- Шевелев 1978 — *G. Y. Shevelov*. Omega in the Codex Hankenstein // *Studia Linguistica Alexandro Vasilii filio Issatschenko a Collegis Amicisque oblata*. Lisse, 1978. P. 369–386.
- Шевелев 1984 — *G. Y. Shevelov*. An alternative analysis of some language features of "Merilo pravednoe" // *Wiener Slavistischer Almanach* 13, 1984. S. 295–305.
- Шелото — *Г. А. Шелото*. Русское ударение. Ч. 1. Ужгород, 1962.
- Южн. отк. — Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги. М., 1977 (при ссылках название города обозначает соответствующую отказную книгу).
- Якобсон 1963 — *Р. О. Якобсон*. Опыт фонологического подхода к историческим вопросам славянской акцентологии // *American Contributions to the Fifth International Congress of Slavists*. The Hague, 1963.
- Якубинский 1953 — *Л. П. Якубинский*. История древнерусского языка. М., 1953.
- Якше 1965 — *H. Jaksche*. Slavische Akzentuation. II. Slovenisch. Wiesbaden, 1965.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Первые издания публикуемых работ

1. От праславянской акцентуации к русской. — Печатается по изд.: М.: Наука, 1985.
2. Ударение в современном русском склонении // Русский язык в национальной школе, 1963, № 2. С. 7–23.
3. «Условное ударение» в русском словоизменении // ВЯ, 1964, № 1. С. 14–29.
4. Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. Вып. 8. М., 1977. С. 71–119.
5. О некоторых связях между значением и ударением у русских прилагательных // СБЯ: Просодия. М.: Наука, 1989. С. 148–164.
6. Новые данные о русских памятниках XIV–XVII веков с различием двух фонем «типа о» // Сов. слав., 1978, № 3. С. 74–96.
7. Противопоставление букв *o* и *ω* в древнерусской рукописи XIV века «Мерило Праведное» // Сов. слав., 1978, № 5. С. 41–68.
8. Акцентологическая система древнерусской рукописи XIV века «Мерило Праведное» // СБЯ: История литературных языков и письменность. М.: Наука, 1979. С. 47–128.
9. Дополнительные замечания об омеге в «Мериле Праведном» // Сов. слав., 1985, № 4. С. 97–107.
10. Указатель слов // «Мерило Праведное» XIV века как акцентологический источник. München: Otto Sagner, 1990.
11. Глагольная акцентуация в южновеликорусской рукописи XVI в. // СБЯ: Проблемы морфонологии. М.: Наука, 1981. С. 89–174.
12. Перенос ударения на проклитики в старовеликорусском // Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. М.: Наука, 1989. С. 116–134.
13. Ударение просодических комплексов в истории русского языка // Исследования по лингвистике и семиотике: Сб. статей к юбилею Вяч. Вс. Иванова. М.: Языки славянских культур, 2010 (в печати).